Исторія человѣчества.

Томъ четвертый.

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

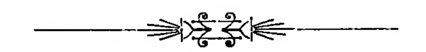
Составители профессора:

Г. Адлеръ, К. Арендтъ, Т. Ахелисъ, К. Г. Брандисъ, Б. Бретгольцъ, В. Вальтеръ, К. Вейле, † Э. гр. Вильчекъ, Г. Винклеръ, Г. ф. Влислоцкій, Э. Гейкъ, К. Гэблеръ, А. Клейншмидтъ, К. Клейнъ, І. Колеръ, Ф. ф. Лушанъ, Р. Майръ, Р. Маренгольцъ, В. Милковичъ, К. Паули, І. Ранке, Ф. Ратцель, К. Сете, Р. ф. Скала, Ал. Тилле, Ар. Тилле, Г. ф. Цвидинекъ-Зюденхорстъ, Э. Шмидтъ, Г. Шіётъ, Г. Шуртцъ, Ю. Юнгъ и др.

подъ общей редакціей д-ра **Г. Гельмольта.**

Полный переводъ съ значительными дополненіями для Россіи избранныхъ русскихъ ученыхъ.

Съ 220 отдѣльными приложеніями, изъ нихъ 50 хромолитографій, 40 картъ въ краскахъ и 130 черныхъ картинъ.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе", Невскій 50.

1903.

Исторія человѣчества.
Всемірная исторія.

Четвертый томъ.

Средиземное море и страны по побережьямъ.

Д-ра **К. Г. Брандиса,** проф. **В. Вальтера,** † **Э. графа Вильчека,** д-ра **Г. Ф. Гельмольта,** проф. **К. Паули,** проф. **Р. фонъ-Скала,** д-ра **Г. Шурца** и проф. **Ю. Юнга.**

Переводъ библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки

А. И. Браудо.

Съ 8 картами, 7 цвѣтными и 15 черными таблицами,
исполненными д-ромъ **Рихардомъ Бономъ, М. Гилльерономъ** и **Оскаромъ Шульцомъ.**

С.-Петербургъ.
Типографія Товарищества „Просвѣщеніе", 7 рота, 20.
1903.

Дозволено цензурою. Спб. 24 іюля 1902 г

Предисловіе.

Четвертый томъ нашей „Всемірной исторіи“ по времени выхода въ свѣтъ занимаетъ второе мѣсто. Хотя съ выпуска I тома прошло немногимъ болѣе полугода, уже теперь видно, что основная идея сочиненія встрѣтила интересъ и сочувствіе. Еще разъ подробно излагать и уяснять здѣсь эту основную идею, конечно. лишнее; съ этой цѣлью достаточно сослаться на первый вступительный отдѣлъ I тома и на статьи нижеподписавшагося издателя въ „Zukunft“ (22 авг. 1896 и 11 февр. 1899) и въ „Beilage zur Allgemeinen Zeitung“ (26 окт. 1899). Кто дастъ себѣ трудъ сравнить съ нашимъ изданіемъ напр. „Geographisch-synchronistische Übersicht der Weltgeschichte“ Теодора Дилица, тотъ, разумѣется, согласится, что всемірно-историческій методъ за послѣднюю половину столѣтія сдѣлалъ безусловно значительные успѣхи. Но „XX-му вѣку предоставлено пожать въ этой области плоды большихъ подготовительныхъ трудовъ, выполненныхъ въ настоящее время спеціальнымъ землевѣдѣніемъ, народовѣдѣніемъ, статистикой, историческимъ изслѣдованіемъ и исторической картографіей“ (Іозефъ Парчъ), плоды, для достиженія которыхъ наше предпріятіе является первой въ своемъ родѣ попыткой установить предварительныя условія.

Предлагаемый томъ, обнимающій земли и народы и историческія событія вокругъ Средиземнаго моря, обязанъ своимъ объемомъ и распланировкой содержанія стремленію — послѣ даннаго въ III томѣ разсмотрѣнія матерьяла, который представляютъ пять тысячелѣтій исторіи Западной Азіи, и передъ настоящимъ вступленіемъ въ исторію европейскаго Запада, — сначала достаточно ознакомиться съ рубежомъ, на которомъ исторически совершился этотъ переходъ. Въ приподнятомъ тонѣ этотъ томъ могъ бы носить заглавіе: „На порогѣ отъ Востока къ Западу“.

Въ этомъ смыслѣ сначала необходимо было прослѣдить историческое развитіе окраинныхъ народовъ восточнаго Средиземнаго моря и Чернаго моря; въ этой рамкѣ очеркъ начала христіанства и его восточнаго развитія занялъ безъ натяжекъ, какъ бы самъ собой, свое единственно настоящее мѣсто. Съ южнаго берега Средиземнаго моря, соотвѣтственно разсмотрѣннаго въ исторіи Сѣверной Африки, мы переходимъ, черезъ море, въ Южную Европу.

Сообразно съ строго проведеннымъ общимъ планомъ, описаніе исторического развитія Южной Европы должно было, съ своей стороны, идти въ направленіи съ востока на западъ: съ Балканскаго полуострова черезъ Апеннинскій, къ Пиренейскому полуострову. Здѣсь, для Балканскаго полуострова и Италіи обиліе источниковъ такъ велико, что для сохраненія размѣровъ книги пришлось допустить раздѣленіе матерьяла, которое, служа только практической цѣли, конечно не должно отразиться на общемъ теченіи исторіи. Поэтому „классическая древность“ еще вошла въ IV томъ, тогда какъ дальнѣйшая судьба Византіи, Греціи и Италіи найдетъ мѣсто въ V и VI томахъ. Исторія-же Испаніи и Португаліи могла быть изложена и въ этомъ томѣ въ непрерывной послѣдовательности.

Вступительный отдѣлъ этого тома требуетъ краткаго введенія. Изъ предисловія къ I тому извѣстно, что 17 октября 1897 вѣрное сотрудничество намъ графа Эдуарда Вильчека было прервано смертью. Очеркъ народовъ Средиземнаго моря — первая по времени статья, ранѣе имъ для насъ написанная. Намъ казалось не неумѣстнымъ дать возможность высказать свои воззрѣнія образованному человѣку, обладающему даромъ озирать широкія области и сводить въ одну талантливую картину пріобрѣтенія и опыты школы и жизни. Въ методѣ, какимъ образцово владѣлъ Леопольдъ фонъ Ранке, намъ здѣсь предлагается доказательство, что море никоимъ образомъ не является только разграничительной областью, но имѣетъ особое историческое значеніе тѣмъ, что смягчаетъ противорѣчія и объединяетъ массы. Введеніе графа Вильчека должно представлять мостъ между Востокомъ и Западомъ. Оно требуетъ ознакомленія въ цѣломъ. Частности найдутся въ слѣдующихъ отдѣлахъ!

За любезную поддержку нашихъ стремленій мы на этотъ разъ считаемъ пріятнымъ долгомъ принести особую благодарность директорамъ археологическаго музея въ Аѳинахъ, королевскихъ музеевъ въ Берлинѣ и герцогской библіотеки въ Готѣ.

Издатели. Редакторъ.

Оглавленіе.

I. Внутренняя историческая связь между народами средиземнаго побережья.

II. Древніе народы по побережьямъ Чернаго и восточной части Средиземнаго морей.

III. Возникновеніе христіанства и распространеніе его на востокѣ.

IV. Сѣверная Африка.

V. Греція.

VI. Первобытное населеніе Апеннинскаго полуострова.

VII. Италія и всемірное господство Рима.

VIII. Пиренейскій полуостровъ.

Списокъ приложеній.

Хромолитографіи.

Черныя картины.

Карты въ краскахъ.

I. Внутренняя историческая связь между народами средиземнаго побережья.

† **Графа Эдуарда Вильчека.**

Переработано

д-ромъ **Гансомъ Ф. Гельмольтомъ.**

1. Народы, населявшіе побережье Средиземнаго моря, какъ средиземная раса.

A. Значеніе Средиземнаго моря въ исторіи человѣчества.

Внѣшній видъ поверхности земного шара обусловливается распредѣленіемъ твердой земли и воды; и то и другое окружено слоемъ растяжимой массы — атмосферой. Въ такой же степени, въ какой всѣ земные организмы связаны въ существованіи своемъ съ землей и находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ атмосферы, въ такой же точно они связаны во всемъ своемъ существованіи съ тѣмъ элементомъ, который легче всего и чаще всего мѣняетъ свое аггрегатное состояніе, а именно — съ водой. Постоянный, не прекращающійся переходъ этого элемента изъ каплевиднаго состоянія въ тягучее, и, наоборотъ, его закономѣрное перемѣщеніе изъ одного вмѣстилища въ другое — изъ океана въ атмосферу — въ видѣ испареній и осадковъ, — все это является зародышемъ, первопричиной и условіемъ существованія всякой органической жизни, всякаго органическаго существа.

Все живетъ водою; и въ общемъ и въ частности вода является элементомъ, дающимъ жизнь, основнымъ условіемъ возникновенія всякаго органическаго бытія, завершающимъ въ то же время его окончательное развитіе. Для историка поверхность земного шара совпадаетъ съ понятіемъ о мірѣ, о вселенной, о единственной исключительной аренѣ, на которой совершаются событія. Между научными путями, ведущими къ познанію истины, мыслящее существо обращается преимущественно къ изученію природы и къ исторіи. И на томъ и на другомъ пути наблюдатель сознательно и добровольно ограничиваетъ рамки своего изслѣдованія, отказываясь отъ проникновенія въ явленія, временемъ и пространствомъ выходящія за предѣлы земного шара. Особенно ограничиваетъ поле изученія историкъ; онъ ограничиваетъ его и временемъ и пространствомъ и наблюдаетъ только человѣка. Единичная личность и ея организмъ принадлежатъ къ области естествознанія, исторія же напротивъ того изучаетъ составныя части единицы болѣе высокаго порядка, единицы, которая, диференцируясь въ семью, племя, народъ, націю и расу, находитъ свое полное выраженіе въ понятіи человѣчества. Тѣ вліянія, которыя человѣкъ оказываетъ, какъ существо, обитающее на землѣ, и въ сношеніяхъ съ подобными себѣ, тѣ физіологическія и этнологическія, а еще болѣе духовныя и общественныя видоизмѣненія, которыя ему самому приходится при этомъ испытать, это непрестанное, обоюдное взаимодѣйствіе и является настоящей областью изученія для исторіи человѣчества.

Прекрасными словами Өалесъ во второй части „Фауста" привѣтствуетъ море: „Alles ist aus dem Wasser entsprungen, Alles wird durch das Wasser erhalten. Ocean, gönn' uns dein ewiges Walten!". И не только поэтъ и художникъ, какъ другъ красоты, но и историкъ, какъ другъ истины, имѣетъ полное основаніе привѣтствовать океанъ, который создаетъ жизнь и поддерживаетъ ее.

Вода — элементъ, необходимый для зарожденія и для жизни каждаго организма: растенія, животнаго, человѣка. То, чѣмъ вода является для каждаго отдѣльнаго человѣка, то самое сумма воды, называемая моремъ, составляетъ для суммы человѣческихъ организмовъ — для народовъ, для всего человѣчества. Вліяніе воды не ограничивается физической стороной человѣческой природы, напротивъ того съ несравненно большей силой оно сказывается на духовной ея сторонѣ. Въ отдѣльномъ человѣкѣ она оказываетъ громадное и благотворное вліяніе на его умъ, въ групповой организаціи она поддерживаетъ сознаніе общности, въ народахъ и націяхъ содѣйствуетъ развитію культуры. И тѣмъ очевиднѣе это явленіе, чѣмъ ближе связь, установившаяся между способною къ заселенію землею и объединяющимъ эту землю моремъ. Въ особенности же сильно и очевидно это вліяніе сказалось на народахъ, заселившихъ окраины Средиземнаго моря, которое уже Ѳалесу должно было представляться олицетвореніемъ океана. Задача исторіи человѣчества состоитъ конечно не въ хронологическомъ пересказѣ событій; она должна прослѣдить зарожденіе и развитіе культуры, выяснить ея внутреннюю связь съ естественными условіями происходящихъ на землѣ событій, освѣтить все то, что, несмотря на разницу въ строеніи тѣла, цвѣтѣ кожи, языкѣ, правахъ и чувствахъ, остается общимъ всему человѣчеству. Поэтому-то историческое изученіе населенныхъ странъ, лежащихъ по Средиземному морю, его береговъ и острововъ представляется не только особенно важнымъ, но въ предѣлахъ нашей „исторіи человѣчества“ прямо-таки безусловно необходимымъ.

Міровое значеніе Средиземнаго моря прежде всего обусловлено его географическимъ положеніемъ. На сравнительно небольшомъ пространствѣ оно заключено между тремя частями свѣта, весьма различными какъ въ физическомъ, такъ въ этнографическомъ отношеніяхъ. Если мы представимъ себѣ „столпы Геркулеса“, проливъ, черезъ который Средиземное море такъ глубоко врѣзывается во внутренность материка, закрытыми, а площадь, занятую Средиземнымъ моремъ и его придатками на востокѣ (Мраморнымъ, Чернымъ и Азовскимъ — морями), высохшей, то материкъ „стараго свѣта“ представился бы намъ въ видѣ нераздѣльнаго цѣлаго. Безъ какихъ-либо рѣзко очерченныхъ границъ эти три части свѣта переходили бы одна въ другую и образовали бы одну земельную единицу, въ которой вслѣдствіе ея колоссальнаго протяженія должны были бы создаться такія же неблагопріятныя климатическія и метеорологическія условія, какія мы наблюдаемъ въ Средней Азіи. Въ дѣйствительности же Средиземное море, какъ придатокъ океана, образовало изъ этой земельной массы три отдѣльныя рѣзко отграниченныя одна отъ другой части, изъ которыхъ каждая сама по себѣ достаточно велика для того, чтобы образовать легко отличимую самостоятельную часть свѣта. Очертанія Европы, Азіи и Африки создались такимъ образомъ почти только благодаря Средиземному морю, хотя особой рѣзкости этихъ очертаній способствовалъ, между прочимъ, и другой придатокъ Индійскаго океана, а именно Красное море. Лишь восточная граница между Европой и Азіей остается неопредѣленной и именно потому, что она находится внѣ сферы вліянія Средиземнаго моря, дающаго контуры и форму. Благодаря рѣзкому отграниченію трехъ частей свѣта одной отъ другой, физическія особенности каждой, вмѣстѣ со всѣми происходящими отъ нихъ мѣстными вліяніями, выступаютъ съ несравненно бо́льшей рѣзкостью, чѣмъ какая была бы возможна, если бы между ними не лежало моря, и онѣ постепенно переходили бы одна въ другую на самомъ материкѣ. Это какъ нельзя лучше подтверждается восточной границей между Европой и Азіей. Средиземное море не только опредѣляетъ внѣшніе контуры трехъ частей свѣта, но оно кромѣ того поразительнымъ образомъ сохраняетъ каждой изъ нихъ ея своеобразный характеръ со всѣми его особенностями.

Но это водное зеркало не только разъединяетъ, оно въ то же время объединяетъ и сглаживаетъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ рѣзкія различія. Прежде всего оно несетъ глубоко внутрь материка тѣ метеорологическія и климатологическія благодѣянія, которыя приноситъ съ собою океанъ, и создаетъ странамъ, имъ омываемымъ, преимущества, которыхъ лишены материки, представляющіе изъ себя слишкомъ большія земельныя массы. Благодаря Средиземному морю мы на югѣ Европы и западѣ Азіи наблюдаемъ климатъ, столь благопріятный для развитія полезной органической жизни, а слѣдовательно и для созданія условій, необходимыхъ для человѣческаго существованія, что подобнаго ему не встрѣчается на земномъ шарѣ. Правда, современное положеніе сѣвернаго африканскаго побережья, казалось бы, противорѣчитъ этому; въ дѣйствительности однако, несмотря на теперешнюю пустынность побережья Сиртовъ, даже сирійскаго, остается несомнѣннымъ, что въ побережьи Средиземнаго моря мы и теперь имѣемъ въ различной степени всѣ типическія особенности умѣреннаго пояса, который для человѣческой природы представляется наиболѣе подходящимъ и полезнымъ. Во всякомъ случаѣ бассейнъ Средиземнаго моря, несмотря на крайнее разнообразіе отдѣльныхъ его частей, должно признать географической единицей: общій берегъ рѣзко отграниченной водной поверхности неизбѣжно создаетъ между берегами неразрывную географическую связь. Каждый организмъ находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ той почвы, на которой онъ выросъ или на которую былъ пересаженъ, почвы, изъ которой онъ извлекаетъ всѣ естественныя условія своего существованія. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ, гдѣ эти естественныя условія благопріятны, ихъ вліяніе на проявленіе жизненной дѣятельности могутъ сказаться только благотворно, и наоборотъ. Это благотворное вліяніе въ области бассейна Средиземнаго моря и сказывается въ дѣйствительности съ древнѣйшихъ временъ; оно привело къ тому, что бассейнъ этотъ является единицей не только географической, но и исторической; онъ является фокусомъ, въ которомъ сосредоточились сознательно или безсознательно однородныя стремленія значительной части всего человѣчества. Поэтому-то Средиземное море является прекраснымъ доказательствомъ ученія объ общности всего рода человѣческаго.

Б. Заселеніе береговъ Средиземнаго моря.

Уже въ тѣ времена, когда первые лучи музы Кліо только-что начали освѣщать страны, прилегающія къ Средиземному морю, существовалъ рядъ народовъ, которые отличались другъ отъ друга внѣшнимъ видомъ, образомъ жизни и общественными учрежденіями; въ отдѣльныхъ группахъ характеръ расы былъ рѣзко выраженъ. Берега Средиземнаго моря уже очень рано были заселены тремя расами — индогерманцами, семитами и берберами. Въ общемъ эти группы почти вполнѣ соотвѣтствуютъ тремъ частямъ свѣта — европейское побережье было заселено большею частью индогерманцами (иберійцы, кельты, пелазги, этруски, оскеры, ѳракійцы и др.), азіатское — большею частью семитами (евреи, финикіяне, арабы и др.), африканское же большею частью берберами. Встрѣчаются, конечно, нѣкоторыя уклоненія отъ только-что приведенной схемы, такъ напримѣръ въ Малой Азіи жили также племена арійскаго и до-арійскаго происхожденія (хетійскаго), а въ Египтѣ жилъ смѣшанный народъ, котораго мы не можемъ отнести ни къ одной изъ упомянутыхъ группъ.

Самые ранніе достовѣрные или, вѣрнѣе сказать, хронологически установленные памятники (постройки, надписи и т. п.) мы встрѣчаемъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря, а именно въ Египтѣ, причемъ къ этому бассейну мы относимъ всѣ страны, рѣки которыхъ изливаются въ Средиземное море. Разрѣшать вопросы о томъ, дѣйствительно ли самые ранніе па-

мятники Египта старше памятниковъ Месопотаміи, Индіи и культурныхъ странъ Восточной Азіи, не входитъ въ нашу задачу. Во всякомъ случаѣ предъявленныя египетскими памятниками доказательства времени своего возникновенія принадлежатъ къ старѣйшимъ въ исторіи: они восходятъ къ 26-му столѣтію до Рождества Христова, — таковы пирамиды Датура и Гизе. Еще старше хронологическія показанія Ѳиванскаго верховнаго жреца и историка Манеѳона. Въ то время, какъ достовѣрные вещественные памятники китайской исторіи восходятъ къ 9-му столѣтію до Р. Х., исторіи евреевъ къ 10-му, а древнѣйшія индійскія веды съ трудомъ доходятъ до 15-го вѣка, списки фараоновъ, составленные Манеѳономъ и нашедшіе себѣ подтвержденіе въ новѣйшихъ раскопкахъ, относятся къ несравненно болѣе раннему времени: даже при томъ необходимомъ предположеніи, что изъ упомянутыхъ Манеѳономъ династій нѣкоторыя, вслѣдствіе происходившихъ раздѣловъ государства, царствовали одновременно, мы все-таки при самомъ осторожномъ исчисленіи должны придти къ заключенію, что старѣйшая изъ династій относится къ 3000 г. до Р. Х. Если мы примемъ далѣе во вниманіе, что такія постройки, какъ большая пирамида Хуфу, заставляютъ насъ предположить существованіе въ моментъ постройки культуры, развитіе которой опять-таки требовало долгаго времени, то мы признаемъ возможность еще болѣе раннихъ хронологическихъ датъ. Установленнымъ нужно во всякомъ случаѣ признать то, что между странами, прилегающими къ Средиземному морю, Египетъ является первымъ государствомъ, а Мемфисъ первымъ городомъ, называемымъ исторіей, той — исторіей, которая изъ сумеречнаго мрака, окутывающаго легенды о богахъ и герояхъ, возвысилась уже до записи дѣйствительныхъ событій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Египетъ первая страна по Средиземному побережью съ населеніемъ осѣдлымъ и создавшимъ уже условія, которыя въ жизни народа указываютъ на наличность высокой культуры: здѣсь мы впервые встрѣчаемъ способность къ государственной организаціи, сознательное подчиненіе каждаго индивида единой волѣ, которая по отношенію къ нему и для его же защиты представляетъ собою цѣлое. Исходитъ ли эта единая воля отъ отдѣльной личности, отъ цѣлаго общественнаго класса (касты) или отъ общепризнаннаго, нашедшаго себѣ выраженіе въ „законѣ“ принципа — безразлично; существенны лишь самая наличность такой воли и ея способность направлять волю другихъ въ желательномъ для нея направленіи. Въ государствѣ египтянъ эта воля проявилась очень сильно въ связи съ строгой кастовой организаціей и сковала народъ въ твердыя формы. Значеніе той роли, какая принадлежитъ Средиземному морю въ развитіи всего человѣчества, и выясняется особенно ярко тѣмъ обстоятельствомъ, что именно на его берегахъ такъ рано возникла стройная государственная организація. Удивительнымъ остается при этомъ лишь то, что именно Египетъ принималъ въ исторіи этого развитія слабое участіе.

Правда, впрочемъ, что въ то время, когда египтяне достигли уже высокой степени культуры, прочіе народы, заселившіе побережье Средиземнаго моря, блуждали въ полнѣйшей тьмѣ. Трудно даже опредѣлить тотъ моментъ, когда они выступаютъ дѣятельнымъ факторомъ въ исторіи человѣчества. Отъ кочующихъ берберовъ, которые до переселенія сюда финикіянъ обитали по сѣверному побережью Африки, не осталось почти никакихъ слѣдовъ; ибо трудно предположить, что подъ „непобѣдимыми эѳіопами“ греческихъ, халдейскихъ и египетскихъ сказаній можно было бы понимать берберовъ. Только со временъ пунійцевъ, которые берберскимъ племенамъ принесли государственную организацію, послѣднія начинаютъ дѣятельно выступать на арену.

Что касается семитовъ, то мы встрѣчаемъ ихъ въ исторіи впервые подъ именемъ „гиксовъ“, какъ египтяне называли племена, кочевавшія

по Сирійскому берегу Азіи; отсюда они около 1800 г. до Р. Х. напали на сосѣдній Египетъ, отчасти завоевали его и осѣли здѣсь на долгое время. Несомнѣнно въ внутренней связи съ этими событіями находится переселеніе Авраама, вождя кочевого семитскаго племени, изъ Халдеи въ Ханаанъ (около 2000 г. до Р. Х.) и послѣдовавшее позже переселеніе евреевъ въ Египетъ, куда они были призваны „Іосифомъ". То обстоятельство, что именно въ это время родственное іудеямъ племя „гиксовъ" захватило власть въ Нижнемъ Египтѣ, несомнѣнно благопріятствовало переселенію евреевъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій пребыванія въ этой странѣ превратились въ многочисленный народъ и пріучились къ осѣдлости и занятію земледѣліемъ. Но послѣ того, какъ около 1550 г. до Р. Х. національное возстаніе египтянъ привело къ изгнанію изъ страны „гиксовъ", захватившихъ въ свои руки власть, и евреи стали, въ качествѣ чуждыхъ пришельцевъ, подвергаться притѣсненіямъ, пока они подъ предводительствомъ ихъ законодателя Моисея не оставили страны. Они возвратились въ Азію и, завоевавъ Палестину, основали здѣсь собственное государство. И этому государству родственное имъ племя хананеянъ подготовило почву основаніемъ города Іебусъ — позднѣйшаго Іерусалима. Правда, сознаніе сродства уже исчезло и превратилось во вражду, которая послѣ долгой борьбы закончилась изгнаніемъ, а частью и уничтоженіемъ хананеянъ, однако населеніе побережья — филистимляне — еще въ теченіе долгаго времени оставалось опаснымъ врагомъ для евреевъ. Болѣе раннюю группу въ томъ переселенческомъ движеніи, которое привело евреевъ въ Ханаанъ, составили финикіяне, появляющіеся впервые на сирійскомъ берегу. Быстро понявъ всѣ тѣ преимущества, которыя давала имъ близость моря и богатый лѣсомъ и минералами берегъ, они тотчасъ же принялись энергично за кораблестроеніе и занялись мореплаваніемъ и морскою торговлею; уже при первомъ появленіи своемъ въ исторіи они характеризуются какъ смѣлые мореплаватели и предпріимчивые купцы. Они основываютъ рядъ городовъ не только на родныхъ берегахъ, но и на Кипрѣ и на островахъ Эгейскаго моря, и распространяются отсюда все дальше и дальше на западъ.

Особенно трудно опредѣлить моментъ перваго появленія въ исторіи индогерманскихъ племенъ, которые населяли сѣверный край бассейна Средиземнаго моря, т.-е. южную Европу, страны Понта и Малую Азію. У нихъ, какъ и у жителей Индіи, имѣется такой же богатый циклъ сказаній о богахъ и герояхъ, обязанный по всей вѣроятности своимъ происхожденіемъ событіямъ, которыя неизгладимо запечатлѣлись въ памяти позднѣйшихъ поколѣній; но только въ очень рѣдкихъ случаяхъ можно поставить эти сказанія въ связь съ дѣйствительными событіями и еще труднѣе установить ихъ хронологію.

Во всякомъ случаѣ при первомъ своемъ появленіи въ исторіи индогерманскія племена, обитавшія по берегамъ Средиземнаго моря, стоятъ уже на сравнительно высокой ступени культуры; это уже осѣдлый народъ, живущій въ горахъ и занимающійся земледѣліемъ. У нѣкоторыхъ мы встрѣчаемъ уже искусство и художественную промышленность; такъ, особенно древняго происхожденія повидимому извѣстное этрускамъ въ Верхней Италіи искусство обработки металловъ. Первыми исторія называетъ пелазговъ, но это имя обозначаетъ скорѣе не какой-либо опредѣленный народъ, а самый ранній культурный вѣкъ индогерманскаго племени, которое позднѣе распалось на италиковъ и эллиновъ и кромѣ того въ лицѣ ѳракійцевъ и иллирійцевъ оставило вѣтви, которыя дошли до нашего времени (албанцы?), словно эрратическіе камни этнографіи. И пелазги съ самыхъ древнихъ временъ являются народомъ осѣдлымъ. Остатки ихъ построекъ сохранились въ видѣ такъ называемыхъ „циклопическихъ стѣнъ" въ Арголидѣ (Тиринфъ и Микены). Они основали

много городовъ, между которыми особенно часто встрѣчается имя Ларисса. Слабой хронологической точкой опоры можетъ служить передаваемое сказаніями основаніе Миносомъ государства на островѣ Критѣ приблизительно около 1400 г. до Р. Х. Съ именемъ Миноса связанъ рядъ мудрыхъ законовъ и общественныхъ учрежденій, которые сдѣлали изъ Крита одинъ изъ древнѣйшихъ очаговъ болѣе высокой культуры. Братъ Миноса, Сарпедонъ, основалъ, какъ гласитъ дальше то же сказаніе, на южномъ берегу Малой Азіи царство ликіянъ, которые уже очень рано отличались произведеніями искусства (храмъ Аполлона въ Патарѣ); къ западу отъ нихъ было разбойничье государство морскихъ пиратовъ карійцевъ (см. стр. 52 и 67). Приблизительно въ то же время Тевкръ, какъ передаетъ сказаніе, на западномъ берегу Малой Азіи основалъ государство дарданцевъ, столицей котораго сталъ знаменитый Иліонъ (Троя). Греческіе миѳы, если отбросить все привнесенное въ нихъ поэтической формой, представляютъ вообще значительный интересъ въ качествѣ историческаго памятника. Такъ, въ сказаніи о походѣ Язона въ Колхиду и о походѣ аргонавтовъ сохранилось воспоминаніе о первыхъ морскихъ предпріятіяхъ греческихъ племенъ, въ сказаніяхъ о подвигахъ Геркулеса, Тезея, Персея и другихъ героевъ — воспоминаніе о цивилизаторской дѣятельности могущественныхъ правителей.

Особенно долго остается погруженнымъ въ тьму населеніе западныхъ береговъ Средиземнаго моря. Та эпоха, когда полумиѳическіе обитатели ихъ послѣ долгой борьбы слились вмѣстѣ съ кельтами, переселеніе которыхъ сюда относится также ко времени доисторическому, въ новые народы — кельтиберовъ, аквитанцевъ, арморикoвъ и галловъ, не можетъ быть даже и приблизительно опредѣлена. Первымъ историческимъ событіемъ является здѣсь основаніе на берегахъ Испаніи колоніи финикійскими мореплавателями; около 1100 г. былъ основанъ Гадесъ или Кадицъ. Почти въ то же время тѣ же самые финикіяне основываютъ колонію Утику на сѣверномъ берегу Африки и тѣмъ самымъ освѣщаютъ исторію южнаго побережья Средиземнаго моря. Послѣдовавшее же нѣсколько позже (около 814 г.) основаніе Карѳагена освѣщаетъ намъ первыя попытки созданія самостоятельныхъ берберскихъ государствъ (царь нумидійскій Ярбасъ). Впослѣдствіи Карѳагенъ отложился отъ своей финикійской метрополіи и самъ сдѣлался центромъ могущественнаго государства. За мореплавателями финикіянами послѣдовали греки разныхъ племенъ и также основали рядъ городовъ, колоній, сначала въ южной Италіи и Сициліи, затѣмъ, подвигаясь все дальше на западъ, въ Испаніи (Сагунтъ), въ Африкѣ (Кирена 631 г.) и въ Аквитаніи (Массилія или Марсель 600 г.). Эти въ свою очередь стали сами центрами цвѣтущихъ колоній и вмѣстѣ съ финикійскими не мало содѣйствовали созданію многочисленныхъ точекъ соприкосновенія между тремя главными племенами, заселившими берега Средиземнаго моря: индогерманцами, семитами и берберами — и образованію благодаря этому изъ этихъ трехъ племенъ единой средиземной расы, которая въ культурной исторіи человѣчества занимаетъ выдающееся положеніе и оказала рѣшающее вліяніе на ходъ его развитія.

Все это въ свою очередь есть слѣдствіе вліянія, оказываемаго Средиземнымъ моремъ. Если мы двѣ соединенныя металлической дугой пластинки изъ разныхъ металловъ, напримѣръ изъ мѣди и цинка, опустимъ однимъ концомъ въ жидкость, заключающую въ себѣ соли или кислоты, то образуется электрическій токъ, переходящій при посредствѣ жидкости, служащей проводникомъ, отъ цинка къ мѣди, а отъ послѣдней при посредствѣ соединительной дуги обратно къ цинку. Отведенное электричество возстановляется вновь, почему и получается непрерывный электрическій токъ. Если мы вмѣсто металлическихъ пластинокъ представимъ себѣ различные народы, вмѣсто соединительной металлической дуги соединяющій эти народы бе-

регъ моря, вмѣсто жидкости, содержащей соли, море, то мы, какъ и у гальваническаго тока, можемъ наблюдать возникновеніе духовной связи, какъ слѣдствіе матеріальнаго соприкосновенія. Эта связь при посредствѣ моря распространяется отъ одного берега къ другому, отъ народа къ народу и самостоятельно постоянно возобновляется. Море — это въ данномъ случаѣ прекрасный проводникъ для созданія сначала матеріальной, а затѣмъ и проистекающей изъ нея интеллектуальной связи; сплошныя материковыя массы являются напротивъ того весьма плохими проводниками. Море облегчаетъ сношенія и побуждаетъ къ нимъ, на сушѣ же горы, болота, безводныя степи препятствуютъ сближенію. И чѣмъ ближе другъ къ другу противолежащіе берега, тѣмъ болѣе соединяющая ихъ водная поверхность содѣйствуетъ обмѣну возникающихъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ стремленій и попытокъ ихъ осуществленія. Море расширяетъ взоръ человѣка, пріучая его къ неизмѣримымъ разстояніямъ; за взоромъ слѣдуетъ мысль, за мыслью фантазія, за послѣдней же желаніе и наконецъ дѣйствіе. Уже давно извѣстно, что кругозоръ горныхъ народовъ не переходитъ за предѣлы родныхъ имъ горъ; имъ совершенно безразлично знать, живутъ ли также и за горами люди; въ ихъ узкій, ограниченный горизонтъ укладывается всецѣло міръ ихъ мыслей. Народы же, живущіе по берегамъ моря (индійцы, египтяне, арабы), почти всегда преисполнены жаждой знанія, къ которому ихъ побуждаетъ необозримый горизонтъ, открываемый имъ моремъ.

Правда, стремленіе къ странствованію, къ переселеніямъ, часто очень развито и у народовъ, населяющихъ внутренность материка; но въ этихъ случаяхъ оно вызывается совершенно иными причинами и влечетъ за собой иныя послѣдствія. Разъ такой народъ двинулся съ мѣста, онъ никогда не возвратится къ своему исходному пункту; его движеніе есть окончательная перемѣна мѣста осѣдлости; онъ движется неуклонно по принятому имъ направленію до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ намѣченной цѣли или не встрѣтитъ на пути непреодолимаго препятствія. Народъ же, живущій по берегу моря, находится напротивъ того одной частью своей въ постоянномъ движеніи; онъ смотритъ на родной берегъ, какъ на неизмѣнное мѣсто жительства, къ которому онъ постоянно возвращается и который старается обогатить всѣмъ тѣмъ, чего ему не дала природа и что ему могутъ дать чужія страны. Народъ, населяющій внутренность материка, странствуетъ, прибрежный же поддерживаетъ лишь постоянныя живыя сношенія съ другими народами. Отсюда и происходитъ главное различіе обоихъ видовъ передвиженія. Странствующій народъ вступаетъ съ народами, встрѣчающимися на его пути, прежде всего въ непріязненныя отношенія; онъ долженъ вытѣснить ихъ, покорить, уничтожить, въ противномъ случаѣ онъ будетъ самъ покоренъ или уничтоженъ. Прибрежный же народъ имѣетъ свободу выбора; онъ можетъ завязать съ другимъ народомъ дружественныя сношенія или же стать его врагомъ. Въ большинствѣ случаевъ мы видимъ какъ тѣ, такъ и другія отношенія. Главный импульсъ у такихъ народовъ — пріобрѣтеніе. Пріобрѣтать же можно какъ насильственнымъ путемъ, захватывая чужое имущество, такъ и путемъ мирнаго обмѣна имущества и различныхъ продуктовъ, а также полученія ихъ за извѣстную плату.

И дѣйствительно, всѣ почти народы древняго міра, жившіе на берегахъ моря, выступаютъ одновременно въ качествѣ колонизаторовъ-завоевателей, торговцевъ и морскихъ пиратовъ. Нельзя забывать, что международноправовое понятіе о неприкосновенности чужого имущества было совершенно чуждо античному міровоззрѣнію, и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что какъ бы вредно ни отражалось отсутствіе этого правового понятія на интересахъ отдѣльныхъ лицъ и небольшихъ группъ, на развитіе всего человѣчества оно несомнѣнно оказало благотворное вліяніе. Бла-

годаря этому обстоятельству на томъ сравнительно небольшомъ пространствѣ, какой представляетъ собою бассейнъ Средиземнаго моря, образовался на большихъ плоскостяхъ соединенія отдѣльныхъ его частей безконечный рядъ маленькихъ мѣстныхъ поверхностей, на которыхъ поддерживалось постоянное треніе. Возвращаясь къ прежней аналогіи, мы должны вспомнить, что и треніе разнородныхъ элементовъ также рождаетъ электрическіе токи, и большой гальваническій токъ, вызванный соприкосновеніемъ, усиливается безконечнымъ рядомъ небольшихъ токовъ, созданныхъ треніемъ. Точно также и здѣсь рядомъ съ проявленіями духа общественности, вызваннаго дружественнымъ и враждебнымъ соприкосновеніемъ сосѣднихъ другъ другу народныхъ массъ, образуются безчисленныя проявленія личнаго характера, которыя въ совокупности своей опять-таки оказываютъ обратное весьма плодотворное воздѣйствіе на духовную жизнь всего человѣчества. То обстоятельство, что всѣ эти проявленія направлены къ достиженію цѣлей своекорыстныхъ и къ улучшенію матеріальныхъ условій существованія, не мѣняетъ дѣла, ибо обезпеченіе средствъ существованія, даже извѣстной доли достатка, несомнѣнно является непремѣннымъ условіемъ развитія всякой духовной культуры.

Въ области Средиземнаго моря мы большинство народовъ (за исключеніемъ египтянъ) встрѣчаемъ въ движеніи, которое распространялось какъ на сушу, такъ и на море. Когда и изъ какого центральнаго пункта данъ былъ толчокъ, которымъ одинъ народъ за другимъ приводился въ движеніе, не прекращавшееся въ теченіе тысячелѣтій, какія причины вызвали это движеніе, это все вопросы, на которые отвѣтъ можетъ дать и когда-нибудь дастъ только изученіе до-историческаго періода нашей исторіи. Мы же должны ограничиться констатированіемъ существованія этого движенія уже въ до-историческія времена и указать, какъ оно неудержимо стремилось отъ востока къ западу, и только изрѣдка въ отдѣльныхъ немногочисленныхъ пунктахъ принимало обратное направленіе и то лишь на короткое время. Наблюдая далѣе это движеніе народныхъ волнъ отъ востока къ западу, мы видимъ, что какъ только оно, достигнувъ Средиземнаго моря, раздѣлилось на два теченія — сѣверное и южное, въ первомъ оказались преобладающимъ элементомъ индо-германцы, во второмъ — семиты; на морѣ же оба элемента соединяются для общаго поступательнаго движенія.

По сѣвернымъ берегамъ Средиземнаго моря слѣды переселенія народовъ наблюдаются какъ бы въ геологическихъ наслоеніяхъ; изъ этого можно заключить, что промежутки между моментами перемѣны мѣста жительства отдѣльными народами были достаточно велики, чтобы дать имъ возможность пріобрѣсть осѣдлость. Надъ иберійцами, арморикамии и аквитанцами мы видимъ слой кельтовъ; за нимъ вслѣдствіе смѣшенія слой кельтиберовъ и галловъ; надъ пелазгами слои италиковъ и эллиновъ; надъ древними народами Понта, скиѳами и сарматами, — слой армянъ и т. д. И уже появляются вдали на горизонтѣ, надвигаясь съ востока, сначала въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, новые члены великой индо-германской семьи народовъ, германцы и славяне, которые призваны были совершить міровой переворотъ. На южномъ побережьи Средиземнаго моря мы уже наблюдали напоръ семитическихъ племенъ къ западу (см. выше стр. 6); вмѣстѣ съ тѣмъ мы въ возвращеніи гиксовъ и іудеевъ въ Азію видѣли также примѣръ обратнаго движенія народа. Но историческое значеніе этого событія отступаетъ на задній планъ предъ проникновеніемъ семитовъ — вавилонянъ и ассирійцевъ — къ восточному краю Средиземнаго моря; позже за ними послѣдовали арійскіе народы бактровъ, мидянъ и персовъ. Всѣ эти событія, закончившіяся завоеваніемъ Египта персами, привели къ тому, что въ концѣ концовъ арійскій элементъ охватываетъ также и восточные и южные берега Средиземнаго моря; семиты же, оттѣсняемые все больше и больше къ западу въ лицѣ карѳагенянъ, воспрянули

съ новой силой и завоеваніемъ Сициліи, Сардиніи, Корсики и Испаніи переходятъ даже въ Европу.

B. **Всемірно-историческое значеніе народныхъ переселеній.**

Какъ ни разнообразно было это передвиженіе народовъ, отдѣльные примѣры котораго мы только-что привели, ему всегда присуща была одна основная черта: оно всегда достигало своей цѣли и заканчивалось у Средиземнаго моря. И этому явленію имѣется совершенно естественное объясненіе. Великое, длящееся тысячелѣтія, движеніе народовъ отъ востока къ западу своими передовыми отрядами всегда должно было наткнуться на берегъ Атлантическаго океана, который ставилъ предѣлъ дальнѣйшему движенію. Но такъ какъ сзади продолжали напирать народныя массы, то передовой отрядъ долженъ былъ, если онъ не желалъ быть сброшеннымъ въ море, отойти въ сторону, и часть его попадала такимъ образомъ къ берегамъ Средиземнаго моря; но такъ какъ и оно въ свою очередь также являлось препятствіемъ дальнѣйшему движенію, то невольно возникалъ тотъ же вопросъ, какъ поступать дальше? Завоевать себѣ возможность обратнаго пути противъ напора надвигающихся сзади массъ — было невозможно; помимо того и воспоминаніе о родинѣ успѣло тѣмъ временемъ почти окончательно исчезнуть. Пришельцамъ не оставалось поэтому ничего другого, какъ основаться на новыхъ мѣстахъ и такъ или иначе защищаться противъ надвигающихся за ними массъ. Принять такое рѣшеніе было тѣмъ легче, что къ нему привлекало смѣющееся синее небо, раскрывавшееся надъ Средиземнымъ моремъ, пріятный климатъ, природная роскошь омываемой моремъ мѣстности, ея роскошная растительность и богатое царство животныхъ; наконецъ возможность безъ всякихъ усилій обезпечить себѣ всѣ необходимыя къ существованію средства. Все это вмѣстѣ вело къ тому, что каждый новый пришелецъ смотрѣлъ на побережье Средиземнаго моря, въ особенности на европейское, какъ на желанную родину, за которую стоитъ бороться, чтобы сохранить ее за собой навсегда. Къ тому же необычайная изрѣзанность сѣверной и восточной частей моря въ связи съ большимъ числомъ близко лежащихъ и легко достижимыхъ острововъ на долгое время обезпечивала необходимыя для дальнѣйшаго распространенія пространства. А затѣмъ и само море являлось неисчерпаемымъ источникомъ легкаго и вѣрнаго заработка. То же самое явленіе повторяется постоянно изъ вѣка въ вѣкъ отъ одного народа къ другому; оно повторяется съ неизбѣжностью естественнаго закона природы. Благодаря ему Средиземное море стало громаднымъ всеобщимъ волнорѣзомъ для движенія народовъ древняго міра, громаднымъ бассейномъ, въ который стеклась большая часть народовъ этого міра; здѣсь они успокоились и подъ вліяніемъ близкаго общенія между собою поразительно быстро пережили рядъ быстро смѣняющихъ одна другую метаморфозъ. Понятіе покоя, въ данномъ случаѣ однако очень относительное, можетъ быть здѣсь употреблено только въ противоположность предшествовавшему состоянію неспокойствія. Ибо во всѣхъ другихъ отношеніяхъ всѣ народы именно съ момента своего поселенія на берегу Средиземнаго моря начинаютъ проявлять особенно живую какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю дѣятельность. Внѣшняя дѣятельность выражается въ дружественныхъ и враждебныхъ сношеніяхъ съ сосѣдями, въ торговыхъ сношеніяхъ, въ завоеваніяхъ и въ самозащитѣ; внутренняя проявлялась въ болѣе стройной и прочной организаціи общественнаго строя, въ созданіи государственныхъ организацій и въ особенности въ развитіи наукъ, искусствъ особенно на пользу всего человѣчества. Поразительно, какой крупный шагъ впередъ по пути прогресса дѣлаетъ каждый народъ съ того момента, какъ онъ становится осѣдлымъ на берегахъ Средиземнаго моря.

Правда, культура сама по себѣ не является спеціальнымъ продуктомъ одного только Средиземнаго моря. Древнѣйшіе, знаменитѣйшіе очаги культуры мы находимъ и на дальнемъ Востокѣ: въ Халдеѣ, въ Иранскомъ плоскогоріи, въ Индіи и Китаѣ; и конечно на берегахъ Средиземнаго моря развились именно тѣ самыя сѣмена халдейской и иранской культуры, которыя семитическія и арійскія племена несли съ собой во время своихъ странствованій. Но именно развитіе зародышей культуры на берегахъ Средиземнаго моря — за исключеніемъ опять-таки Египта—подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій принимаетъ совершенно иное направленіе, чѣмъ на ихъ далекой родинѣ, на Востокѣ. Въ этой типической особенности духовнаго развитія и заключается внутренняя связь, объединившая группы народовъ, заселившихъ берега Средиземнаго моря, и лучше всего выражаемая понятіемъ средиземной расы. Само собой разумѣется, что послѣднее выраженіе нужно понимать не въ этнографическомъ смыслѣ, а съ точки зрѣнія исторіи человѣчества.

Сравнительно быстро слѣдовавшее одно за другимъ осѣданіе очень раздробившихся, но въ то же время находившихся въ близкомъ между собой родствѣ, народовъ, вело къ быстрому ихъ слiянію и благопріятствовало путемъ частаго воспринятія ими новыхъ элементовъ, частымъ перемѣнамъ языка въ предѣлахъ однѣхъ и тѣхъ же группъ — а вмѣстѣ съ языкомъ и національности. Такъ, въ Италіи, гдѣ никогда не происходило полнаго изгнанія или уничтоженія коренного населенія, мы въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ можемъ наблюдать постепенныя превращенія этого населенія. Изъ первоначальнаго населенія мирнымъ путемъ, безъ борьбы, образовались многочисленные народы италиковъ; они объединились въ римлянъ, а изъ этихъ уже, благодаря смѣшенію съ лангобардами, готами, франками, греками, норманнами и арабами, — итальянцы. Совершенно такія же превращенія происходятъ въ Испаніи и Франціи, а еще чаще въ странахъ, расположенныхъ по восточнымъ берегамъ Средиземнаго моря. Яркій контрастъ этой легкости переходовъ одной національности въ другую представляютъ какъ бы застывшія и почти не измѣнявшіяся въ своихъ формахъ народности Восточно-Азіатскихъ странъ; въ ограниченномъ самодовольствіи онѣ лишь очень слабо развиваютъ свою культуру и въ этомъ смыслѣ являются безплоднымъ отпрыскомъ общей культурной жизни человѣчества. Народы средиземнаго побережья находятся напротивъ того вѣчно въ состояніи постояннаго превращенія; постоянное треніе возбуждающимъ образомъ дѣйствуетъ на всѣ стороны ихъ физической и духовной природы, поддерживаетъ въ ней непрерывное броженіе, которое ведетъ народъ временами къ прогрессу, временами же къ упадку, но во всякомъ случаѣ вызываетъ энергическое проявленіе жизненной его силы.

Немаловажнымъ оказалось для всѣхъ этихъ народовъ то обстоятельство, что они въ теченіе долгаго странствованія изъ своего первоначальнаго мѣста жительства къ тѣмъ берегамъ, которые стали для нихъ второй родиной, постепенно освободились отъ кастоваго строя, который для первобытныхъ народовъ всегда является сильнымъ тормозомъ на пути развитія.

Каста — учрежденіе самаго древняго періода — не было характернымъ признакомъ спеціально какого-либо одного племени. Мы встрѣчаемъ касты въ чистомъ видѣ какъ у арійцевъ-индусовъ, такъ и у семитическо-берберскихъ египтянъ; слѣды ея замѣтны даже у краснокожихъ племенъ Америки. Но вездѣ, гдѣ это учрежденіе существовало, оно всегда задерживающимъ образомъ отражалось на развитіи народа; оно препятствовало его національной крѣпости и политическому развитію. Сдѣлавъ знаніе, образованіе, благосостояніе и власть, даже искусство и ремесло, достояніемъ лишь небольшого ограниченнаго круга лицъ, каста наложила оковы на свободный духъ и явилась препятствіемъ культурному развитію. Поэтому для арійскихъ и семитическихъ племенъ, изъ которыхъ затѣмъ образова-

лись народы Средиземнаго моря, должно считать счастьемъ, что они еще въ до-историческую эпоху своего странствованія должны были утратить даже всякое воспоминаніе о кастовой организаціи, если только таковая у нихъ когда-нибудь существовала: они появляются въ исторіи въ видѣ массъ, хотя и разрозненныхъ и лишенныхъ національнаго единства, но сплоченныхъ съ точки зрѣнія общественной организаціи. Несмотря на общую всѣмъ имъ грубость и дикость, за ними было то большое преимущество, что прирожденная имъ способность къ развитію не имѣла внутренняго препятствія въ лицѣ кастоваго строя. Каждое открытіе или изобрѣтеніе, каждое болѣе высокое умственное воспріятіе, наблюденіе или учрежденіе тотчасъ же могли дѣлаться достояніемъ всего народа, могли тотчасъ же проникнуть во всѣ его слои, могли быть обсуждаемы, оспариваемы, и затѣмъ или приняты или отвергнуты. Благодаря взаимному поощренію, благодаря возможности сравненія, подражанія или противодѣйствія, имѣвшіяся въ наличности сѣмена культуры получили особенно быстрое развитіе. Этой, благопріятствуемой обстоятельствами, способностью къ дальнѣйшему развитію средиземная культура и отличается особенно рѣзко отъ всѣхъ другихъ; на этомъ же основано и ея превосходство. И средиземная культура подвергалась колебаніямъ, и она имѣла свои періоды упадка, но всегда она съ неисчерпаемой жизненной силой оказывалась въ состояніи вновь возрождаться изъ праха и являться въ еще болѣе цвѣтущемъ видѣ. Такая жизненность культуры объясняется тѣмъ, что въ основу ея положена была одна идея, чуждая всѣмъ другимъ культурамъ, — идея гуманности. Правда, это сознаніе внутренняго единства всего человѣчества и общихъ ему цѣлей и на берегахъ Средиземнаго моря возникло не сразу. Но мы съ достаточной ясностью можемъ прослѣдить отдѣльные шаги по этому часто весьма запутанному пути, — всѣ они идутъ по берегамъ Средиземнаго моря. Здѣсь мы встрѣчаемся съ первыми идеалами народной психологіи, изъ которыхъ постепенно и возникло понятіе человѣчества. Первое звено этой цѣпи — привязанность отдѣльной личности къ болѣе тѣсному союзу индивидовъ, говорящихъ на одномъ съ нимъ языкѣ и населяющихъ ту же страну. Эта привязанность — важное альтруистическое чувство: она является основой любви къ отечеству. Патріотизмъ чуждъ великимъ народамъ Востока, ибо имъ доступно было только сознаніе принадлежности къ племени или семьѣ, особыя же культурныя условія Востока (кастовая организація) воспрепятствовали развитію этого чувства въ болѣе высокое сознаніе принадлежности къ одному и тому же народу, воспрепятствовали возникновенію чувства патріотизма. Незначительность населенія часто крайне разрозненныхъ и раздробленныхъ народовъ Средиземнаго моря и почти не прекращавшіяся столкновенія между ними дѣлали каждую отдѣльную личность особенно цѣннымъ членомъ народа и тѣмъ самымъ содѣйствовали усиленію влеченія къ болѣе тѣсному единенію.

Затѣмъ, только народамъ Средиземнаго моря присуще было представленіе о существованіи личныхъ правъ, которое расширяетъ кругъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ; изъ этого же представленія вытекаетъ дальше и установленіе законодательнымъ путемъ общественнаго и государственнаго строя. И это представленіе точно также болѣе или менѣе чуждо великимъ народамъ Востока. При всей его высокой культурѣ деспотизмъ древняго Востока не давалъ мѣста развитію истиннаго правового сознанія: онъ высшимъ и единственнымъ закономъ ставилъ волю государя, передъ которой безусловно должно было склониться благо отдѣльной личности. До извѣстной степени страдальческая, такъ сказать, фаталистическая черта, свойственная многимъ восточнымъ народамъ, всегда какъ нельзя лучше уживалась съ неограниченной властью государя и съ олицетвореніемъ въ лицѣ его или въ лицѣ какой-либо одной правящей касты государственной идеи; народы же средиземнаго побережья, если только эта черта была имъ

когда-либо присуща, во всякомъ случаѣ утратили ее въ теченіе своихъ странствованій. Правда, и среди этихъ народовъ деспотія — явленіе далеко не рѣдкое, но здѣсь она имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ деспотія Востока; она не такъ естественна и не вылилась въ такія застывшія, неизмѣнныя формы. Наоборотъ, у народовъ Средиземнаго моря мы встрѣчаемся очень рано и очень часто съ стремленіемъ перенести болѣе свободную подвижность отдѣльной личности на совокупность членовъ, образующихъ цѣлое; это то, что мы называемъ политической свободой. Въ стремленіи къ самоопредѣленію мы видимъ одну изъ наиболѣе поразительныхъ чертъ средиземной культурной жизни, черту, подобную которой мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ такой первоначальной стадіи развитія народа. Національное же чувство, любовь къ отечеству, правовое сознаніе и стремленіе къ политической свободѣ — это тѣ основы, на которыхъ могло развиться общее понятіе человѣчества.

2. Участіе отдѣльныхъ народовъ въ дѣлѣ созданія средиземной культуры.

А. Египтяне.

Чтобы распознать въ народахъ Средиземнаго моря одну связную группу, одну средиземную расу, объединенную одной духовной идеей, лучше всего обратиться къ отдѣльнымъ представителямъ этой группы и наблюдать цѣлый рядъ родственныхъ явленій въ жизни народовъ средиземнаго бассейна. Если мы при этомъ обратимъ вниманіе не только на черты, связующія отдѣльные члены этой группы, но и на признаки, раздѣляющіе ихъ, то насъ не поразитъ, что старѣйшая составная часть всей этой группы народовъ — египтяне — занимаетъ совершенно особое положеніе и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе обособляется. Египтяне — это консервативный членъ группы. Своей древней культурой, деспотическимъ государственнымъ строемъ и строгой кастовой организаціей они являются подобіемъ древнихъ культурныхъ народовъ Восточной Азіи. Какъ и эти послѣдніе, египтяне стараются по возможности замкнуться отъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и впадаютъ въ состояніе покоя, изъ котораго ихъ только на время выводитъ иногда призывъ энергичныхъ властителей и неоднократныя попытки послѣднихъ къ великимъ воинскимъ подвигамъ и торговымъ предпріятіямъ. Выгодами географическаго положенія на берегахъ двухъ морей Египетъ не могъ воспользоваться, ибо народъ чувствовалъ къ морю отвращеніе, поддерживавшееся религіозными представленіями, и никогда не могъ свыкнуться съ морскимъ дѣломъ. Поэтому-то просвѣщенные правители, понявшіе все великое значеніе мореплаванія для могущества и благосостоянія государства, вынуждены были обращаться къ чужой помощи и привлекли финикіянъ и грековъ; съ смертью такихъ правителей плоды ихъ трудовъ обыкновенно пропадали. Народъ, благодаря кастовой организаціи, въ политическомъ и національномъ отношеніи всегда находился въ состояніи дремоты, потерялъ несмотря на свою многочисленность всю жизненную силу и сдѣлался добычей чужихъ завоевателей. Правда, персамъ приходилось еще въ теченіе долгаго времени усмирять упорныя и часто повторявшіяся возстанія, вызывавшіяся религіозной и національной враждой, но къ политической самостоятельности Египетъ уже болѣе не возрождался. Персидское владычество уступило въ 322 году мѣсто македонскому, и страна вошла въ составъ всемірной монархіи Александра Великаго. По распаденіи послѣдней Египетъ подъ властью македонскихъ Птоломеевъ (323 — 30 г. до Р. Х.) получаетъ правда самостоятельность, но только политическую, а не національную, и тѣмъ значеніемъ,

какое страна въ это время пріобрѣтаетъ, она обязана исключительно эллинистически-восточному элементу. Послѣдующее время не принесло уже болѣе ни національнаго, ни политическаго возрожденія. Господство римлянъ и Византіи, арабовъ, мамелюковъ и турокъ является для Египта временемъ сплошного непрерывнаго паденія, въ особенности въ культурномъ отношеніи. Такимъ образомъ, развитіе этой страны, застывшей въ своей своеобразной обособленности, пошло путемъ, прямо противоположнымъ тому, какимъ шло развитіе большинства другихъ странъ: съ самой высокой ступени культуры въ древнѣйшую эпоху Египетъ постепенно спускается до того состоянія варварства, въ какомъ онъ пребываетъ въ настоящее время. Вліяніе Египта на развитіе средиземной культуры было поэтому сравнительно очень слабо; оно получило лишь нѣкоторое значеніе въ періодъ господства принадлежавшихъ къ чужой національности Птоломеевъ. Средиземной же культурѣ національно-египетская оставалась всегда чуждой.

Б. **Евреи.**

Въ иномъ свѣтѣ, но также въ совершенно своеобразномъ, представляется намъ народъ израильскій; по крайней мѣрѣ въ томъ изображеніи, какое дала намъ позднѣйшая еврейская письменность, имѣвшая цѣлью раскрыть идеалъ еврейства въ древнѣйшую эпоху. Здѣсь мы встрѣчаемся съ воплощеніемъ великой идеи, которой суждено было оказать громадное вліяніе на духовное развитіе всего человѣчества — это чистое богопочитаніе, вѣра въ единаго Бога, въ высшее всемогущее и вѣчное Существо, являющееся Творцомъ, хранителемъ и первопричиной всего существующаго. Для того, чтобы спасти эту вѣру отъ вліянія многобожія сосѣднихъ народовъ, Авраамъ, какъ разсказываютъ, съ своимъ племенемъ переселился изъ Халдеи въ землю Ханаанскую; для того, чтобы очистить эту вѣру отъ примѣсей, внесенныхъ въ нее природопочитаніемъ египтянъ, Моисей вывелъ свой народъ обратно изъ Египта въ Ханаанъ и далъ ему религіозный и нравственный законъ. Этотъ законъ становится единственнымъ носителемъ еврейства, какъ націи, но въ то же время создаетъ непреоборимую преграду между этимъ народомъ и всѣми другими. Гордые сознаніемъ того, что они обладаютъ вѣрой въ единаго Бога и что они являются избраннымъ народомъ, израильтяне впадаютъ въ не имѣющее себѣ примѣровъ въ исторіи религіозное и національное высокомѣріе и въ такую неумолимую нетерпимость, которая доходитъ до безсердечной жестокости.

Всякое общеніе съ иновѣрцами избѣгается, какъ нѣчто позорящее. Іегова — Богъ, ненавидящій идолопоклонниковъ и желающій ихъ погибели. Въ кровавой борьбѣ израильтяне отвоевываютъ Ханаанъ у многочисленныхъ родственныхъ имъ, но смертельно ненавидимыхъ ими ханаанскихъ племенъ, и основываютъ іудейское царство подъ управленіемъ духовенства; первоначальные жители частью изгоняются, частью избиваются. Священнослужители — поэты и прорицатели — поддерживаютъ страстный фанатизмъ народа, который кромѣ подраздѣленія на 12 колѣнъ не зналъ, собственно говоря, никакой государственной организаціи, и является настоящей теократіей. Но отсутствіе строгой организаціи въ концѣ концовъ дало перевѣсъ врагамъ новаго государства; ханаанскій народъ филистимлянъ возсталъ и въ долгой борьбѣ до такой степени стѣснилъ израильтянъ, что стоящее во главѣ власти духовенство увидѣло себя вынужденнымъ передать свѣтскую власть опытному военачальнику.

Такъ создалось національное іудейское государство, которое въ правленіе трехъ царей, Саула, Давида и Соломона, и представляетъ собою краткій періодъ политическаго расцвѣта націи. Храбрые воины, Саулъ и Давидъ, освободили Израиль отъ внѣшнихъ враговъ; Соломонъ, великій

организаторъ, возвратилъ ему внутренній покой. Іерусалимъ, столица государства, украсился великолѣпными строеніями, а благодаря созданію храма сдѣлался центромъ національнаго богослуженія. Въ то же время трезвый государственный умъ правителей смягчилъ господствовавшую до того нетерпимость и обособленность, которыя уступили мѣсто болѣе мирнымъ отношеніямъ къ иноземцамъ.

Вообще въ эпоху царей народомъ несомнѣнно овладѣло прогрессивное теченіе. Но этотъ расцвѣтъ былъ очень кратокъ. Уже послѣ смерти Соломона государство распалось на двѣ части — царство Іудейское и царство Израильское, которыя благодаря постоянной взаимной враждѣ оба постепенно ослабѣвали.

Въ обоихъ дѣятельное духовенство въ лицѣ пророковъ рѣзко выступило противъ царской власти, которая казалась ему недостаточно правовѣрной, и вызвало волненія, погубившія оба государства. Царство Израильское было уничтожено въ 722 г. ассирійскимъ царемъ, который увелъ большинство жителей въ Месопотамію. Царство Іудейское было сначала завоевано египтянами въ 608 г., а затѣмъ въ 586 г. царь вавилонскій разрушилъ Іерусалимъ и также увелъ жителей въ Месопотамію.

Въ то время, какъ Палестина такимъ образомъ въ качествѣ провинціи перешла сначала къ ассиро-вавилонскому царству, а затѣмъ къ Персіи, народъ іудейскій томился въ вавилонскомъ плѣну до тѣхъ поръ, пока персидскій царь Киръ не далъ ему разрѣшенія возвратиться на родину, которымъ часть народа въ дѣйствительности воспользовалась. Благодаря этому Іудея вновь получила подъ верховенствомъ Персіи самостоятельное управленіе, которое дало еврейству возможность свободнаго внутренняго развитія его религіозно-національныхъ учрежденій подъ властію „первосвященниковъ“.

Періодъ плѣненія опять выдвинулъ впередъ суровыя стороны замкнутаго національнаго характера, усилилъ отвращеніе ко всему чужеземному и оживилъ религіозный фанатизмъ; могущество духовенства, не связываемое никакими политическими соображеніями, благопріятствовало такому направленію. Когда же вслѣдствіе завоеваній Александра Великаго вмѣстѣ съ Персіей и Сирія подпала македонскому вліянію, и эллинистическая культура вторглась въ эти области, столкновеніе между ней и іудаизмомъ было неизбѣжно. Птоломеи, а затѣмъ и сирійскіе Селевкиды старались водворить въ Палестинѣ греческій языкъ, нравы и культъ, чему однако самымъ энергичнымъ образомъ воспротивились израильтяне, съ этихъ поръ называемые уже евреями. Преслѣдуемые вслѣдствіе такого сопротивленія многіе евреи частью добровольно, частью будучи къ тому вынуждены, выселились въ Малую Азію. Впрочемъ и въ средѣ самого еврейства греческое вліяніе вызвало расколъ, создавъ двѣ партіи — саддукеевъ, которые не такъ недружелюбно относились къ эллинизму, и фарисеевъ, которые представляли узко-націоналистическую точку зрѣнія. Кровавое возстаніе Маккавеевъ освободило Палестину отъ верховенства Сиріи и сдѣлало ее вновь независимою; оно создало даже національную династію Маккавеевъ или Асмонеевъ, которые правили сначала въ качествѣ первосвященниковъ, а затѣмъ какъ цари. Но внутренніе раздоры вызвали междоусобную войну, во время которой враждующіе между собой братья обратились къ помощи римлянъ. Послѣдніе посадили здѣсь сначала своего царя, а затѣмъ просто завладѣли страной и присоединили ее къ римской провинціи Сиріи. Владычество римлянъ уже очень скоро сдѣлалось для евреевъ столь же ненавистнымъ, какимъ раньше было греческо-сирійское. Но возстаніе ихъ было подавлено въ кровавой борьбѣ Веспасіаномъ, а затѣмъ сыномъ его Титомъ, и Іерусалимъ вмѣстѣ съ храмомъ былъ разрушенъ (70 г.). Сотни тысячъ евреевъ были уведены въ плѣнъ и разсѣяны по всѣмъ странамъ средиземнаго побережья. Только незначительная

часть нхъ осталась въ родной странѣ и подъ предводительствомъ Баръ-Кохбы сдѣлала въ 133 г. отчаянную попытку сбросить иго римлянъ; въ этой послѣдней борьбѣ они всѣ были уничтожены.

Съ этихъ поръ евреи перестаютъ быть самостоятельнымъ народомъ. Разсѣянные повсюду безчисленными небольшими группами они продолжаютъ вести странное существованіе. Они нигдѣ не сливаются вполнѣ съ кореннымъ населеніемъ, нигдѣ не играютъ, какъ раньше, какой-либо политической роли, живутъ вездѣ обособленно и съ безпримѣрной твердостью держатся своей вѣры и своихъ обычаевъ; въ большинствѣ случаевъ къ нимъ относятся недружелюбно, часто даже съ ненавистью угнетаютъ ихъ, и тѣмъ не менѣе они вездѣ, гдѣ поселяются, пускаютъ глубокіе корни.

Въ качествѣ упорныхъ противниковъ болѣе высокаго эллинскаго и римскаго міровоззрѣнія древніе евреи являются отчасти элементомъ, враждебнымъ прогрессу, какъ народъ, болѣе всякаго другого далекій отъ понятія о человѣчествѣ. Но въ то же время въ совершенно непоколебимой привязанности народа къ своей религіи, къ своему закону, въ той твердости, съ которой они изъ-за религіи переносили всевозможныя несчастія и злоключенія, лежитъ нравственное величіе, которое большинству другихъ народовъ того времени было совершенно чуждо. Евреи являютъ первый примѣръ народа, который изъ-за религіи, т.-е. изъ-за мысли, изъ-за духа терпѣлъ преслѣдованія. Въ противоположность аггрессивнымъ стремленіямъ другихъ монотеистическихъ народовъ еврейство отличалось отсутствіемъ прозелитизма; причина этому лежала въ ихъ національномъ высокомѣріи, ибо, распространивъ свою вѣру и среди другихъ народовъ, они перестали бы быть „народомъ избраннымъ“. Такимъ образомъ національная гордость сдѣлалась для евреевъ національнымъ несчастіемъ. Но, возставая противъ идеи человѣчества, они въ то же самое время. безсознательно и непроизвольно, стали соединительнымъ звеномъ. Именно повсемѣстное разсѣяніе ихъ по берегамъ Средиземнаго моря пропитало, такъ сказать, всѣ прилежащія къ морю страны однородными частями и частицами, которыя всегда оставались въ общеніи другъ съ другомъ и тѣмъ самымъ содѣйствовали духовному сближенію народовъ. Та страсть, съ которой разсѣянные повсюду евреи отдались занятію торговлей, а отчасти и наукамъ, имѣла громаднѣйшее вліяніе на отношеніе другъ къ другу различныхъ народовъ въ предѣлахъ бассейна Средиземнаго моря; впослѣдствіи они неоднократно являлись для этихъ народовъ сильнымъ связующимъ средствомъ. Наконецъ и выросшее на почвѣ іудаизма христіанство, возникновеніе котораго по времени почти совпадаетъ съ разсѣяніемъ евреевъ, именно въ этомъ разсѣяніи и нашло сильное содѣйствіе къ своему распространенію.

B. **Финикіяне.**

Изъ прочихъ семитическихъ народовъ арабы въ древности еще не играютъ выдающейся роли въ исторіи земель, лежащихъ по Средиземному морю. Раздѣленные на многочисленныя племена, они по большей части ведутъ кочующую жизнь въ предѣлахъ своего полуострова; немногіе, занимающіеся торговлей, города поддерживаютъ сношенія, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, съ Востокомъ: съ Индіей и Персіей. Но однимъ изъ важнѣйшихъ звеньевъ въ цѣпи народовъ Средиземнаго моря являются финикіяне. Въ противоположность другимъ, уже упомянутымъ, народамъ они составляютъ первое историческое, сознательно идущее къ своей цѣли, звено. Въ финикіянахъ проявилась творческая, предпріимчивая, прогрессивная средиземная культура. Одинаково далекіе отъ созерцательнаго спокойствія египтянъ и отъ національно-религіозной замкнутости евреевъ, они съ умѣньемъ и успѣхомъ отдаются развитію практически-матеріальной стороны существованія. Нравственная точка зрѣнія мало интересуетъ фини-

кіянъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ они свободны и отъ всякихъ предразсудковъ. Они не достигли ни національнаго единства, ни единства въ государственномъ строѣ, а потому въ извѣстномъ смыслѣ не имѣютъ и политической исторіи.

Родину ихъ составляетъ вытянутая узкая полоса земли на сирійскомъ берегу. Несмотря на это, или именно потому, они становятся всемірными мореплавателями и первыми провозвѣстниками міровой торговли. Впервые появляющееся у финикіянъ понятіе міровой торговли образуетъ новую важную ступень на пути къ цивилизаціи. Финикійскіе города на сирійскомъ берегу представляютъ отдѣльныя самостоятельныя общины; но совокупность ихъ можно разсматривать съ одной общей точки зрѣнія. Во главѣ этихъ городовъ стоятъ цари, богатые и могущественные представители торговли, не преслѣдующіе ни политическихъ, ни воинственныхъ цѣлей. Цари эти сохраняютъ свой титулъ и достоинство и послѣ того, какъ финикійскіе города попадаютъ въ зависимость отъ Ассиро-Вавилоніи и Персіи. Они сохраняютъ свои финикійскія особенности: любовь къ искусству, предпріимчивость и любовь къ мореплаванію составляютъ ихъ неотъемлемыя черты. Помимо этого финикіяне умѣли разработывать всѣ сокровища своей родной земли и ея окрестностей, придавать имъ промышленную цѣнность и открывать въ далекихъ странахъ недостававшіе имъ продукты. Роскошные кедровые и дубовые лѣса родныхъ Ливанскихъ горъ доставляли прекрасный кораблестроительный матеріалъ, и дѣйствительно финикіяне очень рано достигли совершенства въ искусствѣ кораблестроенія. Ливанъ содержитъ и желѣзную руду, а близлежащій островъ Критъ и горы Малой Азіи и Ѳракіи богаты мѣдными рудниками: финикіяне не замедлили приступить къ правильной ихъ обработкѣ. Во множествѣ встрѣчавшіяся на берегу багрянки послужили къ приготовленію прекрасныхъ матерій, пользовавшихся большимъ спросомъ во всемъ древнемъ мірѣ; финикійскія пурпуровыя и пестрыя ткани еще въ древности пользовались большой извѣстностью. Изъ кварца они приготовляли прекрасное стекло. Благодаря техническимъ способностямъ и трудолюбію у финикіянъ развилась многосторонняя индустрія, обезпеченная хорошимъ спросомъ.

Вслѣдствіе усиленной обработки, многія изъ естественныхъ произведеній страны вскорѣ истощились; ранѣе всего обнаружился недостатокъ въ багрянкахъ и янтарѣ. Стремленіе открыть новыя мѣста нахожденія ихъ послужило первымъ поводомъ къ расширенію мореплаванія и все далѣе проникавшей на востокъ колонизаціи. Острова греческаго архипелага, южная Италія, Сардинія, Сицилія, Мальта, берега Африки и Испаніи и даже берега Атлантическаго океана покрылись колоніями финикіянъ. Они выходили на поиски, главнымъ образомъ, за металлами, янтаремъ, шерстью и мѣхами; на ряду съ благородными металлами они разыскивали и необходимое для полученія бронзы, все еще пользовавшейся большимъ спросомъ, олово, не встрѣчающееся въ восточной части Средиземнаго моря и слишкомъ дорого обходившееся при выписываніи его изъ Индіи. Они нашли олово въ Испаніи, а позднѣе, когда и найденное тамъ количество руды оказалось недостаточнымъ, въ богатыхъ оловянныхъ и свинцовыхъ залежахъ Британіи (insulae Cassiterides, Силлійскіе острова). Затѣмъ они открыли богатыя залежи дорогого янтаря въ Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ. Добытыя тамъ громадныя массы его давали возможность финикіянамъ не только въ избыткѣ снабжать свои фабрики сырымъ матеріаломъ, но и вести выгодную караванную торговлю съ Средней Азіей. Они служили посредниками между вавилонской культурой и народами Средиземнаго моря и прокладывали дальнѣйшій путь индійской транзитной торговлѣ Аравіи. Когда ихъ собственная металлургическая промышленность (золотыя и серебряныя издѣлія, утварь, орудія и оружіе изъ бронзы) достигла полнаго расцвѣта, они стали вывозить въ Египетъ, въ земли по Евфрату и южную Аравію, золото, серебро, мѣдь и олово, и привозили оттуда

въ обмѣнъ сокровища Востока, индійскіе драгоцѣнные каменья и пряности и вавилонскія ткани, продаваемыя затѣмъ дальше на Западъ. Если принять во вниманіе громадную экспортную торговлю всевозможными издѣліями изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и янтаря, стекломъ, тонкими пестрыми тканями и пурпуровыми матеріями, пряностями и духами, которую финикіяне вели съ Италіей, островами Средиземнаго моря, Испаніей, Африкой и далѣе по берегамъ Атлантическаго океана, то нужно признать, что они одни пробудили въ народахъ Средиземнаго моря стремленіе къ роскоши, они же удовлетворяли этимъ стремленіямъ и, такимъ образомъ, сильно содѣйствовали распространенію матеріальной культуры. Одновременно съ этимъ они, однако, проложили умственному образованію Востока путь на болѣе грубый Западъ, гдѣ его, главнымъ образомъ, воспринимали эллинскіе и италійскіе народы. Такимъ образомъ, финикіяне являются отчасти и носителями духовной культуры.

Несмотря на всѣ свои заслуги, финикіяне, однако, никогда не могли достичь національнаго величія. Независимо отъ разрозненности и взаимной ревнивой недовѣрчивости ихъ городовъ, населеніе уменьшалось вслѣдствіе непрерывнаго выхода колонистовъ. Колоніи, достигнувъ нѣкотораго значенія, отдѣлялись отъ своей родины; частью онѣ подпали столь частымъ на Средиземномъ морѣ сліяніямъ народовъ, частью же соединились въ новое сильное государство (Карѳагенъ), державшееся опять-таки въ національномъ и политическомъ отношеніяхъ своего собственнаго пути. Финикія сохранила, правда, и подъ ассирійскимъ и вавилонскимъ, а позднѣе и подъ персидскимъ вліяніемъ, нѣкоторую самостоятельность; но персы такъ широко пользовались финикіянами для своихъ политическихъ и военныхъ цѣлей, что это не могло не отозваться на силѣ народа. Особенно же роковымъ для финикійской самобытности оказалось вызванное позднѣе географическимъ положеніемъ соприкосновеніе съ эллинами, не уступавшими финикіянамъ въ предпріимчивости и любви къ мореплаванію, но далеко превосходившими ихъ въ нравственномъ отношеніи. Тѣсныя сношенія съ народомъ, стоявшимъ выше ихъ въ умственномъ отношеніи, именно благодаря способности финикіянъ приспособляться, должны были повести къ постепенному внутреннему разложенію ихъ, и не путемъ враждебнаго столкновенія, а путемъ постепеннаго духовнаго сліянія. Если и упрямое, не легко поддающееся, іудейство не могло вполнѣ избавиться отъ вліянія эллинизма, то тѣмъ менѣе могли ему противостоять уступчивые космополиты-финикіяне. Послѣ завоеванія Александромъ Великимъ Сиріи финикійская культура мало-по-малу блѣднѣетъ, уступая мѣсто греческой. Одновременно съ этимъ и господство на морѣ и средоточіе міровой торговли переходятъ къ эллинизированному Египту: мѣсто Тира и Сидона заступаетъ Александрія.

Г. **Греки.**

Въ эллинахъ или грекахъ мы встрѣчаемся съ значительнѣйшимъ народомъ древности, вліяніе котораго сказывалось еще и въ далекія позднѣйшія времена сильнѣе, чѣмъ вліяніе какого-либо другого народа, жившаго въ древности на берегахъ Средиземнаго моря. И эллины не представляютъ національно-замкнутой единицы: они распадаются на многія отдѣльныя племена; и въ созданныхъ ими государствахъ мы встрѣчаемъ такую раздробленность, подобіе которой мы видимъ лишь въ средневѣковыхъ мелкихъ государствахъ Италіи и Германіи. При всемъ томъ эллинизмъ во всѣхъ своихъ частяхъ являетъ столько сходства, повсюду господствуетъ такое ясное національное сознаніе общности, такая связь въ учрежденіяхъ, что греки представляютъ несомнѣнно одну опредѣленную народную единицу.

Вступленіе ихъ въ исторію подобно смѣющемуся солнечному лучу, одновременно и освѣжающему и согрѣвающему. Врядъ ли еще какой-ни-

будь другой народъ былъ такъ счастливо и богато одаренъ отъ природы, какъ древніе греки. Склонные къ веселью и наслажденіямъ, съ любовью отдаваясь пѣнію, танцамъ и гимнастическимъ упражненіямъ, греки въ то же время имѣли свѣтлый, проницательный взглядъ на природу и ея явленія, живое стремленіе къ знаніямъ и пытливый умъ, который, будучи далекъ отъ глубокомысленныхъ умствованій египетскихъ и индійскихъ мудрецовъ, смѣло искалъ познанія вещей изъ наблюденія: они были надѣлены сверхъ того высоко развитымъ стремленіемъ къ общественности и тонкимъ пониманіемъ красоты формъ. Это чувство прекраснаго, котораго мы не встрѣчали еще ни у одного народа, характерно для грековъ и a priori ставитъ ихъ выше всѣхъ прочихъ народовъ. Греки высоко цѣнили внѣшность, красоту фигуры, соразмѣрность движеній даже въ радости и въ горѣ, благозвучіе рѣчи, умѣренность въ выраженіяхъ, непринужденное достоинство въ обращеніи; это отношеніе къ внѣшности нашло себѣ выраженіе въ трудно переводимомъ понятіи *καλός κἀγαθός*: безъ прекраснаго нѣтъ и хорошаго. Уже съ греками героическаго періода чувствуешь себя въ „хорошемъ обществѣ“. Здѣсь лежала причина идеальнаго направленія народа, его культа прекраснаго, нигдѣ не достигшаго такого полнаго расцвѣта; онъ нашелъ себѣ выраженіе въ національной поэзіи, музыкѣ, живописи и скульптурѣ, равно какъ и въ религіи, философіи и наукѣ. Въ тѣсной связи съ этимъ направленіемъ умовъ стоятъ и безпримѣрныя дотолѣ свобода и разнообразіе въ развитіи отдѣльной личности. Кромѣ того, греки и физически были хорошо закалены, отличались храбростью въ бою, хитростью и скромностью въ сношеніяхъ и большой ловкостью въ различныхъ техническихъ искусствахъ. Чувствуя влеченіе къ мореплаванію и морскому искусству, они вскорѣ далеко превзошли всѣхъ своихъ сосѣдей.

Отсюда проистекала и національная гордость: всѣ не-эллины были въ ихъ глазахъ варварами. Это высокомѣріе не походило ни на тупое равнодушіе египтянъ, еще менѣе на упрямую религіозную ненависть іудеевъ ко всему чужому, но выражалось добродушнымъ юморомъ, проистекавшимъ изъ собственнаго самосознанія. Греки любили привлекать къ себѣ чужеземцевъ и вліять на нихъ примѣромъ и взаимными сношеніями; съ другой стороны они, не задумываясь, перенимали отъ чужеземцевъ то, что казалось достойнымъ подражанія. Такъ, они приняли отъ египтянъ астрономическія и математическія знанія, отъ финикіянъ искусство кораблестроенія и мореплаванія и знаніе горнаго дѣла. Эллинизмъ представляетъ первый историческій примѣръ завоеванія, проведеннаго не силою оружія или товарами, но благодаря духовному превосходству.

Въ сравненіи съ культурно-историческимъ значеніемъ Греціи, ея политическая исторія отступаетъ на второй планъ. Первоначальной причиной сильной разрозненности послужило различіе племенъ, хотя и говорившихъ на одномъ языкѣ, но пришедшихъ къ Средиземному морю въ различныя времена и съ различныхъ сторонъ. Всѣ племена (эоляне, доряне, іоняне) исключительно селились по берегамъ или вблизи нихъ; большими массами эллины нигдѣ, не считая Малой Греціи, не проникали вглубь страны. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляли дорійскіе лакедемоняне (спартанцы), неохотно занимавшіеся мореплаваніемъ; впрочемъ, они вообще занимаютъ обособленное положеніе, такъ какъ полагали свою національную гордость не столько въ нравственности, сколько въ слегка театральномъ превознесеніи физической силы.

Пестры и разнообразны, какъ сами племена, были и основанныя ими общины и формы ихъ государственнаго устройства. Первоначальная форма монархіи большею частью сохранялась недолго или держалась, какъ въ Спартѣ, лишь по имени; но она часто переходила въ тираннію, отличавшуюся отъ монархіи лишь отсутствіемъ законнаго престолонаслѣдія. Мы встрѣчаемъ тираннію какъ въ самой Греціи, такъ и на островахъ и въ

греческихъ областяхъ Малой Азіи, Нижней Италіи и Сициліи; по обыкновенно она тоже держалась недолго, такъ какъ существованіе ея обусловливалось опредѣленной выдающеюся личностью, со смертью которой исчезала и тираннія. Высокій уровень общаго образованія, предоставленное каждому отдѣльному гражданину широкое поле дѣятельности и небольшіе размѣры отдѣльныхъ общинъ послужили къ тому, что къ участію въ веденіи общественныхъ дѣлъ мало-по-малу стремилась и добивалась его все большая и большая часть народа; такимъ образомъ, возникла свойственная эллинизму и наиболѣе распространенная республиканская форма правленія (см. т. I, стр. 53); странно, что чисто греческое понятіе республики не нашло себѣ греческаго выраженія, ибо слово демократія означало у грековъ только господство партіи или класса. Въ зависимости отъ того, принимала ли участіе въ общественныхъ дѣлахъ, т.-е. въ правленіи, меньшая или большая часть народа, различали олигархическую, аристократическую и демократическую формы правленія. Эти различныя формы государственнаго управленія подвергались частымъ перемѣнамъ; особенно часто мы замѣчаемъ круговоротъ — мѣсто олигархіи заступала тираннія, за нею устанавливалась демократія, вырождавшаяся въ свою очередь снова въ олигархію и т. д. Столь частыя внутреннія перемѣны, конечно, не могли не вести за собой раздоровъ между гражданами и столкновенія враждебныхъ элементовъ; но благодаря легкомысленности грековъ эта внутренняя вражда не оставляла болѣе глубокихъ слѣдовъ и не только не препятствовала развитію культуры, но, наоборотъ, еще содѣйствовала постоянной бодрости духа.

Таковы же были и взаимныя отношенія отдѣльныхъ государствъ другъ къ другу. Они почти непрерывно вели между собой войну, но безъ ненависти и страсти, скорѣе какъ рыцарское упражненіе, и боролись за духовное предводительство въ національныхъ дѣлахъ, за „гегемонію“; при этомъ они не теряли чувства своего единства, всегда стоявшаго выше мѣстныхъ соревнованій и поддерживавшагося національными святилищами (Додона, Элевзисъ, Дельфы, Олимпія), олимпійскими, пиѳійскими, истмійскими и немейскими играми и амфиктіоновыми союзами, и общею любовью къ языку, театру, поэзіи и искусству.

При этомъ греки не пренебрегали и практической стороной жизни. Бѣдность почвы самой Греціи рано пробудила сознаніе въ необходимости ввоза; а географическое положеніе страны указывало на возможность ввоза исключительно морскимъ путемъ. Густое населеніе Эллады должно было пользоваться чужеземнымъ хлѣбомъ, виномъ, фруктами, шерстью, кожей и строительнымъ лѣсомъ, обладая въ то же время въ продуктахъ своихъ рудниковъ и художественной индустріи цѣнными предметами вывоза. Такъ развилась живая морская торговля, оттѣснившая въ восточной части Средиземнаго моря на задній планъ даже торговлю финикіянъ. Необычайная изрѣзанность береговъ Эллады и Малой Азіи и громадное количество густо населенныхъ острововъ способствовали пробужденію въ грекахъ любви къ морскому дѣлу, въ которомъ они не имѣли себѣ равныхъ; если финикіяне пользовались мореплаваніемъ только для торговыхъ цѣлей, то греки занимались имъ и изъ страсти къ нему. Благодаря морскимъ разбоямъ, которыми они также занимались, они развили морское дѣло и въ военномъ отношеніи и стали основателями военнаго флота. Въ морскихъ битвахъ они одерживали побѣды и надъ превосходившимъ ихъ численностью непріятелемъ, какъ это показали персидскія войны, гдѣ громадные, большею частью составленные изъ финикійскихъ кораблей, флоты Дарія и Ксеркса не могли противостоять греческимъ. Особенно сильны были на морѣ государства Аѳины, Аргосъ, Эгина, Коринѳъ, Іонійскіе острова, острова: Критъ, Родосъ, Кипръ, Самосъ, Хіосъ, Паросъ и Тера, малоазіатскіе города Фокея, Эфесъ и Милетъ, колонія Навкратія въ Нижнемъ Египтѣ,

греческіе города Тарентъ, Регіонъ, Локры, Неаполь, Сиракузы, Мессина, Леонтины, Катаны; не менѣе ихъ милетскія колоніи на Черномъ морѣ (Синопъ, Трапезундъ), коринѳскія колоніи въ Иллиріи (Аполлонія, Эпидамнъ), фокейскія колоніи на западѣ (Сагунтъ и Массилія) и основанная жителями острова Теры колонія Кирена въ Африкѣ, позднѣе развившаяся въ цвѣтущее государство, управляемое сперва царскимъ родомъ Баттіадовъ, а потомъ перешедшее къ республиканской формѣ правленія. Въ то время, какъ финикіяне изъ страха соревнованія держали свои путешествія втайнѣ, греки, наоборотъ, дѣлали ихъ всеобщимъ достояніемъ; прирожденныя народу жажда знанія и любовь къ путешествіямъ побуждали не только моряковъ и купцовъ, но и людей съ высшимъ образованіемъ принимать участіе въ путешествіяхъ; а разсказы и записки ихъ повсюду распространяли знакомство съ Средиземнымъ моремъ.

Вообще греки первые начали интересоваться не только своимъ народомъ, но и чужими народами и странами, побуждаемые къ тому не только политическими и торговыми цѣлями, но и научнымъ интересомъ: они изучали эти чужія земли, ихъ географическое положеніе, ихъ произведенія и потребности, жизнь и исторію ихъ населенія. Греки первые перестали дѣлать изъ плодовъ своихъ изслѣдованій національную или кастовую тайну, но охотно предоставляли добытые результаты на пользованіе всему міру. Дѣлая, такимъ образомъ, болѣе доступными географическія, естественноисторическія и историческія знанія, они стали основателями экзотерическихъ или популярныхъ наукъ, въ то время какъ научныя стремленія другихъ народовъ съ ихъ эзотерическимъ характеромъ мало были доступны массамъ. Распространеніе знаній на ряду съ эстетическими наклонностями эллиновъ воспитательно и облагораживающе дѣйствовали на все окружающее и сплочивали во-едино родственные по духу и племени элементы. Многообразное и всеобъемлющее, захватывавшее и чуждые элементы, развитіе эллинизма стоитъ въ тѣсной связи съ необычайно быстрымъ пространственнымъ распространеніемъ.

Руководящее вліяніе эллинизма на всѣ земли Средиземнаго моря распространялось не въ тихія спокойныя времена, но, наоборотъ, посреди внутреннихъ и внѣшнихъ бурь. Раздробленность на рядъ мелкихъ государствъ вначалѣ не грозила опасностью Греціи; она скорѣе даже споспѣшествовала ея развитію, предоставляя широкое поле дѣятельности отдѣльнымъ личностямъ. Она дала возможность развиться такимъ личностямъ, какъ Солонъ, Пизистратъ, Периклъ и Алкивіадъ въ Аѳинахъ, Ликургъ, Павзаній и Лизандръ въ Спартѣ, Періандръ въ Коринѳѣ, Эпаминондъ и Пелопидъ въ Ѳивахъ, Поликратъ въ Самосѣ, Гелонъ и Діонисій въ Сиракузахъ. Враждебныя столкновенія отдѣльныхъ государствъ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе раннее время, также не были опасны: ибо и побѣдители и побѣжденные были греки. Но съ востока на нихъ надвигалась сильная гроза. Въ половинѣ шестого вѣка до Р. Х., въ царствованіе царя Кира персамъ удалось такъ широко распространить свое владычество по всевозможнымъ направленіямъ, что новооснованное государство сразу стало во главѣ державъ тогдашняго „міра". Уничтоженіе вавилонскаго царства, подчиненіе армянъ и кавказскихъ скиѳовъ и, наконецъ, побѣда надъ лидійскимъ царемъ Крезомъ, сдѣлали Кира властителемъ передней Азіи; ему покорились и малоазіатскіе греки, частью добровольно, частью по принужденію; но греки Эллады не обратили на это никакого вниманія. Лишь позднѣе, когда преемникъ Кира, Дарій I, сталъ распространять свои завоеванія и на нижне-дунайскія области Европы, европейскіе греки оказали поддержку возстанію своихъ малоазіатскихъ соотечественниковъ подъ предводительствомъ Милета. Отсюда возникла полувѣковая борьба Греціи съ Персіей, окончившаяся побѣдой первой: персы должны были отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ завоеваній. Успѣшная борьба маленькой Греціи съ громаднымъ персидскимъ государ-

ствомъ въ свое время возбуждала не мало удивленія; но разсмотрѣнная внимательнѣе борьба эта не представляется столь чудесной. Отдавая полную справедливость геройскимъ подвигамъ Мильтіада, Θемистокла и Аристида, Леонида, Ксантиппа и Кимона, мы, однако, должны искать настоящей причины неудачи персовъ глубже: стоитъ лишь вспомнить, какъ ослабила, повидимому столь могучую, испанскую монархію восемнадцатилѣтняя война съ небольшими Нидерландами.

Нравственное превосходство, высшая культура и лучшее знаніе морского дѣла обезпечили грекамъ побѣду. Но и имъ война нанесла внутренній вредъ. Съ одной стороны вредное вліяніе оказало ознакомленіе съ азіатской роскошью. Съ другой, благодаря политическимъ и дипломатическимъ интригамъ, неизбѣжнымъ спутникамъ войны, сильнѣе обострились несогласія государствъ и ихъ внутреннихъ партій; это повело къ вмѣшательствамъ одного государства въ дѣла другого, и къ нарушеніямъ права и закончилось серьезной борьбой между обоими господствующими государствами, Аѳинами и Спартой. Ожесточенная пелопонесская война (431—404) погубила политическое могущество обоихъ. Почти всѣ греческія государства, включая острова и Сицилію, приняли участіе въ этой войнѣ. Истощенные побѣдители, съ своей стороны, вскорѣ были побѣждены стремящимися къ гегемоніи ѳиванцами (371). Но и ѳиванцы не могли удержать за собой господства, и результатомъ борьбы за гегемонію явилось ослабленіе всѣхъ греческихъ государствъ.

Отсюда начинается политическое паденіе системы греческихъ мелкихъ государствъ, но одновременно съ нимъ и новый, чудесный подъемъ національнаго духа въ другомъ направленіи, возрожденіе эллинизма вообще. Въ то время, какъ мелкія государства Эллады раздирали другъ друга взаимной враждой, гегемонія перешла къ дотолѣ мало извѣстному, сравнительно отставшему въ культурномъ отношеніи, но еще полному силъ греческому племени македонянъ, основавшему еще въ древности въ Θессаліи и Θракіи государство, во главѣ котораго стоялъ царскій родъ, ведшій свое происхожденіе отъ Геракла. Царь Филиппъ II македонскій (359—336) задумалъ, въ виду внутренняго разложенія Греціи, достичь господства надъ всей страной и выполнилъ свой планъ отчасти силою (Херонея, 338), отчасти хитростью и подкупомъ. Умѣренно пользуясь своимъ положеніемъ побѣдителя и выставляя себя охранителемъ системы самоуправленія отдѣльныхъ государствъ, онъ добился того, что союзъ амфиктіоновъ назначилъ его главнокомандующимъ въ предполагавшейся войнѣ съ персами. Во время приготовленій къ войнѣ Филиппъ палъ отъ руки убійцы, и ему наслѣдовалъ двадцатилѣтній сынъ его Александръ (336—323). Послѣдній не только привелъ въ исполненіе всѣ замыслы своего отца, но пошелъ и гораздо дальше.

Подобно урагану проносится надъ Азіей и Африкой величественная фигура Александра Великаго во главѣ македонскихъ и греческихъ полчищъ. Новая, неслыханная дотолѣ мысль зародилась въ головѣ царственнаго юноши: онъ задумалъ завоевать весь извѣстный въ то время міръ и соединить его подъ своимъ скипетромъ въ одну монархію, въ которой слились бы эллинская и восточная культуры. Въ безпримѣрномъ побѣдоносномъ шествіи Александръ покорилъ Малую Азію, Сирію, Палестину, Финикію, Египетъ, Кирену, Мидію, Вавилонію, Парѳію и Персію; въ жестокихъ битвахъ гибли полчища персидскаго царя Дарія III; въ главномъ городѣ его Персеполѣ низвѣженные персы присягнули на вѣрность завоевателю. Александръ пошелъ дальше,—на сѣверъ противъ скиѳовъ, на востокъ противъ Индіи; храброе сопротивленіе, оказанное царемъ Пенджаба, Поромъ, побудило его прервать свое побѣдоносное шествіе и вернуться въ Вавилонъ, чтобы тамъ дать внутреннее управленіе своему громадному, мечемъ завоеванному царству. Но судьба не дала ему времени для исполненія великихъ замысловъ: предаваясь излишествамъ, Александръ кончилъ жизнь, оставивъ за собою разрушенный и не отстроенный наново міръ.

Не имѣвшее еще внутренней связи государство тѣмъ болѣе должно было распасться послѣ его смерти, что ни вопросъ о престолонаслѣдіи, ни вопросъ о регентствѣ не былъ разрѣшенъ. Въ борьбѣ діадоховъ выдающіеся и даровитые люди Греціи спорили за господство надъ міромъ. Могущественный Антигонъ и сынъ его Димитрій, „разрушитель городовъ“, объявили себя „царями Азіи“; они нашли противовѣсъ въ Европѣ, въ лицѣ Антипатра и сына его Кассандра, достигшаго господства надъ Македоніей и Греціей. Другіе полководцы, принимая то ту, то другую сторону, похищали при этомъ цѣлыя провинціи. Только битва при Ипсѣ (301) положила конецъ этой борьбѣ: Антигонъ палъ, а вмѣстѣ съ нимъ и гордое созданіе его — государство Азія. Во всемъ этомъ эллины играли активную роль, другія же націи лишь молча наблюдали за ходомъ событій. Побѣдители раздѣлили между собой наслѣдство Александра: Кассандръ взялъ Македонію и Грецію, Лизимахъ Ѳракію, Селевкъ Никаноръ всю переднюю Азію и Птоломей Лаги Египетъ. Но только двумъ послѣднимъ удалось основать болѣе или менѣе продолжительныя династіи. Изъ царства Селевка осталась вскорѣ одна Сирія; Кассандръ принужденъ былъ уступить свое господство потомкамъ Антигона, а ѳракійское царство Лизимаха окончательно распалось. Возникли новыя эллинскія государства. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ смерти Александра оставленное имъ наслѣдство, отъ котораго отдѣлились внутреннія азіатскія земли, приняло, наконецъ, болѣе постоянныя формы.

Это была эпоха эллинизированныхъ монархій. Всемірно-историческій и культурный центръ тяжести эллинизма переходитъ изъ Эллады, мало-по-малу приходящей въ упадокъ, въ окружающія ее государства. Таковыми являются: Македонія при потомкахъ Антигона, Эпиръ при Пирридахъ, Сирія при Селевкидахъ, Египетъ при Птоломеяхъ, Пергамъ въ Малой Азіи при Атталидахъ и Виѳинія въ Малой Азіи, основанная Никомедомъ. Въ извѣстномъ смыслѣ къ нимъ можно причислить и отпавшія отъ сирійскаго царства Селевкидовъ позднѣйшія государства — Каппадокію, Понтъ, Великую и Малую Арменію, такъ какъ ихъ царствующіе дома находились подъ сильнымъ вліяніемъ эллинизма. На ряду съ этимъ многіе греческіе острова возвратили себѣ самостоятельность; Критъ сталъ опаснымъ гнѣздомъ пиратовъ, Родосъ достигъ высокой культуры.

Въ то время какъ сама Эллада, раздѣленная на ахейскій и этолійскій союзы, пыталась вернуть себѣ прежнее республиканское величіе, но не могла выйти изъ-подъ власти Македоніи; въ то время, какъ она теряла послѣднія силы въ борьбѣ съ Македоніей и во взаимной борьбѣ обоихъ союзовъ и, въ концѣ концовъ, стала легкой добычей римлянъ, эллинизмъ достигъ своего высшаго расцвѣта въ монархіяхъ. Правда, онъ все болѣе и болѣе теряетъ свой національный характеръ и становится космополитическимъ; но для человѣчества это направленіе оказывается благопріятнымъ. Династіи Птоломеевъ, Селевкидовъ и Атталидовъ даютъ просвѣщенныхъ поборниковъ наукъ и искусствъ. Ихъ резиденціи — Александрія, Антіохія и Пергамъ — становятся средоточіями великолѣпія, роскоши и богатства и центрами духовной культуры и всемірной торговли; онѣ украшаются великолѣпными зданіями, храмами и дворцами, академіями, музеями и библіотеками, всевозможными произведеніями искусства, наполняются фабриками, торговыми домами и магазинами. Александрія становится величайшей и оживленнѣйшей гаванью извѣстнаго тогда міра. Вѣчно живой и творческій греческій народный духъ, который, благодаря монархическому образу правленія, освободился отъ отвлекающаго занятія политикой, съ удвоенной силой отдается частью научнымъ изслѣдованіямъ и художественному творчеству, частью промышленности, торговлѣ и мореплаванію, и достигаетъ во всѣхъ этихъ областяхъ успѣховъ, распространяемыхъ благодаря связующему морю и по другимъ берегамъ.

Эпоха эллинизированныхъ государствъ, обнимающая собой три по-

слѣднія столѣтія до начала новаго лѣтосчисленія, представляетъ кульминаціонный пунктъ въ развитіи эллинской культуры; новый широкій кругъ понятій, пріобрѣтенный благодаря завоеваніямъ Александра, получилъ научную обработку и практическое примѣненіе. Къ этому періоду относится тонкая разработка греческаго языка и богатыя литературныя произведенія въ области философіи, математики, естественныхъ наукъ, географіи и исторіи: тутъ были положены основанія точныхъ наукъ. Въ этотъ же вѣкъ достигаютъ полнаго развитія, не въ силу монополіи, но благодаря свободному соревнованію, и торговля и мореплаваніе, все сильнѣе связывающія между собой народы Средиземнаго моря. Къ этой же эпохѣ относится и всѣми признанное господство эллинизма, та кроткая сила, которая неудержимо влекла и растворяла въ себѣ все чужое; сила, поглотившая финикійскую, сирійскую и египетскую культуры, и не прошедшая безслѣдно и для іудейской. Правда, столкновеніе съ многочисленными чужими элементами (о скиѳахъ, иллирійцахъ и галлахъ см. ниже стр. 77, 80 и 63) не могло съ своей стороны не отозваться на эллинизмѣ. Онъ утратилъ свою однородность и поколебленное уже политическими событіями національное чувство. Въ этомъ и въ непрерывной взаимной борьбѣ отдѣльныхъ государствъ слѣдуетъ искать причины того, что эллинизмъ впослѣдствіи послужилъ основаніемъ, на которомъ выросло гордое зданіе Рима.

Д. **Карѳагенъ.**

Но еще до того, какъ начинаетъ сказываться могучее вліяніе Рима на жизни народовъ Средиземнаго моря, въ восточной части его на историческую сцену выступаетъ народъ — карѳагеняне (см. выше стр. 19). Финикійская колонія, въ которой нашли новую родину благороднѣйшіе роды гордаго Тира, рано прервала всякія сношенія со своимъ отечествомъ, привлекла къ себѣ остальныя финикійскія поселенія въ Африкѣ и соединилась съ ними въ одно, быстро развившееся и цвѣтущее государство, въ которомъ вскорѣ ничто, кромѣ происхожденія и любви къ мореплаванію, не напоминало о первоначальной родинѣ. Даже національность карѳагенянъ, благодаря сосѣднимъ вліяніямъ, приняла повидимому самостоятельный характеръ, хотя языкъ у нихъ сохранился финикійскій. Область карѳагенскаго государства, граничившая на востокѣ съ Нумидіей, на западѣ съ Мавританіей, вскорѣ покрылась многочисленными городами не только вдоль морского берега, но и внутри страны, тамъ, гдѣ земледѣліе давало хорошіе урожаи. Затѣмъ колонизація распространилась дальше: по Балеарскимъ островамъ, въ Испаніи, въ Африкѣ по берегамъ Атлантическаго океана и по большимъ островамъСредиземнаго моря—Корсикѣ, Сардиніи и Сициліи. Но на Сициліи существовали уже греческія поселенія. Отсюда возникла продолжительная война между карѳагенянами и греками за господство въ Сициліи, въ западной части которой держались карѳагеняне, въ восточной—греки; въ 480 г. войско и флотъ карѳагенскаго полководца Гамилькара были уничтожены сиракузскимъ тиранномъ Гелономъ при Гимерѣ.

Несмотря на большія богатства и значительныя средства, Карѳагенъ не завоевалъ себѣ особенныхъ заслугъ передъ лицомъ культуры: суровое олигархически-аристократическое правленіе, религіозный культъ, требовавшій человѣческихъ жертвоприношеній, и свойственная всему народу черта жестокости отличаютъ карѳагенянъ. Цивилизаторское вліяніе ихъ на сосѣднихъ берберовъ сказалось въ томъ, что эти номады частью стали осѣдлыми, принялись за постройку городовъ (Іолъ и Тингисъ въ Мавританіи, Гиппонъ и Зама въ Нумидіи) и подчинились цѣпямъ государственности (государства Мавританія и Нумидія). Чѣмъ дальше распространялось могущество Карѳагена по Средиземному морю, тѣмъ чаще приходилось ему сталкиваться съ Римомъ; обѣ державы видѣли другъ въ другѣ главное

препятствіе своему успѣшному развитію, опаснаго соперника, съ которымъ невозможно было мирное совмѣстное существованіе, но котораго нужно было, во что бы то ни стало, уничтожить. И въ Карѳагенѣ, и въ Римѣ сознаніе необходимости войны на жизнь и смерть стало догматомъ, питавшимъ глубокое взаимное озлобленіе обоихъ народовъ. Война вспыхнула въ 264 г. до Р. Х. Снова Сицилія послужила непосредственнымъ поводомъ къ войнѣ. Вслѣдствіе настойчивости и военной выдержки обѣихъ сторонъ, борьба съ перерывами длилась до 146 г.; театръ военныхъ дѣйствій послѣдовательно переходилъ изъ Сициліи въ Африку, Испанію, Италію и на море. Отъ 218 до 215 г. война, благодаря смѣлому походу карѳагенскаго полководца Ганнибала, который черезъ Испанію и южную Галлію и черезъ Альпы прошелъ въ Италію, приняла неожиданно благопріятный для карѳагенянъ оборотъ и привела Римъ на край гибели; но римляне нашли достойнаго союзника въ лицѣ нумидійскаго царя Массиниссы, и война окончилась пораженіемъ Карѳагена. Городъ былъ разрушенъ, а карѳагенская область стала римской провинціей. Юлій Цезарь приказалъ вновь построить Карѳагенъ уже какъ римскій городъ; какъ таковой и какъ главный городъ вандальскаго царства, онъ впослѣдствіи игралъ еще историческую роль. Пуническая народность сохранила свою самобытность до вторженія вандаловъ и даже арабовъ и дала христіанству многихъ значительныхъ отцовъ церкви (Іеронимъ и др.).

E. **Римъ.**

Развалины карѳагенскаго государства послужили первой ступенью, на которой было положено основаніе міровому владычеству римлянъ, народа, въ которомъ „средиземная культура“ нашла себѣ наиболѣе яркое выраженіе. Народъ или, вѣрнѣе, государство римлянъ развилось благодаря неуклонному и послѣдовательному развитію одной основной идеи. Развитіе римлянъ существенно отличается отъ развитія родственныхъ имъ грековъ. Не останавливаясь на изученіи поэтическаго вымысла, украшающаго ихъ происхожденіе, исторія перешла къ болѣе позднимъ событіямъ; установлено, однако, что часть жившаго въ средней Италіи старо-италійскаго народа латиновъ, отдѣлившись отъ своего племени, основала на Тибрѣ Римъ, который и сдѣлался національнымъ средоточіемъ. Сильно развитое у римлянъ чувство собственнаго достоинства, ихъ военная выдержка и счастливыя войны съ сосѣдями вскорѣ привели городъ къ благосостоянію, величію и могуществу и сдѣлали изъ него центръ, къ которому впослѣдствіи частью добровольно, частью по принужденію примкнули и остальныя племена Италіи.

Это превосходство Рима, подобно превосходству эллиновъ надъ восточной частью Средиземнаго моря, покоилось на нравственныхъ началахъ; но нравственныя понятія Рима сильно отличались отъ эллинскихъ, а потому и вліяніе ихъ было иное. Римъ развился изъ идеи государства, изъ высокаго пониманія и неуклоннаго слѣдованія идеѣ недѣлимости, всемогущества и величія государства. Римлянинъ ставилъ выше всего rem publicam; онъ сознавалъ самого себя не отдѣльно стоящей личностью, какъ грекъ, но лишь неразрывной составной частью государства, только какъ таковой имѣющей право на существованіе, но по этой же причинѣ преисполненной особымъ величіемъ. Благо государства было высшимъ закономъ, ему должно было подчиняться все остальное: личность, національность, культура и религія. Римляне не были нетерпимы къ чужеземной національности и культурѣ, къ чужой вѣрѣ: ко всему этому они относились равнодушно; но отъ всякаго, принявшаго римское подданство, они требовали безусловнаго подчиненія идеѣ государства. Поэтому дѣятельности отдѣльныхъ личностей были положены болѣе узкія границы, чѣмъ у грековъ; личность имѣла мало значенія въ общественной жизни, проникнутой

однимъ единственнымъ духомъ. Но за то у римлянъ развилась непоколебимая твердость въ государственномъ устройствѣ и неистощимая жизненная сила, направляемая одной многоголовой, но единогласной волей, по пути къ дальнѣйшему расширенію понятія государства. Несомнѣнно, что и въ римскомъ государствѣ существовали различныя теченія и внутренняя борьба; и у нихъ политическіе замыслы и формы правленія были подвержены перемѣнамъ, монархія переходила въ аристократическую республику, аристократическая республика въ демократическую, демократія въ олигархію и цезаризмъ. Но всѣмъ этимъ смутамъ и перемѣнамъ присуща одна общая основная черта: сознаніе необходимости государственнаго единства и всемогущества.

Своеобразное направленіе въ развитіи Рима нашло себѣ выраженіе въ культурныхъ проявленіяхъ, оказавшихъ не меньшее вліяніе на жизнь народовъ Средиземнаго моря, чѣмъ эллинизмъ. Идеальная сторона развитія культуры, а также и матеріальный подъемъ ея, вызванный торговлей и промышленностью, обѣ эти, столь успѣшно выдвинутыя эллинизмомъ вѣтви, остались чужды римлянамъ и культивировались ими лишь изъ подражанія: римляне обратились къ рѣшенію соціальной задачи, стоящей въ тѣсной связи съ государственнымъ развитіемъ. Они первые сдѣлали успѣхи въ соціальной области и притомъ сразу по тремъ направленіямъ.

Уже въ древности римляне обнаружили стремленіе облечь въ постоянныя формы всѣ проявленія общественной и частной жизни, письменными законами укрѣпить за ними неизмѣнность и сдѣлать ихъ обязательными для всѣхъ безъ исключенія подданныхъ. Они имѣли въ виду обуздать такимъ образомъ произволъ и пристрастіе судей, укрѣпить въ народѣ сознаніе права и внушить всѣмъ слоямъ населенія пониманіе законности. Это пониманіе законности стало одной изъ надежнѣйшихъ опоръ государственнаго величія; рука-объ-руку съ нимъ развились и законовѣдѣніе и правовѣдѣніе и стали римской національной наукой.

Далѣе, римляне раньше всѣхъ прочихъ народовъ поняли опасность, которою грозитъ государству многочисленный классъ неимущихъ гражданъ. Поэтому они стремились содѣйствовать возможно равномѣрному распредѣленію имущества, главнымъ образомъ земли, раздѣленіемъ гражданъ на классы, аграрными законами, безвозмездной отдачей государственныхъ земель бѣднѣйшимъ гражданамъ и возможно лучшимъ уравненіемъ имущественныхъ правъ. Задачи этой они не могли разрѣшить вполнѣ, такъ какъ государство росло и соціальное положеніе его все больше запутывалось; но за ними остается заслуга признанія важности вопроса и сдѣланныхъ къ его разрѣшенію попытокъ.

Въ-третьихъ, римляне были первымъ народомъ, еще въ древности указавшимъ женщинѣ почетное положеніе въ семьѣ и въ обществѣ. Въ семьѣ они видѣли надежнѣйшую основу государственнаго порядка, строго слѣдили поэтому за святостью брака, окружали женщину почетомъ и ставили ее подъ защиту законовъ. Не говоря уже о семитическихъ и восточныхъ народахъ, и греки съ ихъ идеальными наклонностями смотрѣли на женщину, какъ на существо низшее, и держали ее въ рабской зависимости; вліяніе, которымъ пользовались нѣкоторыя выдававшіяся умомъ и красотой гетеры, указываетъ лишь на ту низкую ступень, на которой держались въ Греціи женщины вообще. Римляне наоборотъ строго слѣдили за умѣньемъ своихъ женщинъ прилично держаться и съ своей стороны относились къ нимъ съ подобающимъ уваженіемъ; и если не могло быть и рѣчи о свѣтскихъ сношеніяхъ обоихъ половъ въ современномъ значеніи этого понятія, то, несомнѣнно, у римлянъ женщина какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни занимала несравненно болѣе высокое положеніе, чѣмъ у другихъ народовъ того времени.

Въ то время, какъ римляне вырабатывали совершеннѣйшее государ-

ственное устройство, какое только зналъ средиземный древній міръ, государство ихъ, частью благодаря счастливымъ войнамъ съ другими италійскими народами, частью благодаря союзамъ и добровольнымъ присоединеніямъ, непрерывно увеличивалось въ размѣрахъ. Римъ пользовался обаяніемъ, которому не могли противостоять даже греки южной Италіи, и право гражданства Рима стало трудно достижимой милостью. И если въ Италіи никогда не стерлись вполнѣ національныя различія, то латины тѣмъ не менѣе получили рѣшительный перевѣсъ надъ другими племенами, и латинскій языкъ сталъ господствующимъ. Изъ южной Италіи римляне начали распространять свое владычество и на Сицилію и были вовлечены въ упомянутую уже войну съ карѳагенянами (стр. 25), окончившуюся присоединеніемъ первой провинціи; въ ближайшіе затѣмъ годы за Сициліей послѣдовали Сардинія и Корсика. Отсюда начинается грандіозное расширеніе римскаго государства. Ближайшій поводъ къ этому давали внѣшнія нападенія; морскіе разбои иллирійцевъ и вторженія кельтовъ Цизальпійской Галліи требовали вмѣшательства. Галлы были въ то время захвачены „обратнымъ", т.-е. направленнымъ съ запада на востокъ, переселеніемъ народовъ (см. стр. 9). Страшная катастрофа 390 года еще не была забыта; но полтора столѣтія не даромъ прошли для страны: римское государство настолько окрѣпло, что не только отразило нападеніе, но и завоевало земли по ту сторону По до Альповъ. Послѣ этого предстояло отразить второе чрезвычайно сильное нападеніе карѳагенянъ. Эта вторая пуническая война послѣ многихъ превратностей окончилась обращеніемъ отнятой у карѳагенянъ Испаніи въ римскую провинцію. Планъ Ганнибала — возстановить противъ Рима восточныя эллинскія монархіи — разбился о политику римлянъ, разрушившихъ союзъ и побѣдившихъ дѣятельнѣйшаго его участника, царя Филиппа III Македонскаго. Война съ Македоніей и ахейскимъ союзомъ предоставила римлянамъ случай укрѣпиться и въ Греціи, гдѣ они и до того имѣли опору въ лицѣ италійскаго союза. Ослѣпленныя счастьемъ Рима эллинскія государства привыкали мало-по-малу обращаться къ нему, какъ къ посреднику въ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненіяхъ и тѣмъ поддерживали его жажду завоеваній.

Но величайшій переворотъ въ неудержимомъ расширеніи римскаго государства наступилъ лишь послѣ того, какъ третья пуническая война окончилась присоединеніемъ карѳагенскаго государства подъ именемъ „провинціи Африки". Идея всемірнаго господства, дотолѣ являвшаяся лишь какъ случайное, хотя въ это же время и естественное послѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ, обратилась въ ясно сознанный политическій двигатель, преслѣдовавшій намѣченную цѣль съ желѣзной силой воли и удивительнымъ дипломатическимъ искусствомъ и пустившій въ ходъ колоссальныя средства. Почти одновременно съ Карѳагеномъ присоединена была къ Риму и совершенно почти уничтоженная Македонія; за нею послѣдовали новыя провинціи: Греція (Ахаія), Пергамъ, завѣщанный римлянамъ королемъ Атталомъ III (Asia propria), Трансальпійская Галлія, Киликія, Кирена, Виѳинія, завѣщанная римлянамъ царемъ Никомедомъ III, островъ Критъ, государство Понтъ у Чернаго моря, завоеванное у могущественнаго Митридата VI, Сирія, отнятая у Селевкидовъ, островъ Кипръ, Нумидія, Мавританія, Египетъ, отнятый въ 30 г. у Птоломеевъ, и Галатія. Впослѣдствіи къ нимъ присоединился еще цѣлый рядъ провинцій, частью въ Европѣ, частью въ Азіи; одни только германскія племена, жившія между Рейномъ, Дунаемъ и Эльбой, сумѣли оградить себя отъ желѣзныхъ объятій Рима.

Все это громадное государство, населенное самыми разнообразными народностями, управлялось изъ одного центра — города Рима. Господствующій народъ, римляне, оставляли всѣмъ покореннымъ народамъ ихъ языкъ и національность, вѣру и богослуженіе, нравы и обычаи, торговлю и про-

мышленность; они требовали лишь повиновенія, податей и солдатъ. И народы повиновались, платили подати, выставляли рекрутъ и гордились своей принадлежностью къ могущественному государству. Несмотря на все превосходство Рима, явленіе это было бы непонятно, если бы оно не было подготовлено дѣятельностью финикіянъ и грековъ. Финикійскія и эллинскія народныя черты, проникая въ жизнь народовъ Средиземнаго моря, соткали на канвѣ ея прочную ткань, изъ которой римляне впослѣдствіи и выкроили свою царственную тогу. Разнообразныя многочисленныя сношенія, завязавшіяся благодаря ихъ посредничеству между различными народами, не могли не создать, по крайней мѣрѣ верхнимъ слоямъ населенія, однообразія въ образѣ мыслей, чувствахъ и взглядахъ, мало-по-малу проникавшаго глубже и возродившаго сознаніе первоначальной, давно забытой, внутренней связи. Римское господство, казалось, оправдывало надежду на то, что отдѣльные народы, не отказываясь отъ своей національной самобытности, мирно пойдутъ по пути улучшенія своего благосостоянія. Мѣсто единственно руководящихъ дотолѣ понятій національности, родины и отечества могло заступить обнимающее ихъ въ себѣ понятіе государства, до извѣстной степени воплощавшаго человѣчество, обо всѣхъ заботившагося и одинаково охранявшаго права всѣхъ. Казалось, это зданіе было сооружено на вѣчныя времена. Ничто, повидимому, не могло потрясти прочности его устройства: ни нападеніе внѣшнихъ враговъ, ни внутренніе раздоры, ни перемѣна формъ правленія, республики, диктатуры, тріумвирата, цезаризма. Идея государства не исчезала даже во время междоусобныхъ войнъ. Въ геніи божественнаго Юлія Цезаря (его наименованіе *Kaîσaρ* стало высшимъ монархическимъ титуломъ) римское понятіе государства нашло себѣ блестящее воплощеніе. А когда племяннику его, Октавіану Августу, удалось, сохранивъ старый образъ правленія, достичь высшаго государственнаго сана и сдѣлать его на нѣкоторое время наслѣдственнымъ, гордое зданіе, казалось, было увѣнчано.

Римское государство того времени представляло міровую монархію въ болѣе строгомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ государство Александра Великаго. Это не была насильственно созданная однимъ мечемъ масса стремившихся въ разныя стороны частей, это было органически живое тѣло, видѣвшее въ Римѣ свою главу. Организаторская способность римлянъ создала государство, живыя силы котораго всѣ сходились въ одномъ центрѣ. Кромѣ того столица съ ея дворцами, храмами, театрами, гипподромами, памятниками, банями, съ ея шествіями, боевыми состязаніями и другими развлеченіями имѣла въ себѣ много притягательнаго. Для римлянина существовалъ лишь одинъ городъ — urbs, лишь одинъ міръ — orbis. Но римскій духъ не былъ присущъ одному лишь городу; онъ распространялся по всѣмъ провинціямъ, не проникая въ глубину и не поглощая чужой самобытности, какъ греческій, но внушая къ себѣ уваженіе самосознаніемъ, серьезнымъ спокойствіемъ и планомѣрностью. Римская культура составляла такимъ образомъ драгоцѣнное дополненіе къ эллинистической. Обѣ онѣ приходятъ въ соприкосновеніе по всему побережью Средиземнаго моря, во многихъ случаяхъ проникаются одна другой и постепенно все очевиднѣе сливаются въ одну общую средиземную культуру, которая начинаетъ уже сознавать самое себя.

Ж. Христіанство.

Среди новыхъ условій, созданныхъ расширеніемъ римскаго государства въ земляхъ, лежащихъ по Средиземному морю, ученіе Христа вызвало переворотъ въ умахъ, которому исторія почти не знаетъ равнаго. Революція эта не имѣла ни политическаго, ни національнаго, а лишь культурное и соціальное значеніе. Первые приверженцы христіанства, большею

частью „меньшая братія“ изъ бѣднѣйшихъ и мало образованныхъ слоевъ народа, не обладая никакимъ внѣшнимъ честолюбіемъ, не оказали поэтому сразу и замѣтнаго вліянія на вылившуюся въ твердыя формы римскаго законодательства общественную жизнь. Къ тому же первый толчокъ исходилъ изъ іудейства, не имѣвшаго въ то время ни политическаго, ни національнаго значенія; но именно разсѣяніе іудеевъ по всему міру и содѣйствовало существеннымъ образомъ распространенію сѣмени. Такъ же существенно было и то, что ученіе это съ самаго начала разорвало тѣсныя рамки національно-іудейскаго образа мышленія, прониклось, благодаря дѣятельности гречески образованнаго бывшаго фарисея Павла, эллинскимъ духомъ и тѣмъ пріобрѣло возможность распространиться по всему человѣчеству. Монотеизму присуща огромная сила распространенія; освободившись отъ національныхъ оковъ, эта сила тѣмъ скорѣе могла проявить свою дѣятельность, что христіанское ученіе съ его вѣрой во Единаго Бога заключало въ себѣ и нравственное ученіе, привлекавшее къ себѣ сердца кротостью и обнимающей все безъ различія человѣчество любовью. Впервые провозглашенъ былъ принципъ, гласившій, что всѣ безъ различія люди — „дѣти Божіи“, что всѣ они имѣютъ одинаковое внутреннее достоинство, всѣ призваны къ пользованію одинаковыми правами.

Съ начала историческихъ временъ всякая общественная организація основывалась на неравенствѣ; и если высшее выраженіе его — касты, — изъ всѣхъ земель, окружающихъ Средиземное море, существовали лишь въ древнемъ Египтѣ, то и у другихъ народовъ существовало большое различіе между сословіями. Понятіе „народъ“ обнимало лишь численно болѣе или менѣе ограниченный слой политически правоспособныхъ гражданъ, а на ряду съ ними существовала еще громадная масса политически-безправныхъ и лично несвободныхъ рабовъ. Даже исполненный строгаго правового сознанія Римъ сохранилъ въ своемъ гражданскомъ законодательствѣ рабство: на рабствѣ основывалась вся его экономическая жизнь. Рабы обработывали поля, рабы занимались мастерствомъ и ремеслами, рабы исполняли роль гребцовъ на торговыхъ судахъ, между тѣмъ какъ граждане заняты были исполненіемъ своихъ государственныхъ обязанностей, подачей голосовъ въ народныхъ собраніяхъ и отбываніемъ воинской повинности. Свободная работа являлась исключеніемъ. Среди такихъ условій появились христіане со своей проповѣдью любви и братства: они утверждали, что нѣтъ различія между высшими и низшими, между свободными и несвободными, господами и слугами, что всѣ люди равны между собой и не имѣютъ другихъ обязанностей, кромѣ взаимной любви и помощи. Конечно, первые христіане не дѣлали и попытокъ провести свое ученіе въ жизнь: они опредѣленно высказывали, что царство ихъ не въ этомъ мірѣ и ожидали исполненія своихъ надеждъ на томъ свѣтѣ; поэтому они добровольно подчинялись существовавшимъ законамъ. Но если бы христіанскимъ догматамъ удалось проникнуть въ громадныя массы невѣжественныхъ рабовъ, то не было ли здѣсь возможно иное толкованіе? Не склонна ли была эта часть населенія испытать обѣщанныя свободу и братство скорѣе въ этой, чѣмъ въ будущей жизни? Не отказалась ли бы громадная масса рабовъ, основываясь на своей силѣ и на новомъ ученіи, отъ дальнѣйшей работы, и не потребовала ли бы своей доли участія въ состояніи имущихъ классовъ? Не угрожало ли это существующему общественному порядку и не ставило ли на карту даже существованія государства? Казалось, въ ближайшемъ будущемъ предстояла всеобщая борьба.

Отсюда становится ясно, какую ужасающую картину соціальнаго вопроса должно было развернуть передъ глазами людей, стоявшихъ у власти, первое появленіе христіанства съ его неслыханными дотолѣ требованіями. Надъ приверженцами христіанства можно было или смѣяться, какъ надъ непрактичными утопистами, или же приходилось ненавидѣть въ нихъ опас-

ныхъ новаторовъ. Лежавшая въ основѣ христіанства идея дѣятельной человѣчности стояла выше іудейскаго, эллинскаго и римскаго міросозерцанія; до пониманія ея человѣчество должно было еще дорасти. А до того времени римская государственная власть должна была оказывать сопротивленіе новому ученію и стремиться къ его насильственному подавленію. Но при этомъ ей предстояло убѣдиться, что сила идеи превосходитъ физическую силу. Несмотря на всю страстность борьбы, мало-по-малу стало ясно, что обѣ стороны различными путями преслѣдовали одну и ту же цѣль: господство общихъ интересовъ надъ частными. Если Римъ стремился къ политическому господству надъ всѣмъ міромъ, то христіанство стремилось къ духовному единенію его подъ одной вѣрой, однимъ исновѣданіемъ, однимъ нравственнымъ началомъ. Внутреннее родство между обѣими этими, лишь съ перваго взгляда различными, цѣлями должно было привести къ взаимному соглашенію. Государственная власть отказалась отъ насильственнаго попиранія вѣры, проникшей уже въ высшіе слои общества и потерявшей свой революціонный характеръ; христіанство же отказалось отъ своихъ хиліастическихъ мечтаній и приняло направленіе, болѣе согласное съ требованіями земной жизни. Обѣ стороны поняли, что могли быть полезными другъ другу: государственная власть увидѣла въ общей, основанной на нравственныхъ началахъ, религіи прочное средство для сплоченія распадающихся составныхъ частей государства; христіанство научилось цѣнить въ римскомъ государственномъ устройствѣ могущество строгой дисциплины и постаралось обратить это могущество въ свою пользу.

Произошло примиреніе. Государство христіанизировалось, т.-е. христіанство стало религіей руководящихъ классовъ, а число его противниковъ все болѣе и болѣе уменьшалось (pagani); христіанство организовалось въ церковь по образцу и въ духѣ римскаго государственнаго устройства. За оказанную поддержку оно потребовало и добилось отъ государства неограниченной власти надъ душами, т.-е. надъ мыслями и чувствами всѣхъ подданныхъ.

Христіанство, признанное римской государственной религіей и побѣдоносно распространившееся по берегамъ Средиземнаго моря, стало новымъ связующимъ началомъ, въ которомъ ясно выступаетъ внутренняя связь отдѣльныхъ частей. Вышедшая изъ іудейскаго корня вѣра во Единаго Бога, вѣчно живое стремленіе финикіянъ къ обмѣну земными благами, высокій полетъ мысли, пониманіе прекраснаго и любознательность эллиновъ, чувство законности, дисциплина и соціальная наука римлянъ и покоющіяся на общей любви къ человѣку нравственныя начала христіанства тѣсно сплетаются другъ съ другомъ, поддерживаются благодаря легкости морскихъ сношеній въ постоянномъ соприкосновеніи и создаютъ средиземную культуру, которая характеризуется стремленіемъ къ совершенствованію, къ знанію, къ улучшенію и украшенію земного существованія.

3. Развитіе средиземной культуры.

А. Вліяніе германцевъ.

Римская имперія, послужившая въ силу своего развитія и расширенія къ объединенію значительной части человѣчества, долгое время играла роль молота; ей предстояло теперь сдѣлаться и наковальней. „Громадное маховое колесо исторіи“ — переселеніе народовъ — пришло въ теченіе того времени, какъ создавалась всемірная монархія римлянъ въ сравнительное спокойствіе; но крайней мѣрѣ вліяніе его стало менѣе ощутительнымъ на берегахъ Средиземнаго моря. Новый могущественный импульсъ, подъ уда-

ромъ котораго свѣтъ содрогнулся въ своихъ основаніяхъ, дали ему германцы. Удару предшествовалъ правда предостерегающій трескъ. Первые признаки новаго движенія обнаружились еще за сто слишкомъ лѣтъ до начала христіанскаго лѣтосчисленія въ нападеніи кимвровъ и тевтоновъ на римскую имперію, затѣмъ черезъ короткіе промежутки времени они повторялись съ возрастающей силой. Германскія племена по ту сторону Рейна и Дуная становились все неспокойнѣе; въ римской Галліи Юлій Цезарь покорилъ свевовъ. Но всѣ попытки римлянъ покорить германскія племена, жившія по ту сторону обѣихъ пограничныхъ рѣкъ, остались безплодными. Римъ вскорѣ принужденъ былъ ограничиться обороной, но и она становилась все труднѣе. Только съ трудомъ удалось усмирить даковъ на нижнемъ Дунаѣ и частью романизировать ихъ многочисленными колоніями. При устьяхъ Дуная и по берегамъ Чернаго моря укрѣпились, послѣ изгнанія и порабощенія скиѳовъ и сарматовъ, готы и отсюда безчисленными разбойническими набѣгами наводнили ѳракійскія, малоазіатскія и греческія провинціи; занявъ утраченную римлянами Дакію, они основали государство, простиравшееся отъ Чернаго до Балтійскаго морей.

Въ это же время, возобновившіеся въ крайнихъ восточныхъ азіатскихъ владѣніяхъ римской имперіи набѣги парѳянъ указывали на готовившееся изъ Средней Азіи новое изверженіе народовъ. Оно наступило въ то самое время, какъ внутренно одряхлѣвшая уже римская имперія подъ собственной тяжестью распалась на двѣ половины, западную и восточную, съ резиденціями Римомъ и Константинополемъ. Многочисленный среднеазіатскій кочевой народъ монгольской расы, — гунны, тѣснимый въ свою очередь, двинулся на западъ, неудержимо отодвигая все на своемъ пути. У Волги гунны встрѣтились съ аланами, также кочующими наѣздниками, представлявшими смѣсь германцевъ и сарматовъ, и увлекли ихъ съ собой. Соединившись, они бросились на новооснованное готами государство и разрушили его. Въ то время какъ остготы вмѣстѣ съ гуннами и аланами распространились по дакійско-паннонскимъ низменностямъ, вестготы съ яростью бросились сперва на западную, а затѣмъ и на восточную римскую имперію. Преемникъ Алариха, Атаульфъ, вывелъ ихъ изъ Италіи въ Галлію и Испанію.

Между тѣмъ толчокъ, данный гуннами, разрушившими готское государство, вызвалъ общее передвиженіе всѣхъ германскихъ племенъ, жившихъ къ западу отъ Вислы, на западъ и на югъ: это было переселеніе съ женами и дѣтьми и всѣмъ движимымъ имуществомъ, наводнившее всю Европу и остановившееся лишь у Средиземнаго моря. Но еще до того, какъ среди хаоса тѣснившихъ другъ друга народовъ могло установиться равновѣсіе, съ востока надвигались все новыя и новыя массы. За германскими послѣдовали славянскія племена, занявшія покинутыя германцами мѣста и мало-по-малу распространившіяся по всему протяженію между Балтійскимъ и Чернымъ морями. За ними появились народности татарскаго и другого, не поддающагося точному опредѣленію, происхожденія (болгары, язиги, авары и т. д.), постоянно поддерживавшія движеніе народовъ на западъ.

Дни римской имперіи были сочтены. Она не могла противостоять такому натиску, и ея государственное устройство должно было погибнуть подъ напоромъ хищныхъ варваровъ. Напрасно римляне принимали на службу въ качествѣ наемниковъ толпы этихъ варваровъ, напрасно они уступали имъ одну за другой пограничныя области. Когда западная римская имперія для защиты Италіи вызвала римскіе легіоны обратно изъ провинцій, варвары не замедлили ихъ наводнить. Изъ нихъ первыми распространились по государству германцы. Въ началѣ V вѣка въ сѣверной Галліи основались франки, въ восточной бургунды; вандалы ушли въ Испанію, а позднѣе, вытѣсненные вышедшими изъ Италіи вестготами,

переправились черезъ Гибралтаръ въ римскую Африку. Вестготы между тѣмъ расположились въ Испаніи и Аквитаніи.

Но и сама Италія съ походомъ Алариха еще не выпила до дна чаши страданій. Аттила, бичъ Божій, воспринявъ мечту о всемірномъ господствѣ, повелъ на западную Европу толпы гунно-алано-готскаго государства; въ Галліи навстрѣчу ему вышелъ римскій полководецъ Аэцій, соединившій подъ своимъ предводительствомъ франковъ, бургундовъ, вестготовъ, галловъ и остатки римлянъ. Принужденный отступить послѣ битвы на Каталаунскихъ поляхъ, Аттила напалъ на сѣверную Италію и разрушилъ тамъ цвѣтущую Аквилею. Въ 453 г. онъ умеръ; но на мѣсто его у Рима появились два другихъ опасныхъ врага. Германецъ Одоакръ, которому римляне поручили защиту Италіи, низвергнулъ послѣдняго римскаго императора и, не встрѣчая сопротивленія, распространилъ въ Италіи германское владычество. Между тѣмъ императоръ восточной римской имперіи Зенонъ, желая избавиться отъ неудобнаго сосѣдства съ паннонскимъ государствомъ остготовъ, побудилъ Теодориха предпринять завоеваніе Италіи. Великому остготу удалось не только сдѣлаться королемъ Италіи вмѣсто Одоакра, но и завѣщать свое господство своимъ потомкамъ. Онъ поставилъ себѣ главной цѣлью стереть національныя различія между римлянами и готами. Къ сожалѣнію готы, принявъ христіанство, приняли отвергнутое императоромъ и церковью ученіе Арія; и хотя они въ государственномъ управленіи и старались примѣниться къ созданнымъ Римомъ формамъ, но объединеніе ихъ съ римлянами не выходило все-таки за предѣлы мирнаго сожительства.

Въ то время, какъ въ Италіи происходили эти перемѣны, въ бывшихъ восточныхъ и южныхъ римскихъ провинціяхъ также образовались новыя германскія государства. Въ Галліи салическіе франки подъ предводительсвомъ Хлодвига уничтожили въ 486 г. послѣдніе остатки римскаго господства и приняли признанное Римомъ христіанское ученіе; отсюда выросло впослѣдствіи могущественное франкское государство. Въ Испаніи еще Атаульфъ положилъ начало вестготскому владычеству; Эврихъ и его преемники царствовали въ этомъ вестготскомъ государствѣ до 711 г. Здѣсь сліяніе готовъ съ римлянами произошло значительно легче, чѣмъ въ Италіи, главнымъ образомъ потому, что король Реккаредъ въ 587 г. перешелъ отъ аріанскаго къ правовѣрному христіанскому ученію и создалъ общее для обоихъ народовъ законодательство. Вытѣсненные вестготами, вандалы уже раньше переправились въ Африку; король ихъ, Гейзерихъ, завоевалъ въ 439 г. всю эту римскую провинцію и сдѣлалъ Карѳагенъ главнымъ городомъ государства, просуществовавшаго почти цѣлое столѣтіе. Вандалы, достигнувъ значительнаго морского могущества, завоевали Сицилію, Сардинію, Корсику и Балеарскіе острова и внушали страхъ не только въ Италіи (разграбленіе Рима въ 455 г.), но и въ Византіи. Однако жаркій климатъ и римская роскошь вскорѣ сломили сѣверную силу. Здѣсь сліяніе съ римлянами не могло произойти, такъ какъ вандалы, въ противоположность другимъ германцамъ, отличались религіозной нетерпимостью и, какъ ревностные послѣдователи аріанскаго вѣроученія, немилосердно преслѣдовали приверженцевъ римской церкви.

Въ это время восточная римская имперія снова достигла нѣкотораго могущества въ царствованіе Юстиніана I. Тѣснимый съ сѣвера болгарами, съ востока персами, императоръ Юстиніанъ задумалъ однако возстановить единство и величіе бывшей римской имперіи; счастье и военныя способности его полководцевъ, Велизарія и Нарзеса, казалось, привели уже эту цѣль къ близкому осуществленію. Послѣ уничтоженія начинавшаго уже распадаться вандальскаго государства, византійцы завоевали южные берега вестготской Испаніи и на нѣкоторое время удержали ихъ за собой. Затѣмъ византійскія войска обратились на Италію, и послѣ 20-тилѣтней

борьбы владычеству остготовъ наступилъ конецъ. Но времена не благопріятствовали полному возстановленію римскаго могущества; съ востока все еще продолжалось движеніе народовъ. Покинутыя въ свое время Теодорихомъ области Панноніи и Дакіи были заняты лангобардами и гепидами. Въ вспыхнувшей между обоими племенами войнѣ лангобарды одержали верхъ, но должны были отступить передъ надвигавшимся татарскимъ племенемъ аваровъ и двинулись дальше на западъ. Въ 568 г. лангобарды подъ предводительствомъ Альбоина достигли границъ Италіи и въ короткое время завоевали почти всю страну. Присущее лангобардамъ неукротимое стремленіе къ свободѣ съ трудомъ переносило господство собственныхъ королей; каждый герцогъ стремился создать себѣ собственную независимую власть. Этимъ было положено первое основаніе государственному дробленію Италіи. Сближеніе между побѣдителями и побѣжденными началось послѣ того, какъ король Автарій въ 589 г. женился на послѣдовательницѣ римскаго вѣроученія, баваркѣ Теодолиндѣ. Продолжавшееся сліяніе все болѣе и болѣе выдвигало романскія черты въ ущербъ германской самобытности. Борьба съ могущественными вассалами, съ остатками византійскаго экзархата Равенны и съ вліяніемъ римскаго епископа совершенно ослабила королевство лангобардовъ, и въ 774 г. оно было вконецъ уничтожено новыми пришельцами.

Б. **Вліяніе ислама.**

Грандіозному движенію въ сѣверной части Средиземнаго моря, въ общихъ чертахъ описанному въ предыдущей главѣ, по силѣ не уступаетъ и позднѣе начавшееся движеніе на восточномъ и южномъ его берегахъ. И здѣсь началось переселеніе народовъ, исходившее однако не изъ неизвѣстныхъ мѣстностей, а изъ опредѣленнаго извѣстнаго центра, не въ видѣ полусознательной силы природы, но какъ результатъ одной единичной воли. Въ юго-восточномъ углу Средиземнаго моря, мѣстѣ рожденія монотеистическихъ религій, снова зародилась идея Единаго Бога, соединившая въ себѣ упорное рвеніе послѣдователей Іеговы съ присущей христіанскому вѣроученію способностью распространенія. Исламъ, провозглашенное Магометомъ ученіе, не только быстро распространился по своей родинѣ, Аравіи, но и неудержимо разрастался дальше, стремясь обратить къ вѣрѣ въ Аллаха и его пророка всѣ народы земного шара, не останавливаясь для достиженія этой цѣли и передъ насильственными мѣрами.

Это движеніе внезапно съ неудержимой силой пробудило въ малоизвѣстныхъ дотолѣ арабахъ завоевательныя стремленія, унесшія ихъ далеко за предѣлы ихъ полуострова и сдѣлавшія ихъ виновниками второго переселенія народовъ. Натискъ арабовъ не вызвалъ, подобно германскому нашествію, поступательнаго движенія народовъ, которые попадались на его пути: они лишь наводнили занятыя этими народами земли. Преемники Магомета, халифы, духовные и свѣтскіе властители своего народа, немедленно приступили къ завоеванію обоихъ сосѣднихъ государствъ. Омаръ отнялъ у византійцевъ Сирію, Палестину, Финикію, Египетъ и сѣверный берегъ Африки; его преемникъ Османъ завоевалъ всю Персію и положилъ конецъ владычеству династіи Сассанидовъ.

Но лишь только арабы осѣли на берегахъ Средиземнаго моря, они тотчасъ же испытали на себѣ вліяніе средиземной культуры; они, которымъ географическое положеніе ихъ страны, окруженной тремя морями, въ теченіе тысячелѣтій никогда не внушало даже и мысли о мореплаваніи, стали мореплавателями. На финикійскомъ берегу, классической колыбели мореплаванія, они создали себѣ могущественный флотъ, благодаря которому не только вступили въ морскую борьбу съ Византіей, но и захватили въ свои руки міровую торговлю. Вліяніе Средиземнаго моря сказалось и въ

томъ, что соприкосновеніе съ римско-греческой культурой разбудило въ арабахъ наблюдательность и любовь къ наукамъ. Въ то время какъ Европа, наводненная переселеніемъ народовъ, подъ вліяніемъ паденія всего дотолѣ существовавшаго, и въ духовномъ и въ нравственномъ отношеніи начала приходить въ упадокъ, арабы стали почти единственными носителями культуры. Въ періодъ калифата Оммаіадовъ (661—750 г.), перенесшихъ свою резиденцію въ Дамаскъ, арабское государство разрослось еще дальше: простираясь въ Азіи до границъ Кавказа, Каспійскаго моря и Аральскаго озера, Сыръ-Дарьи и Индіи, оно черезъ Африку въ направленіи, обратномъ походу вандаловъ, перешло въ Европу. Въ 711 г. арабы положили конецъ владычеству вестготовъ въ Испаніи, перешли черезъ Пиренеи въ королевство франковъ и заняли Балеарскіе острова, Корсику, Сардинію и Сицилію и даже Тарентъ.

B. **Общій обзоръ.**

Разсматривая все переселеніе народовъ, продолжавшееся отъ середины IV и до конца VIII вѣка, мы замѣчаемъ въ немъ одно преобладающее направленіе съ востока на западъ и притомъ по обѣ стороны продольной оси Средиземнаго моря. На сѣверѣ движеніе начинается раньше и захватываетъ болѣе широкіе слои; на югѣ оно носитъ характеръ сознательной дѣятельности. Въ обоихъ случаяхъ оно преломляется у береговъ Атлантическаго океана и, принужденное описать прямой уголъ, принимаетъ новое направленіе. Соотвѣтственно устройству поверхности, это новое движеніе направляется черезъ море, въ мѣстѣ наименьшаго разстоянія между обоими материками, а именно черезъ Гибралтарскій проливъ; здѣсь обѣ народныя волны встрѣчаются и вливаются одна въ другую: этимъ уничтожается живая сила обѣихъ. Движущееся вокругъ Средиземнаго моря кольцо народовъ здѣсь окончательно замыкается, и все движеніе, несмотря на продолжающійся натискъ, должно остановиться; оба конца вонзились одинъ въ другой и образовали запутанный клубокъ, представлявшій препятствіе всякому дальнѣйшему движенію. Теперь остается лишь прочнѣе укрѣпиться на завоеванныхъ земляхъ и обороняться отъ новыхъ пришельцевъ. Само же Средиземное море, снова становясь театромъ великихъ историческихъ событій, вторично играетъ роль могущественнаго вмѣстилища, въ которомъ пестрая смѣсь народовъ, приходя въ броженіе, постепенно выливается въ болѣе совершенныя формы.

Въ продолженіе великаго переселенія и непосредственно послѣ него, въ земляхъ, окружающихъ Средиземное море, замѣчается правда скорѣе одно только броженіе. Старый міръ разрушенъ, а новый въ недоумѣніи останавливается передъ лежащими развалинами; высокая, слишкомъ утонченная культура должна была склониться подъ тяжелыми шагами исполненныхъ силы пришлыхъ народовъ. Трудно ожидать, чтобы времена, въ которыя избіеніе людей тысячами оставалось незамѣченнымъ, принесли съ собой духовное развитіе и благопріятствовали развитію идей человѣчности и нравственности и идеальному пониманію задачъ жизни; единственное, что пользовалось уваженіемъ, были мечемъ отвоеванныя блага, личное мужество и физическая сила. „Жить значило обороняться". Дѣйствительно всѣ плоды многотрудной культурной работы многихъ столѣтій были уничтожены: не только рукописи и произведенія искусства, храмы и театры, улицы и мосты, водопроводы и рынки, но и идеалы, планы, замыслы, духовныя стремленія, словомъ все умственное и нравственное міросозерцаніе древняго міра. И тѣмъ не менѣе въ этомъ разрушеніи всего существующаго, въ мучительной борьбѣ за новые, лишь смутно предчувствуемые, идеалы, уничтоженная, казалось бы, средиземная культура сохранила всю свою жизненную силу и превосходство; тѣмъ не менѣе мало замѣтная, но

тѣмъ болѣе прочная, внутренняя историческая связь народовъ Средиземнаго моря именно съ этого времени выразилась въ полной силѣ, неудержимо привлекая въ кругъ своего вліянія и чуждые новые элементы. Замѣчательно, какъ мало способности къ сохраненію своей самобытности высказывали эти чужеземцы, селясь у береговъ Средиземнаго моря. Несомнѣнно этому способствовали и умѣренный климатъ, и болѣе роскошный въ сравненіи съ прежнимъ образъ жизни, и красота южныхъ женщинъ, и болѣе обильное употребленіе вина и тому подобныя обстоятельства; кромѣ того и число пришельцевъ было по всей вѣроятности слишкомъ незначительно въ сравненіи съ туземнымъ населеніемъ — во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что завоеватели, благодаря торговлѣ, женитьбамъ и другимъ сношеніямъ испытали на себѣ этнологическія измѣненія, причемъ германскія основныя черты стушевались поразительно быстро.

Г. **Появленіе романскихъ народовъ.**

Романскіе народы, наоборотъ, проявили при расовыхъ сліяніяхъ необыкновенную силу. Это сказалось уже раньше (вспомнимъ о романизаціи Африки и Дакіи колонистами и солдатами) и подтвердилось теперь въ Италіи и западныхъ странахъ. На Пиренейскомъ полуостровѣ вестготы въ третьемъ вѣкѣ своего господства, благодаря сліянію съ туземнымъ населеніемъ, измѣнили свою національность, послѣ чего здѣсь возникъ народъ испанцевъ, въ которомъ, несмотря на сильную примѣсь кельтиберійскихъ, греческихъ и карѳагенскихъ остатковъ, преобладалъ романскій элементъ. Точно также на Апеннинскомъ полуостровѣ лангобарды, постепенно сливаясь съ римлянами и остатками готскаго и греческаго населенія, обратились въ итальянцевъ. И даже наиболѣе сильный и живучій изъ всѣхъ германскихъ народовъ, пришедшихъ въ прямое соприкосновеніе съ римлянами,—франки, смѣшавшись въ Галліи съ римлянами и галлами, обратились въ французовъ, въ которыхъ больше всего сохранились кельтскія, а затѣмъ и романскія черты, тогда какъ германскія почти совершенно исчезли; только восточныя племена франковъ, сохранивъ соприкосновеніе съ фризами, саксами и баюварами, сохранили свою самобытность и совмѣстно съ этими племенами создали нѣмецкую національность.

Слабая живучесть германцевъ, стоящая въ противорѣчіи съ ихъ природной силой, доказывается и ихъ неоднократнымъ почти внезапнымъ исчезновеніемъ съ исторической арены (остготы послѣ 555 г., гепиды послѣ 568 г., вандалы послѣ 534 г.: противъ этого мнѣнія срв. гипотезу Лёера о Гуанчахъ). Кромѣ того они сравнительно легко мѣняютъ свою вѣру. За исключеніемъ франковъ, сразу ставшихъ правовѣрными, всѣ германцы приняли аріанское вѣроученіе; но затѣмъ, освоившись съ римлянами, они въ большинствѣ случаевъ переходили въ ихъ вѣру. Въ этомъ сказывается ихъ рѣзкое отличіе отъ семитовъ (іудеи и арабы), сохранившихъ и послѣ своего разсѣянія и при самыхъ непривычныхъ для нихъ условіяхъ жизни свои племенныя особенности, нравы и вѣру. Слѣдуетъ однако отмѣтить, что германцы были лишь передовыми отрядами, которые послужили какъ бы таранами при разрушеніи стараго свѣта, и отпали вслѣдствіе силы удара отъ своихъ главныхъ племенъ.

Одну изъ главныхъ причинъ быстраго исчезновенія германской самобытности при новомъ смѣшеніи народовъ слѣдуетъ искать въ томъ, что побѣжденные имѣли уже выработанный книжный языкъ и богатую литературу, тогда какъ побѣдители въ этомъ отношеніи стояли далеко позади нихъ. Правда, письменность была извѣстна и имъ (руны?); но знакомство съ ней было рѣдкостью, а письменная литература и совсѣмъ не существовала. Понятно поэтому, что когда германцамъ въ новыхъ условіяхъ жизни чаще пришлось обращаться къ пользованію письменами, имъ труднѣе

было выражаться на родномъ языкѣ, чѣмъ на чужомъ, на которомъ они могли найти указанія и помощь. Такимъ образомъ въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ они должны были пользоваться чужимъ языкомъ; а отсюда до устнаго употребленія этого языка оставался лишь одинъ шагъ. Отказъ же отъ родного языка есть уже наполовину утрата національности. Болѣе высокая степень культуры оказалась могущественнѣе природной силы; послѣдующія же поколѣнія тѣмъ охотнѣе пользовались болѣе развитымъ старымъ языкомъ, что въ германскомъ недоставало выраженій для многихъ понятій, съ которыми германцы и познакомились лишь благодаря римлянамъ. Кромѣ того старый языкъ былъ языкомъ церкви, подъ защиту которой въ тѣ суровыя времена становились послѣдніе остатки образованности; и церковь вскорѣ стала пользоваться такимъ духовнымъ вліяніемъ надъ простыми душами германцевъ, какого она никогда не достигала надъ туземными народами Средиземнаго моря. Къ тому же языкъ составляетъ лишь отдѣльное звено въ цѣпи вліяній, имѣющихъ мѣсто при сліяніи народовъ. Хотя римско-греческая культура во время переселенія народовъ и погребена была подъ густымъ слоемъ полу-варварскаго мусора, но она не была задушена и, прорываясь тамъ и сямъ, сперва въ единичныхъ, а затѣмъ во многихъ мѣстахъ, постепенно съ возрастающей силой вырвалась на поверхность. Понятно, что при этомъ она приняла многое изъ чужихъ наслоеній, но и съ своей стороны отдала имъ столько своихъ чертъ, что способствовала дальнѣйшему ихъ развитію въ смыслѣ объединенія въ одну средиземную культуру.

Д. **Византія.**

Въ восточной римской имперіи, также переживавшей, хотя и въ меньшей степени, бурныя времена переселенія народовъ, греко-римская культура не была подвержена такимъ разрушительнымъ вліяніямъ, какъ въ западныхъ земляхъ Средиземнаго моря; Балканскій полуостровъ съ главнымъ городомъ Константинополемъ сумѣлъ нѣкоторое время обороняться отъ натиска аваровъ, болгаръ и арабовъ. Но зато она подверглась здѣсь своеобразному внутреннему распаденію. Въ то время какъ на западѣ разрушающаяся культура оплодотворила еще новое жизнеспособное государство, востокъ, съ внѣшней стороны, почти нетронутый, но окруженный татарами и семитами, лишенъ былъ возможности свободныхъ сношеній и палъ въ своемъ одиночествѣ. Лишенный свѣта и воздуха, эллинизмъ уступилъ мѣсто византинизму. Переходъ этотъ характеризуется своеобразнымъ пониманіемъ христіанскаго вѣроученія, все возрастающей, со времени отпаденія, враждой къ Риму и римской церкви, и небывалымъ дотолѣ деспотическимъ образомъ правленія. Такой ходъ развитія обнаруживаетъ несомнѣнный полный разрывъ съ средиземной культурой и не подлежитъ поэтому въ настоящемъ мѣстѣ разсмотрѣнію (см. т. V).

Е. **Франки и возникновеніе западно-европейской культуры.**

Среди вновь поселившихся на западѣ и образовавшихъ новыя государства народовъ наибольшее пониманіе къ разрѣшенію предстоявшей имъ задачи, поскольку она заключалась не въ одномъ разрушеніи, но и въ созиданіи новыхъ началъ, обнаружили франки (о Хлодвигѣ см. выше стр. 33). Исторія франковъ во времена Меровинговъ, дающая цѣлый рядъ дикихъ насилій и преступленій, не представляетъ привлекательной картины, но сохраняетъ тѣмъ не менѣе величественныя черты. Пепиниды, соединившіе въ своихъ рукахъ господство надъ франками, сломили могущество ислама въ Европѣ. Галлія такимъ образомъ уже вторично въ теченіе великаго переселенія народовъ послужила оплотомъ противъ натиска

азіатскихъ завоевателей; какъ нѣкогда Аттила послѣ битвы на Каталаунскихъ поляхъ принужденъ былъ отступить, такъ теперь та же участь постигла арабовъ при Пуатье въ 732 г. Карлъ Мартеллъ и его франки спасли Европу отъ разрыва со средиземной культурой. Ибо не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на достигнутую уже высокую степень культуры и свою монотеистическую основу, восточный исламъ не оказалъ бы благопріятнаго вліянія на проникнувшіеся уже римскимъ духомъ западные народы, но наоборотъ помѣшалъ бы ихъ свободному естественному развитію. Франкское королевство оказалось прочной опорой какъ противъ арабовъ, такъ и противъ послѣднихъ выходцевъ все еще продолжавшагося съ востока народнаго движенія. Авары заняли между тѣмъ почти всю нынѣшнюю Австро-Венгрію и разбойническими набѣгами безпокоили отсюда Италію и Францію. Они не встрѣтили сопротивленія со стороны маловоинственныхъ славянъ тѣхъ областей — вендовъ, сербовъ и чеховъ. Но имъ недоставало великаго вождя, и именно въ этотъ моментъ они встрѣтили энергичное сопротивленіе со стороны франковъ, прогнавшихъ ихъ къ концу VIII вѣка назадъ за Тиссу, гдѣ они постепенно смѣшались съ славянами и болгарами.

Этимъ закончилось великое переселеніе народовъ, поскольку оно затронуло земли Средиземнаго моря. Правда, столѣтіемъ спустя новое уральское племя, мадьяры, переселилось въ восточную часть бывшаго гуннскаго и аварскаго государства. Но этотъ народъ, единственный среди всѣхъ прежнихъ и позднѣйшихъ пришельцевъ татарской расы, принявъ христіанскую культуру, добровольно вошелъ въ европейскую семью народовъ. Далѣе, опустошительное вторженіе монголовъ въ XIII вѣкѣ представляетъ скоропреходящее явленіе безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Что же касается богатаго послѣдствіями переселенія турокъ въ XIV и XV столѣтіяхъ, то оно не входитъ въ предѣлы нашего разсмотрѣнія. Поэтому можно сказать, что именно франки главнымъ образомъ и задержали дальнѣйшее движеніе народовъ. Представляя въ царствованіе первыхъ четырехъ Пепинидовъ еще однородную націю, они направили силы народныхъ передвиженій, дѣйствовавшихъ дотолѣ лишь разрушительно или породившихъ лишь недолговѣчныя государства, въ твердое русло прочной творческой работы.

Львиная доля участія въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Карлу Великому. Благодаря ему франки стали прародителями тѣхъ народовъ, въ которыхъ истинная средиземная культура и нашла себѣ наиболѣе полное выраженіе. Карлъ перенесъ центръ тяжести своей возстановительной работы къ Средиземному морю. Поводомъ къ этому послужила Италія, гдѣ владычество лангобардовъ приходило уже къ концу. Споръ между королемъ лангобардовъ Айстульфомъ и папой Стефаномъ II уже раньше потребовалъ вмѣшательства короля франковъ Пипина. Отецъ Карла, принявъ тогда сторону папы, подарилъ намѣстнику Петра отнятый у лангобардовъ экзархатъ Равенну. Когда во время царствованія Карла споры между королемъ лангобардовъ и папой еще болѣе обострились, Карлъ воспользовался своимъ правомъ, лишилъ Дезидерія престола и заставилъ лангобардовъ присягнуть себѣ, какъ королю Италіи. Вслѣдствіе этого Италія получила франкское законодательство. Такъ какъ въ этихъ написанныхъ на латинскомъ языкѣ законахъ еще звучалъ духъ старыхъ римскихъ учрежденій, то они быстро привились и ускорили начавшееся уже сліяніе лангобардовъ съ римлянами. Франки послужили прочной основой для сліянія народовъ; папа, утвержденный Карломъ во владѣніи Пепинова дара, сталъ смотрѣть на франковъ какъ на вѣрныхъ сыновъ и надежную опору римской церкви.

Это согласіе повело къ возрожденію уже погибшей, казалось, великой идеи возстановленія римской имперіи. Еще до своего коронованія

въ Римѣ Карлъ стремился присоединить къ своимъ владѣніямъ береговыя земли Средиземнаго моря, по крайней мѣрѣ европейскія, и дать обитавшимъ тамъ народамъ франко-романскую организацію. Легче всего ему удалось расширить такимъ образомъ свои владѣнія по берегамъ Средиземнаго моря, частью завоеваніями (Испанія), частью договорами (Иллирія). Владѣя при своемъ вступленіи на престолъ одной только Аквитаніей, Карлъ, по коронованіи своемъ въ 800 г. папой Львомъ III римскимъ императоромъ, властвовалъ уже почти надъ всѣмъ европейскимъ берегомъ Средиземнаго моря — отъ устьевъ Эбро до Албаніи. Его замыслы простирались еще дальше на востокъ, но исполненію ихъ воспрепятствовала продолжительная борьба съ саксами, покореніе которыхъ и обращеніе въ христіанство онъ считалъ одной изъ своихъ главныхъ задачъ. Тѣмъ не менѣе основанная Карломъ монархія обнимала почти всю западную Европу отъ береговъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей и потому можетъ быть названа государствомъ Средиземнаго моря. Не такъ легко давалось Карлу уничтоженіе національной розни въ государствѣ; единство церкви было недостаточно, чтобы препятствовать развитію разнообразнѣйшихъ національныхъ теченій. Могущественная личность Карла удержала народы подъ его скипетромъ при его жизни; но вскорѣ послѣ его смерти государство его распалось. Три большія государства, образовавшіяся изъ его монархіи, Франція, Германія и Италія, еще надолго сохранили духовную печать, наложенную на нихъ Карломъ. Въ нихъ сохранилась вновь выдвинутая Карломъ идея имперіи. Она глубоко врѣзалась въ сознаніе народовъ и на многія столѣтія стала могущественнымъ двигателемъ политики.

Подводя историческіе итоги господству франковъ, мы должны признать, что важнѣйшей ихъ заслугой было возстановленіе и укрѣпленіе ослабленной великимъ переселеніемъ народовъ внутренней связи между народами, жившими по Средиземному морю. Воспринятые франками остатки древней культуры прониклись германскимъ духомъ, а это создало почву для развитія новой культуры. На этой-то почвѣ средиземная культура и могла развиться въ западно-европейскую.

Ж. Германцы и славяне на окраинахъ.

Остальныя, выдвинутыя великимъ переселеніемъ народовъ, германскія племена, изъ которыхъ позднѣе образовался нѣмецкій народъ, или окончательно поселились по сю сторону Альпъ, или же продолжали свое переселеніе дальше черезъ Балтійское и Сѣверное моря; здѣсь не мѣсто говорить о нихъ подробнѣе (срв. томъ VI). Природа той части Средней Европы, которую заняли эти племена, указала имъ другой путь историческаго развитія. Такъ какъ эти области, отдѣленныя отъ Средиземнаго моря Альпами, за однимъ только исключеніемъ всѣ посылаютъ свои большія рѣки въ Сѣверное и Балтійское моря, тоже „Средиземныя моря“ съ строго выраженными особенностями, то нѣмцы примкнули къ сѣверо-европейской группѣ народовъ. Здѣсь они нашли соотвѣтствующій ихъ природѣ бытъ; здѣсь они могли окрѣпнуть и развиться на національныхъ основаніяхъ, тогда какъ непосредственное соприкосновеніе съ Средиземнымъ моремъ оказалось опаснымъ для ихъ самобытности (срв. судьбу готовъ, вандаловъ, лангобардовъ). По тѣмъ же причинамъ не подлежатъ разсмотрѣнію среди народовъ Средиземнаго моря и славяне. Эта по преимуществу миролюбивая, земледѣльческая, континентальная раса даже какъ бы умышленно избѣгаетъ береговъ Средиземнаго моря. Лишь въ одномъ единственномъ мѣстѣ, въ сѣверо-восточномъ углу Адріатическаго моря, сплоченной массой поселились члены славянской семьи, хорваты (кроаты, кровоты). Благодаря сліянію съ древними иллирійцами они стали

правда, опытными мореплавателями, но не удалялись отъ своихъ родныхъ береговъ; какъ народъ они слишкомъ малочисленны и настолько мало самостоятельны въ своемъ политическомъ развитіи, что не могли имѣть руководящаго вліянія на условія жизни по берегамъ Средиземнаго моря. Правда, славяне большими массами наводнили и Грецію; но тамъ они такъ же мало могли сохранить свои національныя особенности, какъ германцы въ Испаніи и Италіи. Они вскорѣ слились съ туземнымъ населеніемъ и образовали народъ новогрековъ, въ которомъ эллинскія черты сохранили перевѣсъ; затѣмъ они мало-по-малу подпали вліянію византинизма.

3. Норманны и крестовые походы.

Въ то время какъ жизнь народовъ начала уже выливаться въ твердыя формы, въ существенныхъ чертахъ сохранившіяся и по настоящее время, у Средиземнаго моря появилось еще разъ новое германское племя. Появленіе норманновъ тѣмъ болѣе удивительно, что оно послѣдовало по новому, еще не тронутому великимъ переселеніемъ народовъ, пути: съ моря и съ сѣвера. Германское населеніе Скандинавіи, занимавшееся вслѣдствіе неплодородности своей родной почвы исключительно морскими грабежами, стало поэтому бичемъ сѣвера. Но присущіе этимъ народамъ духъ предпріимчивости, честолюбіе и физическая сила побудили ихъ отъ морскихъ грабежей перейти къ болѣе далекимъ и прочнымъ завоеваніямъ. Уже Карлу Великому пришлось отражать нападеніе норманновъ на его государство; въ половинѣ IX вѣка они водворились въ Англіи и сѣверной Франціи: здѣсь Карлъ III Простоватый долженъ былъ уступить имъ въ 911 г. всю Нормандію. Проѣхавъ Гибралтарскимъ проливомъ, норманны во второй половинѣ IX вѣка появились на Средиземномъ морѣ, производя морскіе разбои по всѣмъ берегамъ его вплоть до Греціи; однако храбрый отпоръ со стороны испанцевъ и арабовъ воспрепятствовалъ тогда ихъ прочному водворенію въ этихъ мѣстностяхъ. Но предпріимчивый народъ уже во второй трети XI вѣка основалъ въ южной Италіи и Сициліи національное государство, достигшее высокаго расцвѣта и просуществовавшее полтора столѣтія.

Основаніе это исходило изъ Нормандіи, гдѣ норманны быстро приняли христіанство, и со свойственной германцамъ способностью приспособляться переняли французскіе нравы и образовали совершенно своеобразный народъ. Цивилизація не могла отнять у нихъ свободолюбія и жажды подвиговъ и приключеній; но такъ какъ христіанство воспрещало своимъ послѣдователямъ грабежи и убійства, то они стали искать другого поля для своей дѣятельности и нашли его въ борьбѣ съ исламомъ, распространившейся благодаря имъ по всему востоку и увлекшей почти всѣ христіанскіе народы Европы. Возникновеніе крестовыхъ походовъ, вызвавшихъ движеніе западныхъ народныхъ массъ на востокъ, въ значительной степени стоятъ въ связи съ основаніемъ норманскаго господства въ южной Италіи. Этотъ замѣчательный народъ, соединявшій въ себѣ мистицизмъ и серьезное спокойствіе сѣверянъ съ огненной фантазіей и подвижностью южанъ, принимая христіанство, придалъ ему мистически-романтическое направленіе, вызывавшее стремленіе видѣть тѣ мѣста, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Христосъ. Распространившаяся въ Европѣ благодаря норманнамъ вѣсть о томъ, что туземные христіане и западные паломники подвергаются притѣсненіямъ въ этихъ, принадлежавшихъ магометанамъ, земляхъ, мало-по-малу пробудила въ Европѣ настроеніе, воспламенившее религіозныя страсти, честолюбіе и алчность западныхъ народовъ и вовлекшее весь христіанскій Западъ въ продолжительную борьбу съ магометанскимъ Востокомъ.

Эта борьба, разыгравшаяся исключительно вокругъ Средиземнаго моря и снова потрясшая его населеніе, вначалѣ имѣла цѣлью завоеваніе христіанами „Святой земли“ и распространеніе христіанскаго вѣроученія по всему свѣту; но впослѣдствіи чисто религіозныя и нравственныя цѣли отошли на задній планъ, уступивъ мѣсто политическимъ завоевательнымъ стремленіямъ. Но и то и другое суть проявленіе силы вновь окрѣпшей средиземной культуры, стремящейся теперь распространиться съ запада на востокъ. Ревностнѣйшими поборниками новаго движенія были норманны, не какъ сплоченная народная масса, но въ видѣ многочисленныхъ странствующихъ рыцарей и искателей приключеній. Останавливаясь во время своихъ морскихъ поѣздокъ въ Палестину и обратно въ южной Италіи, эти храбрые рыцари нерѣдко находили случай вмѣшиваться въ споры тамошнихъ графовъ и бароновъ, бывшихъ лангобардскихъ феодаловъ, и грековъ, и предлагали имъ свои услуги для борьбы, причемъ и сами получали иногда части завоеванныхъ ими земель. Прежде всего они изгнали арабовъ; въ 1030 г. Апулія съ главнымъ городомъ Аверсой находилась уже во владѣніи норманновъ. Вскорѣ послѣ того сыновьямъ Танкреда Готвильскаго удалось соединить маленькія норманнскія владѣнія въ Италіи; а въ 1071 г. Робертъ Гуискаръ былъ признанъ папой герцогомъ Апуліи и Калабріи, и одновременно съ этимъ братъ его Рожеръ положилъ конецъ владычеству арабовъ въ Сициліи и завоевалъ весь островъ.

Между тѣмъ началось извѣстное подъ названіемъ крестовыхъ походовъ великое обратное переселеніе народовъ (1096 г.). Господство въ Палестинѣ магометанскихъ сельджуковъ, получившихъ наслѣдство арабскихъ халифовъ, казалось, готово было распасться подъ натискомъ западныхъ полчищъ, какъ нѣкогда римская имперія подъ ударомъ варваровъ. Малая Азія, Сирія, Палестина были завоеваны крестоносцами, и западные рыцари создали себѣ восточныя государства: лотарингецъ Готфридъ Бульонскій — королевство Іерусалимъ, нормандецъ Боэмундъ Тарентскій, сынъ Роберта Гуискара, — княжество Антіохію, провансалецъ Раймундъ Тулузскій — княжество Триполисъ. На ряду съ этими свѣтскими государствами образовались съ совершенно самостоятельной властью духовные ордена іоаннитовъ, тампліеровъ и нѣмецкій орденъ, обладавшіе значительными средствами. Однако западные народы не нашли на востокѣ благопріятной почвы для своего развитія, такъ какъ, упорно держась своихъ религіозныхъ, политическихъ и феодальныхъ догматовъ, они не склонны были ни къ малѣйшимъ уступкамъ по отношенію къ столь же неподвижнымъ этическимъ и соціальнымъ формамъ востока; они нашли къ тому же непримиримаго врага въ византинизмѣ греческаго населенія, встрѣтившаго „латинянъ“ съ явной враждебностью. Такимъ образомъ западные народы, несмотря на первые блестящіе успѣхи, не могли укрѣпиться на востокѣ и даже очутились въ крайне стѣсненномъ положеніи, когда магометане, оправившись отъ перваго испуга, нашли себѣ энергичнаго руководителя въ лицѣ султана Саладина.

Замѣчательно при этомъ, что тѣ самые норманны, которые на востокѣ безпощадно боролись съ исламомъ, въ собственномъ своемъ неаполитано-сициліанскомъ государствѣ не только не притѣсняли и не преслѣдовали своихъ многочисленныхъ арабскихъ подданныхъ, но выказывали по отношенію къ нимъ большую терпимость, стремясь къ сліянію съ ними. Восточные арабы находились въ то время частью подъ игомъ сельджуковъ, турокъ и курдовъ, частью же были оттѣснены въ свою первоначальную родину; арабы Испаніи и Сициліи, наоборотъ, достигли степени культуры, превосходившей почти безъ исключеній культуру всей остальной Европы. А такъ какъ религіозный фанатизмъ этихъ арабовъ далеко уступалъ фанатизму ихъ восточныхъ соплеменниковъ, то сліяніе съ остальнымъ, и

безъ того смѣшаннымъ, населеніемъ Сициліи, казалось, не было невозможнымъ. До извѣстной степени оно дѣйствительно состоялось, и если не удалось вполнѣ, то причины этому слѣдуетъ искать въ раннемъ паденіи норманнскаго государства. Достигнувъ пышнаго расцвѣта, оно въ 1194 г. пало въ борьбѣ съ нѣмецкой династіей Гогенштауфеновъ, воплотившихъ идею всемірнаго владычества. Послѣ этого малочисленные съ самаго начала норманны совершенно исчезли съ береговъ Средиземнаго моря, не оставивъ другихъ слѣдовъ, кромѣ блестящаго воспоминанья. Побѣдители ихъ, Гогенштауфены, какъ властители южной Италіи и Сициліи, также выказывали по отношенію къ арабамъ терпимость и стремились къ взаимному сближенію, но ихъ господство продолжалось недолго. Послѣдовавшій затѣмъ періодъ господства французовъ и испанцевъ въ Неаполѣ и Сициліи ознаменовался жестокими преслѣдованіями и истребленіями арабовъ.

Исламъ отомстилъ христіанству за эту потерю, положивъ уже очень скоро конецъ существованію возникшихъ въ Азіи западныхъ государствъ. Послѣ того, какъ Саладинъ въ 1187 г. снова занялъ Іерусалимъ, всѣ попытки христіанъ отнять его у магометанъ остались тщетны. Западные пришельцы должны были къ концу XII вѣка очистить Азію. Но въ началѣ XIII вѣка они сдѣлали новую попытку къ расширенію своихъ владѣній на востокъ, на этотъ разъ насчетъ византійской монархіи. Войско изъ христіанскихъ рыцарей, душой которыхъ былъ венеціанскій дожъ, подъ предлогомъ крестоваго похода, моремъ пошло на Константинополь. Рыцари завоевали его, посадили новаго императора, котораго сами тотчасъ же свергли, и въ заключеніе воспользовались безсиліемъ грековъ, чтобы раздѣлить ихъ монархію между собой. Въ 1204 году графъ Балдуинъ Фландрскій сѣлъ на константинопольскій тронъ, провозгласивъ себя „латинскимъ императоромъ“. Въ его царствованіе возникъ цѣлый рядъ вассальныхъ государствъ, управляемыхъ западными рыцарями, подобно тому, какъ это было столѣтіемъ раньше въ Сиріи и Палестинѣ (Бонифацій Монферратскій въ королевствѣ Ѳессалоникахъ, Вильгельмъ Шамплиттскій въ княжествѣ Ахейскомъ, Отто Деларошъ въ герцогствѣ Аѳинскомъ); морскими берегами завладѣла Венеціанская республика (Кипръ съ 1193 г. управлялся, какъ королевство, изгнанной изъ Іерусалима династіей Лузиньяновъ). Въ рукахъ византійцевъ остались лишь Эпиръ въ Европѣ и сѣверъ Малой Азіи (Никея и Трапезунтъ).

Но и теперь западнымъ пришельцамъ не удалось создать болѣе или менѣе устойчивыхъ государственныхъ организацій; глубокая рознь между латинянами и греками, внутренніе и церковные раздоры, нападенія съ сѣвера со стороны болгаръ и нѣкоторыхъ государей изъ рода Комненовъ разрушили сперва королевство Ѳессалоники, а затѣмъ и латинскую монархію. Въ 1261 г. византійская монархія вновь была возстановлена. Герцогства Ахея и Аѳины продержались дольше: первое встало подъ защиту неаполитанской династіи Анжу, второе подъ защиту сицилійскаго королевскаго дома Арагоновъ и находилось во власти испанскихъ морскихъ разбойниковъ такъ называемой Каталонской компаніи; но и они послѣ недолгаго призрачнаго существованія стали добычей турокъ. Дольше другихъ сохранились венеціанскія и генуэзскія владѣнія, также пріобрѣтенныя во времена крестовыхъ походовъ; эти торговыя республики были далеки отъ національной и религіозной замкнутости и высокомѣрія прочихъ западныхъ завоевателей и сумѣли стать въ хорошія отношенія съ своими византійскими и восточными подданными. Но имъ пришлось уступить свои владѣнія послѣ того, какъ турки окончательно разрушили византійскую имперію и перенесли центръ тяжести своего могущества въ Европу.

СТРАНЫ, ПРИЛЕЖАЩІЯ КЪ
СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ.
Масштабъ 1:10,000,000
ФРАНЦІЯ
ИСПАНІЯ
ПОРТУГАЛІЯ
ИТАЛІЯ
АВСТРО-ВЕНГРІЯ
РУМЫНІЯ
СЕРБІЯ
ЧЕРНОГОРІЯ
БОЛГАРІЯ
ТУРЦІЯ
ГРЕЦІЯ
МАЛАЯ АЗІЯ
МАРОККО
АЛЖИРЪ
ТУНИСЪ
ТРИПОЛИ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ЭВКСИНСКІЙ ПОНТЪ
АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
ІОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Сардинія
Сицилія
Балеарскіе острова
Пиренеи
Сіерра Морена
Морея
Архипелагъ
Таврскій хребетъ
Константинополь
Дельта Нила
Большой Сиртъ
Мальта
Гибралтарскій пр.
Дарданельскій пр. или Геллеспонтъ
Дельта Нила и Суэзскій каналъ
Босфоръ
Красное море

Меридіанъ 0 Гринича
Бискайскій зал.
ФРАНЦІЯ
ИСПАНІЯ
ПОРТУГАЛІЯ
ИТАЛІЯ
Балеарскіе острова
Питіусскіе острова
Сардинія
остр. Корсика
Сицилія
Тирренское море
Адріатическое море
Ліонскій зал.
Лигурійское море
СРЕДИЗЕМНОЕ
МАРОККО
АЛЖИРЪ
ТУНИСЪ
ТРИПОЛИ
МАДРИДЪ
ЛИССАБОНЪ
БАРЦЕЛОНА
ВАЛЕНСІЯ
МАЛАГА
Картагена
Гибралтаръ
МАРСЕЛЬ
ТУЛУЗА
БОРДО
ГЕНУЯ
РИМЪ
НЕАПОЛЬ
ВЕНЕЦІЯ
ФЛОРЕНЦІЯ
ТРІЕСТЪ
ПАЛЕРМО
ФЕСЬ
Зал. Габесъ (Малый Сиртъ)
О-въ Джерба
О-въ Мальта
ДЕЛЬТА НИЛА и СУЭССКІЙ КАНАЛЪ
Масштабъ 1:3.000000
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
АЛЕКСАНДРІЯ
КАИРЪ
Ливійская пустыня
Аравійская пустыня
Портъ Саидъ
ДАРДАНЕЛЬСКІЙ ПР. или ГЕЛЛЕСПОНТЪ
Масштабъ 1:750000
Эгейское море
ГИБРАЛТАРСКІЙ ПР.
Масштабъ 1.1000000
ИСПАНІЯ
ГИБРАЛТАРЪ
Алгесира
Тарифа
ГЕРКУЛЕСОВЫ СТОЛБЫ
Цеута
ТАНЖЕРЪ
МАРОККО
Исторія человечества IV

СТРАНЫ, ПРИЛЕЖАЩІЯ КЪ СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ.
Масштабъ 1:10.000.000
Километры
Морскія мили
Историческія имена нанесены красной краск
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ЭВКСИНСКІЙ ПОНТЪ
АВСТРО-ВЕНГРІЯ
РУМЫНІЯ
БОЛГАРІЯ
СЕРБІЯ
ЧЕРНОГОРІЯ
Восточн. Румелія
ГРЕЦІЯ
МАЛАЯ АЗІЯ
Таврскій хребетъ
ЕГИПЕТЪ
Іонпческое море
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Эгейское море или Архипелагъ
Мраморное море
ОДЕССА
Константинополь
Смирна
Бруса
Адріанополь
Бухарестъ
Кипръ
Критъ или Кандія
Александрія
Каиръ
Іерусалимъ
Дамаскъ
Бейрутъ
Триполи
Родосъ
Дельта Нила
Большой Сиртъ
Барка
Красное море
Аравійскій заливъ
Синайскій полуостровъ
Аравійская пустыня
Босфоръ
Черное море
Скутари
Стамбулъ
Мальта
Валетта
Тво Просвѣщеніе въ С

4. Ренессансъ, какъ расцвѣтъ средиземной культуры.

А. Послѣдствія сближенія Запада съ Востокомъ.

Вызванное крестовыми походами народное движеніе, отличающееся отъ великаго переселенія еще и тѣмъ, что оно передвинуло съ родныхъ земель лишь способную носить оружіе часть населенія, не произвело существенныхъ измѣненій въ условіяхъ государственной жизни обитателей средиземнаго побережья; оно не повліяло существеннымъ образомъ и на установившуюся болѣе или менѣе группировку великихъ націй; тѣмъ не менѣе оно во многихъ отношеніяхъ имѣетъ, конечно, громадное значеніе. Оно составляетъ послѣднее проявленіе тѣхъ, частью духовныхъ, частью же вытекавшихъ изъ географическихъ условій, силъ, которыя столкнули народныя массы, перемѣшали ихъ между собой и изъ этого слиянія дали возможность возникнуть новымъ образованіямъ. Съ этого времени внутренняя жизнь народовъ Средиземнаго моря мало-по-малу приходитъ въ положеніе равновѣсія и покоя (см. приложенную карту „Земли по Средиземному морю"). Завоевательныя стремленія угасаютъ и уступаютъ мѣсто внутреннему развитію національныхъ, государственныхъ и культурныхъ учрежденій. Послѣ того какъ двухвѣковая борьба христіанства и ислама сама собой окончилась вслѣдствіе взаимнаго истощенія, обѣ эти религіи молчаливымъ согласіемъ пришли къ мирному совмѣстному существованію. Позднѣйшее вторженіе турокъ въ Европу было вызвано главнымъ образомъ другими, нерелигіозными причинами; къ тому же оно въ этническомъ отношеніи имѣло мало вліянія. Западъ и Востокъ узнали другъ друга. Не только длинный мечъ рыцаря скрестился съ кривой саблей сарацина, не только евангеліе помѣрялось съ кораномъ: западный и восточный бытъ ознакомились другъ съ другомъ. Съ тѣхъ поръ между ними переплелись разнообразныя духовныя нити, указывая новые пути торговлѣ и инымъ сношеніямъ; въ сознаніе народовъ стало мало-по-малу проникать извѣстное взаимное уваженіе какъ къ силѣ, характеру и духовнымъ способностямъ противника, такъ и къ тому, чему можно было отъ него научиться, что можно было перенять или купить.

Къ этому постепенно проникавшему сознанію присоединилось убѣжденіе, что насильственное покореніе противника сопряжено съ громадными трудностями, и что если оно и достижимо, то является вопросъ, послужитъ ли оно вообще на пользу побѣдившей сторонѣ. Продолжительныя враждебныя отношенія обѣихъ половинъ Средиземнаго моря послужили къ возникновенію на немъ громадныхъ флотовъ и создали изъ незначительныхъ приморскихъ городовъ (Пиза, Генуя, Венеція) морскія державы. По окончаніи большихъ войнъ средства къ существованію могли доставить лишь морская торговля и мелкіе разбои. И дѣйствительно, морская торговля на Средиземномъ морѣ, сильно упавшая вслѣдствіе переселенія народовъ, во время и послѣ крестовыхъ походовъ достигла такого расцвѣта, что далеко оставила позади всѣ свои прежніе успѣхи. Этотъ расцвѣтъ торговли сопровождался быстрымъ подъемомъ національнаго благосостоянія, обмѣномъ свойственныхъ различнымъ областямъ продуктовъ, утонченностью нравовъ, пробужденіемъ любознательности и страсти къ путешествіямъ и общимъ расширеніемъ знаній. Почти совершенно уже утерянное западными обитателями Средиземнаго моря знакомство съ Востокомъ и его культурой пробудило теперь массу новыхъ идей, оказавшихъ плодотворное вліяніе на ихъ государственное, политическое, общественное и научное развитіе. Эта духовная работа въ значительной мѣрѣ облегчалась тѣмъ, что новыя образованія Запада были усѣяны обломками древнихъ учрежденій, существовавшихъ на Средиземномъ морѣ.

Съ другой стороны, подобные же разбросанные тамъ и сямъ остатки западной культуры образовались, благодаря предшествовавшимъ событіямъ, и на Востокѣ. По берегамъ Сиріи, Эгейскаго и Чернаго морей, частью въ колоніяхъ и торговыхъ факторіяхъ, частью же въ видѣ остатковъ латинскихъ государственныхъ образованій, во множествѣ жили бургундцы, провансальцы, испанцы, итальянцы, ломбардцы, генуэзцы, венеціанцы и иллирійцы. Эти западныя крохи были конечно слишкомъ слабы, чтобы этнически вліять на жизнь восточныхъ народовъ, но достаточно сильны, чтобы, соединившись съ туземными греко-славянами и прибывавшими съ дальнаго Востока турко-татарами, воспрепятствовать образованію сомкнутыхъ національностей. И онѣ имѣли такимъ образомъ свою долю участія въ созданіи, еще и нынѣ присущаго восточной части Средиземнаго бассейна, характера механической смѣси народовъ, лишенной всякаго химическаго сродства и неспособной потому къ соединеніямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя изъ народныхъ смѣсей Запада создали однородныя націи. Пестрая мозаика народовъ, населяющихъ восточную часть бассейна Средиземнаго моря, еще и нынѣ представляющая неразрѣшенный восточный вопросъ, получила свои наиболѣе острые и угловатые камешки во время этого движенія; и если многіе изъ этихъ камешковъ впослѣдствіи и выпали, то въ образовавшіяся такимъ образомъ впадины, которыя не могли заполниться естественнымъ путемъ, восточный вопросъ и пустилъ свои первые корни. Онъ возникъ слѣдовательно еще въ далекомъ прошломъ и представляется не современной силой, но скорѣе не разрѣшеннымъ исторіей этнографическимъ вопросомъ.

Б. **Возрожденіе средиземной культуры.**

Общіе интересы человѣчества, частью забытые изъ-за все заглушающаго постояннаго бряцанія оружія, частью оттѣсненные на задній планъ благодаря міровоззрѣнію, находившемуся въ цѣпяхъ схоластики, теперь начали постепенно проникать въ общее сознаніе, занимали всѣ умы и нашли себѣ ревностныхъ поборниковъ. Мы видимъ, какъ опять подготовляется міровоззрѣніе, которое возникло первоначально благодаря широкому горизонту, открытому дѣяніями Александра Великаго, было затѣмъ расширено римской имперіей и вознесено на нравственную высоту побѣдой христіанствомъ. Теперь въ Ренессансѣ міровоззрѣніе это, возрождаясь духовно, воспринняло всѣ хорошія стороны предшествовавшихъ явленій. Въ этомъ теченіи должна была объединиться такъ медленно и изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ создававшаяся культура, которой проникнуты были народы средиземнаго побережья. Въ Ренессансѣ своеобразная средиземная культура нашла себѣ наиболѣе яркое выраженіе, ибо Ренессансъ обнимаетъ собой матеріальное, нравственное и духовное благо, все прекрасное и цѣлесообразное, обнимаетъ общее и частное право и свободное развитіе личности. Затѣмъ эта культура вся растворилась въ болѣе широкомъ понятіи европейской культуры. Этимъ объясняются ея превосходство надъ всѣми прочими культурами и ея быстрое побѣдоносное распространеніе по всему земному шару, продолжающееся и по настоящее время.

II. Древніе народы по побережьямъ Чернаго и восточной части Средиземнаго морей.

Д-ра **Карла Георга Брандиса.**

1. Малая Азія.

А. **Малая Азія, какъ театръ историческихъ событій.**

Большой и далеко выступающій на западъ полуостровъ азіатскаго материка, съ глубокой древности носившій, вслѣдствіе своей связи съ Азіей, названіе Малой Азіи (ἡ μικρὰ Ἀσία, Asia minor), съ юга и юго-востока отдѣляется отъ Сиріи и Месопотаміи Тавромъ и его сѣверо-восточнымъ продолженіемъ — Антитавромъ, тогда какъ съ сѣверо-востока и востока границу съ Кавказомъ образуютъ горный хребетъ Паріадръ, огибающій южный берегъ Чернаго моря, и расположенная по верховьямъ Евфрата горная страна Арменія. Съ сѣвера и запада границу составляютъ моря Эгейское и Черное. Малая Азія состоитъ главнымъ образомъ изъ большого, простирающагося между Тавромъ и горами понтійскаго побережья, плоскогорья; только на западѣ, между извилистымъ, изобилующимъ гаванями и заливами берегомъ, и различными, составляющими переходъ къ плоскогорью, береговыми горами простираются плодородныя равнины, изрѣзанныя рѣками. Съ сѣвера берегъ Малой Азіи лишь на нѣсколько миль отстоитъ отъ европейскаго, отдѣленнаго отъ него узкими проливами, Босфоромъ и Геллеспонтомъ, а на югѣ многочисленные, большіе и маленькіе, острова образуютъ естественный мостъ въ Элладу. Такимъ образомъ Малая Азія, составляя географическое звено между Азіей и Европой, и въ историческомъ своемъ развитіи подвержена была вліянію съ обѣихъ сторонъ и, не составляя въ географическомъ отношеніи замкнутой единицы, не достигла ни политическаго, ни національнаго единства.

Б. **Предварительныя этнографическія замѣчанія о туземныхъ и переселившихся въ Малую Азію племенахъ.**

а) Туземныя племена.

Мы встрѣчаемъ здѣсь съ самаго начала громадное количество разнообразнѣйшихъ народностей. Въ долинѣ Герма жили меоняне и лидяне; съ юга къ нимъ примыкали карійцы и ликійцы. Въ ущельяхъ и долинахъ западнаго Тавра и его отроговъ жили милійцы, солимцы, писидійцы и исаврійцы; главныя части того же хребта съ его южными склонами занимали киликійцы, тогда какъ каппадокійцы и ликаоны населяли плоскогорье къ сѣверу отъ Тавра. Несмотря на наши крайне скудныя свѣдѣнія изъ этихъ древнихъ временъ, мы можемъ однако указать еще на нѣкоторыя отдѣльныя перемѣщенія этой смѣси народовъ. Такъ, имя Каппадокіи и ея обитателей встрѣчается впервые лишь въ персидскую эпоху; ранѣе эти мѣстности до Тавра занимали тибарены и мосхи, позднѣе

встрѣчающіеся мелкими племенами въ горахъ понтійскаго побережья, а еще раньше, какъ мы увидимъ, оттуда спустилось въ сѣверную Сирію племя хета. Но въ общемъ эти народы всегда жили на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и рѣзко отличаются отъ переселившихся сюда ѳракійскихъ и греческихъ племенъ. Поэтому мы должны считать ихъ кореннымъ населеніемъ. Ихъ тѣсное взаимное родство доказывается сходствомъ языка; по всей занимаемой ими области среди географическихъ именъ преобладаютъ окончанія -ссосъ и -нда (Termessos — Sagalassos; Oenoanda — Laranda) и многія личныя имена совпадаютъ какъ въ корнѣ, такъ и въ окончаніяхъ. Въ противоположность прежнимъ попыткамъ причислить эти малоазіатскіе народы частью къ семитической, частью къ индогерманской группѣ народовъ, причемъ одни изслѣдователи относили каппадокійцевъ, лидянъ, ликійцевъ и карійцевъ къ индогерманцамъ, а писидійцевъ, исврійцевъ и киликійцевъ къ семитамъ, другіе же производили это дѣленіе иначе, мало-по-малу, по мѣрѣ того какъ становится яснымъ взаимное родство этихъ народовъ, проникаетъ убѣжденіе, что въ этихъ малоазіатахъ мы имѣемъ дѣло съ совершенно особой своеобразной народностью. До сихъ поръ однако не выяснено, насколько они родственны народамъ южныхъ склоновъ Кавказа, иберійцамъ и албанцамъ, племенамъ понтійскаго побережья, тибаренамъ и мосхамъ, которые, какъ мы видѣли, въ древности занимали малоазіатское плоскогорье вплоть до Тавра, халибамъ, получившимъ свое имя отъ грековъ благодаря умѣнью добывать изъ находившейся на поверхности ихъ горъ желѣзной руды желѣзо и сталь (χάλυψ), и другимъ многочисленнымъ племенамъ этой области.

Характернымъ для многихъ малоазіатскихъ племенъ является культъ великой матери боговъ Ма или Амма, богини природы, возсѣдающей на вершинахъ горъ и ведущей по нимъ свои многочисленныя наименованія (Диндимена, Идеа, Сипилена, Кибела); отъ нея исходятъ въ природѣ жизнь и смерть и всякая культура. Она считается хранительницей городской стѣны и городскихъ воротъ и носитъ поэтому на головѣ корону въ видѣ крѣпостной стѣны; въ ея честь даются празднества съ дикими ликованіями, съ танцами и оглушительной музыкой, въ ея честь жрецы подвергаютъ себя истязаніямъ и дѣвушки приносятъ въ жертву свою дѣвственность. Въ большихъ храмахъ матери боговъ на ряду съ массой жрецовъ существовала и масса іеродуловъ. У фригійцевъ и дардановъ (и тѣ, и другіе — переселившіяся племена) введеніе культа матери боговъ связывается съ именами ихъ первыхъ царей, Мидаса и Дардана, что и указываетъ на то, что этотъ культъ принадлежалъ туземному населенію.

Характерными для всей этой области являются также громадныя, высѣченныя въ скалахъ рельефныя изображенія, отличающіяся какъ одинаковымъ стилемъ, такъ и тѣмъ, что изображенныя на нихъ фигуры всѣ имѣютъ одинаковую характерную одежду: высокую острую шапку, короткую тунику и башмаки съ носками; они встрѣчаются по всей мѣстности отъ сѣверныхъ склоновъ Тавра и писидійскихъ озеръ до Галиса съ одной и до Эгейскаго моря съ другой стороны. Находящаяся по дорогѣ изъ Смирны въ Сарды, около Нимфея, высѣченная въ скалѣ фигура воина съ копьемъ и лукомъ пользовалась извѣстностью уже въ древности и приписывалась Сезострису; въ наше уже время, въ Богасъ-Кой и въ сосѣднемъ Хуюкѣ, на правомъ берегу Галиса, къ югу отъ Синопа и къ востоку отъ Анкиры, въ мѣстности, называвшейся въ древности Птера, найдены остатки древнихъ крѣпостныхъ стѣнъ и фундаменты большихъ дворцовъ — очевидно здѣсь находился центръ древней культуры. Въ Богасъ-Кой внѣ наружныхъ стѣнъ найденъ въ скалахъ почти прямоугольный дворъ, стѣны котораго покрыты барельефами — въ одномъ мѣстѣ вниманіе привлекаетъ длинное шествіе мужчинъ, въ другомъ группа изъ семи боговъ, стоящихъ не на землѣ, но на животныхъ, или на вершинахъ горъ

или, какъ одинъ изъ нихъ, на спинахъ двухъ мужчинъ. И эти фигуры до сихъ поръ остались неразобранными.

Между тѣмъ давно уже установлено, что эти памятники какъ по стилю, такъ и по соединенію ихъ съ іероглифами, стоятъ въ тѣсной связи съ подобными же памятниками, открытыми въ сѣверной Сиріи; соотвѣтственно тому, куда относятъ мѣсто ихъ возникновенія, въ сѣверную Сирію, гдѣ хета (хетиты, хититы) нѣкогда имѣли могущественное государство, или Каппадокію, гдѣ лежитъ Богасъ-Кой, они и называются хетійскими или каппадокійскими. Какъ бы однако они ни назывались, ясно, что они происходятъ не отъ одного какого-либо народа, распространившаго ихъ, путемъ ли мирныхъ сношеній или воинственныхъ завоеваній, по всему обширному пространству, но скорѣе, именно въ виду своего широкаго распространенія, обязаны своимъ существованіемъ родственнымъ между собой племенамъ. Хета также спустились съ восточной стороны большого плоскогорья въ сѣверную Сирію, гдѣ они образовали сперва большое государство, а по разрушеніи его отдѣльныя небольшія владѣнія, пока занимаемыя ими области не были завоеваны ассиріянами. И если хета и не принадлежатъ къ семитамъ, то весьма вѣроятно, что они составляютъ одно изъ племенъ малоазіатской народности, создавшей вышеупомянутые своеобразные памятники. Замѣтное же на позднѣйшихъ этихъ памятникахъ вліяніе ассирійскаго искусства объясняется какъ въ сѣверной Сиріи, такъ и въ Богасъ-Кой весьма просто: въ это время и здѣсь и тамъ вся страна была уже во власти ассиріянъ.

б) Переселившіяся племена.

На ряду съ этими племенами, которыя можно назвать малоазіатскими, потому что они по нашимъ свѣдѣніямъ всегда здѣсь обитали, мы встрѣчаемъ на сѣверо-западѣ и по всему западному берегу племена, несомнѣнно переселившіяся въ Малую Азію. Сюда относятся прежде всего ѳракійскія племена, переправившіяся изъ своей европейской родины черезъ Босфоръ и Геллеспонтъ и мало-по-малу проникшія отъ лежащихъ у этихъ проливовъ областей на востокъ. Конечно это произошло не сразу; въ теченіе многихъ лѣтъ изъ Ѳракіи приходили въ Малую Азію все новыя и новыя группы переселенцевъ, побуждаемыя къ выселенію изъ своей родины избыткомъ населенія и возникающими отсюда голодовками; иногда же они вытѣснялись другими, надвигавшимися съ сѣвера и запада, племенами. Какъ ни мало намъ извѣстно о борьбѣ ѳракійцевъ съ туземнымъ населеніемъ и о постепенномъ порабощеніи или исчезновеніи послѣдняго (вспомнимъ упомянутое уже выше введеніе фригійцами и дарданами культа матери боговъ), несомнѣнно, что какъ фригійцы, давшіе свое имя всей странѣ отъ верховьевъ Сангарія до писидійскихъ озеръ, такъ и мизяне, жившіе у Пропонтиды къ востоку отъ Иды и около Олимпа, такъ и виѳинцы, также давшіе свое имя занятой ими береговой полосѣ у Чернаго моря, переселились изъ Ѳракіи. Это было извѣстно еще древнимъ, которые вывели это заключеніе изъ встрѣчающихся по обѣимъ сторонамъ Пропонтиды одинаковыхъ собственныхъ именъ.

У ѳракійцевъ, какъ у европейскихъ, такъ и у малоазіатскихъ, процвѣталъ культъ Сабазія, божества, болѣе извѣстнаго намъ въ видѣ греческаго Діониса, повелѣвающаго всей жизнью природы. По представленіямъ ѳракійцевъ божество это лѣтомъ бодрствуетъ, а зимою спитъ, почему они и встрѣчали пробужденіе весны празднествами и оргіями и, наоборотъ, съ дикими проявленіями горя оплакивали увяданіе природы. Можно указать еще и на то, что по обоимъ берегамъ Пропонтиды былъ повидимому въ обычаѣ одинаковый способъ погребенія умершихъ, а именно въ большихъ насыпанныхъ земляныхъ холмахъ, такъ называемыхъ tumuli.

При изслѣдованіи такихъ tumuli оказалось, что они построены всѣ совершенно одинаково и состоятъ изъ различныхъ слоевъ, причемъ перемѣнно за пластомъ золы и жженой земли, содержащимъ глиняную посуду, кости животныхъ и различные черепки, слѣдуетъ слой земли и щебня. Такой способъ погребенія весьма похожъ на тотъ, который Геродотъ называетъ ѳракійскимъ; наоборотъ, въ Ликіи, въ области Галиса и еще нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, принято было хоронить мертвыхъ въ скалистыхъ пещерахъ.

Къ этой фригійско-ѳракійской группѣ народовъ принадлежатъ и троянцы, занимающіе у береговъ Пропонтиды мѣстность, лежащую по сѣвернымъ склонамъ Иды; если открытые Шлиманомъ въ Троѣ различные пласты или остатки старыхъ городовъ дѣйствительно принадлежатъ одному и тому же населенію, то троянцы очевидно переселились сюда очень рано, вѣроятно еще въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. Какъ ни незначительна ихъ роль въ исторіи, но пѣсни Гомера, воспѣвшія ихъ продолжительную борьбу съ греками и разрушеніе ихъ города, сдѣлали ихъ извѣстными каждому. И если не подлежитъ сомнѣнію, что микенскій царь Агамемнонъ со своими полчищами дѣйствительно разрушилъ какую-то лежавшую у Геллеспонта блестящую столицу (ср. томъ I, стр. 180), то фактъ этотъ представляется во всякомъ случаѣ совершенно единичнымъ и не можетъ быть приведенъ въ прочную историческую связь съ другими событіями. На существованіе же въ это раннее время между Греціей и Малой Азіей сношеній, хотя и не носившихъ всегда мирный и дружественный характеръ, указываютъ и древнія колоніи на западномъ берегу этого полуострова.

Потокъ греческихъ переселенцевъ, смотря по тому, выходили ли они изъ сѣверной, средней и южной Греціи, направлялся соотвѣтственно этому въ болѣе сѣверныя или южныя области малоазіатскаго побережья. И эта колонизація совершалась конечно лишь постепенно: населеніе Греціи, вынужденное положеніемъ своей страны и ея природными условіями искать себѣ новой родины, лишь только занимаемыя имъ земли вслѣдствіе прироста населенія становились тѣсны, часто переправлялось въ Малую Азію, и только послѣ многовѣковой борьбы имъ удалось отвоевать себѣ здѣсь земли у первобытнаго населенія. Отраженіе этой борьбы сохранилось въ греческихъ сказаніяхъ о похищеніи Ахилломъ Бризеиды и раненіи имъ Телефа изъ Тевѳраніи. Въ то же время существованіе во многихъ греческихъ городахъ Малой Азіи на ряду съ греческимъ и карійскаго и лелегійскаго или называемаго какъ-либо иначе, но во всякомъ случаѣ туземнаго, населенія, указываетъ на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ между новыми пришельцами и кореннымъ населеніемъ произошло постепенное сліяніе, пока незначительныя вначалѣ поселенія не развились въ цвѣтущія и могущественныя общины.

Эта колонизація началась еще въ микенскую эпоху; упомянутые на египетскихъ памятникахъ, какъ союзники хета, іеванна, въ тождествѣ которыхъ (по-еврейски Iavan), нельзя сомнѣваться, доказываютъ, что въ XIII вѣкѣ до Р. Х. не только создалось уже имя „іоняне“, но что поселившіеся въ Малой Азіи греки достигли уже нѣкотораго значенія и были извѣстны и внѣ предѣловъ своей новой родины. Главной цѣлью стремленій переселенцевъ изъ сѣверной Греціи былъ островъ Лесбосъ, откуда уже заселены были тевѳранское и лидійское побережья. Питана, Элея, Гринея, Мирина, Кима, Эги, Темносъ, лежащая у южной подошвы Сипола Смирна и у сѣверной—Магнезія были греческіе города. Обитатели всей этой области принадлежатъ къ одному племени и называютъ себя эолянами. Различныя племена изъ средней Греціи заняли лидійскій и карійскій берега отъ устьевъ Герма до полуострова Милета, и здѣсь тѣсно сплотившіеся греческіе поселенцы, имѣвшіе свое религіозное средоточіе въ

Паніоніонѣ, въ культѣ Посейдона, получили имя „іонянъ“. Къ іонійскимъ городамъ принадлежатъ: Клазомены, Эритрея, Теосъ, Лебедъ, Колофонъ, Эфесъ, Пріена, Міунтъ, Милетъ и окруженная эолійскими городами Фокея: крайнимъ западнымъ пунктомъ является Магнезія (на Меандрѣ). Къ болѣе позднимъ временамъ относится переселеніе дорянъ, которые съ острова Крита и южныхъ Цикладовъ, занятыхъ ими до того, передвинулись на лежащіе вблизи Малой Азіи острова Косъ и Родосъ, а затѣмъ проникли и на далеко выступающія косы самого материка, Книдъ и Галикарнасъ. Союзъ этихъ дорійскихъ городовъ имѣлъ своимъ религіознымъ средоточіемъ святилище Тріопійскаго Аполлона.

B. **Исторія Малой Азіи.**

a) Древнѣйшія извѣстія о малоазіатскихъ народностяхъ.

Древнѣйшими историческими свѣдѣніями о Малой Азіи и ея народахъ мы обязаны египетскимъ памятникамъ, дающимъ нѣкоторыя указанія, начиная съ XVI вѣка до Р. X. Въ мѣстностяхъ, получившихъ позднѣе названіе Коммагены и Каппадокіи, мы встрѣчаемъ народъ хета (хетиты), проникшій затѣмъ на югъ и поселившійся въ сѣверной Сиріи. Здѣсь египетскій царь Рамзесъ II велъ съ нимъ долгую упорную борьбу, закончившуюся миромъ, по которому государство хета было признано равноправной державой. Но это государство, успѣшно боровшееся съ фараонами и распространившее свои владѣнія на западъ и на югъ до долины Оронта, вскорѣ распалось на отдѣльныя мелкія государства, просуществовавшія въ сѣверной Сиріи до VIII столѣтія и покоренныя лишь ассиріянами. Вступая въ борьбу съ Рамзесомъ II, хеты заключили союзы съ „государями всѣхъ странъ“, оказавшими имъ помощь войсками; такимъ образомъ мы узнаемъ о существованіи народовъ рука, дардены, маса, іеванна, пидаса и каркиша; изъ нихъ въ рука слѣдуетъ видѣть ликійцевъ, въ дардены — дардановъ, въ іеванна — іонянъ, въ каркиша по всей вѣроятности киликійцевъ; происхожденіе же народовъ маса и пидаса до сихъ поръ не выяснено точнѣе.

Въ царствованіе фараона Мернефта (вскорѣ послѣ 1280 г. до Р. X.) у западной границы фараонскаго государства появились вмѣстѣ съ ливійцами и „народы приморскихъ странъ“, которые и были уничтожены въ кровавой битвѣ. Кромѣ уже извѣстныхъ намъ рука въ этомъ походѣ принимали участіе акайвата (ахейцы), туруша (тирсены), шардана (сарды съ острова Сардиніи) и шакруша. Въ царствованіе Рамзеса III (около 1200 г. до Р. X.) повторились тѣ же событія: частью моремъ, въ большихъ открытыхъ гребныхъ судахъ, частью сушей, въ телѣгахъ, запряженныхъ волами, пришли толпы пурасатъ, таккара, шакруша, данона и вашаша и снова были совершенно уничтожены на морѣ и на сушѣ. Изъ обѣихъ послѣднихъ группъ народовъ акайваша, туруша, шардана не принадлежатъ къ малоазіатамъ; изъ остальныхъ рука — ликійцы, пурасатъ, таккара, данона, шакруша и вашаша несомнѣнно малоазіаты: общій всѣмъ имъ войлочный шлемъ съ украшеніемъ изъ перьевъ — одежда, приписываемая Геродотомъ ликійцамъ — доказываетъ не только ихъ тѣсное родство между собой, но и принадлежность ихъ къ народамъ юго-западной части Малой Азіи.

Въ періодъ времени отъ XVI до XII вѣка до Р. X. мы замѣчаемъ такимъ образомъ многообразныя передвиженья среди малоазіатскихъ народовъ. Хета побѣдоносно проникли вглубь страны; рука и другіе покинули свою родину частью въ качествѣ наемныхъ войскъ и союзниковъ хета, частью какъ пираты и морскіе разбойники. Не было ли переселеніе и натискъ фригійско-ѳракійскихъ племенъ причиной этого выселенія корен-

ныхъ жителей? Въ общемъ однако эти движенія носятъ скорѣе характеръ разбойническихъ и грабительскихъ набѣговъ, и ничто въ нихъ не указываетъ на стремленіе найти себѣ новое мѣстожительство. Предпріятіе хетитовъ распространить свои завоеванія и за предѣлы полуострова и тамъ основать государство не нашло себѣ въ послѣдующее время подражанія среди народовъ Малой Азіи: всѣ государства, возникшія послѣ того, обнимали лишь болѣе или менѣе ограниченныя области самаго полуострова, и только Митридатъ Великій присоединилъ къ унаслѣдованному имъ государству значительную часть сѣвернаго берега Чернаго моря. Но типичными для всего юго-западнаго берега Малой Азіи слѣдуетъ считать тѣ набѣги, которые „морскіе народы“, рука и прочіе, предпринимали противъ Египта: карійцы, писидійцы и киликійцы въ теченіе многихъ вѣковъ славились своими морскими разбоями, хотя и не достигавшими такихъ размѣровъ, какъ упомянутый походъ рука, когда Египту лишь помощью всей своей военной силы удалось оказать успѣшное сопротивленіе.

б) Лидія и государство Мермнадовъ.

Ни одно изъ государствъ Малой Азіи не занимало въ древнія времена такого выдающагося положенія, какъ Лидія. Правда, въ сохранившихся сказаніяхъ играетъ извѣстную роль и Фригія съ ея царями. Здѣсь попеременно царствовали то Мидасъ, то Гордій; населеніе рано стало заниматься хлѣбопашествомъ: по сказанію муравьи приносили пшеничныя зерна въ ротъ Мидасу, когда онъ былъ ребенкомъ, и тѣмъ заранѣе возвѣстили его будущее богатство, вслѣдствіе чего богатства Мидаса и изображаются, какъ плоды земледѣлія. Эта зависимость благосостоянія фригійскихъ царей отъ земледѣлія находитъ себѣ выраженіе и въ томъ, что сельскій демонъ Литіерзисъ, который коситъ объ закладъ съ жнецами и бичуетъ лѣнтяевъ, считается сыномъ Мидаса; между прочимъ Мидасъ, какъ передаетъ сказаніе, введя во Фригіи культъ матери боговъ, изобрѣлъ и употребляемую при этомъ богослуженіи траурную флейту: фригійцы, какъ всѣ вообще ѳракійцы, любили музыку и охотно ею занимались. Но вообще достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о фригійцахъ не сохранилось. Только съ возникновеніемъ лидійскаго царства источники становятся многочисленнѣе и достовѣрнѣе; только здѣсь мы становимся на болѣе или менѣе твердую историческую почву.

Первая царствовавшая въ Лидіи династія Атіадовъ принадлежитъ еще къ области миѳологіи. За нею слѣдовали цари изъ рода Гераклидовъ, о которыхъ извѣстно лишь, что они царствовали будто бы 505 лѣтъ; изъ послѣдняго, предшествовавшаго ихъ паденію, столѣтія сохранились имена пяти, шести царей — Аліаттъ, Кадисъ, Ардисъ, Мелесъ, Мирзосъ и Кандавлъ. Но гораздо важнѣе этихъ именъ и разсказовъ объ убійствѣ одного царя и вступленіи на престолъ другого является то обстоятельство, что Лидія, какъ въ то время, такъ и позже, была феодальнымъ государствомъ, что на ряду съ царемъ существовали многочисленные династы, въ рукахъ которыхъ сосредоточена была земельная собственность, и у которыхъ сельское населеніе состояло въ крѣпостной зависимости. И если намъ извѣстно, что одному изъ династовъ за содѣйствіе къ возведенію на престолъ Ардиса даровано было въ видѣ награды освобожденіе всей его области отъ податей, то отсюда можно заключить, что остальные династы платили дань. Впрочемъ, они не всѣ имѣли одинаковое значеніе; одинъ изъ нихъ стоялъ къ царю ближе другихъ и заступалъ его мѣсто послѣ смерти или въ другихъ экстренныхъ случаяхъ, занимая вообще положеніе, подобное франкскому мажордому; нѣсколько другихъ подъ оффиціальнымъ титуломъ „друзей царя“ составляли родъ свиты.

Какъ ни значительна была роль этихъ земельныхъ феодальныхъ

собственниковъ, на ряду съ ними еще въ древности выступаютъ торговый и промышленный классы. Въ разсказахъ изъ лидійской исторіи, которую въ сильной беллетристической окраскѣ передали намъ греки, дѣйствующими лицами на ряду съ кабатчиками являются торговцы; лидійцы слыли первымъ народомъ, занимавшимся мелкой и разносной торговлей и чеканившимъ монету. Оттѣсненные отъ морского берега греческими городами, они вели сухопутную торговлю; они служили посредниками въ сношеніяхъ съ культурными странами востока: ихъ столица была конечнымъ пунктомъ большой древней почтовой дороги, шедшей отъ Евфрата. Изъ Сардъ же восточные товары уже при посредствѣ грековъ переправлялись къ морю. Въ Лидіи рано развилась и значительная промышленность: въ ткацкихъ и красильняхъ изготовлялись пестрыя одѣяла и прекрасныя цвѣтныя матеріи, въ мастерскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ всевозможныя драгоцѣнности. Въ Сардахъ и другихъ, правда уступавшихъ столицѣ, городахъ, населеніе занималось торговлей и ремеслами; о политическихъ правахъ этого населенія намъ ничего неизвѣстно, но повидимому оно въ особыхъ случаяхъ созывалось царемъ на народное собраніе и имѣло право высказывать свое мнѣніе. Заслуживаетъ еще упоминанья, что царь Ардисъ прославился своими заботами о военныхъ силахъ страны: онъ увеличилъ свою конницу до 30 000 человѣкъ; лидійская конница и впослѣдствіи наводила ужасъ на своихъ враговъ.

Новая эпоха въ исторіи Лидіи наступила съ воцареніемъ Гигеса. По сохранившимся преданіямъ онъ былъ или царскимъ копьеносцемъ, какъ первый изъ Сассанидовъ, Артаксерксъ, или пастухомъ, какъ царь Давидъ; это вполнѣ соотвѣтствуетъ взглядамъ восточныхъ народовъ, любившихъ возводить родоначальниковъ своихъ царствующихъ домовъ изъ ничтожества на высшую ступень человѣческаго могущества. Въ дѣйствительности же онъ происходилъ изъ могущественнаго рода Мермнадовъ. Отецъ его, Даскилъ, жилъ добровольнымъ изгнанникомъ въ Синопѣ; отсюда восемнадцатилѣтній Гигесъ былъ призванъ къ сардскому двору и вскорѣ въ качествѣ любимца царя былъ назначенъ его мажордомомъ. Дворцовая революція, въ которой погибъ послѣдній царь, Кандавлъ, доставила ему вмѣстѣ съ рукой царской вдовы и царскую корону, которую онъ счастливо удержалъ за собой въ борьбѣ съ противной партіей (687 г. до Р. Х.). Съ Гигесомъ начинается перемѣна въ политикѣ лидійскихъ царей: наступаетъ время завоеваній, цѣлью которыхъ служили греческіе приморскіе города. Тогда какъ города Эоліи за исключеніемъ Митилены занимались земледѣліемъ и не достигли большого значенія, іонійскіе города, благодаря плодородію своей области, преимуществу своего положенія и трудолюбію жителей, развились въ значительные центры торговли и промышленности. Поддерживая живыя торговыя сношенія съ финикіянами и лидянами, которые, какъ мы видѣли, вели сухопутную торговлю съ востокомъ, они стали складочными мѣстами восточныхъ товаровъ, которые уже отсюда пересылались далѣе на западъ вмѣстѣ съ продуктами ихъ собственной промышленности. Гигесъ предпринялъ походъ на эти іонійскіе города. Милетъ и Смирна отразили нападеніе, смирнейскіе копьеносцы даже побѣдили лидійскую конницу, но Колофонъ, извѣстный своими большими богатствами, палъ; Троя также подпала лидійскому владычеству. Гигесъ указалъ такимъ образомъ пути своимъ преемникамъ; самъ же онъ не сдѣлалъ въ этомъ направленіи дальнѣйшихъ завоеваній.

Надвигавшіеся съ востока скиѳы оттѣснили отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря жившій тамъ, очевидно родственный ѳракійцамъ, народъ киммеріянъ и отодвинули его далѣе на западъ и юго-западъ. Черезъ Ѳракію киммеріяне достигли Босфора; и какъ уже многія ѳракійскія племена, и они вмѣстѣ съ ѳракійскими трерами переправились въ Азію, гдѣ

мы находимъ ихъ затѣмъ въ мѣстности, позднѣе названной Виѳиніей, и въ Троѣ. Изгнанные изъ Виѳиніи послѣдовавшими за ними ѳракійскими виѳинцами, они двинулись далѣе на востокъ, во Фригію, гдѣ по сказанію царь Мидасъ при ихъ приближеніи кончилъ жизнь самоубійствомъ, выпивъ воловьей крови; затѣмъ, продержавшись нѣкоторое время въ греческой колоніи Синопѣ, они проникли въ область ассиріянъ, расширившихъ границы своихъ владѣній до Галиса. Здѣсь они были разбиты царемъ Ассаргаддономъ (679 г. до Р. Х.); народныя массы хлынули назадъ, угрожая Лидіи. Гигесъ одинъ не въ состояніи былъ отразить нападеніе киммеріянъ и потому обратился за помощью къ ассирійскому царю Ассурбанипалу, которому и присягнулъ на вѣрность. Такимъ образомъ ему удалось разбить своихъ враговъ; но, избѣжавъ опасности, онъ снова отрекся отъ ассирійскаго господства (около 660 г. до Р. Х.). Вскорѣ послѣ того киммеріяне снова появились въ Лидіи, и на этотъ разъ Гигесъ палъ въ битвѣ. Киммеріяне опустошили страну и взяли столицу ея, Сарды, за исключеніемъ акрополя. Они наводнили и Іонію, разрушили Магнезію на Меандрѣ, сожгли храмъ Артемиды въ Эфесѣ и разорили и опустошили области многихъ другихъ городовъ. „Это былъ разбойническій набѣгъ, но ни въ какомъ случаѣ не покореніе городовъ“, говоритъ Геродотъ; вѣрное относительно Іоніи, это замѣчаніе врядъ ли справедливо относительно Лидіи, гдѣ часть киммеріянъ — другая часть, какъ передаютъ, погибла въ Киликіи — очевидно поселилась на болѣе или менѣе продолжительное время, хотя намъ неизвѣстно никакихъ подробностей о томъ, какъ это произошло, и въ какія отношенія они стали къ лидійскимъ царямъ. Достовѣрно извѣстно лишь, что несмотря на побѣдоносное вторженіе киммеріянъ Ардисъ унаслѣдовалъ своему отцу Гигесу, и что при немъ и наслѣдникѣ его Садіаттѣ Лидія оказалась даже въ состояніи снова вступить въ борьбу съ Іоніей. Преемникъ же Садіатта, Аліаттъ, прогналъ киммеріянъ изъ Малой Азіи, т.-е. въ данномъ случаѣ конечно изъ Лидіи и подвластныхъ ей областей, и совершенно уничтожилъ ихъ. До насъ не дошло свѣдѣній о томъ, гдѣ они находились въ этотъ промежутокъ времени, если не въ Лидіи, и гдѣ они, будучи изгнаны Аліаттомъ, основались; въ исторіи они не оставили болѣе никакихъ слѣдовъ.

Но возвратимся къ іонійскимъ городамъ. Сынъ Гигеса, Ардисъ, продолжалъ начатое отцомъ дѣло. Онъ взялъ Пріену. Сынъ его, Садіаттъ, снова осадилъ Милетъ, но также безуспѣшно, какъ и дѣдъ его Гигесъ. По смерти Садіатта войну продолжалъ Аліаттъ; въ продолженіе одиннадцати лѣтъ лидяне ежегодно производили опустошительные набѣги на милетскія владѣнія; но, не имѣя въ своемъ распоряженіи флота, они не могли предпринять блокады Милета, безъ которой всякая осада была бы безуспѣшна, а потому ихъ вторженія и не привели къ покоренію города; съ другой стороны и Милетъ не былъ настолько силенъ, чтобы надолго предотвратить непріятельскія нападенія. При такомъ положеніи дѣла между Аліаттомъ и Милетомъ состоялся наконецъ мирный и союзный договоръ, положившій конецъ войнѣ. Но зато лидяне взяли и разрушили Смирну и тѣмъ завоевали себѣ третій важный пунктъ на морскомъ берегу.

Но дальнѣйшимъ предпріятіямъ Аліатта въ этомъ направленіи помѣшало политическое положеніе на востокѣ. Царство ассиріянъ простиралось до Галиса; при раздѣлѣ его, послѣ паденія Ниневіи, между мидянами и вавилонянами, мидянамъ досталась восточная часть Малой Азіи. Они подчинили себѣ Арменію и Каппадокію, а дальнѣйшее расширеніе мидійскаго могущества при Кіаксарѣ угрожало уже и Лидіи. Поэтому-то между ними вспыхнула война; въ продолженіе многихъ лѣтъ лидяне и мидяне боролись съ перемѣннымъ счастьемъ. 28-го мая 585 г., во время одной битвы наступило полное солнечное затменіе, то самое, которое было

предсказано философомъ Θалесомъ Милетскимъ. Паника, овладѣвшая обѣими сторонами при видѣ этого явленія природы, прекратила сраженіе. Благодаря посредничеству вавилонскаго и киликійскаго государей, между воющими сторонами завязались переговоры о мирѣ, который и былъ закрѣпленъ женитьбой Астіага, сына Кіаксара, на дочери Аліатта, Аріенндѣ. Грозившая Лидіи со стороны Мидіи опасность была устранена, и лидяне могли продолжать прерванную наступательную войну съ Іоніей.

При преемникѣ Аліатта, Крезѣ, Лидія достигла высшей ступени своего могущества и силы. Крезъ взялъ Эфесъ, сдѣлалъ данниками остальные, еще не покоренные его предшественниками, греческіе города, присоединилъ Фригію по смерти ея послѣдняго царя Гордія къ своимъ владѣніямъ и достигъ господства и надъ Виθиніей. Но счастье его было очень кратковременно. Въ 553 г. персъ Киръ поднялся противъ мидійскаго царя Астіага и провозгласилъ себя царемъ вмѣсто него. Желая отомстить за паденіе своего зятя, а частью и своевременно предотвратить грозившую Лидіи со стороны персидскаго могущества опасность, Крезъ заключилъ союзъ съ Набунаидомъ, царемъ вавилонскимъ, и фараономъ Амазисомъ и, подкрѣпленный благопріятными предсказаніями (между прочимъ и изъ Дельфъ), съ сильнымъ войскомъ вступилъ въ Каппадокію; но здѣсь Киръ принудилъ его отступить за Галисъ, на голову разбилъ въ долинѣ Герма и заперъ въ сильномъ акрополѣ Сардъ. Но и это послѣднее убѣжище, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ Крезъ измѣной попали въ руки побѣдителя (546 г. до Р. Хр.). Лидія сдѣлалась персидской провинціей. Во главѣ обоихъ округовъ (сатрапій), на которые она была раздѣлена, поставлены были знатные персы, имѣвшіе своими резиденціями Сарды и Даскилей у Геллеспонта.

в) Персидское господство и борьба іонянъ за освобожденіе.

Большая часть греческихъ малоазіатскихъ городовъ, подпавшихъ лидійскому владычеству лишь при Крезѣ, несмотря на свою зависимость и данническія отношенія, пользовалась благосклонностью эллинофильскаго царя. Милетъ сохранилъ заключенный еще съ Аліаттомъ мирный и союзный договоръ. Такимъ образомъ эпоха Мермнадовъ ни въ какомъ случаѣ не была для эллинскихъ городовъ эпохой паденія, хотя отдѣльные города, какъ Смирна и Колофонъ, лишь съ трудомъ и лишь отчасти оправились отъ нанесеннаго имъ лидянами удара. Въ общемъ это была, наоборотъ, эпоха пышнаго расцвѣта. На то, что іонійскіе города служили посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ востока съ западомъ, было уже указано (см. стр. 53). Теперь они занялись основаніемъ колоній и факторій; такъ, Милетъ основалъ у Геллеспонта Абидосъ и Кизикъ, послужившіе этапными пунктами для экспедицій на Черное море, по берегамъ котораго вскорѣ повсюду возникли милетскія колоніи. Хлѣбъ богатыхъ плодородныхъ южно-русскихъ земель, ихъ дорогіе мѣха, кораблестроительный матеріалъ и драгоцѣнные металлы изъ лѣсовъ и рудниковъ южнаго берега Понта, наконецъ рыбныя богатства моря — все это служило предметомъ широкой торговли милезянъ. На ряду съ Милетомъ другіе города отступаютъ на задній планъ; но слѣдуетъ указать еще на Фокею, руководившуюся при основаніи Лампсака громаднымъ значеніемъ Босфора для торговли (тѣми же соображеніями руководился и Милетъ при основаніи Абидоса и Кизика) и открывшую себѣ основаніемъ Массиліи — еще нынѣ цвѣтущей Марсели — путь къ торговлѣ съ отдаленнѣйшимъ западомъ. Въ это же время греки поддерживали живыя торговыя сношенія и съ Египтомъ. Царь Амазисъ уступилъ имъ, въ томъ числѣ милезянамъ и другимъ малоазіатамъ, городъ Навкратъ, какъ складочное мѣсто, и даровалъ имъ право жить здѣсь съ собственнымъ городовымъ правомъ и собственной администраціей. Этому быстрому развитію торговли соотвѣтство-

вала живая дѣятельность и въ области духовнаго развитія. Здѣсь мраморъ впервые подвергся искусственной обработкѣ, чѣмъ и было положено начало высокому развитію греческой пластики; здѣсь усовершенствовалась греческая лирика, и здѣсь выступили первые философы, приведшіе въ систему свои ученія.

Но на ряду съ этими свѣтлыми сторонами въ развитіи греческихъ городовъ не было недостатка и въ темныхъ. Борьбѣ и раздорамъ между отдѣльными городами — такъ Самосъ и Пріена, Хіосъ и Эритрея, Магнезія и Эфесъ жили въ постоянной кровавой борьбѣ — соотвѣтствовали въ самихъ общинахъ упорные и продолжительные партійные раздоры. Первоначальное господство царей перешло въ дворянскую олигархію, пока выросшее вмѣстѣ съ увеличившимся благосостояніемъ самосознаніе гражданъ не побудило ихъ начать борьбу за свое политическое полноправіе, за участіе въ городскомъ управленіи. Правда, эта борьба не всегда вела къ установленію демократическаго правленія, и часто въ результатѣ власть оказывалась въ рукахъ одного лица. Греки называли такихъ людей, встрѣчающихся во многихъ малоазіатскихъ городахъ, тираннами. Но и теперь, при новой опасности, грозившей со стороны персовъ, повторилось то же зрѣлище, что и раньше, при нападеніи лидянъ: внутренняя борьба партій и вражда городовъ между собой помѣшали греческимъ городамъ соединиться въ общій союзъ; наоборотъ, каждый городъ дѣйствовалъ въ отдѣльности и потому легко могъ быть побѣжденъ. Правда, вначалѣ эоляне и іоняне соединились, чтобы подчиниться Киру на тѣхъ же условіяхъ, какъ прежде лидійскимъ царямъ; но Милетъ не примкнулъ къ нимъ и своевременно принятыми мѣрами сумѣлъ удержать за собой прежнее привилегированное положеніе, которымъ онъ пользовался при Мермнадахъ. Киръ отклонилъ предложеніе. Греческіе города сообща обратились за помощью къ Спартѣ и, рѣшившись оказать сопротивленіе, приготовились къ защитѣ. Спарта отказала въ помощи. Затѣмъ мы не слышимъ уже ничего болѣе о какихъ-либо совмѣстныхъ дѣйствіяхъ и совмѣстной защитѣ. Пріена и Магнезія на Меандрѣ, оказавшіе содѣйствіе неудачному возстанію лидянъ подъ предводительствомъ Пактія, были взяты и тяжело наказаны, а вслѣдъ за ними въ отдѣльности покорены и остальные города. Итакъ, весь греческій берегъ — дорійскіе города подчинились большею частью безъ сопротивленія — подпалъ подъ персидское владычество, и города обязаны были не только платить дань, но выставлять войско и принять поставленныхъ царемъ тиранновъ. Затѣмъ послѣ покоренія Каріи и Ликіи персидскимъ сатрапомъ Гарпагомъ вся Малая Азія вошла въ составъ персидской монархіи. Изъ острововъ подчинились Хіосъ и Лесбосъ; Самосъ, гдѣ тиранномъ былъ Поликратъ, былъ покоренъ позднѣе, а крѣпость его взята штурмомъ. Киликія, сохранивъ своихъ князей, признала господство Персіи.

За все время владычества персовъ Малая Азія не имѣетъ конечно своей собственной исторіи. Но гнетъ, наложенный персидскимъ царемъ на полуостровъ, не могъ быть особенно тяжелъ. Такъ, о возстаніяхъ мы не слышимъ ничего, за исключеніемъ одного возстанія іонянъ: возмущенія сатраповъ въ IV вѣкѣ были дѣломъ честолюбивыхъ и стремившихся къ самостоятельному господству намѣстниковъ, а не народа, борющагося за освобожденіе отъ тяжелаго ига. Съ другой стороны, слѣдуетъ отмѣтить, что введенныя Даріемъ, сыномъ Гистаспа, новыя учрежденія принесли пользу и Малой Азіи. Онъ раздѣлилъ все свое обширное государство на двадцать сатрапій, изъ которыхъ четыре (или пять, если считать сюда же жителей понтійскихъ береговыхъ горъ, мосховъ, тибареновъ, мозиновъ) приходились на Малую Азію. Іонія съ Каріей, Ликіей и Памфиліей составляли одну сатрапію, Мизія и Лидія вторую, Геллеспонтъ, Фригія и Виѳинія третью и Киликія четвертую.

Это раздѣленіе было особенно важно для набора войскъ и сбора податей: каждая сатрапія должна была собрать вполнѣ опредѣленную сумму: Іонія, Карія и Ликія четыреста, Мизія и Лидія пятьсотъ, Геллеспонтъ и Фригія триста шестьдесятъ талантовъ серебра. Къ этому, правда, присоединялись еще издержки на содержаніе постоянныхъ гарнизоновъ и случайно проходившихъ войскъ и расходы по двору намѣстника. Но для подданныхъ благодѣяніемъ было уже и то, что подати были строго нормированы, тогда какъ раньше они подъ видомъ подарковъ взимались крайне неправильно. Устройство имперской почтовой дороги также должно было принести Малой Азіи выгоды. Правда, караванная дорога уже издавна шла отъ Сардъ черезъ Галисъ, обходя съ сѣвера ликаонскую соляную пустыню, къ Евфрату и оттуда далѣе на востокъ; но Дарій устроилъ по всей этой дорогѣ въ опредѣленныхъ разстояніяхъ станціи съ постоялыми дворами, а при переправахъ черезъ рѣки и горы сторожки. Это существеннымъ образомъ увеличивало безопасность проѣзжающихъ; и если Дарій и имѣлъ въ виду главнымъ образомъ возможность быстрыхъ и вѣрныхъ сношеній между царскими резиденціями, Сардами и Сузой, то созданная имъ безопасность тѣмъ не менѣе принесла пользу и подданнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ Дарій ввелъ и имперскую монету; но въ то время какъ чеканка золотой монеты составляла монополію имперіи, династы и города, особенно греческіе, получили право чеканить серебряную монету какой угодно пробы и фасона. Имперскія монеты, золотыя и серебряныя, чеканились по лидійской монетной системѣ, но имѣли вавилонскій вѣсъ; это было благодѣтельнымъ нововведеніемъ для малоазіатовъ, которые вели торговлю главнымъ образомъ именно съ востокомъ. На нравы и обычаи своихъ подданныхъ персы не пытались вліять; правильно внося подати и не дѣлая попытокъ къ возстанію, подданные могли спокойно справлять свои торжества и приносить жертвы, — фригійцы своему Сабазію, другіе своей матери боговъ.

Но то, что легко переносили и что могло быть даже пріятно народамъ, привыкшимъ къ неограниченной власти, то у свободолюбивыхъ грековъ вызвало сперва недовольство, а потомъ и открытое возмущеніе. Конечно, и они понимали преимущества одной общей монеты и безопасной почтовой дороги, и они платили дань уже при Кирѣ; но особенно чувствительными оказались для нихъ наборы войскъ и кораблей, которые они должны были выставить при Кирѣ для покоренія Ликіи и затѣмъ, еще въ большемъ размѣрѣ, при Даріи для его скиѳскаго похода. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что тираннами были назначаемы дружественныя персамъ лица. Это сильно вредило развившейся въ Іоніи живой общественной жизни; сознавая свою зависимость отъ Персіи, эти тиранны заботились конечно больше о милости царя, чѣмъ о довольствѣ своихъ согражданъ.

На существовавшее въ то время среди грековъ броженіе указываютъ отдѣльныя подробности скиѳскаго похода Дарія. Греческіе города должны были выставить корабли и снарядить флотъ, который, опередивъ пошедшее черезъ Ѳракію сухопутное войско, вошелъ въ Дунай и здѣсь построилъ мостъ для пѣхоты. Походъ противъ скиѳовъ по ту сторону Дуная не удался; Дарій съ большими потерями вернулся назадъ къ Дунаю, но вѣсть о его опасномъ положеніи достигла туда уже раньше. Мильтіадъ, князь Херсонеса, предложилъ сломать мостъ и воспользоваться этимъ случаемъ для освобожденія Іоніи. Но тираннъ Милета, Гистіей, указалъ на то, что съ паденіемъ царя придетъ конецъ и господству тиранновъ. Склонявшіеся уже было на сторону Мильтіада тиранны перемѣнили свое мнѣніе и не позволили разрушить мостъ, чѣмъ и спасли царя и остатокъ его войска. Но отдѣльные отряды флота ушли уже на родину, а Византія и Халкедонъ, получивъ извѣстіе о плохомъ исходѣ скиѳскаго похода, подня-

лись противъ персидскаго владычества. Халкедоняне разрушили перекинутый черезъ Босфоръ мостъ, такъ что Дарію пришлось изъ Сеста переправиться въ Азію на корабляхъ. Но спасенные царемъ изъ скиѳскаго похода остатки войска были еще настолько велики, что отпавшіе города снова были завоеваны и наказаны (513 г. до Р. Х.).

Вскорѣ однако наступили событія, яснѣе проявившія господствовавшее у грековъ настроеніе. Въ 500 г. до Р. Х. наксійскіе аристократы, изгнанные народомъ изъ своего города, пришли въ Милетъ, гдѣ вмѣсто Гистіея, находившагося при дворѣ въ Сузѣ, управлялъ его зять Аристагоръ. Аристагоръ принялъ наксійцевъ и обѣщалъ имъ возстановить ихъ въ родномъ ихъ городѣ. Онъ изложилъ сатрапу Сардъ, Артаферну, свой планъ, предложилъ взять на себя военныя издержки и добился согласія. Артафернъ приказалъ греческимъ городамъ выставить корабли и пѣхоту, но начальникомъ флота назначилъ не Аристагора, какъ этотъ надѣялся, а Мегабата. Экспедиція совершенно не удалась: наксійцы въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ успѣшно отражали всѣ нападенія, и Мегабатъ отплылъ обратно, не исполнивъ даннаго ему порученія. Аристагоръ не могъ однако выполнить взятаго на себя обязательства заплатить военныя издержки и, поссорившись съ Мегабатомъ, состоявшимъ въ близкомъ родствѣ съ царемъ, опасался за свою власть. Въ такомъ тяжеломъ положеніи застало его предложеніе тестя его, Гистіея, отпасть отъ царя. Аристагоръ принялъ предложеніе и нашелъ сочувствіе и въ Милетѣ. Но не одинъ Милетъ, гдѣ Аристагоръ сложилъ съ себя тираннію и возстановилъ демократическое правленіе, возсталъ противъ царя: къ возстанію примкнулъ и флотъ, принимавшій участіе въ неудачной борьбѣ съ Наксосомъ и не успѣвшій еще разойтись. Многіе города изгнали своихъ тиранновъ и вступили въ союзъ съ Милетомъ; каждый изъ нихъ избралъ стратеговъ, составившихъ руководящій военный совѣтъ.

Казалось, общее дѣло должно было увѣнчаться успѣхомъ: Аѳины послали двадцать кораблей на помощь, Еретрія пять. Весною 499 г. до Р. Х. союзники подошли къ Сардамъ, взяли городъ, за исключеніемъ занятой Артаферномъ крѣпости, и сожгли большую часть его. Во время этого пожара погибъ и храмъ богини Кибелы; это до такой степени озлобило жителей, что они обратились противъ грековъ и принудили ихъ отступить. Между тѣмъ собравшееся персидское войско при Эфесѣ нагнало отступившихъ изъ Сардъ союзниковъ и нанесло имъ здѣсь сильное пораженіе. Союзный же флотъ напротивъ того держалъ въ своей власти все море и побудилъ къ отпаденію греческіе города у Геллеспонта и Карію; но успѣхи эти были непродолжительны, такъ какъ персидскіе военачальники съ значительными военными силами вскорѣ снова покорили геллеспонтскіе города и разбили карійцевъ при Лабрандѣ. Аристагоръ, душа возстанія, потерявъ мужество и ища безопасности, бѣжалъ во Ѳракію; тамъ онъ былъ убитъ эдонцами. „Это не былъ человѣкъ высокой души", говоритъ Геродотъ; подготовляя и ведя возстаніе, онъ очевидно руководился исключительно своекорыстными цѣлями. Уничтоживъ въ 497 г. до Р. Х. при Ладѣ союзный флотъ съ его тремя стами пятьюдесятью судами, персы сломили общее сопротивленіе грековъ. Всѣ города были затѣмъ покорены поодиночкѣ; только Милетъ противостоялъ нападеніямъ и осадѣ, но въ 494 г. до Р. Х. и онъ, несмотря на геройскую защиту, долженъ былъ сдаться. Персидское господство снова было возстановлено повсюду, и ненавистные тиранны отъ имени царя снова повелѣвали отдѣльными греческими городами.

Но борьба, предпринятая вскорѣ Греціей за свою свободу и независимость противъ Дарія и Ксеркса, принесла и малоазіатскимъ колоніямъ желанное освобожденіе отъ персидскаго ига. Мараѳонъ, Саламинъ, Платея навсегда останутся величайшими славными именами въ этой эллинской

борьбѣ. Одновременно съ тѣмъ (въ тотъ же день), какъ въ Греціи персидское войско было уничтожено и лагерь персовъ взятъ приступомъ, персидскій флотъ погибъ у малоазіатскихъ береговъ, въ битвѣ съ союзниками при Микале. Это послужило для греческихъ малоазіатскихъ городовъ сигналомъ примкнуть къ общему дѣлу родины и отпасть отъ персидскаго царя. Такимъ образомъ образовался, съ Аѳинами во главѣ, делосско-аттическій союзъ, засѣдавшій первоначально въ Делосѣ, а позднѣе въ Аѳинахъ; участники союза, сохраняя полную автономію во внутреннихъ дѣлахъ, обязались выставлять корабли, войско и вносить денежныя суммы для образованія военной казны. Объединенные такимъ образомъ союзники продолжали войну съ персами, и подъ охраной этого, быстро развивавшагося и достигшаго большого могущества, союза малоазіатскіе греческіе города чувствовали себя безопасными противъ нападеній и мести персовъ. Война продолжалась еще долгіе годы. Персидскіе гарнизоны были изгнаны изъ городовъ Геллеспонта и съ ѳракійскаго берега; значительный персидскій флотъ, искавшій спасенія отъ приближавшагося союзнаго флота въ устьяхъ памфильской рѣки Эвримедона и расчитывавшій соединиться тамъ съ персидскимъ сухопутнымъ войскомъ, былъ уничтоженъ вмѣстѣ съ сухопутнымъ войскомъ благодаря смѣлому нападенію Кимона (467 г. или лѣтомъ 465 г. до Р. Х.), и лагерь персовъ взятъ былъ приступомъ. Повсюду, въ столкновеніяхъ съ греками, азіаты терпѣли пораженія. Обѣ стороны, хотя и не заключивъ офиціальнаго мира, около 449 г. до Р. Х. сложили оружіе. Фактически же греческіе малоазіатскіе города получили свободу и самоуправленіе.

Но имъ предстояло еще разъ вернуться подъ персидское владычество. Неудачный для Аѳинъ исходъ Пелопоннесской войны уничтожилъ и ихъ морское могущество и господство на морѣ. Хотя первоначальная гегемонія Аѳинъ въ делосскомъ союзѣ вскорѣ перешла въ настоящее господство, нерѣдко тяжелымъ гнетомъ ложившееся на отдѣльныхъ участниковъ союза и строго каравшее всякую попытку освободиться отъ него, но несомнѣнно надо признать, что Аѳины строго выполнили взятое на себя обязательство защищать греческіе города отъ нападеній и притѣсненій варваровъ. Противникъ Аѳинъ, Спарта, не слѣдовала этой въ хорошемъ смыслѣ слова эллинской политикѣ. Уже по послѣднему заключенному во время Пелопоннесской войны между Спартой и персидскимъ царемъ договору (411 г. до Р. Х.) греческіе малоазіатскіе города снова должны были подчиниться Персіи. Но съ выраженной здѣсь политикой не могъ примириться Лизандръ, въ душѣ котораго зародился планъ создать спартанцамъ могущество на морѣ и вызвать къ жизни, основанное на этомъ могуществѣ, спартанское государство; чтобы выполнить этотъ планъ, онъ долженъ былъ нарушить договоръ съ царемъ и оказать нѣкоторымъ изъ малоазіатскихъ греческихъ городовъ поддержку противъ персидскаго ига, другіе же, снова попавшіе подъ это иго, освободить отъ него. Послѣ паденія Аѳинъ Лизандръ находился въ Малой Азіи; всюду, гдѣ только ему удавалось, онъ уничтожалъ въ городахъ демократическое правленіе, замѣняя его олигархіей изъ дружественныхъ лакедемонянамъ лицъ; онъ передалъ важные въ стратегическомъ отношеніи пункты спартанскимъ гармостамъ, не встрѣчая сопротивленія со стороны персидскаго главнокомандующаго, брата царя, Кира, который вскорѣ послѣ того въ открытомъ возстаніи перешелъ Тавръ, съ цѣлью самому сѣсть на престолъ брата. По отозваніи Лизандра, когда преемники его по командованію войскомъ — Ѳимбранъ, Деркиллидъ и царь Агезилай — продолжали его политику, между ними и персидскими сатрапами, Фарнабазомъ и Тиссаферномъ, смѣнившими павшаго при Кунаксѣ Кира, возгорѣлась открытая война. Опустошительные набѣги спартанцевъ въ области сатрапій, сраженія, не имѣвшія рѣшающихъ послѣдствій, чередовались съ переговорами о мирѣ, вертѣвшимися около освобожденія мало-

азіатскихъ грековъ изъ-подъ персидскаго господства, и перемиріями. Рѣшительной оказалась морская битва при Книдѣ (394 г. до Р. Х.), въ которой спартанскій флотъ былъ разбитъ и большею частью уничтоженъ аѳинянином Кономъ, предводительствовавшимъ съ персидской стороны. Эта битва не только нанесла жестокій ударъ спартанскому морскому могуществу, но послѣ нея благодаря Конону между Персіей и Аѳинами снова завязались болѣе дружественныя отношенія: длинныя стѣны въ Аѳинахъ были вновь отстроены на персидскія деньги; а благодаря появленію Конона у береговъ Малой Азіи многіе города отпали отъ Спарты и примкнули къ Аѳинамъ. Спарта вынуждена была отказаться отъ замысла Лизандра основать морскую державу и снова вступила въ сношенія съ персидскимъ царемъ. Такимъ образомъ, при посредствѣ Анталкида состоялся названный его именемъ позорный миръ, по которому греческіе малоазіатскіе города снова выданы были персамъ и снова подчинены персидскому владычеству (387). Аѳины, такъ долго принимавшія на себя охрану эллиновъ противъ варваровъ, не были въ то время достаточно могущественны, чтобы какъ-нибудь измѣнить положеніе вещей.

г) Александръ Великій и его походъ въ Азію.

Снова, какъ и до возстанія іонянъ, вся Малая Азія стала персидской провинціей. Въ отношеніи подданныхъ къ царю ничто не измѣнилось, но цѣлый рядъ слабыхъ повелителей усилилъ независимость могущественныхъ сатраповъ. Послѣ возмущенія Кира въ IV вѣкѣ снова вспыхнуло возстаніе сатраповъ, для подавленія котораго главные вожди его, Датамъ и Аріобарзанъ, были коварнымъ образомъ убиты. Ослабленіе царской власти и недостатокъ строгаго правленія послужили главной причиной тому, что Малая Азія почти тотчасъ же подпала подъ власть македонскаго царя Александра (см. рис. 1 на табл. при 129 стр.), который привелъ наконецъ въ исполненіе старую излюбленную эллинскую мечту о всеобщей войнѣ противъ персовъ. Послѣ разнообразныхъ приготовленій онъ со своимъ войскомъ перешелъ Босфоръ (въ 334 г. до Р. Х.), смѣлымъ натискомъ уничтожилъ при Граникѣ войско сатраповъ и быстро сталъ повелителемъ Малой Азіи, покоривъ Милетъ и Галикарнасъ, гдѣ персидскіе гарнизоны оказали ему сопротивленіе. Здѣсь не мѣсто подробнѣе излагать его безпримѣрный побѣдоносный походъ и основаніе его могущественной монархіи (см. ниже, стр. 105). Мы лишь вкратцѣ отмѣтимъ сдѣланныя имъ въ Малой Азіи распоряженія. Онъ сохранилъ дѣленіе полуострова на сатрапіи, а также и наложенныя на отдѣльныя сатрапіи поземельныя подати; но греческіе города онъ объявилъ свободными и автономными и освободилъ ихъ отъ дани.

д) Діадохи и основаніе самостоятельныхъ государствъ.

По смерти Александра (323 г. до Р. Х.) монархія его, державшаяся его могущественной рукой и желѣзной энергіей, грозила распасться, хотя и казалось, что дальнѣйшее ея существованіе было на первое время обезпечено передачей царской власти въ руки своднаго брата Александра, Арридея, подъ именемъ Филиппа, затѣмъ рожденіемъ сына и наслѣдника и, наконецъ, назначеніемъ Пердикки правителемъ государства. Наиболѣе выдающіеся полководцы были сдѣланы намѣстниками провинцій, а въ то же время и начальниками стоявшихъ или набиравшихся въ ихъ округахъ войскъ. Въ этомъ раздѣленіи военной власти и лежалъ зародышъ безконечныхъ раздоровъ и позднѣйшаго распаденія монархіи. Если Александръ своей выдающейся личностью умѣлъ сдерживать честолюбіе и зависть своихъ военачальниковъ, то послѣ его смерти каждый намѣстникъ про-

винцій сталъ стремиться создать себѣ надежное войско, добиться независимости отъ высшей власти и привести въ исполненіе свои собственные честолюбивые замыслы, не обращая вниманія на благо и процвѣтаніе всего государства. Это давало конечно поводъ къ многочисленнымъ войнамъ. Борьба діадоховъ затронула и судьбы Малой Азіи.

Сюда посланы были намѣстниками изъ Вавилона Антигонъ въ Великую Фригію, Леоннатъ въ Малую Фригію, Эвменъ въ Каппадокію, Леандръ въ Карію, Менандръ въ Лидію и Филотъ въ Киликію. Всѣ намѣстники получили давно завоеванныя области, только Эвмену приходилось еще покорить предназначенную ему провинцію. Каппадокійцы не подчинились македонскому сатрапу и избрали себѣ главой знатнаго каппадокійца, по имени Аріарата. Этотъ умный и предпріимчивый человѣкъ распространилъ свое владычество по всей Каппадокіи, къ которой въ то время принадлежалъ и Понтъ, и сумѣлъ удержать его за собой при помощи сильнаго войска въ 15 000 человѣкъ конницы и 30 000 пѣхоты. По приказу правителя Антигонъ и Леоннатъ должны были оказать содѣйствіе Эвмену въ изгнаніи Аріарата; но оба они не исполнили приказа, и Пердикка долженъ былъ самъ выступить съ имперскимъ войскомъ въ Каппадокію (въ началѣ 322 года). Аріаратъ былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и распятъ на крестѣ, а Эвменъ получилъ предназначавшуюся ему провинцію; племянникъ Аріарата того же имени бѣгствомъ спасся въ Арменію и оттуда позднѣе снова пытался воздѣйствовать на судьбы своей родины.

Неповиновеніе Антигона (Леоннатъ между тѣмъ погибъ въ Европѣ, поддерживая Антипатра, намѣстника Македоніи, въ его борьбѣ съ эллинами) дало поводъ Пердиккѣ принять противъ него рѣшительныя мѣры; но, не явившись на вызовъ для личныхъ оправданій по поводу своего поведенія, Антигонъ бѣжалъ въ Европу къ Антипатру и тамъ составилъ союзъ противъ Пердикки, къ которому примкнулъ и намѣстникъ Египта, Птоломей. Въ вспыхнувшей затѣмъ войнѣ Пердикка погибъ въ Египтѣ, и Антипатръ былъ назначенъ на его мѣсто правителемъ. Антигонъ получилъ обратно провинцію Великую Фригію, изъ которой онъ бѣжалъ, и вмѣстѣ съ командованіемъ надъ имперскимъ войскомъ приказъ вести войну съ Эвменомъ, стоявшимъ на сторонѣ Пердикки и успѣшно боровшимся съ Антипатромъ и Кратеромъ. Въ открытой битвѣ Эвменъ былъ побѣжденъ; но затѣмъ онъ съ успѣхомъ боролся съ Антигономъ, запершись въ неприступной крѣпости Норѣ; спасшись оттуда вскорѣ бѣгствомъ, онъ въ короткое время собралъ новое войско, съ которымъ завоевалъ Киликію и Финикію и перешелъ черезъ Евфратъ, чтобы привлечь на свою сторону намѣстниковъ восточныхъ провинцій. Наконецъ въ 316 г. до Р. Х. онъ, послѣ многихъ битвъ, благодаря измѣнѣ своихъ собственныхъ войскъ попалъ въ руки Антигона, который приказалъ его умертвить. Еще раньше, непосредственно послѣ смерти Антипатра (въ 319 г. до Р. Х.), назначившаго своимъ преемникомъ въ качествѣ правителя государства Полисперхона, Антигонъ отказался повиноваться новому правителю, изгналъ намѣстниковъ Малой Фригіи и Лидіи, стоявшихъ на сторонѣ Полисперхона, и отдалъ ихъ сатрапіи своей партіи. Теперь, по смерти Эвмена, онъ сталъ властелиномъ всей Азіи, изъ верхнихъ провинцій которой онъ возвратился въ Малую Азію съ несмѣтными богатствами.

Но могущество Антигона побудило остальныхъ намѣстниковъ соединиться между собой; это были: Кассандръ, сынъ Антипатра, изгнавшій между тѣмъ Полисперхона изъ Македоніи, затѣмъ Птоломей, Лизимахъ, получившій въ 323 г. Ѳракію и создавшій себѣ тамъ, послѣ покоренія воинственныхъ и свободолюбивыхъ горцевъ, сильное государство, и наконецъ Селевкъ, изгнанный Антигономъ изъ своей сатрапіи Вавилоніи и бѣжавшій въ Египетъ къ Птоломею. Антигонъ отклонилъ ихъ предложеніе совмѣстно раздѣлить сатрапіи; отсюда возникли войны, продолжавшіяся

съ перемѣннымъ счастьемъ и нѣкоторыми перерывами отъ 315 до 301 г. Въ этой борьбѣ погибли послѣдніе члены царской семьи: родившійся по смерти Александра Великаго сынъ его Александръ и незаконный сынъ его Гераклъ; фактическіе обладатели власти возлагали себѣ на голову царскую корону и стали именовать себя царями (306 г. до Р. Х.). Антигонъ удержалъ за собой свои владѣнія, центромъ которыхъ осталась Малая Азія, пока не погибъ въ битвѣ при Ипсѣ, во Фригіи, подъ послѣднимъ могущественнымъ натискомъ своихъ враговъ (301 г. до Р. Х.). Въ эти безпокойныя времена все новыхъ и новыхъ вооруженій не могло быть и рѣчи о болѣе или менѣе продолжительной государственной организаціи и благодѣтельномъ для подданныхъ управленіи; только греческіе города малоазіатскаго полуострова пользовались особымъ вниманіемъ и сохранили свое самоуправленіе и свободу отъ взиманія податей.

По смерти Антигона монархія Александра Великаго представляла уже четыре отдѣльныхъ государства: въ Египтѣ царствовалъ Птоломей, во Ѳракіи Лизимахъ, въ Македоніи и Греціи Кассандръ и въ Сиріи Селевкъ. Малую Азію раздѣлили между собой Лизимахъ и Селевкъ, существеннымъ образомъ содѣйствовавшіе паденію Антигона. Оба удержали за собой свои части, несмотря на неоднократныя попытки сына Антигона, Димитрія Поліоркета (см. фиг. 2 на таблицѣ при стр. 129) вернуть себѣ отцовское наслѣдіе. Въ борьбѣ съ Селевкомъ Лизимахъ палъ въ 281 г. при Корупедіи. Малая Азія досталась побѣдителю. На ближайшее будущее С е л е в к и д ы сохранили правда за собой превосходство и величайшую по размѣру своихъ владѣній власть, но они не были уже, какъ нѣкогда Антигонъ, единственными обладателями власти.

Среди смутъ, наступившихъ въ Малой Азіи по смерти Александра, здѣсь постепенно образовались новыя государства, разросшіяся вскорѣ въ значительныя державы и придавшія особый отпечатокъ всей послѣдующей эпохѣ. Со времени распаденія мидійскаго царства мы въ первый, но правда и въ послѣдній, разъ встрѣчаемъ на малоазіатской почвѣ государства съ с о б с т в е н н о й и с т о р і е й и с о б с т в е н н о й п о л и т и к о й, независимыя отъ большого государства, центръ и средоточіе котораго лежали внѣ предѣловъ полуострова.

Аріаратъ, племянникъ и пріемный сынъ Аріарата (см. выше, стр. 61), распятаго Пердиккой на крестѣ, воспользовавшись неудачной войной Антигона съ заключившими союзъ царями, вернулся изъ Арменіи въ К а п п а д о к і ю и, съ радостью встрѣченный населеніемъ, неохотно сносившимъ македонское господство, вступилъ въ управленіе отцовскимъ наслѣдіемъ. Событія въ ближайшемъ сосѣдствѣ благопріятствовали его предпріятію. Митридатъ, сынъ Митридата, убившаго во время возстанія сатраповъ Датама и предавшаго своего родного отца Аріобарзана, послѣ многихъ злоключеній поступилъ на службу къ Антигону и былъ имъ убитъ; сынъ его того же имени, которому грозила та же участь, предупрежденный Димитріемъ Поліоркетомъ, бѣжалъ въ П а ф л а г о н і ю, завладѣлъ тамъ въ ущельяхъ Олгасиса городомъ Киміата, обнесъ его толстыми стѣнами и почти одновременно съ Аріаратомъ призвалъ къ оружію пафлагонцевъ и жителей сѣвернаго берега. Намѣстникъ Антигона долженъ былъ отступить передъ обоими; а когда послѣ битвы при Ипсѣ Лизимахъ и Селевкъ стали думать о покореніи и этой отдаленной области, было уже слишкомъ поздно. Войско Селевка было уничтожено въ Каппадокіи, Митридатъ же удержался на сѣверѣ. Позднѣе, послѣ смерти Лизимаха и вторженія галловъ, при непрерывныхъ войнахъ Селевкидовъ внутри и внѣ предѣловъ Малой Азіи, нечего было и думать о покореніи этихъ областей. Такимъ образомъ Аріаратъ основалъ независимое государство въ Каппадокіи, къ которой онъ присоединилъ и Катаонію, а Митридатъ, получившій прозвище *Κτίστης*, основалъ въ долинахъ Амнія и Ириса государство, которое, будучи

расположено на берегахъ Понта Эвксинскаго, стало со временемъ называться просто Понтомъ. Властители обоихъ государствъ стали конечно именовать себя царями.

На сѣверо-западѣ также возникли новыя государства. Виѳинія въ персидскія времена имѣла своихъ князей, признававшихъ господство персидскаго царя и подчиненныхъ ему сатраповъ, хотя зачастую и плохо слушавшихся ихъ. Александръ освободилъ Виѳинію отъ персидскаго владычества, но повидимому оставилъ княжескому роду его наслѣдственную власть, поручивъ намѣстнику Малой Фригіи, Каласу, докончить покореніе страны. Виѳинскій князь Басъ отразилъ однако нападеніе въ открытой битвѣ, а сыну его Зипету удалось среди смутъ, вызванныхъ борьбой діадоховъ, удержать за собой и даже расширить унаслѣдованную имъ власть. Зипетъ первый началъ именовать себя царемъ; по всей вѣроятности это произошло въ 297 г. до Р. Х. послѣ побѣды надъ Лизимахомъ, такъ какъ съ осени этого года начинается эра виѳинскихъ царей. Онъ удержалъ свое положеніе и въ борьбѣ съ преемникомъ Селевка, съ Антіохомъ, пославшимъ для покоренія Виѳиніи своего полководца Патрокла; послѣ этого Виѳинія окончательно вступила въ число самостоятельныхъ государствъ. Зипетъ оставилъ своему сыну Никомеду государство, простиравшееся на востокѣ до греческихъ городовъ Тіона и Кіера включительно.

Въ это же время въ сосѣдней съ Виѳиніей долиной рѣки Каика возникло новое независимое государство. Филетеръ, оставленный Лизимахомъ въ Пергамѣ для охраненія крѣпости и привезенныхъ туда богатствъ, отпалъ отъ него при началѣ войны съ Селевкомъ и перешелъ на сторону послѣдняго; послѣ убійства Селевка онъ оказалъ услугу Антіоху, отославъ ему трупъ отца, удержалъ за собой Пергамъ, подчинилъ себѣ всю долину Каика до моря и такимъ образомъ положилъ начало основанію пергамскаго царства.

Въ это же время на сцену появился новый членъ семьи народовъ, оказавшій сильное вліяніе на судьбы Малой Азіи. Какъ нѣкогда въ эпоху Мермнадовъ киммеріяне, соединившись съ ѳракійцами, переправились въ Малую Азію и здѣсь долгое время переходили съ мѣста на мѣсто, разоряя и грабя страну (см. выше, стр. 54), такъ теперь здѣсь появились галлы. Они уже раньше вторгнулись въ Ѳракію и Македонію, теперь же (въ 277 г. до Р. Х.) Никомедъ, спорившій съ братьями за отцовское наслѣдіе, принялъ на службу толпу галльскихъ наемниковъ подъ предводительствомъ Леоннорія и вмѣстѣ съ ними покорилъ Виѳинію. Одновременно съ этимъ другой отрядъ галловъ подъ предводительствомъ Лутарія переправился черезъ Геллеспонтъ и соединился съ освободившимся уже отрядомъ Леоннорія, послѣ чего они прошли черезъ малоазіатскія земли, грабя и сжигая на своемъ пути города. Антіохъ, въ надеждѣ спасти хотя бы остатки Малой Азіи отъ разграбленія, перешелъ черезъ Тавръ и сразился съ галлами. По дошедшимъ до насъ объ этой битвѣ свѣдѣніямъ, „галаты" численностью значительно превосходили войско царя, составляя плотную фалангу въ двадцать четыре ряда глубиной и имѣя на каждомъ крылѣ 10 000 человѣкъ конницы. Въ серединѣ боевой линіи помѣщались восемьдесятъ боевыхъ колесницъ, запряженныхъ каждая четверней, и вдвое большее число двуконныхъ. При видѣ этихъ страшныхъ полчищъ Антіохъ почти совершенно палъ духомъ, тѣмъ болѣе, что его, значительно меньшее, войско состояло главнымъ образомъ изъ пелтастовъ и другихъ легковооруженныхъ. Онъ хотѣлъ уже вступить въ переговоры, но одинъ изъ военачальниковъ удержалъ его и изложилъ ему свой планъ битвы. Царь выпустилъ на враговъ шестнадцать имѣвшихся у него слоновъ; непріятельскія лошади, никогда не видѣвшія слоновъ, въ испугѣ понеслись назадъ и произвели ужасное смятеніе въ войскѣ. Пораженіе галловъ было полное.

Въ то же время эта побѣда положила конецъ передвиженію галловъ,

оттѣснивъ ихъ въ восточную часть Фригіи по обѣ стороны Галиса, гдѣ они заняли область, вскорѣ получившую по нимъ свое имя. Здѣсь, въ Галатіи, они основали свой главный городъ Анкиру (позднѣйшую Ангору), достигшій затѣмъ высокаго развитія и еще недавно значительно расцвѣтшій благодаря проведенію анатолійской желѣзной дороги. Здѣсь они мало-по-малу основали постоянныя поселенія; здѣсь они смѣшались съ туземными жителями, сохранивъ однако свой языкъ, нравы и свое управленіе: они управлялись двѣнадцатью тетрархами, изъ которыхъ каждый стоялъ во главѣ одного изъ четырехъ округовъ, на которые дѣлились владѣнія каждаго изъ трехъ галльскихъ племенъ (трокмы, толистобои и тектосаги), а также совѣтомъ изъ трехсотъ человѣкъ. Отсюда они въ качествѣ наемныхъ войскъ сражающихся между собой князей еще нерѣдко вліяли на судьбы полуострова. Сама Малая Азія, несмотря даже на побѣду Антіоха надъ галлами, не могла уже болѣе успѣшно развиваться. Во время войнъ между Египтомъ и Сиріей, закончившихся занятіемъ Птоломеями карійско-ликійскаго берега, затѣмъ во время долгой кровавой борьбы между Селевкомъ, Каллиникомъ и Антіохомъ Гіераксомъ, сыновьями Антіоха Өеоса, весь западный берегъ Малой Азіи, среднія и южныя области—Карія, Фригія, Ликія и Киликія—попеременно переходили изъ рукъ Каллиника въ руки Гіеракса. Неудивительно, что галлы воспользовались этими смутами и, нанеся, въ союзѣ съ Гіераксомъ, сильное пораженіе Каллинику, снова заняли угрожающее положеніе. Они снова принялись за опустошеніе страны и принудили сосѣднія племена платить себѣ дань; Антіохъ Гіераксъ тоже только такимъ образомъ могъ обезопасить себя отъ ихъ вторженій.

Эту новую, угрожавшую со стороны галловъ опасность устранили пергамскіе князья. Преемникъ Филетера, Эвменъ I, побѣдилъ въ 262 г. при Сардахъ Антіоха I и обезпечилъ этимъ дальнѣйшее существованіе пергамскаго царства. Безпокойныя времена дали затѣмъ поводъ укрѣпить и еще расширить его могущество. Сынъ и преемникъ Эвмена, Атталъ I (241—197), началъ свою дѣятельность подвигомъ, стяжавшимъ ему громкую славу какъ у современниковъ, такъ и у потомства. Онъ отказался платить галламъ обычную дань и, когда они вслѣдствіе этого вторгнулись въ его владѣнія, разбилъ ихъ на голову. Этимъ онъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ прекращенію ихъ разбойничьихъ набѣговъ. Города и князья, спасенные Атталомъ отъ опасности галльскаго вторженія, прославили его имя, а самъ онъ украсилъ себя царской короной. Эвменъ II посвятилъ ему грандіозный памятникъ, алтарь Зевса, стоявшій на могучемъ фундаментѣ, по бокамъ котораго въ барельефахъ изображена была борьба боговъ съ гигантами, прославившая на вѣчныя времена побѣду Аттала надъ галлами (см. таблицу „Пергамъ“ при стр. 67). Благодаря Карлу Гуманну алтарь этотъ былъ отрытъ, и барельефы его привезены въ Берлинъ.

Атталъ I не только упрочилъ за собой свои владѣнія, но и расширилъ ихъ въ войнѣ съ Антіохомъ Гіераксомъ, который послѣ долгой борьбы съ братомъ своимъ Селевкомъ Каллиникомъ получилъ лежащую по эту сторону Тавра часть Малой Азіи, поскольку конечно она еще принадлежала Селевкидамъ. Недалеко отъ Сардъ при Колоэ Гіераксъ былъ побѣжденъ и принужденъ бѣжать изъ Малой Азіи; послѣ этого принадлежавшая Селевкидамъ часть Малой Азіи досталась Атталу. Но Селевкидамъ предстояло еще разъ возстановить свое могущество на полуостровѣ и, какъ казалось, прочнѣе, чѣмъ когда-либо: Ахей, полководецъ Селевка, отнялъ у Аттала только-что завоеванную имъ область, но не могъ устоять противъ искушенія возложить себѣ на голову, во время возникшихъ въ Сиріи по смерти Селевка смутъ, царскую корону и основать особое государство. Отдѣлившись отъ государства Селевкидовъ, оно просуществовало

нѣсколько лѣтъ, пока Антіохъ III, возстановившій свое могущество въ борьбѣ съ возставшими сатрапами, не почувствовалъ за собой достаточно силы, чтобы напасть на Ахея и лишить его власти. Побѣжденный Ахей заперся въ Сардахъ и тамъ держался нѣкоторое время, но былъ убитъ измѣнниками. Антіохъ III снова присоединилъ такимъ образомъ къ своимъ владѣніямъ значительную часть Малой Азіи (въ 214 г. до Р. Х.); и другія предпріятія его были небезуспѣшны. Онъ подчинилъ себѣ владѣнія Птоломеевъ на сирійско-финикійскомъ берегу и овладѣлъ юго-западнымъ берегомъ Малой Азіи, долгіе годы находившимся во власти Египта.

Къ этому времени относится дошедшее до насъ на надписяхъ посланіе царя къ намѣстнику въ Эризѣ, въ южной Фригіи, дающее намъ хотя скудныя, но, при общей бѣдности нашихъ источниковъ относительно того времени, очень цѣнныя указанія на порядокъ внутренняго управленія. Подобно персидскому царству, и царство Селевкидовъ было раздѣлено на сатрапіи; сколько изъ нихъ приходилось на Малую Азію, намъ неизвѣстно. Но если Эриза была главнымъ городомъ сатрапіи, то несомнѣнно, что Фригія была раздѣлена по крайней мѣрѣ на двѣ; ибо нельзя предполагать, чтобы городъ, лежащій на крайнемъ югѣ области, былъ сдѣланъ главнымъ городомъ, если область эта не имѣла двухъ округовъ, изъ которыхъ одинъ обнималъ сѣверную, другой южную часть Фригіи. На ряду съ сохранившимся культомъ туземныхъ боговъ былъ введенъ культъ царя и царицы; въ каждую сатрапію для каждаго изъ нихъ былъ назначенъ особый верховный жрецъ, и обоимъ приносились жертвы, подобно тому, какъ двумя столѣтіями позже въ провинціяхъ введены были должности верховныхъ жрецовъ для римскаго императора.

Но Антіохъ III не остановился на этихъ завоеваніяхъ. Онъ не только подчинилъ себѣ греческіе города на западномъ берегу Малой Азіи, несмотря на встрѣченное имъ сопротивленіе со стороны могущественной республики Родоса и Пергама, дѣйствительно защищавшихъ отъ него нѣкоторые города, но перешелъ и въ Европу и заявилъ притязанія на Ѳракію, которая послѣ побѣды Селевка надъ Лизимахомъ должна была стать владѣніемъ Селевкидовъ. Онъ уже овладѣлъ городомъ Сестомъ и избралъ возстановленную имъ Лизимахію своимъ сборнымъ пунктомъ и главнымъ городомъ провинціи Ѳракіи, которую имѣлъ въ виду завоевать, какъ былъ вовлеченъ въ борьбу съ Римомъ. Римъ, только-что объявившій, по окончаніи второй македонской войны всѣхъ грековъ „свободными“, не могъ конечно потерпѣть притязаній Антіоха. Пріемъ, оказанный Антіохомъ смертельному врагу Рима, Ганнибалу, дружественныя сношенія его съ старыми врагами Рима, этолянами, и наконецъ состоявшійся благодаря стараніямъ Ганнибала союзъ всѣхъ противниковъ Рима — все это должно было служить достаточнымъ поводомъ къ войнѣ, если бы даже собственные союзники его, Родосъ и сильно тѣснимый Пергамъ, не просили о помощи и не настаивали на войнѣ. Попытка царя сразиться съ римлянами въ Греціи окончилась весьма печально: римляне остались побѣдителями. Антіохъ ничего не сдѣлалъ, чтобы съ своей стороны воспрепятствовать попыткѣ римлянъ перенести театръ военныхъ дѣйствій въ Азію, и въ 190 г. до Р. Х. былъ совершенно разбитъ близъ Магнезіи при Сипилѣ.

Этимъ навсегда прекратилось господство Селевкидовъ въ Малой Азіи по эту сторону Тавра. Они сохранили лишь области по ту сторону Тавра (т.-е. собственно Киликію) и лишены были права пускать свои военные корабли къ западу отъ устьевъ Каликадна. Союзники Рима, Родосъ и Пергамъ, получили блестящее вознагражденіе за свою вѣрность. Родосъ получилъ области Ликію и Карію до Меандра; Пергамъ, выдержавшій осаду со стороны Антіоха, получилъ Малую Фригію, Великую Фригію, Лидію съ Сардами и Эфесомъ, который былъ занятъ Антіохомъ и своевременно не отпалъ отъ него къ римлянамъ, и расположенную къ сѣверу

отъ Меандра часть Каріи. Греческіе малоазіатскіе города, стоявшіе въ день битвы при Магнезіи на сторонѣ римлянъ, получили самоуправленіе и были освобождены отъ дани; среди нихъ мы встрѣчаемъ изстари прославленныя имена: Иліонъ, Смирна, Хіосъ, Фокея, Милетъ. Кромѣ того римляне оказали большую услугу Малой Азіи, пославъ Манлія Вульсона съ войскомъ противъ галатовъ, которыхъ онъ и разбилъ въ двухъ битвахъ; дѣло въ томъ, что несмотря на нанесенное Атталомъ галатамъ пораженіе многіе города еще должны были платить имъ дань, чтобы обезопасить себя отъ ихъ разбойничьихъ набѣговъ. Теперь же былъ положенъ конецъ этому тяготѣвшему надъ Малой Азіей бичу.

e) Римъ, какъ господствующая въ Малой Азіи держава.

Битва при Магнезіи имѣла по своимъ послѣдствіямъ громадное значеніе. Не присвоивъ себѣ ни одной пяди земли, Римъ сталъ господствующей въ Малой Азіи державой. Само собой понятно, что Пергамъ и Родосъ, уже давно состоявшіе въ союзѣ съ Римомъ и теперь получившіе блестящее вознагражденіе, и въ дальнѣйшемъ видѣли въ этомъ союзѣ свое спасеніе; но и другія государства: Виѳинія, Каппадокія и даже Понтъ, не могли долѣе противостоять вліянію Рима. Вліяніе македонской, сирійской и египетской державъ въ Малой Азіи было съ этого момента подорвано. Малоазітскій полуостровъ въ теченіе почти цѣлаго столѣтія наслаждался покоемъ, котораго онъ по смерти Александра не могъ достичь, сначала вслѣдствіе кровавыхъ раздоровъ діадоховъ, позднѣе вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ между различными государствами.

Какъ Римъ понималъ свое положеніе господствующей державы, на это указываютъ экономическія перемѣны, наступившія въ Малой Азіи черезъ тридцать лѣтъ послѣ битвы при Магнезіи. Послѣ третьей македонской войны Римъ, недовольный поведеніемъ республики Родоса и ея нежелательнымъ вмѣшательствомъ въ ходъ этой войны, отнялъ у нея ея владѣнія на малоазіатскомъ полуостровѣ и объявилъ Карію и Ликію „свободными“. Родосскіе гарнизоны должны были очистить эти области, и значительная дань, стекавшаяся оттуда въ родосскую государственную казну, теперь отпала. Родосскому могуществу нанесенъ былъ такимъ образомъ чувствительный ударъ. Торговля Родоса также должна была пасть съ тѣхъ поръ, какъ римляне основали въ Делосѣ порто-франко, и на берегу Македоніи, подпавшемъ теперь ихъ владычеству, подорвали родосскіе ввозъ и вывозъ.

Въ Ликіи многочисленные большіе и маленькіе города создали себѣ крѣпкую организацію такъ называемымъ ликійскимъ союзомъ; они всегда неохотно сносили господство Родоса и сумѣли воспользоваться дарованной имъ свободой и обратить ее на благо страны. Если этотъ союзъ ликійскихъ городовъ и существовалъ уже раньше, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку онъ касался совмѣстнаго культа ликійскаго туземнаго бога, то теперь передъ нимъ открылись совершенно новыя задачи: внѣшнее представительство страны, переговоры съ иноземными государствами, охраненіе общихъ интересовъ и поддержаніе спокойствія внутри страны подлежали его вѣдѣнію. И какъ ни мало новаго представлялъ такой союзъ городовъ самъ по себѣ (въ Греціи ихъ было безчисленное множество), настолько же нова и хороша была идея, лежавшая въ основѣ ликійскаго союза. Каждый изъ принимавшихъ участіе въ союзѣ городовъ имѣлъ въ зависимости отъ своей величины различное число голосовъ, такъ что на союзныхъ собраніяхъ, происходившихъ попеременно то въ той, то въ другой общинѣ, большіе города имѣли по три, средніе по два, маленькіе по одному голосу. Во главѣ союза стоялъ президентъ, также попеременно избиравшійся изъ принимавшихъ участіе городовъ и ежегодно смѣнявшійся.

Храмъ Фаустины — Храмъ Каракаллы — Траянеумъ — Театръ — Би

Пергамск

По реставраціонному проект

…ка — Храмъ Аѳины — Алтарь — Храмъ Діониса — Рынокъ

…акрополь.

[illegible]

Т-во Просвѣщеніе въ Спб.

Для подачи голосовъ города посылали на союзныя собранія своихъ представителей.

Въ Каріи существовалъ, какъ кажется, подобный же союзъ. Здѣсь было сравнительно мало городовъ, но много большихъ сельскихъ общинъ. О хризаорійскомъ союзѣ намъ извѣстно, что онъ обнималъ всѣхъ карійцевъ и имѣлъ своей первоначальной цѣлью почитаніе Зевса Хризаорійскаго; если онъ, какъ религіозный союзъ, существовалъ уже значительно раньше, то теперь ему предстояла и политическая дѣятельность, такъ какъ страна нуждалась въ общемъ органѣ, а хризаорійскій союзъ представлялся крайне удобнымъ для этой цѣли. Можно предположить, что передъ хризаорійскимъ союзомъ карійцевъ выросли тѣ же задачи, что и передъ ликійскимъ благодаря дарованію ему свободы; во всякомъ случаѣ на сохранившихся надписяхъ можно найти слѣды его политической дѣятельности. Въ общемъ однако Карія не достигла, какъ кажется, высокаго развитія. Морскіе грабежи, никогда не прекращавшіеся на этомъ берегу, но стѣсненные въ послѣднее время египетскимъ и селевкидскимъ флотами, возобновились съ новой силой и, благодаря несомнѣнно недостаточной морской полиціи римлянъ, распространились даже на болѣе отдаленныя области. Во всякомъ случаѣ Ликія и Карія, хотя и были объявлены свободными, политической роли не играли однако никогда.

Блестящее положеніе занималъ въ это время Пергамъ, превратившійся благодаря разумной и ловкой политикѣ своихъ правителей въ сильное государство. Эвменъ II вышелъ побѣдителемъ изъ разгорѣвшейся, непосредственно послѣ окончанія войны съ Антіохомъ III, борьбы съ Виѳиніей. Прузій Виѳинскій занялъ въ Мизіи нѣкоторыя области, уступленныя по миру съ Антіохомъ Эвмену; вслѣдствіе этого между ними разгорѣлась борьба, получающая для насъ особый интересъ потому, что здѣсь въ послѣдній разъ игралъ роль Ганнибалъ и въ послѣдній разъ, правда тщетно, пытался организовать большой союзъ противъ Рима. Несмотря на нѣкоторые успѣхи Ганнибала, Эвмену не только удалось удержать за собой свое государство, но и присоединить къ нему завоеванную Прузіемъ область по Сангарію. Прузій не рѣшился взять на себя защиту Ганнибала, когда римляне потребовали его выдачи; всѣми покинутый, великій пуніецъ окончилъ свою жизнь самоубійствомъ въ Ливиссѣ, расположенной на высотѣ надъ Никомедійскимъ заливомъ.

Помимо своей разумной политики пергамскіе князья прославились еще живымъ интересомъ къ наукамъ и искусствамъ. Мы уже упомянули объ алтарѣ Зевса (см. выше, стр. 64). На возвышающейся надъ городомъ замковой горѣ они создали цѣлый рядъ красивыхъ зданій, которыя, возвышаясь другъ надъ другомъ террасами, образуютъ какъ бы вѣнецъ къ царскому замку (см. приложенную таблицу „Пергамъ“). Посреди нихъ, окруженная дворцами, храмами и государственными зданіями, лежала библіотека, служившая и музеемъ, и хранившая помимо богатой коллекціи книгъ оригиналы и копіи выдающихся созданій древняго греческаго искусства. Пергамъ сталъ важнымъ культурнымъ центромъ, занявшимъ почетное мѣсто на ряду съ Александріей: Пергамъ, князья котораго умѣли привлекать къ своему двору художниковъ и ставить имъ достойныя ихъ задачи, сталъ исходнымъ пунктомъ новаго расцвѣта греческаго искусства, живыми и правдивыми созданіями котораго мы еще нынѣ можемъ любоваться въ барельефахъ алтаря Зевса и въ статуяхъ такъ называемыхъ борящихся и умирающихъ галловъ.

Въ сравненіи съ Пергамомъ нѣсколько отступаетъ на задній планъ Виѳинія, князья которой постепенно подчинили себѣ всю область отъ Риндака и мизійскаго Олимпа до Гераклеи и къ югу отъ Гераклеи до пафлагонской границы. Правда, и здѣсь рано сказалось вліяніе эллинизма, усилившееся со времени Никомеда I, и здѣсь возникали все новые грече-

скіе города, какъ напримѣръ основанная только-что упомянутымъ Никомедомъ Никомедія и основанная Прузіемъ Пруза у Олимпа (нынѣ Брусса); но ни одинъ изъ этихъ городовъ ни по блеску, ни по значенію не могъ помѣряться съ Пергамомъ.

ж) Римская провинція Азія, Понтійское государство и Митридатъ Великій.

До сихъ поръ Римъ не имѣлъ въ Малой Азіи своихъ владѣній. Но когда въ 133 г. до Р. Х. Атталъ III Пергамскій, умирая, назначилъ Римъ своимъ наслѣдникомъ, римляне приняли это наслѣдство. Съ этого времени начинается новая фаза въ историческомъ развитіи Малой Азіи. Правда, Аристоникъ, отпрыскъ пергамскаго княжескаго рода, пытался оспаривать у римлянъ наслѣдство, собралъ войско, нашелъ приверженцевъ и встрѣтилъ римлянъ вооруженной силой. Но онъ не могъ долго держаться; въ 129 г. до Р. Х. возстаніе было подавлено, а предводитель его убитъ. Консулъ Маній Аквилій организовалъ римскую провинцію, получившую названіе Азіи, въ тѣхъ самыхъ размѣрахъ, какіе имѣло пергамское царство; къ нему присоединена была еще Карія, принимавшая участіе въ возстаніи Аристоника, который былъ осажденъ и взятъ въ плѣнъ въ Стратоникеѣ. Аквилій, подкупленный золотомъ, уступилъ Великую Фригію Митридату Эвергету Понтійскому, чему однако воспротивилась Виѳинія; возникшіе по этому поводу въ сенатѣ переговоры продолжались до тѣхъ поръ, пока Римъ самъ не присвоилъ себѣ этой области. Съ этого времени (116 г. до Р. Х.) Великая Фригія, Малая Фригія, Мизія, Лидія и Карія стали составными частями новой римской провинціи. Изъ греческихъ, дотолѣ свободныхъ, городовъ, стоявшіе на сторонѣ Аристоника лишены были свободы и обращены въ провинціальные города, остальные же признаны свободными и автономными.

Вначалѣ Римъ великодушно отказался отъ взимавшихся дотолѣ пергамскими царями податей; но вскорѣ онъ измѣнилъ свое отношеніе. Съ поземельныхъ доходовъ стали взимать десятину, съ пастбищной земли выгонныя деньги, на ввозъ и вывозъ была наложена пошлина, и все это предоставлено было товариществу римскихъ всадниковъ, взявшихъ въ Римѣ всѣ эти доходы на откупъ. Такой способъ взиманія податей сталъ бичемъ и разореніемъ для провинцій. Отданные на произволъ этихъ товариществъ, исключительно заботившихся о собственной выгодѣ и никогда не имѣвшихъ въ виду благо подданныхъ, стремившихся конечно не только выручить уплаченную въ Римѣ за аренду этихъ доходовъ сумму, но и обогатиться на этотъ счетъ, азіаты, въ конецъ разоряемые, даже рѣшаясь на судебную жалобу, не могли расчитывать на успѣхъ въ Римѣ, такъ какъ въ римскихъ судахъ засѣдали тѣ самые всадники, изъ которыхъ составлялись эти откупныя товарищества.

Во главѣ провинцій стояли ежегодно смѣнявшіеся римскіе намѣстники. Если среди нихъ и встрѣчались иногда почтенные и уважаемые люди, прежде всего заботившіеся о благѣ провинцій, какъ напримѣръ Муцій Сцевола, то большинство, пріѣзжая изъ столицы съ массой долговъ, смотрѣло на провинцію, лишь какъ на удобный способъ обогащенія, который далъ бы имъ возможность расплатиться съ долгами. Случаевъ же для вымогательства денегъ у намѣстника было достаточно, тѣмъ болѣе, что на провинціи лежала обязанность покрывать всѣ расходы по содержанію его и его двора. Размѣръ же расходуемой на это суммы вполнѣ зависѣлъ отъ его личнаго произвола, такъ какъ онъ пользовался правомъ взимать въ извѣстныхъ случаяхъ экстренныя подати, напримѣръ для постройки кораблей, необходимыхъ для подавленія все усиливавшихся морскихъ разбоевъ или вообще для защиты страны; размѣры этихъ

экстренныхъ податей опредѣлялись самимъ намѣстникомъ и не подлежали кромѣ того никакому контролю. Далѣе, отъ него одного зависѣло распредѣленіе гарнизонныхъ отрядовъ по городамъ, и многіе города охотно освобождались отъ этихъ нежеланныхъ гостей путемъ взятки намѣстнику. Во всякомъ случаѣ римскіе чиновники не встрѣчали особыхъ затрудненій въ стремленіи своемъ обирать ввѣренныя имъ провинціи. Къ сожалѣнію число своекорыстныхъ намѣстниковъ значительно превышало въ это время число честныхъ и порядочныхъ. Кромѣ того намѣстникъ былъ окруженъ многочисленнымъ штатомъ, состоявшимъ по большей части изъ молодыхъ римскихъ аристократовъ, охотно пользовавшихся случаемъ обогатиться.

Коротко сказать, управленіе это было ужасно. Въ самомъ Римѣ сенатъ обыкновенно оставался глухъ къ поступавшимъ на намѣстниковъ жалобамъ, а суды, насколько могли, щадили товарищества откупщиковъ. Такое управленіе въ высокой степени возбуждало гнѣвъ и ненависть жителей провинцій—нужна была лишь искра, чтобы вызвать страшный взрывъ. Вскорѣ нашелся человѣкъ, сумѣвшій воспользоваться этими обстоятельствами.

Мы уже видѣли выше, что родъ Митридатидовъ основалъ у Понта государство. Съ теченіемъ времени Митридатиды расширили границы своего государства, завоевали греческіе города Амастрисъ, Амизъ и Синопъ съ его колоніями Трапезунтомъ и Керасунтомъ и сдѣлали Синопъ столицей понтійскаго царства. Но попытки понтійскихъ царей подчинить своему владычеству Галатію и Великую Фригію разбивались то о сопротивленіе другихъ малоазіатскихъ царей, то о протестъ Рима. Митридатъ Эвергетъ, сражавшійся въ войнѣ съ Аристоникомъ на сторонѣ римлянъ и заявившій затѣмъ притязанія на Великую Фригію, подкрѣпивъ ихъ взяткой консулу Аквиллію, былъ убитъ по подстрекательству своей же жены, еще до окончанія переговоровъ о правахъ его на Великую Фригію, и оставилъ несовершеннолѣтняго сына. Мальчикъ рано бѣжалъ отъ преслѣдованій своей родной матери; долгіе годы онъ скрывался въ уединенныхъ горахъ, закаляя свое мужество и укрѣпляя тѣло въ борьбѣ съ дикими звѣрями и суровой природой.

Двадцатилѣтнимъ юношей Митридатъ Евпаторъ снова появился въ Синопѣ. Войско и населеніе привѣтствовали его какъ своего царя (см. таблицу „Медали Александра Великаго и эллинскихъ князей“, рис. 3, стр. 129). Мать вынуждена была предоставить ему управленіе. Исполненный честолюбія и жажды подвиговъ, онъ прежде всего задумалъ расширить предѣлы своего государства, но для этого необходимы были средства, деньги и войско, которыхъ онъ не имѣлъ въ достаточномъ количествѣ. До извѣстной степени ему благопріятствовало и счастье. Тѣснимые скиѳами южно-русскихъ степей вольный городъ Херсонесъ и Босфорское государство съ Пантикапеей (нынѣ Керчь), лежавшіе на Херсонесѣ Таврическомъ (нынѣ Крымъ), обратились за помощью къ Митридату, который и послалъ туда своего полководца Діофанта съ войскомъ. Діофантъ разбилъ скиѳовъ, вытѣснилъ ихъ изъ предѣловъ полуострова и принялъ въ подданство какъ Херсонесъ, такъ и Босфорское царство, подчинившіеся Митридату. Еще важнѣе земельнаго пріобрѣтенія было то обстоятельство, что понтійская государственная казна наполнилась стекавшимися изъ Крыма податями. Митридатъ увеличилъ свое войско и усовершенствовалъ его постоянными упражненіями. Въ союзѣ съ Никомедомъ Виѳинскимъ онъ уже завоевалъ Пафлагонію и Галатію и раздѣлилъ ихъ со своимъ союзникомъ; онъ уже упрочилъ свое вліяніе и въ Каппадокіи, но вмѣшательство Рима принудило обоихъ отказаться отъ сдѣланныхъ завоеваній. Митридатъ, не чувствуя за собой еще достаточно силы, уступилъ на этотъ разъ приговору Рима, но поклялся отомстить за это вмѣ-

шательство, лишившее сперва его отца, а потомъ и его самого желаннаго расширенія ихъ владѣній.

Споры о престолонаслѣдіи въ Виѳиніи между Никомедомъ III и Сократомъ, завладѣвшимъ съ помощью Митридата престоломъ, но изгнаннымъ Никомедомъ, получившимъ поддержку отъ Рима, наконецъ вторженіе Никомеда въ понтійскія области, привели къ войнѣ между Римомъ и Митридатомъ — такъ называемой первой митридатовой войнѣ (въ 88 г. до Р. Х.), въ то время какъ римляне еще сильно были заняты въ самой Италіи. Римскій посолъ Маній Аквиллій, стоявшій во главѣ римскаго посольства, которое вернуло на престолъ царя Никомеда и затѣмъ вело дипломатическіе переговоры съ Митридатомъ до начала войны, собралъ правда въ Азіи войско; но какъ онъ, такъ и другіе римскіе полководцы, намѣстникъ провинціи Азіи и главнокомандующій сосѣдней Киликіи были частью разбиты Митридатомъ, частью, не оказывая серьезнаго сопротивленія, прогнаны обратно. Пройдя Апамею и Лаодикею, царь вступилъ въ римскую провинцію. Отдѣльные города, какъ Магнезія при Сипилѣ и Стратоникея въ Каріи, противостояли нѣкоторое время нападенію царя и должны были быть взяты силою, но они составили исключеніе. Митридатъ всюду встрѣченъ былъ съ распростертыми объятіями, какъ освободитель отъ ненавистнаго ига; въ короткое время въ его рукахъ была вся провинція. По его приказу въ одинъ день было убито 80 000 италиковъ, число которыхъ въ Азіи возросло постепенно до такой степени, вслѣдствіе того, что несмѣтныя богатства страны привлекали все большее и большее число лицъ, желавшихъ заняться здѣсь промыслами и торговлей. И въ Греціи поднялось возстаніе. Аѳины первыя приняли сторону Митридата; за ними послѣдовали беотійцы, ахеяне и лакедемоняне. Полководецъ Митридата, Архелай, стоялъ въ Греціи съ стотысячнымъ войскомъ, имѣя въ Аѳинахъ свою главную квартиру. Въ Римѣ между тѣмъ происходила междоусобная война. Только въ началѣ 87 г. до Р. Х. Л. Корнелій Сулла съ войскомъ выступилъ въ Грецію. Уже одно его появленіе привело многихъ грековъ къ повиновенію. Только Аѳины оказали сопротивленіе, оставаясь вѣрными Митридату, и послѣ долгой осады были взяты (1-го марта 86 г.); нѣсколько дней спустя штурмомъ былъ взятъ и Пирей и преданъ огню. За этимъ первымъ большимъ успѣхомъ послѣдовали и другіе; при Херонеѣ Сулла разбилъ Архелая, при Орхоменѣ Дорилая, подошедшаго съ новыми значительными подкрѣпленіями.

И въ Малой Азіи положеніе Митридата успѣло между тѣмъ измѣниться къ худшему. Родосъ и Ликія отказались подчиниться царю; осада Родоса и Патары въ Ликіи не привела ни къ какимъ результатамъ: Митридатъ отступилъ, не взявъ ни того, ни другого города. Къ тому же его жестокое правленіе мало-по-малу превратилось для малоазіатовъ, привѣтствовавшихъ его какъ освободителя, въ нестерпимое иго; въ Эфесѣ, Траллахъ и другихъ городахъ намѣстники царя были убиты или изгнаны, а города стали въ оборонительное положеніе. Между тѣмъ господствовавшая въ Римѣ со времени отъѣзда Суллы демократическая партія также послала на театръ военныхъ дѣйствій войско, которое, убивъ своего собственнаго предводителя, консула Флакка, съ Фимбріемъ во главѣ переправилось въ Малую Азію и здѣсь вступило въ борьбу съ Митридатомъ; въ то же время Лукуллъ, полководецъ Суллы, собралъ въ Сиріи и Египтѣ флотъ и отнялъ у Митридата Косъ, Книдъ, Хіосъ и другіе города. Тѣснимый такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, царь рѣшился вступить въ переговоры съ Суллой. Послѣ предварительныхъ переговоровъ между Архелаемъ и Суллой, Митридатъ и Сулла встрѣтились въ Дарданѣ. По заключенному миру Митридатъ долженъ былъ очистить римскую провинцію, выдать свои завоеванія въ Виѳиніи, Пафлагоніи и Каппадокіи и ограничиться своими понтійскими владѣніями, пожертвовать семьюде-

сятью военными судами и заплатить 2000 талантовъ военной контрибуціи. При появленіи Суллы войско Фимбрія дезертировало, а самъ онъ покончилъ съ собой (въ 84 г. до Р. Х.).

Такъ окончилась первая митридатова война, и провинція Азія вновь подпала римскому владычеству. Родосъ получилъ въ вознагражденіе за свое храброе сопротивленіе Кавнъ и другія области на карійскомъ берегу: оставшіеся вѣрными города были объявлены свободными, отпавшіе, наоборотъ, были наказаны и обложены большимъ денежнымъ штрафомъ. Этотъ налогъ тяжелымъ гнетомъ легъ на города, принужденные для покрытія его прибѣгнуть къ займамъ, и сильно пошатнулъ и безъ того упавшее уже благосостояніе многихъ изъ нихъ. Еще десять лѣтъ спустя Лукуллъ мудрыми установленіями пытался уплатить долги многихъ городовъ и обуздать кредиторовъ, присчитывавшихъ неуплаченные проценты къ капиталу и насчитывавшихъ на нихъ новые проценты, давая такимъ образомъ долгу расти до безконечности; онъ понизилъ процентъ, отчислилъ процентныя деньги, наросшія на капиталъ, и назначилъ на удовлетвореніе кредиторовъ четвертую часть доходовъ должника.

Вторая митридатова война (83—81 г.) представляла въ сущности не что иное, какъ разбойническій набѣгъ намѣстника Азіи, Мурены, на понтійскія владѣнія.

Въ концѣ 74 г. до Р. Х. Никомедъ III Виѳинскій, умирая, оставилъ свое государство римлянамъ. Митридатъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы весною 73 г. вторгнуться въ Виѳинію и подчинить себѣ всю страну. Съ оружіемъ въ рукахъ должны были римляне отвоевать свое наслѣдство и немедленно послали въ Виѳинію консуловъ Лукулла и Котту. Такъ возникла третья митридатова война. Котта, получивъ вмѣстѣ съ командованіемъ надъ флотомъ приказъ защищать Виѳинію, пошелъ въ Халкедонъ, между тѣмъ какъ Лукуллъ приближался изъ Киликіи и Азіи съ собранными тамъ легіонами. Подъ стѣнами Халкедона Котта рѣшился принять сраженіе, но былъ разбитъ; одновременно съ этимъ флотъ царя ворвался въ гавань и увелъ шестьдесятъ римскихъ военныхъ судовъ. Послѣ этого успѣха Митридатъ приступилъ къ осадѣ богатаго, оставшагося вѣрнымъ римлянамъ и храбро оборонявшагося, вольнаго города Кизика. На выручку къ Кизику подоспѣлъ Лукуллъ; тѣснимый съ обѣихъ сторонъ и изъ осаждающаго попавшій въ положеніе осажденнаго, обезсиленный голодомъ и моромъ въ своемъ огромномъ войскѣ, Митридатъ долженъ былъ отказаться отъ осады и, спасая, что можно было спасти, поспѣшно отступилъ въ Понтъ. И флотъ его, занявшій вначалѣ такое угрожающее для римлянъ положеніе, постепенно былъ вытѣсненъ изъ Эгейскаго моря. Лукуллъ съ своей стороны черезъ Виѳинію и Пафлагонію прошелъ во владѣнія царя, разбилъ его при Кабирѣ и принудилъ его бѣжать къ зятю его, Тиграну Армянскому (см. таблицу при стр. 129 фиг. 4). Завоевавъ города Амизъ и Синопъ, Лукуллъ вступилъ въ Арменію, разбилъ Тиграна при Тиграноцертѣ и послѣ второй побѣды при Артаксатѣ готовился уже подчинить всю Арменію, но возмутившіеся солдаты принудили его къ возвращенію. Даже громадная добыча, захваченная въ завоеванномъ во время отступленія городѣ Нисибисѣ, не повліяла на рѣшеніе солдатъ, и Лукуллъ, съ неохотой и противъ своей воли, долженъ былъ покинуть Арменію. Митридатъ между тѣмъ успѣлъ спастись, вернулся въ Понтъ и снова собралъ войско, съ которымъ и приступилъ къ обратному завоеванію своего государства. Въ Римѣ были такъ возбуждены противъ Лукулла, что онъ былъ отозванъ въ Римъ, а веденіе митридатовой войны поручено вмѣсто него Помпею.

Помпей только-что передъ тѣмъ закончилъ войну съ морскими разбойниками. Мы видѣли (стр. 67), что въ Каріи морскіе разбои возобновились съ новой силой съ тѣхъ поръ, какъ египетскій и селев-

кидскій флоты не господствовали уже въ Эгейскомъ морѣ; но еще неспокойнѣе было въ областяхъ Тавра. Съ тѣхъ поръ какъ въ Пергамѣ и Антіохіи бразды правленія постепенно ослабѣвали въ рукахъ бездѣятельныхъ царей, дикое населеніе Тавра, подчиненное съ 190 г. частью пергамскому, частью селевкидскому царству, все смѣлѣе поднимало голову и становилось все неспокойнѣе. Въ Киликіи, Писидіи и Изавріи повсюду усиливались грабежи; возвращаясь съ своихъ разбойническихъ набѣговъ, горцы скрывали захваченныя богатства въ неприступныхъ горахъ. Римъ уже неоднократно пытался прекратить эти разбои. Уже не въ одиночку, но цѣлыми толпами, какъ во времена Рамзеса, явились во II и въ I вѣкѣ до Р. Х. эти корсары, захватывая торговыя суда, безпокоя города и вымогая у нихъ деньги. Заслуга энергичнаго обузданія этого зла всецѣло принадлежитъ Помпею. Покрытый славой въ этой войнѣ съ морскими пиратами, онъ казался наиболѣе подходящимъ человѣкомъ, чтобы положить конецъ и войнѣ съ Митридатомъ.

Въ 66 г. до Р. Х. Помпей отправился на новый театръ военныхъ дѣйствій и при Дастейрѣ, позднѣе имъ самимъ названной Никополемъ (городъ побѣдителя), на голову разбилъ Митридата, который лишь поспѣшнымъ бѣгствомъ успѣлъ спастись черезъ Колхиду къ Босфору. Среди грандіозныхъ приготовленій и великихъ замысловъ (онъ думалъ, соединившись съ скиѳами, ѳракійцами и кельтами, повести отсюда большое войско въ Италію и напасть на самый Римъ) Митридатъ, преданный роднымъ сыномъ Фарнакомъ и своимъ войскомъ, самъ покончилъ съ собой. Царство Митридата, Понтъ, досталось римлянамъ; сынъ и предатель его, Фарнакъ, получилъ Босфоръ. Походы Помпея на Кавказъ, въ Сирію и Арменію не могутъ насъ здѣсь интересовать; Понтъ онъ организовалъ какъ провинцію, основалъ здѣсь одиннадцать городскихъ общинъ и соединилъ его съ Виѳиніей въ одинъ округъ. За исключеніемъ Каппадокіи, Галатіи и Ликіи Римъ повелѣвалъ теперь всей Малой Азіей; изъ Киликіи тоже организована была провинція. Но уже въ 25 г. до Р. Х. и Галатія была обращена въ провинцію, Каппадокія присоединена послѣ смерти своего послѣдняго царя, а Ликія лишена своей свободы въ серединѣ перваго столѣтія по Р. Х.

Въ эпоху имперіи вся Малая Азія была уже римской провинціей; въ эту эпоху были устранены также и недостатки управленія, отъ которыхъ страдали провинціи при республикѣ. Откупныя товарищества болѣе не существовали. Подати въ строго опредѣленныхъ размѣрахъ, установленныхъ въ зависимости отъ доброкачественности почвы, распредѣлялись по отдѣльнымъ городамъ и въ нихъ же собирались; за намѣстниками былъ учрежденъ строгій надзоръ, а въ „императорскихъ“ провинціяхъ они были отвѣтственны самому императору. Въ каждой провинціи были созданы спеціальные органы въ формѣ земскихъ собраній для обсужденія общихъ дѣлъ и поддержанія культа императора; эти же органы имѣли право подавать жалобы и на намѣстниковъ. Если принять къ тому же во вниманіе и долгій періодъ мира, то становится понятнымъ, что общее благосостояніе вновь значительно поднялось. Въ старыхъ и во множествѣ основанныхъ новыхъ городахъ возникли театры и другія общественныя зданія, развалины которыхъ еще нынѣ свидѣтельствуютъ о ихъ прежнемъ величіи и великолѣпіи. Но своей собственной исторіи Малая Азія въ эпоху римскихъ императоровъ уже не имѣетъ, точно такъ же, какъ и позднѣе во времена византійскаго и нынѣ турецкаго господства; она составляетъ лишь часть этихъ государствъ и только какъ таковая принимаетъ участіе въ историческихъ событіяхъ. Время, когда въ Малой Азіи существовали самостоятельныя государства, игравшія самостоятельную же роль на исторической сценѣ, закончилось съ эпохой римскихъ императоровъ.

2. Древніе народы, жившіе на границѣ Азіи и Европы: скиѳы и сарматы.

А. Область, имя и образъ жизни скиѳовъ.

Въ широкихъ южно-русскихъ степяхъ, простирающихся отъ сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря до устьевъ Дуная, жилъ въ древности народъ, именовавшій себя сколотами и названный греками скиѳами; мы сохранимъ въ дальнѣйшемъ для обитателей южно-русскихъ степей имя скиѳовъ.

Но какъ южно-русская степь составляетъ продолженіе средне-азіатской, простирающейся между Каспійскимъ моремъ и Аральскимъ озеромъ по двурѣчью до отростковъ Памира и Гиндукуша, такъ и имя скиѳы греки относили не только къ древнему населенію южной Россіи, но и ко всѣмъ сходственнымъ съ нимъ по образу жизни племенамъ двурѣчья, извѣстнымъ еще подъ именами саковъ или массагетовъ. Какъ бы ни были различны и разнообразны имена, даваемыя въ древности жившимъ въ этихъ обширныхъ областяхъ народамъ, они всѣ имѣли одну общую черту: они были кочевниками, какъ и нынѣшніе туркмены, киргизы и другіе замѣстившіе ихъ здѣсь народы. Затѣмъ въ настоящее время можно уже считать вполнѣ установленнымъ, что всѣ эти степные народы были иранцы, т.-е. принадлежали къ тому же племени, что персы и мидяне въ самомъ Иранѣ. Раньше кочевники южной Россіи, называвшіеся скиѳами въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, считались монголами. Главной опорой этому мнѣнію служило описаніе ихъ внѣшняго вида, сдѣланное греческимъ врачемъ Гиппократомъ: онъ описываетъ ихъ толстыми и мясистыми, заплывшими жиромъ, вялыми и слабыми, съ красноватымъ цвѣтомъ лица. Гиппократъ дѣлаетъ относительно скиѳовъ еще одно наблюденіе, часто отмѣчаемое о народахъ, стоящихъ на низкой ступени развитія: всѣ они похожи другъ на друга. Однако степная жизнь сама по себѣ сообщаетъ всѣмъ кочевникамъ извѣстное однообразіе; кромѣ того приведенныя примѣты недостаточно характерны, чтобы на основаніи ихъ можно было считать скиѳовъ монголами. Остатки скиѳскаго языка носятъ скорѣе арійскій отпечатокъ и какъ въ корняхъ, такъ и въ окончаніяхъ показываютъ большое сходство съ языкомъ, употреблявшимся въ Иранѣ. Если присмотрѣться къ изображеніямъ скиѳовъ (на таблицѣ при стр. 75), сдѣланнымъ греческими художниками для скиѳскихъ царей и вельможъ, то въ нихъ нельзя найти монгольскаго типа. А тонкое наблюденіе степной жизни, проявляющееся на этихъ картинахъ въ живомъ изображеніи отдѣльныхъ моментовъ, ручается намъ за то, что какъ животныя и отдѣльныя сцены, такъ и люди взяты дѣйствительно съ натуры и вѣрно переданы. Отдѣленные отъ скиѳовъ Танаисомъ восточные ихъ сосѣди, савроматы, говорили, по свидѣтельству Геродота, на родственномъ скиѳскому нарѣчіи; савроматы же, какъ было извѣстно уже въ древности, несомнѣнно были иранцы.

Этотъ большой народъ иранскаго происхожденія, занимавшій земли отъ Окса и Яксарта (Аму- и Сыръ-Дарья) до устьевъ Дуная, распадался на многія племена и орды. Изъ нихъ намъ ближе всего извѣстны жившіе западнѣе другихъ племенъ сколоты, или скиѳы въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ Геродотъ, отецъ исторіи, избралъ ихъ предметомъ подробнаго описанія.

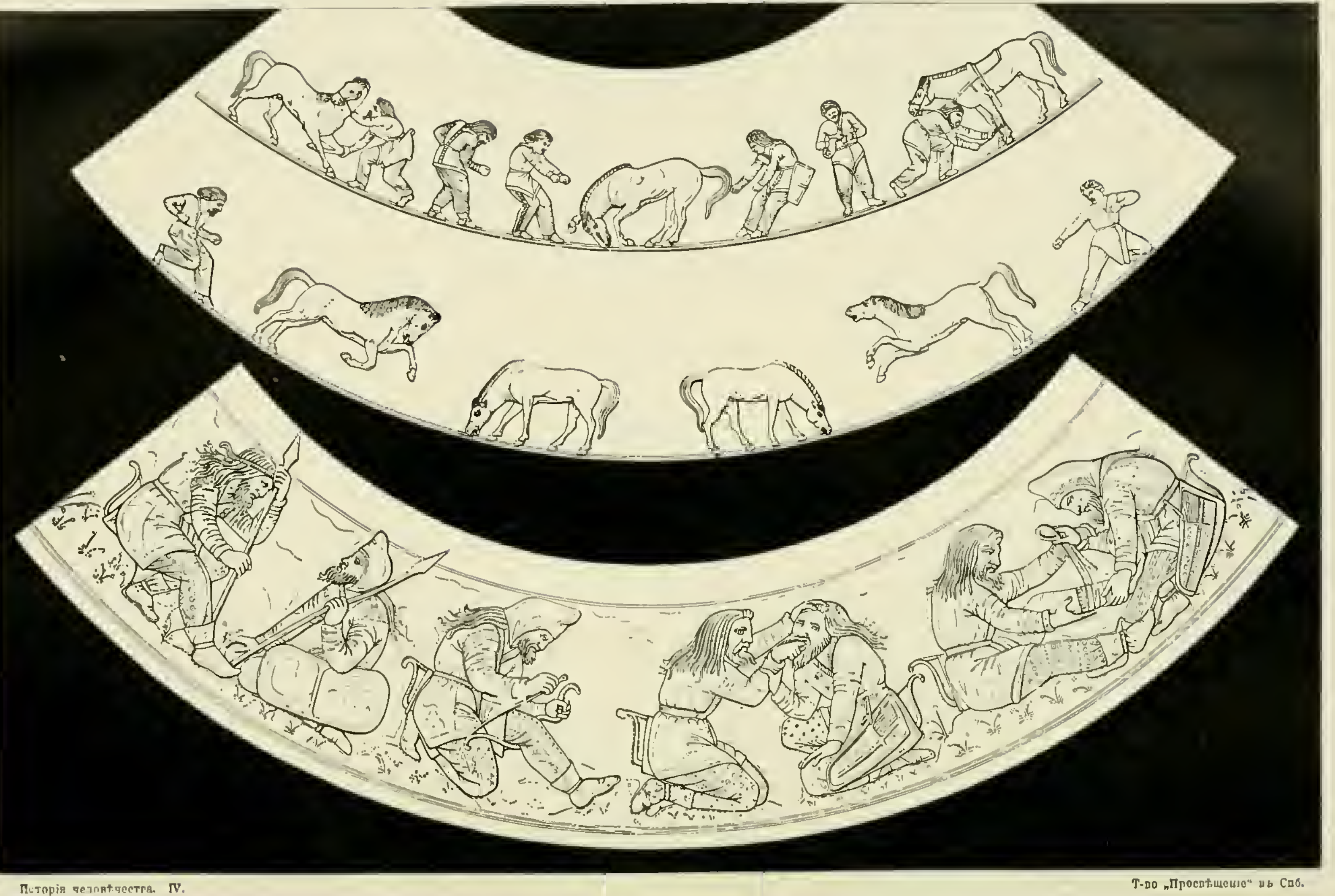
Уже грекамъ было извѣстно, что скиѳы не всегда жили въ южной Россіи, но перекочевали сюда изъ Азіи. При своемъ переселеніи они застали здѣсь народъ киммеріянъ, который, по мнѣнію Геродота, не былъ изгнанъ ими сразу, однимъ могущественнымъ натискомъ, но посте-

пенно и медленно вытѣснялся изъ занятыхъ областей. Дѣйствіе этого, шедшаго съ востока, натиска скиѳовъ сказалось въ томъ, что киммеріяне съ своей стороны стали тѣснить ѳракійцевъ па Балканскомъ полуостровѣ и черезъ Ѳракію проложили себѣ путь къ новымъ поселеніямъ въ Малой Азіи, причемъ увлекли съ собой и многія ѳракійскія племена. Это движеніе на югѣ Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ продолжалось нѣсколько вѣковъ. Несомнѣнно, что большая часть киммеріянъ, тѣснимая скиѳами, переселилась изъ южной Россіи въ другія новыя мѣста, другая часть очевидно была покорена новыми пришельцами и совершенно слилась съ ними, утративъ свою національность, какъ это позднѣе произошло и съ самими скиѳами, слившимися съ новыми надвигавшимися съ востока народами. И, быть-можетъ, лишь въ Крыму послѣдніе остатки киммеріянъ, защищенные горами, въ которыхъ они жили уже раньше или куда бѣжали теперь, спасаясь отъ скиѳовъ, сохранили свою независимость. Это были тавры въ горахъ южнаго Крыма, которые въ источникахъ всегда строго отличаются отъ скиѳовъ, населявшихъ остальныя части Крыма. Они были извѣстны морскими разбоями и тѣми жестокостями, которыя они творили надъ чужеземцами, потерпѣвшими кораблекрушеніе или инымъ способомъ попавшими въ ихъ руки. Хорошо извѣстенъ разсказъ о дочери Агамемнона, Ифигеніи, попавшей къ нимъ предопредѣленіемъ Божіимъ, сдѣлавшейся у нихъ жрицей Артемиды и принужденной затѣмъ принести въ жертву родного брата своего Ореста и друга его Пилада.

Странствованія киммеріянъ, ихъ вторженіе въ Малую Азію и конечная ихъ гибель описаны нами въ другомъ мѣстѣ (стр. 54). Въ первоначально населенныхъ ими мѣстностяхъ воспоминаніе о нихъ сохранили получившій по нимъ свое названіе Киммерійскій Босфоръ (нынѣ Керченскій проливъ) и нѣкоторыя оставленныя якобы ими укрѣпленія, называвшіяся въ древности „киммерійскими“.

За исключеніемъ южной гористой части скиѳы населяли такимъ образомъ весь Крымъ и южно-русскія степи отъ Дона до Днѣстра. Подвластная имъ область несомнѣнно простиралась такъ далеко; жившіе въ долинахъ Днѣстра, Буга и Днѣпра и занимавшіеся хлѣбопашествомъ и земледѣліемъ скиѳы хотя и рѣзко отличались этимъ занятіемъ отъ господствующаго племени „царскихъ“ скиѳовъ, непрерывно кочевавшихъ въ широкой равнинѣ между Днѣпромъ и Дономъ, но во всемъ остальномъ вполнѣ походили на нихъ. Но такъ какъ земледѣліе было возможно лишь въ непосредственной близости рѣкъ, орошавшихъ степь, то можно предположить, что имъ занимались лишь отдѣльныя группы, которыя, населяя плодородныя долины рѣкъ, подъ вліяніемъ сосѣднихъ греческихъ колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря, отъ кочующаго образа жизни перешли къ хлѣбопашеству. Точно также и скиѳы восточной части Крыма по мѣрѣ расширенія босфорскаго царства мало-по-малу подчинились ему и изъ кочующихъ пастуховъ обратились въ осѣдлыхъ хлѣбопашцевъ.

За исключеніемъ этихъ „занимавшихся земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ“, скиѳовъ, всѣ остальные, и главнымъ образомъ господствующее племя „царскихъ“ скиѳовъ, были кочевниками и пастухами, что̀ обусловливалось свойствами занимаемой ими страны. Они не обработывали полей и не жили съ доходовъ своей работы; они не имѣли ни деревень и городовъ, ни замковъ и крѣпостей, но были по преимуществу скотоводами и со скотомъ и имуществомъ переходили съ одного пастбища на другое. Отсюда проистекало раздѣленіе народа на безчисленныя маленькія группы (по Геродоту „Nomos“), изъ которыхъ каждой предоставлялась опредѣленная, но не строго ограниченная область, на которой паслись ея стада; эта область, центромъ которой служила куча хвороста съ воткнутымъ въ нее желѣзнымъ мечемъ, о которой мы будемъ говорить дальше, должна была быть достаточно велика, чтобы доставлять и новыя пастбища.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Сцены изъ скиѳскаго быта.

Верхній поясъ находится на серебряной Чертомлыцкой, нижній — на электровой Кульобской вазѣ.

(По соч.: Кондакова, Толстого и Рейнака: Antiquités de la Russie méridionale.)

когда старыя не давали уже достаточно пищи. Легко можно себѣ представить, сколько поводовъ къ раздорамъ давало такое устройство и какъ часто разгоралась война, когда одна группа пасла свои стада въ области, принадлежащей якобы другой. Возможность часто мѣнять свое мѣсто жительства и необходимость защищаться отъ непогоды научили скиѳовъ строить себѣ палатки, которыя составлялись изъ брусьевъ, покрывались войлокомъ или шкурами звѣрей и, поставленныя на тяжелыя шести- или четырехколесныя телѣги, служили жилищами. Эти телѣги давали защиту отъ дождя, снѣга и бури и, передвигаемыя волами, служили при переселеніяхъ для перевозки женщинъ и дѣтей съ ихъ имуществомъ, тогда какъ мужчины и подрастающіе мальчики ѣхали верхомъ и гнали стада. Главное имущество скиѳовъ составляли лошади, быки и овцы. На войнѣ и въ мирное время мужчины проводили большую часть своей жизни на лошади; коневодство и укрощеніе дикихъ лошадей составляло ихъ главное занятіе (см. приложенную таблицу „Сцены изъ скиѳской жизни“); кобылье молоко и приготовляемый изъ него сыръ служили имъ пищей. Быки и овцы доставляли мясо для ѣды; изъ шкуръ скиѳы приготовляли одежды или же вели ими торговлю съ греками, предъявлявшими на нихъ большой спросъ.

Этому первобытному состоянію, проявлявшемуся въ образѣ жизни скиѳовъ, соотвѣтствовали и ихъ религіозныя представленія и обычаи. Небо и супруга его, земля, получающая отъ него необходимые для плодородія дождь и солнечный свѣтъ, огонь, вода и другія явленія природы, отождествляемыя Геродотомъ съ Аполлономъ, Афродитой и Геракломъ, служили предметами божественнаго почитанія, и имъ скиѳы приносили жертвы. Но храмовъ и алтарей они не воздвигали ни одному изъ своихъ боговъ, точно также не изготовляли и ихъ изображеній. Скиѳы не закалывали предназначенное въ жертву животное, но душили его накинутой на шею петлей, затѣмъ сдирали съ него кожу, отдѣляли мясо отъ костей, снова вкладывали его въ кожу и варили, причемъ кости служили топливомъ. Своеобразенъ былъ культъ меча, считавшагося главнымъ оружіемъ скиѳа, проводившаго большую часть жизни въ войнѣ и всегда готоваго къ нападенію и къ оборонѣ. У каждаго изъ племенныхъ группъ существовалъ свой холмъ изъ хвороста, ежегодно пополнявшійся; въ этотъ холмъ, представлявшій наверху плоскую поверхность, втыкали мечъ, которому ежегодно приносили въ жертву быковъ и лошадей. Перечитывая эти описанія Геродота, невольно вспоминаешь о mounds американскихъ индѣйцевъ (см. томъ I, стр 203). Человѣческія жертвоприношенія также не были чужды скиѳамъ. Изъ ста плѣнныхъ одинъ приносился въ жертву богу войны; ему наливали на голову вина и закалывали его такъ, что собирали его кровь въ особый сосудъ. Трупъ принесеннаго въ жертву оставался подъ открытымъ небомъ; у него отрубали правое плечо, которое бросали высоко въ воздухъ, а собранную кровь относили на холмъ, воздвигнутый богу войны, и тамъ выливали на поставленный мечъ бога.

Характерно также отношеніе скиѳовъ къ убитымъ врагамъ. Скиѳъ пилъ кровь перваго убитаго имъ человѣка. У всѣхъ убитыхъ враговъ онъ отдѣлялъ голову отъ туловища и приносилъ ее къ своему царю: только принесшій домой голову убитаго врага имѣлъ право участвовать въ добычѣ; чѣмъ больше было количество принесенныхъ головъ, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользовался онъ среди своихъ соотечественниковъ. Отрѣзанная голова служила не только доказательствомъ на право участія въ добычѣ: съ нея сдирали кожу, которую выдѣлывали и вѣшали какъ украшеніе на узду лошадей, или же, сшивая съ другими человѣческими кожами, употребляли какъ одежду; человѣческая кожа слыла не только крѣпкой и толстой, но и особенно бѣлой, красивой и блестящей. Оголенный черепъ распиливали, и изъ верхней части приготовляли сосудъ для питья, который спа-

ружи обыкновенно обтягивали воловьей кожей, а богатые скиѳы кромѣ того и золотили внутри. Такому же скальпу подвергались и соотечественники, съ которыми скиѳъ жилъ не въ ладу и надъ которыми ему удавалось одержать верхъ при подачѣ жалобы царю.

Во главѣ племенъ стояли князья, во главѣ всего скиѳскаго народа царь. Правленіе было деспотическое; это явствуетъ главнымъ образомъ изъ церемоній, сопровождавшихъ похороны царя. Когда умиралъ обыкновенный скиѳъ, трупъ его въ теченіе сорока дней перевозился отъ одного сосѣда къ другому, и каждый изъ нихъ давалъ поминальный пиръ. Набальзамированный трупъ царя перевозили отъ одного племени къ другому, подданные наносили себѣ кровавыя раны и примыкали къ траурному шествію, пока не достигали Герра въ области „царскихъ“ скиѳовъ, гдѣ находились царскія гробницы. Здѣсь царя хоронили, а вмѣстѣ съ нимъ и одну изъ его женъ, его виночерпія, повара, конюха, камердинера, лошадей и всевозможную золотую и серебряную утварь. Надъ всѣмъ этимъ насыпали громадный могильный холмъ. Въ первую годовщину смерти убивали еще пятьдесятъ лошадей и пятьдесятъ слугъ покойнаго царя, приготовляли изъ лошадей чучела и сажали на нихъ слугъ, какъ стражу для мертваго. Поблизости Днѣпра найдено и раскопано очень много такихъ могильныхъ холмовъ, называемыхъ курганами; кромѣ человѣческихъ и животныхъ костей въ нихъ открыта всевозможная утварь, среди которой особенное вниманіе обращаютъ на себя издѣлія греческихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, ибо они указываютъ на мирныя сношенія, несомнѣнно существовавшія нѣкогда на сѣверномъ берегу Чернаго моря между скиѳами и цвѣтущими греческими колоніями.

Уже очень рано греки и особенно предпріимчивые іоняне, населявшіе малоазіатское побережье, начали объѣзжать берега Чернаго моря съ цѣлью добыть себѣ продукты этихъ странъ и открыть новые пути сбыта своимъ собственнымъ товарамъ. Съ этой цѣлью они высылали колонистовъ, которые основывали колоніи въ благопріятныхъ для торговыхъ сношеній мѣстахъ. Часто такія поселенія существовали лишь короткое время, но очень часто изъ нихъ выростали цвѣтущіе и могущественные города. Изъ греческихъ колоній на южно-русскомъ берегу извѣстны Ольбія при устьѣ Гипаниса (Буга) и Тирасъ, портъ того же имени; въ Крыму: Пантикапея или Босфоръ (нынѣ Керчь), Херсонесъ (нынѣ Севастополь) и основанная босфорскими князьями Ѳеодосія (въ средніе вѣка Каффа), и наконецъ на Азовскомъ морѣ, недалеко отъ устьевъ Дона, Танаисъ. Старѣйшей изъ нихъ и вначалѣ и наиболѣе цвѣтущей была Ольбія; отсюда торговая дорога черезъ Днѣпръ, Донъ и область савроматовъ и будиновъ вела къ Волгѣ, гдѣ лежала основанная греками ради торговли мѣхами факторія Гелонъ и затѣмъ далѣе черезъ Уралъ (вѣроятно около Оренбурга) и Илецкъ въ Среднюю Азію. Позднѣе эта азіатская торговля перешла къ Танаису, достигшему высшаго расцвѣта въ эпоху римскихъ императоровъ. На ряду съ Ольбіей слѣдуетъ упомянуть и Пантикапею. Изъ небольшого поселенія она превратилась въ значительный торговый городъ и столицу государства, обнимавшаго всю восточную половину полуострова Крыма и противолежащій полуостровъ Тамань на азіатской сторонѣ Босфора.

Греческіе колонисты завладѣли скиѳскимъ поселеніемъ Пантикапеей, вступили въ борьбу со скиѳами, постепенно расширили свою область, покорили себѣ окрестныхъ варваровъ и обратили ихъ въ мирныхъ хлѣбопашцевъ. То же самое имѣло мѣсто во многихъ греческихъ колоніяхъ. Варвары не отдавали добровольно своихъ областей, ихъ нужно было завоевать; торговыя сношенія съ ними завязывались и укрѣплялись постепенно. Грекамъ нерѣдко приходилось снова браться за оружіе и отражать нападеніе хищныхъ скиѳовъ, пока наконецъ они не достигли нѣкотораго могущества, позволявшаго имъ держать скиѳовъ въ страхѣ. Пока это уда-

валось ольбіополитамъ и князьямъ Босфорскаго царства, торговля ихъ процвѣтала. Крымъ былъ главной житницей для Аѳинъ; отсюда и изъ другихъ греческихъ колоній высылались въ Грецію шкуры, мѣха и овечья шерсть. Повсюду по берегамъ Меотіи (Азовскаго моря) имѣлись пристани для многочисленныхъ рыбаковъ, находившихъ здѣсь богатый уловъ, тутъ же солившихъ рыбу благодаря имѣющейся здѣсь вездѣ въ большомъ количествѣ соли, и немедленно же отправлявшихъ ее въ продажу. Предметомъ торговли служили и рабы. Изъ Греціи же ввозились растительныя масла и вина (масличное дерево и виноградъ не произрастали на сѣверныхъ берегахъ Эвксинскаго Понта), всевозможныя ткани, золотыя и серебряныя издѣлія и различные другіе предметы роскоши. Уже во множествѣ найденные въ скиѳскихъ могилахъ различные предметы греческаго происхожденія указываютъ на то, что скиѳы были хорошими покупателями греческихъ товаровъ; съ своей стороны они доставляли рабовъ, мѣха, шерсть и пр.

Какъ мы видимъ, сношенія между скиѳами и греками были весьма разнообразны. Но если нѣкоторыя сѣмена болѣе высокой культуры и проникли благодаря этому къ варварамъ и даже обратили нѣкоторыхъ изъ нихъ въ осѣдлыхъ хлѣбопашцевъ, если нѣкоторые скиѳскіе цари, какъ Аріапиѳъ и Скилъ, и имѣли женъ гречанокъ и были преданы эллинизму, то въ общемъ скиѳскій народъ остался на низкой ступени развитія и враждебно относился къ греческому вліянію. Скилъ за свои частыя посѣщенія Ольбіи и участіе въ вакхическихъ оргіяхъ подвергся изгнанію. Скиѳы остались воинственнымъ и хорошо владѣвшимъ оружіемъ кочующимъ народомъ, не имѣвшимъ однако достаточно силы, чтобы противостоять натиску новыхъ надвигавшихся съ востока массъ.

Б. **Исторія скиѳовъ и сарматовъ.**

Первыя, дошедшія до насъ свѣдѣнія о скиѳахъ это — описаніе величайшей опасности, которую имъ когда-либо пришлось перенести. Въ 513 г. до Р. Х. Дарій съ 700 000 войскомъ и 600 кораблей выступилъ противъ нихъ. Но въ этомъ случаѣ лучшую услугу оказала имъ природа ихъ страны. Когда Дарій, переправивъ свою армію черезъ Дунай, пошелъ впередъ, скиѳы, избѣгая всякаго сраженія, стали отступать, засыпая на своемъ пути колодцы и портя пастбища, и завлекли такимъ образомъ персидскаго царя въ пустыню, гдѣ они одновременно начали наступать на него съ фронта и съ тыла. Дарій съ сильными потерями принужденъ былъ возвратиться, такъ какъ въ противномъ случаѣ войско его погибло бы отъ засады. Чтобы отомстить за эту скиѳскую экспедицію Дарія, скиѳы нѣсколько лѣтъ спустя (495 г. до Р. Х.) предприняли разбойническій набѣгъ черезъ Ѳракію во ѳракійскій Херсонесъ. Говорили даже, что они имѣли намѣреніе переправиться и въ Малую Азію, но до этого дѣло не дошло.

Послѣ этого въ теченіе долгаго времени мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Но если и вѣрно то, что между ними не нашлось Аттилы или Тимура, какъ среди другихъ азіатскихъ кочевниковъ, то несомнѣнно однако, что среди народовъ южной Россіи происходило непрерывное движеніе и притомъ не такое, съ которымъ неразрывно связана кочевая жизнь, но движеніе, постепенно вытѣсняющее господствующій народъ изъ его мѣстожительства и помѣщающее на освободившееся мѣсто другой народъ.

По Геродоту, въ V вѣкѣ до Р. Х. скиѳы были господствующимъ народомъ между Бугомъ и Дономъ; отъ восточныхъ сосѣдей, савроматовъ, ихъ отдѣлялъ Танаисъ (Донъ). Уже въ III и II вѣкѣ взаимное положеніе ихъ измѣнилось: Танаисъ не служилъ уже границею между обоими народами, савроматы владѣли большею частью степи къ западу отъ Дона; тамъ, гдѣ нѣкогда жили царскіе скиѳы, теперь появилось сарматское племя роксоланы. Раньше, чѣмъ достигнуть этого результата, кочевники про-

лили, быть-можетъ, не мало крови, но до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній объ этой борьбѣ; несомнѣнно только, что савроматы стали господствующимъ въ южно-русскихъ степяхъ народомъ не сразу и съ другой стороны борьба ихъ со скиѳами не привела къ полному уничтоженію послѣднихъ.

Мы находимъ отдѣльныя черты изъ исторіи этой долгой борьбы въ дошедшемъ до насъ разсказѣ о скиѳскомъ царѣ Атеѣ: въ серединѣ IV вѣка до Р. Х. мы находимъ его къ югу отъ Дуная, въ борьбѣ съ греческой колоніей Истромъ въ Добруджѣ, послѣ того какъ онъ уже раньше успѣшно боролся съ жившими къ югу отъ Дуная трибаллами. Тѣснимый теперь царемъ Истра, онъ обратился за помощью къ Филиппу Македонскому и съ своей стороны обѣщалъ въ награду назначить его своимъ наслѣдникомъ; однако, когда вскорѣ послѣ того царь Истра умеръ, Атей отослалъ обратно ненужныя ему болѣе македонскія войска, а Филиппу, на его требованіе взять на себя часть издержекъ, созданныхъ осадой Византіи, далъ отрицательный отвѣтъ. Снявъ осаду, Филиппъ началъ войну со скиѳами, выступилъ въ походъ къ Дунаю и одержалъ надъ ними полную побѣду. Самъ Атей палъ; жены, дѣти и многочисленныя стада — говорили, что въ Македонію было привезено до 20 000 однѣхъ кобылъ — достались побѣдителю. Но если маленькій греческій городъ могъ поставить Атея въ такое стѣсненное положеніе, что ему пришлось обратиться за чужой помощью, то трудно повѣрить, чтобы онъ могъ вторгнуться въ чужія земли во главѣ значительной силы; скорѣе можно допустить, что самъ онъ, тѣснимый съ востока, надѣялся найти къ югу отъ Дуная новыя области для жительства — движеніе, которое является какъ бы прологомъ ко всѣмъ предпріятіямъ германскихъ народовъ въ III и IV вѣкѣ по Р. Х. Надежды Атея однако не оправдались; самъ онъ палъ, а при сынѣ Филиппа, Александрѣ, трибаллы снова стали господствующимъ народомъ къ югу отъ Дуная. Къ сѣверу же отъ Дуная, по направленію къ Бугу, удержались скиѳы. Еще спустя тридцать лѣтъ послѣ пораженія, нанесеннаго имъ Филиппомъ, они оказывали поддержку тѣмъ самымъ истрійцамъ, которые тѣснили Атея, въ борьбѣ ихъ съ Лизимахомъ.

Если часть скиѳовъ подъ предводительствомъ Атея и переселилась изъ южной Россіи, уступая натиску савроматовъ, то другая часть осталась на старыхъ мѣстахъ. Въ Крыму и непосредственно прилегающихъ къ нему областяхъ южно-русскихъ степей еще въ концѣ II вѣка до Р. Х., когда роксоланы занимали уже земли между Дономъ и Днѣпромъ, скиѳскій царь Скилурій достигъ могущества, внушавшаго опасеніе греческимъ городамъ Херсонесу и Босфору. Босфоръ уже не имѣлъ правда, какъ прежде, предпріимчивыхъ и энергичныхъ князей; и въ Херсонесѣ прежнее мужество повидимому уступило мѣсто изнѣженности и слабости. Но во всякомъ случаѣ эти города уже не держали скиѳовъ, какъ прежде, въ страхѣ; наоборотъ Скилурій тѣснилъ ихъ, требовалъ и получалъ отъ нихъ отступныя деньги и привелъ ихъ въ положеніе, въ которомъ они стали искать чужой помощи. Митридатъ Великій, царь Понта и опасный врагъ Рима, послалъ своего полководца Діофанта (см. выше, стр. 69), который разбилъ скиѳовъ въ нѣсколькихъ походахъ и принудилъ ихъ отказаться отъ дальнѣйшихъ вторженій въ области греческихъ городовъ. За оказанную помощь Босфоръ и Херсонесъ заплатили дорогою цѣною: они утратили свою самостоятельность и стали понтійскими городами.

По прекращеніи династіи Митридата, руководящая роль въ Крыму перешла къ Риму. Хотя въ Босфорѣ по имени царствовалъ, посаженный Римомъ, княжескій родъ, успѣшно охранявшій еще въ эпоху римскихъ императоровъ, какъ нѣкогда Лейкониды, эту окраину государства противъ кочующихъ варваровъ южно-русскихъ степей, но въ дѣйствительности и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Римъ имѣлъ рѣшающій голосъ; Римъ сажалъ и низвергалъ князей и высылалъ войска для возстано-

вленія необходимаго спокойствія. Въ первой половинѣ I вѣка по Р. Х. одинъ изъ римскихъ полководцевъ освободилъ Херсонесъ отъ осады, предпринятой скиѳами; это были тѣ самые скиѳы сѣверной половины Крыма и прилегающихъ къ нему степныхъ областей, которые нѣкогда были отброшены Діофантомъ. Здѣсь мы послѣдній разъ встрѣчаемся со скиѳами.

Въ широкихъ степяхъ между Дономъ и Днѣстромъ господствовали сарматы, главнымъ образомъ роксоланы; по всей вѣроятности ими и были поглощены и покорены послѣдніе остатки скиѳовъ.

Подобно Босфору и Херсонесу значительно пала **Ольбія**, нѣкогда цвѣтущій и могущественный городъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Около того самаго времени, какъ Діофантъ оказалъ помощь греческимъ городамъ Крыма, а быть-можетъ, нѣсколько раньше, и Ольбія, тѣснимая со всѣхъ сторонъ, принуждена была, несмотря на крайнее истощеніе государственной казны, платить дань или дѣлать денежные подарки князьямъ окрестныхъ племенъ, чтобы поддержать съ ними дружественныя отношенія и удержать ихъ отъ враждебныхъ шаговъ противъ города: для покрытія этихъ расходовъ приходилось уже прибѣгать къ помощи богатыхъ гражданъ. Но нужда достигла высшихъ предѣловъ, когда изъ области рѣки Вислы подошли галлы и съ ними германскіе скиры и, казалось, угрожали городу нападеніемъ. Если на этотъ разъ соединенное войско галловъ и скировъ повидимому и отступило, то вскорѣ Ольбіи пришлось бороться съ новыми врагами: нѣсколькими десятилѣтіями позднѣе городъ былъ взятъ и разрушенъ гетами, жившими у Дуная и достигшими большого могущества въ правленіе одного предпріимчиваго князя. Правда, городъ былъ затѣмъ вновь отстроенъ; но въ непрерывной борьбѣ съ окрестными варварами онъ уже не могъ достигнуть прежняго расцвѣта.

Эти разбойническіе набѣги сначала галловъ и скировъ, а позднѣе и гетовъ также служили какъ бы прологомъ къ тѣмъ непрерывнымъ народнымъ движеніямъ, которыя имѣли мѣсто въ послѣдующія столѣтія въ южно-русскихъ степяхъ.

Послѣ распаденія гетскаго государства сарматскіе **язиги** перешли Дунай, стали тѣснить расположенныя тамъ греческія колоніи и завладѣли всей страной между Тиссой и Дунаемъ; здѣсь они жили въ теченіе всей эпохи римскихъ императоровъ и нерѣдко являлись опасными врагами для римлянъ.

Оставшіеся въ южной Россіи сарматы, главнымъ образомъ роксоланы, нерѣдко подвигались впередъ до самаго Дуная, но позднѣе были покорены надвигавшимися изъ области рѣки Вислы германскими народами—готами, герулами и другими. Эти послѣдніе нерѣдко производили отсюда нападенія на римскую имперію, пока въ 375 г. по Р. Х. и они не погибли подъ могучимъ натискомъ гунновъ.

3. Первобытное населеніе сѣверной части Балканскаго полуострова.

A. Устройство поверхности сѣверной части юго-восточнаго полуострова Европы.

Прорѣзанная во всевозможныхъ направленіяхъ высокими горными цѣпями, огибающими глубокія долины, с ѣ в е р н а я ч а с т ь Б а л к а н с к а г о п о л у о с т р о в а хотя и походитъ по у с т р о й с т в у п о в е р х н о с т и на примыкающій къ ней съ юга полуостровъ Грецію, о которомъ мы будемъ говорить во второй части этого тома, однако отличается отъ него тѣмъ, что со стороны моря сравнительно мало доступенъ. Восточный берегъ мало извилистъ и бѣденъ гаванями. Болѣе извилистый западный берегъ хотя

и изобилуетъ островами и гаванями, но къ нему непосредственно примыкаютъ высокія горы съ отвѣсными скалами, препятствующими живымъ свободнымъ сношеніямъ съ внутренностью страны. Только на сѣверѣ Балканскій полуостровъ не отдѣленъ отъ материка никакими естественными границами; здѣсь страна беззащитна противъ вторженія чужеземныхъ народовъ. И если эта сѣверная часть полуострова орографически можетъ быть раздѣлена на двѣ главныя области: западную, занятую проходящимъ въ направленіи съ сѣвера на югъ Динарскимъ хребтомъ, и восточную, прорѣзанную горными цѣпями, расположенными почти подъ прямымъ угломъ къ морскому берегу, т.-е. въ направленіи съ востока на западъ, то съ этимъ орографическимъ дѣленіемъ совпадаетъ и этнографическое. На западѣ жили иллирійцы, на востокѣ ѳракійцы; между ними на югѣ поселились позднѣе македоняне (см. ниже, стр. 86).

Б. Первобытное населеніе юго-восточнаго полуострова Европы.

а) Иллирійцы.

Гранича на югѣ съ Эпиромъ и соприкасаясь съ эллинами, иллирійцы на сѣверѣ имѣли сосѣдями кельтовъ. Но здѣсь, равно какъ и на востокѣ, гдѣ они соприкасались съ ѳракійцами, нельзя указать точныхъ границъ занятой ими области, такъ какъ границы эти съ теченіемъ времени сильно мѣнялись. Тѣснимые кельтами, препятствовавшими расширенію ихъ владѣній на сѣверъ, стѣсненные съ востока горами, иллирійцы уже въ древности стали напирать на эллиновъ и вѣроятно переселили туда незначительную часть своего населенія; но громадное большинство ихъ выходцевъ, оставившее родину, вслѣдствіе ли избытка народонаселенія и возникающаго отсюда недостатка въ средствахъ къ существованію, вслѣдствіе ли вторженій сосѣднихъ народовъ или изъ страсти къ завоеваніямъ, переправились черезъ Іонійское море и поселились на противолежащемъ италійскомъ берегу. Уже въ древности различныя племена Италіи, каковы давніи, саллентины, пелигны, япиги и мессапіи, считались иллирійцами; справедливость этого предположенія признана въ новѣйшее время и подтверждается близкимъ сходствомъ современнаго албанскаго языка, распространеннаго въ той области, гдѣ нѣкогда жили иллирійцы, и считающагося видоизмѣненіемъ одного изъ древнихъ иллирійскихъ нарѣчій, съ встрѣчающимся на надписяхъ южной Италіи „мессапійскимъ“ нарѣчіемъ.

Раздѣленные на множество племенъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга горными цѣпями, не тронутые культурой, прославленные своей храбростью, но извѣстные также и грубостью нравовъ и страстью къ грабежамъ, иллирійцы никогда не могли достичь государственнаго единства. Во главѣ отдѣльныхъ племенъ стояли князья, враждовавшіе другъ съ другомъ, стремившіеся распространить свои владѣнія насчетъ своихъ же соплеменниковъ, а также вторгавшіеся и не въ иллирійскія области. Нѣкотораго значенія достигло царство Бардилиса (см. стр. 94) и сына его Клита, расположенное къ западу отъ Лихнидскаго озера; Бардилисъ и Клитъ производили частые набѣги на Македонію и завоевали нѣкоторыя ея области, но были затѣмъ изгнаны Филиппомъ и Александромъ. Позднѣе, у низовьевъ Нарона возникло государство ардіеевъ. Въ княженіе Плеврата и Агрона они, владѣя флотомъ и производя морскіе грабежи, захватили господство на морѣ и стали угрожать основаннымъ на плодородныхъ островахъ греческимъ колоніямъ (Фаросъ, Исса, Коркира мелайна, Мелита) и греческимъ городамъ на материкѣ (Лиссъ, Эпидамнъ, Аполлонія). Всѣ греки на Адріатическомъ морѣ за исключеніемъ Иссы утратили свою независимость. Исса призвала на помощь Римъ, который въ 230 г. до Р. Х. впервые вмѣшался въ иллирійскія дѣла и воз-

вратилъ свободу греческимъ городамъ. Риму еще часто приходилось вести въ Иллиріи войну, прежде чѣмъ онъ обратилъ ее въ свою провинцію. Тогда только Иллирія стала болѣе доступна, были устроены дороги и начала распространяться культура; римскіе легіоны поддерживали спокойствіе и безопасность и пролагали путь торговымъ и инымъ сношеніямъ.

б) Ѳракійцы.

Намъ неизвѣстно, когда ѳракійцы вступили въ названную ихъ именемъ страну. По немногимъ сохранившимся словамъ (памятниковъ на ѳракійскомъ языкѣ не существуетъ) и болѣе многочисленнымъ собственнымъ именамъ, а главное по ихъ положенію среди индогерманскихъ народностей, грековъ, славянъ и арійскихъ скиѳовъ, уже давно принято было считать и ихъ, равно какъ ихъ южныхъ сосѣдей и соприкасавшихся съ ними позднѣе на Дунаѣ кельтовъ, индогерманами, — отдѣльной вѣтвью этой большой семьи. Распространившись далеко за предѣлы Балканскаго полуострова, отдѣльныя ѳракійскія племена, геты и даки, жили въ Трансильваніи и въ нынѣшней Румыніи. И если позднѣе во времена господства Рима Ѳракіей называлась страна, расположенная къ югу отъ Гема между Родопскими горами и Чернымъ моремъ, то это названіе не подходитъ къ болѣе древнимъ временамъ, когда Ѳракіей называлась вся мѣстность, гдѣ жили ѳракійцы, т.-е. громадная область, простиравшаяся отъ Карпатскихъ горъ до Эгейскаго моря и отъ Чернаго моря на западъ до границы Иллиріи.

Въ настоящее время не подлежитъ уже сомнѣнію, что ѳракійцы переселились во Ѳракію съ сѣвера. Но послѣ первоначальнаго занятія ими этой страны тамъ происходили еще неоднократныя перемѣщенія: вытѣсненіе осѣдлыхъ уже племенъ новыми пришельцами и переселеніе съ однихъ мѣстъ на другія. Два ѳракійскихъ племени, трояне и фригійцы, вышли изъ Европы искать новой родины въ Азіи; это было въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х., т.-е. еще въ доисторическое время. Позднѣе произошло переселеніе въ Азію мидянъ, вышедшихъ изъ низменностей Дуная. Часть ихъ подъ названіемъ мёзянъ обитала тамъ еще во времена римскаго господства. И еще позднѣе, уже въ историческое время, произошло послѣднее большое переселеніе съ Балканскаго полуострова черезъ Босфоръ въ Малую Азію: переселеніе ѳиновъ и виѳинцевъ, часть которыхъ, какъ нѣкогда мидянъ, осталась однако въ Европѣ. Главной причиной всѣхъ этихъ переселеній было то, что тѣснимыя новыми пришельцами племена эти должны были отступать передъ превосходившей ихъ силой.

Мы не знаемъ, какъ часто подобнымъ образомъ уничтожались или покорялись цѣлыя племена или по крайней мѣрѣ значительныя ихъ части; мы видимъ тамъ и сямъ лишь конечные результаты долгихъ глубоко захватывающихъ движеній, не имѣя возможности прослѣдить возникновеніе и ходъ ихъ. Такъ, мы знаемъ (см. выше, стр. 54), что тѣснимые съ востока надвигавшимися скиѳами киммерійцы южно-русскихъ степей обратились на западъ на ѳракійцевъ и, уступая натиску номадовъ, покинули наконецъ свою родную землю; они прошли черезъ Балканскій полуостровъ, черезъ Босфоръ въ Малую Азію и вызвали тамъ большой переворотъ. Въ этомъ походѣ въ Малую Азію приняли участіе и нѣкоторыя ѳракійскія племена. То же самое пришлось испытать ѳракійцамъ и на юго-западѣ, гдѣ піерійцы, боттіейцы, эдоны — занимали всю область между Олимпомъ и ѳессалійской границей. Здѣсь ихъ стали тѣснить македоняне; само собой разумѣется, что отступленіе этихъ ѳракійскихъ племенъ должно было вызвать значительныя передвиженія или выселенія другихъ ихъ соплеменниковъ.

Религіозныя вѣрованія ѳракійцевъ и ихъ богослуженіе служили

уже у грековъ предметомъ серьезнаго изученія; мы находимъ у нихъ многое, что они переняли у своихъ южныхъ сосѣдей и подвергли дальнѣйшему развитію. По Геродоту, ѳракійцы поклонялись Аресу. Діонису и Артемидѣ, цари же ихъ почитали еще Гермеса, отъ котораго они вели свое происхожденіе. Этимъ однако не исчерпывается весь списокъ ихъ боговъ; они поклонялись еще какому-то богу неба, извѣстному у однихъ подъ именемъ Gebeleïzis, у другихъ подъ именемъ Sbelthiurdus, которому они во время грозы направленными въ небо выстрѣлами старались дать понять, чтобы онъ прекратилъ громъ и молнію.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что такой воинственный народъ, какъ ѳракійцы, поклонялся Аресу, богу войны и сраженій. Ѳракія называлась поэтому Ареей, т.-е. страной Ареса; по Гомеру онъ изъ Ѳракіи со своимъ сыномъ Фобомъ снаряжался на войну съ врагами и туда же удалился послѣ своего извѣстнаго любовнаго приключенія съ Афродитой. Однако о культѣ его не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Культъ Діониса, наоборотъ, хорошо извѣстенъ. Если Семела, повсемѣстно признаваемая его матерью, была дѣйствительно ѳракійско-фригійской богиней земли, то Діониса слѣдуетъ считать сыномъ земли и бога неба, на что указываетъ и первая часть въ его имени. Онъ приноситъ благословеніе и плодородіе; не только вино, но всѣ овощи и фрукты состоятъ подъ его особымъ покровительствомъ; его оплакиваютъ осенью при увяданіи растеній и радостно привѣтствуютъ при наступленіи весны. Женщины въ длинныхъ пестрыхъ одеждахъ и мужчины съ плющевыми вѣнками на головахъ, вооруженные жезлами и различными музыкальными инструментами (флейтами, тимпанами, барабанами и свирѣлями) съ шумомъ и громкими кликами радости дико плясали и носились кругомъ, пока мужчины, подражая голосу различныхъ животныхъ, не возвѣщали приближенія бога; тогда участниками процессіи овладѣвало особенно дикое воодушевленіе; все это еще въ древности считалось характерными признаками ѳракійскихъ торжествъ въ честь Діониса. Происхожденіе подобныхъ же вакхическихъ празднествъ у грековъ должно быть приписано ѳракійскому вліянію. Слѣдуетъ указать еще на одну сторону въ культѣ Діониса; онъ былъ богомъ-оракуломъ. Къ сѣверу отъ Пангея въ дикихъ Родопскихъ горахъ находился его оракулъ, въ рукахъ жреческаго рода Бессовъ; вдохновляемая богомъ женщина давала тамъ отъ его имени темныя туманныя предсказанія, врядъ ли болѣе понятныя, чѣмъ предсказанія несравненно болѣе ея знаменитой дельфійской жрицы. Этотъ оракулъ Діониса на много столѣтій сохранилъ свое значеніе.

Дикія разнузданныя торжества съ шествіями давались и въ честь богини Бендиды, отождествлявшейся съ греческой Артемидой. Подносимые ей женщинами дары завертывались въ пшеничные колосья, мужчины устроивали шествіе съ факелами, и все торжество заканчивалось ночнымъ пиромъ. Дики, какъ самъ народъ, были и его празднества; и если Геродотъ упрекаетъ ѳракійскихъ дѣвушекъ въ безнравственности, то несомнѣнно, что она развилась отчасти именно подъ вліяніемъ вышеописанныхъ разнузданныхъ празднествъ.

У ѳракійцевъ существовали и человѣческія жертвоприношенія. Разъ въ четыре года они устроивали праздникъ въ честь Салмоксиса, причемъ выбранный по жребію мужчина снаряжался къ этому богу въ качествѣ посла: его хватали за руки и ноги и бросали на протянутыя впередъ копья; если онъ при этомъ не умиралъ, то считался недостойнымъ даннаго ему порученія, и на мѣсто его выбирали другого. Существовалъ еще обычай закалывать на свѣжей могилѣ умершаго мужа его любимую жену. Геродотъ разсказываетъ это, правда, лишь объ одномъ ѳракійскомъ племени. Но несомнѣнно, что принесеніе въ жертву вдовъ было общимъ ѳракійскимъ обычаемъ, ибо оно встрѣчается въ древности и у другихъ ѳракійскихъ

народовъ, а у индійцевъ еще и нынѣ; во времена Геродота этотъ ранѣе повсемѣстно распространенный обычай очевидно уже вымиралъ.

Позднѣе человѣческія жертвоприношенія замѣнены были посвященіемъ умершимъ различныхъ предметовъ, чаще всего небольшихъ мраморныхъ досокъ съ пластическимъ изображеніемъ всадника въ развѣвающейся мантіи, то одного, то съ различной дичью, въ которую всадникъ бросаетъ копье; или же покойнымъ воздвигали алтари. Все это дѣлали оставшіеся родственники съ цѣлью умилостивить духъ покойнаго.

Уже Геродотъ разсказываетъ о ѳракійскомъ племени гетовъ, по религіознымъ представленіямъ которыхъ жизнь не кончалась со смертью, наоборотъ послѣ смерти наступала лучшая и болѣе счастливая жизнь; этой вѣрѣ въ безсмертіе ихъ научилъ согласно преданію мудрецъ Салмоксисъ. Своеобразное положеніе занимали у нихъ мудрецы или жрецы: какъ исполнители божественныхъ приказаній и посредники между богами и смертными, они были ближайшими совѣтниками царей. Другое ѳракійское племя, травсы, съ плачемъ встрѣчали рожденіе ребенка въ виду предстоящихъ ему въ жизни страданій и наоборотъ съ радостью хоронили умершихъ, такъ какъ ихъ ожидала счастливая жизнь, чуждая всякаго горя.

Неудивительно, что ѳракійцы въ древности слыли набожными. Мы встрѣчаемся у нихъ и съ отдѣльными проявленіями аскетизма: попадались люди, воздерживавшіеся отъ всякой мясной пищи и остававшіеся безбрачными. Нѣтъ однако сомнѣнія, что въ стремленіи этихъ единичныхъ святыхъ людей слѣдуетъ видѣть реакцію противъ общаго въ то время образа жизни, такъ какъ многія другія, дошедшія до насъ, данныя рисуютъ ѳракійцевъ народомъ въ высшей степени чувственнымъ, склоннымъ къ многоженству и пьянству и крайне грубымъ.

Женъ мужчины покупали себѣ за деньги и затѣмъ подвергали ихъ крайне строгому присмотру; дѣвушки наоборотъ пользовались большой свободой и могли поддерживать съ кѣмъ угодно любовныя сношенія. У ѳракійцевъ процвѣтала также и торговля дѣтьми.

Ѳракійцы распадались на множество племенъ, во главѣ которыхъ стояли князья. Неприступность ихъ горъ содѣйствовала ихъ стремленію сохранить свою независимость. Эти горныя племена жили по большей части охотою и скотоводствомъ; но главнымъ ихъ занятіемъ были грабежи и непрерывныя войны съ сосѣдями. Болѣе высокая культура существовала лишь въ долинахъ рѣкъ, особенно въ широкой плодоносной равнинѣ Гебра. Здѣсь жители занимались хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, разводили пшеницу, просо и коноплю, изъ которой приготовляли матеріи, и ячмень, изъ котораго приготовляли пиво и даже вино. Здѣсь они жили въ укрѣпленныхъ деревняхъ; цѣлыя помѣстья обносились частоколами, такъ какъ всегда можно было ожидать нападенія горныхъ племенъ. Въ равнинѣ Гебра, обитаемой различными ѳракійскими племенами, впервые возникло царство одрисовъ, соединившее въ одно цѣлое нѣсколько племенъ.

Но возникновеніе такого государства стало возможнымъ лишь послѣ того, какъ Ѳракія освободилась отъ господства Персовъ. Когда Дарій, направляясь въ походъ противъ скиѳовъ (513 г. до Р. Х.), прошелъ черезъ Ѳракію, жители ея частью покорились ему, частью же обязались нести военную службу, какъ напримѣръ геты, жившіе между Гемомъ и Дунаемъ. Послѣ неудачнаго исхода войны во Ѳракіи остался Мегабазъ съ 80 000 войска для окончательнаго покоренія этой страны. И дѣйствительно береговыя полосы у Эгейскаго моря и долина Гебра подпали персидскому владычеству. Жители должны были платить дань и выставлять войско: въ важнѣйшихъ городахъ, каковы Дорискъ, Эйонъ (на Стримонѣ), Сестъ, Византія и др., стояли персидскіе гарнизоны. Господство персовъ во Ѳракіи продолжалось до времени персидскихъ войнъ, когда послѣ битвъ при Платеѣ и Микале эллинамъ удалось снова завладѣть Босфоромъ и окон-

чательно изгнать изъ Европы персовъ. Въ послѣдующіе годы персидскіе гарнизоны одинъ за другимъ должны были сдаться; послѣднимъ палъ Дорискъ, защищаемый храбрымъ Маскамомъ.

Какъ мы видимъ, персы были изгнаны изъ Өракіи эллинами, главнымъ образомъ аѳинянами. Не оказывая своимъ освободителямъ никакого содѣйствія, өракійцы напротивъ того встрѣтили аѳинянъ озлобленнымъ сопротивленіемъ. Они не только оказали поддержку персидскимъ гарнизонамъ въ Эйонѣ и Дорискѣ, но и неоднократно разбивали аѳинянъ, когда эти послѣдніе, завладѣвъ Эйономъ, предприняли завоеваніе и колонизацію мѣстности Ἐννέα ὁδοί, расположенной въ плодороднѣйшей мѣстности, у рѣки Стримона, па перекресткѣ двухъ дорогъ, съ сѣвера къ Эгейскому морю и изъ Македоніи къ Геллеспонту и Босфору; только въ 436 г. до Р. Х. аѳинянамъ удалось заложить здѣсь городъ Амфиполь. Но аѳиняне имѣли уже въ своихъ рукахъ Эйонъ; а послѣ возстанія ѳазосцевъ къ нимъ перешли и владѣнія Ѳазоса на материкѣ, какъ напримѣръ Эсиме, Галепсъ и Скаптегиле (463 г. до Р. Х.) Такимъ образомъ аѳиняне водворились на өракійскомъ берегу. Херсонесъ өракійскій принадлежалъ имъ еще раньше, а благодаря основанію аттическаго морского союза, которому изъ расположенныхъ въ этой области греческихъ колоній принадлежали Абдера, Эносъ и Маронея, а изъ городовъ у Геллеспонта Византія, Перинтъ и др., они захватили въ свои руки господство надъ всѣмъ өракійскимъ берегомъ. Примыкавшій съ запада Халкидскій полуостровъ также находился подъ аѳинскимъ вліяніемъ.

Почти одновременно съ основаніемъ аѳинскаго господства на өракійскомъ берегу, въ долинѣ Гебра возникло царство одрисовъ, покоривншихъ другія жившія въ этой долинѣ племена. Дальнѣйшему развитію этого государства и расширенію его границъ въ значительной мѣрѣ способствовалъ царь его Тересъ. Цари одрисовъ владѣли всею областью между Родопскими горами, Гемомъ, Чернымъ моремъ и Геллеспонтомъ. И по ту сторону Гема имъ были подвластны жившіе между Гемомъ и Дунаемъ геты, а также жившіе въ горахъ у верховьевъ Стримона агріане и нѣкоторыя пеонійскія племена. Въ этихъ границахъ царство Тереса перешло къ сыну его Ситальку.

Царская власть была неограниченна; не сохранилось никакихъ извѣстій о томъ, чтобы народу когда-либо принадлежало право рѣшенія или чтобы цари вообще были связаны какими-либо законами. Въ случаѣ войны царь призывалъ всѣхъ способныхъ носить оружіе; по окончаніи войны снова распускалъ ихъ. О постоянномъ войскѣ, строгой военной организаціи и правильномъ обученіи не могло быть и рѣчи. Но на ряду съ царемъ существовали и династы или удѣльные князья, размѣръ власти которыхъ мѣнялся въ зависимости отъ власти царя: когда царская власть ослабѣвала, династы становились сильнѣе, и наоборотъ. Подати, получаемыя царемъ съ самой страны и нѣкоторыхъ греческихъ приморскихъ колоній, достигали по Ѳукидиду въ самомъ лучшемъ случаѣ четырехсотъ талантовъ серебра въ годъ; но на ряду съ ними царь получалъ дорогіе подарки, цѣнностью не уступавшіе размѣру податей: золото и серебро, вышитыя и гладкія матеріи и многое другое. Өракійцы придерживались обычая охотнѣе брать, чѣмъ давать, и, не раздавая подарковъ, трудно было чего-либо добиться отъ нихъ; вліятельныя лица больше другихъ злоупотребляли этимъ обычаемъ — царь получалъ больше всѣхъ, и вмѣстѣ съ его могуществомъ росло и его богатство. Само собой понятно, что это открывало широкій доступъ произволу, и нечего было и думать о правильномъ управленіи. Историки упоминаютъ и о знати одрисовъ. Знатные люди составляли дворъ и были ближайшими приближенными царя или же оставались въ своихъ помѣстьяхъ и лишь въ случаѣ войны выступали въ походъ всадниками; и именно къ знати относится несомнѣнно то, что Геро-

дотъ разсказываетъ о ѳракійцахъ вообще, а именно, что полевыя работы въ ихъ глазахъ были унизительными; достойнымъ же занятіемъ они считали лишь войну и грабежи. Въ дѣйствительности на ряду со знатью существовало и сословіе простыхъ людей, иначе не могли бы, какъ мы это видимъ, процвѣтать хлѣбопашество и огородничество и именно въ области одрисовъ. Простой же народъ поставлялъ на войну пѣхоту.

Сынъ и наслѣдникъ Тереса, Ситалькъ, имѣлъ въ рукахъ очень значительныя силы (какъ передаютъ, около 150 000 человѣкъ). Какъ союзникъ Аѳинъ, онъ вмѣшался въ македонско-халкидскія дѣла; мы увидимъ ниже, почему этотъ походъ не принесъ ему желанныхъ результатовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя (424 г. до Р. Х.), Ситалькъ палъ въ походѣ противъ трибалловъ, жившихъ у Дуная. Это показываетъ, что онъ стремился распространить свое владычество и на болѣе отдаленныя ѳракійскія племена. Но вскорѣ царство одрисовъ снова распалось; ему не хватало прочнаго внутренняго устройства. Различныя соединенныя въ немъ племена хотя и покорялись умѣвшей ихъ сдерживать желѣзной рукѣ, но стремились къ независимости и свободѣ, какъ только власть нѣсколько ослабѣвала.

При преемникахъ Ситалька, Севтѣ и Медокѣ, значительно усилилась власть династовъ и независимость ихъ отъ царя. Одному изъ нихъ, Котису, удалось (383 г. до Р. Х.) низвергнуть съ трона царствующую династію и возложить на себя корону. Несмотря на любовь къ роскоши и удовольствіямъ, онъ отличался энергіей и предпріимчивостью. Онъ поставилъ себѣ цѣлью завоеваніе Херсонеса ѳракійскаго. Когда аѳиняне послѣ неудачнаго исхода пелопоннесской войны успѣли оправиться и предприняли обратное завоеваніе потерянныхъ въ Херсонесѣ ѳракійскомъ городовъ, произошло столкновеніе между ними и Котисомъ. Въ этой войнѣ, которую аѳиняне начали счастливымъ походомъ стратега Тимоѳея (364 г. до Р. Х.), но затѣмъ вели съ недостаточными средствами и подъ предводительствомъ неумѣлыхъ полководцевъ, успѣхъ остался на сторонѣ ѳракійскаго царя: онъ покорилъ Сестъ и другіе города: въ 360 г. за Аѳинами остались лишь два небольшія мѣстечка Криѳота и Элеунтъ.

По смерти Котиса (359 г. до Р. Х.) царство его было раздѣлено. Сынъ его, Керсоблептъ, получилъ область къ востоку отъ Гебра, Амадокъ владѣнія между Гебромъ и Нестомъ, и Беризадъ область отъ Неста до Стримона. Одновременно съ этимъ въ сосѣдней Македоніи на престолъ вступилъ Филиппъ, вскорѣ вмѣшавшійся въ ѳракійскія дѣла (см. ниже стр. 97).

В. Македоняне.

а) Македонія: страна и ея древнѣйшее населеніе.

Расположенная между рѣками Аксіемъ и Галіакмономъ и позднѣе принадлежавшая Македоніи страна, насколько позволяютъ судить дошедшіе до насъ источники, нѣкогда заселена была ѳракійскими племенами. Между низовьями обѣихъ названныхъ рѣкъ простиралась по направленію къ морю богатая плодоносная равнина, со всѣхъ сторонъ окруженная горами; верховья же Аксія и Галіакмона огибали дикую, частью неприступную, горную мѣстность, населенную различными племенами и въ теченіе долгаго времени сохранившую свою независимость. Около горы Бермія жили въ древнія, но уже историческія. времена фригійцы, позднѣе переселившіеся въ Малую Азію и завоевавшіе тамъ страну, получившую отъ нихъ свое названіе (см. стр. 49 и 81). Знаменитые розовые сады, расположенные вокругъ Бермія, которымъ благоуханіе и поразительная роскошь ихъ розъ доставили въ древности названіе садовъ Мидаса, сохранили воспоминанье о жившихъ здѣсь нѣкогда фригійцахъ, цари которыхъ попеременно назывались то Мидасомъ, то Гордіемъ. Впрочемъ незначительная часть этихъ древ-

нѣйшихъ обитателей, должно-быть, осталась здѣсь: когда Мардоній въ 492 г. по приказу Дарія предпринялъ походъ въ Грецію, войско его въ Македоніи подверглось нападенію ѳракійскихъ фригійцевъ (Brygi) и потерпѣло сильный уронъ. Но когда главная масса фригійцевъ покинула эти области, мѣсто ихъ заняли другія ѳракійскія племена. Не будучи въ состояніи указать точныхъ границъ, мы можемъ лишь сказать, что позднѣе у горы Бермія жили эордеи, у Галіакмона и къ югу отъ него до Олимпа піэріяне, къ востоку отъ Аксія въ Мигданіи эдоны и къ западу отъ него боттіэйды. Исторически установлено, что и эти племена не остались въ названныхъ мѣстностяхъ, но были отодвинуты далѣе на востокъ вторгнувшимися македонянами, давшими отнынѣ всей странѣ между Олимпомъ и Стримономъ свое имя — Македоніи.

б) Переселеніе македонянъ.

Намъ неизвѣстно, когда македоняне впервые появились здѣсь: но во всякомъ случаѣ ихъ справедливо считаютъ родственнымъ грекамъ народомъ, который во время переселенія грековъ въ Элладу поселился гдѣ-то въ Эпирскихъ горахъ; изгнанные позднѣе отсюда напоромъ иллирійскихъ племенъ на югъ, македоняне перешли Пиндъ и стали искать себѣ поселеній на восточныхъ склонахъ его. Уже въ древности было извѣстно, что македоняне переселились въ эту страну, названную уже позже Македоніей. Но древнее сказаніе соединяло царскій родъ македонянъ, Аргеадовъ, съ аргосскими Теменидами, изъ которыхъ три брата Гауанъ, Аэропъ и Пердикка, покинувъ свое отечество, бѣжали въ Иллирію и затѣмъ въ верхнюю Македонію, гдѣ поступили на службу къ царю въ качествѣ простыхъ работниковъ; изганные затѣмъ со службы и преслѣдуемые своимъ бывшимъ господиномъ, едва спасшись благодаря разлитію рѣки отъ гнавшейся за ними конницы, они переселились въ нижнюю Македонію и мало-по-малу покорили себѣ всю страну. Это сказаніе иллюстрируетъ родство македонянъ съ эллинами и указываетъ на крайне трудное, сопряженное съ долгой борьбой завоеваніе Македоніи, но не даетъ никакихъ болѣе подробныхъ указаній о древнѣйшей весьма темной исторіи этого народа.

Младшій изъ вышеупомянутыхъ трехъ братьевъ, Пердикка, считается первымъ царемъ Македоніи. Этому княжескому роду, имѣвшему резиденціей Эги, удалось не только упрочить свое господство въ нижней Македоніи, но и распространить свою власть на сосѣднія племена верхней Македоніи. Во главѣ нѣкоторыхъ горныхъ областей (Линкестида и Элиміотида) помимо общаго царя еще долгое время стояли отдѣльные цари, подвластные однако царю Македоніи. Борьба царствующей династіи съ этими непокорными и стремившимися къ возможно большей самостоятельности князьями окраинъ государства проходитъ черезъ всю исторію Македоніи, до тѣхъ поръ, пока сильная рука Филиппа не измѣнила и этихъ отношеній.

Царь не былъ здѣсь повелителемъ рабовъ, какъ азіатскіе деспоты; онъ былъ лишь главою свободныхъ людей, и власть его основывалась не на силѣ, а на преданіи и установившемся обычаѣ. Онъ былъ предводителемъ народа на войнѣ, его верховнымъ жрецомъ и судьей; но въ уголовныхъ дѣлахъ онъ судилъ не одинъ: рѣшеніе принадлежало собранію свободныхъ людей. У македонянъ существовала знать и крестьяне; знать поставляла конницу, крестьянство же призывалось лишь въ случаѣ особой нужды и образовало тогда пѣхоту. Лишь позднѣйшіе цари ввели правильный наборъ крестьянъ и создали изъ нихъ прославившееся затѣмъ знаменитое войско. Промышленныхъ городовъ Македонія въ древности не имѣла; населеніе занималось земледѣліемъ и скотоводствомъ и оставалось отрѣзаннымъ отъ моря, гдѣ болѣе значительные города, Термъ, Пидна и Метона, были греческими колоніями.

в) Македонская исторія отъ царя Аминта до Филиппа.

Древнѣйшая исторія Македоніи темна и малоизвѣстна. Мы слышимъ, правда, о цѣломъ рядѣ царей, но для насъ это лишь ничего не говорящія имена. Лишь съ воцаренія Аминта I (около 540—498 г. до Р. Х.) македонское царство становится намъ болѣе близкимъ, лишь съ этого времени великія міровыя событія бросаютъ свѣтъ и на Македонію. Послѣ скиѳскаго похода Дарія оставшійся въ Европѣ персидскій полководецъ, Мегабазъ, какъ намъ уже хорошо извѣстно, покорилъ Ѳракію (см. выше стр. 57 и 77). Персидскому царю подчинился и Аминтъ македонскій, сохранившій однако свое царское достоинство подъ условіемъ уплаты дани и доставленія войска.

Въ такомъ же отношеніи къ Персіи оставался и сынъ и наслѣдникъ его Александръ (498—454 г. до Р. Х.), сопровождавшій Ксеркса въ его походѣ противъ Греціи, несмотря на свое тайное сочувствіе эллинамъ. Насколько было возможно, онъ и выражалъ это дружеское отношеніе къ эллинамъ: передъ Платеей онъ ночью сообщилъ аѳинскимъ полководцамъ планъ назначеннаго Мардоніемъ на слѣдующій день нападенія и тѣмъ съ своей стороны содѣйствовалъ блестящей побѣдѣ надъ персами. Съ изгнаніемъ персовъ изъ Европы прекратилась конечно и зависимость Александра отъ Персіи; онъ сталъ другомъ и союзникомъ Аѳинъ, пока основаніе аттическаго морского союза не упрочило гегемоніи Аѳинъ на ѳракійско-македонскомъ берегу и не внушило царю серьезныхъ опасеній. Подъ конецъ своего правленія онъ занялъ даже враждебное положеніе по отношенію къ Аѳинамъ, и только благодаря дружбѣ его съ Кимономъ страна избѣгла опустошительнаго вторженія аѳинскаго флота. Важное значеніе имѣло для него допущеніе его къ олимпійскимъ играмъ и одержанная имъ тамъ побѣда. Этимъ признано было эллинское происхожденіе его рода, хотя народъ его въ глазахъ эллиновъ все еще оставался варварскимъ. Ему Македонія обязана пріобрѣтеніемъ Бизалтійской области вокругъ Прасійскаго озера; это расширило границы Македоніи до Стримона и принесло ей обладаніе рудниками, дававшими царю большой доходъ. Въ его царствованіе Македонія занимала уже всю страну отъ Кандавскихъ горъ до Стримона и отъ Олимпа къ сѣверу до горъ верхняго Аксія. Изъ греческихъ приморскихъ городовъ Термъ и Пидна должны были въ это время признать господство Македоніи.

Сынъ и наслѣдникъ Александра Пердикка II (454—413 г. до Р. Х.), все время своего правленія велъ тяжелую упорную борьбу. Онъ былъ вначалѣ союзникомъ Аѳинъ. Но когда въ 432 г. до Р. Х. аѳиняне заключили союзъ съ возставшимъ противъ Пердикки элиміотскимъ княземъ Дердомъ и роднымъ его братомъ Филиппомъ, получившимъ расположенную къ востоку отъ средняго Аксія часть государства, то Пердикка вступилъ въ союзъ съ врагами Аѳинъ. Враговъ и недовольныхъ у аѳинянъ было много, такъ какъ господство ихъ тяжелымъ гнетомъ ложилось на подданныхъ. Пердикка воспользовался этимъ. Потидея и остальные халкидяне по его совѣту отпали отъ Аѳинъ; по его же совѣту они разрушили свои маленькія приморскія мѣстечки и переселились всѣ въ новооснованный городъ Олинѳъ. Это было началомъ Пелопоннесской войны. Аѳины немедленно послали въ Халкидику флотъ и войско. Противники Пердикки, Дердъ и Филиппъ, соединились съ аѳинскимъ полководцемъ, который, не имѣя достаточно силъ для успѣшной борьбы противъ Потидеи, вторгнулся въ Македонію; они взяли Термъ и осадили Пидну. Высланный аѳинянами на помощь, подъ предводительствомъ Каллія, флотъ соединился съ стоявшимъ передъ Пидной войскомъ и принудилъ царя къ соглашенію. Когда послѣ этого аѳиняне выступили въ походъ противъ Потидеи, Пер-

дикка объявилъ вынужденный у него договоръ недѣйствительнымъ и послалъ потидеатамъ помощь. Провозглашенный предводителемъ ихъ конницы, онъ однако не могъ принять на себя командованія, такъ какъ присутствіе его въ Македоніи было необходимо. Онъ съ успѣхомъ боролся противъ Дерда и Филиппа. Вынужденный отступить, Филиппъ бѣжалъ къ царю одрисовъ, Ситальку, при помощи котораго надѣялся отвоевать свои права. Ситалькъ состоялъ въ союзѣ съ Аѳинами (см. выше, стр. 85). Пердикка сумѣлъ однако отвратить отъ себя опасность союза Аѳинъ съ Ситалькомъ и бѣжавшимъ братомъ: различными обѣщаніями, къ сожалѣнію оставшимися для насъ неизвѣстными, ему удалось склонить на свою сторону царя одрисовъ, который вслѣдствіе этого не оказалъ помощи Филиппу и содѣйствовалъ заключенію мира между Македоніей и Аѳинами. Миръ дѣйствительно состоялся: Пердикка получилъ обратно отъ аѳинянъ Термъ и обязался поддерживать его въ борьбѣ съ Халкидикой. О Дердѣ же не встрѣчается больше упоминаній; очевидно онъ призналъ верховную власть царя.

Передъ Македоніей вновь выросла серьезная опасность, когда въ нее, вслѣдствіе неисполненныхъ Пердиккой по отношенію къ Ситальку обѣщаній, вторгнулись ѳ р а к і й ц ы съ цѣлью провозгласить царемъ всей Македоніи сына умершаго между тѣмъ Филиппа, Аминта, и подчинить Аѳинамъ халкидскіе города. Ситалькъ со своимъ огромнымъ войскомъ вступилъ въ Македонію и, разрушая и грабя все на своемъ пути, прошелъ вдоль Аксія къ морскому берегу. Здѣсь онъ однако не нашелъ аѳинскаго флота, который долженъ былъ ожидать его, чтобы совмѣстно предпринять завоеваніе халкидскихъ городовъ. Одрисы ограничились опустошеніемъ страны, города же остались нетронутыми. Съ началомъ зимы наступившій недостатокъ въ провіантѣ заставилъ ихъ покинуть страну. Пердикка и здѣсь переговорами сумѣлъ избавиться отъ грозившей ему бѣды: онъ склонилъ на свою сторону племянника Ситалька, Севта, пользовавшагося большимъ вліяніемъ, обѣщавъ дать ему въ жены свою сестру съ богатымъ приданымъ, и на этотъ разъ дѣйствительно исполнилъ свое обѣщаніе. Одрисы отказались отъ претендента Аминты, о которомъ и не имѣется дальше никакихъ извѣстій.

Позднѣе Пердиккѣ пришлось вступить въ борьбу съ княземъ линкестовъ Аррибеемъ и призвать на помощь с п а р т а н ц е в ъ. Такъ какъ одновременно съ нимъ за помощью къ Спартѣ обратились и халкидяне, то въ 424 г. до Р. Х. Бразидъ черезъ Ѳессалію прошелъ въ Македонію. Тогда Аѳины объявили Пердиккѣ войну. Бразидъ не оправдалъ однако ожиданій Пердикки. Первый походъ не привелъ даже ни къ одному сраженію, такъ какъ Бразидъ, далеко не желая усиливать могущества Пердикки подчиненіемъ ему Аррибея, стремился скорѣе къ примиренію обоихъ противниковъ; когда же примиреніе не удалось, онъ вошелъ въ соглашеніе съ Аррибеемъ и отступилъ. Во второмъ походѣ Бразидъ и Пердикка вторгнулись въ Линкестиду и сначала разбили Аррибея, но не воспользовались однако побѣдой; когда затѣмъ, охваченные ужасомъ при одной вѣсти о прибытіи иллирійцевъ и соединеніи ихъ съ врагомъ, македоняне ночью бѣжали, то и Бразидъ вынужденъ былъ отступить. Этимъ закончилось сближеніе македонянъ со Спартой. Пердикка вторично вступилъ въ союзъ съ Аѳинами, не принимая однако дѣятельнаго участія въ разыгрывавшейся въ это время на Халкидикѣ борьбѣ Аѳинъ со Спартой. Умирая въ **413 г. до Р. Х.**, онъ оставилъ свое государство, осторожностью и хитростью спасенное отъ величайшихъ опасностей, въ тѣхъ же границахъ, какимъ онъ его унаслѣдовалъ.

Пердикка оставилъ семилѣтняго сына отъ законной жены своей Клеопатры и побочнаго сына А р х е л а я, котораго онъ имѣлъ, какъ передаютъ, отъ рабыни своего старшаго брата Алькета. Архелай, какъ полагаютъ, назначенъ былъ умирающимъ царемъ регентомъ и опекуномъ несовершен-

нолѣтняго наслѣдника; но онъ не удовольствовался этимъ. Прежде всего онъ постарался избавиться отъ Алькета, предававшагося пьянству и стяжавшаго себѣ прозвище „воронки“, и сына его Александра; онъ пригласилъ ихъ на пиръ и, напоивъ ихъ, приказалъ схватить и бросить въ повозку, которая и увезла ихъ неизвѣстно куда. Затѣмъ наступила очередь наслѣдника: его потопили въ цистернѣ, матери же его Архелай велѣлъ доложить, что мальчикъ побѣжалъ за гусемъ, упалъ въ воду и утонулъ. Такіе разсказы ходили объ Архелаѣ въ Аѳинахъ. Если и не все въ этихъ разсказахъ вѣрно, многое преувеличено и выдумано, несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно — что онъ пользовался нечистыми средствами, чтобы завладѣть трономъ. Однако то, что онъ сдѣлалъ для Македоніи, даетъ намъ право предположить, что онъ чувствовалъ себя созданнымъ для власти: направить развитіе страны и подъемъ ея благосостоянія такъ, какъ онъ желалъ, онъ считалъ возможнымъ лишь по достиженіи царской власти.

Ѳукидидъ говоритъ, что Архелай сдѣлалъ для своего государства больше, чѣмъ всѣ его предшественники, вмѣстѣ взятые. Македонія нерѣдко подвергалась вторженіямъ иллирійцевъ и ѳракійцевъ и сильно страдала отъ недостатка укрѣпленныхъ, обнесенныхъ стѣнами, городовъ, куда жители равнинъ могли бы укрываться со своимъ имуществомъ. При Архелаѣ число обнесенныхъ стѣнами поселеній значительно увеличилось, чѣмъ до нѣкоторой степени обезпечивалась безопасность жителей; во всякомъ случаѣ разбойническія нападенія сосѣднихъ варваровъ не сопровождались уже, какъ прежде, похищеніемъ всего имущества и уведеніемъ въ плѣнъ самихъ жителей. Съ безопасностью жителей возросла и производительность ихъ труда. Архелай способствовалъ развитію страны проведеніемъ дорогъ и въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ освобожденію страны изъ ея замкнутости. Но чѣмъ болѣе Македонія, завязывая сношенія съ промышленными приморскими городами, приходила въ соприкосновеніе съ греческой культурой, тѣмъ сильнѣе сказывалась потребность реорганизаціи войска, необходимая для пріобрѣтенія подобающаго положенія среди враждующихъ между собой государствъ. Во время Пелопоннесской войны она, въ качествѣ союзника той или иной воюющей державы, нерѣдко вмѣшивалась въ міровыя событія; тогда же по всей вѣроятности обнаружились слабыя стороны ея военнаго устройства. Архелай постарался уничтожать эти недостатки. Къ прежнему войску, состоявшему исключительно изъ конницы, онъ присоединилъ хорошо обученную и вооруженную по образцу греческихъ гоплитовъ пѣхоту, тогда какъ набираемые раньше лишь въ случаѣ крайней необходимости крестьяне представляли плохо вооруженную и не дисциплинированную толпу. Улучшенія, введенныя Архелаемъ, состояли очевидно въ томъ, что пѣхота отнынѣ является постоянной составной частью македонскаго войска. Знать, какъ и прежде, поставляла конницу, а привлеченные отнынѣ къ военной службѣ крестьяне образовали пѣхоту.

Продолжать начатое такимъ образомъ Архелаемъ дѣло — расширеніе страны и введеніе ея въ число культурныхъ государствъ — призванъ былъ впослѣдствіи Филиппъ II.

Кромѣ того Архелай стремился доставить своему народу болѣе высокое образованіе. При дворѣ его въ Пеллѣ всегда жили греческіе художники и поэты. Онъ основалъ въ Діонѣ у склоновъ Олимпа праздникъ въ честь Зевса съ гимнастическими играми и музыкальными состязаніями по образцу подобныхъ же празднествъ въ Греціи; къ освященію этого праздника Эврипидъ написалъ свою драму „Архелай“, сюжетомъ которой послужила исторія родоначальника македонской династіи; пользуясь дозволенной поэтамъ вольностью, Эврипидъ однако во вниманіе къ своему покровителю далъ этому родоначальнику имя Архелая. Архелай всюду, гдѣ только могъ, поощрялъ греческую культуру и образованіе, вслѣдствіе чего она вскорѣ отъ двора проникла и въ другіе слои населенія.

О военныхъ подвигахъ въ правленіе Архелая приходится мало говорить. Въ 410—409 г. онъ привелъ къ повиновенію отпавшую Пидну и велъ войну съ княземъ линкестовъ Аррибеемъ и династомъ Элиміотовъ Сиррой, которые, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія царской власти, вторгнулись въ нижнюю Македонію; объ этой войнѣ мы знаемъ лишь, что Архелай закончилъ ее, давъ Сиррѣ въ жены свою дочь. Заслуги его заключаются слѣдовательно главнымъ образомъ въ введенныхъ имъ реформахъ и стремленіи поднять страну. Онъ умеръ въ 399 г. неестественной смертью, какъ многіе его предшественники и преемники; убійцей называли молодого македонянина Кратева. Наслѣдовавшій Архелаю малолѣтній сынъ его Орестъ вскорѣ устраненъ былъ опекуномъ своимъ Аэропомъ.

Послѣдующія сорокъ лѣтъ ознаменованы смутами и спорами за престолонаслѣдіе. Правленія быстро смѣняли одно другое, и разумныя начинанія Архелая не могли получить осуществленія. Имена, равно какъ и годы правленія этихъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, царей, не установлены точно; дошедшіе до насъ источники расходятся между собой, и, смотря по тому, которому мы отдаемъ предпочтеніе, мы получаемъ различные списки царей: Архелай, Аэропъ, Павзаній, Аминтъ, Аргей, Аминтъ; или же Архелай, Орестъ, Аэропъ, Павзаній, Аминтъ, Аргей, Аминтъ. Имена однако не имѣютъ для насъ большого значенія; принять ли тотъ или другой, болѣе длинный или болѣе короткій списокъ, картина гибельной партійной борьбы того времени отъ этого не мѣняется. И, какъ это часто бываетъ, внутренними неурядицами страны не замедлили воспользоваться ея внѣшніе враги.

На примыкающей къ Македоніи Халкидикѣ, выступающей въ Эгейское море тремя полуостровами и изстари заселенной греками, воздвигнувшими цѣлый рядъ цвѣтущихъ торговыхъ и земледѣльческихъ городовъ, выдающееся мѣсто занялъ Олинѳъ. Халкидскіе города подъ главенствомъ Олинѳа соединились въ союзъ, который сохранилъ правда за отдѣльными городами самостоятельное управленіе, но въ значительной мѣрѣ способствовалъ уничтоженію гибельнаго раздѣленія силъ тѣмъ, что отдѣльные города отказались отъ самостоятельной политики какъ во внѣшнихъ, такъ и въ торговыхъ сношеніяхъ. На союзныхъ собраніяхъ съ делегатами отъ всѣхъ участниковъ союза, съ избраннымъ предсѣдателемъ союза во главѣ, разбирались вопросы внѣшней политики; принятыя собраніемъ постановленія были затѣмъ обязательны для отдѣльныхъ государствъ. То же самое имѣло мѣсто и въ области торговой политики: заключеніе торговыхъ договоровъ также подлежало рѣшенію союза. Если мы прибавимъ къ этому, что среди городовъ, принимавшихъ участіе въ союзѣ, существовали также равенство законовъ и общее союзное гражданское право, дозволявшее пріобрѣтать собственность и заключать браки, дававшее отдѣльнымъ гражданамъ право свободнаго передвиженія не только въ родномъ городѣ и освобождавшее ихъ отъ тѣхъ стѣснительныхъ ограниченій, которыми гражданское право другихъ греческихъ городовъ отдѣляло ихъ другъ отъ друга, то мы поймемъ, что этотъ союзъ халкидскихъ городовъ явился государственной единицей, съ которой должны были считаться въ своихъ планахъ и намѣреніяхъ не только сосѣднія, но и другія государства Греціи. Вскорѣ къ союзу, стремившемуся привлечь къ себѣ возможно большее число городовъ и не отступавшему для достиженія этой цѣли и передъ насильственными мѣрами, примкнула и Потидея, значительнѣйшій послѣ Олинѳа городъ на Халкидикѣ. Боттіэи и акантіи, мендійцы и аполлоніаты не приняли участія въ союзѣ, такъ какъ не хотѣли отказаться отъ своей политической самостоятельности; кромѣ нихъ и Амфиполь остался въ сторонѣ отъ союза.

Съ этимъ халкидскимъ союзомъ вскорѣ послѣ вступленія на престолъ вошелъ въ соглашеніе Аминтъ (II или III, царствовавшій приблизительно съ 390—389 г). Онъ заключилъ съ нимъ не только оборонительный союзъ, на случай чужеземнаго вторженія, но и торговый договоръ, по

которому халкидянамъ предоставлялись передъ другими государствами льготы относительно вывозимыхъ изъ Македоніи продуктовъ. Очевидно Аминтъ искалъ здѣсь защиты противъ какой-то угрожавшей ему опасности, ибо онъ уступилъ своимъ союзникамъ и нѣкоторыя области. Къ сожалѣнію до насъ не дошли подробныя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ событій; извѣстно лишь, что Аминтъ изгнанъ былъ иллирійцами изъ своей страны, что Аргей, очевидно войдя въ соглашеніе съ этими иллирійцами, вступилъ на престолъ и что халкидяне отъ имени Аминта проникли въ Македонію и завоевали значительную часть ея, между прочимъ и главный городъ Пеллу. Вскорѣ счастіе перешло на сторону Аминта; поддерживаемый ѳессалійцами, онъ черезъ два года съ вооруженной силой вернулся въ свое государство, но встрѣтилъ сопротивленіе со стороны халкидянъ, не хотѣвшихъ возвратить завоеванныя ими земли. Объ Аргеѣ не имѣется никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній; очевидно его вскорѣ устранили.

Въ такомъ положеніи, не имѣя достаточно силъ, чтобы одному бороться съ халкидскимъ союзомъ, Аминтъ обратился за помощью къ Спартѣ; туда же уже раньше отправили пословъ Акантъ и Аполлонія, не будучи въ состояніи своими силами отстоять свою независимость противъ наступленія Олинѳа. Спарта отозвалась на просьбу о помощи. Въ 383 г. Эвдамидъ вступилъ въ Халкидику, но не могъ предпринять ничего серьезнаго со своими слабыми силами (Фивидъ, который долженъ былъ его сопровождать, осадилъ между тѣмъ Кадмею); только Потидея отпала отъ халкидскаго союза и примкнула къ Спартѣ. Въ слѣдующемъ году въ Халкидику выступилъ Телевтій во главѣ 10 000 воиновъ. Аминту онъ послалъ сказать, чтобы онъ не жалѣлъ никакихъ средствъ для возвращенія себѣ своего государства, чтобы навербовалъ наемниковъ, такъ какъ оставшіяся въ его власти области были слишкомъ слабы и не могли сами выставить войска, и подарками склонилъ бы на свою сторону сосѣднихъ князей. Вскорѣ къ Телевтію дѣйствительно присоединились Аминтъ съ небольшимъ войскомъ и Дердъ, князь элиміотовъ съ 400 всадниками. Вначалѣ Телевтій одержалъ подъ стѣнами Олинѳа побѣду надъ союзниками, но затѣмъ потерпѣлъ сильное пораженіе, въ которомъ самъ палъ. Лишь Полибіаду удалось окружить Олинѳъ съ моря и съ суши и отрѣзать ему подвозъ припасовъ. Угрожавшій олинтійцамъ голодъ заставилъ ихъ вступить въ переговоры: они обязались уничтожить халкидскій союзъ, признать гегемонію Спарты и выставлять Спартѣ войско. Могущество Олинѳа однако не было сломлено; онъ вскорѣ снова поднялся и всталъ во главѣ новаго могущественнаго союза. Само собой разумѣется, что завоеванія халкидянъ въ Македоніи были возвращены Аминту, такъ что онъ снова сталъ господиномъ всей своей страны.

Послѣ этихъ годинъ бѣдствія, когда Аминтъ, главнымъ образомъ лишь благодаря чужой помощи, сохранилъ въ концѣ концовъ свое государство въ цѣлости, наступили годы спокойствія и мира. Этому способствовало и политическое положеніе Греціи. Спарта, показавшая передъ тѣмъ свое могущество уничтоженіемъ Олинѳа, слишкомъ была встревожена возвышеніемъ Ѳивъ и развитіемъ ихъ при Эпаминондѣ и Пелопидѣ, и не могла распространять свое господство на Халкидикѣ. Въ то же время Аѳинамъ удалось основать второй аттическій морской союзъ и привлечь къ нему многіе города на ѳракійскомъ берегу и на Халкидикѣ. Однако Олинѳъ и Амфиполь не примкнули къ этому союзу. Олинѳъ, хотя и униженный Спартой, представлялъ еще внушительную силу. Что же касается Амфиполя, то аѳиняне, снова утвердившись теперь на Халкидикѣ, задумали вновь подчинить его своему владычеству: нѣкогда основанный ими, но позднѣе отпавшій отъ нихъ, Амфиполь занималъ чрезвычайно выгодное положеніе, будучи расположенъ у устьевъ Стримона и имѣя за собой богатую область по большой дорогѣ изъ Македоніи и Халкидики во Ѳракію. Аѳины не щадили никакихъ средствъ для достиженія этой цѣли и снарядили войско

и флотъ. Эти обстоятельства объясняютъ намъ заключеніе между Аминтомъ и Аѳинами союзнаго договора, не дошедшаго къ сожалѣнію до насъ цѣликомъ. Аминтъ искалъ помощи и поддержки противъ своихъ бывшихъ союзниковъ, а нынѣ озлобленныхъ враговъ на Халкидикѣ; Аѳины же искали твердой опоры и содѣйствія своимъ стремленіямъ, ставившимъ конечной цѣлью возстановленіе прежняго могущества. Намъ извѣстно, что на мирномъ конгрессѣ въ Спартѣ (371 г. до Р. Х.) Аминтъ призналъ права Аѳинъ на Амфиполь и выразилъ готовность оказать имъ поддержку въ предполагавшемся обратномъ завоеваніи этого города. Къ сожалѣнію въ договорѣ не сохранились свѣдѣнія объ обязательствахъ, принятыхъ на себя аѳинянами. Мы однако скоро увидимъ (см. ниже, стр. 94), какую выдающуюся роль предстояло еще играть Амфиполю въ отношеніяхъ Македоніи къ Аѳинамъ.

И между Язономъ Ферейскимъ и Аминтомъ Македонскимъ также существовалъ союзъ. Этотъ Язонъ сумѣлъ соединить въ одно цѣлое политически разрозненную Ѳессалію и стоялъ во главѣ ея въ званіи тагоса. При наличности множества безпокойныхъ и недовольныхъ его господствомъ элементовъ, вполнѣ естественныхъ въ государствѣ, гдѣ могущество этого одного человѣка могло развиться лишь на счетъ другихъ, привыкшихъ къ тиранніи, родовъ, ему важно было сохранить хорошія отношенія съ сѣвернымъ сосѣдомъ, чтобы не сдѣлать Македонію сборнымъ пунктомъ своихъ враговъ. Быть-можетъ, онъ для осуществленія своихъ дальнѣйшихъ плановъ желалъ обезпечить себѣ и поддержку вновь усилившагося могущества Аминта; ибо онъ стремился ни къ чему иному, какъ къ гегемоніи надъ Греціей. По всему, что намъ извѣстно, иниціатива къ заключенію союза исходила отъ Язона. Это показываетъ, что Аминтъ въ концѣ своего царствованія снова занялъ видное и прочное положеніе. Но, не успѣвъ привести въ исполненіе свои великіе замыслы, Язонъ палъ отъ руки убійцы; почти одновременно съ нимъ умеръ и Аминтъ (370).

Въ Ѳессаліи власть Язона послѣ короткаго правленія двухъ его братьевъ, Полидора и Полифрона, также погибшихъ отъ руки убійцъ, перешла къ племяннику его Александру. Жестокіе и властолюбивые, эти преемники Язона вскорѣ навлекли на себя всеобщее недовольство, которое они съ своей стороны пытались побороть казнями и изгнаніями. Изгнанные изъ Ларисcы аристократы прибыли въ Пеллу; по просьбѣ ихъ и другихъ ѳессалійцевъ Александръ Македонскій, старшій изъ трехъ сыновей Аминта и жены его Эвридики, выступилъ въ Ѳессалію, изгналъ гарнизоны Ферейскаго тиранна изъ Лариссы и Краннона и занялъ оба города. Несогласные съ такимъ разрѣшеніемъ вопроса ѳессалійцы, хотѣвшіе избавиться отъ ига Александра Ферейскаго, но не желавшіе имѣть вмѣсто одного господина двоихъ, обратились за помощью къ Ѳивамъ. Между тѣмъ царь македонскій Александръ самъ вынужденъ былъ вернуться въ свою страну, такъ какъ Птоломей Алорскій, любовникъ Эвридики, сдѣлалъ попытку завладѣть короной. Оставленные имъ въ Ѳессаліи гарнизоны не могли безъ него долго держаться; такъ неудачно закончилась его попытка расширить свое могущество за предѣлы своего государства.

Вскорѣ послѣ этого Македонія снова на нѣсколько лѣтъ подпала чужеземному вліянію. Призванные ѳессалійцами ѳиванцы пришли подъ предводительствомъ Пелопида и уладили дѣла такъ, какъ этого требовали ихъ интересы. Изъ Ѳессаліи Пелопидъ прошелъ въ Македонію и тамъ выступилъ посредникомъ между Александромъ и Птоломеемъ. Но вскорѣ послѣ того, какъ онъ удалился, Птоломей убилъ Александра и сдѣлался опекуномъ второго малолѣтняго сына Аминты, Пердикки, провозглашеннаго царемъ. Къ этому присоединились еще новыя затрудненія. Нѣкто Павзаній выступилъ претендентомъ на престолъ, занялъ при помощи греческихъ наемниковъ Анѳемунтъ и Термъ и нашелъ приверженцевъ и въ самой странѣ.

При такихъ обстоятельствахъ повѣнчавшіеся между тѣмъ Птоломей и Эвридика обратились къ аѳинскому полководцу Ификрату, крейсировавшему въ то время у ѳракійскаго берега. Ификратъ изгналъ изъ Македоніи Павзанія. Но Ѳивы, опасаясь потерять только-что пріобрѣтенное въ Македоніи вліяніе, снова послали туда Пелопида (368 г. до Р. Х.). Пелопидъ заключилъ съ Птоломеемъ, регентомъ и опекуномъ Пердикки, договоръ, по которому Македонія обязалась выставлять ѳиванцамъ войско и выдать заложниковъ; среди заложниковъ находился и Филиппъ, третій сынъ Аминты и будущій царь Македоніи.

Правленіе Птоломея продолжалось недолго: въ 365 г. онъ убитъ былъ Пердиккой, вступившимъ послѣ того на престолъ. Пердикка освободился отъ вліянія Ѳивъ и открыто сталъ на сторону аѳинянъ, оказавъ имъ содѣйствіе въ войнѣ съ вновь возникшимъ подъ главенствомъ Олинѳа союзомъ; позднѣе однако онъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, всталъ во враждебныя къ Аѳинамъ отношенія. Возможно, что завоеваніе аѳинянами Пидны и стоявшее въ связи съ нимъ вліяніе Потидеи и Тороны на Халкидикѣ сдѣлали Пердикку врагомъ Аѳинъ. Аѳиняне одержали однако надъ македонскимъ войскомъ побѣду, послѣ чего между обѣими сторонами состоялось соглашеніе, условія котораго, какъ говорили въ Аѳинахъ, были слишкомъ выгодны для Пердикки и потому стоили жизни аѳинскому полководцу Каллисѳену (362 г. до Р. Х.). Пердикка палъ въ большой битвѣ съ иллирійцами.

г) Царь Филиппъ.

По смерти Пердикки, оставившаго малолѣтняго сына, управленіе страной перешло къ младшему сыну царя Аминта, Филиппу, который правилъ за своего малолѣтняго племянника: но вскорѣ (неизвѣстно точно, когда) македонская знать и войско провозгласили его самого царемъ и тѣмъ доставили ему положеніе, котораго онъ съ самаго начала оказался въ высокой степени достойнымъ. Съ гибелью 4000 македонцевъ, павшихъ вмѣстѣ съ Пердиккой, страной овладѣло всеобщее уныніе; иллирійцы вторгнулись въ Македонію и заняли сосѣднія имъ области. Ободренные этимъ сѣверные сосѣди—пеонійцы, также начали вторгаться и грабить сосѣднее государство. И, какъ уже неоднократно бывало раньше при перемѣнахъ на престолѣ, такъ и теперь, нашлись родственники царскаго дома, пожелавшіе возложить корону на себя. Одинъ претендентъ, Аргей, получилъ поддержку отъ аѳинянъ, давно тщетно пытавшихся возвратить себѣ Амфиполь и надѣявшихся теперь достигнуть своей цѣли. Заручившись обѣщаніемъ Аргея оказать имъ содѣйствіе въ покореніи Амфиполя, аѳиняне высадили въ Метонѣ свое войско подъ предводительствомъ стратега Мантія; изъ Метоны претендентъ повелъ его на Эги. Другой претендентъ, вышеупомянутый Павзаній, нашелъ поддержку у ѳракійцевъ. Это запутанное и безотрадное положеніе Македоніи прямо указывало предпріимчивому вождю тотъ путь, по которому слѣдовало идти, чтобы поднять страну и завоевать ей въ будущемъ болѣе почетное положеніе: необходимо было усмирить сосѣднія варварскія племена и заставить ихъ преклониться передъ македонскимъ господствомъ.

Но если бы это и удалось, то Македоніи, для завоеванія себѣ иного положенія среди государствъ стараго свѣта, предстояло бы еще экономически освободиться отъ эллиновъ, которымъ принадлежалъ морской берегъ. Македонія только тогда могла успѣшно пойти по пути развитія, если бы ей удалось открыть себѣ доступъ къ морю для вывоза своихъ произведеній и облегчить ввозъ иностранныхъ продуктовъ. До сихъ поръ она находилась въ экономической зависимости отъ береговыхъ государствъ: Олинѳа, халкидскаго союза и Аѳинъ, снова водворившихся на Халкидикѣ подъ предводительствомъ Тимоѳея и покорившихъ даже на западномъ берегу Ѳермейскаго залива македонскіе города Пидну и Метону, такъ что

во власти Македоніи не оставалось болѣе ни одной сколько-нибудь значительной гавани. Это положеніе вдали отъ морского берега привело къ тому, что иностранныя государства пріобрѣтали въ самой Македоніи политическое вліяніе (напр. вліяніе Ѳивъ, см. стр. 92). Но то̀, что, несмотря на неоднократныя попытки, не удалось ни одному изъ предшествовавшихъ царей, то̀ удалось молодому, энергичному и предпріимчивому Филиппу.

Какъ мы видѣли, Филиппъ былъ выданъ заложникомъ ѳиванцамъ и такимъ образомъ на самомъ себѣ рано испыталъ безсиліе и слабость своего отечества. Но какъ ни тяжело было патріотическому юношѣ пребываніе въ Ѳивахъ, оно несомнѣнно оказало на него и хорошее вліяніе; ибо именно въ это время городъ этотъ, благодаря Эпаминонду и Пелопиду, стоялъ на высотѣ своего могущества. Время его возвращенія въ Пеллу въ точности неизвѣстно, несомнѣнно лишь, что онъ вернулся еще при жизни своего брата Пердикки. О молодости его мы ничего болѣе не знаемъ; въ дальнѣйшемъ же всѣ его поступки обнаруживали въ немъ не дикаго необразованнаго варвара, но наоборотъ человѣка, не только умѣвшаго цѣнить греческое образованіе и культуру, но и сумѣвшаго воспользоваться ими для собственнаго образованія. Образованіемъ своимъ онъ былъ однако обязанъ не исключительно Ѳивамъ; сама Македонія успѣла въ это время двинуться впередъ по намѣченному Архелаемъ пути: уже царь Пердикка любилъ греческое искусство и греческихъ ученыхъ.

Филиппъ взялъ на себя трудную задачу, принимая управленіе Македоніей за своего племянника; но онъ оказался на высотѣ ея. Когда Аргей, не принятый гражданами Эгъ, вернулся въ Метону, Филиппъ напалъ на него и разбилъ на голову; этотъ первый успѣхъ ободрилъ македонянъ и возвратилъ имъ мужество и вѣру въ себя, утраченныя ими послѣ вторженья иллирійцевъ. Но эта побѣда имѣла и болѣе значительныя послѣдствія; Филиппъ безъ выкупа отослалъ на родину взятыхъ въ плѣнъ аѳинянъ и тѣмъ проложилъ себѣ путь къ примиренію съ Аѳинами: онъ заключилъ съ аѳинскими посланниками тайный договоръ, который они по возвращеніи въ родной городъ предложили на разсмотрѣніе совѣта, но не представили народному собранію. Филиппъ обѣщалъ покорить аѳинянамъ Амфиполь; они съ своей стороны обязались выдать ему Пидну.

Но Филиппу предстояло прежде всего обезопасить границы своего государства отъ враговъ. Въ началѣ лѣта 358 г. до Р. Х. начались походы, имѣвшіе цѣлью отчасти укрѣпленіе границъ, отчасти отвоеваніе занятыхъ врагами македонскихъ областей. Прежде всего Филиппъ обратился противъ пеонійцевъ, царь которыхъ Агисъ въ это время умеръ, разбилъ ихъ въ ожесточенной битвѣ и подчинилъ ихъ македонскому господству; затѣмъ онъ выступилъ въ походъ противъ иллирійцевъ, царь которыхъ Бардилисъ предложилъ ему миръ на условіи сохраненія за иллирійцами занятыхъ ими македонскихъ областей. Но Филиппъ отвергъ эти условія. Въ жестокой битвѣ, гдѣ Филиппъ самъ командовалъ правымъ крыломъ, македоняне побѣдили. Послѣ этого иллирійцы были изгнаны изъ занятыхъ ими македонскихъ городовъ.

Побѣдивъ враговъ на сѣверѣ и западѣ, Филиппъ въ слѣдующемъ году (357 до Р. Х.) выступилъ въ походъ противъ Амфиполя, какъ это было обѣщано въ тайномъ договорѣ съ Аѳинами. Какъ это ни странно, но аѳиняне съ своей стороны ничего не сдѣлали, чтобы облегчить покореніе этого города; въ надеждѣ на обѣщанія Филиппа они даже отклонили предложеніе жителей Амфиполя сдаться имъ, сдѣланное подъ страхомъ попасть подъ владычество Македоніи; образъ дѣйствія аѳинянъ тѣмъ менѣе понятенъ, что послѣ удачнаго штурма Амфиполя они не выказали ни малѣйшаго намѣренія съ своей стороны выполнить условія договора и

возвратить Филиппу Пидну. Не думали ли они сохранить за собой одинъ городъ и получить въ придачу второй? Относительно этого царь былъ однако совершенно другого мнѣнія. Предводители аѳинской партіи были изгнаны изъ Амфиполя, и городъ отнынѣ сталъ македонскимъ, хотя ему было оставлено самостоятельное управленіе и дарованы нѣкоторыя льготы, которыя должны были примирить его съ утратой такъ часто и горячо отстаивавшейся имъ свободы. Вскорѣ послѣ того завоевана и возвращена была Македоніи и Пидна, уже принадлежавшая ей раньше до занятія ея аѳинянами. Такимъ образомъ Филиппъ завладѣлъ обоими этими городами, весьма важными въ стратегическомъ отношеніи: одинъ изъ нихъ открывалъ дорогу во Ѳракію, другой въ Ѳессалію; оба они сверхъ того открывали царю доступъ къ морю.

Но особенную цѣнность занятію Амфиполя придало то, что вскорѣ послѣ его завоеванія къ Филиппу обратился за помощью тѣснимый ѳракійцами городокъ Кренидъ, основанный ѳазосцами. Филиппъ дѣйствительно оказалъ Крениду помощь, заселилъ его новыми колонистами, и городокъ по имени своего новаго основателя названъ былъ Филиппами. Этотъ новый городъ, быстро развившійся и нашедшій въ македонскомъ государствѣ могущественную защиту противъ своихъ варварскихъ сосѣдей, съ своей стороны представлялъ удобный пунктъ опоры для господства надъ изобилующими благородными металлами горами Пангея и богатой дорогимъ деревомъ равниной Датоса; одновременно съ Кренидомъ Филиппъ завладѣлъ и всей близлежащей областью. Подвергшіеся правильной обработкѣ пангейскіе золотые рудники доставляли ему, какъ передаютъ, ежегодно 1000 талантовъ. И если Амфиполь съ устьемъ Стримона представлялъ удобный берегъ для отправки въ море кораблей, то Датосъ доставлялъ необходимыя для кораблестроенія дерево и смолу.

Только теперь аѳиняне замѣтили свою оплошность: вмѣсто того, чтобы дѣйствовать самимъ, они думали загребать жаръ чужими руками и теперь выражали свой гнѣвъ въ постановленіяхъ народнаго собранія; союзъ между ними и Филиппомъ былъ конечно расторгнутъ. Но у аѳинянъ не было въ данную минуту ни средствъ, ни силъ, чтобы успѣшно вести войну съ македонскимъ царемъ. Они должны были бороться съ отпавшими союзниками, Византіей, Хіосомъ, Косомъ и др., и направляли всѣ свои силы къ усмиренію этихъ послѣднихъ. Кромѣ того они должны были защищать отъ непрерывныхъ вторженій ѳракійскихъ князей ѳракійскій Херсонесъ, весьма важный по своему положенію, открывавшему господство надъ Чернымъ моремъ. И тѣ качества аѳинянъ, которыя уже такъ часто въ теченіе послѣднихъ лѣтъ пагубно отзывались на веденіи войны въ борьбѣ съ Котисомъ и сыномъ его Керсоблептомъ (см. выше, стр. 85) — инертность аѳинскихъ гражданъ и стремленіе ихъ къ роскоши, нерадивое отношеніе къ военной службѣ, борьба партій — все это съ новой силой проявилось теперь при объявленіи войны Филиппу.

Можно было бы думать, что при настоящемъ положеніи дѣлъ аѳиняне прежде всего постараются помириться съ Олинѳомъ и союзомъ халкидскихъ городовъ, чтобы пріобрѣсть опорный пунктъ въ непосредственной близости отъ Македоніи и, соединившись съ Олинѳомъ, побороть Филиппа; тѣмъ болѣе, что Олинѳъ при приближеніи Филиппа къ Амфиполю, посылалъ посольство въ Аѳины и сдѣлалъ попытки къ примиренію съ ними. Однако попытки эти тогда остались безплодными; и теперь, по объявленіи войны, аѳиняне также не искали себѣ союзниковъ противъ Македоніи на Халкидикѣ. Филиппъ, напротивъ того, вступилъ въ союзъ съ Олинѳомъ и союзомъ халкидскихъ городовъ: онъ уступилъ имъ македонскій городъ Антемъ и обѣщалъ отвоевать для нихъ лежащій близъ Олинѳа городъ Потидею, занятый аѳинянами подъ предводительствомъ Тимоѳея и представлявшій по своему географическому положенію ключъ къ полуострову

Паллене. Филиппъ выступилъ съ войскомъ противъ Потидеи и послѣ долгой осады взялъ городъ, такъ какъ посланный аѳинянами флотъ прибылъ слишкомъ поздно; онъ продалъ жителей его въ рабство, а поселившихся тамъ аѳинскихъ гражданъ безъ выкупа отпустилъ на свободу. Городъ былъ разрушенъ, а земли его отданы олинтійцамъ (356 г. до Р. Х.). Аѳиняне такимъ образомъ снова потеряли укрѣпленную позицію.

Вслѣдъ затѣмъ они заключили наконецъ союзъ съ Кетрипорисомъ, княземъ западной части Ѳракіи, враждовавшимъ съ Филиппомъ вслѣдствіе занятія послѣднимъ Кренида и сосѣдней съ нимъ области, и со старыми врагами Македоніи, князьями Пеоніи и Иллиріи, Грабомъ и Липпеемъ (356—355). Въ договорѣ этомъ Кетрипорису обѣщано было содѣйствіе въ отобраніи у македонскаго царя Кренида и „другихъ мѣстъ“; что же касается обѣщаній, сдѣланныхъ Грабу и Липпею, и того, что эти три союзника съ своей стороны обѣщали Аѳинамъ, то объ этомъ мы къ сожалѣнію ничего не знаемъ, такъ какъ та часть камня, на которомъ написанъ договоръ, не сохранилась. Союзъ этотъ могъ бы поставить Филиппа въ затруднительное положеніе, но прежде чѣмъ союзники успѣли вполнѣ вооружиться и приступить къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, они были побѣждены въ отдѣльности, такъ что не могло быть и рѣчи о серьезной опасности для Македоніи.

Аѳины одни не въ состояніи были бороться съ царемъ; какъ до сихъ поръ, такъ и впослѣдствіи въ дальнѣйшемъ теченіи войны противъ него, имъ не суждено было пожать лавры. Ибо въ сравненіи съ понесенными ими громадными потерями очень мало значенія имѣло то обстоятельство, что въ 353 г. аѳинскій полководецъ Харесъ нанесъ пораженіе отряду македонскихъ наемниковъ при Кипселѣ во Ѳракіи, и юный македонскій флотъ спасенъ былъ лишь хитростью, или то, что нѣкоторыя македонскія гавани повременамъ подвергались блокированію. Филиппъ, сопровождавшій ѳиванца Памменія въ походѣ противъ возставшаго у Геллеспонта сатрапа Аріобарзана, проникъ до Гебра и отнялъ у аѳинянъ на ѳракійскомъ берегу Абдеру и Маронею, принадлежавшія съ 375 г. къ аттическому морскому союзу; эти города остались въ рукахъ царя и послѣ побѣды Хареса. Однако Филиппъ повернулъ обратно, потому ли, что ѳракійскій князь Амадокъ не пропустилъ его черезъ свои владѣнія въ долинѣ Гебра, или же потому, что царь хотѣлъ избѣгнуть серьезнаго столкновенія съ Харесомъ; во всякомъ случаѣ аѳиняне на этотъ разъ были спасены отъ страха македонскаго вторженія въ ихъ владѣнія на ѳракійскомъ Херсонесѣ. Въ томъ же году аѳиняне потерпѣли однако другое пораженіе. Вернувшись изъ Ѳракіи, Филиппъ пошелъ на Метону, лежавшую къ сѣверу отъ Пидны и оставшуюся до того времени во владѣніи аѳинянъ; послѣ храброй обороны граждане сдали городъ, выговоривъ себѣ свободное отступленіе; городъ подвергся разграбленію и разрушенію — аѳинская помощь и здѣсь, какъ при Потидеѣ, пришла слишкомъ поздно. При осадѣ Метоны Филиппъ потерялъ правый глазъ.

Между тѣмъ царю представился случай вмѣшаться въ ѳессалійскія дѣла. Александръ Ферейскій долженъ былъ отказаться отъ господства надъ Ѳессаліей и находился во враждѣ не только съ Алевадами Ларисы, но и со своей страной. И послѣ его смерти въ 359 г. наслѣдники его Ликофронъ и Пейтолай не могли достичь того положенія, какое прежде занималъ Язонъ. Уже въ 361 г. ѳессалійцы, соединившись, заключили союзъ съ аѳинянами противъ Александра; но Аѳины не сдѣлали ничего, чтобы укрѣпить за собой господствующее вліяніе въ Ѳессаліи. Они и здѣсь упустили удобный случай и своей бездѣятельностью и недальновидностью дали Филиппу возможность стать господиномъ положенія.

Въ такъ называемой третьей священной войнѣ фокейцы въ борьбѣ съ амфиктіонами, а именно ѳиванцами и локрами, завладѣли Дельфій-

скимъ храмомъ и его сокровищами, собрали на награбленныя деньги наемное войско и благодаря этому сумѣли не только защититься отъ своихъ враговъ, но и вмѣшаться въ дѣла другихъ государствъ; съ ними соединились ферейскіе династы; Алевады же и ѳессалійскій союзъ призвали Филиппа. Царь немедленно выступилъ въ Ѳессалію, сталъ во главѣ ѳессалійскаго союзнаго войска, разбилъ фокейскаго полководца Фаилла и занялъ гавань Феръ Пагасы. На помощь фокейцамъ двинулся Ономархъ, одержавшій побѣду надъ Филиппомъ въ двухъ битвахъ и заставившій его отступить; но царь не испугался этой неудачи. Слѣдующей весной (352 г. до Р. Х.) онъ снова вступилъ въ Ѳессалію, и на этотъ разъ ему удалось завлечь Ономарха на поле, весьма благопріятное для развертыванія македонской и ѳессалійской конницы, и разбить его на голову, прежде чѣмъ онъ успѣлъ соединиться съ ферейскими войсками. Фокейскій полководецъ и 600 наемниковъ остались на полѣ битвы, а 3000 плѣнныхъ, какъ бы въ наказаніе за ограбленіе храма, брошены были въ море. Лишь небольшому числу, съ Фаилломъ во главѣ, удалось спастись и уйти къ Ѳермопиламъ, гдѣ къ нимъ примкнули отряды дружественныхъ государствъ, — спартанцы и аѳиняне. Филиппъ двинулся черезъ Ѳессалію къ Ѳермопиламъ, но, найдя ущелье занятымъ, отступилъ. Насколько онъ былъ далекъ отъ желанія ставить на карту пріобрѣтенныя въ Ѳессаліи выгоды, въ борьбѣ за трудно доступный проходъ Ѳермопилы, настолько велика была радость въ Аѳинахъ, когда тамъ стало извѣстно, что Филиппъ не идетъ въ среднюю Грецію. Отступленіе Филиппа приписано было высылкѣ аѳинскаго войска подъ предводительствомъ Наузикла. Слѣдствіемъ побѣды надъ Ономархомъ была капитуляція Феръ и изгнаніе оттуда тиранновъ — успѣхъ, надолго сдѣлавшій ѳессалійцевъ союзниками Филиппа. Филиппъ сталъ предводителемъ союзнаго войска ѳессалійцевъ, на содержаніе котораго ему назначены были пошлинные доходы изъ нѣсколькихъ гаваней; такъ Филиппъ достигъ того, къ чему тщетно стремился старшій братъ его, Александръ.

Между тѣмъ дѣла во Ѳракіи приняли такой оборотъ, что Филиппъ и тутъ счелъ возможнымъ вмѣшаться. Выше было уже разсказано, какихъ трудовъ и усилій аѳинянамъ стоило удержать за собой Ѳракійскій Херсонесъ, старое аѳинское владѣніе, противъ нападеній ѳракійскихъ князей Котиса и Керсоблепта (см. выше, стр. 85 и 95). Больше десяти лѣтъ они вели здѣсь войну противъ ѳракійцевъ, не выставляя достаточнаго войска, а потому и безъ настоящаго успѣха; Аѳины не въ состояніи были надолго усмирить своихъ безпокойныхъ и жадныхъ къ завоеваніямъ сосѣдей, чтобы спокойно пользоваться своими владѣніями. Обстоятельства, казалось, должны были измѣниться, когда въ 353 г. до Р. Х. Керсоблептъ заключилъ съ Аѳинами миръ и, освободивъ занятые имъ города, предоставилъ аѳинянамъ Херсонесъ. Однако это примиреніе старыхъ противниковъ вызвало опасенія со стороны греческихъ городовъ Византіи и Перинѳа, отвоевавшихъ себѣ независимость въ союзной войнѣ, выступившихъ изъ аттическаго союза и жившихъ въ мирѣ, но не въ особенной дружбѣ, съ Аѳинами; оба эти города уже неоднократно подвергались нападеніямъ со стороны Котиса и Керсоблепта. Эти опасенія дѣлилъ съ ними вышеупомянутый ѳракійскій князь Амадокъ, жившій въ долинѣ Гебра. Амадокъ вмѣстѣ съ Византіей и Перинѳомъ постарался примкнуть къ Филиппу и заключилъ съ нимъ союзъ, направленный противъ Керсоблепта, а косвенно слѣдовательно и противъ Аѳинъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того Филиппъ проникъ во Ѳракію до Пропонтиды, гдѣ лежало царство Керсоблепта: здѣсь онъ осадилъ Гереонтейхъ, главную крѣпость ѳракійскаго князя. Въ Аѳинахъ вѣсть объ этомъ вызвала большое волненіе; рѣшено было вооружить большой флотъ. Но какъ раньше, такъ и теперь, несмотря на принятое рѣшеніе и добрыя намѣренія, не сдѣлано было ничего серьезнаго. Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ море отправлены были десять судовъ, Кер-

соблептъ былъ уже разбитъ и вынужденъ былъ уступить союзникамъ нѣкоторыя области и выдать своего сына заложникомъ. Прослужившій у него долгое время греческій предводитель наемниковъ Харидемъ долженъ былъ покинуть Ѳракію и поступить на службу къ аѳинянамъ. Въ этомъ же походѣ былъ низвергнутъ Кетрипорисъ, князь непосредственно прилегающей къ Македоніи части Ѳракіи, еще незадолго передъ тѣмъ, въ 356 г., пытавшійся въ союзѣ съ Аѳинами и князьями Грабомъ и Липпеемъ (см. выше, стр. 96) разбить Филиппа; государство его было присоединено къ Македоніи, границы которой простирались такимъ образомъ уже до рѣки Неста.

Продолжительная война принесла Филиппу громадныя выгоды; вся страна отъ Ѳермопилъ до Пропонтиды находилась подъ его вліяніемъ, и послѣднему большому владѣнію аѳинянъ, Ѳракійскому Херсонесу, грозила непосредственная опасность.

Но еще до окончанія этой войны передъ Филиппомъ встала серьезная опасность. Еще въ 352 г., во время пребыванія его въ Ѳессаліи, Олинѳъ заключилъ миръ со своимъ старымъ противникомъ Аѳинами, миръ въ противность договору, который онъ раньше заключилъ съ Филиппомъ, и согласно которому обѣ стороны обязывались совмѣстно вести войну и съ обоюднаго же соглашенія заключать миръ со своими врагами. Въ Олинѳѣ въ это время происходила сильная борьба партій: противъ македонскихъ приверженцевъ выступила оппозиція, искавшая сближенія съ Аѳинами, и заключеніе вышеупомянутаго мира было результатомъ побѣды этой партіи. Кромѣ того не подлежитъ сомнѣнію, что аѳиняне стремились поссорить олинѳійцевъ съ Филиппомъ и употребляли всѣ доступныя имъ средства, чтобы расположить ихъ въ свою пользу. Однако въ началѣ между ними состоялся лишь миръ; до заключенія союза дѣло еще не дошло.

Филиппъ приступилъ къ первымъ военнымъ дѣйствіямъ лишь послѣ того, какъ Олинѳъ принялъ въ свои стѣны его единокровнаго брата, стремившагося завладѣть македонской короной, и не согласился выдать его по требованію царя. Онъ двинулся съ войскомъ въ Халкидику, и тогда-то Олинѳъ заключилъ союзъ съ Аѳинами (349 г. до Р. X.). Здѣсь Демосѳенъ произнесъ свою первую рѣчь противъ Филиппа; своими олинѳскими рѣчами онъ будилъ совѣсть своихъ согражданъ, ибо ихъ легкомысліе и медлительность въ значительной мѣрѣ способствовали успѣхамъ Филиппа. Однако ему не удалось поднять духъ аѳинянъ на желаемую высоту и подвигнуть ихъ къ тѣмъ крайнимъ усиліямъ, которыя онъ считалъ необходимыми для достиженія успѣха. Правда, въ Олинѳъ немедленно былъ отправленъ Харесъ съ 30 тріерами и 2000 пелтастовъ, и туда же отплыли затѣмъ еще 18 кораблей съ 4000 наемниковъ и 150 всадниками подъ предводительствомъ Харидема; но гоплиты остались дома. Наконецъ, когда Филиппъ, покоривъ одинъ за другимъ нѣсколько халкидскихъ городовъ, несмотря на первоначальные успѣхи Харидема, подошелъ къ Олинѳу, и Олинѳъ настоятельно потребовалъ помощи, посланы были 2000 гоплитовъ съ 300 всадниками. Но они пришли слишкомъ поздно. Олинѳъ между тѣмъ палъ. Городъ былъ разрушенъ, а владѣнія его отданы македонянамъ (лѣтомъ 348 г. до Р. X.)

Паденіе Олинѳа вызвало въ Аѳинахъ всеобщую панику. Десятилѣтняя война съ Филиппомъ приносила аѳинянамъ пораженіе за пораженіемъ; они потеряли свои владѣнія въ Халкидикѣ и на македонскомъ берегу и не могли болѣе расчитывать на возвращеніе нѣкогда принадлежавшаго имъ Амфиполя. Не оставалось болѣе и надежды отстоять противъ царя Олинѳъ, чтобы по крайней мѣрѣ здѣсь имѣть надежную точку опоры и отсюда современемъ снова пріобрѣсть вліяніе въ Халкидикѣ. Имъ грозила опасность потерять и Херсонесъ, и старыя владѣнія Имбросъ, Лемносъ и Скиросъ. Къ тому же на веденіе войны затрачены были значительныя денежныя средства (Демосѳенъ и Эсхинъ указываютъ цифру 1500 талантовъ),

и аѳинскіе финансы были почти истощены, тѣмъ болѣе, что послѣ союзной войны взносы, получаемые съ союзныхъ государствъ, сильно уменьшились, и наоборотъ увеличилось число лицъ, получавшихъ въ той или иной формѣ пособіе отъ казны. Надежды на какую-либо помощь извнѣ также не могло быть съ тѣхъ поръ, какъ ни одно изъ греческихъ государствъ не откликнулось на воззваніе аѳинянъ вооружиться для общей войны съ Филиппомъ. Весьма понятно поэтому, что аѳиняне были теперь очень склонны къ заключенію мира.

Одно, крайне незначительное само по себѣ, обстоятельство вызвало перемѣну въ настроеніи аѳинянъ въ пользу Филиппа. Попавшій во время олимпійскаго священнаго мира въ руки македонскихъ каперовъ аѳинскій гражданинъ Фринонъ изъ Рамнунта далъ за себя выкупъ и, вернувшись на родину, просилъ своихъ согражданъ дать ему посла къ Филиппу, чтобы попытаться, если возможно, получить выкупъ обратно. Аѳиняне согласились; Ктезифонъ отправился съ нимъ въ Македонію. Филиппъ благосклонно принялъ обоихъ, возвратилъ выкупъ и просилъ передать аѳинянамъ, что онъ неохотно ведетъ съ ними войну и очень желалъ бы примиренія. Когда пришла эта вѣсть, аѳиняне по предложенію Филократа отмѣнили постановленное послѣ паденія Амфиполя народнымъ собраніемъ запрещеніе принимать отъ Филиппа герольдовъ и пословъ съ предложеніями мира. Это благопріятное для Филиппа настроеніе еще усилилось послѣ того, какъ онъ безъ выкупа отпустилъ на свободу двухъ попавшихъ къ нему въ плѣнъ аѳинскихъ гражданъ; оба они по возвращеніи въ Аѳины съ большой похвалой отзывались о дружескомъ обращеніи съ ними царя и его склонности къ миру.

Въ Аѳинахъ рѣшено было послать къ Филиппу посольство, чтобы начать переговоры о мирѣ. Установленныя въ Македоніи условія мира по возвращеніи аѳинскихъ пословъ на родину и послѣдовавшемъ вскорѣ послѣ того прибытіи двухъ представителей Филиппа предложены были на обсужденіе народнаго собранія и послѣ горячихъ споровъ приняты. Главнымъ пунктомъ этого, такъ называемаго Филократова, мира было признаніе за обѣими сторонами ихъ настоящихъ владѣній: аѳиняне должны были отказаться отъ Амфиполя, Потидеи и другихъ ранѣе принадлежавшихъ имъ городовъ на халкидскомъ и македонскомъ берегу; но зато за ними признанъ былъ Ѳракійскій Херсонесъ. По второму параграфу мирный договоръ распространялся и на союзниковъ обѣихъ сторонъ. Подъ „союзниками" Филиппъ понималъ однако лишь участниковъ аттическаго союза, между тѣмъ какъ аѳиняне склонны были включить въ ихъ число и фокейцевъ, и Керсоблепта. Это сильно мѣняло все дѣло, ибо въ моментъ заключенія договора царь находился во Ѳракіи, въ войнѣ съ Керсоблептомъ, и получилъ приглашеніе отъ ѳиванцевъ оказать имъ помощь противъ фокейцевъ — моментъ, какъ нельзя болѣе благопріятный для вмѣшательства въ греческія дѣла и распространенія македонскаго вліянія и по ту сторону Ѳермопилъ. Такъ какъ представители Филиппа энергично отказывались включить фокейцевъ и Керсоблепта въ число союзниковъ, то по настоянію Демосѳена они остались не упомянутыми въ текстѣ мирнаго договора, и подъ „союзниками" подразумѣвались лишь, какъ того хотѣлъ Филиппъ, государства, имѣвшія представителей въ синедріонѣ. Такъ былъ заключенъ союзъ, и договоръ былъ подтвержденъ присягой въ Аѳинахъ.

Съ своей стороны и Филиппъ долженъ былъ принести клятву, и съ этою цѣлью къ нему отправлено было затѣмъ новое посольство, въ которомъ приняли участіе между прочимъ Демосѳенъ и Эсхинъ. По настоянію Демосѳена совѣтъ приказалъ посольству немедленно же кратчайшимъ путемъ поспѣшить къ Филиппу — ораторъ надѣялся, что Филиппъ по принесеніи клятвы прекратитъ враждебныя дѣйствія во Ѳракіи. Демосѳенъ думалъ очевидно личными переговорами съ царемъ добиться включенія Керсо-

блента въ договоръ и отвратить отъ фокейцевъ грозившую имъ опасность. Но посольству пришлось ждать Филиппа въ Пеллѣ; и когда наконецъ онъ выслушалъ аѳинскихъ пословъ, онъ категорически заявилъ, что не желаетъ и не можетъ отказаться ни отъ ѳракійскихъ завоеваній, ни отъ предстоящей борьбы съ фокейцами. Онъ открыто (и другія греческія государства, кромѣ Аѳинъ, прислали въ Пеллу своихъ пословъ) сталъ готовиться къ этой войнѣ. Такимъ образомъ, если Демосѳенъ расчитывалъ личными переговорами измѣнить условія мира, то онъ ошибся; если же онъ позднѣе въ своихъ рѣчахъ, снимая съ себя отвѣтственность за эту неудачу, возлагалъ ее на другихъ аѳинскихъ пословъ и на коварство Филиппа, то это объясняется конечно человѣческой слабостью. Уже во время самаго похода въ Фокею Филиппъ ратификовалъ мирный договоръ на тѣхъ именно условіяхъ, какія установлены были въ Аѳинахъ.

Теперь македонскому царю суждено было добиться того, что уже давно составляло предметъ его желаній: ему предстояло положить начало своему вліянію въ Греціи. При вступленіи его въ Ѳермопилы фокейскій полководецъ Фалекъ съ 8000 наемниковъ положилъ оружіе — Фокея была въ рукахъ Филиппа. Онъ предложилъ аѳинянамъ прислать ему свое войско для совмѣстнаго упорядоченія фокейскихъ дѣлъ, но предложеніе это было отклонено: въ Аѳинахъ уже снова успѣла произойти перемѣна въ настроеніи, и господствующимъ вліяніемъ пользовались теперь непримиримые враги Филиппа, главнымъ образомъ Демосѳенъ и Гегезиппъ. Аѳиняне вынуждены были спокойно смотрѣть на то, что происходило, не имѣя силъ воспрепятствовать Филиппу и не имѣя съ другой стороны рѣшимости соединиться съ нимъ для совмѣстной дѣятельности въ Греціи. Созванный Филиппомъ амфиктіоновъ судъ передалъ ему оба голоса фокейцевъ и гегемонію и порѣшилъ разрушить всѣ фокейскіе города, а жителей ихъ разселить по деревнямъ: наказаніе, которое они вполнѣ заслужили оскверненіемъ и разграбленіемъ дельфійскаго храма и цѣлымъ рядомъ жестокостей, совершенныхъ ими въ теченіе десятилѣтней войны. Въ дружбѣ съ Ѳивами и владѣя Ѳермопильскимъ проходомъ, Филиппъ во всякое время могъ теперь вступить въ Грецію, тѣмъ болѣе что рѣшеніе амфиктіонова суда дозволяло ему въ любой моментъ вмѣшаться въ греческія дѣла.

Всѣмъ этимъ былъ сдѣланъ важный шагъ по пути къ объединенію истощенной непрерывными войнами и разрываемой племенной и партійной борьбой Греціи подъ главенствомъ Македоніи. Въ продолженіе этой двѣнадцатилѣтней войны Филиппъ не только завоевалъ своей странѣ независимость по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ, но и ввелъ Македонію, какъ равную по силѣ державу, въ систему государствъ того времени и создалъ ей господствующее положеніе по отношенію къ соплеменнымъ эллинамъ. О завоеваніи Греціи, какъ это утверждали противники Филиппа, онъ въ дѣйствительности не думалъ; онъ добивался лишь македонской гегемоніи.

Между тѣмъ въ Аѳинахъ со времени Филократова мира росло недовольство противъ господствующей системы правленія; всѣмъ стало ясно, что этотъ миръ принесъ аѳинянамъ лишь позоръ. Оппозиція указывала на славное прошлое Аѳинъ, сравнивала его съ настоящимъ и не переставала напоминать гражданамъ, что имъ, а не „варвару" (такъ радикальные ораторы называли Филиппа) по праву принадлежала гегемонія надъ Греціей. Стремленіямъ македонянина Филиппа противопоставлялась національная точка зрѣнія. И дѣйствительно, совершенно естественно, что народъ, имѣющій за собой богатое прошлое, готовъ пожертвовать всѣмъ для удержанія своего господства и не отдастъ его безъ борьбы въ чужіе руки. Правда, до сихъ поръ аѳиняне выказывали лишь слабость именно тамъ, гдѣ слѣдовало проявить силу. Но теперь они еще разъ собрались съ силами.

Этотъ подъемъ духа былъ дѣломъ великаго Демосѳена. Демосѳенъ и его приверженцы уже давно надѣялись вызвать войну, но не аѳинскую, а общую эллинскую войну. Онъ и другіе ораторы его партіи неоднократно ѣздили въ Пелопоннесъ, Эвбею и другія части Греціи, чтобы тамъ добиться союза съ Аѳинами. Дѣло въ томъ, что безпрестанно воевавшія со Спартой многія государства Пелопоннеса (Мегалополь, Элида, Мессена), какъ и многіе города Эвбеи, отпавшіе отъ Аѳинъ въ 348 г. послѣ того, какъ Аѳины оказали поддержку тиранну Эретріи Плутарху, сами отдались Филиппу. Демосѳенъ же поставилъ себѣ теперь задачей возвратить Аѳинамъ перешедшія на македонскую сторону государства; здѣсь, какъ и въ другихъ государствахъ, должно было быть уничтожено македонское вліяніе и вновь утверждено аѳинское. Неутомимой дѣятельности Демосѳена аѳиняне обязаны тѣмъ, что уже черезъ четыре года послѣ Филократова мира имъ удалось заключить союзъ съ мессенянами, аргивянами, мегалополитами, ахейцами и другими государствами (342 г. до Р. Х.); къ этому союзу вскорѣ примкнули Эвбея, Мегара, Коринѳъ, и др.

Само собой разумѣется, что все это не оставалось тайной для царя. Въ 344 г. до Р. Х. онъ покорилъ дардановъ и иллирійцевъ, этихъ вѣчно безпокойныхъ сосѣдей своего государства, и снова укрѣпилъ противъ нихъ границы. Затѣмъ, въ 343 г., онъ предпринялъ походъ въ Эпиръ съ цѣлью лишить престола царя молоссовъ Арибанта и посадить на его мѣсто своего зятя Александра, брата своей жены Олимпіи; онъ покорилъ при этомъ прилегающую къ странѣ молоссовъ съ юга Коссопію, но дальше не пошелъ, какъ передаютъ, потому, что аѳиняне послали войска въ Акарнанію. Достовѣрно извѣстно, что Арибантъ нашелъ въ Аѳинахъ радушный пріемъ, и охраненіе личной его безопасности было возложено на совѣтъ и на стратеговъ; своего первоначальнаго намѣренія снабдить его войскомъ и возстановить на престолѣ аѳиняне не привели, однако, въ исполненіе; Филиппъ врядъ ли допустилъ бы это, несмотря на свою крайнюю предупредительность по отношенію къ Аѳинамъ. Въ томъ же году онъ послалъ въ Аѳины Пиѳона для переговоровъ объ измѣненіи условій Филократова мира. Аѳиняне потребовали, чтобы за каждой стороной признаны были принадлежащія ей по праву владѣнія, а не тѣ лишь земли, которыми она владѣетъ въ данный моментъ; другими словами, они требовали признанія своихъ старыхъ притязаній на Амфиполь, Потидею и другія ѳракійскія и халкидскія владѣнія. Само собой разумѣется, что Филиппъ не согласился и не могъ согласиться на это требованіе. И въ слѣдующемъ году онъ снова предложилъ аѳинянамъ измѣнить условія мира. На этотъ разъ онъ призналъ свободу и независимость за не вошедшими въ первый договоръ греческими государствами и выказалъ готовность подвергнуть третейскому суду спорные пункты; но Аѳины отвѣтили прежнимъ требованіемъ, чтобы каждый владѣлъ тѣмъ, что ему принадлежитъ по праву. При такихъ обстоятельствахъ трудно было избѣжать открытаго разрыва съ Филиппомъ, и дѣйствительно аѳиняне вскорѣ добились его.

Они послали подъ предводительствомъ Діопиѳа новыхъ клеруховъ въ признанный за ними по Филократову миру Ѳракійскій Херсонесъ; клерухи потребовали отъ жителей Кардіи, чтобы они впустили ихъ въ свой городъ, хотя по мирному договору 346 г. за Кардіей признана была независимость. Діопиѳъ нанялъ наемниковъ и приступилъ къ осадѣ Кардіи, которая обратилась за помощью къ Филиппу, какъ къ союзнику, и дѣйствительно получила отъ него гарнизонъ. Послѣ этого Діопиѳъ вторгнулся въ ѳракійскія владѣнія царя и обратилъ плѣнныхъ въ рабство. Филиппъ потребовалъ отъ Аѳинъ удовлетворенія въ видѣ отозванія Діопиѳа. Однако это не было сдѣлано; наоборотъ, Діопиѳъ получилъ подкрѣпленіе деньгами и другими военными припасами. Это было равносильно объявленію войны; однако начало ея послѣдовало лишь значительно позже.

Филиппъ между тѣмъ находился во Θракіи, куда онъ выступилъ въ 342 г. до Р. Х. съ большимъ войскомъ. Онъ думалъ положить конецъ проискамъ воинственнаго князя Керсоблепта, у котораго онъ уже ранѣе отнялъ нѣкоторыя крѣпости, какъ напримѣръ въ 345 г. до Р. Х. Дорискъ и Серрейонъ. Несмотря на это, θракійскій князь продолжалъ опустошать области сосѣднихъ съ Θракіей греческихъ городовъ. Филиппъ выступилъ здѣсь какъ защитникъ и покровитель греческихъ городовъ, изъ коихъ Кардія, Византія и Перинθъ были его союзниками. А такъ какъ Керсоблептъ состоялъ въ союзѣ съ Аθинами, а Аθины, подстрекаемыя все болѣе и болѣе усиливавшейся партіей войны, казалось, желали выступить съ враждебными дѣйствіями противъ Филиппа, то возможно, что Филиппу желательно было имѣть поводъ къ серьезному нападенію на Θракію. Разбитый въ нѣсколькихъ битвахъ, Керсоблептъ низвергнутъ былъ съ престола, а владѣнія его сдѣланы македонской провинціей. Тогда же по всей вѣроятности лишенъ былъ престола и Тересъ, сынъ вышеупомянутаго князя Амадока. Основаніе нѣсколькихъ городовъ и между ними Филиппополя, сохранившаго до настоящаго времени имя своего основателя, показываетъ, что Филиппъ стремился распространить культуру и въ отдаленнѣйшія области Θракіи и хотѣлъ окончательно присоединить къ Македоніи плодородную долину Гебра.

Однако эта война вовлекла Филиппа въ борьбу съ Византіей и Перинθомъ, которыя, состоя съ нимъ въ союзѣ, отказались оказать ему помощь въ θракійской войнѣ. Оба города подверглись осадѣ. Однако, будучи расположены на берегу моря, откуда они получали подвозъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, и дѣятельно поддерживаемые, Перинθъ персидскимъ сатрапомъ противоположнаго морского берега, Византія Аθинами и другими греческими приморскими городами, — оба они выдержали осаду, тѣмъ болѣе, что македонскій флотъ не могъ вести блокаду противъ значительно превосходившей его морской силы непріятеля.

Филиппъ предпринялъ затѣмъ походъ на сѣверъ для борьбы со скиθами. Онъ не думалъ конечно о полномъ покореніи ихъ и присоединеніи ихъ владѣній, но хотѣлъ лишь показать имъ свою силу, чтобы прекратить ихъ частые грабежи. Скиθскій царь Атей былъ разбитъ, но взятая македонянами громадная добыча большею частью была потеряна по пути на родину, такъ какъ македонянамъ приходилось отбиваться отъ нападеній трибалловъ. Наконецъ, въ 339 г. Филиппъ послѣ трехлѣтняго отсутствія вернулся въ Македонію.

Отказъ геллеспонтскихъ приморскихъ городовъ Византіи и Перинθа оказать содѣйствіе Филиппу и вызванная этимъ отказомъ война привели между тѣмъ къ объявленію войны Македоніи со стороны Аθинъ. Такъ какъ Филиппу для осады нуженъ былъ флотъ, которому при проѣздѣ черезъ Геллеспонтъ угрожала опасность быть задержаннымъ все еще находившимся въ Херсонесѣ аθинскимъ полководцемъ Діопиθомъ, то царь пошелъ въ Херсонесъ, чтобы провести свои корабли, сдѣлавъ слѣдовательно только то, что уже раньше было сдѣлано Діопиθомъ. Это послужило аθинянамъ поводомъ къ объявленію Филиппу войны (340). Благодаря удачнымъ финансовымъ мѣрамъ они собрали необходимыя для войны деньги, энергично принялись за снаряженіе флота и послали помощь осажденной Византіи. И если тѣмъ не менѣе царь, несмотря на это, предпринялъ сперва походъ противъ скиθовъ, то очевидно онъ придавалъ больше значенія укрѣпленію за собой завоеванной имъ Θракіи, чѣмъ борьбѣ съ Аθинами.

По возвращеніи въ Македонію Филиппъ вызванъ былъ въ Элладу. Амфиктіоновъ судъ возбудилъ обвиненіе въ тяжеломъ святотатствѣ противъ локрійскаго города Амфиссы. Но приговоръ суда не могъ быть приведенъ въ исполненіе, такъ какъ θиванцы и аθиняне не послали туда своихъ отрядовъ; тогда амфиктіоны рѣшили поручить веденіе войны царю Филиппу.

Онъ немедленно вошелъ черезъ занятыя имъ Ѳермопилы въ Фокею и взялъ Элатею (осенью 339 г.). Враждовавшіе между собой ѳиванцы и аѳиняне, примиренія которыхъ долгое время тщетно добивались такіе люди, какъ Демосѳенъ, стремившіеся къ войнѣ съ Филиппомъ и думавшіе воспользоваться прославленной храбростью беотійцевъ, теперь примирились. Благодаря этому силы Аѳинъ значительно увеличились; изъ остальныхъ ихъ союзниковъ въ походъ выступили эвбейцы, мегаряне, коринѳяне и ахейцы, и только Элида, Мегалополь и Мессена не приняли участія въ войнѣ. Филиппъ еще разъ протянулъ аѳинянамъ руку примиренія; къ сожалѣнію неизвѣстно, какія условія онъ предложилъ на этотъ разъ. Но напрасно! Партія войны одержала верхъ. Началась борьба. Выставленное союзниками на защиту Амфиссы войско было на-голову разбито. и городъ взятъ; и стоявшее у Херонеи, при входѣ въ Беотію, главное войско послѣ храбраго сопротивленія также должно было уступить опытному и искусно предводимому македонскому войску. Потери съ обѣихъ сторонъ были велики; аѳиняне потеряли убитыми 1000 человѣкъ, и 2000 попали въ плѣнъ (въ августѣ 338 г. до Р. X.). Эта битва рѣшила исходъ войны. Ѳивы сдались и приняли македонскій гарнизонъ въ кадмейскую крѣпость; единство Беотіи подъ гегемоніей Ѳивъ было разрушено и за беотійскими городами признана независимость. Македонскіе гарнизоны водворены были и въ Коринѳѣ, и по всей вѣроятности и въ Халкидѣ на Эвбеѣ. Само собой разумѣется, что здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, предводители антимакедонскихъ партій были изгнаны и къ кормилу правленія призваны были приверженцы Филиппа; въ Элладѣ изстари такъ велось, что партія побѣдителей изгоняла побѣжденныхъ. Филиппъ и въ этомъ случаѣ выказалъ большую благосклонность по отношенію къ Аѳинамъ. Они сохранили свою самостоятельность и всю принадлежавщую имъ область, получили даже обратно отъ ѳиванцевъ Оропъ и не должны были принять въ свои стѣны македонскій гарнизонъ. Но конечно кромѣ потерянныхъ уже ранѣе на ѳракійскомъ и халкидскомъ берегу владѣній они теперь, по заключеніи мира, должны были уступить и Ѳракійскій Херсонесъ; за ними остались лишь Имбросъ, Лемносъ, Скиросъ, Самосъ, Саламинъ и Лесбосъ.

Предпринявъ затѣмъ походъ въ Пелопоннесъ, Филиппъ проникъ въ Лаконію, гдѣ не могъ однако взять хорошо защищенную Спарту, и направился затѣмъ въ Коринѳъ, гдѣ собрались послы всѣхъ греческихъ государствъ. Споръ спартанцевъ съ аргивянами, мегаполитянами, тегеатидянами и мессенянами закончился тѣмъ, что Спарта уступила имъ нѣкоторыя области. Но походъ этотъ имѣлъ и болѣе важныя послѣдствія. Между эллинами и Филиппомъ заключенъ былъ союзъ, получившій, по мѣсту постоянныхъ собраній участниковъ его, названіе Коринѳскаго союза. Всѣ греческія государства къ югу отъ Ѳермопилъ, за исключеніемъ Спарты, не заключившей мира съ Филиппомъ, стали посылать черезъ установленные промежутки времени своихъ представителей въ Коринѳъ; они составляли союзный судъ, имѣвшій цѣлью улаживать споры и слѣдить за правильнымъ исполненіемъ условій мира — въ странѣ долженъ былъ быть установленъ вѣчный миръ и уничтожены постоянныя распри. За греческими государствами обезпечены были какъ ихъ самостоятельность, такъ и самоуправленіе и тѣ владѣнія, которыя находились въ ихъ рукахъ во время заключенія мира. Важно было еще то, что ни одно государство не имѣло болѣе права поддерживать деньгами или оружіемъ нападенія, предпринимаемыя изгнанниками на родной городъ. Полководцемъ союзнаго войска назначенъ былъ царь Македоніи; ему автономныя эллинскія государства не должны были платить дань, но обязывались въ случаѣ войны выставлять войско. Искусно поддерживая уже ранѣе зародивщуюся и популярную въ Греціи мысль, Филиппъ старался побудить грековъ къ общей войнѣ всѣхъ эллиновъ противъ непримиримаго ихъ

врага, — персовъ; всѣ союзники изъявили готовность принять участіе въ этой войнѣ. Общая война должна была сблизить грековъ другъ съ другомъ, заставить ихъ забыть взаимную вражду и несогласія, дать имъ цѣль, къ которой они могли бы стремиться общими силами и, что было не менѣе важно, примирить ихъ съ господствомъ Филиппа и пріучить къ македонской гегемоніи. Въ этомъ союзѣ несомнѣнно были заложены сѣмена, которыя должны были въ будущемъ принести хорошіе плоды.

Возвратившись въ Македонію, Филиппъ немедленно приступилъ къ приготовленіямъ къ войнѣ съ Персіей. Весной 336 г. въ Азію отправлено было войско подъ предводительствомъ Парменіона, за которымъ вскорѣ долженъ былъ послѣдовать и самъ царь. Но, прежде чѣмъ планъ этотъ приведенъ былъ въ исполненіе, Филиппъ палъ отъ руки одного изъ своихъ тѣлохранителей, Павзанія, на свадьбѣ своей дочери Клеопатры съ царемъ молоссовъ Александромъ (лѣтомъ 336 г. до Р. Х.).

Результаты дѣятельности Филиппа были поистинѣ грандіозны. Какъ измѣнилось положеніе Македоніи со времени его вступленія на престолъ! Морской берегъ былъ ей теперь открытъ, и ничто не препятствовало болѣе свободному вывозу произведеній страны; само собой разумѣется—это подняло благосостояніе всей страны и содѣйствовало распространенію культуры. Филиппъ основалъ много новыхъ городовъ; въ горахъ Пангея и во Ѳракіи онъ положилъ начало многимъ колоніямъ, и въ самой Македоніи поселилъ грековъ, а завоеванную имъ область Халкидики раздѣлилъ между македонянами. Повсюду мы встрѣчаемся съ его неутомимымъ стремленіемъ къ поднятію благосостоянія страны и сліянію ея разноплеменныхъ обитателей. Ему же страна обязана своимъ флотомъ. Но прежде всего Македонія обязана царю Филиппу своимъ прославленнымъ войскомъ. Правда, уже Архелай сдѣлалъ первые шаги на пути къ образованію на ряду съ конницей и хорошо обученной пѣхоты; но послѣдовавшія за его правленіемъ времена не благопріятствовали дальнѣйшему выполненію этой задачи. Филиппъ первый создалъ пѣхоту, не уступавшую по своему значенію конницѣ; онъ ввелъ правильные наборы рекрутъ (въ Македоніи изстари существовала общая воинская повинность), которые до него производились только въ случаяхъ нужды и крайней опасности. Набранные рекруты подвергались правильному обученію, получали хорошее вооруженіе и, смотря по способностямъ, распредѣлялись по разнымъ полкамъ, коихъ было шесть въ тяжелой и неопредѣленное число въ легкой пѣхотѣ. Неустанными упражненіями и многочисленными войнами ему удалось создать армію, не имѣвшую себѣ равной. Македонская фаланга со своими длинными копьями, страшная въ аттакѣ, непобѣдимая и непроницаемая, возбуждала удивленіе всего древняго міра; несмотря на свою тяжесть, она маневрировала легко и точно, быстро мѣняла положеніе и легко переходила изъ одного строя въ другой. Кромѣ фаланги и легкой пѣхоты, вооруженной лишь шлемомъ, мечомъ и маленькимъ щитомъ, армія Филиппа главнымъ образомъ состояла изъ конницы, набиравшейся изъ македонской знати, и, выражаясь современнымъ языкомъ, изъ артиллеріи съ ея таранами, метательными машинами и необходимымъ для этого персоналомъ. Дворянство доставляло такимъ образомъ конницу, крестьяне и граждане — пѣхоту; конница и пѣхота вмѣстѣ составляли войсковое собраніе, имѣвшее право суда въ уголовныхъ дѣлахъ.

Упомянемъ еще объ одной важной заслугѣ царя передъ страной: ему Македонія обязана своимъ политическимъ единствомъ. До него существовали еще отдѣльныя княжества Линкестида, Элимея и Орестида, хотя и признававшія своей главой царскій домъ Аргеадовъ, но нерѣдко съ нимъ и боровшіяся. Филиппъ низвергъ эти княжескія династіи и члены ихъ отнынѣ составляли высшую македонскую знать: люди, какъ Пердикка, Леоннатъ, Антигонъ, происходили изъ этихъ могущественныхъ, когда-то почти самостоятельныхъ родовъ.

д) Александръ Великій.

Сынъ и наслѣдникъ Филиппа, Александръ (см. таблицу при стр. 129, фиг. 1) вступилъ на престолъ въ 336 г., 20-ти лѣтъ отъ роду. Воспитанный величайшимъ философомъ древности, Аристотелемъ, онъ хорошо былъ знакомъ съ греческой литературой и философіей и преклонялся передъ Гомеромъ и его героями, изъ которыхъ особенно любилъ Ахилла. Что касается физическаго развитія, то понятно, что въ странѣ, какъ Македонія, гдѣ существовала всеобщая воинская повинность, и знать поставляла офицеровъ и царскихъ тѣлохранителей, наслѣдникъ престола долженъ былъ получить и хорошее физическое воспитаніе и хорошо былъ знакомъ съ военнымъ искусствомъ и военнымъ устройствомъ своей страны. Къ тому же Александръ не могъ не испытать на себѣ могучаго вліянія, оказываемаго великими славными дѣяніями на всѣхъ современниковъ. Дѣйствительно, еще будучи наслѣдникомъ, 16-ти лѣтъ, во время войны Филиппа съ Византіей и Перинѳомъ, онъ управлялъ страной и при этомъ счастливо боролся съ сосѣднимъ ѳракійскимъ племенемъ медовъ. 18-ти лѣтъ онъ въ битвѣ при Херонеѣ командовалъ конницей на лѣвомъ македонскомъ крылѣ. Съ такой подготовкой, съ юности знакомый со всѣми требованіями своего будущаго положенія, онъ наслѣдовалъ отцу. Все, сдѣланное имъ до того времени, конечно отступало на задній планъ въ сравненіи съ громкой славой Филиппа. и теперь прежде всего бросалась въ глаза его крайняя молодость. Но если всѣ, и особенно греки, расчитывали въ своихъ планахъ на его юность, то Александръ сразу показалъ себя человѣкомъ зрѣлымъ, смѣлымъ, рѣшительнымъ и энергичнымъ.

Въ самой Македоніи, гдѣ споры за престолонаслѣдіе и войны принадлежали къ обычнымъ явленіямъ, сопровождавшимъ смерть каждаго царя, Александръ въ корнѣ заглушилъ всякія попытки къ возстанію. Своего двоюроднаго брата Аминта, за несовершеннолѣтіемъ котораго Филиппъ нѣкогда былъ назначенъ регентомъ и который затѣмъ мало-по-малу совершенно отступилъ на задній планъ, онъ велѣлъ убить, такъ какъ многіе считали его законнымъ наслѣдникомъ; какъ это ни было жестоко, особенно въ виду того, что Аминтъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ возмущенію, но это было необходимо для спокойствія страны. Между тѣмъ съ другой стороны начались дѣйствительно приготовленія къ заговору. Въ 337 г. до Р. Х. Филиппъ женился на Клеопатрѣ, племянницѣ македонянина Аттала, вслѣдствіе чего первая его жена Олимпія съ сыномъ Александромъ покинули Македонію; Александръ вернулся въ Пеллу лишь незадолго до смерти своего отца. Еще со времени свадебнаго пира, на которомъ Атталъ выразилъ желаніе, чтобы отъ Клеопатры родился законный наслѣдникъ, между нимъ и Александромъ существовали вражда и ненависть; теперь, по смерти Филиппа, Атталъ, командовавшій между тѣмъ македонскими отрядами въ Малой Азіи, немедленно вступилъ въ соглашеніе съ антимакедонской партіей въ Аѳинахъ, но еще до окончанія этихъ направленныхъ противъ молодого царя замысловъ былъ убитъ по приказанію Александра. Ту же участь раздѣлила съ нимъ и племянница его Клеопатра. Такимъ образомъ энергичныя мѣры Александра подавили въ самой Македоніи всякія волненія.

Въ Греціи, гдѣ неожиданная смерть Филиппа и юность Александра подняли упавшее мужество враговъ Македоніи и возбудили вновь надежду на возстановленіе прежняго, хотя и шаткаго, но независимаго положенія, казалось, готовилось серьезное возмущеніе; во всякомъ случаѣ велико было желаніе избавиться отъ македонской гегемоніи. Городъ Амвракія въ Эпирѣ изгналъ македонскій гарнизонъ; ѳиванцы готовились къ тому же; въ Аѳинахъ и другихъ городахъ начались волненія. И здѣсь Александръ своимъ быстрымъ появленіемъ во главѣ внушительнаго войска подавилъ всѣ по-

пытки къ возстанію; греки подчинились. Принятый въ амфиктіоновъ союзъ Александръ былъ провозглашенъ также и участниками коринѳскаго союза протекторомъ и главнокомандующимъ эллиновъ въ войнѣ съ персами, цѣлью которой союзный совѣтъ выставилъ месть за зло нанесенное нѣкогда персами Греціи.

Зимою 336—335 г. Александръ вернулся въ Македонію, чтобы закончить приготовленія къ намѣченному уже его отцомъ походу въ Азію. Но еще раньше надлежало показать свою силу на Балканскомъ полуостровѣ и усмирить непокорныя, стремившіяся къ свободѣ и склонныя къ грабежамъ и разбоямъ ѳракійскія и иллирійскія племена, очевидно снова готовившіяся къ вторженію. Весною 335 г. Александръ выступилъ въ походъ, прошелъ черезъ Ѳракію до рѣки Неста (Кара-Су), затѣмъ вверхъ по ея долинѣ и, пройдя проходами черезъ Родопскія горы, въ десять дней достигъ Гема (Балканы). Здѣсь онъ впервые встрѣтилъ сопротивленіе; ведущій черезъ горы проходъ былъ занятъ вооруженной силой и загроможденъ громаднымъ военнымъ обозомъ. Предводимые царемъ македоняне смѣло ринулись впередъ. Даже сбрасываемыя съ вершины горъ повозки не нанесли имъ желаннаго вреда, такъ какъ Александръ, предугадавъ это намѣреніе варваровъ, своевременно приказалъ своимъ солдатамъ уклоняться отъ повозокъ тамъ, гдѣ это позволяла ширина пути, или же, бросившись на землю и поднявъ и сомкнувъ щиты, образовать надъ собой родъ крыши. Однимъ словомъ, Александръ обратилъ ѳракійцевъ въ бѣгство и завладѣлъ проходомъ черезъ Балканы. По ту сторону ихъ жили трибаллы. Они перевезли женъ, дѣтей и движимое имущество на одинъ изъ острововъ Дуная, куда вмѣстѣ съ ними отправился и царь ихъ Сирмъ. Вооруженные же трибаллы безпрепятственно пропустили Александра до Дуная, но тамъ, внезапно появившись у него въ тылу, напали на него. Однако планъ ихъ не удался; македоняне перебили всѣхъ, кто не успѣлъ спастись бѣгствомъ. Тѣмъ не менѣе Александру не удалось занять острова, на который спаслись семейства трибалловъ. Вмѣсто этого онъ ночью, на дубкахъ мѣстныхъ жителей и сшитыхъ и набитыхъ сѣномъ солдатскихъ палаткахъ съ 4000 человѣкъ пѣхоты и 1500 всадниковъ, переплылъ черезъ Дунай, на лѣвомъ берегу котораго жили геты. Геты, приготовившіеся въ количествѣ 14,000 человѣкъ отразить предполагаемое вторженіе въ ихъ страну, были однако застигнуты врасплохъ и бѣжали въ свой близлежащій городъ; когда же Александръ подошелъ къ городу, они. захвативъ женъ и дѣтей, поспѣшно бѣжали дальше. Александръ разрушилъ городъ и въ тотъ же день съ богатой добычей переправился обратно черезъ Дунай. Послѣ этого царь трибалловъ Сирмъ и другія сосѣднія, дотолѣ независимыя, племена послали къ Александру пословъ съ выраженіемъ покорности. Даже жившіе у Адріатики кельты (здѣсь мы впервые слышимъ о нихъ въ этихъ мѣстностяхъ, на которыя они позднѣе навлекли столько бѣдствій) послали молодому царю увѣренія въ своей дружбѣ.

Отъ Дуная Александръ прошелъ черезъ владѣнія агріанцевъ, князь которыхъ Лангорій оставался его вѣрнымъ союзникомъ, и пеонійцевъ, вверхъ по долинѣ Эригона къ занятому иллирійскимъ царемъ Клитомъ Пеліону. Князь тавлантовъ, Главкій, обѣщалъ иллирійцамъ помощь. Такъ какъ Клитъ избѣгалъ открытой битвы, то македоняне рѣшили осадить городъ, но на слѣдующій день передъ стѣнами его появился Главкій съ большими военными силами. Александръ отступилъ; онъ успѣшно отразилъ напавшихъ на него при переходѣ черезъ Деволь (рѣка въ Албаніи) иллирійцевъ, но продолжалъ отступленіе. Обманутые этимъ иллирійцы ослабили сторожевую службу; тогда царь ночью напалъ на нихъ и обратилъ въ бѣгство. Клитъ очистилъ Пеліонъ, предварительно предавъ его огню. Такимъ образомъ Александръ возстановилъ спокойствіе и безопасность на

этой границѣ. Онъ однако не имѣлъ возможности воспользоваться своей побѣдой и проникнуть въ Иллирію, такъ какъ присутствіе его стало между тѣмъ необходимымъ въ Греціи.

Мы видѣли выше (стр. 102 и 105), какъ неохотно сносили греки господство Македоніи и какъ легко было ихъ увлечь къ необдуманнымъ шагамъ. Осенью 336 г. Александръ своимъ быстрымъ вмѣшательствомъ въ корнѣ подавилъ всякое движеніе; теперь годъ спустя, когда онъ уже много мѣсяцевъ находился вдали отъ своего государства, въ Греціи распространились всевозможные слухи о плохомъ состояніи македонской арміи и даже о смерти царя. Өиванскіе бѣглецы, которыхъ было очень много, тайно вернулись въ родной городъ Өивы, побудили своихъ согражданъ отпасть отъ Македоніи, умертвили начальниковъ македонскаго отряда въ Кадмеѣ и окружили самый гарнизонъ крѣпости. Такъ какъ и въ другихъ греческихъ государствахъ антимакедонская партія восторжествовала, то өиванцы съ разныхъ сторонъ могли расчитывать на помощь. Александръ, получивъ извѣстіе о томъ, что происходило въ Греціи, немедленно ускореннымъ маршемъ двинулся изъ Иллиріи по восточнымъ склонамъ Пинда черезъ Өессалію въ Беотію, соединился тамъ съ отрядами оставшихся ему вѣрными греческихъ государствъ (фокейцы и остальные беотійцы) и подошелъ къ Өивамъ, гдѣ о наступленіи непріятельскаго войска узнали лишь послѣ того, какъ оно уже перешло Өермопилы. Александръ не приступилъ немедленно къ штурму города, думая, что өиванцы пошлютъ посольство съ просьбой о помилованіи. Но партія, побудившая Өивы отпасть отъ Македоніи, теперь въ народномъ собраніи горячо убѣждала гражданъ сопротивляться до послѣдней возможности, и, хотя многіе отстаивали наоборотъ примиреніе съ Александромъ, первая партія одержала верхъ. Александръ приступилъ къ штурму: послѣ озлобленной борьбы македоняне проникли въ ворота, соединились съ гарнизономъ крѣпости, и тутъ началось избіеніе, въ которомъ больше всѣхъ отличились фокейцы и другіе греческіе союзники Александра. По рѣшенію этихъ союзниковъ, которымъ Александръ предоставилъ рѣшеніе өиванскихъ дѣлъ, Өивы были разрушены, область ихъ отдана сосѣдямъ, а избѣжавшая кровавой рѣзни часть гражданъ продана въ рабство, за исключеніемъ жрецовъ и жрицъ, личныхъ друзей Филиппа и Александра, и лицъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Македоніи. По личному желанію Александра сохраненъ былъ и домъ, гдѣ нѣкогда жилъ поэтъ Пиндаръ, и спасено отъ гибели его потомство.

Участь Өивъ произвела страшное впечатлѣніе во всей Греціи и ясно показала грекамъ ту опасность, которой они подвергли себя, выступая противъ Македоніи. Многія государства поспѣшили послать къ Александру пословъ съ изъявленіемъ покорности; принужденные еще недавно скрываться и бѣжать, македонскіе приверженцы теперь повсюду призывались обратно. Наоборотъ, лица, совѣтовавшія отпаденіе отъ Македоніи и поддержку Өивъ, подвергались казни; словомъ, повсюду было замѣтно стремленіе загладить происшедшее. И Александръ простилъ грековъ. Только отъ Аөинъ, пославшихъ ему съ десятью послами поздравленія по случаю счастливаго возвращенія изъ Өракіи и Иллиріи и наказанія өиванцевъ за ихъ „страсть къ новшествамъ“, онъ вначалѣ потребовалъ выдачи нѣсколькихъ вождей антимакедонской партіи, каковы Демосөенъ, Ликургъ, Харидемъ, но затѣмъ отказался отъ этого требованія и удовольствовался изгнаніемъ Харидема. Такъ возстановленъ былъ миръ съ эллинами, и снова возобновленъ коринөскій союзъ на прежнихъ условіяхъ.

Осенью Александръ вернулся въ Македонію и занялся необходимыми приготовленіями къ предстоявшему походу въ Азію. Если о немъ ходили разсказы, что онъ еще мальчикомъ удивлялъ персидскихъ пословъ при отцовскомъ дворѣ своими зрѣлыми и обдуманными разспросами о далекой

Персіи и поражалъ ихъ своимъ умомъ, то можно принять за достовѣрное, что его приготовленія къ походу не ограничились привлеченіемъ союзныхъ войскъ, ихъ обученіемъ по македонскому образцу, вербованіемъ наемниковъ, принятіемъ необходимыхъ мѣръ для транспорта и продовольствія войскъ, распредѣленіемъ мѣстъ военачальниковъ и тому подобнаго. Александръ несомнѣнно занялся подробнымъ изученіемъ географическихъ, политическихъ, финансовыхъ и военныхъ условій персидскаго государства, отчасти уже извѣстныхъ, отчасти же требовавшихъ еще изученія. Лишь во всеоружіи всѣхъ этихъ знаній онъ составилъ планъ похода, къ сожалѣнію до насъ не дошедшій. Думалъ ли царь съ самаго начала о завоеваніи всего персидскаго государства, или же онъ хотѣлъ лишь, какъ гласила выставленная осенью 336 года въ Коринѳѣ программа, отмстить персамъ за нанесеное ими грекамъ зло? Планъ похода составленъ лишь въ общихъ чертахъ; позднѣйшія событія въ Персеполѣ показываютъ, что Александръ считалъ его выполненнымъ по сожженіи персидской столицы. Послѣдовавшія же затѣмъ событія ясно указываютъ, что онъ уже тогда стремился къ завоеванію всего персидскаго государства. Имѣлъ ли онъ этотъ планъ, какъ казалось бы, съ самаго начала, или же пришелъ къ нему лишь позднѣе — его предпріятіе во всякомъ случаѣ остается достойнымъ удивленія, и смѣлость его поразительна.

Въ Персіи послѣ смерти Артаксеркса Оха (338 г. до Р. Х.) и исполненнаго кровавыми ужасами междуцарствія, на престолъ почти одновременно съ Александромъ вступилъ Дарій III (336). Хотя въ персидскомъ государствѣ царская власть со временъ Дарія Гистаспа и Ксеркса значительно ослабла, и наоборотъ увеличилось могущество сатраповъ, но Дарій все еще владѣлъ государствомъ, въ тридцать разъ превосходившимъ тѣ области, вспомогательныя силы которыхъ находились въ распоряженіи Александра. Персидскій царь владѣлъ несмѣтными богатствами, золотомъ и другими благородными металлами, хранившимися въ царскихъ резиденціяхъ Сузѣ, Экбатанѣ, Персеполѣ; Персія могла выставить армію, много разъ превосходившую македонское войско. Къ тому же она владѣла флотомъ въ 400 военныхъ судовъ съ экипажемъ изъ финикіянъ и кипрянъ, лучшихъ моряковъ стараго свѣта.

Въ сравненіи съ этимъ силы Александра были очень слабы. Всѣ его вооруженія должны были стоить 800 талантовъ; при выступленіи же въ походъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь 60. Его флотъ состоялъ изъ 160 военныхъ кораблей, войско изъ 35,000 воиновъ: 30,000 пѣхоты и 5000 конницы; къ нимъ присоединился въ Малой Азіи высланный туда еще Филиппомъ отрядъ, численность котораго намъ неизвѣстна. Во всякомъ случаѣ силы Александра при началѣ борьбы съ персами не превышали 45,000 человѣкъ Но именно это хорошо обученное, хорошо вооруженное и опытное войско и составляло силу Александра; персы не могли ему противопоставить ничего подобнаго; значительно превосходя его численностью, они далеко уступали ему въ вооруженіи, обученіи и военной опытности. Возможно, что Александръ кромѣ того расчитывалъ на содѣйствіе со стороны малоазіатскихъ грековъ, съ 378 года подчиненныхъ Персіи, но не примирившихся съ персидскимъ господствомъ. Словомъ, онъ пришелъ очевидно къ убѣжденію, что предпріятіе его имѣло шансы на успѣхъ. И успѣхъ дѣйствительно оправдалъ его ожиданія.

Весною 334 г. послѣдовало выступленіе въ походъ. Въ Европѣ остался регентомъ Антипатръ съ войскомъ въ 12,000 человѣкъ пѣхоты и 1500 всадниковъ. Александръ самъ прошелъ вдоль ѳракійскаго берега къ Дарданелламъ, переправилъ свое войско и соединился съ высланнымъ уже Филиппомъ въ Малую Азію отрядомъ, который подъ предводительствомъ Каласа, заступившаго мѣсто Аттала, занималъ морской берегъ отъ Абидоса до Ройтейона и прикрылъ переправу своего царя. Ни персидское войско,

стоявшее при Зелеѣ къ западу отъ Кизика подъ предводительствомъ грека Мемнона, навербовавшаго для Персіи греческихъ наемниковъ, и сатраповъ Лидіи и Малой Фригіи, Спитридата и Арзита, ни персидскій флотъ не попытались съ самаго начала отразить непріятельское вторженіе; уже здѣсь сказалось отсутствіе единства въ веденіи персами войны.

Теперь, когда Александръ вступилъ уже на малоазіатскую почву, въ военномъ совѣтѣ персовъ мнѣнія сильно раздѣлились: Мемнонъ предложилъ уклониться отъ открытой битвы и, отступая передъ непріятелемъ и опустошая на своемъ пути страну, увлечь за собою Александра съ его войскомъ; подкрѣпившись между тѣмъ новыми силами и ослабивъ непріятеля этимъ походомъ, можно было дать рѣшительную битву съ надеждой на успѣхъ. Съ нимъ не соглашались однако оба сатрапа; они не хотѣли отдать свои провинціи на опустошенія и отступить по совѣту чужеземца передъ непріятелемъ, не превосходившимъ ихъ численностью. Ихъ мнѣніе одержало верхъ. Отъ Зелеи войско ихъ двинулось на западъ къ Гранику и заняло выгодную позицію на правомъ крутомъ берегу этой рѣки; 20,000 конницы вытянулись длиннымъ рядомъ вдоль берега, за ними расположилась пѣхота. Здѣсь произошло первое столкновеніе Александра съ персами: получивъ извѣстіе, что непріятель надвигается съ востока, онъ пошелъ ему навстрѣчу вдоль морского берега. И уже въ этомъ первомъ столкновеніи при Граникѣ выказалась горячая инціатива молодого царя и его захватывающее всѣхъ мужество. Оба войска раздѣляла рѣка. Передовые отряды македонской конницы и отрядъ фаланги получили приказъ переплыть рѣку и открыть нападеніе. Вскорѣ за ними послѣдовалъ самъ царь съ тяжелой конницей. Македоняне бросились въ рѣку, персы двинулись имъ навстрѣчу, и тутъ произошла свалка, въ которой самъ Александръ былъ спасенъ отъ смерти лишь благодаря вмѣшательству Клита; македоняне съ трудомъ достигли противоположнаго берега, взобрались на крутизну, прорвали непріятельскую цѣпь и обратили въ бѣгство персидскую конницу. Постепенно перебравшаяся за ними фаланга, развернувшись, истребила и персидскую пѣхоту, изъ которой осталось лишь 2000 плѣнныхъ.

Однимъ ударомъ непріятельское войско изгнано было съ театра войны, и никто не препятствовалъ болѣе дальнѣйшему движенію побѣдителя въ глубь персидскаго государства. Но прежде, чѣмъ идти дальше на востокъ, Александръ обезпечилъ себѣ надежную опору для всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ операцій. Именно въ этомъ сказалась его политическая дальновидность.

По всему западному берегу Малой Азіи лежали греческіе города, рано достигшіе благосостоянія и расцвѣта и служившіе разсадниками духовной и матеріальной культуры; нѣкогда свободныя и независимыя республики, они со времени Анталкидова мира (378 г. до Р. Х.) снова подпали персидскому владычеству. Они платили персамъ подати и выставляли войско, частью имѣли также персидскіе гарнизоны и управлялись тираннами, находившими надежную опору у персидскаго царя, частью же подчинялись олигархіи, введенной при помощи персовъ вмѣсто прежняго демократическаго правленія (см. выше, стр. 57). Здѣсь повсюду можно было встрѣтить элементы, недовольные существующимъ порядкомъ вещей и искавшіе избавленія отъ персидскаго ига. Въ этихъ греческихъ городахъ Александръ думалъ найти опору. Послѣ битвы при Граникѣ онъ завладѣлъ лежавшей у Геллеспонта сатрапіей Фригіей и назначилъ намѣстникомъ ея Каласа. Отославъ въ Македонію на каторжныя работы взятыхъ въ плѣнъ греческихъ наемниковъ, сражавшихся на сторонѣ непріятеля противъ своихъ соотечественниковъ, и освободивъ отъ податей родственниковъ павшихъ македонянъ, посвятивъ кромѣ того аѳинскому акрополю отъ своего имени и имени союзныхъ съ нимъ эллиновъ

300 полныхъ вооруженій изъ взятой добычи, онъ пошелъ на Сарды, древнюю резиденцію лидійскихъ царей и главный городъ сатрапіи Лидіи. Жители вышли ему навстрѣчу и сдали городъ; персидскій начальникъ Митранъ сдалъ крѣпость, въ которую вступилъ македонскій гарнизонъ. Намѣстникомъ Лидіи назначенъ былъ Асандръ.

Изъ Сардъ Александръ, не встрѣчая сопротивленія, двинулся вдоль морского берега къ Эфесу; персидскій гарнизонъ, получивъ извѣстіе о битвѣ при Граникѣ, оставилъ городъ. Полководцы Александра заняли Магнезію и Траллы въ долинѣ Меандра и расположенные къ сѣверу отъ Эфеса греческіе города. Они нигдѣ не встрѣтили сопротивленія. Только Милетъ и Галикарнасъ, расположенные къ югу отъ Эфеса на морскомъ берегу, заперли ворота передъ приближающимся непріятелемъ. Начальникъ Милета, Гегезистратъ, уже вступилъ было съ Александромъ въ переговоры о сдачѣ города, но, получивъ извѣстіе о приближеніи сильнаго персидскаго флота въ 400 военныхъ кораблей, прекратилъ переговоры и приготовился къ оборонѣ. Александръ быстро подошелъ къ городу, занялъ предмѣстья и приступилъ къ осадѣ. Македонскій флотъ подъ начальствомъ Никанора опередилъ персидскій, сталъ якоремъ у острова Лады при входѣ въ Милетскую гавань и тѣмъ отнялъ у персидскаго флота возможность оказать помощь осажденнымъ. Когда Александръ вслѣдъ затѣмъ приступилъ къ штурму и одновременно съ этомъ Никаноръ вошелъ въ гавань, персы обратились въ бѣгство, частью же были перебиты ворвавшимися въ городъ македонянами. Милетъ испыталъ на себѣ милость побѣдителя: онъ получилъ прощеніе и свободу.

Александръ хорошо понималъ, что его флотъ далеко уступалъ персидскому, а потому отклонилъ сдѣланное ему съ различныхъ сторонъ предложеніе напасть на непріятельскія суда, стоявшія у противолежащаго полуострова Микале. Онъ распустилъ свой флотъ, сохранивъ лишь небольшую часть его; содержаніе флота стоило дорого, а приносимая имъ польза была не велика, тѣмъ болѣе, что Александръ уже владѣлъ морскимъ берегомъ, и непріятельскій флотъ ничего не могъ измѣнить въ этомъ отношеніи. Мы однако вскорѣ увидимъ, что въ рукахъ предпріимчиваго и дальновиднаго предводителя этотъ флотъ могъ причинить Александру серьезный вредъ.

Молодой царь направился затѣмъ въ Карію, управлявшуюся сатрапомъ Оронтобатомъ. Происходившая изъ карійскаго княжескаго рода, нѣкогда владѣвшаго всей этой областью, теперь же ограниченнаго одной горной крѣпостью Алиндой, царица Ада немедленно стала подъ защиту Александра; это въ значительной мѣрѣ способствовало тому, что при приближеніи Александра всѣ карійскіе города сдались ему. Только Галикарнасъ оказалъ сопротивленіе. Довольно многочисленный гарнизонъ, составленный большею частью изъ наемниковъ, и Мемнонъ, бѣжавшій въ Галикарнасъ послѣ битвы при Граникѣ, защищали этотъ хорошо укрѣпленный городъ. Передъ высокими крѣпостными стѣнами тянулся широкій и глубокій ровъ, который предстояло засыпать прежде, чѣмъ приступить къ осадѣ города. Александру удалось это сдѣлать, несмотря на вылазки непріятеля. Онъ поставилъ свои осадныя орудія, и македонянамъ удалось наконецъ пробить брешь въ непріятельской стѣнѣ. Но за первой стѣной возвышалась вторая; Александръ хотѣлъ штурмовать и ее, когда Мемнонъ предпринялъ свою послѣднюю большую вылазку. Отбитый послѣ горячей битвы съ большими потерями, онъ рѣшилъ оставить городъ; только въ обѣихъ крѣпостяхъ остались гарнизоны. Александръ разрушилъ городъ, но ради крѣпостей долженъ былъ оставить тамъ отрядъ изъ 3000 наемниковъ и 200 всадниковъ подъ начальствомъ Птоломея. Сатрапія Карія была отдана Адѣ.

Приближалась зима. Парменіонъ во главѣ союзныхъ войскъ былъ посланъ въ Сарды, чтобы перезимовать въ Лидіи и весною снова встрѣ-

титься съ царемъ въ Великой Фригіи. Молодые македоняне, незадолго передъ тѣмъ вступившіе въ бракъ, получили отпускъ на родину съ приказаніемъ вернуться слѣдующей весной и привезти съ собой новонабранныхъ рекрутъ; Александръ самъ, не встрѣчая сопротивленія, прошелъ черезъ Ликію и Памфилію, гдѣ персы не сдѣлали почти никакихъ приготовленій къ защитѣ. Затѣмъ онъ прошелъ черезъ Писидію, дикое населеніе которой, сохранившее независимость благодаря неприступности своихъ горъ, оказало ему сильное сопротивленіе. Занявъ въ Великой Фригіи главный городъ Келены съ крѣпостью, Александръ достигъ наконецъ Гордія, гдѣ и остался на болѣе продолжительное время.

Менѣе чѣмъ въ одинъ годъ Александръ завоевалъ большую часть Малой Азіи: Малая Фригія, Лидія, Карія, Ликія, Памфилія и Великая Фригія управлялись македонскими намѣстниками. Подати съ этихъ провинцій стекались теперь въ македонскую казну; важные въ военномъ отношеніи пункты, какъ крѣпость Сарды, заняты были македонскими гарнизонами. Александръ несомнѣнно съ самаго начала предполагалъ окончательно удержать въ своей власти завоеванныя имъ области. На это указываетъ помимо назначенія македонскихъ намѣстниковъ и тотъ фактъ, что на ряду съ ними сборомъ податей занимались особые чиновники. Опредѣленныя указанія на такое устройство мы находимъ правда лишь относительно провинціи Лидіи; но нѣтъ сомнѣнія, что оно одинаково было введено во всѣхъ сатрапіяхъ. Новостью было то, что теперь во главѣ каждой провинціи стояли два царскихъ чиновника, въ остальномъ же, что касается размѣра податей и величины самихъ провинцій, все осталось по старому. Какъ на шагъ впередъ, необходимо смотрѣть и на то, что царскіе намѣстники не получали теперь содержанія отъ управляемыхъ ими провинцій, какъ прежде, но были на жалованіи у царя, что̀ въ значительной степени уменьшало ихъ произволъ.

Совсѣмъ иначе обошелся Александръ съ греческими приморскими городами: они были объявлены „свободными“, т.-е. получили автономію во внутреннемъ управленіи, не были подчинены царскимъ намѣстникамъ, не платили податей, не получили и македонскихъ гарнизоновъ, и, что̀ въ глазахъ грековъ имѣло большое значеніе, могли снова ввести у себя уничтоженное персами демократическое правленіе. Ту независимость и свободу, за которыя эти греки нѣкогда такъ славно боролись, они получили теперь изъ рукъ Александра. Точно также обошелся Александръ и съ греческими городами на малоазіатскихъ островахъ, по крайней мѣрѣ съ тѣми, которые, будучи расположены къ сѣверу отъ Самоса, могли быть освобождены македонскимъ флотомъ отъ персовъ. Намъ извѣстно, что они примкнули къ коринѳскому союзу. Относительно же греческихъ континентальныхъ городовъ не сохранилось свѣдѣній, примкнули ли и они къ коринѳскому союзу или же образовали отдѣльный союзъ для поддержанія у себя общаго мира.

Александръ создалъ себѣ такимъ образомъ въ Малой Азіи и на островахъ опору, обѣщавшую оказать ему большія услуги въ предстоявшемъ походѣ. Необходимыя же для дальнѣйшихъ предпріятій денежныя средства доставляли подати покоренныхъ сатрапій.

Но тутъ произошло событіе, грозившее, казалось, сразу измѣнить выгодное положеніе царя. Мемнонъ, еще недавно безуспѣшно, но съ большой храбростью, защищавшій противъ Александра Галикарнасъ, былъ назначенъ начальникомъ флота, до сихъ поръ не оказавшаго Персіи никакихъ услугъ, несмотря на свою значительную силу. Мемнонъ посадилъ на корабли сильное наемное войско, отчасти спасенное изъ Галикарнаса, отчасти вновь набранное, и вышелъ въ море. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы высадиться въ Греціи, вызвать тамъ возстаніе, что было очень не трудно при наличности многихъ враждебныхъ Македоніи элементовъ, и

затѣмъ напасть на Македонію. Этотъ планъ, если бы онъ былъ осуществленъ, несомнѣнно представлялъ для Александра серьезнѣйшую опасность. Но Мемнону предстояло прежде всего отвоевать у македонянъ лежавшіе у берега Малой Азіи острова. Уже Хіосъ измѣннически открылъ ему ворота, уже города на Лесбосѣ, за исключеніемъ Митилены, снова подпали персидскому владычеству и повсюду вмѣсто демократическаго правленія назначены были тиранны — какъ вдругъ Мемнонъ внезапно умеръ при осадѣ города Митилены, отказавшагося ему сдаться (333 г. до Р. Х.).

Со смертью этого человѣка, смѣло рѣшившагося перенести театръ военныхъ дѣйствій въ собственную страну непріятеля, палъ и его планъ. Его преемники по командованію флотомъ, Автофрадатъ и Фарнабазъ хотя и взяли Митилену и вновь подчинили персидскому господству Тенедосъ, но большихъ успѣховъ не достигли. Дарій отозвалъ обратно къ главному войску находившіяся на корабляхъ дессантныя войска. Послѣ этого Александръ поручилъ Гегелоху и Амфотеру, а Антипатръ Протею собрать корабли у союзныхъ государствъ на Геллеспонтѣ и въ Греціи и образовать флотъ. Протею съ собранными въ Эвбеѣ и Пелопоннесѣ кораблями удалось настичь Датама, посланнаго персидскими адмиралами съ десятью кораблями въ Сифносъ и отобрать у него восемь кораблей. За этимъ первымъ успѣхомъ послѣдовали другіе. Въ послѣдующіе же годы Гегелохъ и Амфотеръ опять освободили острова отъ господства персовъ и поставленныхъ ими тиранновъ, такъ какъ персидскій флотъ послѣ битвы при Иссѣ былъ распущенъ.

Весною 333 г. до Р. Х. въ Гордій пришли какъ Парменіонъ, такъ и отпущенные на зиму на родину македоняне и съ ними 3000 человѣкъ подкрѣпленія. Здѣсь произошла столь извѣстная исторія съ Гордіевымъ узломъ: въ храмѣ Зевеса, гдѣ стояла царская колесница, ярмо которой искуснымъ узломъ прикрѣплено было къ дышлу, онъ, не долго думая, мечемъ разрубилъ узелъ: тому, кто развяжетъ этотъ узелъ, гласила молва, будетъ принадлежать господство надъ Азіей. Въ глазахъ азіатовъ, а также и многихъ грековъ, это было для Александра хорошимъ предзнаменованіемъ. Александръ оставался въ Гордіи довольно долго, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы обождать дальнѣйшаго хода предпріятій Мемнона; съ другой стороны онъ зналъ, что Дарій собиралъ войска со своихъ восточныхъ сатрапій, чтобы съ ними выступить на западъ и отвоевать потерянное. Не имѣя возможности покинуть Малую Азію, не ставя на карту сдѣланныхъ тамъ завоеваній, царь въ то же время не хотѣлъ безъ особой побудительной причины двигаться дальше на востокъ, чтобы не слишкомъ удаляться отъ того театра войны, который могъ возникнуть въ Греціи. Смерть Мемнона дала царю возможность безъ особыхъ опасеніи продолжать свой походъ.

Изъ Гордія онъ черезъ Анкиру (Ангору), гдѣ управлявшіеся собственными династами пафлагонцы послали ему выраженіе своей покорности, прошелъ къ Галису (Кизилъ Ирмакъ), а затѣмъ въ южномъ направленіи къ киликійскамъ воротамъ,—проходу черезъ Тавръ, ведущему изъ Каппадокіи въ Киликію. Царь избралъ это направленіе, узнавъ, что Дарій со своимъ войскомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ туземныхъ солдатъ и до 30,000 греческихъ наемниковъ, двинулся изъ Вавилона въ сѣверную Сирію. При приближеніи Александра немногія находившіяся въ киликійскихъ воротахъ персидскія войска покинули этотъ проходъ, какъ ни легко было его защищать; македоняне безпрепятственно проникли черезъ горы въ разстилавшуюся за ними равнину. Занятіе Киликіи не стоило никакого труда: персидскій гарнизонъ покинулъ главный городъ Тарсъ, и непосредственно за нимъ вошелъ Александръ. Здѣсь Александръ заболѣлъ тяжелой лихорадкой, угрожавшей его жизни, но былъ спасенъ греческимъ врачомъ Филиппомъ, давшимъ ему сильно дѣйствующее средство. Сюда относится часто передаваемый разказъ о письмѣ Парменіона, въ которомъ послѣдній

Сражені

Тип. „Просвѣщеніе" въ Спб.

ри Иссѣ.

Сраженіе при Иссѣ.

(По мозаикѣ изъ Помпеи въ національномъ музеѣ въ Неаполѣ.)

Эта мозаика, самая крупная изъ сохранившихся отъ временъ классической древности, нѣкогда покрывала полъ т. наз. экзедры въ „домѣ Фавна“ въ Помпеѣ; она была найдена 24 октября 1831 и перенесена въ Неаполитанскій національный музей. Она имѣетъ 6,3 метра въ длину, 3,8 м. въ ширину и составлена приблизительно изъ 1,500,000 кусочковъ мрамора. Треть картины совершенно испорчена; сохранившаяся часть, — 22 человѣческихъ фигуры и 16 лошадей, — представляетъ битву при Иссѣ между Александромъ Великимъ и Даріемъ, а именно тотъ моментъ, когда Дарій обращается въ бѣгство, а молодой Александръ во главѣ своихъ войскъ несется въ аттаку. Мотивомъ для композиціи послужила, какъ говорятъ, картина александрійской художницы Елены, привезенная въ Римъ императоромъ Веспасіаномъ.

(Хромолитографія, точнѣйшая изъ всѣхъ существующихъ, воспроизведена по копіи въ краскахъ, изданной художественной фирмой Г. Зоммеръ и сынъ въ Неаполѣ.)

предостерегалъ царя противъ, якобы подкупленнаго персами, Филиппа. Но Александръ оказалъ своему врачу полное довѣріе и, передавъ ему письмо Парменіона, выпилъ поданное лѣкарство. Оправившись отъ болѣзни, онъ покорилъ остальные города Киликіи и предпринялъ короткій, но успѣшный походъ противъ дикаго горнаго населенія, производившаго частые набѣги на равнину. Въ Тарсѣ же Александръ получилъ вѣсть о паденіи Галикарнасской крѣпости.

Съ востока Аманскія горы отдѣляютъ Киликію отъ Сиріи; два прохода, такъ называемыя сирійскія ворота на югѣ и аманскія на сѣверѣ, ведутъ въ Сирію. Для занятія и охраненія сирійскихъ воротъ посланъ былъ Парменіонъ; получивъ извѣстіе, что Дарій расположился лагеремъ по ту сторону Аманскихъ горъ при Сохахъ, Александръ выступилъ въ походъ, прошелъ черезъ Иссъ и оттуда направился по самому морскому берегу черезъ сирійскія ворота, чтобы обойти Дарія. Между тѣмъ персидскій царь двинулся черезъ аманскія ворота, покинувъ крайне благопріятную для его громаднаго войска, разстилавшуюся къ востоку отъ Аманскихъ горныхъ цѣпей, долину, занялъ Иссъ и пошелъ за Александромъ. Это побудило Александра вернуться обратно.

Оба войска сошлись при рѣкѣ Пинарѣ къ югу отъ Исса (осенью 333 г. до Р. Х.) на крайне неблагопріятной для Дарія позиціи. Между моремъ и нѣсколько отступающими горами лежала небольшая равнина, на которой не могло развернуться огромное персидское войско. Александръ, какъ всегда, командовалъ правымъ крыломъ, Парменіонъ лѣвымъ; между ними стояла фаланга. Царь первый бросился въ атаку, прорвалъ непріятельскую боевую линію, ударилъ во флангъ тѣснившимъ его греческимъ наемникамъ, мѣстами разомкнувшимъ при переправѣ черезъ Пинаръ свою фалангу, и заставилъ ихъ отступить. Дарій, стоявшій на боевой колесницѣ въ центрѣ своего войска, обратился въ бѣгство; за нимъ послѣдовало все войско. Мы находимъ на прилагаемой таблицѣ „Битва при Иссѣ“ правдивое, полное жизни, изображеніе этого событія, дошедшее до насъ изъ древняго міра. Македоняне бросились въ погоню за бѣжавшимъ непріятелемъ и вернулись лишь съ наступленіемъ ночи. Потери со стороны персовъ были чрезвычайно велики. Весь лагерь достался въ руки побѣдителямъ; между плѣнными находились мать и жена Дарія, съ которыми однако Александръ обошелся соотвѣтственно ихъ сану и достоинству,

Итакъ, македоняне снова одержали блестящую побѣду въ открытой битвѣ, и на этотъ разъ противъ значительно превосходившей ихъ непріятельской силы. Снова побѣдитель не пошелъ немедленно далѣе на востокъ, но предварительно покорилъ Сирію и Финикію, что̀ ему удалось безъ особеннаго труда; города Арадъ, Библосъ и Сидонъ немедленно перешли на его сторону. Изстари правившіе въ этихъ городахъ цари получили подтвержденіе своихъ правъ, а надъ всей страной назначенъ былъ македонскій намѣстникъ. Такимъ образомъ Александръ снова создалъ себѣ надежную опору для дальнѣйшихъ предпріятій. На финикійскихъ верфяхъ строились до сихъ поръ персидскіе суда, а изъ хорошо знакомаго съ мореплаваніемъ населенія Финикіи набирался ихъ экипажъ. Теперь же завоеваніе этой страны и покореніе ея городовъ съ ихъ правителями должны были повести къ распаденію персидскаго флота, господствовавшаго до послѣдняго времени на морѣ. Это имѣло для Александра большое значеніе.

Изъ всѣхъ финикійскихъ городовъ одинъ только Тиръ оказалъ ему сопротивленіе. Но чѣмъ сильнѣе и могущественнѣе былъ этотъ городъ, тѣмъ менѣе Александръ могъ оставить его за собой непокореннымъ. Онъ рѣшилъ приступить къ осадѣ. Тиръ лежалъ недалеко отъ материка на островѣ и со всѣхъ сторонъ былъ обнесенъ высокой толстой стѣной.

Александръ велѣлъ построить плотину, чтобы соединить островъ съ материкомъ. Пока вода была неглубока, работы шли хорошо, но чѣмъ дальше онѣ подвигались и чѣмъ глубже становилось море, тѣмъ сильнѣе и чаще становились нападенія тирянъ, подошедшихъ къ плотинѣ на своихъ корабляхъ и обстрѣливавшихъ рабочихъ изъ тяжелыхъ орудій. Для защиты ихъ Александръ велѣлъ построить на концѣ плотины двѣ подвижныя высокія башни; но онѣ были сожжены осажденными, посредствомъ искусно подведеннаго къ нимъ брандера. Во время замѣшательства, произведеннаго пожаромъ, тиряне, спустившись на маленькихъ лодочкахъ со своихъ военныхъ кораблей, разрушили и плотину со всѣми находившимися на ней осадными орудіями.

Нимало не устрашивъ Александра, эта неудача только показала ему, что безъ флота ему не удастся взять эту сильную крѣпость. Теперь, когда Александръ самъ отправился въ Сидонъ, подчинившіеся ему финикійскіе города предоставили въ его распоряженіе свои корабли; кипрскіе цари также заключили съ нимъ миръ и послали ему свои корабли. Съ этимъ флотомъ, насчитывавшимъ до двухсотъ военныхъ кораблей, царь снова пошелъ къ Тиру, гдѣ македоняне между тѣмъ начали постройку новой, болѣе широкой плотины. Подъ защитой флота, блокировавшаго обѣ гавани Тира, имъ удалось довести плотину до непріятельскихъ стѣнъ. Но еще долго стѣна противостояла дѣйствію осадныхъ орудій, подвезенныхъ какъ съ плотины, такъ и со связанныхъ между собою кораблей, пока наконецъ флоту, поддержанному артиллеріей, не удалось войти въ тирскую гавань, пробить брешь въ стѣнѣ и проникнуть въ городъ. Это рѣшило судьбу Тира (въ іюлѣ 332 г. до Р. Х.). Въ происшедшей въ городѣ схваткѣ пало 8000 человѣкъ, а 30,000 взято было въ плѣнъ и продано въ рабство.

Изъ Тира Александръ послѣ двухмѣсячной осады и взятія Газы черезъ Пелузій прошелъ въ Египетъ. Эта страна неохотно сносила персидское иго и нерѣдко возставала противъ него; Александра встрѣтили здѣсь, какъ освободителя, съ изъявленіями покорности. Въ главномъ городѣ Мемфисѣ царь принесъ жертву Апису и этимъ, равно какъ вообще своимъ уваженіемъ къ религіознымъ нравамъ и обычаямъ египтянъ, привлекъ къ себѣ сердца своихъ новыхъ подданныхъ, между тѣмъ какъ персидскіе цари своимъ презрѣніемъ къ египетской религіи и наносимыми Апису оскорбленіями возбуждали въ жителяхъ лишь ненависть и злобу.

Изъ Мемфиса Александръ по западному рукаву Нила спустился до Канопа и основалъ недалеко отъ этой старой гавани новый городъ, названный по немъ Александріей, вскорѣ достигшій высокаго расцвѣта. Это былъ первый основанный имъ городъ. Александрія стала средоточіемъ и центромъ жившихъ уже въ Египтѣ эллиновъ и притягательнымъ пунктомъ для новыхъ переселенцевъ изъ Македоніи и Эллады. Мало доступная съ суши, обладая превосходными гаванями, Александрія чрезвычайно пригодна была для роли посредницы въ сношеніяхъ между только-что завоеванной областью и Македоніей и могла содѣйствовать укрѣпленію новаго господства въ древней культурной странѣ.

Изъ Александріи царь пошелъ къ извѣстному святилищу Аммона, въ оазисъ Сива. Къ этому побудили его главнымъ образомъ политическія соображенія: онъ хотѣлъ и здѣсь, какъ въ Египтѣ, принести жертву почитаемому въ странѣ божеству и тѣмъ сильнѣе привязать къ себѣ всю страну, обладанію которой онъ придавалъ большое значеніе. Жрецы Аммона привѣтствовали его какъ сына своего бога, котораго греки еще въ ранней древности отождествляли съ своимъ Зевесомъ: эта честь, оказанная молодому властелину, не представляла ничего необыкновеннаго въ глазахъ египтянъ, изстари смотрѣвшихъ на своихъ царей, какъ на боговъ.

Отъ оракула Аммона Александръ возвратился обратно черезъ пустыню и послѣ двѣнадцати дней пути достигъ Мемфиса, гдѣ занялся устройствомъ внутренняго управленія. Онъ раздѣлилъ весь Египетъ сперва на четыре, а потомъ, вслѣдствіе отказа одного изъ намѣченныхъ имъ въ намѣстники египтянъ, на три области: Аравію и Ливію, расположенныя къ востоку и западу отъ дельты Нила, въ главѣ которыхъ были поставлены греки, и Египетъ (дельта и остальная страна), управленіе которымъ было поручено египтянину. Начальство надъ стоявшимъ тамъ флотомъ въ 30 тріеръ передано было Полемону, а надъ оставленными войсками Певкесту и Балакру, изъ которыхъ одинъ командовалъ пѣхотой, а другой конницей. Религія египтянъ и всѣ мѣстныя учрежденія, какъ напримѣръ раздѣленіе страны на округа, служившіе въ то же время и податными округами, были Александромъ сохранены. Назначеніе египтянина Долоасписа намѣстникомъ Дельты и верхняго Египта ясно указываетъ, что Александръ не думалъ о порабощеніи страны, но имѣлъ въ виду лишь мирное развитіе ея на ряду съ постепеннымъ пріученіемъ жителей къ новому порядку вещей.

Что же происходило между тѣмъ съ Даріемъ? Въ ночь, послѣдовавшую за битвой при Иссѣ, царь бѣжалъ съ немногими провожатыми; на слѣдующій день онъ собралъ нѣсколько разсѣянныхъ отрядовъ своего войска — до 4000 человѣкъ — и вмѣстѣ съ ними продолжалъ бѣгство до Евфрата, который перешелъ при Тапсакѣ. Только теперь, когда его отдѣляла отъ побѣдителя эта большая рѣка, онъ остановился. Какъ измѣнилось его положеніе со времени выступленія въ походъ: онъ возвращался теперь въ Вавилонъ, который покинулъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ во главѣ сильнаго войска, полный увѣренности и надежды на побѣду надъ значительно меньшими силами Александра. Не только армія его была разбита и уничтожена, -- его мать, жена и дѣти находились во власти побѣдителя; посланный имъ передъ битвой при Иссѣ въ Дамаскъ обозъ сдѣлался добычей Парменіона, причемъ побѣдителямъ достались казна и различныя драгоцѣнности, и семейства многихъ знатныхъ персовъ попали въ плѣнъ. Правда, въ сокровищницахъ Сузы, Персеполя и Экбатаны хранились еще большія богатства въ золотѣ и серебрѣ, и въ провинціяхъ можно было еще набрать войско численностью значительно больше македонскаго — однимъ словомъ, при нѣкоторой энергіи и осторожности можно было еще легко оказать врагу сопротивленіе и отразить нападеніе на центральныя области государства; средства къ этому были въ распоряженіи персовъ. Но ударъ, полученный при Иссѣ, такъ ошеломилъ царя, что онъ прежде всего сталъ помышлять о мирномъ соглашеніи съ Александромъ. Еще во время пребыванія Александра въ Мараѳѣ къ нему явилось персидское посольство съ просьбою объ освобожденіи плѣнныхъ и съ предложеніемъ союзничества. Александръ потребовалъ полнаго подчиненія и признанія своего господства — лишь при соблюденіи этихъ условій Дарій могъ просить, о чемъ хотѣлъ. Во время осады Тира явилось второе посольство, уже съ опредѣленными предложеніями мира: Дарій предлагалъ Александру 10,000 талантовъ выкупа за плѣненныхъ женщинъ, уступалъ всю страну, расположенную къ западу отъ Евфрата до Эгейскаго моря, союзъ и дружбу, и для закрѣпленія послѣдней предлагалъ Александру руку одной изъ своихъ дочерей. Но Александръ отклонилъ и эти условія: онъ снова потребовалъ полнаго подчиненія царя.

Тогда персы прекратили переговоры. Дарій собралъ новое войско, чтобы отразить нападеніе македонянъ на центральныя области своего государства. Въ теченіе 332 и 331 гг. до Р. Х. изъ Персіи и Мидіи, Каппадокіи и Бактріи, словомъ изъ всѣхъ сатрапій, остававшихся еще за персидскимъ царствомъ, стекались въ Вавилонъ отряды, подвергавшіеся

8*

здѣсь тщательному обученію и подготовлявшіеся къ походу; кавалерія получила лучшее вооруженіе, снабжена была щитами и длинными копьями; персы выставили 200 боевыхъ колесницъ и снарядили даже слоновъ. Лѣтомъ 331 года Дарій съ милліоннымъ, какъ передаютъ, войскомъ выступилъ изъ Вавилона.

Весною того же года (331) Александръ выступилъ изъ Мемфиса. Онъ сдѣлалъ остановку въ Тирѣ, гдѣ его ожидалъ флотъ. Здѣсь былъ данъ праздникъ съ гимнастическими играми и музыкальными состязаніями въ честь Геракла, къ которому съѣхалось множество греческихъ художниковъ. Отсюда же посланъ былъ въ Пелопоннесъ адмиралъ Амфотеръ съ флотомъ, которому финикіяне и жители Кипра обѣщали подкрѣпленіе въ 100 кораблей, и который, соединившись съ правителемъ Антипатромъ, долженъ былъ смирить спартанцевъ, поднявшихся войною на Македонію подъ предводительствомъ царя Агиса, и оказать поддержку оставшимся вѣрными пелопоннесцамъ противъ нападенія Спарты. Македонское войско двинулось на востокъ, обошло сирійскую пустыню и достигло Евфрата при Тапсакѣ. Его передовые отряды принялись уже за постройку двухъ мостовъ, но непріятельская кавалерія помѣшала довести ихъ до лѣваго берега. При появленіи самого Александра непріятельская конница отступила, мосты были окончены, и Евфратъ безпрепятственно перейденъ. Отъ Тапсака Александръ пошелъ вверхъ по рѣкѣ по направленію къ сѣверу, повернулъ затѣмъ на востокъ и прошелъ по южнымъ склонамъ армянскихъ горъ черезъ мѣстность, доставлявшую достаточно провіанта для войска и лошадей и менѣе подвергавшую ихъ палящей жарѣ, чѣмъ если бы царь избралъ прямой путь отъ Тапсака черезъ месопотамскую равнину. У Тигра, какъ дали знать развѣдчики, царя долженъ былъ встрѣтить непріятель.

Получивъ извѣстіе о приближеніи Александра, Дарій выступилъ изъ Вавилона, перешелъ Тигръ и занялъ на лѣвомъ берегу его по ту сторону Лика (нынѣ Большой Забъ) при Гавгамелахъ выгодную позицію на широкомъ ровномъ полѣ, очень благопріятномъ для развертыванія огромнаго персидскаго войска. Однако переходу Александра черезъ Тигръ персы не воспрепятствовали. Сдѣлавъ привалъ на другомъ берегу его, Александръ пошелъ внизъ по рѣкѣ и послѣ четырехъ дней пути наткнулся на непріятельскихъ развѣдчиковъ. Тутъ же онъ узналъ, что Дарій стоитъ при Гавгамелахъ. 1-го октября 331 г. до Р. Х. произошла битва. Несмотря на численное превосходство персовъ и занятую ими выгодную позицію, она окончилась полнымъ ихъ пораженіемъ. Дарій въ сопровожденіи своихъ тѣлохранителей и нѣсколькихъ всадниковъ бѣжалъ изъ Арбелъ (нынѣ Эрбилъ) черезъ горы въ Экбатану и предоставилъ побѣдителю нижнюю половину своего царства.

Вскорѣ послѣ битвы Александръ, не встрѣчая сопротивленія, вступилъ въ Вавилонъ. И здѣсь, какъ въ Египтѣ, ему удалось расположить въ свою пользу населеніе: онъ принесъ жертвы по указанію халдеевъ и велѣлъ вновь отстроить разрушенный Ксерксомъ храмъ Бела. Организуя управленіе Вавилоніи, Александръ руководился тѣми же принципами, что въ Египтѣ: и здѣсь намѣстникомъ былъ назначенъ одинъ изъ знатныхъ персовъ, Мазей; но на ряду съ нимъ военнымъ губернаторомъ назначенъ былъ амфиполянинъ Аполлодоръ, а главнымъ чиновникомъ для сбора податей тоже грекъ, по имени Асклепіодоръ. Подчинившаяся Армепія также получила въ сатрапы знатнаго перса Митрина, бывшаго начальника крѣпости Сарды. Сатрапія Сузіана съ главнымъ городомъ Сузой, куда Александръ выступилъ изъ Вавилона въ концѣ ноября 331 г., получила то же управленіе, что Вавилонія: намѣстникомъ назначенъ былъ знатный персъ по имени Абулитъ, а начальство надъ гарнизонными отрядами поручено было македонянамъ.

Суза, отдавшаяся въ руки побѣдителя, была зимней и весенней резиденціей персидскихъ царей. Александру достались здѣсь богатства въ 50,000 талантовъ серебра (235 милліоновъ марокъ); тутъ же находилась и добыча, взятая Ксерксомъ въ греческой войнѣ: статуи Гармодія и Аристогитона царь возвратилъ аѳинянамъ. Сюда же пришли и подкрѣпленія изъ Македоніи, числомъ 8500 человѣкъ, пополнившія образовавшіеся въ войскѣ пробѣлы.

Настоящей резиденціей персидскихъ царей, куда они отправлялись въ особенно торжественныхъ случаяхъ (вступленіе на престолъ и праздникъНоруса) былъ Персеполь, лежавшій къ юго-востоку отъ Сузы и отдѣленный отъ нея высокими непроходимыми горами. Въ этихъ горахъ жили уксіи, сохранившіе свою независимость отъ персовъ и даже получавшіе отъ царя, при проѣздѣ его черезъ находившійся въ ихъ владѣніяхъ проходъ, денежный подарокъ, т.-е. въ сущности бравшіе съ него дань. Такой же денежный подарокъ они потребовали и отъ Александра при приближеніи его къ проходу; но царь, взявъ проводниковъ изъ Сузы, съ избранными отрядами по тяжелой дорогѣ обошелъ проходъ, ворвался въ горы и поселенія уксіевъ, собралъ богатую добычу, ускореннымъ маршемъ вернулся назадъ и напалъ на отряды, защищавшіе проходъ. Уксіи должны были сдаться и отнынѣ доставлять въ видѣ дани опредѣленное число быковъ, лошадей и овецъ. Здѣсь македонская армія раздѣлилась. Парменіонъ съ тяжелой пѣхотой пошелъ по большой дорогѣ, ведущей по западнымъ склонамъ горъ; Александръ самъ прошелъ черезъ горы. Второй проходъ, такъ называемыя персидскія ворота, также лежавшія по горной дорогѣ изъ Сузъ въ Персеполь, были заняты сатрапомъ Аріобарзаномъ, который загромоздилъ узкую дорогу и со своими 40,000 человѣкъ отразилъ нападеніе Александра. И тутъ царю, оставившему у прохода полководца Кратера, удалось обойти Аріобарзана. Окруженный съ фронта и съ тыла Аріобарзанъ долженъ былъ отступить и предоставить побѣдителю свободный проходъ черезъ персидскія ворота далѣе на Персеполь.

Не оказывая дальнѣйшаго сопротивленія, этотъ городъ подчинился Александру. Добытыя здѣсь богатства достигали, какъ передаютъ, цифры 120,000 талантовъ или 500 милліоновъ марокъ. По приказанію Александра царская резиденція съ ея большими чудными дворцами была предана пламени, въ возмездіе за разрушенные нѣкогда персами въ Греціи города и храмы. Этимъ была якобы достигнута выставленная осенью 336 года на союзномъ собраніи въ Коринѳѣ, цѣль войны. Съ такимъ толкованіемъ того значенія, какое имѣло сожженіе царскихъ дворцовъ въ Персеполѣ, согласуется и то обстоятельство, что вскорѣ послѣ этого въ Экбатанѣ Александръ отпустилъ ѳессалійскія и греческія союзныя войска, заплативъ имъ полностью причитавшуюся имъ наемную плату до прибытія ихъ на родину и сдѣлавъ имъ сверхъ того подарокъ въ 2000 талантовъ. Лишь небольшая часть ѳессалійцевъ осталась при македонской арміи и поступила на службу къ царю.

Съ этого времени царь велъ войну уже одинъ со своими македонянами и набранными наемниками; теперь онъ осуществилъ то, что, по всей вѣроятности, съ самаго начала было конечной цѣлью его стремленій: онъ завершилъ завоеваніе всего персидскаго царства. Но царь персидскій былъ еще живъ, ему еще повиновались восточныя сатрапіи (см. карту, стр. 120), и полная побѣда надъ нимъ была теперь ближайшей задачей Александра.

Послѣ битвы при Гавгамелахъ Дарій съ большимъ войскомъ бѣжалъ въ Экбатану (нынѣ Гамадонъ), — расположенную въ Мидіи лѣтнюю резиденцію персидскихъ царей, — и тамъ выжидалъ дальнѣйшаго хода событій. Дѣйствительно, положеніе Экбатаны какъ нельзя лучше благопріятствовало этой

цѣли: изъ нея легко было сноситься съ Вавилоніей и Персидой, а также и съ востокомъ, куда вела большая дорога черезъ Раги (нынѣ Рей у Тегерана), проходившая затѣмъ черезъ каспійскія ворота (нынѣ проходъ Сердара) между горами и соляной пустыней по богатой плодородной мѣстности. Изъ остававшихся еще въ его власти восточныхъ сатрапій царь долженъ былъ ожидать новыхъ войскъ или же бѣжать туда, если бы войска эти не пришли своевременно. Къ сожалѣнію случилось послѣднее: Александръ опередилъ персовъ. Получивъ извѣстіе о его приближеніи, Дарій бѣжалъ на востокъ; обозъ и гаремъ уже раньше предусмотрительно были высланы къ каспійскимъ воротамъ.

Александръ весною 330 г. до Р. Х. выступилъ изъ Персеполя. Послѣ короткаго пребыванія въ Экбатанѣ, оставивъ тамъ Парменіона во главѣ 7000 македонянъ для охраны перевезенной изъ Персеполя и Сузы въ Экбатану и порученной Гарпалу казны и обезпеченія мидійской столицы и сатрапіи, онъ ускоренными переходами двинулся по большой дорогѣ вслѣдъ за бѣжавшимъ царемъ. Отъ Раги онъ лишь съ избраннымъ отрядомъ поспѣшилъ дальше черезъ каспійскія ворота и удвоилъ еще быстроту своего движенія послѣ того, какъ узналъ, что Бессъ, сатрапъ Бактріи, и Барзаентъ, сатрапъ Арахозіи, захватили Дарія и везутъ его съ собой скованнымъ, и что войска Дарія провозгласили Бесса предводителемъ. Только Артабазъ и греческіе наемники остались вѣрными своему господину и, не имѣя возможности спасти его, отдѣлились отъ Бесса. Все большее и большее число македонянъ, теряя силы въ этомъ бѣшеномъ преслѣдованіи, оставалось позади, пока наконецъ Александръ не посадилъ 500 изъ нихъ на коней. Наконецъ на шестой день онъ настигъ заговорщиковъ недалеко отъ Гекатомпила. Этотъ безпримѣрный переходъ — 50 миль въ шесть дней — всегда возбуждалъ всеобщее удивленіе и дѣйствительно заслуживаетъ наименованіе чудеснаго, присвоенное ему въ древности. На персовъ внезапное появленіе Александра произвело такое впечатлѣніе, что они, не думая о сопротивленіи, искали спасенія въ бѣгствѣ, предварительно умертвивъ Дарія. Правда, если бы воины Бесса, считавшіе себя въ безопасности отъ всякаго нападенія, могли подозрѣвать, съ какими незначительными, измученными и изможденными силами настигъ ихъ Александръ, они нашли бы въ себѣ достаточно мужества, чтобы оказать ему сопротивленіе; но его внезапное появленіе лишило ихъ способности что-либо соображать. Бессъ бѣжалъ съ 600 всадниковъ. Александръ велѣлъ похоронить трупъ царя въ Пасаргадахъ (въ іюлѣ 330 г. до Р. Х.); на себя самого онъ смотрѣлъ теперь, какъ на его законнаго преемника (см. табл. при стр. 129, фиг. 1).

Давъ отдыхъ своему измученному отряду, царь соединился затѣмъ съ слѣдовавшимъ за нимъ войскомъ и покорилъ лежавшую на южномъ берегу Каспійскаго моря сатрапію Гирканію. При этомъ онъ принялъ въ свое войско большую часть тѣхъ греческихъ наемниковъ, которые, отдѣлившись отъ персидскихъ заговорщиковъ, удалились въ горы Гирканіи: онъ отпустилъ лишь тѣхъ, кто поступилъ на персидскую службу до заключенія эллинскаго союза.

Многіе знатные персы, каковы уже названный Артабазъ, хиліархъ Набарзанъ и Фратафернъ, сатрапъ Парѳіи и Гирканіи, также перешли на его сторону. Съ послами греческихъ городовъ, находившимися у Дарія, но удалившимися послѣ его плѣненія вмѣстѣ съ греческими наемниками, онъ обошелся различно: четыре лакедемонянина и одинъ аѳинянинъ были имъ задержаны, пословъ же Синопа и Калхедона онъ отпустилъ, такъ какъ ихъ города не принадлежали къ коринѳскому союзу. Правда, и Спарта не примкнула къ этому союзу, но она въ это время вела войну съ правителемъ Антипатромъ. До самаго конца жизни Дарія мы встрѣчаемъ у него пословъ отъ греческихъ государствъ; только смерть его и пере-

ходъ власти къ Александру уничтожили надежды грековъ на персидскую помощь.

Виновники плѣненія и послѣдовавшаго затѣмъ убійства Дарія между тѣмъ раздѣлились: Бессъ бѣжалъ въ Бактру (нынѣ Балха), главный городъ своей сатрапіи, возложилъ на себя тіару убитаго царя, назвалъ себя царемъ Артаксерксомъ и организовалъ новое войско, разсчитывая главнымъ образомъ на сосѣднія воинственныя кочующія племена скиѳовъ; Сатибарзанъ же, сатрапъ Аріи, отправился въ свои земли, но подчинился при приближеніи Александра. Александръ утвердилъ Сатибарзана въ его должности, оставилъ у него подъ предводительствомъ Анаксиппа нѣсколько македонскихъ всадниковъ и выступилъ на востокъ, чтобы кратчайшей дорогой черезъ нынѣшній Мервъ достичь Бактры и напасть на Бесса. Но возмущеніе Сатибарзана, перешедшаго снова на сторону Бесса, и убійство Анаксиппа и оставленныхъ съ нимъ македонянъ заставили царя повернуть обратно, чтобы прежде всего покорить Арію съ ея главнымъ городомъ Артакоаной (какъ предполагаютъ, поблизости отъ теперешняго Герата). Получивъ извѣстіе о приближеніи Александра, возставшій сатрапъ бѣжалъ. Позднѣе, онъ во главѣ 2000 всадниковъ вновь пытался вызвать въ странѣ возмущеніе, но при этомъ погибъ. Персъ Арсамъ получилъ эту сатрапію.

Это событіе побудило по всей вѣроятности царя отказаться отъ начатаго уже похода черезъ пустыню на Мервъ и предварительно покорить прилегающую съ юга къ Аріи область дранговъ (нынѣ Сеистанъ), и отсюда черезъ долину Этимандра (Гильмендъ) и Арахозію (Кандагаръ) пройти къ подошвѣ Паропамиза (Гиндукушъ). Очевидно, онъ хотѣлъ отнять у Бесса возможность получить изъ этихъ мѣстностей подкрѣпленіе войсками. У подошвы Паропамиза онъ основалъ городъ Александрію. Затѣмъ, еще зимою, несмотря на глубокій снѣгъ и недостатокъ въ провіантѣ, онъ перешелъ горы и, послѣ крайне труднаго спуска въ долину, нашелъ всю страну опустошенной Бессомъ. Но, несмотря на всевозможныя затрудненія, онъ тѣмъ не менѣе вторгся въ Бактрію.

Бессъ между тѣмъ черезъ Оксусъ (Аму-Дарья) отступилъ въ Согдіану, очевидно въ надеждѣ, что противникъ не рѣшится послѣдовать за нимъ, такъ какъ Согдіана съ юга, запада и сѣвера окружена была безводными пустынями. Но Александръ не отступилъ передъ этимъ препятствіемъ; послѣ труднаго, полнаго лишеній, перехода въ 400 стадій (74 километра) черезъ пустыню Бактріи, гдѣ недостатокъ въ водѣ и палящій песокъ почти лишали солдатъ возможности двигаться, онъ достигъ быстрой и глубокой рѣки, переправа черезъ которую представляла тѣмъ большія трудности, что Бессъ сжегъ за собою всѣ суда. Александръ преодолѣлъ и это препятствіе: изъ кожаныхъ солдатскихъ палатокъ онъ приказалъ сшить рукава; наполненные тростникомъ, они послужили для переправы черезъ рѣку. Затѣмъ Александръ пошелъ дальше по направленію къ сѣверу, чтобы настигнуть бѣжавшаго Бесса. По предложенію его сообщниковъ, Спитамена, начальника согдіанской конницы, и перса Датаферна, вызвавшихся черезъ пословъ выдать Александру убійцу Дарія, если бы онъ послалъ имъ необходимое подкрѣпленіе, Александръ выслалъ впередъ Птоломея съ отрядомъ конницы и легкой пѣхоты. Птоломею удалось настичь Бесса и взять его въ плѣнъ. Закованный въ кандалы, Бессъ приведенъ былъ къ Александру (въ началѣ лѣта 329 г.); царь приказалъ бить его плетью, отвести въ тюрьму въ Бактры и затѣмъ распять на крестѣ.

Но прошло еще цѣлыхъ два года, прежде чѣмъ Александръ могъ покинуть Согдіану. Спитаменъ, бѣжавшій во главѣ своей конницы при приближеніи Птоломея, организовалъ въ Согдіанѣ и Бактріи возстаніе и привлекъ на свою сторону кочующія племена, оказавшія ему поддержку. Когда Александръ вскорѣ послѣ плѣненія Бесса прошелъ черезъ Мара-

канду (Самаркандъ) къ Яксарту (Сыръ-Дарья), основалъ на этой рѣкѣ городъ Александрію-Есхату („крайнюю"), прогналъ собравшихся на другомъ берегу рѣки саковъ и заставилъ ихъ дать клятву въ повиновеніи — вспыхнуло возстаніе. Это была война, одновременно разгорѣвшаяся въ нѣсколькихъ мѣстахъ и нанесшая македонянамъ чувствительныя потери. Но настойчивость и выдержка Александра и тутъ одержали верхъ, тѣмъ болѣе, что Спитаменъ, душа возстанія, былъ убитъ массагетами.

Наконецъ, лѣтомъ 327 г. до Р. Х., когда послѣ горячей борьбы и тяжелыхъ лишеній завоеваны были и нѣкоторыя укрѣпленныя поселенія въ горахъ востока, вся страна до Яксарта, признаннаго Александромъ, какъ то было и при персахъ, границей государства (см. приложенную карту „Царство Александра Великаго"), могла считаться покоренной и умиротворенной. Среди плѣнныхъ, попавшихъ въ руки побѣдителя послѣ штурма одной изъ горныхъ крѣпостей, находилась Роксана, дочь Оксіарта, дѣвушка поразительной красоты. Александръ до такой степени увлекся ею, что женился на ней и тѣмъ удовлетворилъ желанію своего народа, давно жаждавшаго видѣть своего царя женатымъ.

Въ эти годы усиленной военной дѣятельности произошло нѣсколько событій, заставляющихъ насъ бросить взглядъ на внутреннее положеніе дѣлъ при дворѣ Александра.

Первый случай касается Филота, сына Парменіона, предводителя македонской конницы гетеровъ. Еще въ Египтѣ противъ него было возбуждено подозрѣніе въ опасныхъ интригахъ и измѣнническихъ планахъ; Александръ, бывшій съ нимъ въ дружбѣ, не повѣрилъ тогда доносу. Но въ Дрангіанѣ (осенью 330 г.) былъ открытъ направленный противъ Александра заговоръ, и участники его, въ томъ числѣ и Филотъ, были немедленно арестованы. Царь собралъ войско и предоставилъ ему, какъ это было въ обычаѣ, судить Филота. Неизвѣстно, принималъ ли Филотъ непосредственное участіе въ заговорѣ или нѣтъ; достовѣрно лишь то, что онъ зналъ о замыслѣ на жизнь царя и не доложилъ о немъ, хотя ежедневно бывалъ у Александра. Войско осудило его и остальныхъ обвиняемыхъ и немедленно разстрѣляло ихъ. Ту же судьбу раздѣлилъ съ нимъ и сѣдовласый отецъ его, Парменіонъ; Александръ послалъ въ Экбатану приказъ умертвить стараго полководца, потому ли, что считалъ его соучастникомъ заговора, или же по тому, что опасался его вліянія послѣ смерти Филота. Какъ ни мало можно оправдать Александра въ этомъ случаѣ, но отсюда во всякомъ случаѣ явствуетъ, что при дворѣ его существовало недовольство. Позднѣе оно выступитъ для насъ еще очевиднѣе.

Позднѣе, въ Маракандѣ, Александръ далъ пиръ въ честь Діоскуровъ, въ которомъ принялъ участіе и особенно близкій ему Клитъ. Когда разгоряченные виномъ льстецы стали въ пѣсняхъ прославлять до небесъ Александра и издѣваться надъ прежними македонскими царями, Клитъ поднялся съ своего мѣста, указалъ на заслуги Филиппа и другихъ царей и наговорилъ Александру много непріятностей, сильно его задѣвшихъ. Между ними завязался споръ, среди котораго Александръ внезапно вскочилъ и вырвалъ копье изъ рукъ одного изъ тѣлохранителей; всѣ присутствовавшіе побросали свои кубки и испуганно вскочили съ мѣстъ, но Птоломей сумѣлъ сохранить настолько присутствіе духа, что успѣлъ вытолкать Клита за дверь. Однако Клитъ вернулся въ залъ черезъ другую дверь и снова сталъ поносить своего господина. Не владѣя собой, Александръ пронзилъ его копьемъ. Но тотчасъ же послѣ этого царемъ овладѣло глубокое раскаяніе и горе; его отнесли въ его покои, гдѣ онъ лежалъ, плача и терзаясь, пока убѣжденія друзей и влеченіе его собственной натуры не вернули его къ жизни. Это было поступокъ, совершенный въ гнѣвѣ и ослѣпленіи страстью; но раскаяніе, овладѣвшее Александромъ, лучше всего показы-

ЦАРСТВО АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО

(обраб. Карл. Вольфъ).

Масштабъ 1 : 24 000 000

0 — 200 — 400 — 600 — въ Километры

Походы Александра

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

ваетъ, какъ чужды ему были мстительность и кровожадность восточныхъ деспотовъ.

Весною 327 года въ Бактрахъ снова былъ открытъ заговоръ противъ жизни Александра. Одинъ изъ пажей, по имени Гермолай, наказанный за какой-то проступокъ, поклялся отомстить царю и вмѣстѣ съ другими пажами составилъ на извѣстную ночь планъ убійства Александра. Но царь случайно не вернулся въ эту ночь домой, и планъ заговорщиковъ не удался. Одинъ изъ нихъ открылъ затѣмъ замыселъ, и остальные были схвачены и казнены. Несомнѣнно, въ основѣ этого заговора лежали чисто личные, не политическіе мотивы; и тѣмъ не менѣе онъ не былъ лишенъ и политическаго характера.

Среди философовъ и ученыхъ, сопровождавшихъ Александра въ его походѣ, находился и Каллисѳенъ изъ Олинѳа, племянникъ Аристотеля; онъ написалъ исторію этой войны, и многіе сохранившіеся изъ нея отрывки указываютъ на то, что авторъ очень изощрился въ краснорѣчіи. Но отношенія его къ царю мало-по-малу измѣнились. Онъ началъ играть роль поборника свободы и ненавистника тиранновъ и энергично боролся противъ лести, которою соперникъ его, Анаксархъ изъ Абдеры, окружалъ царя. По сохранившимся извѣстіямъ онъ главнымъ образомъ возмущался предполагавшимся введеніемъ въ придворный церемоніалъ колѣнопреклоненія при привѣтствованіи царя, такъ называемое проскинесы, много вращался среди молодежи и въ бесѣдахъ съ нею не соблюдалъ достаточной осторожности. Когда Гермолай и его сообщники были арестованы, противъ Каллисѳена было возбуждено обвиненіе въ томъ, что онъ побуждалъ ихъ къ преступленію. Александръ приказалъ арестовать и его и распять на крестѣ; по другимъ извѣстіямъ онъ вскорѣ послѣ того умеръ въ темницѣ.

Мы видимъ такимъ образомъ ясно, что между царемъ и частью его приближенныхъ существовалъ разладъ, вызванный новымъ положеніемъ царя. Какъ властелинъ персидскаго царства, онъ долженъ былъ являться своимъ новымъ подданнымъ во всемъ великолѣпіи и роскоши восточнаго деспота, облечься въ восточныя одежды и ввести при торжественныхъ случаяхъ и большихъ пріемахъ восточный церемоніалъ. Это возбуждало въ македонянахъ тайное недовольство, ожидавшее лишь удобнаго случая, чтобы разразиться открытымъ возстаніемъ. Позднѣе, однако, оппозиція умолкла.

Лѣтомъ 327 г. до Р. Х. Александръ со своимъ войскомъ покинулъ Бактрію, оставивъ тамъ сильный отрядъ, прошелъ обратно черезъ Гиндукушъ, расширилъ и укрѣпилъ основанный имъ здѣсь городъ Александрію (см. выше, стр. 119) и выступилъ въ походъ противъ Индіи. Онъ призвалъ къ военной службѣ 30,000 человѣкъ бактрійцевъ и согдіанцевъ, вооружилъ и обучилъ ихъ по македонскому образцу; они должны были бороться подъ его знаменами вмѣстѣ съ македонянами. Но Александръ предпринялъ индійскій походъ не столько съ цѣлью новыми побѣдами приковать къ себѣ эти старыя и новыя составныя части своего войска и слить ихъ между собой, какъ это полагали многіе; скорѣе его побудили къ тому другія причины. Уже прежніе цари Персіи, Дарій Гистаспъ и Ксерксъ, владѣли долиной Инда; въ тѣхъ же предѣлахъ хотѣлъ владѣть царствомъ и Александръ (см. то, что разсказано выше о Яксартѣ). Какъ Пенджабъ, такъ и западныя гористыя части Индіи (нынѣ Афганистанъ и Кашміръ) распадались на многія отдѣльныя княжества, никогда не достигшія политическаго единства. Отдѣльные князья враждовали между собою; нѣкоторые изъ нихъ уже раньше завязали мирныя сношенія съ Александромъ и просили его о помощи. Какъ ни мало была изслѣдована въ то время Индія, богатство ея всевозможными продуктами было извѣстно; еще задолго до Александра индійскіе товары пересы-

лались черезъ проходъ Гиндукуша въ Бактрію, а оттуда по Черному морю достигали греческихъ колоній и расходились по всей Европѣ. Одной изъ побудительныхъ причинъ къ индійскому походу несомнѣнно было желаніе царя открыть торговлѣ эти богатыя области, сдѣлать ихъ болѣе доступными какъ новозавоеваннымъ странамъ, такъ и родинѣ, и создать такимъ образомъ новые пути торговымъ и инымъ сношеніямъ.

Дорога отъ южныхъ склоновъ Гиндукуша къ Инду ведетъ черезъ долину Кофена (нынѣ Кабулъ) и (снова прославившійся во время англійскихъ колоніальныхъ войнъ) Гайдерабадскій проходъ. Пердикка и Гефестіонъ съ частью войска пошли по этой дорогѣ, получивъ приказъ, достигнувъ Инда, немедленно приступить къ постройкѣ черезъ него моста. Александръ самъ прошелъ по гористой мѣстности, орошаемой сѣверными притоками Кофена, по нынѣшнимъ Кафиристану и Читралу. Жившія тамъ воинственныя племена аригеи, гуреи и ассакены покорились лишь послѣ долгой борьбы и храбраго сопротивленія. Александръ назначилъ намѣстникомъ Никанора, укрѣпилъ нѣкоторые изъ городовъ и вновь отстроилъ тѣ, которые были сожжены жителями при его приближеніи, и всюду поставилъ гарнизоны; онъ считалъ очевидно полное покореніе этой страны необходимымъ условіемъ для умиротворенія и успѣшнаго развитія своихъ, расположенныхъ къ югу и къ сѣверу отъ Гиндукуша, земель. Желая безъ сомнѣнія удержать за собой Индію, онъ долженъ былъ обезпечить возможность сношеній между нею и отдаленнѣйшими областями своей монархіи.

Только весною 326 г. до Р. Х. удалось Александру соединиться съ Пердиккой и Гефестіономъ и по выстроенному ими мосту перейти Индъ. Князь этой области, Таксилъ, еще въ Согдіанѣ обратившійся къ Александру, прося помощи въ борьбѣ съ своими сосѣдями, теперь подчинился и сохранилъ за собой свое княжество, которое вскорѣ было даже расширено. Другіе индійскіе князья послѣдовали его примѣру. Только Поръ, царство котораго лежало по ту сторону Гидаспа, не послалъ пословъ къ Александру и ожидалъ его у пограничной рѣки своего государства съ хорошо вооруженнымъ войскомъ. Гидаспъ въ это время сильно разлился вслѣдствіе лѣтнихъ дождей, и переправа черезъ него казалась очень затруднительной; къ тому же Поръ зорко охранялъ берега. Поручивъ Кратеру остаться въ виду лагеря Пора и различными маневрами привлечь на себя его вниманіе, Александръ недалеко оттуда, незамѣченный непріятелемъ, совершилъ между тѣмъ переправу. Несмотря на непріятельскихъ слоновъ, битву выиграли македоняне. Поръ сдался, сохранилъ за собой свое царство и сталъ отнынѣ вѣрнымъ союзникомъ Александра, который вскорѣ увеличилъ еще его владѣнія, присоединивъ къ нимъ царство второго Пора, расположенное по ту сторону Акесина. На мѣстѣ битвы съ первымъ Поромъ основанъ былъ новый городъ Никея, на мѣстѣ переправы черезъ Гидаспъ—Буцефала, получившій названіе въ честь боевого коня Александра, Буцефала. Воспользовавшись большимъ количествомъ строевого лѣса, Александръ приказалъ построить на Гидаспѣ флотъ, чтобы на немъ спуститься по Инду, а самъ между тѣмъ пошелъ дальше за Траотъ, но у Гифазиса повернулъ обратно, какъ говорятъ, вынужденный къ тому своими же солдатами, которые, измученные чрезмѣрными лишеніями, настаивали на возвращеніи.

Окончивъ постройку флота, войско двинулось въ обратный походъ на западъ. Александръ сѣлъ на корабль и спустился внизъ по Гидаспу, затѣмъ по Акесину и наконецъ по Инду. По обѣимъ сторонамъ этихъ рѣкъ отряды войска сопровождали флотъ; Александръ часто прерывалъ путь для покоренія окрестныхъ племенъ. При осадѣ города воинственныхъ малловъ на нижнемъ Акесинѣ, гдѣ царь первый взобрался на стѣну и оттуда соскочилъ въ средину непріятелей, онъ былъ тяжело раненъ и

спасенъ лишь благодаря геройской храбрости своихъ воиновъ. Наконецъ, войско достигло города Патталы при началѣ дельты, а оттуда и устья Инда. Александръ выѣхалъ въ открытое море и первый изъ эллиновъ принесъ среди волнъ новооткрытаго Индійскаго океана жертву Посейдону. Здѣсь греки впервые съ изумленіемъ наблюдали приливъ и отливъ.

Все указываетъ на то, что Александръ хотѣлъ укрѣпить за собой Индъ. Къ западу отъ рѣки онъ основалъ двѣ сатрапіи; къ востоку отъ нея лежали вассальныя государства Таксила и Пора. Кромѣ упомянутыхъ уже городовъ Никеи и Буцефалы на Акесинѣ основанъ былъ еще одинъ городъ, и расположенная при началѣ дельты Инда Паттала была укрѣплена и снабжена верфями и гаванью.

Въ концѣ лѣта 325 г. Александръ изъ Патталы, куда онъ вернулся послѣ своей морской поѣздки и изслѣдованія обоихъ рукавовъ Инда, выступилъ черезъ Гедрозію (Белуджистанъ) на западъ и послѣ тяжелаго, сопряженнаго съ большими потерями, перехода черезъ пустыню достигъ наконецъ Персиды. Адмиралъ Неархъ получилъ приказъ спуститься съ флотомъ по Инду, выйти въ море и искать соединенія между устьями Инда и Евфрата, собирая попутно по берегамъ свѣдѣнія о странѣ и ея обитателяхъ. Неархъ блестяще исполнилъ данное ему порученіе: онъ открылъ морской путь изъ Индіи черезъ Персидское море въ Вавилонію. Такъ былъ найденъ новый путь, открывшій западнымъ народамъ богатства Индіи; расцвѣту этой новой торговли сильно содѣйствовали также основанные Александромъ на Индѣ города.

Когда Александръ прибылъ въ Персеполь, присутствіе его тамъ было уже необходимо. Въ Мидіи поднялся узурпаторъ, принявшій на себя титулъ царя; казначей Александра, Гарпалъ, бѣжалъ, совершивъ громадныя растраты; одни изъ сатраповъ по старому персидскому обычаю притѣсняли своихъ подданныхъ, другіе навербовали наемниковъ лично для себя. Александръ безпощадно наказалъ виновныхъ и вскорѣ возстановилъ порядокъ.

Послѣдующіе годы посвящены были дѣламъ внутренняго управленія, развитію и укрѣпленію новаго господства и сліянію побѣдителей съ туземнымъ населеніемъ. Весною 324 г. Александръ взялъ себѣ въ жены двухъ принцессъ персидскаго царскаго дома, Статиру и Паризатиду. Одновременно съ царемъ многіе македонскіе полководцы отпраздновали свою свадьбу со знатными персіянками; солдатамъ, пожелавшимъ взять въ жены персидскихъ женщинъ, Александръ также устроилъ пиръ и далъ свадебные подарки. Это былъ разумный шагъ на пути къ сліянію обѣихъ націй.

Преслѣдуя ту же цѣль, Александръ приказалъ принять на службу въ македонское войско 30,000 персовъ, вооружилъ и обучилъ ихъ по македонскому образцу. Этотъ приказъ вызвалъ неудовольствіе македонскаго войска, но Александръ успокоилъ солдатъ, взявъ на себя уплату всѣхъ ихъ долговъ. Лишь позднѣе, когда Александръ, изслѣдовавъ обѣ рѣки и устранивъ существовавшія на Тигрѣ препятствія къ навигаціи, лѣтомъ 324 г. до Р. Х. пришелъ въ Опиду, куда Гефестіонъ уже раньше привелъ войско, и тутъ отпустилъ на родину подъ предводительствомъ Кратера 10,000 ветерановъ, мѣсто которыхъ должны были заступить персидскіе отряды, неудовольствіе войска перешло въ открытый мятежъ. Но личное появленіе Александра сильно подѣйствовало на возставшихъ: когда царь послѣ того заперся во дворцѣ и довѣрилъ охрану своей особы персамъ, македоняне въ раскаяніи стали просить о прощеніи. 10,000 ветерановъ безропотно ушли на родину, 30,000 персовъ были введены въ войско и вмѣстѣ съ нимъ соединены въ тактическія единицы. Въ каждой ротѣ изъ 16 рядовъ три первыхъ и послѣдній замыкающій были составлены изъ македонянъ, средніе же изъ персовъ.

Изъ Описды Александръ пошелъ въ Экбатану. Здѣсь онъ потерялъ своего друга и полководца Гефестіона, по которомъ долго скорбѣлъ и которому оказалъ небывалыя почести. Затѣмъ онъ занялся покореніемъ коссеевъ, народа, сохранившаго подобно уксіямъ свою независимость и занимавшагося въ самомъ центрѣ государства разбоями и грабежами. Александръ заставилъ косеевъ образовать поселенія и заняться земледѣліемъ и, чтобы держать ихъ въ рукахъ, заложилъ здѣсь нѣсколько укрѣпленій.

Въ Вавилонѣ смерть положила предѣлъ его стремленіямъ (лѣтомъ 323 г. до Р. Х.). До конца жизни онъ носился съ великими замыслами; онъ имѣлъ въ виду колонизировать устье Евфрата и Тигра и весь восточный берегъ Персидскаго залива съ его островами, заселить ихъ финикіянами, объѣхать моремъ Аравію и создать морской путь между этими восточными землями и долиной Инда и Египтомъ. Всегда и всюду Александръ стремился проложить новые пути торговлѣ и содѣйствовать распространенію культуры.

Македонія не была уже теперь небольшимъ континентальнымъ государствомъ, какъ при прежнихъ царяхъ; освобожденная Филиппомъ отъ своихъ цѣпей, она благодаря Александру превратилась въ всемірную монархію. Удержалась ли бы она при жизни своего создателя на той же высотѣ, удалось ли бы смѣлому строителю осуществить задуманные планы: слить во-едино различныя національности своего огромнаго государства и вызвать ихъ къ плодотворной дѣятельности — вопросъ этотъ нынѣ является празднымъ.

e) Начало распаденія всемірной монархіи.

Глубокая тишина царила въ Вавилонѣ въ ночь послѣ смерти царя. Жители оставались въ своихъ домахъ, не рѣшаясь даже зажечь огней; македоняне, сознавая шаткость своего положенія, не снимали оружія. Дѣйствительно, положеніе было крайне запутанное, такъ какъ Александръ не оставилъ по себѣ наслѣдника. Но такъ какъ кто-нибудь долженъ былъ принять на себя веденіе дѣлъ, то вліятельнѣйшіе военачальники собрались на совѣтъ, и послѣ долгихъ споровъ рѣшили было обождать предстоявшаго вскорѣ разрѣшенія отъ бремени Роксаны, а до того времени предоставить управленіе совѣту четырехъ регентовъ.

Но пѣхота, побуждаемая однимъ изъ своихъ предводителей, Мелеагромъ, провозгласила царемъ своднаго брата Александра, слабоумнаго Филиппа Арридея; конница же осталась на сторонѣ военачальниковъ. Во время этого спора, возгорѣвшагося среди македонянъ непосредственно послѣ смерти Александра Великаго, и въ послѣдовавшей затѣмъ открытой борьбѣ, военачальники съ конницей оставили Вавилонъ и расположились лагеремъ передъ городомъ. Только послѣ долгихъ переговоровъ удалось примирить обѣ партіи; онѣ помирились подъ условіемъ провозглашенія царемъ какъ Филиппа Арридея, такъ и ожидаемаго ребенка Александра, если бы то оказался сынъ. Пердикка, въ качествѣ высшаго сановника, долженъ былъ принять на себя веденіе дѣлъ. Но тутъ разыгрался неожиданный эпилогъ. Когда во время смотра войскъ передъ воротами Вавилона пѣхота съ одной и конница со слонами съ другой стороны стояли другъ противъ друга — царь Арридей внезапно въѣхалъ въ середину пѣхоты и потребовалъ выдачи зачинщиковъ и бунтовщиковъ, угрожая повести атаку въ случаѣ неповиновенія. Вожди возмущенія были выданы и брошены на растоптаніе слонамъ; съ ними погибъ и Мелеагръ. Пердикка достигъ большого вліянія, ибо царя Арридея онъ вполнѣ держалъ въ своихъ рукахъ. Такъ возстановленъ былъ порядокъ, и дальнѣйшее существованіе государства, казалось, было обезпечено провозглашеніемъ царемъ Филиппа Арридея и послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ того рожденьемъ сына у вдовы Александра.

Но одинъ изъ двухъ царей былъ ребенокъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, другой слабоумный человѣкъ. И если генералы и военачальники, большей частью принадлежавшіе къ высшей македонской знати и частью (какъ напримѣръ Леоннатъ, Пердикка) даже состоявшіе въ родствѣ съ царскимъ домомъ, и подчинялись своему великому царю и во время его царствованія подавляли свое честолюбіе и властолюбіе, то теперь положеніе измѣнилось: Пердикка по должности своей и полученнымъ имъ отличіямъ стоялъ не выше большинства изъ нихъ, а между тѣмъ долженъ былъ отъ имени царей осуществлять царскую власть. И если Пердикка съ своей стороны могъ только желать, чтобы военачальники по возможности скорѣе оставили Вавилонъ и своимъ вліяніемъ не препятствовали ему въ исполненіи возложенныхъ на него дѣлъ, то съ другой стороны и военачальники стремились получить провинціи, гдѣ они, вдали отъ центральной власти, надѣялись найти подходящее поприще для своего честолюбія. Поэтому-то предпринятое въ скоромъ времени распредѣленіе сатрапій и отвѣчало общимъ интересамъ. За Антипатромъ остались Македонія и Греція, за Антигономъ Великая Фригія, въ которой онъ уже долгое время состоялъ сатрапомъ; изъ остальныхъ упомянемъ только наиболѣе важныя— Птоломей получилъ Египетъ, Леоннатъ Малую Фригію, Лизимахъ Ѳракію и Эвменъ Каппадокію, которую ему предстояло еще завоевать при содѣйствіи своихъ сосѣдей, Антигона и Леонната. Насъ здѣсь прежде всего интересуютъ Македонія и Ѳракія.

Отправляясь въ Азію для покоренія Персидскаго царства, Александръ оставилъ правителемъ Македоніи своего полководца Антипатра. Вѣдѣнію Антипатра подлежали и эллинскія государства, хотя и свободныя и связанныя съ Македоніей лишь союзными договорами, но не имѣвшія права вести самостоятельную политику, такъ какъ веденіе общихъ дѣлъ и разрѣшеніе могущихъ возникнуть споровъ и раздоровъ предоставлено было союзному собранію въ Коринѳѣ, подъ главенствомъ Македоніи. Въ совѣтѣ амфиктіоновъ Македонія также имѣла голосъ, предоставлявшій ей весьма удобное средство для распространенія своего вліянія надъ Греціей. Антимакедонская партія существовала, конечно, какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ другихъ эллинскихъ государствахъ, но повсюду она держалась спокойно. Надежда на возстаніе, появившаяся послѣ смерти Филиппа, исчезала по мѣрѣ того, какъ побѣды Александра становились болѣе извѣстны и показывали несбыточность ожидаемой отъ Дарія помощи.

Только Спарта не заключила мира съ македонскимъ царемъ. Царь ея Агисъ, еще въ 333 г. до Р. Х. овладѣвшій важнымъ островомъ Критомъ, благодаря полученной отъ персидскихъ адмираловъ поддержкѣ деньгами и кораблями, и позднѣе продолжалъ свои интриги противъ Македоніи. Весною 331 г. до Р. Х. онъ вступилъ въ союзъ съ нѣкоторыми греческими государствами, Элидой, Ахаіей (кромѣ Пеллене) и Аркадіей—съ цѣлью освободить Грецію отъ македонскаго ига. Союзники осадили Мегалополь, не согласившійся перейти на ихъ сторону и оставшійся вѣрнымъ Македоніи.

Здѣсь-то оказалось необходимымъ вмѣшательство Антипатра. Но Македонія сама переживала тяжелыя времена, о которыхъ мы къ сожалѣнію не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Извѣстно лишь, что командовавшій во Ѳракіи полководецъ Зопиріонъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ войскомъ погибъ въ походѣ противъ гетовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Дуная, и что въ самой Ѳракіи туземный царь Севтъ возбудилъ возстаніе противъ Македоніи, въ которомъ, какъ кажется, принялъ участіе и македонскій полководецъ Мемнонъ. Антипатръ выступилъ въ походъ противъ ѳракійцевъ, но въ виду возстанія Агиса вынужденъ былъ по возможности скорѣе закончить эту войну заключеніемъ мира; онъ отказался, какъ можно полагать, отъ нѣкоторой части Ѳракіи, вѣроятно въ надеждѣ отвоевать ее позднѣе обратно.

Его присутствіе въ Пелопоннесѣ было необходимо. Антипатру удалось разбить Агиса и союзниковъ въ рѣшительной битвѣ подъ Мегалополемъ; спартанскій царь палъ, и возстаніе было подавлено. Элида и Ахаія должны были заплатить Мегалополю 130 талантовъ; вмѣстѣ съ ними подчинилась и Спарта.

Этимъ возстановлено было внѣшнее спокойствіе въ Элладѣ, но не уничтожена надежда на избавленіе отъ македонскаго ига, какъ называли въ Греціи гегемонію Македоніи. Нуженъ былъ лишь удобный случай, чтобы раздуть этотъ тлѣвшій огонь въ свѣтлое пламя. На этотъ разъ возмущеніе исходило изъ Аѳинъ. Здѣсь умы были возбуждены присутствіемъ и арестомъ Гарпала, казначея Александра, бѣжавшаго, какъ мы уже знаемъ, изъ Экбатаны изъ страха передъ ожидавшимъ его наказаніемъ. Къ этому присоединилось бѣгство его изъ аѳинской тюрьмы и начавшійся вслѣдствіе того процессъ противъ Демосѳена, который и былъ осужденъ. Хотя планъ Гарпала увлечь аѳинянъ въ войну съ Македоніей и не удался, но отнятыя у него при арестѣ деньги (до 700 талантовъ) принесли вскорѣ большую пользу. Волненіе еще возросло, когда въ 324 г. Александръ разрѣшилъ всѣмъ греческимъ изгнанникамъ, за исключеніемъ обыкновенныхъ преступниковъ и изгнанныхъ ѳиванцевъ, вернуться въ родные города. Аѳины и Этолія не исполнили этого приказа. Въ это время Александръ внезапно умеръ, и съ его смертью, казалось, настало желанное освобожденье изъ-подъ власти Македоніи. Гиперидъ сталъ во главѣ движенія. Съ тѣхъ поръ какъ Александръ приказалъ своимъ сатрапамъ отпустить наемниковъ, многіе изъ этихъ послѣднихъ были безъ дѣла и охотно нанимались на службу. А такъ какъ у Аѳинъ было достаточно денегъ, и они въ лицѣ Леосѳена пріобрѣли опытнаго полководца, то войско вскорѣ было составлено. Аѳины вступили въ сношенія съ другими греческими государствами въ надеждѣ распространить движеніе по всей Элладѣ; особенно охотно послала войска Этолія и приняла дѣятельное участіе въ войнѣ, сначала получившей очень счастливый для союзниковъ оборотъ.

Антипатръ, выступившій изъ Македоніи по полученіи извѣстія о возстаніи въ Греціи, послѣ неудачной битвы при Гераклеѣ былъ запертъ и осажденъ въ Ламіи, откуда и война получила названіе ламійской. Во время одной изъ вылазокъ, предпринятыхъ Антипатромъ, палъ Леосѳенъ и съ нимъ душа возстанія. Когда на помощь Антипатру подоспѣлъ Леоннатъ, сатрапъ Малой Фригіи, эллины бросили осаду и двинулись ему навстрѣчу. Въ несчастной для македонянъ битвѣ Леоннатъ палъ, но войску его удалось соединиться съ Антипатромъ. Подкрѣпленный войскомъ Кратера, который привелъ отпущенныхъ Александромъ ветерановъ, Антипатръ вскорѣ послѣ того при Краннонѣ разбилъ грековъ, въ рядахъ которыхъ уже начались разногласія, и заключилъ съ каждымъ изъ греческихъ государствъ въ отдѣльности миръ. Аѳины принуждены были измѣнить свое государственное устройство и предоставить пользованіе политическими правами лишь лицамъ, имѣвшимъ не менѣе 2000 драхмъ, благодаря чему изъ 21,000 гражданъ политическія права сохранились лишь за 9000. Гиперидъ, Демосѳенъ и другіе выдвинувшіеся во время возстанія дѣятели были осуждены на смерть. Антипатръ послѣ этого выступилъ въ Этолію, чтобы покорить и ее.

ж) Македонія до окончательнаго распаденія всемірной монархіи.

Если Пердикка, принимая на себя управленіе государствомъ, надѣялся, что данной ему властью онъ сумѣетъ подавить неповиновеніе сатраповъ и разстроить ихъ честолюбивые планы, то уже очень скоро стало ясно, что между стремленіями намѣстниковъ къ могуществу и независимости съ

одной стороны и высшей инстанціей, воплощавшей единство государства, съ другой, лежала непреоборимая пропасть.

Отсюда возникла прежде всего война между Пердиккой и обоими малоазіатскими намѣстниками Леоннатомъ и Антигономъ, не исполнившими приказа регента оказать содѣйствіе Эвмену въ завоеваніи предназначенной ему провинціи Каппадокіи. На сторону Пердикки сталъ Эвменъ; къ Антигону (Леоннатъ между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, палъ въ Өессаліи) присоединились Антипатръ, Кратеръ и Птоломей египетскій. Антипатръ и Кратеръ должны были переправиться въ Малую Азію для борьбы съ Эвменомъ; Кратеръ погибъ въ этой борьбѣ. Пердикка самъ выступилъ въ Египетъ и послѣ ряда неудачныхъ столкновеній, стоившихъ жизни многимъ воинамъ, былъ убитъ собственными солдатами (321 г. до Р. Х.); войско же его было отведено обратно въ Сирію.

Здѣсь оно соединилось съ Антипатромъ, который былъ теперь назначенъ правителемъ государства. Въ Трипарадизѣ произошла вторичная раздача провинцій (см. ниже стр. 139). Въ Европѣ за Антипатромъ остались Македонія съ Греціей, за Лизимахомъ — Өракія; Антигонъ назначенъ былъ главнокомандующимъ, и ему поручено веденіе войны съ Эвменомъ, объявленнымъ за содѣйствіе Пердиккѣ врагомъ государства. Обсудивъ вмѣстѣ съ обоими царями наиболѣе важные вопросы, Антипатръ переселился въ Европу и перенесъ свою резиденцію изъ Вавилона, лежавшаго въ центрѣ монархіи Александра, въ Пеллу.

Антипатръ же совершилъ еще одинъ необдуманный шагъ, также много способствовавшій распаденію огромной монархіи. Въ 319 г. до Р. Х., онъ, умирая, назначилъ правителемъ государства своего стараго товарища по оружію, Полисперхона. Обойденный собственнымъ отцомъ, сынъ его Кассандръ, глубоко оскорбленный такимъ пренебреженіемъ, бѣжалъ къ Антигону, который былъ намѣстникомъ Великой Фригіи и въ то же время велъ въ качествѣ главнокомандующаго въ Азіи борьбу съ Эвменомъ.

Полисперхонъ, до этого времени мало извѣстный и ничѣмъ себя не заявившій, теперь же поставленный во главѣ государства, сталъ конечно искать опоры своему новому положенію. По его совѣту царь Филиппъ издалъ декретъ, въ силу котораго грекамъ разрѣшалось ввести у себя формы правленія, существовавшія во времена Александра, а греческіе изгнанники получили право возвратиться въ родные города. Это былъ призывъ къ демократамъ Греціи, такъ какъ Антипатръ покровительствовалъ олигархамъ и Кассандръ также поддерживалъ олигархическія правленія. Полисперхону однако не удалось привлечь на свою сторону греческія государства, изъ которыхъ онъ, главнымъ образомъ, расчитывалъ на Аөины и Пелопоннесъ. Въ Аөинахъ возникли безпорядки: была сдѣлана попытка снова ввести уничтоженное Антипатромъ демократическое правленіе; но стоявшій въ Мунихіи македонскій гарнизонъ остался на сторонѣ Кассандра. Когда Никаноръ овладѣлъ Пиреемъ и вскорѣ послѣ того самъ Кассандръ прибылъ въ Аөины, городъ долженъ былъ примириться съ назначеннымъ имъ правителемъ, Димитріемъ Фалерскимъ. И въ Пелопоннесѣ Полисперхонъ ничего не достигъ: ему не удалось взять Мегалополя, управляемаго олигархами и давно настроеннаго въ пользу Македоніи. Такимъ образомъ ему пришлось ограничиться одной Македоніей.

Однако другое средство, къ которому онъ прибѣгнулъ съ цѣлью укрѣпить свое положеніе, казалось, должно было принести лучшіе результаты. Онъ вошелъ въ сношенія съ Олимпіадою, матерью Александра Великаго, ярымъ врагомъ Антипатра и его дома. Но эта женщина находилась во враждебныхъ отношеніяхъ и съ Эвридикой, супругой царя Филиппа, и союзъ Полисперхона съ Олимпіадой долженъ былъ сильно оскорбить Эвридику. Въ то время, какъ Полисперхонъ и Олимпіада вступили въ союзъ

съ Эвменомъ, который былъ назначенъ стратегомъ въ Азію и все еще боролся съ Антигономъ и защищалъ права царей, Эвридика соединилась съ Кассандромъ, котораго по ея настоянію царь Филиппъ назначилъ правителемъ. Итакъ, государство имѣло теперь двухъ правителей, оба они не были, какъ предшественники ихъ, избраны войскомъ, заступающимъ мѣсто народа, оба не были повсемѣстно признаны, оба боролись другъ съ другомъ.

Событіями въ Македоніи руководили двѣ враждовавшія между собой женщины, Олимпіада и Эвридика. Олимпіада, находившаяся въ Эпирѣ, воспользовалась отсутствіемъ Кассандра, чтобы произвести вторженіе въ Македонію. Эвридика съ войскомъ вышла ей навстрѣчу; но македоняне не хотѣли бороться противъ матери своего великаго царя, и потому все войско перешло на ея сторону. Филиппъ и Эвридика попали во власть жестокой Олимпіады, подвергшей ихъ ужаснымъ мученіямъ и лишившей ихъ жизни; такъ же жестоко она поступила со всѣми родственниками и приверженцами Кассандра. Но когда Кассандръ вернулся изъ Греціи и, не остановленный Полисперхономъ, перешелъ горы и появился въ южной Македоніи, Олимпіада была заперта въ Пиднѣ и, не имѣя жизненныхъ припасовъ и кораблей для бѣгства, должна была сдаться. Обвиненная друзьями и родственниками убитыхъ ею македонянъ, она была присуждена къ смерти; и, когда старые воины отказались умертвить мать своего царя, обвинители побили ее камнями.

Въ Пиднѣ во власть Кассандра попали Роксана и молодой царь Александръ и были имъ заключены въ тюрьму. Послѣ паденія Пидны побѣдителю вскорѣ сдались и Пелла и Амфиполь; Касссандръ имѣлъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ Македонію. Полисперхонъ держался еще въ Пелопоннесѣ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ Греціи, но его регентство потеряло всякій смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ царь умеръ, а другой находился во власти Кассандра. Союзникъ Полисперхона и ревностный защитникъ царскихъ правъ, Эвменъ, въ борьбѣ съ Антигономъ былъ выданъ собственными войсками и умерщвленъ врагомъ. Обстоятельства вообще складывались очень благопріятно для Кассандра. Его женитьба на Өессалоникѣ, дочери Филиппа, находившейся въ Пиднѣ въ свитѣ Олимпіады, еще болѣе возвысила его въ глазахъ македонянъ и даже давала ему права на македонскій престолъ въ томъ случаѣ, если бы сынъ Александра умеръ. Пока онъ однако еще жилъ и повсюду былъ признаваемъ царемъ; но нѣсколько лѣтъ спустя молодой Александръ по приказу Кассандра былъ убитъ своимъ служителемъ, Главкіемъ.

з) Македонія, какъ одно звено въ системѣ государствъ діадоховъ.

Со смертью сына Александра государство Александра Великаго было уже только географическимъ понятіемъ: въ дѣйствительности оно разложилось на отдѣльныя части, а центральная власть, постепенно ослабѣвавшая, послѣ смерти Антипатра исчезла окончательно. Военачальники смотрѣли теперь на провинціи, которыя высшая власть передала имъ лишь въ управленіе, какъ на свои собственныя наслѣдственныя земли. Поэтому-то было вполнѣ естественно, что они съ 306 г. до Р. Х. стали называть себя царями, чѣмъ они въ дѣйствительности были уже много раньше.

Какъ бы сильно Кассандръ ни стремился вначалѣ къ македонскому трону, онъ также мало задавался затѣмъ планами міровой политики и также мало стремился къ возстановленію имперіи Александра во всемъ ея объемѣ. Напротивъ того онъ боролся противъ подобныхъ стремленій, которыхъ особенно энергичнымъ представителемъ послѣ смерти Эвмена былъ Антигонъ;

Александръ Великій Македонскій

(По Imhoof-Blumer. Porträtköpfe auf Münzen hellenischer Völker. Leipzig 1885.)

Димитрій Поліоркетъ, царь Македонскій.

(По Imhoof-Blumer. Porträtköpfe auf Münzen hellenischer Völker. Leipzig 1885.)

Митридатъ Великій, царь Понтійскій

(По Th. Reinach. Mithridate Eupator. Paris 1890.)

Тигранъ, царь Армянскій.

(По Th. Reinach. Mithridate Eupator. Paris 1890.)

Т-во „Просвѣщеніе" въ СПб.

Изображенія Александра Великаго и другихъ эллинизованныхъ государей на монетахъ.

онъ былъ на сторонѣ Птоломея, Лизимаха и Селевка въ ихъ борьбѣ противъ Антигона, до тѣхъ поръ, пока выигранная союзниками битва при Ипсѣ (301 г. до Р. Х.) не положила конца его завоевательнымъ планамъ. Вліяніе Кассандра въ Греціи, которая со времени Филиппа принадлежала къ Македоніи и безъ которой послѣдней нельзя себѣ было уже и представить, не распространялось уже такъ далеко и не было такъ прочно, какъ при жизни отца. Правда, его именемъ Димитрій Ѳалерскій властвовалъ въ Аѳинахъ; точно такъ же и Бэотія, гдѣ онъ вновь построилъ и населилъ Ѳивы, находилась подъ его вліяніемъ, также Эпиръ и другія области. Но въ Греціи у него былъ еще противникъ въ лицѣ Полисперхона; кромѣ того очень враждебно была настроена противъ него и Этолія. Правда, значеніе Полисперхона пало очень быстро. Въ 310 г. онъ желалъ нанести сильный ударъ Кассандру, извлекъ изъ забвенія побочнаго сына Александра Геракла, жившаго въ Пергамѣ, и объявилъ его наслѣдникомъ; но вслѣдъ затѣмъ онъ совершенно неожиданно вступилъ въ переговоры съ Кассандромъ и цѣною жизни Геракла купилъ себѣ власть въ Пелопоннесѣ. Съ этого момента последній правитель государства исчезаетъ безслѣдно со страницъ исторіи.

Несравненно болѣе серьезнымъ противникомъ явился для Кассандра въ Элладѣ Димитрій Поліоркетъ (см. фиг. 2 таблицы „Медали и монеты съ изображеніями Александра Великаго и эллинизованныхъ государей"), сынъ Антигона, который въ 307 г. до Р. Х., исходя изъ Аѳинъ, подчинилъ себѣ и другія греческія общины и области. Кассандръ почувствовалъ себя освобожденнымъ отъ большой опасности въ тотъ моментъ, когда Димитрій былъ отозванъ своимъ отцомъ въ Азію, чтобы принять здѣсь участіе въ великой борьбѣ, которой суждено было кончиться битвою при Ипсѣ и смертью Антигона. Этотъ исходъ заставилъ Димитрія отказаться отъ плана вырвать Македонію изъ рукъ противника, и только теперь Кассандру удалось подчинить себѣ греческія области, которыя, какъ напримѣръ Бэотія и другія, были уже во власти Поліоркета.

Но если такимъ образомъ власть Кассандра была оспариваема въ Греціи, то въ Македоніи тронъ его стоялъ непоколебимо. О томъ, что̀ онъ сдѣлалъ для своей страны, мы знаемъ къ сожалѣнію очень мало. Онъ возвелъ вновь Потидею, городъ въ Халкидикѣ, разрушенный Филиппомъ II, и назвалъ ее Кассандреей. Городъ Термъ, лежавшій при морскомъ заливѣ того же имени, онъ значительно расширилъ и назвалъ его по имени своей жены Ѳессалоники; это имя городъ сохранилъ и до нашего времени. Будучи во всѣхъ отношеніяхъ покровительствуемы царемъ, Кассандрея и Ѳессалоники стали первыми по значенію приморскими городами Македоніи. Характерно для его стремленія оживить страну, опустошенную сильными рекрутскими наборами и долголѣтними войнами, и привлечь новыхъ жителей было поселеніе 20.000 автаріатовъ у горы Орбела. Эти автаріаты, иллирійскій народецъ, будучи тѣснимы болѣе сильными сосѣдями, ворвались въ Пэонію, царь которой Авдолеонъ обратился за помощью къ Кассандру. Послѣдній вмѣсто того, чтобы уничтожить ихъ, предложилъ имъ для поселенія новыя мѣста и такимъ образомъ оказалъ помощь обѣимъ сторонамъ.

Въ 297 до Р. Х. умеръ Кассандръ, а вслѣдъ за нимъ и его сынъ и преемникъ Филиппъ III.

Другіе два сына, Антипатръ и Александръ, подѣлили затѣмъ власть между собой. Съ этого момента для Македоніи наступило время тяжелой борьбы и великихъ переворотовъ. Антипатръ убилъ свою мать Ѳессалонику и изгналъ своего брата Александра, который обратился за помощью къ Пирру Эпирскому и къ Димитрію Поліоркету; Антипатръ же просилъ защиты у Лизимаха. Димитрій, занятый событіями въ Греціи, не могъ въ данный моментъ придти на помощь, но Пирру, которому объ-

щаны были въ видѣ награды Тимѳея, Параваія, Атаманія, Амбракія и Амфилохія, удалось оттѣснить Антипатра и возстановить Александра во власти. Лизимахъ въ свою очередь не вмѣшался вооруженной силой, чтобы помочь Антипатру,—онъ былъ лишь посредникомъ при заключеніи мира между обоими братьями и побудилъ, къ тому же, Пирра, уплатою ему 300 талантовъ, отказаться отъ дальнѣйшей поддержки Александра: онъ желалъ очевидно держать своего врага Димитрія дальше отъ Македоніи, но это ему не удалось. Наоборотъ именно теперь, когда его появленіе не было уже желательнымъ, Димитрій Поліоркетъ явился съ твердымъ рѣшеніемъ воспользоваться обстоятельствами и овладѣть Македоніей. Александръ пошелъ къ нему навстрѣчу до Діона на южной границѣ Македоніи съ цѣлью объяснить ему, что въ его вмѣшательствѣ нѣтъ больше нужды. Несмотря на внѣшнюю любезность, оба они смотрѣли другъ на друга съ величайшимъ недовѣріемъ, такъ какъ каждый изъ нихъ втайнѣ покушался на жизнь другого. И дѣйствительно, Александръ былъ убитъ при выходѣ изъ зала, въ которомъ онъ пировалъ вмѣстѣ съ Димитріемъ. Войско же убитаго, выслушавъ оправданіе Димитрія, провозгласило его царемъ Македоніи. Что касается Антипатра, который убійствомъ собственной матери заслужилъ всеобщую ненависть, то онъ былъ безъ особаго труда изгнанъ.

Итакъ, Димитрій былъ царемъ Македоніи (294—287 гг. до Р. Х.). Но его неспокойный духъ не могъ удовлетвориться укрѣпленіемъ его господства въ Македоніи и Греціи, и Димитрій сталъ замышлять завоеваніе Азіи, которую по смерти Антигона подѣлили между собою Селевкъ и Лизимахъ. Предпринятыя имъ съ этой цѣлью колоссальныя вооруженія возбудили такое безпокойство въ этихъ обоихъ государяхъ, что они опять заключили между собою союзъ, къ которому присоединился и Пирръ. Съ колоссальнымъ войскомъ въ 98,000 пѣхоты, 12,000 конницы и 500 судовъ Димитрій намѣревался начать походъ, но союзники предупредили его. Лизимахъ вторгся въ Македонію изъ Ѳракіи, но былъ разбитъ при Амфиполѣ. Пирръ подошелъ съ запада, Птоломей же явился съ флотомъ у береговъ Эллады. Тутъ-то Димитрію пришлось убѣдиться, какъ ненавистно было его правленіе: ненасытная страсть къ войнамъ и тяжелый гнетъ налоговъ не могли привлечь народныя сердца. Когда онъ расположился лагеремъ противъ Пирра, войско его перешло на сторону послѣдняго и провозгласило его царемъ. Переодѣтый, Димитрій долженъ былъ покинуть предѣлы своего царства. Онъ умеръ въ Азіи въ 283 г. до Р. Х. въ плѣну у Селевка въ то время, какъ въ Элладѣ утвердился сынъ его Антигонъ Гонатъ. Относительно же Македоніи между Пирромъ и Лизимахомъ, который требовалъ себѣ, конечно, части добычи, произошло соглашеніе, въ силу котораго западныя области съ Эдессой отошли къ Эпиру, восточныя же къ Ѳракіи. Но это положеніе было очень кратковременно; вскорѣ Пирръ былъ изгнанъ Лизимахомъ.

Въ предшествующіе только-что описаннымъ событіямъ годы Лизимахъ соединилъ въ своихъ рукахъ значительную часть монархіи Александра Великаго. При раздѣлѣ сатрапій въ Вавилонѣ ему досталась Ѳракія. Но когда онъ явился въ свою новую провинцію, онъ былъ встрѣченъ очень враждебно. Уже въ царствованіе Антипатра, какъ мы видѣли (стр. 125), одрисы подъ предводительствомъ Севта возстали противъ Македонскаго владычества и, какъ кажется, завоевали себѣ независимость. Теперь, когда явился Лизимахъ, тотъ же Севтъ сумѣлъ воодушевить своихъ согражданъ къ борьбѣ и выступить во главѣ сильнаго войска въ 20,000 пѣхоты и 8000 конницы. Несмотря на неравномѣрность силъ, Лизимахъ принялъ сраженіе, исходъ котораго, благодаря прекрасно обученному македонскому войску, остался нерѣшеннымъ. Позже Севтъ былъ разбитъ и вынужденъ покориться. Такимъ образомъ Лизимахъ прежде

всего съ оружіемъ въ рукахъ овладѣлъ своей провинціей. Имѣя уже въ своей власти страну одрисовъ — плодоносную, благословенную долину Гебра, — онъ затѣмъ распространилъ постепенно свою власть черезъ Гемусъ вплоть до Дуная.

Здѣсь по берегу Средиземнаго моря расположены были греческія колоніи: Одесса, Каллатисъ, Истръ и другія, которыя, какъ и греческіе города въ Малой Азіи, гордые своей свободой, старались защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ. Очевидно Лизимаху сначала удалось овладѣть этими городами и оставить въ нихъ свои гарнизоны. Но въ 313 г. до Р. Х. жители Каллатиса изгнали македонянъ, объявили себя свободными и освободили затѣмъ Истръ и другіе сосѣдніе греческіе города. Это возстаніе вызвало войну, во время которой Лизимахъ очень легко вновь овладѣлъ Одессой и Истромъ; осада же Каллатиса затянулась на долгое время. Такъ какъ возстаніемъ воспользовались скиѳы и ѳракійскія племена и такъ какъ кромѣ того отпалъ опять Севтъ, а Антигонъ поддерживалъ противниковъ Лизимаха, то ему пришлось напречь всѣ усилія, чтобы удержаться противъ столь многочисленныхъ враговъ. Но въ концѣ концовъ скиѳы были разбиты, Севтъ побѣжденъ, точно также и полководецъ Антигона; наконецъ, вынужденъ былъ сдаться и Каллатисъ. Съ этихъ поръ греческіе города на берегахъ Чернаго моря остались, какъ кажется, на долгое время во власти Лизимаха.

Въ 306 г. до Р. Х. онъ, какъ и другіе намѣстники, принялъ царскій титулъ, а въ 301 г. вмѣстѣ съ Селевкомъ былъ главнымъ участникомъ въ рѣшающей борьбѣ противъ Антигона. Лидія, Іонія, Карія и геллеспонтская Фригія вошли въ составъ Ѳракійскаго царства. Но, несмотря на свои обширные размѣры, оно не было прочно. Прежде всего самихъ ѳракійцевъ, очень склонныхъ къ возстаніямъ, трудно было удерживать въ спокойствіи; къ тому же на сѣверѣ крайне опасными сосѣдями были безпокойные геты и скиѳы. Когда Лизимахъ предпринялъ однажды походъ за Дунай противъ гетовъ, онъ попалъ въ негостепріимныя степи между Дунаемъ и Прутомъ и, будучи окруженъ и тѣснимъ дикими полчищами, вынужденъ былъ сдаться ихъ царю Дромихайтису. Правда, обращеніе съ плѣннымъ врагомъ было со стороны царька варваровъ очень благородное и великодушное: онъ освободилъ Лизимаха на честное слово съ тѣмъ, чтобы тотъ возвратилъ гетамъ занятыя уже ими области и выдалъ за него одну изъ своихъ дочерей (около 294 г. до Р. Х.). Въ 287 г. къ Лизимаху перешла и Македонія, — съ 285 г. онъ является здѣсь царемъ, но въ 281 г. онъ въ борьбѣ съ Селевкомъ былъ разбитъ и погибъ въ сраженіи.

Ни Ѳракіи, ни Македоніи не суждено было успокоиться въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. Птоломей Керавнъ, который согласно волѣ своего отца, Птоломея Сотера, отказался отъ права на египетскую корону въ пользу своего младшаго брата и покинулъ свое отечество, убилъ стараго Селевка и, возложивъ на себя двойную корону Македоніи и Ѳракіи, женился на вдовѣ Лизимаха Арсиноѣ, — своей собственной сестрѣ. Затѣмъ онъ умертвилъ ея дѣтей отъ перваго брака, которыя имѣли права на Ѳракію, но вскорѣ погибъ и самъ.

Въ первой четверти IV столѣтія замѣчаются, по нашему мнѣнію, первые слѣды того движенія, которое, исходя изъ сѣверо-запада, страшно потрясло Македонію и Ѳракію. На южномъ берегу Дуная между моремъ и Гемусомъ обитали въ VI и V столѣтіи геты; на западъ отъ нихъ жили нѣкоторыя небольшія племена, которыя рѣкой Оскіемъ (теперешній Искръ) отдѣлены были отъ живущихъ въ теперешней Сербіи трибалловъ; около 340 г. до Р. Х. большая часть племени гетовъ покинула южный берегъ Дуная и переселилась на сѣверный; трибаллы же, тѣснимые къ востоку, заняли покинутыя гетами мѣста между Дунаемъ и Гемусомъ. Діодоръ

передаетъ, что трибаллы, вынужденные къ тому свирѣпствовавшимъ между ними голодомъ, около 370 г. до Р. Х. поднялись со всѣмъ своимъ имуществомъ и, перейдя въ сосѣднюю имъ Өракію, прошли ее вплоть до расположеннаго на берегу Эгейскаго моря города Абдера. Вышедшее имъ навстрѣчу изъ города войско было разбито, и городу предстояло выдержать осаду. Но аөинянинъ Хабрій освободилъ тѣснимый городъ и прогналъ враговъ изъ страны. Такимъ образомъ походъ этотъ, о которомъ мы не имѣемъ никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній, очевидно не увѣнчался успѣхомъ. Въ дѣйствительности же трибаллы перемѣнили мѣсто своего жительства позже во время похода, который они предприняли на востокъ.

Въ данномъ случаѣ, однако, мы имѣемъ дѣло не съ обыкновеннымъ разбойничьимъ набѣгомъ, какъ это можно было бы заключить изъ разсказа Діодора: передъ нами народъ, который, тѣснимый болѣе сильнымъ племенемъ, долженъ покинуть насиженныя мѣста. Съ сѣверной стороны Альповъ и съ придунайскихъ равнинъ двинулись кельты; они оказали прежде всего давленіе на жившихъ къ югу отъ нихъ иллирійцевъ и произвели среди нихъ переворотъ (20,000 автаріатовъ, покинувшихъ свою родину, были, какъ разсказано выше, поселены Кассандромъ у Орбела). Затѣмъ они, стремясь распространиться и къ востоку, привели въ движеніе өракійскія племена. Вплоть до долины Моравы, гдѣ жили прежде трибаллы, проникло кельтское племя скардисковъ. Это первые замѣтные для насъ слѣды, первые признаки той грандіозной волны, которая затѣмъ съ такой ужасной силой обрушилась на Македонію и Өракію. Правда, такимъ сильнымъ правителямъ, какъ Филиппъ, Александръ, Антипатръ, Касссандръ и Лизимахъ, удавалось держать въ повиновеніи сосѣдніе народы и во всякомъ случаѣ не допускать вторженія ихъ въ страну. И хотя къ царствованію Лизимаха и относится, какъ кажется, разбойничій и военный набѣгъ кельтовъ или, какъ ихъ чаще называли, „галатовъ", подъ предводительствомъ Камбавла вторгшихся во Өракію, но на этотъ разъ они, какъ передаютъ, не осмѣлились еще зайти слишкомъ далеко.

Когда же Лизимахъ палъ, галаты тремя отдѣльными полчищами разлились по Балканскому полуострову; воины Белгія направились въ Македонію, потребовали отъ царя Птоломея Керавна, чтобы онъ купилъ миръ уплатой имъ извѣстной суммы, и, получивъ отказъ, ворвались въ страну, опустошая и грабя все на своемъ пути. Птоломей былъ побѣжденъ и палъ. Вся страна оказалась во власти варваровъ; населеніе искало защиты въ укрѣпленныхъ городахъ, брать которыхъ съ бою галаты не рѣшались. Только Сосөену удалось по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ прогнать непрошенныхъ гостей, послѣ чего войско провозгласило его царемъ (280 до Р. Х.). Въ слѣдующемъ году галаты опять предприняли походъ, привлеченные богатой добычей, съ которой ихъ братья возвратились домой, отчасти же и желаніемъ завоевать себѣ новыя мѣста для поселенія. Войско раздѣлилось: отряды Лутарія и Леоннарія наводнили Өракію, Бреннъ же направился въ Македонію. Сосөенъ палъ, и населеніе, какъ и въ предыдущемъ году, должно было, поскольку это было возможно, спасаться въ укрѣпленные города; и на этотъ разъ деревни и всѣ другія населенныя мѣста подверглись опустошенію и ограбленію. Затѣмъ Бреннъ направился въ Грецію и здѣсь соединеннымъ силамъ грековъ, которымъ по преданію помогалъ самъ Аполлонъ, удалось разбить галатовъ при Дельфахъ и почти совершенно уничтожить ихъ (279 г. до Р. Х.) Спасшіеся изъ этого пораженія вмѣстѣ съ отрядами, которые тѣмъ временемъ грабили другія провинціи Греціи, отступили въ Македонію. Въ то время какъ одна часть ихъ возвратилась на родину, а другая соединилась съ отрядами Лутарія и Леоннарія во Өракіи, третья осталась въ Македоніи, чтобы довершить окончательное опустошеніе страны, оставшейся безъ царя. Въ

этой нуждѣ помощь пришла со стороны Антигона Гоната, сына Димитрія Поліоркета. Онъ явился съ сильнымъ флотомъ и хорошо вооруженнымъ войскомъ, и, когда ему удалось разбить галатовъ, предлагавшихъ и на этотъ разъ, какъ раньше Птоломею Керавну, купить миръ за деньги, народъ, освобожденный наконецъ отъ гнета пришельцевъ, привѣтствовалъ его съ восторгомъ.

Ѳракія же, которой когда-то Филиппъ и Александръ, а въ послѣднее время Лизимахъ, владѣли вмѣстѣ съ Македоніей, сдѣлалась на долгое время добычей галатовъ: сюда въ концѣ концовъ спаслись и тѣ, которые уцѣлѣли въ борьбѣ съ Антигономъ. Когда Лутарій и Леоннарій, подчинившіе себѣ Византію и весь берегъ Пропонтиды и завоевавшіе Лизимахею и ѳракійскій Херсонесъ, переправились въ 277 г. въ Малую Азію, гдѣ основали въ концѣ концовъ государство, войска Бренна, спасшіяся изъ пораженій при Дельфахъ и въ Македоніи, остались въ Ѳракіи и приняли ее какъ бы въ наслѣдство отъ своихъ братьевъ, переселившихся въ Азію. Подъ предводительствомъ своего вождя Комонторія они подчинили себѣ ѳракійцевъ, которые, несмотря на частыя попытки сбросить иго пришельцевъ и храбрую ожесточенную борьбу, должны были въ концѣ концовъ уступить силѣ этого еще болѣе дикаго, чѣмъ они сами, народа. Такимъ образомъ Ѳракія сдѣлалась добычей чужеземныхъ пришельцевъ, которые организовались здѣсь въ государство и своего предводителя Комонторія провозгласили первымъ царемъ. Столицей новаго государства былъ городъ Тилисъ, власть котораго, насколько можно заключить изъ его положенія, распространялась одинаково какъ на области, лежавшія къ сѣверу отъ Гемуса, такъ и къ югу отъ него. Образъ дѣйствія галатовъ прекрасно характеризуется ихъ отношеніемъ къ Византіи, богатой греческой гавани на Босфорѣ, которая, чтобы обезопасить себя отъ нападеній, должна была платить имъ ежегодно значительныя суммы: сначала 3000, затѣмъ 5000, позже 20,000 червонцевъ и наконецъ восемьдесятъ талантовъ. Совершенно также галаты поступали и по отношенію къ другимъ приморскимъ городамъ. Господство ихъ въ Ѳракіи длилось въ теченіе многихъ поколѣній. Приблизительно около 213 г. до Р. Х. ѳракійцамъ удалось свергнуть иго: они воспользовались миролюбивымъ настроеніемъ царя Кавара, который къ тому же предавался различнымъ излишествамъ. Возможно также, что склонность галатовъ уходить въ качествѣ наемниковъ на чужую службу успѣла къ этому времени лишить страну очень большого числа способныхъ носить оружіе гражданъ.

Какъ мы уже видѣли выше, Антигонъ I Гонатъ, послѣ побѣды своей надъ галатами, сдѣлался царемъ македонскимъ. Въ Элладѣ онъ господствовалъ надъ Ѳессаліей, Бэотіей, Эвбеей, въ Пелопоннесѣ ему подчинялись Коринѳъ, Аргосъ, Сикіонъ, Мегалополь и Мессенія. Задача, которую ему предстояло разрѣшить на сѣверѣ, была грандіозна. Страна была разорена и обезсилена не только нападеніями галатовъ; не меньшимъ препятствіемъ мирному ея развитію были многочисленные претенденты, которые послѣ смерти Птоломея, Керавна и Сосѳена постоянно боролись другъ съ другомъ и держали страну въ тревожномъ состояніи. Этимъ смутамъ Антигонъ положилъ конецъ. Прежде всего онъ постарался обезпечить границы государства, для каковой цѣли и взялъ послѣ долгой осады Кассандрею, и изгналъ захватившаго здѣсь власть жестокаго тиранна Аполлодора. Вскорѣ послѣ этого онъ отпраздновалъ весьма торжественно свою свадьбу съ племянницей своей Ѳилой. Приглашая на это торжество греческихъ философовъ, писателей и поэтовъ, онъ этимъ самымъ не только хотѣлъ показать прочность своей власти, но и желалъ дать понять, что онъ, какъ нѣкогда Архелай (см. выше, стр. 91), будетъ заботиться о нравственномъ и духовномъ просвѣщеніи своего народа и покровительствовать процвѣтанію поэзіи при своемъ дворѣ.

Но ему недолго пришлось пользоваться спокойствіемъ и плодами мира, такъ какъ въ 275 г. Пирръ Эпирскій, только-что возвратившійся изъ Италіи, предпринялъ походъ противъ Македоніи. Поводомъ послужило то обстоятельство, что Антигонъ, несмотря якобы на просьбы Пирра, не оказалъ ему помощи въ Италіи. Въ дѣйствительности же онъ просто хотѣлъ воспользоваться неподготовленностью своего противника къ войнѣ и, вторгнувшись съ своими испытанными въ бояхъ войсками въ сосѣднюю страну, завоевать обратно то, что ему уже однажды принадлежало. И дѣйствительно, вначалѣ ему какъ-будто бы улыбнулось счастіе: Антигонъ съ своими наскоро набранными войсками и галльскими наемниками не въ состояніи былъ оказать сильнаго сопротивленія; разбитый, онъ отступилъ къ Ѳессалоникамъ, и вскорѣ вся страна, за исключеніемъ этого города и нѣкоторыхъ другихъ приморскихъ, а именно Ѳессалія и вся верхняя Македонія съ древней столицей Эдессой очутились во власти Пирра. Уже въ древности Пирру ставили въ большую вину то, что онъ не воспрепятствовалъ своимъ галльскимъ наемникамъ разграблять гробницы македонскихъ царей или по крайней мѣрѣ не наказалъ послѣ этого виновныхъ; впрочемъ и съ жителями страны онъ обращался жестоко. Такой образъ дѣйствій не могъ, конечно, содѣйствовать упроченію его власти въ только-что, и то лишь наполовину, завоеванной странѣ.

Вскорѣ послѣ этого Пирръ направился въ Грецію для того, чтобы прежде всего изгнать гарнизоны Антигона изъ городовъ Пелопоннеса и лишить такимъ образомъ своего противника послѣдней опоры. Ему было при этомъ весьма пріятно, что сынъ царя Клеомена, Клеонимъ, который до этого вынужденъ былъ къ отреченію отъ права на спартанскій престолъ въ пользу своего племянника Арея, отдался подъ его защиту, надѣясь при его помощи взойти опять на престолъ. Если бы это удалось, то Пирръ въ лицѣ спартанскаго царя имѣлъ бы преданнаго друга, вся судьба котораго была бы связана съ его успѣхомъ; не имѣя такого союзника, Пирръ, если бы пожелалъ привлечь на свого сторону пелопоннесскіе города, встрѣтилъ бы въ Спартѣ только сопротивленіе. Опустошая все вокругъ себя, Пирръ прошелъ черезъ всю Лаконію и напалъ на ея столицу, но былъ отбитъ. Тѣмъ временемъ Антигонъ Гонатъ завоевалъ обратно Македонію и, собравъ войско, выступилъ въ Пелопоннесъ. Получивъ извѣстіе о приближеніи врага, Пирръ пошелъ къ нему навстрѣчу до Аргоса. Здѣсь онъ былъ убитъ во время ночной уличной свалки (272 г. до. Р. Х.). Трупъ его Антигонъ приказалъ сжечь со всѣми подобающими почестями и передалъ пепелъ сыну его Гелену, который отвелъ эпирское войско обратно на родину.

Итакъ, Антигонъ Гонатъ спасъ Македонію и возстановилъ свое вліяніе въ Греціи. Но занятое имъ такимъ образомъ положеніе вовлекло его вскорѣ въ новую войну, въ которой противъ него соединились Птоломей Египетскій и Арей Спартанскій, а также и Аѳины. И здѣсь вновь былъ провозглашенъ старый лозунгъ — освобожденіе Греціи; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что каждый изъ принимавшихъ участіе въ этой войнѣ царей подъ этимъ освобожденіемъ понималъ лишь уничтоженіе македонскаго вліянія, въ дѣйствительности же стремился къ расширенію своей власти. Эта война, называемая обыкновенно хремонидской, по имени аѳинскаго архонта Хремонида, при которомъ возникъ этотъ союзъ для борьбы за освобожденіе Греціи, велась главнымъ образомъ изъ-за Аѳинъ, которыя были осаждены и въ 263 г. до Р. Х. взяты Антигономъ. Попытка спартанскаго царя спасти Аѳины не удалась. Самъ царь Арей палъ въ кровавой битвѣ (265); помощь, ожидавшаяся отъ Птоломея, также не явилась, ибо египетскій флотъ былъ около Коса разбитъ на-голову, и Аѳины должны были сдаться Антигону, который обошелся съ взятымъ городомъ очень мягко; онъ оставилъ гарнизоны въ Мусеѣ, Мунихіи и Пиреѣ.

Итакъ, Аѳины вновь, какъ нѣкогда въ первые годы царствованія Кассандра (стр. 127), оказались послѣ 25-тилѣтней независимости въ подчиненіи у Македоніи. Но вся остальная Греція все болѣе и болѣе ускользала изъ-подъ македонскаго вліянія. Уже въ 280 г. до Р. Х. четыре ахейскихъ города заключили союзъ, къ которому вскорѣ присоединилось еще шесть городовъ и котораго прямой цѣлью было освобожденіе отъ македонскихъ гарнизоновъ и вообще отъ македонскаго господства. Вначалѣ союзъ этотъ не имѣлъ никакого значенія, но въ 251 г. до Р. Х. Аратъ освободилъ свой родной городъ Сикіонъ отъ тиранна и побудилъ его присоединиться къ Ахейскому союзу. Затѣмъ македонскій гарнизонъ былъ изгнанъ изъ Акрокоринѳа, и Коринѳъ также примкнулъ къ союзу. Наконецъ ахейцы склонили на свою сторону Мегару, Тройзенъ и нѣкоторые другіе города и уничтожили здѣсь македонское вліяніе. Точно такъ же, какъ въ Пелопоннесѣ ахейскій союзъ пріобрѣталъ все большее значеніе и, идя сознательно впередъ, оттѣснилъ Македонію на задній планъ; въ средней Греціи образовался этолійскій союзъ, который, распространяясь все болѣе и болѣе, присоединялъ къ себѣ одинъ городъ за другимъ и въ 245 г. заставилъ даже примкнуть къ себѣ Бэотію. Итакъ, когда престарѣлый Антигонъ Гонатъ умеръ въ 239 г., македонское вліяніе въ Греціи потерпѣло сильный уронъ, и только въ самой Македоніи власть Антигонидовъ оставалась непоколебимой.

И Димитрію II (239—229 до Р. Х.) не удалось измѣнить хода событій въ Греціи въ благопріятную для Македоніи сторону. О такъ называемой Димитріевой войнѣ, которую царь велъ противъ соединенныхъ этолійцевъ и ахеянъ, мы знаемъ очень мало — во всякомъ случаѣ, несмотря на нѣкоторыя побѣды, одержанныя Димитріемъ надъ этолійцами, и на опустошеніе имъ страны, въ результатѣ войны Бэотія осталась въ рукахъ этолійцевъ.

Отношеніе Димитрія къ Иллиріи повело затѣмъ къ весьма важнымъ послѣдствіямъ. Македонскимъ царямъ часто приходилось вести борьбу съ этими своими сосѣдями на западѣ. Иногда они бывали при этомъ побѣждаемы, но чаще имъ удавалось прогнать и усмирить этихъ, всегда готовыхъ къ нападенію, враговъ. Правильно понятые интересы, какъ Македоніи, такъ и Греціи, требовали укрощенія по возможности всѣхъ этихъ варварскихъ племенъ на сѣверѣ. Димитрій же вмѣсто того, чтобы стараться уничтожить князя Агрона Скодрскаго, который съ сильнымъ разбойничимъ флотомъ держалъ въ постоянномъ безпокойствѣ все Адріатическое море, дѣлалъ набѣги вплоть до Элиды и Мессены и притѣснялъ греческія колоніи на Иллирійскомъ побережьи, поддерживалъ его деньгами для того, чтобы съ помощью иллирійцевъ спасти осажденный этолійцами акарнанскій городъ Медеонъ. Правда, этой ближайшей цѣли ему и удалось достичь, но, чтобы смирить все возрастающее высокомѣріе иллирійцевъ и спасти отъ подчиненія имъ греческія колоніи, пришлось обратиться къ помощи Рима. Иллирія должна была покориться, корсарскій флотъ ея былъ распущенъ. Корцира, Эпидамнъ, Аполлонія и эпирскія племена партиновъ и атинтановъ сдѣлались союзниками Рима. Римъ, сломивъ силу царствовавшей въ Иллиріи династіи, тѣмъ самымъ заслужилъ себѣ благодарность со стороны грековъ и проложилъ путь къ вліянію на греческія дѣла; онъ принялъ такимъ образомъ на себя задачу, которую до того привыкла исполнять Македонія, а именно — защиту цивилизованнаго міра отъ нападеній дикихъ варваровъ сѣвера.

И въ другомъ пунктѣ имперская граница находилась въ опасности. Къ востоку отъ иллирійцевъ и къ сѣверу отъ македонянъ обитали дарданы, которые съ давнихъ поръ привыкли дѣлать съ своихъ горъ нападенія на простиравшіяся передъ ними плодородныя равнины, до тѣхъ поръ, пока Филиппъ, а за нимъ Александръ, энергичными мѣрами не обез-

опасили границъ противъ нихъ и противъ другихъ варварскихъ племенъ. Но въ смутное время послѣ смерти Александра, а еще болѣе въ печальную эпоху послѣ Кассандра, дарданы, какъ и другія варварскія племена, освободились изъ-подъ вліянія Македоніи и, окрѣпши подъ властью собственныхъ князей, вновь стали проявлять склонность вторгаться въ предѣлы Македоніи. При одномъ такомъ нападеніи (229 г. до Р. Х.) противъ нихъ выступилъ Димитрій, но былъ разбитъ и погибъ въ сраженіи, или же умеръ вскорѣ послѣ него.

Въ виду несовершеннолѣтія сына его Филиппа V, управленіе страной принялъ на себя близкій родственникъ царскаго дома Антигонъ, по прозванію Дозонъ, точно такъ же, какъ раньше Филиппъ II правилъ за своего несовершеннолѣтняго племянника (стр. 93). И помимо этого, положеніе дѣлъ было въ описываемый моментъ весьма сходно съ тѣмъ, при какомъ приходилось нѣкогда начинать царствованіе Филиппу II. Съ сѣвера Македонію наводнили дарданы. Въ средней Греціи вліяніе Македоніи было правда возстановлено Димитріемъ, завоевавшимъ обратно Бэотію; точно такъ же и Аѳины — все еще очень важный пунктъ — находились въ подчиненіи, пока македонскіе гарнизоны занимали Пирей, Мунихію, Саламинъ и Суній. Но теперь и Аѳины ускользнули изъ-подъ власти Македоніи: начальникъ гарнизоновъ, подкупленный ахейскимъ полководцемъ Аратомъ, передалъ занятые имъ пункты аѳинянамъ. Правда, Аѳины не примкнули къ ахейскому союзу, какъ этого ожидали Аратъ и ахеяне; но во всякомъ случаѣ Македонія потеряла въ нихъ твердую точку опоры. Точно такъ же отпала и Ѳессалія, которая со временъ Филиппа была соединена съ Македоніей, и старымъ врагамъ послѣдней, этолянамъ, удалось распространить на нее свою власть.

Дозонъ прежде всего обезопасилъ границы страны, изгнавъ дардановъ. Затѣмъ онъ привелъ опять бо́льшую часть Ѳессаліи къ повиновенію и достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ въ Греціи. Расцвѣтъ, котораго могущество Спарты достигло въ правленіе царя Клеомена, а также расширеніе спартанскаго могущества въ счастливой войнѣ съ ахейскимъ союзомъ, побудили наконецъ ахейскаго полководца Арата искать помощи противъ Спарты у Македоніи, благодаря борьбѣ съ которой союзъ и пріобрѣлъ такую силу. Антигонъ принялъ конечно предложеніе, явился съ войскомъ въ Пелопоннесъ (223 г. до Р. Х.), овладѣлъ городомъ и крѣпостью Коринѳомъ и въ битвѣ при Селлазіи (221 г. до Р. Х.) такъ разбилъ Клеомена, что тотъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Египетъ. Только-что пріобрѣтенное Спартой положеніе было однимъ ударомъ разрушено; верховенство Македоніи въ Пелопоннесѣ, откуда она по смерти Антигона Гоната должна была шагъ за шагомъ отступать, было вновь возстановлено, и въ большинствѣ государствъ Эллады была признана ея гегемонія. Ибо кромѣ ахеянъ, въ интересахъ которыхъ былъ предпринятъ Дозономъ походъ, акарнане, аркадійцы, фокейцы, бэотійцы, ѳессалійцы и эпиротяне заключили съ Антигономъ союзъ, главенство въ которомъ передано было Македоніи; изъ членовъ союза никто не имѣлъ права помимо воли стоящаго во главѣ государства обращаться письменно или посылать пословъ къ другимъ государямъ; всѣ же вмѣстѣ они должны были нести расходы по содержанію и жалованью македонскимъ гарнизонамъ.

Нападеніе иллирійцевъ заставило Дозона возвратиться въ Македонію; онъ разбилъ ихъ и умеръ вскорѣ послѣ того отъ кровоизліянія въ 220 г. до Р. Х. Теперь Филиппъ V, сынъ Димитрія, за котораго правилъ Дозонъ, сталъ царемъ. Если этолійцы до этого времени изъ страха передъ Дозономъ оставались спокойными, то теперь, смотря съ презрѣніемъ на юнаго Филиппа, они возобновили свои нападенія. Грабя все вокругъ себя, они ворвались въ западную Ахею и Мессенію и при Кафіяхъ разбили ахеянъ, которые подъ предводительствомъ Арата рѣшили прійти на помощь мес-

сенянамъ. Тогда же Филиппъ явился на союзный совѣтъ въ Коринѳѣ, гдѣ и было рѣшено вести совмѣстными силами борьбу съ этолянами; эта борьба извѣстна въ исторіи подъ названіемъ Союзной войны (220—217 гг. до Р. Х.). Послѣ цѣлаго ряда грабительскихъ вторженій въ непріятельскую страну, безъ рѣшительныхъ сраженій, въ 217 г. заключенъ былъ наконецъ въ Навпактѣ миръ, установившій для воюющихъ сторонъ status quo. Конечно, со стороны Филиппа было бы благоразумнѣе добиться, во чтобы то ни стало, окончательнаго покоренія этолянъ, этихъ своихъ исконныхъ враговъ, и тѣмъ самымъ положить конецъ ихъ постояннымъ нападеніемъ. Но и въ этомъ случаѣ, какъ и вообще, молодому царю недоставало послѣдовательности въ образѣ дѣйствій.

Тѣмъ временемъ Ганнибалъ привелъ Римъ на край гибели, и Филиппъ, чтобы дать выходъ унаслѣдованной отъ отца ненависти къ римлянамъ, заключилъ миръ съ этолянами и вступилъ въ союзъ съ Ганнибаломъ. Македонское войско должно было высадиться въ Италіи, взамѣнъ чего римскія владѣнія въ Эпирѣ должны были быть переданы Филиппу. Такъ возникла первая македонская война (216—208 гг. до Р. Х.). Но энергіей образъ дѣйствій Филиппа не отличался и здѣсь. Онъ предпринялъ, правда, рядъ нападеній на тѣ города въ Эпирѣ, которые или принадлежали римлянамъ или находились съ ними въ союзѣ; но одного только появленія римскаго отряда на этомъ берегу было достаточно, чтобы отнять у него завоеванный уже имъ Ориконъ и освободить осажденную имъ Аполлонію (214 г. до Р. Х.). О македонской же высадкѣ въ Италіи можно было тѣмъ менѣе думать, что положеніе римлянъ постепенно улучшалось, положеніе же Ганнибала, наоборотъ, ухудшалось. Въ 210 г. до Р. Х. Римъ заключилъ союзъ съ этолянами, Спартой и другими городами. Такимъ образомъ Филиппъ былъ опять занятъ въ Греціи и вовлеченъ въ войну, въ которой на его сторонѣ стояли ахеяне; движенія же его враговъ были поддерживаемы римскимъ флотомъ. Какъ и въ союзной войнѣ, борьба и здѣсь ограничивалась вторженіями въ непріятельскую страну, отнятіемъ отдѣльныхъ городовъ — рѣшительныхъ же сраженій не происходило. Установивъ сначала соглашеніе съ этолянами и прочими греками, Филиппъ заключилъ миръ съ Римомъ, который не намѣренъ былъ вести войну съ Македоніей своими собственными силами, безъ помощи грековъ: Римъ сохранилъ за собой свои владѣнія въ Эпирѣ, Филиппъ же получилъ область атинтановъ.

Въ дѣйствительности же этотъ миръ между Македоніей и Римомъ былъ лишь перемиріемъ; разрѣшить окончательно споръ между ними предстояло будущему. Пока же Филиппъ посвятилъ свое вниманіе дѣламъ на востокѣ, ибо Римъ былъ еще всецѣло занятъ на западѣ. Смерть Птоломея Филопатора Египетскаго (204 г. до Р. Х.), которому на тронѣ слѣдовалъ несовершеннолѣтній мальчикъ, повела къ союзу между Филиппомъ и Антіохомъ III Сирійскимъ. Новые союзники имѣли въ виду не что иное, какъ раздѣлить между собой владѣнія лагидовъ. Въ то время какъ Антіохъ приступилъ прежде всего къ завоеванію Кэлесиріи и Финикіи, Филиппъ переправился въ Малую Азію, взялъ Калхедонъ и разгромилъ Кіосъ, жители котораго были проданы въ рабство; кромѣ того пали Лампсакъ и Ѳазосъ, взятый македонскимъ флотомъ; съ нимъ было поступлено такъ же, какъ съ Кіосомъ. Все это вызвало справедливое негодованіе грековъ. Византія, Родосъ и Пергамъ, царь котораго Атталъ уже въ первой македонской войнѣ боролся на сторонѣ римлянъ противъ Филиппа и теперь совершенно справедливо оскорбленъ былъ опустошительнымъ вторженіемъ македонянъ, заключили между собою союзъ и объявили Македоніи войну. Побѣду въ двухъ послѣдовавшихъ за этимъ нерѣшительныхъ морскихъ сраженіяхъ Филиппъ приписывалъ себѣ; во всякомъ случаѣ онъ высадился на карійскомъ берегу и приступилъ уже къ покоренію

карійскихъ городовъ. Въ 201 г. онъ возвратился однако изъ Каріи въ Македонію, оставивъ здѣсь гарнизоны.

Атталъ и Родосъ обратились за помощью къ Риму, гдѣ сначала замѣтно было сильное колебаніе, пока поводомъ къ вмѣшательству не послужило вторженіе Филиппа во владѣнія союзныхъ Риму аѳинянъ, которые казнили двухъ стоявшихъ на сторонѣ Филиппа акарнянъ. Вслѣдъ затѣмъ осенью 200 г. до Р. Х. консулъ Р. Сульпицій Гальба высадился съ двумя легіонами и 1000 всадниковъ въ Аполлонію. Этимъ началась вторая македонская война. Римскій флотъ взялъ Халкиду на Эвбеѣ. Весною 199 г. Гальба изъ Эпира вторгнулся въ Македонію, будучи поддержанъ одновременными нападеніями дардановъ и иллирійцевъ съ сѣвера, этолянъ и аѳаманцевъ съ юга. Положеніе Филиппа было критическое, но на этотъ разъ онъ съумѣлъ справиться съ врагами. Онъ заставилъ Гальбу отступить и разбилъ этолянъ при Пенеѣ. Борьба продолжалась однако еще и въ слѣдующемъ 198 г. Филиппъ вторгнулся въ Эпиръ и расположился лагеремъ въ долинѣ рѣки Аоя, противъ римскаго полководца Т. Квинкція Фламинія, заступившаго мѣсто Гальбы. Разбитый, онъ долженъ былъ отступить. Начатые уже здѣсь и продолжавшіеся затѣмъ въ теченіе всей зимы мирные переговоры не привели ни къ чему.

Лѣтомъ 197 г. произошло наконецъ рѣшительное сраженіе при Кинокефалахъ (холмы собачьихъ головъ) въ Ѳессаліи. Разбитый на-голову, Филиппъ долженъ былъ принять теперь тѣ мирныя условія, на которыя онъ до того не соглашался. Онъ долженъ былъ уступить римлянамъ всѣ города въ Малой Азіи и Греціи, какъ тѣ, которые онъ только-что занялъ, тамъ и принадлежавшіе ему раньше (всѣмъ этимъ городамъ римляне возвратили затѣмъ свободу), обязался выдать флотъ, сократить свое войско до 5000 чел. и не вести войнъ внѣ предѣловъ Македоніи. Этимъ миромъ Македонія была вычеркнута изъ числа первоклассныхъ державъ. Въ послѣдовавшей затѣмъ войнѣ Рима съ Антіохомъ III Филиппъ стоялъ на сторонѣ Рима, но обманулся въ надеждѣ получить разрѣшеніе удержать за собой нѣкоторые занятые имъ ѳессалійскіе и ѳракійскіе города. При всемъ томъ ненависть къ Риму и надежда на лучшія времена не покинули его. Запрещеніе имѣть войско болѣе чѣмъ въ 5000 чел. онъ съумѣлъ очень искусно обойти; безостановочно образуя молодые отряды, но не держа никогда болѣе 5000 чел. одновременно подъ ружьемъ, онъ создалъ хорошо обученное войско въ 30,000 пѣхотинцевъ и 8000 всадниковъ. Весьма искусно умѣлъ онъ также использовать платежеспособность населенія; онъ вновь обратилъ вниманіе на горное дѣло и полученными благодаря этому доходами обогатилъ государственную казну. Во всякомъ случаѣ по смерти его (179 г. до Р. Х.) въ государственной казнѣ оказалась сумма, достаточная для содержанія 30,000 наемниковъ въ теченіе 10 лѣтъ, въ государственныхъ магазинахъ былъ сложенъ запасъ хлѣба на 10 лѣтъ, арсеналы были полны всякаго рода оружіемъ.

Сынъ его Персей сдѣлалъ попытку осуществить тѣ планы отца по отношенію къ Риму, которые ему не удалось выполнить. Несмотря на первые удачные шаги Персея, эта третья македонская война (171—168 г. д. Р. Х.) кончилась пораженіемъ македонянъ при Пиднѣ, гдѣ они были разбиты Эмиліемъ Павломъ. Македонія, какъ самостоятельное государство, была уничтожена, и страна раздѣлена на четыре округа, изъ которыхъ каждый былъ свободенъ и самостоятеленъ. Въ каждомъ округѣ управленіе дѣлами было возложено на синедріонъ изъ выборныхъ отъ городовъ и сельскихъ общинъ. Но этотъ порядокъ оказался недолговѣчнымъ. Послѣ появленія претендента на македонскій престолъ — Андриска, разбитаго римскимъ войскомъ, Македонія была въ 146 г. до Р. Х. превращена въ римскую провинцію.

Задача македонскихъ государей — борьба съ варварами и охраненіе

культуры и цивилизаціи — перешла теперь къ Риму. Почти безпрерывно римскіе намѣстники Македоніи вели борьбу съ ѳракійскими племенами и съ дарданами, пока наконецъ въ царствованіе Августа римскіе легіоны не вторглись побѣдоносно также съ верхняго теченія Дуная и съ береговъ Адріатическаго моря: послѣ цѣлаго ряда столкновеній ѳракійскія племена были покорены, и царство одрисовъ, которое правда въ послѣднее время держалось противъ своихъ сосѣдей лишь благодаря близкой связи своей съ Римомъ, было включено въ составъ всемірной римской монархіи (46 г. послѣ Р. Х.). Отъ Адріатическаго моря, отъ Аполлоніи и Диррахіума егнатійская дорога шла на востокъ къ Пропонтидѣ; отъ Византіи черезъ Адріанополь и Филиппополь большая дорога шла къ Сирмію на Дунаѣ и здѣсь примыкала къ путямъ, ведшимъ изъ Италіи черезъ Альпы. Возникъ рядъ новыхъ городовъ и иныхъ поселеній; существовавшіе уже раньше расцвѣли вновь, пользуясь благами долгаго мира.

Сначала эти области были подъ защитой Рима, затѣмъ Византіи, пока Балканскій полуостровъ не заняли готы, позже гунны и другіе варвары. Они опустошили и разрушили все то, что такъ счастливо расцвѣло и что путемъ долгой борьбы было спасено для болѣе высокой культуры.

4. Монархія Селевкидовъ и греко-бактрское царство.

А. Основаніе и расцвѣтъ государства (отъ Селевка до Антіоха Великаго).

Когда Александръ умеръ, великая монархія его вскорѣ распалась. На западѣ — въ Европѣ, Малой Азіи и Египтѣ — образовался рядъ самостоятельныхъ государствъ, исторія которыхъ разсказана нами въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь мы займемся тѣми странами востока, которыя между Малой Азіей и Египтомъ простираются отъ финикійскаго побережья до Яксарта и отъ склоновъ Тавра до Инда и когда-то, до завоеванія ихъ Александромъ, находились въ подчиненіи у Ахеменидовъ. Смерть великаго царя непосредственно не повлекла за собой никакихъ особыхъ перемѣнъ въ положеніи этихъ странъ. Вавилонъ остался столицей государства, провинціи же остались въ общемъ всѣ во владѣніи ихъ прежнихъ намѣстниковъ, за исключеніемъ Мидіи, которая при распредѣленіи въ Вавилонѣ сатрапій досталась Пиѳону, сыну Кратея. Прежній же ея намѣстникъ, персъ Атропатъ, долженъ былъ ограничиться сѣверо-западною частью Мидіи, которая позже по его имени и названа была Атропатеной. Сирію, о которой мы упомянемъ тутъ же, при этомъ распредѣленіи получилъ Лаомедонъ Митиленскій.

Большой переворотъ въ положеніи дѣлъ на востокѣ произошелъ лишь со смертью Пердикки (321 г. до Р. Х.). Вавилонъ пересталъ быть столицей государства. Новый правитель, Антипатръ, взялъ царей съ собой въ Европу. Этимъ центръ государства изъ его середины былъ перенесенъ на окраину, и до того уже слабая связь между отдѣльными его частями была еще болѣе поколеблена. И новое распредѣленіе сатрапій, предпринятое Антипатромъ въ 321 г. въ Трипарадизѣ, коснулось востока больше, чѣмъ предыдущее въ Вавилонѣ. Правда, Сирія осталась за Лаомедономъ, Персія за Певкестомъ и Мидія за Пиѳономъ. Но въ другихъ провинціяхъ были посажены новые сатрапы: въ Парѳіи—Филиппъ, въ Бактріи и Согдіанѣ—Стазанаръ, въ Месопотаміи — Амфимахъ, въ Сузіанѣ—Антигенъ, и — что оказалось особенно важнымъ для будущаго — въ Вавилоніи — Селевкъ.

Селевкъ родился около 356 г. до Р. Х.; принадлежа къ македонской знати, онъ, какъ и всѣ его сотоварищи, рано вступилъ въ армію и отпра-

вился съ царемъ Александромъ въ Азію. Не только своему происхожденію, но и своей храбрости и своимъ способностямъ онъ обязанъ былъ тѣмъ, что попалъ въ число ближайшихъ приближенныхъ царя. Какъ доказательство его выдающейся силы и храбрости разсказывается, что онъ однажды въ присутствіи Александра повалилъ бѣшенаго быка. Особенно онъ отличился и выдвинулся въ индійскомъ походѣ, а именно въ сраженіи съ Поромъ, гдѣ онъ предводительствовалъ частью пѣхоты, такъ называемыми царскими гипаспистами. Во время большихъ свадебныхъ пиршествъ въ Сузѣ онъ получилъ въ жены Апаму, дочь Спитамена. По смерти Александра, онъ, вмѣсто ставшаго правителемъ Пердикки, былъ назначенъ начальникомъ конницы — положеніе, которому Александръ придалъ особенный блескъ тѣмъ, что обладатель его, называемый съ этого времени хиліархомъ, по персидскому обычаю въ то же время занималъ одну изъ высшихъ придворныхъ должностей. Въ этомъ званіи Селевкъ принималъ участіе во всѣхъ походахъ Пердикки противъ непокорныхъ сатраповъ, сначала противъ Антигона, а затѣмъ противъ Птолемея Египетскаго. Когда египетскій походъ оказался неудачнымъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ военачальниковъ, которые отпали отъ своего полководца; ему и Антигону, начальнику аргираспидовъ, приписывается убійство Пердикки.

Когда онъ затѣмъ назначенъ былъ въ Трипарадизѣ намѣстникомъ Вавилоніи и при вступленіи въ эту должность лишился хиліархіи и предводительства надъ конницей, первой его заботой должно было быть созданіе себѣ войска. Принципъ Александра, согласно которому сатрапы не могли имѣть собственнаго войска, уже тотчасъ послѣ его смерти былъ нарушенъ. Уже очень скоро Селевкъ былъ вовлеченъ въ водоворотъ событій. Въ Трипарадизѣ Эвменъ, стоявшій на сторонѣ Пердикки, былъ объявленъ врагомъ государства, Антигонъ былъ назначенъ стратегомъ, и ему поручено было веденіе войны противъ Эвмена. Эта война приняла иной оборотъ послѣ того, какъ по смерти Антипатра, правитель Полисперхонъ и Олимпія, мать Александра, назначили Эвмена военачальникомъ въ Азіи и щедро снабдили его средствами (см. выше, стр. 128). Этому обстоятельству Эвменъ былъ обязанъ также и тѣмъ, что на его сторону перешли прекрасные отряды аргираспидовъ, предводительствуемые Антигономъ. Онъ перенесъ театръ войны на востокъ и тотчасъ же нашелъ поддержку въ сатрапахъ восточныхъ провинцій. Послѣдніе, послѣ того какъ прогнали Пиѳона, умертвившаго парѳянскаго сатрапа Филиппа и посадившаго вмѣсто него своего брата, оставались еще съ своими войсками въ Мидіи.

Но Селевкъ, не принимавшій участія въ союзѣ противъ Пиѳона, не сталъ теперь также и на сторону Эвмена; онъ напротивъ того, заявилъ, что не можетъ идти вмѣстѣ съ врагомъ государства. Мало того, онъ присоединился къ Антигону, который пришелъ на востокъ, чтобы продолжать здѣсь борьбу противъ Эвмена. Счастье вначалѣ какъ-будто улыбнулось Селевку; онъ получилъ даже еще одну провинцію Сузіану, прежній сатрапъ которой Антигенъ сражался на сторонѣ враговъ; но счастье было перемѣнчиво. Антигонъ, умертвивъ Эвмена, измѣннически выданнаго собственнымъ его же войскомъ, сталъ дѣйствовать какъ неограниченный властитель и совершенно произвольно смѣщалъ и назначалъ намѣстниковъ. Придя въ Вавилонъ, онъ потребовалъ отъ Селевка, котораго онъ уже до того лишилъ Сузіаны, отчета въ управленіи. Селевкъ отвѣтилъ отказомъ и, не чувствуя себя больше въ безопасности, бѣжалъ изъ Вавилона. Онъ счастливо достигъ Египта и былъ гостепріимно встрѣченъ Птоломеемъ.

Большая власть, пріобрѣтенная Антигономъ, а также его полный произвола образъ дѣйствій, повели къ заключенію, при содѣйствіи Селевка, союза между Птоломеемъ, Лизимахомъ и Кассандромъ. Этотъ союзъ

въ свою очередь вызвалъ цѣлый рядъ войнъ, которыя велись почти безпрерывно съ 315 до 301 гг. (см. выше стр. 129). Изъ этихъ войнъ для насъ представляетъ интересъ борьба изъ-за обладанія Сиріей и Финикіей, которой началась первая война. Эти области занялъ Птоломей, но Антигонъ выгналъ его отсюда и, отступивши черезъ Тавръ, чтобы быть ближе къ малоазіатскому театру войны, оставилъ здѣсь сына своего Димитрія. Рѣшительное пораженіе послѣдняго при Газѣ и обратное завоеваніе Сиріи Птоломеемъ дали Селевку возможность возвратиться въ Вавилонъ (312 г. до Р. Х.). Только съ 800 чел. пѣхоты и 200 всадниками Селевкъ предпринялъ этотъ походъ, но онъ встрѣтилъ радушный пріемъ среди населенія, любовь котораго сумѣлъ раньше пріобрѣсть. Такъ какъ и городскіе гарнизоны большею частью перешли на его сторону, то онъ безъ особаго труда вступилъ въ управленіе своей прежней провинціей.

Къ тому времени, когда Селевкъ вмѣстѣ съ Лизимахамъ Ѳракійскимъ явился въ Малой Азіи для послѣдней рѣшительной борьбы съ своимъ старымъ противникомъ Антигономъ, онъ успѣлъ уже распространить свою власть далеко за предѣлы Вавилоніи и создалъ государство, которое простиралось отъ Евфрата на востокъ вплоть до Яксарта и охватывало всѣ такъ называемыя верхнія сатрапіи. Было бы очень интересно прослѣдить отдѣльныя фазы распространенія его власти, но для этого источники наши слишкомъ скудны. Мы знаемъ только, что Селевкъ неожиданно ночью напалъ на Никанора, котораго Антигонъ посадилъ намѣстникомъ въ Мидіи и въ верхнихъ сатрапіяхъ, и который, по полученіи извѣстія о возвращеніи Селевка, явился къ Вавилону. Въ ночномъ сраженіи пали многіе выдающіеся вожди и между прочимъ сатрапъ Персіи: большая часть войска передалась Селевку, и Никаноръ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Селевкъ овладѣлъ Сузіаной, Мидіей и Персіей и создалъ себѣ такимъ образомъ могущественное положеніе. Далѣе Селевкъ воспользовался тѣмъ, что настроеніе верхнихъ сатраповъ было очень неблагопріятно Антигону; часть ихъ покорилась добровольно, часть — какъ напримѣръ Бактрія — была силою принуждена къ подчиненію. Точно также Селевкъ сдѣлалъ попытку возстановить македонское господство въ Индіи, гдѣ тѣмъ временемъ успѣло образоваться сильное самостоятельное государство, съ Чандрагуптой во главѣ. Противъ него выступилъ Селевкъ, перешелъ уже Индъ, но въ концѣ концовъ возвратился назадъ, заключивъ съ Чандрагуптой почетный для него миръ: обложивъ его данью въ 500 слоновъ, онъ утвердилъ за нимъ всѣ его владѣнія; вслѣдъ затѣмъ оба они породнились и создали такимъ образомъ прочныя дружественныя отношенія между обоими государствами.

Итакъ, Селевкъ въ теченіе немногихъ лѣтъ основалъ государство и настолько упрочилъ свою власть, что могъ уже дѣятельно вмѣшиваться въ ходъ событій на западѣ. По примѣру другихъ властителей и онъ возложилъ на себя корону, въ 306 г. до Р. Х. Разсказанные въ другомъ мѣстѣ (стр. 129) успѣхи Димитрія Поліоркета въ Элладѣ и постепенное вытѣсненіе отсюда Кассандра побудили послѣдняго обратиться прежде всего къ Антигону и заключить съ нимъ миръ. Антигонъ потребовалъ однако полнаго подчиненія и тѣмъ самымъ далъ совершенно ясно понять, что онъ требуетъ для себя верховенства. Лизимахъ, Птоломей и Селевкъ, которымъ Кассандръ передалъ полученный имъ отвѣтъ, поняли грозившую имъ общую опасность. Всѣ четверо заключили между собою союзъ и начали войну противъ Антигона. Но только Лизимахъ и Селевкъ принимали въ этой войнѣ дѣятельное участіе: въ то время какъ Антигонъ перешелъ черезъ Геллеспонтъ въ Малую Азію, Селевкъ съ войскомъ вышелъ къ нему навстрѣчу до Фригіи и вмѣстѣ съ Лизимахомъ далъ ему сраженіе при Ипсѣ (301 г. до Р. Х.). Престарѣлый царь былъ разбитъ на-голову и палъ въ битвѣ.

Союзники подѣлили между собой добычу, причемъ львиная доля по справедливости досталась дѣйствительнымъ побѣдителямъ: Лизимахъ получилъ сѣверо-западную часть Малой Азіи (Карію, Лидію, Іонію и Геллеспонтскую Фригію), Селевкъ же Великую Фригію и Сирію. Птоломей, который, въ качествѣ участника въ союзѣ противъ Антигона, ворвался въ Сирію, но очистилъ ее тотчасъ же вслѣдствіе ложнаго слуха о побѣдѣ и наступленіи Антигона, долженъ былъ отказаться отъ этой области, къ обладанію которой онъ давно стремился. Походъ Димитрія Поліоркета, лишившагося Македоніи, въ Азію (286 г. до Р. Х.) не оказалъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на малоазіатскія дѣла: онъ очень скоро попалъ въ плѣнъ къ Селевку и умеръ уже въ 282 г.

Но Селевку пришлось и послѣ этого еще разъ выступить въ поле. Лизимахъ приказалъ умертвить своего сына и преемника Агаѳокла, котораго оклеветали его жена Арсиноя и ея братъ, Птоломей Керавнъ, бѣжавшій изъ Египта въ Македонію потому, что его младшій братъ объявленъ былъ тамъ наслѣдникомъ престола. Вдова Агаѳокла Лизандра вмѣстѣ съ своими дѣтьми бѣжала въ Сирію къ Селевку; къ нему же бѣжалъ Керавнъ, не чувствовавшій себя въ Македоніи въ безопасности, и второй сынъ Лизимаха, Александръ. Селевкъ принялъ всѣхъ очень гостепріимно, что и подало поводъ къ войнѣ между нимъ и Лизимахомъ, вспыхнувшей въ 281 г. до Р. Х. Оба противника встрѣтились при Корупедіи. Лизимахъ былъ разбитъ и палъ въ битвѣ. Селевкъ же наслѣдовалъ его владѣнія въ Малой Азіи и Европѣ.

Селевкъ назначилъ сына своего Антіоха, который уже долгое время управлялъ верхними сатрапіями, правителемъ въ Азіи и намѣревался самъ основать свою резиденцію въ Македоніи, чтобы на родинѣ закончить свои дни; Ѳракію же онъ предназначилъ дѣтямъ убитаго Агаѳокла. Престарѣлый царь высадился уже въ Европѣ, какъ его, ничего не подозрѣвающаго, поразилъ кинжалъ того самаго Керавна, который еще незадолго передъ тѣмъ бѣжалъ къ нему, ища защиты (281 г. до Р. Х.). Македоніей и Ѳракіей завладѣлъ убійца.

Въ теченіе своей долгой жизни Селевку пришлось испытать всѣ превратности судьбы, но въ теченіе послѣднихъ лѣтъ онъ былъ всегда счастливъ въ своихъ начинаніяхъ и за это время успѣлъ совершить многое. Незадолго до своей смерти онъ собралъ въ своей рукѣ большую часть имперіи Александра Великаго. Но онъ былъ не только счастливый завоеватель, который подчинилъ своей власти громадныя пространства и по справедливости могъ называться „Никаторъ", т.-е. побѣдитель; помимо этого онъ походилъ на своего великаго предшественника и тѣмъ еще, что онъ дѣлалъ все возможное для распространенія эллинской культуры и открывалъ населенію новые источники благосостоянія. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ продолжалъ онъ колонизаторскую дѣятельность Александра. Ему приписываютъ основаніе 75 городовъ, между ними Селевкія на Тигрѣ, которая, быстро развиваясь, уже вскорѣ послѣ Р. Х. насчитывала 600,000 жителей, Антіохія на Оронтѣ, которая процвѣтала еще въ позднѣйшую эпоху древняго міра, Селевкія Піерія — гавань Антіохіи, Селевкія на Каликаднѣ въ Киликіи, Лаодикея на Ливанонѣ и Апамея на Оронтѣ. Рядъ городовъ былъ основанъ также на востокѣ, какъ напримѣръ Гекатомпилъ и Европъ поблизости каспійскихъ воротъ на большомъ пути съ запада на востокъ. Всѣ эти города были организованы по греческому образцу, имѣли сенатъ и народное собраніе, были украшены великолѣпными храмами и святилищами и стали вскорѣ центрами культуры и ростущаго благосостоянія.

Когда Селевкъ I Никаторъ умеръ, созданное имъ государство достигло своего предѣла. Власть Селевкидовъ, какъ называютъ эту династію по имени ея основателя, простиралась въ этотъ моментъ отъ Босфора и

западнаго берега Малой Азіи до Инда и отъ Сиріи до Яксарта и Памира. Если же бы мы пожелали опредѣлить государство, сплоченное рукою Селевка, не именемъ царствующей династіи, а какимъ-либо географическимъ понятіемъ, то обыкновенно его называютъ Сирійскимъ потому, что Сирія была царской резиденціей и главной опорой династіи; правда, впрочемъ, что это названіе подходитъ скорѣе къ эпохѣ позднѣйшихъ Селевкидовъ, чѣмъ къ Селевку или ближайшимъ его преемникамъ.

Но въ то время, какъ два другихъ большихъ государства, создавшихся по окончаніи борьбы діадоховъ изъ монархіи Александра Великаго, а именно Египетъ и Македонія, образовали или географическую единицу, какъ Египетъ, или по крайней мѣрѣ нѣчто цѣльное въ этнографическомъ отношеніи, какъ Македонія, Сирійская имперія являлась конгломератомъ разныхъ странъ, населенныхъ различными народами. Въ этомъ-то и заключалась ея слабая сторона. Сначала Селевкъ обосновалъ свою резиденцію въ Вавилонѣ, который приблизительно и лежалъ въ центрѣ его государства; но затѣмъ онъ перенесъ столицу въ Антіохію на Оронтѣ, т.-е. на самый крайній западъ государства. Это перемѣщеніе центральнаго пункта государства изъ его середины на периферію было, очевидно, вызвано тѣмъ, что Селевкъ передалъ управленіе верхними сатрапіями своему сыну Антіоху; но Антіохія осталась столицей и послѣ его смерти. Для государства съ такими неудобными границами, которое къ тому же совершенно лишено было всякаго естественнаго единства и которое объединялось только личностью государя, вопросъ о выборѣ резиденціи былъ вопросомъ первостепенной важности. Само собой разумѣется, что Селевкиды, перенеся столицу государства на его периферію, и не думали отказываться этимъ отъ своихъ правъ на восточныя сатрапіи; тѣмъ не менѣе эти послѣднія, удалившись фактически отъ центра государства, все болѣе и болѣе освобождались отъ исходившаго изъ этого центра вліянія.

Первымъ преемникомъ Селевка былъ сынъ его Антіохъ, по прозванію Сотеръ, который еще при жизни отца въ качествѣ соправителя стоялъ во главѣ областей, лежавшихъ къ востоку отъ Евфрата. Онъ женился на Лаодикеѣ, дочери Димитрія Поліоркета, которая, уже будучи обручена съ Селевкомъ, была затѣмъ уступлена имъ сыну, умиравшему отъ любви къ ней. Этотъ эпизодъ уже очень рано послужилъ благодарнымъ сюжетомъ для греческихъ беллетристовъ. Антіохъ послѣдовалъ примѣру отца и сдѣлалъ своихъ сыновей соправителями: сначала старшаго Селевка, а затѣмъ, когда этотъ былъ убитъ, младшаго Антіоха.

Исторія послѣдующихъ двухъ поколѣній, т.-е. періода правленія Антіоха I Сотера (281—261), Антіоха II Теоса (261—246) и Селевка II Каллиника (246—226), характеризуется главнымъ образомъ отношеніями Сиріи къ Египту и тѣми войнами, которыя Селевкиды должны были вести съ своимъ сосѣдомъ. Съ другой стороны не менѣе важны были отношенія Сиріи къ государствамъ Малой Азіи. Къ этому присоединилось отпаденіе на дальнемъ востокѣ областей, лежавшихъ по Оксу и Яксарту; началось завоеваніе парѳянской провинціи обитателями прилежащихъ къ ней степей и основаніе новаго, парѳянскаго царства.

Столкновенія съ Египтомъ начались очень скоро послѣ смерти Селевка. При этомъ рѣчь шла прежде всего о Финикіи и Кэлесиріи, т.-е. тѣхъ областяхъ, на которыя предъявлялъ права Птоломей Сотеръ послѣ того, какъ онъ завоевалъ ихъ въ 318 г. до Р. Х. Правда, онъ долженъ былъ затѣмъ уступить ихъ Антигону, но, воспользовавшись послѣднимъ союзомъ царей противъ Антигона, онъ требовалъ этихъ областей, какъ награды за участіе въ войнѣ. Но такъ какъ битва при Ипсѣ была выиграна безъ участія Птоломея, то при раздѣлѣ добычи Сирія была отдана Селевку. Поэтому-то сынъ и преемникъ Птоломея, Птоломей Филадельфъ, вскорѣ

по смерти Селевка началъ первую сирійскую войну. О ходѣ ея мы знаемъ очень мало. Филадельфъ занялъ Кэлесирію, южную часть Сиріи и благодаря своему флоту овладѣлъ частью малоазіатскаго побережья, такъ что Египетъ утвердился на берегахъ Киликіи, Памфиліи, Ликіи, Каріи и Іоніи.

Но помимо Лагидовъ противъ Селевкидовъ выступили тѣмъ временемъ въ Малой Азіи и другіе враги. Въ сѣверо-западномъ ея углу между рѣками Риндакомъ и Пареѳніемъ, въ бассейнѣ нижняго Сангарія, лежала Виѳинія, которая въ теченіе всего періода діадоховъ, имѣя во главѣ собственныхъ національныхъ князей, съумѣла сохранить самостоятельность. И предпринятая Антіохомъ, тотчасъ по вступленіи его на престолъ, попытка подчинить Виѳинію, кончилась неудачно. Къ юго-западу отъ Виѳиніи лежалъ Пергамъ, сильная крѣпость, начальникъ которой Филетэръ по смерти Лизимаха отпалъ отъ своихъ новыхъ господъ — Селевкидовъ. Обладая большими средствами, онъ искусно съумѣлъ положить первое основаніе довольно значительному государству (см. выше стр. 63). Къ тому же, въ качествѣ новой силы въ Малой Азіи, появились галаты; призванные въ 277 г. до Р. Х. Никомедомъ Виѳинскимъ, они остались здѣсь, заняли области по верхнему теченію Сангарія и среднему Галиса и въ политическомъ отношеніи сильно способствовали раздробленію Малой Азіи. И Антіоху пришлось бороться съ ними и защищать отъ нихъ свою страну. Имѣются свѣдѣнія о томъ, что онъ разбилъ галатовъ. Побѣда эта несомнѣнно повела къ тому, что галаты должны были ограничиться предѣлами своей области, названной по ихъ имени Галатіей; но покорить ихъ Антіоху не удалось. Еще менѣе счастливъ онъ былъ въ войнѣ противъ Эвмена Пергамскаго, который разбилъ его при Сардахъ (см. выше стр. 64). Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ (261 г. до Р. Х.)

Его сынъ и преемникъ Антіохъ II Теосъ (261—246) не могъ измѣнить положенія дѣлъ въ Малой Азіи и не могъ возвратить отнятыхъ у него областей. Съ Египтомъ онъ велъ вторую сирійскую войну. О ней мы знаемъ только то, что Антіоху не удалось добиться своей цѣли, возвратить себѣ Кэлесирію и изгнать египтянъ съ малоазіатскаго побережья. Миръ, которымъ закончилась война, подтвердилъ status quo, и въ закрѣпленіе его Птоломей Филадельфъ далъ Антіоху въ жены свою дочь Веренику. Первая жена Антіоха Лаодикея, отвергнутая теперь ради египтянки, отравила своего мужа и убѣдила своего старшаго сына, Селевка II Каллиника, вступившаго теперь на престолъ, убить мачеху. Чтобы отомстить за это злодѣяніе, Птоломей Эвергетъ, — съ 246 г. преемникъ Филадельфа на египетскомъ престолѣ — началъ третью сирійскую войну. Въ то время какъ Эвергетъ во главѣ своихъ войскъ отправился въ Сирію, флотъ его отплылъ изъ Кипра къ Киликіи. Здѣсь многіе изъ чиновниковъ Селевка, а также многіе киликійскіе города добровольно перешли на сторону египтянъ; всѣ оставшіеся вѣрными Селевку должны были бѣжать, не сдавшіеся города были осаждены. Вслѣдъ затѣмъ флотъ направился къ сѣверной Сиріи; Селевкія, важный портовый городъ, а также лежащая недалеко отъ нея Антіохія были заняты. Эвергетъ самъ перешелъ Евфратъ, овладѣлъ верхними сатрапіями и возвратилъ египтянамъ ихъ сокровища и святилища, которыя были у нихъ отняты персами. Несмотря на столь поразительные успѣхи, египетскій царь неожиданно заключилъ миръ, какъ передаютъ, потому, что на его родинѣ вспыхнуло возстаніе. Селевкія, а также киликійское побережье остались во власти египтянъ; всѣ же остальныя завоеванныя области были ими возвращены.

Правленіе Селевка II было очень безпокойно: дошедшія до насъ свѣдѣнія о немъ крайне скудны, и извѣстные намъ эпизоды изъ его царствованія лишены внутренней между собой связи. Братъ его Антіохъ, по прозванію Гіераксъ, оспаривалъ у него власть въ Малой Азіи (см. выше,

стр. 64) и поднялся противъ него, будучи поддерживаемъ независимыми государствами вионнцевъ, каппадокійцевъ и галатовъ. Но въ этой борьбѣ обоихъ братьевъ между собой и съ пергамскимъ княземъ Антиномъ, который разбилъ Гіеракса и обратилъ его въ бѣгство, Селевкиды лишились всей области вплоть до Тавра; Гіераксъ же былъ убитъ во время бѣгства разбойниками (около 227 г. до Р. Х.).

Но и на востокѣ власть Селевкидовъ очень поколебалась. Уже при Антіохѣ Теосѣ отпалъ намѣстникъ Бактріи Діодотъ. Онъ провозгласилъ себя царемъ Бактріи и былъ признанъ также въ Согдіанѣ и Маргіанѣ (250 г. до Р. Х.). Приблизительно въ то же время два князька кочевого племени парніевъ, пастбища которыхъ находились въ предѣлахъ Бактріи, — братья Арсакъ и Тиридатъ, — двинулись дальше на западъ и заняли принадлежавшую Селевкидамъ область Астабену. Отсюда они ворвались въ Пареію и, побѣдивъ намѣстника, овладѣли страной. Попытка Селевка Каллиника прогнать Арсака не удалась; напротивъ того, пареянское царство Арсакидовъ съ теченіемъ времени упрочилось совершенно и погибло лишь 480 лѣтъ спустя, въ 226 г. послѣ Р. Х.

Итакъ, когда умеръ Каллиникъ (226 г. до Р. Х.), Селевкидамъ принадлежала лишь сѣверная Сирія (за исключеніемъ важнаго портоваго города Селевкія Піерія). Киликія, за исключеніемъ побережья и области къ востоку отъ Евфрата до Мидіи, Сузіана и Персида, Малая Азія по эту сторону Тавра и вся страна къ востоку отъ Мидіи были въ рукахъ враговъ; Кэлесирія и Египетъ, которыя такъ часто служили предметомъ борьбы, находились, какъ и раньше, во власти египтянъ.

Старшій сынъ Каллиника, Селевкъ III Сотеръ, царствовалъ лишь короткое время (226—223 гг. до Р. Х.); онъ былъ измѣннически убитъ во время одного похода черезъ Тавръ противъ Аттала пергамскаго. Ему наслѣдовалъ его двадцатилѣтній братъ Антіохъ III (223—187 гг. до Р. Х.), получившій прозваніе Великаго (Megas). Вначалѣ онъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своего перваго министра Гермея, преисполненнаго хитрости карійца. Упорядоченіе дѣлъ въ Малой Азіи, — гдѣ, какъ мы видѣли, послѣ 227 г. Антіохъ распространилъ свою власть до Тавра, — слѣдовательно прежде всего войну противъ Пергама, онъ поручилъ своему двоюродному брату Ахею; самъ же онъ замышлялъ войну противъ Египта, чтобы овладѣть наконецъ столь долго оспариваемой Кэлесиріей. По совѣту Гермея онъ отказался отъ этихъ своихъ плановъ и послѣ того, какъ въ 222 г. до. Р. Х. до него дошло извѣстіе о возстаніи мидійскаго сатрапа Молона и его брата Александра, управлявшаго Персидой. Правда, между приближенными царя слышались голоса, совѣтовавшіе ему выступить противъ Молона; но эти совѣты не подѣйствовали. Антіохъ выступилъ самъ лишь послѣ того, какъ Молонъ разбилъ многихъ его полководцевъ, возложилъ на себя діадему и послѣ завоеванія Селевкіи на Тигрѣ, овладѣлъ изъ Аполлоніатиды даже Вавилоніей. Въ 220 г. до Р. Х. Антіохъ перешелъ Тигръ и вторгнулся въ Аполлоніатиду, чтобы отрѣзать своему противнику отступленіе въ Мидію. Въ послѣдовавшей здѣсь битвѣ Молонъ былъ разбитъ и покончилъ съ собою самоубійствомъ. Трупъ его былъ пригвожденъ ко кресту и выставленъ на страхъ всѣмъ непокорнымъ на самой высшей точкѣ хребта Загра, черезъ который ведетъ путь съ запада въ Мидію. Антіохъ обошелся съ побѣжденными очень милостиво; только Селевкія подверглась строгому наказанію. Затѣмъ онъ вторгнулся въ Атропатену; здѣсь Артобазанъ, стоявшій на сторонѣ Молона, испуганный неожиданнымъ вторженіемъ Антигона, заключилъ съ нимъ выгодный для него миръ. Всемогущій же министръ Гермей, по настоянію нѣкоторыхъ друзей Антіоха, былъ казненъ.

Возвратившись въ Сирію, Антіохъ началъ усиленно готовиться къ египетской войнѣ. Походъ 219 г. до Р. Х. начался счастливо. Портъ

Антіохіи, превратившійся послѣ Птоломея Евергета въ египетскую Селевкію Піерію, былъ взятъ. Египетскій намѣстникъ Кэлесиріи, этолянинъ Теодотъ, перешелъ на сторону Антіоха и выдалъ ему приморскіе города Птолемаиду и Тиръ, другіе же города также сдались ему. Но вмѣсто того, чтобы, какъ всѣ ожидали, напасть теперь на плохо вооруженный Египетъ, царь отъ финикійскаго побережья возвратился опять въ Селевкію. Вслѣдъ затѣмъ, пока министры Птоломея Агаѳоклъ и Созибій продолжали тѣмъ временемъ свои вооруженія, начались переговоры, закончившіеся зимою 219—218 г. заключеніемъ четырехмѣсячнаго перемирія. Лѣтомъ 218 г. Антіохъ явился опять въ Кэлесиріи и выгналъ египтянъ, но, когда въ 217 г. Птоломей послѣ грандіозныхъ подготовленій выступилъ противъ него, онъ былъ разбитъ при Рафіи, на сирійско-египетской границѣ и долженъ былъ вновь отказаться отъ завоеванныхъ имъ областей; помимо этого Птоломей не использовалъ далѣе своей побѣды.

Тѣмъ временемъ Ахей оттѣснилъ, правда, опять пергамцевъ, но самъ отпалъ отъ Антіоха и былъ провозглашенъ царемъ. Антіохъ началъ борьбу съ Ахеемъ. Въ 216 г. онъ перешелъ Тавръ и послѣ ряда счастливыхъ стычекъ оттѣснилъ врага къ Сардамъ, которыя ему однако удалось взять лишь послѣ двухлѣтней осады и то путемъ хитрости. Крѣпость же, въ которой находился Ахей, держалась еще и послѣ взятія города, пока одинъ критянинъ не предалъ Ахея въ руки Антіоха, который и приказалъ его умертвить. Этимъ было закончено обратное завоеваніе той части Малой Азіи, которую Аттахъ отнялъ у Селевкидовъ.

Послѣ описанныхъ событій послѣдовалъ рядъ другихъ удачныхъ предпріятій. Въ 209 г. до Р. X. Антіохъ предпринялъ длившійся много лѣтъ походъ на востокъ. Прежде всего онъ вторгнулся въ страну парѳянъ, Арсакидская династія которыхъ вынуждена была признать сирійское верховенство. Затѣмъ онъ направился въ Бактрію: Евфидемъ встрѣтилъ Антіоха на Ареѣ, но послѣ храбраго сопротивленія долженъ былъ отступить. Главный городъ Бактра подвергся осадѣ; въ безвыходномъ положеніи Евфидемъ грозилъ призвать въ страну дикихъ кочевниковъ и отдать имъ на уничтоженіе греческую культуру. Передъ такой угрозой долженъ былъ уступить представитель Селевкидовъ, династія которыхъ всегда служила дѣлу распространенія и упроченія этой самой культуры. Въ мирѣ, который былъ вслѣдъ затѣмъ заключенъ, за Евфидемомъ было признано царское достоинство, и сынъ его Димитрій обрученъ съ дочерью Антіоха; Евфидемъ долженъ былъ выдать военныхъ слоновъ и принять на себя обезпеченіе продовольствіемъ сирійскаго войска. Обѣ стороны заключили оборонительный и наступательный союзъ (206 г. до Р. X.). Послѣ этого Антіохъ перебрался черезъ Гиндукушъ въ долину Кабула и возобновилъ съ индійскимъ царемъ Субагазеной дружественный договоръ, который Селевкъ Никаторъ заключилъ раньше съ Чандрагуптой. И Субагазена выдалъ ему слоновъ и снабдилъ его войско провіантомъ. Черезъ Арахозію и Дрангіану онъ отправился въ обратный путь и перезимовалъ въ Карманіи. Отсюда онъ въ 205 г. предпринялъ небольшой походъ въ сторону, къ лежащему напротивъ аравійскому побережью, на которомъ жилъ богатый торговый народъ герреи. Они принуждены были купить свою свободу и независимость дорогой цѣной и выдали Антіоху 500 талантовъ серебра, 1000 талантовъ пахучихъ травъ и 200 талантовъ смирнскаго масла. Отсюда царь возвратился въ Селевкію. Этотъ походъ вновь поднялъ высоко имя Селевкидовъ на востокѣ и заслужилъ царю у современниковъ прозваніе „Великаго“.

Между тѣмъ въ Египтѣ въ 205 г. до Р. X. на престолъ вступилъ несовершеннолѣтній Птоломей Эпифанъ. Тогда-то Антіохъ сирійскій и Филиппъ македонскій заключили между собой союзъ съ спеціальной цѣлью захватить египетскія владѣнія и подѣлить ихъ между собой. Но

въ то время, какъ Филиппъ переправился въ Малую Азію и былъ вовлеченъ здѣсь въ борьбу съ Пергамомъ, Родосомъ и наконецъ съ самимъ Римомъ, Антіохъ старался привести въ исполненіе свои прежніе планы относительно Кэлесиріи и Финикіи. Дипломатическое вмѣшательство Рима въ пользу своего питомца Эпифана не въ состояніи было удержать сирійскаго царя отъ продолженія счастливо начатаго покоренія Кэлесиріи; закончено было это покореніе пораженіемъ египтянъ подъ начальствомъ Скопаса при горѣ Паніи у истоковъ Іордана (198 г. до Р. Х.). Кэлесирія и Финикія перешли опять во власть Сиріи. Такъ какъ Антіохъ желалъ имѣть свободныя руки въ Малой Азіи и Европѣ, онъ заключилъ съ Египтомъ миръ и закрѣпилъ его, женивъ Птоломея Эпифана на своей дочери Клеопатрѣ.

Его союзникъ Филиппъ долженъ былъ отказаться отъ завоеванія Малой Азіи, ибо борьба его съ Римомъ приняла неблагопріятный для него оборотъ. Энергичная поддержка со стороны Антіоха могла бы, быть-можетъ, измѣнить положеніе вещей, но Антіохъ былъ теперь очевидно очень далекъ отъ мысли о такой поддержкѣ: съ того момента, какъ Филиппъ отступилъ изъ Малой Азіи, онъ считалъ стеченіе обстоятельствъ весьма благопріятнымъ для того, чтобы попытаться отвоевать то, что когда-то принадлежало его предкамъ. Въ 197 г. онъ началъ съ сильнымъ войскомъ и флотомъ малоазіатскій походъ. Въ заключенномъ имъ мирѣ Филиппъ уступилъ завоеванные имъ въ Малой Азіи города Риму, который возвратилъ имъ свободу. Это огорчило, правда, Антіоха, но не воспрепятствовало ему проводить свои планы. Въ 196 г. онъ переправился въ Европу, занялъ Херсонесъ, отстроилъ вновь Лизимахею, устроивъ здѣсь складъ оружія, и принялся за завоеваніе Ѳракіи, какъ-будто бы ему принадлежало все то, чѣмъ владѣлъ бы его великій предокъ, если бы онъ не былъ неожиданно убитъ.

Въ Лизимахеѣ римскіе послы предложили ему освободить занятые имъ греческіе города Ѳракіи и Азіи и не отнимать владѣній у египетскаго царя. На это вмѣшательство Антіохъ отвѣчалъ, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ осуществляетъ лишь свое право, а что касается египетскаго царя, то послѣдній и не думаетъ даже выражать неудовольствія; наоборотъ, онъ состоитъ его союзникомъ, и въ скоромъ времени родственная связь еще болѣе скрѣпитъ ихъ союзъ. Такимъ образомъ подготовлялся разрывъ съ Римомъ; новымъ поводомъ къ нему было то, что Антіохъ радушно принялъ у себя величайшаго врага Рима, Ганнибала; на предложеніе Ганнибала напасть на Римъ въ самой Италіи Антіохъ однако не согласился. Послѣ ряда дипломатическихъ переговоровъ война съ Римомъ вспыхнула, когда Антіохъ, по приглашенію этолянъ, переправился въ Грецію (192 г. до Р. Х.) и принялся за завоеваніе греческихъ городовъ и областей. Но силы Антіоха были совершенно недостаточны для того, чтобы встрѣтить римлянъ въ открытомъ полѣ: онъ высадился въ Элладѣ, имѣя всего только 10,000 пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ. Попытавшись загородить римскому войску путь въ Ѳермопильскомъ ущельи, онъ былъ обойденъ, разбитъ и съ немногими приближенными бѣжалъ въ Малую Азію (191 г. до Р. Х.).

И на морѣ сирійскій флотъ былъ разбитъ сначала К. Ливіемъ при Корикосѣ (между Хіосомъ и Эфесомъ) въ 191 г., а затѣмъ Эмиліемъ при Міоннесѣ въ 190 г. Растерянность Антіоха послѣ этихъ пораженій была такъ велика, что онъ тотчасъ же очистилъ хорошо укрѣпленную и снабженную богатымъ складомъ оружія Лизимахею на Ѳракійскомъ берегу и тѣмъ самымъ далъ приближавшемуся по сухому пути римскому полководцу Корнелію Сципіону возможность достичь безпрепятственно Геллеспонта и перебраться въ Азію. При Магнезіи на Сипилѣ произошла рѣшительная битва: Антіохъ былъ разбитъ на-голову (190 до Р. Х.). Въ

заключенномъ имъ мирѣ онъ обязался выдать Малую Азію до Тавра, всѣхъ своихъ слоновъ и флотъ, за исключеніемъ 10 судовъ. Кромѣ того онъ долженъ былъ уплатить контрибуцію въ размѣрѣ 15,000 евбейскихъ талантовъ (96 милліоновъ нѣмецкихъ марокъ), изъ нихъ 3000 тотчасъ же, а остальные въ теченіе ближайшихъ 12 лѣтъ. Послѣдствія несчастія, постигшаго Антіоха, не замедлили сказаться тотчасъ же и въ другомъ мѣстѣ: оба сатрапа Арменіи отпали и основали самостоятельныя государства: Артаксій на сѣверѣ (долина Аракса съ Артаксатой) и Заріадръ на югѣ (Софена на Тигрѣ). Вскорѣ послѣ этого Антіохъ былъ убитъ элимийцами во время похода на востокъ, куда онъ отправился, чтобы разграбить храмъ Бэла и пополнить такимъ образомъ свою пустую казну (187 г. до Р. Х.).

Б. Періодъ паденія государства (отъ Селевка IV Филопатора до Антіоха XIII).

Антіоху III наслѣдовали его сыновья, сначала Селевкъ IV Филопаторъ (187—175 до Р. Х.), а затѣмъ Антіохъ IV Эпифанъ (175—164 до Р. Х.). Селевкъ, которому приходилось править при весьма трудныхъ обстоятельствахъ и все время бороться съ финансовыми затрудненіями, вызванными римской контрибуціей, былъ убитъ своимъ министромъ Геліодоромъ, который попытался послѣ этого овладѣть престоломъ, но безуспѣшно. Поддержанный Пергамомъ Антіохъ вступилъ на престолъ; несовершеннолѣтній наслѣдникъ престола Димитрій, сынъ убитаго Селевка, жилъ заложникомъ въ Римѣ, куда его послалъ незадолго до своей смерти отецъ, взамѣнъ возвратившагося оттуда Антіоха. Антіохъ IV Эпифанъ былъ прежде всего вовлеченъ въ войну съ Египтомъ, о причинахъ которой намъ почти ничего неизвѣстно. Сестра его Клеопатра въ 193 г. до Р. Х. вышла замужъ за Птоломея Эпифана и въ приданое получила доходы со многихъ городовъ Кэлесиріи; въ 181 г. Эпифанъ былъ убитъ, а въ 173 г. умерла Клеопатра, бывшая регентшей за малолѣтняго Птоломея Филометора. Разногласія и возникли по всей вѣроятности изъ-за оставшагося въ налѣдство послѣ Клеопатры ея приданаго. Египтяне, по всей вѣроятности, смотрѣли на тѣ города, откуда Клеопатра получала доходы, какъ на египетскіе, и требовали продолженія платежей и послѣ смерти Клеопатры — требованіе, на которое Антіохъ не могъ согласиться, такъ какъ Сирія никогда не отказывалась отъ своихъ верховныхъ правъ по отношенію къ этимъ городамъ. Какъ бы то ни было, но дѣло дошло до войны. Побѣда, одержанная Антіохомъ при Пелузіи, отдала въ его руки этотъ важный городъ и открыла ему путь въ Египетъ. Царь Птоломей Филометоръ попалъ въ руки врага, и бразды правленія принялъ по желанію народа братъ его Фисконъ. Эпифанъ былъ оттѣсненъ, но удержалъ за собой Пелузій. Освобожденный Птоломей Филометоръ вошелъ въ соглашеніе съ своимъ братомъ, Антіохъ же вновь напалъ на Египетъ и осадилъ Александрію.

Тутъ-то въ лагерѣ царя явился К. Попиллій Ленатъ, съ посланіемъ римскаго сената, въ которомъ Антіоху предлагалось немедленно очистить Египетъ. Когда Антіохъ попросилъ времени для размышленія, Ленатъ провелъ палкой черту вокругъ царя и сказалъ: „Прежде, чѣмъ ты выйдешь изъ этого круга, я долженъ имѣть отвѣтъ, что̀ донести мнѣ сенату“. Царь выразилъ готовность исполнить желаніе Сената. Онъ отступилъ изъ Египта, выдалъ Пелузій, но сохранилъ за собой Кэлесирію. Одного слова со стороны Рима оказалось такимъ образомъ достаточно, чтобы разсѣять планы Эпифана относительно завоеванія Египта. Не чувствуя себя настолько сильнымъ, чтобы вести войну съ Римомъ, и наученный несчастнымъ исходомъ борьбы, которую велъ его отецъ, онъ вынужденъ былъ признать чужую силу и ей покориться: въ теченіе одного поколѣнія Сирія

лишилась того положенія міровой державы, какое она заняла при Антіохѣ III и подобнаго которому она не занимала уже никогда; съ этого времени вліяніе Рима начинаетъ часто отражаться и на внутреннихъ дѣлахъ сирійскаго царства.

Мы только-что упоминали о томъ, что Арменія и Софена образовали самостоятельныя государства. Противъ Арменіи и былъ направленъ ближайшій походъ Эпифана (166 до Р. Х.). Онъ проникъ довольно далеко вглубь страны и взялъ въ плѣнъ царя Артаксія, но сохранилъ за нимъ его престолъ, подобно тому, какъ раньше его отецъ поступилъ съ царями Парѳіи и Бактріи. Арменія признала, по своей вѣроятности, верховенство Сиріи, но сирійской провинціей она не была сдѣлана. Изъ Арменіи Эпифанъ направился къ Персидскому заливу и возстановилъ здѣсь одинъ изъ основанныхъ Александромъ, но пришедшихъ въ совершенное разрушеніе городовъ, назвавъ его Антіохіей. Здѣсь когда-то Александръ возстановилъ вавилонскую систему каналовъ и, предотвративъ этимъ возможность повторенія столь разрушительно дѣйствовавшихъ разливовъ Тигра и Евлая, создалъ прекрасное орошеніе для всей страны. Найдя всѣ эти сооруженія совершенно разрушенными, Эпифанъ возстановилъ ихъ. Эта Антіохія при устьѣ Тигра была позднѣе вторично разрушена волнами; сатрапъ Гиспаозинъ отстроилъ ее затѣмъ вновь, укрѣпилъ сильными плотинами и назвалъ Хараксъ, вскорѣ послѣ чего она сдѣлалась цвѣтущимъ торговымъ городомъ и столицей небольшого государства. На пути въ Персію, гдѣ надлежало усмирить возстаніе, Антіохъ IV Эпифанъ умеръ въ Табахъ (164 г. до Р. Х.) отъ чахотки. Если Эпифанъ, возстановляя Антіохію и вавилонскіе каналы, слѣдовалъ традиціи своихъ предковъ, которые всегда заботились о процвѣтаніи и распространеніи культуры, то тѣми же принципами онъ руководился, когда вмѣшался въ дѣла іудейскаго царства: онъ желалъ доставить побѣду эллинской культурѣ и своей вѣрѣ въ олимпійскаго Зевса. Образъ дѣйствій Эпифана въ этомъ направленіи навлекъ на него сильную ненависть и презрѣніе, и только въ самое послѣднее время стало возможнымъ болѣе безпристрастное и справедливое о немъ сужденіе. Но ознакомиться съ этимъ эпизодомъ, съ мѣропріятіями Эпифана въ Іерусалимѣ и вызваннымъ ими возстаніемъ Маккавеевъ удобнѣе будетъ въ другомъ мѣстѣ (т. III-й).

Послѣ краткаго царствованія Антіоха V Эвпатора (164 — 162) на престолъ вступилъ Димитрій I Сотеръ (162 — 150 до Р. Х.), тотъ самый сынъ Селевка IV, который послѣ того, какъ отецъ его былъ убитъ и царемъ сталъ дядя его Эпифанъ, жилъ заложникомъ въ Римѣ. Съ самаго начала ему пришлось бороться съ ненавистью со стороны Рима. Сатрапъ Мидіи, Тимархъ, возобновилъ попытку Молона, отпалъ отъ Димитрія и съ одобренія римскаго сената возложилъ на себя корону. Соединившись съ Артаксіемъ армянскимъ, онъ подчинилъ себѣ вскорѣ сосѣднія области и овладѣлъ Вавилоніей. Но, когда Димитрій выступилъ противъ Тимарха, послѣдній былъ побѣжденъ и убитъ (160 до Р. Х.). Итакъ Мидія и Вавилонія были еще разъ спасены; благодарные вавилоняне, ненавидѣвшіе Тимарха, дали Димитрію прекрасное имя Сотеръ — „Спаситель“.

Но Римъ опять поставилъ его въ трудное положеніе, создавъ противъ него союзъ сосѣднихъ съ нимъ государствъ: нѣкій Александръ Баласъ, котораго выдавали за сына Антіоха Эпифана, вторгнулся въ Сирію. Въ борьбѣ съ нимъ Димитрій былъ убитъ (150 до Р. Х.). Новый царь — Александръ Теопаторъ Эвергетъ — былъ совершенно неспособенъ къ правленію. Птоломей Филометоръ Египетскій, который вначалѣ оказывалъ ему помощь, выдвинулъ противъ него Димитрія, сына Димитрія I. Послѣ долгой борьбы, въ которой Александръ былъ побѣжденъ, Димитрій II

сталъ царемъ (145 до Р. X.). Но и противъ него выступилъ подъ именемъ Трифона нѣкій Діодотъ, которому и удалось вытѣснить Димитрія почти изъ всей Сиріи. Послѣдствія этихъ внутреннихъ междоусобицъ сказались очень скоро: только-что вновь отвоеванныя Димитріемъ богатыя и плодоносныя провинціи Мизія и Вавилонія опять отошли къ пареянамъ, которые взяли Селевкію на Тигрѣ, это гордое созданіе перваго царя изъ рода Селевкидовъ. Населеніе этихъ областей, которое привѣтствовало Димитрія I, какъ спасителя, когда онъ освободилъ его отъ ига Тимарха, призвало правда его сына, но Димитрій II былъ побѣжденъ въ борьбѣ съ пареянами и самъ попалъ въ плѣнъ (138 до Р. X.).

Брату его Антіоху VII Сидету, который вступилъ послѣ этого на сирійскій престолъ, удалось устранить Трифона, положить конецъ внутренней междоусобицѣ и возстановить вновь царскую власть. Въ 130 г. онъ предпринялъ походъ противъ пареянъ, которые, будучи разбиты при Линосѣ, освободили изъ плѣна Димитрія, по всей вѣроятности въ надеждѣ, что онъ вновь начнетъ междоусобную войну и тѣмъ самымъ отвлечетъ Антіоха отъ Пареіи. Но еще раньше, чѣмъ дѣло дошло до этого, пареяне еще разъ встрѣтили Антіоха въ открытомъ полѣ: на этотъ разъ онъ былъ разбитъ и палъ въ сраженіи (129 до Р. X.). Это пораженіе ограничило власть Селевкидовъ областью къ западу отъ Евфрата. Димитрій II, возвратясь на родину послѣ девятилѣтняго пребыванія въ плѣну у пареянъ, нашелъ всю страну въ трауръ по поводу смерти Антіоха и потери всего войска. Тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ же началъ войну съ Египтомъ, какъ-будто его собственный и его брата походы противъ пареянъ окончились побѣдами. Сирійскіе города, съ главнымъ городомъ Антіохіей Апамеей во главѣ, отпали отъ него, а Птоломей Египетскій выставилъ противъ него въ Сиріи одного купеческаго сына, которому было дано имя Александръ и котораго выдавали за пріемнаго сына погибшаго Антіоха. Александръ, который, благодаря сильной нелюбви сирійскихъ городовъ къ Димитрію, нашелъ благопріятную для своихъ плановъ почву, съумѣлъ кромѣ того весьма искусно использовать прибытіе тѣла Антіоха: его заботы о приличномъ и почетномъ погребеніи тѣла, скорбь, которую онъ старался выставить на показъ, обильныя слезы — все это привлекло къ нему сердца населенія. Ему удалось побѣдить Димитрія, несмотря на то, что послѣдняго снабдила большими средствами его теща Клеопатра, бѣжавшая къ нему изъ Египта. Побѣжденный, онъ направился въ Тиръ и былъ здѣсь убитъ, когда сходилъ съ корабля (125 до Р. X.).

Отъ брака своего съ Клеопатрой Димитрій имѣлъ двухъ сыновей. Изъ нихъ Селевкъ былъ вскорѣ послѣ смерти своего отца убитъ своей собственной матерью за то, что безъ ея разрѣшенія возложилъ на себя корону; второй же вступилъ на престолъ. Этому Антіоху VIII Грипу („длинный носъ“) предстояло, какъ и отцу его, полное смутъ и безпокойствъ царствованіе. Выдвинутый противъ него претендентомъ Александръ (Забинъ), возгордившись вслѣдствіе одержанныхъ имъ успѣховъ, полагалъ возможнымъ отказаться отъ помощи своего покровителя Птоломея Египетскаго и царствовать самостоятельно. Это повело къ разрыву между ними и къ сближенію египетскаго царя съ Антіохомъ, который получилъ теперь изъ Египта помощь и вмѣстѣ съ тѣмъ руку египетской царевны Трифайны. Эта открытая помощь со стороны Египта привлекла также и многіе сирійскіе города на сторону Антіоха, который, получивъ такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ подкрѣпленія, могъ выступить противъ Александра. Въ происшедшемъ затѣмъ сраженіи Александръ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Антіохію. Не имѣя никакихъ средствъ, онъ ограбилъ здѣсь храмъ Зевса, взявъ оттуда сначала золотую статую побѣды, а затѣмъ и самого Зевса. Этимъ поступкомъ онъ такъ

возбудилъ противъ себя народъ, что долженъ былъ бѣжать изъ города; схваченный разбойниками, онъ былъ приведенъ къ Антіоху и здѣсь казненъ.

Итакъ, Антіохъ Грипъ былъ опять господиномъ унаслѣдованнаго отъ отца государства. Планъ его ужасной матери Клеопатры, которая, чтобы царствовать самой, рѣшила умертвить и второго своего сына, былъ раскрытъ, и сынъ заставилъ мать осушить приготовленный для него кубокъ съ ядомъ. Но Антіоху недолго пришлось царствовать единолично; противъ него возсталъ его сводный братъ Антіохъ IX Кизикскій. Борьба обоихъ братьевъ привела въ концѣ концовъ къ раздѣлу государства: Грипъ получилъ собственную Сирію и Киликію, Антіохъ же Кизикскій Кэлесирію и Финикію. Въ 96 г. до Р. Х. Грипъ былъ убитъ. Сынъ его Селевкъ VI отразилъ, правда, нападеніе Антіоха, но долженъ былъ вести борьбу съ четырьмя его братьями. Въ Кэлесиріи и Финикіи по смерти Антіоха царствовалъ сынъ его Антіохъ X Евсевій — „набожный“; онъ женился — фактъ, характерный для семейной нравственности эпохи — на своей собственной матери, Клеопатрѣ Селенѣ, которая сначала была женой Антіоха VIII, затѣмъ Антіоха Кизикскаго, послѣ того, какъ она еще раньше вышла замужъ за Птоломея Латира Египетскаго.

Сильно уменьшившееся въ размѣрахъ своихъ государство, раздѣленное къ тому же между двумя вѣтвями одной династіи, терзаемое братоубійственными войнами и внутренними междоусобицами, такова та печальная картина, которую представляетъ намъ господство Селевкидовъ около 100 г. до Р. Х. О выполненіи великой, указанной Селевкомъ задачи — о созданіи изъ сильнаго государства, государства культурнаго и о распространеніи эллинской культуры — никто болѣе уже не думалъ. Антіохъ III былъ послѣдній царь, который, хотя бы и на короткое время, возвратилъ государству то положеніе, которымъ оно пользовалось при первыхъ Селевкидахъ; но въ томъ объемѣ, въ какомъ Селевкъ оставилъ государство, имъ не владѣлъ уже ни одинъ изъ его преемниковъ. Антіохъ Эпифанъ и Антіохъ Сидетъ ревностно стремились къ возстановленію прежняго могущества, но то, что имъ удавалось создать, весьма быстро погибало. При ихъ преемникахъ государство было всецѣло предоставлено воздѣйствію своихъ могущественныхъ сосѣдей. Неоднократно вмѣшательство Рима и Египта въ сирійскія дѣла оказывалось роковымъ для династіи Селевкидовъ.

Благодаря такому безсилію государства, Тиграну, царю армянскому (см. фиг. 4, таблица къ стр. 129), удалось завоевать сначала собственную Сирію (83 г. до Р. Х.), а затѣмъ и большую часть Финикіи съ Птолемаидой (74 до Р. Х.). Господству его въ этихъ мѣстностяхъ положилъ конецъ римлянинъ Лукуллъ. Новый царь Антіохъ XIII, сынъ Антіоха Евсевія и бывшей такъ много разъ замужемъ Клеопатры Селены, былъ вскорѣ убитъ. Въ 64 г. въ Сиріи явился Помпей, только-что побѣдившій Митридата Понтійскаго, и положилъ конецъ господству Селевкидовъ. Съ этого момента Сирія превращается въ римскую провинцію и не имѣетъ уже болѣе собственной исторіи. Судьбы ея зависятъ теперь отъ Рима; римскіе легіоны заняли города и охраняли восточную границу. Подъ сильной защитой римскихъ императоровъ Сирія расцвѣла; созданные Селевкидами города и общины, а также и старые города на финикійскомъ побережьи, процвѣтали и стали центрами оживленной, громадной по своимъ размѣрамъ фабричной промышленности и торговли. Задачу распространенія эллинской культуры, выдвинутую Селевкидами, взялъ на себя Римъ; богаты и населенны были въ тѣ времена тѣ самыя мѣстности, въ которыхъ мы теперь встрѣчаемъ только развалины, окруженныя печальной пустыней. Отъ римлянъ господство надъ этой страной перешло сначала къ Византіи, а затѣмъ къ арабамъ (срв. томы III и V).

В. Греко-бактрское государство.

а) Природа и древнѣйшая исторія Бактріи.

Къ сѣверу отъ Гиндукуша, къ западу отъ Памира и востоку отъ Ирана простирается по направленію къ Каспійскому морю и Аральскому озеру обширная страна, перерѣзанная въ южной и восточной частяхъ горными хребтами, но въ общемъ представляющая изъ себя степи и пустыню, изрѣдка прерываемыя большими, плодородными оазисами. Двѣ рѣки Оксъ (Аму-Дарья) и Яксартъ (Сыръ-Дарья) орошаютъ страну. Въ древности область по верхнему теченію Окса называлась Бактріей, съ сѣвера по направленію къ Яксарту къ ней примыкала Согдіана, область же по нижнему теченію обѣихъ рѣкъ до Каспійскаго моря и Аральскаго озера называли обыкновенно Хоразміей.

Съ сѣвера эти пустыни примыкаютъ къ южно-русскимъ степямъ, и здѣсь, какъ и тамъ, мы встрѣчаемъ населеніе иранскаго племени, объединяемое обыкновенно общимъ именемъ скиѳовъ (см. выше стр. 73). Разнообразная природа этихъ обширныхъ областей обусловливала и различный образъ жизни обитавшихъ здѣсь иранскихъ народовъ. Въ то время какъ населеніе гористыхъ мѣстностей и большихъ плодородныхъ и прекрасно орошенныхъ оазисовъ, которые были разсѣяны по пустынѣ, вело осѣдлый образъ жизни, занималось земледѣліемъ, плодоводствомъ и скотоводствомъ, — кочующіе скиѳы, какъ теперь туркмены, странствовали по пустынѣ со всѣми своими стадами, всѣмъ своимъ имуществомъ, ища постоянно новыхъ и свѣжихъ пастбищъ и всегда склонные къ нападеніямъ на осѣдлыя поселенія. Такимъ образомъ создался самъ собой антагонизмъ между кочевниками съ одной и осѣдлымъ населеніемъ горъ и оазисовъ съ другой стороны. Поэтому-то у осѣдлаго населенія, которое всегда должно было быть готово вооруженной рукой отразить нападеніе кочевниковъ, развилось вооруженное дворянство, изъ среды котораго вышли затѣмъ, какъ напримѣръ въ Бактріи, наслѣдственная княжеская и царская власть. Эти вооруженные дворяне составляли въ то же время землевладѣльческое сословіе, въ подчиненіи у котораго находилось все крестьянство.

Исторія Бактріи, государи которой въ теченіе многихъ столѣтій вели борьбу противъ туранцевъ, т.-е. противъ кочевниковъ, и, какъ передаютъ, одерживали надъ ними блестящія побѣды, восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ. Но цари эти представляются намъ чисто миѳическими фигурами, войны противъ туранцевъ произошли изъ сказаній о борьбѣ святыхъ божествъ съ демонами, и наоборотъ изъ войнъ произошли легенды о богахъ. Поэтому-то излагать исторію Бактріи въ древнѣйшее время и представляется невозможнымъ.

б) Бактрія подъ эллинистическимъ вліяніемъ.

Бактрія прекратила самостоятельное существованіе послѣ того, какъ она была покорена Киромъ во время его большого похода на востокъ; управленіе страной Киръ поручилъ брату своему Бардіи. Въ царствованіе Дарія Гистаспа Бактрія была включена въ составъ 12-го персидскаго податного округа и платила ежегодно 360 талантовъ; покоренныя также Киромъ Хоразмія и Согдіана принадлежали къ 16-му округу и платили 300 талантовъ.

Господство Персіи надъ иранскимъ востокомъ длилось до тѣхъ поръ, пока Александръ Великій, разрушивъ Персидскую монархію, не покорилъ Бактріи и Согдіаны. Веденная имъ здѣсь борьба описана нами выше (см. стр. 118). Основаніемъ цѣлаго ряда городовъ (мы знаемъ о восьми и между ними Александрія-Есхате на Яксартѣ, см. стр. 120), Александръ

старался держать страну въ повиновеніи и открыть въ нее доступъ греческой культурѣ. Онъ поселилъ здѣсь греческихъ и македонскихъ солдатъ, за которыми несомнѣнно послѣдовали торговцы и разные предпріимчивые люди вообще: всѣмъ имъ эти страны, черезъ которыя издревле направлялись товары изъ Индіи къ Черному морю, сулили большія выгоды. Теперь, когда открыта была Индія и по крайней мѣрѣ Пенджабъ вошелъ въ составъ монархіи Александра, торговыя сношенія несомнѣнно должны были оживиться; предпріимчивымъ людямъ, недостатка въ которыхъ никогда не было въ Греціи и Малой Азіи, открывались здѣсь широкія перспективы.

Получивъ извѣстіе о смерти Александра, поселенные имъ въ военныхъ колоніяхъ греки (20,000 пѣхотинцевъ и 3000 конницы) снялись съ своихъ мѣстъ, чтобы возвратиться на родину. Но по приказанію Пердикки имъ преградилъ путь намѣстникъ Мидіи Пиѳонъ; греки были разбиты благодаря измѣнѣ одного изъ ихъ вождей и перебиты войскомъ Пердикки, которое овладѣло затѣмъ ихъ имуществомъ. Македонское господство осталось здѣсь непоколебленнымъ. При распредѣленіи сатрапій въ Трипарадизѣ Бактрію и Согдіану получилъ Стазаноръ, уроженецъ кипрскаго города Солы.

Когда затѣмъ Селевкъ сдѣлался намѣстникомъ Вавилоніи и отсюда создалъ громадное государство, въ составъ его вошли Бактрія и Согдіана. Первые Селевкиды очень заботились объ этихъ восточныхъ областяхъ своего государства. Александрія-Есхате была укрѣплена, и въ этой же мѣстности заложенъ новый городъ Антіохія. Плодородный оазисъ Маргіана былъ весь обнесенъ стѣной для защиты отъ нападенія кочевниковъ. На рѣкѣ Маргѣ былъ возстановленъ разрушенный городъ и названъ Антіохіей — окружность его равнялась 70 стадіямъ.

Эти области оставались провинціями царства Селевкидовъ до 250 г. до Р. Х., пока намѣстникъ Діодотъ не отпалъ и не провозгласилъ себя царемъ. Маргіана и Согдіана вошли въ составъ новаго государства. Обстоятельства весьма благопріятствовали Діодоту. Преемники Селевка Никатора были такъ заняты малоазіатскими дѣлами и войной съ Египтомъ, что вниманіе ихъ было совершенно отвлечено отъ востока. Кромѣ того Антіохъ Теосъ, въ царствованіе котораго произошло отпаденіе Діодота, былъ слабой личностью и предавался къ тому же, какъ разсказываютъ, пьянству. Затѣмъ послѣдовала борьба между братьями Селевкомъ Каллиникомъ и Антіохомъ Гіераксомъ и тяжелая война перваго съ Птоломеемъ Эвергетомъ; Каллиникъ не былъ даже въ состояніи отнять у Арсакидовъ завоеванную ими Парѳію, Бактрія же успѣла тѣмъ временемъ укрѣпиться. Союзъ, который Діодотъ II, сынъ и преемникъ перваго бактрскаго царя, заключилъ съ царемъ парѳянскимъ Тиридатомъ, указываетъ на то, что оба они поняли грозившую имъ общую опасность. Діодотъ могъ быть спокоенъ лишь до тѣхъ поръ, пока между нимъ и его прежними повелителями лежало Парѳянское царство.

Династія Діодота была, однако, вскорѣ свергнута Евфидемомъ, малоазіатскимъ грекомъ изъ Магнезіи. Когда Антіохъ III принудилъ по крайней мѣрѣ парѳянъ къ признанію верховенства Селевкидовъ и направился въ Бактрію (208 г. до Р. Х.), тамъ царствовалъ Евфидемъ. Мы уже разсказали выше (стр. 146), какъ этотъ походъ закончился признаніемъ Евфидема царемъ и женитьбой его сына Димитрія на одной изъ селевкидскихъ принцессъ. Евфидемъ, сильно стѣсненный Антіохомъ и осажденный, наконецъ, въ Бактрахъ, воздѣйствовалъ на царя угрозой призвать въ страну кочевниковъ и отдать имъ на разграбленіе эллинскую культуру. Въ дѣйствительности же задача Бактріи состояла въ томъ, чтобы сдерживать скиѳовъ, — какъ называли всѣхъ иранскихъ кочевниковъ,—защищать отъ ихъ нападеній культуру и обезопасить торговые пути

изъ Индіи къ Черному морю. Угроза Евфидема показываетъ, что онъ понималъ свою задачу; съ другой стороны Антіохъ, испугавшись этой угрозы, тѣмъ самымъ показалъ, что онъ, какъ и его предшественники, былъ преисполненъ пониманія культурныхъ задачъ. Оба царя расстались друзьями, заключивъ оборонительный и наступательный союзъ.

Тотъ самый Димитрій, за котораго Антіохъ III выдалъ свою дочь еще при жизни своего отца, перешелъ Гиндукушъ и распространилъ свое господство до Инда и Пенджаба. Эти области когда-то завоевалъ Александръ и включилъ въ составъ своей монархіи; послѣ его смерти индійскій князь Чандрагупта основалъ въ долинѣ Ганга государство и рядомъ счастливыхъ войнъ распространилъ его черезъ Индъ вплоть до Паропамиза. Теперь то, чѣмъ когда-то уже владѣлъ Александръ -- долина Кабула и Пенджабъ -- было вновь завоевано для эллинизма. Столицей индійскихъ владѣній былъ сдѣланъ древній городъ Сангала, названный теперь Евфидеміей. Въ то же самое время были покорены Арахозія, гдѣ былъ основанъ названный по имени Димитрія городъ Деметрія и, по всей вѣроятности, даже Арія и Дрангіана. Это былъ моментъ, въ который Бактрія достигла высшей ступени могущества. Евфидему наслѣдовалъ сынъ его Димитрій, у котораго, однако, Евкратидъ не безъ успѣха оспаривалъ власть. Евкратидъ боролся также противъ Аріи, Дрангіаны, Согдіаны и Арахозіи. Мы имѣемъ очень мало свѣдѣній обо всѣхъ этихъ внутреннихъ войнахъ и знаемъ лишь, что около этого времени пареяне подъ предводительствомъ Митридата овладѣли Аріей (область около теперешняго Герата) и что Евкратидъ на обратномъ пути изъ Индіи, которую онъ завоевалъ въ борьбѣ съ Димитріемъ, былъ убитъ своимъ сыномъ.

Но рядомъ съ нимъ было нѣсколько другихъ царей — гражданская война оказала, очевидно, очень пагубное вліяніе: благодаря монетамъ до насъ дошли многочисленныя имена царей, изъ чего явствуетъ, что государство распалось на нѣсколько отдѣльныхъ частей, князья которыхъ находились въ борьбѣ между собой. Мы не знаемъ точно, ни въ какомъ порядкѣ слѣдовали эти князья одинъ за другимъ, ни времени ихъ правленія, ни той области, гдѣ тотъ или другой изъ нихъ правилъ; несомнѣннымъ представляется лишь то, что, будучи ослаблено внутренними войнами и раздѣлами, государство не могло уже съ успѣхомъ удовлетворять своей главной задачѣ — держать варваровъ вдали отъ своихъ границъ и защищать отъ нихъ культуру. Во всякомъ случаѣ описанное выше положеніе дѣлъ несомнѣнно облегчило варварамъ завоеваніе Бактріи.

Когда около 140 г. до Р. Х. ю-тзи — кочевники, родственные обитателямъ Тибета, вытѣсненные изъ своихъ мѣстъ тюркскимъ народомъ гіунгну, появились на границѣ Бактріи, они не встрѣтили сопротивленія: вся область до Окса перешла къ нимъ. Этимъ была рѣшена судьба греческой культуры къ сѣверу отъ Гиндукуша; къ югу же отъ него греки держались еще въ теченіе одного столѣтія. Изъ многочисленныхъ, переданныхъ намъ монетами, царей, которые, какъ кажется, правили въ этой именно мѣстности и въ это время, намъ извѣстенъ изъ другихъ источниковъ лишь одинъ — Менандръ. Онъ распространилъ свою власть черезъ Пенджабъ до средняго теченія Ганга, до устья Инда и къ востоку отсюда въ Сирастене (теперешнее Гуджерати). Онъ былъ, какъ передаютъ буддистъ и славился своей справедливостью. Этому греческому господству въ Индіи положилъ конецъ Кіу-Тзіу-Кіо (по-гречески на монетахъ Кадфизъ), князь кушанговъ, одного изъ пяти племенъ, на которыя распадались ю-тзи. Соединивъ всѣхъ этихъ кочевниковъ въ одно цѣлое, онъ завоевалъ къ югу отъ Гиндукуша Кабулъ и Кофенъ. Его сынъ Кадафъ присоединилъ Индію. Это скиеско-индійское государство существовало до исхода 4-го столѣтія послѣ Р. Х.

III. Возникновеніе христіанства и распространеніе его на востокѣ.

Проф. д-ра **Вильгельма Вальтера.**

1. Начало христіанства.

A. Вступленіе христіанства въ міръ.

„Суша и море наслаждаются покоемъ, города процвѣтаютъ въ согласіи и мирѣ“. Такъ гласила надпись въ честь императора Августа, въ царствованіе котораго родился Тотъ, кому суждено было не только до основанія потрясти римскую имперію, но и за ея предѣлами возбудить среди народовъ движеніе, съ теченіемъ вѣковъ охватывавшее все новыя и новыя области.

„Я свѣтъ міру. Итакъ идите, научите всѣ народы“. Это безпримѣрное заявленіе и указаніе, данное Іисусомъ Его ученикамъ, уничтожило вышеупомянутое согласіе.

Въ какомъ положеніи находился религіозный „миръ“, когда Іисусъ возвѣстилъ: „Не миръ пришелъ Я принести, но мечъ. Ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея“.

Въ римской имперіи исповѣдывалось безчисленное множество религій и культовъ. Но соединенныя подъ властью одного императора разнообразныя народности все болѣе и болѣе смѣшивались между собой. Прежде религія и народность всегда совпадали; члены извѣстнаго народа поклонялись извѣстному богу, ибо на религіозные обряды смотрѣли какъ на средство, чтобы добиться участія божества въ судьбахъ народа. Такимъ образомъ распаденіе національностей должно было повлечь за собой и распаденіе народныхъ религій. Чѣмъ больше становилось число процвѣтавшихъ въ одномъ и томъ же городѣ культовъ, тѣмъ слабѣе долженъ былъ становиться каждый изъ нихъ. Одновременно съ этимъ возникшее въ Греціи просвѣщеніе все сильнѣе распространялось и въ другихъ земляхъ. Образованные классы научились смѣяться надъ старыми богами. Мѣсто религіи заступили у нихъ философскія системы, которыя, противорѣча одна другой, не могли дать твердыхъ непоколебимыхъ убѣжденій, но все сильнѣе подрывали старую вѣру.

И однако „скорѣе городъ можетъ существовать безъ домовъ и земли, чѣмъ государство безъ вѣры въ боговъ. Религія составляетъ связующее звено всякаго общества, опору всякаго законодательства“ (Плутархъ). Но разъ государство не можетъ обойтись безъ религіи, то на обязанности каждаго подданнаго лежитъ исповѣдываніе ея. Какъ же, спрашивается, можно соединить въ одинъ культъ всѣхъ подданныхъ, исполненныхъ самыхъ разнообразныхъ религіозныхъ воззрѣній, и вмѣстѣ съ ними еще и тѣхъ, которые въ дѣйствительности презираютъ всякую религію? Для этого существуетъ одна сила, которая можетъ и должна быть священной для всѣхъ, пользующихся благодѣяніями государства, а именно — само государство, воплощенное въ его главѣ, — императорѣ. Именно потому, что

благоговѣнія передъ небесными силами уже не существуетъ, можно въ императорѣ видѣть воплощеніе высшаго могущества. Такимъ образомъ государственная религія все болѣе и болѣе обращается въ культъ цезаря: подданные или подчиняются этому культу потому, что цезарь, какъ верховный жрецъ, его требуетъ, или же оказываютъ ему божескія почести по доброй волѣ. Руководимые мыслью, что власть ихъ, какъ божественная, не имѣетъ границъ, многіе изъ этихъ императоровъ предаются необузданному разгулу; они позволяютъ себѣ даже преодолѣвать прирожденное человѣку въ половомъ отношеніи „естественное отвращеніе", чтобы показать, что для нихъ все возможно. Однако государственная мудрость требуетъ этого культа; поэтому ему слѣдуютъ, скрывая усмѣшку.

Но религіозныя потребности не могутъ удовлетворяться такимъ, въ корнѣ ложнымъ, исповѣданьемъ вѣры. Поэтому является стремленіе къ новому. Культы чередуются съ философскими системами. Замѣтно стремленіе перемѣшать разнообразнѣйшія воззрѣнія, снять съ нихъ гнилыя оболочки и сохранить здоровое сѣмя. Изъ общаго хаоса возникаютъ зародыши новыхъ идей, но всѣ онѣ недостаточно сильны и ясны, чтобы сдѣлать невозможнымъ послушное, но въ то же время внѣшнее, исповѣданіе государственной религіи. Это только неопредѣленные порывы, но порывы къ чему-то дѣйствительно новому. Мы замѣчаемъ съ одной стороны стремленіе собрать въ одномъ принципѣ разнообразныя и повидимому противоположныя начала. Мѣсто политеизма заступаетъ у многихъ своего рода монотеизмъ, убѣжденіе въ существованіи одного божества надъ всѣми богами, одного господствующаго надъ всѣмъ существа. Точно также всплываютъ и первыя понятія о томъ, что за разницей между народами, сословіями и отдѣльными личностями не слѣдуетъ забывать равенства людей, не слѣдуетъ забывать, что существуетъ „родъ человѣческій", что человѣкъ самъ по себѣ, какъ человѣкъ, имѣетъ значеніе и вправѣ разсчитывать на участіе людей. Съ другой стороны просыпается и индивидуализмъ. Каждая отдѣльная личность хочетъ представлять нѣчто и сама по себѣ, а не быть только частью великаго цѣлаго. Благо государства не должно уже быть единственнымъ и рѣшающимъ закономъ. Индивидуумъ требуетъ счастья, хочетъ имѣть покой въ самомъ себѣ. Одни ищутъ его въ знаніи, другіе въ наслажденіяхъ, третьи въ отреченіи. Для разочарованныхъ же существуетъ правда одно только утѣшеніе: Patet exitus, окончаніе земной жизни зависитъ отъ насъ. Но право отдѣльной личности на внутреннее удовлетвореніе до извѣстной степени все-таки уже признано. Не находя его въ этой жизни, люди устремляютъ свои взоры въ будущую. Древнимъ земная жизнь казалась исполненной свѣта и тепла, существованіе же послѣ смерти представлялось имъ печальнымъ царствомъ тѣней. Теперь, наоборотъ, заговариваютъ о ничтожествѣ всего земного и ожидаютъ отъ будущей жизни спокойствія, свободы и радости. Но вѣрно ли дѣйствительно то, что „великія души не умираютъ вмѣстѣ съ тѣломъ" — кто можетъ это утверждать? Какъ бы то ни было, но надежда эта все возрождается вновь, а вмѣстѣ съ нею поднимается и вопросъ о томъ, кто удостоится попасть на небеса. Пробуждается сознаніе о „запрещенномъ" Богомъ и о винѣ человѣка передъ Богомъ. Раздаются совсѣмъ новыя жалобы: „Человѣческій духъ по природѣ упрямъ и стремится къ запрещенному. Наша слабость лежитъ не внѣ насъ, но въ насъ и присуща намъ" (Сенека). Человѣкъ нуждается въ очищеніи отъ грѣховъ.

Неудивительно, что многіе въ тѣ времена искали удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей у народа, считавшаго большую часть этихъ идей за откровеніе самого Бога. Іудейскій народъ, распространенный по всей римской имперіи, училъ объ одномъ царствующемъ на небесахъ и на землѣ Богѣ, объ одномъ божественномъ законѣ, о грѣхѣ человѣка, о примиреніи съ Богомъ, о загробной жизни. Но станетъ ли этотъ монотеизмъ

когда-нибудь всемірной религіей и не чувствуетъ ли онъ наоборотъ самъ себя неспособнымъ къ этому? Ради предохраненія отъ гибели подъ сыпучими песками язычества, ученіе это сдѣлано было народной религіей и отдѣлено отъ остального міра высокой стѣной законовъ и обрядовъ. Съумѣетъ ли оно, освобожденное отъ этихъ оковъ и выброшенное въ бушующее море языческихъ воззрѣній, развить такую непреоборимую увѣренность въ себѣ, чтобы не погибнуть ни въ какихъ противорѣчіяхъ, ни въ какой борьбѣ? И выразитъ ли оно готовность сбросить свои національные узы? Заставитъ ли какая-нибудь сила его представителей, еще и нынѣ гордящихся тѣмъ, что они народъ Божій, и считающихъ язычниковъ псами, пожелать и принести каждому человѣку то, что имъ самимъ дало внутреннее удовлетвореніе?

Правда, время какъ нельзя лучше благопріятствовало бы такому предпріятію. Миръ, которымъ наслаждается римская имперія послѣ многочисленныхъ войнъ, не только обезпечиваетъ свободу передвиженія по всевозможнымъ направленіямъ, но дѣлаетъ и умы болѣе воспріимчивыми къ религіозному вліянію. Хорошія дороги и мореплаваніе облегчаютъ сношенія съ отдаленнѣйшими странами. Знакомый всему образованному классу греческій языкъ не только способствуетъ быстрому обмѣну мыслей по всей имперіи, но устанавливаетъ духовную связь и съ восточными землями, никогда не подчинявшимися римскому орлу. Торговыя сношенія достигли полнаго расцвѣта, такъ что новыя идеи, возникая на какомъ-нибудь мѣстѣ, какъ бы сами собой распространяются дальше. Новое религіозное движеніе возникаетъ въ іудейскомъ народѣ. Члены этого народа живутъ по всей имперіи и даже далеко за ея предѣлами. Къ этимъ своимъ соплеменникамъ прежде всего могутъ обратиться проповѣдники новаго ученія. А тѣсныя сношенія, въ которыя въ тѣ времена вступали многіе язычники съ іудействомъ, должны были сильно облегчить проникновеніе движенія и въ языческую среду.

Проведя дѣтство и юность въ Назаретѣ, Іисусъ приблизительно въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ выступилъ учителемъ среди своего народа. Три года проповѣдывалъ Онъ въ различныхъ мѣстахъ іудейской страны, что „приблизилось Царствіе Божіе". Особое наставленіе далъ онъ іудеямъ, рѣшившимся никогда не покидать Его. Эти „двѣнадцать" должны были современемъ продолжать Его дѣло. Чтò было новаго въ Его ученіи? Чтò Онъ хотѣлъ сказать тѣмъ, что съ Нимъ на землѣ наступило Царствіе Божіе? Чтобы вѣрно опредѣлить это, мы не должны упустить изъ виду, что многое изъ того, чему Онъ училъ, имѣло лишь пропедевтическій смыслъ и высказывалось ради особыхъ потребностей Его случайныхъ слушателей. Такъ, многія изъ Его словъ направлены противъ ложнаго толкованія или неисполненія такихъ истинъ, которыя встрѣчаются уже въ священныхъ книгахъ іудеевъ, напримѣръ противъ фарисейскаго разложенія закона, какъ воли Божіей, на извѣстное число отдѣльныхъ предписаній, внѣшнее исполненіе которыхъ уже обезпечиваетъ милость Божію, или противъ преимущества принадлежности къ „роду Авраамову", самого по себѣ уже обезпечивающаго спасеніе души. Опровергая подобныя заблужденія, Онъ имѣлъ въ виду лишь устранить препятствія къ воспріятію абсолютно новыхъ истинъ Его ученія.

„Никто не приходитъ къ Отцу какъ только черезъ Меня". Таковы Его притязанія. Не новыя идеи думаетъ Онъ принести въ міръ; Онъ скорѣе хочетъ поставить людей въ такія отношенія къ объективно существующему Богу, чтобы они чувствовали въ немъ дѣйствительно Отца. То, къ чему въ сущности стремится всякая религіозная потребность, хотя иногда и безсознательно, и чтò можетъ дать ей полное удовлетвореніе, это именно Онъ и желаетъ дать и только себя одного считаетъ къ этому призваннымъ: „Пріидите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ".

Кто ищетъ покоя противъ угрызеній своей совѣсти — „Я есмь путь“ къ тому; кто ищетъ увѣренности въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ — „Я есмь истина“; кто ищетъ жизни, возвышающейся надъ земными ничтожествомъ и бренностью — „Я есмь жизнь“. Такъ Онъ развиваетъ идею о „Царствіи Божіемъ“, которое по національнымъ упованіямъ Его народа долженъ былъ основать обѣщанный царь „Мессія“, и объявляетъ Самого Себя его Посланнымъ.

Имѣть Бога Отцомъ и благодаря этому попасть въ Царствіе Божіе — должно быть для человѣка выше всего: „Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ“? Рядомъ съ этимъ отношеніемъ къ Богу должно даже отступить на второй планъ отношеніе къ ближайшимъ родственникамъ: „Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня“, недостоинъ того, что̀ могу дать Я одинъ. Кто нашелъ это высшее благо, для того наступаетъ полная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Онъ скорѣе согласится „отсѣчь себѣ руку, вырвать глазъ“, чѣмъ пожертвовать этимъ благомъ; онъ готовъ „потерять душу свою ради Меня“, чтобы только не потерять Меня, черезъ Котораго онъ пріобрѣлъ это благо.

Но въ этомъ Царствіи Божіемъ человѣкъ существуетъ только, какъ человѣкъ: „Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“. Такимъ образомъ разница между іудеями и язычниками теряетъ свое значеніе: „И придутъ отъ востока и запада, и сѣвера и юга, и возлягутъ въ Царствіи Божіемъ“. Такимъ образомъ всѣ, совмѣстно обладающіе этой „драгоцѣнной жемчужиной“, тѣмъ самымъ тѣсно связаны между собой: „одно стадо и одинъ Пастырь“. Поэтому-то они и не могутъ равнодушно относиться къ тому, что еще не всѣ люди обрѣли то, что дало миръ ихъ душѣ: они будутъ „свидѣтельствовать“ объ Іисусѣ, ихъ „свѣтъ да свѣтитъ передъ людьми“, они „научатъ всѣ народы“. Изъ любви къ Богу уже сама собой вытекаетъ любовь къ человѣку: „Вторая же подобная ей“.

Наконецъ тотъ, кто находится въ общеніи съ вѣчнымъ Богомъ, получаетъ тѣмъ самымъ гарантію вѣчнаго существованія. „Ибо Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ“. И если притязаніямъ, выставленнымъ Іисусомъ, и величію, обѣщанному Имъ Его ученикамъ, повидимому противорѣчитъ фактическое положеніе вещей въ этомъ мірѣ, то „Царствіе Божіе“ современемъ „пріидетъ во славѣ своей“. Іисусъ отдѣлитъ „нечестивыхъ“ отъ „праведныхъ“, и эти послѣдніе, воскреснувъ, „наслѣдуютъ царство, уготованное имъ отъ созданія міра“.

Такимъ образомъ изъ того, что Іисусъ хочетъ дать человѣку, изъ общенія съ Богомъ, вытекаютъ идеи, явившіяся въ то время въ языческомъ мірѣ, идеи единаго Бога, гуманности, значенія личности, правъ на стремленіе къ счастью, лучшей будущей жизни, грѣха, очищенія. Но въ проповѣди Іисуса онѣ являются не только идеями, но дѣйствительностью, отчасти существующей, хотя и не признанной, отчасти имѣющей еще наступить, хотя ея и не ждуть; въ справедливости обѣщаннаго убѣждаетъ „вѣра“, довѣрчивая преданность Ему: „Мое ученіе не Мое, но Пославшаго Меня; кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно“. „Вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную“.

Но этимъ самымъ религія освобождается отъ всякаго человѣческаго произвола и человѣческихъ предписаній. Государственная религія уничтожаетъ истинную религію. Въ такомъ смыслѣ нужно понимать слово: „отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу“. Религія есть дѣло совѣсти и ставитъ человѣка въ непосредственныя отношенія къ Богу. Однако только черезъ Іисуса фактически достигается ея цѣль — общеніе съ Богомъ. Такое притязаніе со стороны Его, не имѣющаго въ Себѣ и слѣдовъ

Объясненіе къ рисунку, помѣщенному на оборотѣ.

На переднемъ планѣ спускается къ Кедронской долинѣ Элеонская гора. Направо въ тѣни мы видимъ обнесенный стѣною Геѳсиманскій садъ; налѣво — освѣщенную лучами заходящаго солнца гробницу Авессалома, пирамиду на четыреугольномъ фундаментѣ. Передъ городской стѣной можно видѣть старые надгробные камни. Въ срединѣ находящейся предъ нами южной стѣны возвышаются богатыя въ архитектурномъ отношеніи Золотыя ворота, замурованныя уже въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій: слѣдующія открытыя ворота — Стефанскія, находящіяся далѣе съ правой стороны (расположенныя въ западной части города Яфскія ворота и ведущія къ сѣверу Дамасскія ворота скрыты на нашемъ рисункѣ домами). Чрезъ Золотыя ворота можно было бы придти къ мѣсту, гдѣ находился храмъ на горѣ Морія. На ней возвышается выложенное бѣлымъ мраморомъ плато (Харамъ), длиною приблизительно въ 130 метровъ и шириною въ 160 метровъ. Въ срединѣ этой платформы высится восьмиугольная мечеть Омара, нижняя часть которой сооружена изъ пестраго мрамора, куполъ ея высотою 26 метровъ и приблизительно 17 метровъ въ діаметрѣ. Къ этой платформѣ на западѣ примыкаетъ площадь приблизительно въ 100 метровъ протяженіемъ: дерновыя лужайки съ красивыми группами кипарисовъ, гранатовыхъ и лавровыхъ деревьевъ, простирающіяся до длинной великолѣпной базилики Юстиніана, въ честь Дѣвы Маріи и до мечети Эль-Акса, которую можно отличить по ея куполу. Нѣсколько правѣе купола мечети Омара видны оба купола церкви Гроба Господня. Судилище Пилата, откуда Іисусъ Христосъ былъ веденъ на скорбный крестный путь — via dolorosa —, находилось, какъ предполагаютъ, въ зданіи, которое стоитъ рядомъ съ четыреугольной снизу башней, возвышающеюся надъ старою стѣною (между Золотыми и Стефанскими воротами). На заднемъ планѣ слѣва на нашемъ рисункѣ выступаютъ: съ наружной стороны городской стѣны, передъ Сіонскими воротами, могила Давида и храмъ Сіонскій; внутри городской стѣны находятся во первыхъ армянскій монастырь, далѣе правѣе башни Гиппика и Голіаѳа. Мѣсто, на которомъ воздвигнута освященная въ 1898 году церковь Спасителя, скрыто на рисункѣ куполомъ мечети Омара.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Видъ Іерусалима съ Элеонской горы.

(По гравюрѣ ... съ картины J. D. Woodward'а и многимъ другимъ фотографіямъ, рисовалъ О. Шульцъ.)

внѣшняго величія, должно было повести къ рѣзкимъ возраженіямъ. Сказавъ о Себѣ, что Онъ „пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея“, Онъ предсказалъ тѣмъ, которые готовы были продолжать Его дѣло, что они будутъ ненавидимы и преслѣдуемы, потому что многіе „не познали ни Отца, ни Меня“. Но никакая вражда не въ состояніи будетъ задержать ростъ принесеннаго Имъ небеснаго царствія. Маленькое сѣмя разрастется въ могучее дерево.

Іудеи, отдавшіеся Его вліянію, нашли у Него то, чего искали: „Господи! Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни, и мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“. Но чѣмъ опредѣленнѣе высказывалъ Іисусъ, что Онъ хочетъ быть признанъ таковымъ, и чѣмъ больше становилось число вѣровавшихъ въ Него, тѣмъ сильнѣе становилась вражда къ Нему со стороны сильныхъ міра сего. Она достигла своего апогея, когда Іисусъ въ первый день недѣли, въ которую началась Пасха, торжественнымъ шествіемъ вошелъ въ Іерусалимъ (см. приложенную таблицу „Іерусалимъ съ Масличной горы“). Онъ уже достаточно долго проповѣдывалъ и достаточно долго словами и дѣломъ боролся противъ невѣрнаго толкованія своихъ притязаній, понятыхъ многими въ томъ смыслѣ, что Онъ добивался земныхъ почестей, чтобы имѣть теперь право подготовить такую развязку. Тотъ, кто не былъ за Него, долженъ былъ высказаться противъ Него. Теперь должно было наступить то, что было неизбѣжно. Старѣйшины народа постановили Его гибель; Онъ не укрылся отъ приближавшейся грозы и отдался въ руки своихъ враговъ. Молчаніемъ и словами Онъ одинаково ускорялъ развязку. Синедріонъ приговорилъ Его къ смерти, ибо Онъ, выдавая Себя за „Христа, Сына Бога живаго“, „богохульствовалъ“ Римскій намѣстникъ Понтій Пилатъ призналъ обвиненіе въ томъ, что Іисусъ выдавалъ Себя за царя, за искаженіе Его словъ, но, уступая настоятельнымъ требованіямъ іудеевъ, онъ велѣлъ привести въ исполненіе смертный приговоръ, чтобы снять съ себя возможное обвиненіе въ недостаточномъ охраненіи правъ императора. Пригвожденный ко кресту, Іисусъ молилъ Бога за своихъ убійцъ и обѣщалъ распятому рядомъ съ Нимъ преступнику, въ сознаніи своей вины съ довѣріемъ обратившемуся къ Нему, мѣсто въ раю. Преодолѣвъ и глубочайшую душевную боль, — сознаніе быть покинутымъ Богомъ, Онъ, умирая, объявилъ, что дѣло Его „совершилось“ и „предалъ Свой духъ въ руки Отца“.

Напрасно Іисусъ старался приготовить Своихъ учениковъ къ Своей смерти, выставляя ее необходимой „для искупленія многихъ“. Возлагаемыя на Него надежды были еще такъ сильно смѣшаны съ національными ожиданіями, что подобныя объясненія понимались не въ буквальномъ смыслѣ; и смерть Его окончательно смутила ихъ, ибо и религіозная ихъ вѣра такъ сильно была связана съ Его личностью, что не могла сохраниться послѣ того, какъ Онъ, на котораго они уповали, умеръ. Ими овладѣлъ страхъ, что и ихъ можетъ постигнуть та же участь, что и Его.

Но семь недѣль спустя, въ то время когда празднуется іудейская Пятидесятница, мы замѣчаемъ въ нихъ уже громадную перемѣну. Нѣтъ и слѣда боязни или сомнѣній. Уничтоженная смертью Іисуса вѣра вновь оживаетъ въ нихъ, и они съ неизвѣстной дотолѣ самоувѣренностью и всесокрушающей смѣлостью вѣрующихъ людей начинаютъ исповѣдывать эту вѣру. Въ томъ самомъ Іерусалимѣ, который кричалъ: „Возьми, возьми, распни его“, они теперь публично проповѣдуютъ передъ тысячеголовой толпой: „Іисуса Назорея, Мужа, засвидѣтельствованнаго Вамъ отъ Бога силами и чудесами и знаменіями, вы взяли и, пригвоздивши руками беззаконныхъ, убили. Сего Іисуса Богъ воскресилъ, чему мы всѣ свидѣтели. Итакъ твердо знай весь домъ Израилевъ, что Богъ сдѣлалъ Господомъ и Христомъ сего Іисуса“. Возможность сомнѣнія въ воскресеніи и вознесеніи Христа для нихъ настолько не существуетъ, что, испытавъ за

свое ученіе тюрьму и бичеваніе, они непоколебимо держатся за него и передъ синедріономъ: „Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали“. Четыре евангелія и апостолъ Павелъ (Первое посланіе къ коринѳянамъ, 15) даютъ намъ указанія на то, что̀ произвело громадный переворотъ въ настроеніи учениковъ Іисуса: въ первыя недѣли послѣ Пасхи Іисусъ неоднократно являлся своимъ ученикамъ, то каждому въ отдѣльности, то многимъ вмѣстѣ, утвердилъ ихъ, менѣе всего ожидавшихъ Его воскресенья, въ вѣрѣ, что онъ не остался въ могилѣ, объяснилъ имъ необходимость Своей смерти и воскресенья и увѣрилъ ихъ, что и въ дальнѣйшемъ Онъ будетъ съ ними „во всѣ дни до скончанія вѣка“. Это убѣжденіе опредѣляетъ всю ихъ дальнѣйшую судьбу.

Проповѣдью въ народѣ они достигаютъ громадныхъ успѣховъ. Въ короткое время число однихъ мужчинъ, которые „крестятся во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ“, достигаетъ пяти тысячъ. Народъ настолько расположенъ къ этой новой религіозной общинѣ, что синедріонъ не рѣшается идти дальше угрозъ и бичеванія нѣсколькихъ ораторовъ. Онъ соглашается съ совѣтомъ высокоуважаемаго учителя равви Гамаліила спокойно слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ ученія.

Въ какомъ же видѣ представляется намъ эта первая христіанская община, если мы вспомнимъ, что̀ Іисусъ обѣщалъ вѣрующимъ въ него? Несомнѣнно религіозныя убѣжденія этихъ первыхъ христіанъ исполнены непоколебимой твердости. Ни разныя противорѣчія со стороны тѣхъ, кто по положенію и образованію скорѣе другихъ могъ бы знать истину, не могутъ ихъ поколебать, ни угрозы и возвѣщающія еще худшее наказанія синедріона не могутъ принудить ихъ къ молчанію. Какъ ни тяжело имъ сопротивляться опредѣленному приказу старѣйшинъ своего народа, они однако ставятъ послѣднимъ вопросъ: „судите, справедливо ли передъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога“. Для нихъ религія стала непосредственнымъ отношеніемъ личности къ Богу, въ которое не смѣетъ вмѣшиваться никто другой. Они не знаютъ болѣе ни народной, ни государственной религіи. Мѣсто вѣры въ авторитеты заступила самостоятельная, личная вѣра. Основу ихъ религіозныхъ убѣжденій составляетъ сознаніе того, чѣмъ они владѣютъ благодаря своей вѣрѣ, увѣренность въ томъ, что они „получили прощеніе грѣховъ и даръ Святаго Духа“ и что поэтому для нихъ наступаетъ время „отрады отъ лица Господа.“ Владѣя этимъ благомъ, они чувствуютъ себя настолько счастливыми, что основной тонъ ихъ настроенія именуется „радостію“, выражающейся съ одной стороны въ томъ, что они всегда „прославляютъ и благословляютъ Бога“, съ другой не позволяющей имъ скрывать то великое что они пріобрѣли. Въ этой радости по поводу общаго для нихъ всѣхъ блага они чувствуютъ себя, какъ „одно сердце и одна душа“, и никто изъ нихъ не смотритъ на свое матеріальное имущество, какъ на личную собственность. Отъ вступающихъ въ ихъ общину не требовалось и не ожидалось отреченія отъ личной собственности, но воодушевлявшая ихъ всѣхъ братская любовь побуждала ихъ отдавать свое имущество другимъ, „въ чемъ кто имѣлъ нужду“, чтобы не было среди нихъ „нуждающагося“. И однако эта тѣсная связь христіанъ между собой не повела къ замкнутости по отношенію къ стоявшимъ внѣ ихъ круга. Рожденные іудеями, они еще чувствуютъ себя членами своего народа. Они продолжаютъ придерживаться обрядовъ своихъ предковъ, попрежнему принимаютъ участіе въ религіозныхъ собраніяхъ въ храмѣ и въ синагогахъ. Мы не замѣчаемъ въ нихъ и слѣда той преувеличенной набожности, которая имѣетъ цѣлью скрыть передъ собственнымъ сознаніемъ недостатокъ твердыхъ внутреннихъ убѣжденій. Они исполнены радостнаго воодушевленія, но не религіознаго мистицизма или фанатизма. Они „не могутъ“ не исповѣдывать открыто свою вѣру, но они очень далеки отъ стремленія завоевать весь міръ. Лишь по принудитель-

пому поводу выносятъ они свою вѣру за предѣлы, установленные для каждаго его родиной и профессіей.

Б. **Вѣкъ апостольскій** (отъ 30 до 90 г. по Р. Х.).

Враждебное положеніе, занятое іерусалимскими властями по отношенію къ увѣровавшимъ въ Христа, должно было яснѣе пробудить въ послѣднихъ сознаніе разницы между ихъ вѣрой и мозаизмомъ. Этотъ внутренній прогрессъ прежде другихъ проявился у завѣдывавшаго раздачей милостыни Стефана, которому его греческое образованіе давало болѣе вѣрный взглядъ на вещи. Безстрашно высказалъ онъ, что храмовая служба и Моисеевъ законъ не будутъ существовать вѣчно. За это его побили камнями. Смерть его послужила сигналомъ къ общему преслѣдованію христіанъ, имѣвшему послѣдствіемъ распаденіе первой общины и распространеніе новаго вѣроученія. Новыя общины возникли въ Самаріи, по берегамъ Средиземнаго моря, въ Финикіи, на Кипрѣ и въ метрополіи востока — Антіохіи. Новое вѣроученіе переступило и границы іудейскаго народа. Въ Антіохіи „Евангеліе",— благая вѣсть,— проповѣдывалось и язычникамъ. И такъ велико было здѣсь число обращенныхъ язычниковъ, что населеніе уяснило себѣ разницу между этой религіозной общиной и іудеями и стало называть первыхъ „христіанами".

Однако заслуга принципіальнаго пониманія и утвержденія христіанства, какъ всемірной религіи, всецѣло принадлежитъ іудею Савлу [1], рожденному въ Тарсѣ, въ Киликіи. Введенный знаменитымъ рабби Гамаліиломъ въ изученіе іудейскаго закона, онъ съ увлеченіемъ предался ему. Однако ему не было чуждо и греческое образованіе. Цѣльная натура, не имѣвшая въ себѣ ничего ложнаго, ничего половинчатаго, онъ, узнавъ объ Іисусѣ и его приверженцахъ, возгорѣлся пламеннымъ стремленіемъ къ сохраненію священнаго закона предковъ, какъ единственнаго пути къ спасенію. Смерть Стефана, бѣгство христіанъ изъ Іерусалима еще не могли его удовлетворить. Заручившись рекомендательными письмами отъ синедріона, онъ отправился въ Дамаскъ, чтобы тамъ разыскать бѣжавшихъ христіанъ и въ оковахъ привести ихъ въ Іерусалимъ. Но христіанамъ въ Дамаскѣ пришлось быть свидѣтелями чуда: крестившись во имя Христа, Савлъ вступилъ въ ихъ общину. Причину своей внезапной рѣзкой перемѣны онъ нерѣдко опредѣлялъ словами: „Господь Іисусъ явился мнѣ". Это чудесное событіе послужило основаніемъ къ его новому религіозному міровоззрѣнію. Онъ убѣдился, что Тотъ, Котораго онъ всѣми силами ненавидѣлъ и противъ Котораго боролся, не отверженъ Богомъ, а наоборотъ возвеличенъ на вѣчныя времена. Но въ какомъ ослѣпленіи жилъ тогда онъ, Савлъ, и какую вину взялъ на себя! Несмотря на строжайшее исполненіе закона, его могло ожидать только проклятіе. Своимъ возвращеніемъ съ ложнаго пути и спасеніемъ онъ обязанъ Тому, Котораго онъ преслѣдовалъ. Не съ мстительнымъ гнѣвомъ, но съ милосердіемъ обошелся съ нимъ Іисусъ. Итакъ, онъ отнынѣ прославляетъ величіе Іисуса, какъ Спасителя, и ученіе о грѣхѣ и о благодати становится краеугольными камнями его откровенія. И такъ какъ всѣ люди грѣшники, то и благодать Божія во Христѣ простирается на всѣхъ людей, на язычниковъ такъ же, какъ на іудеевъ.

Нѣсколько лѣтъ Павелъ посвятилъ сосредоточенію и внутренней разработкѣ новаго вѣроученія. Для него было потребностью уяснить себѣ и разсудкомъ, вмѣстѣ со всѣми послѣдствіями, то, что онъ позналъ непосредственно

[1] Какъ римскій гражданинъ, Савлъ вѣроятно уже раньше носилъ и римское имя „Павелъ". Рѣшившись во время своей первой поѣздки вступить въ постоянныя сношенія съ греко-римскимъ міромъ, онъ счелъ за лучшее путешествовать уже только подъ римскимъ именемъ.

вѣрой, и узнать въ этомъ „премудрость Божію“. Затѣмъ началась его несравненная дѣятельность къ распространенію вѣры, въ которой онъ нашелъ спасеніе. Съ несказанными трудами онъ въ теченіе одного десятилѣтія положилъ основаніе церкви въ Малой Азіи, Македоніи и Греціи. Посланіями онъ пытался затѣмъ укрѣпить основанныя имъ общины въ вѣрѣ и предотвратить ихъ отъ ложныхъ путей. Во время своей второй поѣздки, когда онъ черезъ Малую Азію и Македонію прошелъ въ Грецію, онъ въ Коринѳѣ написалъ свои оба посланія къ общинѣ, незадолго передъ тѣмъ основанной въ Ѳессалоникахъ. Во время третьей поѣздки онъ довольно долго оставался въ Эфесѣ и оттуда написалъ къ христіанамъ, собравшимся въ Галатіи, равно какъ и первое свое посланіе къ коринѳянамъ; второе было написано уже изъ Македоніи. Изъ Греціи взоры его устремились далѣе на западъ. Въ Римѣ между тѣмъ уже возникла христіанская община, неизвѣстно кѣмъ основанная. Въ надеждѣ и тамъ, въ центрѣ „міра“, проповѣдывать свое Евангеліе, онъ отправилъ посланіе къ римскимъ христіанамъ, чтобы подготовить ихъ къ своему пріѣзду. Однако онъ пришелъ туда уже въ оковахъ. Въ Іерусалимѣ его узнали малоазіатскіе іудеи и возбудили народъ крикомъ, что этотъ человѣкъ повсюду проповѣдуетъ противъ закона и храма. Отъ фанатизма толпы его спасъ римскій трибунъ, арестовавъ его и приказавъ отвести въ Цезарею. Содержимый здѣсь безъ всякой причины въ тюрьмѣ, онъ воспользовался правомъ римскаго гражданина апеллировать къ императору. Его перевезли въ Римъ. Къ этому времени заточенія относятся по всей вѣроятности его посланія къ Филимону, къ колоссянамъ, филиппійцамъ и ефесянамъ. Въ послѣднее время склоняются опять къ тому мнѣнію, что онъ еще разъ добился свободы и такимъ образомъ могъ исполнить свое желаніе проповѣдывать о Христѣ и въ Испаніи, до самыхъ границъ океана. Если это дѣйствительно такъ, то поѣздки, о которыхъ говорится въ обоихъ посланіяхъ къ Тимоѳею и въ посланіи къ Титу, должны относиться къ этому періоду. За достовѣрное можно считать, что во времена Нерона онъ сложилъ свою благородную голову въ Римѣ подъ мечемъ палача.

Труднѣйшую задачу его жизни составляло освобожденіе христіанства изъ лона іудейства. Дѣйствительно, какъ могли рожденные іудеями христіане согласиться съ его яснымъ и опредѣленно высказаннымъ требованіемъ, чтобы передъ лицомъ христіанства пала и стѣна между іудеями и язычниками? Они считали вполнѣ естественнымъ и послѣ крещенія соблюдать законъ предковъ. Законъ же этотъ предписывалъ строжайшее отчужденіе отъ язычниковъ. Павелъ не могъ удовлетвориться тѣмъ, что ему на такъ называемомъ Апостольскомъ соборѣ въ Іерусалимѣ удалось склонить предсѣдателей и большинство общины къ постановленію, по которому обращенные язычники освобождались отъ соблюденія іудейскаго закона. Христіане только тогда могли представлять „одно стадо и одинъ Пастырь“, если бы и обращенные іудеи отказались отъ своего закона. Это же было такимъ переворотомъ, что даже энергія Павла могла добиться его лишь въ общинахъ, имъ самимъ основанныхъ, однако и здѣсь не безъ сильнѣйшихъ колебаній и ожесточенной борьбы. Ибо все снова и снова пытались обращенные іудеи доказать язычникамъ, что безъ обрѣзанія и слѣдованія Моисееву закону они не могутъ спастись. Эта борьба побудила Павла составить „Евангеліе“ въ такой формѣ, которая исключала всякій спеціально іудейскій духъ. Въ противоположность тѣмъ, которые думали угодить Богу исполненіемъ іудейскаго закона, онъ энергично отстаивалъ ту мысль, что въ глазахъ Бога вообще не имѣютъ никакой цѣны соблюденіе закона или внѣшніе поступки человѣка сами по себѣ, что важно лишь дѣтское довѣріе, „вѣра“; изъ этого отношенія человѣка къ Богу сама собой вытекаетъ истинная нравственность: „человѣкъ оправдывается вѣрою, независимо отъ дѣлъ закона“.

Разрыву съ іудействомъ, котораго требовалъ Павелъ, сильно способствовали два обстоятельства. Іерусалимскіе христіане вскорѣ должны были убѣдиться, что и строжайшее повиновеніе закону съ ихъ стороны не могло излѣчить ихъ соплеменниковъ отъ ненависти къ Христу. Глава общины, братъ Іисуса, Іаковъ, получилъ прозваніе „Праведнаго", ибо его строгій аскетическій образъ жизни возбуждалъ всеобщее удивленіе. Дѣйствительно, и посланіе Новаго Завѣта, носящее его имя, исполнено увѣщаній къ повиновенію закону. И однако его соплеменники сбросили его съ верхушки своего храма за то, что онъ славилъ Іисуса. Какъ могли послѣ этого христіане надѣяться на то, чтобы весь іудейскій народъ еще увѣровалъ въ Іисуса! За то теперь, когда возгорѣлась страшная борьба ихъ народа съ Римомъ, имъ уже гораздо легче было принять опредѣленное рѣшеніе. Стоило ли имъ браться за оружіе ради національной свободы, чтобы въ награду за это быть затѣмъ вновь преслѣдуемыми своими же соотечественниками? Христіанская община покинула городъ, когда онъ былъ уже почти окруженъ римлянами. Если, какъ можно предполагать, нѣкоторые христіане и остались тамъ, чтобы раздѣлить со своимъ народомъ его судьбу, то это были элементы, все еще препятствовавшіе сліянію съ обращенными язычниками. Іерусалимъ и храмъ его погибли въ пламени. Это должно было нанести смертельный ударъ національной замкнутости христіанства.

Въ то же время катастрофа эта лишила апостоловъ средоточія ихъ дѣятельности и содѣйствовала ихъ разсѣянію. Одинъ изъ нихъ, Андрей, повидимому обратился на сѣверо-востокъ и распространилъ христіанское вѣроученіе въ Скиѳіи, къ сѣверо-востоку отъ Каспійскаго и Чернаго морей. Другой, Ѳома, избралъ для своей дѣятельности земли между Евфратомъ и Индомъ; по немъ еще и нынѣ одна изъ христіанскихъ общинъ въ Индіи носитъ названіе „христіанъ Св. Ѳомы" (см. ниже, стр. 208). О третьемъ, Варѳоломеѣ, также сохранились свѣдѣнія, что онъ проповѣдывалъ въ Индіи. Другіе отправились вглубь Малой Азіи и въ сѣверную Африку. Христіанская община въ Александріи вела свое существованіе отъ Іоанна Марка, автора второго Евангелія. Петръ проповѣдывалъ въ Сиріи и Малой Азіи (сохранилось его посланіе къ малоазіатскимъ христіанамъ) и затѣмъ отправился въ Римъ, гдѣ и умеръ мученическою смертью.

Только одна фигура, фигура апостола Іоанна, рѣзче выступаетъ изъ тумана смутныхъ преданій. Основанныя Павломъ въ Малой Азіи общины совершенно осиротѣли со времени его плѣненія. Іоаннъ продолжалъ его работу и изъ Эфеса далеко распространилъ свое вліяніе. Крайне характернымъ является для него разсказъ о томъ, какъ онъ, принесенный уже въ преклонномъ возрастѣ въ собраніе христіанъ, удовольствовался однимъ увѣщаніемъ: „Дѣти мои, любите другъ друга". Однако эта любовь отнюдь не сдѣлала его чрезмѣрно мягкимъ, какимъ онъ былъ выставленъ впослѣдствіи. Наоборотъ, онъ былъ убѣжденъ, что истинная любовь только до тѣхъ поръ можетъ существовать среди христіанъ, пока между ними живетъ и истина. Такъ, разсказываютъ, что онъ однажды, входя въ общественныя бани и узнавъ, что тамъ находится лжеучитель Кериноъ, воскликнулъ, обращаясь къ сопровождавшимъ его: „Бѣжимъ отсюда, чтобы не разрушились бани, ибо въ нихъ находится Кериноъ, врагъ истины". Негодованія противъ проникающаго въ христіанскія общины „духа лжи" полны и его посланія. И „Евангеліемъ" своимъ онъ пытается, опровергнувъ ложное ученіе, доказать, что „Іисусъ есть Христосъ, пришедшій въ міръ", и „Вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную". Апокалипсисъ, написанный имъ въ изгнаніи на Патмосѣ (въ Эгейскомъ морѣ), также направленъ противъ равнодушнаго отношенія къ ложнымъ ученіямъ. Такимъ образомъ мы уже въ концѣ апостольскаго

вѣка встрѣчаемся съ первыми поползновеніями къ искаженію первоначальнаго христіанства, которыя въ послѣдующій періодъ поставили даже на карту самое его существованіе.

Внутреннее состояніе апостольской христіанской общины.

Каково же было внутреннее устройство первой общины? Мы не замѣчаемъ съ одной стороны стремленія къ организаціи, съ другой не усматриваемъ и принципіальнаго отвращенія къ таковой. Вопросы внутренняго устройства повидимому абсолютно чужды этимъ христіанамъ. И не потому только, что они вначалѣ надѣялись еще на обращеніе всего своего народа въ христіанскую вѣру, и вслѣдствіе этого самостоятельная прочная организація казалась имъ неумѣстной; не потому только, что они ожидали въ скоромъ времени конца міра и потому считали излишнимъ обезпечивать дальнѣйшее существованіе своей общины введеніемъ опредѣленныхъ узаконенныхъ формъ: но главнымъ образомъ потому, что они были полны любви и стремленья къ общему благу, и за дальнѣйшее существованіе ручался имъ невидимо близкій Господь. Правда, апостолы заняли положеніе руководителей, но на эту „должность" они смотрѣли, какъ „на службу". И когда имъ предоставлено было больше правъ, или скорѣе, на нихъ возложено было больше обязанностей, чѣмъ они могли выполнить, они предложили выбрать изъ общины нѣсколькихъ человѣкъ, которые взяли бы на себя попеченіе о бѣдныхъ: „семь", какъ ихъ называли вначалѣ въ противоположность „двѣнадцати" апостоламъ, или „старѣйшины" (пресвитеры), какъ ихъ называли позднѣе, когда число ихъ вмѣстѣ съ ростомъ общины увеличилось. Но ни апостоламъ не приходитъ въ голову удержать за собой главенство надъ этой корпораціей, видѣть въ пресвитерахъ только своихъ уполномоченныхъ, ни община съ своей стороны не изъявляетъ притязаній на право избранія лицъ на такія должности; не замѣтно также и слѣда боязни передъ созданіемъ этой новой должности. Новыя условія и новыя потребности порождаютъ новыя формы, и мечтательное настроеніе, которое желало бы полной безусловной свободы, не возстаетъ уже противъ этого новаго лучшаго порядка. Когда всѣ апостолы покидаютъ Іерусалимъ, во главѣ общины становится упомянутый уже братъ Іисуса, Іаковъ. Но насколько положеніе его было опредѣленно, мы не знаемъ, по всей вѣроятности, именно потому, что, какъ исполняемыя исключительно изъ любви къ общинѣ, обязанности его не было строго установлены. Послѣ его смерти во главѣ общины становится другой родственникъ Іисуса, по имени Симеонъ. На ряду съ однимъ руководителемъ, внѣшними дѣлами общины повидимому занимаются и пресвитеры.

Нѣсколько иначе развивались общины, образовавшіяся (преимущественно) изъ язычниковъ. Здѣсь Павелъ ввелъ „старѣйшинъ", однако, не непосредственно по основаніи общинъ, не считая эту должность необходимой саму по себѣ; онъ рѣшился на это лишь по возвращеніи со своей первой поѣздки, ибо тогда сказалась уже потребность въ однородномъ управленіи. Намъ неизвѣстно, назначилъ ли онъ самъ этихъ лицъ или предоставилъ общинѣ выбрать ихъ; такъ чужды еще были этимъ христіанамъ подобные вопросы соревнованія или недовѣрія. Они знали лишь обязанности по отношенію къ братьямъ, но не знали правъ. Въ такомъ смыслѣ нужно понимать и слово епископъ, которымъ характеризовалось значеніе должности старѣйшины. Христіане, называвшіе Іисуса „Пастыремъ и Блюстителемъ душъ своихъ", примѣняли то же названіе и къ людямъ, подобно Ему заботившимся о стадѣ. Они характеризовали этимъ ихъ попеченіе о народѣ; ихъ называли пастырями „не какъ господствующихъ надъ народомъ", но потому, что они пасли стадо, должны были заботиться о его пропитаніи и охранять его отъ волковъ. Вскорѣ мы встрѣчаемся

однако еще съ одной должностью — „служителей" (діаконовъ). Они исполняютъ отдѣльныя порученія, возлагаемыя на нихъ епископами.

Таково было устройство — если только можно говорить о таковомъ — отдѣльныхъ общинъ: въ первоначальной общинѣ — одинъ руководитель и на ряду съ нимъ извѣстное число пресвитеровъ, исполнявшихъ отдѣльныя работы; въ общинахъ, образовавшихся изъ язычниковъ — коллегія пресвитеровъ или епископовъ во главѣ и въ качествѣ ея помощниковъ корпорація діаконовъ.

Каково же было отношеніе этихъ отдѣльныхъ общинъ другъ къ другу? Сохранили ли онѣ каждая свою независимость или соединились всѣ въ одну единицу? Мы не замѣчемъ ни того, ни другого. Отдѣльныя общины не стремятся къ боязливому сохраненію своей самостоятельности, но съ другой стороны и не пытаются добиться однородной организаціи. Они чувствуютъ себя однимъ цѣлымъ и поэтому стремятся установить и сохранить сношенія между собой, умѣрить или уничтожить различія. Апостолы чувствуютъ за собой обязанность заботиться и объ общинахъ, образующихся внѣ Іерусалима. Двое изъ нихъ отправляются въ Самарію, чтобы служить тамошнимъ христіанамъ. Варнава идетъ въ Антіохію, чтобы „утвердить" крестившихся тамъ во имя Христа. Всѣми возможными способами Павелъ старается выяснить, что всѣ христіане составляютъ одно цѣлое. Онъ привѣтствуетъ одну общину отъ лица другой, передаетъ поклоны отъ отдѣльныхъ личностей другимъ въ далекія земли. Онъ побуждаетъ общины обмѣниваться полученными отъ него посланіями. Нѣкоторыя общины поддерживаютъ его въ то время, какъ онъ работаетъ въ другихъ. Для нуждающихся палестинскихъ христіанъ онъ устраиваетъ сборъ среди обращенныхъ имъ въ христіанство. И во внѣшнихъ отношеніяхъ онъ стремится установить равномѣрность между всѣми вѣрующими и дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ постановленія съ указаніемъ на то, что такъ дѣло ведется въ другихъ общинахъ. Рѣзкій споръ по вопросу о необходимости соблюденія закона также предполагаетъ существованіе сознанія единства среди всѣхъ крещенныхъ во имя Іисуса. Различное отношеніе къ этому вопросу можетъ нарушить единство, отсюда происходитъ борьба, имѣющая цѣлью достигнуть какого-либо соглашенія. Однако въ то время не обнаруживалась еще потребность облечь это единство въ какія-нибудь опредѣленныя формы; пока были живы апостолы, они составляли внѣшнюю связь христіанскаго общества.

Тотъ же характеръ носитъ и религіозная жизнь общины въ этотъ первый періодъ. И здѣсь нѣтъ слѣда узаконенныхъ предписаній и твердыхъ постановленій. Іерусалимскіе христіане принимаютъ еще ревностное участіе въ богослуженіи своего народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они чувствуютъ потребность выражать и исповѣдывать то, что отличаетъ ихъ отъ невѣрующихъ въ Христа. Они собираются въ домахъ, чтобы „пребывать въ ученіи апостоловъ", чтобы совмѣстно молиться, чтобы совмѣстными трапезами свидѣтельствовать о своей связи и праздновать „вечерю Господню" „въ его воспоминанье".

Въ общинахъ, образовавшихся преимущественно изъ язычниковъ, выдѣлились вскорѣ два рода богослуженій. Однѣ службы, предназначавшіяся только для братьевъ, посвящались трапезамъ любви (*αγαπη*) и празднованію тайной вечери; другія, къ которымъ допускались и не принявшіе еще крещенія, служили къ возвѣщенію новаго вѣроученія. Когда собраніемъ руководилъ Павелъ, онъ же конечно и говорилъ; если же онъ не присутствовалъ, то читали Ветхій Завѣтъ или его посланія или же говорилъ кто-нибудь, чувствовавшій потребность говорить. Одинъ говорилъ какъ „пророкъ" на основаніи какого-нибудь откровенія, другой какъ „учитель" объяснялъ смыслъ того или другого откровенія, третій „увѣщевалъ", примѣняя слово Божіе къ отдѣльнымъ личностямъ. Не

только по сравненію съ апостолами, надѣленными всѣми этими тремя дарами, но даже и по сравненію съ членами общины, владѣвшими только однимъ изъ нихъ, старѣйшины (или епископы) вначалѣ отступили на задній планъ при богослуженіяхъ. Но уже вскорѣ тамъ и сямъ сказались неудобства такого произвола. Религіозное воодушевленіе нерѣдко выражалось въ формахъ, которыя не могли служить къ „назиданію" присутствовавшихъ, а тщеславіе и самомнѣніе легко могли повести къ невоздержности въ словахъ. Чтобы предупредить подобныя явленія въ коринѳской общинѣ, Павелъ выставилъ принципъ, что каждому всѣ дары даны „на пользу общую", а потому всѣ не служащія къ назиданію присутствующихъ рѣчи должны быть запрещены. Такимъ образомъ явилось первое ограниченіе свободы въ установленіи формы богослуженія. Чѣмъ больше увеличивалось затѣмъ число христіанъ и чѣмъ слабѣе становились надежды на близкій конецъ міра, тѣмъ больше первое религіозное воодушевленіе уступало мѣсто болѣе спокойному отношенію и тѣмъ рѣже встрѣчался пророческій даръ. Поэтому при выборѣ новыхъ епископовъ стали выставлять требованіе, чтобы епископъ обладалъ даромъ поученія, дабы общинамъ на время отсутствія апостоловъ не приходилось довольствоваться на своихъ религіозныхъ собраніяхъ одними „пророками" и „учителями". Вслѣдствіе этого христіане, вначалѣ собиравшіеся почти ежедневно, постепенно выбрали одинъ опредѣленный день недѣли для своихъ богослуженій. Уже въ апостольскій вѣкъ они остановились на „днѣ Господнемъ", первомъ днѣ недѣли, въ который воскресъ изъ мертвыхъ Господь.

Чтобы составить себѣ вѣрное сужденіе о нравственномъ состояніи общинъ, образовавшихся изъ язычниковъ, мы не должны упускать изъ виду, что высокія требованія, выставляемыя извѣстными намъ посланіями учениковъ Іисуса къ своимъ читателямъ, отражаютъ въ себѣ не сужденіе всего тогдашняго христіанства, но лишь воззрѣнія тѣхъ, кто выросъ въ болѣе чистой атмосферѣ іудейства. Не столько отдѣльные случаи грубаго нарушенія нравственности, о которыхъ случайно сохранились свѣдѣнія, сколько содержащіяся въ посланіяхъ Павла увѣщанія и поученія относительно того, что необходимо для „святости", указываютъ намъ, насколько моральныя сужденія христіанъ находились еще въ то время подъ вліяніемъ воззрѣній, господствовавшихъ въ языческомъ мірѣ. Десятки лѣтъ и даже цѣлыя столѣтія потребовались на то, чтобы подготовить христіанъ къ проведенію новыхъ нравственныхъ идей, предварительно внушивъ имъ, что для нравственности существуетъ другой масштабъ помимо господствующаго обычая, что каждый отдѣльный христіанинъ обязанъ составить себѣ по этому вопросу совершенно самостоятельное сужденіе, которому и обязанъ слѣдовать, вопреки цѣлому, думающему и дѣйствующему иначе, міру. Просьба о пріемѣ въ общину обозначала лишь стремленіе къ „обновленію жизни". Только постепенно новообращенные христіане должны были узнать, что̀ именно заключала въ себѣ эта новая жизнь, понять, напримѣръ, что нравственность должна наблюдать и за половыми сношеніями, что и физическое питаніе должно быть умѣренно, что человѣкъ не свободенъ и въ своихъ собственныхъ словахъ.

Съ другой стороны теперь грозила опасность ложнаго истолкованія новыхъ великихъ идей, выставленныхъ христіанствомъ. По выраженію Учителя онѣ должны были дѣйствовать въ мірѣ, „какъ закваска", постепенно проникая изнутри наружу; онѣ мало-по-малу должны были такъ измѣнить всеобщія воззрѣнія, чтобы и внѣшняя сторона жизни стала иною. Теперь грозила опасность, что христіанство, вмѣсто того, чтобы подчиниться существующему порядку вещей до тѣхъ поръ, пока онъ не измѣнится благодаря новымъ вліяніямъ, будетъ считать его упраздненнымъ, ибо онъ возникъ подъ вліяніемъ языческихъ воззрѣній. Можно было думать, что величіе и свобода, подобающія всѣмъ христіанамъ, какъ „дѣтямъ Божіимъ

и наслѣдникамъ вѣчной жизни", не дозволяютъ подчиненія ихъ другимъ людямъ, особенно христіанамъ же, не дозволяютъ подчиненія жены мужу, рабовъ своимъ господамъ, подданныхъ языческимъ властямъ. Поэтому же апостолъ Павелъ долженъ былъ объяснять, что новое отношеніе христіанина къ Богу нисколько не освобождаетъ его отъ признанія общественныхъ установленій, что, наоборотъ, онъ обязанъ доказать свою вѣру въ Бога, пожелавшаго или допустившаго такой порядокъ вещей, добровольнымъ ему подчиненіемъ. Точно также идея о томъ, что христіанинъ, какъ исполненный духа Божія, не подверженъ дѣйствію внѣшнихъ законовъ, толковалась въ томъ смыслѣ, что христіанство дозволяетъ свободную и противную законамъ жизнь. Петру пришлось предостерегать отъ того, чтобы не употребляли „свободу для прикрытія зла". Сохранились также извѣстія объ отдѣльныхъ личностяхъ, славившихся болѣе глубокимъ „познаніемъ", таинственной мудростью, прославлявшихъ особенную воздержность, отказавшихся отъ брака и отъ нѣкоторыхъ блюдъ: это были первые слѣды того гностицизма, который въ послѣдующій періодъ грозилъ величайшей опасностью первоначальному христіанству. Съ тяжелыми предчувствіями смотрѣлъ апостолъ Павелъ въ концѣ своей дѣятельности на будущее христіанскихъ общинъ. Іоаннъ же восклицалъ, предостерегая: „Не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они".

Только одно сокровище сохранила церковь для предстоящей борьбы: творенія тѣхъ, кто ее основалъ, отчасти замѣнявшія ихъ устную проповѣдь; это было средство черпать постоянно новыя силы. Мы видимъ также попытки сохранить въ памяти образъ, жизнь и ученіе Іисуса. Уже рано начали составлять его „изреченія" (тексты), сопровождаемыя и нѣкоторыми историческими свѣдѣніями. Такіе сборники основныхъ началъ, на которыхъ покоится христіанская вѣра, назывались „Евангеліемъ" — благой вѣстью. Изъ сохранившихся до нашего времени евангелій первыя три, которыми открывается Новый Завѣтъ, древнѣйшія. Нѣтъ достаточнаго основанія предполагать, что первое изъ нихъ принадлежитъ не апостолу Матѳею, или сомнѣваться въ достовѣрности извѣстія, что оно первоначально предназначалось для палестинскихъ обращенныхъ іудеевъ и потому было написано на арамейскомъ языкѣ. И извѣстная намъ греческая обработка этого евангелія также могла быть сдѣлана самимъ Матѳеемъ, такъ какъ извѣстно, что и другіе писатели въ тѣ времена выпускали одну и ту же вещь на двухъ языкахъ. За достовѣрность извѣстія о томъ, что второе евангеліе написано упомянутымъ уже, близкимъ Петру, Іоанномъ Маркомъ, ручаются нѣкоторыя особенности этой книги. Авторомъ третьяго является врачъ Лука, нерѣдко сопровождавшій Павла. Онъ хотѣлъ написать священную исторію для обращеннаго язычника Ѳеофила; къ евангелію онъ прибавилъ въ видѣ второй части такъ называемыя „Дѣянія апостоловъ"— исторію распространенія христіанства отъ Іерусалима до Рима. Разнообразныя попытки объяснить нѣкоторыя почти буквальныя совпаденія этихъ трехъ евангелій и встрѣчающіяся на ряду съ ними различія до сихъ поръ не привели ни къ какому общепризнанному результату.

В. **Вѣкъ, слѣдующій за апостольскимъ** (отъ 90 до 180 г.).

Подобно тому, какъ коралловые рифы все выше и выше поднимаются изъ морской глубины, пока буря не откроетъ проѣзжающимъ то, что долго росло и развивалось въ скрытомъ состояніи, такъ и христіанство невидимо распространяется въ тиши, пока внезапно гроза преслѣдованій не открываетъ христіанскую общину глазамъ всего міра. Акты мученической смерти даютъ намъ указанія на то, что въ мѣстности Гарамея къ востоку отъ Тигра, къ югу отъ Малаго Заба, уже въ 170 г. жили христіане. На восточномъ берегу Евфрата лежитъ озроенское царство съ главнымъ горо-

домъ Едессой. Здѣсь уже такъ рано жили христіане, что возникло сказаніе объ абгарѣ (князѣ) этой страны, посылавшемъ письма Іисусу. Къ концу второго вѣка абгаръ Баръ-Ману приказалъ вычеканить на своихъ монетахъ знакъ креста. Намѣстникъ Виѳиніи докладывалъ императору Траяну (98—117), что не только города, но и деревни полны христіанъ, языческіе храмы опустѣли, жертвоприношенія почти забыты. Изъ египетской Александріи христіанство проникло далѣе на югъ. Ему открылись не только іудейскіе и греческіе слои населенія, въ ближайшій затѣмъ періодъ распространился уже коптскій переводъ Новаго Завѣта, возникли христіанскія общины и въ Ѳиваидѣ. Точно также христіанство распространилось и на востокъ въ Аравію, и на западъ въ Киренаику. Изъ Рима христіанское вѣроученіе моремъ перенесено было въ Африку и здѣсь укрѣпилось въ Карѳагенѣ. Въ началѣ слѣдующаго періода (около 200 г.) Тертулліанъ могъ сказать, что преслѣдованіе христіанъ въ Карѳагенѣ означало бы наказаніе каждаго десятаго. Собравшійся тамъ соборъ насчитывалъ не менѣе семидесяти африканскихъ и нумидійскихъ епископовъ. Торговыя сношенія между Малой Азіей и южной Галліей способствовали распространенію новаго вѣроученія. Мы узнаемъ о существованіи въ 177 г. въ Лугдунѣ (Ліонѣ) и Віеннѣ цвѣтущихъ христіанскихъ общинъ изъ сообщенія о перенесенныхъ тяжелыхъ преслѣдованіяхъ, посланнаго этими общинами въ Азію и Фригію. Но если мы узнаемъ о новыхъ христіанскихъ общинахъ, то именно лишь случайно. Куда только ни приходятъ христіане, по всей римской имперіи и за ея предѣлами, повсюду они говорятъ о томъ, что составляетъ для нихъ высшее благо. Врагъ христіанства Цельзъ говоритъ въ 178 г.: „Ткачи, кожевники, сапожники, наименѣе образованные и наиболѣе грубые люди являются ревностнѣйшими проповѣдниками“. Въ то же время многіе христіане ставили распространеніе своей вѣры задачей своей жизни. Такихъ миссіонеровъ называли „апостолами“. Возникшее около 110 г. „ученіе апостоловъ“ требуетъ отъ нихъ, чтобы они ограничивали свою дѣятельность исключительно проповѣдью среди язычниковъ и не имѣли права оставаться въ основанныхъ уже общинахъ долѣе двухъ дней.

Въ какихъ же кругахъ населенія находила приверженцевъ эта новая вѣра? Исходя изъ убѣжденія, что христіанство составляетъ истинную мудрость, Павелъ жалуется: „не много изъ васъ мудрыхъ, не много сильныхъ, не много благородныхъ“. Исходя изъ убѣжденія, что о такихъ высокихъ вопросахъ могутъ судить лишь философски образованные люди, Цельзъ насмѣхался надъ необразованными христіанами. Однако намъ извѣстны философы, нашедшіе въ христіанствѣ то, чего они напрасно искали въ различныхъ школахъ языческой мудрости. Намъ извѣстно также, что близкіе родственники императора принимали христіанство. Конечно, въ собраніяхъ христіанъ можно было встрѣтить гораздо больше бѣдныхъ и рабовъ, чѣмъ знатныхъ и ученыхъ. Но если принять во вниманіе, какъ незначительно было въ то время число людей образованныхъ по сравненію съ громадной массой необразованныхъ — въ Римѣ только полпроцента населенія принадлежало къ высшему сословію —, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что христіанство привлекало къ себѣ преимущественно людей необразованныхъ.

Такому предположенію противорѣчитъ и христіанская литература того времени. Отъ нея сохранилось сравнительно немногое, но сохранившіяся сочиненія ни въ коемъ случаѣ не свидѣтельствуютъ о низкомъ уровнѣ образованія своихъ авторовъ.

Желаніе имѣть христіанскій матеріалъ, которымъ можно было бы пользоваться при поученіи, повлекло прежде всего къ переработкѣ іудейскихъ книгъ въ христіанскомъ духѣ. Въ концѣ перваго вѣка появился „Завѣтъ двѣнадцати патріарховъ“, влагающій въ уста сыновей Іакова пророчества въ связи съ нравственными увѣщаніями и указаніями на

исполненіе надеждъ христіанъ. Затѣмъ, стремленіе представить себѣ болѣе наглядно и болѣе подробно возникновеніе христіанства, чѣмъ это позволяли сохранившіяся изъ древности сочиненія, а отчасти и потребность основать новыя измѣнившіяся и уклонявшіяся отъ первоисточника воззрѣнія на якобы древнихъ памятникахъ повлекли за собой созданіе новыхъ евангелій, дѣяній апостольскихъ, посланій или апокалипсисовъ. Изъ большинства такихъ трудовъ до насъ дошли одни лишь имена или короткіе отрывки, и мы не имѣемъ никакихъ указаній для опредѣленія времени ихъ возникновенія, и разрѣшенія вопроса о томъ, слѣдуетъ ли ихъ считать лишь религіозными романами или же достовѣрными свѣдѣніями изъ древнѣйшихъ временъ. Можно допустить, что уже въ періодъ, послѣдовавшій за апостольскимъ вѣкомъ, было написано „Протоевангеліе младшаго Іакова“, рисующее исторію дѣтства Іисуса отъ рожденія Его Матери Маріи до виѳлеемскаго дѣтоубійства. Приблизительно къ тому же времени относятся и евангеліе и апокалипсисъ Петра, свѣдѣнія о которыхъ чрезвычайно обогатились благодаря послѣднимъ находкамъ въ монашеской могилѣ въ Акмимѣ. Евангеліе разсказываетъ намъ исторію страданій Іисуса въ такомъ видѣ, что представитель языческаго міра, Пилатъ, является въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. Апокалипсисъ говоритъ о глубокомъ паденіи христіанства и хочетъ образумить христіанъ описаніемъ ада и его несказанныхъ мученій. „Исторію Павла и Ѳеклы“ написалъ, какъ полагаютъ, одинъ азіатскій пресвитеръ. Призванный къ отвѣту за такую смѣлость, онъ объявилъ, что дѣйствовалъ такъ изъ любви къ Павлу. Однако этотъ безкорыстный мотивъ не спасъ его отъ лишенія сана. Церковь не желала допускать, подобно еретикамъ, такого безобиднаго обмана.

Второй рядъ писателей разсматриваемаго нами періода извѣстенъ подъ именемъ „мужей апостольскихъ“. Возникшій въ коринѳской общинѣ расколъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ низложеніе многихъ пресвитеровъ. Около 97 г. римскій пресвитеръ Климентъ отправилъ туда посланіе, призывавшее къ смиренію и любви; онъ писалъ не какъ римскій епископъ или папа и не называя даже своего имени: „Церковь Божія, пребывающая въ Римѣ, церкви Божіей, находящейся въ Коринѳѣ на чужбинѣ“. Другое сочиненіе, извѣстное подъ именемъ „Второго посланія Климента“, написано несомнѣнно не этимъ пресвитеромъ. Оно возникло по всей вѣроятности лишь около 140 г и представляетъ не посланіе, а древнѣйшую извѣстную намъ христіанскую проповѣдь (гомилію), увѣщаніе къ „борьбѣ съ искушеніями въ этой жизни, чтобы получить вѣнецъ въ будущей“. Міряниномъ былъ Эрмъ, авторъ сочиненія, получившаго названіе „Пастырь“, такъ какъ ангелъ покаянія, въ уста которому вложена здѣсь большая часть увѣщаній, является въ видѣ пастыря. Эрмъ пытался доказать въ формѣ откровеній, что время къ покаянію еще не ушло. Это сочиненіе пользовалось вначалѣ такимъ высокимъ уваженіемъ со стороны церкви, что ставилось почти наравнѣ съ древними священными книгами, или по крайней мѣрѣ причислялось къ тѣмъ, которыя достойны были чтенія во время богослуженія. И это обстоятельство говоритъ за то, что оно возникло въ древнія времена, приблизительно въ началѣ второго вѣка. Точно также и такъ называемое „Посланіе Варнавы“, принадлежащее тому же времени, пользовалось большимъ почетомъ, по крайней мѣрѣ въ Александріи, хотя оно такъ далеко заходитъ въ своихъ возраженіяхъ іудейству, что соблюденіе іудеями Моисеева закона называетъ дьявольскимъ заблужденьемъ, и невѣроятно смѣлыми аллегоріями искажаетъ смыслъ Ветхаго Завѣта. Вторая часть этого посланія рисуетъ „оба пути“, — путь жизни и путь смерти — и принадлежитъ несомнѣнно болѣе древнему періоду, ибо именно она составляетъ — правда съ нѣкоторыми отступленіями — первую половину написаннаго около 110 г. Ученія апостоловъ, открытаго лишь въ 1883 г., хотя уже ранѣе было извѣстно, что оно нѣкогда высоко

цѣнилось. Эта вторая часть заключаетъ въ себѣ предписанія относительно христіанскаго богослуженія и жизни христіанскихъ общинъ. Она болѣе, нежели другія, дошедшія до насъ сочиненія, даетъ намъ картину состоянія церкви въ тѣ времена. Особенный интересъ представляютъ также семь посланій епископа Игнатія Антіохійскаго, написанныя имъ по пути въ Римъ, гдѣ его ожидала мученическая кончина, къ различнымъ малоазіатскимъ общинамъ, которыя онъ призываетъ къ стойкости и единенію. Онъ проситъ христіанъ Рима не дѣлать попытокъ къ его освобожденію, ибо онъ непоколебимо убѣжденъ, что смерть приведетъ его къ „жизни" и что все, что онъ могъ бы еще сдѣлать въ жизни, не будетъ такъ убѣдительно свидѣтельствовать о его вѣрѣ, какъ стойкая смерть на аренѣ въ зубахъ дикихъ звѣрей. Вскорѣ послѣ его смерти написано посланіе Поликарпа Смирнскаго къ общинѣ Филиппи, просившей его о присылкѣ всѣхъ находившихся въ его рукахъ рукописей мученика. Это посланіе заключаетъ въ себѣ столько цитатъ изъ новозавѣтныхъ книгъ, что имѣетъ значеніе и какъ краснорѣчивый свидѣтель древности этихъ послѣднихъ.

Въ то время, какъ упомянутая до сихъ поръ христіанская литература разсматриваемаго нами періода предназначалась для христіанъ, цѣлый рядъ сочиненій былъ написанъ еще спеціально для язычниковъ. Появленіе этихъ сочиненій было вызвано тѣмъ новымъ положеніемъ, которое занялъ по отношенію къ христіанству языческій міръ, и главнымъ образомъ государство. До начала періода, слѣдовавшаго за апостольскимъ вѣкомъ, христіанамъ приходилось страдать подъ ненавистью іудеевъ; римское же государство наоборотъ не ставило имъ никакихъ препятствій къ исповѣдыванію ихъ вѣры: оно не обращало на нихъ вниманія. Вышедшіе изъ іудейства, они слыли іудейской сектой. Если они въ 64 г. внезапно были признаны въ Римѣ самостоятельной общиной и подверглись преслѣдованію со стороны государства, то уже ближайшія десятилѣтія полнѣйшаго покоя показали, что этотъ единичный случай требуетъ особаго объясненія. Причины избіенія христіанъ Нерономъ слѣдуетъ искать исключительно въ стремленіи императора свалить на другихъ лежавшее на немъ подозрѣніе въ томъ, что онъ поджегъ всемірный городъ для своего удовольствія. Кто же должны были быть эти другіе, какъ не іудеи, тѣмъ болѣе, что тамъ, гдѣ начался пожаръ, находились ихъ лавки? И какъ могли они въ свою очередь вѣрнѣе и проще избѣжать грозившей имъ опасности, какъ не направивъ подозрѣніе на столь ненавистныхъ имъ христіанъ? Такимъ образомъ государство научилось различать среди населенія города іудеевъ и христіанъ, но исключительно для даннаго случая. Въ дѣйствительную вину этихъ христіанъ власти никогда не вѣрили. Поэтому-то въ послѣдующее время мы видимъ опять полнѣйшее къ нимъ равнодушіе.

Однако положеніе должно было кореннымъ образомъ измѣниться послѣ того, какъ исходъ іудейскаго возстанія внутренно отдѣлилъ христіанъ отъ іудеевъ и побудилъ ихъ заботиться о томъ, чтобы не слыть долѣе іудейской сектой. И теперь, когда повсюду научились отличать ихъ отъ іудеевъ, теперь только замѣтили, что число ихъ стало страшно велико и съ каждымъ днемъ росло съ такой быстротой, какой не проявляла еще ни одна секта. Не обращать на нихъ долѣе вниманія стало невозможнымъ. По тому, что̀ можно было узнать объ этомъ, такъ мощно развившемся въ тиши, движеніи, надо было составить себѣ о немъ сужденіе. И чѣмъ больше становилось извѣстно это христіанство, тѣмъ болѣе должны были ненавидѣть и презирать его тѣ, которые не хотѣли ему отдаться. Не лицемѣрное, но фактическое вдохновеніе христіанъ, ихъ религіозныя убѣжденія, исключающія всякія сомнѣнія, ихъ настойчивыя увѣренія, что христіанство представляетъ истинную и едино спасающую религію, должны были казаться въ ту эпоху скептицизма и эклектизма сумасброднымъ

фанатизмомъ и неслыханной дерзостью лицамъ, не имѣвшимъ потребности искать въ христіанствѣ то, чѣмъ по ихъ увѣренію обладали христіане. Это возвышенное отвращеніе христіанъ ко всему, что они называли „грѣхомъ“, въ тѣ времена, когда Сенека говорилъ: „все полно преступленій и пороковъ“, должно было глубоко оскорблять тѣхъ, кто не могъ удивляться и подражать ему. Именно то, что христіане хотѣли быть иными, чѣмъ всѣ остальные, что они не являлись на народные праздники, неразрывные съ государственнымъ культомъ, и на развращающія или безчеловѣчныя зрѣлища (которыя вполнѣ соотвѣтствовали духу времени), что они иначе, чѣмъ весь остальной міръ, понимали задачу жизни и полагали свое высшее благо не въ богатствѣ, почестяхъ и наслажденіяхъ, а въ чемъ-то болѣе высокомъ, именно это и раздражало языческій міръ. Объ этой странной, не подходившей подъ обычную мѣрку, сектѣ выдумывали и распространяли невѣроятнѣйшія небылицы, которыя охотно принимались на вѣру. Распускали слухи, что они во время своихъ тайныхъ трапезъ убиваютъ и ѣдятъ дѣтей — вѣроятно на основаніи того, что кто-нибудь слышалъ слова: „Пріимите, пейте изъ нея всѣ; сія чаша есть Новый Завѣтъ въ моей крови“; или что они предаются грубому разврату — быть-можетъ, кто-нибудь видѣлъ, какъ христіане передъ празднованіемъ тайной вечери обмѣнивались братскими поцѣлуями, и умолчалъ о томъ, что такъ выказывали свою глубокую привязанность лишь мужчины по отношенію къ мужчинамъ и женщины по отношенію къ женщинамъ. Имъ тѣмъ охотнѣе приписывали всѣ эти преступленья, что скрытность ихъ раздражала всѣхъ. Легко понять, что при такихъ обстоятельствахъ преслѣдованія христіанъ часто вызывались желаньемъ народа.

Но судьямъ для того, чтобы удовлетворять такимъ желаніямъ, необходимо было имѣть возможность опереться на законъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь могла идти о примѣненіи одного изъ трехъ слѣдующихъ государственныхъ законовъ. Законъ двѣнадцати таблицъ воспрещалъ имѣть другихъ боговъ, кромѣ всѣми признанныхъ. Законъ Юлія Цезаря объ оскорбленіи величества объявлялъ государственнымъ преступленьемъ все, что носило характеръ тайнаго недовольства существующимъ порядкомъ вещей, напримѣръ, тайныя ночныя собранія. Наконецъ, законъ о святотатствѣ былъ направленъ противъ непринесенія жертвъ богамъ или генію императора. Понятно, что всѣ эти законы имѣли въ основѣ одно и то же воззрѣніе: интересамъ государства должно подчиняться все, даже религія. Нужно вѣрить не въ то, что̀ истинно, дѣлать не то, что̀ нравственно; благо государства стоитъ выше истины и нравственности. Сомнѣваться въ признанной государствомъ религіи, не подчиняться ей — есть преступленіе противъ государства. Признаютъ ли христіане эту теорію? Имъ пришлось бы пожертвовать для этого своимъ христіанствомъ, ибо христіанство смотритъ на религію, какъ на личное отношеніе человѣка къ Богу, стоящее выше всякихъ другихъ отношеній. Такимъ образомъ государству не остается ничего иного, какъ силою принудить христіанъ къ признанію своей идеи. Если же они тѣмъ не менѣе не подчинятся, если для нихъ ихъ отношеніе къ Богу дороже даже самой жизни, тогда явится вопросъ, съумѣетъ ли государство удержаться на своей точкѣ зрѣнія и по отношенію къ этой безпримѣрной силѣ и будетъ ли оно убивать до тѣхъ поръ, пока на землѣ не останется ни одного изъ этихъ героевъ, или же оно, сраженное наконецъ какъ бы сверхчеловѣческой силой, откажется отъ своихъ притязаній и склонится передъ христіанскимъ Богомъ? Потрясающее зрѣлище представляетъ эта борьба на жизнь и смерть между римскимъ государствомъ во всеоружіи всѣхъ силъ этого міра и кучкой христіанъ, не имѣющихъ другого оружія, кромѣ готовности умереть.

Уже при Домиціанѣ въ Римѣ текутъ потоки христіанской крови. Когда они послѣ этого опять подверглись преслѣдованіямъ, намъ не-

извѣстно. Когда въ 112 г. намѣстникъ Виѳиніи Плиній Младшій дѣлаетъ запросъ у императора Траяна о томъ, какъ ему поступать съ христіанами, преслѣдованіе очевидно уже не было новостью: онъ извиняетъ свой вопросъ тѣмъ, что еще никогда не присутствовалъ при процессахъ противъ христіанъ. Онъ проситъ отвѣта на вопросы о томъ, слѣдуетъ ли осуждать и христіанъ, не совершившихъ никакихъ преступленій, т.-е. наказуемо ли само по себѣ исповѣданіе христіанства, и можно ли освобождать тѣхъ, кто признаніемъ боговъ и жертвоприношеніями передъ портретомъ императора доказываетъ свои вѣрноподданническія чувства, несмотря на то, что раньше былъ христіаниномъ. На оба вопроса императоръ отвѣчаетъ утвердительно, но запрещаетъ разыскивать христіанъ и принимать анонимные доносы. Ему христіанство очевидно представляется невиннымъ самимъ по себѣ фанатизмомъ, но въ то же время и противозаконіемъ, котораго нельзя объявить дозволеннымъ. Эта переписка была обнародована уже нѣсколько лѣтъ спустя. Она давала чиновникамъ твердую норму для дѣйствій по христіанскому вопросу и ея предписаніями руководились до середины третьяго вѣка. Но что за странное положеніе было создано этимъ приказомъ! „Христіанъ наказываютъ не за поступки, но за имя“, жалуется Тертулліанъ. Но въ дѣйствительности христіанство наказывалось, не какъ противозаконное дѣйствіе, наказуемое и въ томъ случаѣ, если бы оно болѣе не повторялось. Можно было, наоборотъ, вполнѣ избѣгнуть наказанія, отказавшись въ данный моментъ отъ имени христіанина; до и послѣ суда можно было быть христіаниномъ. Какую же внутреннюю фактическую силу должно было заключать въ себѣ христіанство, если, несмотря на столь удобное положеніе, христіане никогда не пользовались имъ и даже не считали болѣе христіанами тѣхъ членовъ общины, которые имъ злоупотребляли! Какую любовь къ истинѣ должна была внушать эта вѣра въ Христа! Наказанію подвергалось имя, но въ дѣйствительности это было не одно лишь имя, это было дѣло.

Никто не знаетъ, какъ далеко простирались эти преслѣдованія, о которыхъ мы узнаемъ благодаря Плинію. Въ Іерусалимѣ казненъ былъ Симеонъ, глава іерусалимской общины. Одной изъ послѣднихъ жертвъ привезенъ былъ въ Римъ упомянутый уже (стр. 172) Игнатій, епископъ Антіохійскій, и брошенъ тамъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Но до самаго конца періода, слѣдовавшаго за апостольскимъ вѣкомъ, то тамъ, то сямъ яркимъ пламенемъ вспыхиваетъ ненависть къ христіанамъ. Что христіане подлежатъ наказанію какъ таковые, стало настолько общимъ воззрѣніемъ, что народъ считаетъ правильное судебное разбирательство излишней формальностью и требуетъ наказанія христіанъ и безъ него. Когда въ общественныхъ бѣдствіяхъ видѣли проявленіе гнѣва боговъ, „когда Тибръ, разливаясь, доходилъ до домовъ, когда Нилъ не затоплялъ пастбищъ, когда начиналось землетрясеніе, когда разражался моръ или голодъ, народъ неизмѣнно кричалъ: христіанъ на растерзаніе львамъ!“ Антонинъ Пій (138—161), чтобы прекратить подобную произвольную расправу, долженъ былъ издать особыя постановленія, предписывавшія строгое соблюденіе закона, ибо государство еще не сомнѣвалось въ возможности уничтожить это религіозное движеніе, если бы въ этомъ оказалась надобность. Бояться его казалось смѣшнымъ!

Измѣненіе въ положеніи христіанства, удостоеннаго наконецъ большой массой народонаселенія и даже лицами, стоявшими у власти, вниманія и борьбы, породило и новый родъ литературы — апологетику. Опытъ показалъ, что ни оправданія судившихся, ни фактъ нравственной чистоты христіанъ не были достаточны, чтобы уничтожить ненависть ихъ противниковъ. Итакъ, нужно было попытаться добиться другого отношенія къ себѣ сочиненіями, которыя бы доказали ничтожность возраженій и изобразили бы христіанство, какъ конечную цѣль того, къ чему стремились и

благороднѣйшіе язычники. Съ такими сочиненіями обращались то къ язычникамъ вообще, то непосредственно къ императору христіанскіе философы и риторы или представители христіанскихъ общинъ.

Рожденный въ Самаріи отъ эллинскихъ родителей, Іустинъ послѣдовательно искалъ въ различныхъ философскихъ школахъ утвержденія въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ и наконецъ нашелъ его въ христіанствѣ. Онъ смотрѣлъ на христіанство, какъ на истинную философію, въ томъ смыслѣ, что оно фактически даетъ то, что философія лишь обѣщаетъ. Поэтому онъ и теперь не сложилъ съ себя философской мантіи, но рѣчами и диспутами пытался пріобрѣсть приверженцевъ христіанству. Въ 150 г. онъ отправилъ апологію къ Антонину Пію, и вскорѣ послѣ того, побуждаемый особенно возмутительнымъ случаемъ неправильнаго суда надъ христіанами, написалъ вторую, болѣе короткую, защитительную рѣчь. Дойдя до пониманія христіанства путемъ изученія различныхъ философскихъ системъ, онъ охотно указываетъ на то, что у благороднѣйшихъ философовъ встрѣчаются уже слѣды того божественнаго разума, который нашелъ свое полное воплощеніе въ Іисусѣ. Но изъ его сочиненій говоритъ не только любитель мудрости, которому важно лишь одно познаваніе истины, но и мужественный характеръ, съ радостью готовый умереть за правду: „Вы можете насъ убить, но не можете повредить намъ". Около 165 г. онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими учениками претерпѣлъ въ Римѣ наказаніе плетьми и смерть „за то, что они не хотѣли приносить жертвъ богамъ".

Тотъ же переходъ въ христіанство измѣнилъ и воззрѣнія его ученика Татіана, родомъ изъ Ассиріи, на ученіе, которое онъ раньше высоко цѣнилъ. И онъ нашелъ въ христіанствѣ то, чего напрасно искалъ у грековъ. Но для него важнѣе всего было нравственное освобожденіе. Поэтому онъ видѣлъ теперь въ греческой философіи и искусствахъ лишь темныя ихъ стороны, и въ своей „Рѣчи противъ эллиновъ" (около 155 г.) прославлялъ христіанство, какъ доступную и необразованнымъ и нравственно перерождающую человѣка истину.

Какъ разъ въ обратномъ смыслѣ написана книга „Переговоры о христіанахъ" (обычный переводъ „Прошеніе (supplicatio) за христіанъ" неправильно передаетъ выраженіе *Πρεσβεία περὶ Χριστιανῶν*), съ которой около 178 г. обратился къ Марку Аврелію и Коммоду совершенно неизвѣстный помимо этого сочиненія „Аѳинскій философъ" Аѳинагоръ. Оно не только опровергаетъ обычные упреки въ содѣянныхъ христіанами преступленіяхъ, но пытается доказать, что именно тѣ воззрѣнія, за которыя преслѣдуютъ христіанъ, можно найти и у языческихъ философовъ. Во второмъ своемъ сочиненіи „О воскресеніи мертвыхъ" онъ старается показать, что ученіе это отнюдь не безразсудно.

По всей вѣроятности около 180 г. написано классическое сочиненіе римскаго адвоката Минуція Феликса. По формѣ оно написано по образцу Цицероновскаго „О природѣ боговъ". Оно называется „Octavius", ибо представляетъ разговоръ который, ведетъ на берегу моря въ Остіи другъ автора Октавій съ язычникомъ Цециліемъ о христіанской и языческой религіяхъ. Скептику Цецилію противна увѣренность, съ которой необразованные христіане судятъ о Богѣ и божественномъ. Именно потому, что ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ, слѣдуетъ подчиняться старой вѣрѣ въ боговъ. Здѣсь можно найти все, что только могъ возразить противъ христіанства средній образованный язычникъ того времени. Октавій отвѣчаетъ дружески, но такъ рѣшительно и ясно, что противникъ объявляетъ себя наконецъ побѣжденнымъ. „Послѣ сего, радостные и веселые, мы отправились въ путь. Цецилій радовался тому, что увѣровалъ, Октавій —, что разрушилъ его убѣжденія; а я—обращенію Цецилія и побѣдѣ Октавія".

Въ то время, какъ упомянутыя уже и подобныя имъ сочиненія, предназначаясь только для такихъ язычниковъ, которые презирали, ненавидѣли и преслѣдовали христіанство, пытались поэтому доказать имъ неосновательность ихъ вражды, выставляя лишь отдѣльные пункты, противъ которыхъ направлялось преслѣдованіе, и обходя молчаніемъ глубочайшія истины христіанства, другое сочиненіе того же рода могло быть написано шире и глубже, ибо предназначалось для человѣка, не безъ интереса и благосклонности относившагося къ христіанству. Неизвѣстный авторъ „Письма къ Діогнету", человѣкъ, писавшій благодаря своему классическому образованію высокимъ стилемъ, не долженъ былъ бояться изложить ему величайшую истину христіанства, которая могла бы показаться униженіемъ божества настоящему язычнику, а именно, что „Богъ есть любовь". Этой любви, говоритъ онъ, слѣдуетъ отдаться; отдавшійся ей не можетъ не любить и Бога, а отсюда уже вытекаетъ и братская любовь. Такъ христіанство есть религія духа и правды, преодолѣвающая всѣ случайныя, индивидуальныя и національныя различія и созидающая новыхъ людей. Приверженцевъ христіанства не отдѣляютъ отъ другихъ людей ни родина, ни языкъ, ни другіе внѣшніе признаки. Они во всемъ принимаютъ участіе, какъ граждане, и мирятся въ то же время съ тѣмъ, что они, подобно чужестранцамъ, оказываются лишенными всякихъ правъ. Они живутъ въ мірѣ, но они не отъ міра. Они повинуются существующимъ законамъ, но они своей жизнью превосходятъ требованія закона. Они любятъ всѣхъ, но всѣми преслѣдуемы. Ихъ не знаютъ и тѣмъ не менѣе осуждаютъ. Ихъ убиваютъ и ведутъ такимъ образомъ къ жизни".

Уже отъ этихъ немногихъ словъ вѣетъ тѣмъ своеобразнымъ духомъ, которымъ воодушевлены всѣ эти христіане и который проявляется во всей дошедшей до насъ литературѣ того времени. Все проникнуто сознаніемъ, что каждый христіанинъ нашелъ нѣчто неизмѣримо великое, что жизнь его получила содержаніе и возвышенную цѣль, что внутреннія несогласія въ немъ прекратились, и въ мышленіи, желаньяхъ и поступкахъ его наступили единство и гармонія. Игнатій называетъ христіанъ „носителями Бога, носителями Христа, носителями священнаго, всесторонне украшенными заповѣдями Іисуса Христа". „Величественнымъ" называетъ онъ христіанство. Христіане не смущаются тѣмъ, что язычники этого не понимаютъ; для непосвященныхъ глазъ скрыто то, что даетъ эта вѣра, но они сознаютъ себя настолько счастливыми, что основнымъ настроеніемъ ихъ жизни является радость. Даже суровый проповѣдникъ покаянія Эрмъ пишетъ: „Воздерживайся отъ грусти. Она хуже всѣхъ злыхъ духовъ. Ниспосланный тебѣ духъ Божій не выноситъ ни горя, ни жалобъ. Одѣнься въ веселье, всегда заслуживающее благоволенье Господа. Благоденствуй въ немъ. Ибо Богу живутъ всѣ, сбросившіе съ себя грусть и одѣвшіеся въ веселье".

Въ сознаніи, что имъ не приходится стыдиться своей вѣры и своей жизни и что никакая сила міра не въ состояніи отнять у нихъ ихъ невидимое богатство, христіане не прибѣгаютъ къ просьбамъ о помилованіи. И въ апологіяхъ, положенныхъ у трона властителей міра, мы не находимъ и слѣда низкопоклонства или лести. „Не съ лестью и не съ мольбой о помилованіи приходимъ мы къ вамъ", пишетъ Іустинъ. Дѣйствительно, „смиреннаго, горестнаго, апологетическаго здѣсь нѣтъ и слѣда". Сознаніе борьбы за истину и готовность умереть за нее сообщаетъ имъ величіе, и они не боятся дать почувствовать убивающему противнику его жестокую несправедливость; Цезарямъ приходится познакомиться съ неизвѣстнымъ имъ дотолѣ языкомъ. Во время своихъ богослуженій христіане усердно молятся за своего императора, котораго „помазалъ ихъ Богъ" (Тертулліанъ); какъ могли бы они, говоря передъ этимъ императоромъ, ради своего личнаго спасенія отрицать, что христіанство заключало въ себѣ нѣчто дотолѣ неизвѣстное!

Въ то время, какъ христіане такимъ образомъ борются съ угрожающимъ имъ со стороны языческаго міра уничтоженіемъ, въ средѣ ихъ все сильнѣе развивается то теченіе, первые слѣды котораго мы наблюдали еще въ апостольскій вѣкъ (см. выше, стр. 166 и 169). Внѣшнія бури совпадаютъ съ внутреннимъ разложеніемъ.

Чѣмъ больше падало уваженіе къ старымъ религіямъ, тѣмъ сильнѣе становилось стремленіе философски обработать древнія сказанія, найти въ нихъ популярное изображеніе глубокомысленныхъ идей и слить всѣ эти, избранныя изъ различныхъ религій, идеи въ одну спекулятивную систему. Такимъ образомъ стали различать религію необразованныхъ классовъ и гностику — познаніе, доступное лишь избраннымъ. Гностика должна была разрѣшить міровыя загадки, дать разъясненія относительно возникновенія, значенія и цѣли проходящаго черезъ все дуализма, противорѣчія между идеей и чувственнымъ ея воплощеніемъ, между добромъ и зломъ, свѣтомъ и тьмой. Это теченіе проникло и въ христіанскія общины. Первоначальное христіанство обѣщало дать общеніе съ Богомъ. Но тѣ, которые нашли это общеніе, прославляли однако вмѣстѣ съ тѣмъ снизошедшее на нихъ „богатство мудрости и познанія“. И внѣ сомнѣнія христіанство провозгласило и многія совершенно новыя для языческаго міра идеи. Поэтому къ нему обратились и тѣ, которые надѣялись найти въ немъ лишь разрѣшеніе спекулятивныхъ вопросовъ и удовлетвореніе своей любознательности. Число христіанъ стало между тѣмъ слишкомъ велико, чтобы можно было совершенно избѣгнуть вторженія такихъ элементовъ. Они привлекали къ себѣ другихъ христіанъ, обѣщая дать имъ познаніе болѣе высокое, чѣмъ то, которое могла дать церковь. Образовалась община посвященныхъ. Они взяли изъ язычества его мистеріи съ ихъ символизмомъ и таинственными посвященіями, чтобы удовлетворить такимъ образомъ не только разумъ, но и чувство. Въ сущности все это было не что иное, какъ язычество, но оно впитало въ себя христіанскія идеи, главнымъ образомъ идею искупленія, и дало Тому, отъ котораго христіане получили свое имя, мѣсто въ этомъ процессѣ развитія. Однако подъ искупленіемъ оно подразумѣвало не искупленіе отъ грѣха и его послѣдствій, обѣщанное христіанствомъ, но освобожденіе духа отъ матеріи и тѣмъ самымъ свѣта отъ тьмы.

Безконечно разнообразны системы этихъ различныхъ „гностиковъ“; причудливыя, фантастическія, странныя туманныя образованія въ блѣдномъ лунномъ освѣщеніи, онѣ представляютъ смѣсь различнѣйшихъ культовъ, греческой и іудейской философіи, сирійско-финикійскихъ воззрѣній на возникновеніе міра, астрологіи и магіи востока, и почти недоступны современнымъ представленіямъ. Одни изъ гностиковъ требуютъ строгаго аскетизма и своей святостью пріобрѣтаютъ многихъ приверженцевъ; другіе объявляютъ себя выше законовъ обычной морали и не желаютъ противиться могущественнымъ естественнымъ побужденіямъ. Всѣ они протягиваютъ христіанству руку примиренія, если только оно выразитъ готовность примириться съ новымъ пестрымъ мірозданіемъ.

Какою опасностью грозило это ученіе церкви! Еще не установлены были твердыя нормы, которыя могли бы дать указанія на то, какія ученія не могли быть приняты церковью. Правда, существовали священныя книги изъ первыхъ временъ христіанства, но на нихъ ссылались въ своихъ воззрѣніяхъ и гностики, объясняя ихъ совершенно произвольно благодаря излюбленному среди христіанъ аллегорическому способу толкованія. Въ то же время они сами составляли мнимо-апостольскія сочиненія и объявляли, что владѣютъ тайными книгами, полученія которыхъ удостоились лишь избранные апостолы. Кто могъ рѣшить, гдѣ была истина? Еще свободное пророчество пользовалось уваженьемъ, еще церковныя должности не успѣли развиться, и связь между различными общинами была крайне

слаба. Итакъ, оставалось лишь одно, что могло помочь узнать и выгнать эти ворвавшіяся мутныя волны, а именно христіанскій духъ. Но будетъ ли онъ достаточно ясенъ и силенъ, чтобы отбросить эту вкрадчивую, самоувѣренную гностику? Церковь узнала этого врага, выступившаго подъ видомъ друга, и не успокоилась до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ побѣжденъ. Но послѣдующій періодъ покажетъ, что и сама она въ этой тяжелой борьбѣ измѣнила свою первоначальную форму.

Первые зачатки новаго порядка мы замѣчаемъ уже въ періодъ, слѣдовавшій за апостольскимъ вѣкомъ. Раньше во главѣ общинъ стояли коллегіи старѣйшинъ или епископовъ (см. выше, стр. 166). Теперь въ посланіяхъ Игнатія говорится лишь объ одномъ епископѣ (см. выше, стр. 172). Правда, его посланіе къ римлянамъ указываетъ на то, что въ этой общинѣ это новшество еще не введено. То же самое мы узнаемъ относительно общины въ Филиппи изъ письма Поликарпа. Но малоазіатскія общины находились уже въ вѣдѣніи одного епископа, которому подчинены пресвитеры и діаконы. Не ввелъ ли апостолъ Іоаннъ, заступившій послѣ смерти Павла его мѣсто въ этихъ общинахъ (см. выше, стр. 165), это учрежденье, которое научился цѣнить еще въ Іерусалимѣ (см. выше, стр. 166), съ цѣлью имѣть отвѣтственнаго представителя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ самъ не могъ присутствовать? На это указываетъ и то обстоятельство, что каждое изъ семи посланій его апокалипсиса обращено къ одному „Ангелу“ малоазіатской общины. Во всякомъ случаѣ это новое устройство вскорѣ стало распространяться все дальше и дальше. Чѣмъ больше становились опасности, угрожавшія общинамъ извнѣ и внутри, тѣмъ сильнѣе сказывалась потребность въ созданіи центральнаго руководительства. А такъ какъ въ то время еще не думали объ установленной Богомъ организаціи, то можно было въ виду возникшихъ новыхъ потребностей безъ всякой боязни измѣнять существующее устройство. Опасаясь возникновенія раздоровъ въ общинахъ, Игнатій передъ смертью настойчиво совѣтовалъ поддерживать близкую связь съ епископомъ. Этимъ онъ однако отнюдь не хотѣлъ сказать, что епископамъ, какъ таковымъ, слѣдуетъ слѣпо повиноваться. Только потому, что онъ знаетъ, что именно эти епископы, къ общинамъ которыхъ онъ обращается, являются настоящими „предстателями“, епископами, избранными Богомъ, только поэтому онъ пишетъ: „Тотъ, кто не повинуется волѣ епископа, противится волѣ Божіей“. Когда позднѣе воззрѣнія на значеніе этой должности измѣнились, такія изреченія легко можно было истолковать въ томъ смыслѣ, что всѣ епископы уже по самому своему положенію являются намѣстниками Божіими. Это показали позднѣйшія искаженія.

Еще одно новшество замѣчаемъ мы въ послѣдующій за апостольскимъ періодъ. Что могло быть естественнѣе чѣмъ чтобы тотъ, кто принималъ крещеніе, въ какой-либо формѣ исповѣдывалъ свою вѣру. Вначалѣ крестящіеся свидѣтельствовали о своемъ обращеніи лишь нѣсколькими словами, присовокупляя ихъ къ формулѣ крестящаго: „Крещу тебя во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, предписанной уже въ „Ученіи апостоловъ“. Когда же приходилось отвергать какую-либо ересь, къ основному положенію прибавлялись еще короткія пояснительныя слова. Такъ составились правила вѣры, помогавшія отличать истинную общую вѣру отъ искаженій. Значеніе этихъ правилъ должно было увеличиваться по мѣрѣ того, какъ росло число вступавшихъ въ церковь, и тѣмъ желательнѣе слѣдовательно было обладать краткимъ перечнемъ основныхъ положеній христіанской вѣры. Вначалѣ такія сопоставленія конечно сильно отличались другъ отъ друга, смотря по мѣсту своего возникновенія. Но по мѣрѣ того, какъ возрастали сношенія между различными общинами, исчезли и эти различія: приняты были положенія наиболѣе существенныя и употребительныя въ другихъ мѣстахъ, и исключены слишкомъ большія длинноты. Въ убѣжденіи, что

въ этихъ положеніяхъ высказывалось только то, чему учили основатели церкви, апостолы, эти правила вѣры были названы „апостольскимъ символомъ вѣры“. Во всякомъ случаѣ до половины второго вѣка въ Римѣ употреблялся такой символъ, почти тождественный еще съ нынѣ употребляемымъ. Онъ повидимому былъ составленъ не въ Римѣ, но возникъ на основаніи символа, принятаго на востокѣ.

Мы замѣчаемъ проявленія и третьяго рода дѣятельности со стороны церкви. Проникнутыя духомъ Божіимъ священныя книги іудеевъ были приняты христіанами; ихъ читали во время богослуженія. На ряду съ ними стояли посланія апостола Павла и другія сочиненія христіанскихъ авторовъ. Чтобы увеличить этотъ имѣвшійся уже для общественнаго назиданія матеріалъ, общины обмѣнивались между собой подобными сочиненіями. Когда старые апостолы умерли и „пророки“ появлялись все рѣже, эти сочиненія стали служить нѣкоторой замѣной прошедшаго. Но уже тутъ оказалось необходимымъ, прежде чѣмъ пользоваться любымъ христіанскимъ сочиненіемъ для прочтенія его при богослуженіи, убѣдиться, достойно ли оно того по содержанію и древности. Этотъ вопросъ сталъ еще болѣе важнымъ, послѣ того, какъ гностики подложными или ими же самими составленными сочиненіями пытались добиться признанія своей ереси, и когда преклонявшійся передъ Павломъ христіанинъ Маркіонъ (около 150 года) въ цѣломъ рядѣ сочиненій, слывшихъ дотолѣ апостольскими, нашелъ якобы искаженія истиннаго христіанства и потому окончательно отвергнулъ одни изъ этихъ сочиненій и исказилъ другія. Послѣ этого оказалось, конечно, необходимымъ строго отдѣлить все возникшее во времена основанія церкви и потому считавшееся апостольскимъ, было ли то написано кѣмъ-либо изъ апостоловъ или какимъ-либо другимъ современникомъ, отъ остальной литературы, опять-таки безразлично, была ли она по содержанію своему безукоризненна или же на ней сказалось вліяніе какой-нибудь ереси. Нужно было составить „канонъ“. Само собой понятно, что вначалѣ подобные списки сочиненій въ различныхъ общинахъ или областяхъ не могли вполнѣ согласоваться между собой уже потому, что отдѣльныя посланія, написанныя для опредѣленныхъ лицъ или для извѣстнаго круга читателей, были извѣстны и распространены лишь въ данной области. Только постепенно болѣе живой обмѣнъ привелъ къ большему соглашенію. Первый подобный перечень, сохранившійся къ сожалѣнію въ неполномъ видѣ и названный по имени открывшаго его Людовика Антонія Муратори „мураторіевымъ канономъ“, заключалъ въ себѣ изъ собранныхъ нынѣ въ Новомъ Завѣтѣ 27-ми книгъ во всякомъ случаѣ 22 и признавался въ Римѣ около 180 года. Около 140 лѣтъ спустя мы узнаемъ отъ историка церкви Евсевія, что и тогда еще не всѣ книги нашего теперешняго Новаго Завѣта были всѣми признаны: существовали еще сомнѣнія относительно посланія Іакова, второго посланія Петра, второго и третьяго посланій Іоанна и посланія Іуды. Въ 360 году Аѳанасій составилъ перечень, въ которомъ и эти посланія причислены къ „каноническимъ“.

Такъ церковь пыталась создать себѣ болѣе прочныя формы, чтобы не потерять курса и не погибнуть среди бушующихъ волнъ. Она находилась на пути къ преобразованію въ „католическую церковь“.

Г. **Развитіе католической церкви** (отъ 180 до 248 г.).

Жестоко тѣснимую и преслѣдуемую общину представляли христіане въ предыдущій періодъ, но они не были уничтожены. „Кровь мучениковъ послужила сѣменемъ церкви“. Теперь буря улеглась; власти какъ-будто устали убивать и поняли, что это была безцѣльная работа. Правда, существующее право все еще допускаетъ возможность возникновенія хри-

стіанскихъ процессовъ, по временамъ еще возобновляются жестокія преслѣдованія, но тѣмъ не менѣе наступило время сравнительнаго спокойствія. На императорскій престолъ вступаютъ люди, настолько лишенные нравственной силы, что они даже неспособны ненавидѣть религію. Римскій епископъ Викторъ пріобрѣтаетъ вляніе на развратнаго Коммода (180—192). Септимій Северъ (211) беретъ къ себѣ во дворецъ раба христіанина, которому обязанъ своимъ спасеніемъ, и покровительствуетъ высокопоставленнымъ христіанамъ своей свиты; сыну своему Каракаллѣ онъ беретъ христіанскую мамку. Со второй супругой Элагабала состоялъ въ перепискѣ христіанскій писатель Ипполитъ; Александръ Северъ имѣлъ среди домашнихъ боговъ въ своей божницѣ (Lararium) портреты Авраама и Іисуса. „Онъ охотно цитировалъ изреченія Господа“ и въ одной изъ комнатъ своего дворца приказалъ написать слова Христа: „Итакъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“. Императрица-мать поддерживала сношенія съ знаменитымъ учителемъ церкви Оригеномъ. Полагаютъ, что Филиппъ Аравитянинъ (244—249) даже былъ христіаниномъ. Но если даже все это только легенды — то какой переворотъ заключается уже въ томъ, что подобныя вещи не только разсказывались, но имъ и вѣрили.

То, что раньше удерживало многихъ отъ христіанства, что вело къ постоянному строгому надзору за общинами—Дамокловъ мечъ, висѣвшій надъ именемъ христіанина, казалось, былъ устраненъ. Язычники массами стали стекаться въ церковь. Христіане нѣкогда считали своей цѣлью спасать единичныхъ изъ „лежащаго въ злѣ міра“ для близкаго дня суда и не подчиняться непріятельской силѣ, но считать мученическій вѣнецъ за лучшее украшеніе. Теперь, какъ пишетъ Оригенъ, они смѣютъ надѣяться, что всѣ религіи погибнутъ и божественная мудрость одна будетъ царить на землѣ.

Въ какомъ новомъ свѣтѣ являются теперь представители христіанскихъ общинъ! Какъ поднялось значеніе этихъ пастырей благодаря приросту стада, благодаря увеличенію возложенныхъ на нихъ обязанностей, тѣмъ болѣе, что эти громадныя общины, чувствуя все меньше склонности къ самодѣятельности, предоставили всѣ церковныя работы епископамъ! Вскорѣ и пресвитеры и діаконы уже не могутъ справиться со всѣмъ. Такъ въ концѣ первой половины третьяго вѣка создаются новыя должности для исполненія болѣе низкихъ обязанностей: иподіаконы, чтецы, заклинатели, аколифы. Для сохраненія единства въ управленіи эти должности представляютъ собою восходящую лѣстницу, на верхней ступени которой стоитъ одинъ епископъ. Нѣкогда на эту должность смотрѣли, какъ на несомую изъ любви къ общинѣ тяжелую службу; единственную привилегію этого вождя составляло нѣкогда право первымъ пасть въ борьбѣ. Теперь же положеніе во главѣ этихъ большихъ общинъ, насчитывающихъ въ своихъ рядахъ и представителей высшихъ сословій государства, можетъ считаться честью, ласкающей гордость, и исполняющій эту должность пользуется большими преимуществами. Теперь возможно соперничество между духовенствомъ и мірянами. Теперь Тертулліанъ, стремившійся задержать это развитіе, гнѣвно восклицаетъ: „Развѣ и міряне не тѣ же священнослужители? Тамъ, гдѣ есть трое, тамъ есть церковь, хотя бы то были и міряне“, доказывая самой формой своего протеста, что и онъ затронутъ новымъ теченіемъ. Но какъ можно было еще удержать это развитіе? Чтобы сдерживать массу, необходимо было требовать подчиненія ея епископамъ, а для оправданія этого необычнаго требованія епископовъ облекли той самой честью, которую оказывали основателямъ церкви, апостоламъ.

Еще одно обстоятельство ускорило это развитіе. Въ возраженіяхъ еретикамъ ссылались на священное писаніе и на правила вѣры. Но какъ можно было доказать, что эти нормы дѣйствительно были установлены въ

первыя времена христіанства? Уже не было въ живыхъ ни одного человѣка, помнившаго тѣ времена. Нельзя ли было чѣмъ-нибудь замѣнить такихъ свидѣтелей? Тертулліанъ пишетъ: „совѣтуйся съ апостольскими церквами, въ которыхъ еще стоятъ на своихъ мѣстахъ каѳедры апостоловъ, въ которыхъ еще читаются оригиналы ихъ писемъ“. Какія же лица въ этихъ общинахъ могли дать наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія? Очевидно епископы, ибо апостолы назначили въ основанныхъ ими общинахъ пастырями, а эти послѣдніе своими преемниками, людей, вѣрнѣе другихъ воспринявшихъ первоначальное ученіе. Непрерывная цѣпь этихъ должностныхъ лицъ скорѣе всего ручалась за достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, чего нельзя уже было узнать у самихъ апостоловъ. Ириней, епископъ Ліонскій, былъ ученикомъ Поликарпа, сидѣвшаго у ногъ апостола Іоанна. Такъ какъ онъ самъ поэтому знаетъ, чѣмъ была первоначальная вѣра, то онъ и объявляетъ (около 180 г.), что представители апостольскихъ общинъ вообще въ силу своего преемственнаго назначенія, способны дать истинныя показанія. Этимъ онъ не думаетъ указывать на перешедшую на нихъ съ апостоловъ непогрѣшимость; рѣчь идетъ лишь о томъ, что такія общины, и особенно ихъ представители, обладаютъ крайне цѣннымъ въ борьбѣ съ еретиками знаніемъ историческихъ фактовъ. Какъ на примѣръ— „ибо слишкомъ продолжительно было бы перечислять всѣхъ епископовъ каждой церкви“ — онъ указываетъ на „величайшую, старѣйшую и всѣмъ извѣстную“ римскую общину. Достаточно было бы сдѣлать запросъ у нея одной, ибо всѣ другія общины, въ которыхъ сохранились апостольскія традиціи, дадутъ одинаковый съ нею отвѣтъ.

Но какъ легко могли эти сами по себѣ невинныя положенія подвергнуться ложному толкованію, когда проникновеніе въ церковь большихъ массъ и разнообразныхъ воззрѣній вызвало необходимость введенія болѣе строгой организаціи и созданія рѣшающей въ спорныхъ вопросахъ инстанціи! Какъ легко было истолковать ихъ въ томъ смыслѣ, что епископство является носителемъ истины! Легко можно было также исказить и другое положеніе Иринея: „гдѣ церковь, тамъ и духъ Божій. Быть внѣ церкви значитъ быть внѣ истины“. Такъ пишетъ онъ, предварительно доказавъ, что заявленія церкви суть истина, удостовѣренная апостолами, ученіе же стоящихъ внѣ церкви „превратно“. Къ этому онъ прибавляетъ: „И тамъ, гдѣ духъ Божій, тамъ и церковь. Духъ же есть истина“. Этимъ онъ высказываетъ лишь то, что въ церкви, а не у еретиковъ можно найти истину. Но какую опасность заключало въ себѣ это положеніе, вырванное изъ общей связи, когда подъ „церковью“ стали подразумѣвать лишь внѣшнее церковное общеніе, за апостольскую правду котораго ручались епископы. Какъ легко было отсюда перейти къ положенію, что епископы образуютъ церковь и что истину и спасеніе можно обрѣсть, лишь сохраняя связь съ ними! Къ тому же въ это время все сильнѣе начинала сказываться потребность въ осязательномъ единствѣ всѣхъ общинъ. Какъ можно было еще удержать въ порядкѣ эти большія, непрерывно измѣнявшіяся общины, если бы ихъ не соединяли между собой одинаковое ученіе и одинаковый способъ дѣйствія! Правда, терминъ „католическая церковь“ встрѣчается уже у Игнатія: но онъ подразумѣвалъ подъ нимъ распространенную по всему земному шару (καθ' ὅλης τῆς οἰκουμένης) идеальную общину, въ отличіе отъ отдѣльныхъ общинъ. Теперь же замѣтно стремленіе обратить всю эту совокупность общинъ въ осязаемую, строго ограниченную, единицу, чтобы каждый отдѣльный членъ зналъ, чего ему держаться, чтобы не сойти на ложный путь. Но что же другое могло представить это единство, какъ не епископскій санъ.

Уже ученикъ Иринея, Ипполитъ, считаетъ епископовъ діадохами (преемниками) апостоловъ, сподобившимися той же благодати первосвященства и ученія, какъ и апостолы. Въ половинѣ третьяго вѣка Кипріанъ,

епископъ карѳагенскій (248—258 гг.), собралъ въ одну законченную систему идеи своего времени о сущности церкви. Къ епископамъ относится то, что Христосъ сказалъ къ исполненнымъ духа Божьяго апостоламъ: „Слушающій васъ Меня слушаетъ“. Только черезъ ихъ посредничество передается намъ божественное милосердіе; они же рѣшаютъ вопросъ о томъ, кто достоинъ божественныхъ даровъ; они не только администраторы, но и судьи церкви. Они такимъ образомъ подобны іудейскимъ священнослужителямъ, и прежде іудейскимъ священствомъ дѣйствительно пользовались для сравненій. „Ученіе апостоловъ“ называетъ выступающихъ въ общинахъ „пророковъ“ „первосвященниками Христа“, чтобы побудить общину заботиться о ихъ житейскихъ потребностяхъ: такъ какъ пророки служатъ христіанской общинѣ, то справедливо давать имъ десятину, какъ это дѣлали іудеи по отношенію къ своимъ священнослужителямъ. Теперь на возложенныя на епископовъ обязанности смотрятъ, какъ на священническія, на самихъ епископовъ, какъ на священнослужителей. Только они имѣютъ право совершать таинства крещенія и причащенія. И, приготовляя причастіе, они приносятъ жертву. Нѣкогда хлѣбъ и вино, приносимыя общиной для причастія, назывались жертвой общины, жертвой же называлась и молитва христіанъ, особенно причастная молитва. Теперь священникъ приноситъ тѣло и кровь Христовы въ жертву Богу: „Священникъ подражаетъ тому, что сдѣлалъ Христосъ, принося Себя въ жертву Отцу“. На такую высокую должность епископы назначаются самимъ Богомъ, хотя бы при выборѣ ихъ имѣла голосъ и община. Поэтому предположеніе, что епископъ недостоинъ своей должности, представляется дерзновеннымъ. Поэтому онъ поступаетъ „по наитію Духа Святаго“. Епископы слѣдовательно являются связующимъ элементомъ среди вѣрующихъ; въ ихъ лицѣ воплощается единство церкви. Старыя воззрѣнія, по которымъ „вся масса вѣрующихъ“ составляетъ церковь, по которымъ „Одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе“ уже дѣлаютъ членомъ церкви, забыты. Не тотъ, кто благодаря вѣрѣ и крещенію имѣетъ одного Господа, принадлежитъ церкви, но „Тотъ, кто не имѣетъ матерью церкви, не можетъ имѣть Бога отцемъ“. „Внѣ церкви нѣтъ спасенія“. И эта церковь есть внѣшнее, воплощающееся въ епископахъ, общеніе. Только тотъ, кто подчиняется епископамъ, принадлежитъ церкви; тому, кто не принятъ въ эту церковь, не можетъ помочь и одинаковая съ церковью вѣра, даже если бы онъ за эту вѣру принялъ мученическую смерть; онъ такъ же мало можетъ спастись, какъ всѣ находившіеся во время великаго потопа внѣ ковчега Ноя.

Но для поддержанія такихъ притязаній необходимо было позаботиться и о томъ, чтобы всѣ епископы въ своихъ желаніяхъ и приказаніяхъ стремились къ одному и тому же. Уже между 180 и 200 гг. представители многихъ общинъ поняли необходимость прійти къ соглашенію относительно спорныхъ вопросовъ своей дѣятельности. Для этого они созывали соборы. Мѣстомъ собранія служили, конечно, политическія митрополіи провинцій, и епископы ихъ брали на себя всѣ приготовленія, а также и руководили собраніями. Такимъ образомъ на епископа митрополіи мало-по-малу стали смотрѣть, какъ на главу епископства всей провинціи. Среди митрополій же нѣкоторыя занимаютъ выдающееся положеніе въ глазахъ христіанъ. Римъ не только столица міра, но въ немъ покоятся мощи апостоловъ Петра и Павла; Александрія, второй городъ имперіи, славится какъ средоточіе христіанской науки (см. ниже, стр. 183 и 184); въ Антіохіи, третьемъ городѣ имперіи, долгое время проповѣдывалъ Павелъ; Эфесъ насчитываетъ особенно большую христіанскую общину, и во главѣ ея долго стояли Павелъ и Іоаннъ; изъ Карѳагена евангеліе распространилось по окрестнымъ землямъ. Естественно, что въ спорныхъ вопросахъ желательно было имѣть на своей сторонѣ епископа именно этихъ общинъ, а не какого-нибудь неиз-

вѣстнаго мѣста. О какихъ-либо преимуществахъ правда вначалѣ не было и рѣчи; но эти епископы пользовались уже болѣе высокимъ почетомъ: мы видимъ здѣсь зачатки позднѣйшаго патріаршества, воплощавшаго единство нѣсколькихъ провинцій. Вскорѣ же долженъ былъ быть поставленъ на очередь вопросъ о томъ, чтобы найти объединяющій центръ для совокупности всѣхъ церквей. Одинъ изъ епископовъ уже объявляетъ притязанія на такое положеніе, — епископъ римскій. Кто знаетъ, не увѣнчалъ ли бы Кипріанъ, будь онъ епископомъ римскимъ, свое церковное зданіе идеей о томъ, что римскій епископъ есть поставленный надъ всѣми священниками первосвященникъ. Но онъ былъ епископомъ Карѳагена и не всегда соглашался съ постановленіями римскаго епископа; поэтому-то онъ энергично противился притязаніямъ Рима на главенство надъ всѣми церквами. Тѣмъ не менѣе и его желаніе не только представить себѣ, но и видѣть единое епископство, было такъ велико, что онъ выставляетъ слѣдующее положеніе: давая Петру относившіяся ко всѣмъ апостоламъ полномочія, Христосъ тѣмъ самымъ показалъ, что епископство должно быть одно. Поэтому и преемникъ Петра, римскій епископъ, представляетъ въ своемъ лицѣ единство епископовъ и такимъ образомъ и церкви, ибо изъ этой общины Петра „единство епископовъ беретъ свое начало“; она же больше другихъ стремилась къ объединенію епископовъ. Такимъ образомъ замѣтно уже стремленье къ тому, чего однако въ то же время еще боятся. Но стремленіе несомнѣнно побѣдитъ страхъ. Это будетъ стоить тяжелой борьбы, ибо на церковную должность смотрятъ теперь, какъ на привилегію, какъ на высшую должность, на величайшую честь, но весь ходъ развитія церкви неизбѣжно ведетъ къ главенству Рима.

Такъ, въ видѣ тѣсно сплоченной единицы, церковь уже скорѣе могла надѣяться удержать стремившіяся къ ней, еще мало проникнутыя христіанскимъ духомъ, массы, руководить ими и воспитать ихъ. Не удивительно, что старыя правила вѣры, понимавшіяся первоначально какъ исповѣданье вѣры, теперь все больше принимаютъ характеръ церковнаго догмата, которому должно было подчиняться все, что хотѣло принадлежать къ церкви. Ибо хотя никого нельзя было принудить къ личной вѣрѣ, но съ другой стороны не желательно было и напрасно затруднять вступленіе въ церковь. Что же оставалось иного, какъ не довольствоваться отсутствіемъ возраженій противъ выставленныхъ догматовъ? А отсюда уже не трудно было перейти къ тому, чтобы считать подчиненіе догматамъ церкви за признакъ христіанства. Правда, нѣкоторые язычники, особенно образованные, не хотѣли еще признавать этого правила вѣры. И однако многіе предавались уже надеждѣ, что весь міръ современемъ станетъ христіанскимъ. Поэтому нужно было пытаться по возможности уяснить вѣру церкви и образованнымъ противникамъ ея; нужно было попытаться связать христіанское ученіе въ стройную систему, способную выдержать критику на ряду съ системами языческихъ философовъ. Гдѣ могла сильнѣе сказаться эта потребность, какъ не въ Александріи, этомъ выдающемся средоточіи эллинской культуры! Тотъ, кто не былъ знакомъ съ этой культурой и не могъ вступить въ борьбу съ философіей, не могъ добиться и вліянія на болѣе широкіе круги. Кромѣ того и гностицизмъ, обѣщая не всѣмъ доступное познаніе, ослѣплялъ большія массы. Для побѣды надъ нимъ также необходимо было показать, что и чистое христіанство даетъ мудрость и познаніе.

Трудную задачу поставили себѣ этимъ христіане. Они хотѣли дать научную обработку христіанскаго вѣроученія. И однако единственный существовавшій въ то время методъ научнаго мышленія былъ методъ эллинской философіи. Нужно было слѣдовательно испробовать, насколько онъ былъ пригоденъ для изображенія христіанскихъ догмъ, и изъять изъ него все, что соотвѣтствовало спеціально языческому міровоззрѣнію. Такая

работа требовала не только чрезвычайной глубины мышленія, но и абсолютно чистаго познанія сущности христіанства. Первому требованію вполнѣ удовлетворяли лица, первыя взявшіяся за эту колоссальную работу; но врядъ ли они могли похвастаться вторымъ, такъ какъ въ церкви повсюду уже утрачено было истинное пониманіе христіанства. Тѣ ученія, которыя апостолъ Павелъ выразилъ въ особенно рѣзкой формѣ, ибо они составляютъ ядро христіанства (см. выше, стр. 163 и 164), были почти забыты. Главнымъ образомъ понятіе „вѣры" было такъ искажено, что не могло уже занимать того центральнаго положенія, которое ему отвели Іисусъ и Павелъ; мѣсто его заступила нравственность, представлявшая смѣсь іудейскихъ и греческихъ идей. Пониманіе настоящей существенной разницы между язычествомъ и христіанствомъ исчезло. Для изложенія началъ христіанства, не задумываясь, пользовались понятіями и воззрѣніями, взятыми изъ эллинской философіи. Послѣдствіемъ этого должно было быть полное искаженіе христіанства, если бы въ то же время не господствовало еще убѣжденіе, что священное писаніе первыхъ временъ христіанства основывается на божественномъ откровеніи и потому должно служить основой всему. И высказанныя въ немъ истины легко могли подвергнуться ложному толкованію при помощи излюбленнаго аллегорическаго изложенія, если бы тому не препятствовали краткія положенія правилъ вѣры, повсюду считавшихся неприкосновенными. Символъ церкви охранилъ ее отъ полнаго вырожденія.

Въ такомъ направленіи работали въ Александрійской школѣ Пантенъ, Климентъ, Оригенъ. Центромъ своей теологіи они поставили взятое изъ философіи (по своему содержанію) понятіе Слово. Слово есть абсолютный разумъ, связущее начало между Богомъ и человѣкомъ. Оно существовало уже въ языческомъ мірѣ. Все, что есть истиннаго въ философіи Платона, вытекаетъ изъ Слова. Въ христіанствѣ же Слово стало плотію, и поэтому оно заключаетъ въ себѣ полную и абсолютно чистую истину. Такъ перекинутъ былъ удобный мостъ отъ язычества къ христіанству. Переходъ отъ языческой мудрости къ христіанской вѣрѣ не представлялъ уже болѣе скачка, достаточно было одного простого шага впередъ.

Такъ родилась католическая церковь. Христіанство утратило чистоту вѣры, но много выиграло въ единствѣ организаціи. Церковь являлась посредницей между Богомъ и человѣкомъ на пути къ спасенію, и въ то же время получила возможность доставлять и массѣ нѣкоторые изъ божественныхъ даровъ. Поэтому-то явилась опасность, что мѣсто общенія съ Богомъ заступитъ общеніе съ церковью; но въ то же время вступленіе въ церковь было облегчено, и такимъ образомъ лицамъ, не довольствовавшимся общеніемъ съ церковью, дана была возможность достигнуть и общенія съ Богомъ. Однако еще до того, какъ окончательно установилось это новое положеніе, еще разъ разразилась буря, вновь поставившая все на карту.

Д. **Послѣдняя борьба и побѣда** (отъ 248 до 327 г.).

Послѣднія семьдесятъ лѣтъ неопровержимо показали, что допустить существовать христіанство значило дать ему господствовать, показали также, что отдѣльныя преслѣдованія не имѣли смысла, ибо давали лишь христіанамъ случай доказать геройство своей вѣры и тѣмъ самымъ пріобрѣтать новыхъ послѣдователей. Стало ясно, что или язычество или христіанство должно было побѣдить, оба вмѣстѣ существовать не могли. Но, быть-можетъ, дальнѣйшее промедленіе могло уже сдѣлать побѣду невозможной. И былъ ли еще міръ способенъ на воодушевленіе языческой вѣрой? Не пошатнулась ли уже давно старая вѣра въ боговъ и не пала ли она теперь окончательно подъ насмѣшками христіанскихъ писателей? И

однако теперь менѣе чѣмъ когда-либо можно было обойтись безъ религіи. Ярко вспыхнувшее пламя христіанской вѣры вновь разбудило интересъ къ непостижимому у многихъ, не нашедшихъ удовлетворенья ни въ одной изъ извѣстныхъ имъ религій и потому отказавшихся уже было отъ познанія сверхчувственнаго. Пробужденные такимъ образомъ изъ своей религіозной апатіи, многіе не хотѣли однако обратиться въ христіанство. Они ненавидѣли его, но съ другой стороны не могли уже относиться къ нему только съ презрѣньемъ. Христіане имѣли уже передъ ними много преимуществъ: радостный подъемъ духа, сознаніе своего общенія съ Богомъ, пренебреженіе всѣмъ земнымъ! Чтобы найти вдохновенныхъ борцовъ противъ христіанства, необходимо было очистить старую вѣру отъ представленій, заслужившихъ ей презрѣнье, и украсить ее преимуществами христіанства. Такъ возникла послѣдняя форма греческой философіи, первая философія, образовавшаяся изъ противодѣйствія христіанству, — неоплатонизмъ, основанный Аммоніемъ Саккомъ (умеръ въ 241 г.) и разработанный ученикомъ его Плотиномъ (умеръ въ 270 г.).

Вражда между неоплатонизмомъ и христіанствомъ нерѣдко возбуждала удивленіе. Какъ-будто между настоящимъ товаромъ и суррогатомъ, стремящимся вытѣснить первый, можетъ царить что-нибудь иное кромѣ борьбы за существованіе! Всѣ религіи, даже языческія, и іудейская, имѣютъ право на существованіе постольку, поскольку онѣ стремятся къ истинѣ. Иное дѣло съ христіанствомъ, ибо оно выдаетъ себя за единственную истинную религію и отказываетъ всѣмъ остальнымъ въ правѣ на существованіе. Потому-то всѣ религіи земного шара могутъ соединиться въ неоплатонизмѣ, соединиться на борьбу противъ христіанства. То, что обѣщаетъ дать христіанство, то даетъ и эта философія: пренебреженіе всѣмъ земнымъ и общеніе съ Богомъ. Душа да освободится отъ узъ чувственности! Тогда она непосредственно сольется въ одно съ Божествомъ. Ученикъ Плотина, Порфирій (умеръ въ 304 г.), дѣлаетъ попытку привлечь и христіанъ въ ряды неоплатонизма. Онъ пишетъ пятнадцать книгъ „о христіанахъ“ или, какъ переводятъ другіе „противъ христіанъ“. Онъ совѣтуетъ христіанамъ попрежнему почитать своего основателя, отъ котораго они ведутъ свое имя, ибо онъ былъ мудрый и богобоязненный человѣкъ. Но ученики его исказили возвѣщенныя имъ истины и противъ его воли сдѣлали его самого Богомъ. Ихъ священнымъ книгамъ христіане не должны вѣрить; ибо онѣ полны противорѣчій и невѣроятныхъ разсказовъ.

Безуспѣшность такихъ попытокъ обращенія еще болѣе побуждала прибѣгать и къ совсѣмъ иному оружію, чтобы окончательно стереть христіанство съ лица земли. Императоры, слѣдовавшіе за Филиппомъ Аравитяниномъ, съ гнѣвомъ и горечью смотрѣли на паденіе имперіи. Они поставили себѣ цѣлью возстановить былое могущество и величіе ея, но для этого необходимо было достигнуть и единства культа. Въ 249 г. на престолъ вступилъ Декій. Онъ первый принимаетъ рѣшеніе систематически искоренить христіанство. То, что было запрещено Траяномъ: разыскиваніе христіанъ властями (см. выше, стр. 174), то теперь предписывается. Законъ 250 г. повелѣваетъ принуждать христіанъ всей имперіи къ участію въ государственной религіи. Священники, какъ элементъ по всей вѣроятности неисправимый, должны немедленно подвергнуться казни, другихъ слѣдуетъ усмирить все увеличивающимися наказаніями. Тяжелое наказаніе ожидаетъ префекта, не сумѣвшаго привести христіанъ своей провинціи къ вѣрѣ предковъ. Какой внезапный ударъ для христіанъ! И онъ разразился къ тому же надъ общиной, изнѣженной десятилѣтіями спокойствія и насчитывавшей въ своихъ рядахъ массу полухристіанъ. Когда такъ внезапно разразилась надъ ними эта бѣда, угрожавшая мученіями и смертью, многіе не могли достаточно скоро очиститься отъ подозрѣнія въ приверженности христіанству; другіе съ сердцемъ, обливающимся кровью, рѣшились воску-

рить ѳиміамъ богамъ; многіе, наконецъ, попытались извинить свое отреченіе передъ самими собой: они подкупали чиновниковъ, чтобы получить свидѣтельство въ соблюденіи ими императорскихъ приказовъ.

Но удивительно! Многіе изъ тѣхъ, которые ясно выраженнымъ отреченіемъ отдѣлились отъ христіанъ, были однако не въ состояніи вернуться къ язычникамъ. Они вновь стремятся къ общинѣ, которая ихъ теперь презираетъ. Они молятъ, чтобы ихъ приняли обратно. Они знаютъ, что имъ въ этомъ случаѣ вновь угрожаетъ то, чего они незадолго передъ тѣмъ не сумѣли перенести. Они знаютъ, что имъ придется пережить годы покаянія среди позора и лишеній, чтобы вновь быть принятыми въ церковь и получить право принять муки или смерть за свою вѣру. И однако они не могутъ поступить иначе, они не могутъ жить безъ того, что̀ дало имъ однажды блаженство.

На ряду съ проявленіями слабости сколько случаевъ геройскаго мужества! Не менѣе многочисленны, чѣмъ въ Римѣ, были жертвы и въ Александріи. Стойкость мальчика Діоскура среди всѣхъ пытокъ была такъ велика, что даже намѣстникъ, исполненный удивленія и состраданія, наконецъ отпустилъ его. Въ Ѳивахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней висѣла на крестѣ супружеская чета, ободряя другъ друга. Въ Іерусалимѣ и Антіохіи епископы умирали, стойко перенося пытки. Въ Карѳагенѣ тюрьма была полна христіанъ, которыхъ голодомъ и жаждой хотѣли принудить къ отреченію. Обычныя пытки уже не удовлетворяли; для христіанъ придумывали новыя утонченныя муки, ибо эта геройская сила сопротивленія болѣе всего раздражала язычниковъ. Нѣкогда побѣду видѣли въ доказательствѣ своей власти надъ жизнью христіанъ. Теперь стало ясно, что о побѣдѣ могла быть рѣчь только тогда, если бы удалось привести христіанъ къ отреченію отъ ихъ вѣры. Мужественно умиравшій мученикъ торжествовалъ надъ муками, смертью и своими убійцами; только тотъ, кто отступалъ передъ орудіями пытки или смертью, могъ считаться побѣжденнымъ. Поэтому измѣнился и самый способъ борьбы: убивали лишь тѣхъ, которые были непобѣдимы и могли лишь укрѣпить другихъ, остальныхъ же съ неутомимой настойчивостью, выдумывая все новыя и новыя муки, пытались принудить къ бѣгству изъ убѣжища ихъ вѣры.

Со смертью Декія (251) наступаетъ короткая пауза: образованіе и гуманность этого вѣка словно пристыжены были своимъ безчеловѣчіемъ. И хотя Валеріанъ (253—260) опять рѣшительно стремится къ той же цѣли, — уничтоженію христіанства, но онъ пробуетъ вначалѣ достичь его менѣе жестокими мѣрами. Онъ хочетъ поразить христіанскія общины духовнымъ голодомъ, чтобы онѣ распались отъ внутренней слабости; онъ удаляетъ епископовъ, запрещаетъ собранія христіанъ. Все напрасно. Тогда закономъ 258 года предписано было казнить всѣхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, а также сенаторовъ и рыцарей, если бы они по конфискаціи ихъ имуществъ не отказались отъ своей вѣры. Знатныя женщины должны были подвергнуться изгнанію, христіане, находившіеся на императорской службѣ, должны были въ цѣпяхъ работать въ императорскихъ помѣстіяхъ. Среди этихъ преслѣдованій умеръ и Кипріанъ въ Карѳагенѣ. Но, несмотря на громадное число убитыхъ епископовъ и пресвитеровъ, желанная цѣль не была достигнута. Послѣ плѣненія Валеріана персами, преемникъ его Галліенъ отказался отъ безполезной борьбы. Въ теченіе сорока лѣтъ христіане вновь пользуются покоемъ и число ихъ вновь возрастаетъ. Христіанъ не приходится больше искать, ибо ихъ находятъ повсюду: въ войскѣ встрѣчаются христіанскіе офицеры, среди государственныхъ чиновниковъ христіане занимаютъ даже такія высокія должности, какъ должность намѣстника, въ свитѣ императора можно найти христіанскихъ придворныхъ. Наконецъ разсказываютъ даже, что супруга и дочь императора Діоклетіана хотѣли принять крещеніе.

Въ 284 году на престолъ вступилъ Діоклетіанъ. Ему удалось достигнуть того, къ чему напрасно стремились его предшественники: вновь дать пошатнувшейся имперіи устойчивость и единство. Органическимъ подраздѣленіемъ ему удалось связать ставшую необозримо громадной римскую имперію. Чѣмъ больше ликовали по этому поводу всѣ приверженцы древняго Рима, тѣмъ большимъ противорѣчіемъ должно было представляться имъ царствовавшее еще въ религіозной области пестрое разнообразіе. Сторонники единства поставили себѣ теперь цѣлью созданіе неоплатонической государственной церкви. Эту идею сильно пропагандировалъ виѳинскій намѣстникъ Гіероклъ. Онъ написалъ двѣ книги „правдолюбивыхъ словъ“ „къ христіанамъ“. Ибо возвышенная нравственность и сліяніе съ Богомъ, проповѣдуемыя неоплатониками, не позволяли конечно прибѣгать для преодолѣнія христіанства къ другимъ средствамъ помимо словъ и истины, какъ напримѣръ къ грубой силѣ. Но что было дѣлать, когда оказалось, что слова эти были напрасны? Что, если вся эта добродѣтель неоплатонизма могла распространиться лишь по уничтоженіи христіанства? Слѣдовало ли въ этомъ случаѣ бояться другого оружія? Въ цезарѣ Галеріи Гіероклъ нашелъ ревностнаго единомышленника и помощника. Императоръ вначалѣ еще не поддавался на такіе планы. Но этотъ сынъ далматской рабыни находился во власти суевѣрія, наложеннаго на него его происхожденіемъ. На вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли выступить противъ христіанъ, оракулъ Аполлона въ Милетѣ далъ отвѣтъ, что христіане лишаютъ возможности сказать правду. Императоръ уступилъ требованіямъ, настаивая лишь на томъ, чтобы не проливали кровь. Галерій далъ приказъ своимъ преторіанцамъ взять и разрушить христіанскую церковь въ Никомедіи (въ февралѣ 303 г.) На слѣдующій день повсюду былъ вывѣшенъ императорскій приказъ: всѣ христіанскія церкви должны были быть срыты, христіанскія книги сожжены, собранія христіанъ воспрещены. Остававшіеся въ христіанской вѣрѣ должны были лишиться своего сана, свободные должны были превратиться въ рабовъ. Въ порывѣ негодованія одинъ христіанинъ сорвалъ приказъ; его подвергли жестокимъ мученіямъ и казнили. Въ императорскомъ дворцѣ два раза начинался пожаръ, вину свалили на христіанъ. Въ Арменіи и Сиріи вспыхнули возстанія, христіанъ обвинили въ возбужденіи ихъ. Сопротивленіе императора было сломлено. Отъ христіанскихъ придворныхъ чиновниковъ потребовали, чтобы они отказались отъ своей вѣры. Ихъ стойкость въ такой мѣрѣ разгнѣвала императора, что уничтожила совершенно его отвращеніе къ пролитію крови. Одно предписаніе слѣдовало за другимъ, пока наконецъ не вышелъ приказъ, повелѣвавшій всѣми возможными средствами принуждать христіанъ къ принесенію жертвъ богамъ. „Если бы у меня было сто языковъ и одинъ металлическій языкъ“, пишетъ одинъ христіанскій писатель того времени, „ихъ не хватило бы, чтобы описать всѣ злодѣянія, чтобы назвать всѣ тѣ муки, которыя судьи назначали правымъ и виновнымъ“. Нельзя описать всѣхъ тѣхъ казней, къ которымъ не побоялись прибѣгнуть. Государство было залито потоками христіанской крови. Душившая рука по временамъ, казалось, уставала. Но когда затѣмъ въ спокойные періоды выяснялось, что всѣ убійства не привели къ желанной цѣли, враги христіанства вновь собирали всѣ свои силы, чтобы довести до конца истребительную борьбу. Вызываемая безуспѣшностью слѣпая ярость доходила до того, что, напримѣръ, съѣстные продукты на рынкѣ обливались употребляемымъ для жертвоприношеній виномъ или водой, такъ что христіане, которыхъ нельзя было принудить приносить жертвы, все-таки должны были вкушать кое-что отъ этихъ жертвоприношеній. Преслѣдованія продолжались въ теченіе восьми лѣтъ.

Пораженный страшной болѣзнью, Галерій незадолго до своей смерти, въ 311 г., издалъ для восточной части имперіи приказъ, допускавшій христіанскую религію. Не равноправной признаетъ онъ ее; онъ и теперь

желаетъ, чтобы христіане возвратились къ вѣрѣ отцовъ, но онъ понялъ, что ничто не въ состояніи принудить ихъ къ этому, и что всѣ его усилія привели какъ разъ къ обратнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ хотѣлъ достигнуть: христіане не почитаютъ теперь никакого Бога,—не почитаютъ его боговъ, потому что не хотятъ, не почитаютъ своего Бога, потому что не смѣютъ. Но благо государства требуетъ, чтобы всѣ подданные молились за него. Поэтому да будетъ позволено, „чтобы они вновь стали христіанами и вновь собирались для своихъ богослуженій", чтобы они могли молиться своему Богу за императора и государство. Противъ воли дарованная терпимость, вызванная сознаніемъ собственнаго безсилія по отношенію къ этой непонятной силѣ вѣры — вотъ что даетъ умирающій. Темницы открываются, толпы измученныхъ возвращаются назадъ, „съ радостью и состраданіемъ встрѣчаемые" даже языческими знакомыми.

На западѣ имперіи цезарь Констанцій Хлоръ „довольствовался разрушеніемъ храмовъ, но пощадилъ храмъ, состоящій изъ людей". Побѣда, одержанная его сыномъ Константиномъ, постепенно прекратила преслѣдованія по всему западу и даровала христіанской церкви превзошедшій всѣ ожиданія Миланскій эдиктъ (313). Что сдѣлало Константина освободителемъ и покровителемъ церкви? Когда онъ изъ Галліи выступилъ въ походъ на югъ, религія его была не что иное, какъ неясный монотеизмъ того вѣка, удержавшій уже его отца отъ ненависти къ христіанамъ и преслѣдованія ихъ. Позднѣе однако нельзя отрицать въ немъ теплаго интереса къ христіанству и убѣжденія въ истинности его; темныя пятна на его нравственной жизни не даютъ права подозрѣвать въ немъ сознательнаго лицемѣра. Ибо и дѣйствительное убѣжденіе въ истинности христіанства не исключало, конечно, возможности того, что нравственность въ томъ или иномъ случаѣ оставалась далеко позади познанія, особенно у привыкшаго къ неограниченному разгулу римскаго цезаря. Что Константинъ лишь на смертномъ одрѣ принялъ крещеніе, было явленіе совершенно обычное въ тѣ времена, когда христіане крещеніемъ думали достигнуть прощенія лишь прошедшихъ грѣховъ; для императора же оно имѣло тѣмъ большее значеніе, что онъ хорошо сознавалъ свои слабыя въ нравственномъ отношеніи стороны. Скорѣе тотъ фактъ, что онъ, давно считаемый христіаниномъ даже христіанами, тѣмъ не менѣе не хотѣлъ умереть, не принявъ крещенія, можетъ служить доказательствомъ тому, что онъ отъ крещенія ожидалъ чего-то для будущей жизни, что онъ хотѣлъ получить прощеніе грѣховъ, и что слѣдовательно отношеніе его къ церкви опредѣлялось не одними политическими соображеніями.

Когда Константинъ впервые проявилъ интересъ къ христіанству? Если судить по разницѣ его приказовъ 312 и начала 313 г., то перемѣна въ его воззрѣніяхъ на христіанство должна была произойти именно въ это время. Свое „заступничество за христіанскую общину" онъ въ Миланскомъ эдиктѣ объясняетъ тѣмъ, „что милость Божія, которую онъ позналъ въ столь великихъ вещахъ," даруетъ ему за это „на вѣчныя времена счастіе и спасеніе". Онъ слѣдовательно до этого испыталъ на себѣ милость Божію въ такомъ видѣ, что убѣдился въ томъ, что Богъ на сторонѣ христіанъ. Съ этимъ согласуется и то обстоятельство, что въ войнѣ съ Максентіемъ мы впервые встрѣчаемъ крестъ, какъ знаменіе, подъ которымъ сражается и побѣждаетъ Константинъ. Послѣ побѣды надъ этимъ противникомъ онъ приказываетъ поставить въ Римѣ свою статую съ крестомъ въ рукѣ, какъ „спасительнымъ знаменіемъ, съ которымъ онъ избавилъ городъ отъ ига тирана". Врядъ ли это можно объяснить одними политическими соображеніями. Ибо христіанъ ему уже не нужно было привлекать на свою сторону, язычниковъ же это могло только отдалить отъ него. Если же онъ до борьбы съ Максентіемъ проникся убѣжденіемъ,

что Богъ за христіанъ и крестъ ихъ поэтому есть спасительное знаменіе, то намъ не придется считать чистой легендой разсказы Евсевія о томъ, что онъ будто бы слышалъ отъ самого императора: стоя уже лицомъ къ лицу съ могущественнымъ противникомъ, императоръ раздумывалъ, какого Бога призвать на помощь, и получилъ указаніе, что побѣдитъ съ крестомъ. Поэтому онъ съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ смотритъ на этотъ символъ и думаетъ обезпечить за собой милость Божію, покровительствуя христіанству. Побѣды подъ новымъ знаменемъ укрѣпляютъ его въ этомъ убѣжденіи и онъ и внутренно становится все ближе и ближе христіанству. Если мы вспомнимъ, какъ велико было число язычниковъ въ имперіи именно при вступленіи на престолъ Константина, какъ послѣднее жестокое преслѣдованіе удалило христіанъ отъ всѣхъ высокихъ должностей, если мы далѣе примемъ во вниманіе, какъ мало онъ фактически сдѣлалъ для вытѣсненія язычества и господства единаго христіанства, то убѣжденіе его въ томъ, что христіанству принадлежитъ будущее, не можетъ быть объяснено однимъ геніальнымъ провидѣніемъ, но должно было вытекать изъ убѣжденія въ могуществѣ христіанской вѣры. Въ такомъ случаѣ и надежда его на то, что достижимое при помощи христіанства религіозное единство поведетъ за собой и единство гражданское, не можетъ считаться злоупотребленіемъ церковью для политическихъ цѣлей. Въ сущности онъ никогда не стремился къ большему, какъ дать церкви возможность свободно развить свои силы, въ убѣжденіи, что это поведетъ къ распаденію язычества и процвѣтанію государства.

Такова была руководящая идея Миланскаго эдикта 313 г. Совмѣстно съ Лициніемъ императоръ даруетъ этимъ эдиктомъ всей римской имперіи свободу исповѣданія, притомъ не противъ воли, но признавая это вполнѣ справедливымъ. Римское государство, отказывается отъ своего воззрѣнія на религію какъ на дѣло государства, и передаетъ ее той сферѣ, которой она принадлежитъ по христіанскимъ воззрѣніямъ, — совѣсти. Оно поступаетъ такъ „въ интересахъ общественнаго спокойствія“, ибо оно признало, что государство не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока существуетъ живая религіозность, а государство тѣмъ не менѣе стремится господствовать надъ религіей. Ради общественнаго спокойствія уже такъ часто возникали страшныя, свирѣпыя преслѣдованія христіанства, ибо оно возбуждало умы и тѣмъ создавало недопустимую самостоятельность. На основаніи тѣхъ же побужденій совѣсть провозглашается теперь свободной. Какъ измѣнило христіанство воззрѣнія стараго свѣта! Императоры провозглашаютъ поставленный Христомъ принципъ: Отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу!

Но если никто не долженъ страдать отъ того, что онъ христіанинъ, то христіанской церкви должны быть также дарованы тѣ самыя права, которыми до сихъ поръ пользовалась государственная религія. Итакъ, Константинъ издаетъ сперва для своей области, а потомъ, по покореніи послѣдняго противника Лицинія (324), и для всей имперіи одинъ законъ за другимъ, благодаря которымъ церковь становится охраняемой и поощряемой силой. Ненавидимая еще недавно, какъ смертельный врагъ государства, она теперь вводится въ организмъ общественной жизни. Духовенство освобождается отъ налоговъ, особенно отъ тяжелой барщины и натуральныхъ повинностей и отъ обязанности нести городскія должности. Церковныя владѣнія обезпечиваются дарованіемъ церкви корпоративныхъ правъ и увеличиваются не только дарами императора, но и благодаря узаконенію легатовъ въ пользу церкви. Закономъ признается право епископовъ производить судъ надъ членами своей общины въ гражданскихъ дѣлахъ и наказывать духовныхъ. За христіанскими церквами признается и право убѣжища. Воскресенье признается праздникомъ, и въ этотъ день прекращаются нѣкоторыя общественныя городскія дѣла, напримѣръ засѣданія суда.

Принятымъ церковью рѣшеніямъ государство даетъ силу закона и помогаетъ ей въ проведеніи ихъ. Даже въ свѣтское законодательство проникаетъ отчасти христіанскій духъ. Такъ, запрещалось клеймить лицо созданнаго по образу и подобію Божію человѣка. Преступника, приговореннаго къ казни, запрещалось лишать жизни жестокимъ образомъ, подвергать его распятію на крестѣ или бросать на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Дѣтей запрещалось подкидывать. Какой переворотъ! Были времена, когда христіане побоялись бы такихъ богатыхъ даровъ, какъ подарка данайцевъ. Теперь, послѣ того какъ церковь стала католической и послѣ того какъ она еще недавно находилась подъ топоромъ палача, можно было лишь ликовать по этому поводу. Христіанамъ, пережившимъ этотъ переворотъ, можно простить, что они смотрѣли на Константина, какъ на „посланнаго Богомъ вѣстника неба", и не могли видѣть его слабыхъ сторонъ, ибо то, чего достигла благодаря ему церковь, ослѣпляло ихъ глаза.

Константинъ же даровалъ ей и то, чего ей до сихъ поръ недоставало,— выраженіе ея единства. Основной пунктъ церковныхъ правилъ вѣры составляло исповѣданіе „Господа нашего Іисуса Христа, Единороднаго Сына Божія". Если первоначально съ этими положеніями, взятыми изъ сочиненій первыхъ вѣковъ церкви и соотвѣтствующими христіанскимъ воззрѣніямъ на несравненное величіе Спасителя, не задумываясь соглашались, то теперь, когда (приблизительно съ 180 г.) прошли десятилѣтія спокойствія, и число образованныхъ приверженцевъ церкви значительно увеличилось, должна была пробудиться потребность ближе выяснить себѣ значеніе этихъ положеній. Побѣда надъ политеизмомъ и убѣжденіе въ существованіи одного Бога уже сами по себѣ приносили сознаніе важнаго пріобрѣтенія. Но не становилось ли это пріобрѣтеніе спорнымъ благодаря тому ученію, что Христосъ, Сынъ Бога, самъ Богъ? Одни полагали возможнымъ сохранить Единство Божіе не иначе, какъ предположивъ, что Единый Богъ въ Христѣ принялъ человѣческій обликъ и какъ таковой называется „Сыномъ Божіимъ". Другіе не хотѣли считать Христа за истиннаго Бога. Это послѣднее воззрѣніе встрѣтило особенно энергичное сопротивленіе и было отвергнуто. Но когда церковь при Константинѣ достигла наконецъ желаннаго покоя, пресвитеръ Арій въ Александріи возобновилъ это ложное ученіе въ нѣсколько болѣе подходящемъ къ церковнымъ воззрѣніямъ видѣ. По ученію Арія Христосъ не былъ простымъ человѣкомъ, но откровеніемъ высшаго, созданнаго Богомъ и потому по существу своему не похожаго (anhomoios) на Бога, духа. Ярко вспыхнуло пламя борьбы, на которую съ глубокимъ огорченіемъ смотрѣлъ Константинъ. Онъ ожидалъ видѣть въ будущемъ одну религію, которую считалъ лучшею, господствующей по всей римской имперіи и думалъ этимъ обезпечить и единство имперіи. Теперь же приверженцы этой религіи, которая должна была излѣчить всѣ раздоры, сами раздѣлялись! Письмомъ Константинъ умолялъ Александрійскую церковь прекратить этотъ споръ о второстепенныхъ пустыхъ вопросахъ, но все было напрасно. Какъ же, спрашивается, было вновь возстановить согласіе? Только общее совѣщаніе всѣхъ епископовъ могло повести къ желанной цѣли, и императоръ рѣшилъ созвать имперскій соборъ. Онъ не хотѣлъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла церкви или предписывать ей рѣшенія; но такъ какъ она не имѣла еще органа, воплощающаго всю совокупность церквей, то онъ хотѣлъ дать всѣмъ церквамъ возможность совѣщаться сообща и принять рѣшеніе. Итакъ, онъ пригласилъ духовенство на собраніе и велѣлъ выдать всѣмъ участникамъ собора вспомоществованіе на дорогу и пребываніе въ Никеѣ изъ общественныхъ суммъ. Съ іюня до августа 325 г. засѣдалъ этотъ первый „вселенскій соборъ" въ Никеѣ, въ Виѳиніи. Среди 318 епископовъ, изъ которыхъ многіе присутствовали только временно, находились одинъ персидскій и одинъ готскій; съ запада, менѣе затронутаго этимъ споромъ, явились лишь немногіе (6). При открытіи собора и нерѣдко во время совѣщаній Кон-

стантинъ говорилъ самъ, призывая присутствующихъ къ миру. И послѣ страшной бури преслѣдованія—многіе изъ присутствующихъ носили еще на тѣлѣ страшные слѣды испытанныхъ мученій — солнечное сіяніе императорской милости было такъ пріятно, что не всѣ собравшіеся сумѣли сохранить свою самостоятельность. Не вина Константина, если „ради мира и изъ уваженія къ императорской волѣ" съ предложеннымъ подконецъ символомъ вѣры (Христосъ единосущенъ съ Богомъ Отцомъ: homousios) согласились и тѣ, кто не находилъ въ немъ выраженія своихъ убѣжденій. Только два епископа остались съ Аріемъ при своемъ мнѣніи. Императоръ далъ рѣшеніямъ собора силу закона. Противоположное воззрѣніе стало, слѣдовательно, противозаконнымъ, и не хотѣвшіе отказаться отъ него, подверглись изгнанію.

Такимъ образомъ церковь обрѣла наконецъ органъ, который представлялъ такъ давно желанное единство епископовъ. Связанная нѣкогда лишь узами одинаковой вѣры, одинаковой любви и одинаковыхъ надеждъ, эта религіозная община превратилась теперь въ объединенную общимъ управленіемъ государственную церковь. Поэтому и вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли считать одного епископа первымъ среди остальныхъ, отступилъ пока на задній планъ. Потребность въ немъ еще не назрѣла. На этомъ первомъ вселенскомъ соборѣ не предсѣдательствовали ни самъ римскій епископъ— преклонный возрастъ удержалъ его отъ участія въ соборѣ, ни заступавшіе его мѣсто пресвитеры. Правда, этотъ самый соборъ призналъ за римскимъ епископомъ главенство надъ всѣми церквами политическаго діоцеза Рима, т.-е. надъ всей южной Италіей съ Сициліей, Сардиніей и Корсикой, но не больше. Удержится ли такое положеніе? Будутъ ли преемники Константина такъ же мало, какъ онъ, позволять себѣ прямое вмѣшательство во внутреннія дѣла церкви? Не придетъ ли церковь, такъ далеко уже проведшая принципъ начальствованія и подчиненія, наконецъ къ тому, чтобы возвысить одного, совершенно самостоятельнаго по отношенію къ свѣтскимъ властямъ, епископа надъ всѣми остальными? Но Римъ нашелъ уже себѣ соперника. Императоръ перенесъ свою резиденцію въ лежащій на востокѣ городъ его имени. Если римская община внѣ сомнѣнія достигла своего высокаго положенія главнымъ образомъ потому, что находилась въ центрѣ имперіи, то не возвысится ли еще болѣе епископъ новой резиденціи, будучи окруженъ блескомъ христіанскаго императора? Или, быть-можетъ, наоборотъ именно близость императора и лишитъ его возможности слишкомъ быстраго возвышенія? Прежде чѣмъ вернуться къ этому вопросу (см. ниже, стр. 198) и коснуться связанныхъ съ нимъ ересей, возникшихъ въ государственной церкви, мы разсмотримъ, какимъ измѣненіямъ подвергалась церковная жизнь вслѣдствіе произведеннаго Константиномъ переворота.

2. Государственная церковь.

А. Государственная церковь со смерти Константина.

Благодаря Константину церковь стала наиболѣе покровительствуемой религіозной общиной. Ничто болѣе не препятствовало вступленію въ нее. Наоборотъ многое влекло къ ней и нужно уже было извѣстное мужество, чтобы оставаться вдали отъ нея. Такимъ образомъ были какъ бы прорваны и защищавшія ее плотины; мутныя волны далекихъ отъ истинной религіи людей могли безпрепятственно вливаться въ нее. Правда, церковь не стала поэтому бѣднѣе христіанскимъ духомъ, но все-таки значительно богаче недостойными членами. Направлять всѣхъ ихъ такъ, чтобы они вели достойную христіанскаго имени жизнь, было совершенно невозможно. Такъ и въ нѣдрахъ „святой церкви" появились земныя нечистыя стремленія. Это побуждало болѣе серьезныя натуры тѣмъ энергичнѣе убѣди-

тельной силой дѣла протестовать противъ такой нехристіанской жизни. Пробилъ часъ рожденья монашества.

Христіанство требовало самоотреченія и преодолѣнія грѣховныхъ похотей. Чѣмъ сильнѣе было отвращеніе, питаемое вырванными изъ среды языческой безнравственности христіанами къ необузданности и беззастѣнчивой свободѣ, тѣмъ скорѣе могли они прійти къ желанію по возможности дальше держаться отъ всего, чѣмъ такъ смѣло злоупотребляли язычники; мало того, они могли находить особенную честь въ томъ, чтобы отказываться и отъ удовлетворенія такихъ потребностей, которыя не были прямо воспрещены, отказываться именно потому, что къ нимъ влекло естественное желаніе. Уже въ половинѣ второго вѣка среди христіанъ весьма распространено было воззрѣніе, что жениться не слѣдуетъ изъ полового влеченія, но лишь съ цѣлью дать жизнь дѣтямъ. На вступленіе во вторичный бракъ послѣ смерти супруга многіе смотрѣли какъ на „приличное прелюбодѣяніе“, главнымъ образомъ по той причинѣ, что естественное влеченіе еще прощалось юности, но не болѣе зрѣлому возрасту. Но выше всего ставились люди, совсѣмъ не знавшіе половыхъ сношеній. Подобное воззрѣніе легко могло привести къ тому, чтобы сдѣлать изъ самообладанія своего рода спортъ. Аскетическія дѣвушки рѣшались жить въ такой интимной близости съ мужчинами одинаковаго съ ними образа мыслей, что сохраненная при такихъ искушеніяхъ дѣвственность служила доказательствомъ достойной побѣды духа надъ плотью. Первоначально подобное воздержаніе цѣнилось именно какъ „аскетизмъ“, какъ упражненія, имѣвшія цѣлью укрѣпить силу воли для борьбы съ грѣхомъ. Но такъ какъ они въ то же время служили доказательствомъ серьезности образа мыслей, то очень легко можно было придти къ заключенію, что они и сами по себѣ являются достойными цѣнными поступками, что возможно большее преодолѣніе естественныхъ потребностей и безстрастность и составляютъ истинное христіанство. Однако, наступавшіе между періодами преслѣдованія спокойные годы приносили церкви многихъ членовъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать такого самоотреченія и которымъ однако нежелательно было запретить доступъ въ церковь. Поэтому-то стали различать два рода нравственности: совершенная воздерживается отъ брака и отказывается отъ земного богатства, чтобы служить одному Богу; вторая ведетъ обычную свѣтскую жизнь, но избѣгаетъ того, что запрещено Богомъ. Это различіе находили якобы уже и въ священномъ писаніи первыхъ вѣковъ христіанства: совершенная нравственность повинуется и евангельскимъ совѣтамъ, несовершенная только заповѣдямъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ въ церковь стекаются большія массы, и безнравственность, которую нѣкогда видѣли только у язычниковъ, распространяется и среди приверженцевъ церкви, болѣе серьезные умы считаютъ уже прежнюю форму высшей нравственности недостаточнымъ отпоромъ свѣтскому вліянію. Прежніе аскеты принадлежали какъ къ церковной, такъ и къ свѣтской общинѣ. Теперь открытымъ разрывомъ со свѣтской жизнью, управляемой естественными влеченіями, пытаются доказать, что истинное христіанство презираетъ міръ. Бѣгство изъ міра возводится на степень идеала. Несомнѣнно это заблужденіе принесло и хорошіе плоды. Монашескій энтузіазмъ, вызванный проникновеніемъ въ церковь испорченности, служилъ постояннымъ укоромъ этой самой испорченности и мѣшалъ ей окончательно водвориться въ церкви. И для многихъ, боявшихся вторичнаго впаденія въ язычество, жизнь въ проникнутыхъ противоцерковнымъ духомъ кругахъ оказалась слишкомъ большимъ искушеніемъ. Они должны были бояться за свое христіанство, оставаясь въ старой и въ то же время столь новой обстановкѣ. Поэтому у многихъ, даже у такихъ, которые позднѣе вновь бросились въ водоворотъ жизни, теперь замѣтно стремленіе удалиться въ одиночество. Но, съ другой стороны, какое

вліяніе на все пониманіе задачъ жизни должно было оказать это прославленіе отреченія отъ міра, какъ идеала, это возвѣщеніе величія христіанства въ презрѣніи къ міру! Неоплатонизмъ ни мудрыми сочиненіями, ни грубой силой не сумѣлъ побѣдить христіанство, но онъ внушилъ своему смертельному врагу частицу своего духа.

Вначалѣ только единичныя лица спасаются въ одиночество Ливійской пустыни и живутъ тамъ отшельниками, исключительно созерцательной жизнью. Примѣру Египта вскорѣ слѣдуютъ Палестина, Сирія, Арменія, Понтъ, Каппадокія. Затѣмъ вполнѣ естественно, что слава особенно святого анахорета — какъ напримѣръ Антонія (умеръ въ 356 году) — стала привлекать и другихъ бѣглецовъ поселиться поблизости отъ него. Такъ возникли монашескія деревни, лавры. Монахи собирались для совмѣстной молитвы и пѣнія. Но къ чему было каждому имѣть свою отдѣльную хижину? Не было ли проще жить многимъ вмѣстѣ, въ одномъ домѣ? Пахомій первый пришелъ къ этой мысли и основалъ въ 340 г. на островѣ Нила, Табеннѣ, монастырь, вскорѣ пріобрѣвшій громкую извѣстность. Такому обществу монаховъ нужно было конечно предписать и извѣстный порядокъ. Такъ, уже Пахомій ввелъ одинаковую одежду, совмѣстныя трапезы, опредѣленные часы молитвъ и требовалъ настоятельно обѣта послушанія.

Дурныя послѣдствія отшельнической жизни проявились вскорѣ не только въ невоздержанности и грубости, но и въ новыхъ религіозныхъ заблужденіяхъ. Едва возникнувъ, монашество грозило уже обратиться въ противное церкви религіозное общество. Оно пошло дальше въ господствовавшемъ въ церкви воззрѣніи на „мірское“. Евхеты въ Месопотаміи не хотѣли дѣлать ничего другого, какъ только молиться и собирать милостыню. Если совершенствомъ считалось ничего не имѣть, то наиболѣе совершеннымъ было бы не имѣть собственности и на самое краткое время, т.-е. ничего не зарабатывать трудомъ. Если молитва стояла выше работы, то лучше всего было совсѣмъ не работать, а исключительно молиться. Если такая монашеская жизнь сама по себѣ представляетъ совершенство, то для достиженія совершенства уже не нужно никакихъ средствъ, ни божественнаго закона, ни библіи, ни таинствъ. Церковь видѣла въ этихъ заблужденіяхъ не логическое послѣдствіе своихъ новыхъ идей, но ихъ извращеніе. Однако, прошли цѣлыя столѣтія прежде, чѣмъ ей удалось преслѣдованіями совершенно уничтожить ихъ.

Другое мощное движеніе, вызванное Евстаѳіемъ Севастійскимъ (въ Малой Арменіи), проникло и въ сосѣднія области Малой Азіи. Если безбрачіе стоитъ выше брака съ его удовлетвореніемъ естественному влеченію, то бракъ вообще есть грѣхъ, и никто изъ женатыхъ не можетъ спастись. Если всякое земное обладаніе, всякія украшенія, всякія удобства представляютъ нѣчто нечистое, то спастись можетъ лишь тотъ, кто покидаетъ все земное; поэтому и женщины не должны носить волосъ и женской одежды: онѣ должны остричься и одѣть мужское платье. Церковь, не понимающая всего этого, становится мірской церковью. Апостолики пытались возстановить апостольскую жизнь и объявили собственность воровствомъ, а бракъ грѣхомъ. Авдіане въ Месопотаміи, Палестинѣ и Аравіи также обвиняли церковь въ отпаденіи отъ истиннаго христіанства, ибо не всѣ ея приверженцы осуществляли монашескій идеалъ. Даже авторъ „Панарія“, — аптекарскаго ящика, — въ которомъ можно было найти противоядіе противъ восьмидесяти ересей, строго ортодоксальный Епифаній (умеръ въ 403 г.), въ изумленіи останавливается передъ святостью этихъ авдіанъ — такъ расшатано было положеніе церкви по отношенію къ этимъ послѣдовательнымъ представителямъ ея же собственнаго воззрѣнія. Тамъ, гдѣ это презрѣніе всего земного не становилось оружіемъ противъ самой церкви, она имѣла возможность восхищаться самыми невѣроятными крайностями въ этомъ направленіи. Симеонъ изъ сѣ-

верной Сиріи первый далъ примѣръ необычайно продолжительнаго поста. Онъ такъ долго отказывался отъ всякой пищи, что былъ уже близокъ къ смерти. Затѣмъ онъ приказалъ построить себѣ ограду и приковать себя къ ней на цѣпи. Наконецъ ему воздвигнули на этомъ клочкѣ земли столбъ, на вершинѣ котораго онъ провелъ 30 лѣтъ. Какъ языческіе бедуины, такъ и христіане высоко чтили его; даже въ Римѣ маленькія статуэтки этого столпника стали предметомъ бойкой торговли. Онъ нашелъ цѣлый рядъ подражателей своему головоломному фокусу, и вскорѣ никто уже не отваживался порицать подобные поступки. Однако выходки монашества, доходившія до открытой вражды къ церкви, побудили болѣе благоразумныхъ (какъ напр. каппадокійца Василія, умершаго въ 379 г.) работать въ томъ направленіи, чтобы убѣдить анахоретовъ вести урегулированную монастырскую жизнь и поддерживать связь съ офиціальной церковью. Поэтому-то они и стремились переносить монастыри изъ пустынь поближе къ городамъ — мѣра, давшая монахамъ возможность вмѣшиваться въ церковные споры и, пользуясь славой своей святости, а подчасъ и кулаками, вліять на рѣшеніе вопросовъ въ желательномъ для нихъ смыслѣ.

Въ то время какъ одни считали такимъ образомъ сущностью монашества аскетизмъ, другіе обращали главное вниманіе на созерцаніе, на наблюденіе за внутреннимъ состояніемъ души. Монахи удалялись изъ міра съ тѣмъ, чтобы очистить внутренній міръ человѣка и возвысить его до Бога, поэтому-то нужно было подумать о тѣхъ путяхъ, которые вели къ сліянію съ Богомъ. Такъ было положено начало монашеской мистикѣ, нашедшей позднѣе ревностныхъ поборниковъ и вылившейся въ самостоятельное движеніе. Первымъ мистикомъ мы можемъ назвать основателя монастыря въ пустынѣ Скетійской, Макарія (умеръ въ 391 г.), если онъ дѣйствительно былъ авторомъ извѣстныхъ подъ его именемъ пятидесяти гомилій. Нѣсколько позднѣе выдвигается святой Нилъ, родившійся въ Константинополѣ, отказавшійся отъ своего высокаго положенія, отдавшій жену и дочь въ египетскій монастырь и удалившійся вмѣстѣ съ сыномъ на гору Синай (умеръ въ 430 г.). Изъ его сочиненій сохранилось нѣсколько аскетическихъ писаній и до тысячи писемъ, прославляющихъ величіе монашеской жизни и выставляющихъ отреченіе отъ міра, какъ путь къ свободѣ души и сліянію ея съ Богомъ.

Благодаря перемѣнѣ въ положеніи церкви, происшедшей въ царствованіе Константина, христіане наслаждаются спокойствіемъ, а потому у нихъ является время и охота праздновать праздники. Церковь желала бы сдѣлать церковную жизнь привлекательной и для народныхъ массъ и хотѣла бы чѣмъ-нибудь замѣнить тѣ веселые и блестящіе языческіе праздники, которыхъ народъ лишился съ переходомъ въ христіанство. Первоначально, кромѣ воскресенья, праздновали лишь Пасху въ воспоминаніе о смерти и воскресеніи Христа. Затѣмъ на востокѣ ввели 6-го января праздникъ Крещенія въ воспоминаніе о крещеніи Христа. Теперь же западъ подарилъ всей церкви еще одинъ прекрасный праздникъ. 24-го декабря, въ праздникъ Сигилларій, язычники имѣли обыкновеніе дарить дѣтямъ куклы и фигуры изъ воска, глины или тѣста; на другой день праздновали „рожденье непобѣдимаго солнца“. Церковь отнесла на этотъ день рожденье Того, Кого не могли побѣдить всѣ бури преслѣдованія. Существовавшій на западѣ уже съ 354 г. этотъ праздникъ былъ введенъ въ Константинополѣ въ 379 г. На сороковой день послѣ Рождества, на 2-е февраля, назначенъ былъ праздникъ „Очищенія Маріи“ или „Срѣтенія“; въ этотъ день святили свѣчи. Это должно было послужить христіанской замѣной февральскимъ языческимъ празднествамъ, въ особенности же языческой процессіи съ жертвеннымъ животнымъ и свѣчами.

Та же потребность создала еще цѣлый рядъ праздниковъ. Язычество

гордилось своими героями, приносило жертвы и справляло праздники на ихъ могилахъ. Ихъ мѣсто заступили мученики, годовщины страданій (онѣ назывались natalitia) которыхъ въ воспоминаніе о ихъ смерти, какъ вступленіи въ истинную жизнь, обратились въ настоящіе народные праздники съ обычными въ такихъ случаяхъ пиршествами. Θеодоритъ, обращаясь къ бывшимъ язычникамъ, говоритъ: „Умершихъ за Него ввелъ Господь въ храмъ вмѣсто вашихъ боговъ. Они истинные вожди, борцы и помощники“. Если христіане уже раньше собирались для богослуженій на могилахъ мучениковъ для укрѣпленія на борьбу за вѣру, то теперь эти собранія обратились въ возвеличивающее церковь поклоненіе ея героямъ. На могилахъ ихъ воздвигаются часовни и церкви; останки ихъ разыскиваются; торжественными процессіями эти реликвіи ввозятся въ церковь и тамъ хранятся подъ алтаремъ. Если раньше молились за усопшихъ, полагая, что они связаны еще узами любви съ оставшимися, то теперь молятся имъ, какъ небеснымъ силамъ, съ высоты охраняющимъ человѣка. Но если эти святые могли оказывать помощь, то гдѣ можно было получить ее скорѣе, какъ не тамъ, гдѣ находились ихъ мощи? Такимъ образомъ начался рядъ чудесъ, совершаемыхъ реликвіями; и полуязыческія массы гордились тѣмъ, что принадлежали къ религіозной общинѣ, почитавшей такихъ высокихъ патроновъ. Торговля реликвіями стала такимъ доходнымъ дѣломъ, что уже въ 386 г. императоръ Θеодосій закономъ воспретилъ выкапываніе мощей для продажи.

Можетъ показаться страннымъ, что въ тѣ времена не было еще и рѣчи о поклоненіи Матери Іисуса, Маріи. Но воспоминаніе о кровавыхъ преслѣдованіяхъ было еще такъ живо, что мученики естественно должны были быть звѣздами первой величины на церковномъ небѣ. Матери Господа недоставало мученическаго вѣнца. Однако уже давно подготовлялось то, что позднѣе привело къ поклоненію Маріи. Въ то время, какъ еще Тертулліанъ (умеръ въ 220 г.) подобно первымъ христіанамъ предполагалъ, что Іисусъ имѣлъ родныхъ братьевъ, Епифаній (умеръ въ 403 г.) борется уже съ представителями этого мнѣнія, какъ съ искушенными древней змѣей еретиками. Даже рожденье Христа не нарушило дѣвственности Маріи. Въ то время какъ Златоустъ (умеръ въ 407 г.) еще находитъ въ ней нѣкоторые пороки, Августинъ (умеръ въ 430 г.) придерживается уже того мнѣнія, что у нея, и у нея одной, не можетъ быть и рѣчи о грѣхѣ. Поэтому она имѣетъ свою долю участія въ дѣлѣ искупленія и за это возвеличена наравнѣ со своимъ Сыномъ Христомъ. Правда, священное писаніе ничего не говоритъ объ этомъ, но этому горю можно было помочь: была составлена книга „Объ успеніи Маріи“ и приписана апостолу Іоанну: и душа и тѣло ея были взяты на небо, и Христосъ самъ торжественно даровалъ ей высокое право быть призываемой на помощь. Поставленная такимъ образомъ какъ Матерь Божія на ряду съ Сыномъ Божіимъ, она должна была подобно Ему имѣть свои праздники. Каждое изъ послѣдующихъ столѣтій устанавливало новый праздникъ. Праздновали день, въ который она получила вѣсть отъ ангела, день, когда она со своимъ младенцемъ пошла въ храмъ для „очищенія“, ея вознесеніе, ея рожденіе.

И ангелы надѣлены были небесными силами для охраны человѣка. Ихъ молятъ о помощи; а архангелу Михаилу посвящаютъ даже особый день для праздника.

Одряхлѣвшему уже классическому образованію также стараются найти христіанскую замѣну. Внѣшнее спокойствіе даетъ возможность заниматься поэзіей, и образованные христіане чувствуютъ потребность въ поэтической литературѣ. Аполлоній Лаодикейскій (умеръ въ 390 г.) въ эпосѣ изъ двадцати четырехъ пѣсенъ воспѣваетъ священную исторію, начиная съ царя Саула, и въ своихъ библейскихъ сюжетахъ подражаетъ ртагедіямъ Еврипида, комедіямъ Менандра и лирикѣ Пиндара. Ефремъ

Сиринъ (умеръ въ 378 г.) пишетъ почти всѣ свои сочиненія въ поэтической формѣ, своеобразными семистопными стихами.

Тѣснимая такъ долго, церковь можетъ теперь свободно показаться всему свѣту и чувствуетъ желаніе импонировать ему. Съ другой стороны желательно было бы жадному до зрѣлищъ народу дать какое-нибудь возмѣщеніе торжественныхъ шествій, которыми онъ наслаждался на праздникахъ Діонисія, Аѳины и другихъ своихъ любимцевъ. Поэтому-то церковь начинаетъ проявлять свое великолѣпіе въ процессіяхъ. Радостныя событія, равно какъ и общественныя несчастья, одинаково даютъ къ тому поводъ. Радость и скорбь народная подчиняются благословляющей рукѣ церкви.

Теперь и предназначенныя для богослуженій зданія уже извнѣ даютъ понятіе о величіи церкви, а вступающему въ нихъ внушаютъ чувство преклоненія передъ ея, простирающимся надъ міромъ, могуществомъ. Характерно, что уже Константинъ ревностно содѣйствовалъ расширенію и украшенію существовавшихъ церковныхъ зданій и сооруженію новыхъ, ибо дотолѣ они „изъ страха преслѣдованія не могли быть сооружаемы подобнымъ образомъ“: за возвышеніемъ церкви должно было слѣдовать и возвышеніе церквей. Этой цѣли должно было служить и искусство. Правда, первоначально стремленье вліять на массы при помощи искусства должно было еще бороться съ отвращеніемъ къ образному изображенію божественнаго, которое ставили въ укоръ язычеству. Но не служили ли эти изображенія нѣмой проповѣдью для неразумнаго народа? Къ этому новшеству постепенно привыкли затѣмъ и тѣ, которые придерживались еще старыхъ воззрѣній. Около 440 г. впервые отваживаются внести въ церковь изображенія Христа, притомъ не только символическія, какъ прежде. И характерно то, что его теперь уже не изображаютъ, какъ прежде, въ катакомбахъ, безбородымъ юношей, но небеснымъ царемъ, полнымъ величія, съ сіяніемъ вокругъ головы (см. приложенную таблицу „Христосъ на тронѣ“), какъ изображали языческихъ императоровъ. Какъ могъ полуязыческій народъ не оказывать этимъ изображеніямъ тѣхъ самыхъ почестей, которыя оказывалъ доселѣ статуямъ своихъ боговъ? Передъ ними бросались на колѣни, ихъ цѣловали, курили передъ ними ѳиміамъ, зажигали свѣчи. Почему бы эти изображенія не могли также творить и чудесъ? Должна ли была церковь воспретить такое доказательство благоговѣнія передъ святыней? Не слѣдовало ли наоборотъ радоваться ему въ тѣ времена, когда уже одна возможность удерживать всѣхъ такъ называемыхъ христіанъ въ связи съ церковью должна была считаться большимъ успѣхомъ?

Благодаря тому, что церкви удалось такимъ образомъ привязать къ себѣ своихъ новыхъ членовъ и сдѣлать ихъ жизнь пріятной, интересной и удобной, только двѣ причины удерживали еще нѣкоторыхъ въ устарѣвшемъ язычествѣ и замедляли его окончательное паденіе. Древне-римскій духъ былъ слишкомъ тѣсно связанъ съ древними богами. Прежде всего въ самомъ Римѣ друзья отечества полагали, что величію имперіи долженъ наступить конецъ, какъ только погибнетъ религія, подъ защитой которой завоеванъ былъ міръ. Насколько быстрѣе исчезли остатки язычества въ новой резиденціи, не знавшей священныхъ традицій и возникшей на глазахъ христіанскаго императора! Вторымъ препятствіемъ къ полной побѣдѣ христіанства служило опасеніе, чтобы классическое образованіе не погибло вмѣстѣ со старой вѣрой въ боговъ. Поэтому-то города, какъ Аѳины, Милетъ, Ефесъ, Никомедія, Антіохія, болѣе другихъ славившіеся своимъ образованіемъ, такъ крѣпко держались стараго порядка. Отвращеніе этихъ круговъ къ христіанству могло лишь возрасти, послѣ того какъ сыновья Константина стали прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ противъ язычества, побуждаемые къ тому христіанами, слишкомъ

Христосъ на тронѣ.

Изображенная на хромолитографіи мозаика находится въ храмѣ святой Софіи въ Константинополѣ, въ западномъ притворѣ. Стѣны его выложены цвѣтнымъ мраморомъ, а своды украшены мозаикой. Изъ притвора въ самый храмъ ведетъ девять дверей, надъ средней изъ которыхъ и помѣщено мозаичное изображеніе Христа на престолѣ. Христосъ встрѣчаетъ входящихъ въ храмъ поднятой для благословенія рукою и евангельскими словами; † *Εἰρηνη ὑμιν, εγω ειμι το φως του κοσμου.* (Миръ вамъ. Я свѣтъ міра). По сторонамъ въ медальонахъ изображенія Богородицы, молящей за людей, и архангела Михаила; передъ Христомъ преклоняется императоръ (можетъ быть, Юстиніанъ), въ положеніи, предписывавшемся подданнымъ по византійскому придворному церемоніалу. Нижняя одежда императора — шелкъ съ золотыми полосами, верхняя — изъ бѣлой шерсти. Ноги обуты въ красные башмаки, вышитые жемчугомъ, на головѣ жемчужная діадема.

Происхожденіе мозаикъ храма Софіи относятъ приблизительно къ 560 году.

(По W. Salzenberg, Alt-christliche Baudenkmale von Konstantinopel, vom V.—XII. Jahrhundert; Berlin. 1854.)

Христосъ на тронѣ. Мозаика въ Софійскомъ соборъ въ Константинополѣ.

скоро забывшими, какъ настоятельно ихъ отцы, а отчасти и они сами требовали религіозной свободы. Какъ оскорбляли воодушевленныхъ поборниковъ классицизма, какъ возбуждали ихъ въ то же время къ упорному сопротивленію это разрушеніе храмовъ, уничтоженіе произведеній искусства и памятниковъ славнаго прошлаго, имѣвшее цѣлью — доставить господство необразованной религіи! И не былъ ли еще, спрашивается, возможенъ возвратъ къ доброму старому времени?

Такой надежды преисполненъ былъ Юліанъ (361—363). Онъ пытался остановить и низвергнуть побѣдную колесницу христіанства. Онъ познакомился съ христіанствомъ въ печальномъ его видѣ: при императорскомъ дворѣ царило лицемѣріе, и лица, несомнѣнно не имѣвшія въ себѣ и слѣдовъ христіанской вѣры, наперерывъ старались превзойти другъ друга, чтобы доказать свое пламенное рвеніе къ церкви. Онъ былъ убѣжденъ, что число христіанъ станетъ безконечно малымъ, какъ скоро имъ перестанетъ сіять солнце императорской милости и могущество императора не будетъ предоставлено къ услугамъ церкви. Довѣряя такимъ образомъ слишкомъ мало христіанству, онъ наоборотъ ожидалъ слишкомъ многаго отъ язычества. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что оно вновь возсіяетъ въ прежнемъ блескѣ, какъ только получитъ полную свободу. Дѣйствительно, ему удалось вновь обратить въ язычество очень многихъ. Улыбки прежнихъ императоровъ было достаточно, чтобы обратить массы въ христіанство; чтобы вновь сдѣлать ихъ язычниками, не нужно было даже улыбки со стороны Юліана: достаточно было уже того, что они знали, что ему это угодно, и они перестали быть христіанами. Но они не стали и язычниками. Императоръ приходилъ въ отчаяніе отъ ихъ равнодушія къ служенію богамъ, отъ ихъ отвращенія къ посѣщенію храмовъ и недостатка нравственной строгости, и задумалъ реформировать язычество. Однако средства къ тому онъ нашелъ лишь въ христіанствѣ. Онъ организовалъ религіозныя собранія язычниковъ по образцу христіанскихъ богослуженій и старался очистить жреческое сословіе отъ недостойныхъ членовъ. Въ подражаніе христіанской дѣятельности на пользу ближняго должны были быть воздвигаемы больницы и дома для призрѣнія бѣдныхъ и оказываема помощь нуждающимся. Онъ работалъ изо всѣхъ силъ, но не нашелъ сотрудниковъ. Духъ классицизма не оживалъ, и Юліану пришлось пойти дальше, чѣмъ онъ хотѣлъ: онъ сталъ допускать притѣсненіе или избіеніе христіанъ язычниками. Выступая въ походъ противъ персовъ, онъ грозилъ даже принять противъ христіанства другія болѣе строгія мѣры въ случаѣ, если бы счастливо вернулся изъ похода. И дѣйствительно, другого средства у него уже не было. Если переданное намъ традиціей восклицаніе, съ которымъ онъ, отступая передъ непріятелемъ, палъ на полѣ битвы, сраженный стрѣлой: „Ты побѣдилъ, Назареянинъ“, гласило и не такъ, то оно во всякомъ случаѣ выражаетъ то впечатлѣніе, которое произвела на его современниковъ его кончина. Послѣдняя попытка возстановить язычество окончилась неудачей. Эта неудача не была случайной: язычество отжило свой вѣкъ, и никакія силы не могли его обновить.

Но точно также невозможно было и исполнить всю римскую имперію христіанскимъ духомъ и при помощи его уничтожить существовавшее еще язычество. Для того, чтобы стѣна, воздвигнутая въ имперіи различіемъ религіи, могла пасть, необходимо было удовлетвориться одною внѣшней принадлежностью къ христіанской церкви, а для достиженія единства не слѣдовало отступать и передъ насильственными мѣрами. Приходилось примириться съ тѣмъ, что старое язычество продолжало существовать подъ мантіей христіанства, а христіанство все больше поддавалось языческому вліянію. Христіанство слишкомъ далеко ушло отъ того духа, которымъ оно было проникнуто въ первое время и согласно которому сущность его заключается въ общеніи личности съ Богомъ. Изъ „общины вѣру-

ющихъ“ церковь превратилась въ воспитательное учрежденіе и приняла въ свою среду такую массу нуждающихся въ воспитаніи, что должна была поневолѣ упустить изъ виду настоящую цѣль воспитанія и удовольствовалась достиженіемъ лишь внѣшняго послушанія. И уже по одному тому, что существованіе язычества затрудняло эту задачу, церковь должна была стремиться къ полному его искорененію. Въ этомъ направленіи дѣйствовалъ особенно энергично Ѳеодосій I, съ 378 г. императоръ восточной половины, съ 392—395 повелитель всей имперіи. Онъ воспретилъ посѣщеніе храмовъ и объявилъ всякаго рода служеніе идоламъ за оскорбленіе Величества. Въ 374 г. въ послѣдній разъ отпразднованы были олимпійскія игры. Сыновья Ѳеодосія продолжали его дѣло. Епископы и монахи посылались въ провинціи для разрушенія старыхъ святилищъ. Въ Александріи отъ рукъ христіанской черни пала прославленная преподавательница философіи, Гипатія. Язычниковъ удаляли съ государственныхъ и офицерскихъ должностей. Послѣднее убѣжище классическаго язычества, школа въ Аѳинахъ, была закрыта въ 529 г. Юстиніаномъ; учителя ея переселились въ Персію. Епископъ Іоаннъ Ефесскій по порученію императора разъѣзжалъ по имперіи (приблизительно съ 545 г.), чтобы разыскивать имѣвшихся еще язычниковъ. Онъ хвалился впослѣдствіи тѣмъ, что обратилъ въ Азіи въ христіанство до 70,000 человѣкъ. Однако, какъ долго еще особенно излюбленные храмы продолжали иногда свое существованіе въ провинціяхъ, несмотря на строжайшія императорскія распоряженія, показываетъ примѣръ храма Изиды въ Филѣ, въ верхнемъ Египтѣ: онъ былъ закрытъ лишь въ половинѣ VI вѣка.

Б. Ереси и расколы.

Убѣжденіе въ томъ, что внѣ единой видимой церкви нѣтъ спасенія, стало всеобщимъ. Этой церкви удалось развиться въ тѣсно сплоченный организмъ, и государство подало ей руку помощи, чтобы провести въ жизнь ея единую волю и сдѣлать невозможнымъ произволъ отдѣльной личности. И какъ это ни удивительно, но въ разультатѣ мы видимъ не только массовое отпаденіе отъ этой церкви, но и раздѣленіе ея самой на двѣ половины, раздѣленіе, котораго не могли уничтожить неоднократно возобновлявшіяся попытки къ соединенію. Такое развитіе было вызвано съ одной стороны стремленьемъ видѣть единство церкви воплощеннымъ въ одной, стоящей выше всего, главѣ, съ другой стороны вмѣшательствомъ государственной власти, призванной на защиту единства церкви, во внутреннія ея дѣла; первая причина была особенно сильна на западѣ, вторая же, которую нельзя не назвать зломъ, преимущественно на востокѣ.

Никейскому собору не удалось вполнѣ погасить пламя аріанской борьбы (см. выше, стр. 190), ибо большинство въ угоду императору скрыло свои настоящія убѣжденія. Вернувшись домой, они раскаялись въ этомъ и попытались убѣдить императора, что Арій отнюдь не былъ такимъ страшнымъ еретикомъ и что на почвѣ постановленій Никейскаго собора никогда не удастся достичь возстановленія единства въ церкви. Среди придворнаго духовенства былъ одинъ послѣдователь Арія; онъ подѣйствовалъ на сестру императора, и ей удалось переубѣдить брата. Противникъ аріанизма, Аѳанасій Александрійскій, подвергся изгнанію. Только внезапная смерть помѣшала Арію быть вновь принятымъ въ церковь. По вступленіи на престолъ Констанція, изгнанный Аѳанасій получилъ дозволеніе вернуться; но аріанамъ вскорѣ удалось вновь добиться его низложенія. Назначеннаго на его мѣсто епископа Александрійскаго императорскій намѣстникъ вооруженной силой ввелъ въ церковь. Недовольные этимъ были наказаны плетьми и тюрьмой. Неужели же, спрашивается,

во всемъ христіанствѣ не было никого, кто бы принялъ участіе въ преслѣдуемомъ представителѣ правовѣрія?

Давно уже римская община пользовалась особымъ уваженіемъ среди христіанъ; уже потому, что весь свѣтъ привыкъ съ благоговѣніемъ смотрѣть на древнюю всемірную столицу, какъ на центръ, откуда исходили всѣ имперскіе законы и постановленія, и какъ на высшую инстанцію въ гражданскихъ вопросахъ. Въ спорныхъ вопросахъ всегда первою мыслью было — какъ думаетъ въ данномъ случаѣ римская община. Запросъ къ этой общинѣ дѣлался всегда, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда не слѣдовали полученному отвѣту; его дѣлали въ надеждѣ имѣть Римъ на своей сторонѣ. Римскій епископъ отваживается принять участіе въ Аѳанасіи: Юлій I во главѣ римскаго собора рѣшительно высказывается за его ученіе. Востокъ созываетъ въ Антіохіи соборъ противъ этого постановленія и кладетъ такимъ образомъ первое начало расколу. Тѣмъ не менѣе существуетъ желаніе уладить какъ-нибудь споръ. Въ Сардикѣ собирается соборъ (343), но собравшіеся не могуть прійти ни къ какому соглашенію, и послѣдователи Арія покидаютъ городъ. Оставшіеся хотятъ выразить римскому епископу Юлію свою благодарность, а также высказать ему и тѣ надежды, которыя они на него возлагаютъ. Они дѣлаютъ поэтому постановленіе, чтобы епископы, лишенные провинціальными соборами своего сана, имѣли право апеллировать къ нему. Это постановленіе относилось лишь къ его личности и явилось лишь результатомъ стремленія найти въ данную тяжелую минуту спасительную гавань. И дѣйствительно міръ вскорѣ забылъ это рѣшеніе: но Римъ, наоборотъ, не только не забылъ его никогда, но и истолковалъ его въ томъ смыслѣ, что римскій престолъ представляетъ высшую инстанцію во всѣхъ церковныхъ вопросахъ. Къ этому присоединилось еще и то счастливое обстоятельство, что въ сборникахъ, возникшихъ на западѣ, рѣшенія Сардикійскаго собора были смѣшаны съ постановленіями Никейскаго. Римъ же воспользовался ими, какъ постановленіями высоко прославленнаго перваго вселенскаго собора.

Ушедшіе изъ Сардики аріане отлучили между тѣмъ римскаго епископа отъ церкви, и Аѳанасію еще неоднократно пришлось удаляться въ изгнаніе. Императоръ Валентъ (364—378) жестоко преслѣдовалъ всѣхъ, кто не хотѣлъ слѣдовать безусловно ученію Арія. Все это могло лишь возвысить значеніе римскаго престола, послѣ того какъ защищаемое имъ наперекоръ всѣмъ императорамъ ученіе одержало наконецъ побѣду на второмъ вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ (381). То обстоятельство, что восточная церковь и епископъ новой столицы не были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, но направлялись произволомъ императора, значительно облегчало римскому епископу достиженіе его цѣли — главенства. Если епископы по какому-либо дѣлу обращались въ Римъ съ запросомъ о томъ, какъ поступали въ подобныхъ случаяхъ раньше, римскій епископъ сообщалъ не требуемыя свѣдѣнія, но постановлялъ рѣшеніе, какъ-будто его призывали въ качествѣ судьи: онъ выпускалъ „декреталію". Созывая у себя по какому-либо вопросу синодъ, онъ сообщалъ правда затѣмъ другимъ церквамъ его постановленія, но въ такой формѣ, какъ-будто и онѣ обязаны были имъ повиноваться. Такія сообщенія встрѣчались, быть-можетъ, съ удивленіемъ или улыбкой, но они все-таки были на лицо и могли служить позднѣйшимъ римскимъ епископамъ доказательствомъ того, что уже давно „апостольскій престолъ" давалъ предписанія другимъ церквамъ.

Съ особеннымъ успѣхомъ слѣдовалъ по этому пути Иннокентій I (402—417). Въ Константинополѣ вновь процвѣталъ византинизмъ. Прославленный народомъ, великій ораторъ и строгій проповѣдникъ Іоаннъ Златоустъ былъ непріятенъ императорскому двору и главнымъ образомъ самой императрицѣ. Онъ подвергся изгнанію (404). Иннокентій осмѣлился выступить за него и потребовалъ его возвращенія. Правда, въ

отвѣтъ на это послѣдовалъ императорскій приказъ, повелѣвавшій отвезти изгнанника еще дальше въ пустыню; правда, Іоаннъ Златоустъ погибъ отъ трудностей этого пути. Но тридцать лѣтъ спустя власть признала причиненную ему несправедливость. Императоръ Ѳеодосій II приказалъ привезти въ Константинополь его мощи. Когда гробъ вынесенъ былъ на берегъ, императоръ упалъ передъ нимъ на колѣни и просилъ прощенія у невиннаго мученика за то зло, которое причинили ему его покойные родители. Его похоронили въ императорскомъ склепѣ. Какой тріумфъ для римскаго епископа: онъ явился защитникомъ невинности въ тотъ моментъ, когда никто не рѣшался вступиться за нее, и Богъ оправдалъ его передъ лицомъ всего свѣта.

Новый споръ возгорѣлся по вопросу о томъ, способенъ ли человѣкъ собственными силами снискать себѣ вѣчное блаженство. Пелагій выступилъ съ утвержденьемъ, что человѣкъ, пользуясь своей свободой, можетъ избрать добро и добиться блаженства; благодать Божія только облегчаетъ ему достиженіе этого высокаго назначенія. Противъ него выступилъ величайшій и вліятельнѣйшій изъ всѣхъ отцовъ церкви, Аврелій Августинъ, епископъ Гиппона Царскаго въ Нумидіи (умеръ въ 430 г). По ученію Августина истинная свобода заключается въ томъ, чтобы имѣть возможность быть тѣмъ, къ чему каждый человѣкъ предназначенъ. Но грѣховный человѣкъ не обладаетъ болѣе этой свободой; только благодать Божія можетъ искупить и спасти его. Пелагій обратился на востокъ. Здѣсь господствовало воззрѣніе, что при обращеніи человѣка имѣютъ значеніе какъ благодать Божія, такъ и свобода человѣка. Поэтому два палестинскихъ собора примкнули къ Пелагію. Но Иннокентій римскій высказался противъ него. Съ торжествомъ Августинъ отвѣчалъ своему противнику: „Roma locuta, causa finita“ (Римъ высказался, споръ оконченъ). Возможно, что онъ желалъ сказать этимъ лишь то, что разъ „апостольскій престолъ“ объявилъ ученіе Пелагія новшествомъ, то оно не можетъ быть древне-церковнаго происхожденія; но, какъ бы то ни было, Римъ могъ отнынѣ пользоваться этимъ изреченіемъ, какъ свидѣтельствомъ величайшаго изъ учителей церкви въ пользу того, что Риму принадлежитъ послѣднее слово во всѣхъ спорныхъ церковныхъ вопросахъ. Съ другой стороны именно та церковь, которая подала этотъ удобный поводъ къ достиженію Римомъ главенства, не могла отказаться отъ своихъ притязаній на самостоятельность; стремленіе это и проявилось вновь именно въ описываемой нами борьбѣ. Преемникъ Иннокентія, Зосимъ, пришелъ къ убѣжденію, что Пелагій не былъ еретикомъ, и высказалъ порицаніе африканскимъ епископамъ за преслѣдованіе человѣка такой совершенной вѣры. Африканскіе же епископы съ Августиномъ во главѣ открыто высказали на Карѳагенскомъ соборѣ (418) свое несогласіе съ такимъ постановленіемъ римскаго епископа и добились того, что и Зосимъ отказался отъ Пелагія. Но побѣдители не долго торжествовали побѣду. Въ 428 г. вандалы переселились въ Африку и не только опустошили прекрасную страну, но и уничтожили совершенно и могущество церкви. Римъ избавился такимъ образомъ отъ своего могущественнаго соперника на западѣ.

На востокѣ пытались въ это время вылить въ твердыя формы ученіе о природѣ Христа, о соединеніи въ Немъ божественнаго и человѣческаго естествъ. Двѣ теологическія школы пытались разрѣшить этотъ вопросъ. Александрійцы старались прежде всего установить, что искупленіе есть дѣло Божіе, и потому выставляли главнымъ образомъ божественную природу въ Христѣ; они называли Мать Іисуса „Богородицей“ (theotokos). Противники ихъ, антіохійцы, упрекали ихъ въ отрицаніи истинной человѣчности Искупителя. Основная идея, которою руководились антіохійцы, была нравственнаго характера. Искупитель, говорятъ они, является для насъ образцомъ моральнаго соединенія съ Богомъ. Но онъ можетъ

быть таковымъ только въ томъ случаѣ, если для него возможно было свободное нравственное развитіе его человѣческой природы. Поэтому-то антіохійцы придавали исключительное значеніе его человѣчности. Соединеніе божественнаго и человѣческаго естествъ въ немъ только моральное; подобно тому, какъ въ другихъ богобоязненныхъ людяхъ живетъ Богъ. Противники же упрекали ихъ въ томъ, что они не понимаютъ существеннаго различія между Искупителемъ и искупленными. Изъ этой антіохійской школы вышелъ патріархъ Несторій Константинопольскій, который въ проповѣдяхъ своихъ полемизировалъ противъ наименованія „Богородицы". Противъ него выступилъ Кириллъ Александрійскій. Чтобы заручиться могущественнымъ союзникомъ, онъ обратился къ римскому епископу съ заявленіемъ, что „по старому церковному обычаю въ спорныхъ вопросахъ слѣдуетъ обращаться къ Риму". Целестинъ I встрѣтилъ, конечно, такое заявленіе съ большимъ удовольствіемъ и потребовалъ низложенія Несторія. Императоръ Ѳеодосій II созвалъ по этому поводу третій вселенскій соборъ въ Ефесѣ (431). Кириллъ и его приверженцы объявили Несторія лишеннымъ сана, и римскіе послы подтвердили это рѣшеніе. Противники отвѣтили низложеніемъ Кирилла и его друзей. Обѣ партіи обратились къ императору. Въ концѣ концовъ большинство примирилось на формулѣ, сглаживавшей крайнія противорѣчія обоихъ ученій (432). Несторій однако предоставленъ былъ мстительности своихъ враговъ и умеръ въ нищетѣ. Послѣдствіемъ этого спора явилось отпаденіе несторіанъ отъ государственной церкви (см. ниже, стр. 205).

Въ 440 г. на римскій престолъ вступилъ Левъ I, двадцатиоднолѣтнее правленіе котораго было посвящено одной цѣли — постепенному пріученію всего міра къ тому, что намѣстникъ Петра представляетъ главу всего христіанства. Тотъ, кто осмѣливается отступить отъ камня Петра, теряетъ связь съ Христомъ и не имѣетъ мѣста въ Царствіи Божіемъ. Представителемъ александрійскаго ученія въ самой крайней его формѣ явился старый архимандритъ (игуменъ) Евтихій въ Константинополѣ: Христосъ, сдѣлавшись человѣкомъ, имѣлъ лишь одну природу, его человѣческое естество какъ бы поглощалось божественнымъ. Соборъ, созванный въ Константинополѣ патріархомъ Флавіаномъ, низложилъ Евтихія, который апеллировалъ къ Риму. То же самое сдѣлалъ и Флавіанъ. Левъ I потребовалъ точнаго отчета, чтобы имѣть возможность постановить рѣшеніе во всеоружіи апостольскаго полномочія. Въ своемъ знаменитомъ „письмѣ къ Флавіану" онъ высказался противъ Евтихія и съ тѣмъ вмѣстѣ противъ монофизитизма. Однако востокъ не желалъ подчиниться Риму. Императоръ созвалъ соборъ въ Ефесѣ (449) и передалъ предсѣдательство на немъ преемнику Кирилла, страстному и безпощадному Діоскуру Александрійскому, покровителю Евтихія. Его рѣзкость привела къ тому, что римскіе послы даже не добились права слова, ученіе Евтихія было подтверждено, и всѣ его противники, въ томъ числѣ и Левъ I, объявлены низложенными. Императоръ одобрилъ эти постановленія. Партія, побѣжденная на этомъ „Разбойничьемъ соборѣ", тѣмъ тѣснѣе сплотилась вокругъ римскаго епископа, все упорнѣе указывая на то, что ему принадлежитъ право постановлять окончательное рѣшеніе. Горячая борьба закончилась тѣмъ, что на Халкедонскомъ соборѣ (451), отвергнувшемъ какъ Евтихія, такъ и Несторія, письмо Льва къ Флавіану было положено въ основу рѣшенія. На то, какое настроеніе вызвала эта побѣда римскаго престола, указываетъ легенда, будто Левъ положилъ свое письмо на могилу святаго Петра и молилъ его исправить то, что было въ немъ несправедливаго, и на другой день въ письмѣ дѣйствительно были найдены измѣненія, сдѣланныя рукою апостола.

Однако приверженцы проклятаго александрійскаго ученія, восточные монофизиты, не отказались отъ борьбы. Императоры, руководимые полити-

ческими соображеніями, попрежнему навязывали церкви свои воззрѣнія и насильственными мѣрами пытались заставить уважать ихъ. Левъ I Θракіецъ изгналъ вождей монофизитовъ, Василискъ напротивъ того возвысилъ монофизитизмъ на степень единой государственной религіи и предалъ проклятію письмо Льва. Позднѣе Зенонъ воспретилъ вообще касаться вопросовъ вѣроученія, такъ горячо обсуждавшихся въ теченіе послѣдняго вѣка, и такимъ образомъ отмѣнилъ и постановленія послѣдняго Халкедонскаго собора. Это побудило римскаго епископа прекратить церковное общеніе съ востокомъ. Въ теченіе тридцати пяти лѣтъ (484 — 519) послѣ этого въ государственной церкви царилъ расколъ, и только императору Юстиніану I (527 — 565) удалось наконецъ на пятомъ вселенскомъ соборѣ въ Костантинополѣ (553) вновь подтвердить халкедонскія постановленія.

Вслѣдствіе этого строгіе монофизиты отдѣлились отъ церкви и основали самостоятельныя общины въ Египтѣ, Сиріи, Персіи, Арменіи и Абиссиніи, которыя отвергаютъ постановленія Халкедонскаго собора и признаютъ Ефесскій „Разбойничій соборъ". Въ Египтѣ эта церковно-національная партія съ начала XVI вѣка получила наименованіе „копты". Ихъ враждебное отношеніе къ „императорскому догмату" было такъ сильно и навлекало на нихъ столько преслѣдованій, что вторгнувшіеся въ страну арабы были встрѣчены ими, какъ освободители (см. въ т. III главу „Арабскія завоеванія и халифатъ"). Но и со стороны арабовъ имъ пришлось испытать такія притѣсненія, что они все въ большемъ и большемъ числѣ стали переходить въ исламъ. Въ 1873 г. число ихъ доходило самое большее до 250,000 душъ. Но, какъ свидѣтельствуетъ масса заброшенныхъ монастырей и церквей въ различныхъ частяхъ страны, они еще нѣсколько столѣтій тому назадъ были очень многочисленны. Ихъ патріархъ, имѣвшій еще во время вторженія арабовъ въ своемъ вѣдѣніи 95 епископовъ, теперь имѣетъ лишь 12. Въ Сиріи (а вѣроятно и въ Египтѣ) монофизиты назывались якобитами по имени человѣка, бывшаго духовнымъ главой всей этой партіи во время отдѣленія ея отъ государственной церкви. Іаковъ Барадай, сдѣлавшись въ 541 г. монофизитскимъ епископомъ въ Эдессѣ, въ теченіе 37 лѣтъ прошелъ всю Переднюю Азію, одѣтый нищимъ, не щадя трудовъ, собирая и ободряя разсѣянныхъ повсюду единомышленниковъ, устраивая общины и назначивъ многихъ епископовъ и до „100 000 пресвитеровъ и діаконовъ". Въ Малой Азіи побѣда осталась правда на сторонѣ государственной церкви, но въ антіохійскомъ патріархатѣ все населеніе было одно время якобитскимъ. Впослѣдствіи же полумѣсяцъ настолько уменьшилъ ихъ число, что остались лишь очень небольшія группы. Большинство ихъ живетъ теперь въ округѣ Торъ на верхнемъ Тигрѣ, въ собственной же Сиріи имѣется лишь пара небольшихъ общинъ въ Дамаскѣ и нѣсколько деревень. Общее число ихъ во всякомъ случаѣ не превосходитъ 100,000 (О Персіи, Арменіи и Абиссиніи см. ниже стр. 204, 210 и 211.)

Надежда на возможное еще примиреніе монофизитовъ съ церковью не давала улечься разъ поднятому спору и въ средѣ самой государственной церкви. Не слѣдовало ли сдѣлать уступку противникамъ, признавъ, что Искупитель имѣлъ лишь одну волю, хотя и двѣ природы? Такимъ образомъ монофизитическій споръ превратился въ монофелитическій. Зрѣлище, однако, не измѣнилось: восточная церковь осталась въ прежней глубочайшей зависимости отъ государства, государственная же жизнь попрежнему снѣдаема была церковной борьбой. И споръ окончился такъ же, какъ и раньше: на шестомъ вселенскомъ соборѣ въ Константинополѣ (680) посланіе папы Агаθона было положено въ основаніе рѣшенія, и постановленіе послано ему на утвержденіе: Христосъ, рѣшилъ, соборъ, все-таки имѣлъ двѣ воли. Торжественно и рѣшительно, какъ достойный проклятья еретикъ, былъ проклятъ прежній папа Гонорій, поддержавшій противную этому постановленію императорскую формулу. Агаθонъ утвер-

дилъ и это проклятіе своего предшественника, „пытавшагося низкой измѣной низвергнуть незапятнанную вѣру“. Въ тѣ времена, когда не было еще и рѣчи о непогрѣшимости, такой поступокъ папы долженъ былъ утвердить за „апостольскимъ престоломъ“ славу безкорыстнаго спасителя правовѣрія.

Вслѣдъ за догматическими спорами началось иконоборство. Въ началѣ VIII вѣка иконопочитаніе на востокѣ достигло такихъ размѣровъ, что должно было внушить опасенія болѣе благоразумнымъ приверженцамъ церкви. Иконы приглашались въ кумовья, съ иконъ соскабливали краску, чтобы ею освятить вино для причастія. Энергичный императоръ Левъ III Исавріанинъ (717—741) отважился издать приказъ, повелѣвавшій вѣшать иконы выше, чтобы народъ не могъ ихъ больше цѣловать. Вызванную этимъ бурю онъ пытался усмирить насильственными мѣрами и приказалъ, наконецъ, совершенно удалить иконы изъ церквей. Сынъ и наслѣдникъ его Константинъ V продолжалъ систематическое преслѣдованіе иконолюбцевъ: ихъ сажали въ тюрьмы, подвергали наказанію плетьми, имъ отрѣзали уши и носы. Папы протестовали и неоднократно грозными посланіями предавали анаѳемѣ всѣхъ иконоборцевъ. Какимъ тріумфомъ былъ поэтому уже для Рима седьмой вселенскій соборъ въ Никеѣ (787), на которомъ императрица Ирина вновь возвела иконопочитаніе на степень имперскаго закона! Правда, еще въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій иконы въ силу императорскихъ приказовъ то уничтожались, то вновь вводились, но въ концѣ концовъ римская точка зрѣнія одержала окончательную побѣду: императрица Ѳеодора приказала (842) возстановить постановленія седьмого собора и въ ознаменованіе этого отпраздновать праздникъ правовѣрія.

Если бы оказалось возможнымъ отнять у Рима окружавшую его имя славу незапятнаннаго правовѣрія, то можно было бы попытаться отвергнуть и его притязанія на первое мѣсто въ церкви; и дѣйствительно, попытки, дѣлавшіяся въ этомъ направленіи, увѣнчались успѣхомъ. Римъ предписывалъ поститься по субботамъ; онъ дозволялъ ѣсть молоко, масло и сыръ въ первую недѣлю поста; онъ запрещалъ браки священниковъ; онъ даже не побоялся „грѣха противъ Святаго Духа“, введя въ никейско-константинопольскій символъ вѣры слово filioque, ибо по его мнѣнію Духъ Божій исходилъ не только отъ Отца, но „и отъ Сына“. Когда папа Николай I высказался за низложеннаго патріарха константинопольскаго и слѣдовательно противъ его преемника Фотія, послѣдній обвинилъ римскую церковь за вышеназванныя новшества въ ереси и созвалъ соборъ (867), который постановилъ изгнаніе и низложеніе папы. Николай отвѣтилъ отлученіемъ отъ церкви Фотія и всѣхъ его приверженцевъ. Въ 1053 г. патріархъ константинопольскій, Михаилъ Керуларій, возобновилъ нападки на Римъ, обвиняя его въ новой ереси, въ томъ, что онъ по іудейскому обычаю употреблялъ для причастія неквашенный хлѣбъ. Когда переговоры о мирѣ ни къ чему не привели, папскіе легаты возложили на алтарь Софійской церкви экскомуникаціонную грамоту, а Михаилъ и прочіе восточные патріархи предали анаѳемѣ римскую церковь (1054). Съ этихъ поръ раздѣленіе церквей было совершившимся фактомъ.

Развитіе же восточной церкви было къ этому времени уже давно закончено. Эта церковь не знала ни среднихъ вѣковъ съ ихъ борьбой за новыя формы, ни коренныхъ измѣненій, принесенныхъ западу реформаціей. Она стремится лишь сохранить старое и не желаетъ дальнѣйшаго развитія. Въ ней, конечно, не угасла научная жизнь: еще въ теченіе многихъ вѣковъ образованіе востока стоитъ выше образованія запада. Но вся творческая жизнь исчезла. Правовѣріе, подчиненіе старымъ догмамъ церкви составляютъ для нея краеугольный камень христіанства. Такая

религія не можетъ удовлетворить болѣе глубокія натуры, не можетъ удовлетворить и народъ, ибо ему непонятны ея положенія въ ихъ догматическомъ изложеніи. Этотъ пробѣлъ болѣе образованные восполняютъ философской мистикой, народъ же мистическимъ богослуженіемъ. Руководящую роль въ исторіи церкви востокъ долженъ былъ уступить западу. Онъ утратилъ также и руководство надъ христіанами къ востоку и югу, за предѣлами имперской границы.

3. Христіанство внѣ предѣловъ имперіи на востокѣ и югѣ.

А. Христіанство въ Персіи.

Намъ неизвѣстно, когда впервые христіанская проповѣдь нашла себѣ послѣдователей въ Персіи (см. томъ III, главу о западной Азіи до халифата); мы можемъ лишь указать, къ какому времени относятся дошедшія до насъ первыя свѣдѣнія о его существованіи здѣсь. Когда въ 227 г. на мѣстѣ парѳянскаго царства возникло ново-персидское царство Сассанидовъ, оказалось, что въ этой странѣ существовали уже христіанскія общины. Средоточіемъ ихъ служила Селевкія-Ктезифонъ на берегахъ Тигра. Хотя новый царствующій домъ возстановилъ огнепоклонство и одинаково преслѣдовалъ какъ проникшіе сюда греческіе культы, такъ и манихеизмъ, онъ тѣмъ не менѣе терпѣлъ христіанство по той причинѣ, что оно находилось въ опалѣ въ ненавистной Сассанидамъ римской имперіи. Но когда римская государственная власть стала покровительствовать христіанамъ, когда Константинъ (въ 333 г.), заключивъ миръ съ молодымъ персидскимъ царемъ Шапуромъ II, поручилъ христіанъ его защитѣ, въ Персіи возникло къ нимъ недовѣріе. Строгое разслѣдованіе показало, что христіане надѣялись съ помощью Рима добиться улучшенія своего положенія, и угасавшее уже въ римской имперіи пламя преслѣдованія ярко вспыхнуло теперь въ Персіи. Чтобы обратить христіанъ въ парсизмъ, на нихъ наложена была высокая подушная подать, и собираніе ея возложено на митрополита. За отказъ исполнить порученіе онъ былъ казненъ, а вмѣстѣ съ нимъ еще сто священниковъ; церкви были разрушены. Въ 344 г. смертная казнь распространена была на всѣхъ христіанъ. Можно считать преувеличеннымъ разсказъ о 16,000 казненныхъ христіанахъ, но во всякомъ случаѣ церковь въ Персіи должна была быть очень многочисленна и жизнеспособна, если она могла пережить такую бурю! Смерть Шапура (381) дала ей сорокъ лѣтъ спокойствія, но послѣдовавшее затѣмъ разрушеніе одного храма солнца возбужденными христіанами послужило поводомъ къ новымъ строгимъ мѣрамъ. Когда послѣ этого часть христіанъ удалилась въ римскія владѣнія и Ѳеодосій II отказался ихъ выдать, борьба съ римской имперіей возгорѣлась вновь. Персидскіе христіане поняли теперь, что они только тогда могутъ добиться покоя, когда разрушено будетъ и малѣйшее подозрѣніе въ симпатіи ихъ къ чужеземному государству. Поэтому, когда однажды семь тысячъ соотечественниковъ ихъ попало въ плѣнъ къ римлянамъ, одинъ изъ персидскихъ епископовъ употребилъ всю церковную утварь на то, чтобы выкупить плѣнныхъ. Этотъ патріотическій поступокъ принесъ желанные плоды.

Догматическій споръ въ государственной церкви упрочилъ ихъ новое положеніе. Хотя горячая борьба, возбужденная Несторіемъ, улеглась благодаря принятой обѣими сторонами формулѣ (см. выше, стр. 201), но нѣкоторые изъ его послѣдователей не хотѣли отречься отъ своихъ воззрѣній. Нѣкоторые изъ учителей эдесской школы, ярые приверженцы несторіанскаго ученія, подверглись изгнанію и переселились въ Персію. Здѣсь ученіе ихъ не встрѣтило никакихъ препятствій, ибо персидская церковь,

благодаря своему уединенному положенію, осталась почти не затронутой догматической борьбой, которая въ средѣ государственной церкви такъ обострила слухъ для пониманія всѣхъ тонкостей ученія; только съ сирійской церковью, въ которой и родилось ученіе Несторія, она поддерживала нѣкоторую связь. Съ тѣхъ поръ какъ Халкедонскій соборъ (451) вновь осудилъ это ученіе, послѣдователи его стали подвергаться все большимъ притѣсненіямъ и гоненіямъ въ римской имперіи; все большія толпы ихъ переходили черезъ границу и находили въ Персіи радушный пріемъ. Мало-по-малу персидская церковь окончательно стала несторіанской. Соборъ въ Бетъ-Лагатъ (483 и 484) завершилъ ея отпаденіе отъ государственной церкви. Эдесская школа за свое направленіе была закрыта по приказу императора Зенона (489): изгнанные ученые вновь открыли ее въ Низибіи и Гундацапурѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій эти школы служили разсадниками теологическихъ и свѣтскихъ наукъ. Положеніе христіанъ въ Персіи еще улучшилось въ царствованіе Хозроя Анушарвана (531—579). Еще до вступленія его на престолъ христіане оказали ему поддержку въ борьбѣ его съ коммунистической сектой маздакитовъ (см. т. III). Достигнувъ власти, онъ вознаградилъ ихъ за это: они получили дозволеніе разсылать миссіонеровъ по всей его обширной имперіи и повсюду основывать новыя общины.

Въ 651 г. господству Сассанидовъ положенъ былъ конецъ: имперія перешла въ руки арабскихъ халифовъ (см. также томъ III). Эти послѣдніе преслѣдовали только огнепоклонство, къ христіанамъ же относились съ терпимостью. Аккуратно платя свою подушную подать, христіане могли совершенно свободно управлять своими внутренними общинными дѣлами, безпрепятственно справлять свои богослуженія и даже строить новые монастыри и церкви (по крайней мѣрѣ внѣ городовъ). Благодаря своему образованію они при дворѣ пользовались высокимъ почетомъ. До насъ дошли свѣдѣнія о христіанахъ—придворныхъ поэтахъ, писателяхъ и врачахъ. Они нерѣдко получали отвѣтственныя мѣста и по вѣдомству государственныхъ финансовъ. Они же главнымъ образомъ передали арабамъ классическое образованіе въ то время, когда оно уже было почти забыто на западѣ. Халифы посылали несторіанъ въ Константинополь съ цѣлью разыскивать и собирать тамъ старыя рукописи. Халифъ Мансуръ, основавъ (762) въ Багдадѣ новую школу для христіанъ, приказалъ перевести на арабскій языкъ многія старо-греческія, византійскія и сирійскія сочиненія. Эти тѣсныя сношенія между мусульманами и христіанами должны были имѣть своимъ послѣдствіемъ воздѣйствіе христіанскихъ идей на завоевателей: и дѣйствительно, секты, возникшія среди послѣдователей ислама, обязаны христіанству во всякомъ случаѣ нѣкоторыми изъ своихъ воззрѣній. Это воздѣйствіе не прекратилось и послѣ того, какъ съ усиленіемъ магометанскаго владычества лежавшій все-таки до извѣстной степени на христіанахъ гнетъ сталъ постепенно усиливаться. Христіанамъ приходилось страдать то отъ постановленій халифовъ, то отъ фанатической и ревнивой черни. Вслѣдствіе этого число принимавшихъ исламъ съ теченіемъ времени сильно увеличилось.

Б. **Христіанство въ Средней Азіи.**

На живую жизнь, царившую въ теченіе этихъ столѣтій и еще долго спустя въ персидской церкви, указываетъ главнымъ образомъ ея удивительное стремленье къ расширенію. Въ трехъ направленіяхъ, на сѣверовостокъ, на востокъ и на югъ, сумѣла она распространить христіанскую вѣру. Уже въ 334 г. упоминается о первомъ епископѣ Мерва въ области туркменовъ; а 86 лѣтъ спустя церковь этой области уже настолько разрослась, что городъ былъ сдѣланъ резиденціей митрополита. И здѣсь господ-

ствовало рвеніе къ наукамъ. Епископъ Ѳеодоръ (около 540 года) написалъ цѣлый рядъ сочиненій, а жившій позднѣе его Илія на ряду съ другими сочиненіями написалъ и комментаріи къ библейскимъ книгамъ и всемірную исторію, высоко цѣнившуюся въ свое время. Возможно, что именно отсюда происходили тѣ турецкіе плѣнные, которые, будучи посланы въ 581 году Нарзесомъ къ императору Маврикію, на вопросъ о происхожденіи татуированнаго на ихъ лбахъ креста отвѣтили, что во время чумы соплеменники ихъ, перешедшіе въ христіанство, совѣтовали этимъ святымъ знаменіемъ защищать дѣтей отъ заболѣванія. Возможно, что уже въ началѣ VI вѣка Самаркандъ, лежавшій между впадающими въ Аральское озеро рѣками Сыръ- и Аму-Дарьей былъ сдѣланъ резиденціей митрополита.

Еще далѣе на сѣверъ, за предѣлы Сыръ-Дарьи, проникло христіанство. Тамъ, къ западу отъ озера Балхашъ, Сельджукъ, прежде чѣмъ онъ перешелъ въ магометанство, около 930 г. состоялъ на службѣ у одного изъ турецкихъ князей киргизской степи; одинъ изъ его сыновей носилъ христіанское имя Михаилъ. Нѣсколько южнѣе озера Балхашъ, недалеко отъ рѣки Чу, въ мѣстностяхъ Большой Томакъ и Пишпекъ, открыты кладбища несторіанскихъ христіанъ; число найденныхъ здѣсь могильныхъ камней превышаетъ 3000. Большинство изъ нихъ кромѣ креста имѣетъ и надписи, которыя на нѣсколькихъ сотняхъ камней удалось разобрать: всѣ онѣ написаны сирійско-несторіанскими письменами. Отдѣльныя турецкія слова и надписи, а также и многія турецкія собственныя имена указываютъ на то, что покоящіеся здѣсь христіане были главнымъ образомъ турецкаго происхожденія. Многія изъ похороненныхъ тутъ же высшихъ духовныхъ лицъ также носятъ чисто турецкія имена. Нѣкогда процвѣтавшая здѣсь церковь не была уже слѣдовательно въ то время только миссіей, но стояла уже на собственныхъ ногахъ. Если старѣйшая изъ разобранныхъ доселѣ надписей и относится къ 1249 г. то это отнюдь еще не доказываетъ, что христіанская община возникла именно въ это время, ибо мы встрѣчаемъ указанія на сильно развитую уже общинную жизнь. Въ теченіе послѣдующихъ 22 лѣтъ мы уже встрѣчаемъ здѣсь двухъ хорепископовъ, одного періодевта, одного надзирателя, пять священниковъ. И картина, которую даютъ намъ эти надписи, отнюдь не рисуетъ этихъ турецкихъ христіанъ въ непривлекательномъ, свидѣтельствующемъ о недостаткѣ образованія и религіозной теплоты, свѣтѣ, но наоборотъ очень привлекательна. Такъ, мы узнаемъ объ отцѣ и сынѣ, носившихъ званіе „полководца", причемъ сына надпись называетъ „знаменитымъ эмиромъ и священникомъ". Нерѣдко усопшему въ похвалу говорится, что онъ „ревностно трудился на благо церкви". Мы мысленно видимъ передъ собой монастыри этой страны, когда читаемъ почетную надпись: „Знаменитый толкователь и проповѣдникъ, освѣтившій свѣтомъ всѣ монастыри; голосъ его звучалъ какъ труба". При видѣ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ кладбища небольшихъ ильмовыхъ рощъ, — породы деревьевъ, вообще неизвѣстной въ той области, — намъ представляется, какъ монахи воспитываютъ среди этого грубаго народа вкусъ къ культивированію деревьевъ и къ красотѣ. Мы узнаемъ о мірянахъ, считавшихъ за честь работать въ качествѣ церковныхъ старостъ на пользу общины, объ учителяхъ, обучавшихъ въ общественныхъ школахъ грубый народъ, о духовныхъ лицахъ, выдѣлявшихся своею ученостью. Мы находимъ и проявленія болѣе глубокаго пониманія христіанства, читая объ одной дѣвушкѣ, что „Душа ея излѣчилась", или читая, что „Цѣль жизни — Іисусъ, нашъ Искупитель".

Въ сѣверо-востоку отъ этой области до границъ Байкальскаго озера жили большія тюркскія племена уйгуровъ, меркитъ и найманъ. Несторіане и сюда перенесли христіанство, вѣроятно уже въ VIII или IX вѣкѣ, ибо въ это время уйгуры приняли отъ несторіанъ ихъ пись-

мена. Возможно, что именно къ этимъ народностямъ относится извѣстіе о томъ, что патріархъ Тимоѳей (778—820) привлекъ на сторону христіанства многихъ турецкихъ князей. Два вѣка спустя христіанство проникло и въ турецкое царство, простиравшееся отъ сѣверныхъ границъ Тибета до сліянія Селенги и Орхона (къ югу отъ озера Байкалъ), въ царство керантовъ. Эбедіезу — въ то время митрополитъ Мерва — рѣшился (около 1007 г.) на этотъ смѣлый шагъ. Царь первый принялъ христіанство, большинство народа послѣдовало за нимъ. О могуществѣ и великолѣпіи этого христіанскаго повелителя ходили въ средніе вѣка на западѣ такіе чудесные разсказы, что въ 1177 г. папа Александръ III отправилъ туда посольство съ письмомъ къ „возлюбленному во Христѣ сыну, прославленному и могущественному царю индійцевъ, святѣйшему изъ священниковъ“. Какимъ образомъ могло возникнуть представленіе о томъ, что этотъ христіанскій князь въ то же время былъ и священникомъ и почему его, равно какъ и его преемниковъ, называли „пресвитеромъ Іоанномъ“, и до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснено. Надежда папы привлечь его на сторону римской церкви не оправдалась. Чингисъ-Ханъ завоевалъ въ 1202 г. это могущественное царство. Но основанное имъ громадное монгольское государство не знало преслѣдованія иновѣрцевъ. „Я уважаю, говорилъ ханъ Кублай, и почитаю всѣхъ четырехъ (Іисуса, Магомета, Моисея, Будду) и прошу того изъ нихъ, который дѣйствительно выше другихъ, помочь мнѣ“. Чингисъ-Ханъ самъ взялъ себѣ въ жены одну изъ христіанскихъ керантскихъ княжескихъ дочерей, точно такъ же и двое изъ его сыновей, изъ которыхъ одинъ самъ былъ, какъ кажется, христіаниномъ. И среди позднѣйшихъ монгольскихъ повелителей и князей многіе близко стояли къ христіанству, а нѣкоторые даже открыто исповѣдывали его. Съ наибольшимъ успѣхомъ защищали церковь христіанскія принцессы: мужья язычники иногда сопровождали ихъ въ христіанскія церкви. Когда въ 1253 г. Рубруквисъ, посолъ Людовика IX Святого, подошелъ къ столицѣ Каракорумъ, несторіане торжественнымъ шествіемъ вышли ему навстрѣчу, проводили его въ городъ и привели въ свою красивую церковь, гдѣ онъ искренно наслаждался ихъ торжественнымъ богослуженіемъ. При такихъ обстоятельствахъ христіанство могло, конечно, проникнуть и дальше. Въ монгольской степи еще и теперь тамъ и сямъ находятъ кресты, свидѣтельствующіе о христіанскомъ прошломъ.

B. **Христіанство въ Афганистанѣ, Тибетѣ и Китаѣ.**

Въ областяхъ, лежащихъ къ востоку отъ Персіи, по всей вѣроятности, уже въ началѣ VI вѣка Гератъ (въ Афганистанѣ) былъ сдѣланъ резиденціей митрополита. Далѣе на востокъ, въ сѣверномъ Тибетѣ, лежитъ провинція Тангутъ. Князья этой страны поддерживали тѣсныя сношенія съ христіанскими повелителями сосѣдней сѣверной страны, керантами. Правда, мы только въ срединѣ XIII вѣка узнаемъ о существованіи въ Тангутѣ многихъ христіанъ и многочисленныхъ церквей; но если могло возникнуть сказаніе, что „три святые царя“ именно отсюда отправились въ Виѳлеемъ и, вернувшись, принесли своему народу христіанство, то, очевидно, оно было знакомо въ этой области гораздо раньше, чѣмъ это можно доказать документально.

Въ Китай христіанство во всякомъ случаѣ проникло уже въ VII вѣкѣ. Съ 636 г. несторіанскій патріархъ Езубадъ посылалъ туда миссіонеровъ. По китайскимъ источникамъ первымъ городомъ небесной имперіи, въ которомъ проповѣдывали христіане, былъ Чананъ (въ Тіэнзи). Миссіонеру Олапуенъ удалось добиться милости императора: законъ 638 г. дозволялъ чужеземцамъ обращать въ свою вѣру всѣхъ, кого они хотѣли, и строить церкви. Во многихъ мѣстностяхъ воздвигнуты были и монастыри, между

прочимъ и въ столицѣ Синъ-ганъ-фу (въ Шань-си). Правда, буддистскимъ монахамъ удалось вскорѣ навлечь на молодое насажденіе бурю кроваваго преслѣдованія (съ 699 г.); но уже по прошествіи одного десятилѣтія новый императоръ вновь доброжелательно относился къ христіанамъ. Новые миссіонеры появились въ странѣ. Христіанамъ удалось основать митрополію, а христіанскіе священники получали высокія почетныя мѣста. Къ 781 г. относится снабженная крестомъ мраморная надгробная плита, открытая въ 1625 г. іезуитами поблизости отъ Синъ-ганъ-фу, подлинность которой теперь всѣми признана. Надпись упоминаетъ о несторіанскомъ патріархѣ Хананъ-Ишу и разсказываетъ, что съ начала христіанской проповѣди въ Китаѣ перебывало не менѣе 70 миссіонеровъ. Заключающійся въ ней символъ вѣры заканчивается словами: „Двадцать семь книгъ о жизни и ученіи Мессіи (т.-е. Новый Завѣтъ) представляютъ путь къ спасенію". Паденіе толерантной династіи Тангъ навлекло на китайскихъ христіанъ ужасныя преслѣдованія. Когда двадцать лѣтъ спустя патріархъ Эбедіезу послалъ туда двухъ монаховъ, чтобы освѣдомиться о состояніи церкви, они едва нашли слабые слѣды ея. Только на сѣверѣ еще около столѣтія существовали христіане.

Спасителями явились монголы. По завоеваніи ими Китая, въ странѣ вновь появились толпы миссіонеровъ, и патріархъ Данха (1265—81) вновь могъ назначать митрополитовъ для Китая. Католическіе миссіонеры, пришедшіе въ то время въ Китай, нашли повсюду въ Татаріи, въ сѣверномъ Китаѣ и особенно въ Пекинѣ большое число несторіанскихъ христіанъ и много церквей. Изъ описанія, составленнаго по приказу папы Іоанна XXII (1410—15), мы узнаемъ, что число несторіанъ въ сѣверномъ Китаѣ превышало 30,000, что они были очень богаты и пользовались большими привилегіями. Какимъ высокимъ почетомъ пользовались христіане у монгольскихъ повелителей, показываютъ уже слѣдующіе примѣры: два губернатора Кунгъ-Чанга (между Тангутомъ и Пекиномъ), зятья Кублайхана, были христіане; губернаторомъ Моссула былъ христіанскій священникъ; христіанскій губернаторъ Чіангсу выстроилъ семь церквей и выписалъ ученаго, который и назначенъ былъ епископомъ.

Г. Христіанство въ Индіи.

Обратимся, наконецъ, къ несторіанской миссіи на югѣ. Если и традиція о томъ, что уже апостолъ Ѳома и глава александрійскаго огласительнаго училища Пантенъ проповѣдывали въ Передней Индіи, не можетъ быть безусловно оспариваема, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Косьма Индикоплевстъ (т.-е. индійскій путешественникъ около 520 г.) нашелъ уже индійскихъ христіанъ поддерживавшими сношенія съ персидской церковью. Первая слабая связь завязана была, повидимому, въ тѣ времена, когда персидскій царь Шапуръ II жестоко преслѣдовалъ христіанъ своей имперіи. Такъ, въ Маланкарѣ (345) высадился епископъ эдесскій съ пресвитерами, діаконами и другими сирійскими и персидскими христіанами, съ радостью встрѣченный туземными единовѣрцами. Князь этой области даровалъ имъ обширныя привилегіи, такъ что съ прибытіемъ ихъ начался періодъ расцвѣта малабарскаго берега. Руководившій этой колоніей купецъ Ѳома основалъ „городъ великаго Бога", состоявшій изъ 472 домовъ. Его дѣятельность направлена была къ тому, чтобы индійскіе христіане этой мѣстности приняли сирійское ученіе. Послѣ его смерти партійная борьба привела эту церковь почти на край гибели, и ее спасли несторіане. Вышеупомянутый Косьма нашелъ не только на Сокоторѣ „значительное число христіанъ и священниковъ, посвященныхъ въ Персіи", но и на островѣ Цейлонѣ встрѣтилъ состоявшую изъ персіянъ христіанскую общину, получавшую изъ родины своихъ служителей церкви. Затѣмъ онъ нашелъ хри-

стіанъ въ Малабарѣ, а въ Кальяни (къ сѣверу отъ Бомбея) засталъ рукоположеннаго въ Персіи епископа. Въ VII вѣкѣ несторіанскій патріархъ Іезуябъ (628—647) посылаетъ миссіонеровъ какъ въ Китай, такъ и въ Индію. Другой патріархъ того же имени (650—660) въ письмѣ обвиняетъ одного персидскаго митрополита въ томъ, что по его винѣ народы Индіи лишены епископовъ. Чтобы предотвратить такое зло, Индія въ половинѣ VIII вѣка была сдѣлана самостоятельной епархіей и такимъ образомъ непосредственно поставлена подъ вѣдѣніе несторіанскаго патріарха.

Ко второй половинѣ VII вѣка относится найденный въ Майлапурѣ крестъ съ надписью на пехлеви (государственный языкъ Персіи во время господства Сассанидовъ): „Кто вѣритъ въ Мессію и въ Бога на небесахъ и въ Святаго Духа, на томъ покоится благодать Того, Кто принялъ смерть на крестѣ“. Въ 825 г. два несторіанскихъ священника пришли въ южную Индію и здѣсь получили отъ мѣстнаго князя значительныя привилегіи, а именно дозволеніе строить, гдѣ бы они ни захотѣли, церкви. Самъ князь отвелъ для этого земли. Такъ имъ удалось основать въ Квилонѣ христіанскую часть города, ставшую средоточіемъ церкви для всѣхъ христіанъ этой мѣстности. Съ морского берега христіанство, по всей вѣроятности, проникло и вглубь страны. По крайней мѣрѣ, католическіе миссіонеры нашли (впервые въ 1599 г.) на разстояніи восьми дней пути отъ берега остатки христіанской общины. И на отдаленнѣйшемъ западѣ ходили разсказы о церкви въ Индіи. Въ 883 г. привѣтствовать ее пріѣхало англійское посольство отъ короля Альфреда Великаго съ подарками, которые онъ въ минуту тяжелой опасности далъ обѣтъ посвятить святому Ѳомѣ. Когда въ 1503 г. несторіанскій патріархъ, рукоположивъ въ епископы двухъ монаховъ, послалъ ихъ въ Индію, они нашли на Малабарѣ до 30,000 семействъ, „богатыхъ и миролюбивыхъ людей“, встрѣтившихъ ихъ съ большой радостью. Въ этой области было до 20 городовъ, и во всѣхъ нихъ жили христіане и существовали церкви.

Д. Расцвѣтъ и паденіе несторіанизма въ Азіи.

Въ началѣ XIV вѣка несторіанская церковь достигла кульминаціоннаго пункта своего развитія. Патріарху были подвѣдомственны не менѣе 25 митрополитовъ, изъ нихъ каждому подчинены были 6—12 епископовъ. Отъ сибирскихъ степей до пальмъ Цейлона и отъ Персидскаго залива до Тихаго океана простиралась эта миссія.

Паденіе ея началось съ переходомъ монгольскихъ князей въ магометанство. Сильно способствовала ему также и „черная смерть“, постепенно проникшая изъ Китая на западъ. Въ 1338 и 1339 гг. чума свирѣпствовала среди христіанъ на рѣкѣ Чу, какъ свидѣтельствуютъ о томъ могильные камни на кладбищѣ въ Пишпекѣ (см. выше, стр. 206); въ 1346 г. она перешла въ Европу. Церковь окончательно распалась, когда въ концѣ XIV вѣка Тимуръ завладѣлъ Персіей и сосѣдними съ нею странами и подвергъ избіенію безчисленное количество христіанъ. Этимъ окончательно подорвана была связь между митрополіей и миссіями, а также послѣднихъ между собой. Сильно уменьшившіяся и осиротѣвшія общины мало-по-малу погибли. И въ Китаѣ низверженіе монгольскаго владычества династіей Мингъ привело къ полному паденію христіанства, которое на два столѣтія совершенно исчезаетъ изъ Китая. Позднѣе католическая церковь, начавшая свою дѣятельность тамъ уже съ 1292 г., вновь принялась за оставленную работу, съ начала же XIX столѣтія и протестантскіе миссіонеры работаютъ на этомъ же полѣ. Въ восточной Индіи католическая церковь неоднократно пыталась присоединить къ себѣ христіанъ святого Ѳомы; среди возникшихъ вслѣдствіе этого смутъ сирійскимъ якобитамъ

(см. выше, стр. 202) удалось (1665) укрѣпиться на Малабарскомъ берегу и привлечь на сторону своей церкви христіанъ этой области.

Итакъ, несторіанизмъ господствовалъ еще въ одной только Персіи. Въ 1551 г. возникъ споръ о замѣщеніи патріаршаго престола. Одна партія, желая дать избранному ею монаху Іоанну преимущество передъ противникомъ, послала его въ Римъ, чтобы онъ тамъ рукоположенъ былъ въ патріархи. Съ тѣхъ поръ эта церковная община распалась на соединившихся съ Римомъ „халдейскихъ христіанъ“, патріархъ которыхъ нынѣ имѣетъ свою резиденцію въ Моссулѣ, и собственно несторіанъ, патріархъ которыхъ живетъ въ горахъ Курдистана. Число первыхъ доходитъ до 48,000. Изъ послѣднихъ, число которыхъ 60 лѣтъ тому назадъ доходило до 70,000, фанатикъ Бедеръ-Бей уничтожилъ до 15,000. Распространившаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ вѣсть о томъ, что остатки ихъ соединились съ католической церковью, оказалась ложной. Осталась слѣдовательно еще лишь небольшая кучка отъ нѣкогда столь ревностной и обширной несторіанской церкви. Страхъ передъ дикими курдами побудилъ ихъ патріарха въ апрѣлѣ 1898 г. перейти къ греческой церкви, чтобы обезпечить себѣ такимъ образомъ защиту со стороны Россіи. Послѣдуетъ ли его примѣру и вся эта община, пока еще неизвѣстно. Но кто можетъ оцѣнить, какія неисчислимыя богатства религіозности и цивилизаціи принесла нѣкогда эта церковь дикимъ, суровымъ, невѣжественнымъ и варварскимъ народностямъ Азіи? И кто можетъ утверждать, что все это вліяніе было совершенно безплодно?

E. Христіанство въ Арменіи.

Въ половинѣ III вѣка внезапно всплываетъ христіанская церковь въ Арменіи (см. томъ III, глава о западной Азіи до халифата): епископъ александрійскій отправляетъ письмо армянскому епископу. Въ 285 году одинъ изъ членовъ царскаго рода этой страны, нѣкогда спасенный мамкою отъ уничтожившей всю его семью кровавой рѣзни въ Каппадокіи, возвратился въ свое отечество убѣжденнымъ христіаниномъ; „Григоріемъ Просвѣтителемъ“ назвали его благодарные соотечественники. Царь Тиридатъ III, котораго онъ обратилъ въ христіанство, приказалъ всему своему народу принять новую вѣру и снабдилъ церкви богатой земельной собственностью. Григорій заботился объ образованіи сильнаго духовенства. Во время послѣдняго жестокаго преслѣдованія христіанъ въ римской имперіи императоръ Максиминъ силою оружія пытался вновь обратить Арменію въ язычество; но напрасно. Именно въ то время христіанство распространилось отсюда еще далѣе на сѣверъ.

Одна армянская христіанка, по имени Нина, была похищена изъ своей родины иверійцами (жители лежащей къ югу отъ Кавказа долины, называвшейся позднѣе Георгіей, а нынѣ Грузіей). Своимъ богобоязненнымъ образомъ жизни она привлекала къ себѣ всѣ сердца, своей молитвой она излѣчила царицу. Въ награду-же себѣ она просила лишь одного — поклоненія ея Богу. Въ минуту тяжелой опасности царь Мирай отважился призвать на помощь этого Бога; онъ былъ спасенъ и просилъ Константина (326) прислать ему христіанскаго епископа. Однако иверійская (или грузинская) церковь оставалась подъ вліяніемъ армянской, пока наконецъ въ концѣ VI вѣка она не освободилась и отъ нея. Это церковь распространила христіанство и далѣе на Кавказъ: въ 520 г. царь лазовъ принялъ въ Константинополѣ крещеніе. Къ абасгамъ Юстиніанъ I послалъ священниковъ.

Армянская церковь сохранила свою самостоятельность по отношенію къ римской государственной церкви. Съ 336 г. она находится подъ вѣдѣніемъ собственнаго патріарха, называемаго „католикосомъ“.

Одному изъ нихъ, Месробу, удалось выработать армянскій алфавитъ и перевести Библію на армянскій языкъ. За Библіей послѣдовали сотни христіанскихъ сочиненій сирійскихъ и греческихъ теологовъ, и между ними и такія сочиненія, которыя до насъ дошли только въ этомъ переводѣ. Такимъ образомъ Месробъ сдѣлался основателемъ армянской національной литературы, которая подарила намъ не мало выдающихся произведеній. Поэтому армянская церковь съумѣла устоять противъ парсизма даже тогда, когда большая часть страны попала подъ персидское господство. Для нея, правда, наступила пора тяжелыхъ преслѣдованій, но она не погибла. Въ то время, какъ государственная церковь созывала Халкедонскій соборъ (см. выше, стр. 201), въ персидской части Арменіи вспыхнуло возстаніе, вызванное ненавистью къ христіанамъ царя Іездегерда II. Поэтому армянская церковь не приняла постановленій этого собора: она боялась, что онъ еще недостаточно рѣзко отвергнулъ несторіанизмъ. Не соглашаясь съ персидской церковью, она и на государственную церковь смотрѣла какъ на „еретическую". Поэтому она осталась изолированной; правовѣріе же, которымъ она славилась, не нашло себѣ дальнѣйшаго развитія.

Съ тѣхъ поръ, какъ полумѣсяцъ одержалъ побѣду надъ Арменіей (651), непрерывно возобновлявшіяся войны между халифами и императорами восточной римской имперіи навлекали на нее несказанныя страданія. Затѣмъ въ Арменію вторгнулись сельджуки, уничтожившіе сотни тысячъ народонаселенія; еще позднѣе явились монголы. Толпы армянъ покидали свою родину и основывали колоніи въ Малой Азіи, Ѳракіи, Македоніи, Галиціи, Венгріи (см. статью „Армяне Европы" въ V томѣ). Затѣмъ турки принялись разорять и опустошать несчастную страну. Кто только могъ, искалъ спасенія въ чужихъ странахъ. Замѣчательно, что въ эти полныя ужасовъ столѣтія христіанство не погасло, но наоборотъ выказало свою способность служить связующимъ звеномъ для этой націи, не имѣющей болѣе своей страны.

Ж. Христіанство въ Абиссиніи.

Къ югу отъ Египта Абиссинія образуетъ сердце Эѳіопіи. У береговъ абиссинской области Тигре въ 316 г. потерпѣло кораблекрушеніе тирское торговое судно. Туземное населеніе оставило въ живыхъ лишь двухъ юношей, Фрументія и Эдезія, которые въ качествѣ рабовъ попали къ княжескому двору въ Аксумѣ. Послѣ смерти царя вдова его поручила этимъ двумъ чужеземцамъ воспитаніе своего сына Аейзана. Когда послѣдній достигъ совершеннолѣтія, Фрументій въ Александріи былъ посвященъ Аѳанасіемъ въ епископы для Эѳіопіи, послѣ чего онъ крестилъ царя и его братьевъ. Многіе изъ народа послѣдовали высокому примѣру. Завершили - же обращеніе страны по всей вѣроятности верхнеегипетскіе монахи. Присоединяясь къ господствующему среди послѣднихъ направленію, абиссинская церковь вылилась въ ту форму, которая представляетъ крайнее выраженіе александрійской теологіи, въ монофизитизмъ (см. выше, стр. 201). Поэтому она состоитъ въ связи и съ коптской церковью (см. выше, стр. 202), отъ которой и понынѣ получаетъ своихъ митрополитовъ („абба"). Но такъ какъ абиссинцы имѣютъ свою собственную страну, то церковь ихъ имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ коптская. Однако дальнѣйшее развитіе духовной жизни повидимому чуждо и абиссинской церкви. Католическая церковь неднократно пыталась „обратить" ее, но въ 1854 году Ѳеодоръ выслалъ изъ своей страны католическихъ миссіонеровъ, воспретивъ имъ подъ страхомъ тяжелаго наказанія возвращаться въ страну. Въ XIX вѣкѣ тамъ пытались проповѣдывать и протестанты, однако они не достигли сколько-нибудь значительнаго успѣха.

3. Христіанство въ южной Аравіи.

Въ Аравіи, какъ передаютъ, отдѣльныя племена бедуиновъ уже сравнительно рано приняли крещеніе отъ христіанъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе во время своихъ разбойническихъ набѣговъ. Но основать церковь среди этихъ кочующихъ ордъ было невозможно. Не таково было положеніе на югѣ; здѣсь процвѣтало царство гиміаритовъ или гомеритовъ. Одинъ туземецъ съ острова Діу (вѣроятно не Сокотора при выходѣ изъ Краснаго моря, но островъ Діу, лежащій къ югу отъ индійскаго полуострова Гузерата), въ ранней юности попалъ заложникомъ въ Константинополь и тамъ получилъ христіанское воспитаніе. Ему дано было христіанское имя Θеофилъ, и затѣмъ онъ былъ рукоположенъ въ „епископы индійцевъ“. Императоръ Констанцій послалъ его (около 340 года) къ гиміаритамъ съ тѣмъ, чтобы онъ добился свободы богослуженія для занимавшихся тамъ торговлей христіанъ, но онъ достигъ большаго. Царь Абдулъ-Калалъ сдѣлался христіаниномъ и на собственныя средства построилъ одну церковь въ своей столицѣ Джафарѣ, другую въ знаменитой гавани Ормусѣ въ Персидскомъ заливѣ и третью въ Аденѣ, обычной пристани римскихъ купцовъ. Тяжкія притѣсненія пришлось перенести этой новой церкви отъ крайне многочисленныхъ тамъ іудеевъ, притѣсненія, закончившіяся даже кровавыми преслѣдованіями, когда въ началѣ VI вѣка на престолъ вступилъ еврей. Однако только исламъ съ 632 г. окончательно уничтожилъ все, что еще оставалось отъ христіанства.

IV. Сѣверная Африка.

Д-ра **Генриха Шурца.**

1. Сѣверо-африканскій берегъ.

Какъ ни тяжела и ни массивна Африка по сравненію съ сосѣдними болѣе изрѣзанными материками и какъ ни затруднительно поэтому естественное подраздѣленіе этого неуклюжаго тѣла — одна область однако съ легкостью отдѣляется здѣсь отъ другихъ: а именно, та полоса земли, которая съ юга ограничена песками великой пустыни, а съ сѣвера волнами Средиземнаго моря. Чисто африканская, по многимъ своимъ свойствамъ, эта береговая полоса, ограниченная сверхъ того съ востока египетской долиной Нила, этой колыбелью древней цивилизаціи, отдѣленная съ запада отъ Пиренейскаго полуострова Европы лишь узкимъ проливомъ, черезъ который взоръ легко проникаетъ до противоположнаго берега, составляетъ въ то же время и неразрывную часть земель, окружающихъ бассейнъ Средиземнаго моря съ его древними культурными теченіями. Среди всѣхъ береговъ Средиземнаго моря африканскій сравнительно бѣднѣйшій, несмотря на плодородіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей; ибо онъ опирается не на обширныя, густо населенныя области, а на Сахару, болѣе недоступную, чѣмъ самое бурное море, и сообщающую поэтому всей сѣверной Африкѣ характеръ продолговатаго острова. Незначительная географическая широта этой береговой полосы имѣла рѣшающее значеніе и въ ея исторіи: Сѣверная Африка не послужила очагомъ ни одному самостоятельному передвиженію народовъ, отсюда не исходили также великіе перевороты въ области мысли и лишь подъ вліяніемъ чужеземной культуры южный берегъ Средиземнаго моря на время пріобрѣталъ нѣкоторое значеніе, какъ напримѣръ во время расцвѣта Карѳагена и Кирены. Первобытныя силы страны были пассивны, но въ самой своей пассивности онѣ были совершенно непреодолимы и не поддавались никакому чужому вліянію.

Тѣмъ не менѣе сѣверный африканскій берегъ не настолько однороденъ, чтобы исторія его въ основныхъ чертахъ своихъ сложилась одинаково; онъ скорѣе распадается на двѣ строго разграниченныя географическія области: восточную и западную. На востокѣ береговая линія отступаетъ къ югу, на западѣ она выступаетъ далеко на сѣверъ; въ то время какъ на востокѣ пустыня мѣстами простирается до самаго моря, въ западной, выступающей на сѣверъ, возвышается горная страна съ снѣговыми вершинами и журчащими рѣками, плодородными долинами и хорошо орошаемыми равнинами. Въ зависимости отъ различной природы этихъ областей мы видимъ, что на западѣ племена осѣдлыхъ хлѣбопашцевъ развились въ могущественные народы и, воспринявъ чужеземную культуру, съумѣли оказать вліяніе на сосѣднія области, тогда какъ востокъ остался мѣстомъ жительства кочующихъ племенъ. Только въ одномъ мѣстѣ восточнаго берега, тамъ гдѣ плоскогорье Барка полуостровомъ выдается въ море, лежитъ слабое подобіе западной горной страны, — также земледѣльческая область: это бывшія владѣнія древней греческой колоніи Кирены. Но если восточная береговая полоса, какъ самостоятельная область, далеко уступаетъ западу, то она съ своей стороны имѣетъ и нѣкоторыя преимущества, значительно усиливающія ея значеніе: во-первыхъ, она

лежитъ ближе къ древнимъ цивилизованнымъ странамъ и потому сравнительно раньше подпала ихъ вліянію, во-вторыхъ, благодаря сильной вогнутости своей береговой линіи, она служитъ благопріятнымъ исходнымъ и конечнымъ пунктомъ всей суданской торговли, оживлявшейся къ тому же счастливымъ положеніемъ нѣкоторыхъ оазисовъ. То обстоятельство, что именно вблизи обоихъ Сиртовъ развились оба могущественныя древнія торговыя государства сѣверной Африки, Карѳагенъ и Кирена, — не было случайностью.

Сношенія съ Суданомъ были, быть-можетъ, въ древнія времена менѣе затруднительны, чѣмъ теперь. И дѣйствительно, климатическія и геологическія измѣненія въ сѣверной Африкѣ, насколько ихъ можно установить, были такъ значительны, что исторія не можетъ о нихъ умолчать. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что климатъ страны измѣняется въ неблагопріятную сторону; известковые осадки давно высохшихъ источниковъ, слѣды болѣе богатой растительности и, главное, остатки человѣческихъ поселеній въ совершенно необитаемыхъ нынѣ мѣстностяхъ сѣверной Сахары несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что безводіе нынѣшняго Алжира въ противоположность римскому періоду является послѣдствіемъ не только упадка искусственнаго орошенія, но имѣетъ и болѣе глубокія причины. Но если сѣверная Африка и главнымъ образомъ Сахара были нѣкогда болѣе богаты водными источниками, а потому и болѣе обитаемы, то понятно, что и сношенія съ Суданомъ должны были быть менѣе затруднительны чѣмъ теперь, несмотря на то, что въ глубокой древности сѣверо-африканскія племена еще не знали верблюда; торговое же значеніе Карѳагена и Кирены главнымъ образомъ основывалось именно на сношеніяхъ съ Суданомъ. Въ періодъ римскаго господства эти сношенія значительно пали или даже совсѣмъ прекратились и только въ арабскій періодъ они снова оживились. Наряду съ климатическими измѣненіями съ теченіемъ времени происходили и топографическія: изъ нихъ слѣдуетъ прежде всего указать на поднятіе тунисскаго берега, повлекшее за собой обмелѣніе многихъ знаменитыхъ въ древности гаваней. Напротивъ того берегъ полуострова Барки постепенно опускается.

Климатическія измѣненія и страсть человѣка къ охотѣ на звѣрей оказали значительное вліяніе и на животное царство сѣверной Африки: нѣкогда многочисленные здѣсь слоны и гиппопотамы теперь совершенно исчезли. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и крайне важное для одной части сѣверной Африки растеніе — знаменитый Silphium, произраставшій въ области Кирены и продававшійся въ древнемъ Римѣ на вѣсъ серебра, который не растетъ болѣе ни здѣсь, ни въ какой-либо другой мѣстности земного шара. Silphium служилъ однимъ изъ главныхъ источниковъ богатства древнихъ киренянъ; изъ изображеній его на городскихъ монетахъ можно заключить, что онъ принадлежалъ къ семейству зонтичныхъ. Въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ древнихъ мы находимъ указанія на разнообразное употребленіе его цѣлебнаго сока, нигдѣ не изготовлявшагося такъ искусно, какъ именно въ Киренѣ. Въ настоящее время нельзя установить, погибло ли растеніе вслѣдствіе измѣненія климатическихъ условій, или же оно было совершенно истреблено.

2. Древнѣйшее населеніе сѣверной Африки.

Уже a priori можно предположить, что исторія населенія сѣверной Африки, этой области, столь открытой для самыхъ разнообразныхъ вліяній, не можетъ быть простой и легко обозримой, и что въ эти страны направлялись многочисленныя переселенія. Съ другой стороны, внутрен-

няя замкнутость страны должна была способствовать слiянію различныхъ народныхъ составныхъ частей въ одну новую единицу и въ настоящее время мы встрѣчаемъ въ берберахъ повидимому тѣсно сплоченную и достаточно характерную расу, владѣющую большей частью сѣверной Африки. Но однородность ея лишь кажущаяся, или, вѣрнѣе, она создалась лишь съ теченіемъ времени. Къ тому же въ древнія времена сѣверная Африка вслѣдствіе большей обитаемости Сахары не была такъ изолирована на югѣ и юго-востокѣ, какъ теперь; если теперь переселенцы съ востока неизбѣжно должны перейти черезъ нижнюю долину Нила, какъ это дѣлали и арабы, то въ древности потоки переселенцевъ могли исходить и изъ области эѳіоповъ въ восточномъ Суданѣ и оттуда уже достигать сѣверо-африканскаго берега. Существованіе доисторическаго населенія Сахары неопровержимо доказано найденной во многихъ уединенныхъ и нынѣ совершенно необитаемыхъ мѣстахъ пустыни каменной утварью.

Ни первыя историческія свѣдѣнія, ни другіе результаты, добытые наукой, не позволяютъ допустить существованія въ сѣверной Африкѣ однороднаго населенія еще до вторженія финикіянъ, грековъ и римлянъ. Сопоставляя различныя имѣющіяся у насъ свѣдѣнія и сравнивая ихъ съ современными условіями, мы должны признать существованіе по крайней мѣрѣ четырехъ древнихъ расъ, жившихъ въ сѣверной Африкѣ, потомки которыхъ, смѣшавшись съ позднѣйшими пришельцами, по большей части и теперь еще удерживаютъ за собой свои первоначальныя мѣста.

A. Ливійцы.

Прежде всего слѣдуетъ назвать свѣтлокожихъ, бѣлокурыхъ ливійцевъ, часто упоминаемыхъ древними географами и историками въ качествѣ обитателей какъ земель, прилегающихъ къ Египту, такъ и плоскогорья Барка и мѣстностей около озера Тритонъ. Они оказывали вліяніе и на Египетъ: такъ въ особенности во время господства эѳіоповъ мы встрѣчаемъ бѣлокурыхъ ливійцевъ династами въ Дельтѣ. Они были повидимому хорошо сложенной физически и богато одаренной духовно расой. Потомки этихъ бѣлокурыхъ людей и теперь еще встрѣчаются въ сѣверной Африкѣ, особенно среди кабиловъ Рифа (Марокко), въ такомъ большомъ количествѣ, что ихъ долгое время считали остатками германскихъ вандаловъ; въ дѣйствительности же бѣлокурое населеніе Африки существовало еще задолго до германскаго переселенія народовъ и даже до начала историческаго періода. Другой остатокъ этой бѣлокурой расы представляли гуанчи на Тенерифѣ; Канарскіе острова, какъ доказалъ Гансъ Мейеръ, нерѣдко служили убѣжищемъ для вытѣсняемаго съ материка новыми пришельцами населенія, и такъ какъ сношенія этихъ острововъ съ материкомъ были крайне затруднены частыми бурями и различными морскими теченіями, то изолированные тамъ остатки народовъ сохранили до эпохи великихъ открытій свое первобытное состояніе. Когда гуанчи впервые пришли въ соприкосновеніе съ европейцами, они всецѣло стояли еще на ступени развитія каменнаго вѣка: воздѣлывали землю киркой, разводили козъ и овецъ, но не знали употребленія плуга и не умѣли приготовлять хлѣбъ. На ряду съ бѣлокурыми гуанчами на Канарскихъ островахъ жили и другія расы (см. ниже).

Бѣлокурая африканская раса не стоитъ совершенно изолированно среди народовъ: она по всей вѣроятности тождественна съ высокимъ, длинноголовымъ населеніемъ, нѣкогда жившимъ въ западной Европѣ и названнымъ по главному мѣсту нахожденія остатковъ костей Кро-Маньонской; въ пользу этого родства говоритъ не только сходство антропологическихъ признаковъ, но и тотъ фактъ, что въ западной Европѣ встрѣчаются точно такія доисторическія каменныя постройки, какъ и въ сѣверной Африкѣ. И въ Европѣ Кро-Маньонская раса далеко не исчезла,

но, какъ доказалъ Іоганнъ Ранке, еще и нынѣ встрѣчается въ многочисленныхъ типахъ, особенно въ средней Германіи. Если такимъ образомъ въ общемъ родство бѣлокурыхъ ливійцевъ и установлено, то вопросъ о мѣстѣ нахожденія первоначальной ихъ родины все еще не разрѣшенъ. Нѣкоторыя данныя говорятъ за то, что первоначальныя поселенія этой расы находились въ сѣверной Африкѣ, главнымъ-же образомъ тотъ фактъ, что мегалиты, встрѣчающіеся въ сѣверной Африкѣ, повидимому болѣе древняго происхожденія, нежели западно-европейскіе. Съ другой стороны Европа, служила правда, исходнымъ пунктомъ для всѣхъ почти бѣлокурыхъ народовъ и многихъ воинственныхъ расъ: еще задолго до германскаго переселенія народовъ переселенческое движеніе киммеріянъ и кельтовъ потрясло земли, лежащія по Средиземному морю. Поэтому-то расу Кро-Маньонъ долгое время считали позднѣйшими кельтами, предполагая такимъ образомъ, что они не только проникли въ Испанію, какъ это исторически доказано, но и перешли черезъ Гибралтарскій проливъ и распространились до границъ Египта. Въ дѣйствительности же переселеніе это должно было произойти еще задолго до походовъ кельтовъ и даже до распространенія арійскихъ языковъ, способствовавшихъ слiянію главной массы европейскаго населенія въ одну лингвистическую единицу; въ такомъ смыслѣ Федербъ говоритъ о доарійскомъ переселеніи бѣлокурыхъ народовъ изъ Европы. Возможно, наконецъ, что бѣлокурые европейцы проникли въ сѣверную Африку черезъ Малую Азію и Египетъ и по пути переняли культуру Передней Азіи. Но если въ Палестинѣ повидимому и жили дѣйствительно бѣлокурыя племена, то тѣмъ не менѣе переселеніе бѣлокурой расы въ Африку черезъ Гибралтаръ болѣе правдоподобно и вѣроятно. Окончательное же разрѣшеніе этого вопроса пока еще невозможно.

На ряду съ бѣлокурой расой въ сѣверной Африкѣ, существовала повидимому, еще до переселенія бѣлокурыхъ, другая, также свѣтлокожая, но темноволосая и короткоголовая, раса; древнѣйшіе обитатели Канарскихъ острововъ принадлежали именно къ этой темноволосой расѣ. Вслѣдствіе ихъ большого сходства съ доарійскими обитателями Арменіи, Гансъ Мейеръ предложилъ дать этой темноволосой расѣ предварительно имя арменоидовъ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что арменоиды находились въ родствѣ также и съ темноволосыми доарійскими южно-европейцами, подпавшими позднѣе вліянію переселившихся сюда арійцевъ, лишившимися при этомъ своей самобытности, но еще и нынѣ составляющими главную массы южно-европейскаго населенія. При этомъ нельзя не упомянуть о мнѣніи Гоммеля, по которому многіе изъ этихъ „темносвѣтлыхъ“ народовъ Европы по языку были родственны съ древними армянами и еламитянами и вмѣстѣ съ ними составляли группу алародіевъ. Какое бы изъ этихъ противорѣчивыхъ предположеній ни восторжествовало, во всякомъ случаѣ можно считать установленнымъ, что ни арменоиды сѣверной Африки, ни бѣлокурые ливійцы не были собственно африканскими расами, но имѣли свои первыя поселенія въ Европѣ или Азіи, во всякомъ случаѣ по берегамъ Средиземнаго моря или вблизи него. Такимъ образомъ сѣверная Африка въ свою древнѣйшую историческую эпоху еще болѣе входила въ область вліянія средиземной культуры, чѣмъ позднѣе.

Упомянемъ ещё вкратцѣ о слѣдахъ, указывающихъ на существованіе въ сѣверо-африканскихъ степяхъ и оазахъ малорослой расы, можетъ-быть родственной бушменамъ и карликамъ остальной Африки. Древніе опредѣленно называютъ обитателей оазиса Тидикельтъ малорослыми; другія племена, какъ троглодиты и гараманты, подверглись вѣроятно смѣшенію съ карликами, которые въ тѣ времена кочевали, быть-можетъ, по Сахарѣ, какъ еще и нынѣ кочуютъ по Калахари бушмены. Въ нѣкоторыхъ народныхъ типахъ еще и нынѣ можно найти послѣдніе, хотя и сильно измѣненные вслѣдствіе сліяній съ другими племенами, остатки расы карликовъ.

Б. Берберы.

Болѣе могущественное вліяніе на выработку въ сѣверной Африкѣ африканской народности оказалъ другой народъ. Если бѣлокурые ливійцы, арменоиды и даже малорослыя племена имѣли сравнительно свѣтлый цвѣтъ кожи, то въ Египтѣ мы встрѣчаемъ народъ съ красновато-коричневымъ цвѣтомъ кожи, выступившій носителемъ древней культуры, которую онъ затѣмъ развивалъ въ Эѳіопіи и Абиссиніи. Распространившись уже въ древности и на западъ, этотъ народъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на образованіе языка и этнографическихъ особенностей сѣверной Африки и создалъ новую расу, — берберовъ.

Этотъ народъ составляетъ такимъ образомъ ядро нынѣшняго хамитскаго населенія и часто называется въ противоположность неграмъ съ одной стороны, арійцамъ и семитамъ съ другой, атлантической расой; наиболѣе подходитъ къ нему древнее имя эѳіоповъ. Эѳіопы повидимому позднѣе другихъ, упомянутыхъ выше, расъ пришли въ сѣверную Африку; за исключеніемъ только Египта, гдѣ они жили съ самаго начала его культурнаго развитія. Нѣкоторое родство эѳіопскихъ языковъ съ семитическими, преданія древней исторіи и даже взаимоотношеніе народностей въ настоящее время заставляютъ предполагать, что первоначальныя поселенія эѳіоповъ находились въ восточной Африкѣ; тамъ они были затронуты вліяніемъ азіатской культуры, которую и распространили вмѣстѣ съ пріобрѣтеніями египетской культуры далѣе на западъ. Эѳіопизированіе сѣверной Африки произошло уже во времена достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній: во времена Геродота отдѣльныя расы повидимому еще мало были смѣшаны между собой; въ римскій періодъ, наоборотъ, по всей вѣроятности вслѣдствіе переселенія хамитскихъ кочующихъ народовъ, эѳіопскій языкъ занялъ уже повсюду господствующее положеніе. Это повлекло за собой и измѣненіе названій народныхъ: по мнѣнію Борзари изъ насамоновъ и гарамантовъ образовались нумидійцы; максіи обратились въ мавританъ, а на мѣсто троглодитовъ явились гетулы. Впрочемъ заключенія эти еще нѣсколько преждевременны.

Но, несмотря на сліяніе расъ, населеніе сѣверной Африки все-таки распадается на двѣ или даже на три составныя части, обусловливаемыя природой страны: никакія различія языка или тѣлосложенія не могутъ быть такъ глубоки и долговѣчны, какъ различіе между степнымъ кочевникомъ и земледѣльцемъ, населяющимъ плодородныя равнины и долины горъ; по мѣрѣ развитія культуры, на ряду съ ними выступаетъ третьимъ горожанинъ, добывающій себѣ пропитаніе ремеслами и торговлей. Это различіе такъ глубоко, что не только вся сѣверная Африка, но и отдѣльныя ея области никогда не могли достичь политическаго единства въ духѣ европейской государственности, и даже такое, повидимому стойкое, государство, какъ Марокко, въ дѣйствительности представляетъ лишь странное соединеніе зависимыхъ, полузависимыхъ и самостоятельныхъ племенъ. Всѣ три группы населенія съ теченіемъ времени подвинулись впередъ въ культурномъ отношеніи. Земледѣльцы, — вѣроятно подъ вліяніемъ эѳіопскаго элемента—замѣнили кирку плугомъ; кочевники познакомились сперва съ быкомъ, затѣмъ во времена господства гиксовъ въ Египтѣ съ лошадью, позднѣе въ римскій періодъ съ верблюдомъ; наконецъ горожане усвоили себѣ болѣе высокую культуру благодаря торговымъ сношеніямъ. Всѣ они значительно окрѣпли благодаря новымъ переселеніямъ и претерпѣли нѣкоторыя измѣненія въ своихъ народныхъ особенностяхъ. Въ собственно историческое, въ узкомъ смыслѣ слова, время сѣверная Африка точно такъ же подвержена была внѣшнимъ вторженіямъ, какъ и въ болѣе древніе періоды.

B. Позднѣйшіе переселенцы.

Уже простой перечень внѣшнихъ ударовъ, доставшихся на долю сѣверной Африки, сразу дѣлаетъ понятными имѣвшія тамъ мѣсто великія преобразованія. Въ качествѣ колонизаторовъ являются на востокѣ греки, на западѣ финикіяне; господство римлянъ и византійцевъ также оказываетъ могущественное вліяніе на образованіе здѣсь смѣси народовъ. Затѣмъ черезъ Гибралтарскій проливъ надвигается потокъ бѣлокурыхъ германцевъ, въ теченіе цѣлаго столѣтія удерживающихъ за собой новыя владѣнія. Могущественнѣе и продолжительнѣе предыдущихъ оказывается вліяніе, произведенное на обитателей сѣверной Африки вторженіемъ арабовъ и распространеніемъ ислама. Наконецъ, на сцену являются культурные народы Европы и ставятъ себѣ задачей снова создать изъ одичалой страны звено той цѣпи культурныхъ государствъ, которая нѣкогда окружала Средиземное море, но была разорвана приверженцами ислама. Исторія сѣверной Африки представляетъ такимъ образомъ не что иное, какъ борьбу туземныхъ берберовъ съ чужеземными пришельцами. По временамъ берберы, казалось, были совершенно побѣждены и мы видимъ властителя сѣверо-африканскаго берега то въ карѳагенской одеждѣ, то въ арабскомъ бурнусѣ; но затѣмъ они снова проявляютъ свою неразрушимую живучесть, и тамъ, гдѣ нѣкогда власть находилась въ рукахъ чуждыхъ колонизаторовъ, снова возникали настоящія берберскія государства.

Но на ряду съ этими народами, съ громомъ оружія выступившими на сцену историческаго дѣйствія и помѣрившимися другъ съ другомъ въ героической борьбѣ, являются и другіе народы, почти незамѣтно или противъ своей воли проникающіе въ среду обитателей сѣверо-африканскаго берега. Назовемъ прежде всего евреевъ, этихъ ненавидимыхъ, но необходимыхъ въ то же время купцовъ марокскаго государства и древнихъ варварійскихъ владѣній, о переселеніи которыхъ сюда, такъ же, какъ и въ другія страны свѣта, ничего опредѣленнаго неизвѣстно. Они повидимому призваны были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ играть важную роль въ цивилизаціи сѣверной Африки европейскими народами.

Довольно значительна также — и помимо переселеній римской эпохи — примѣсь европейской крови, вошедшая въ жилы сѣверныхъ африканцевъ. По выходѣ мавровъ изъ Испаніи, значительное число ихъ поселилось въ сѣверной Африкѣ и тамъ мало-по-малу смѣшалось съ туземнымъ населеніемъ. Мавры же въ Испаніи образовали цѣльную народность лишь путемъ смѣшенія въ одно цѣлое иберійскихъ, арабскихъ, берберскихъ и даже сѣверо-европейскихъ составныхъ частей населенія: они не только по своей культурѣ, но и по этническому составу, представляли переходную ступень между магометанскимъ и западно-европейскимъ міромъ. Еще важнѣе былъ притокъ европейскихъ рабовъ и рабынь, поддерживавшійся непрерывными морскими разбоями сѣверо-африканскихъ береговыхъ жителей отъ среднихъ вѣковъ и до настоящаго времени; гаремы востока очень способствовали вліянію этого элемента. Кромѣ того въ военной исторіи сѣверной Африки по временамъ появлялись европейскіе ренегаты.

Но рабы принесли въ сѣверную Африку не только европейскую кровь, но еще въ большей степени негритянскую. Свойственная негритянской расѣ способность пассивнымъ вліяніемъ завоевывать прилежащія къ ней области съ древнѣйшихъ временъ сказалась и въ сѣверной Африкѣ и оставила среди населенія очень замѣтные слѣды. Не добровольно появились негры, поселенія которыхъ простирались недалеко вглубь Сахары, въ сѣверной Африкѣ; они переселились сюда какъ презрѣнные, погоняемые бичомъ рабы господствующихъ народовъ. Но благодаря своей живучести они вскорѣ пустили корни на новой почвѣ; храбростью и предан-

ностью они съумѣли пріобрѣсть довѣріе князей, окружили ихъ въ качествѣ тѣлохранителей и добились вліянія на историческое развитіе своей новой родины. Но на народность сѣверной Африки они оказали роковое вліяніе: каждая капля негритянской крови удаляетъ ея владѣльца отъ Европы и отъ культуры земель, лежащихъ по Средиземному морю, и приближаетъ его къ тупымъ, лѣниво подвигающимся впередъ народамъ средней Африки. Теперь, послѣ тысячелѣтняго безшумнаго, постепеннаго переселенія сюда темной расы, береговая полоса у Средиземнаго моря болѣе чѣмъ когда-либо въ теченіе всей своей исторіи представляется африканскою.

На вышеупомянутыя (стр. 219) три составныя части населенія, созданныя естественными условіями страны,—кочевниковъ, земледѣльцевъ и горожанъ, надвигавшіяся народныя волны оказали, какъ оно и не могло быть иначе, различное вліяніе и этнически различнымъ образомъ измѣнили ихъ. Послѣ первоначальнаго сліянія, лучше другихъ сохранились земледѣльцы, представляющіе въ основныхъ чертахъ настоящихъ берберовъ и составляющіе ядро населенія западной части сѣверной Африки. Кочующее населеніе берберовъ не могло, напротивъ, противостоять натиску кочующихъ же арабовъ: оно должно было уступить лучшія пастбища и наиболѣе богатые земледѣльческіе округа новымъ пришельцамъ. Берберы удалились обратно въ Сахару, частью же бѣжали къ своимъ осѣдлымъ братьямъ въ горы, такъ что въ настоящее время въ сѣверной Африкѣ понятія арабы и кочевники почти тождественны. Наконецъ города были мѣстомъ, гдѣ главнымъ образомъ происходило сліяніе и смѣшеніе народностей. Чужеземные купцы и бѣглецы селились въ нихъ особенно охотно; рабы и рабыни въ большомъ числѣ собирались въ домахъ богатыхъ гражданъ; евреи строили здѣсь свое гетто, негры свои убогія предмѣстья. Несмотря на взаимную ненависть, существующую между кочевниками и земледѣльцами, они сходятся въ презрѣніи къ горожанину.

3. Историческое развитіе сѣверной Африки.

Несмотря на встрѣчающіяся въ исторіи отдѣльныхъ областей сѣверной Африки родственныя черты, одно общее разсмотрѣніе этой исторіи тѣмъ не менѣе не возможно. Въ древнѣйшія времена особаго отдѣльнаго разсмотрѣнія требуетъ колонизація и развивающіяся отсюда государства. Позднѣе, въ римскій, вандальскій и ранній арабскій періоды, сѣверная Африка представляетъ уже нѣчто цѣлое, и исторія отдѣльныхъ областей отступаетъ передъ общей; но, начиная съ среднихъ вѣковъ, съ усиленіемъ туземнаго населенія, снова выдвигается мѣстная исторія, въ настоящее же время мы видимъ полное уничтоженіе всякой связи между отдѣльными областями. Эти измѣнявшіяся постоянно условія влекутъ за собой необходимость различнаго способа изложенія: прежде всего намъ предстоитъ разсмотрѣть исторію обоихъ колонизаціонныхъ государствъ, Кирены и Карѳагена, и вліяніе ихъ на туземное населеніе. Затѣмъ мы должны будемъ обратиться къ римскому періоду и описать вторженіе арабовъ. Далѣе, соотвѣтственно распаденію сѣверной Африки на отдѣльныя государства и владѣнія, необходимо прослѣдить новѣйшее развитіе этихъ государствъ. Въ заключеніе-же мы вкратцѣ разсмотримъ вмѣшательство европейскихъ державъ, главнымъ образомъ Испаніи и Франціи.

A. **Кирена.**

Греческія поселенія на полуостровѣ Барка уже потому заслуживаютъ особаго описанія, что они представляли единственныя сколько-нибудь значительныя эллинскія колоніи на берегу сѣверной Африки, и еще

потому, что изолированное положеніе давало имъ возможность развиваться сравнительно самостоятельно и своеобразно. Многочисленное населеніе Киренаики, окруженной со всѣхъ сторонъ моремъ и пустынной областью, жило благодаря хорошо обработанной почвѣ земледѣльческимъ промысломъ; кромѣ того, выгодное торговое положеніе Кирены, какъ станціи экспедиціонной торговли по всевозможнымъ направленіямъ, должно было послужить источникомъ богатства, если только энергичные поселенцы ея умѣли извлечь изъ него выгоду и воспользоваться всѣми естественными продуктами области, среди которыхъ прежде всего нужно назвать Silphium (см. выше, стр. 216).

Въ половинѣ VII вѣка до Р. Х. дорійскіе поселенцы подъ предводительствомъ Батта вышли съ острова Теры (Санторинъ), побуждаемые къ переселенію междоусобной войной. Сперва они поселились на маленькомъ островѣ у залива Бомба; но шесть лѣтъ спустя переселились на материкъ и здѣсь основали Кирену, во главѣ которой сталъ Баттъ, принявшій царскій титулъ. Характерно для страны то, что поводомъ къ поселенію послужилъ богатый источникъ по имени Кире, давшій также и названіе городу. Позднѣе колонія разрослась и усилилась благодаря многочисленнымъ новымъ переселеніямъ дорійскихъ грековъ изъ Пелопоннеса, Крита и другихъ острововъ. Колонисты почувствовали за собой достаточно силы, чтобы овладѣть значительными областями полуострова Барка — противъ воли кочевавшихъ тамъ ливійцевъ, обратившихся въ такомъ стѣсненномъ положеніи за помощью къ египетскому царю. Новая колонія вынуждена была такимъ образомъ стать во враждебныя отношенія къ могущественному культурному государству на своей восточной границѣ. Къ счастью для Кирены смуты въ самомъ Египтѣ воспрепятствовали рѣшительному вмѣшательству египтянъ въ дѣла своихъ сосѣдей. Но ливійцы и сами оказались опасными противниками; соединившіяся между собой племена ихъ нанесли грекамъ жестокое пораженіе (въ 544 г. до Р. Х.); большое число павшихъ киренянъ (7000) и тотъ фактъ, что, несмотря на это пораженіе, жизненная сила юной общины не была сломлена, указываютъ на быстрый расцвѣтъ колоніи.

Но пораженіе это имѣло важныя послѣдствія. Кирена, вынужденная искать помощи, обратилась къ Греціи и вскорѣ была захвачена тѣмъ политическимъ движеніемъ, которое въ это время здѣсь происходило: частью мирнымъ, частью насильственнымъ путемъ аристократія и царская власть должны были уступить мѣсто демократіи. Счастливы были общины, во главѣ которыхъ стояли въ то время разумные и всѣми почитаемые люди, съ осторожностью и умѣньемъ проведшіе это необходимое преобразованіе, вызванное ростомъ и развитіемъ низшихъ слоевъ народа. Въ Киренѣ поводомъ къ такимъ преобразованіямъ послужилъ неудачный исходъ войны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совѣтъ дельфійскаго оракула, жреческое сословіе котораго пользовалось въ древнія времена громаднымъ и въ общемъ благодѣтельнымъ вліяніемъ на развитіе эллинизма, сердцемъ котораго, несмотря на крайнюю разрозненность отдѣльныхъ частей, всегда оставался дельфійскій храмъ. Оракулъ, нѣкогда приказавшій Батту основать колонію, теперь посовѣтовалъ киренянамъ призвать законодателя Демонакса изъ Мантинеи, чтобы упорядочить внутреннія дѣла колоніи и сдѣлать ее способною также и къ дѣятельному сопротивленію. Демонаксъ провелъ равноправіе всѣхъ гражданъ и ограничилъ власть Баттской династіи, все еще сидѣвшей на престолѣ. Это повело къ новымъ войнамъ: въ 530 г. царь Аркезилай III подвергся изгнанію, но съ помощью чужеземцевъ снова завладѣлъ властью, которую и удержалъ въ своихъ рукахъ, пока не былъ убитъ народомъ вмѣстѣ съ тиранномъ основанной между тѣмъ Барки. Такъ какъ онъ передъ тѣмъ подчинился персамъ, овладѣвшимъ во времена Камбиза Египтомъ, то персидскій намѣстникъ Египта вторгнулся въ

страну, разрушилъ Барку, вскорѣ однако снова расцвѣтшую, и поддерживалъ пошатнувшуюся царскую власть. Только въ 450 г. власть эта окончательно пала, и Кирена стала республикой.

Несмотря на постоянныя войны, Кирена достигла тѣмъ временемъ высокаго расцвѣта. Плодородная почва страны, на которой произрасталъ между прочимъ драгоцѣнный Silphium, давала прочное основаніе могуществу государства; торговля, которую киреняне вели частью сушей съ Египтомъ и Суданомъ, частью моремъ, собирала въ Кирену большія богатства, такъ что граждане ея выдѣлялись изъ всѣхъ грековъ своей любовью къ роскоши; но въ то же время они принимали живое участіе и въ художественныхъ и философскихъ стремленіяхъ греческаго народа. Безпокойный духъ кирепянъ, проявлявшійся послѣ паденія царской власти въ непрерывныхъ столкновеніяхъ между знатью и народомъ, проистекалъ, быть-можетъ, именно изъ этой чрезмѣрной роскоши. Могущество города вначалѣ мало страдало отъ этихъ внутреннихъ раздоровъ. Борьба съ восходящей соперницей, Кареагеномъ, начавшаяся вскорѣ послѣ изгнанія Баттидовъ, окончилась не ко вреду Кирены: обѣ торговыя колоніи пришли подконецъ къ соглашенію относительно границъ взаимнаго вліянія. Съ Александромъ Великимъ, явившимся въ 332 г. въ Египтѣ, киреняне не пришли во враждебныя столкновенія, заранѣе обезопасивъ себя притворной покорностью. Вообще для города было счастьемъ, что окраинное положеніе ставило его сравнительно вдали отъ политическихъ бурь: до него достигали лишь слабые отголоски ураганов. Тѣми же выгодами пользовались и другія, меньшія городскія республики, возникшія на берегу Барки и объединившіяся вмѣстѣ съ Киреной подъ именемъ Пентаполя (пятиградіе).

Однако, когда по смерти Александра могущественный потокъ его завоевательной политики разбился на многочисленные маленькіе ручейки, когда повсюду его старые военачальники подняли другъ противъ друга оружіе, стремясь завладѣть возможно большими частями огромнаго наслѣдства, тогда и Киренаика не ускользнула отъ взоровъ этихъ хищныхъ династовъ. Помимо внѣшней опасности, въ республикахъ Пентаполя снова вспыхнула въ это время съ необузданной страстностью партійная борьба; киренскіе бѣглецы обратились за помощью къ полководцу Александра, Тимброну, находившемуся въ то время на Критѣ. Птоломей, утвердившійся между тѣмъ въ Египтѣ (см. выше, стр. 62 и 125), воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вмѣшаться; онъ разбилъ Тимброна, и въ 322 г. вся Киренаика должна была признать господство хитраго египетскаго царя.

Съ этого момента начинается повидимому паденіе страны. Вовлеченная въ семейные споры Птоломеевъ область эта по временамъ завоевывала себѣ еще самостоятельность, но въ общемъ оставалась всегда подъ египетскимъ вліяніемъ. Кирена не могла болѣе соперничать ни съ Кареагеномъ съ одной, ни съ Александріей съ другой стороны. Если борьба финикійской колоніи съ развивавшейся римской имперіей и приносила Киренѣ по временамъ нѣкоторыя выгоды, если благопріятное положеніе города никогда не могло утратить своего значенія, то тѣмъ не менѣе Кирена все больше и больше приходила въ упадокъ. Паденіе, замѣтное и въ духовной области, стоитъ въ извѣстной связи съ усиливавшимся смѣшеніемъ населенія, все болѣе и болѣе оттѣснявшимъ и искажавшимъ древне-эллинскій элементъ. Особенно замѣтно увеличилось съ теченіемъ времени въ Киренаикѣ число евреевъ, пользовавшихся особыми милостями со стороны Птоломеевъ: въ позднѣйшій птоломейскій періодъ они, какъ передаютъ, составляли уже четвертую часть городского населенія. Въ какой мѣрѣ къ нимъ присоединялись ливійскіе, египетскіе и даже негритянскіе элементы, въ точности неизвѣстно; но при томъ положеніи, которое занимали города Пентаполя и при ихъ торговыхъ сношеніяхъ, эти элементы должны были имѣть значеніе.

Духовная культура африканскаго эллинизма, нѣкогда имѣвшая своимъ средоточіемъ Кирену, окончательно перешла теперь въ Александрію.

По смерти одного изъ Птоломеевъ, владѣвшаго Пентаполемъ, какъ самостоятельнымъ государствомъ, римляне мирнымъ путемъ завладѣли этой областью (около 95 г. до Р. Х.), но съ римской имперіей ее связывали лишь очень слабыя узы, такъ какъ Киренаика уже давно не представляла важнаго пункта для міровой державы. Волненія въ обложенной отнынѣ податями странѣ повели къ окончательному ея покоренію Помпеемъ въ 67 г. и соединенію съ Критомъ. Въ дальнѣйшемъ мы уже мало слышимъ что-либо о Пентаполѣ и несомнѣнно, что значеніе его все болѣе и болѣе падало. Страшное возстаніе іудейскаго населенія во времена Траяна, стоившее жизни 200,000 грековъ и римлянъ, побудило императора основать въ Киренаикѣ по подавленіи возстанія новую колонію — Адріанополь, чтобы снова поднять опустѣвшую страну. Но ослабленіемъ провинціи воспользовались между тѣмъ ливійскіе кочевники, занявшіе часть плодородныхъ земель. Послѣдніе-же остатки древняго могущества были затѣмъ уничтожены опустошеніями, произведенными исламомъ въ его завоевательный періодъ.

Б. **Карѳагенъ.**

Еще задолго передъ тѣмъ трагически закончила свое существованіе гордая соперница Кирены, финикійская колонія Карѳагенъ. Городъ этотъ основанъ былъ раньше Кирены, съ которой онъ въ первоначальной своей судьбѣ имѣетъ много общаго. Согласно взгляду, перенятому нами отъ древняго міра (см. III томъ, II глава исторіи древней западной Азіи), финикіяне, въ качествѣ морскихъ разбойниковъ и торговцевъ, уже въ древности переходили изъ восточной части бассейна Средиземнаго моря въ западную; ихъ привлекалъ, повидимому, богатый металлами Иберійскій полуостровъ, служившій имъ, какъ позднѣе испанцамъ Америка, цѣлью отважныхъ путешествій къ краю западнаго горизонта. Сѣверной Африкой они въ то время еще мало интересовались. Но когда Гибралтарскій проливъ пересталъ уже служить границей финикійскому мореплаванію, когда отважные мореплаватели и торговцы рѣшились моремъ искать себѣ новыхъ источниковъ торговли оловомъ и янтаремъ, которую они давно уже вели сушей съ югомъ, тогда области, лежащія вблизи Геркулесовыхъ столбовъ, оказались очень удобными для основанія складочныхъ мѣстъ и станцій для отдыха. Именно здѣсь, въ нынѣшнемъ Марокко, возникли первыя прочныя поселенія финикіянъ; съ теченіемъ времени вліяніе ихъ стало такъ значительно, что цѣлыя племена западной Мавританіи переняли финикійскій языкъ. Постепенно и весь остальной берегъ сѣверной Африки покрылся торговыми насажденіями, развивавшимися тѣмъ скорѣе, что соревнованіе другихъ народовъ, занимавшихся мореплаваніемъ, сказалось здѣсь значительно позднѣе. Финикійскіе колонисты стремились сохранять сношенія со своими метрополіями на дальнемъ востокѣ, хотя многіе изъ нихъ пришли въ свою новую родину бѣглецами; на это указываютъ древнѣйшія документальныя свѣдѣнія о финикійскихъ поселеніяхъ на нумидійскомъ берегу. Финикійскіе поселенцы не ставили себѣ цѣлью пріобрѣтенія большихъ земельныхъ владѣній и господства надъ мѣстнымъ населеніемъ, но добивались лишь безопасной торговли на морѣ, пользованія естественными богатствами горъ и моря, и стремились къ созданію новыхъ цѣнностей промышленной дѣятельностью. Правда, съ паденіемъ финикійскаго морского могущества и появленіемъ на морѣ другихъ флотовъ, жизненная сила такихъ поселеній, не имѣвшихъ прочныхъ корней, должна была конечно быстро пасть; на дальнѣйшее существованіе могли расчитывать лишь тѣ изъ нихъ, которыя создали себѣ болѣе прочныя основы.

Одно изъ такихъ поселеній имѣло всѣ шансы на блестящее развитіе.

Въ то время, какъ въ восточной части бассейна Средиземнаго моря развивавшійся эллинизмъ и предвѣстники его на мало-азіатскомъ берегу мало-по-малу оттѣснили финикійскую торговлю и морское могущество, западный бассейнъ съ его богатствами и выходомъ въ сѣверныя области представлялъ еще достаточно мѣста для финикійскихъ торговыхъ предпріятій, если бы имъ удалось только найти новый центральный пунктъ для развитія своей дѣятельности. Такимъ пунктомъ явился Карѳагенъ. Онъ возникъ на благопріятнѣйшемъ и наиболѣе удобномъ для торговыхъ сношеній мѣстѣ побережья Средиземнаго моря. Тамъ, гдѣ сѣверный берегъ Африки наиболѣе выступаетъ на сѣверъ, приближаясь къ противолежащей Сициліи на разстояніе всего въ 140 километровъ, и затѣмъ снова рѣзко отступаетъ къ югу, тамъ, слѣдовательно, гдѣ западный бассейнъ Средиземнаго моря отдѣляется отъ восточнаго и гдѣ проходитъ вся морская торговля, предпочитающая этотъ путь опасному проѣзду черезъ Мессинскій проливъ, тамъ плодородная и изобилующая гаванями мѣстность приглашаетъ къ отдыху и поселеніямъ. Уже въ древнія времена на этомъ мѣстѣ возникла финикійская Утика, лежавшая однако не непосредственно у морского берега, и сохранившая позднѣе, во времена блестящаго расцвѣта Карѳагена, извѣстную независимость. Карѳагенъ основанъ по преданію въ IX вѣкѣ до Р. Х. царицей Дидоной или Элиссой, бѣжавшей изъ Тира отъ жестокихъ преслѣдованій своего брата. Во всякомъ случаѣ основатели Карѳагена, кто бы они ни были, выказали лучшее пониманіе выгоды положенія, чѣмъ первые колонисты Утики: они заложили городъ у морского залива, защищеннаго двумя мысами, и, построивъ крѣпость Бирсу, сдѣлали изъ него надежное и вѣрное убѣжище на время военной опасности.

Насколько позволяютъ судить фантастическія сказанія, отношенія Карѳагена къ сосѣднимъ финикійскимъ поселеніямъ были дружественныя. И съ туземнымъ населеніемъ, ливійцами, принадлежавшими главнымъ образомъ къ бѣлокурой расѣ, карѳагеняне жили сначала въ добромъ согласіи. Но подобно тому, какъ жители Кирены вскорѣ принуждены были поднять оружіе противъ своихъ кочующихъ сосѣдей, такъ и карѳагеняне, повидимому, недолго наслаждались спокойствіемъ. А между тѣмъ борьба съ ливійцами, какъ она ни была тяжела и нежелательна, и положила собственно основаніе величію города. Карѳагенъ принужденъ былъ такъ или иначе покорить безпокойныхъ сосѣдей и подчинить своему владычеству всю большую плодородную область нынѣшняго Туниса. Создавая такимъ образомъ прочное основаніе дальнѣйшему существованію, обезопасивъ городъ отъ внѣшнихъ случайностей и образовавъ изъ поселившихся тутъ ливійцевъ главную силу своего наемнаго войска, Карѳагенъ вскорѣ сталъ могущественнѣе всѣхъ окрестныхъ финикійскихъ поселеній: онъ сталъ не только финикійскимъ городомъ — колоніей, но цѣлой финикійской областью. Но области этой нельзя, конечно, сравнивать во всѣхъ отношеніяхъ со старой родиной, такъ какъ географическое положеніе и смѣшеніе здѣсь различныхъ народовъ сильно измѣнили ея первоначальный характеръ. Изъ Карѳагена послѣдовало основаніе новыхъ колоній. Западная торговля, ускользнувшая изъ рукъ финикіянъ, перешла большею частью къ карѳагенянамъ, несмотря на увеличившееся съ теченіемъ времени соревнованіе массильскихъ грековъ и этрусковъ.

Первыя, сколько-нибудь достовѣрныя, свѣдѣнія изъ пунической исторіи относятся къ тому періоду, когда республика не только была уже вовлечена въ побѣдоносную борьбу съ ливійцами, но и занята была завоеваніемъ большихъ острововъ западной части Средиземнаго моря, главнымъ образомъ близлежащей Сициліи. Тогда, въ началѣ V вѣка, Карѳагенъ поддерживалъ еще тѣсныя сношенія съ Тиромъ, главнымъ образомъ изъ религіозныхъ побужденій; но уже тогда онъ, со своимъ финикійско-ливійскимъ смѣшаннымъ населеніемъ и стремленіемъ къ расширенію своихъ

владѣній, сильно отличался отъ своего первообраза. Наемное войско, составлявшее главную силу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проклятіе этого города торговцевъ, достигло уже полнаго расцвѣта и повлекло за собой господство солдатчины, правда, всегда разбивавшееся о своеобразное устройство государства и превосходство силы капитала, но по временамъ все-таки въ различныхъ образахъ всплывавшее въ исторіи Карѳагена. Полководецъ Мальхусъ, счастливо боровшійся въ Ливіи и Сициліи, получилъ порученіе покорить и Сардинію, но потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ туземнаго населенія и, былъ вмѣстѣ со своимъ войскомъ изгнанъ карѳагенянами, разсуждавшими въ такихъ случаяхъ чисто по-коммерчески. Мальхусъ осадилъ городъ и принудилъ карѳагенянъ отмѣнить приказъ объ изгнаніи; но они вскорѣ нашли другое законное средство, чтобы устранить этого опаснаго человѣка. Счастливѣе его оказался преемникъ его Магонъ, сумѣвшій въ качествѣ организатора войска стать во главѣ государства и передать свою власть и своему потомству. Господство династіи Магона продолжалось повидимому до 48 года; этому роду Карѳагенъ обязанъ первымъ созданіемъ своего могущества, завоеваніемъ Сициліи, Сардиніи и Балеарскихъ острововъ и основаніемъ новыхъ колоній въ Испаніи. Эллинизмъ могъ помѣшать этому развитію, но не могъ ему вполнѣ воспрепятствовать. Отъ всѣхъ этихъ предпріятій вѣетъ уже другимъ духомъ; это уже не чисто торговыя путешествія древнихъ финикіянъ, это уже уклоненіе отъ прежней чисто меркантильной политики, хотя и не повлекшее еще за собой полнаго разрыва съ ней.

Что Карѳагенъ въ сущности всегда оставался лишь торговымъ городомъ, никогда не превратившимся въ настоящее государство; что свойственное всѣмъ вольнымъ торговымъ городамъ стремленіе къ извѣстной замкнутости по отношенію къ материку, на берегу котораго они лежатъ, было присуще ему такъ же, какъ позднѣе Венеціи и Генуѣ, — лучше всего сказывается въ мелочности его политики въ самой Африкѣ. въ сравненіи съ обширными предпріятіями въ далеколежащихъ странахъ. Карѳагеняне лишь неохотно распространяли свои владѣнія вглубь страны; о покореніи же Нумидіи, князья которой въ нѣсколько дней могли наводнить всю карѳагенскую равнину своей конницей и заперетъ городъ, они повидимому никогда и не думали, довольствуясь тѣмъ, что поддерживали дружественныя сношенія съ опасными сосѣдями благодаря щедрымъ взяткамъ, а изъ всадниковъ ихъ составляли свои наемныя войска. Въ кровавой борьбѣ съ киренянами они заняли и удержали за собой береговую полосу близъ Сиртовъ, служившую исходнымъ пунктомъ африканской внутренней торговли; но о дальнѣйшихъ попыткахъ проникнуть вглубь страны или даже достигнуть негритянскихъ областей намъ ничего неизвѣстно. Эта слабая сторона того положенія, какое Карѳагенъ занималъ въ Африкѣ, и повела къ его гибели: паденіе города однимъ ударомъ разрушило державу, съумѣвшую въ періодъ своего могущества пошатнуть римское государство до самыхъ его основаній.

Поэтому-то Карѳагенъ *не имѣетъ для исторіи* сѣверной Африки того *значенія*, котораго можно было бы ожидать отъ его блестящаго имени. Причина этого явленія лежитъ однако еще глубже: Карѳагенъ былъ слишкомъ торговымъ городомъ, чтобы служить въ то же время и разсадникомъ прочной культуры. Купцу свойственно стремленіе возбудить соблазнительными товарами вкусы простыхъ народовъ и побудить ихъ къ разработкѣ естественныхъ богатствъ, чтобы затѣмъ получить эти богатства въ обмѣнъ на свои пестрые товары; но онъ ни въ коемъ случаѣ не склоненъ посвящать ихъ въ тайны своей культуры, научить ихъ, какъ приготовлять пурпуръ и стекло и лить драгоцѣнную металлическую утварь; не въ интересахъ купца — поставить эти народы въ независимое отъ своего посредничества положеніе. Только по отношенію къ рабамъ, которыхъ онъ привозитъ изъ далекихъ земель и употребляетъ въ качествѣ рабочихъ на своихъ фабри-

кахъ, онъ является учителемъ и наставникомъ. Финикійскіе торговцы ставили себѣ непреложнымъ закономъ сохраненіе въ глубокой тайнѣ (см. выше, стр. 21) своихъ торговыхъ путешествій и способовъ приготовленія драгоцѣнныхъ продуктовъ; смѣшанный ливофиникійскій народъ пунійцевъ, населявшій Карѳагенъ и принявшій наслѣдство финикійскихъ купцовъ, также оставался вѣренъ этому принципу. Поэтому-то на ревностномъ трудѣ пунійцевъ и лежитъ проклятіе безплодія.

Въ сѣверной Африкѣ область города простиралась къ западу почти до Гиппона Царскаго (Hippo Regius), къ югу до озера Тритонъ и вполнѣ совпадала съ земледѣльческимъ поясомъ. Но, повидимому, не карѳагеняне научили древнее ливійское населеніе — максіевъ, бизантовъ и заунковъ — земледѣлію, существовавшему, хотя и въ очень грубой формѣ, еще до ихъ переселенія. Первобытное населеніе, смѣшавшись съ переселенцами, образовало новый народъ ливофиникіянъ; въ немъ воплотилась настоящая сила карѳагенскаго государства: житницы ливофиникіянъ питали войска и въ трудныя времена защищали и самый городъ отъ нужды. Усовершенствованія въ земледѣліи и главнымъ образомъ искусство орошенія, принесенныя карѳагенянами изъ своей восточной родины, подняли плодородіе земли и привели страну въ цвѣтущее состояніе, не исчезнувшее и послѣ завоеванія ея римлянами и послужившее образцомъ для побѣдителей. Но хотя пунійскій языкъ и сталъ господствующимъ во всей области, принадлежавшей городу, хотя карѳагеняне и селились повсюду среди ливійцевъ и смѣшивались съ ними, тѣмъ не менѣе холодная и въ сущности безсердечная политика торговаго города препятствовала созданію прочной связи между горожанами и болѣе или менѣе притѣсняемымъ сельскимъ населеніемъ. Даже древніе финикійскіе города (Утика, Гадруметъ, Большая и Малая Лептида) не составляли органическихъ составныхъ частей карѳагенскаго государства, но сохранили за собой подъ именемъ союзниковъ сравнительно самостоятельное положеніе, подобно тому, какъ на востокѣ на ряду съ могущественной Киреной существовали еще другія городскія республики. Вслѣдствіе этого свободнаго положенія, а также и сознанія кровнаго родства, граждане этихъ древнихъ городовъ дольше другихъ сохранили вѣрность Карѳагену и только въ послѣднюю минуту отпали отъ погибавшей царицы морей.

Очень неустойчивы были отношенія Карѳагена къ кочующимъ племенамъ, составлявшимъ громадное большинство населенія сѣверной Африки. Городу удалось тѣмъ не менѣе установить свое вліяніе какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, учредить торговыя станціи и заключить нѣсколько выгодныхъ договоровъ. Безопаснѣе другихъ были племена, жившія къ востоку отъ Карѳагена на пустынныхъ берегахъ Большого и Малаго Сырта, каковы занимавшіеся овцеводствомъ насамоны, служившіе до нѣкоторой степени какъ бы пограничной защитой противъ Кирены и распространившіеся мало-по-малу на западъ, маки и „лотофаги“. Послѣднее имя, часто встрѣчающееся въ греческой литературѣ и не всегда относящееся къ одному и тому же народу, указываетъ на самое первобытное состояніе, предшествующее еще кочевому образу жизни; на существованіе, необходимѣйшія потребности котораго удовлетворялись корнями и плодами дико растущаго лотоса. Всѣ эти народы, несмотря на присущую имъ склонность къ мелкимъ грабежамъ и неповиновенію, не представляли опасности для Карѳагена, такъ какъ ихъ легко было держать въ страхѣ. Они имѣли значеніе лишь потому, что черезъ ихъ руки шла торговля съ Суданомъ, которой карѳагеняне впрочемъ никогда не придавали того значенія, какое должна была-бы подсказать имъ болѣе дальновидная политика; дѣло въ томъ, что карѳагеняне никогда не чувствовали себя африканцами, и всегда смотрѣли на себя, какъ на жителей Средиземнаго побережья; на волны его, на его привлекательные берега и были направлены всегда ихъ взоры.

Болѣе опасныхъ сосѣдей имѣла пуническая область на западѣ.

Здѣсь изъ первоначальныхъ, мало однородныхъ частей населенія съ теченіемъ вѣковъ образовались новые народы; сліяніе повидимому исходило отъ хамитскихъ группъ населенія, такъ какъ возникшая раса берберовъ по языку родственна хамитамъ. Это сліяніе происходило очевидно параллельно съ развитіемъ Карѳагена; по крайней мѣрѣ можно думать, что примѣръ высокой культуры и строгой государственной организаціи могущественнаго торговаго города оказалъ свое вліяніе на честолюбивыхъ берберскихъ князей и вызвалъ въ нихъ стремленіе расширить тѣмъ или инымъ способомъ свои владѣнія. Въ то время, какъ Геродотъ говоритъ лишь объ единичныхъ политически свободныхъ племенахъ, мы встрѣчаемъ уже позднѣе въ сѣверо-западной Африкѣ два могущественные народа, нумидійцевъ и мавританцевъ, и встрѣчаемъ царей, которые легко могли соединять подъ своими знаменами многочисленное легко подвижное войско. Весьма вѣроятно, что эти политическія преобразованія стояли въ связи съ измѣненіями въ культурномъ отношеніи и даже были ускорены послѣдними; прежде всего слѣдуетъ указать на появленіе лошади. Возможно, что усовершенствовалось и земледѣліе, хотя даже во времена югуртинской войны оно еще не достигло въ Нумидіи и Мавританіи высокаго развитія, и кочевники на своихъ выносливыхъ лошадяхъ еще и тогда составляли ядро военной силы. Карѳагеняне вскорѣ отказались отъ подчиненія своему игу этихъ опасныхъ пограничныхъ сосѣдей; они считали безполезнымъ непрерывными дорого стоющими войнами укрѣплять за собой область, доходы съ которой были ничтожны, и охотнѣе употребляли часть необходимой для этого суммы на то, чтобы дружески расположить къ себѣ князей этихъ кочевниковъ; знатнѣйшіе карѳагеняне охотно роднились съ нумидійскими царями. Съ своей стороны князья представляли въ распоряженіе карѳагенянъ свою превосходную конницу, и не одной побѣдой карѳагеняне были обязаны натиску этихъ всадниковъ пустыни. Итакъ Карѳагенъ и въ этомъ отношеніи не преслѣдовалъ африканской политики; поэтому не удивительно, что римлянамъ позднѣе легко удалось привлечь на свою сторону этихъ ненадежныхъ союзниковъ.

Такимъ образомъ исторія Карѳагена ни въ коемъ случаѣ не тождественна съ исторіей сѣверной Африки. Правда, въ судьбы замѣчательнаго торговаго государства, которому суждено было послѣ высокаго расцвѣта разбиться о сопротивленіе арійскаго народа, были вовлечены и другія независимыя или полузависимыя области. Карѳагенъ, представлявшій вначалѣ вѣрный снимокъ финикійскаго города, вскорѣ пошелъ по тому пути развитія, который свойственъ всѣмъ большимъ и богатымъ земельной собственностью торговымъ городамъ и даже, какъ доказываетъ Англія, государствамъ этого типа. Если по временамъ отдѣльныя личности и захватывали власть въ свои руки, если народъ на время и проявлялъ свою силу, то у кормила правленія всегда стояла денежная аристократія, умѣвшая разумными учрежденіями защищать себя отъ честолюбивыхъ стремленій своихъ собственныхъ членовъ. Во главѣ государства стояли два суффета; они не были, впрочемъ, въ то-же время и полководцами на войнѣ, какъ римскіе консулы, а становились во главѣ войска лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Главная сила государственнаго организма сосредоточивалась въ сенатѣ и выдѣленной изъ него герусіи, составленной изъ высшей аристократіи. Громаднымъ вліяніемъ пользовалось и жреческое сословіе, хранившее омраченную чертами восточной жестокости религію. Полководцы, пользовавшіеся во время службы величайшей свободой, но возвращеніи на родину находили въ сенатѣ неумолимаго судью, каравшаго несчастныхъ предводителей за понесенныя неудачи потерей всего имущества или даже смертью. Въ цвѣтущій періодъ государства различные принципы поддерживали такимъ образомъ другъ друга въ равновѣсіи, и государство не страдало отъ внутреннихъ раздоровъ.

Но по отношенію къ другимъ государствамъ Карѳагенъ велъ дальновидную коммерческую политику. Между гражданами финикійской колоніи существовало весьма желательное единодушіе въ воззрѣніяхъ на богатство, какъ на единственную достойную цѣль человѣческаго существованія. Не менѣе ясно было сознаніе, что только обширныя предпріятія, политическое господство надъ богатыми областями и монополія торговли могутъ осуществить идеалъ каждаго пуническаго сердца. Непрерывныя войны не являлись поэтому цѣлью сами по себѣ, какъ мы это видимъ у римлянъ, исполненныхъ смутнаго стремленія къ міровому господству; онѣ были лишь торговыми предпріятіями, для осуществленія которыхъ покупалось войско и результаты которыхъ должны были выражаться въ звонкой монетѣ. Главное оружіе государства составлялъ флотъ, защищавшій его отъ нападеній и обезпечивавшій ему свободу торговли до тѣхъ поръ, пока на исторической сценѣ не появилась другая, болѣе могущественная морская держава. Однако мы были бы несправедливы къ карѳагенянамъ и ложно судили бы о главномъ источникѣ ихъ продолжительнаго могущества, если бы не упомянули, что они источникъ богатства видѣли не только въ непроизводительной торговлѣ, но и въ земледѣліи. Пріобрѣтеніе большихъ земель въ Африкѣ, покореніе Сициліи и Сардиніи были вызваны стремленіемъ къ пріобрѣтенію земельной собственности, которая обработывалась, конечно, рабами и давала поводъ къ выгоднымъ спекуляціямъ зерномъ. Карѳагеняне же положили начало раціональному сельскому хозяйству. Это, странное для потомковъ финикійскихъ купцовъ, пристрастіе къ земледѣлію объясняется примѣсью ливійской крови.

Чисто коммерческая политика карѳагенянъ должна была измѣнить свой характеръ, какъ только въ западной части Средиземнаго моря выступили въ качествѣ соперниковъ быстро развивавшіяся греческія колоніи южной Италіи и Сициліи; теперь предстояло, во что бы то ни стало, освободиться отъ этого непріятнаго соперничества. Первое нападеніе на сицилійскихъ грековъ, во главѣ которыхъ стоялъ царь Гелонъ Сиракузскій, повело къ страшному пораженію карѳагенскаго полководца Гамилькара при Гимерѣ, въ томъ самомъ году, когда восточные греки уничтожили флотъ персидскаго царя Ксеркса въ битвѣ при Саламинѣ (480). Послѣ этого карѳагеняне на время отказались отъ притязаній на Сицилію. Въ послѣдующіе годы они занялись больше африканскими дѣлами, воевали съ нумидійцами и мавританцами, не достигнувъ, правда, значительныхъ результатовъ, и вели кровавую борьбу съ Киреной, пока наконецъ не пришли къ соглашенію относительно сферъ взаимнаго вліянія. Только смуты, послѣдовавшія за неудачнымъ походомъ аѳинянъ въ Сицилію, побудили карѳагенянъ къ вторичному вмѣшательству (410). Селинунтъ и Гимера были разрушены, позднѣе взятъ и Агригентъ; Сицилія неминуемо стала бы добычей Карѳагена, если бы узурпаторъ Діонисій I Сиракузскій не сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всѣ силы сопротивленія.

Въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ многіе сицилійскіе города выказали достойную удивленія вѣрность карѳагенянамъ. Почти семьдесятъ лѣтъ продолжалась борьба между греками и карѳагенянами; но ни одна сторона не могла похвалиться рѣшительной побѣдой. Спустя нѣкоторое время тираннъ Агаѳоклъ Сиракузскій, снова вступившій въ войну съ карѳагенянами, продолжавшуюся отъ 311 до 306 г., привелъ Карѳагенъ на край гибели: считая свое дѣло въ Сициліи совершенно потеряннымъ, онъ съ неслыханной смѣлостью высадился на африканскомъ берегу и, получивъ подкрѣпленіе отъ Кирены, едва не погубилъ Карѳагена. Только послѣ отчаянной борьбы, въ то время какъ и въ Сициліи еще свирѣпствовала война, карѳагенянамъ удалось изгнать изъ своей страны пришельцевъ и укрѣпить свое положеніе и въ Сициліи. Здѣсь впервые обнаружились слабыя стороны карѳагенскаго могущества, заключавшіяся главнымъ обра-

зомъ въ ненадежности африканскихъ союзниковъ. Тѣмъ важнѣе казалось въ будущемъ обладаніе Сициліей, служившей какъ бы крѣпостью, защищавшей городъ, хотя кароагенянамъ и не удалось создать изъ этой области дѣйствительно надежную провинцію. Обладаніе Сициліей дало имъ затѣмъ возможность отразить нападеніе царя Эпирскаго Пирра, тѣмъ болѣе, что Римъ въ то время былъ еще союзникомъ Кароагена; но именно гибель этого опаснаго противника и открыла римлянамъ путь къ величайшему острову Средиземнаго моря, принудила ихъ создать себѣ флотъ и проложила имъ такимъ образомъ путь и въ Африку. Вскорѣ началась борьба обоихъ гигантовъ, повлекшая за собой нападеніе Кароагена.

Въ общественной жизни Кароагена уже тогда замѣтны были явленія, проявившіяся въ Римѣ лишь во времена упадка республики. Какъ разъ въ самые опасные для города періоды являлись честолюбцы, которые, опираясь на деньги или свои военныя способности, стремились захватить власть въ свои руки; такъ, напримѣръ, несмѣтно богатый Ганнонъ, пытавшійся сперва ядомъ устранить съ своего пути сенатъ, вызвавшій затѣмъ возстаніе рабовъ и окончившій жизнь на крестѣ, или Бомилькаръ, думавшій воспользоваться для захвата власти моментомъ борьбы съ Агаѳокломъ. Тѣмъ не менѣе при столкновеніи съ римлянами кароагенскіе граждане — пока они не были деморализованы тяжелой, разорительной борьбой, — доказали, что они обладали не только богатствами, но и способностью самопожертвованія на общее благо.

Римляне, наоборотъ, уже въ первую пуническую войну выказали стремленіе сразу, однимъ ударомъ, поразить непріятеля; они повидимому поняли, что Кароагенъ, какъ государство, походилъ на тѣ громадныя морскія каракатицы, которыя своими длинными руками далеко захватываютъ добычу, но тѣло которыхъ слабо и неспособно къ сопротивленію. Однако успѣшная сначала высадка римскаго войска подъ предводительствомъ Регула окончилась полнымъ пораженіемъ. И хотя Кароагенъ въ концѣ концовъ и согласился на унизительный для него миръ и отказался отъ своихъ притязаній на Сицилію, но предпріимчивый духъ гражданъ не былъ еще сломленъ: вытѣсненные съ итальянскаго полуострова, они нашли себѣ новое поле дѣятельности на иберійскомъ. Кароагенъ задумалъ подчинить своему господству всю Испанію, богатствами которой дотолѣ пользовались лишь приморскіе колоніальные города; такимъ образомъ онъ немедленно послѣ потери Сициліи занялъ угрожающую фланговую позицію по отношенію къ римской имперіи. Римъ понялъ опасность, всю величину которой ему предстояло вскорѣ испытать, во второй пунической войнѣ, когда Ганнибалъ со своими испанскими и кельтскими наемниками уничтожилъ цвѣтъ римской военной силы при Каннахъ и подошелъ къ воротамъ Рима. Но къ гибели Кароагена послужило то обстоятельство, что онъ, въ противоположность непреклонной силѣ воли римлянъ, и на эту рѣшительную борьбу не могъ смотрѣть иначе, чѣмъ на дорого стоющее коммерческое предпріятіе.

Послѣ того, какъ нападеніе на Италію окончилось полной неудачей, война снова перенесена была въ Африку. Но здѣсь тѣмъ временемъ положеніе Кароагена по отношенію къ его подданнымъ и союзникамъ скорѣе ухудшилось, чѣмъ улучшилось; несчастной меркантильной республикѣ не пошла на пользу и сила сопротивленія, выказанная позднѣе, во времена Югурты, нумидійцами. Ливійское населеніе примыкающей къ Кароагену страны показало, чего можно было отъ него ожидать: послѣ первой пунической войны земледѣльческое населеніе, вслѣдствіе испытываемыхъ имъ притѣсненій, возстало и довело городъ до отчаяннаго положенія. Лишь съ трудомъ удалось подавить возстаніе; но Сардинія, на которой между тѣмъ произошло возмущеніе наемниковъ, перешла при этомъ случаѣ въ руки римлянъ.

Никогда величіе римской политики, въ противоположность меркантильному узкому міровоззрѣнію кароагенянъ, не сказалось такъ ясно, какъ во вторую пуническую войну. Несмотря на крайне стѣсненное положеніе въ Италіи, Римъ тѣмъ не менѣе побѣдоносно продолжалъ войну въ Испаніи, сломилъ такимъ образомъ въ самомъ основаніи могущество кароагенянъ и съумѣлъ привлечь на свою сторону ненадежные народы сѣверной Африки, и все это въ то самое время, какъ страшное войско Ганнибала находилось еще въ южной Италіи. Кароагенянамъ удалось еще съ помощью другихъ нумидійскихъ князей разбить Сифакса, перешедшаго на сторону Рима: но дѣла приняли угрожающій оборотъ съ отпаденіемъ Масиниссы. Кароагеняне попытались, правда, сперва привлечь его на свою сторону родственными узами, но затѣмъ возбудили его гнѣвъ, отдавъ болѣе могущественному Сифаксу обѣщанную ему невѣсту. Вскорѣ послѣ того, какъ римляне сами перенесли борьбу въ Африку, обнаружилась вся слабость Кароагена. Единственнымъ надежнымъ подкрѣпленіемъ, которое дала кароагенянамъ Африка, оказались слоны: полководецъ Гасдрубалъ лично выступалъ на охоту за ними; но гибельна была для кароагенянъ открытая вражда Масиниссы и двуличная дружба Сифакса. Только непоколебимая вѣрность Кароагену финикійскихъ колоній замедлила паденіе города. Послѣ пораженія при Замѣ униженный Кароагенъ окончательно отказался отъ своихъ притязаній на міровое положеніе. Многіе могущественные купцы по всей вѣроятности радостно привѣтствовали окончаніе дорого стоющихъ войнъ и вступленіе торговли вновь въ свои права. Дѣйствительно, благосостояніе города снова быстро поднялось; но случай исправить при помощи этихъ богатствъ сдѣланныя ошибки и укрѣпить свое положеніе въ Африкѣ, былъ навсегда упущенъ.

Къ концу второй пунической войны князья Нумидіи и Мавританіи во главѣ съ Масиниссой, непримиримымъ врагомъ Кароагена, являются уже страшными сосѣдями на границѣ пунической республики. Нѣтъ сомнѣнія, что именно во время римско-кароагенской войны изъ владѣнія необузданныхъ кочевниковъ развились болѣе прочныя государственныя образованія, что князья этихъ новыхъ государствъ прониклись сознаніемъ своей силы и, введя различныя культурныя улучшенія, главнымъ образомъ основывая города и покровительствуя земледѣлію, создали прочное основаніе своему могуществу. Кароагенъ не могъ уже привлечь къ себѣ этихъ новыхъ государствъ въ качествѣ союзниковъ. Козни Масиниссы, фаворита Рима, вскорѣ принудили несчастный торговый городъ снова начать войну. Эта война повлекла за собой вмѣшательство Рима и паденіе Кароагена въ 146 году. Въ крови и огнѣ зашла звѣзда нѣкогда гордаго и могущественнаго финикійскаго города; вмѣстѣ съ нею исчезъ изъ исторіи человѣчества и кароагенскій народъ, какъ таковой.

B. **Господство Рима.**

Римъ принялъ оставленное Кароагеномъ наслѣдство и образовалъ изъ его области провинцію Африку. Послѣдняя сохранила свое цвѣтущее состояніе и въ римскій періодъ. Города, оставшіеся вѣрными Кароагену, были разрушены, другіе получили правителями римскихъ префектовъ. Только Утика и Гиппонъ, перешедшіе во время послѣдней войны на сторону побѣдителя, сохранили большую часть своихъ привилегій; Утика сильно выиграла съ паденіемъ Кароагена, заняла на время его мѣсто въ торговомъ отношеніи и по богатству и торговымъ сношеніямъ могла соперничать съ Родосомъ и Александріей. Но и на развалинахъ Кароагена съ теченіемъ времени вновь возникъ городъ. Правда, попытка К. Гракха основать колонію на этомъ историческомъ мѣстѣ не удалась; но Цезарь и вслѣдъ за нимъ Августъ съ успѣхомъ осуществили это пред-

пріятіе. Новая колонія въ теченіе многихъ вѣковъ пользовалась широкимъ благосостояніемъ.

Однако наслѣдство, оставленное Карѳагеномъ, состояло не только въ богатой плодородной землѣ и могущественномъ положеніи на Средиземномъ морѣ: отъ своихъ побѣжденныхъ предшественниковъ римляне унаслѣдовали и борьбу съ тѣсно сплотившимися кочевниками, истинными сынами сѣверной Африки, безпокоившими границы богатой провинціи. Масинисса своей дальновидной политикой поднялъ нумидійское царство на степень грозной державы, владѣнія которой простирались отъ границъ Киренаики до Мавританіи. После смерти этого вѣрнаго союзника римлянъ достаточно было лишь незначительнаго повода, чтобы вновь вспыхнула старая борьба между земледѣльцами и кочевниками, проявившаяся въ войнѣ между Римомъ и Нумидіей.

При преемникѣ Масиниссы, Миципсѣ, хорошія отношенія къ Риму еще не были нарушены; раздоры начались, когда на престолъ, послѣ смерти Миципсы (въ 118 г. до Р. Х.) и убійства Гіэмпсала, вступилъ хитрый Югурта, внукъ Масиниссы и племянникъ Миципсы. Впервые на театръ военныхъ дѣйствій выступилъ здѣсь истинный сынъ сѣверной Африки, человѣкъ, соединявшій въ себѣ разбойническую смѣлость кочевника съ пунической хитростью и изучившій, въ качествѣ союзника римлянъ, военное искусство стремившагося къ всемірному владычеству народа; впервые также народу арійской расы, въ борьбѣ за господство на берегахъ Средиземнаго моря, пришлось испытать враждебную силу сѣверо-африканской природы. Въ силу распоряженія римскаго правительства Югурта получилъ лишь болѣе цѣнную западную часть царства Миципсы, т.-е. нынѣшній Алжиръ за исключеніемъ восточныхъ земель и главнаго города Цирты, а сводный братъ его, Адгербалъ, получилъ восточную часть, соотвѣтствующую нынѣшнему Триполи. Но Адгербалъ недолго владѣлъ своей областью; въ 112 г. Югурта нашелъ предлогъ къ войнѣ: Адгербалъ былъ осажденъ въ своемъ главномъ городѣ Циртѣ и убитъ вмѣстѣ съ большимъ числомъ жителей при штурмѣ города. Такъ или иначе, Риму пришлось выступить противъ узурпатора хотя бы по той причинѣ, что среди убитыхъ жителей Цирты находилось и значительное число римскихъ гражданъ. Въ дѣйствительности же дѣло было несравненно важнѣе: вопросъ шелъ о безопасности провинціи Африки, представлявшей не только цѣнное владѣніе по своимъ естественнымъ богатствамъ, но составлявшей и необходимый краеугольный камень въ зданіи римской имперіи. Карѳагенъ на свою собственную гибель не понялъ необходимости укрѣпить свое положеніе въ Африкѣ рѣшительной борьбой съ все болѣе и болѣе крѣпнувшимъ нумидійскимъ царствомъ и предпочиталъ золотомъ покупать себѣ ненадежное союзничество кочевниковъ. Римскій сенатъ вначалѣ также былъ склоненъ прибѣгать съ этому удобному средству и желалъ закрыть глаза на серьезное положеніе дѣла. Но то неопредѣленное положеніе, съ которымъ до конца дней своихъ мирилась карѳагенская республика, должно было властолюбивому римскому народу показаться позорнымъ. И когда римляне наконецъ вступили рѣшительно въ борьбу съ нумидійцами, древній споръ между земледѣльцами и кочевниками снова закончился въ пользу первыхъ.

Такъ называемая югуртинская война началась въ 111 г., но не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, такъ какъ Югурта сумѣлъ воспользоваться подкупностью сенатской партіи и высланнаго противъ него консула Кальпурнія Бестіи. Даже и тогда, когда вождь народной партіи, Меммій, добился вызова нумидійскаго царя въ Римъ, ловкій африканецъ и тутъ съумѣлъ вывернуться благодаря продажности руководящихъ классовъ, которая даже его самого привела въ изумленіе. Но когда онъ въ своей дерзости дошелъ до того, что велѣлъ предательски убить своего

двоюроднаго брата Массиву, бѣжавшаго въ Римъ подъ защиту римскаго гостепріимства, ему пришлось оставить городъ и готовиться къ новой войнѣ. Сенатская партія снова повела войну небрежно и неудачно; одинъ отрядъ былъ даже окруженъ Югуртой и получилъ свободу цѣною позорнаго униженія.

Наконецъ народной партіи, заключавшей въ то время въ своихъ рядахъ лучшую часть римскаго народа, удалось сломить вліяніе господствующей партіи, добиться наказанія виновныхъ и поставить во главѣ войска неподкупныхъ полководцевъ. Стѣсненный консуломъ Метелломъ, Югурта успѣлъ на время соединить противъ римлянъ всѣ силы кочевниковъ сѣверной Африки, вступивъ въ союзъ со своимъ тестемъ, царемъ Мавританіи, Бокхомъ. Мавританское царство существовало уже во времена второй пунической войны, обнимало большую часть Марокко и въ культурномъ отношеніе стояло по всей вѣроятности немногимъ ниже нумидійскаго, такъ какъ древнее финикійское вліяніе оставило прочные слѣды на западномъ берегу Марокко. Неизвѣстно, удалось ли бы римлянамъ окончательно сломить силу соединившихся враговъ; ибо двукратное пораженіе обоихъ царей при Циртѣ ни въ коемъ случаѣ не рѣшало еще войны. Но союзъ продолжался недолго; Бокхъ рѣшился выдать своего зятя римлянамъ, которые украсили Югуртой свое тріумфальное шествіе и затѣмъ бросили несчастнаго въ подземную темницу. Нумидійское царство было раздѣлено; часть досталась Бокху, другая присоединена къ римской провинціи, остальное получили два нумидійскіе принца.

О полномъ покореніи сѣверной Африки римлянами не было рѣчи и въ послѣдующее время. Римская имперія всегда смотрѣла на эту область скорѣе какъ на окраину, чѣмъ какъ на путь въ Суданъ, богатства котораго лишь въ очень незначительныхъ размѣрахъ доходили черезъ страшную песчаную пустыню до сѣвера Африки и не могли побудить къ обширнымъ коммерческимъ предпріятіямъ, а тѣмъ менѣе къ военнымъ походамъ. Если римское господство въ сѣверной Африкѣ тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени значительно окрѣпло, то это скорѣе стояло въ связи съ ростомъ культуры, съ ростомъ земледѣльческаго и городского населенія, чѣмъ съ политическими мѣропріятіями. Туда, куда проникало земледѣліе, проникала и римская культура; за духовнымъ же подчиненіемъ слѣдовало и политическое, сдѣлавшее римлянъ естественными охранителями всѣхъ осѣдлыхъ племенъ сѣверной Африки.

Въ то время, какъ провинція Африка все болѣе и болѣе обращалась въ чисто римскую область, и Нумидія не избѣгла романизаціи. Уже Масинисса охотно поощрялъ поселеніе земледѣльцевъ въ своей области. Этимъ онъ создалъ, правда, прочное основаніе своему могуществу и проложилъ путь къ объединенію Нумидіи, но въ то же время отказался отъ кочевого образа жизни, только благодаря которому нумидійцы и могли надѣяться противустоять римскому вліянію. Случайное обстоятельство, что царь Юба Нумидійскій въ борьбѣ Помпея съ Цезаремъ сталъ на сторону перваго и потерпѣлъ вмѣстѣ съ нимъ пораженіе, ускорило переворотъ; Августъ присоединилъ восточную часть Нумидіи какъ „новую провинцію" къ римской имперіи, оставивъ Юбѣ лишь менѣе культурный западъ и Мавританію, только небольшая часть которой признала, впрочемъ, власть царя. Съ этого момента имя нумидійцевъ отступаетъ на задній планъ и для жителей сѣверной Африки, главнымъ образомъ кочевниковъ, становится общимъ обозначеніе „мавровъ"; этимъ заканчивается сліяніе различныхъ частей первобытнаго населенія въ новую расу.

Римляне вскорѣ принуждены были защитить подчиненную имъ область земледѣльцевъ рядомъ укрѣпленій и своего рода военной границей, отъ кочевниковъ, которые, будучи оттѣснены въ степь и горы, предпринимали оттуда частые набѣги на плодородныя области. Но для защиты страны достаточно было сравнительно небольшого количества войскъ, такъ какъ

по окончательномъ ослабленіи нумидійскаго могущества римской Африкѣ не угрожалъ уже болѣе никакой сильный врагъ: лишь два легіона (позднѣе даже только одинъ) были расквартированы въ Африкѣ; какъ показываетъ приложенный рисунокъ („Конница мавровъ, предводительствуемая Лузіемъ Квіетомъ, въ битвѣ съ даками"), римляне пользовались даже военной силой сѣверной Африки для своихъ внѣшнихъ войнъ. Внѣ провинціи римскому вліянію подвластны были лишь земледѣльческія области, а такъ какъ онѣ были разбросаны подобно оазамъ среди земель кочевниковъ, то о полномъ покореніи страны никогда не могло быть и рѣчи. Это особенно относится къ Мавританіи, которая и въ позднѣйшія времена не стала прочной составной частью римской имперіи.

Внѣшняя исторія сѣверной Африки въ періодъ римскихъ императоровъ представляетъ мало интереса. Изъ всѣхъ окраинъ римской имперіи Африка менѣе другихъ подвергалась нападеніямъ извнѣ; въ то же время она принадлежала къ областямъ, никогда не служившимъ исходнымъ пунктомъ какихъ-либо предпріятій. Эти благопріятныя обстоятельства не мало содѣйствовали развитію страны. Римскій Карѳагенъ, возникшій на мѣстѣ разрушенной соперницы Рима, несмотря на проклятіе, нѣкогда произнесенное Сципіономъ надъ дымящимися развалинами финикійскаго города, развился такъ быстро и блестяще, что по богатству и количеству населенія могъ соперничать съ Александріей. Подвозъ хлѣба изъ Африки давно уже сталъ необходимостью для Рима и Италіи, сельское населеніе которой все болѣе и болѣе падало, и направлялъ часть денежнаго потока, стекавшагося въ Римъ, въ африканскую провинцію. Науки и искусства, сильно упавшія въ Римѣ, вновь расцвѣли въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и особенно въ Африкѣ. Но и дурные спутники богатства, — невоздержность и безнравственность, — нашли себѣ здѣсь превосходную почву.

По всей вѣроятности оба эти явленія, духовное развитіе и матеріальная культура, содѣйствовали быстрому укрѣпленію христіанства въ Африкѣ и дальнѣйшему распространенію отсюда новаго вѣроученія. Въ могущественной фигурѣ Августина мы находимъ воплощеніе вліянія Африки на христіанство: глубокая и сильная натура, онъ напрасно пытался въ наслажденіяхъ найти удовлетвореніе жизнью, пока не вступилъ наконецъ на путь отреченія, по которому и слѣдовалъ съ тѣмъ же бурнымъ и страстнымъ увлеченіемъ. Мрачный элементъ вѣры, побуждавшій нѣкогда ливофиникійское населеніе Карѳагена приносить въ жертву богамъ наиболѣе дорогія существа, проявляется еще и у него въ той желѣзной послѣдовательности, съ которой онъ провелъ ученіе о благодати и предопредѣленіи, подготовившее первое раздѣленіе церквей. Съ Августиномъ африканское христіанство достигло своего высшаго развитія. Воспользовавшись образованіемъ и богатствомъ страны, оно дало Африкѣ высокое положеніе среди культурнаго міра, положеніе, которое она правда сохранила ненадолго и затѣмъ потеряла навсегда.

Г. **Вандальское царство въ Африкѣ.**

Еще въ послѣдній годъ жизни Августина ему пришлось увидѣть передъ стѣнами резиденціи непріятельскія толпы, которымъ суждено было вырвать Африку изъ рукъ римлянъ и привести ее въ упадокъ, который только въ арабскій періодъ снова уступилъ мѣсто нѣкоторому подъему. Великое переселеніе народовъ, захватившее всѣ племена восточной Германіи, увлекло и вандаловъ, жившихъ въ западной Силезіи. Положеніе ихъ среди германскихъ народовъ не совсѣмъ выяснено: нѣкоторые историки періода переселенія причисляютъ ихъ къ готамъ; по другимъ свѣдѣніямъ они скорѣе принадлежатъ къ большой группѣ свевовъ. Врядъ ли они были чистыми германцами въ антропологическомъ смыслѣ,

Мавританская конница подъ предводительствомъ Лузія Квіета, въ сраженіи съ даками. Барельефъ съ Траяновой колонны.

Какъ повсюду въ Римской Имперіи, такъ и въ Африкѣ иррегулярныя туземныя войска служили, въ случаѣ необходимости, для подкрѣпленія римскихъ гарнизоновъ. Въ большихъ походахъ этими войсками пользовались и внѣ страны; напр., мавританская кавалерія была въ войскѣ Марка Аврелія, Макрина — при его походѣ противъ Геліогабала, провозглашеннаго въ Эмезѣ императоромъ, въ войскѣ Александра Севера. На нашемъ снимкѣ съ барельефа Траяновой колонны изображенъ отрядъ мавританской конницы въ битвѣ съ даками. Воины одѣты въ короткія туники, подпоясанныя и застегнутыя на плечѣ. У ихъ маленькихъ лошадей, не взнузданныхъ и не осѣдланныхъ, гривы искусно заплетены въ косички. Вооруженіе составляли копья и небольшіе щиты. Копья были, вѣроятно, нарисованы на мраморѣ, но теперь ихъ уже не видно.

(По René Cagnat, L'armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les empereurs.)

Мавританская конница подъ предводительствомъ Лузія Квіета, въ сраженіи съ Даками; съ Траяновой колонны.

скорѣе можно допустить, что они подверглись сильному смѣшенію съ древнѣйшимъ населеніемъ, жившимъ въ Германіи еще до вторженія сплоченныхъ германскихъ племенныхъ союзовъ. Изъ имени вандаловъ было даже выведено заключеніе, что съ ними слились славянскія (вендскія) племена. Во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ германскихъ народовъ, переселившихся на югъ, вандалы слыли наименѣе достойнымъ, наименѣе храбрымъ и наиболѣе грубымъ.

Еще во времена маркоманскихъ войнъ вандалы подвинулись къ римской границѣ, сперва небольшими ордами; вскорѣ же и весь народъ двинулся на поиски за новыми мѣстами для поселеній; нѣкоторыя, не вполнѣ, впрочемъ, достовѣрныя, данныя заставляютъ однако предполагать, что и тогда еще на старой родинѣ осталась небольшая часть этого племени. Вандалы появлялись у дунайской границы то какъ враги, то какъ союзники римлянъ; главную военную силу ихъ уже тогда составляла конница. Почти совершенно уничтоженные готами, они наконецъ окончательно стали подъ защиту римлянъ и получили земли въ Паннонiи, но послѣ долгаго покоя, повидимому возбужденные счастьемъ своего соотечественника Стилихона, двинулись къ Рейну; соединившись съ аланами, они разбили франковъ на Майнѣ и наводнили Галлію, почти безъ сопротивленія отдавшуюся въ руки варваровъ. Три года спустя измѣна германской пограничной стражи открыла имъ Пиренейскіе проходы; теперь и Испанія, подобно Галліи съ глухой покорностью отдавшаяся своей судьбѣ, испытала весь ужасъ нашествія варваровъ и чужеземнаго господства (409). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дикой борьбы завоеватели раздѣлили между собой страну, часть которой осталась, впрочемъ, во власти римлянъ; казалось, для побѣжденныхъ должны были уже наступить болѣе сносныя времена, какъ вдругъ вторженіе вестготовъ навлекло на Испанію новыя смуты. Часть вандаловъ была истреблена; остальные ушли на югъ и тамъ снова на время достигли значительнаго могущества. Понимая очевидно свое положеніе, они уже тогда рѣшительно принялись за мореплаваніе и начали строить ф л о т ъ. Если флотъ этотъ и не былъ очень великъ, то все же онъ давалъ имъ возможность не только предпринимать разбойническіе набѣги на сосѣдніе острова и берега, но въ случаѣ опасности и спасаться отъ непріятеля съ женами и дѣтьми. Но окончательное развитіе вандальскій флотъ получилъ, по всей вѣроятности, лишь въ Африкѣ.

Богатая и почти беззащитная Африка успѣла уже привлечь къ себѣ взоры готскихъ князей въ то время, когда вандалы проникли до Гибралтарскаго пролива; и въ сущности вандалы лишь случайно успѣли предупредить готовъ и захватить въ свои руки заманчивую добычу. Во время роковыхъ раздоровъ между римскими полководцами Бонифаціемъ и Аэціемъ, Бонифацій прибѣгнулъ наконецъ къ отчаянному средству и призвалъ на помощь вандальскаго короля Г е й з е р и х а. Гейзерихъ съ радостью далъ свое согласіе. Въ маѣ 429 г. вандалы числомъ около 80.000 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ женъ, дѣтей и старцевъ, высадились на африканскомъ берегу. Бонифацій, вновь примирившійся между тѣмъ съ римскимъ дворомъ, напрасно бросился навстрѣчу варварамъ; онъ успѣлъ лишь защитить отъ нихъ Гиппонъ Царскій, епископскую резиденцію Августина. Когда онъ затѣмъ по возвращеніи въ Римъ, побѣдивъ Аэція, умеръ отъ ранъ, палъ и Гиппонъ, такъ что въ 435 г. вандалы овладѣли уже всей Африкой, за исключеніемъ лишь главнаго города Карѳагена. Но такъ какъ римляне ничего не сдѣлали для защиты этого послѣдняго и важнаго пункта, то Гейзерихъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, внезапнымъ нападеніемъ взялъ городъ, изнѣженные обитатели котораго и не оказали серьезнаго сопротивленія (439). Послѣ продолжительной борьбы былъ заключенъ новый договоръ, по которому Мавританія и западная часть Нумидіи остались за римлянами, а богатый востокъ окончательно достался вандаламъ (442).

Впродолженіе всей этой борьбы не было и попытокъ къ серьезному сопротивленію со стороны туземныхъ жителей: Бонифацій защищалъ Гиппонъ при помощи готскихъ наемниковъ, между тѣмъ какъ осѣдлое населеніе не оказало сколько-нибудь значительной помощи, а кочующія племена держались двусмысленно или же прямо пользовались затруднительнымъ положеніемъ римскаго намѣстника для грабежей и разбойническихъ набѣговъ. Эта слабость проистекала изъ соціальныхъ условій, развившихся въ сѣверной Африкѣ еще въ болѣе неблагопріятномъ направленіи, чѣмъ въ другихъ частяхъ римской имперіи. Свободные крестьяне уже давно очутились въ крѣпостной зависимости земельныхъ собственниковъ и находились въ положеніи, немногимъ лучшемъ чѣмъ многочисленный классъ рабовъ. Но съ паденіемъ престижа императорской власти и большія помѣстья тѣмъ легче подвергались неимовѣрному разграбленію со стороны безсовѣстныхъ намѣстниковъ. Изъ боязни потерять послѣднее имущество, римляне стали теперь отказываться отъ мѣстъ въ городскихъ сенатахъ, нѣкогда составлявшихъ конечную цѣль честолюбивыхъ стремленій, ибо теперь отъ сенаторовъ требовали возмѣщенія податныхъ недоимокъ, становившихся все значительнѣе съ усиливавшимися притѣсненіями. Почетныя мѣста во главѣ нѣкогда столь сильнаго древне-римскаго городскаго самоуправленія занимали теперь униженные евреи, еретики и преступники. Неоднократно вспыхивали кровавыя возстанія, всегда имѣвшія главной причиной бремя налоговъ. Народъ давно уже утратилъ свои военныя способности; большая часть населенія сѣверной Африки лишилась всей силы характера вслѣдствіе неблагопріятныхъ соціальныхъ и экономическихъ условій, горожане же погрязли въ безнравственной и невоздержанной жизни. „Подобно тому, какъ въ кораблѣ всѣ нечистоты стекаются глубоко внизу“, говоритъ Сальвіанъ, „такъ и нравы африканцевъ заключаютъ въ себѣ пороки всего остального свѣта. Всѣ остальные народы имѣютъ какъ свои особые пороки, такъ и свои добродѣтели; но нѣтъ почти ни одного африканца, который не обладалъ-бы всѣми пороками“.

Только въ религіи африканское населеніе находило извѣстную поддержку; она же давала имъ нѣкоторую, хотя и пассивную, силу сопротивленія, главнымъ образомъ по отношенію къ вандаламъ. Во время пребыванія своего въ Испаніи вандалы обратились въ ревностныхъ аріанъ и жестоко преслѣдовали теперь укрѣпленную Августиномъ католическую вѣру въ ея африканской родинѣ; этимъ они внушили побѣжденнымъ чувство общности, тогда какъ сами оставались лишь чужеземцами въ завоеванной странѣ, не вступая въ болѣе прочныя отношенія съ населеніемъ Африки. Выступая въ Африкѣ исключительно въ качествѣ завоевателей, вандалы увидѣли себя вынужденными устраивать свое государство, не считаясь съ положеніемъ покоренныхъ. Они не стремились привлечь на свою сторону, или по крайней мѣрѣ щадить, оба наиболѣе могущественныя сословія, крупныхъ земельныхъ собственниковъ и духовенство; они стремились, наоборотъ, къ ихъ полному уничтоженію и, захвативъ въ свои руки всю землю, стали сами на мѣсто прежнихъ ея владѣльцевъ.

Но имъ пришлось остановиться на полъ-пути; ибо число ихъ не было настолько велико, чтобы они могли подчинить такимъ образомъ своему непосредственному вліянію всю завоеванную ими область. Такимъ образомъ отдаленныя и менѣе плодородныя мѣстности удержались за старымъ населеніемъ, а лучшія, вблизи главнаго города Карѳагена, достались частью царю, который забралъ себѣ львиную долю, частью его войску. Самъ царь вскорѣ принужденъ былъ поселить на своей землѣ римскихъ арендаторовъ, или же оставить старыхъ владѣльцевъ въ качествѣ вассаловъ въ ихъ помѣстьяхъ; его примѣру послѣдовали и другіе знатные вандалы. Переворотъ не былъ, слѣдовательно, такъ глубокъ, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда; когда улеглась первая буря, вызванная

завоеваніемъ, значительная часть африканскаго населенія стала чувствовать себя подъ господствомъ вандаловъ не хуже, чѣмъ подъ надзоромъ испорченныхъ римскихъ намѣстниковъ. Къ военной службѣ африканцы призывались еще рѣже, чѣмъ въ періодъ римскаго господства. На ряду съ крѣпостными крестьянами и рабами существовали и туземные чиновники, къ которымъ завоеватели относились почти какъ къ равнымъ себѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и свободные землевладѣльцы по прихоти вандаловъ сохранили за собой свои помѣстья. Въ концѣ концовъ мы видимъ, что по водвореніи нѣкотораго спокойствія вандалы сосредоточились почти исключительно въ области Карѳагена. Отсюда, какъ изъ крѣпостной сторожевой башни, они обозрѣвали свои огромныя африканскія владѣнія и держали ихъ въ повиновеніи, въ то время какъ въ большей части Африки сохранились римскія учрежденія, и только подати стекались въ вандальскую казну. О сліяніи же завоевателей съ древнимъ населеніемъ страны или объ образованіи здѣсь новой расы не было и рѣчи.

Выгодное положеніе страны способствовало тому, что вандалы отвратили свои взоры отъ своей новой родины, и, не основывая своего могущества на расширеніи и укрѣпленіи за собой земельной собственности, построили его на непрочномъ основаніи грабежей и разбоевъ. Если духовная побѣда африканскаго христіанства означала, къ сожалѣнію, слишкомъ поздній, тріумфъ древне-карѳагенской страны надъ господствовавшимъ надъ міромъ Римомъ, то теперь изъ карѳагенской же гавани вышелъ подъ предводительствомъ бѣлокураго Гейзериха флотъ, подвергшій Римъ всѣмъ ужасамъ разграбленія. Съ этого опустошенія Рима въ 455 году начинается долгій періодъ вандальскихъ разбойничьихъ набѣговъ. Почти ежегодно флотъ царя Гейзериха безпокоилъ берега Сициліи и Италіи. Ему удалось счастливо избѣжать опасности, которою грозилъ ему заключенный противъ него союзъ императора Маіоріана съ вестготами (въ 458 году), а запутанныя дѣла западной римской имперіи всегда давали ему поводъ къ новымъ разбойническимъ набѣгамъ; когда же въ эти дѣла вмѣшался императоръ восточной римской имперіи, вандальскій король воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы ограбить и его береговыя области. Походъ, который предпринялъ въ отмщеніе императоръ Левъ (въ 468 г.), оказался совершенно неудачнымъ — римскій флотъ былъ уничтоженъ ночнымъ нападеніемъ вандаловъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя Гейзерихъ, начинавшій уже чувствовать вліяніе старости, заключилъ миръ съ Византіей, а вскорѣ послѣ того и съ Римомъ; въ 477 году умеръ этотъ могущественнѣйшій изъ вандальскихъ властелиновъ. Государство его передъ его смертью обнимало не только всю сѣверную Африку вплоть до Кирены, но и Сардинію, Корсику, Балеарскіе острова и часть Сициліи. Однако во внутренней силѣ оно скорѣе проиграло, чѣмъ выиграло, такъ какъ непрерывные разбойничьи набѣги значительно уменьшили число вандаловъ. Характерно, что при преемникѣ Гейзериха Гунерихѣ часть маврскихъ племенъ уже добилась независимости, а самъ Гунерихъ жестокими преслѣдованіями католиковъ окончательно потерялъ всякое расположеніе къ себѣ туземнаго населенія. Еще болѣе опасно было отпаденіе мавровъ при королѣ Гунтамундѣ.

Старанія короля Тразамунда (496—523) мирнымъ путемъ доставить аріанскому ученію господство въ своемъ государствѣ и тѣмъ создать наконецъ болѣе прочныя основанія вандальскому владычеству въ Африкѣ, остались такъ же тщетны, какъ и прежнія насильственныя мѣры. Король не имѣлъ счастья и въ борьбѣ съ маврами. Союзъ съ остготами, закрѣпленный женитьбой короля на готской принцессѣ Амалафридѣ, могъ бы принести странѣ большую пользу, но онъ былъ очень не продолжителенъ. Среди самихъ вандаловъ начались волненія. А когда преемникъ Тразамунда Гильдерихъ, искавшій опоры въ Византіи и склонявшійся на сто-

ропу католицизма, былъ свергнутъ съ престола полководцемъ своимъ Гелимеромъ, этимъ моментомъ рѣшилъ воспользоваться императоръ восточной римской имперіи Юстиніанъ, чтобы вновь предъявить свои старыя притязанія на Африку. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Города триполитанскаго побережья, не имѣвшіе вандальскихъ гарнизоновъ, немедленно покорились. Карѳагенъ также не оказалъ сопротивленія; Гелимеръ, собравши своихъ вандаловъ для рѣшительной битвы, потерпѣлъ, несмотря на свое численное превосходство, полное пораженіе.

Этимъ былъ положенъ конецъ господству вандаловъ. Католическое населеніе привѣтствовало византійскаго полководца Велизарія, какъ освободителя; мавры держались нейтрально, или же пользовались смутами для разбойничьихъ набѣговъ, какъ на своихъ враговъ, такъ и на друзей. Это имѣло тѣмъ худшія послѣдствія для вандаловъ, что они уже давно составляли свои войска отчасти изъ маврскихъ наемниковъ и въ особенности не могли уже обходиться безъ маврскихъ стрѣлковъ. Король Гелимеръ, бѣжавшій въ одну изъ пограничныхъ крѣпостей, сдался весною 534 года. Позднѣйшія возстанія вандаловъ привели лишь къ окончательному истребленію остатковъ этого народа или изгнанію его изъ Африки. Установленіе этого факта важно потому, что неоднократно дѣлались попытки свести особенности сѣвероафриканскихъ народовъ на счетъ сильной примѣси вандальской крови, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности даже во времена вандальскаго господства разница въ вѣрѣ препятствовала здѣсь всякому прочному слiянію, а позднѣе германскіе завоеватели окончательно исчезли изъ Африки. Языкъ и нравы вандаловъ также не оставили въ Африкѣ почти никакихъ слѣдовъ.

Императору Юстиніану не трудно было послѣ покоренія страны вновь ввести здѣсь римскія учрежденія, тѣмъ болѣе, что они только отчасти устранены были вандалами, между прочимъ и печальной памяти римскую податную систему. Но если уже вандальскіе короли вели обычную борьбу осѣдлаго населенія съ кочевниками съ все уменьшавшимся счастьемъ, то для византійскихъ намѣстниковъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи лишь чужія, ненадежныя наемныя войска, трудности этой борьбы еще возросли. Приказъ Юстиніана, въ силу котораго небольшія, почти самостоятельныя дотолѣ, маврскія княжества отнынѣ должны были подчиняться римскимъ законамъ, не произвелъ почти никакого впечатлѣнія. Безпрерывныя возстанія мавровъ обезлюдили страну; кромѣ того и религіозныя распри нашли себѣ благодарную почву среди фанатическихъ африканцевъ. Такимъ образомъ и нравственная, и экономическая сила сѣверной Африки были уже въ сильнѣйшемъ упадкѣ, когда на нее нахлынули арабы.

На нѣкоторое время и вестготы успѣли утвердиться на африканскомъ берегу; но врядъ ли значеніе этихъ владѣній было больше нынѣшнихъ испанскихъ президій, которыя не пользуются никакимъ вліяніемъ на внутренность страны.

Д. Арабскія владѣнія.

Вторженіе арабовъ коснулось прежде всего Египта: въ 641 году онъ попалъ подъ господство магометанъ. Въ пылу завоеванія арабскія войска проникли и дальше и, въ виду слабаго сопротивленія византійцевъ, перешли черезъ границы Триполи, не достигнувъ однако прочныхъ успѣховъ; трудность сношеній и передвиженія войскъ сушей всегда давали возможность византійцамъ, господствовавшимъ на морѣ, вновь возвращать себѣ потерянное. Само собой понятно, что эта борьба вновь привела къ уменьшенію количества осѣдлаго населенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ возросло значеніе кочующихъ берберовъ, съ которыми воюющимъ сторонамъ приходилось все больше и больше считаться.

Казалось, что съ основаніемъ Кайруана вблизи древней столицы — Карѳагена арабское господство въ Африкѣ было наконецъ упрочено. Однако въ 683 году полководецъ Окба долженъ былъ уступить соединеннымъ силамъ византійцевъ и берберовъ. Берберы, склонные по всему своему характеру къ крайней государственной разрозненности, соединились на этотъ разъ подъ предводительствомъ мужественной жрицы Даміи (Кагина), разбили въ 696 году предводителя арабовъ Гассана-ибнъ-Номанъ, отбросили арабовъ къ границамъ Киренаики и опустошеніемъ пограничныхъ областей старались предотвратить возможность возвращенія непріятеля. Только преемнику Гассана, Музѣ-ибнъ-Нозейръ, удалось подчинить сѣверную Африку или, по крайней мѣрѣ, изгнать византійцевъ; завоеванной съ трудомъ областью онъ воспользовался затѣмъ, какъ мостомъ для переправы въ Испанію, и здѣсь, въ плодородной древней цивилизованной странѣ основалъ прочный оплотъ ислама (712). Это рѣшило побѣду магометанской религіи и въ сѣверной Африкѣ.

Ни одно чужеземное господство не имѣло такихъ глубокихъ послѣдствій для сѣвернаго берега Африки, какъ арабское. Переселившіеся арабы стали естественными защитниками осѣдлаго населенія, на работѣ и податяхъ котораго основывалось ихъ собственное существованіе. Но они въ то же время были и народомъ пустыни, и въ степяхъ завоеванной страны нашли желанную арену для своего стремленія къ кочующему образу жизни; для нихъ сѣверная Африка стала дѣйствительно родиной. Распространяя свою вѣру и языкъ, они все больше и больше подчиняли своему вліянію туземное населеніе, или же оттѣсняли непокорныхъ въ горы и пустыни. Но наряду съ ними могущественно развился и туземный народъ берберовъ, которымъ магометанская религія съ ея спорными вопросами и массой сектъ сообщила новое духовное направленіе и создала новые пункты національнаго единенія. Борьба арабской культуры съ берберской грубой силой вѣками заполняетъ страницы сѣверо-африканской исторіи: и еще нынѣ культура арабовъ не повсюду одержала побѣду.

Громадное значеніе для сѣверной Африки и особенно для западной и наименѣе культурной ея области, Мавританіи или нынѣшняго Марокко, имѣло завоеваніе Испаніи и возникшія отсюда тѣсныя сношенія между магометанами Испаніи и Марокко. Странная смѣсь восточной и западной культуры въ маврской части Испаніи, чисто сказочный расцвѣтъ наукъ и искусствъ въ мрачную эпоху среднихъ вѣковъ, воспоминаніе о которомъ еще и нынѣ живетъ надъ развалинами маврскаго величія, оставили глубокіе слѣды на грубыхъ сынахъ Мавританіи. Когда же съ распространеніемъ христіанства владѣнія ислама въ Испаніи стали уменьшаться, толпы мавровъ переселились черезъ Гибралтаръ и, найдя убѣжище въ городахъ Марокко, передали старымъ обывателямъ страны свое трудолюбіе и искусство, подобно тому, какъ позже французскіе бѣглецы принесли въ отдаленнѣйшія германскія области зачатки промышленности и художественныхъ ремеслъ. Не входя въ подробности, назовемъ лишь одну прославленную вѣтвь промышленности испанскихъ мавровъ,—окрашиваніе кожи, вывозившейся подъ именемъ кордуана во всѣ страны свѣта, теперь же почти не изготовляемой болѣе въ своей старой родинѣ Кордовѣ. Въ Марокко окрашиваніе кожи еще и нынѣ является однимъ изъ наиболѣе важныхъ и цвѣтущихъ ремеслъ. И не только въ Марокко! Далеко на югѣ, у береговъ Нигера и его притоковъ процвѣтаетъ то же искусство, вѣроятно, перенесенное черезъ пустыню эмигрировавшими марокканцами. Мало того, мы можемъ прослѣдить существованіе непосредственныхъ сношеній между Испаніей и Суданомъ: при суданскихъ дворахъ мы даже находимъ зодчихъ изъ Гранады.

Всѣ эти факты указываютъ на то, что сношенія съ землями негровъ значительно развились со временъ римлянъ и вандаловъ. Дѣйстви-

тельно, расцвѣтъ суданской торговли явился дальнѣйшимъ и весьма важнымъ послѣдствіемъ вторженія арабовъ въ сѣверную Африку. Многочисленныя арабскія племена, не пожелавшія поселиться на плодородныхъ земляхъ въ качествѣ господъ земледѣльческаго населенія, но обратившіяся, какъ истые кочевники, къ степямъ и пустынямъ, распространили магометанское вліяніе и по широкой пустынной полосѣ, опасности и враждебное населеніе которой до того времени препятствовали всякимъ живымъ торговымъ сношеніямъ. Эти условія немедленно измѣнились, какъ только арабы приняли на себя веденіе торговли: коммерческій духъ арабской расы, проявившійся особенно сильно въ первые вѣка послѣ завоеванія, помогъ преодолѣть всѣ трудности. Политическое вліяніе арабовъ также простиралось на югъ, дальше чѣмъ вліяніе Рима; войска завоевателей проникли до оазовъ Феццана и даже Каура, т. е. почти до средняго Судана. Когда же затѣмъ удалось распространить исламъ и въ области, занятыя негритянскимъ населеніемъ, то между сѣверомъ и югомъ установилась духовная связь, и Сахара не служила уже болѣе препятствіемъ къ распространенію культуры и торговли.

Сношенія съ Суданомъ имѣли однако для сѣверной Африки и другія послѣдствія, кромѣ накопленія богатствъ въ приморскихъ городахъ, которые за своими стѣнами и укрѣпленными гаванями сохраняли нерѣдко почти республиканскую самостоятельность даже по отношенію къ калифамъ. Въ обмѣнъ на богатства востока и запада, привозимыя арабскими купцами къ берегамъ Нигера и его притоковъ, Суданъ кромѣ золота и страусовыхъ перьевъ давалъ еще своихъ людей, предназначенныхъ въ глазахъ правовѣрныхъ къ р а б с т в у сыновъ Хама. На рынкахъ сѣверо-африканскаго берега черные рабы служили предметомъ оживленной торговли; негритянки наполняли гаремы имущихъ гражданъ; черная гвардія охраняла намѣстниковъ Африки и испанскихъ калифовъ. Вслѣдствіе этого наряду съ прежнимъ населеніемъ сѣвернаго берега, вылившимся подъ арабскимъ вліяніемъ въ новую магометанскую народность, образовался болѣе низкій соціальный слой, п р о л е т а р і а т ъ, который взялъ на себя тяжелую работу, лежавшую до тѣхъ поръ на высшихъ слояхъ населенія, но въ то же время неблагопріятно отразился на нихъ вслѣдствіе неизбѣжнаго въ такихъ случаяхъ смѣшенія крови. Это относится главнымъ образомъ къ Марокко, гдѣ даже нынѣ царствующая династія имѣетъ въ своихъ жилахъ значительную примѣсь негритянской крови, и гдѣ женитьба на негритянкахъ представляетъ теперь совершенно заурядное явленіе. Въ древнія времена смѣшеніе съ неграми далеко не принимало такихъ размѣровъ. Если уже въ лицѣ берберовъ страна пріобрѣла хотя и сильный, но не особенно способствовавшій распространенію культуры элементъ, то съ проникновеніемъ негровъ это тормозящее вліяніе должно было все болѣе и болѣе усиливаться.

Громадное ц а р с т в о к а л и ф о в ъ, къ которому отнынѣ присоединены были и продолговатая полоса африканскаго побережья, и отдаленная Испанія, и которое обнимало самыя различныя, лишь поверхностно подчинившіяся арабскому вліянію, племена, носило въ себѣ самомъ зародышъ р а с п а д е н і я. Господство багдадскихъ халифовъ въ Африкѣ продолжалось лишь около ста лѣтъ: за это время удалось обратить въ магометанство большую часть берберскихъ племенъ, хотя нерѣдко возстанія ихъ нарушали миръ. Берберы, принимавшіе, уже какъ главная составная часть войска, участіе въ завоеваніи Испаніи, оказались опасными и упорными противниками; если среди нихъ и распространялось магометанское ученіе, то съ другой стороны число арабовъ значительно уменьшилось вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ: страшное пораженіе арабовъ при Танжерѣ въ 740 г. получило вслѣдствіе громаднаго количества убитыхъ предводителей и знатныхъ воиновъ названіе „Битва благородныхъ“. При паденіи Омайядовъ

и переходѣ халифата въ руки Аббасидовъ Африка на время добилась независимости и лишь въ 772 году снова приведена была къ повиновенію. Между тѣмъ одинъ изъ принцевъ омайядской династіи, Абдуррахманъ, завладѣлъ Испаніей и успѣшно отражалъ всѣ попытки Абассидовъ вернуть себѣ страну. Потеря африканскихъ владѣній стала лишь вопросомъ времени и главнымъ образомъ зависѣла отъ того, возможно ли было въ этихъ областяхъ основаніе новаго, самостоятельнаго, не поддерживаемаго извнѣ государства, при помощи однѣхъ лишь соединенныхъ силъ арабовъ и берберовъ.

Мавританія, или нынѣшнее Марокко, уже съ древнихъ временъ наименѣе подверженная чужеземному вліянію вслѣдствіе своего отдаленнаго географическаго положенія, и теперь первая отпала отъ магометанской монархіи. Одному изъ потомковъ халифа Али, Едрисъ-ибнъ-Едрисъ, удалось въ 790 году окончательно низвергнуть господство Аббасидовъ. Характерно то, что первыми примкнули къ новому властелину берберскія племена. Присущій берберамъ фанатизмъ проявился въ насильственномъ обращеніи въ магометанство христіанъ и язычниковъ, еще въ значительномъ количествѣ населявшихъ Мавританію. Мароккское царство и понынѣ сохранило за собой славу оплота магометанской нетерпимости. Въ новомъ государствѣ въ 806 году основанъ былъ городъ Фецъ, подъ защитой стѣнъ котораго развилась вскорѣ значительная культура.

Остальная Африка лишь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ находилась еще во власти Аббасидовъ. Халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ передалъ намѣстничество Африки энергичному и умному Ибрагиму-ебнъ-аль-Аглабъ; но вѣрный подданный уже очень скоро обратился въ честолюбиваго бунтовщика. Онъ встрѣтилъ лишь очень слабое сопротивленіе, такъ какъ халифъ съ своей стороны не дѣлалъ даже серьезныхъ попытокъ, чтобы вернуть потерянную провинцію. Средоточіемъ царства Аглаба остался Кайруанъ. Триполи и большая часть нынѣшняго Туниса и Алжира составляли центральную часть новаго государства. Тунисъ, какъ торговый городъ, перенялъ наслѣдіе Карѳагена. Арабскія владѣнія въ Сардиніи и Сициліи также подпали, конечно, подъ власть Аглабитовъ, еще укрѣпившихъ свое положеніе завоеваніемъ Сиракузъ въ 877 году.

Въ 908 году династія Аглабитовъ была свергнута Обейдаллахомъ, основателемъ династіи Фатимидовъ; сынъ Обейдаллаха, выдававшій себя за возвѣщеннаго Магометомъ Магди, свернулъ и Едризитовъ съ престола Мавританіи и соединилъ подъ своей властью всю сѣверную Африку за исключеніемъ Египта. Но въ 968 году Аббасиды потеряли и Египетъ, также подпавшій подъ власть Фатимидовъ которые перенесли центръ своей власти въ Каиръ и отдали западныя области въ ленное владѣніе роду Зеиритовъ (972). Исторія Зеиритовъ доказываетъ, что и тогда, какъ и раньше въ римскій періодъ, сѣверная Африка состояла изъ многихъ самостоятельныхъ и полусамостоятельныхъ маленькихъ государствъ и племенныхъ областей, и что въ рукахъ храбраго предводителя изъ нихъ легко могло образоваться одно государство, которое затѣмъ могло немедленно же снова распасться на свои составныя части, но могло и просуществовать болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Въ борьбѣ съ феодальными владѣтелями Африки Зеириты укрѣпили свое могущество и всецѣло заняли мѣсто Фатимидовъ, хотя формально оставались въ зависимости отъ Каира. Почти цѣлое столѣтіе сѣверная Африка сохраняла, по крайней мѣрѣ, внѣшнее единство, пока Марокко вновь не добилось самостоятельности и рѣшительнаго вліянія на судьбы близлежащихъ областей.

Снова религія дала поводъ къ національному перевороту. На этотъ разъ арабы выступили духовными вождями возмущенія, которое, однако, главнымъ образомъ, пришлось вынести на своихъ плечахъ берберамъ. Одно изъ арабскихъ племенъ, побуждаемое фанатизмомъ, который еще обос-

трился благодаря наступившему голоду, завладѣло подъ предводительствомъ Абу-Бекра городомъ Седжельмесой; такимъ образомъ возникла новая династія Молатемидовъ или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, Альморавидовъ.

При преемникѣ Абу-Бекра, Юсуфѣ (1069—1109), покорена была большая часть Мавританіи, и на юго-западѣ, тамъ, гдѣ лежали пастбища побѣдоноснаго племени, основанъ былъ новый городъ, Марокко. Силы грубаго, но храбраго и нетребовательнаго народа, которыя Юсуфъ держалъ теперь въ своихъ рукахъ, дали ему возможность приступить вскорѣ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Съ одной стороны царство Зеиритовъ, потрясенное въ своихъ основахъ, окончательно пало, съ другой мавркскіе князья Испаніи, изнемогавшіе въ борьбѣ съ превосходными силами христіанъ, обратились за помощью къ Юсуфу, которому ничто не могло быть болѣе пріятно. Встрѣченный, какъ спаситель и освободитель, подкрѣпленный испанскими маврами, онъ въ 1086 году на голову разбилъ кастильскаго короля Альфонса VI при Цалакѣ; однако вскорѣ выяснилось, какъ мало онъ былъ склоненъ довольствоваться красивой, но неблагодарной ролью освободителя. Князь Гранады, а за нимъ и Севильи, должны были отказаться отъ своей власти. Цивилизованные магометане-испанцы съ неудовольствіемъ увидѣли себя во власти грубыхъ сыновъ Африки, противъ суровой силы которыхъ они, однако, не имѣли мужества подняться. Юсуфу и его африканскимъ подданнымъ завоеваніе, наоборотъ, принесло большія выгоды: побѣда предотвратила паденіе ислама и сохранила Испанію, какъ опорный пунктъ, для Африки; грубые берберы, перешедшіе Гибралтаръ, нашли въ Испаніи не только богатства, но научились до нѣкоторой степени цѣнить и преимущества высокой культуры. Правда, они вмѣстѣ съ тѣмъ утратили свою первоначальную силу, какъ и прежніе переселенцы. Юсуфъ самъ, впрочемъ, оказался въ весьма слабой степени зараженнымъ утонченной культурой. „Онъ презиралъ всякія украшенія", говоритъ о немъ маврскій историкъ Абулъ-Гассанъ, „и никогда не носилъ другихъ платьевъ, кромѣ шерстяныхъ; до конца жизни пищей ему служили ячмень и верблюжье мясо, а питьемъ — верблюжье молоко". Для Африки эпоха Альморавидовъ была, повидимому, періодомъ возраставшаго благосостоянія и внутренняго спокойствія.

Второй преемникъ Юсуфа былъ побѣжденъ противникомъ, воспользовавшимся для достиженія власти тѣмъ самымъ средствомъ, къ которому нѣкогда прибѣгнулъ основатель альморавидской династіи — съ тою лишь разницей, что теперь во главѣ движенія сталъ настоящій берберъ изъ Атласа, Мохаммедъ Абдаллахъ-ибнъ-Томрутъ. Этотъ фанатикъ прибѣгнулъ къ излюбленному въ то время средству вождей политически-религіозныхъ переворотовъ, выдавъ себя за потомка Гусейна; въ дѣйствительности успѣхъ его означаетъ новую побѣду туземнаго населенія, дальнѣйшее усиленіе берберскаго вліянія. Вліяніе испанской культуры, которому не могли не подчиниться Альморавиды, было для народа, считающаго и нынѣ, какъ тогда, единственной истинной добродѣтелью презрѣнье къ наслажденіямъ и пользованіе вмѣсто одежды грязными отрепьями, желаннымъ предлогомъ къ возстанію; неподвижныя и враждебныя культурѣ черты въ характерѣ берберовъ все сильнѣе проявляются съ теченіемъ времени. Послѣ кровавыхъ междоусобныхъ войнъ новая династія Альмогадовъ достигла, наконецъ, господства въ Марокко (1149). Новые обладатели страны получили въ наслѣдство отъ Альморавидовъ и обязанность поддерживать магометанскія государства Испаніи, которыя собственными силами не могли держаться противъ христіанъ и съ паденіемъ альморавидской династіи вновь очутились въ крайне стѣсненномъ положеніи. Снова африканскіе спасители оказались двуличными; и только послѣ неоднократныхъ возмущеній большая часть магометанской Испаніи согласилась признать верховную власть Альмогадовъ.

Въ то время, какъ средоточіе африканскаго могущества лежало въ западномъ Марокко и тамъ неоднократно рѣшались судьбы государства, восточныя области сѣвернаго берега лишь слабо были связаны съ царствомъ Альморавидовъ и Альмогадовъ и даже сохраняли подъ властью своихъ собственныхъ династовъ полную независимость, какъ напримѣръ область Бужіи. Преддверье Африки, Сицилія, въ XI вѣкѣ попала въ руки норманновъ: вскорѣ послѣ того норманны завладѣли и многими африканскими приморскими городами, каковы Тунисъ и Магадія. Само собою разумѣется, что горныя и степныя берберскія племена не хотѣли признавать надъ собой никакого господства. Лишь около 1159 года одному изъ Альмогадовъ, Абдалмумену, удалось снова укрѣпиться на востокѣ, взять Бужію, Тунисъ и Магадію и изгнать изъ страны всѣхъ христіанскихъ жителей, отчасти державшихся тамъ еще съ римской эпохи.

Притязанія Альмогадовъ на Испанію вскорѣ оказались для нихъ роковыми. Увеличивающееся могущество христіанскихъ государствъ вовлекало Альмогадовъ въ непрерывныя войны, уничтожившія главную силу ихъ войскъ; но рѣшительный ударъ ихъ могуществу нанесенъ былъ битвой при Тулузѣ (1212), въ которой погибло все ихъ громадное, съ величайшимъ трудомъ собранное войско. Съ этого момента началось и распаденіе ихъ африканскаго царства. Уже въ 1206 году Тунисъ попалъ въ руки мятежника, съумѣвшаго укрѣпить свое могущество и основать династію Гафидовъ; въ Тлемсенѣ съ 1248 года достигли власти Зіониты; испанскія владѣнія также вновь добились самостоятельности. Послѣ междоусобныхъ войнъ на Марокскій престолъ вступила, наконецъ, въ 1269 династія Меринидовъ, основатель которой еще въ 1213 добился независимости въ провинціи Шаусъ. Такъ окончательно распалось африканское царство ислама; вслѣдъ затѣмъ начали развиваться позднѣйшія государства: Марокко, Алжиръ и Тунисъ. Положеніе ислама по отношенію къ христіанскимъ государствамъ Средиземнаго моря, между тѣмъ, существенно измѣнилось: западъ снова перешелъ къ нападенію. Вскорѣ войска и флоты христіанскихъ государей стали безпокоить африканскія государства на ихъ собственной землѣ. Теперь только, и скорѣе для защиты, чѣмъ для нападенія, возникли флоты „Варварійскихъ владѣній“, оставшіеся до начала XIX вѣка бичемъ Средиземнаго моря.

Еще долгое время князья меринидской династіи дѣлали попытки вмѣшиваться въ дѣла Испаніи, не встрѣчая, однако, соотвѣтственнаго пріема со стороны испанскихъ мавровъ, знавшихъ уже цѣну африканской помощи. Внутреннее развитіе Марокко въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Страна все болѣе и болѣе замыкается въ себѣ самой. Несмотря на переселеніе испанскихъ бѣглецовъ, замѣтно усилившееся послѣ паденія Гранады, африканскій неподвижный и враждебный культурѣ характеръ страны и народа становится все болѣе преобладающимъ. Частыя перемѣны династій имѣли мало значенія. Лишь около 1588 года Марокское государство значительно расширило свои границы, и, что весьма характерно, не на востокъ или западъ, но на югъ, гдѣ маленькое марокское войско заняло городъ Тимбукту, еще въ 1680 году остававшійся во власти мароккановъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западнаго Судана вліяніе ихъ сохранилось и по настоящее время. Государи Марокко могли, благодаря этому, вербовать большое количество черныхъ войскъ, сослужившихъ имъ, правда, хорошую службу въ періодъ частыхъ междоусобныхъ войнъ, но, съ другой стороны, безпрерывно увеличивавшихъ негритянскую часть населенія сѣверо-западной Африки. Негритянская гвардія, разумѣется, нерѣдко имѣла случай распоряжаться судьбой правителей и царствующихъ династій.

Изгнаніе мавровъ изъ Гранады имѣло для восточныхъ африканскихъ государствъ еще болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ для Марокко. Маленькія государства въ Тунисѣ и Алжирѣ вели до сихъ поръ незамѣтное

спокойное существованіе, лишь на время нарушенное опрометчивымъ и совершенно неудавшимся крестовымъ походомъ Людовика IX въ Тунисъ (1270). Усилившееся переселеніе мавровъ, исполненныхъ горячей жажды мщенія противъ Испаніи и часто имѣвшихъ средства для снаряженія корсарскихъ кораблей, повлекло за собой установленіе враждебныхъ отношеній между вышеназванными маленькими государствами и Испаніей, вначалѣ далеко не на пользу первыхъ. Походъ, предпринятый въ 1509 году кардиналомъ Хименесомъ, повергъ въ ужасъ весь берегъ. Испанцы заняли съ этого момента не только Оранъ, Бужію и укрѣпленный замокъ въ Алжирской гавани, но стали взимать дань съ нѣкоторыхъ маленькихъ государствъ; только горныя берберскія племена сохранили свою независимость. Городъ Триполи и еще нѣкоторые приморскіе пункты были въ рукахъ мальтійскихъ рыцарей; генуэзцы владѣли островомъ Табаркой. Такимъ образомъ сопротивленіе африканскихъ государствъ должно было ограничиться мелкимъ каперствомъ, до тѣхъ поръ, пока они съ своей стороны не были увлечены новымъ могучимъ движеніемъ ислама, исходившимъ отъ турокъ и распространившимся до границъ Марокко.

E. Турецкое господство.

Ренегатъ Хорукъ Барбаросса, грекъ родомъ изъ Лесбоса, первый распространилъ въ Африкѣ турецкое вліяніе. Предводительствуя каперскимъ судномъ, снаряженнымъ въ Константинополѣ нѣсколькими купцами, онъ отправился въ западную часть Средиземнаго моря и избралъ городъ Тунисъ исходнымъ пунктомъ своихъ счастливыхъ разбойничьихъ предпріятій. Мало-по-малу онъ завладѣлъ нѣсколькими приморскими городами и наконецъ Алжиромъ; изгнанный князь Алжира тщетно пытался въ 1517 году съ помощью испанцевъ вернуть себѣ свое маленькое государство. По смерти Хорука братъ его Шераддинъ расширилъ вновь образовавшееся государство и, признавъ верховную власть Порты, обезпечилъ его дальнѣйшее существованіе.

Начавшійся отсюда періодъ турецкаго господства оказался въ общемъ печальной для прибрежныхъ странъ сѣверной Африки эпохой. Настоящими повелителями страны были турецкіе гарнизоны. Назначенный султаномъ паша влачилъ лишь жалкое существованіе, а арабское и берберское населеніе, безсильное и безправное, было всецѣло предоставлено произволу новыхъ господъ. Для внутренняго развитія страны не было сдѣлано ничего. Морскіе разбои стали единственнымъ источникомъ богатства для несчастной страны. Главную причину того, что этотъ источникъ не былъ немедленно уничтоженъ насильственными мѣрами, слѣдуетъ искать въ томъ, что Испанія, отвлеченная открытіемъ Америки отъ своихъ замысловъ касательно Африки, мало-по-малу погрузилась въ политическое безсиліе. Карлъ V, завоевавъ въ 1535 году Тунисъ (см. приложенную таблицу „Разграбленіе Туниса войсками Карла V“) сдѣлалъ первый шагъ къ прекращенію морскихъ разбоевъ. Но нападеніе его на Алжиръ окончилось неудачей; а въ 1574 году былъ вновь потерянъ и Тунисъ. Въ Тунисѣ опять введено было турецкое военное господство: представители солдатъ, какъ и въ Алжирѣ, составляли „диванъ“, своего рода республиканское правленіе, съ деями, вліяніе которыхъ было очень различно, во главѣ. Отношенія между Алжиромъ и Тунисомъ были въ общемъ не вполнѣ дружественныя; въ 1757 году Тунисъ былъ даже взятъ и опустошенъ алжирскими войсками, и его бей свергнутъ. Еще болѣе, чѣмъ Тунисъ, отступаетъ по сравненію съ Алжиромъ турецкое вассальное государство Триполи, основанное въ 1551 году послѣ изгнанія мальтійскихъ рыцарей бывшимъ военачальникомъ Шераддина Барбароссы, Драгутомъ; и здѣсь власть всецѣло находилась въ рукахъ турецкой милиціи.

Т-во Просвѣщеніе въ Спб.

Разграбленіе Туниса войсками Карла V. въ 1535 г. Картонъ Jan'a Vermayen.

(Изъ гелиогравюры въ „Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen des allerhöchsten Kaiserhauses“, т. IX; Вѣна, Ad. Holzhausen.)

Всѣ три государства, Алжиръ, Тунисъ и Триполи, стяжали себѣ **морскими разбоями** печальную извѣстность, хотя въ сущности они не только отличались самимъ способомъ веденія этихъ каперскихъ войнъ, сколько продолжительностью этого порядка вещей, который у другихъ обитателей Средиземнаго моря постепенно исчезалъ. Въ средніе вѣка христіанскія государства, такъ же, какъ и магометанскія, снаряжали корсаровъ, чтобы брать непріятельскія торговыя суда и грабить берега; орденъ мальтійскихъ рыцарей именно такимъ образомъ велъ непрерывную „священную" войну противъ невѣрныхъ. Но въ то время, какъ въ другихъ странахъ съ теченіемъ времени установились болѣе мирныя отношенія и образовались болѣе здравые взгляды на международное право, варварійскія владѣнія оставались все въ одномъ и томъ же состояніи, ибо именно оно и составляло основу ихъ существованія. Напрасно флоты отдѣльныхъ государствъ неоднократно подвергались истребленію со стороны европейскихъ державъ, напрасно эти державы обстрѣливали приморскіе города — о полномъ истребленіи зла можно было думать только въ томъ случаѣ, еслибы прибрежныя области попали во власть христіанскаго государства. Однако долгое время никто не выказывалъ особеннаго желанія приступить къ такому трудному и неблагодарному предпріятію; всѣ предпочитали искать безопасности отъ пиратовъ въ договорахъ съ ними. Это отчасти и удавалось, но тѣмъ самымъ вся тяжесть зла переносилась на тѣ государства, которыя не умѣли ладить съ пиратами. Въ общемъ, могущество варварійскихъ владѣній съ теченіемъ вѣковъ все больше и больше падало; мѣсто грандіозныхъ разбойничьихъ набѣговъ заступили мелкія предпріятія. Но такъ какъ заключаемые договоры значительно уменьшали число возможныхъ жертвъ, то неминуемо должна была увеличиваться **область**, на которую распространялись разбои. И дѣйствительно, пираты вскорѣ появились по ту сторону Гибралтарскаго пролива: въ 1617 году они разграбили Мадеру, въ 1631 опустошили берегъ Ирландіи, въ 1637 высадились въ Исландіи и еще въ началѣ XIX столѣтія алжирскіе разбойничьи корабли доходили до границъ Сѣвернаго моря. Эти набѣги приносили имъ не только деньги, но и людей: суммы, получавшіяся за выкупъ плѣнныхъ христіанъ, служили важнымъ источникомъ дохода для повелителей и жителей варварійскихъ владѣній.

Ж. Французская колонизація.

По мѣрѣ паденія турецкаго господства, все болѣе и болѣе плачевнымъ дѣлалось зрѣлище, которое представляли европейскія государства въ своемъ недостойномъ отношеніи къ разбойничьимъ гнѣздамъ африканскаго берега. Перемѣна въ этомъ отношеніи была лишь вопросомъ времени. Волна исламизма уже успѣла отхлынуть, христіанское вліяніе вновь господствовало на Средиземномъ морѣ. Уже Наполеонъ Бонапартъ протянулъ руку за Египтомъ и развернулъ на африканской землѣ французскія знамена; **Франціи** же суждено было уничтожить значительнѣйшее изъ варварійскихъ разбойничьихъ государствъ и тѣмъ устранить ставшійся невыносимымъ анахронизмъ. Алжирскіе корсары, державшіеся во время наполеоновскихъ войнъ довольно спокойно изъ страха передъ большими военными флотами, крейсировавшими въ Средиземномъ морѣ, по заключеніи мира съ новой энергіей принялись за свои разбойничьи набѣги, но вскорѣ потерпѣли большія неудачи: американскіе, англійскіе и нидерландскіе военные корабли нанесли большія потери алжирскому флоту. Но еще серьезнѣе оказался конфликтъ съ Франціей, разгорѣвшійся въ 1827 году. Французское правительство чувствовало потребность уменьшить напряженное состояніе умовъ внутри страны какимъ-нибудь внѣшнимъ

предпріятіемъ и въ то же время рѣшило воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы выступить защитницей христіанской культуры и одновременно же укрѣпиться на южномъ берегу Средиземнаго моря. Послѣ неудачной блокады Алжира французское войско высадилось въ іюнѣ 1830 года на африканскомъ берегу, разбило турецко-арабскія силы и 5-го іюля добилось сдачи города Алжира; бей тѣмъ охотнѣе покорился своей судьбѣ, что не чувствовалъ себя въ безопасности среди собственныхъ войскъ. Турки, постепенно переселившіеся въ Алжиръ въ довольно значительномъ числѣ, были высланы французами обратно на родину. Такимъ образомъ народность эта навсегда почти совершенно исчезаетъ изъ сѣверо-африканской смѣси народовъ.

Окончательное покореніе Алжира требовало однако еще большихъ денежныхъ жертвъ; подобно всѣмъ прежнимъ пришельцамъ, и французы встрѣтили упорное сопротивленіе со стороны берберскихъ племенъ, сохранившихъ во время турецкаго господства почти полную независимость. Опаснѣйшимъ врагомъ французовъ, передъ лицомъ которыхъ арабы и берберы на время забыли свою старую взаимную ненависть, оказался Абдъ-эль-Кадеръ, эмиръ Маскарскій въ области Орана. Поддерживаемый Марокко, онъ съ перемѣннымъ успѣхомъ держался до 1847 года; и только послѣ того, какъ Франція принудила марокскаго князя къ сохраненію нейтралитета, ей удалось покорить эмира. Затѣмъ потребовалось еще десять лѣтъ борьбы для покоренія кабиловъ горныхъ мѣстностей. Война 1870-го года съ Германіей дала сигналъ къ новымъ возстаніямъ; и еще въ 1881 году возмущеніе Бу-Амена показало, насколько непрочна почва, на которой покоится французское господство. Волненія на границѣ въ томъ же году дали французамъ желанный поводъ, чтобы занять Тунисъ и такимъ образомъ округлить свои африканскія владѣнія на востокѣ; за Тунисскимъ беемъ осталась лишь тѣнь прежняго могущества.

Вопросъ о томъ, является ли завоеваніе Алжира французами для жителей его счастьемъ или нѣтъ, въ сущности вопросъ праздный. И помимо печальной французской бюрократіи, помимо неразумнаго и грубаго поведенія солдатъ и офицеровъ, помимо, наконецъ, безчисленныхъ противорѣчащихъ другъ другу распоряженій, европейская культура съ ея представителями стала ненавистной населенію, которое всю цѣль своего существованія видитъ въ праздности и полнѣйшемъ отсутствіи какихъ-либо потребностей. Преграда, созданная различіемъ вѣры, повидимому, также неразрушима. Колонизація страны европейцами развивается крайне медленно, и въ этомъ отношеніи нужно считать неблагопріятнымъ то обстоятельство, что именно Франція съ ея незначительнымъ избыткомъ населенія приняла на себя трудную задачу перенесенія западной культуры на каменистую и сухую почву сѣверной Африки. Болѣе существенныхъ измѣненій можно ожидать лишь тогда, когда живыя сношенія уничтожатъ замкнутый характеръ страны, когда желѣзныя дороги пойдутъ отъ береговъ Средиземнаго моря къ Судану, и путь міровой торговли будетъ лежать черезъ алжирскія горы. Но еслибы Франція въ настоящее время рѣшила покинуть Африку, страна несомнѣнно вновь пришла бы въ то некультурное состояніе, въ которомъ и нынѣ еще пребываетъ Марокко.

3. Современное Марокко.

Въ Марокко воплощаются послѣдніе могущественные остатки сѣвероафриканской самобытности. Еще и нынѣ, какъ столѣтія тому назадъ, оно стоитъ въ сравненіи съ цвѣтущими государствами Европы, какъ фанатикъ дервишъ, гордый своей бѣдностью и своими отрепьями. Негостепріимны его берега и народъ; только съ трудомъ принуждаютъ его могущественные

сосѣди хотя бы къ нѣкоторому признанію требованій международнаго права. Но силу, лежащую еще въ этомъ средневѣковомъ государствѣ, узнала Испанія, когда она въ 1859 году предприняла войну, требуя удовлетворенія за враждебныя дѣйствія марокскихъ подданныхъ къ испанскимъ приморскимъ президіямъ. Только съ большимъ трудомъ проникло испанское войско отъ Цеуты до Тетуана; и исходъ борьбы остался бы, по всей вѣроятности, спорнымъ, еслибы волненія внутри страны не побудили марокскаго султана къ уступкамъ. Сила лежитъ, правда, скорѣе въ народѣ, чѣмъ въ правительствѣ, скорѣе въ религіозномъ фанатизмѣ, чѣмъ въ политическомъ единствѣ, о которомъ въ Марокко никогда не было и рѣчи.

Такъ и въ будущемъ исламъ въ его неподвижной сѣверо-африканской формѣ навсегда останется опаснѣйшимъ и почти непреоборимымъ врагомъ европейской культуры и заступитъ мѣсто политическихъ образованій — какъ это ни странно, въ странѣ, нѣкогда стяжавшей себѣ дурную славу, какъ средоточіе извращенной культуры! Контрасты встрѣчаются и здѣсь: грязный лѣнивый фанатикъ можетъ, конечно, превратиться въ столь же лѣниваго сластолюбца, но никакъ не въ человѣка серьезной и сознательной работы. Какого могущественнаго вліянія достигъ уже въ настоящее время враждебный культурѣ фанатизмъ въ сѣверной Африкѣ, показываетъ исторія ордена Сенусси, реформаціонной партіи въ чисто африканскомъ, враждебномъ культурѣ духѣ. Основатель ея, родомъ изъ Тлемсена въ Алжирѣ, тщетно пытался распространить свое ученіе въ Меккѣ; только перенеся резиденцію своей секты въ оазъ Сивахъ, онъ нашелъ многочисленныхъ приверженцевъ. Отсюда послѣдователи ордена, какъ сѣтью, опутали всю сѣверную Африку и даже Суданъ и добились вліянія, съ которымъ приходится серьезно считаться какъ каждому мѣстному династу, такъ и европейскимъ колоніальнымъ державамъ. Основаніе ордена было протестомъ туземнаго населенія противъ захвата Алжира французами: благочестивое предпріятіе нашло себѣ поддержку и въ Константинополѣ. Смерть основателя ордена въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ не нанесла движенію ущерба; и при его преемникахъ оазъ Сивахъ остался средоточіемъ сенусизма и горячей ненависти къ христіанамъ. И этотъ духовный протестъ оказывается сильнѣе всѣхъ усилій свѣтской мірской власти.

V. Греція.

Проф. д-ра **Рудольфа фонъ Скала.**

I. Естественныя условія національнаго развитія Греціи.

Наша часть свѣта, Европа, съуживаясь на юговостокѣ, образуетъ большой Балканскій полуостровъ, который въ томъ мѣстѣ, гдѣ примыкаетъ къ материку, имѣетъ 1200 килом. въ ширину, на широтѣ Константинополя 800 км.; затѣмъ съуживаясь все болѣе и болѣе, онъ между Тернейскимъ заливомъ и Акрокеравническими предгорьями достигаетъ 220 км., а между Амбракійскимъ и Малійскимъ заливами 120 км. въ ширину; наконецъ онъ отдѣляетъ отъ себя послѣднее развѣтвленіе — Пелопоннесскій полуостровъ, который соединяется съ средней Греціей перешейкомъ шириной только въ 6 килом. Страшной силы давленіе съ востока образовало какъ всю Динарійскую горную цѣпь, такъ и прилегающую къ ней западную часть Балканскаго полуотрова, цѣпь, которая черезъ Критъ и Родосъ продолжается вплоть до Ликіи. Давленіе съ сѣвера приподняло поверхность восточной Греціи, образовавъ тамъ горную область, къ которой принадлежатъ также Эвбея и Цикладскіе острова.

Съ самаго начала всѣ эти горныя цѣпи были чрезвычайно спутаны и громоздились безпорядочно другъ около друга — отчасти вслѣдствіе силы создавшаго ихъ давленія, отчасти вслѣдствіе того, что давленіе это происходило въ различныхъ направленіяхъ. Дикая путаница перекрещивающихся горныхъ цѣпей, водныхъ бассейновъ, лишенныхъ стока, глубокихъ долинъ — установилась въ эоценовый періодъ; затѣмъ ее смѣнила новая эра разрушенія, продолжавшаяся до пліоценоваго періода. Гигантскія трещины разбили эти гряды на отдѣльныя части, полуострова и острова, страшные обвалы создали теперешніе Малійскій и Коринѳскій заливы, восточно-аркадійское плоскогоріе, Эвбейскій проливъ. Такъ возникла самая разнообразная по очертаніямъ поверхности страна нашей части свѣта.

Эта раздробленность Пелопоннеса на острова и полуострова впослѣдствіи, правда, нѣсколько уменьшилась, такъ что изъ смѣси глубоко вдающихся заливовъ, острововъ, полуострововъ и внутреннихъ озеръ опять образовался единый материкъ. Точно также и рѣзкость очертаній стала незамѣтной благодаря морскимъ разливамъ, такъ напримѣръ, огромный сбросъ въ юго-восточной части Мессеніи можетъ быть распознанъ только при посредствѣ измѣренія лотомъ, которое показываетъ намъ въ разстояніи 2500 м. отъ берега обрывъ въ 2700 м. и глубину — 3600 метровъ. Наконецъ, въ значительной степени содѣйствовали процессу сглаживанія и выравниванія наносы и новообразованія. Несмотря на это, страна все таки осталась очень раздробленной; въ ней нѣтъ центра, нѣтъ обширныхъ равнинъ, за исключеніемъ ѳессалійской, нѣтъ хорошихъ сухопутныхъ дорогъ, судоходныхъ рѣкъ (Ахелой, Алфей и Памизъ представляютъ очень незначительныя исключенія); лучшее средство сообщенія представляетъ море. Эта страна,

съ ея въ высшей степени характернымъ, своеобразнымъ строенiемъ, раздѣлила своихъ обитателей другъ отъ друга и указала имъ путь къ морю.

Чѣмъ ниже ступень развитiя, тѣмъ сильнѣе зависимость отъ почвы, доставляющей пропитанiе: духовная сторона человѣка, которая управляетъ почвой, достигаетъ господства гораздо позже, да и она едва ли можетъ совершенно порвать всѣ нити, связывающiя человѣка съ родной почвой. Уже геологическое строенiе Грецiи съ ея котловинами и отсутствiемъ равнинъ обусловливало разъединенiе населенiя на группы и указывало путь къ морю. Область Грецiи (древняя Грецiя съ Ѳессалiей и Эпиромъ) занимаетъ 71,826 кв. километровъ (81,593 кв. к. вмѣстѣ съ островами), т. е. плоскость, которая, если представить ее въ формѣ круга, имѣетъ только 950 килом. въ окружности, между тѣмъ какъ въ Грецiи длина береговой линiи равняется 3100 килом., т. е. сравнительно болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ остальной Европѣ. (Италiя при 159,600 кв. кил. поверхности обладаетъ береговой линiей всего въ 2,780 килом.). Въ южной части полуострова наибольшее удаленiе отъ моря—52 кил., въ средней Грецiи 60 килом., и въ сѣверной—102 кил. Прекрасныя гавани въ Амбракiйскомъ, Коринѳскомъ, Аргосскомъ, Сароническомъ и Пагазейскомъ заливахъ рано должны были побуждать жителей къ занятiю мореходствомъ, равно какъ и почти постоянно видныя съ моря примѣты, которыя указывали путь морякамъ: Аѳонъ (1935 м.) во всей сѣверной половинѣ Эгейскаго моря, Эвбейскiя горы (1745 м.) въ средней и Ида на Критѣ (2460 м.) въ южной его части.

Климатъ Грецiи, благодаря близости моря, гораздо равномѣрнѣе, чѣмъ этого слѣдовало бы ожидать при ея большомъ протяженiи по широтамъ. Конечно, несмотря на это, встрѣчаются очень значительныя различiя, какъ напримѣръ, Мессенiя съ ея мягкимъ климатомъ и западная Аркадiя, носящая альпiйскiй характеръ въ высшей степени отличаются другъ отъ друга. Въ Аѳинахъ, гдѣ въ климатическомъ отношенiи соединяются самыя рѣзкiя противорѣчiя, средняя температура лѣта равняется 8,70°, а iюля 27°. Давно уже отмѣчено, какое влiянiе оказалъ климатъ въ связи съ красотой и блескомъ небесной лазури и рѣзкостью очертанiй на воспитанiе у грековъ чувства красоты формы, а теплота и незначительность осадковъ на архитектуру домовъ и устройство домашняго быта.

Такимъ образомъ совершенно ясно, что основныя черты греческаго духа обусловлены особенностями самой страны; возникновенiе племенъ привело къ многообразiю формъ развитiя, которыя своими различiями и частными интересами въ свою очередь оказали сильное влiянiе на живучесть духа. Всѣ недостатки и всѣ преимущества, свойственные индивидуализму — самолюбiе, но не отдѣльныхъ личностей, а скорѣе мелкихъ группъ—соединились такимъ образомъ въ Грецiи: какъ изъ одного источника, изъ него развиваются и высокая степень даровитости отдѣльныхъ личностей и раздробленность страны на мелкiя отдѣльныя государства.

2. До-греческiй перiодъ.

Исторiя Европы начинается на Балканскомъ полуостровѣ и на островахъ Эгейскаго моря. Тамъ впервые въ нашей части свѣта краснорѣчиво начали говорить надписи на камняхъ; но и изъ лишенныхъ надписей камней разрушенныхъ дворцовъ, крѣпостей и могилъ современный изслѣдователь извлекаетъ свѣдѣнiя о столѣтiяхъ, когда еще не было надписей. Черепки вазъ свидѣтельствуютъ о принадлежности древнѣйшаго населенiя къ опредѣленной культурѣ и даже даютъ возможность хронологически опредѣлить ее. Сравнительное языкознанiе проливаетъ свѣтъ на непонятныя намъ географическiя названiя и вскрываетъ въ нихъ послѣднiе

слѣды народовъ, о которыхъ преданіе молчитъ или дѣлаетъ лишь неясныя упоминанія.

Однако археологія и сравнительное языкознаніе не идутъ пока еще до такой степени рука объ руку, чтобы мы могли съ полной и исключающей всякое сомнѣніе опредѣленностью сопоставить наиболѣе ранніе изъ мастерски разобранныхъ вещественныхъ памятниковъ одного изъ слоевъ населенія съ данными исторіи языка. Вѣроятность, которая почти переходитъ въ увѣренность, говоритъ во всякомъ случаѣ за то, что носителями той древней культуры, которую мы называемъ микенской, слѣдуетъ считать грековъ; въ свою очередь, очень вѣроятно, что акрополи Микенъ и Тиринѳа построены ахейцами или до-дорійскимъ населеніемъ. На Мелосѣ англійскія раскопки открыли подъ микенскимъ дворцомъ доисторическій; точно также и греческое населеніе на материкѣ слѣдуетъ группировать около древнихъ, догреческихъ поселеній и святилищъ.

Древнѣйшее населеніе сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова, фригійско-ѳракійское, о которомъ важныя свѣдѣнія далъ курганъ около Салоникъ, въ III-емъ тысячилѣтіи до Р. Х. (ср. выше стр. 49) было вытѣснено греческими племенами, переселилось въ Малую Азію, преимущественно въ область Троаду, и тамъ заселило мѣстности около холма Гиссарлыкъ (ср. томъ I, стр. 176 и сл.). Маленькія ямы, закрытыя четырьмя простыми каменными плитами, представляютъ здѣсь послѣднее жилище человѣка. Всѣ необходимыя орудія дѣлаютъ изъ камня: топоры, пилы, наконечники для стрѣлъ. Начинаютъ уже появляться долота, шила, иглы изъ мѣди (ср. фиг. 8, 12 и 24 таблицы „Греческія орудія“ при стр. 174), а впослѣдствіи даже изъ сплава мѣди съ оловомъ. Чашки съ клювообразными носками, безформенныя, пузатыя кружки представляютъ посуду этой троянской культуры, которая распространилась далеко на острова (такъ напр. Аморгосъ). Изрѣдка попадаются сосуды, въ формѣ человѣка, грубо и плохо сдѣланные, однако представляющіе первую дѣтскую попытку этихъ людей изобразить самихъ себя. Сосуды уже украшаются красками, и на нихъ рисуются нескладныя фигуры.

Вся сокровищница восточной культуры остается неизвѣстной этой троянской эпохѣ: зато послѣдняя стоитъ въ связи съ западомъ, гдѣ слѣды этнографической связи обнаруживаются даже въ Босніи (Бутмиръ; см. томъ I, стр. 176). Общенія же съ далекимъ Востокомъ, успѣвшимъ уже значительно уйти впередъ, не было никакого. Только при посредствѣ коренного мало-азійскаго населенія Троады связующія нити протянулись до Кипра (см. тамъ же, стр. 176).

Древнѣйшее населеніе южной части Балканскаго полуострова, какъ и большей части острововъ Эгейскаго моря, принадлежало не къ индогерманской народности (см. выше, стр. 48), а къ „мало-азійскому“ племени, которое впослѣдствіи раздѣлилось на карійцевъ, ликійцевъ, писидійцевъ и западныхъ киликійцевъ и въ эпоху, не опредѣлимую точнѣе, — во всякомъ случаѣ не раньше III-яго тысячелѣтія до Р. Х. — изъ Малой Азіи распространилось по островамъ, гдѣ его пребываніе можно обнаружить на Косѣ, Критѣ, Паросѣ, Патмосѣ, Леросѣ, Делосѣ, Икаросѣ и Эвбеѣ. Слѣды его пребыванія на материкѣ остались въ видѣ географическихъ названій Беотіи, Аттики, Арголиды. Заманчивая возможность установленія причинной связи между переселеніемъ фриго-ѳракійцевъ въ Малую Азію и мало-азійцевъ въ Европу устраняется тѣмъ соображеніемъ, что фриго-ѳракійскому переселенію въ Малую Азію предшествовало занятіе Греціи греками, а послѣднему — переселеніе малоазійцевъ въ Европу.

Этому племени свойственно почитаніе духовъ земли, которые обитаютъ въ изобилующихъ переходами пещерахъ, какъ это обнаруживается въ культѣ, связанномъ съ пещерою Психро на Критѣ; имя карійскаго бога Лабраида сохранилось, очевидно, въ словѣ „Лабиринтъ“. Весьма

вѣроятно, что почитаніе другихъ пещерныхъ боговъ восходитъ къ древнимъ культамъ этого древнѣйшаго малоазійскаго населенія, какъ напримѣръ, Палемона на Истмѣ, Гіацинта въ Амиклахъ, быть можетъ, также Пиѳона въ Дельфахъ и Асклепія въ Эпидаврѣ.

Этотъ слой населенія употреблялъ уже, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ, помимо другихъ находокъ, жертвенникъ изъ пещеры диктейскаго Зевса, на Критѣ, въ эпоху Микенской культуры буквенныя письмена, которыя распространились и на ближайшіе острова, напр. на Мелосъ; къ грекамъ материка отъ этихъ письменъ проникли только отдѣльныя буквы въ качествѣ украшеній и знаковъ владѣнія. Уже раньше, въ III-мъ тысячелѣтіи до Р. Х. у этого населенія въ восточной части Крита были въ употребленіи іероглифы, родственные хетійскимъ.

Эта критская культура малоазійскаго племени достигла своего расцвѣта, находясь въ живомъ общеніи съ греческимъ материкомъ и приходя въ постоянное соприкосновеніе съ продуктами его микенской культуры, уже въ эпоху двѣнадцатой египетской династіи. Есть у нея также и связующія нити съ Египтомъ, такъ что подъ именемъ „Кефтіу", употреблявшимся у египтянъ въ собирательномъ смыслѣ, слѣдуетъ разумѣть прежде всего критянъ; широкое распространеніе населенія этого острова нашло себѣ отголосокъ въ сказаніи, быть можетъ основывающемся на дѣйствительномъ фактѣ, будто филистимляне прибыли на берега Сиріи именно оттуда, изъ страны Кефторъ.

На островахъ „малоазійцы" сохранились такъ долго, что на Критѣ еще въ историческую эпоху была сдѣлана надпись (изъ Праиса) на ихъ языкѣ и еще въ V ст. найденныя на Делосѣ древнія могилы были приписаны совершенно правильно именно имъ, „карійцамъ".

3. Поселеніе грековъ.

Уже въ III-емъ тысячелѣтіи до Р. Х. на Балканскомъ полуостровѣ, повидимому, поселились греческія племена или орды, къ тому времени вполнѣ различавшіяся уже другъ отъ друга. Въ теченіе долгаго времени они, очевидно, прожили на сѣверѣ страны, тамъ, гдѣ вокругъ озера Янины находятся остатки древнѣйшей культуры, гдѣ оракулъ Зевса въ Додонѣ шелестомъ священнаго дуба будилъ въ грекахъ возвышенныя чувства.

Затѣмъ центральнымъ пунктомъ кочующихъ ордъ становится плодородная ѳессалійская равнина: въ связи съ нею стоитъ имя „Пелазги". Первоначально греки связывали съ нимъ только воспоминаніе о древней своей родинѣ; но впослѣдствіи оно стало обозначеніемъ неопредѣленнаго до-греческаго населенія страны и привело къ заблужденію, длившемуся тысячелѣтія: та истина, что народа пелазговъ не существовало, есть плодъ новѣйшей критики.

Тѣснимые съ сѣверо-востока ѳракійскими племенами (отдѣльныя горсти которыхъ даже достигали предѣловъ средней Греціи), а съ сѣверо-запада иллирійскими (въ Эпиръ, Акарнанію и Этолію), греки принуждены были отодвинуться далѣе, что привело самую южную вѣтвь ихъ на путь къ самой южной части Балканскаго полуострова, которая впослѣдствіи получила названіе острова Пелопидовъ. Это племя грековъ говорило на нарѣчіи, которое впослѣдствіи сохранилось въ Аркадіи, въ восточной части Лаконіи (также въ названіяхъ нѣкоторыхъ праздниковъ, Погеден въ Гелосѣ) и на островѣ Кипрѣ; это племя находится въ ближнемъ родствѣ съ тѣмъ, которое въ историческую эпоху жило въ Ѳессаліи, Беотіи и на Лесбосѣ. Слѣдомъ за нимъ шло племя, занявшее Аттику. Совершенно невѣроятно, чтобы эти греки имѣли уже достаточно силы, чтобы искоренить древнее

карійско-малоазійское населеніе; скорѣе всего слѣдуетъ допустить здѣсь сліяніе и заимствованіе древнихъ культовъ.

При поселеніи въ новой странѣ греки еще не раздѣлялись на колѣна, почитавшія каждое своего бога. Громадныя полчища принесли съ собой общую вѣру въ одного небеснаго бога. Это богъ свѣта, возсѣдающій на горныхъ вершинахъ, которыя раньше всего золотятся подъ пламеннымъ поцѣлуемъ восходящаго солнца и долго еще бываютъ озарены отблескомъ священнаго свѣточа, когда на долины уже спускается темная ночь. Онъ царь облаковъ, который ниспосылаетъ дождь, сверкаетъ молніей и потрясаетъ противъ врага своей эгидой, косматымъ щитомъ изъ тучъ. Собственности они не знаютъ: война и разбой объединяютъ ихъ. Живутъ они въ круглыхъ шалашахъ, въ которыхъ дымъ проходитъ еще черезъ крышу. Орда дѣлится на колѣна, которыя въ военныхъ собраніяхъ, гдѣ участвуютъ всѣ свободные, совѣщаются о своихъ нуждахъ, постановляютъ законы, считающіеся исходящими отъ божественной воли, и оказываютъ почитаніе волѣ боговъ проявляющейся въ знаменіяхъ. На греческихъ небесахъ появились: богъ стадъ обитающій въ загородяхъ, пастушескій богъ Апеллонъ или Аполлонъ, богъ дорогъ Гермесъ, въ честь котораго въ заботѣ о путникахъ сооружали каменныя гермы,[1] богиня домашняго очага, Гестія. Боги и богини почитались въ ребяческихъ формахъ, особенно въ образѣ животныхъ: ланей, совъ. Въ этомъ раннемъ эллинизмѣ удивительнымъ образомъ сочетались нравственное пониманіе боговъ и грубый фетишизмъ.

Таковы тѣ результаты, которые можно извлечь изъ матеріала, добытаго филологическими изслѣдованіями, для того, чтобы возстановить бытъ грековъ въ эпоху ихъ поселенія на Балканскомъ полуостровѣ.

4. Героическая („микенская“) эпоха.

Уже на сравнительно болѣе высокой ступени развитія находится такъ называемая микенская культура, благодаря раскопкамъ предстающая передъ нашими взорами во всемъ своемъ великолѣпіи; возникновеніе ея легче всего объясняется совмѣстной жизнью грековъ съ малоазійскимъ племенемъ: послѣднее, напримѣръ, способствовало ознакомленію съ египетскимъ искусствомъ, которое затѣмъ было самостоятельно переработано первыми.

Названіе свое эта культура получила по имени города Микенъ; главные центры ея: Тиринѳъ, Орхоменъ, акрополь Гулада на Копаидскомъ озерѣ, Аѳинскій акрополь и шестой слой[2] (или городъ) въ Троѣ. Кромѣ

---

[1] Несмотря на созвучіе словъ „Гермесъ“ и „герма“, не слѣдуетъ однако думать, что послѣднее происходитъ отъ перваго. По гречески слово „герма“ значитъ: тумба, придорожный столбъ, и лишь звуковое родство этого слова съ именемъ бога привело къ посвященію послѣднему всѣхъ столбовъ, служившихъ для указанія дороги, пограничныхъ и т. п. Это подтверждается тѣмъ еще обстоятельствомъ, что археологамъ извѣстны гермы, посвященныя и не Гермесу. Такъ напримѣръ, въ Аѳинахъ были найдены гермы, воздвигнутыя, повидимому, въ честь какого-то женскаго божества, такъ какъ на нихъ были изображены женскія фигуры. Точно также на расписныхъ вазахъ встрѣчаются изображенія статуй Діониса — Вакха одинаковой съ гермами формы. Но въ большинствѣ случаевъ все-таки гермы ставились въ честь Гермеса.

[2] При раскопкахъ древнихъ городовъ часто обнаруживаютъ нѣсколько наслоеній, нѣсколько городовъ, расположенныхъ на развалинахъ болѣе древнихъ поселеній. Такіе слои найдены были Шлиманномъ при раскопкахъ на холмѣ Гиссарлыкъ на мало-азійскомъ берегу Эгейскаго моря. Въ послѣдовательномъ порядкѣ, одна надъ другой, тамъ лежали развалины городскихъ поселеній, начиная отъ стоящаго на очень низкой стадіи развитія, почти всецѣло принадлежащаго къ каменному вѣку, и кончая культурнымъ городомъ эллинистической эпохи. Шлиманновскія раскопки обнаружили семь такихъ слоевъ, при чемъ лишь шестой сверху (второй въ хронологическомъ порядкѣ) можетъ быть пріуроченъ къ

того, она получила широкое распространеніе и въ другихъ мѣстахъ (Навплія, Пафіонъ въ Лаконіи и Кампосъ въ Мессеніи, Спата, Мениди, Галика, Торикъ, Афидна, Элевзинъ въ Аттикѣ, Эгина, Гура въ Ѳѳіотидѣ, Дельфы, Демины въ Ѳессаліи, Ѳера, Ѳеразія, Калимнъ, Мелосъ, Критъ, Родосъ). Такимъ образомъ въ эту эпоху грековъ и малоазійское племя объединяла единая культура; результатомъ ея сильнаго развитія былъ ростъ народонаселенія, недостатокъ земли и широкое разселеніе за море. Набѣги „сѣверныхъ народовъ“ на Египетъ (ср. выше стр. 51), равно какъ и завоеваніе (эолійское, и отчасти и іонійское) Малой Азіи и распространеніе микенской культуры до Сициліи (Матрензе около Сиракузъ) и до Египта (Кагунъ и Гуробъ) — все это естественныя послѣдствія расцвѣта микенской эпохи. Въ настоящее время не очень трудно составить себѣ представленіе о тогдашней жизни по раскопкамъ.

A. **Тиринѳъ.**

Посѣтимъ прежде всего городъ Тиринѳъ. Хотя онъ построенъ всего на высотѣ 13—18 метровъ надъ равниной, тѣмъ не менѣе своими крѣпкими стѣнами и своими выступающими впередъ башнями производитъ внушительное впечатлѣніе. Полные таинственности свидѣтели давно минувшаго прошлаго, эти стѣны уже греками были названы постройками циклоповъ (гигантовъ). Огромные камни отчасти отесаны въ формѣ четыреугольниковъ, отчасти снабжены и украшеніями. Поднявшись къ акрополю, мимо нижняго города, мы проходимъ между городской и крѣпостной стѣнами къ главному входу въ верхній городъ (см. фиг. 1 на прилагаемой таблицѣ „Историческія мѣстности древней Греціи“). Мы дивимся стѣнамъ толщиною въ 17,5 метра, сводчатымъ казематамъ въ стѣнахъ, которые встрѣчаются и въ финикійскихъ городахъ, и что еще замѣчательнѣе, здѣсь между вышиной и шириною стѣнъ существуетъ та же пропорція что и въ далекомъ Карѳагенѣ и другихъ городахъ сѣверной Африки. Далѣе, черезъ украшенныя колоннами ворота или пропилеи мы проходимъ по прекрасной мостовой большого двора, на которомъ возвышается алтарь Зевса, „Покровителя очага“, [1] черезъ портикъ и вестибюль въ большую залу для мужчинъ, мегаронъ (съ очагомъ 11,81 м. длины и 9,8 м. ширины). Пріятный свѣтъ падаетъ сверху въ прохладное пространство залы, которая возвышается надъ сосѣдними помѣщеніями, какъ средняя часть Соломонова храма, какъ позднѣйшій римскій жилой домъ и какъ наша церковь съ ея болѣе высокимъ среднимъ кораблемъ. Стѣнная живопись въ яркихъ крас-

---

Гомеровскому описанію Трои. Самый нижній не подходитъ ни по размѣрамъ, ни по характеру культуры къ прославленной Иліадою столицѣ царя Пріама. Третій и послѣдующіе слои также слишкомъ малы по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ должна была быть Троя. Слѣды пожара, повидимому, опустошившаго предпослѣдній изъ 7 открытыхъ на Гиссарлыкѣ городовъ, лишній разъ подтверждаютъ, что именно этотъ второй городъ и есть тотъ самый, какой описанъ въ Гомеровскомъ эпосѣ.

[1] Въ зависимости отъ того, какія функціи приписывались въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ богамъ, къ ихъ имени присоединялся соотвѣтствующій эпитетъ, который съ теченіемъ времени иногда отдѣлялся отъ перваго и становился самостоятельнымъ, новымъ именемъ бога, увеличивая такимъ образомъ населеніе Олимпа. Каждый богъ имѣлъ по нѣскольку эпитетовъ, соединяя въ своемъ лицѣ самыя разнообразныя сферы дѣятельности и служа источникомъ для возникновенія нѣсколькихъ новыхъ культовъ. Точно также и Зевсъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ одновременно тучегонителемъ, покровителемъ молящихъ о защитѣ, искупителемъ грѣховъ, охранителемъ родственныхъ узъ и т. д. Между прочимъ онъ былъ и богомъ домашняго очага, который находился въ центральномъ дворѣ каждаго греческаго дома и представлялъ самую священную часть послѣдняго. Несмотря на то, что для покровительства этому символу семейно-родового общежитія, какимъ являлся очагъ, существовала спеціальная богиня, Гестія, послѣдней приходилось дѣлить свои жертвы съ Зевсомъ, къ имени котораго присоединялся тогда соотвѣтствующій эпитетъ (по гречески Herkeios).

Входныя ворота въ верхнюю крѣпость Тиринѳа.

Такъ наз. циклопическія стѣны, возведенныя въ Микенскую эпоху.

Львиныя ворота въ Микенахъ.

названныя такъ по двумъ стоящимъ другъ противъ друга львамъ.

Виды къ древней греческ

Видъ на раскопки въ Троѣ (Гиссарликъ).

Въ серединѣ холмъ, оставленный Дерпфельдомъ для возможности провѣрять добытые имъ результаты относительно расположенія различныхъ слоевъ. Изъ 9-ти слоевъ (1. Доисторическое поселеніе. 2. Доисторическая крѣпость. 3—5. Менѣе значительныя доисторическія поселенія. 6. Гомеровская Троя. 7. Лидійскій слой. 8. Греческій городъ. 9. Римскій городъ) первые видны здѣсь очень хорошо.

Видъ на Тайгетъ у Спарты

съ памятника Леонида въ Спартѣ. Снѣжные покровы горныхъ вершинъ: начало Мая.

Т-во «Просвѣщеніе» въ Спб.

исторіи. *(По фотографіямъ.)*

кахъ, розетки, чашечки цвѣтовъ, сцены изъ пастушеской жизни ласкаютъ взоры. Часто попадаются украшенія, которыя намъ знакомы по рисункамъ восточныхъ ковровъ. Ковровый же рисунокъ нацарапанъ также въ красной и синей краскахъ, и на известковомъ слоѣ, покрывающемъ полъ. Двустворчатыя и одностворчатыя двери, отчасти завѣшанныя ковровыми занавѣсями, ведутъ насъ въ женскую залу. Прямоугольные дворы съ колоннами и портиками, большая главная зала, необычайно длинные корридоры,— все это точный сколокъ съ египетскихъ и сирійскихъ дворцовъ.

Б. Микены.

Изъ этого прекраснаго замка, Тиринѳа, мы спустимся на равнину мимо конусообразной скалы Аргоса въ Микены. По дорогѣ шириною въ 3,5 метра, высѣченной въ скалахъ и укрѣпленной посредствомъ циклопическихъ каменныхъ глыбъ, по каменнымъ мостамъ съ протоками для воды мы поднимаемся къ городской стѣнѣ. Мы приходимъ черезъ львиныя ворота (см. фиг. на приложенной таблицѣ), получившія такое названіе потому, что надъ ними помѣщены плиты съ рельефными изображеніями львовъ, которые опираются на нижній край колонны и стоятъ другъ противъ друга, точно геральдическіе львы. По улицамъ проходятъ знатные микенцы, принадлежащіе къ господствующему классу, и члены царскаго рода. Верхняя губа у нихъ обрита, на подбородкѣ клинообразная борода. На ихъ одеждахъ блестятъ украшенія — золотыя бляхи съ вытѣсненными на нихъ пальмовыми листьями и чашечками лотоса. Съ боку привѣшенъ мечъ или кинжалъ, богато украшенный фигурными изображеніями накладной работы, заканчивающійся сверху ручкой фантастической формы; на одной изъ нихъ сверкаютъ въ блестящей золотой оправѣ глаза дракона: шлифованные кусочки горнаго хрусталя. На одномъ кинжальномъ клинкѣ изображена охота льва на антилопъ, на другомъ выступленіе четырехъ мужей, защищенныхъ щитами на львиную охоту; на третьемъ охота ихневмона на болотныхъ птицъ въ мѣстности, поросшей папирусами (см. фиг. 7а и 7b на таблицѣ при стр. 258). На рукахъ проходящихъ микенцевъ сверкаютъ драгоцѣнные перстни (см. фиг. 6 на той же таблицѣ). Волосы ихъ по восточному обычаю заплетены въ косички, обвитыя золотыми спиралями.

Если мы войдемъ теперь внутрь дома, то мы увидимъ, какъ это было потомъ въ Соломоновомъ храмѣ, стѣны, украшенныя драгоцѣнной накладной работой изъ металла. Среди мягкаго блеска золота сіяетъ яркій темно-красный янтарь. Часть утвари тоже покрыта золотыми бляхами, а также пластинками искусственнаго лазореваго камня; здѣсь сіяютъ зерна янтаря, тамъ виднѣется огромное страусовое яйцо. Изъ внутреннихъ покоевъ выходятъ женщины, увѣшанныя золотомъ, между тѣмъ какъ ихъ одежда слишкомъ легка и не покрываетъ верхней части тѣла. Надъ короткими локончиками, колечками ниспадающими на лобъ, лежатъ невысокимъ шарообразнымъ тюрбаномъ сложенные кольцами волосы и падаютъ на спину толстой, закрученной косой, конецъ которой немного приподнятъ золотыми спиралями. На этомъ искусномъ сооруженіи изъ волосъ сверкаетъ діадема. Огромныя золотыя нагрудныя украшенія, ожерелья, серьги, браслеты, кольца и даже обшитыя золотыми бляхами и сложенныя внизу въ горизонтальныя складки платья, которыя покрываютъ нижнюю часть тѣла, плотно облегая его; все это производитъ скорѣе впечатлѣніе пышности, нежели изящества.

Не сыгралъ ли съ нами мракъ вѣковъ шутки, и не привелъ ли насъ ко двору царя Тиглатъ-Пилесара I-го? Нѣтъ, мы находимся въ древнегреческой странѣ, на которую только оказали вліяніе восточные обычаи и искусство въ мирѣ и на войнѣ, какъ на образъ жизни, такъ и на похоронные обряды.

B. Отличительные признаки героической („микенской") культуры.

Герои совершенно такъ же, какъ и у народовъ передней Азіи, выѣзжаютъ въ бой и на охоту на боевыхъ колесницахъ. Павшихъ, согласно древнему вавилонскому обычаю, бальзамируютъ въ меду, и лицо ихъ покрываютъ золотой маской; въ руки имъ кладутъ обоюдоострыя сѣкиры, совершенно такія же, какія встрѣчаются и на ассирійскихъ рельефахъ.

Что знаемъ мы о ихъ духовной жизни? Вѣра въ могущество и вліяніе душъ рано привела ихъ къ культу умершихъ. Хороня царей, они снабжали ихъ богатымъ запасомъ украшеній. На мѣстѣ костра, на которомъ сжигались жертвы въ честь покойниковъ, послѣднихъ хоронили совершенно такъ же, какъ и въ нашихъ сѣверныхъ древнихъ могильникахъ. Жертву приносили потому, что вѣрили въ могущество покойника; въ виду этого имъ давали также съ собою въ могилу ихъ имущество. Такія жертвы приносились не только во время похоронъ. Въ Микенахъ, надъ четвертой шахтовой могилой, найденъ круглый алтарь съ отверстіемъ въ серединѣ, черезъ которое, какъ черезъ своего рода трубу, кровь жертвеннаго животнаго должна была протекать непосредственно къ покойнику: такимъ образомъ это былъ постоянный жертвенникъ для обитателей преисподней, съ постояннымъ же культомъ душъ умершихъ; въ позднѣйшихъ могилахъ для него предназначено все свободное пространство въ нихъ.

Въ этихъ, такъ называемыхъ купольныхъ могилахъ, которыя, по всей вѣроятности, были семейными склепами, есть, сложенный отчасти изъ старательно пригнанныхъ плитъ, корридоръ, шириною въ 6 метровъ и длиною въ 35 м., короткій вестибюль съ богато украшеннымъ фасадомъ (плитами краснаго, зеленаго и бѣлаго мрамора, стройными полуколоннами изъ темно-сѣраго алебастра и красными плитами порфира), и куполъ вышиною въ 15 метр., въ формѣ улья. Тридцать три, все съуживающихся къ верху, кольца образуютъ сводъ, къ синеватымъ мраморнымъ плитамъ которыхъ прикрѣплены бронзовыя розетки бронзовыми же гвоздями. Вѣсъ камня, служащаго перекладиной надъ двернымъ отверстіемъ, показываетъ высокое состояніе техники: онъ вѣситъ 122,000 килограммовъ (полъ бани въ Тиринѳѣ состоялъ изъ одного камня вѣсомъ въ 20,000 килограм.)

Въ купольныхъ гробницахъ найдено множество драгоцѣнностей: кольца (см. фиг. 6, на приложенной таблицѣ „Греческія древности микенской и гомеровской эпохъ"), серебряныя чернилки и чаши, мечи съ золотыми гвоздиками, золотыя украшенія: ожерелья съ богато разукрашенными пряжками (см. фиг. 5, на той же таблицѣ), наконецъ, около Амиклъ (Пафіонъ), найдены 2, ставшихъ знаменитыми, кубка (0,08 м. и 0,098 м. въ діаметрѣ верхней окружности, 776 и 780,5 граммовъ вѣсомъ). У нихъ двойныя стѣнки изъ золотыхъ листковъ, гладкихъ внутри и разукрашенныхъ снаружи, къ которымъ прикрѣплены ручки (какъ на фиг. 10, той же табл.). Художественно исполненный рисунокъ изображаетъ мѣстность, поросшую высокими пальмами и суковатыми оливами, гдѣ происходитъ ловля полудикаго африканскаго буйвола; весь костюмъ пастуховъ состоитъ изъ одного только передника, покрывающаго бедра, пояса со свѣшивающимися концами и изъ сирійской обуви: башмаки, съ приподнятыми вверхъ носками; лица ихъ, по сирійскому обычаю, совершенно обриты, а черты лица ихъ, за исключеніемъ одного — несомнѣнно семита, типично египетскія (съ большими зрачками).

Передъ нами блестящій расцвѣтъ бронзоваго вѣка, который могъ осуществиться только при посредствѣ могущественной царской власти. Тонкость художественной работы и сложность построекъ заставляютъ предполагать, что въ это время уже произошло разложеніе общества на классы. Такія огромныя сооруженія при отсутствіи сколько-нибудь значительныхъ

Греческіе памятники древности и

(Съ оригиналовъ, хранящихся въ націон

...„Просвѣщеніе“ въ Сп...

Микенской и Гомеровской эпохъ.

Греческія древности изъ героической и гомеровской эпохи.

1. 2. 3. **Золотыя бляшки** изъ третьей гробницы въ Микенахъ (1. Сходное украшеніе на каменной урнѣ изъ Аморгоса. 2. Пальмовый листъ. 3. Стилизованная бабочка).
4. **Каракатица** (изъ золота), оттуда-же.
5. **Золотая задвижка** изъ ожерелья, оттуда-же, съ рѣзьбой. **Сцена боя.** На обороняющемся шлемъ съ султаномъ изъ перьевъ. Онъ держитъ пику обѣими руками, упирая щитъ въ землю. Щитъ овальной формы, съ украшеніями (изображенными въ видѣ точекъ), съ треугольными вырѣзами въ длинныхъ боковыхъ сторонахъ.
6. **Золотое кольцо** изъ четвертой шахтовой гробницы въ Микенахъ. **Сцена боя.** Слѣва бородатый раненый воинъ, который отдыхаетъ, опираясь на землю правой рукой; лѣвая нога подобрана, правая вытянута — любимое положеніе позднѣйшей пластики. Въ серединѣ воинъ, поваливщій врага на колѣна и заносящій на него кинжалъ; побѣжденный замахивается мечомъ, при поддержкѣ товарища, угрожающаго пикой изъ за щита, который его совершенно закрываетъ (щитъ имѣетъ форму полуцилиндра). Воины повидимому обнажены, кромѣ средняго, имѣющаго короткую одежду вокругъ бедръ.
7. a и b. **Клинокъ кинжала.** Животныя похожія на кошекъ (можетъ быть, пантеры) охотятся на водявыхъ птицъ (утокъ?) у обильной рыбами рѣки, среди водяныхъ растеній, лотосовъ. Свѣтлое и темное золото и серебро разнообразятъ изображеніе и придаютъ ему оригинальный видъ.
8. Обломокъ серебряннаго **кубка** изъ четвертой шахтовой могилы. Изображеніе осады города. Передъ городомъ мѣстность съ оливковыми деревьями. Справа крѣпость, подымающаяся на холмѣ тремя ярусами, съ окнами и воротами (что они закрыты, обозначено вертикальными черточками). На городской стѣнѣ кричащія и молящіяся женщины. Нагіе пращники и стрѣлки изъ лука (послѣдніе согнувшись, какъ въ Одиссеѣ, φ 419) сражаются съ непріятелемъ, между тѣмъ какъ два человѣка съ копьями и щитами слѣдятъ за битвой. — Совсѣмъ внизу замѣтна верхняя половина воина въ плетеномъ шлемѣ съ султаномъ изъ конскихъ волосъ, въ хитонѣ съ короткими рукавами. Влѣво, можетъ быть, остатки изображеній еще трехъ шлемовъ. Фигуры сдѣланы чеканной работой, копья и знаки (надписи?) подъ пращниками и стрѣлками нацарапаны. Стиль изображенія указываетъ на египетское вліяніе, но расовые признаки не имѣютъ ничего египетскаго.
9. Обломокъ **вазы съ воинами.** Изображеніе выступающихъ въ походъ воиновъ, вѣроятно уже гомеровской эпохи. Слѣва женщина, подымающая руки вверхъ съ молитвой за выступающихъ. Воины (съ бритой верхней губой и острыми бородками) одѣты въ хитоны съ бахромой, а сверху нихъ панцыри съ металлическими бляхами. На ногахъ поножи и башмаки съ длинными острыми носками. На копьяхъ мѣшки, можетъ быть — сумки съ провіантомъ. Щитъ — половина изображеннаго на фиг. 5 и слѣдовательно защищаетъ только верхнюю половину тѣла; шлемъ (*αὐλῶπις*) имѣетъ впереди два придатка вродѣ трубокъ. Съ утолщенной верхушки его свѣшивается султанъ.
10. **Золотой кубокъ** изъ четвертой крѣпостной могилы въ Микенахъ. Кубокъ, похожій на этотъ (*δέπας ἀμφικύπελλον* — съ двумя ручками) описывается въ Иліадѣ (*Λ*, 632 сл.) какъ принадлежавшій Нестору. Онъ имѣлъ 4 ручки и 8 голубей.

вспомогательныхъ средствъ можно было воздвигнуть только посредствомъ порабощенія верховной властью рабочей силы. Соціальное неравенство должно было уже существовать. И, какъ это обнаруживаютъ многочисленныя гробницы знати, надъ массою обыкновенныхъ людей возвышались не одни только вожди народа, достигшіе царской власти, но и множество болѣе мелкихъ господъ; существовалъ большой классъ благородныхъ дворянъ, которые жили уже въ городѣ, не только въ своихъ помѣстьяхъ. Имущественныя различія создали экономическое неравенство состояній. Уже тогда результатомъ послѣдняго должно было быть неравенство и въ правахъ. Поземельные собственники сохранили въ свою пользу извѣстныя права, что привело къ господству землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ памятники раскрываютъ намъ рядомъ съ блескомъ жизни и политическое устройство общества съ сильной царской властью. Возможно, что классъ рабовъ образовался изъ покореннаго прежняго населенія страны. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ распоряженіи царя и знати находился классъ несвободныхъ; несомнѣнно, что часть тогдашняго населенія при очень рѣзкомъ неравенствѣ соціальнаго положенія служила удовлетворенію изысканныхъ вкусовъ меньшинства.

Но греческая жизнь все же господствовала надъ этой восточной роскошью. На золотыхъ маскахъ, покрывающихъ лицо покойниковъ, можно узнать среди всей негреческой обстановки греческій профиль: правильныя черты лица, тонкій носъ, красивый изгибъ бровей. Даже во внѣшней жизни, до такой степени проникнутой восточнымъ вліяніемъ, сохранились самобытныя черты. Если знать живетъ во дворцахъ, построенныхъ въ азіатскомъ вкусѣ, то на домахъ остальныхъ микенцевъ мы видимъ не плоскія крыши, а европейскія двускатныя кровли. Микенскія вазы, съ ихъ лакированной живописью на болѣе древнихъ и матовой на позднѣйшихъ, распространились по всему бассейну Средиземнаго моря. Онѣ украшались, правда, изображеніями сказочныхъ животныхъ востока; но наряду съ ними встрѣчаются чисто греческіе рисунки, воспроизводящіе жизнь моря, морскихъ животныхъ. Раковины, морскія звѣзды, кораллы, каракатицы, вѣтрильники, пятиногіе полипы (см. фиг. 4, на приложенной таблицѣ), встрѣчающіеся на вазахъ, указываютъ на то, какъ рано все разнообразіе жизни около моря и на морѣ перестало быть тайной для этихъ наблюдательныхъ микенцевъ. Часто встрѣчаются бабочки изъ золота. Трактовалась также въ прекрасныхъ и достойныхъ подражанія формахъ жизнь растеній: въ микенской живописи на вазахъ впервые появляется свободный растительный орнаментъ; непрерывная, а также и обрывистая волнистая линія греческаго орнамента, которою греческое искусство умѣло такъ мастерски пользоваться, ведетъ свое происхожденіе также изъ героической эпохи.

Г. Опредѣленіе времени героической культуры.

Тонкая выработка такого характернаго стиля микенскихъ вазъ совпадаетъ съ апогеемъ развитія микенской культуры, а онъ даетъ возможность опредѣлить время, къ которому относится эта культура, во всѣхъ другихъ отношеніямъ лишенная какихъ бы то ни было хронологическихъ признаковъ. То обстоятельство, что въ могилахъ нижняго города найдено фарфоровое изображеніе навознаго жука (scarabaeus) съ именемъ одного египетскаго фараона, жившаго въ XV вѣкѣ до Р. Х., а въ развалинахъ дома въ микенскомъ акрополѣ другой скарабей съ именемъ жены этого же фараона, указываетъ на XV вѣкъ до Р. Х. На это, конечно, можно было возразить, что жуки эти могли быть привезены туда коллекціонерами или торговцами гораздо позже, хотя на островѣ Родосѣ какъ разъ въ такомъ же микенскомъ слоѣ найденъ скарабей съ надписью того же египетскаго

фараона. Наконецъ, было доказано, что великолѣпные подарки, поднесенные другому египетскому фараону жителями „острововъ большого моря“, какъ двѣ капли воды похожи на микенскія находки — серебряные кубки въ формѣ коровьей головы, совершенно такой же работы, какъ и въ Микенахъ. Такимъ образомъ героическая культура, повидимому, распространилась и на островахъ, прежде всего на Критѣ. Наконецъ поразительными данными обязаны мы египетскимъ раскопкамъ. Въ одномъ городкѣ Египта, который въ XV вѣкѣ до Р. Х. былъ уже разрушенъ (Гуробъ), найдены микенскія вазы, кружки съ дугообразными ручками. Мы не заходимъ такъ далеко, чтобы пытаться опредѣлить національность мѣстнаго населенія по нацарапаннымъ на этихъ вещахъ значкамъ. Установлено во всякомъ случаѣ вполнѣ твердо, что они обладали микенской культурой, которая такимъ образомъ въ XV вѣкѣ проникла уже въ Египетъ.

Мы принудили нѣмые памятники дать намъ свѣдѣнія; дадимъ наконецъ слово и людямъ. Конечно, микенскіе цари могутъ говорить намъ только въ тихомъ отголоскѣ сказаній, такъ какъ у нихъ не было залога безсмертія — письменности. Но за нихъ говорятъ историческіе памятники Египта. Въ эпоху египетскаго фараона Рамзеса I въ войскѣ сирійцевъ были воины въ совершенно европейской, и именно греческой одеждѣ: іаванцы или іавонцы, іонійцы съ хохолкомъ изъ перьевъ, который и въ болѣе позднее время былъ отличительнымъ признакомъ азіатскихъ грековъ. При фараонахъ Мернефта и Рамзесѣ III на Египетъ, по свидѣтельству египетскихъ надписей, напали сѣверные народы; судя по вооруженію, это европейскія и малоазійскія племена. Это нашествіе сѣверныхъ народовъ пронеслось надъ Египтомъ, какъ бурный приливъ, на сушѣ и на морѣ, на корабляхъ и на запряженныхъ быками телѣгахъ, съ дѣтьми и женами; египетскіе воины съ большимъ трудомъ могли отстоять страну передъ напоромъ этого переселенія народовъ. Въ именахъ этихъ народовъ, Акваиваша и Данауна, легко можно узнать имена ахейцевъ и данайцевъ.

5. Переселеніе народовъ.

Высокое состояніе культуры героической эпохи должно было привести къ сильному росту народонаселенія въ очагахъ ея, что въ свою очередь послужило толчкомъ къ завоевательнымъ походамъ. Если къ 1000 году берега Малой Азіи и острова были заселены греками, то въ этомъ можно усмотрѣть доказательство того, что по крайней мѣрѣ древнѣйшее изъ этихъ заселеній, эолійское, произошло въ героическій періодъ, въ эпоху микенской культуры. Соотвѣтственно этому, все эолійское, а, быть можетъ, отчасти и іонійское, переселенія стоятъ въ связи съ высокимъ развитіемъ культуры и значительной цифрой народонаселенія въ героическую эпоху. Безчисленное множество острововъ связало между собой народы и послужило мостомъ, сблизившимъ азіатскій материкъ и родной полуостровъ.

Итакъ, первое переселеніе исходило изъ среды эолійской группы, въ которую входятъ нарѣчія Ѳессаліи, Беотіи, Лесбоса, находящіяся въ близкомъ родствѣ съ нарѣчіями Аркадіи и Кипра. Къ эолійской группѣ примыкаетъ группа, населявшая Аттику и Эвбею, которая постепенно отдѣлилась отъ Беотіи, затѣмъ въ Малой Азіи развилась въ особое іоническое племя, которое, несмотря на близкое въ прошломъ родство съ беотійцами, впослѣдствіи не признавало уже его. Сѣверо западная группа, которая по имени одного изъ своихъ колѣнъ получила названіе дорической, включала рядомъ съ послѣднимъ уже въ историческое время также населеніе Эпира, Этоліи, Акарнаніи, Ѳѳіотиды, Фокиды, Локриды и Ахеи.

Къ первой изъ перечисленныхъ группъ, къ эолійской, принадле-

жали и жители Микенъ и Тиринѳа; они выдѣлили изъ своей среды поселенцевъ, заселившихъ сѣверо-западную часть Малой Азіи и Кипръ, которымъ при этомъ пришлось выдержать долгую борьбу. Преданіе о Троянской войнѣ въ настоящее время должно считаться историческимъ воспоминаніемъ о томъ, какъ большое войско греческихъ царей при сильномъ содѣйствіи микенскаго царя прибыло на востокъ, въ Малую Азію, и послѣ долгихъ усилій сожгло городъ Трою; въ самомъ дѣлѣ, шестой городъ на холмѣ Гиссарлыкъ, представляющій крѣпость, построенную совершенно въ стилѣ микенской эпохи (совершенно такъ же, какъ крѣпость Гулада на Копаидскомъ озерѣ съ выдающимися впередъ желобами у стѣнъ), былъ сожженъ, какъ это показали раскопки, произведенныя въ 1894 г. Дерпфельдомъ (см. фиг. 3 на таблицѣ при стр. 256). Такъ ожили полустершіяся, поблѣднѣвшія воспоминанія дѣтства; тысячелѣтія тому назадъ они были жизнью, долго жили какъ тѣнь, въ сказаніяхъ, и благодаря наукѣ снова возвращены къ жизни. Желаніе изслѣдовать такимъ же образомъ и частности историческихъ явленій той эпохи было бы равносильно попыткѣ возстановить частности борьбы противъ царя гунновъ Аттилы по пѣснѣ о Нибелунгахъ.

Вторая группа греческаго племени, іоническая, заселила большую часть малоазійскаго побережья, среднюю, и основала тамъ большія колоніи. Тамъ и образовалось іоническое племя съ его граціозной подвижностью, свободолюбивымъ духомъ и широкимъ кругомъ интересовъ; составленное изъ различныхъ частей греческаго народа, оно слилось отчасти и съ малоазійскимъ туземнымъ населеніемъ и переработало азіатскую культуру. Оно дало окончательную обработку героическому эпосу и создало зачатки греческой науки.

Третья группа, состоявшая изъ сѣверозападныхъ грековъ, на своей сѣверной родинѣ осталась раздробленной на отдѣльныя племена и долѣе другихъ группъ поддерживала связь съ италійскими народами: отсюда удивительное сходство въ дорическомъ и римскомъ государствѣ (3 филы, вліятельность магистратуры). Часть этой вѣтви греческаго народа, доряне, вскорѣ поселяется въ Среднюю Грецію, затѣмъ переправляется черезъ Коринѳскій заливъ въ самомъ узкомъ его мѣстѣ и заселяетъ самую сѣверную область Пелопоннеса. Ихъ бурное стремленіе впередъ разбивается объ аркадскія горы; тогда они дѣлятся на двѣ части, изъ которыхъ одна, западная, занимаетъ Элиду, а другая направляется на востокъ, гдѣ, благодаря своей простотѣ, неиспорченности и большей воинственности, она покоряетъ жителей Арголиды съ ихъ высокоразвитой, но уже приходившей въ упадокъ культурой; часть послѣднихъ порабощается побѣдителями, которые однако перенимаютъ культуру у побѣжденныхъ. Царская династія прежняго населенія прекращаетъ свое существованіе. Города Микены и Тиринѳъ погибаютъ въ пламени и обращаются въ развалины; лишь въ VII вѣкѣ тамъ снова возникаютъ храмы въ честь боговъ. Затѣмъ волна дорическаго нашествія несется черезъ Критъ, Мелосъ, Ѳеру, Родосъ, Косъ, гдѣ прежнее эолійское населеніе оставило едва замѣтный слѣдъ по себѣ, проникаетъ до Памфиліи и наконецъ достигаетъ юго-восточной части Пелопоннеса. Преданіе украсило это нашествіе дорянъ тысячами подробностей, не только народныя преданія, которыя повѣствуютъ о великихъ подвигахъ героевъ, но и научная традиція, которая ставила себѣ цѣлью объяснить, какъ поселилось на своемъ мѣстѣ каждое племя. Самый фактъ дорическаго нашествія установленъ, конечно, непоколебимо, но подробности его не имѣютъ никакой цѣнности, будучи вымысломъ позднѣйшихъ поколѣній, не опирающимся абсолютно ни на какіе источники; поэтому-то мы не можемъ придавать имъ рѣшительно никакого значенія.

Эолійскіе поселенцы унесли съ собой въ Малую Азію воспоминаніе о смѣлыхъ морскихъ путешествіяхъ, о стремленіи впередъ, на востокъ, по борьбѣ, продолжавшейся столѣтія, о гегемоніи богатыхъ золотомъ Микенъ.

6. Греческое средневѣковье („гомеровская“ эпоха).

Въ гомеровскихъ поэмахъ звучитъ еще воспоминанiе о большихъ народныхъ передвиженiяхъ. „Какъ въ ясный солнечный день вдоль горъ тянутся тучи, и удивительно мѣняется ихъ видъ“, точно также и наше сказанiе, придерживаясь общаго хода историческихъ событiй, въ то же время окутываетъ ихъ туманомъ фантазiи. И эти преданiя о борьбѣ на малоазiйской почвѣ использованы героическимъ эпосомъ, прекраснѣйшимъ созданiемъ греческаго средневѣковья: такъ называемъ мы эпоху, которая начинается этими событiями и продолжается вплоть до возникновенiя денежнаго хозяйства.

Какъ возникъ этотъ героическiй эпосъ, которой въ теченiе цѣлыхъ столѣтiй приписывался одному пѣвцу, Гомеру? Ровнымъ потокомъ струится обыкновенно рѣчь человѣка; но когда грудь его волнуютъ различныя чувства, когда сердце бьется радостью или болью, когда его наполняетъ священный трепетъ передъ богами, или веселые пиры увлекаютъ его порывами радостнаго возбужденiя, тогда рѣчь его становится ритмичной, слагается изъ закономѣрнаго чередованiя ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ. Пѣсни эти размножаются, почерпая въ великiя эпохи свой матерiалъ въ грозныхъ битвахъ и блестящихъ образахъ героевъ. Первоначально онѣ воспѣваютъ при посредствѣ двухъ хоровъ благородныхъ героевъ (какъ Ахилла и Патрокла); затѣмъ, съ возрастанiемъ подраздѣленiя на сословiя и раздѣленiя труда, создается особая каста пѣвцовъ. Часто за лиру берутся слѣпцы, для которыхъ недоступна вся прелесть борьбы, вся воинская слава, чтобы распространять, странствуя отъ одного знатнаго дома къ другому, сказанiя о герояхъ все далѣе и далѣе: таковъ слѣпой Демодокъ, который въ Одиссеѣ поетъ у ѳеакiйцевъ, слѣпой Аоидъ (пѣвецъ) изъ Хiоса, выступающiй въ Гомеровскихъ гимнахъ, Бернлефъ, слѣпой фризъ, слѣпые пѣвцы славянъ, у которыхъ слово „слѣпецъ“ было распространено на всѣхъ вообще пѣвцовъ, даже не слѣпыхъ. Такимъ образомъ слѣпого пѣвца Гомера сдѣлали авторомъ героическаго эпоса.

Эти поэмы, возникшiя первоначально у эолянъ, перенятыя и измѣненныя iонiйцами, нуждались въ столѣтiяхъ роста, чтобы изъ маленькихъ, простыхъ стихотворенiй, въ которыхъ описывался гнѣвъ Ахилла, обратиться въ большiя поэмы, воспѣвающiя славу многихъ героевъ и многихъ родовъ. Странствуя изъ дворца въ дворецъ, сотни пѣвцовъ, воспитанiемъ усвоившихъ себѣ владѣнiе установившимися формами, испытанныхъ въ искусствѣ импровизацiи, соединяли свои усилiя, почерпая матерiалъ изъ сокровищницы народной жизни и преданiй старины, стараясь при этомъ угодить могущественной знати и прибавляя въ честь отдѣльныхъ семей новыя пѣсни, воспѣвая идеальное съ точки зрѣнiя знати государство: ея образъ жизни, мiросозерцанiе просвѣчиваютъ изъ ихъ пѣсенъ. Выдающееся художественное дарованiе нѣкоторыхъ пѣвцовъ обращаетъ на себя особое вниманiе, и болѣе значительныя творенiя **отдѣльныхъ** рапсодовъ могутъ безъ выдѣлены изъ среды другихъ еще и теперь. Такимъ образомъ героическiй эпосъ въ своихъ зачаткахъ восходитъ къ героической (микенской) эпохѣ и тогда уже онъ создалъ древнiй, нигдѣ болѣе не употреблявшiйся, но всѣмъ понятный литературный языкъ, и въ IX или VIII вѣкѣ до христiанской эры достигъ расцвѣта.

Юношеская сила героевъ, ихъ изобрѣтательный умъ, всѣ глубины ощущенiй, начиная отъ нѣжнаго пробужденiя чувства въ грезахъ юной царской дочери, кончая глубоко трогательнымъ, потрясающимъ всѣ сердечныя струны разставаньемъ героя со своей супругой и грустнымъ состраданiемъ къ старику, отцу убитаго врага: все это встрѣчаемъ мы въ гомеровскихъ

пѣсняхъ. Какъ глубоко прочувствованы тамъ нѣжныя черты человѣческаго характера въ сценахъ, когда Гекторъ снимаетъ шлемъ, котораго боится его сынъ, и прощается съ семьей, когда вѣрный песъ Одиссея при послѣднемъ издыханіи узнаетъ—одинъ изъ всѣхъ—своего хозяина, виляетъ хвостомъ и издыхаетъ. Вся природа живетъ въ поэмахъ: измѣнчивое разнообразіе моря во время мрачной бури и при спокойномъ сіяніи солнца, огонь, пожирающій лѣсъ, молнія, падающая съ неба и поражающая крѣпчайшіе дубы, листья въ лѣсу, растущіе и зеленѣющіе и потомъ крутящіеся по волѣ вѣтра по землѣ, какъ поколѣнія людей развиваются и увядаютъ и уносятся бурей; журавли, которые тянутся сомкнутой цѣпью по прозрачному воздуху, левъ съ сверкающими глазами, бьющій себя хвостомъ по бедрамъ, маленькая птичка, приносящая себя въ жертву своимъ неоперившимся птенцамъ, отдавая имъ послѣднюю кропику, все это полно жизни у Гомера. Съ трогательной простотой обрисованы картины того состоянія человѣчества, когда личность еще не развилась и только сословіе выступаетъ, какъ таковое. Изображается ли борьба, предпринятая съ рыцарски-смѣлой отвагой, или мирныя занятія въ своемъ домѣ хозяйки, прялка которой не мѣшаетъ свободному теченію мыслей и не стѣсняетъ прелести ея движеній, насъ глубоко захватываютъ, какъ у старыхъ итальянскихъ мастеровъ, эти крупныя и ровныя линіи.

Въ тѣхъ частяхъ Иліады, которыя возникли въ Эоліи, Ахиллъ является представителемъ буйной силы, величайшимъ героемъ, образомъ, въ которомъ воплощаются ничѣмъ не сдерживаемыя душевныя движенія первобытнаго народа. Искусство письма считается еще чѣмъ-то вродѣ зловреднаго и во всякомъ случаѣ внушающаго ужасъ волшебства, которое доступно лишь немногимъ. Только въ „Одиссеѣ“ впервые вырисовывается идеалъ образованнаго народа во образѣ феакійцевъ, гармонически уравновѣшенныхъ, веселыхъ, идеальныхъ, какъ типъ людей съ широкими міровыми интересами, у которыхъ даже женщины обнаруживаютъ широкое развитіе. Въ лицѣ самого Одиссея, прообразѣ изобрѣтательности, который знаетъ толкъ въ ремеслѣ такъ же, какъ и въ гимнастикѣ, и въ музыкѣ, и своимъ сладкозвучнымъ пѣніемъ и художественными разсказами превосходитъ спеціалистовъ-мастеровъ этого дѣла и умѣетъ соединить въ себѣ веселую ясность ума съ способностью къ спокойному отреченію отъ всего,—въ Одиссеѣ греческій духъ воплотилъ уже свой высшій идеалъ вполнѣ развитого и свободнаго человѣка. Созданный поэтическимъ геніемъ, этотъ идеалъ былъ воспринятъ затѣмъ философскимъ геніемъ греческаго народа: привязанность къ призванію своей жизни, заботливое развитіе собственной личности, отношеніе отдѣльнаго человѣка къ обществу—все это никогда не находило себѣ болѣе блестящаго изображенія, чѣмъ въ греческой философіи.

Такимъ образомъ совершенно ясно отражается въ различныхъ частяхъ эпическихъ поэмъ степень культурности эпохи. Цѣлый міръ развитія лежитъ между древнѣйшими пѣснями о „Гнѣвѣ Ахилла“, которыя созданы, вѣроятно, въ X вѣкѣ, и Телемахидой, относящейся къ XII вѣку, между тѣмъ какъ наиболѣе цѣнные отрывки „Одиссеи“ возникли въ VIII столѣтіи. Миѳическая исторія, религіозныя сказанія, фантастическіе разсказы переплетаются здѣсь, пестрѣя своимъ разнообразіемъ.

Эпохѣ, которую рисуютъ намъ гомеровскія поэмы, незнакомъ уже прежній блескъ микенцевъ. Мѣсто высокихъ замковъ съ ихъ гигантскими циклопическими стѣнами заступили простыя кирпичныя стѣны, земляные валы съ деревянными сооруженіями. Внутренняя обстановка дворцовъ упростилась до крайности, и изъ сложной сѣти дворовъ, корридоровъ, парадныхъ залъ въ Гомеровскомъ дворцѣ сохранилось лишь самое необходимое. На стѣнахъ нѣтъ болѣе пестрой живописи, а виднѣются только простыя штукатурныя украшенія. Исчезли также сложные рисунки, украшавшіе полы; ихъ мѣсто заняла утрамбованная глина. Вмѣсто погребенія

въ огромныхъ купольныхъ гробницахъ, въ которыхъ по мѣрѣ приближенія къ новому времени постепено начали исчезать маски, накладывавшіяся раньше на лицо покойникамъ, трупы начали уничтожать путемъ сожженія, надѣясь этимъ окончательно прогнать бродящихъ кругомъ покойника духовъ; простыя могилы покрываютъ пепелъ Гомеровскихъ героевъ.

Деспотическая царская власть, которая въ древнѣйшихъ частяхъ гомеровскихъ поэмъ обладаетъ еще большимъ могуществомъ, ослабляется усиливающимся значеніемъ знати. Правда, въ гомеровскомъ государствѣ еще существуетъ наслѣдственное и могущественное царское достоинство, получившее власть отъ верховнаго бога Зевса и находящееся подъ его особымъ покровительствомъ, надѣленное доменами и получающее подати съ народа. Царь, правда, занимаетъ по отношенію къ народу такое же положеніе, какъ патріархъ по отношенію къ семьѣ, ведетъ переговоры съ чужеземными государствами, приноситъ жертвы богамъ и на войнѣ имѣетъ право на жизнь и смерть гражданъ Однако рядомъ съ царемъ имѣется уже совѣтъ, голосу котораго придается большое значеніе. Все сильнѣе и сильнѣе становится знать, „лучшіе люди,“ по отношенію къ массѣ народа. Ихъ значеніе основывается на томъ обстоятельствѣ, что они послѣ уничтоженія боевыхъ колесницъ начали сражаться на лошадяхъ: крупное землевладѣніе, господство знати и конная служба связываются между собой повсюду неразрывной цѣпью. Въ новѣйшихъ частяхъ гомеровскихъ поэмъ могущество знати выступаетъ все сильнѣе и сильнѣе, до такой степени, что царь становится лишь первымъ среди равныхъ, которые тоже взимаютъ налоги, по своей инициативѣ собираются на засѣданіе и приглашаютъ на нихъ царя. Совѣтъ, повидимому, все усиливалъ и усиливалъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока не устранилъ царскую власть, сохранивъ ей только одно названіе и ограничивъ функціи ея жреческими обязанностями, и наконецъ пока не установилъ рядомъ съ ней цѣлый рядъ высшихъ должностей.

Именно благодаря этому обстоятельству ослабѣло и восточное вліяніе. Широкій, многочисленный слой знати не такъ богатъ, какъ царскій родъ и окружающій его дворъ. Къ тому же въ эту эпоху восточныя монархіи приходятъ въ упадокъ, и связь съ ними съ теченіемъ времени сильно ослабѣваетъ. Тѣмъ не менѣе мы имѣли бы совершенно ложное представленіе о той гомеровской эпохѣ, въ которую впервые обнаружились зародыши высокой духовной жизни, если бы мы изобразили эту чисто греческую жизнь національной, самобытной, и во внѣшнихъ ея проявленіяхъ, ибо здѣсь восточное вліяніе все еще было значительно. Если бы мы захотѣли представить себѣ ту прекрасную сцену изъ Иліады, когда Елена появляется среди старцевъ на городскихъ воротахъ, въ стилѣ греческихъ картинъ эпохи Перикла, то мы оказались бы безконечно далекими отъ образа, вырисовывающагося передъ духовнымъ взоромъ поэта. Пріамъ и троянскіе старцы одѣты въ плотно облегающія тѣло, длинныя, до ногъ свѣшивающіяся одежды: повсюду обиліе твердыхъ, не драпирующихся свободно складокъ; на нихъ одежды накинуты гладкія красныя мантіи, отчасти украшенныя богатыми рисунками. По обычаю передне-азіатскихъ народовъ верхняя губа у нихъ обрита, и лицо обрамлено клинообразной бородкой (см. фиг. 9 на таблицѣ при стр. 258); зато волосы у нихъ свободно развѣваются и не заплетены болѣе въ косички, какъ это дѣлали въ микенскую эпоху. Сама Елена не имѣетъ вида греческой женщины. Тѣло ея обтянуто узкой одеждой, богато расшитой узорами, застегнутой пряжками и подобранной поясомъ; послѣдній по восточному обычаю украшенъ бахромой или кистями. Руки обнажены; все платье ея, правда, свободнѣе, чѣмъ микенское одѣяніе, и уже болѣе соотвѣтствуетъ климату Эгейскаго моря, и, слѣдовательно, въ большей мѣрѣ закрываетъ тѣло. Фата, предназначающаяся на востокѣ для того, чтобы скрывать лицо, свѣшивается по обѣ стороны щекъ; прекрасную голову ея покрываетъ пла-

токъ, свернутый въ формѣ венца и скрѣпленный спереди на лбу сіяющей діадемой.

Итакъ, восточное вліяніе господствуетъ еще, хотя и стало нѣсколько слабѣе. Желѣзный вѣкъ — оружіе приготовляется уже не изъ бронзы, а изъ желѣза — сталъ гораздо проще между прочимъ и потому еще, что греки въ значительной степени утратили художественную технику. Прежде всего сильный упадокъ замѣчается въ производствѣ вазъ: мѣсто микенскихъ заступаютъ вазы изъ Дипилона (названныя такъ по имени мѣста, гдѣ ихъ главнымъ образомъ находятъ, близъ Аѳинъ), на которыхъ хотя и пытаются изображать всевозможныя сцены изъ жизни, но уже съ значительно меньшимъ искусствомъ; для орнамента не пользуются уже всѣмъ богатствомъ природы а ограничиваются простыми геометрическими линіями.

Необыкновеннаго развитія достигла въ гомеровскую эпоху религія. Героическій эпосъ очеловѣчилъ боговъ; эти боги терпятъ всѣ нужды и все горе обитателей земли. Весь пантеонъ позднѣйшаго времени, если не созданъ, то во всякомъ случаѣ отчасти подготовленъ гомеровскими поэмами. Гомеровскіе пѣвцы воспѣваютъ божества самыхъ различныхъ городовъ и такимъ образомъ объединяютъ греческихъ боговъ въ одинъ циклъ: въ виду этого философы позднѣйшаго времени, какъ Ксенофанъ, и ставили въ упрекъ Гомеру, что онъ создалъ греческое многобожіе. И полубоги возникли, благодаря пѣснямъ рапсодовъ, которые стремились создать героямъ высшую награду послѣ смерти, — приближеніе къ богамъ. Служеніе богамъ, изображавшимся, хотя еще очень грубо, въ образѣ людей (что является большимъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ грубымъ фетишизмомъ болѣе древней эпохи), совершалось передъ алтарями подъ открытымъ небомъ, но уже въ спеціально предназначенныхъ для этого зданіяхъ-храмахъ.

7. Второй періодъ великаго переселенія (эпоха колонизаціи).

Общественныя отношенія привели ко второй великой эмиграціонной эпохѣ, которая совпадаетъ съ временемъ, когда сложились болѣе новыя части героическаго эпоса (отъ середины VIII до середины VII столѣтія до Р. Х.).

Быстрый ростъ населенія побуждаетъ къ эмиграціи, недовольство политическими условіями влечетъ въ даль, избытокъ энергіи ищетъ себѣ примѣненія въ новыхъ предпріятіяхъ. Но религіозное благоговѣніе должно освятить новыя поселенія; и прежде чѣмъ въ новомъ городѣ, который строится на дальнемъ берегу, по разработанному властями плану, на опредѣленномъ мѣстѣ, появится человѣческое жилье, благочестивыя руки воздвигаютъ алтарь въ честь Аполлона. Такимъ образомъ греки, населявшіе самыя отдаленныя колоніи по теченію русскихъ степныхъ рѣкъ, на африканскомъ побережьѣ, на покрытыхъ лавою склонахъ Этны и на плодородной почвѣ южной Франціи, — словомъ, вездѣ, остаются членами одного народа, который почитаетъ однихъ и тѣхъ же боговъ, говоритъ на одномъ языкѣ, восторгается одними и тѣми же поэтами: аѳинянинъ, заброшенный далеко въ Италію къ этрускамъ, чувствуетъ свою связь съ землякомъ-жителемъ Кюме, который выросъ и воспитался въ Италіи (ср. стр. 19).

Такимъ образомъ создается потребность въ одномъ имени для всѣхъ, входящихъ въ составъ народа. Въ V вѣкѣ на весь народъ распространилось имя эллиновъ, принадлежавшее маленькому народу въ Ѳессаліи, надъ которымъ нѣкогда царствовалъ Ахиллъ, и которое восходитъ, вѣроятно, къ эпохѣ, когда греки жили на берегу Янинскаго озера. Напротивъ того, имя грековъ проникло въ Грецію лишь во время Аристотеля, изъ Италіи.

какъ это показываетъ латинское окончаніе слова Graikoi (латинизированное имя народа на Эврипѣ, граевъ, которые нѣкогда занимали сѣверо-западную Грецію; Gra-ikoi какъ Op-ikoi): эта побѣда, одержанная именемъ небольшого народа, подобна той, какую одержало имя норманнскихъ Руссовъ въ обширной Россіи.

Милетъ, Коринѳъ, Мегара, Халкида, Эретрія стоятъ во главѣ этихъ грандіозныхъ предпріятій, которыя сдѣлали Милетъ царицей морей и матерью болѣе восьмидесяти колоній. Заселены были: путь къ Черному морю, берега этого моря, Сицилія, нижняя Италія. И какъ нѣкогда Эгейское море, такъ Средиземное море становится въ эту эпоху почти внутреннимъ греческимъ моремъ.

И какъ процвѣтали эти колоніи, независимо отъ того, были ли это торговыя поселенія, какъ города на берегахъ Чернаго моря, или земледѣльческія, какъ въ Сициліи и южной Италіи, или наконецъ, имѣли ли онѣ въ виду скотоводство, какъ въ Киренѣ! Въ колоніяхъ соединялись такія экономическія условія, которыя исключаютъ другъ друга при иной обстановкѣ: на низшихъ ступеняхъ культуры чувствуется недостатокъ въ капиталѣ и трудѣ при изобиліи земли; на высшихъ же наоборотъ, недостаетъ территоріи, но зато есть излишекъ труда и капитала. Тамъ же, гдѣ высоко стоящіе на культурной лѣстницѣ народы поселяются на дѣвственной почвѣ, тамъ должны наиболѣе благопріятнымъ образомъ сочетаться всѣ три условія: новые поселенцы доставляютъ капиталъ и занимаютъ свободную территорію, болѣе низкое по культурѣ туземное населеніе даетъ трудъ.

Слѣдствіемъ этого является богатство всѣхъ колоній. Хіосцы, по словамъ Ѳукидида, самые богатые изъ всѣхъ эллиновъ; жители Кирены внушали зависть тѣмъ, что тамъ всякъ и каждый носитъ „драгоцѣнныя кольца“; про жителей Акраганта говорили, что они строятъ себѣ дома такъ, какъ будто собираются жить вѣчно, а ѣдятъ, точно завтра намѣрены умереть. Только вспомнивъ развитіе Сѣверной Америки, гдѣ населеніе за 10 лѣтъ возросло на 33%, а количество наличныхъ денегъ на 82%, можно получить представленіе о процвѣтаніи этихъ греческихъ поселеній. Даже физическое развитіе шло здѣсь быстрѣе и лучше. Кротонцы изъ южной Италіи, походятъ на гигантовъ-янки изъ западной Виргиніи.

Правда, врожденное сознаніе силы и свободы не всегда выражается здѣсь въ привлекательныхъ формахъ. Жители колоній только въ самихъ себѣ чувствуютъ корни своей силы; и воодушевленіе, историческая благодарность столь же мало знакомы американцамъ, какъ и сицилійскимъ грекамъ, которые съ высоты своего техническаго развитія (водопроводъ подъ моремъ въ Сиракузахъ) взирали съ невѣроятнымъ высокомѣріемъ на свою метрополію, а въ области поэзіи великимъ твореніямъ родной страны противопоставляли пародіи. Очень характерно то обстоятельство, что древнѣйшая морская битва у грековъ (664 г. до Р. Х.), о которой мы узнаемъ изъ одной старинпѣйшей хроники, рѣшила отдѣленіе Корциры отъ Коринѳа, по отношенію къ которому колонія не признавала съ этихъ поръ никакихъ священныхъ обязанностей.

По отношенію къ исторіи греческихъ колоній и ихъ политическихъ связей съ метрополіей вполнѣ примѣнимы слова, въ которыхъ министръ финансовъ Людовика XVI, Тюрго, предсказалъ отпаденіе Америки: Les colonies sont comme les fruits qui ne tiennent à l'arbre que jusqu'à leur maturité; devenues suffisantes à elles mêmes, elles feront ce que fit depuis Carthage, ce que fera un jour l'Amerique. (Колоніи, — какъ плоды, которые держатся на деревьяхъ только до тѣхъ поръ, пока не созрѣютъ; достигнувъ самодовлѣнія, онѣ дѣлаютъ то, что нѣкогда сдѣлалъ Карѳагенъ и что со временемъ сдѣлаетъ Америка).

8. Вѣкъ великихъ переворотовъ (VII вѣкъ).

Благодаря эпохѣ большихъ разселеній греческій народъ превратился изъ земледѣльческаго въ промышленный и торговый. Прежде промышленность удовлетворяла только мѣстнымъ потребностямъ; и еще не такъ далеко ушло время, когда онѣ отчасти покрывались ввозомъ съ востока. Теперь же на чужбинѣ поселенцы еще болѣе, чѣмъ на родинѣ, ощущали потребность въ оружіи и другихъ металлическихъ издѣліяхъ, тканяхъ и глиняной посудѣ. Окрестныя варварскія страны также знакомились постепенно съ этими продуктами и привыкали къ употребленію ихъ. Такимъ образомъ расширеніе торговли повлекло за собою развитіе промышленности. Создалась потребность въ притокѣ новыхъ умѣлыхъ силъ, которыя ввозились изъ заграницы: возникшее примѣненіе къ промышленности рабскаго труда (впервые въ большихъ размѣрахъ на Хіосѣ), возрастаетъ затѣмъ до такой степени, что нѣкоторыя государства начали стараться поставить его въ опредѣленныя рамки.

Уже въ „Одиссеѣ" упоминается о вывозѣ желѣза; центрами металлургической промышленности въ самой Греціи были Халкида и Коринѳъ, ткацкой — Мегара, гончарной — Коринѳъ и Аѳины, гдѣ существовалъ даже особый кварталъ гончаровъ. Греческая торговля распространяется на сѣверовосточную Испанію, Египетъ, Адріатическое и Черное моря, несмотря на то, что греческіе корабли все еще строятся по плану древнихъ пятидесятивесельныхъ судовъ и навигація изъ предосторожности совершенно прекращается на зиму. На первый планъ выступаютъ тѣ города, которые могутъ заниматься морской торговлей; расположенные же внутри страны приходятъ въ упадокъ. Повсюду вокругъ городовъ выростаютъ промышленныя предмѣстья, а прежній городъ становится крѣпостью. При подобныхъ условіяхъ могутъ развиваться такіе большіе города (съ точки зрѣнія тогдашнихъ понятій, такъ какъ мы находимся еще въ дѣтскомъ періодѣ греческой исторіи), какъ Милетъ, Коринѳъ, Сибарисъ, имѣющіе до 20,000 — 25,000 жителей. Страна повсюду умиротворяется, разбои прекращаются, водворяется мирный трудъ, назначаются оффиціальныя лица, въ обязанность которыхъ входитъ оказывать гостепріимство и покровительство гражданамъ родной страны. Морскіе разбои, впрочемъ не такъ скоро прекратились и въ большихъ размѣрахъ продолжались до IV вѣка.

Вавилонская система[1] мѣръ вѣса была усвоена греками въ нѣсколько измѣненномъ видѣ (талантъ въ 50 шекелей или 100 полушекелей, драхмъ). И какъ уже прежде при обмѣнѣ пользовались, какъ единицами стоимости, скотомъ и металломъ, такъ теперь начинаютъ примѣнять въ торговлѣ слитки желѣза и мѣди, хотя еще не обращенные въ монеты. Эти нововведенныя палочки желѣза получили названіе оболовъ (вертѣловъ), а шесть такихъ палочекъ — количество, которое можно обхватить (*δράττεσθαι*) рукою, — составляли драхму. Чеканка монеты съ государственнымъ обезпеченіемъ ея цѣны впервые встрѣчается въ Лидіи, а затѣмъ въ Фокеѣ, здѣсь чеканилась монета изъ сплава золота и серебра, а затѣмъ и изъ чистаго золота. Съ тѣхъ поръ установилось постоянное отношеніе золота къ серебру — 1 : 15 1/3. Въ Греціи существовали двѣ монетныхъ си-

---

[1] Коренное отличіе вавилонской системы мѣръ и вѣсовъ отъ европейскихъ заключалось въ томъ, что единицей счета въ ней были не десятки и сотни, какъ у насъ, а число 60 (сосса). Поэтому тамъ талантъ состоялъ изъ шестидесяти минъ, а мина изъ шестидесяти шекелей. Такимъ образомъ, положенная въ основу греческой системы счета вавилонская была приспособлена къ сложившейся уже привычкѣ пользоваться десятичной системой.

стемы, эгинская и эвбейская,[1] между тѣмъ какъ западныя области еще не испытывали потребности въ чеканкѣ монеты, такъ какъ тамъ еще не совершился переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, и сельскимъ рабочимъ уплачивали земледѣльческими продуктами.

При такомъ переворотѣ всѣхъ условій земледѣліе съ большимъ трудомъ удерживаетъ за собой свое мѣсто; постоянный ввозъ хлѣба изъ въ высшей степени плодородныхъ южно-русскихъ областей, поставилъ мелкихъ крестьянъ Греціи въ невозможность выдержать конкурренцію. Крестьянскія хозяйства, дробившіяся благодаря раздѣламъ при наслѣдованіи между сыновьями и поэтому чрезвычайно мельчавшія, должны были нести на себѣ такое бремя долговъ, при которомъ уплата 18 % годовыхъ казалась еще низкимъ процентомъ[2]. На поляхъ, точно надгробные памятники благосостоянію, высятся камни, служившіе обозначеніемъ поземельнаго долга, „ипотеки" — изобрѣтеніе аттическихъ финансистовъ.

Между тѣмъ греческій народъ пережилъ величайшій переворотъ: въ областяхъ, которыя мы не можемъ съ точностью опредѣлить, во всякомъ случаѣ въ нѣсколькихъ пунктахъ одновременно, къ греческому языку былъ приспособленъ финикійско-сирійскій алфавитъ. Семитическій алфавитъ, благодаря обозначенію однихъ только согласныхъ, былъ чѣмъ то вродѣ слогового письма; хотя онъ былъ удобнѣе, чѣмъ древнія критскія іероглифическія письмена, но все же очень несовершененъ. Греки довели дѣло до конца и воспользовались семитическими придыхательными для обозназначенія гласныхъ A, E, I, O, а для Y создали новый знакъ, такъ что у нихъ мы находимъ 23 буквы. Съ тѣхъ поръ развитіе греческаго алфавита шло въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, пока въ V вѣкъ побѣда іоническаго алфавита не привела къ единообразію его.

Могучій переворотъ во всей духовной жизни, обусловленный введеніемъ алфавита, прежде всего отразился на правовомъ положеніи грековъ; времена гомеровской знати, не знавшей употребленія письменъ, исчезли навсегда, а съ ними отчасти и неравенство въ правовомъ отношеніи, пи-

---

[1] Обѣ системы имѣли неодинаковую степень распространенности. Въ то время, какъ эгинская была принята почти повсюду въ Пелопоннисеѣ, въ значительной части средней и сѣверной Греціи, а также на очень многихъ островахъ, эвбейская первоначально примѣнялась почти исключительно на островѣ Эвбеѣ и лишь впослѣдствіи получила болѣе широкое распространеніе. Кореннымъ отличіемъ одной отъ другой являлась величина основныхъ единицъ мѣръ вѣса: въ то время какъ, эгинскій талантъ равнялся приблизительно 15,4 фунта, эвбейскій едва достигалъ 10,8 ф., т.-е. отношеніе между ними равнялось приблизительно 2:3. Когда денежное хозяйство, первоначально ограничивавшееся сферой заморской экспортной и импортной торговли, проникло и во внутреннюю жизнь Греціи, распространилось, слѣдовательно, на болѣе широкіе соціальные слои населенія, эвбейскія денежныя и вѣсовыя единицы, какъ менѣе крупныя, оказались болѣе удобными для повседневнаго пользованія, чѣмъ эгинскія, вполнѣ удовлетворявшія потребностямъ ограниченнаго круга лицъ, которыя пользовались ими при зарожденіи денежнаго хозяйства, но оказавшіяся непригодными для внутренняго, розничнаго, такъ сказать, обмѣна. Поэтому значительное количество городовъ, съ Коринѳомъ и Аѳинами во главѣ, въ VII вѣкѣ перемѣнили эгинскую систему на эвбейскую, которая мало-по-малу стала вытѣснять первую. Въ Аѳинахъ замѣну эгинской системы эвбейской произвелъ Солонъ.

[2] Едва ли слѣдуетъ разсматривать 18%, какъ показатель исключительно тяжелаго обремененія земли ростовщическими долгами. На низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія средній нормальный процентъ гораздо выше, чѣмъ на высокихъ стадіяхъ. Сопоставляя указанный процентъ съ узаконенными въ государствахъ, стоящихъ приблизительно на одномъ экономическомъ уровнѣ съ Греціей того времени, нормами дохода, мы находимъ, что 18% не превышаетъ свойственнаго такому состоянію народнаго хозяйства дохода на капиталъ. Средневѣковыя варварскія „Правды" (напримѣръ англо-саксонскія) узаконивають 35%, русское законодательство XVI и XVII вѣка — 20% и т. д. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что этотъ процентъ не считается лишь максимумомъ дозволеннаго дохода. Всѣ перечисленные законодательные акты считаютъ его нормальнымъ, среднимъ доходомъ на капиталъ. Такимъ образомъ, предѣлъ, съ котораго процентъ слѣдуетъ считать ростовщическимъ и непомѣрно обременительнымъ для хозяйства, въ древней Греціи былъ гораздо выше, чѣмъ теперь; было бы въ высшей степени неправильно поэтому смотрѣть на цифру 18% съ современной точки зрѣнія.

санное право одинаково охраняетъ всѣхъ гражданъ. Теперь болѣе не удовлетворяютъ уже древніе родовые союзы, которые оказывали защиту членамъ рода; связь, соединявшая ихъ, стала слишкомъ слабой, и создалась потребность въ непосредственной защитѣ отдѣльной личности. Такимъ образомъ съ эпохой развитія индивидуализма совпадаетъ и періодъ роста государственной власти. Несомнѣнно также, развитіе колоній въ этомъ отношеніи шло по меньшей мѣрѣ одинаковымъ съ самой Греціей путемъ. Рядомъ съ Коринѳомъ и Ѳивами въ числѣ городовъ, обладающихъ писаннымъ правомъ, появляются также и Локры и Катана; настолько же очевидна и отсталость Спарты, которая принципіально отказывается отъ введенія писаннаго права. Ново-записанные законы представляютъ изъ себя не что иное, какъ древнее обычное право; отчасти они носятъ консервативный характеръ, не уходя отъ прежнихъ нормъ, отчасти они дѣлаютъ опытъ въ прогрессивномъ направленіи, стараясь обезпечить безопасность нарождающимся слоямъ населенія. Они охраняютъ жизнь и собственность всѣхъ гражданъ, кровавую месть подчиняютъ по крайней мѣрѣ нормировкѣ государственной власти, содержатъ опредѣленную систему наказаній и путемъ многочисленныхъ предписаній стараются повліять на поведеніе гражданъ.

Въ связи съ употребленіемъ письменъ и писаннымъ правомъ стоитъ стремленіе къ упорядоченію календаря, въ основѣ котораго тогда лежалъ восьмилѣтній періодъ (октаэтерисъ), состоявшій изъ 5 лѣтъ по 12 мѣсяцевъ (=354 дня) и 3 лѣтъ по 13 мѣсяцевъ (=384 дня), такъ что при этомъ счетѣ ошибка равнялась одному мѣсяцу на каждые 160 лѣтъ.

Наконецъ, это замѣчательное по своему значенію столѣтіе сильно расширило также кругозоръ грековъ. Это отражается въ миѳѣ объ Аргонавтахъ, матеріаломъ для котораго послужили Милетскія открытія на Черномъ морѣ, а также и въ перенесеніи вратъ Аида съ западнаго берега Пелопоннеса, гдѣ помѣщала ихъ древность съ ея ограниченнымъ кругозоромъ, въ глубину большого Сирта, затѣмъ въ Иберію, гдѣ также лежатъ посреди Океана острова блаженныхъ. Изъ крайняго на сѣверо-востокѣ Европы культурнаго центра Греціи, города Ольвіи (ср. стр. 76), расположеннаго на соляныхъ озерахъ и болотахъ, дошло наконецъ до грековъ извѣстіе о древнемъ караванномъ пути въ центральную Азію, который, начинаясь около устья Дона, идетъ на сѣверъ къ болотамъ Бѣло-озера, затѣмъ мимо пустынныхъ лѣсовъ, раскинутыхъ по берегамъ Камы, къ Тиссагетамъ (ср. современное назв. Чусовая), проходитъ черезъ Уралъ переваломъ между Нижне-Тагильскомъ и Екатеринбургомъ, откуда спускается въ область между Иртышомъ и Обью, гдѣ жили предки мадьяровъ, джирки, затѣмъ идетъ вверхъ по теченію Иртыша, мимо теперешняго Семипалатинска и кончается по ту сторону Алтайскаго хребта. Уже тогда до грековъ доходили извѣстія о тюркскомъ племени аримасповъ (гунновъ), а также и о китайцахъ. Это извѣстіе сообщилъ грекамъ Аристей, авторъ эпической поэмы объ аримаспахъ.

Въ невѣроятно короткое время развился греческій народъ въ работящую и плодотворную общину, быстро переживъ свои полные рыцарской бодрости Средніе Вѣка. Въ большинствѣ городовъ едва успѣла царская власть лишиться своего руководящаго значенія, едва выросла сильная знать, значеніе которой въ мирное время опиралось на крупное землевладѣніе, а въ военное на службѣ въ кавалеріи, какъ развитіе быстрыми шагами продолжало идти впередъ. При процвѣтаніи торговли и промышленности, при созданіи огромнаго рынка благодаря колоніямъ, при созданіи новыхъ цѣнностей, духовныхъ—благодаря письменности, и матеріальныхъ—благодаря чеканкѣ монеты, рядомъ съ прежними выросло новое, полное могучаго роста городское населеніе, которое опирается на движимое имущество и своею неустанной дѣятельностью пріобрѣтаетъ

обширное знаніе свѣта. Движимое имущество завоевало себѣ свое значеніе въ греческихъ городахъ. Греція, за исключеніемъ нѣсколькихъ горныхъ племенъ, какъ этоляне и акарнанцы, изъ средневѣковья вступила въ историческую эпоху. Мѣсто прежняго натуральнаго хозяйства, при которомъ препятствіемъ свободнаго обращенія товаровъ служили древнія единицы мѣновой стоимости (скотъ и желѣзные слитки), заняло денежное хозяйство[1], которое порвало почти всѣ прежнія связи, создало новые слои населенія и оказало благотворное вліяніе на ростъ городовъ.

9. Вѣкъ собиранія (VI вѣкъ)

А. Стремленіе къ единству.

Дѣятельность, которая захватываетъ всю страну, которая даетъ работу тысячамъ рукъ, не разъединяетъ, а объединяетъ. Потребность сомкнуться, найти въ ближнемъ сочувствующаго помощника выдвигаетъ впередъ необходимость тѣснѣе связать тѣхъ, кого объединяютъ и безъ того семейныя связи, одинаковое прошлое, одинаковый языкъ, одинаковыя

---

[1] Зарожденіе денежнаго хозяйства слѣдуетъ относить къ Гомеровской эпохѣ, такъ какъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ идетъ рѣчь объ уплатѣ за товары металломъ, хотя тамъ это довольно рѣдкое, почти исключительное явленіе. Денежными знаками тамъ служили металлическіе стержни, на которыхъ не было никакихъ изображеній и цѣнность которыхъ не была гарантирована (совершенно сходны съ этими „оболами" древне-русскія гривны). Чеканенная монета возникла только въ началѣ VII столѣтія въ Малой Азіи. Тамъ города западнаго побережья (Фокея, Теосъ, Милетъ и др.) вели обширную заморскую торговлю и ранѣе другихъ ощутили потребность въ монетѣ въ нашемъ смыслѣ слова. Сплавъ серебра съ золотомъ (бѣлое золото или электронъ, какъ называли его греки благодаря янтарной окраскѣ этого сплава; янтарь по гречески elektron), употреблявшійся для этой цѣли получилъ распространеніе и въ Греціи, куда чеканенная монета проникла нѣсколько позже, и появилась впервые, вѣроятно, въ наиболѣе развитой въ экономическомъ отношеніи части ея — по берегамъ Сароническаго залива, т.-е. въ Аттикѣ, Арголидѣ и др. Существуетъ преданіе, что піонеромъ въ дѣлѣ чеканки былъ городъ Эгина, давшій свое имя системѣ (см. стр. 268). Изъ Лидіи сюда же проникла чеканка монетъ изъ чистаго золота и серебра. Впрочемъ, количество металла въ Греціи было весьма незначительно въ это время, такъ какъ золото почти не добывалось въ ней, а разработка серебряныхъ рудниковъ (главнымъ образомъ, въ Аттикѣ, гора Лавріонъ) не была еще достаточно интенсивной. Это заставило обратиться къ неблагороднымъ металламъ, желѣзу и мѣди, имѣвшихся въ болѣе значительномъ количествѣ, хотя и не столь удобныхъ для обмѣна (неудобство желѣзной монеты нашло яркое выраженіе въ извѣстномъ сказаніи о мотивахъ, якобы побудившихъ Ликурга ввести въ Спартѣ желѣзную монету: онъ будто бы преслѣдовалъ цѣль затруднить воровство, сдѣлавъ денежные знаки менѣе портативными). Даже въ VI вѣкѣ количество драгоцѣнныхъ металловъ было незначительно, какъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ серединѣ VI вѣка спартанцы, желавшіе позолотить статую Аполлона въ Амиклахъ, не могли достать въ Греціи нужнаго количества золота и вынуждены были обратиться за нимъ въ Малую Азію. Такимъ образомъ греки нуждались въ благородномъ металлѣ въ то время, какъ семейныя сокровищницы и могилы ихъ предковъ представляли богатѣйшіе рудники, золото которыхъ, въ видѣ украшеній, утвари и т. п. стало достояніемъ нашихъ археологическихъ музеевъ. При почти полномъ отсутствіи денежнаго хозяйства весь добытый драгоцѣнный металлъ употреблялся на изготовленіе предметовъ роскоши, которые становились наслѣдственнымъ достояніемъ богатыхъ родовъ, ихъ фамильной, неприкосновенной собственностью. Кромѣ того, тѣсно связанный съ религіозными представленіями обычай класть въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ и принадлежавшую ему утварь — нѣсколько вѣковъ подрядъ приводилъ къ тому, что нѣкоторая часть добытаго изъ нѣдръ земли металла въ землю же и возвращалась, что въ значительной мѣрѣ ослабляло его накопленіе. Когда усилившаяся потребность въ орудіяхъ обмѣна обнаружила вредное вліяніе этого закапыванія цѣнностей, законодательная власть сдѣлала рядъ попытокъ уничтожить этотъ обычай. Эти обстоятельства, въ связи съ упомянутыми выше данными о высотѣ средняго нормальнаго дохода на капиталъ (см. прим. на стр. 268) достаточно характеризуютъ степень развитія денежнаго хозяйства на порогѣ той эпохи, которой суждено было ознаменоваться рядомъ объединительныхъ попытокъ, а отчасти и въ теченіе послѣдней.

естественныя условія. Городу, который благодаря своему огромному вліянію привлекаетъ къ себѣ всѣ силы близъ лежащей округи, выпадаетъ въ этомъ отношеніи руководящая роль; и города, которые своимъ положеніемъ, связями съ заморскими странами, хорошими гаванями обѣщаютъ прочимъ жителямъ этой округи покровительство, далеко перерастаютъ всѣ другіе окружающіе ихъ города. Сельскіе округа объединяются болѣе или менѣе тѣсно въ зависимости отъ того, насколько выдающееся мѣсто занимаетъ главный ихъ городъ. Но стремленіе объединиться имѣетъ тенденцію выйти за предѣлы области, за предѣлы кантона. На помощь ему приходитъ обиліе религіозныхъ центровъ, возникшихъ еще въ глубокой древности. Душевной потребностью всѣхъ грековъ было молиться сообща богамъ, какъ молились имъ ихъ отцы и дѣды, просить у нихъ совѣта не только по политическимъ вопросамъ, но и по мелочамъ повседневной жизни: о томъ, кто совершилъ кражу, можно ли предпринять путешествіе и т. п. И благодаря этимъ оракуламъ и центрамъ культа возникало новое общеніе.

Древнѣйшій центръ культа, Олимпія въ области Элидѣ, уже издавна началъ играть выдающуюся роль, объединяя около себя всѣхъ грековъ материка и острово въ, а также и западныхъ грековъ. Въ тихой, мирной долинѣ, гдѣ излучина рѣчки Алфея, притока Кладея, и поросшій алеппскими пихтами склонъ холма въ формѣ амфитеатра окружаютъ равнину, собирался греческій народъ въ цвѣтѣ своихъ физическихъ и духовныхъ силъ и поучался, что „немного толку въ обладаньи, все счастье только въ добываньи". Народъ, лучшіе представители котораго боролись здѣсь за обладаніе оливковымъ вѣнкомъ, и чтились по полученіи его на своей родинѣ безпримѣрнымъ образомъ, поучался здѣсь идеальной, безкорыстной работѣ. Когда здѣсь начиналась мирная борьба, во всей Греціи умолкалъ звонъ боевого оружія. Въ греческихъ странахъ вводится исчисленіе времени по Олимпіадамъ (начиная съ 776 г.), которыя охватываютъ четырехлѣтній періодъ. Въ играхъ можетъ принимать участіе каждый свободный грекъ, надъ которымъ не тяготѣетъ обвиненій ни въ убійствѣ, ни въ святотатствѣ, ни въ преступномъ уклоненіи отъ борьбы за свой народъ. Борцы мѣрятся силами въ борьбѣ пяти родовъ (пентатліонъ: прыганье, дискометанье, киданіе дротика, бѣгъ на стадіѣ = 600 олимпійскимъ футамъ = 192 м., борьба); состязаніе въ бѣгѣ на колесницахъ (на разстояніе $4^1/_2$ килом.) служило испытаніемъ успѣховъ греческаго коннозаводства.

Здѣсь развивается **искусство ваянія**, которое вмѣсто грубыхъ деревянныхъ фигуръ боговъ, извѣстныхъ намъ лишь по изображеніямъ на монетахъ[1], создаетъ теперь статуи изъ бронзы съ выраженіемъ лица,

[2] Собственно говоря, деревянныя изображенія боговъ извѣстны намъ не только по очень несовершеннымъ воспроизведеніямъ ихъ на монетахъ: до насъ дошли мраморныя и терракотовыя копіи древнихъ Хоапа (такъ назывались по-гречески эти вырѣзанныя изъ дерева фигуры). Одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ всякаго религіознаго культа является консерватизмъ не только по отношенію къ обрядамъ, молитвамъ и т. п., но и по отношенію къ формѣ, въ которой воплощается божество. Поэтому даже въ эпохи наивысшаго развитія техники искусства въ той области его, которая вольно или невольно дѣлаетъ себя „ancilla theologiae" („служанкой богословія"), развивается любовь къ архаическимъ формамъ, къ искусству того времени, когда недостатокъ въ опытѣ, въ орудіяхъ и всевозможныхъ техническихъ знаніяхъ, вынуждалъ художниковъ ограничиваться сухими фигурами, съ едва намѣченными конечностями и т. д. Иногда эта археоманія приводитъ къ идеализаціи формъ, выработанныхъ искусствомъ прошлыхъ вѣковъ, къ свободному пользованію ими, примѣромъ чего могутъ служить англійскіе прерафаэлиты, иногда естественный результатъ любви къ старинѣ — рабское воспроизведеніе древнихъ образцовъ. Въ древней Греціи, рядомъ съ свободнымъ и быстрымъ развитіемъ скульптурныхъ формъ, существовало и такое антикварное теченіе въ искусствѣ, въ которомъ, насколько можно судить по сохранившимся до насъ образцамъ его, преобладало копированіе древнихъ образцовъ. Благодаря этому мы и можемъ составить себѣ полное представленіе о томъ, что изображали хоапа, по мраморнымъ и терракотовымъ копіямъ. Несмотря на то, что формы

дѣйствительно полнымъ величія, какъ это показываетъ одна голова Зевса; въ статуяхъ, изображающихъ побѣдителей на играхъ, стремятся уже уловить сходство. Въ храмахъ Геры и Зевса Олимпійскаго хранилась масса статуй изъ золота и слоновой кости. Нахожденіе здѣсь сокровищницъ городовъ Византіи, Сибариса, Кирены, Селинунта, Мегары, Метапонта обнаруживаетъ тѣсную связь областей Греціи съ Олимпіей.

Для средней Греціи большое значеніе имѣли Дельфы (*Δέλφοι*), древній оракулъ Аполлона, съ группировавшимся около нихъ Амфиктіоновымъ союзомъ[1]. Нормы международнаго права смягчаютъ древнее право войны, запрещая отводить у осажденнаго города воду и разрушать городъ, принадлежащій къ союзу. Въ скоромъ времени прекрасныя дороги сооружаются въ отдаленный горный уголокъ, откуда жрецы дельфійскаго Аполлона вліяютъ при посредствѣ своихъ оракуловъ на всю жизнь Греціи. Именно въ VI столѣтіи обнаруживается потребность присоединить къ осеннимъ собраніямъ Амфиктіоній игры и состязанія въ искусствахъ.

На Коринѳскомъ перешейкѣ, въ Немеѣ и на Делосѣ возникли центры мѣстныхъ культовъ. Издавна греки, жившіе въ окрестныхъ мѣстностяхъ, собирались сюда на праздникъ въ честь Посейдона, Зевса и Аполлона на игры, празднества и богослуженіе. И здѣсь также къ праздникамъ были пріурочены состязанія.

Чувство взаимной связи всѣхъ грековъ (см. приложенную карту „Древняя Греція") находило такимъ образомъ сильную поддержку въ общемъ отправленіи культа, общихъ цѣляхъ, общихъ обычаяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако крѣпнутъ и отдѣльныя государства, изъ которыхъ два въ особенности являются наиболѣе совершеннымъ воплощеніемъ дорическаго и іоническаго началъ: военное государство Спарта и демократическое— Аѳины.

Б. **Военное государство Спарта.**

Наиболѣе блестящее выраженіе своего характера въ государственной формѣ дорическое племя нашло въ прекрасной долинѣ Эврота, надъ

деревянныхъ статуэтокъ были всецѣло обусловлены свойствами матеріала, изъ котораго онѣ дѣлались, всѣ характерныя черты ихъ (плоскость, едва замѣтное отдѣленіе рукъ и ногъ отъ туловища и т. д.) мы встрѣчаемъ и на мраморѣ Артемиды, найденной на островѣ Делосѣ и на терракотѣ изъ Тизбы. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ мраморовъ и терракотъ являются не поздними копіями хоапа, не плодами антикварнаго теченія въ искусствѣ V и послѣдующихъ вѣковъ, а, такъ сказать, оригиналами ихъ, сработанными одновременно съ настоящими, деревянными. Въ такихъ случаяхъ перенесеніе на мраморъ пріемовъ техники рѣзьбы на деревѣ является не актомъ сознательнаго стремленія подражать стариннымъ образцамъ, а естественнымъ результатомъ преобладанія дерева, въ качествѣ матеріала скульптурной работы, въ данную эпоху.

[1] Слово „амфиктіоніи" не было собственнымъ именемъ союза, сгруппировавшагося около Дельфъ. То же самое имя носило и нѣсколько другихъ подобныхъ же междуплеменныхъ организацій съ религіозными цѣлями, центрами которыхъ были Делосъ, Каладрія, Онхестъ и др. Но послѣднія имѣли очень ограниченное значеніе и не пріобрѣли того широкаго вліянія, какое имѣли дельфійскія амфиктіоніи, почему роль ихъ въ исторической жизни Греціи совершенно незначительна и самое существованіе ихъ важно лишь въ томъ отношеніи, что въ немъ ярко отразились объединительныя стремленія эллиновъ, сознаніе племенного родства.

Что касается круга дѣлъ, которыя рѣшались на собраніяхъ амфиктіоновъ, то кромѣ упомянутыхъ выше положеній международнаго права они вырабатывали и всевозможные законы, касающіеся внутренняго распорядка государствъ, входившихъ въ составъ союза. Въ надписяхъ, напримѣръ, сохранились таксы, установленныя амфиктіонами, на жертвенныхъ животныхъ, оружіе и т. п., такъ что имъ не были чужды вопросы экономической политики. Въ составъ союза входило 12 греческихъ племенъ, при чемъ большинство ихъ принадлежало къ числу населявшихъ центральную Грецію (Элладу). Въ эпоху возвышенія Македоніи, союзъ сталъ органомъ, дѣйствовавшимъ въ интересахъ послѣдней и утратилъ свое политическое значеніе, когда руководящая роль передъ римскимъ завоеваніемъ перешла къ союзамъ южной части Балканскаго полуострова — Пелопоннеса.

Регистръ къ картѣ „Древняя Греція".

Соотвѣтств. современныя названія прибавлены въ [скобкахъ]. Сокращенія: г. гора; г-ы горы; г-дъ городъ; зал. заливъ; м. мысъ; нар. народъ; обл. область; оз озеро; о-въ островъ; прол. проливъ; разв. развалины; р. рѣка.

Додона [разн. при Драмизи]	B3
Долопы, нар. ...	CD3
Донусса, о-въ [Денуза]	G5
Дорида, обл. и г-дъ въ Ср. Гр.	D4
— обл. въ Мал. Азіи	IK6
Доридскій заливъ [Симійск.] ..	IK6
Доркосъ или Дорискъ	H2
Драконовы г-ы	I4
Дрепанъ [Герсекъ]	L2
Дріосъ, р. [Озеа] .	G5
Дздала ...	KL6
Евбейское м. [Какамъ Талантн] .	DE4
Евбея, о-въ .	EF4
Евдемія, о-въ .	EF3
Евксинскій Понтъ [Черное море] .	L1
Европосъ, р. [Ксерагисъ]	CD2, 3
Евронъ, г-дъ ...	D2
Елатея [Элефта] .	D4
Еленеерна [Элевферна]	F7
Еленеерэ	K3, 4
Елена, о-въ [Макронизи]	F5; L4, 5
Елэя	I4
Енипей, р. [Чарпалы-су]	D3
Епидавръ (Арголида) [Эпидавросъ]	E5
Еретрія [Елетрія].	E4
Ефесъ [Айасолукъ]	I5
Закинфъ, о-въ и г-дъ [Занте] .	B5
Зараксъ [Порто Герака]	E6
Зелея [Сарикей] .	I2
Зона	G2
Ида, г-ы (Критъ) [Псилорити] ...	F7
- г-ы (Троада) [Кацъ-Дагъ] .	H3
Идомена	D1
Идріада (Стратоникія) [Эскигиссаръ]	K5
Икарія [Никарія], о-въ	GH5
Икосъ, о-въ [Хилидромія]	E3
Иксія	I7
Илиссъ, р.	LK4
Иліонъ (Иліумъ) .	B3
— Новый (Троя) [Эски-Гиссарлыкъ]	H3
Иллирія, обл. ...	AB1,2
Имбросъ, о-въ и г-дъ [Имврось] .	G2
Инахосъ, р. (Эпиръ) [Верхній Аспропотамосъ]	C3,4
Индъ, р. [Хорзумъ-чай, Гереписъ-чай] ...	L5 (LK6)
Ира	C5
Иревія, о-въ [Иперн]	F3
Исмаръ, г-ы [Френкбунаръ-Дагъ]	G2
Истмъ, перешеекъ	DE5
Итака, о-въ [Өіаки, Неаки] и г-дъ .	B4
Итанъ	H7
Итома [Мавроматы]	C5

Іалисъ [разв. Филеримосъ]	K6
Іасск. зал. [Менделійскій]	I5
Іассъ [разв. Аснаъ-Калези] ..	I5
Іолкъ [Волосъ] ..	D3
Іоническое море .	A-C3-6
Іоаія, обл.	HI4, 5
Іосъ, о-въ и г-дъ [Ніосъ]	G6
Іулида [Тсія] ...	F5
Кабалія, обл. ...	L5
Кавкаса	H4
Кавнъ [разн. Даліанъ]	K6
Казосъ, о-въ [Казосъ]	HI7
Каикъ, р. [Бакиръ-чай]	I3, 4
Каистрскій зал. .	HI4, 5
Каистръ, р. [Кючукъ - Мендересъ]	KI4, 5
Калаврія, о-въ [Поросъ]	E5
Каллидонъ [разв. при Куртагъ] ..	C4
Калимна, о-въ [Калимносъ]	HI5, 6
Каллисте (или Өера), о-въ ...	G6
Калхедонъ [Кадикей]	L1, 2
Кальбисъ, р. [Даліанъ-чай]	K6
Камбунскія г-ы [Амарбесъ] ...	C2, 3
Камиръ [разв. Камиро]	I6
Кана, г. [Карадагъ]	H3, 4
Каваструэонъ, м. [Палиури]	E3
Каадавальск. г-ы	B1, 2
Кардія [разв. на м. Бакла-Буруиѣ]	H2
Каристъ [Каристосъ]	F4
Карія, обл.	IK5
Карпаеское море .	IKL6-8
Карпаеъ, о-въ [Скарпанто] ...	I7
Кассопеи, нар. ..	B3
Кекрифалея, о-въ [Ангистра]	K4, 5
Келетронъ [Касторія]	C2
Кенхреи [Кехріэ] .	D5
Кеосъ, о-въ [Тсія]	F5
Керамійскій зал. [з. Гіова]	IK5, 6
Керамъ [Керамо].	IK5
Кераунск. г-ы [Чика, Химара] ..	A2
Кериноъ [разн. при Мантуди] ..	E4
Керія, о-въ [Каросъ]	G6
Керкетій, г. [Керки]	H5
Керкинитъ, оз. [Тахиносъ] ..	E1, 2
Керкира, г-дъ ..	A3
— о-въ [Корфу] .	AB3
Кефаленія, о-въ [Кефалонія] ...	B4
Кефисія [Кевізія]	
Кефиссъ, р. (Віотія) [Мавронери]	L4
Кефисъ, р. (Аттика) [Сарантапоросъ]	D4
Кибира [Хорзумъ]	LK4
Кидонія [Ханія] .	L5
Кизикъ [разв. Балкисъ]	F7 I2
Киклады, о-ва ..	FG5, 6
Киконы, нар. ...	G1
Киллена	C4

Килленскій зал. .	C4
Кимаръ [Буза] ..	E7
Киме (Эвбея) [Куми]	F4
Кимолъ, о-въ [Кимолосъ, Аргентіера]	F6
Кимы (Эолида) [Ламуртъ-кей] .	H4
Киносема......	H2
Киаурія, обл. ...	D5
Кипариссіи [Аркадія]	C5
Кипарисскій зал. [Аркадск.] ..	C5
Киріонъ (Арне) [Матаранга]...	D3
Кирра	D4
Кисамъ	F7
Кисеева.......	H3
Киеера, г-дъ [Палэополи]	DE6
— о-въ [Церпго, Киеира]	DE6
Киееронъ, г-ы [Элатеасъ]....	E4; K3
Киеносъ, о-въ [Өермія] и г-дъ ...	F5
Кіамъ, м. [Акротири]	F7
Кіосск. зал. [Инджиръ Лиманъ] .	KL2
Кіосъ [Гіо, Гемликъ]	L2
Клазомена	H4
Клеоаы	D5
Клиторъ [разв при Клитурасѣ] ...	D5
Книдск. полуо-въ	IK6
Книдъ [разв. на м. Кріо]	I6
Кноссъ [Макротихосъ]	G7
Колонэ [Чигри] ..	H3
Колофонъ	I4
Копаидское оз. [Тополіасъ] ...	E4
Копы [Тополіасъ]	E4
Корикіонъ, м. [Коракасъ]	H4
Кориеескій зал .	D4
Кориаеь [Палэа-Кориноосъ] ...	D5
Корона [разв. Петалиди]	C6
Коронея	D4
Корсійскіе о-ва [Фурнэсъ]	H5
Косъ, г-дъ	I6
— о-въ [Косъ, Станко]	HI6
Крагосъ, г-ы [Акъ-Дагъ]	L6
Краніи [разв. при Аргостоли] ...	B4
Кравнійскія г-ы .	C3
Краннонъ [разв. [Палэа Ларисса]	D3
Крениды (Филиппи) [разв. Филибеджикъ] ...	F1
Критское море ..	E-H6, 7
Критъ, о-въ	E-H7, 8
Кріуметонъ, м. [Кріо]	E7
Крія	K6
Ксантія	G2
Ксанеъ, г-дъ [разв. Гюникъ]	L6
— р. [Эшенъ-чай]	L6
Кзаны, нар......	HI1
Лавріонъ, г-ы [Корфона] ...	E5; L4,5
Ладе, о-въ	I5
Лаконика, об... ..	DE5, 6
Лаконскій зал. [з. Мараеонизи] ..	D6
Ламія [Зитуни, въ нов. вр. сн. Ламія]	D4

Ламисакъ [Лапсаки]	H2
Ларимна [разв. Ларма]	E4
Лариса [Лидія] ..	I4
Ларисса [Ларисса]	D3
Латми	I5
Латмосъ, г-ы [Бешпармакъ-Дагъ] .	I5
Лато	G7
Лебедосъ	HI4
Лебена [Леда] ..	F8
Левиаеъ, о-въ [Левиеа]	H5, 6
Левка, г-ы [Мадара]	EF7
Левкада, г-дъ [Гамакеиди]	B4
— о-въ [Левкада, С. Маура] .	B4
Левката, м. [Дукато]	B4
Левки, о-ва [Куфонизи]	H8
Левкимме, м. [Левкимосъ]	AB3
Левктра......	E4
Лектонъ, м. [Бабабуруаъ]	H3
Лемносъ, о-въ [Лимносъ]	G3
Лепреонъ [разв. при Стровитси].	C5
Лепсія, о-въ [Липсосъ]	H5
Лерна	D5
Леросъ, о-въ [Леросъ]	H5
Лесбосъ, о-въ [Митилина].....	GH3
Лета [Айвали] ..	E2
Летоя, о-въ [Паксимадія]	E7
Летрини	C5
Либисса	L2
Лидія, обл.	I4
Лизимахія [Гексамили]	H2
Легкабетъ, г. ...	L4
Ликастъ ...	G7
Ликія, обл ..	L6
Ликэосъ, г-ы [Тетраги]	C5
Лимны [Апафарта]	H2
Линдъ [Линдосъ] .	K6
Линкестида, обл .	C2, 1
Линкосъ, г-ы [Василитса]	C2, 3
Лиссъ, г-дъ ...	E7
— м. [Кавосъ Лиенносъ]	F8
Ливттосъ [разв. Ксида]	G7
Лихнидъ [Охрида]	B1
Лихнитское оз. [Охридск.]	B1, 2
Локрида (Озол.) .	CD4
— (Опунт.) ...	DE4
— (Эпикн.) ...	D4
Лудій, р. [Моглентикосъ]	D2
Магнезія, г-дъ (Іонія) [разв. при Инебазарѣ] ...	I5
— г-дъ (Лидія) [Маниса] ..	I4
— полуо-въ ...	E3
Магнеты, нар. ..	DE3
Мадитъ [Мантосъ]	H2
Македонія, обл...	C-F2, 1
Макестъ, р. [Сусурлу-чай] ...	K2, 3
Малая Фригія, обл.	H-K3, 2
Малеа, м. (Лаконика) [Малеа] .	E6
— м. (Лесбосъ) [Сейтюкъ-буруиъ]	H3, 4
Малида, обл. ...	D4

Малидск. зал. [з. Зитуни]	DE4
Макры [Менде-гора]	K3
Мантинея (Стар. и Нов.)	D5
Мараѳонъ [Мараѳона]	E4; L4
Маронія [Маронія]	G2
Марсій, р. [Чина-чай]	KI5
Матала [Матала] .	F8
Мегалополь [разв. при Синано] ...	D5
Мегара [Мегара] .	E4; K4
Мезогея, равнина [Мезарія]	L4
Меласъ, зал. [Ксеросскій]	H2
— р. [Ксеросъ] .	HI2
Мелибея	D3
Мелосъ, о-въ [Милосъ] и г-дъ . .	F6
Месамбрія	G2
Мессена [разв. при Мавромати] ...	C5
Мессенія, обл. [Месспнія]	CD5
Мессенскій зал. [Каламатскій] .	D6
Метрополь	C3
Меѳана	E5
Меѳимна [Моливонъ]	H3
Меѳона (Макед.) [Элевѳерохори].	D2
— (Мессенія) [Модони, Меѳони].	C6
Мигдонія, обл. . .	D1, 2; E2
Мизійск. Олимпъ, г-ы [Кешишъ-Дагъ]	L3
Мизія, обл.	IKL3
Микале, г. [Самсунъ-Дагхи] . .	I5
Микены [разв. при Харвати]	D5
Миконь [Миконосъ]	G5
Миласа [Миласъ] .	I5
Милетополь	K2
Милетъ (Іонія) [разв. Палатія] .	I5
— (Критъ) [Милатосъ]	G7
Мимасъ, г.	H4
Миндъ [Гюмюшлю-Лиманъ]	I5
Миноа	G6
Мирина (Лемносъ) [Кастронъ] ...	G3
— (Мизія)	I4
Мирлея (Апамея) [Муданія]	K2
Миррииосъ	L4
Мирто, о-въ [Манделонизи]	F5
Миртойское море .	EF5, 6
Митилене [Кастро или Митилини] .	H3
Міунтъ	I5
Молоссы, нар. . .	B2,3
Мунихія	K4
Мэандръ, р.	I5
Навпактъ [Энактосъ, Лепанто] .	C4
Навплія	D5
Наксосъ, г-дъ [Наксія]	G5
— о-въ [Наксія] .	G5, 6
Неаполь [Кавала]	F2
Нела [Бузи]	C5
Немея	D5
Нестъ, р. [Места, Карасу]	F1, 2
Никомедія [Исмидъ]	L2
Никополь [Виѳинія]	L1
— (Эпиръ)	B3,4
Никэя (Анкоре) (Виѳинія) [Исникъ]	L2
— (Локрида) ...	D4
Нимфейское море [Св. Георгія] .	F2
Нисиръ, о-въ [Нисиросъ]	I6
Нисэя	K4
Новая Мантинея .	D5
Новый Иліонъ (Троя) [Эски-Гиссарлыкъ] . .	H3
Нов. Саламинъ, г.	K4
Нотіонъ	I4, 5
Оаксъ, р. (Аксосъ) [Аксосъ, Милопотамосъ]	F7
Ойное (Икарія) . :	H5
Олимпева, обл. . .	KL3
Олимпія [Друва] .	C5
Олимпъ, г. [Св. Илія]	H3
— г-ы [Элимпосъ]	D2
— Мизійск., г-ы [Кешишъ-Дагъ]	L3
Олинѳъ [разв. Стилари]	E2
Оліаръ, о-въ [Антипаросъ]	FG5, 6
Олоосонъ [Элассона]	D3
Ольвія (Астакосъ)	L2
Онохонъ, р. [Софадитикосъ] . .	D3
Онугнаѳъ, полуост. [Элафонизи]	D6
Онхесмъ [разв. Гагіа Саранта] . .	B3
Ореосъ [Ореи] . . .	E4
Орестида, обл. .	C2
Орикъ [Эрико] . .	A2
Оропъ, г-дъ [разв. при Оропосѣ] .	E4; L3
— р [Луро] . . .	B3
Орхоменъ (Аркадія) [Калпаки] .	D5
— (Віотія) [Скрипу]	D4
Осса, г-ы [Киссана]	D3
Офіуса, о-въ [Афсія]	I2
Оха, г. [Св. Илія] .	F4
Оѳрисъ, г-ы [Маврика]	D3
Пагасейскій зал. [Волосск.]	DE3
Паги	E4
Паксосъ, о-въ [Паксосъ]	B3
Пактія	H2
Пале [разв. при Ликсури]	B4
Паллена, пол-овъ [Кассандра] ...	E2,3
Памботійское оз. [Янинское] ...	B3
Памисъ, р. [Маврозуменосъ] . .	D5, 6
Панактъ	K3
Пангей, г-ы [Пирнари]	F2
Пандозія	B3
Паніонъ	
Панормъ	I5
Панетолійск. г-ы [Аранокефала] .	IK2
Паравэи, нар. . . .	C4
Паралія, обл . .	B2
Парій [Камарэ] .	L4,5
Парнассъ, г-ы [Ліакура]	I2
Парнесъ, г-ы [Озеа]	D4 E4;KL34
Парнонъ, г-ы [Малево]	D5
Паросъ, г-дъ . . .	G5
— о-въ [Паросъ]	G5,6
Пассаронъ	H3
Пасъ.	H2
Патара [разв. при Фурнасѣ]	L6
Патмосъ, о-въ [Патиносъ].	H5
Патры (Ахэя) [Патрэ, Патрасъ]	C4
— Иллирія	B1
Педіасъ, обл. . . .	K3, 4
Пелагонія, обл. . .	CD1
Пелазгіотида, обл.	D3
Пелиней, г. [Св. Илія]	GH4
Пеліонъ, г-дъ . . .	B2
— г-ы [Плесиди]	DE3
Пелла [разв. Фагилъ]	D2
Пеллена	D4
Пелопія (Ѳіатира) [Акхиссаръ] . . .	I4
Пелопоннесъ, полуо-въ [Морея] .	C-E4-6
Пеней, р. (Элида) [Гастуни]	C5
— р. (Ѳессалія) [Саламвріасъ] .	CD3
Пентеликъ (Пентеликонъ), г. [Мендели]	E4; L4
Пепареѳъ, о-въ и г-дъ [Скопелосъ]	E3
Пергамъ (Критъ) .	E7
— (Мизія) [Бергама]	I3
Перинѳъ [Эрегли] .	I2
Перкота [Бергасъ]	H2
Пидна [Китросъ] .	D2
Пизатида, обл. . .	C5
Пилосъ въ Мессеніи [Палэа Наварино]	C6
— въ Элидѣ . .	C5
Пинара [разв. Минара]	L6
Пиндъ, г-ы	C3
Пирей [Пирэусъ] .	E5; K4
Пирри Кастра . . .	B2
Пистиръ	F2
Питана	HI4
Питіуза, о-въ [Петса, Спецціа]	E5
Піерія, обл.	D2
Піеросъ, г-ы [Фламбуро] . . .	D2
Платэя [Кокла] .	E4
Пойманенъ [Маніасъ].	I2
Полирренія	E7
Поліэгосъ, о-въ (Миртов. море) [Полиносъ] . . .	F6
— о-въ (Эгейское море) [Пелагонизи]	F3
Понтъ Евксинскій [Черное Море] .	L1
Посидіонъ, г-дъ [Посиди]	I7
— м. Халкидика [Посиди]	E3
Потамосъ	L4
Потидея [разв. Кассандра] . . .	E2
Празіи [Аттика] .	L4
— (Лаконика) . .	D5
Пріансъ.	G7,8
Пріапъ [Карабогха]	I2
Пріена [разв. Самсунъ]	I5
Пробалинтъ	L4
Проконнесъ, о-въ и г-дъ [Мармара]	I2
Пропонтида [Мраморное море] . .	IK2
Пруза [Бруссa] . .	L2
Псаконъ, м. [Сидеа]	E7
Псафидъ	L3
Псира, о-въ [Псара]	G4
Псофида	C5
Рамнъ	L3,4
Реба [Рива]	L1
Ренея, о-въ [Мегали-Дили] . . .	G5
Риндакъ, р. [Адирнасъ-чай]	KL3
Риѳимна [Реѳимнонъ, Ретимо] .	F7
Родопскіе г-ы [Деспото - Планика]	FG1
Родосск. полуо-въ	K6
Родосъ, г-дъ [Родосъ]	K6
— о-въ	IK7, 6
Рэдестъ (Визанѳа) [Родосто] . . .	I1, 2
Рэтеонъ.......	H2, 3
Сала	G2
Саламинскій зал.	K4
Саламинъ, о-въ [Кулури, Саламисъ]	E5; K4
— Новый, г-дъ .	K4
— Старый, г-дъ .	K4
Саме [Самосъ] . .	B4
Самоній, м. [Сидеросъ]	H7
Самосъ, г-дъ [Самосъ]	H5
— о-въ	HI5
Самоѳракія, о-въ [Самаѳраки] и г-дъ	G2
Сано	E2
Сарды [разв Сартъ]	K4
Саронійскій зал. [Эгинск.]	EF5
Саросъ, о-въ [Сарія]	I7
Сасонъ, о-въ [Сасено]	A2
Селимбрія [Силиври]	K1
Селлазія	D5
Серифъ, о-въ [Серфосъ] и г-дъ . .	F5
Сестъ [Богхалю] .	H2
Сибота, о-въ [Сиботи]	B3
Сигей [Енишеръ] .	H3
Сигрей, м. [Сигри]	G3
Сидена [Бигха] . .	I2
Сикинъ, о-въ и г-дъ	G6
Сикіонъ [разв. при Василикѣ]	D5
Сима, о-въ и г-дъ [Сими]	I6
Сингитск. зал. [з. Гагіонъ Оросъ] .	EF2
Сингъ [Сикія] . . .	E2
Сипилъ, г-ы [Маниза-Дагъ] . . .	I4
Сиракеллы [Малгара]	H2
Сирны, о-ва [Сирини]	H6
Сиросъ, о-въ [Сира] и г-дъ	F5
Сиррэ [Сересъ] . .	E1
Сифносъ, г-дъ . .	F6
— о-въ [Сифносъ, Сифанто] .	F5, 6
Сиѳонія [Лонгосъ] полуо-въ	E2,3
Скамандръ, р. [Мендересъ] . . .	H3
Скампа [Элбасанъ]	B1
Скепсисъ	I3
Скиллосъ	C5
Скиллэй, м. [Скили]	E5
Скиросъ, г-дъ [Скиросъ] и о-въ	F4

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦІЯ.
Масштабъ 1:3 500 000.
Аттическія стадіи
Километры
Эллинскія племена:
Эолійцы
Дорійцы
Іонійцы
Македонія А до Персидск. войнъ В до Филиппа II
Эпиръ
Іоническое море
Миртойское море
Керкира
Левкади
Кефаленія
Закинеъ
Киеера
Халкидика
Мегалополь
Мегара
Коринеъ
Саламинъ
Эгина
Мессена
Спарта
Дельфы
Ѳракія
Македонія
Иллирія
Эпиръ
Ѳессалія
Этолія
Ахея
Пелопоннесъ
Крит
20
21
22
23
24

Т-во „Просвѣщеніе" въ СПБ

которой высятся Тайгетскія горы, еще въ маѣ покрытыя снѣгомъ (см. фиг. 4 на таблицѣ „Мѣстности древней Греціи“ при стр. 256). Его особенности отразились на связанныхъ съ различными празднествами состязаніяхъ въ физической силѣ; здѣсь требуется развитіе силы и воли. Тому, кто будетъ разсматривать устройство спартанскаго государства, не теряя изъ виду исторической точки зрѣнія, какъ олигархически-аристократическаго государства поработителей, опирающагося на порабощенное иноплеменное населеніе, тому станетъ совершенно ясно, особенно благодаря многочисленности степеней несвободнаго состоянія, напоминающей пестроту соціальныхъ отношеній въ Англіи, въ эпоху „Книги Страшнаго Суда“ (Domesdaybook)[1],—что ни одинъ законодатель не могъ создать этого сложнаго строенія, что спартіаты заняли свое господствующее положеніе путемъ долгаго развитія, продолжавшагося столѣтія. Миѳическій устроитель Спартанскаго государства, Ликургъ, есть не что иное, какъ пелопоннесское божество, которое лишь съ теченіемъ времени было сведено на землю.

Введенное Ликургомъ (богомъ?) государственное устройство, повидимому, происходитъ изъ глубокой древности; во главѣ государства стоятъ два царя (явленіе, возникшее въ героическую эпоху вслѣдствіе борьбы двухъ родовъ), являясь верховными жрецами и военачальниками. Живымъ воплощеніемъ спартанскаго народа были наблюдательныя должности эфоровъ, которые могли привлечь къ своему суду даже царей. Совѣтъ старѣйшинъ (называвшійся подобно римскому сенату герусіей), состоявшій изъ 28 спартіатовъ въ возрастѣ не моложе 60 лѣтъ и обоихъ царей, лишилъ послѣднихъ верховной судебной власти; народному собранію, апеллѣ, принадлежало право избранія членовъ совѣта, эфоровъ и другихъ должностныхъ лицъ, а также право рѣшенія по вопросамъ внѣшней политики (объявленіе войны, заключеніе мирныхъ и союзныхъ договоровъ).

Территорія была по преданію раздѣлена нѣкогда на равные участки, но въ историческую эпоху она несомнѣнно сосредоточилась въ неравныхъ доляхъ въ рукахъ полноправныхъ гражданъ („равные“, спартіаты), которые имѣли общій столъ (сисситіи), будучи обязаны дѣлать для этого опредѣленные взносы; въ случаѣ же несостоятельности они исключались изъ числа спартіатовъ и переходили въ низшее сословіе гипомейоновъ („меньшихъ“). До-дорическіе города, пріобрѣтенные мирнымъ путемъ, были населены періэками („жители предмѣстій“), которые платили подати и были обязаны воинской повинностью; покоренные на войнѣ обращались въ государственныхъ рабовъ (илотовъ), которые должны были обрабатывать землю своихъ господъ. Спартанское воспитаніе, основывавшееся на закаленіи, начиналось такъ рано, что окончательно уничтожало семейную жизнь, и безъ того почти ставшую невозможною, благодаря сисситіямъ. Ему придавалось огромное значеніе: оно могло даже заставлять забыть о происхожденіи.

Завоеваніе плодородной мессенской равнины и покореніе до-дорическаго населенія совершено было спартанцами въ двухъ мессенскихъ войнахъ, свѣдѣнія о которыхъ даетъ пѣвецъ Тиртей, самъ игравшій большую роль во второй войнѣ, воодушевляя спартанцевъ своими военными пѣснями. Распространивъ свою власть на южную часть полуострова и опираясь на нее, Спарта привлекаетъ къ себѣ и болѣе отдаленныя государства и при участіи Коринѳа и Сикіона образуетъ Пелопоннесскій Союзъ, который

---

[1] Т. е. „книга страшнаго суда“, перепись, составленная Вильгельмомъ Завоевателемъ вскорѣ послѣ покоренія Англія норманнами (черезъ 20 лѣтъ, въ 1086 г.). Она была произведена только въ тѣхъ 34 графствахъ, на которыя успѣла распространиться власть нормандскаго властелина, и рисуетъ соціальный строй только что завоеванной страны съ небольшимъ господствующимъ классомъ (10 000 рыцарей), съ болѣе многочисленнымъ свободнымъ классомъ и съ весьма большимъ классомъ полусвободныхъ, который особенно пополнился благодаря недавнему нашествію норманновъ.

создаетъ Спартѣ руководящую роль, неограниченное господство, до береговъ Азiи распространяющуюся славу и союзъ съ царемъ Лидiи, Крезомъ: всѣмъ этимъ она обязана тому, что выставляла двѣ трети всѣхъ боевыхъ силъ союзниковъ, и блестящей выучкѣ своего войска. Слава эта даже не померкла послѣ неудачнаго похода противъ Поликрата Самосскаго: Персидскiя войны показали, насколько Спарта была сильнѣе Аѳинъ.

B. **Демократическое государство Аѳины.**

Въ противоположность одностороннему развитiю воли въ дорической культурѣ, iонiйцевъ отличаетъ большая подвижность, развитiе всѣхъ духовныхъ способностей. Iонiецъ относится къ дорянину такъ, какъ Одиссей къ Геркулесу, герой богато одаренной души и разносторонняго ума къ герою воли, который берется за всякую работу, съ той только разницей, что дорянинъ лишь первоначально работаетъ въ интересахъ общаго блага, а впослѣдствiи ради своего личнаго возвышенiя.

Первоначально аѳинское государство, со своей родовой организацiей, находилось надъ властью царей[1], затѣмъ стало управляться пожизненнымъ должностнымъ лицомъ (базилевсъ), происходившимъ изъ царскаго дома, пока расширенiе государственныхъ дѣлъ не потребовало назначенiя трехъ магистратовъ (базилевсъ, полемархъ, архонтъ), а съ исчезновенiемъ прежняго блеска срокъ ихъ полномочiй не былъ ограниченъ десятью годами. Наконецъ стали избирать должностныхъ лицъ (кромѣ трехъ прежнихъ, еще шесть тесмотетовъ) на одинъ годъ, которые по окончанiи срока службы вступали въ органъ высшаго надзора, въ государственный совѣтъ (ареопагъ). Право избранiя связано съ принадлежностью къ стариннымъ родамъ, которые образуютъ особые религiозные союзы, и которымъ въ древнѣйшее время принадлежало право собственности на всю территорiю.

Первая брешь въ родовой организацiи государства была пробита въ эпоху, которой нельзя опредѣлить съ точностью (быть можетъ, въ VII вѣкѣ) подъ влiянiемъ финансовыхъ нуждъ и потребностей морского

---

[1] Родовая организацiя аѳинскаго государства заключалась въ томъ, что обладанiе правами гражданина было тѣсно связано съ принадлежностью къ одному изъ родовъ, совокупность которыхъ составляла политическую единицу. Роды эти возникали путемъ естественнаго роста семьи, а также путемъ вхожденiя въ послѣднюю постороннихъ, несвязанныхъ узами кровнаго родства, элементовъ въ лицѣ освобожденныхъ рабовъ, лицъ, принятыхъ родоначальникомъ подъ свое покровительство.

Государственному строю, возникшему на этой почвѣ, свойственны многiя характерныя особенности. Ему незнакома частная, единоличная собственность: единственнымъ собственникомъ недвижимости является родъ. Царская власть при родовой организацiи лишена многихъ прерогативъ, которыя впослѣдствiи дѣлаются ея неотъемлемымъ достоянiемъ, когда единицею, изъ которой слагается государство, становится отдѣльная личность, Царь, т.-е. глава самаго влiятельнаго изъ родовъ, при пользованiи своей судебной, фискальной или дискрецiонной властью по отношенiю къ каждому отдѣльному гражданину, неизбѣжно долженъ былъ приходить въ столкновенiе съ освященной вѣками и сильной религiознымъ авторитетомъ властью соотвѣтствующаго родовладыки, который считался неограниченнымъ властелиномъ въ предѣлахъ своего рода. Это обстоятельство приводило, естественно, къ ограниченiю царской власти, при чемъ конкуррентомъ царя являлась совокупность всѣхъ родовладыкъ, составлявшая совѣтъ царя. Постепенное разложенiе самыхъ родовъ, образованiе новыхъ родовъ, въ которыхъ не соблюдались традицiи старыхъ; наконецъ, неизбѣжное наростанiе около разростающейся родовой организацiи постороннихъ элементовъ, приводитъ мало-по-малу къ тому, что единицами, составляющими государство, оказываются не роды, а отличающiеся другъ отъ друга родомъ занятiй и степенью экономической обезпеченности классы. Тогда государственный строй, въ которомъ родъ былъ и фискальной, и судебной, и административной самоуправляющейся единицей, теряетъ подъ собой почву и начинаетъ по немногу приноровляться къ новымъ соцiальнымъ и экономическимъ условiямъ. Впрочемъ слѣды его сохранились вплоть до Солона, который въ своихъ реформахъ сохранилъ за родами значенiе избирательной единицы при выборахъ членовъ совѣта.

дѣла, при чемъ лица не благороднаго происхожденія, но обладавшіе недвижимостью, также образовали роды со своими собственными культами; но вмѣстѣ съ тѣмъ они сами вошли въ ряды знати и вмѣстѣ съ старыми родами составили 48 податныхъ единицъ (которыя въ виду того, что они были созданы для нуждъ кораблестроенія, получили названіе навкраріи[1], отъ слова ναῦς). Распредѣленіе произошло, вѣроятно, слѣдующимъ образомъ: въ 24 навкраріяхъ было по 7 родовъ, въ другихъ 24 по 8 — всего 360 родовъ (4 филы по три фратріи въ каждой), при чемъ каждый родъ несъ свои повинности въ податномъ участкѣ по мѣсту жительства. Крайніе элементы знати подъ предводительствомъ Килона и поддерживаемые извнѣ (Мегара), повидимому, дѣлали попытку охранить древнюю родовую организацію отъ этихъ первыхъ посягательствъ на нее, но безуспѣшно.

Слѣдующая ступень развитія знаменуется писаннымъ правомъ, уголовнымъ законодательствомъ Дракона[2]. Есть извѣстіе, что Драконъ

[1] Такимъ образомъ навкрарія была самой маленькой фискально-административной единицей. Не взирая на названіе, указывающее непосредственную связь этого подраздѣленія съ нуждами морского дѣла, назначеніе навкрарій далеко не исчерпывалось собираніемъ денегъ на постройку кораблей. Каждая изъ нихъ должна была снарядить своими средствами корабль, командованіе которымъ поручалось одному изъ членовъ навкраріи. Такимъ образомъ, послѣдняя являлась въ извѣстномъ смыслѣ и избирательнымъ округомъ. Далѣе, черезъ посредство навкраріи взыскивались съ населенія и прочіе налоги, особенно чрезвычайные. Наконецъ, эта же система служила для отправленія воинской повинности въ конницѣ. Въ виду крайне малаго количества лошадей въ Аттикѣ, конница аѳинская была очень невелика и поэтому государственная власть могла пользоваться для набора всадниковъ тою же самой системой дѣленія народа на фискальныя единицы, что и для созданія флота: каждая навкрарія обязана была выставить 2-хъ вооруженныхъ всадниковъ, такъ что вся конница аѳинская до Греко-персидскихъ войнъ (когда навкраріи были уничтожены) состояла всего изъ 96 всадниковъ при флотѣ изъ 48 тріэръ. Незадолго до уничтоженія навкрарій число ихъ было увеличено Клисѳеномъ до пятидесяти, такъ что составъ конницы увеличился на четыре всадника, а флота на 2 тріэры. Весьма характернымъ для морской державы Аѳинъ представляется то обстоятельство, что изъ всей многосторонней дѣятельности навкраріи въ названіи отразилась только одна морская сторона ея.

[2] Прогрессивное значеніе законодательства Дракона выражалось не только въ томъ, что оно, въ противоположность болѣе древнимъ, было записано. Самыя нормы его, насколько мы можемъ судить о нихъ по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыми мы располагаемъ, представляли большой шагъ впередъ сравнительно съ тѣмъ состояніемъ уголовнаго права, въ какомъ оно находилось до эпохи Дракона. Убійство, которое раньше являлось частнымъ правонарушеніемъ, теперь начинаетъ разсматриваться, какъ публичное. Уголовный процессъ, раньше представлявшій тяжбу о матеріальномъ возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ убійцей семьѣ убитаго, въ законодательствѣ Дракона пріобрѣтаетъ новыя черты: проводится различіе между умышленнымъ и неумышленнымъ убійствомъ, что не могло имѣть мѣста при старомъ взглядѣ на преступленіе, такъ какъ гражданскій характеръ процесса нисколько не мѣняется въ зависимости отъ того, было ли убійство совершено сознательно, или нѣтъ. Разъ законодательство Дракона усвоило взглядъ на убійство, какъ на публичное преступленіе, оно должно было запретить прекращеніе процесса, начатаго родственниками убитаго противъ убійцы, мировой сдѣлкой, что практиковалось до тѣхъ поръ. Новый взглядъ этотъ отразился и на строгости наказаній, которая дала поводъ къ ходячему обвиненію Дракона въ непомѣрной жестокости. Стремясь подчеркнуть, что законъ наказываетъ преступленіе не въ зависимости и не въ связи съ причиненнымъ имъ матеріальнымъ ущербомъ, а преслѣдуетъ злую волю, которая не зависитъ отъ величины преступленія, Драконъ налагалъ одинаковыя наказанія за самыя крупныя, какъ и за мелкія преступленія. Во всякомъ случаѣ это крайнее однообразіе Драконовской лѣстницы наказаній слѣдуетъ разсматривать, не какъ результатъ исключительной жестокости законодателя, а скорѣе какъ рѣзкое проявленіе реакціи противъ стараго и отжившаго взгляда на преступленіе и наказаніе. Если раньше послѣднее опредѣлялось исключительно величиной матеріальнаго ущерба, то теперь Драконъ, желая показать, что не ущербъ этотъ долженъ опредѣлять степень наказанія, а злая воля, слишкомъ ужъ игнорировалъ матеріальную сторону преступленія. Обычному же обвиненію Дракона въ жестокости противорѣчитъ хотя бы то обстоятельство, что онъ же запретилъ мучить преступниковъ.

Многіе законы, приписываемые Дракону, вѣроятно, существовали и до него и по отношенію къ нимъ онъ игралъ роль только кодификатора. Во всякомъ случаѣ онъ сталъ центромъ, около котораго сгруппировались всѣ реформы этой эпохи, касавшіяся судоустройства и судопроизводства.

былъ также законодателемъ и политическимъ реформаторомъ, предоставившимъ политическія права всѣмъ, кто можетъ выйти въ поле въ полномъ вооруженіи, и связавшимъ право занимать должности съ опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ. Это извѣстіе исходитъ изъ олигархическихъ тенденціозныхъ сочиненій V вѣка и, вѣроятно, выдумано тогда же.

Предъявленному къ народу требованію стать въ уровень съ могучимъ переворотомъ VII вѣка — съ переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному—было трудно удовлетворить, а для мелкихъ землевладѣльцевъ Аттики и совершенно невозможно. Богатые были теперь кредиторами бѣдныхъ, которые обрабатывали свою землю почти исключительно въ пользу первыхъ. Доходъ большинства имѣній такихъ гектеморовъ (шестидольники, такъ какъ они удерживали въ свою пользу только шестую долю своихъ доходовъ), переходитъ къ кредиторамъ. „Нѣкоторые въ отчаяніи бѣжали отъ кредиторовъ и бродятъ изъ страны въ страну", говоритъ Солонъ; другіе за долги „проданы въ чужія руки въ рабство".

Помочь этой нуждѣ попытался Солонъ, который въ 594 году былъ избранъ третейскимъ судьей и архонтомъ для упорядоченія государства: онъ первая вполнѣ историческая личность въ исторіи Греціи. Отъ него вѣетъ чѣмъ-то идеальнымъ, симпатичнымъ; его Элегіи (рѣчи къ народу въ стихахъ) обнаруживаютъ въ немъ ясный практическій умъ, который знаетъ потребности всѣхъ сословій: „Никогда, ни тутъ, ни тамъ, не содѣйствовалъ я побѣдѣ несправедливости".

Сейсахтія[1] (снятіе бремени) освободила должниковъ отъ обязанности отдавать доходы съ задолженнаго имущества кредиторамъ. Обезпеченіе займовъ личностью должника было воспрещено, а такъ какъ это означало бы полную невозможность займовъ въ будущемъ, то надо допустить, что Солонъ уничтожилъ родовое владѣніе имуществомъ и сдѣлалъ землю отчуждаемой личной собственностью. А для того, чтобы воспрепятствовать скопленію земельной собственности, получившей возможность свободнаго перехода, въ рукахъ немногихъ, была установлена предѣльная норма владѣнія. Страшно повысившіяся въ Аттикѣ, благодаря свободѣ вывоза, цѣны на хлѣбъ были понижены посредствомъ всеобщаго запрещенія вывоза пищевыхъ продуктовъ (не распространявшагося только на оливковое масло), а посредствомъ принятія эвбейской системы мѣръ и вѣсовъ было достигнуто сближеніе съ крупными торговыми центрами, Халкидой и Эретріей. Установлена была градація въ обладаніи политическими правами по четыремъ податнымъ классамъ (пентакосіомедимны, всадники, мелкіе крестьяне, наемные рабочіе), распредѣленнымъ по количеству поземельныхъ доходовъ (500,300,200 мѣръ и менѣе). Первый классъ имѣлъ право занимать всѣ высшія государственныя должности (архонтовъ, казначеевъ), четвертый классъ не допускался ни къ какимъ, участвуя только въ народномъ собраніи и судѣ; три первыхъ класса выставляли тяжело вооруженное войско, а четвертый — легко вооруженное и матросовъ. Совѣтъ четырехсотъ, состоявшій изъ гражданъ первыхъ трехъ классовъ, стоитъ ниже ареопага, который играетъ роль контрольнаго и охраняющаго государственный порядокъ учрежденія. Право апелляціи къ народному собранію на рѣшеніе должностного лица расширяетъ народныя права. Должности замѣщались по жребію между занесенными въ списокъ соискателями.

[1] Значеніе этой мѣры не выяснено въ достаточной мѣрѣ. Одни склонны видѣть въ ней только то облегченіе, которое проистекало для должниковъ отъ перехода отъ эгинской монетной системы къ эвбейской (см. прим., стр. 268). Такъ какъ денежная единица благодаря этому переходу уменьшилась на 27%, то, очевидно, на столько же процентовъ уменьшилась и общая сумма всѣхъ долговъ. По мнѣнію другихъ, Солонъ не ограничился общимъ пониженіемъ стоимости долговъ на 27%, а объявилъ ихъ погашенными тѣми процентами, которые вносились кредиторамъ за долгъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ имѣлись въ виду поземельные долги.

Несмотря на лучшія намѣренія, законодательство Солона не удовлетворило народа: жители побережья (параліи), принадлежавшіе въ большинствѣ случаевъ къ среднему сословію, съ ихъ развитой промышленностью, были удовлетворены больше другихъ; менѣе были довольны землевладѣльцы равнинъ (педіэи), которымъ народолюбивыя стремленія законодательства казались слишкомъ радикальными, и менѣе всѣхъ — радикально настроенные горцы (діакріи), къ которымъ примкнули всѣ сомнительныя личности. Главнымъ образомъ благодаря приверженцамъ изъ діакріевъ могъ основать свою тираннію Пизистратъ, который сохранилъ за собой власть съ двумя перерывами, вплоть до самой своей смерти, отъ 536 до 527 года. Улучшеніе судебнаго дѣла, внутренняя колонизація, установленіе внѣшнихъ связей (Өессалія, Наксосъ) личная заботливость характеризуетъ господство Пизистрата, которое въ воспоминаніяхъ аөинянъ было „жизнью подъ властью добраго Кроноса“. Эта великая эпоха блистала развитіемъ творческой дѣятельности, внутреннимъ объединеніемъ, постепеннымъ примиреніемъ классовыхъ противорѣчій и религіознымъ углубленіемъ: въ эту пору возникли храмы[1] въ Аөинахъ и Элевзинѣ и водопроводы. Въ это время впервые поднялась на Акрополь въ день праздника Аөины торжественная процессія депутатовъ отъ всѣхъ живущихъ на чужбинѣ аөинянъ и впослѣдствіи отъ всѣхъ клерухій (колоніи изъ аөинскихъ гражданъ) и былъ отпразднованъ великолѣпный праздникъ Панаөинеи: изъ государственной религіи выростаетъ почти теократія. Совершенно въ соотвѣтствіи съ демократическими стремленіями Пизистрата вмѣстѣ съ сельскимъ культомъ Діониса особеннымъ покровительствомъ пользуются связанныя съ послѣднимъ драматическія представленія, трагедіи. Аөинская торговля, въ особенности прекрасными, мастерски исполненными вазами съ красными фигурами, достигла небывалаго до тѣхъ поръ расцвѣта. Рядомъ съ внѣшнимъ блескомъ наблюдается и проявленіе высшихъ духовныхъ интересовъ. Не безъ участія Пизистратидовъ разрабатывалась орфическая религія; находившійся непосредственно подъ ихъ покровительствомъ элевзинскій культъ, въ которомъ изображалась судьба Деметры, сталъ для посвященныхъ идеаломъ религіознаго воодушевленія и обѣтованіемъ лучшаго жребія[2].

---

[1] Большинство затѣянныхъ Пизистратомъ грандіозныхъ строительныхъ предпріятій (Парөенонъ, храмъ Зевса Олимпійскаго и др.) остались не оконченными, вѣроятно, потому, что непродолжительное время, какое Пизистратъ сохранялъ въ своихъ рукахъ власть, не позволяло завершить начатыя сооруженія. Въ такомъ недостроенномъ видѣ храмы Пизистрата простояли вѣка; ихъ не коснулись даже руки художниковъ, украсившихъ многочисленными храмами и зданіями Аөины въ эпоху Перикла. Аөинская демократія считала недостойнымъ себя заканчивать то, что было начато тиранномъ. Только 350 лѣтъ спустя, когда вся Греція вмѣстѣ съ половиной міра склонилась подъ властью наслѣдниковъ Александра Великаго, мысль закончить постройку храма Зевса Олимпійскаго на фундаментѣ, построенномъ Пизистратомъ, не казалась оскорбительной для народа, для демократіи, которой болѣе не существовало. И Антіохъ Эпифанъ приказалъ достроить храмъ Зевса, но только при императорѣ Адріанѣ онъ былъ освященъ и открытъ. Что же касается Парөенона, то онъ такъ и остался не достроеннымъ и фундаментомъ его не воспользовались даже строители того Парөенона, который и по сейчасъ украшаетъ Аөинскій Акрополь.

[2] Ученіе секты орфиковъ представляло довольно высоко стоявшую на лѣстницѣ развитія религію, въ которой вполнѣ опредѣленно вырисовался нравственный моментъ. Основателемъ ея считался миөическій пѣвецъ Орфей, которому приписывались многія произведенія современника и друга Пизистратидовъ, поэта Ономакрита. Послѣдній и былъ, вѣроятно, однимъ изъ основателей секты. Отъ вульгарнаго политеизма вѣрованія этой секты отличались прежде всего значительно меньшимъ числомъ боговъ (Зевсъ, Деметра, Персефона и Діонисъ). Далѣе, всѣ миөы, связанные съ именами послѣднихъ, истолковывались, какъ аллегорическое изображеніе явленій природы. Такимъ путемъ орфики стремились очистить нравственный образъ боговъ, который искажался миөами, утратившими свой первоначальный смыслъ. Нравственное ученіе орфиковъ носило аскетическій характеръ, въ основѣ его лежалъ дуалистическій взглядъ на природу человѣка и вѣра въ переселеніе душъ послѣ смерти. Посвященіе въ эту секту совершалось въ Элевзинѣ и было обставлено мистеріями, въ которыхъ въ драматической формѣ представлялась символизировавшая смѣну временъ года, исторія похищенія Аидомъ дочери Деметры, Персефоны. Характерной чертой этой

Изъ сыновей Пизистрата одинъ былъ убитъ; другой въ концѣ концовъ долженъ былъ отступить передъ знатнымъ родомъ Алкмеонидовъ, находившимся въ союзѣ со Спартой и пользовавшимся благосклонностью дельфійскаго оракула. Возникшей отсюда смутѣ положилъ конецъ **Клисѳенъ** (505—507 г.), выступившій защитникомъ правъ народа; благодаря ему Аѳины сдѣлали огромный шагъ впередъ на пути къ полной демократизаціи государства. Аѳинское родовое государство превращается въ **аттическое общинное**. Вся страна была раздѣлена на самоуправляющіяся общины (**демы**), весьма различныя по количеству населенія, съ демархомъ во главѣ; мало-по малу вошло въ обычай прибавлять къ собственному имени и названіе своего дема. Каждый демъ избираетъ нѣсколько кандидатовъ въ совѣтъ пропорціонально количеству своего населенія; мы встрѣчаемся такимъ образомъ здѣсь съ совершенно современнымъ понятіемъ; выборъ изъ этихъ кандидатовъ производился путемъ жеребьевки. Всѣ демы побережья были соединены въ десять округовъ (**триттіи**), точно такъ, какъ и демы внутренней страны, а затѣмъ и Аѳины съ ихъ окрестностями. Каждый такой округъ побережья вмѣстѣ съ такимъ же округомъ внутренней страны и округомъ городскимъ составлялъ **филу**, такъ что образовавшіяся такимъ образомъ десять новыхъ филъ были не соединеніями знатныхъ родовъ, какъ прежде, а избирательными округами, послужившими также основою военной организаціи страны, такъ какъ каждая изъ десяти филъ обязана была выставить одинъ полкъ пѣхоты и одинъ эскадронъ конницы. Во главѣ аѳинскаго государства стоитъ совѣтъ, состоящій изъ пятисотъ членовъ, избранныхъ по филамъ, который подготовляетъ всѣ дѣла, поступающія на разсмотрѣніе народнаго собранія, и все болѣе и болѣе ограничиваетъ въ правахъ архонтовъ, подобно тому, какъ римскій сенатъ въ эпоху наивысшаго вліянія своего — консуловъ. Текущія дѣла лежатъ на попеченіи засѣдающей постоянно комиссіи совѣта, пританіи, состоящей изъ десятой части всѣхъ членовъ совѣта — изъ пятидесяти человѣкъ. Ради правильности ихъ чередованія аттическій должностной годъ, состоявшій изъ 360 дней и раздѣлявшійся на 10 пританій по 36 дней каждая (високосный годъ состоялъ изъ 390 дней), вошелъ во всеобщее употребленіе. Охрана существующаго порядка была возложена на всѣхъ гражданъ, которымъ учрежденіемъ остракизма[1] (судъ посредствомъ черепковъ) дана была возможность изгонять изъ Аѳинъ на десять лѣтъ человѣка, представлявшаго на ихъ взглядъ опасность.

Побѣды, въ теченіе короткаго времени одержанныя надъ Ѳивами и Халкидою, доказали на дѣлѣ силу новой организаціи Аѳинъ. Бронзовая колесница, запряженная четверкой коней, обломки которой дошли до насъ, оковы халкидянъ, которыя еще Геродотъ видѣлъ въ Акрополѣ, свидѣтельствуютъ о той счастливой войнѣ, когда аѳиняне, избавившись отъ Пело-

---

секты былъ ея демократическій характеръ: доступъ въ нее былъ открытъ всѣмъ грекамъ безъ различія соціальнаго положенія, и только преступленіе являлось непреодолимымъ препятствіемъ при посвященіи. Въ общемъ, секта эта имѣла много общаго съ религіозно-политическими обществами, основанными въ Италіи Пиѳагоромъ, напримѣръ, въ отношеніи вѣрованій въ переселеніе души человѣка послѣ смерти въ тѣла различныхъ животныхъ.

[1] Судъ этотъ совершался слѣдующимъ образомъ: ежегодно въ день большого народнаго собранія всѣмъ гражданамъ предлагалось написать на глиняномъ черепкѣ имя того человѣка, котораго они считаютъ опаснымъ для существующаго строя. Если противъ одного подавалось не менѣе 6000 голосовъ, то послѣдній изгонялся на 10 лѣтъ, причемъ обязанъ былъ покинуть городъ въ теченіе 10 дней. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ изгнанному такимъ образомъ дозволялось вернуться въ отечество, для чего требовалось опять-таки рѣшеніе народнаго собранія не менѣе, чѣмъ 6000 голосовъ. Такимъ путемъ изъ Аѳинъ было изгнано очень много крупныхъ личностей, вліяніе которыхъ казалось опаснымъ для демократическаго режима и, по мнѣнію аѳинянъ, угрожало тиранніей, напримѣръ, Ѳемистоклъ. Случай сохранилъ намъ одинъ изъ тѣхъ черепковъ, на основаніи которыхъ былъ изгнанъ этотъ замѣчательный человѣкъ. Такимъ образомъ, обладаніе талантомъ политическаго дѣятеля и славою представляло въ Аѳинахъ большую опасность.

поннесскихъ противниковъ благодаря уклоненію отъ войны коринѳянъ, разбили беотійцевъ и, одержавъ рядъ побѣдъ надъ халкидянами, обратили ихъ область въ государственныя домены, которыя были раздѣлены на участки и розданы бѣднѣйшимъ гражданамъ (клерухи). Экономическій и военно-политическій институтъ клерухіи заключался въ томъ, что клерухъ могъ, сохраняя права гражданства, получить земельный участокъ, который долженъ былъ однако обрабатывать самъ, такъ какъ право распоряженія имъ было ограничено, и онъ не могъ сдавать его въ аренду. Права чеканить свою монету клерухіи не имѣли; это обстоятельство, а также и то, что они къ аѳинскимъ праздникамъ присылали жертвенныхъ животныхъ, указывали на принадлежность ихъ къ аѳинскому государству. Тогда же было сдѣлано въ отрывкахъ дошедшее до насъ народное постановленіе, относительно отправки клеруховъ на Саламинъ: правовое положеніе послѣднихъ на будущее время стало общей нормой для клерухій.

Такимъ образомъ въ VI вѣкѣ Аѳины совершенно иначе, нежели Спарта, объединили силы всѣхъ слоевъ населенія и на широкомъ основаніи своего общиннаго строя обезпечили себѣ блестящее развитіе политической и военной жизни.

Г. Общее состояніе Греціи въ VI вѣкѣ.

Всѣ начинанія, которымъ проложенъ былъ путь въ VII в., успѣшно продолжали развиваться и въ VI в. Стремленіе къ усвоенію нравственныхъ понятій проникаетъ въ народную массу и пріобрѣтаетъ большую жизнедѣятельность, благодаря легко понятнымъ изреченіямъ выдающихся людей, которые за свою нравственную и преисполненную мудрости жизнь становятся центромъ народныхъ сказаній, какъ нѣкогда герои со своей боевой славой (циклъ сказаній о семи мудрецахъ).

Непоколебимо утверждается мысль, что основой всякаго несчастія является нравственная вина. Нигдѣ требованіе чистоты жизни не обосновано глубже, чѣмъ у самосца Пиѳагора[1], который основалъ въ Кротонѣ орденъ. Тамъ знатные юноши слушали ученіе о переселеніи душъ и поучались глубокимъ теоремамъ геометріи (такъ, напримѣръ, о квадратахъ на сторонахъ прямоугольнаго треугольника); здѣсь доказывалось, что неподдающіеся, повидимому, объясненію тоны могутъ быть объяснены и измѣрены числовыми отношеніями, такъ что число въ концѣ концовъ стали разсматривать, какъ послѣднее основаніе всего міра явленій. Пиѳагорейцамъ была уже ясна та истина, что земля, какъ и всѣ прочія небесныя тѣла, имѣетъ форму шара, который вращается около центра (у Пиѳагора — невидимый центральный огонь).

Въ противоположность математической опредѣленности пиѳагореизма

[1] Основанный Пиѳагоромъ орденъ преслѣдовалъ не только научныя, но и религіозныя и политическія цѣли. Въ религіозномъ отношеніи онъ былъ родственъ орфическому культу (см. 2-ое пр. на стр. 277), отличаясь отъ послѣдняго лишь большей научностью въ объясненіяхъ явленій природы. Что же касается политическаго характера этого ордена, то въ противоположность сектѣ орфиковъ онъ былъ всецѣло проникнутъ аристократическими тенденціями. Что въ научной доктринѣ, а также въ религіозномъ и политическомъ ученіи пиѳагорейцевъ, восходило къ самому Пиѳагору — выяснить совершенно невозможно, такъ какъ послѣдователи его имѣли обыкновеніе всѣ свои ученія и открытія приписывать великому своему учителю. Жизнь послѣдняго была изукрашена всевозможными легендами — судьба всѣхъ религіозныхъ реформаторовъ, — въ виду чего истинной его біографіи мы не знаемъ. Общества пиѳагорейцевъ въ концѣ VI-го вѣка держали въ своихъ рукахъ власть во многихъ городахъ южной Италіи. Но въ началѣ V-го вѣка ихъ аристократически-теократическій режимъ былъ почти повсюду ниспровергнутъ и замѣненъ демократіей. Всѣ пиѳагорейцы были изгнаны и разсѣялись по всей Греціи, утративъ всякое политическое значеніе.

Ксенофанъ[1] представляется совершеннымъ скептикомъ; по отношенію ко всему человѣческому знанію онъ допускаетъ одну только вѣроятность и въ противоположность многобожію поэтовъ особенно рѣзко подчеркиваетъ, что основное начало вселенной—единое божество.

Массу новыхъ взглядовъ усвоилъ себѣ этотъ народъ, — и прежде всего іоняне, — планы котораго охватывали всю землю, а пытливый умъ — вселенную. Ихъ плодотворная дѣятельность создала не только основанія космогонической философіи, но и географіи, этнографіи, а также и естествознанія. Исходя изъ данныхъ вавилонскихъ наблюденій, Θалесъ предсказалъ солнечное затменіе 25 мая 585 г. Анаксимандръ нанесъ на бумагѣ въ видѣ линій данныя, добытыя отъ моряковъ, купцовъ, колонистовъ, и сдѣлалъ попытку создать изъ нихъ первую карту. Многообразію міра онъ противопоставляетъ единство лежащей въ основѣ всего, вѣчной, неограниченной матеріи. Использованы были далѣе открытія въ области внутренняго міра человѣка. Упорная страсть, жгучая тоска звучатъ въ увлекательныхъ пѣсняхъ Сапфо и Алкея[2]. Съ ростомъ индивидуализаціи пытаются воспользоваться древнимъ преданіемъ, отрѣшившись въ это же время отъ древнихъ эпическихъ рамокъ и подчиняя его силѣ своего воображенія, какъ это дѣлалъ Стезихоръ изъ Гимеры. Художественный геній неустанно старается овладѣть человѣческой природой и при этомъ избавиться отъ традицій Востока и возвыситься надъ техникой рѣзьбы на деревѣ. Энергичныя попытки въ этомъ направленіи, выражающіяся въ приданіи лицамъ индивидуальныхъ особенностей и въ изображеніи мускулатуры, мы встрѣчаемъ въ статуяхъ изъ храма Артемиды въ Эфесѣ, а также въ изображеніяхъ нагихъ юношей (такъ называемыя статуи Аполлона) изъ Теней и Андроса.

Одновременно съ подчеркиваніемъ всего индивидуальнаго, современнаго, съ отрѣшеніемъ отъ традиціонныхъ рамокъ и наивности во взглядахъ начинаетъ проявляться также и стремленіе къ объединенію всѣхъ греческихъ племенъ. Въ культѣ, въ нравахъ, языкѣ, литературѣ, поэзіи, пластическомъ искусствѣ переплетаются вліянія одного племени, одной области, на другія. Чувство взаимной связи становится живѣе и глубже.

---

[1] Ксенофанъ былъ представителемъ того переходнаго типа философа, который не вполнѣ еще утратилъ черты рапсода гомеровскихъ временъ: онъ бродилъ изъ города въ городъ, распѣвая свои религіозно-философскія поэмы, проникнутыя строго-пантеистическимъ характеромъ. Въ виду этого онъ имѣлъ большое значеніе, какъ популяризаторъ новаго взгляда на природу и на божество. Ученики его, главнымъ образомъ Парменидъ, придали болѣе философскій характеръ его поэтическимъ ученіямъ, создавъ школу, извѣстную въ исторіи философіи подъ именемъ элеатской. Признавая крайнюю субъективность знанія, основаннаго на чувственныхъ воспріятіяхъ, на ощущеніяхъ, элеаты, однако, не приходили къ полному скептицизму, такъ какъ сохраняли вѣру въ непоколебимую справедливость выводовъ разума, который одинъ только способенъ дать истинное знаніе. Чистѣйшій видъ послѣдняго—математика. Благодаря предпочтенію, которымъ пользовались на этомъ основаніи раціональныя науки сравнительно съ эмпирическими, у философовъ этой школы особаго развитія достигла логика, въ которой былъ изобрѣтенъ способъ доказательства посредствомъ доведенія до абсурда. Честь этого изобрѣтенія принадлежитъ одному изъ философовъ-элеатовъ, Зенону.

[2] Отцомъ лирической поэзіи слѣдуетъ считать поэта Архилоха, который жилъ въ серединѣ VII-го вѣка. У него впервые человѣческая личность выступаетъ на первый планъ со всѣми своими страстями, въ противоположность эпическимъ поэтамъ, у которыхъ индивидуальность затушевывалась образами изображаемыхъ героевъ и событій. Такимъ образомъ онъ подготовилъ почву для Сапфо и Алкея. Центръ тяжести творчества первой лежалъ въ воспѣваніи нѣжной женственной страсти, тогда какъ Алкей былъ не только пѣвцомъ любви, но и вдохновителемъ въ борьбѣ своего класса (онъ былъ аристократъ) за политическое преобладаніе. Пѣсни Алкея проникнуты болѣе мужественнымъ характеромъ, чѣмъ нѣжныя изліянія Сапфо, которая пережила вмѣстѣ съ нимъ ту же политическую борьбу и даже наравнѣ съ нимъ подверглась изгнанію, когда аристократическая партія въ ихъ родномъ городѣ потерпѣла пораженіе. Около Сапфо сгруппировалось нѣсколько менѣе значительныхъ поэтессъ, которыя вмѣстѣ съ нею составили, вѣроятно, первый въ мірѣ литературный салонъ. Главной заслугой Стезихора было возрожденіе эпическихъ мотивовъ въ новой формѣ—въ многоголосномъ хорѣ, что имѣло огромное значеніе для развитія трагедіи, въ которой, какъ извѣстно, хоръ игралъ первостепенную роль.

Недоставало только крупной внѣшней катастрофы, чтобы создать греческую національность изъ различныхъ по степени культуры, но обладавшихъ внутреннимъ единствомъ племенъ; даже съ точки зрѣнія политики оказалось возможнымъ превратить наиболѣе созрѣвшее государство въ великую державу, благодаря наступившей необходимости объединиться противъ внѣшняго врага: Персидскія войны создали аттическую державу.

10. Эпоха великой борьбы (Персидскія войны).

Ассирійское царство въ высшей степени ослабило и почти окончательно уничтожило силу сопротивленія азіатскихъ народовъ. Только благодаря этому, персидское царство, пожавшее плоды этого развитія, получило возможность въ теченіе короткаго времени стать могущественной монархіей. Основанная Киромъ, она при Даріѣ получила финансовую организацію и достигла также, благодаря ученію Заратустры, извѣстной нравственной высоты. Фактомъ привлеченія греческихъ архитекторовъ къ постройкѣ Сузъ она засвидѣтельствовала сознаніе превосходства греческой культуры и научилась цѣнить по достоинству выдающееся значеніе, какое имѣли для нея малоазійскіе подданные (ср. т. III, стр. 154). Одно не очень серьезное возстаніе этихъ іонійскихъ грековъ вовлекаетъ аѳинянъ въ анти-персидское движеніе, въ виду чего царь персидскій направляетъ противъ нихъ свои помыслы. Живое участіе Аѳинъ къ судьбѣ іонійцевъ проявилось въ впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ трагедіей Фриниха[1]: она сначала растрогала ихъ до слезъ, а затѣмъ была запрещена.

Битва при Мараѳонѣ (сентябрь 490 г.) въ корнѣ подорвала притязанія персовъ на распространеніе своего господства на Грецію и покончила съ тѣмъ ужасомъ, который внушало одно имя персовъ: аѳиняне, у которыхъ каждая отдѣльная личность стояла на высотѣ развитія и сражалась за отечество, одержали блестящую побѣду надъ неорганизованной массой; ими начальствовалъ Мильтіадъ, человѣкъ, выросшій на окраинѣ, на почвѣ, благопріятной для развитія активности и предпріимчивости — въ Херсонесѣ ѳракійскомъ. Во время второго, болѣе опаснаго нашествія (480) на первый планъ среди борцовъ за родину выступила Спарта, благодаря геройской по своей величественной простотѣ гибели царя Леонида и его отряда; правда, эту безполезную жертву нельзя назвать разумной съ военной точки зрѣнія; ее можно объяснить только желаніемъ Спарты произвести цѣною возможно меньшихъ жертвъ впечатлѣніе, будто она желала сражаться также и за среднюю Грецію. Но уже при Саламинѣ понадобилось снова все дипломатическое искусство аѳинянина, Ѳемистокла[2].

---

[1] Фринихъ былъ однимъ изъ первыхъ по времени драматурговъ. Драматическія представленія, носившія до тѣхъ поръ характеръ чисто религіозный и состоявшія изъ хоровыхъ пѣсенъ въ честь Діониса, въ рукахъ автора „Гибели Милета" утрачиваютъ послѣднія черты культа и становятся вполнѣ свѣтскимъ зрѣлищемъ, которое вдобавокъ имѣетъ значеніе орудія политической агитаціи. Своей трагедіей „Гибель Милета", въ которой изображенъ былъ печальный исходъ возстанія малоазійскихъ грековъ противъ персидскаго владычества, Фринихъ стремился пробудить у своихъ согражданъ сочувствіе къ страданіямъ ихъ малоазійскихъ единоплеменниковъ и внушить аѳинскому народу сознаніе, что на немъ лежитъ обязанность оказать возставшимъ поддержку. Съ теченіемъ времени агитаціонное значеніе сцены возросло до весьма большихъ размѣровъ. Ею пользовались въ этомъ смыслѣ не только въ крупныхъ вопросахъ внѣшней политики, но и въ борьбѣ отдѣльныхъ партій и даже личностей.

[2] Главная заслуга Ѳемистокла заключается въ томъ, что онъ одинъ изъ немногихъ сознавалъ необходимость для Аѳинъ создать сильный флотъ. Противникомъ его въ этомъ вопросѣ былъ даже Аристидъ, который не хотѣлъ согласиться на необходимое для этой цѣли увеличеніе налоговъ, ни на употребленіе на постройку кораблей тѣхъ государствен-

создавшаго аөинскiй флотъ на доходы съ Лаврiонскихъ рудниковъ, чтобы заставить своихъ строптивыхъ союзниковъ согласиться на морскую битву и вообще возбудить ихъ къ дѣятельности. Наряду съ Өемистокломъ величайшiя заслуги слѣдуетъ признать и за готовностью къ жертвамъ всѣхъ аөинянъ, которые отдали свой городъ, и за мудрымъ управленiемъ аөинянами со стороны ареопага. Битвы при Платеѣ и при Микале (479) завершили побѣду грековъ. Правда, на бронзовой Змѣиной колоннѣ [1] въ Константинополѣ, гдѣ перечислены всѣ тридцать одинъ участникъ въ священной борьбѣ, принесшiе эту колонну въ даръ дельфiйскому Аполлону, лакедемоняне названы на первомъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе въ сердцахъ всѣхъ грековъ осталась память о выдающемся участiи, какое аөиняне принимали въ освободительныхъ войнахъ, и вскорѣ былъ заключенъ новый делосско-аттическiй союзъ, который поставилъ аөинянъ во главѣ грековъ Архипелага. Детальное распредѣленiе денежныхъ взносовъ и поставки кораблей было установлено Аристидомъ: въ теченiе перваго года въ Делосъ, мѣстонахожденiе союзной казны и управленiя, поступило 460 талантовъ. Побѣда, одержанная Кимономъ при Эвримедонтѣ (467 г.) рѣшила и въ Азiи борьбу въ пользу грековъ. Расцвѣтъ Аөинъ въ эту эпоху неразрывно связанъ съ именами Өемистокла и Кимона. Имъ обязаны Аөины соединенiемъ со своими гаванями стѣнами, постройкой стѣнъ въ южной части Акрополя, государственнаго кладбища, сооруженiемъ огромнаго храма въ честь Аөины.

Представленiя въ честь бога Дiониса, трагедiи, очень развились: одинъ изъ участниковъ хора сталъ играть самостоятельную роль и велъ дiалогъ съ остальнымъ хоромъ; граждане соперничали другъ съ другомъ въ роскоши снаряженiя хоровъ, выборъ пьесъ становился богаче. Уловивъ своимъ генiемъ религiозно-миөическiя потребности аөинскаго народа, Эсхилъ [2] (525—456 г.) въ своихъ „Персахъ“ изобразилъ эпоху великой борьбы; это та самая трагедiя, представленiемъ которой былъ открытъ въ 472 году ново-построенный театръ Дiониса. Заботы о постановкѣ этой пьесы взялъ на себя Периклъ. Введенiемъ въ дѣйствiе второго актера

ныхъ доходовъ, которые до тѣхъ поръ раздѣлялись между гражданами. Несмотря на сильную оппозицiю, Өемистоклу удалось добиться успѣха въ своемъ стремленiи создать Аөинамъ морскую силу, причемъ ему много содѣйствовало пораженiе, какое какъ разъ въ это время понесли аөиняне, отъ своихъ сосѣдей, эгинянъ, обладавшихъ самымъ большимъ во всей Грецiи флотомъ. Пораженiе это показало наглядно всѣмъ противникамъ Өемистокла (кромѣ, впрочемъ, Аристида — онъ остался непреклоненъ) правоту того взгляда, который считалъ Аөины предназначенными самымъ географическимъ положенiемъ для господства на морѣ. Но даже создавъ флотъ и Пирейскую гавань, Өемистоклъ долженъ былъ употребить хитрость, чтобы заставить грековъ пользоваться имъ въ широкой мѣрѣ противъ персовъ въ битвѣ при Саламинѣ, которой долго не хотѣли принять другiе греческiе полководцы. Преданiе разсказываетъ, что для вовлеченiя своихъ товарищей по командованiю войсками въ битву онъ тайкомъ сообщилъ Ксерксу, какими путями можетъ отступить греческiй флотъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ отступленiе невозможнымъ. Тогда греки, увидѣвъ, что отступленiе отрѣзано, волей-неволей должны были вступить въ битву, въ которой одержали полную побѣду.

[1] Змѣиная колонна представляетъ пьедесталъ золотого треножника, посвященнаго 31 греческимъ государствомъ дельфiйскому Аполлону за побѣду, дарованную имъ грекамъ при Платеѣ. Колонна состоитъ изъ трехъ бронзовыхъ змѣй, сплетенныхъ вмѣстѣ. Еще Константиномъ Великимъ она была перевезена изъ Дельфъ въ Константинополь, гдѣ и находится въ настоящее время.

[2] Трагедiи Эсхила носятъ еще вполѣ героическiй характеръ. Съ точки зрѣнiя формы онѣ также въ значительной степени архаичны, такъ какъ въ нихъ хоръ играетъ болѣе значительную роль, чѣмъ у послѣдующихъ трагиковъ. Впрочемъ, Эсхилъ внесъ и въ драматическiя формы нѣчто новое: онъ писалъ свои произведенiя въ формѣ трилогiй, связанныхъ единствомъ содержанiя, замыкая каждую веселой сатирической комедiей. Такимъ образомъ представленiе каждаго цикла растягивалось на четыре дня. Эта форма трилогiй, или вѣрнѣе тетралогiй, была усвоена всѣми позднѣйшими трагиками, которые, впрочемъ, соединяя въ одинъ циклъ три пьесы, не всегда руководствовались при этомъ единствомъ ихъ содержанiя.

Эсхилъ далъ больше свободы своему творчеству; въ трагедіяхъ его ожилъ въ новыхъ формахъ древній миѳъ. Неотвратимо, но справедливо царитъ надъ богами и людьми опредѣленное міровое предопредѣленіе. Непоколебимое упованіе на бога, которымъ вѣетъ отъ произведеній Эсхила, представляется намъ прямымъ продолженіемъ глубокой религіозности эпохи Пизистратидовъ. Ни одинъ поэтъ не былъ въ такой степени воспитателемъ народа, какъ Эсхилъ.

Наряду съ Эсхиломъ эта великая эпоха находитъ свое выраженіе и въ Полигнотѣ. Въ этомъ мастерѣ живописи, наложившемъ на искусство своего времени отпечатокъ своего генія, воплощается подобнымъ же образомъ внутренняя связь съ народной религіей, гордое прославленіе града Аѳины, какъ передового борца противъ варварства, и изображеніе человѣческихъ страстей. Вліяніе Полигнота мы можемъ изучать по живописи на вазахъ съ красными фигурами: мы узнаемъ его въ изображеніяхъ женской красоты, въ тонкихъ одеждахъ, черезъ которыя просвѣчиваютъ очертанія тѣла, а также въ воспроизведеніи горя и страсти. Въ его картинахъ въ „пестромъ портикѣ“ мы чувствуемъ гордое сознаніе Аѳинами своихъ побѣдъ. Картину битвы съ персами при Мараѳонѣ дополняютъ изображенія гибели Трои, борьбы Тезея съ амазонками. Полное жизни изображеніе избіенія жениховъ на одномъ надгробномъ памятникѣ въ Ликіи („храмъ героя“ въ Гіель-баши) имѣетъ своимъ источникомъ картину въ преддверіи храма Аѳины въ Платеяхъ и даетъ ясное понятіе объ искусствѣ Полигнота. Но Полигнотъ и его школа не оставляли безъ вниманія и повседневнаго быта, который изображался въ тысячахъ яркихъ жизненныхъ сценъ художниками, расписывавшими вазы. Никогда вплоть до настоящаго времени не проникали въ такіе широкіе круги общества, при посредствѣ домашней утвари, чарующія красоты искусства, никогда искусство не носило такого народнаго характера, какъ въ ту эпоху художественнаго расцвѣта Эллады; для живописи на вазахъ, проникавшихъ во всѣ слои населенія, рисунки и образцы давали величайшіе художники.

11. Эпоха расцвѣта (вѣкъ Перикла; 466—431 г.).

Не сентиментальное прославленіе создало чарующую прелесть Перикловыхъ Аѳинъ: она обусловлена богатымъ и всестороннимъ развитіемъ личности, которое мы подразумѣваемъ обыкновенно подъ словомъ образованность. Сюда примѣнимы слова, которыя Ѳукидидъ въ своей исторіи вкладываетъ въ уста Периклу: памятникомъ великимъ людямъ служитъ каждая страна; слава ихъ не ограничивается надписями и воздвигаемыми въ отечествѣ въ ихъ честь монументами; и безъ надписей память о нихъ сохраняется въ далекихъ странахъ у каждаго, и не на камнѣ или бронзѣ, но въ сердцахъ людей. Ставить въ упрекъ эпохѣ одностороннее тщеславіе умомъ, которое звучитъ въ фразѣ Ѳукидида: „мы любимъ красоту безъ расточительности, а науки безъ преувеличенія“, было бы такъ же неправильно, какъ пользоваться болтовнею и остротою комедіи, какъ достовѣрнымъ историческимъ источникомъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ по примѣру историка Эфора и нѣкоторые современные ученые. Статуя работы Кресила даетъ намъ живой портретъ Перикла изъ Холарга, сына Ксантиппа и Агаристы: глубокая мысль бороздитъ складками его высокое, выпуклое чело мыслителя, голова его въ проникновенномъ вниманіи къ стремленіямъ другихъ людей тихо склоняется, уста его, обладающія такимъ могучимъ даромъ слова, почти незамѣтно раскрыты; изящно вырисовываются тонкія черты его лица, носящія на себѣ печать знатнаго происхожденія.

Периклъ завершилъ установленіе демократіи. Консервативный по существу ареопагъ[1] еще въ началѣ дѣятельности Перикла былъ лишенъ Эфіальтомъ своего рѣшающаго значенія въ качествѣ высшаго наблюдательнаго учрежденія, и тѣмъ самымъ былъ сильно расширенъ кругъ дѣятельности народнаго собранія и народнаго суда. Далѣе, установленіе платы судьямъ и членамъ совѣта дало возможность принимать участіе въ дѣятельности этихъ органовъ управленія и несостоятельнымъ классамъ общества. Ту же цѣль облегченія бѣднѣйшихъ классовъ при отправленіи ихъ государственныхъ правъ и обязанностей преслѣдовало и назначеніе жалованья солдатамъ и столовыхъ денегъ высшимъ должностнымъ лицамъ, архонтамъ, постъ которыхъ былъ теперь сдѣланъ доступнымъ и третьему податному классу, зевгитамъ, какъ незадолго передъ тѣмъ — всадникамъ. Введеніе „театральныхъ денегъ" на посѣщеніе трилогіи, трехъ дней представленій, предоставило бѣднымъ гражданамъ возможность имѣть свою долю въ пользованіи величайшими благами греческаго народа, Въ виду такого широкаго участія аѳинянъ въ дѣлахъ правленія оказалось съ другой стороны необходимымъ провѣрять дѣйствительность кровнаго аѳинскаго происхожденія относительно каждаго отдѣльнаго лица, и по предложенію Перикла же гражданскія права были предоставлены только дѣтямъ полноправныхъ родителей. Совѣтъ сохраняетъ еще за собой подготовку дѣлъ для рѣшенія ихъ въ народномъ собраніи; но противъ производимой имъ провѣрки кандидатскихъ списковъ должностныхъ лицъ можетъ быть принесена апелляція народному суду, и верховный надзоръ за отправленіемъ должностей, который уже раньше перешелъ отъ ареопага къ совѣту, теперь, слѣдуя общему направленію развитія, переходитъ къ народному же суду.

Во внѣшней политикѣ Аѳинъ также происходитъ перемѣна. Делосско-аттическій союзъ, члены котораго раньше объединялись въ немъ въ качествѣ самостоятельныхъ политическихъ единицъ, постепенно, благодаря невоинственному настроенію союзниковъ, которые все больше и больше переводятъ свои повинности на деньги, становится государствомъ, центръ котораго, Аѳины, собираетъ подати со своихъ подданныхъ. Перенесеніе союзной казны изъ Делоса въ Аѳины (454 г.) разрушаетъ послѣдній символъ прежняго союза. Такимъ путемъ Аѳины получили неограниченное право распоряженія этой казной, пока, наконецъ, и территорія союзниковъ не была раздѣлена на административные округа или провинціи, представлявшія собою податныя единицы. Всѣ города, обязанные податью, распредѣлились по пяти округамъ: геллеспонтскому, ѳракійскому, іонійскому, карійскому и островному; сами податные списки до насъ не дошли, но зато мы имѣемъ росписи шестидесятидольной подати, вносившейся въ честь Аѳины (древне-вавилонская система дѣленія на соссы, которыя сохранились еще въ нашемъ дѣленіи часа на минуты),

Болѣе тѣсному сближенію отдѣльныхъ частей этого обширнаго государства съ его центромъ содѣйствовала политика Перикла по отношенію

[1] Ареопагъ былъ учрежденъ или по крайней мѣрѣ преобразованъ изъ неизвѣстнаго намъ болѣе древняго учрежденія Солономъ. Въ составъ его входили всѣ отслужившіе свой срокъ архонты, такъ что составъ ареопагитовъ былъ аристократическій, консервативный. Ареопагу принадлежало право высшаго надзора за всѣмъ государственнымъ управленіемъ и юрисдикція по наиболѣе серьезнымъ преступленіямъ. По мѣрѣ того, какъ демократизировался государственный строй Аѳинъ, ареопагъ постепенно утрачивалъ смыслъ охранительнаго учрежденія, такъ какъ облегченіе доступа къ высшимъ должностямъ лицамъ средняго и низшаго классовъ совершенно мѣняло составъ ареопагитовъ, а, слѣдовательно, и характеръ самаго учрежденія. Но еще при Клисѳенѣ онъ пользовался такимъ авторитетомъ, что этотъ реформаторъ не осмѣлился посягнуть на него и сохранилъ за нимъ прежнее мѣсто въ новомъ строѣ государства. При Эфіальтѣ ареопагъ былъ лишенъ какого бы то ни было политическаго значенія и продолжалъ свое существованіе только въ качествѣ уголовнаго суда. Такимъ образомъ исторія этого учрежденія была тѣсно связана съ судьбой аристократическаго строя вообще.

къ клерухіямъ. Основывая колоніи изъ гражданъ, онъ имѣлъ въ виду обезпечить бѣднѣйшіе классы населенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удалить изъ столицы безпокойные безработные элементы. Дошедшее до насъ постановленіе народнаго собранія объ отправкѣ гражданъ въ Брею во Ѳракіи показываетъ, что колонисты принадлежали только къ третьему и четвертому классамъ. Клерухи были поселены во Ѳракіи, на островахъ, а также на берегахъ Чернаго моря. Этому соціально-политическому правительству удалось, если не въ жизни, то, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, уменьшить предразсудки противъ труда: „Здѣсь считается позорной не бѣдность, а одна только лѣность, которая не хочетъ бороться съ ней“, говоритъ Периклъ у Ѳукидида.

Грандіозное территоріальное расширеніе аѳинскаго государства обостряетъ антагонизмъ со Спартой, а распространеніе аѳинской торговли и пріобрѣтеніе Мегары и Ахеи — антагонизмъ по отношенію къ пелопоннесскимъ торговымъ центрамъ, прежде всего къ Коринѳу и Эгинѣ. Когда послѣдняя, а равно и Беотія, Фокида и Локрида вошли въ сферу власти Аѳинъ, столица Аттики достигла апогея своего могущества. Размѣры той міровой политики, какую вели Аѳины, лучше всего характеризуются спискомъ потерь, понесенныхъ филой Эрехтеида въ теченіе одного только года (459—58 г.): члены этой филы пали на поляхъ битвъ на Кипрѣ, въ Египтѣ, Финикіи, въ Галіидѣ и Эгинѣ. Побѣда при Саламинѣ на Кипрѣ (449 г.) — послѣдняя битва великихъ войнъ съ персами, веденная еще подъ руководствомъ Кимона и послужившая, весьма возможно, поводомъ къ сильно, однако, оспариваемому (такъ называемому Кимонову) мирному договору между Персіей и Аѳинами, который, какъ передаютъ, опредѣлилъ сферы вліянія обоихъ государствъ. Отпаденіе Беотіи, Локриды и Фокиды отъ союза было возмѣщено до извѣстной степени тѣмъ, что Эвбея была присоединена къ колоніальнымъ владѣніямъ Аѳинъ. Но уже въ заключенномъ на 30 лѣтъ мирѣ (отъ 445 г.) Аѳины вынуждены были отказаться отъ своихъ Пелопоннесскихъ владѣній.

Полнаго успѣха въ своей внутренней политикѣ Периклъ не имѣлъ и въ свою счастливую эпоху. Его грандіозная попытка, обезпечить на національномъ конгрессѣ всѣхъ греческихъ государствъ безопасность мореплаванія и въ совѣщаніи о разрушенныхъ храмахъ пробудить общія воспоминанія о войнѣ съ персами, потерпѣла полную неудачу. Во внутренней организаціи Аѳинъ многое, составлявшее результатъ развитія демократіи, приписывалось вліянію Перикла, который, благодаря своему посту стратега и принадлежавшему надзору за постройками, дѣйствительно занималъ выдающееся въ правовомъ отношеніи положеніе въ государствѣ. Тѣмъ не менѣе онъ представляется намъ блестящимъ воплощеніемъ своей великой эпохи. Далеко на чужбинѣ, въ своей Магнезіи на Меандрѣ, Ѳемистоклъ воздвигъ такую же, какъ и на родинѣ, статую „Демоса“, воплощеніе народа; въ этомъ „демосѣ“, несмотря на его невмѣняемость и самомнѣніе, можетъ быть, замѣтны характерныя черты Перикла.

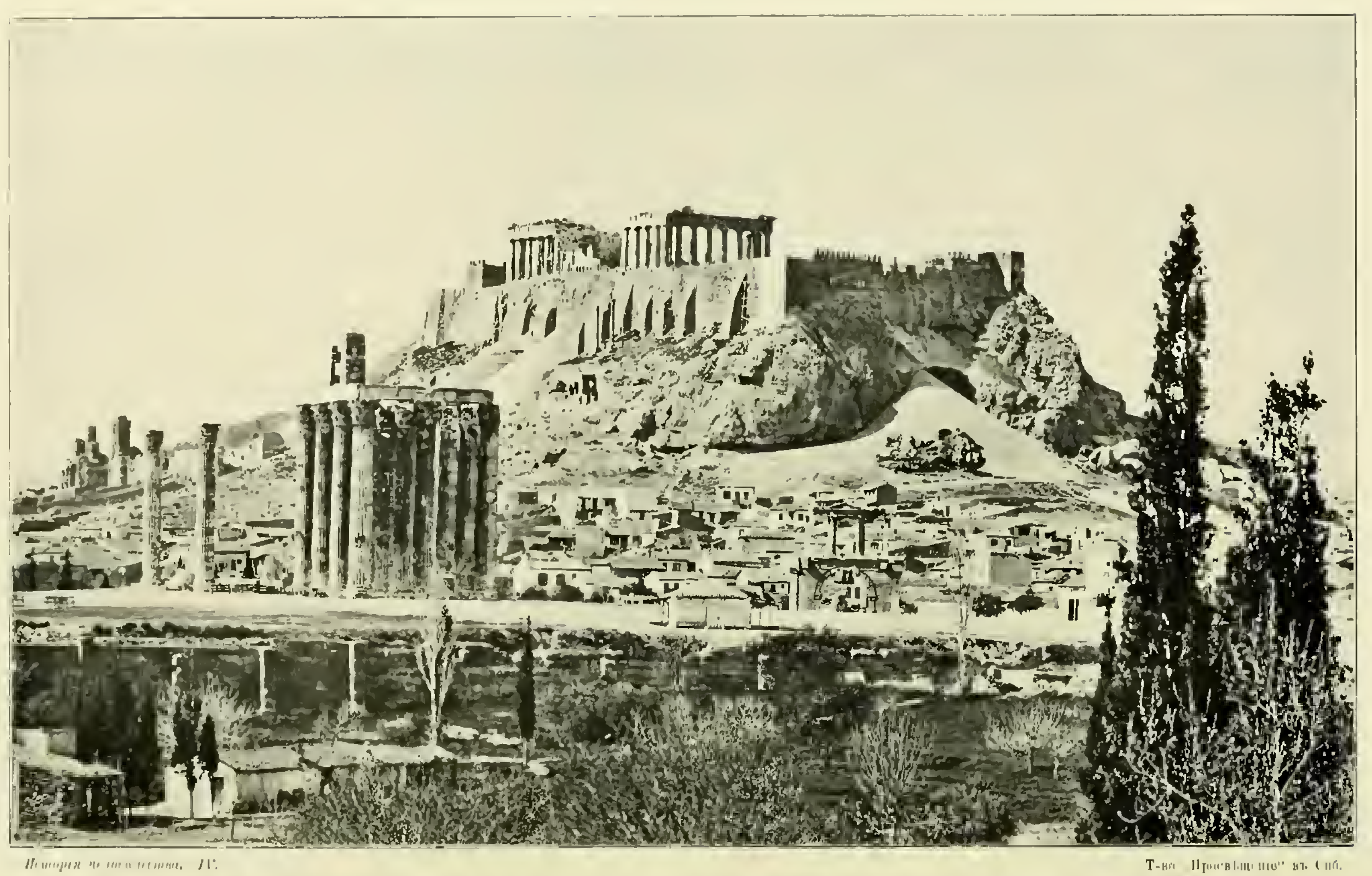
И если близкія и тѣсныя сношенія Перикла съ великими художниками и учеными его вѣка, какъ, напр., съ Фидіемъ, Софокломъ, Анаксагоромъ, отчасти носятъ легендарный характеръ, все же могучая творческая дѣятельность этой эпохи нуждалась въ атмосферѣ Перикловыхъ Аѳинъ, а не только въ притокѣ денегъ отъ грековъ, изъ союзниковъ ставшихъ подданными союзнаго государства; она нуждалась не только въ развитіи благосостоянія Аѳинъ, посредствомъ достигшей расцвѣта торговли, которой Периклъ оказалъ важныя услуги своими понтійскими предпріятіями, но и въ развитіи духовнаго сознанія, которое наполнило древнюю религію новымъ содержаніемъ, и величіе результатовъ, добытыхъ борьбой, преобразовало въ повышеніе нравственныхъ запросовъ личности по отношенію къ самой себѣ.

Въ этой атмосферѣ созрѣли произведенія Фидія.[1] Его Аѳина Лемносская—самое знаменитое изъ изображеній богини Аѳинъ; голова ея, находящаяся въ Болоньѣ (къ ней относится дрезденская статуя), соединяетъ въ себѣ выраженіе необыкновенно привлекателной строгости и заботливой доброты. Черты ея продолговатаго лица такъ нѣжны, форма носа такъ благородна, вьющіеся волосы ея такъ прелестны, столько силы вложено въ очертанія рта, что единственный недостатокъ, который мы можемъ поставить въ упрекъ этому мастерскому произведенію—нѣкоторая рѣзкость очертаній губъ; но помимо этого, передъ нами восхитительное, идеальное изображеніе. Если въ немъ воплощена въ большей мѣрѣ внутренняя сторона аѳинскаго характера, то положительная увѣренность Аѳинъ въ своихъ силахъ воплощена въ Аѳинѣ-дѣвственницѣ (Партеносъ), которая представляла деревянную статую 12 метровъ вышины, обложенную золотомъ и слоновой костью. Глаза ея, сдѣланные изъ драгоцѣнныхъ камней, вѣроятно были устремлены въ даль; ноздри ея раздуваются, придавая ей бодрый, энергичный видъ; на устахъ ея играетъ одухотворенная улыбка, золотые локоны ниспадаютъ живой волной. Эта увѣренность въ своихъ силахъ покоится на пріобрѣтеніяхъ славнаго прошлаго: лѣвой рукой Аѳина опирается на щитъ; современность же пожинаетъ плоды: на правой рукѣ сверкаетъ золотая статуэтка богини побѣды. На рельефныхъ украшеніяхъ щита изображенъ Периклъ въ видѣ передового бойца противъ амазонокъ. Аѳиной Лемносской мы можемъ любоваться въ античной копіи, Аѳиной-дѣвственницей въ уменьшенныхъ копіяхъ; но Зевсъ Олимпійскій знакомъ намъ только по описаніямъ и по изображеніямъ на монетахъ; но и по поводу его можно сказать, что изобразить его въ такомъ видѣ можно было только при условіи большей чистоты представленій о божествѣ: какъ познаніе человѣка стремится и борется за то, чтобы приблизиться къ божеству, такъ и художественное творчество; у Фидія же оно, дѣйствительно, воплотилось въ сверхъ-человѣческія формы.

Символизаціей аттической государственной идеи представляется намъ фризъ Парѳенона, который съ поражающей разносторонностью и замѣчательнымъ техническимъ совершенствомъ, (а именно въ передачѣ свѣта и тѣней, и складокъ одеждъ) изображаетъ Панаѳинеи. Знатная всадническая молодежь Аѳинъ, должностныя лица, жрецы и жрицы, жертвенныя животныя изъ всѣхъ концовъ обширнаго государства, дѣвушки, участвующія въ процессіи — все это изображено передъ нами съ такой проникновенной любовью, какая только можетъ возникнуть на почвѣ гордаго сознанія силы своего родного государства. Хотя этотъ фризъ, какъ и фронтонъ Парѳенона, по всей вѣроятности, и не принадлежитъ рѣзцу самого Фидія, а только исполненъ по его проэкту, тѣмъ не менѣе на немъ лежитъ печать этой великой эпохи. Рожденіе Аѳины, которое по композиціи

---

[1] Главной заслугой Фидія и всей вообще аттической школы V вѣка слѣдуетъ считать то, что въ изображеніяхъ боговъ они стремились отрѣшиться отъ традиціонныхъ однообразныхъ формъ, которыя характеризовали каждое божество крайне односторонне, тогда какъ религіозное ученіе, выразившееся въ богатой миѳологіи, придавало однимъ и тѣмъ же богамъ самыя разнородныя свойства и качества, соединяя подъ однимъ именемъ нѣсколько, въ сущности, несоединимыхъ въ одномъ образѣ объектовъ поклоненія. Каждый эпитетъ бога былъ именемъ новаго божества (см. примѣч. на стр. 256). Фидій въ своихъ статуяхъ всегда стремился подчеркнуть то одно, то другое свойство изображаемаго божества, не останавливаясь даже передъ тѣмъ, чтобы лишить его закрѣпленныхъ за нимъ вѣковой традиціей аттрибутовъ. Такъ напримѣръ, въ трактовкѣ Аѳины онъ первый рѣшился отказаться отъ вооруженія, которое до него считалось неотъемлемымъ аттрибутомъ богини мудрости, хотя далеко не всегда было умѣстно на ней. Упомянутая выше статуя ея, исполненная по заказу жителей острова Лемноса и потому извѣстная подъ именемъ „Лемносской“, отличается именно тѣмъ, что чуткій художникъ для выдѣленія на первый планъ доброты богини-покровительницы рѣшился пожертвовать традиціоннымъ панцыремъ Аѳины съ изображеніемъ Горгоны на груди, ея щитомъ, шлемомъ и копьемъ. Благодаря этому, произведенія его отличаются удивительною гармоничностью и правдивостью.

История человечества. IV. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Видъ на Аѳины и ихъ акрополь съ юго-восточной стороны, изъ долины Илисса *(По фотографіи.)*

На высотѣ храмъ Аѳины Дѣвственницы. Внизу на лѣвой сторонѣ Одеонъ Ирода Аттика, къ которому примыкаетъ Эвменова Стоа. Спереди на лѣвой сторонѣ 16 коринѳскихъ колоннъ Олимпіейона — храма Олимпійскаго Зевса; далѣе съ правой стороны арка Адріана, составляющая границу между старымъ городомъ и „Адріанополемъ". На склонѣ, справа за Олимпіейономъ, можно различить скамьи Діонисова театра; надъ ними гротъ, въ настоящее время капелла Panagia Spеliotissa.

напоминаетъ картину Клингера: „Христосъ на Олимпѣ“ [1] и заботы патроновъ города—Аѳины и Посейдона — о немъ вполнѣ достойны этой эпохи, которая видѣла успѣхи Аѳинъ на морѣ. Такимъ образомъ Фидій является художественнымъ воплощеніемъ Периклова вѣка. Въ извѣстномъ смыслѣ дополненіемъ къ Фидію служилъ, какъ мастеръ, отличавшійся въ передачѣ индивидуальныхъ особенностей, Кресилъ, который такъ прекрасно изобразилъ Перикла въ видѣ Гермеса и трогательнымъ изображеніемъ страданія облагородилъ типъ раненой амазонки.

Это была та эпоха, когда Иктинъ создалъ планъ храма покровительницѣ города, Аѳинѣ, которая никогда не почиталась болѣе, чѣмъ въ это время; трудная задача—приноровиться посредствомъ искусственныхъ сооруженій къ неровностямъ подъема въ Акрополѣ—была такъ легко разрѣшена постройкой Пропилей: на фундаментѣ, къ которому вели четыре ступени, шесть дорическихъ колоннъ окружали пространство, которое было раздѣлено на три корабля двумя рядами іоническихъ колоннъ, по три въ каждомъ. Черезъ пять дверей можно было пройти въ отдѣленіе, расположенное выше, черезъ которое достигали вершины Акрополя. Самое же высокое мѣсто среди сооруженій Акрополь (см. приложенную таблицу „Аѳины и ихъ Акрополь“) занималъ Парѳенонъ, построенный по проэкту Иктина на старомъ фундаментѣ, постройка котораго приписывалась Ѳемистоклу. Полная таинственности жизнь проникаетъ это прекрасное зданіе. Невыразимо чарующее впечатлѣніе производитъ своеобразная пропорціональность частей: медленно поднимаются къ нему ступени; постепенно изгибаются внутрь стѣна целлы и балки, а карнизы и фризы наружу. Утолщенныя угловыя колонны, равномѣрныя канеллюры сужающихся кверху колоннъ, все это разсчитано на приданіе постройкѣ болѣе живого вида. Какъ блещутъ краски на этой мраморной поэмѣ, какъ выдѣляется красный фонъ метоповъ на густой лазури триглифовъ: это тріумфальный гимнъ въ честь великихъ Аѳинъ, какъ тотъ, что звучитъ намъ изъ Эвменидъ: „Я хочу, чтобъ этотъ городъ побѣждалъ всегда въ сраженіяхъ“.

Авторъ этихъ стиховъ, Софоклъ (496—406) въ поэтической формѣ прославляетъ родныя Аѳины, для которыхъ онъ молитъ: „всѣмъ благослови, что къ прекрасной побѣдѣ ведетъ“. Внѣшнему развитію дѣйствія въ его трагедіяхъ способствовали увеличеніе числа актеровъ до трехъ и введеніе расписанныхъ декорацій, а удачный подборъ матеріала, заимствованнаго изъ сокровищницы аттическихъ миѳовъ, прекрасное знаніе людей, живое чутье природы, блестящее веденіе дѣйствія, высоко-нравственные принципы, которые противопоставляются неустойчивому человѣческому закону—все это придаетъ трагедіямъ Софокла непреходящую цѣнность.

Геродотъ (484—приблиз. до 425), персидскій подданный, но грекъ по національности, расширившій свой кругозоръ дальними путешествіями и вдохновленный воодушевленіемъ великой эпохи, изобразилъ съ непреходящей прелестью борьбу грековъ съ варварами. Весь его историческій трудъ проникнутъ страстнымъ паѳосомъ освободительной войны; въ своей исторіи онъ рисуетъ въ яркихъ краскахъ пестрый міръ восточныхъ народовъ, съ глубокой дальновидностью и проникновенной любовью онъ изображаетъ все разнообразіе особенностей народнаго характера и при этомъ отдаетъ должное въ своемъ глубокомъ пониманіи величію отдѣльныхъ личностей. У Геродота еще не развилась острота критическаго отношенія настолько, чтобы онъ вездѣ могъ различать въ преданіи истинное, вѣроятное и ложное; вѣра въ божества еще носитъ фаталистическій характеръ; запасъ свѣдѣній его, въ особенности знаніе языковъ, еще не соотвѣт-

---

[1] Оригинальная по замыслу картина Клингера изображаетъ Христа окруженнымъ всѣми олимпійцами, которые съ изумленіемъ, иные съ ужасомъ, смотрятъ на Пришельца, чувствуя, что ихъ господство надъ міромъ кончилось съ этого момента.

ствуютъ потребностямъ болѣе зрѣлой эпохи. Тѣмъ не менѣе это изображеніе борьбы между древнимъ Востокомъ, который уже долженъ былъ подѣлиться своимъ тысячелѣтнимъ опытомъ съ Западомъ, и послѣднимъ, полнымъ юношескихъ силъ, бѣднымъ дарами природы, но богатымъ силою воли своихъ закаленныхъ сыновъ — это изображеніе и теперь такъ же захватываетъ насъ, какъ и Перикловы Аѳины, которыя съ воодушевленіемъ и восторгомъ внимали чтенію Геродота. У друга Перикла, Анаксагора, уже зародилась мысль о множествѣ первоначальныхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ міръ; согласно своему дуалистическому взгляду, онъ полагаетъ, что первоначальная матерія по крайней мѣрѣ вначалѣ получаетъ движеніе отъ духа (Нусъ). Въ дальнѣйшемъ это движеніе продолжается въ силу законовъ механики. Солнце, луна, звѣзды отдѣлились другъ отъ друга путемъ отталкиванія; и до сихъ поръ сила вращенія удерживаетъ звѣзды на далекомъ разстояніи отъ земли, на которую время отъ времени падаютъ посланцы другихъ свѣтилъ — метеориты. Метеорологическія объясненія разливовъ Нила таяніемъ снѣговъ, вѣтровъ — различіемъ температуры и плотности воздуха только въ новѣйшее время нашли себѣ подобающую оцѣнку. Строитель Пирея, астрономъ, метеорологъ и техникъ Метонъ, производившій изслѣдованія на горныхъ высотахъ, устроившій на Пниксѣ солнечные часы, сдѣлалъ попытку сравнять солнечный и лунный годы („Метоновъ циклъ" изъ 19 лѣтъ). Такъ эта Периклова эпоха во всѣхъ областяхъ развила творческія силы, которыя неразрушимо утвердили разъ навсегда значеніе Аѳинъ. Никогда еще устойчивость народа не могла такъ успѣшно сравняться съ благопріобрѣтеніями смѣло стремящагося впередъ духа: символомъ этого намъ представляется то, что старыя, въ высшей степени неправильно распланированныя Аѳины, съ ихъ кривыми, тѣсными улицами, отправляютъ колонистовъ въ Италію, которымъ величайшій строитель городовъ, Гипподамъ изъ Милета, строитъ блестящій, общеэллинскій городъ, Ѳуріи. Новое величіе братается съ древней силой. Такимъ образомъ происходитъ поэтическое и пластическое перерожденіе народной религіи, поднятіе на извѣстную высоту поэзіей сокровищницы миѳовъ, изображеніе великой борьбы, наконецъ привлеченіе къ участію въ управленіи самыхъ широкихъ слоевъ народа. Это глубоко поражаетъ насъ. На все великое и прекрасное находится отзвукъ въ этомъ городѣ V вѣка, хотя онъ и оказался въ концѣ концовъ не въ силахъ слѣдовать за самымъ смѣлымъ умомъ, и Анаксагора постигла судьба, въ значительной степени сходная съ судьбой Галилея. Разсматривать возникновеніе, какъ простое соединеніе, а уничтоженіе, какъ разложеніе — это были мысли, которыя предвосхитили тысячелѣтнюю работу ума и при тогдашнемъ, дѣтскомъ обоснованіи показались недоступными пониманію даже высоко-развитыхъ людей.

12. Рѣшительная борьба между дорическимъ и іонійскимъ племенами (Пелопоннесская война 431—404).

Достигла зрѣлости духовная культура іонійцевъ, закончился процессъ развитія особенностей характера дорянъ. Съ одной стороны, правовое государство, Аѳины, искусно сохранившія свободу личности, рѣзко подчеркнувшія принципъ равноправія, съ другой стороны — военное государство Спарта, съ ея дисциплиной постояннаго лагеря, съ ея жестокосердечнымъ предоставленіемъ правъ одному только господствующему классу. Суровость здѣсь въ концѣ концовъ превращается въ грубость, мелочность цѣлей и интересовъ дѣлаетъ изъ нихъ и мелочныхъ людей, для которыхъ въ высшей степени характернымъ является пошлый совѣтъ, данный Спартою азіат-

скимъ іонійцамъ — покинуть свою страну. Тамъ, въ Аѳинахъ, широкое поле дѣйствій, охватывающее моря и окончательно разрушающее областную обособленность: чувство единства всѣхъ грековъ, благодѣтельное вліяніе котораго сказывается повсюду, проявляется не только въ борьбѣ противъ персовъ, но и во внутреннихъ распряхъ Спарты. Іоническая и дорическая культуры относятся другъ къ другу, какъ всесторонняя образованность Одиссея къ силѣ Геркулеса, который уже давно пересталъ работать на общую пользу, какъ исполненныя одухотвореннаго движенія и страсти произведенія Полигнота, Фидія и Кресила къ статуямъ Поликлета, юноши и атлеты котораго рѣзко отражаютъ характеръ дорическаго племени: блестящее мускульное развитіе при полномъ отсутствіи внутренней жизни.

Правда, и Аѳинамъ пришлось пережить переворотъ, потрясшій укрѣпившееся Перикловo государство, разрушивъ единство сознанія въ отдѣльной личности. При живомъ участіи всѣхъ гражданъ въ дѣлахъ правленія каждому представлялось необходимымъ обладать способами вліянія на толпу и властвованія надъ ней, даромъ слова и остротой ума. Такъ какъ государство не обезпечивало еще въ широкихъ размѣрахъ образованія, то создалась потребность въ искусственномъ пополненіи духовнаго воспитанія: удовлетвореніе этой потребности взяли на себя софисты. Своимъ питомцамъ они внушали (отчасти правильно, не только логическими доказательствами, но и исходя изъ стремленія къ нравственной жизни) мысли о совершенствованіи и достоинствѣ личности; Протагоръ въ концѣ концовъ выступилъ съ утвержденіемъ, что „человѣкъ — мѣра всѣхъ вещей“. Дальнѣйшее развитіе этихъ индивидуалистическихъ взглядовъ освобождало человѣка отъ подчиненія традиціоннымъ правовымъ нормамъ, которыя стали казаться изобрѣтеніемъ слабѣйшихъ, направленнымъ противъ сильнѣйшихъ, и которымъ противопоставлялось естественное право, которое давало мѣсто развитію „сверхъ-человѣка“. Никто не проводилъ въ жизнь этого ученія о неограниченности воли отдѣльнаго человѣка съ большей прямолинейностью и рѣшительностью, чѣмъ Алкивіадъ.[1] Нарушеніе равновѣсія и соразмѣрности между прежнимъ образованіемъ и успѣхами новаго времени ослабило въ древнихъ Аѳинахъ силу сопротивленія. Аттическая держава была слишкомъ исключительно построена на денежныхъ отношеніяхъ, чтобы быть въ силахъ вынести такое произвольное обращеніе съ ея частями; а между тѣмъ индивидуалистическое естественное право явно проглядываетъ въ отношеніяхъ къ союзникамъ: право становится просто правомъ сильнаго. Периклу пришлось вытерпѣть всю разнузданность критики гражданъ современной столицы, раньше чѣмъ благосклонная судьба вывела его изъ строя. Въ 429 году онъ умеръ отъ болѣзни, которую называли „чумой“, а теперь объясняютъ отправленіемъ спорыньей.

---

[1] Благодаря такому полному отсутствію задерживательныхъ центровъ и нравственныхъ принциповъ Алкивіадъ отличался крайней неустойчивостью своихъ политическихъ убѣжденій. Въ теченіе пелопоннесской войны онъ отъ рѣзко демократической партіи перешелъ къ служенію интересамъ аристократической Спарты, потерпѣвъ здѣсь неудачу, сдѣлался совѣтникомъ абсолютнаго монарха—персидскаго царя, считая для себя вполнѣ дозволительнымъ служеніе восточному деспоту и врагу своего отечества. Все это не мѣшало ему вступить въ сношенія съ усиливавшейся въ это время въ Аѳинахъ олигархической партіей. Въ концѣ концовъ онъ вернулся въ лоно демократической партіи. Совершенно беззастѣнчиво мѣняя своихъ союзниковъ и не стараясь даже маскировать своихъ чисто личныхъ мотивовъ постояннаго ренегатства, Алкивіадъ тѣмъ не менѣе повсюду пользовался огромнымъ вліяніемъ, главнымъ образомъ благодаря превосходному ораторскому таланту и необыкновенному умѣнію примѣняться къ любой обстановкѣ, къ самымъ разнообразнымъ обычаямъ, къ нравамъ тѣхъ столь отличающихся другъ отъ друга народовъ, среди которыхъ ему приходилось жить: въ Спартѣ онъ былъ спартанцемъ, при дворѣ персидскаго царя—угодливымъ придворнымъ, въ свободолюбивыхъ Аѳинахъ—демагогомъ, повсюду снискивая себѣ огромную популярность, не подрываемую даже сознаніемъ ненадежности такого союзника и вождя, какимъ былъ этотъ баловень народовъ и политическихъ партій.

Но пока еще силы Спарты и Аѳинъ равны: въ первый перiодъ Пелопоннесской войны (Архидамова война)[1] побѣда колеблется. Клеонъ, типъ мелкаго буржуа, съ солидными, но негибкими дарованiями, обладающаго убѣдительнымъ даромъ слова, но неспособнаго къ широкой политикѣ, который, подобно платоновскому Эвтидему, ничему и ни у кого не хочетъ учиться, и съ пустой кичливостью не останавливается ни передъ чѣмъ, напрягъ до крайностей силы государства, почти удвоивъ дань союзниковъ. Первый перiодъ войны закончился пятидесятилѣтнимъ Никiевымъ миромъ; тогда въ радости по поводу мира былъ воздвигнутъ храмъ и портикъ въ честь Побѣды. Но миръ не могъ долго продолжаться, такъ какъ споръ между соперниками все еще не былъ разрѣшенъ. Начинаются поиски новыхъ средствъ, новыхъ союзниковъ; прежде всего привлекаютъ къ союзу Аргосъ, за что ратовалъ въ своихъ драмахъ Эврипидъ, а въ политической жизни Алкивiадъ: но битва при Мантинеѣ[2] разрушаетъ этотъ союзъ. Тогда возникаетъ грандiозный планъ: овладѣвъ лѣсистой Италiей и, можетъ быть, Карѳагеномъ, получить возможность захватить Пелопоннесъ. Онъ производитъ зажигательное впечатлѣнiе. Мысль эта, которая главнымъ образомъ и погубила Аѳины, принадлежитъ Алкивiаду; онъ же постарался довершить уничтоженiе отечества, измѣнивъ ему и перейдя на сторону Спарты; предложенные имъ Спартѣ совѣты вмѣшаться въ Сицилiйскiя дѣла, занять Декелею и воспользоваться для веденiя войны персидскими деньгами, дали Лизандру возможность закончить Пелопоннесскую войну.

Лизандръ[3] — грубая тираническая натура, неумѣренное тщеславiе которой нуждалось въ божескихъ почестяхъ, статуяхъ, гимнахъ: типъ

---

[1] Названiе свое этотъ десятилѣтнiй перiодъ войны получилъ отъ имени спартанскаго царя, Архидама, который ежегодно вторгался съ войскомъ въ Аттику и опустошалъ страну. Периклъ, отлично понимая, что Аѳины не могутъ разсчитывать на успѣхъ въ сухопутной борьбѣ со Спартой, заперся со всѣмъ населенiемъ Аттики въ стѣнахъ города и не пытался остановить разграбленiе страны, чѣмъ вызывалъ крайнее неудовольствiе народа, выразившееся между прочимъ въ забаллотированiи его при выборахъ въ стратеги и въ наложенiи на него штрафа. Кромѣ того скопленiе въ городѣ огромной массы народа привело къ развитiю эпидемiи, жертвой которой погибъ и самъ Периклъ. Перенесенiе главнаго театра войны на море, выразившееся въ блокадѣ береговъ Лакедемона аѳинскимъ флотомъ, улучшило нѣсколько положенiе Аѳинъ, что позволило заключить перемирiе на условiяхъ, которыя не принесли ни особыхъ выгодъ, ни ущерба обѣимъ сторонамъ. Такимъ сравнительно благопрiятнымъ исходомъ этой войны аѳиняне въ значительной степени были обязаны Клеону, который съ присущей ему смѣлостью успѣшно выступалъ и въ роли оратора, завоевывая себѣ симпатiи народа такими демократическими мѣрами, какъ утроенiе жалованiя гелiастамъ (они были не только присяжными судьями въ нашемъ смыслѣ слова, но и осуществляли функцiю высшаго надзора и, слѣдовательно, являлись охранителями всего демократическаго строя, отчасти замѣняя прежнiй ареопагъ), и даже принималъ на себя командованiе флотомъ. Однако успѣхъ морской экспедицiи ослѣпилъ Клеона, онъ возомнилъ себя опытнымъ полководцемъ и промѣнялъ ораторскую каѳедру на боевой мечъ. Онъ принялъ на себя веденiе войны со спартанцами на сухопутномъ сѣверномъ театрѣ войны (во Ѳракiи), гдѣ и погибъ въ бою, которымъ закончилась Архидамова война на сушѣ. Въ этой же битвѣ палъ и замѣчательный спартанскiй полководецъ, Бразидъ. Смерть главныхъ представителей шовинистической партiи дала перевѣсъ партiи мира, наиболѣе видными представителями которой въ Аѳинахъ были Никiй и Лахетъ.

[2] Въ этой битвѣ спартанцы разбили соединенныя силы аѳинянъ и ихъ пелопоннесскихъ союзниковъ, которые сплотились около Аѳинъ съ цѣлью защитить свой демократическiй строй отъ посягательствъ Спарты. Такимъ образомъ это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ долголѣтней борьбы Спарты съ Аѳинами, въ которой первая выступала, какъ представительница и защитница аристократическаго принципа, а вторая — демократическаго. Этотъ послѣднiй моментъ въ Пелопоннесской войнѣ игралъ почти такую же роль, какъ и естественный антагонизмъ величайшей сухопутной и морской державъ и какъ племенная ненависть iонянъ и дорянъ.

[3] Лизандръ былъ начальникомъ спартанскаго флота во время пелопоннесской войны и одержалъ въ послѣднiй перiодъ ея цѣлый рядъ блестящихъ морскихъ побѣдъ у береговъ Малой Азiи, взялъ Аѳины и т. д. Однако его заслуги передъ отечествомъ не ограничились побѣдами: какъ и большинство замѣчательныхъ дѣятелей въ греческихъ государствахъ, онъ совмѣщалъ въ себѣ полководца съ крупнымъ реформаторомъ внутренней

властелина эпохи Возрожденія, однако лишенный симпатичныхъ сторонъ послѣдняго. Человѣку, который надѣялся въ своихъ личныхъ интересахъ произвести переворотъ въ родномъ государствѣ и считалъ нравственность глупостью, было чуждо, конечно, и какое бы то ни было историческое сентиментальное уваженіе къ заслугамъ и величію Аѳинъ: условія мира 404 года, хотя формально и исходили отъ имени эфоровъ, несомнѣнно были дѣломъ его рукъ. Въ пламени погибли военные корабли, въ которыхъ была вся сила Аѳинъ; при звукахъ флейтъ были срыты аѳинскія стѣны. Аѳинская держава погибла! Аѳины сохранили за собой только Лемносъ, Имбросъ и Скиросъ. Этимъ былъ проложенъ свободный путь къ образованію великой сѣверной державы, которая уже тогда развивалась въ тиши: Спарта и Ѳивы были не въ силахъ остановить процессъ возникновенія этого государства.

Пелопоннесская война имѣла такого современнаго исторіографа, какого не было у другихъ рѣшающихъ столкновеній всемірной исторіи, а именно Ѳукидида (460—400 до Р. Х.). Въ лицѣ Ѳукидида греческій умъ стремится уяснить себѣ собственную сущность: Дерзкая уличная критика Аѳинъ возвысилась, благодаря ему, до научной оцѣнки положенія, безпристрастное исканіе которой съ тѣхъ поръ становится цѣлью исторіи. Въ противоположность свѣтлому и радостному настроенію іонійца Геродота, который имѣлъ счастливую возможность описывать побѣды и процвѣтаніе греческаго народа, будучи къ тому же вдохновленъ блескомъ Перикловыхъ Аѳинъ, на изложеніи Ѳукидида отразилась вся грусть печалящагося о своемъ отечествѣ генія; въ знаменитой рѣчи Перикла надъ прахомъ павшихъ[1] онъ трогательно скорбитъ о великомъ прошломъ и въ описаніи сицилійской катастрофы мрачными красками рисуетъ настоящее. Ни одинъ изъ историковъ древности не далъ такой полной характеристики своего времени, не истолковалъ такъ ясно отдѣльныхъ личностей, какъ воплощеніе распространившихся въ то время идей и стремленій, какъ это удалось Ѳукидиду.

Къ этому же самому времени относится дѣятельность мудреца, кото-

---

жизни государства. Соціальный строй Спарты, а равно и политическій, въ эту эпоху требовалъ коренной реорганизаціи. Слишкомъ много было въ ней угнетенныхъ (безправныхъ илотовъ, метэковъ) и слишкомъ мало полноправныхъ гражданъ. А между тѣмъ обширныя завоеванія требовали содержанія большого войска; приходилось, слѣдовательно, давать оружіе въ руки недовольнымъ низшимъ классамъ, подвергая опасности весь строй государства. Лизандру, какъ человѣку почти всю жизнь проведшему на войнѣ, яснѣе, чѣмъ кому бы то ни было другому, представлялась ненормальность такого положенія вещей. Точно также не соотвѣтствовалъ запросамъ эпохи и политическій строй Спарты; царская власть, ограниченная эфорами, не давала достаточныхъ гарантій населенію, а съ другой стороны была слишкомъ громоздкою, стѣсненною въ своихъ дѣйствіяхъ, благодаря мелочному контролю, лишенною возможности иниціативы, быстраго дѣйствія. Лизандръ сознавалъ всѣ эти недостатки и стремился устранить ихъ реформами, но попытки эти не увѣнчались успѣхомъ. Строй Спарты не подвергся существеннымъ измѣненіямъ, и несовершенства его въ скоромъ времени привели къ паденію владычества Спарты надъ всей почти Греціей.

[1] Рѣчь эту Ѳукидидъ влагаетъ въ уста Периклу, который произноситъ ее въ память павшихъ въ первый годъ пелопоннесской войны. Въ ней великій дѣятель восхваляетъ аѳинскую демократію, во имя которой пали первыя жертвы войны. Едва ли эта рѣчь была сказана Перикломъ въ томъ видѣ, въ какомъ передаетъ ее намъ Ѳукидидъ. Въ данномъ случаѣ приходится считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что древніе историки смотрѣли на свою задачу совершенно иначе, нежели современные: они не считали себя обязанными ограничиваться возстановленіемъ только тѣхъ фактовъ прошлаго, которые могутъ быть оправданы источниками, и всегда проводить строгое различіе между установленными событіями и гипотезами. Они всѣ, и Ѳукидидъ въ томъ числѣ, болѣе художники, чѣмъ историки въ нашемъ смыслѣ слова, при чемъ неуклонно слѣдовали правилу заносить на страницы своихъ сочиненій не только то, что дѣйствительно было, но и то, что, по ихъ мнѣнію, должно было быть. Такимъ образомъ субъективный взглядъ свободнѣе проникалъ въ историческое повѣствованіе и благодаря этому мы не всегда можемъ отличить взглядъ историческаго дѣятеля отъ взгляда самого историка. Именно въ такомъ положеніи находится читатель упомянутой рѣчи Перикла, который во всякомъ случаѣ не произносилъ ея дословно такъ, какъ передаетъ Ѳукидидъ.

рый, хотя и не создалъ никакой философской системы, не написалъ ни одной книги, однако засѣялъ поле, давшее богатый урожай, и оказалъ глубокое влiянiе на юношей, не только въ родѣ Алкивiада, но и на Платона. Выйдя изъ народа, живя и мысля для народа, Сократъ низвелъ мiровую мудрость съ звѣздъ на землю; не таинственную первопричину всего существующаго должна она отыскивать, а обратиться къ внутреннему мiру человѣка и научить его правильной жизни. Твердое знанiе основныхъ понятiй нравственной жизни, добытое неустаннымъ мышленiемъ, создаетъ и стремленiе къ добродѣтели. Познанiе и стремленiе — одно и то же. Мысли и стремленiя Сократа были направлены на развитiе духа отдѣльной личности. Дѣятельность его казалась современникамъ индивидуалистически-революцiонной. Но сосредоточенiе на общихъ нравственныхъ понятiяхъ, котораго онъ требуетъ отъ каждаго человѣка, налагаетъ на послѣдняго обязанности еще въ большей степени, чѣмъ соцiальныя стадныя влеченiя; объ отпаденiи же отъ государственной религiи онъ никогда не помышлялъ.

Эврипидъ (480—406) въ произведенiяхъ своихъ воплощаетъ то смутное время, когда уничтожилась, благодаря софистикѣ, древняя вѣра отцовъ, причемъ ничто не замѣнило ея. Въ немъ сквозитъ глубокая ненависть къ людямъ и презрѣнiе къ созданiю людей: къ богамъ. Онъ достигъ, правда, большой самостоятельности въ обработкѣ матерiала, расширилъ кругозоръ, выработалъ тонкую психологiю, особенно раскрылъ въ своихъ произведенiяхъ глубины женскаго сердца; тѣмъ не менѣе чистота впечатлѣнiя, производимаго его трагедiями, нарушается озлобленiемъ, вызываемымъ внутренней борьбой и отсутствiемъ внѣшняго успѣха. Его поэтическiй даръ тяготѣетъ надъ нимъ, какъ проклятiе надъ Каиномъ. Обманулъ его и родной городъ; даже самая блестящая звѣзда на небосклонѣ послѣдняго, Алкивiадъ, въ честь котораго Эврипидъ сложилъ гимнъ по поводу его побѣды на Олимпiйскихъ играхъ, оказался для него обманчивымъ метеоромъ.

Аристофанъ (приблизительно отъ 450—385) сдѣлалъ попытку шуткою возвысить себя и другихъ надъ страданiями своего времени. Его могучее воображенiе охватываетъ мiръ людей и мiръ животныхъ. Образы свои онъ почерпаетъ изъ всѣхъ концовъ одушевленнаго мiра. Приверженецъ древней аѳинской культуры въ чистомъ ея видѣ, онъ ненавидитъ войну и личностей, выдвинутыхъ войною, а равно и представляющiяся ему такими безумными мечтанiя о государствѣ будущаго. Глубокое чувствованiе природы, любовь къ мирной жизни соединяются въ немъ съ талантомъ генiальнаго сатирика. Его комедiи, какъ „Птицы", „Лягушки" — такое же единичное явленiе въ литературѣ всѣхъ временъ, какъ и его каррикатуры, напр. на Клеона. „Greif' nur hinein ins volle Menschenleben" (Гете) является какъ бы девизомъ всего его творчества, въ которомъ удивительнымъ образомъ сочетаются высокая степень правдивости и глубокая поэтичность сказочнаго мiра. Мысль величайшаго поэта уносится отъ испорченности своего вѣка въ заоблачную высь.

13. Эпоха военнаго господства (404-379).

Спарта одержала побѣду надъ всей Грецiей; могла ли она воспользоваться этой побѣдой для основанiя единаго государства? Господствующiй классъ населенiя, спартiаты, не составлявшiй одной сотой доли всего населенiя, до такой степени угнеталъ всѣ остальные слои его, что даже въ ту эпоху составлялись уже заговоры (напримѣръ, заговоръ Кинадона). Надзоръ эфоровъ надъ спартанцами, которые прежде всего не имѣли права ввозить въ страну денегъ, былъ тѣмъ болѣе страненъ, что коры-

столюбіе являлось руководящимъ началомъ классовъ общества. Полицейское государство проявлялось въ безсмысленныхъ мелочахъ, какъ напримѣръ у музыкантовъ изъ одиннадцати струнъ лиры отрѣзывали четыре.

Деспотическія натуры, вродѣ Лизандра, подали примѣръ поведенія спартанскимъ намѣстникамъ (гармостамъ) въ различныхъ городахъ. Скоро создалась традиція, которую приходится разсматривать, какъ перечень грѣховъ Спарты. Началось спартанское владычество полнымъ отказомъ отъ древней спартанской ненависти къ персамъ (ненависть эта исчезла, правда, уже въ 411 г.): такъ называемымъ, царскимъ миромъ. Послѣ того, какъ Агезилай, царь спартанскій, человѣкъ въ высшей степени проницательный и обладавшій желѣзной волею, но въ сущности кондотьеръ, сдѣлалъ довольно значительныя завоеванія въ Малой Азіи, возбужденная персами въ Греціи война (беотійско-коринѳская), вынудила его возвратиться. Но уже очень скоро послѣ этого въ Спартѣ нашли болѣе выгоднымъ союзъ съ Персіей; указомъ царя Артаксеркса всѣ гегемоніи были уничтожены, а охрана мира поручена Персіи и Спартѣ. По царскому миру 386 г., который для сокрытія дѣйствительнаго положенія вещей былъ названъ „Анталкидовымъ миромъ“ малоазійскіе греки были выданы персамъ. Спарта въ свою очередь получила полную свободу приводить въ исполненіе планы своей внутренней политики. Прежде всего спартанцамъ представилось опаснымъ объединеніе аркадянъ въ Мантинеѣ; въ виду этого ихъ вынудили снова разселиться по своимъ прежнимъ деревнямъ По дорогѣ въ Олинѳъ спартанскія войска подъ предводительствомъ Фебида заняли безъ дальнихъ разговоровъ ѳиванскій акрополь, Кадмею, Всѣ эти поступки придали господству Спарты въ глазахъ всѣхъ грековъ характеръ грубаго насилія. До какой степени это соотвѣтствовало духу времени, указываетъ то обстоятельство, что въ Сициліи какъ разъ въ это же самое время создалось также военное государство: монархія Діонисія Сиракузскаго, которая впрочемъ имѣла выдающуюся заслугу—освобожденіе Сициліи отъ иноземнаго владычества карѳагенянъ. въ борьбѣ съ которыми она и выросла. Грозныя укрѣпленія защищаютъ столицу новой тиранніи, Сиракузы, одинъ изъ фортовъ которой, Эвріалъ, еще и теперь поражаетъ своими крѣпостными сооруженіями. Распредѣленіе территоріи между гражданами и солдатами даетъ военной тиранніи внутреннюю прочность. Владычество Сиракузъ распространялось въ это время на все Адріатическое море, гдѣ на островахъ и на материкѣ Далмаціи (Лиссъ у устья Дрина), а также на материкѣ Италіи были сиракузскія факторіи.

Протестъ противъ господства крупныхъ землевладѣльцевъ выдвигнулъ въ Ѳессаліи тиранна Язона изъ Феръ, который нѣкоторые время считался въ панэллинскихъ кругахъ человѣкомъ, призваннымъ возстановить греческое единство, но вскорѣ, распространивъ далеко свою власть, палъ отъ руки убійцы. Въ извѣстной степени можетъ быть причислена къ военнымъ государствамъ и тираннія Спартокидовъ на востокѣ въ босфорскомъ царствѣ[1]. Тамъ образовалось странное смѣшеніе греческой и скиѳской культуры: греки говорятъ тамъ на греческомъ языкѣ съ примѣсью варвар-

---

[1] Босфорское царство находилось на сѣверо-восточныхъ берегахъ Чернаго моря, по берегамъ Керченскаго пролива и Азовскаго моря. Въ составъ его входило нѣсколько прибрежныхъ городовъ Крымско-Кавказскаго побережья, а именно, Пантикапея (Керчь), Фанагорія (Тамань) и Ѳеодосія и нѣсколько менѣе значительныхъ поселеній, расположенныхъ между перечисленными городами. Границы этого царства со стороны суши были въ высшей степени неопредѣленны, такъ какъ степи теперешней Таврической губ., областей Донского, Терскаго и Кубанскаго войска, населенныя скиѳскими кочевыми племенами, никогда не были покорены окончательно босфорскими тираннами, которымъ приходилось вести здѣсь постоянную борьбу. Возникло это царство изъ объединенія упомянутыхъ колоній, которыя со временъ Перикла находились въ зависимости отъ Аѳинъ, что выражалось въ ежегодной дани, платившейся этими городами метрополіи и въ привиллегіяхъ, предоставленныхъ аѳинскимъ купцамъ. Но въ то время, какъ метрополія ихъ была отвлечена и ослаблена

скихъ словъ; ихъ ноги покрыты совершенно не греческимъ одѣянiемъ: шароварами и высокими сапогами; они обнаруживаютъ вкусъ къ колоссальнымъ надгробнымъ памятникамъ и обилiю золота въ восточномъ духѣ. Греческая чаша, на которой изображенъ споръ Аякса и Одиссея, проникла до Обры, и въ Перми была найдена статуя Гигiеи.

Греческое общество отчаянно борется за внутренiй порядокъ и внѣшнюю силу. И то и другое во многихъ мѣстахъ кажется въ это время легче всего достижимымъ черезъ посредство единоличной власти. Такимъ образомъ въ эту эпоху развился цезаризмъ, какъ это прекрасно показалъ Платонъ въ восьмой книгѣ своего „Государства." Но и единоличная власть можетъ поддержать въ общественныхъ отношенiяхъ порядокъ, а въ политическомъ—силу только временно, посредствомъ перенесенiя центра тяжести государства въ войско, состоящее по большей части изъ наемниковъ. Тамъ гдѣ невозможно достичь того и другого, стремятся только къ первому, Не боятся даже подчиниться тиранну-иноземцу, если только послѣднiй обезпечиваетъ внутренiй порядокъ, какъ напримѣръ Мавзолъ [1] Карiйскiй. Еще два раза были сдѣланы въ самой Грецiи двѣ попытки основать большое могущественное государство: Ѳивами и Аѳинами.

Пелопоннесской войной, тираннъ одного изъ нихъ, именно Пантикапеи, порвалъ свою зависимость отъ Аѳинъ, прекратилъ уплату дани, объявилъ свой городъ независимымъ и сталъ агитировать въ сосѣднихъ городахъ за освобожденiе отъ аѳинскаго владычества. Послѣ этого начался процессъ объединенiя отпавшихъ городовъ около Пантикапеи подъ властью Пантикапейскаго тиранна, при чемъ большинство изъ нихъ, сознавая, что ихъ незначительность не позволяетъ имъ сохранить неприкосновенной только что завоеванную свободу передъ господствовавшей надъ Керченскимъ проливомъ Пантикапеей, добровольно признали ея прiоритетъ; только болѣе сильная Ѳеодосiя оказала энергичное сопротивленiе завоевательнымъ стремленiямъ тиранновъ, но и та въ концѣ концовъ (уже въ серединѣ IV вѣка) была вынуждена уступить силѣ. Впослѣдствiи во власти Пантикапейскихъ тиранновъ находилось все побережье Азовскаго моря. Порвавъ безъ труда политическую зависимость отъ Аѳинъ, новообразовавшееся Босфорское царство не могло также легко выйти изъ экономическаго подчиненiя имъ. Аѳины по прежнему оставались нужнымъ для боспорскаго хлѣба рынкомъ. Развитiе вино- и маслодѣлiя въ Аттикѣ и ростъ промышленной жизни, а съ ними и упадокъ земледѣлiя, дѣлали для всѣхъ вообще Черноморскихъ городовъ, для Босфорскаго царства въ частности, Аттику въ высшей степени цѣннымъ въ этомъ отношенiи рынкомъ Поэтому аѳинскiе. купцы сохранили свои прежнiя привиллегiи и вообще вели торговыя дѣла съ самостоятельнымъ царствомъ нисколько не менѣе, чѣмъ съ зависимыми отъ нихъ колонiями.

Босфорское царство сохранило довольно долго свою самостоятельность и потеряло ее только въ борьбѣ съ знаменитымъ Понтiйскимъ царемъ, Митридатомъ, во второмъ вѣкѣ до Р. Х. Въ теченiе всего этого времени тамъ господствовала одна и та же династiя потомковъ освободителей черноморскихъ городовъ отъ аѳинскаго владычества, Спартокидовъ. Въ теченiе же всего послѣдующаго времени вплоть до IV вѣка по Р. Х. Босфорскiе цари были уже въ вассальной зависимости, сначала отъ Понтiйскихъ царей, потомъ отъ Рима. Въ IV вѣкѣ царство прекратило свое существованiе.

[1] Мавзолъ былъ сатрапомъ персидскаго царя въ Карiи и вмѣстѣ съ тѣмъ тиранномъ города Милазы. Въ качествѣ перваго онъ пользовался почти ничѣмъ не ограниченной властью въ предѣлахъ своей провинцiи. Населенiе послѣдней подъ влiянiемъ эллинизацiи стремилось выйти изъ того мелкообщиннаго, разобщеннаго состоянiя, въ какомъ оно находилось еще во времена тираннiи и сатрапiи отца Мавзола, Гекатомна. Воспользовавшись этимъ объединительнымъ теченiемъ, отецъ и сынъ создали обширное и могущественное государство, которое составилось изъ юго-западныхъ провинцiй Малой Азiи. Провинцiи эти, въ сущности говоря, принадлежали, какъ и прежде, персидскому царю, но Мавзолу и его отцу безъ особаго труда удалось устранить путемъ разныхъ дипломатическихъ ухищренiй это не слишкомъ серьезное въ такомъ децентрализованномъ государствѣ, какъ Персiя, препятствiе. Однако Мавзолъ не удовольствовался Карiей и Ликiей, а сталъ искать выхода къ морю. Для этого ему было необходимо присоединить греческiя колонiи побережья. Оставленныя своими европейскими собратьями послѣ окончанiя греко-персидскихъ войнъ на произволъ судьбы, онѣ, какъ сказано выше, охотно приняли тираннiю Мавзола, который перенесъ свою столицу въ Галикарнассъ и оттуда началъ распространять свое владычество на острова, пользуясь распаденiемъ аѳинскаго морского союза и борьбой аристократической и демократической партiй на нѣкоторыхъ островахъ. При помощи первой ему удалось вовлечь въ сферу своего влiянiя Хiосъ, Косъ, Родосъ и др. Мавзолъ сдѣлалъ очень много для процвѣтанiя этихъ городовъ и острововъ, особенно въ отношенiи морской торговли. Галикарнассъ благодаря ему сталъ крупнымъ торговымъ портомъ. Мавзолъ

14. Расцвѣтъ и конецъ ѳиванскаго могущества (379—362); послѣднее возвышеніе Аѳинъ (378—355).

А. Ѳивы.

Ѳивы никогда не могли объединить такъ тѣсно подъ своею властью Беотію, какъ Аѳины Аттику. Эта слабая связь была плохимъ базисомъ для обоснованія могущества, хотя большая цифра населенія Ѳивъ была благопріятна въ военномъ отношеніи. Въ культурномъ отношеніи Ѳивы стояли невысоко. Правда, изъ этого города происходилъ Пиндаръ, который умѣлъ въ такихъ яркихъ краскахъ изобразить жизнь дорянъ; но съ тѣхъ поръ зато Ѳивы давали матеріалъ почти однимъ только юмористамъ. Занятіе спартанцами ѳиванскаго акрополя пробудило въ нихъ всю силу сопротивленія; энергичный, увлекающійся Пелопидъ и осторожный, сдержанный Эпаминондъ возвратили Ѳивамъ свободу. Благодаря военной организаціи и уму, съ которымъ были использованы имѣвшія мѣсто столкновенія интересовъ, значительные успѣхи были достигнуты и на сѣверѣ, въ Ѳессаліи, и на югѣ, въ Пелопонессѣ. Если военные успѣхи, достигнутые Пелопидомъ, оказались скоропреходящими, то политическіе были очень продолжительны: Спарта была обезсилена навсегда не столько битвой при Левктрахъ [1] (371), сколько вызваннымъ Эпаминондомъ пробужденіемъ Мессеніи и укрѣпленіемъ Аркадіи. Столицами этихъ областей стали прекрасно укрѣпленная Мессена и въ высшей степени счастливо расположенный Мегалополь.

Смерть Эпаминонда въ битвѣ при Мантинеѣ (362) уничтожила для Ѳивъ плоды его дѣятельности, тѣмъ не менѣе цѣль — помѣшать дальнѣйшему территоріальному расширенію Спарты и усиленію ея могущества была вполнѣ достигнута. Совершенно неправильно разсматривать дѣятельность Эпаминонда, какъ обще-эллинскую; тѣмъ не менѣе личность его представляется въ высшей степени привлекательной. Его простое величіе съ его безупречной самоотверженностью, пылкой отвагой, которая повергла въ опасность даже самый городъ Спарту, съ его обширными планами, созданія ѳиванской морской державы и необходимаго для сего фундамента—это величіе недостаточно ярко вырисовывается въ носящемъ одностороннюю спартанскую окраску историческомъ трудѣ Ксенофонта, весьма неудачно называемомъ „Hellenika“. Большая часть Средней Греціи (Фокида, Эвбея, обѣ Локриды, эніане, ираклійцы и малійцы) уже въ ранній періодъ (370) вошла въ сферу ѳиванскаго вліянія; ново-основанный аркадійскій союзъ, царь Александръ Македонскій заключили съ Ѳивами договоры; Сикіонъ, Пеллена, Эретрія, Византія и отдѣльныя общины на Кеосѣ были присоединены къ Ѳиванскому союзу. Но въ то же время Ѳивы чувствуютъ себя болѣе твердыми, имѣя опору въ лицѣ Персіи. По примѣру Спарты Ѳивы признали за Персіей роль устроительницы греческихъ отношеній. Блескъ Ѳивъ и попытка добиться гегемоніи, тѣсно связанные съ дѣятельностью и именами Эпаминонда и Пелопида, скоро угасаютъ.

былъ погребенъ въ разросшемся благодаря его стараніямъ городѣ, причемъ гробница его была причислена къ семи чудесамъ свѣта (Мавзолей).

[1] Въ этой битвѣ ѳиванцы, подъ предводительствомъ Эпаминонда, одержали рѣшительную побѣду надъ несравненно превосходившими ихъ силами спартанцами, причемъ всецѣло были обязаны этимъ военному искусству своего полководца. Однако силы ѳиванцевъ и ихъ союзниковъ были слишкомъ малы, чтобы сейчасъ же использовать послѣдствія этой побѣды, какъ того требуетъ элементарное правило военнаго искусства: они не могли преслѣдовать врага и лишить его возможности оправиться. Поэтому значеніе этой битвы было только нравственное: она показала всѣмъ покореннымъ Спартою народамъ, что поработители всей почти Греціи не непобѣдимы даже на сушѣ, хотя слава спартанскаго оружія и была велика.

Б. Послѣднее возвышеніе Аѳинъ.

Тѣмъ временемъ Аѳины также стали осторожно искать новой опоры для своей власти. Непосредственно послѣ заключенія царскаго мира Аѳины заключили съ Хіосомъ союзный договоръ который совершенно опредѣленно ссылается на постановленія царскаго мира: „свобода и самоуправленіе“, какъ на государственно-правовыя основанія всѣхъ греческихъ отношеній. Подобными же договорами были объединены въ союзъ съ Аѳинами и Византія, Родосъ, Митилена, Метимна и Ѳивы. Отъ этихъ отдѣльныхъ союзовъ до заключенія новаго общаго оставался одинъ шагъ. Раздавшійся въ 377 году призывъ приглашалъ къ вступленію въ союзъ и прочія государства. Въ число союзниковъ принимались только города свободной Эллады и свободныхъ варварскихъ странъ; исключались, слѣдовательно, области, подвластныя персидскому царю. Аѳины ясно подчеркивали, что не должны быть высылаемы клерухи (колоніи). Связь между членами этого второго аттическаго морского союза была гораздо слабѣе, хотя и здѣсь члены обязаны были взносами. Онъ не могъ поэтому имѣть такого же практическаго значенія, хотя къ нему примкнуло множество государствъ, и западъ Балканскаго полуострова (Корцира, Акарнанія, царь Молосскій Алкетъ) былъ такъ же хорошо представленъ въ немъ, какъ и Ѳракія (Діонъ, халкидяне) и острова. Величайшимъ тріумфомъ было то, что послѣ долгихъ заискиваній въ союзъ съ Аѳинами вступилъ также и Діонисій Сиракузскій (368—367); Ѳессалія и царь македонскій Филиппъ равнымъ образомъ считаются съ объединенными государствами, и ѳракійскіе цари мирно разбираютъ съ ними вопросъ о положеніи греческихъ городовъ Ѳракіи. Но тамъ, гдѣ былъ заложенъ фундаментъ союза, таилась и погибель его: Хіосъ вступаетъ въ коалицію съ Византіей, Родосомъ, Косомъ и карійскимъ тиранномъ Мавзоломъ противъ Аѳинъ. Дипломатическіе успѣхи у царей (ѳракійскаго, пеонійскаго, иллирійскаго) и городовъ сѣвера (Неаполь во Ѳракіи) не могутъ возмѣстить понесенныхъ въ другихъ отношеніяхъ потерь, которыя въ 354 году приводятъ къ миру, къ распаденію союза и тѣмъ самымъ къ концу возвышенія Аѳинъ.

Конечно, если бы рѣчь шла о положеніи Аѳинъ, какъ торговаго государства и города капиталистовъ, то оно вовсе еще не было утрачено съ утратой политическаго могущества. Напротивъ того, миръ, какой бы цѣной онъ ни былъ купленъ, былъ въ интересахъ капиталистовъ, какъ это доказываетъ написанное однимъ финансистомъ IV вѣка сочиненіе о доходахъ, несправедливо приписываемое Ксенофонту: Аѳины возвеличились не своимъ господствомъ надъ цѣлымъ рядомъ подчиненныхъ имъ, но постоянно отказывающихся повиноваться странъ, а какъ центръ здравой и мирной торговой политики. Для гражданъ государство—это „тяжкія оковы“, которыя до крайности ограничиваютъ ихъ барыши, а родина для нихъ тамъ, гдѣ они могутъ увеличивать свое имущество. Ученіе о космополитизмѣ исходило изъ самыхъ идеальныхъ порывовъ. Если родина была только идеалистическая иллюзія, а собственное государство — необходимое зло, то вполнѣ понятно стремленіе гражданъ уклониться отъ исполненія требованій государства; гражданская милиція замѣняется наемнымъ войскомъ, вдохновенные вожди — начальниками ландскнехтовъ, которые продавали свои силы тому, кто лучше платилъ. Такимъ образомъ все разлагается на атомы, которые едва-едва держатся вмѣстѣ. И государство платится за борьбу классовъ общества между собою. Но какимъ образомъ возникли такія противорѣчія между ними?

При Периклѣ большая часть аѳинянъ получила доступъ къ правительственнымъ мѣстамъ: это былъ „классъ демократіи“, который соединялъ народъ воедино. Іерархія повинностей сохранилась, но іерархія правъ ис-

чезла. Политическое равенство было достигнуто; но наряду съ нимъ возникло стремленіе къ равенству и имущественному: повсюду развилась жажда легкаго заработка. Соціальныя потрясенія проникаютъ и въ сферу политической жизни, тѣмъ болѣе, что не было вовсе учрежденій, которыя стояли бы выше борьбы соціальныхъ партій; политическія партіи обратились въ органы различныхъ общественныхъ слоевъ и ихъ эгоистическихъ интересовъ. „Богатые предпочитаютъ бросить свое имущество въ море, чѣмъ отдать его бѣднякамъ", говоритъ Исократъ, неимущіе судьи осуждаютъ обвиняемыхъ — богачей только для того, чтобы выжать отъ нихъ деньги на свое жалованье. Эта демократія нарушаетъ всякое право и справедливость, подобно абсолютной монархіи самаго худшаго сорта; роль придворныхъ играютъ льстивые демагоги, а пышность развратнаго двора уже давно вошла въ обиходъ.

При ожесточенной борьбѣ своекорыстія отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ классовъ, которая характеризуется низменнымъ, вульгарнымъ тономъ современнаго краснорѣчія, среди благородныхъ умовъ развивается отвращеніе къ общественной жизни. Имъ пришлось пожать плоды того, что они посѣяли своимъ удаленіемъ: неограниченное господство низшихъ классовъ, борьбу всѣхъ противъ всѣхъ. Въ уединеніи вдали отъ свѣта начали послѣ этого вырисовываться въ мечтахъ картины будущаго строя общества.

Одинъ изъ величайшихъ греческихъ архитекторовъ, Гипподамъ, который построилъ Ѳуріи, Родосъ и аѳинскую гавань, Пирей, выступилъ съ проектомъ создать идеальное государство. Онъ переноситъ на государство хорошо извѣстныя ему геометрическія истины: все распадается на три части, общество на три сословія, земля—на храмовыя имѣнія, служащія для пропитанія жрецовъ, государственныя домены, на счетъ которыхъ содержатся воины, и на частно-владѣльческія земли, принадлежащія крестьянамъ. Федонъ выработалъ политическую ариѳметику, которая, предвосхищая теорію Мальтуса, причину всѣхъ соціальныхъ неурядицъ видитъ въ излишкѣ населенія; онъ хочетъ удержать на одной высотѣ число семей и гражданъ. Фалей Халкедонскій, первый истинный коммунистъ, не довольствуется этимъ: имущество и воспитаніе всѣхъ собственниковъ должны быть одинаковы. Уже Аристотель указывалъ по поводу этихъ плановъ, что распространеніе реформы исключительно на имущественныя отношенія совершенно не логично, и что вся система несостоятельна съ психологической точки зрѣнія, такъ какъ природа человѣческая смѣется надъ этимъ равенствомъ земельныхъ надѣловъ, а разнообразіе заложенныхъ въ ней способностей и элементарныя страсти разбиваютъ въ прахъ всю искусственную имущественную геометрію и всякую ариѳметику народонаселенія. Достоинъ вниманія проэктъ обобществленія всей промышленности и обращенія всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ промышленнымъ классамъ, въ служебные органы обще-государственнаго хозяйства. Алкидамъ усматриваетъ въ рабствѣ главную причину невозможнаго положенія и требуетъ его уничтоженія; циники, наконецъ, видятъ корень зла въ культурѣ и совершенно въ духѣ Руссо проповѣдуютъ отрѣшеніе отъ нея, какъ вѣрнѣйшее средство спасенія: государство свиней Платона очень ясно намекаетъ на это направленіе.

Глубже всѣхъ уловилъ потребности соціальнаго прогресса Платонъ. Безсмертными словами бичуетъ онъ господство корыстолюбія и послѣднему противопоставляетъ государство, въ которомъ должно осуществиться господство избранныхъ. Раздѣленіе на сословія, какими мы встрѣчаемъ ихъ въ средніе вѣка, восходитъ къ Платону, коммунистическія идеи его снова воскресаютъ въ французской революціи, когда чтеніе Платона дѣлаетъ приверженца абсолютной монархіи однимъ изъ наиболѣе выдающихся вдохновителей якобинцевъ: аббатъ Мабле усматриваетъ въ частной собственности источникъ всѣхъ золъ человѣчества.

Три класса, одинъ—заботящійся о добываніи пищи, второй объ охранѣ и третій объ обученіи, составляютъ пирамиду общественнаго строя. Общеобязательное обученіе создаетъ группу избранныхъ, изъ которыхъ наиболѣе образованные служатъ въ войскѣ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ, выдвинувшіеся же на одномъ изъ этихъ поприщъ, достигнувъ пятидесятилѣтняго возраста, достигаютъ высшаго положенія: учатъ и властвуютъ одновременно. Въ высшей степени рѣзко подчеркивается здѣсь нравственное назначеніе государства и выдвигается необходимость серьезнаго научнаго образованія для его дѣятелей. Все только что изложенное находится еще въ предѣлахъ возможности, которая перешла въ дѣйствительность съ всемірнымъ прогрессомъ. Область фантазіи начинается съ презрѣнія къ какой бы то ни было исторіи, къ традиціи. Воспитаніе дѣтей должно сдѣлать возможнымъ совершенно новый государственный строй; основами новаго государства являются отсутствіе семьи, брака, частной собственности, общность имущества, женъ и дѣтей. Женщины вполнѣ уравнены въ правахъ, участвуютъ во всѣхъ физичекихъ упражненіяхъ, сидятъ за общимъ столомъ въ государственной столовой, отправляются наряду съ мужчинами въ походъ, занимаютъ государственныя должности.

Въ своихъ „Законахъ“ Платонъ отказывается отъ такого рѣзкаго противопоставленія дѣйствительности и фантазіи, и его новое государство примыкаетъ къ существующимъ въ дѣйствительности условіямъ, но на новой почвѣ. Вся территорія, находящаяся въ распоряженіи государства, должна быть раздѣлена на неравные по величинѣ, но одинаковые по доходности участки (въ числѣ 5040), которые не должны дробиться или измѣняться; точно также производится и раздѣлъ движимаго имущества, и для каждаго отдѣльнаго гражданина устанавливается опредѣленная норма дохода. Запрещеніе вывоза продуктовъ, производимыхъ въ странѣ, ограниченіе торговли и промышленности, государственная статистика регулируютъ экономическое разитіе, при чемъ нравственныя нормы имѣютъ руководящее значеніе. Широкая власть должностныхъ лицъ, которую предоставляетъ имъ „Государство“, хотя и сохранена для нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ „Законахъ“, но въ общемъ все таки ослаблена и власти народа отведено очень значительное мѣсто. Въ жизни и въ ученіи Платона мы встрѣчаемся, правда, съ мыслью, что осуществить всѣ улучшенія въ общественномъ строѣ скорѣе всего можетъ единоличная власть. „Царственный мужъ, въ лицѣ котораго будетъ властвовать разумная мысль“, съ свойственной ему проницательностью будетъ личными рѣшеніями вліять на измѣнчивыя условія человѣческой жизни, безличный-же законъ, напротивъ того, неизмѣнимъ. Такимъ образомъ уже „Государство“ дѣлало указанія на единоличную власть, а „Законы“ рисуютъ намъ государя будущаго, который дастъ государству хорошее устройство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и продолжительное счастье, въ разультатѣ котораго можетъ быть нравственное обновленіе народа; съ другой стороны высшая власть можетъ, конечно, оказаться опасной и для самого государя.

Итакъ ни жизнь, ни наука Греціи не указывали другого выхода изъ невыносимаго положенія обстоятельствъ, кромѣ надежды на то, что генію сильной личности удастся помочь горю и привести все въ порядокъ: время для появленія этой личности настало.

15. Эпоха царя Филиппа II Македонскаго.

Естественнымъ центромъ Македоніи, состоявшей изъ длинныхъ горныхъ долинъ, была равнина, расположенная у Эгейскаго моря. Тамъ, въ прекрасной мѣстности, гдѣ съ отвѣсныхъ утесовъ свергаются водопады, была расположена древняя резиденція царей—Эги. Новая столица, Пелла,

лежитъ ближе къ морю, на равнинѣ, образованной рѣчными наносами, на холмѣ, окруженномъ глубокими болотами. Мудро пользуясь обстоятельствами, прекрасно воспитавъ въ военномъ отношеніи своихъ подданныхъ путемъ неустаннаго, но спокойнаго труда, македонскимъ царямъ удалось образовать вокругъ этого маленькаго ядра, расположеннаго къ сѣверу отъ Олимпа, государство, которое, достигнувъ внутренней прочности, могло заявить притязанія на руководящую роль въ расшатанной политической жизни Греціи, болѣе рѣшительную, чѣмъ та, которую нѣкогда играли спартанцы и аѳиняне. Хорошо охраняя результаты, достигнутые предшественниками, Филиппъ, быть можетъ величайшій изъ государственныхъ дѣятелей греческой національности (несмотря на примѣсь ѳрако-иллирійской крови, въ Македоніи языкъ, царская династія и знать — греческіе) выступилъ на путь разсчетливыхъ и разумныхъ пріобрѣтеній, постоянно расширяя границы государства и не подвергая при этомъ опасности внутреннихъ границъ.

Почти безъ борьбы достигъ бы онъ этой цѣли, почти безъ сопротивленія ему удалось бы отнять у Греціи одно государство за другимъ, какъ бы срывая съ дерева спѣлые плоды, если бы одинъ человѣкъ не съумѣлъ оживить дремавшія и умиравшія силы маленькихъ государствъ и замѣнить недостатокъ одушевленія въ борьбѣ за самоуправленіе и свободу одушевленіемъ національной борьбы, заклеймивъ Филиппа именемъ варвара: этотъ человѣкъ былъ Демосѳенъ. Не будучи далекимъ отъ практической жизни мечтателемъ, но и не обладая способностями дальновиднаго политика, Демосѳенъ своимъ пламеннымъ узко-аѳинскимъ патріотизмомъ и желѣзной силой своего краснорѣчія оказалъ могучее противодѣйствіе естественному теченію событій. Прошлое мало трогало его. Правда, сооруженія, общественное богатство, простота въ частномъ быту, въ блестящемъ видѣ рисуютъ ему эпоху расцвѣта, вѣкъ Перикла. Но обаяніе славы персидской войны оставляетъ его равнодушнымъ, хотя онъ и замѣчаетъ, что никто не изобразилъ достойнымъ образомъ подвиговъ ея. Союзъ съ Персіей представляется ему спасеніемъ изъ трудныхъ обстоятельствъ, и отвращеніе отъ него онъ и его школа считаетъ ограниченностью и глупостью. Военно-наемническое государство, Аѳины, еще разъ благодаря ему становится государствомъ съ народной милиціей. Увѣренно и непрерывно указываетъ онъ на опасность, грозящую со стороны сѣверной державы (ср. выше стр. 103); и ему удалось образовать союзъ, въ которомъ объединились совершенно разнородные, расходившіеся по стремленіямъ своимъ элементы. Даже тотъ, кто считаетъ его политику регрессивной, будетъ захваченъ этимъ пламеннымъ воодушевленіемъ, для котораго личность является смиреннымъ орудіемъ въ этой великой борьбѣ. Такой истый человѣкъ партіи, какъ Демосѳенъ, который на все смотритъ только своими глазами, сначала сознательно, а потомъ безсознательно рисуетъ себѣ положеніе вещей неправильно. Македонія, изъ которой въ его время нельзя было достать хорошихъ рабовъ, представляется ему страной, которая стонетъ подъ бременемъ войны, ненавидитъ своего царя; населеніе ея онъ считаетъ хуже, чѣмъ не-эллиновъ благороднаго происхожденія; самъ Филиппъ въ его глазахъ человѣкъ, который не терпитъ около себя ничего выдающагося, который чувствуетъ себя хорошо лишь въ обществѣ опустившихся писателей, актеровъ и прихлебателей. Вотъ въ какомъ превратномъ видѣ изображаетъ Демосѳенъ національное македонское государство съ его воинственной знатью и классомъ поземельныхъ собственниковъ, съ сильной верховной властью, самодержавною и независимою ни отъ какого народнаго собранія (на что, впрочемъ, указываетъ самъ Демосѳенъ), которая круглый годъ содержитъ сильное войско, богатыя дарованія Филиппа. Точно также въ нападкахъ на Филиппа впервые утвердилась въ греческомъ ораторскомъ искусствѣ личная инвектива съ ея

неумѣренностью, субъективностью, неправильнымъ освѣщеніемъ и искаженіемъ фактовъ.

Съ достойной изумленія послѣдовательностью (см. выше стр. 94 и сл.) Филиппъ городъ за городомъ овладѣваетъ всѣмъ греко-ѳракійскимъ побережьемъ, начавъ съ Амфиполиса и увѣнчавъ свои успѣхи взятіемъ Олинѳа.[1]

Что касается жалобъ Демосѳена на разрушеніе многочисленныхъ городовъ, то именно по отношенію къ городамъ Халкиды онѣ, какъ намъ извѣстно, неосновательны. Въ области Халкидики Филиппъ уже положилъ начало системѣ военныхъ колоній, которая развилась затѣмъ при Александрѣ. Священная война отдала во власть Филиппа Ѳессалію, а при заключеніи Филократова мира Аѳинамъ удалось добиться признанія владѣній только за собой, но отнюдь не за своими союзниками, между тѣмъ, какъ всѣ завоеванія Филиппа были закрѣплены за нимъ. Еще во время мирныхъ переговоровъ, которые безъ всякаго сомнѣнія велись съ аѳинской стороны неумѣло (по мнѣнію Демосѳена, подъ вліяніемъ македонскаго золота), Филиппъ овладѣлъ всѣмъ ѳракійскимъ побережьемъ. Ему удалось при этомъ найти точку опоры въ народной массѣ и прежде всего въ лицѣ той партіи, которая видѣла спасеніе отъ всѣхъ золъ мелко-государственной жизни въ монархіи.

Прежде всего совершенно ясную политическую программу выставилъ ораторъ Исократъ; вокругъ македонскаго царя, проповѣдуетъ онъ, должны сгруппироваться представители всей Эллады для обсужденія общегреческихъ дѣлъ. Въ лицѣ Филиппа онъ видитъ вождя того похода, въ которомъ должны участвовать всѣ — и старъ, и младъ, воспѣвать и прославлять который будетъ каждый, кто только владѣетъ стихомъ или даромъ слова; въ немъ онъ видитъ вождя священной войны съ Персіей, которой настойчиво требуютъ нѣмые камни разрушенныхъ памятниковъ. Какъ сильно напоминаетъ это другого великаго проповѣдника объединенія, Маккіавелли, который убѣждаетъ Лоренцо Медичи начать великую освободительную войну, справедливѣе и священнѣе которой быть не можетъ! Нужно только выставить лозунгомъ свободу — и вся Малая Азія отъ Синопа до Киликіи поднимется, бездомный греческій пролетаріатъ найдетъ здѣсь новую родину, а благодѣянія истинной монархіи привлекутъ къ общему дѣлу и массу подданныхъ восточнаго царства.

Если величайшій проповѣдникъ объединенія, какого только знала всемірная исторія, Іоганнъ Готлибъ Фихте стоитъ безконечно выше Исократа своей глубоко нравственною личностью, которая оказывала вліяніе на волю человѣческую и послѣ Іенскаго пораженія требовала борьбы путемъ принциповъ, нравовъ, характера, то все же нельзя отрицать, что аѳинскій ораторъ, несмотря на своекорыстіе и преслѣдованіе своихъ, никогда не забываемыхъ имъ ораторскихъ цѣлей, преслѣдовалъ великую задачу, за которую и боролся съ большимъ умомъ въ своихъ полемиче-

---

[1] Оба эти города находились въ зависимости отъ Аѳинъ и взятіе ихъ Филиппомъ затрагивало непосредственно интересы послѣднихъ. Промежутокъ между взятіемъ Амфиполиса и Олинѳа равнялся приблизительно десяти годамъ, въ теченіе которыхъ Филиппъ значительно усилилъ свое вліяніе и сталъ уже побѣдителемъ, котораго не судятъ. Это отразилось на судьбѣ взятыхъ имъ городовъ: въ то время, какъ съ Амфиполемъ Филиппъ обошелся весьма милостиво, несмотря на оказанное имъ сильное сопротивленіе, Олинѳъ, взятый штурмомъ десять лѣтъ спустя, былъ срытъ до основанія. Отчасти такое милостивое отношеніе къ первому можетъ быть объяснено обстоятельствами, при которыхъ онъ былъ взятъ: Амфиполь возсталъ противъ Аѳинъ, отъ которыхъ зависѣлъ, и Филиппъ взялся вернуть его къ повиновенію. Взявъ городъ, онъ, конечно, и не подумалъ возвращать его аѳинянамъ и оставилъ за собой. При этомъ онъ, конечно, долженъ былъ примирить амфиполитанцевъ съ собой, даровавъ имъ самое широкое самоуправленіе. Оба эти эпизода чрезвычайно характерны для Филиппа съ его вѣроломной политикой и съ постепеннымъ возрастаніемъ сознанія своей силы, сознанія, которое развязываетъ руки македонскаго царя, когда онъ чувствуетъ себя хозяиномъ положенія.

скихъ сочиненіяхъ. Ученики же Исократа находились въ самой тѣсной связи съ царемъ Филиппомъ.

Трезвое сознаніе безнадежности борьбы съ Филиппомъ привлекло на его сторону Фокіона, личныя же выгоды — Эсхина. Демосѳенъ же неустанно старается всѣми силами бороться съ угрожающимъ „порабощеніемъ“. Благодаря своему краснорѣчію, ему удается устроить союзъ съ Мессеніей; Македонія же вслѣдствіе захвата Эпира родственникомъ Филиппа и заключенія союза съ этолянами становится все болѣе и болѣе опасной. Нельзя безъ волненія читать сильную рѣчь Демосѳена (третья филиппика), въ которой онъ стремится спасти отъ Филиппа Византію. Но передача Филиппу предводительства въ священной войнѣ [1] противъ Амфиссы возвышаетъ его значеніе и отдаетъ въ его руки ключъ ко всей Средней Греціи, Элатею. Даже преодолѣніе исконной вражды между Аѳинами и Ѳивами и заключеніе союза между обоими государствами оказалось уже напрасной жертвой: борьба при Херонеѣ уничтожаетъ послѣднее сопротивленіе грековъ и обезпечиваетъ Филиппу гегемонію въ Элладѣ. Мирный и союзный договоръ Аѳинъ съ Филиппомъ оставляетъ, правда, за первыми Лемносъ, Имбросъ, Делосъ, Самосъ, Саламинъ, но зато отдаетъ въ руки Филиппа весь ѳракійскій Херсонесъ — тяжелая потеря для аѳинской торговли — и уничтожаетъ все, что напоминало еще о морскомъ союзѣ 378—77 годовъ.

Коринѳскій союзъ объединяетъ грековъ подъ военной властью Филиппа, который при этомъ совершенно въ панэллинскомъ направленіи, въ духѣ Перикла, стремится къ созданію и обезпеченію обширнаго торговаго рынка въ области Средиземнаго моря и старается сдѣлать безопаснымъ мореходство. Теперь впервые представляется возможность организовать обширныя общегреческія предпріятія. При заключеніи коринѳскаго договора установленіемъ коринѳскаго союзнаго совѣта создано было учрежденіе, на которое были возложены обязанности третейскаго суда при всѣхъ столкновеніяхъ между союзниками и формированіе союза; онъ же долженъ былъ заботиться о мирномъ теченіи внутренней политики союзниковъ. Исполнительная власть союза принадлежитъ царю Македонскому, который, однако, не входитъ въ его составъ. Союзникамъ обезпечена свобода отъ податей и военныхъ постоевъ; лишь при Александрѣ эта льгота была уничтожена, Александръ же лишилъ союзный совѣтъ функцій третейскаго суда. Несмотря на эти измѣненія, коринѳскій союзъ со своими учрежденіями служилъ образцомъ для позднѣйшихъ союзовъ III вѣка. Повидимому, коринѳскій союзъ соединилъ въ себѣ учрежденія второго аттическаго морского союза, родъ конституціонной грамоты съ отдѣльными договорами

---

[1] Священными войнами въ древней Греціи назывались такія, которыя предпринимались по постановленію Амфиктіонова судилища для наказанія цѣлыхъ народовъ за проступки, совершенные послѣдними по отношенію къ дельфійскому храму Аполлона, какъ чисто религіознаго характера, такъ и матерьяльнаго. Такія войны бывали еще въ началѣ VI вѣка, но наиболѣе значительныя относятся къ эпохѣ Филиппа Македонскаго. Направлены они были противъ Фокиды и Локриды, причемъ истинная причина ихъ заключалась въ политическомъ антагонизмѣ этихъ государствъ съ имѣвшими въ то время перевѣсъ въ амфиктіоніяхъ Ѳивами. Фокидяне, не заплатившіе наложеннаго на нихъ судилищемъ штрафа за какія-то нарушенія интересовъ Аполлона, въ отвѣтъ на объявленную имъ священную войну заняли Дельфы и, воспользовавшись сокровищами храма, въ теченіе десяти лѣтъ господствовали въ Средней и Сѣверной Греціи. Ихъ побѣдоносный походъ въ Ѳессалію далъ поводъ вмѣшаться въ греческія дѣла Филиппу, который послѣ первой неудачи уничтожилъ Фокидянъ, нанеся имъ въ Ѳессаліи страшное пораженіе, въ которомъ погибло почти все войско Фокидянъ вмѣстѣ съ ихъ замѣчательнымъ вождемъ, Ономархомъ. Въ награду за это онъ получилъ въ амфиктіоніяхъ, два голоса которые прежде принадлежали фокидянамъ. Вторая война, противъ локрянъ, веденіе которой было ему поручено амфиктіонами, дала ему поводъ ввести въ Среднюю Грецію войско, которымъ онъ не замедлилъ воспользоваться противъ Аѳинъ. Такимъ образомъ за именемъ священной войны скрывались весьма опредѣленныя политическія комбинаціи, ничего общаго съ интересами дельфійскаго Аполлона не имѣвшія.

въ томъ видѣ, какъ Аѳины заключили ихъ въ первомъ делосско-аттическомъ морскомъ союзѣ. По крайней мѣрѣ до насъ дошелъ въ отрывкахъ договоръ Аѳинъ съ Филиппомъ: Аѳины должны были согласиться на оказанiе военной помощи македонскому царству Филиппа и его наслѣдниковъ.

16. Эпоха Александра Великаго.

Первая цѣль Филиппа была достигнута. Съ такой же твердостью и умѣлостью были бы приведены въ исполненiе и дальнѣйшiе его планы, если бы его не поразилъ кинжалъ убiйцы: по всей вѣроятности, нравственной виновницей этого преступленiя была жена его Олимпiада. Тонко развитой въ духовномъ отношенiи, но необузданный въ частной своей жизни, цѣнитель женской красоты и любитель веселой попойки, человѣкъ, знающiй, чего хочетъ, и обладающiй большой выдержкой, неутомимо дѣятельный, и, безъ сомнѣнiя, не лишенный политическаго идеала, отрѣшеннаго отъ его личности — вотъ каковымъ представляется намъ Филиппъ. Отчасти особенности его характера были унаслѣдованы **Александромъ**, въ которомъ онѣ соединились съ пылкими чувствами и страстной натурой Олимпiады.

Своему юному наслѣднику Александру отецъ далъ величайшаго воспитателя, какого только знаетъ свѣтъ, **Аристотеля**, и тѣмъ самымъ указалъ на свои чисто эллинскiе планы будущаго. Еще во II вѣкѣ послѣ Р. Х. путешественники дивились каменнымъ заламъ и корридорамъ Нимфейона, гдѣ будущiй всемiрный завоеватель поучался мудрости. Тамъ запало въ воспрiимчивую душу ребенка ученiе Аристотеля о царской власти, которая своей здравой политикой и благодѣянiями покоряетъ сердца людей; тамъ душа его заполнялась картинами великаго прошлаго Грецiи и въ воображенiи разъ на всегда запечатлѣлся прекрасный образъ Пелида Ахилла: борьба Запада съ Востокомъ увлекаетъ его, и удивительное впечатлѣнiе производили на него поученiя Аристотеля о миссiи эллинскаго мiра, который долженъ былъ покорить варварскiй.

Походъ десяти тысячъ[1] черезъ персидское царство, завоеванiя Агезилая повѣдали о слабости колосса, стоявшаго на глиняныхъ ногахъ. Фактически рѣшивъ своей кавалерiйской аттакой исходъ битвы при Херонеѣ, Александръ на практикѣ испыталъ свои стратегическiя способности и доказалъ свою генiальность. Затѣмъ, послѣ смерти Филиппа, онъ двадцати лѣтъ отъ роду взялъ въ свои руки бразды правленiя надъ вѣрноподданной и воинственной Македонiей, недовольной и возбужденной Грецiей и надъ мятежными иллирiйцами и дарданцами. Не прошло еще и года со дня вступленiя его на престолъ, какъ онъ уже господствовалъ въ царствѣ, объединенномъ страхомъ и изумленiемъ, и сдѣлалъ столь смѣшными аѳи-

---

[1] Подъ именемъ похода 1 000 грековъ извѣстенъ слѣдующiй эпизодъ, имѣющiй болѣе связи съ исторiей Персiи, нежели Грецiи. Братъ персидскаго царя Артаксеркса, Киръ, враждовалъ съ послѣднимъ и вступилъ въ открытую войну съ нимъ. Для этой цѣли онъ нанялъ отрядъ греческихъ воиновъ, главнымъ образомъ, спартанцевъ и аркадянъ, которые въ древности играли такую же роль наемнаго войска, какую въ XIV и послѣдующихъ вѣкахъ — швейцарцы. Потерпѣвъ пораженiе въ битвѣ, въ которой палъ самъ Киръ, греки эти съ большими трудностями вернулись на родину. Въ ихъ числѣ находился извѣстный историкъ Ксенофонтъ, который посвятилъ описанiю этого неудачнаго похода одно изъ своихъ сочиненiй, интересное, главнымъ образомъ, обилiемъ этнографическихъ данныхъ, касающихся народовъ, населявшихъ Малую Азiю и Арменiю. Несмотря на пораженiе, понесенное греками, походъ показалъ слабость персидской монархiи въ томъ смыслѣ, что обнаружилъ почти полную независимость сатраповъ (каковымъ былъ Киръ въ западной части Малой Азiи) отъ центральнаго правительства, которое для нихъ являлось почти иностранной державой (см. пр. на стр. 294). Это происходило въ концѣ пятаго вѣка (410 г.).

нянъ, которые сравнивали его съ дуракомъ греческаго миѳа. Прежде, чѣмъ онъ началъ осуществлять цѣль своей жизни, онъ осуществилъ одну очень важную мѣру экономической политики, начавъ войну съ Персіей, которая представлялась необходимой и изъ политическихъ разсчетовъ, и подъ вліяніемъ его происхожденія и личныхъ взглядовъ, а также вслѣдствіе настойчивыхъ побужденій со стороны иноземныхъ пословъ. Прежде всего Александръ объявилъ персидскому царству экономическую войну тѣмъ, что уничтожилъ постоянное отношеніе цѣнности золота къ серебру и обратилъ первое въ простой товаръ.

Войско, съ которымъ онъ выступилъ въ походъ, было лишь немного больше того, которымъ командовалъ въ Египетскомъ походѣ Наполеонъ, но зато оно представляло цвѣтъ греко-македонскихъ силъ и было во всеоружіи военнаго искусства и опыта. Личная борьба эллинской эпохи была замѣнена сомкнутыми рядами фаланги. Но уже Ксенофонтъ стремился къ раздробленію этой малоподвижной массы и къ установленію лучшей связи съ другими родами войска. Эпаминондъ разбилъ фалангу на двѣ боевыхъ единицы: оборонительную и наступательную, и установилъ болѣе тѣсную связь съ конницей. Филиппъ создалъ бой органическимъ оружіемъ; Александръ, удержавъ клинообразный строй Эпаминонда, возвращается къ старому порядку; правое крыло онъ предназначаетъ для аттаки. Въ войскѣ Александра битва снова разлагается на рядъ отдѣльныхъ столкновеній, какъ и въ героическую эпоху, но боевыми единицами являются не отдѣльныя личности, а отряды, которые проникнуты единымъ духомъ и потому представляютъ единое тѣло.

Еще при завоеваніи Египта, которое отдало въ руки грековъ весь бассейнъ Средиземнаго моря и создало центръ греческой всемірной торговли и обмѣна, Александрію, Александръ является осуществителемъ греческихъ мечтаній о будущемъ, вождемъ реванша, героемъ исократовыхъ, панэллинскихъ плановъ. Во второй періодъ своего развитія онъ хочетъ отрѣшиться отъ почвы своихъ отцовъ, которая дала ему силы, отъ идей своей націи, вдохновившихъ его, и завоевать персидское царство, слить воедино Востокъ и Западъ, и, такъ какъ въ своемъ Западѣ онъ увѣренъ, то послѣдній долженъ уступить первое мѣсто въ нравахъ и обычаяхъ Востоку. Глубоко проникнись восточнымъ духомъ, Александръ началъ съ того, что объявилъ себя сыномъ Зевса—Аммона. Первымъ звеномъ цѣпи, которая должна была сковать Востокъ съ Западомъ, былъ центръ имъ же основанной всемірной торговли и обмѣна: Александрія. Этотъ планъ, создать изъ человѣчества лигу міра, пробудилъ къ новой жизни полуисчезнувшія священныя нормы международнаго права Эллады; именно эта сторона его личности болѣе всего одушевляла эпоху, которая поставила человѣчество выше національности; оттого-то такъ и восторгаются Александромъ Монтень, Вольтеръ, Монтескье. Наконецъ въ послѣдній періодъ жизни Александра, когда божественность его была совершенно опредѣленно возведена въ принципъ, цѣлью себѣ онъ ставилъ уже не завоеваніе персидскаго царства, а покореніе міра.

Такимъ образомъ объединеніе Греціи, совершенное Филиппомъ, обратилось въ теодинастическую всемірную монархію, которая хотя и пала вмѣстѣ съ Александромъ, однако пережила его въ притязаніяхъ діадоховъ;[1] принципъ же божественности выступилъ затѣмъ особенно ярко въ Египтѣ. Къ огромному вѣнцу городскихъ колоній Александръ прибавляетъ блестящія колоніи въ завоеванныхъ имъ странахъ: Александрію, Александретту, Гератъ, Александрію въ Пенджабѣ. Онѣ завершили дѣло элли-

---

[2] Діадохами называются полководцы Александра, которые послѣ его смерти раздѣлили между собою его огромную имперію и стали родоначальниками египетской династіи Птоломеевъ, Сирійской — Селевкидовъ и т. д.

низаціи и греческій языкъ сдѣлали международнымъ. Къ скиѳамъ, иберійцамъ, кельтамъ, римлянамъ — прибавились теперь сирійцы, индусы, персы, бактряне; индійское искусство и поэзія испытали на себѣ вліяніе Греціи, а научный интересъ къ астрономіи, медицинѣ, философіи — проникъ до береговъ Инда и Ганга.

Но и для культуры Греціи результаты походовъ Александра также имѣли весьма важныя послѣдствія. Греческая наука, съ Аристотелемъ и Теофрастомъ во главѣ, столѣтія посвятила обработкѣ огромнаго новаго матеріала. Искусство освободилось отъ провинціальнаго застоя, и ваятель Лизиппъ[1] создалъ великія, глубоко улавливающія внутренній смыслъ статуи, прежде всего Александра, воспитавшись на успѣхахъ аѳинскаго и аргосскаго ваянія и на живописи своей родины. Историки соединяли у себя и искусство, и науку и создали, благодаря широтѣ горизонтовъ эпохи и сравненію основныхъ типовъ человѣческихъ характеровъ, литературные портреты. Почву для этого приготовилъ Сократовскій кружокъ, который занимался тщательными изысканіями въ области психологическихъ и нравственныхъ понятій, а также и исократовское направленіе, которое въ Энкоміонѣ, въ хвалебномъ словѣ, должно было ближе подойти къ внутреннему міру человѣка, чтобы имѣть возможность изобразить его ярче, чѣмъ обыденными красками.

Личный планъ Александра Великаго, который увлекъ Грецію на неизвѣданные еще пути, не удался: но при политическомъ сліяніи Востока и Запада потерпѣлъ крушеніе и величайшій въ исторіи космополитъ.

Правовое развитіе Греціи.

Еще въ древности установился взглядъ, что исторія Греціи интересна, главнымъ образомъ, своею богатою философіей, что вся творческая энергія эллиновъ была истрачена на созданіе безсмертныхъ образцовъ пластическаго искусства и великихъ философскихъ системъ, въ то время, какъ Римъ сосредоточилъ всѣ свои духовныя силы на своей замѣчательной системѣ права, а Іудея на религіозномъ ученіи. Хотя мы далеко уже ушли отъ ученія объ историческомъ призваніи отдѣльныхъ народовъ, объ особенностяхъ народнаго духа, однако, нельзя сказать, чтобы по отношенію къ народамъ классическаго міра мы вполнѣ отрѣшились отъ философско-исторической аксіомы, формулированной еще талмудическими мудрецами: Богъ далъ Израилю молитвенную мантію, эллинамъ палліумъ философа, римлянамъ — тогу. До сихъ поръ еще исторія греческаго искусства и философіи заслоняетъ судьбы другихъ сторонъ греческой культуры, особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя вѣковымъ предразсудкомъ считаются монопольнымъ достояніемъ Іудеи и Рима, т.-е. ре-

[1] Лизиппъ былъ характернымъ представителемъ своего времени, такъ какъ въ его творчествѣ вполнѣ опредѣленно отразилось измѣненіе взгляда на задачи художественнаго воспроизведенія, которое отличаетъ художниковъ четвертаго вѣка отъ ихъ великихъ предшественниковъ въ пятомъ. Въ то время какъ послѣдніе стремились передать по возможности точно пропорціи человѣческаго тѣла, объективнымъ и детальнымъ изученіемъ натуры приблизиться къ ней, достигнуть такимъ путемъ идеальнаго реализма, художники, современные Лизиппу, преслѣдовали одну цѣль — передать непосредственное впечатлѣніе, не останавливаясь передъ уклоненіемъ отъ реальности, если этого требовалъ руководившій ими принципъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, характеризовалъ самъ Лизиппъ свое отличіе отъ одного изъ самыхъ типическихъ представителей идеальнаго реализма пятаго вѣка, Поликлета, который путемъ математически строгихъ измѣреній вывелъ среднюю пропорцію человѣческаго тѣла, руководствуясь ею при лѣпкѣ своихъ воплощающихъ идеалъ физической красоты статуй. Такое по существу различное отношеніе къ натурѣ стояло въ несомнѣнной связи съ измѣненіемъ сюжетовъ творчества: въ то время, какъ въ пятомъ вѣкѣ изображали по преимуществу спокойныя состоянія духа, не рискуя воспроизводить сильныхъ движеній, скульптура четвертаго и послѣдующихъ вѣковъ занялась сильно драматическими сюжетами, при которыхъ импрессіонизмъ Лизиппа и его школы представляется почти вынужденнымъ. Иногда это стремленіе передать впечатлѣніе, подчеркнуть въ восприятіи характерную сторону изображаемой фигуры приводило къ нѣкоторому увеличенію или вообще измѣненію пропорцій человѣческихъ формъ, чѣмъ вызывался опредѣленный эффектъ (напр. мускулатура на извѣстной статуѣ Геркулеса Фарнезскаго).

лигіи и права. А между тѣмъ, послѣднее, благодаря особымъ условіямъ, въ которыя были поставлены государства древней Греціи, въ своемъ развитіи получило нѣкоторыя особенности, характерно отличающія его отъ римскаго и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ставящія его выше послѣдвяго. Поэтому, въ дополненіе къ разбросаннымъ тамъ-сямъ на предшествующихъ страницахъ замѣчаніямъ объ отдѣльныхъ законодательныхъ актахъ, было бы не лишнее присовокупить хотя бы краткій обзоръ, какъ тѣхъ условій, которыя создали греческому праву это исключительное положеніе, такъ и самыхъ особенностей его. Необъединенное, какъ римское, въ систему трудами замѣчательныхъ юристовъ, не оказавшее поэтому сильнаго непосредственнаго вліянія на правовую жизнь современныхъ государствъ, оно тѣмъ не менѣе въ высшей степени важно и интересно для всесторонняго освѣщенія греческой культуры.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ условій существованія греческихъ государствъ была сравнительно очень небольшая величина, какъ въ отношеніи территоріи, такъ и общей цифры населенія, особенно если имѣть въ виду только полноправныхъ гражданъ. Это чисто количественное отличіе государствъ эллинскаго міра отъ римской имперіи или отъ современныхъ политическихъ единицъ, при сравненіи развитія государственнаго строя, эволюціи правосознанія въ тѣхъ и другихъ, становится качественнымъ: въ то время, какъ въ большомъ государствѣ каждому отдѣльному гражданину его нужно обладать довольно сильно развитой способностью отвлеченія, чтобы представить себѣ государственные интересы и нужды, какъ нѣчто отдѣльное отъ своихъ личныхъ, эгоистическихъ или групповыхъ разсчетовъ, въ маленькомъ связь между собою и коллективной политической единицей, свое мѣсто въ послѣдней, свои отношенія къ другимъ индивидамъ, составляющимъ данное государство, каждому представляется болѣе наглядно, болѣе конкретно, само государство является вполнѣ реальнымъ, близкимъ, понятнымъ фактомъ, а не туманной отвлеченностью. Благодаря этому здѣсь скорѣе развиваются публично-правовые элементы, съ большей отчетливостью и рѣзкостью выступаетъ государственный интересъ; суверенитетъ государства здѣсь менѣе узурпируется промежуточными между нимъ и отдѣльной личностью — группами, причемъ такое непосредственное подчиненіе индивида политической единицѣ достигается безъ того долгаго и труднаго процесса централизаціи, который необходимъ въ большихъ государствахъ, вынужденныхъ бороться съ феодальной разобщенностью. Кромѣ того, почти полная однородность условій, въ которыхъ живутъ члены небольшого греческаго государства, позволяетъ распространить нормативную дѣятельность послѣдняго на такія стороны жизни, которыя въ крупной политической единицѣ не могутъ быть втиснуты въ одинъ общій для всей территоріи, для всего населенія шаблонъ. Поэтому, область экономической и финансовой политики, полиція нравовъ и т. п. пріобрѣтаетъ болѣе широкіе предѣлы, чѣмъ въ большихъ государствахъ. Наконецъ, существованіе на незначительной, въ сущности говоря, территоріи множества отдѣльныхъ государствъ неминуемо должно было привести къ широкому развитію международной этики и нормъ международнаго права, причемъ частое противопоставленіе политическихъ интересовъ несомнѣнно оказывало вліяніе и на обостреніе сознанія связи гражданина съ государствомъ. Итакъ, даже этотъ бѣглый обзоръ условій развитія государственности и правовыхъ нормъ у грековъ показываетъ, что въ Элладѣ создалась весьма своеобразная атмосфера, которая должна была очень рѣзко отразиться на плодахъ этого развитія, на отдѣльныхъ проявленіяхъ правовой жизни греческихъ государствъ.

И дѣйствительно, даже въ тѣхъ жалкихъ, отрывочныхъ свѣдѣніяхъ, какія мы имѣемъ, о юридическомъ бытѣ древнихъ грековъ, совершенно явственно выдѣляются тѣ особенности греческаго права, существованіе которыхъ заставляютъ предполагать самыя условія, при которыхъ оно развивалось.

Гражданскія права въ Римѣ подвергались сильному ограниченію со стороны отца каждаго гражданина, такъ какъ родительская власть была абсолютной и передъ нею преклонялось даже государство. Отецъ по отношенію къ сыну обладалъ несравненно большей властью, чѣмъ государство. Въ Греціи, напротивъ того, гдѣ на первомъ планѣ стояла власть коллективной единицы, конечно, не могла быть терпима столь сильная узурпація суверенныхъ правъ государства частнымъ лицомъ, хотя бы отцомъ. Здѣсь сынъ, съ достиженіемъ совершеннолѣтія, становился вполнѣ независимъ отъ отцовскаго произвола и лишь сохранялъ обязанности чисто матеріальнаго свойства (напр., обязанность содержать престарѣлаго отца), которыя могли даже отпадать, если отецъ не научилъ сына ремеслу, позволяющему послѣднему честно зарабатывать хлѣбъ. Точно также сравнительная слабость всѣхъ видовъ частной личной зависимости отражалась въ Греціи и на положеніи женщинъ: имущественная зависимость жены отъ мужа здѣсь была гораздо слабѣе, чѣмъ въ Римѣ, хотя жена и не признавалась вполнѣ правомочнымъ лицомъ и находилась подъ постоянной опекой отца, мужа или родственниковъ.

Въ связи съ этимъ стремленіемъ государства уничтожить или ослабить низшіе виды личной зависимости, не допустить феодализаціи общества, стоитъ и сравнительно лучшее въ правовомъ отношеніи положеніе рабовъ и вольноотпущенниковъ. Въ то время, какъ въ Римѣ рабъ представлялъ полную собственность господина, не считался юридическимъ лицомъ и, какъ таковой, могъ быть безнаказанно убитымъ, искалѣченнымъ, Греція, главнымъ образомъ, Аѳины, напротивъ того, карала за убійство раба совершенно одинаково, какъ и за убійство свободнаго гражданина. Въ значительной мѣрѣ это гуманное покровительство безправнымъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что со временъ Дракона еще

(см. пр. 2 на стр. 275) аѳиняне усвоили себѣ взглядъ на убійство и на преступленіе вообще, какъ на явленіе анти-общественное, какъ на публичное, а не на частное правонарушеніе и стремились карать за него независимо отъ матеріальной стороны проступка. Во всякомъ случаѣ, отвѣтственность за убійство раба знаменуетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что личная зависимость раба въ Аѳинахъ была слабѣе, чѣмъ въ Римѣ. То же самое слѣдуетъ отмѣтить и въ положеніи вольноотпущенныхъ, которые въ античныхъ государствахъ не пользовались самостоятельными правами и нуждались въ патронѣ, который оказывалъ бы имъ покровительство передъ закономъ и сообщалъ юридическую правоспособность. Такимъ образомъ, состояніе вольноотпущеннаго должно быть охарактеризовано, какъ одинъ изъ видовъ личной частной зависимости. И въ Римѣ эта зависимость была опять-таки сильнѣе, чѣмъ въ Греціи. Это видно хотя бы изъ того закона, который запрещалъ судебнымъ властямъ отдавать вновь вольноотпущенника подъ покровительство человѣка, который имѣлъ бы поводъ недоброжелательно относиться къ своему вассалу, напр., если послѣдній поднялъ въ судѣ процессъ противъ своего бывшаго патрона. А между тѣмъ въ Римѣ кліентъ въ такихъ случаяхъ, если онъ проигрывалъ дѣло — отдавался въ полное распоряженіе патрона, какъ бы въ наказаніе за свою неблагодарность великодушному покровителю.

Но за то, чѣмъ болѣе греческое законодательство обнаруживало тенденцію оградить личность отъ стѣсненія и ограниченія ея свободы со стороны частныхъ лицъ или корпорацій, тѣмъ болѣе стремилось оно использовать эту свободу въ интересахъ всего цѣлаго. Освобождая своихъ гражданъ съ одной стороны, государство, съ другой, налагало на нихъ такое множество обязанностей, старалось подвергнуть регламентаціи такія стороны жизни, что дало этимъ поводъ говорить о крайнемъ подавленіи личности въ Греціи общественнымъ началомъ. Не говоря уже о множествѣ натуральныхъ повинностей, которыя были возложены на гражданъ, какъ непосредственное личное участіе въ судебныхъ, законодательныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, мы должны отмѣтить хотя бы необычайно строгую отвѣтственность за мельчайшія нарушенія обязанностей, налагаемыхъ отправляемой государственной должностью. Законъ караетъ не только преступное дѣяніе въ этомъ направленіи, но и самую возможность его. Такъ, напр., гражданинъ, на котораго возложено народомъ какое-нибудь порученіе, привлекался къ суду, если принималъ отъ иностранца подарокъ, хотя бы послѣдній и не носилъ характеръ подкупа, взятки или чего-нибудь подобнаго. Самая возможность того, что благодаря подарку, интересы отечества могутъ въ избранникѣ, принявшемъ его, встрѣтить менѣе горячаго и безкорыстнаго защитника, что стимуломъ его дѣйствій, хотя бы безсознательно, могутъ стать посторонніе интересы — самая возможность казалась грекамъ уже опасной, угрожающей благополучію государства, а, слѣдовательно, человѣкъ, создавшій ее своимъ, по существу невиннымъ, поступкомъ, долженъ былъ подлежать примѣрно строгому наказанію, которое совершенно не разнилось отъ того, какое полагалось въ случаѣ дѣйствительнаго подкупа. Вообще, фактически или потенціально причиненный государству вредъ карался весьма строго и при этомъ спасти отъ наказанія не могла даже формальная невиновность того, кто считался виновникомъ зла. Такъ, напр., если какой-нибудь вновь принятый законъ оказывался на практикѣ невыгоднымъ для государства, то послѣднее считало себя въ правѣ возбуждать процессъ противъ иниціатора его, несмотря даже на то, что законъ этотъ прошелъ во всѣхъ законодательныхъ инстанціяхъ, въ совѣтѣ 500, въ народномъ собраніи и черезъ руки архонтовъ-законодателей. Автору такого законопроекта, возбуждавшаго неудовольствіе послѣ законодательной санкціи его, вмѣнялось въ вину неправильное освѣщеніе выгодъ своего предложенія, причемъ совершенно не допускалась возможность непроизвольной ошибочности теоретическаго разсчета, который никакъ не можетъ оправдаться на практикѣ. Такая выходящая за предѣлы справедливости охрана государственныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе совершенно соотвѣтствуетъ общему духу греческой государственности съ ея оригинальнымъ сочетаніемъ свободы и подчиненія личности.

Гражданинъ своимъ поведеніемъ могъ приносить вредъ или пользу своему отечеству и внѣ оффиціальнаго служенія ему; посвященіе себя той или иной дѣятельности для добыванія средствъ къ жизни могло отозваться на жизни государства и послѣднее регламентируетъ и тѣ моменты жизни человѣка, которые онъ имѣетъ, повидимому, право посвятить исключительно себѣ, вмѣшивается въ его частную жизнь. Считая праздность ненормальнымъ и нежелательнымъ явленіемъ въ обществѣ, аѳинское государство установило законъ, въ силу котораго противъ каждаго гражданина, не имѣющаго опредѣленныхъ занятій, могъ быть начатъ процессъ, грозившій серьезнымъ наказаніемъ. Съ такой же точки зрѣнія правительство считало себя обязаннымъ вмѣшиваться въ воспитаніе дѣтей, обязывая отцовъ обучать своихъ сыновей ремеслу; правда, этотъ законъ не былъ закрѣпленъ никакой санкціей со стороны государства, которое не налагало за нарушеніе его никакихъ положительныхъ наказаній, но косвенно исполненіе его было обезпечено тѣмъ, что отецъ, не научавшій сына самостоятельно зарабатывать честнымъ трудомъ деньги, тѣмъ самымъ лишался права на поддержку дѣтей въ старости: послѣдніе не имѣли никакихъ обязанностей по отношенію къ беззаботному отцу.

Подобно тому, какъ высокое представленіе о правахъ государства по отношенію къ личности ослабляло всѣ иныя формы личной зависимости, однородное дѣйствіе оказывало оно и на вещное право древней Греціи. И въ этой сферѣ сильное сознаніе обще-государственнаго интереса и авторитета не допускало широкаго развитія права распоряженія своей собственностью, особенно недвижимою. Поэтому, въ нѣкоторыхъ государствахъ было

запрещено отчужденіе наслѣдственныхъ земель, было сильно ограничено право завѣщанія, а мѣстами и вовсе не существовало. Государство считало себя вправѣ регламентировать пользованіе собственностью, не отличая при этомъ таковой отъ простого владѣнія.

Въ этой же области слѣдуетъ отмѣтить довольно характерную особенность греческаго договора, выгодно отличающую послѣдній отъ римскаго. Даже не вдаваясь въ тонкія различія въ сущности самой сдѣлки въ Греціи и Римѣ, ограничиваясь только внѣшней стороною совершаемаго акта купли-продажи, аренды, займа, — документомъ, который обезпечиваетъ права и обязанности лицъ, вступающихъ между собой въ ту или иную сдѣлку, — мы должны констатировать большую архаичность римской системы регистраціи договора, сравнительно съ греческой. Въ то время, какъ въ Римѣ договоръ только протоколируетъ тѣ дѣйствія, которыя издревле служили символомъ передачи правъ собственности или владѣнія на вещь однимъ человѣкомъ другому (передача изъ рукъ въ руки, наложеніе руки и т. п.), такъ что центръ тяжести переносился именно на эти дѣйствія, а не на письменный актъ, въ Греціи послѣдній подробно излагалъ сущность совершаемой сдѣлки и самъ по себѣ служилъ источникомъ права для одного изъ контрагентовъ и доказательствомъ обязанностей другого. Благодаря этому, договоръ принималъ въ Греціи менѣе косныя формы, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ съ большей, нежели въ Римѣ, свободой, могъ быть обставленъ спеціальными условіями: создавать лишніе пункты письменнаго договора гораздо легче, чѣмъ традиціонныя символическія дѣйствія.

Наиболѣе характерное выраженіе общая тенденція греческаго права получила въ уголовныхъ законахъ, на которыхъ всегда рѣзче всего обозначается степень развитія государственной идеи: разсматривается ли уголовное преступленіе, какъ ненормальное въ обществѣ явленіе, какъ нарушеніе государственнаго интереса, или въ немъ усматривается только одна внѣшняя сторона, одно непосредственное его дѣйствіе — нарушеніе частныхъ интересовъ того лица, противъ котораго оно направлено—служитъ наилучшимъ показателемъ того, насколько глубоко проникла въ сознаніе членовъ общества мысль о связи, объединяющей ихъ въ единое цѣлое, создающей изъ ихъ совокупности нѣкоторую суверенную силу, извнѣ налагающую на нихъ обязанности гражданскаго общежитія. Уже раньше приходилось отмѣчать, что пониманіе общаго значенія уголовнаго преступленія не чуждо было грекамъ въ сравнительно очень раннюю эпоху изъ историческаго существованія (см. пр. о Драконѣ на стр. 275). Тогда оно выразилось только въ лѣстницѣ наказаній. Но этого очень мало. Естественнымъ слѣдствіемъ, которое вытекаетъ изъ взгляда на преступленіе, какъ на причиненіе вреда не столько личности, сколько государству, является то, что государство считаетъ себя обязаннымъ защищаться, не оставляя инипіативы возбужденія процесса противъ виновнаго на потерпѣвшемъ отъ преступленія частномъ лицѣ, которое изъ своихъ личныхъ соображеній можетъ оставить преступника безнаказаннымъ. Такимъ образомъ путь, на который Аѳины вступили еще при Драконѣ, естественно приводилъ къ замѣнѣ института частнаго обвиненія, характеризующаго низшія стадіи юридическаго развитія, институтомъ обвиненія государственнаго, т. е. къ созданію учрежденія, соотвѣтствующаго нашей прокуратурѣ. Государство должно было стать стороною въ каждомъ уголовномъ процессѣ. И если нельзя указать въ рядахъ греческихъ магистратовъ лицъ, которые бы соотвѣтствовали нашимъ прокурорамъ то во всякомъ случаѣ можно отмѣтить цѣлый рядъ случаевъ, когда правительство черезъ посредство то однихъ, то другихъ органовъ своихъ выступало въ роли обвинителя, въ роли стороны въ уголовномъ процессѣ. Конечно, раньше всего государство стало выступать обвинителемъ въ такихъ дѣлахъ, гдѣ оно являлось непосредственно потерпѣвшей стороной, когда преступленіе было направлено противъ какихъ-нибудь органовъ его. Такъ, напримѣръ, нарушеніе порядка въ народномъ собраніи каралось какъ весьма серьезное преступленіе и процессъ въ этомъ смыслѣ всегда возбуждался предсѣдателемъ его. Не менѣе охранялось спокойное функціонированіе и другихъ правительственныхъ органовъ, которые всегда являлись обвинителями въ процессахъ, ими возбужденныхъ. Далѣе, государство начинаетъ практически сознавать за собой обязанность принять подъ свою защиту тѣхъ, кто лишился своихъ естественныхъ покровителей, которые могли бы явиться частными обвинителями въ судѣ, если бы противъ опекаемыхъ было совершено какое-либо преступленіе. Такими беззащитными существами являются вдовы и сироты и вотъ мы видимъ, что аѳинское правительство въ лицѣ архонта-эпонима беретъ на себя инипіативу возбуждать процессъ противъ тѣхъ, кто причинилъ имъ какой-нибудь вредъ. Такого рода дѣла пріучаютъ правительство къ мысли, что оно, коллективная единица, можетъ и должно выступать на защиту интересовъ своихъ гражданъ въ судѣ, и кругъ дѣлъ, въ которыхъ обвинителемъ является не частное лицо, а оффиціальное, мало-по-малу расширяется. Все больше и больше количество простунковъ, непосредственно вредящихъ только одному или нѣсколькимъ опредѣленнымъ лицамъ, возводятся въ акты государственной важности, и все чаще и чаще появляется въ судѣ представитель правительства для защиты интересовъ цѣлаго, попранныхъ въ индивидуальномъ случаѣ. Такъ, дѣла противъ разбойниковъ возбуждаются коллегіей одиннадцати, хотя бы самъ потерпѣвшій и не жаловался. Правильное пользованіе мѣрами длины, емкости, вѣса, и т. д. служитъ предметомъ спеціальнаго надзора со стороны назначенныхъ для того магистратовъ, метрономовъ, которые и являются иниціаторами обвиненія въ обманѣ въ случаѣ обнаруженія ими преступленій въ этой области. Такимъ образомъ создался въ греческомъ правѣ институтъ государственнаго

обвиненія, который не былъ знакомъ праву римскому. Впрочемъ, не сразу совершился переходъ отъ частной жалобы къ публично-правовому процессу въ только что описанной формѣ. Промежуточнымъ моментомъ было предоставленіе всѣмъ гражданамъ, хотя бы они не были потерпѣвшими и не имѣли съ послѣдними никакихъ связей, родственныхъ или др., права инициативы судебнаго обвиненія. Такимъ образомъ въ греческомъ государствѣ каждый гражданинъ былъ уже прокуроромъ и при этомъ вѣроятность того, что ни одно преступленіе, нарущающее обще-государственные интересы, не останется безнаказаннымъ, считалась настолько значительной, что въ специальномъ обвинительномъ органѣ надобность ощущалась въ значительно меньшей мѣрѣ, чѣмъ при отсутствіи этого суррогата государственнаго обвиненія. Такимъ образомъ, это разсѣяніе обвинительной прерогативы государства во всѣхъ гражданахъ замедлило процессъ скопленія ея въ одномъ фокусѣ — прокуратурѣ, примѣры которой въ древней Греціи могутъ быть приведены благодаря этому въ очень немногихъ случаяхъ. Чтобы пресѣчь злоупотребленіе предоставленнымъ всѣмъ гражданамъ правомъ возбуждать процессъ и быть обвинительною стороною въ немъ, государство было вынуждено наложить строгое наказаніе за неправильное обвиненіе и это въ значительной степени ослабляло гарантію въ томъ, что ни одинъ преступникъ не останется безнаказаннымъ. Такъ или иначе, но Греція остановилась на переходной стадіи развитія уголовнаго процесса, когда вполнѣ развившаяся идея государственнаго обвиненія и публичнаго характера уголовнаго преступленія не нашла еще вполнѣ адэкватнаго выраженія въ строѣ государства и лишь отчасти повліяла на него рѣшительно.

На ряду съ такими симптомами высокаго развитія государственности (сравнительно хотя бы съ Римомъ) въ Греціи сохранились въ качествѣ пережитковъ и слѣды довольно первобытнаго состоянія права. И это нисколько не удивительно. Перечисленныя выше условія способствовали необычайно скорому росту государственнаго правосознанія, а слишкомъ быстрый темпъ процесса не позволялъ всѣмъ элементамъ юридическаго быта развиваться равномѣрно, поспѣвать за быстро переходящими отъ одной стадіи къ другой отмѣченными въ предшествующихъ строкахъ прогрессивными явленіями въ области права: быстрота процесса всегда совершается на счетъ его равномѣрности.

Къ числу такихъ архаизмовъ древне-греческаго права слѣдуетъ отнести, напримѣръ, предоставленіе права преслѣдованія убійцы однимъ только близкимъ родственникамъ убитаго. Ни само государство не считало нужнымъ вмѣшаться въ тѣхъ случаяхъ, когда родственники эти почему либо не привлекали преступника къ суду, ни даже не предоставляло сдѣлать это любому изъ гражданъ, какъ это было по отношенію къ другимъ преступленіямъ. Такимъ образомъ, преслѣдованіе убійцы сохраняло въ существенныхъ чертахъ характеръ родовой мести, совершенно не гармонирующей со всей совокупностью уголовныхъ нормъ. Еще болѣе проникнуто духомъ давно прошедшихъ временъ и исчезнувшихъ нравовъ полуосѣдлаго народа право самосуда, предоставленное въ Аѳинахъ оскорбленному мужу, который поймалъ на мѣстѣ преступленія обольстителя своей жены. Этотъ преувеличенный священный характеръ семьи, поставленіе внѣ закона человѣка, посягнувшаго на неприкосновенность, святыню семейнаго очага, самая грубость расправы—обольстителя можно было безнаказанно убить—все это весьма напоминаетъ блаженныя патріархальныя времена и звучитъ диссонансомъ въ развитомъ политически государствѣ. Въ данномъ случаѣ правительственная санкція суда Линча не являлась простой уступкой чувству негодованія, возмущенія оскорбленнаго супруга: санкціонировалось не только чувство, но и самый поступокъ, такъ какъ убійца-мужъ могъ дѣйствовать совершенно спокойно и съ разсчетомъ, нисколько не подвергая себя опасности быть обвиненнымъ въ предумышленномъ убійствѣ.

Весьма характерно также для не сложившагося еще, находящагося въ процессѣ созиданія права, какимъ по всѣмъ приведеннымъ признакамъ было греческое, и не проведенное послѣдовательно раздѣленіе законодательныхъ и судебныхъ учрежденій: наиболѣе ярко это выражалось въ предоставленномъ судьямъ правѣ создавать ad hoc норму закона въ тѣхъ случаяхъ, когда прежній законъ не давалъ возможности разрѣшить дѣла, не предусматривалъ того или иного случая. Въ этомъ очень опредѣленно сказывалось происхожденіе общихъ правовыхъ нормъ изъ единичныхъ судебныхъ рѣшеній или то, что юристы называютъ казуистическимъ характеромъ законодательства. Такимъ образомъ, законъ въ древней Греціи не былъ чѣмъ то устойчивымъ, застывшимъ; онъ постоянно дополнялся самой жизнью, разростался и, конечно, при такомъ способѣ восполненія пробѣловъ не могъ сохранить единства принциповъ, стройности системы, чѣмъ и объясняются тѣ несообразности, съ которыми намъ приходилось сталкиваться.

Строгаго соблюденія общихъ принциповъ права у грековъ, вообще, не было и даже не всегда соблюдалось такое естественное, элементарное правило, какъ то, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія. Самому неразвитому уму должно было представляться вполнѣ ясно, что нельзя наказывать человѣка за нарушеніе того закона, который не существовалъ въ моментъ совершенія поступка. Тѣмъ не менѣе, случаи обратнаго дѣйствія извѣстны и они отнюдь не служатъ симптомами высокаго развитія правосознанія въ данномъ отношеніи, такъ что и этотъ моментъ слѣдуетъ отнести къ числу тѣхъ, которые не поспѣли за наиболѣе прогрессивными элементами греческаго права и отсталостью своей мѣшаютъ намъ назвать совершенной ту замѣчательную высоту, какой достигла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ греческая мысль, направленная на правовые вопросы, высоту, кото-

рая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошла даже уровень римскаго права. Послѣднее испытало на себѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вліяніе эллинскаго, но болѣе склонный къ систематизаціи умъ римлянъ сгладилъ всѣ неровности и тѣмъ понизилъ наиболѣе высокіе пункты его, понявъ за то и уничтоживъ отмѣченные архаизмы.

Весь разсмотрѣнный въ этомъ очеркѣ процессъ развитія права грековъ (главнымъ образомъ Аѳинъ) продолжался всего около 2-хъ вѣковъ. Крайніе пункты его, извѣстные намъ—это законодательство Дракона и эпоха передъ Македонскимъ завоеваніемъ, когда жили знаменитѣйшіе ораторы, рѣчи которыхъ являются главнѣйшимъ источникомъ для ознакомленія съ правомъ древнихъ грековъ.

Экономическое развитіе Греціи послѣ Пелопоннесской войны.

Въ дополненіе къ фактамъ экономической исторіи Греціи, разсказаннымъ на предшествующихъ страницахъ необходимо добавить нѣсколько замѣчаній, чтобы рѣзче подчеркнуть значеніе явленій этой категоріи въ общемъ ходѣ развитія эллинскихъ государствъ.

Основная тенденція развитія народнаго хозяйства заключалась въ постепенномъ переходѣ отъ жизни земледѣльческаго государства къ торгово-промышленному. Зачатки расширенія торговли и промышленности отразились еще въ зарожденіи монетнаго дѣла, въ переходахъ отъ одной системы мѣръ и вѣсовъ къ другой (см. стр. 268). Со времени Пелопоннесской войны развитіе въ этомъ направленіи пошло болѣе скорымъ темпомъ и выразилось въ цѣломъ рядѣ симптомовъ, ярко обозначившихъ, какъ далеки были времена возвышенія военныхъ государствъ отъ хронологически недалекой эпохи греко-персидскихъ войнъ и вѣка Перикла. Въ чемъ же выразился прогрессъ экономической жизни?

Прежде всего, конечно, необходимо остановиться на земледѣліи: оно играло раньше такую выдающуюся роль въ хозяйственной жизни страны, какъ это показало, напримѣръ, законодательство Солона — земля и ея плоды были главными цѣнностями въ то время— и оно, само собою разумѣется, прежде всего должно было отозваться на новыя вѣянія. И дѣйствительно, сравнительно мало интенсивная культура какъ разъ въ эту эпоху начинаетъ замѣняться болѣе интенсивными; двухпольная система, безраздѣльно царившая до сихъ поръ на поляхъ Эллады, переходитъ мѣстами въ трехпольную: но главный прогрессъ сельскаго хозяйства заключался не въ этомъ. Почва Греціи не допускала очень интенсивныхъ системъ хлѣбосѣянія: она гораздо въ большей степени была пригодна для винноградарства и разведенія оливковыхъ садовъ. И вотъ, начинается постепенная замѣна хлѣбныхъ полей виноградниками и садами, которые позволяютъ извлекать изъ земли большіе доходы, чѣмъ хлѣбные злаки. Въ виду этого дорожаетъ и самая земля, цѣна которой въ эту эпоху увеличивается вдвое, сравнительно съ тою, какая существовала на нее въ непосредственно предшествующее пелопоннесской войнѣ время. Это обстоятельство само по себѣ могло бы служить показателемъ совершившагося экономическаго переворота но рядомъ съ нимъ свидѣтельствуетъ о томъ же еще цѣлый рядъ фактовъ: одинъ изъ нихъ, наиболѣе характерный, заключается въ томъ, что земледѣльцы перестаютъ быть господствующимъ классомъ въ государствѣ. Въ высшей степени любопытны въ этомъ отношеніи тщетныя попытки немногихъ крупныхъ аѳинскихъ землевладѣльцевъ, земли которыхъ засѣвались хлѣбомъ, добиться обложенія ввозимаго изъ чужихъ странъ зерна охранительными пошлинами, такъ какъ безпрепятственный импортъ слишкомъ понижалъ цѣны на него и тѣмъ значительно уменьшалъ доходность ихъ имѣній. Но времена преобладанія ихъ въ государствѣ прошли, интересы ихъ должны были стушеваться передъ выгодами новыхъ народившихся торговыхъ и промышленныхъ слоевъ общества, передъ потребностью народа въ дешевомъ хлѣбѣ, котораго не могла уже давать Аттика въ достаточномъ количествѣ, и ввозъ хлѣба остался по прежнему свободнымъ, подрывая еще болѣе и безъ того низко павшее земледѣліе.

Развитіе вино- и маслодѣлія влекло за собой и общее поднятіе промышленности. Не говоря уже о привлеченіи большого количества рукъ къ обработкѣ сырья, винограда и оливъ, вмѣстѣ съ поднятіемъ этого промысла на степень крупнаго производства, предназначеннаго для вывоза за море, находитъ себѣ широкое примѣненіе и керамическая промышленность, которая въ городахъ древней Греціи играла такую же роль, какъ бочарное ремесло въ Рейнскихъ городахъ Средневѣковья: и то, и другое являлись служебнымъ по отношенію къ винодѣлію и расцвѣтъ ихъ шелъ рука объ руку съ послѣднимъ. Въ самомъ дѣлѣ, обезлѣсившаяся въ историческую эпоху Греція, не знала другихъ сосудовъ для храненія и перевозки вина, кромѣ глиняныхъ. Огромныя амфоры, довольно часто находимыя теперь археологами, играли тамъ роль нюрнбергскихъ бочекъ. И дѣйствительно, центры керамическаго производства совпадали съ мѣстами наиболѣе интенсивной культуры винограда, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ назвать на первомъ мѣстѣ Аѳины, Мегару, Эгину, Авлиду, нѣкоторые изъ острововъ Эгейскаго моря (Тазосъ, Хіосъ, Родосъ, Тенедосъ), Анфиссу во Ѳракіи и др. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ, напр., въ Аѳинахъ, производство достигло художественнаго совершенства и сосуды, изготовлявшіеся здѣсь, служили образцами повсемѣстнаго подражанія и вліяніе пріемовъ, вырабатывавшихся въ нихъ,

сказывалось далеко за предѣлами даннаго центра. Въ такихъ случаяхъ городъ сосредоточивалъ свои силы на этой художественной промышленности, а грубые сосуды для вина и масла получалъ изъ другихъ центровъ керамической промышленности (напр., Аѳины изъ Тазоса).

Изъ другихъ видовъ промышленности, которые развились въ Греціи довольно сильно, слѣдуетъ назвать тканье шерстяныхъ матерій и металлургическое производство. Развитіе перваго такъ же тѣсно связано съ переворотомъ сельско-хозяйственнымъ, какъ и ростъ виноделія: усиленіе шерстяного производства предполагаетъ уменьшеніе въ мѣстахъ его распространенія площади, распахиваемой подъ хлѣбъ, и обращеніе ея въ пастбища, необходимыя для обширнаго скотоводства, на почвѣ котораго только и можетъ вырости шерстяное производство. Такимъ образомъ, упадокъ земледѣлія обусловливается еще однимъ, новымъ факторомъ. Наиболѣе крупнымъ центромъ шерстяной промышленности былъ Коринѳъ, за нимъ слѣдовали Делосъ, Косъ, Теосъ и др. Ткани, выдѣлывавшіяся здѣсь, служили предметомъ вывоза въ другіе города и даже страны, особенно въ варварскія, гдѣ всѣ вообще продукты греческой промышленности цѣнились очень высоко.

Металлургическая промышленность отличалась довольно любопытной чертой, которая въ значительной мѣрѣ характеризуетъ сравнительную высоту, на какой стояла промышленность древней Греціи вообще. Вся обработка металла не была сосредоточена во всемъ своемъ объемѣ въ нѣсколькихъ центрахъ, поставлявшихъ весь металлическій матеріалъ, главнымъ образомъ, орудія и оружіе, во всѣ остальные города. Въ этой отрасли промышленности было проведено довольно послѣдовательно раздѣленіе труда между городами, при чемъ каждый центръ металлургической промышленности спеціализировался на опредѣленной категоріи металлическихъ предметовъ. При этомъ спеціализація заходила очень далеко: Халкида вырабатывала по преимуществу мечи; города Беотіи сосредоточили свои производительныя силы на фабрикаціи щитовъ, тогда какъ прочія части военскаго вооруженія дѣлались на Родосѣ. Кромѣ того славились своимъ оружіемъ и вообще металлическими предметами и другіе города въ разныхъ концахъ Греціи: Аргосъ, Спарта, Кипръ, Кизикъ и нѣкоторыя изъ отдаленныхъ колоній, какъ Марсель.

По всему этому видно, что несложность жизни и простота нравовъ патріархальныхъ временъ исчезали вмѣстѣ съ земледѣліемъ. Городъ Греціи, представлявшій собой не что иное, какъ соединеніе воедино нѣсколькихъ деревень, соединеніе, нисколько не лишавшее населеніе того земледѣльческаго характера, который присущъ былъ прежнимъ деревнямъ, теперь пріобрѣтаетъ совершенно иную физіономію. Горожанинъ и поселянинъ — два совершенно разныхъ человѣка: первый живетъ вдалекѣ отъ природы, чуждъ ей, не понимаетъ ея; съ презрѣніемъ онъ смотритъ на деревенщину, для которой каждый шагъ въ городѣ— поводъ для изумленія Въ комедіяхъ Аристофана уже появляются эти два типа, сопоставленіе которыхъ множество вѣковъ давало обильную пищу комикамъ. Типичнымъ горожаниномъ былъ Сократъ, который, судя по разсказу Платона (въ „Федрѣ“), никогда не выходилъ за предѣлы города, не цѣня красотъ сельской природы и не подозрѣвая, что такъ близко отъ него находится совершенно иной міръ. Еще болѣе характерно то обстоятельство, что всѣ идеалы греческихъ мыслителей въ области мечтаній о лучшемъ будущемъ для общества проникнуты аграрнымъ характеромъ; то самое, что тѣсно связанный съ землей городъ рисуется имъ (Ксенофонту, Аристофану, Платону и др.) только въ идеалѣ, показываетъ, что дѣйствительность не удовлетворяла ихъ въ этомъ смыслѣ. Съ другой стороны, промышленная и торговая жизнь не успѣла еще войти настолько въ плоть и кровь эллина, чтобы могли создаться сколько нибудь яркіе и опредѣленные идеалы въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ не слѣдуетъ и преувеличивать роли промышленности въ жизни классичесской Греціи, представлять себѣ ея промышленные центры чѣмъ то сходнымъ съ нашими, современмыми. Фабрики съ тысячами рабочихъ были, конечно, неизвѣстны тамъ. Обыкновенно число рукъ, которыя были заняты на нихъ, не превышало 50—60, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ, извѣстныхъ намъ, общее число рабочихъ одного промышленнаго заведенія доходило до 120 человѣкъ. Соотвѣтственно этому и общая цифра населенія крупныхъ промышленныхъ центровъ считалась не милліонами, и даже не сотнями тысячъ, а лишь въ рѣдкихъ случаяхъ доходила до 100 000. Такимъ приблизительно количествомъ населенія обладали Аѳины.

Раздѣленіе промышленнаго труда между городами, проведенное, какъ указано было выше, въ отдѣльныхъ случаяхъ весьма далеко, разростаніе фабричнаго производства за предѣлы удовлетворенія мѣстной потребности, обусловили неизбѣжно развитіе торговли. И дѣйствительно, въ эту эпоху возникаетъ цѣлый рядъ крупныхъ портовыхъ городовъ — торговля была по преимуществу морская: старые порты разростаются, основываются новые. Множество капиталовъ находятъ выгодное приложеніе къ торговлѣ. Денежныя операціи благодаря этому значительно усложняются, создаются на ихъ почвѣ новыя потребности, новыя формы промышленной дѣятельности. Огромный рискъ, связанный съ морской торговлей, не позволяетъ одному лицу брать на себя одного веденія дѣла: одна буря могла бы лишить капиталиста всего его состоянія. Поэтому на почвѣ морской торговли развивается форма коллективнаго предпріятія, товарищество на паяхъ, гдѣ рискъ распредѣляется между нѣсколькими лицами. Благодаря этому создается возможность получать доходы съ своего капитала, не прилагая къ нему личнаго труда, открывается дорога цѣлому классу рантье. Однообразная форма ростовщичества, знакомая намъ по законодательству Солона — дача денегъ подъ залогъ земли — смѣняется разнообразными способами вы-

годнаго помѣщенія капитала. Оживленіе промышленной жизни и созданіе денежнаго рынка привлекаетъ къ нему капиталы, которые до сихъ поръ оставались мертвыми: при храмахъ, особенно пользовавшихся преимущественнымъ уваженіемъ, какъ храмъ Аполлона въ Дельфахъ, на Делосѣ, храмъ Артемиды въ Эфесѣ и т. д., скопились большія богатства изъ денегъ, отдававшихся благочестивыми людьми на храненіе подъ покровительство божества; храмъ былъ самымъ вѣрнымъ, если не самымъ выгоднымъ хранилищемъ накопленныхъ капиталовъ. Кромѣ того огромныя суммы принадлежали самимъ храмамъ; онѣ составлялись изъ приношеній вѣрующихъ, изъ доходовъ съ храмовыхъ земель и т. п. Всѣ эти мертвые капиталы находятъ теперь примѣненіе себѣ, начинаютъ мало-по-малу изъ мрака храмовыхъ сокровищницъ появляться на свѣтъ Божій. Храмъ становится мѣстомъ весьма оживленныхъ финансовыхъ операцій, около него сосредоточиваются всѣ, имѣющіе прикосновенность къ денежному рынку. Частные предприниматели вступаютъ въ конкурренцію съ олимпійцами: они предлагаютъ болѣе выгодныя условія тѣмъ, кто согласится ввѣрить имъ, а не богу, свои капиталы. Тутъ же подъ сводами храма они разставляютъ свои столики и производятъ всѣ денежные счеты. Храмъ становится чѣмъ-то вродѣ нашей биржи.

Другое удобное примѣненіе форма товарищества, коллективнаго предпріятія, находила въ откупѣ государственныхъ доходовъ, который требовалъ довольно большихъ капиталовъ, которыми рѣдко обладало въ то время отдѣльное лицо. Значительная доля мелкихъ капиталовъ объединялась и для этой цѣли. Дѣло это, какъ свидѣтельствуютъ отдѣльные примѣры, извѣстные намъ, приносило большіе доходы и, въ иныхъ случаяхъ, крупные капиталы въ древней Греціи создавались именно этимъ путемъ.

Рисуя торговую жизнь страны, какъ оживленное обращеніе капиталовъ, мы, какъ и по отношенію къ промышленности, должны остерегаться отъ увлеченія размѣрами ея, отъ представленія банкировъ Эллады въ образѣ нашихъ финансистовъ, торговыхъ портовъ ея — чѣмъ-нибудь вродѣ Лондона, Гамбурга и т. д. Для того, чтобы придать картинѣ торгово-промышленной жизни Греціи правильную перспективу, достаточно привести лишь нѣсколько статистическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о ея истинныхъ размѣрахъ, о степени ея сходства съ современностью. Общая сумма годовыхъ оборотовъ аѳинскаго порта въ десятки разъ ниже соотвѣтствующихъ цифръ въ нынѣшнихъ крупныхъ торговыхъ центрахъ. Количество ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ несравненно меньше, чѣмъ теперь. Другое данное, сразу позволяющее намъ представить себѣ масштабъ, которымъ измѣряется торговая жизнь Эллады, — это случайно сохранившаяся до насъ цифра, обозначающая величину одного изъ крупнѣйшихъ греческихъ капиталовъ этого времени, принадлежавшаго откупщику и обладателю фабрикъ, аѳинянину Пазіону. На наши деньги, его состояніе достиприблизительно до полумилліона рублей — цифра совершенно незначительная, если сравнить ее съ милліонами и милліардами рублей, необходимыхъ въ наше время для того, чтобы дать право обладателю ихъ называться самымъ богатымъ человѣкомъ въ своей странѣ. Но даже въ томъ случаѣ, если бы не сохранились эти цифры, позволяющія намъ непосредственно сличить отдаленное прошлое съ настоящимъ, то по размѣрамъ сооруженій, которыми пользовались древніе греки при своихъ торговыхъ операціяхъ, можно было бы судить довольно опредѣленно объ истинныхъ размѣрахъ греческой торговли: для этого достаточно было бы бросить взглядъ на портовыя сооруженія, кое-гдѣ сохранившіяся въ развалинахъ. Всѣ греческіе порты этой эпохи отличались крайне незначительными размѣрами и въ этомъ смыслѣ не могутъ быть сравниваемы не только съ первоклассными гаванями новаго времени, но даже и съ второстепенными. Игравшій большое значеніе въ древности Делосскій портъ, напримѣръ, являвшійся не только крупнымъ экспортнымъ центромъ, но и важнымъ пунктомъ транзитной торговли, а также — благодаря знаменитому храму — весьма посѣщаемой пассажирской пристанью, могъ бы вмѣстить очень немного современныхъ грузовыхъ кораблей, и уже въ силу недостатка мѣста количество привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ должно было быть несравненно меньше, чѣмъ въ любомъ изъ теперешнихъ портовъ. Конечно, сравнивая послѣдніе съ греческими, надо не упускать изъ виду, что теперь портъ сносится со всѣмъ міромъ, тогда какъ рынокъ грековъ былъ ограниченъ бассейномъ внутреннихъ морей и почти не простирался на океанъ. Это количественное отличіе не было единственнымъ, которое разнило греческую торговлю и промышленность даже въ эпоху наибольшаго процвѣтанія ея въ періодъ послѣ Пелопоннесскихъ войнъ отъ современной. Вторая наиболѣе характерная черта ея — это приложеніе рабскаго труда. На первый взглядъ можетъ показаться, что рабы играли въ промышленности древней Греціи такую же роль, какъ машины въ современной: цѣною единовременной затраты капитала предприниматель покупалъ постоянныхъ производителей работы, которые требовали небольшого перемѣннаго капитала на свое поддержаніе. Однако это напрашивающееся сравненіе совершенно неправильно и наилучшимъ показателемъ ошибочности его является тотъ фактъ, что ни одна изъ греческихъ фабрикъ не достигла тѣхъ крупныхъ размѣровъ, до которыхъ разрослись промышленныя предпріятія со времени изобрѣтенія сложныхъ машинъ. Главнымъ препятствіемъ къ расширенію греческихъ фабрикъ, или, вѣрнѣе сказать, къ объединенію нѣсколькихъ небольшихъ заведеній въ одно крупное, слѣдуетъ считать то, что рабы, какъ таковые, не могли быть примѣняемы къ работамъ, требующимъ большихъ знаній, опытности и ловкости. Трудъ раба — очень низкаго качества и играть роль сложной машины, исполнять тонкія отвѣтственныя работы онъ не можетъ, не захочетъ. Далѣе, рабскій трудъ требуетъ строгаго контроля и постояннаго надзора, который становится совершенно невозможнымъ, когда число рабовъ сильно возрастаетъ. Такимъ образомъ, несмотря на налич-

ность внѣшнихъ условій, которыя какъ будто позволяли греческой промышленности разростаться, измѣнять, увеличивать форму предпріятій, — рабскій рынокъ всегда былъ переполненъ, сбытъ товара былъ всегда обезпеченъ обширными рынками въ варварскихъ странахъ, врожденная предпріимчивость народа обезпечивала, что всѣ эти благопріятныя условія не пропадутъ втунѣ — все же внутреннія условія ставили очень опредѣленный предѣлъ этому росту формъ и общему возрастанію производительности страны.

Это же низкое качество рабскаго труда имѣло и другое весьма важное послѣдствіе. Рабовладѣльцы, обладатели дешевыхъ рабочихъ рукъ не должны были бы обращаться къ свободнымъ работникамъ, положеніе которыхъ было бы, такимъ образомъ, безвыходное. Тѣмъ не менѣе рабскій трудъ не убивалъ окончательно труда свободнаго. Послѣдній находилъ себѣ примѣненіе въ болѣе квалифицированныхъ отрасляхъ промышленности, оставляя рабамъ область болѣе грубыхъ работъ, главнымъ образомъ разработку рудниковъ. Кромѣ большей цѣнности свободнаго труда были и другія условія, способствовавшія процвѣтанію его. Съ развитіемъ торговли и промышленности для денегъ открылись болѣе выгодные пути: употребленіе ихъ на какое-нибудь торговое предпріятіе или на наемъ свободныхъ рабочихъ представлялось менѣе рискованнымъ, чѣмъ покупка живой силы. При сравнительной высотѣ обычнаго процента на капиталъ, при условіи необходимости кормить и содержать рабовъ, трудъ послѣднихъ обходился почти не дешевле, чѣмъ трудъ наемныхъ рабочихъ. А если прибавить къ этому рискъ, сопряженный съ покупкой раба, возможность болѣзни, неспособности къ труду, смерти послѣдняго, то, очевидно, свободный рабочій долженъ былъ казаться капиталисту болѣе удобнымъ, нежели рабъ. Такимъ образомъ, свободный и подневольный трудъ уживались въ древней Греціи рядомъ, не вытѣсняя почти другъ друга, и тѣмъ разрѣшалась трудная соціальная проблема, возникавшая на почвѣ конкурренціи двухъ крупныхъ рабочихъ силъ.

Такимъ образомъ р а б с к і й т р у д ъ н е х а р а к т е р и з у е т ъ г р е ч е с к о й п р о м ы ш л е н н о с т и т а к ъ и в ъ т а к о й с т е п е н и, к а к ъ э т о к а ж е т с я с ъ п е р в а г о в з г л я д а. Тѣмъ не менѣе возрастаніе количества рабовъ служитъ показателемъ экономическаго прогресса, общаго увеличенія рабочей энергіи, направленной на производительный трудъ, сильнаго роста интенсивности промышленной жизни.

Вся территорія Греціи не была вполнѣ однородной по характеру своей промышленности и торговли. Въ то время, какъ однѣ части ея считали вѣками время существованія болѣе или менѣе сложной экономической структуры, другія только въ IV вѣкѣ вступали на путь развитія въ этомъ направленіи. По общему правилу прибрежныя области развивались болѣе скорымъ темпомъ, нежели расположенныя внутри страны. Восточное побережье шло впереди западнаго. Но въ V и IV вѣкахъ происходитъ выравниваніе: даже самыя отсталыя области, какъ Фокида и Локрида — и тѣ усваиваютъ себѣ новыя формы экономическаго быта и первымъ симптомомъ обновленія является распространеніе рабства въ этихъ почти единственныхъ во всей Греціи уголкахъ, гдѣ послѣднее оставалось еще неизвѣстнымъ, или, по крайней мѣрѣ, мало извѣстнымъ. Развивается и замкнутая въ своихъ горахъ Аркадія, гдѣ происходитъ процессъ объединенія деревень въ городъ (*συνοικισμός*), который получаетъ имя Мегалополя. Этотъ переходъ отъ сельской общины къ болѣе или менѣе значительному городскому поселенію совершился въ большинствѣ греческихъ государствъ въ героическую еще эпоху (напр., Аѳины), тогда какъ отсталая Аркадія только теперь, въ IV вѣкѣ начала тотъ путь, который давно уже пройденъ былъ большинствомъ государствъ. Такимъ образомъ на незначительномъ клочкѣ земли, занятомъ древней Греціей, одновременно и параллельно происходили процессы экономическаго развитія, находящіеся на разныхъ ступеняхъ эволюціонной лѣстницы. Поэтому всѣ тѣ черты народнаго хозяйства, которыя отмѣчены были на предшествующихъ страницахъ, ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ характеристика, общая для всей Греціи: она распространяется только на передовыя государства съ Аѳинами во главѣ.

VI. Первобытное населенiе Апеннинскаго полуострова.

Проф. д-ра **К. Паули.**

1, Первоначальная природа страны и ея первые обитатели,

Апеннинскій полуостровъ, обращенный римлянами въ вѣчно зеленый садъ, сохранившійся и до настоящаго времени несмотря на вѣковое запустѣніе, представлялъ нѣкогда страну, покрытую густыми непроходимыми лѣсами и напоминалъ отчасти древнюю Германію, какъ ее описываетъ Тацитъ. Но тамъ, гдѣ лѣсъ со склоновъ горъ спускается въ низменности, встрѣчаются обыкновенно и болота, свойственныя сырымъ лѣсистымъ мѣстностямъ. На существованіе болотъ на италійскомъ полуостровѣ указываютъ древнѣйшія поселенія этой страны. Вся Ломбардская низменность была сплошь покрыта деревнями, построенными на сваяхъ и особенно часто встрѣчающимися у южнаго берега Лаго-Маджіоре и Гардскаго озера, равно какъ и къ югу отъ По, отъ Пьяченцы до Болоньи. Уже это расположеніе деревень доказываетъ, что дѣло фактически идетъ о поселеніяхъ на болотистой почвѣ. До сихъ поръ однако не выяснено вполнѣ, какому народу принадлежали эти свайныя постройки. Мнѣнія раздѣлялись между лигурійцами, италиками, этрусками и просто доисторическими людьми. Въ настоящее время мнѣніе Гельбига находитъ себѣ наибольшее число послѣдователей. Согласно ему эти свайныя постройки распадаются на двѣ, различныя по времени группы, представляющія нѣкоторыя, хотя и небольшія различія, особенно въ керамикѣ. Нижній изъ этихъ двухъ слоевъ Гельбигъ приписываетъ италикамъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, верхній — этрускамъ.

Изъ древнѣйшихъ временъ полуострова до насъ дошли лишь разнообразныя сказочныя имена. По древнѣйшимъ греческимъ извѣстіямъ полуостровъ носилъ названіе Энотріи, а первобытными его обитателями были аборигены, что, правда, не даетъ никакихъ разъясненій, такъ какъ слово это именно означаетъ „первобытные жители“. Отъ нихъ повидимому не отличаются существенно упоминаемые въ различныхъ источникахъ каски иириски, и эти оба названія означаютъ лишь „древніе“.

2. Древнѣйшія переселенія.

А. **Иберы.**

Къ первобытнымъ обитателямъ страны присоединились затѣмъ различные переселившіеся сюда народы; но и въ этой области все для насъ еще очень мало выяснено, по крайней мѣрѣ по отношенію къ древнѣйшимъ изъ этихъ переселенцевъ, встрѣчающихся въ греческихъ источникахъ подъ всевозможными именами. Нѣсколько опредѣленнѣе уже свѣдѣнія объ иберахъ, повидимому составлявшихъ первый дѣйствительно историческій слой населенія Апеннинскаго полуострова.

Мы не можемъ съ достовѣрностью указать, откуда иберы проникли въ свою европейскую родину, Пиренейскій полуостровъ. Древніе писатели ни-

чего не передають объ этомъ, а обычное средство, въ другихъ случаяхъ часто дающее указанія о происхожденіи какого-либо народа, — языкъ, — здѣсь оказывается несостоятельнымъ. Ни древнія иберійскія географическія имена, своимъ неблагозвучіемъ оскорблявшія до нѣкоторой степени римскій слухъ, ни происшедшій изъ древняго иберійскаго нынѣшній языкъ басковъ не являютъ никакихъ родственныхъ чертъ съ какимъ бы то ни было другимъ языкомъ. Правда, сдѣланы были попытки найти въ иберійскомъ нарѣчіи сходство съ языками американскихъ индѣйцевъ, однако трудно допустить существованіе между ними дѣйствительной исторической связи. Ибо въ первыхъ сходство это лишь очень отдаленное и чисто внѣшнее, а съ другой стороны и разстояніе между обѣими странами слишкомъ велико, чтобы можно было допустить существованіе отношеній между ними моремъ черезъ Атлантическій океанъ, не прибѣгая къ помощи Платоновой Атлантиды. Скорѣе всего слѣдуетъ считать иберовъ переселенцами изъ Африки. Однако и это допущеніе связано съ нѣкоторыми затрудненіями. Принявъ эту гипотезу, можно было бы считать родственнымъ иберамъ народомъ только берберовъ, но именно берберы представляютъ другой типъ по своему физическому сложенію и говорятъ на языкѣ, отнюдь не родственномъ съ языкомъ басковъ. Сторонники еще одного мнѣнія считаютъ испанскихъ иберовъ народомъ тождественнымъ съ иберами, живущими на Кавказѣ на р. Курѣ, и допускаютъ, что они оттуда пришли въ Испанію. Но и это предположеніе врядъ-ли имѣетъ какія-нибудь другія основанія, кромѣ совпаденія именъ обоихъ народовъ. Ибо тотъ факторъ, на который опираются обыкновенно наши главные доводы,—языкъ,—здѣсь вновь оказывается несостоятельнымъ, въ чемъ убѣдился уже Аппіанъ. Правда, между языкомъ басковъ и кавказскими языками, образующими, какъ извѣстно, особую группу, встрѣчаются нѣкоторыя повидимому родственныя черты, но какъ и между языкомъ басковъ и американскими языками, черты эти въ общемъ носятъ лишь формальный характеръ и далеко недостаточны, чтобы доказать родство обоихъ народовъ. Совпаденіе именъ само по себѣ также ничего не доказываетъ, ибо оно часто бываетъ чисто случайнымъ.

Подобно языку, и тѣлосложеніе иберовъ не даетъ намъ никакихъ указаній относительно ихъ происхожоенія. Потомки ихъ, нынѣшніе баски, подходятъ по своему физическому сложенію подъ общій южноевропейскій типъ. Они большею частью средняго роста, красиво и стройно сложены, съ небольшими руками и ногами, темными волосами и глазами и слегка коричневатымъ цвѣтомъ кожи. Все это, какъ мы видимъ, не отличается отъ типа испанцевъ, итальянцевъ и французовъ. Если тамъ и сямъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и встрѣчаются свѣтлые глаза и волосы, то они составляютъ лишь исключенія. Форма черепа ихъ первоначально была повидимому длинная, преобладающая и у испанскихъ басковъ. Среди французскихъ басковъ можно не рѣдко встрѣтить и короткіе черепа, однако существуетъ предположеніе, что здѣсь произошло смѣшеніе съ другими расами. Итакъ, происхожденіе иберовъ до настоящаго времени покрыто еще мракомъ неизвѣстности (см. томъ III).

Древніе источники передаютъ, что иберійскія племена завладѣли нѣкоторыми областями Италіи. Въ особенности же сиканы были, какъ говорятъ, иберійскаго происхожденія; по Өукидиду (то-же самое разсказываетъ и Филистъ Сиракузскій) они, тѣснимые лигурійцами, заняли островъ Сицилію, называвшійся тогда Тринакія, а позднѣе названный по нимъ Сиканія. Однако они повидимому прошли не моремъ, но сухимъ путемъ черезъ Галлію и Верхнюю Италію и далѣе на югъ, гдѣ многіе древніе писатели упоминаютъ о нихъ, какъ о жителяхъ Лаціума. Точно также и либуи, владѣвшіе областью между Бресціей и Вероной къ югу отъ Гардскаго озера, и сордоны, жившіе въ восточныхъ Пиренеяхъ въ Галліи и оттуда занявшіе островъ Сардинію, принадлежали къ иберійскому племени. Оба

эти племени тождественны можетъ быть съ ребу (либу) и шардана, встрѣчающимися въ древнихъ египетскихъ текстахъ. Изъ всѣхъ этихъ, частью можетъ быть и невѣрныхъ свѣдѣній можно однако съ достовѣрностью заключить, что иберійскія племена нѣкогда проникали въ Италію.

Б. Лигуры

Слѣдующими за иберами переселенцами явились въ Италію лигуры. Лигуры представляли авангардъ великаго индогерманскаго переселенія въ Европу. То, что теперь называется Лигуріей,—узкая береговая полоса между рѣками Варъ и Панья съ одной стороны, Апеннинами и моремъ съ другой, обнимающія обѣ провинціи Порто Мавриціо и Геную—представляютъ лишь остатки нѣкогда широко раскинувшейся лигурійской области. На западѣ эта область выходила за предѣлы Роны, гдѣ лигуры жили совмѣстно съ иберами, тогда какъ между Роной и Западными Альпами вся страна находилась въ ихъ исключительномъ владѣніи. На сѣверѣ они во времена Августа достигали до По, приблизительно до впаденія въ него Тичино, а въ верхнемъ теченіи и дальше. Туринъ и окружающая его область также были заняты лигурами. На востокѣ имъ принадлежала Велея. Но и эта описанная нами область не обнимаетъ еще всѣхъ ихъ владѣній. Географическія имена нѣкоторыхъ еще болѣе отдаленныхъ мѣстностей указываютъ на то, что и тамъ нѣкогда жило лигурійское населеніе. Эта область, кромѣ французскихъ владѣній, обнимала еще въ Швейцаріи кантоны Тессинъ, Граубинденъ, Ваадтъ и Аппенцелль и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигала даже до предѣловъ Баваріи. Въ Италіи-же, кромѣ уже названныхъ, она заключала провинціи: Новару, Миланъ, Бресчію, Кремону, Пьяченцу, Парму, Реджіо, Комо, Бергамо, Сондріо. Какъ мы видимъ, эта область доходила слѣдовательно на востокѣ до Минчіо, а на югѣ до Реджіо, лежащаго на продолженіи Минчіо.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о политическомъ устройствѣ этой обширной области, не знаемъ, представляла-ли она одно большое царство, во главѣ котораго стоялъ можетъ быть царь, или союзъ государствъ, или совокупность отдѣльныхъ самостоятельныхъ племенъ. Наоборотъ, о культурномъ состояніи лигуровъ, правда, уже въ тѣ времена, когда область ихъ ограничивалась береговой полосой нынѣшней Лигуріи, до насъ дошло подробное описаніе, оставленное Посидоніемъ. По этому описанію страна ихъ сурова и неплодородна, покрыта густыми лѣсами и настолько камениста, что земледѣльцы на каждомъ шагу натыкались на камни и несмотря на большое трудолюбіе получали лишь скудные доходы. Недостатокъ хлѣба долженъ былъ возмѣщаться охотой. Правда, на берегу росло немного винограду, но онъ отдавалъ смолой. Главный напитокъ составляло пиво. Убогія деревянныя и тростниковыя хижины, а подчасъ и пещеры служили лигурамъ жилищемъ. Природа страны научила ихъ преодолѣвать величайшія трудности при восхожденіи горъ, а трудовая жизнь закалила ихъ тѣло.

Національность лигуровъ долгое время служила предметомъ спора, такъ какъ трудно было рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли считать ихъ народомъ, родственнымъ иберамъ и слѣдовательно не принадлежащимъ къ индогерманцамъ, или-же причислять ихъ къ послѣднимъ. Въ настоящее время споръ можетъ быть рѣшенъ въ пользу второго мнѣнія. Правда, мы не имѣемъ главнаго орудія доказательства, — языка; ибо языкъ лигуровъ погибъ. Однако онъ погибъ не вполнѣ, не безслѣдно, а дошедшіе до насъ слѣды его, несмотря на свою скудость, позволяютъ намъ рѣшить вышеупомянутый вопросъ.

Прежде всего, мы обладаемъ довольно большимъ количествомъ географическихъ именъ не только нынѣшней Лигуріи, но и вышеописанной обширной древней Лигуріи. Большая часть этихъ географическихъ именъ

имѣетъ суффиксъ -аско или -аска, характерный для лигурійскаго нарѣчія. Таковы напр.: Хараска, Арнаско, Бепаско, Боліаско, Караско, Краваско, Фамоласко, Фроссаско, Гриліаско, Груліаско, Лангаско, Мараско, Массаска, Новаско, Ноаско, Озаско, Пернаска, Поліаска, Риваско, Ровіаска, Саласко, Сомаска, Трензаско, Треваско, Венаска, Вернаска. Эти географическія имена чисто индогерманскія. Что касается прежде всего суффикса -ско (въ женскомъ родѣ -ска), то это весьма распространенный индогерманскій суффиксъ. Уже одно то, что мы встрѣчаемъ въ лигурійскимъ именахъ окончанія -скусъ и -ска на ряду другъ съ другомъ, было бы почти достаточно для доказательства ихъ индогерманскаго происхожденія, такъ какъ это измѣненіе въ окончаніи именъ собственныхъ специфически индогерманское. Но мы можемъ прослѣдить этотъ суффиксъ и у другихъ индогерманскихъ народовъ. Это тотъ-же нѣмецкій суффиксъ (i) sch въ словахъ deutsch, englisch, malerisch и т. д., у славянъ онъ встрѣчается въ производныхъ словахъ, каковы gradisku, bratisku, materiscu, carisku, у грековъ онъ образуетъ имена уменьшительныя, какъ напр.: *ἀνδρίσκος*, *μηνίσκος*, *ἀστερίσκος*. Какъ въ лигурійскомъ, такъ и въ другихъ индогерманскихъ языкахъ онъ служитъ для образованія географическихъ именъ. Такъ, у ѳракійцевъ онъ встрѣчается въ очень многихъ географическихъ именахъ, какъ напр. Тибискосъ, Мариска, Бертисконъ, Партисконъ, Драбескосъ, Гарескосъ, Эргиске. И у италиковъ онъ встрѣчается въ географическихъ именахъ, какъ напр. Требула Мутусска, Грависка, и кромѣ того служитъ, какъ и въ нѣмецкомъ языкѣ, для образованія именъ народовъ, напр. оски (древнѣе опски), вольски, туски (древнѣе турски), этруски. Какъ этотъ суффиксъ, такъ и корни лигурійскихъ географическихъ именъ вполнѣ индогерманскіе. Мы не можемъ доказывать этого здѣсь подробнѣе, но стоитъ лишь поближе разсмотрѣть нѣкоторыя слова, какъ напр. Караско, Маринаско, Мораско, Лучинаско, Черваска, Пинаско и т, д., чтобы сразу узнать въ этихъ формахъ извѣстныя слова другихъ индогерманскихъ языковъ.

Но мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи не только географическія имена, но и небольшое количество надписей, быть можетъ, лигурійскихъ. Въ кантонѣ Тессинѣ, и именно въ южной его части, въ Давеско, Виганелло, Соренго и Аранно, лежащихъ близъ Лугано, и въ Санъ-Піетро ди Стабіо, лежащемъ еще далѣе на югъ, въ округѣ Мендризіо, найдено семь надписей, характеръ которыхъ еще не вполнѣ выясненъ. Эти надписи обыкновенно считаются сѣверно-этрусскими, каковое предположеніе однако совершенно невѣрно. Онѣ написаны дѣйствительно сѣверно-этрусскимъ алфавитомъ, такъ что чтеніе ихъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Но таковъ только алфавитъ; языкъ-же ни въ коемъ случаѣ не этрусскій. Надписи эти раньше назывались „лепонтинскими“, а лепонтинскій языкъ считался родственнымъ галльскому; но и это предположеніе сомнительно. Во первыхъ лепонтинцы, имя которыхъ сохранилось въ Валле Левентина, врядъ-ли жили такъ далеко къ югу. Именно въ Левентинѣ и не найдено совсѣмъ надписей этого рода. Съ другой стороны, врядъ-ли можно оправдать допущеніе особаго лепонтинскаго языка. Галльскими эти надписи тоже нельзя считать, ибо хотя онѣ и представляютъ нѣкоторое сходство съ галльскимъ языкомъ, но оно объясняется тѣмъ, что языкъ этотъ, подобно галльскому, несомнѣнно индогерманскій. Если-же эти надписи ни этрусскія, ни галльскія, и нельзя также допустить существованія особаго лепонтинскаго языка, онѣ-то могутъ быть лишь лигурійскими.

Какъ примѣръ языка, приведемъ надпись на могильномъ камнѣ въ Давеско. Она гласитъ:

slaniai ⁝ verkalai : pala
tisiui ⁝ pivotalui : pala

„Сланіи Веркалы могила
Тизія Пивотала могила“

и представляетъ очевидно надгробную надпись двухъ супруговъ. Если-же эти надписи по языку лигурійскія—а врядъ-ли мы можемъ предположить что-либо другое—то лигуры несомнѣнно были индогерманцами. Ибо еслибы мы не имѣли никакихъ другихъ остатковъ лигурійскаго языка, кромѣ только что приведенной надписи, то и ея одной было бы достаточно для доказательства того, что лигурійскій языкъ принадлежитъ къ группѣ индогерманскихъ языковъ.

B. **Италики.**

Вслѣдъ за лигурами изъ индогерманскихъ племенъ въ Италію повидимому пришли собственно италики. И они несомнѣнно переселились сюда съ сѣвера, и именно черезъ нижнюю часть долины По, такъ что первыя ихъ поселенія лежали къ востоку отъ Апеннинъ, хотя и не доказано, что найденныя въ Эмиліи въ большомъ количествѣ terremare или свайныя постройки принадлежатъ италикамъ. Позднѣе они, правда, перешли и Апеннины; самниты, вольски, латины, сабины и умбры, не называя уже болѣе мелкихъ племенъ, заняли обширныя области и по эту сторону горнаго хребта. Индогерманскіе италики раздѣляются на большое число мелкихъ племенъ, для которыхъ не существовало одного общаго имени, и которыя только тогда слились въ одну націю, когда ихъ принудила къ тому желѣзная рука Рима. Для насъ они распадаются на двѣ большія вѣтви.

Первую вѣтвь, прежде другихъ пришедшую на полуостровъ, составляютъ латины. Ибо такъ какъ арійскіе италики также пришли въ Италію съ сѣвера, что можно считать вполнѣ доказаннымъ, то племя, тѣснимое позднѣйшими пришельцами и перешедшее вслѣдствіе этого Апеннины, должно было быть древнѣйшимъ. Эти позднѣйшіе пришельцы, составляющіе вторую главную вѣтвь, состояли изъ умбрійскихъ и сабельскихъ народовъ. Первые, жившіе къ западу отъ Апеннинъ и въ самыхъ Апеннинахъ, повидимому пришли раньше, Авангардъ ихъ представляли вольски и родственные имъ герники, эквы и эквикулы, жившіе къ югу и востоку отъ Лаціума до сабинскихъ владѣній, между тѣмъ какъ собственно умбры жили далѣе на сѣверъ и отдѣлены были отъ своего авангарда именно сабинами. Эти послѣдніе, если судить по географическому положенію ихъ поселеній, составляли авангардъ сабельскихъ народовъ, послѣдующія толпы которыхъ принудили ихъ отступить на западъ и врѣзаться клиномъ въ среду вольскоумбрійскихъ племенъ. Большая часть сабельскихъ племенъ осталась къ востоку отъ Апеннинъ. Таковы самниты (т.-е. Sabinites), подраздѣляющіеся на племена френтановъ, пентровъ, гирпиновъ и кавдиновъ, а къ сѣверу отъ нихъ марсы, пэлигны, марруцины, вестины и прэпуттіи. Въ историческое время самниты проникли далѣе на югъ, заняли Апулію, Кампанію, Луканію и Бруттіумъ, а позднѣе черезъ Мессинскій проливъ перешли и въ Сицилію. Мы не имѣемъ никакихъ указаній относительно того, какъ продолжителенъ былъ періодъ, въ теченіе котораго всѣ эти племена проникли на Апеннинскій полуостровъ. Но если обитателями свайныхъ построекъ были дѣйствительно „италики долины По“, то періодъ этотъ не могъ быть очень продолжительнымъ, ибо культура этихъ terremare и древняго Лаціума въ существенныхъ чертахъ одна и та-же.

Изъ всѣхъ италійскихъ племенъ одни лишь римляне оставили намъ литературу въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ оно и не могло быть иначе, если принять во вниманіе ихъ историческое развитіе; отъ всѣхъ остальныхъ племенъ или не сохранилось никакихъ памятниковъ, или-же однѣ надписи. Приведемъ здѣсь нѣсколько надписей собственно италійскихъ народовъ.

Древнѣйшая изъ всѣхъ латинскихъ надписей, надпись на фибулѣ изъ Пренесте, гласитъ такъ:

novios : med : vhe : vhaked : numasioi
Новій сдѣлалъ меня Нумазію.

Другая древнелатинская надпись гласитъ:

Cornelius Lucius Scipio Barbatus,
Gnaivod patre prognatus, fortis vir sapiens-
que, quoius forma virturei parisuma fuit;
consol, censor, aidilis quei fuit apud vos;
Taurasia, Cisauna, Samnio cepit,
subigit omne Loucanam opsidesque abdoucit.

Корнелій Луцій Сципіонъ Барбатусъ, рожденный отъ отца Гнея, храбрый и мудрый мужъ, видъ котораго вполнѣ соотвѣтствовалъ его мужеству; который былъ у васъ консуломъ, цензоромъ, эдиломъ; онъ взялъ Тавразію, Цизанну, Самніумъ, онъ покорилъ всю Луканскую область и увелъ заложниковъ.

Примѣромъ фалискскаго діалекта можетъ служить:

vipia : zertenea : loferta | marci : acarcelini | mate : he : cupa.
Вибія Зертенея, вольноотпущенная, мать Марка Акарцелинія, лежитъ здѣсь.

Вольскская надпись:

deve : declune : statom : sepis : atahus pie : velestrom | façia : esaristrom.
Воздвигнутъ богинѣ Декулонѣ; если кто-нибудь до него (камня?) дотронется, кто-нибудь изъ велитерновъ (жителей Велитръ) пусть принесетъ жертву.

Надпись на яз. марсовъ гласитъ:

pa · vi · pacuies · medis · vesune · dunom · ded.
Пацій Пакувій, (сынъ) Вибія, меддиксъ (см. ниже), принесъ (это) въ подарокъ Везунѣ.

Надпись на діалектѣ пэлигновъ:

saluta · musesa · pa | anaceta · ceria | et · aisis · sato.
Салута Мусседіа, (дочь) Пація; посвященная Ангитіи Цереріи (богинѣ) и богамъ.

Марруцинскій діалектъ находимъ въ слѣдующемъ:

aiosos pacris totai maroucai lixs : asignas ferenter aviatas toutai maroucai ioves patres ocres tarincris iovias · agine.
съ помощью боговъ законъ для марруцинскаго государства; жертвенныя животныя, освященныя авгурами для марруцинскаго государства, переносятся въ торжественномъ шествіи Юпитера съ горы Таринкріи и Юноны.

Слѣдующая надпись вестинская:

t · vetio duno didet herclo iovio.
Титъ Веттій приноситъ (это) въ подарокъ сыну Юпитера, Геркулесу.

Сабинская надпись гласитъ:

mesene flusare poimuni en atrno dunom hiretom.
въ мѣсяцѣ цвѣтовъ Поймунію въ Атерномѣ предназначенъ подарокъ.

По умбрійски написана слѣдующая выдержка изъ игувинскихъ таблицъ:

este persklum aves anzeriates enetu pernaies pusnaes · pre veres treplanes iuve krapuvi tre buf fetu, arvia ustentu.
Послѣ наблюденія птицъ, пусть онъ начнетъ это жертвоприношеніе передъ и за (воротами). Передъ Требуланскими воротами пусть онъ заколетъ трехъ быковъ Юпитеру Грабовію, внутренности ихъ пусть покажетъ.

Наконецъ слѣдующая надпись оскская:

v · aadirans · v · eitiuvam · paam | vereiiai · pùmpaiianaí · tristaa | mentud · deded · eisak · eitiuvad | v · viinikiis · mr · kvaisstur · pùmp | aiians · trííbùm · ekak · kùmben | nieis · tanginud · ùpsannam | deded ísidum · prùfatted.
Вибій Атранусъ, (сынъ) Вибія, подарившій по завѣщанію эти деньги гражданамъ Помпеи, на эти деньги Вибій Виницій (сынъ) Мара, квесторъ Помпеи, приказалъ по постановленію общины построить этотъ домъ, онъ же откупилъ его обратно.

Г. **Иллирійцы.**

Въ древней же Италіи утвердились и иллирійскія племена, повидимому проникнувшія на полуостровъ въ различныя времена и различными путями, независимо другъ отъ друга. Древнѣйшее изъ этихъ иллирійскихъ переселенческихъ движеній было направлено въ Среднюю Италію, гдѣ мы

находимъ его слѣды въ Лаціумѣ (Venetuli, Ardea, Praeneste, Laurentum, tribus Lemonia), въ Пиценумѣ (Truentum) и въ Умбріи (Sapuzkum numen, встрѣчающееся на игувинскихъ таблицахъ) и куда иллирійцы повидимому пришли моремъ на корабляхъ. Уже болѣе достовѣрныя историческія свѣдѣнія имѣемъ мы о второмъ переселеніи, переселеніи япиговъ, отдѣльныя племена которыхъ, а именно мессапіи или саллентинцы, педикулы и давны заняли восточный берегъ Италіи до Монте - Гаргано, т.-е. полуостровъ Апулію и Калабрію. И они повидимому пришли моремъ, и притомъ не позднѣе половины VIII вѣка до Р. Х. Третьимъ иллирійскимъ переселеніемъ въ Италію было переселеніе венетовъ. Присутствіе ихъ можно доказать въ позднѣйшихъ ихъ поселеніяхъ; начиная съ половины VII вѣка до Р. Х. они несомнѣнно пришли въ Италію сухимъ путемъ черезъ Аквилею.

а) Древнѣйшее иллирійское переселеніе.

О культурномъ состояніи древнѣйшихъ среднеиталійскихъ переселенцевъ иллирійскаго племени намъ извѣстно очень мало. Можно было бы доказать, что они владѣли письменами, если бы можно было приписать имъ нѣсколько древнихъ надписей, найденныхъ въ Пиценумѣ и считающихся обыкновенно древне-сабельскими. Повидимому достовѣрно установлено, что языкъ этихъ надписей индогерманскій; но врядъ ли онъ представляетъ сабельскій діалектъ, ибо различіе его съ позднѣйшими сабельскими языками слишкомъ велико. Если же языкъ этотъ не сабельскій, то остается лишь допустить, что это языкъ иллирійскій. Укажемъ еще на то, что алфавитъ этихъ надписей, древнѣйшій изъ всѣхъ алфавитовъ на почвѣ древней Италіи, произошелъ несомнѣнно отъ греческаго.

Какъ примѣръ языка, приведемъ надпись изъ Белланте:

p · szin : śium : śiretùs : tetis : t · kùm : alies : esmen : śerses : śepelen.

Хотя и нѣтъ возможности дать переводъ этой надписи, однако для каждаго знатока несомнѣненъ индогерманскій характеръ ея языка.

б) Япиги.

Второй народъ иллирійскаго происхожденія, япиги, населяли нѣкогда Апулію. Уже послѣ того какъ большая часть страны была покорена самнитами и господствующимъ языкомъ сдѣлался языкъ осковъ, остатки япиговъ сохранились на крайнемъ югѣ области подъ именемъ мессапіевъ въ видѣ обособленной націи. Область, въ которой найдены надписи на ихъ языкѣ, обнимаетъ города Моноголи, Фазано, Остуни, Каровиньо, Бриндизи, Руджe, Лечче, Васте, Левка, Удженно, Ла-Лидза, Нардò, Таранто, Оріа, Челье. О культурѣ ихъ намъ мало извѣстно. До насъ дошло нѣсколько приписываемыхъ имъ надписей, написанныхъ алфавитомъ, повидимому заимствованнымъ отъ эпизефирскихъ локровъ, на языкѣ несомнѣнно индогерманскомъ и содержащемъ большое количество личныхъ именъ, повторяющихся также по ту сторону Адріатическаго моря въ латинскихъ надписяхъ иллирійскихъ областей. Отсюда можно съ достовѣрностью заключить, что и вышеупомянутыя надписи иллирійскія. Приведемъ и тутъ, какъ примѣръ языка, одну надпись. Она найдена въ Челье и гласитъ:

dasta moroana aproditahi pades.
Даста (и) Мороана, дочери Афродиты.

в) Венеты.

Болѣе точныя свѣдѣнія имѣемъ мы о культурѣ третьяго иллирійскаго народа, венетовъ, благодаря раскопкамъ близъ Эсте и близъ Гурины въ долинѣ Гайля въ Каринтіи.

Нынѣшній городъ Эсте, въ древности Ateste, лежитъ посреди цѣлаго ряда некрополей, въ которыхъ различаютъ пять различныхъ по времени и лежащихъ другъ надъ другомъ, слоевъ. Нижній изъ этихъ слоевъ отличается отъ четырехъ верхнихъ. Онъ содержитъ остатки кремня и повидимому принадлежитъ довенетскому населенію, называемому у древнихъ писателей евганеями. Остальные четыре слоя, принадлежащіе венетамъ, содержатъ группы гробницъ, на которыхъ стояли стэлы изъ твердаго трахита (macigno) и въ которыхъ находились погребальные сосуды — оллы, частью глиняныя, частью бронзовыя, наполненныя остатками костей, украшеніями и небольшими сосудами. Въ первый изъ этихъ періодовъ могилы окружены каменными плитами. Глиняные сосуды подобны таковымъ же, найденнымъ въ Болоньѣ; всѣ украшенія сдѣланы изъ бронзы, желѣзо встрѣчается рѣдко. Во второй періодъ встрѣчаются разнообразныя украшенія изъ бронзы, янтаря, стекла; глиняные сосуды очень тонкой работы имѣютъ обыкновенно форму двухъ усѣченныхъ конусовъ, сложенныхъ основаніями, съ меандровыми украшеніями. Въ третій періодъ венетская культура достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта. Тутъ мы находимъ уже очень много бронзовыхъ вещей, большія вазы съ маленькими сосудами, украшенія, домашнюю утварь и оружіе. Въ четвертый періодъ встрѣчаются уже произведенія изъ серебра и стекла и желѣзное оружіе, указывающее на римское и галльское вліяніе. Къ этому послѣднему періоду относится и храмъ, найденный въ Кьюзура Баратела близъ Эсте, содержащій много богатыхъ даровъ, принесенныхъ по обѣту и посвященный повидимому богинѣ „Rehtiia".

И о культурѣ венетовъ въ Каринтіи мы имѣемъ достаточно свѣдѣній. Въ сдѣланныхъ тамъ раскопкахъ найдены фибулы гальштаттскія и Ла-Теновскаго періода, бронзовыя бляхи, частью снабженныя надписями, фигуры изъ бронзы, мечи, ножи, кинжалы, копья и стрѣлы, а также и нѣкоторыя орудія и утварь. Отношеніе между обѣими культурами, культурой Эсте и культурой Гурины, слѣдующее. Культурный центръ венетовъ несомнѣнно лежалъ вокругъ Эсте, и только отсюда венеты проникли на сѣверъ въ Каринтію и принесли туда, вмѣстѣ съ другими пріобрѣтеніями культуры, и алфавитъ. Этому не противорѣчитъ и то обстоятельство, что нѣкоторыя находки въ Эсте принадлежатъ болѣе позднему періоду, чѣмъ находки въ Гуринѣ. Ни въ коемъ случаѣ каринтскіе венеты не составляютъ остатковъ народа, отставшихъ по пути въ Италію, ибо, какъ намъ достовѣрно извѣстно, путь ихъ лежалъ гораздо южнѣе и шелъ черезъ Аквилею.

Какъ изъ Эсте, такъ и изъ Гурины до насъ дошло большое количество надписей, написанныхъ алфавитомъ, происходящимъ несомнѣнно изъ Греціи и имѣющимъ особенно много родственныхъ чертъ съ алфавитомъ Элиды. Нѣкоторыя буквы на надписяхъ Гурины древнѣе, чѣмъ въ Эсте, но въ цѣломъ алфавитѣ одинъ и тотъ же. Для наглядности приведемъ двѣ надписи изъ Эсте, одну надгробную надпись и одну посвятительную. Первая гласитъ:

„vanteh vhouχontioh eχo".
„Ванта Фугонтія (есмь) я".

вторая: „meχo zonasto rehtiiah nerika lemetoriana"
„меня подарила Ретіи Нерика Леметорина".

Здѣсь мы встрѣчаемъ имя вышеупомянутой богини Ретіи (Рехтіи).

3. Этруски.

Существованію большого лигурійскаго царства (см. выше, стр. 317), былъ положенъ конецъ этрусками. Пришедшіе изъ Азіи и повидимому родственные различнымъ народамъ Передней Азіи и Балканскаго полу-

острова, но совершенно чуждые индогерманцамъ и семитамъ. они повидимому на довольно продолжительное время остановились въ Средней Европѣ и тамъ были сосѣдями германцевъ, въ сказаніяхъ которыхъ они сохранились подъ именемъ турсовъ. Изгнанные затѣмъ изъ своихъ поселеній по сю сторону Альпъ неизвѣстнымъ намъ натискомъ, они обратились далѣе на югъ и заняли прежде всего Рецію, главнымъ образомъ Тироль и Граубинденъ. Отсюда они затѣмъ проникли далѣе на югъ и подъ именемъ евганеевъ заняли здѣсь область, расположенную къ востоку отъ Вероны. Еще одно изъ ихъ племенъ, собственно этруски, поселились въ Атріѣ, Спинѣ и около Болоньи, называвшейся тогда Фельзина, гдѣ еще и нынѣ о бывшемъ ихъ присутствіи свидѣтельствуютъ богатые некрополи съ этрусскими надписями. Отсюда они, перейдя Апеннины и слѣдуя, можетъ быть по долинѣ Рено, прошли собственно въ Этрурію, нынѣшнюю Тоскану, и отсюда уже заняли долину По, Лаціумъ и Кампанію.

Относительно происхожденія этрусковъ мнѣнія долгое время радикально расходились. Въ средніе вѣка языкъ ихъ пытались произвести отъ еврейскаго, отъ языка рая и языка первоначальнаго человѣчества, и попытка эта была еще повторена въ 1858 году. Затѣмъ въ XVIII столѣтіи наступилъ періодъ, когда этрусковъ стали причислять къ народамъ, называемымъ собственно италиками, о которыхъ мы говорили выше; этого мнѣнія придерживались главнымъ образомъ Пассери и Ланци. Еще и въ XIX столѣтіи оно нашло себѣ приверженцевъ въ лицѣ Корсена и нѣсколькихъ итальянскихъ ученыхъ, но въ настоящее время можетъ считаться уже устраненнымъ. Лишь ради курьеза укажемъ еще на попытки произвести этрусскій языкъ отъ ирландскаго, скандинавскаго, древне-германскаго, славянскаго, армянскаго, алтайско-финскаго, языка басковъ, литовскаго и ливійскаго. Мы имѣемъ такимъ образомъ передъ собою пеструю карту образцовъ всѣхъ возможныхъ языковъ, но все это не больше, какъ плодъ фантазіи.

Врядъ-ли въ исторіи науки найдется много главъ, которыя были-бы такъ позорны и въ то-же время такъ занимательны, какъ глава о дешифрированіи этрусскихъ надписей. Произвольное разложеніе однородныхъ формъ словъ, соединеніе двухъ различныхъ, всевозможныя сокращенія и совершенно произвольное обращеніе со звуками — таковы были средства, при помощи которыхъ этрусскій языкъ втискивался въ прокрустово ложе того именно языка, отъ котораго его хотѣли произвести. Вѣрное основаніе для опредѣленія этнографическихъ особенностей и языка этрусковъ было положено лишь около десяти лѣтъ тому назадъ, когда два французскихъ ученыхъ нашли на островѣ Лемносѣ высѣченную на могильномъ камнѣ, въ видѣ двухъ параллельныхъ текстовъ, надпись, написанную не греческимъ языкомъ, но очень древнимъ греческимъ алфавитомъ, очень близко подходящимъ къ принятому во Фригіи видоизмѣненію его. Языкъ этой надписи при ближайшемъ разсмотрѣніи оказался родственнымъ этрусскому. Изъ разсказовъ-же древнихъ писателей намъ, съ одной стороны, извѣстно, что на Лемносѣ до грековъ жили пеласги, а съ другой, что этруски происходили отъ тирренскихъ пеласговъ, пришедшихъ изъ Лидіи. Вышеупомянутыя надписи служатъ доказательствомъ правильности этихъ разсказовъ. Вопросъ о томъ, насколько можетъ быть доказано родство этрусковъ и пеласговъ съ отдѣльными народами Передней Азіи, нерѣдко служилъ въ послѣдніе годы предметомъ изслѣдованій; однако изслѣдованія эти въ настоящее время еще не закончены. Вышеизложенное мнѣніе можетъ теперь считаться господствующимъ. Къ нему присоединился до извѣстной степени и Вильгельмъ Дееке, отецъ научной этрускологіи. Объявивъ сперва вмѣстѣ съ Діонисіемъ Галикарнасскимъ этрусковъ народомъ, чуждымъ по племени прочимъ италикамъ и говорящимъ на другомъ языкѣ, и перейдя затѣмъ къ мнѣнію Корсена, онъ наконецъ (какъ еще до него Карлъ Отфридъ Мюллеръ) сталъ разсматривать этрусковъ, какъ народъ смѣшан-

ный, составленный изъ туземныхъ разеновъ, которыхъ онъ причисляетъ къ италикамъ, и именно къ латинской ихъ группѣ, и изъ пеласго-греческихъ морскихъ разбойниковъ, пришедшихъ изъ города Тирры въ Лидіи. Въ такомъ видѣ мнѣніе это, правда, не можетъ быть достаточно обосновано; но оно по крайней мѣрѣ справедливо въ томъ отношеніи, что въ Этруріи мы дѣйствительно имѣемъ два слоя населенія, болѣе древній умбрійскій, какъ это положительно удостовѣряютъ древніе писатели, и позднѣйшій — собственно этрусскій.

Однако не только языкъ этрусковъ свидѣтельствуетъ намъ о неиндогерманскомъ происхожденіи ихъ, мнѣніе это подтверждается и физическимъ ихъ сложеніемъ. Римскіе писатели рисуютъ намъ этрусковъ низкорослыми, плотнаго тѣлосложенія, съ предрасположеніемъ къ тучности (см. приложенную таблицу „Этрусскія древности“, нижнюю половину); точно такими-же являются они и на рельефныхъ изображеніяхъ на крышкахъ гробовъ, во множествѣ встрѣчающихся въ городахъ Этруріи. Какая разница между этими вздутыми фигурами и худыми италиками, между круглымъ черепомъ и лицомъ этрусковъ и узкимъ, продолговатымъ лицомъ италійскихъ индогерманцевъ, между этрусскимъ короткимъ вздутымъ носомъ и тонкимъ, прямымъ или слегка изогнутымъ носомъ римлянина! Этотъ типъ скорѣе уже напоминаетъ гунновъ, въ описаніяхъ средневѣковыхъ писателей, чѣмъ бѣлокурыхъ или темныхъ арійцевъ.

И духовныя качества этрусковъ говорятъ въ пользу того мнѣнія, что они не принадлежатъ къ арійцамъ. Прежде всего, миѳологія этрусковъ доказываетъ, что они не индогерманцы. Въ то время какъ у послѣднихъ все полно свѣта и радости, небо, земля, солнце, луна, утренняя заря и огонь являются первоначальными богами и культъ ихъ выражается въ эпическихъ разсказахъ и простыхъ драматическихъ дѣйствіяхъ, у этрусковъ, наоборотъ, все полно мрака. Въ скульптурныхъ произведеніяхъ ихъ мы видимъ мрачныхъ демоновъ смерти и подземнаго міра съ почти животными лицами, острыми ушами, щетинистыми волосами, клыками и со змѣями вокругъ головы, шеи и рукъ. Встрѣчающіяся иногда болѣе привѣтливыя фигуры боговъ, повидимому, заимствованы отъ другихъ племенъ. Позднѣе, благодаря греческому искусству, этруски ознакомились и съ олимпійскимъ цикломъ боговъ, хотя врядъ-ли у нихъ существовало такое смѣшеніе религій, какъ позднѣе въ Римѣ. Но о знакомствѣ этрусковъ съ именами этихъ боговъ свидѣтельствуютъ изображенія на сосудахъ, зеркалахъ и т. п., нерѣдко сопровождаемыя греческими именами въ этрусской формѣ, написанными этрусскими буквами. Въ позднѣйшія времена встрѣчаются и имена римскихъ боговъ, тоже въ этрусской формѣ. Затѣмъ наступаетъ смѣшеніе этрусскихъ божествъ съ италійскими — явленіе, которое мы встрѣчаемъ и у италійскихъ народовъ, особенно у римлянъ.

Однако все это представляетъ лишь позднѣйшее развитіе, изъ-за котораго еще достаточно ясно выступаетъ первоначальная миѳологія этрусковъ. Среди этихъ древнихъ чисто этрусскихъ божествъ мы можемъ назвать напр. Фуфлунса, бога вина, Туранъ, богиню любви, Ларана, бога войны, Тезанъ, богиню утренней зари. На ряду съ ними стоятъ прислуживающія божества, каковы божественный мальчикъ Марисъ, Лаза, Млакухъ, Меанъ и др. Особенно богато развиты божества смерти и другія страшилища. Такъ, мы имѣемъ горгоноподобную Тарсу, богинь смерти Ваитъ, Лешитъ, Кульсу, Тукулька и др. Мы встрѣчаемъ ихъ отчасти въ отталкивающихъ фигурахъ на саркофагахъ или урнахъ въ изображеніяхъ сценъ смерти. Этимъ фантастическимъ образамъ варварскаго воображенія соотвѣтствовали и формы культа. Человѣческія жертвоприношенія существовали у нихъ сравнительно до поздняго времени, и еще Тарквиніи принесли въ жертву своимъ богамъ триста семь плѣнныхъ римлянъ. Ни одинъ свѣтлый радостный праздникъ не скрашивалъ ихъ жизни, все подчинялось

Этрусскія древности.

(По Jules Martha, L' art etrusque.)

(Верхняя половина). Золотыя украшенія изъ Клузія (Кьюзи), Вульсиніи Нови (Больсена) и Вульчи. Въ настоящую величину.

1. Часть одной изъ красивѣйшихъ этрусскихъ діадемъ.
2. Шейная цѣпочка съ медальономъ (голова Вакха).
3. Одна изъ красивѣйшихъ фибулъ съ этрусской надписью начала VI в. до Р. X. (найдена въ 1850-хъ гг. въ Кьюзи).
4. Брошка въ формѣ диска.

5—8. Серьги.

5. Надъ серпомъ луны богъ солнца на колесницѣ съ четырьмя конями, въ сопровожденіи двухъ богинь побѣды. Подъ луной подвѣска изъ звеньевъ (найдена въ могилѣ въ Больсенѣ, въ 1861 г.).

6. Кувшинъ
7. Лебедь
8. Павлинъ

} подвѣски.

(Нижняя половина). Торжественное сожженіе покойника; на трехъ раскрашенныхъ терракотовыхъ дощечкахъ изъ Цэре (Черветри); $^1/_{14}$ настоящей величины.

Этрусскіе памятники древности изъ Клузіума, Вольсиній, Волькъ и Цере.
нынѣ въ Луврѣ въ Парижѣ.

мертвому ритуалу. Они не знали свободы; надъ всей ихъ жизнью тяготѣло предопредѣленіе, неизбѣжная воля боговъ. Заранѣе познать эту неизбѣжную волю боговъ — таково было высшее стремленіе ихъ религіозной жизни. Отсюда проистекала выработанная у нихъ съ величайшимъ педантизмомъ суевѣрія система прорицанія haruspices и fulguriatores, изъ коихъ первые опредѣляли волю боговъ и судьбу людей по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, а вторые по молніи. Многіе изъ этихъ обычаевъ были позднѣе введены и въ Римѣ, вѣроятно, уже въ тотъ періодъ, когда Лаціумъ находился подъ этрусскимъ владычествомъ, но по существу такая религія чужда индогерманцамъ. Такому мрачному характеру религіи вполнѣ соотвѣтствуетъ и распространенный у этрусковъ и почти напоминающій египтянъ обычай строить богатые склепы и цѣлые города гробницъ, встрѣчаемые почти во всѣхъ этрусскихъ городахъ; изъ нихъ особенно замѣчательны гробницы Вольсиніи, Перузіи и Тарквиніи, а также и Волатерръ и Черветери (см. нижнюю половину приложенной таблицы) и въ обширной области Клузіума. Столь ясно выраженный культъ мертвыхъ также чуждъ индогерманцамъ.

Итакъ, мы должны признать, что этруски были „народомъ, чуждымъ по племени остальнымъ обитателямъ Апеннинскаго полуострова и говорящимъ на другомъ языкѣ“. Этотъ народъ, во всякомъ случаѣ полуварварскаго происхожденія, явился въ Италіи въ до-римскій періодъ первымъ носителемъ культуры и уже до римлянъ сдѣлалъ попытку распространить свое политическое господство надъ болѣе отдаленными частями Италіи, быть можетъ съ сознательной цѣлью покорить себѣ впослѣдствіи и весь полуостровъ. Это указываетъ конечно на извѣстныя духовныя способности народа, хотя, съ другой стороны, развитіе его культуры показываетъ, что способности эти были скорѣе воспринимающаго, чѣмъ творческаго характера.

Этруски, стали, правда первымъ культурнымъ народомъ Италіи, но они стали имъ лишь подъ чуждымъ вліяніемъ другихъ народовъ, а такъ какъ культура ихъ обнимаетъ длинную эпоху, то они въ теченіи ея имѣли цѣлый рядъ различныхъ учителей. Первыми учителями этрусковъ явились египтяне. Они оставили по себѣ слѣды въ такъ называемомъ гротѣ Изиды въ Вульчи, а также и въ другихъ гробницахъ, въ видѣ многочисленныхъ предметовъ, испещренныхъ іероглифическими надписями и принадлежащихъ эпохѣ отъ 650 до 525 г. до Р. Х. Слѣдующими учителями этрусковъ явились месопотамскіе народы. Мы точно также находимъ несомнѣнные слѣды ихъ стиля и вкуса въ этрусскихъ гробницахъ, какъ напр. въ гробницахъ Регулини-Галасси въ Черветери. Однако все вышеизложенное не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, какъ будто египтяне и ассирійцы непосредственно вліяли на этрусковъ. Посредниками въ передачѣ культуры явились въ данномъ случаѣ финикіяне, какъ это доказываетъ найденная въ одной изъ гробницъ въ Палестринѣ финикійская надпись: найденные тамъ-же предметы являютъ тотъ-же самый стиль, какъ и находки вышеназванныхъ этрусскихъ гробницъ. Всѣ эти предметы относятся къ той самой культурной эпохѣ, какъ и большая часть находокъ на Кипрѣ.

Вслѣдъ затѣмъ наступаетъ періодъ, въ теченіи котораго этруски находились подъ вліяніемъ такъ называемой микенской культуры, о которой свидѣтельствуютъ раскопки Шлимана не только въ самихъ Микенахъ, но и въ Троѣ. Въ вопросѣ о томъ, какіе народы явились носителями этой культуры въ Греціи, мнѣнія расходятся. Въ то время какъ одни усматриваютъ въ нихъ самихъ эллиновъ лишь на болѣе низкой ступени развитія, другіе видятъ въ нихъ пеласговъ. Послѣднее мнѣніе болѣе вѣроятно, и сдѣланная недавно попытка вообще отрицать существованіе пеласговъ должна считаться неудачной. Само собой разумѣется, что главными учителями этрусковъ были также греки. Подражаніе греческому искусству замѣтно въ различныхъ областяхъ. Въ строительномъ искусствѣ оно про-

является въ архитектурѣ храмовъ, гдѣ особенно замѣтно дорійское вліяніе. Но оно сказывается и въ другихъ искусствахъ. Такъ напр. вазы, какъ съ темными такъ и со свѣтлыми фигурами, не всѣ выдѣланы въ Греціи, но частью представляютъ подражанія, сдѣланныя этрусскими мастерами. О томъ, что и бронзовое литье въ позднѣйшіе періоды находилось подъ вліяніемъ грековъ, свидѣтельствуютъ нѣкоторыя произведенія, какъ напр. найденный въ Перузіи, такъ называемый Arringatore, хранящійся въ Флорентинскомъ музеѣ. О томъ-же свидѣтельствуетъ и большое количество бронзовыхъ зеркалъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сдѣланы съ особеннымъ искусствомъ, и произведенія золотыхъ дѣлъ мастеровъ Вульчи (см. таблицу при стр. 324, фиг. 1, 2, 4 и 6—8). Извѣстное воспоминаніе объ этомъ греческомъ вліяніи сохранилось повидимому и въ этрусскихъ традиціяхъ, ибо Плиній разсказываетъ, что бѣжавшій изъ Коринѳа Демаратъ привелъ съ собой ваятелей Эвхейра, Діопа и Энграмма, которые и ввели пластическое искусство въ Италіи.

Мы можемъ составить себѣ довольно вѣрное и ясное представленіе о культурѣ этрусковъ благодаря вышеупомянутымъ городамъ гробницъ, хранящимъ всевозможные предметы различныхъ культурныхъ періодовъ и точно отражающимъ всю жизнь народа. Этруски частью хоронили, частью сжигали своихъ мертвыхъ. Первый обычай существовалъ больше на сѣверѣ, второй на югѣ страны. Мертвыхъ хоронили въ большихъ каменныхъ гробахъ съ скульптурными украшеніями, во множествѣ найденныхъ въ некрополяхъ Корнето и Витербо. Зола, остававшаяся послѣ сжиганія мертвыхъ, собиралась, наоборотъ, въ маленькихъ четырехугольныхъ костехранилищахъ, представляющихъ нѣкоторыя мѣстныя различія. Въ Волатеррахъ эти оссуаріи приготовлялись изъ алебастра и снабжались красивыми скульптурными украшеніями; въ Кьюзи и Перузіи господствовалъ травертино, также со скульптурными украшеніями, но въ другомъ стилѣ, причемъ и самая форма оссуаріевъ была различная въ этихъ двухъ городахъ. На ряду съ этимъ въ Кьюзи встрѣчаются и меньшія костехранилища изъ обожженой глины также съ пластическими украшеніями. Пепелъ незнатныхъ людей сохранялся въ круглыхъ глиняныхъ горшкахъ безъ всякихъ украшеній.

Всѣ эти различныя вмѣстилища земныхъ остатковъ усопшихъ помѣщались затѣмъ въ гробницы различныхъ конструкцій, лежавшія всегда внѣ предѣловъ города и составлявшія замкнутыя кладбища. Всѣ эти гробницы распадаются на извѣстное число различныхъ формъ, изъ коихъ каждой соотвѣтствуетъ опредѣленное названіе. Древнѣйшія изъ нихъ извѣстны подъ именемъ tombe a pozzo. Онѣ состоятъ изъ колодца цилиндрической или конической формы, углубляющагося въ известнякъ и имѣющаго два отдѣленія, верхнее съ большимъ и нижнее съ меньшимъ діаметромъ. Это послѣднее отдѣленіе и составляетъ собственно могилу и заключаетъ въ себѣ иногда большой красный глиняный горшокъ для пепла. Гробницы такимъ образомъ видоизмѣненныя, называются tombe a ziro. Затѣмъ слѣдуетъ tomba a fossa, яма прямоугольной формы въ 2—$2^1/_2$ метра длины, 1—$1^1/_3$ метра ширины и 2—3 метра глубины. Въ нихъ тѣла хоронили не сожигая, тогда какъ первыя болѣе древнія формы принадлежатъ еще эпохѣ сожиганія труповъ. Tomba a fossa, выложенная внутри камнями, носитъ особое названіе tomba a cassa. Tomba a fossa, увеличенная и снабженная потолкомъ, такъ что входъ въ нее устроенъ не сверху но спереди, называется tomba a camera, если-же потолокъ образуетъ своды, то она называется tomba con volta a botte. Если она имѣетъ узкую форму, напоминающую корридоръ, то называется tomba a corridoio. Tomba a buca представляетъ круглое углубленіе до 2,7 метровъ глубины, обложенное по краямъ камнями. Tomba a camera въ увеличенныхъ размѣрахъ, представляющая однако одинъ покой, называется camera a cassone. Изъ нея обра-

зовалась затѣмъ черезъ прибавленіе боковыхъ келій, позднѣйшая, болѣе развитая форма этрусскихъ гробницъ.

На этихъ гробницахъ съ ихъ богатыми коллекціями различныхъ произведеній изъ бронзы, желѣза, серебра, золота и глины мы можемъ наглядно прослѣдить весь ходъ развитія этрусской культуры, начиная съ древнѣйшихъ временъ, когда этруски, быть можетъ, только что спустились съ южныхъ склоновъ Альпъ, и до того періода, когда они уступили свое мѣсто въ культурной жизни народовъ Апеннинскаго полуострова римлянамъ. И какъ въ культурѣ, такъ и въ политикѣ этруски были предшественниками римлянъ. Они представляли древнѣйшую державу Италіи, могущественную какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Древніе разсказываютъ, что тирренцы были искусные мореплаватели (въ пользу этого говорятъ и морскіе разбои, которыми они по временамъ занимались); итакъ, этруски нѣкогда на ряду съ греками и карѳагенянами были могущественной морской державой. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и договоръ между Карѳагеномъ и Этруріей, устанавливавшій настоящій союзъ между обоими народами, нашедшій себѣ и фактическое подтвержденіе въ битвѣ съ фокейцами при Алаліи.

Однако этруски были могущественны не только на морѣ; они и на сушѣ далеко распространили свое господство въ Италіи. Древніе разсказываютъ, что они поработили почти всю Италію, и что греки нѣкогда называли „тирренцами" и латинъ, умбровъ и аврунковъ. На югъ этруски проникли въ Кампанію. Здѣсь они основали, какъ разсказываютъ, союзъ двѣнадцати городовъ. Важнѣйшіе изъ этихъ двѣнадцати городовъ были Капуя, называвшаяся во времена этрусковъ Вольтурномъ, и Нола, носившая быть можетъ названіе Урины. Многочисленныя находки, частью снабженныя этрусскими надписями, подтверждаютъ, что этруски нѣкогда жили въ Кампаніи. Наслѣдство ихъ, за исключеніемъ греческихъ приморскихъ колоній, перешло позднѣе къ оскамъ. Время покоренія Кампаніи и основанія или завоеванія обоихъ вышеназванныхъ городовъ можетъ быть точно установлено благодаря указаніямъ, даннымъ Катономъ: оно относится къ 602 г. до Р. Х. Прежде предполагали, что это завоеваніе Италіи было произведено съ моря. Но подобно тому, какъ этрусскіе города въ Тосканѣ, расположенные на каменныхъ утесахъ внутри страны, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что этруски пришли въ Италію сушей, такъ и въ Кампаніи Капуа и Нола лежатъ внутри страны, а берегъ Кампаніи въ то время находился уже въ рукахъ греческихъ колоній.

Если-же этруски заняли Кампанію сухимъ путемъ, то и Лаціумъ, лежащій между Этруріей и Кампаніей (другого сухого пути нѣтъ), долженъ былъ нѣкогда находиться подъ властью этрусковъ. Если-же это такъ, то не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что и будущая столица міра, гордый Римъ, нѣкогда подчиненъ былъ этрускамъ. Эта эпоха отражается въ разсказахъ о послѣднихъ трехъ царяхъ изъ дому Тарквиніевъ. Уже имя этого царскаго рода, равно какъ и то обстоятельство, что римляне началомъ господства Тарквиніевъ считаютъ 616-й годъ до Р. Х., указываютъ на господство этрусковъ. Такъ какъ они въ 602 г. до Р. Х. заняли Кампанію, то 616-й годъ является какъ нельзя болѣе подходящей датой для завоеванія ведущаго въ Кампанію этапа — Лаціума.

Вполнѣ понятны чувства, заставлявшія позднѣйшихъ римскихъ историковъ затемнять фактъ этрусскаго господства; однако и въ римской передачѣ этого послѣдняго періода исторіи царей изъ-за всѣхъ попытокъ скрыть истину, она тѣмъ не менѣе еще достаточно ясно просвѣчиваетъ. Воспоминаніе объ этомъ фактѣ живо сохранилось и у самыхъ этрусковъ въ сказаніи о Caile Vipina и Macstrna, которые толпу тусковъ изъ Вольсиній привели въ Римъ и тамъ поселили на mons Caelius. Правда, въ наше время сдѣланы были попытки опровергнуть фактъ господства этрусковъ въ Римѣ:

но тотъ, кто внимательно прочтетъ разсказъ Ливія о борьбѣ, наступившей послѣ изгнанія Тарквиніевъ, не можетъ сомнѣваться въ дѣйствительности этого господства. Ливій даетъ не историческій разсказъ, но героическую поэму, сатурнійскіе стихи которой могутъ быть легко возстановлены, и эта героическая поэма повѣствуетъ не о борьбѣ сословій или введеніи новаго государственнаго устройства, но объ освободительныхъ войнахъ римлянъ съ чужеземными завоевателями. Сверхъ того и многіе обычаи, нравы и учрежденія этрусскаго происхожденія, сохранившіеся въ Римѣ до позднѣйшаго времени, свидѣтельствуютъ о такомъ положеніи вещей. Таково напр. ученіе авгуровъ вмѣстѣ съ состоящимъ въ связи съ нимъ сооруженіемъ храмовъ. Таковы напр. знаки царскаго достоинства, т.-е. sella curulis, ликторы съ fasces, пурпуровая кайма на царскихъ одеждахъ и т. п. Далѣе мы замѣчаемъ вліяніе этрусковъ на римлянъ въ обработкѣ металловъ и архитектурѣ, въ денежной системѣ и календарѣ. Въ Римѣ не только Cloaca maxima, но и Капитолійскій храмъ были этрусскими сооруженіями. Событіе, извѣстное, какъ низложеніе царей, было въ дѣйствительности не что иное, какъ освободительная борьба римлянъ противъ господства этрусковъ.

Но и по окончаніи этой борьбы въ Римѣ осталось еще не только извѣстное число этрусскихъ учрежденій, но въ Лаціумѣ и въ самомъ Римѣ остались еще осѣдлые этруски. Такъ напр. въ Пренестѣ и въ Тускулумѣ, такъ и въ Римѣ въ vicus Tuscus у подошвы Палатина. Оставшіеся этруски принадлежали не только къ простой черни, но и къ римскимъ патриціанскимъ родамъ, каковы напр. Тарквиніи, Вольтиніи, Волумніи, Папиріи, Коминіи и другіе, и даже сами освободители были, можетъ быть, этрусскаго происхожденія. Это относится не только къ Л. Тарквинію Коллатину, гдѣ уже самое имя Тарквиній указываетъ на истинное положеніе вещей, но и къ другимъ. Родъ Юніевъ является въ этрусскихъ надписяхъ подъ именемъ uni, родъ Валеріевъ подъ именемъ velsi; повидимому можно даже доказать, что и Гораціи были этрусскаго происхожденія. Въ исторіи нерѣдко было сдѣлано наблюденіе, что смѣшеніе народовъ производитъ расы особенно богато одаренныя и стойкія въ борьбѣ за существованіе, примѣръ чему мы видимъ въ англичанахъ; поэтому возможно, что и римляне именно благодаря смѣшенію латинскихъ и сабинскихъ составныхъ частей народонаселенія съ этрусскими развили нѣкоторыя изъ тѣхъ качествъ, благодаря которымъ они стали наслѣдниками этрусковъ въ Италіи, а позднѣе достигли всемірнаго господства.

4. Вліяніе первобытнаго населенія на внѣшнія судьбы и культуру полуострова,

Теперь намъ остается еще бросить бѣглый взглядъ и на политическую исторію первобытныхъ народовъ Апеннинскаго полуострова, поскольку о таковой можетъ быть рѣчь. Нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ племенъ, какъ напр. племена иберійскаго происхожденія, не оставили никакихъ слѣдовъ исторической жизни въ этомъ смыслѣ, о другихъ, какъ напр. лигурійцахъ и венетахъ, можетъ быть рѣчь лишь тогда, когда они приходятъ въ какія бы то ни было, воинственныя-ли или мирныя, соприкосновенія съ римлянами. Лишь немногія племена, кромѣ латиновъ и римлянъ, яснѣе выступаютъ въ политической исторіи Италіи. Только этруски, галлы и самниты занимаютъ болѣе или менѣе выдающееся положеніе въ этомъ отношеніи.

О распространеніи владычества этрусковъ и могуществѣ ихъ на морѣ мы уже говорили выше (см. стр. 327). Позже, съ расширеніемъ римскаго

могущества господство этрусковъ должно было пасть. Правда, они еще неоднократно пытались противостоять возраставшему могуществу Рима, но напрасно. Эти попытки частью шли рука объ руку съ предпрiятiями самнитовъ, направленными на противодѣйствiе римлянамъ въ ихъ стремленiи распространить свое господство надъ всей Италiей. Правда, въ первой самнитской войнѣ (343—341 г. Р. Х.) этруски не приняли участiя; но уже во вторую войну (326—304 г. до Р. Х.) они воспользовались случаемъ, чтобы съ своей стороны (311) вступить въ войну съ Римомъ, однако были побѣждены Фабiемъ, совершившимъ смѣлый переходъ черезъ Циминскiй лѣсъ. И во время третьей (298—290 г. до Р. Х.), и во время четвертой самнитской войны (281—272 г. до Р. Х.) происходили также войны съ этрусками, а во время четвертой и съ галлами. Но и эти войны остались безуспѣшны, и въ 283 году этруски и бойи были разбиты при Вадимонскомъ озерѣ и въ слѣдующемъ году потерпѣли новое пораженiе. Эти пораженiя повели за собой полное подчиненiе ихъ Риму. Однако, романизацiя ихъ, повидимому, подвигалась очень медленно, ибо только въ 89 г. до Р. Х. всѣ этруски получили права римскаго гражданства. То-же самое подтверждаютъ и ихъ надписи, доходящiя до эпохи императоровъ.

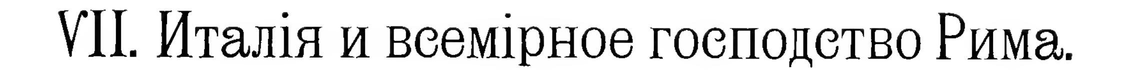
Въ исторiи Италiи выдающуюся роль играли и галлы. Около 600 г. до Р. Х. начались вторженiя галльскихъ племенъ въ Италiю. Они завладѣли сперва сѣверными частями долины Падуса, но въ 400 г. до Р. Х. перешли и эту рѣку и заняли даже нѣкоторыя области Средней Италiи. Въ 390 году они разбили римлянъ при рѣкѣ Аллiи, взяли и сожгли Римъ, но во время осады Капитолiя были разбиты и изгнаны Камилломъ. Принимавшiя здѣсь участiе галльскiя племена были: инсубры съ главнымъ городомъ Медiоланумомъ, въ 222 году до Р. Х. покоренные римлянами, кеноманы съ главнымъ городомъ Вероной и жившiе къ югу отъ По ананы, лингоны и могущественные бойи, распадавшiеся на 112 трибъ. Они нерѣдко приходили въ столкновенiя съ римлянами, были впервые побѣждены въ 224 г. до Р. Х., и затѣмъ, оказавъ во время второй пунической войны поддержку карѳагенянамъ, были окончательно покорены въ 191 г. Сципiономъ Назикой. Наконецъ, и сеноны, занявшiе береговую полосу Умбрiи, подпали въ 282 году подъ владычество Рима. На культурное развитiе Италiи и особенно Рима галлы, насколько мы можемъ судить, имѣли мало влiянiя, во всякомъ случаѣ влiянiе ихъ было значительно слабѣе этрусскаго. Только на сѣверѣ Италiи, т. е. тамъ, гдѣ жили они сами, и отчасти въ области венетовъ галльская культура, извѣстная подъ именемъ культуры перiода Ла-Тенъ (см. томъ I), оставила богатые слѣды.

Такова приблизительно картина первобытныхъ народовъ Апеннинскаго полуострова, насколько она можетъ быть возстановлена при нынѣшнемъ состоянiи науки. Но картина эта была бы неполной, еслибы мы не присоединили къ ней еще нѣкоторыхъ свѣдѣнiй о томъ искусствѣ, которое составляетъ основу всякой высшей цивилизацiи, искусствѣ письма. Однимъ изъ важнѣйшихъ и рѣшительнѣйшихъ моментовъ въ жизни народа является моментъ ознакомленiя его съ искусствомъ письма. Такое значенiе этому благородному искусству придаетъ не только непосредственная цѣнность его для практической жизни, для торговыхъ и иныхъ сношенiй, но еще болѣе важность его для духовной жизни. Развитiе литературы, получившей даже свое имя отъ буквъ, litterae, развитiе науки, все это становится возможныхъ лишь съ того момента, когда народъ ознакомится съ искусствомъ письма.

Въ Италiи искусство письма, повидимому, введено было уже въ очень раннiй перiодъ: въ Пиценѣ мы находимъ надписи, написанныя очень древнимъ алфавитомъ. Какому народу принадлежатъ эти надписи, до сихъ поръ не установлено. Обыкновенно ихъ называютъ древне-сабельскими, но возможно, что ихъ слѣдуетъ приписать скорѣе иллирiйцамъ.

Точно также невозможно установить, изъ какой именно мѣстности Греціи этотъ древній алфавитъ перешелъ въ Италію. Само собой разумѣется, что и прочія племена Италіи переняли искусство письма отъ грековъ, но изъ различныхъ мѣстностей и независимо другъ отъ друга. Такъ мессапіи получили его отъ локровъ, венеты вѣроятно изъ Элиды. Затѣмъ установлено съ несомнѣнностью, что этруски, умбры и оски съ одной стороны, латины и фалиски съ другой получили алфавитъ отъ халкидскихъ колоній въ Италіи. Обѣ эти группы хотя и происходятъ отъ одного и того-же источника, повидимому, возникли въ разныя времена, ибо этрусско-умбро-оскскій алфавитъ, читающійся еще изъ справа на лѣво, древнѣе римско-фалискскаго, хотя и этотъ послѣдній въ древнѣйшія времена читался точно такъ-же. Но этруски, какъ болѣе древній культурный народъ, несомнѣнно раньше переняли и искусство письма. Поэтому въ ихъ алфавитѣ отражается болѣе древняя форма халкидскаго алфавита, чѣмъ въ римскомъ. Отъ этрусковъ искусство письма перешло и далѣе на сѣверъ, къ лигурійцамъ и галламъ. Послѣдніе пользовались раньше греческимъ алфавитомъ, проникшимъ сюда изъ Массиліи; позднѣе они стали писать этрусскимъ, а во время господства Рима римскимъ алфавитомъ, ибо не имѣли своего національнаго,

---

VII. Италія и всемірное господство Рима.

Проф. д-ра **Юліуса Юнга.**

1. Географически-историческій обзоръ природы и населенія Апеннинскаго полуострова.

А. Географія древней Италіи.

Море, заключенное среди трехъ частей древняго міра, Азіи, Африки и Европы, омывающее ихъ берега и потому со временъ римскаго господства получившее названіе „внутренняго“ или „Средиземнаго моря“, раздѣляется на два бассейна, восточный и западный. Эти бассейны соединяются между собой проливами. Одинъ проливъ, лежащій между Сициліей и противоположнымъ африканскимъ берегомъ, получаетъ нынѣ свое названіе отъ небольшого острова Пантелларіи (въ древности Коссира), расположеннаго ближе къ Африкѣ, но по характеру морского дна скорѣе принадлежащаго Сициліи. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ доисторическое время горы по обѣ стороны моря составляли одну цѣпь, такъ что хребетъ Атласъ на африканскомъ берегу служилъ продолженіемъ Апеннинъ. Единство это было разрушено вторженіемъ моря въ сравнительно недавній (въ геологическомъ смыслѣ) періодъ, причемъ однако сохранилось географическое соотвѣтствіе; противоположный берегъ выступаетъ по направленію къ Сициліи. Ключъ къ находящемуся здѣсь проливу составляетъ группа острововъ Мелита и Гаудосъ (нынѣ Мальта и Гоццо), лежащая къ югу отъ Сициліи, приблизительно на срединѣ всего протяженія Средиземнаго моря, и славящаяся хорошими гаванями. Пантелларскій проливъ съ его мелями и частыми бурями представлялъ большія опасности для неопытныхъ мореплавателей, но существовалъ другой путь изъ Греціи въ западный бассейнъ Средиземнаго моря, который велъ между Сициліей и материкомъ черезъ Дзанкле или Мессинскій проливъ, тамъ гдѣ горная цѣпь Апеннинъ прерывается вторженіемъ моря.

Западное Средиземное море съ своей стороны распадается на двѣ части, глубиною до 3000 метровъ и болѣе; въ центрѣ его лежитъ островъ Сардинія, игравшій въ древности несравненно болѣе выдающуюся роль, чѣмъ теперь, и давшій даже названіе „Сардскаго“ всему окружающему морю, подобно тому, какъ существовало и „Сицилійское море“. Наоборотъ, море, расположенное между Сициліей, Сардиніей, Корсикой и италійскимъ континентомъ, называлось со времени господства этрусковъ „Тирренскимъ“. Римляне называли его „Нижнимъ“ или Южнымъ моремъ въ противоположность „Верхнему“ или Сѣверному, извѣстному у грековъ подъ названіемъ „Іоническаго“ или, по городу Адріи, „Адріатическаго“ залива; Южное море получило свое названіе благодаря тому, что служило посредникомъ въ сношеніяхъ между востокомъ и западомъ, ибо здѣсь шла дорога изъ Греціи въ Италію, Сѣверное — благодаря развившимся позднѣе сношеніямъ съ сѣверной частью залива и устьями По, такъ какъ здѣсь континентальная Европа соприкасалась съ моремъ. Море это иногда называли ко-

роче просто „Адріатикой“, а названіе Іоническаго моря относили лишь къ южной части его; впрочемъ всѣ эти названія съ теченіемъ времени претерпѣвали большія измѣненія.

Къ сѣверу отъ Корсики простиралось Лигурійское море съ Генуэзской гаванью; къ западу Массильскій заливъ, море, окружающее Балеарскіе острова, и къ югу отъ него Иберійское море, изъ котораго черезъ такъ-называемые „Геркулесовы столбы“ (Гибралтарскій проливъ) дорога вела въ Гадесъ (нынѣ Кадиксъ) и въ мѣстности, расположенныя при „Океанѣ“ или „Внѣшнемъ“ морѣ. Гадесъ поддерживалъ живыя сношенія съ „островами блаженныхъ“ (insulae fortunatae), лежавшими на крайнемъ концѣ извѣстнаго древнимъ міра. Это были „Канарскіе острова; но такъ какъ пуническія деньги были найдены и на Азорскихъ островахъ, то, повидимому, карѳагеняне доплывали иногда и до нихъ; извѣстно, что финикіянъ долгое время занимала даже идея о томъ, чтобы моремъ объѣхать всю Африку. Въ западномъ бассейнѣ Средиземнаго моря иберы и лигуры, повидимому, играли въ доисторическое время болѣе значительную роль, чѣмъ позднѣе, когда они должны были подчиниться великимъ культурнымъ націямъ. Лигуры распространили свое вліяніе въ южной Галліи къ востоку отъ устьевъ Роны, и по сю сторону Морскихъ Альпъ, и въ Апеннинахъ, на Корсикѣ и въ сѣверной Сардиніи, можетъ быть даже въ Сициліи, если сикулы были дѣйствительно лигурійскаго происхожденія, о чемъ свидѣтельствуютъ раскопки, сдѣланныя недавно въ ихъ гробницахъ; въ остальной Сардиніи и среди сикановъ въ Сициліи преобладало наоборотъ вліяніе иберовъ, которое еще вѣками спустя сказывалось, спеціально въ Сардиніи, въ языкѣ, одеждѣ и образѣ жизни. Такимъ образомъ здѣсь не существовало древнихъ сношеній съ Италіей, а въ историческія времена эти острова находились попеременно то подъ вліяніемъ Африки, то Греціи, то Италіи, то Галліи, то Испаніи.

Разстоянія по всѣмъ этимъ направленіямъ не велики. Западный берегъ Сициліи отстоитъ отъ африканскаго берега всего на 120 километровъ, такъ что въ свѣтлые дни съ острова по направленію къ югу виденъ материкъ; переѣздъ туда моремъ также не связанъ съ особыми затрудненіями, тѣмъ болѣе, что берегъ изобилуетъ хорошими гаванями. Поэтому, когда финикіяне, стоявшіе во главѣ морскихъ державъ древняго міра, утвердились въ „собственно Африкѣ“ (Africa propria, какъ говорили римляне), вліяніе ихъ вскорѣ распространилось и на западную Сицилію, и на южную Сардинію. Около 1100 г. до Р. Х. выходцы изъ Тира основали у устьевъ Баграда (нынѣ Меджерда), единственной многоводной рѣки противоположнаго Сициліи берега, городъ Утику, затѣмъ въ лучшей гавани къ западу оттуда они основали Гиппо Заритъ (нынѣ Бизерта) и у залива, называемаго нынѣ Гаммаматскимъ и крайне выгодно расположеннаго для сношеній съ внутренностью страны, Гадруметъ (называвшійся въ позднѣйшій римскій періодъ Содзуза, нынѣ Суза). Лѣтъ черезъ 300 послѣ Утики былъ основанъ „Новый городъ“, Карѳагенъ; онъ далеко опередилъ древніе города и привлекъ къ себѣ всю торговлю съ Сициліей и Сардиніей. У „Малаго Сирта“ лежали важные для африканской торговли складочные пункты, которые греки коротко называли „эмпоріями“; между ними находился и Такапе, нынѣ Габесъ у залива того-же имени. Къ востоку оттуда, у Большого Сирта, лежали пуническіе „Три Города“, Большая Лептида, Оея и Сабрата, изъ коихъ второй, начиная съ эпохи императоровъ до настоящаго времени, носитъ названіе Триполи. Эти города, расположенные у конечныхъ пунктовъ караванныхъ путей и пріобрѣтавшіе благодаря этому большія богатства, возбудили вскорѣ зависть карѳагенянъ, которые, для обезпеченія за собой монополіи, прибѣгли, наконецъ, къ насильственнымъ мѣрамъ и засыпали гавань Лептиды.

И на западномъ берегу сѣверной Африки, вдоль „нумидійскихъ“ и

„мавританскихъ" областей, финикіяне закладывали факторіи, затѣмъ перешли и за Геркулесовы столбы въ Иберію, гдѣ основали Гадесъ. Въ 510 г. до Р. Х. карѳагенскій адмиралъ Ганнонъ предпринялъ путешествіе съ цѣлью изслѣдовать берегъ западной Африки и по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ; онъ достигъ до рѣки крокодиловъ (Сенегала), такъ что финикійская культура проникла уже изъ Тира черезъ Мелиту и Гаудосъ, затронувъ Сицилію и Сардинію, въ южную Испанію (включительно съ Балеарскими островами), и по африканскому берегу распространена была отъ границъ Киренаики до крайняго запада. Соперничавшіе съ финикіянами греки удержали за собой на африканскому берегу только Кирену и Барку, т. е. мѣстность между „Большимъ Сиртомъ" и Египтомъ, лежащую противъ Греціи и легко доступную съ южныхъ острововъ Эгейскаго моря: первые поселенцы, происходившіе съ острова Теры, съумѣли удержаться въ этой мѣстности благодаря тому, что число ихъ значительно возросло вслѣдствіе послѣдующихъ переселеній изъ Спарты и Крита. На западѣ борьба между финикіянами и греками долгое время шла за обладаніе Сардиніей и Корсикой, пока наконецъ малоазіатскіе фокейцы, имѣвшіе здѣсь наибольшее значеніе, не удовольствовались на италійскомъ берегу одной Элеей (Велія, къ югу отъ Посейдоніи или Пестума), главныя-же свои силы сосредоточили на основанной на галльскомъ берегу колоніи Массиліи (нынѣ Марсель). Отсюда покрыты были факторіями съ одной стороны лигурійскій берегъ (до Никеи и Монека, нынѣ Ницца и Монако), съ другой сѣвероиспанскій, а галльскія области до береговъ Британіи и Германіи обращены въ владѣнія массильскихъ купцовъ. Монеты этого греческаго приморскаго города находились въ обращеніи на всемъ протяженіи до Ретійскихъ Альпъ, такъ какъ здѣсь греки конкуррировали съ этрусками. При этомъ Массилія до эпохи императоровъ сохранила свои религіозныя отношенія къ малоазіатской метрополіи, точно также какъ и Карѳагенъ считалъ себя колоніей Тира, пока послѣдній не былъ разрушенъ Александромъ Великимъ. Такія отношенія имѣли очень большое значеніе не только для торговли, но и для духовныхъ точекъ сопрокосновенія запада съ востокомъ.

И въ отношеніи внѣшней политики не было лишено значенія то обстоятельство, что соперничество метрополій передавалось колоніямъ. Когда Ксерксъ съ финикіянами выступилъ въ походъ противъ Греціи, Карѳагенъ оказалъ ему помощь, осадивъ греческіе города Сициліи, и даже платилъ персидскому царю дань, чтобы съ своей стороны получить поддержку противъ могущественныхъ на морѣ Аѳинъ и имѣть возможность свободно оперировать противъ Сиракузъ; при этомъ Сиракузы, соединявшія подъ своей властью всѣ греческіе города Сициліи, подобно тому какъ Карѳагенъ соединялъ финикійскіе города Африки, считались главнымъ противникомъ, аѳиняне же стояли лишь на второмъ планѣ. Впродолженіе всего этого времени финикіяне съ такимъ успѣхомъ занимались колонизаціей и внутри страны, что эта часть Африки считалась въ древности наиболѣе густо населенной, такъ какъ она въ предѣлахъ нынѣшняго Туниса имѣла до 3—4 милліоновъ населенія, т.-е вдвое больше, чѣмъ въ настоящее время: въ эпоху римскаго господства производство пшеницы, напр., совершенно уничтожило сицилійское и конкуррировало съ египетскимъ. Такъ какъ вопросы эти затрогивали и интересы ливійскихъ кочующихъ племенъ, то финикійское нарѣчіе вскорѣ заняло положеніе культурнаго языка для всѣхъ африканскихъ земель. Еще въ эпоху императоровъ африканскіе крестьяне съ гордостью смотрѣли на себя, какъ на настоящихъ „хананеянъ", смотрѣли вслѣдствіе этого на священныя книги іудеевъ и христіанъ какъ па своего рода національное евангеліе и не прочь были придать и всему христіанству африканскій отпечатокъ (стр. 234). Попытка эта однако не удалась, такъ какъ остальной западъ не подчинился ихъ

вліянію; въ общемъ африканцы тогда, какъ и 600 лѣтъ спустя, слыли коварными, сладострастными и жестокими. Ихъ нельзя впрочемъ считать чистыми семитами, скорѣе здѣсь имѣло мѣсто смѣшеніе ливійской и финикійской крови, а иногда простая ассимиляція въ отношеніи языка и культуры. Въ главномъ городѣ Карѳагенѣ во времена Ганнибала знатные роды роднились не только съ ливійскими и иберійскими князьками, но и съ эмигрантами изъ Сиракузъ, и греческое нарѣчіе повсюду признавалось господствующимъ языкомъ бассейна Средиземнаго моря. Финикійскія божества были впослѣдствіи приравнены къ соотвѣтствующимъ греческимъ или римскимъ богамъ: Мелькартъ съ Геракломъ (Геркулесомъ), Астарта съ Венерой или Юноной, смотря по отличительнымъ ихъ признакамъ; Ваалъ съ Сатурномъ; культъ послѣдняго процвѣталъ вмѣстѣ съ римскими еще въ эпоху императоровъ, тогда какъ другіе, торжественно введенные въ столицѣ имперіи, Римѣ, во времена династіи Септимія Севера, возвѣстили всему міру временный тріумфъ африканизма.

Въ то время какъ финикіяне распространяли свое морское могущество, завладѣвъ Коссирскимъ (Пантелларскимъ) проливомъ, греки, начиная съ VIII вѣка до Р. Х., стали укрѣпляться по берегамъ Дзанкле или Мессинскаго пролива. Прежде другихъ здѣсь проѣхали могущественные въ то время халкидяне изъ Эвбеи; они основали на берегу залива, на выступавшей тогда еще почти непосредственно изъ моря скалѣ, городъ Киме. Чтобы не потерять господство надъ проливомъ, была немедленно устроена въ видѣ постоянной станціи и Дзанкле, „серпъ“ (получившій такое наименованіе отъ формы гавани), укрѣпленная въ V вѣкѣ благодаря переселенію мессенянъ и получившая названіе Мессаны; на противоположной, континентальной сторонѣ возникъ Регій, имя котораго производилось отъ греческаго слова *ῥήγνυμι*, т.-е. прорвать, ибо возникновеніе пролива совершенно правильно приписывалось внезапному разрыву. Регій и Мессана, составлявшіе ключъ къ греческому проливу, достигли большого значенія. Регій находился уже въ рукахъ римлянъ; когда же карѳагеняне завладѣли Мессаной, то вспыхнула римско-пуническая война, имѣвшая рѣшающее значеніе для всего хода всемірной исторіи. Изъ колоній халкидянъ слѣдуетъ упомянуть еще о Наксосѣ, занявшемъ и обрабатывавшемъ вмѣстѣ со своими колоніями, Катаной и Леонтинами, богатую пшеницей долину у подошвы Этны; во времена пелопоннесской войны Леонтины, т.-е. болѣе молодой городъ, лежавшій на разстояніи мили отъ моря, стоялъ во главѣ халкидскихъ колоній; такъ, мы видимъ, что положеніе отдѣльныхъ городовъ было подвержено частымъ измѣненіямъ. Наксосъ въ 409 году былъ разрушенъ сиракузянами, послѣ чего остатки населенія удалились въ Тавроменій (нынѣ Таормина).

На ряду съ халкидянами въ колонизаціи восточнаго и южнаго берега Сициліи принимали участіе и дорійскіе города, напр. Мегара, станція которой, Мегара Гиблейская, не достигла впрочемъ большого значенія; Аѳины, вскорѣ подавившія и поборовшія метрополію, въ періодъ своего могущества направили свою колонизацію по слѣдамъ ея поселеній. Главнымъ образомъ однако мегаряне не имѣли успѣха потому, что основанная Коринѳомъ колонія Сиракузы чрезвычайно быстро развилась, благодаря выгодному положенію и превосходнымъ гаванямъ. Вскорѣ Сиракузы расширили свои владѣнія до южной оконечности Сициліи и стали соперничать съ расположенными на сѣверѣ халкидскими колоніями, причемъ островъ Корцира (Корфу), гдѣ Коринѳъ также основалъ колонію, представлялъ важную станцію для сношеній съ родиной. Мегаряне отказались отъ этой конкурренціи, переселившись на южный берегъ западной Сициліи, въ Селинунтъ, слава котораго сохранилась и по настоящее время благодаря грандіознымъ развалинамъ храма. Изъ другихъ городовъ на южномъ берегу слѣдуетъ назвать Гелу, основанную Родосомъ совмѣстно съ критскими

выходцами, и Акрагантъ, колонію Гелы. Въ то время какъ Селинунтъ въ 409 г. до Р. Х. былъ уже разрушенъ кароагенянами, Акрагантъ, обширная область котораго простиралась до сѣвернаго берега Сициліи, поддерживалъ живыя торговыя сношенія съ Африкой, такъ какъ онъ, въ противоположность Сиракузамъ, не колеблясь всталъ въ хорошія отношенія съ Кароагеномъ и даже признавалъ его главенство. Сиракузы же, начиная съ V вѣка, когда они вмѣстѣ съ Гелой образовали общее поселеніе, по количеству народонаселенія, благосостоянію и неприступности своей крѣпости заняли мѣсто перваго греческаго города Сициліи, оттѣснивъ халкидскіе и другіе не подчинившіеся имъ города, въ теченіе двухсотъ лѣтъ были дѣятельной соперницей Кароагена, главную опору котораго составляли превосходныя гавани Лилибей, Дрепанъ и Панормъ. Лилибей (близъ нынѣшней Марсалы) почти цѣлое тысячелѣтіе былъ главнымъ городомъ западной Сициліи, какъ во времена пуническаго, такъ и римскаго и вандальскаго господства; Панормъ же сдѣлался метрополіей всего острова, послѣ того какъ въ IX вѣкѣ по Р. Х. Сиракузы были разрушены арабами. Сиракузы также закладывали колоніи, такъ напр. Камарину, отпавшую во время пелопоннесской войны отъ своей метрополіи. Гимера была колоніей Дзанклы.

Б. Естественныя условія Апеннинскаго полуострова.

Вслѣдствіе перенаселенія Греціи, въ Италіи на ряду съ торговлей выгоднымъ занятіемъ оказалось и хлѣбопашество, такъ какъ напр. въ V вѣкѣ ввозъ въ Пелопоннесъ шелъ главнымъ образомъ изъ Сициліи; однако часть его шла и изъ южной Италіи. Здѣсь, на берегу, обращенномъ къ Греціи, утвердились прежде другихъ ахейцы (съ сѣвернаго берега Пелопоннеса), основавшіе города Кротонъ, Сибарисъ и Метапонтъ. Локры заложили Локры Эпизефирскіе (близъ нынѣшняго Джераче), въ мѣстности, защищенной отъ западныхъ вѣтровъ. Уже раньше спартанцы основали колонію въ Тарасѣ (Тарентъ), которая присвоила себѣ за счетъ туземныхъ япиговъ большую область, одинаково пригодную какъ для овцеводства, такъ и для хлѣбопашества, и сверхъ того занималась на морѣ торговлей и рыболовствомъ. И Сибарисъ широко распространилъ свои владѣнія до Лауса и Посейдоніи (въ римскій періодъ Пестумъ; тамъ находятся знаменитые греческіе храмы) на луканскомъ берегу, что дало возможность торговыхъ сношеній сухимъ путемъ, необходимыхъ вслѣдствіе замкнутости націй, занимавшихся мореплаваніемъ. Послѣ того какъ Сибарисъ, служившій одно время средоточіемъ итальянскихъ грековъ, въ 510 г. до Р. Х. былъ разрушенъ жителями Кротона, Периклъ, стоявшій въ то время во главѣ аѳинскаго государства, побудилъ аѳинянъ предпринять въ 443 г. основаніе колоніи въ сосѣднихъ Туріяхъ; въ этомъ предпріятіи должны были принять участіе греки всѣхъ племенъ, въ томъ числѣ и пелопоннессцы; это уклоненіе отъ принятыхъ обычаевъ не оправдало однако возложенныхъ на него ожиданій и повело къ борьбѣ партій, которою воспользовался враждебно настроенный Тарентъ. Среди поселенцевъ находился и историкъ Геродотъ изъ Галикарнаса, подробно описавшій въ своемъ сочиненіи мѣстныя условія. Аѳины въ то время стремились укрѣпить свое положеніе и въ западной части Средиземнаго моря, вошли въ союзъ съ Неаполемъ и Этруріей и даже пытались завладѣть Мессинскимъ проливомъ, чтобы занять мѣсто Сиракузъ въ господствѣ надъ островомъ и взять на себя предводительство въ борьбѣ съ Кароагеномъ. Керцира находилась въ союзѣ съ аѳинянами, Регій открылъ имъ свою гавань; имъ удалось даже на время занять Мессану, но халкидскіе города, враждовавшіе съ Сиракузами, не довѣряли и аѳинянамъ; когда же послѣдніе попытались достигнуть цѣли насильственными мѣрами, предпріятіе ихъ

окончилось полной неудачей, причемъ Сиракузы выступили даже въ восточномъ морѣ въ пользу спартанцевъ. Итакъ мы видимъ, что въ Сициліи и южной Италіи разыгрывались важныя фазы греческой исторіи, тогда какъ съ другой стороны широко и плодотворно развивалась и духовная жизнь націи, философія, реторика, естественныя науки и политика, вслѣдствіе чего южную Италію еще и въ римскій періодъ называли иногда „Великой Греціей“. Сверхъ того народы Италіи получили первые зародыши образованія, въ томъ числѣ искусство письма, отъ греческихъ колоній, причемъ наиболѣе благотворное вліяніе имѣла въ этомъ отношеніи колонія Киме.

При этомъ войны и разбойническіе набѣги, которыми финикіяне, тирренцы и греки взаимно преслѣдовали другъ друга, продолжались и позднѣе, какъ во времена морскихъ путешествій съ цѣлью открытій, когда конквистадоры одновременно занимались торговлей и морскими разбоями. Греки и между собой не могли прійти къ единенію, общая религія въ лучшемъ случаѣ только лишала ихъ столкновенія характера жестокости, но и отъ этой умѣренности они отказались во время безпощадной Пелопоннесской войны. Каждое государство стремилось удержать исключительно за собой „свое море“ и свою торговую дорогу. Если туда осмѣливался проникнуть чужой, онъ считался врагомъ, противъ котораго все было дозволено; если его не убивали, то обращали въ рабство, ибо рабство основывало свое существованіе именно на войнѣ и морскихъ разбояхъ. Безъ рабства-же не могло существовать и древнее государство, ибо „гражданинъ“ только тогда могъ исполнять свои обязанности, когда имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно рабовъ для исполненія различныхъ работъ. Только постепенно смягчены были строгіе законы въ отношеніяхъ государствъ другъ къ другу и заключены договоры, благодаря которымъ обезпечена была безопасность гражданъ и урегулированы торговыя сношенія, что въ концѣ концовъ повлекло за собой и установленіе важной въ практическомъ отношеніи единицы въ денежной системѣ. Въ общемъ повсюду эгоистическіе интересы преобладали надъ общими. Большимъ прогрессомъ было уже то, что въ IV вѣкѣ до Р. Х. пріобрѣтенныя географическія свѣдѣнія не держались болѣе втайнѣ, но предавались гласности.

Для практическихъ цѣлей мореплаванія финикіяне, равно какъ и греки, пользовались тщательно составленными описаніями береговъ, отмѣчая въ нихъ разстоянія между гаванями, свойства ихъ и вытекающіе отсюда шансы на установленіе торговыхъ сношеній. Къ этому прибавлялись и этнографическія замѣтки и перечень достопримѣчательностей. Такіе сборники назывались по гречески „Periplus“ (т.-е. „объѣздъ“); изъ нихъ нѣсколько сохранилось до нашего времени, такъ напр. замѣтки упомянутаго уже Ганнона о его экспедиціи въ земли Ливіи, расположенныя за Геркулесовыми столбами (въ греческомъ переводѣ), затѣмъ описаніе испанскихъ береговъ и наконецъ Periplus, составленный въ половинѣ IV вѣка до Р. Х. и перечисляющій всѣ мѣста стоянки кораблей на Средиземномъ морѣ. И историки должны были пользоваться этими справочными книгами; мы узнаемъ изъ нихъ, что путешествіе отъ сирійскаго къ южноиспанскому берегу требовало 80 дней, что грузовой корабль употреблялъ не менѣе восьми дней, чтобы объѣхать Сицилію. Характерно для этого времени то обстоятельство, что мореплаваніемъ занимались лишь одну половину года, зимою же оно совершенно прекращалось; интересно также и то, что мореплаватели всегда по возможности держались берега. Чтобы попасть изъ Греціи въ Сиракузы, они отправлялись сперва въ Керциру, оттуда въ южную Италію и отъ Тарентскаго залива брали направленіе на югъ, держась вдоль берега. Ѣхавшіе изъ Рима въ Испанію моремъ последовательно объѣзжали берега Этруріи, Лигуріи и Галліи, большинство же вообще предпочитало сухой путь.

Не малый интересъ представляютъ и прилагавшіяся къ Periplus историко-географическія замѣтки, которыя по большей части исходятъ изъ греческихъ героическихъ сказаній и значительно расширяютъ ихъ, по произволу перенося мѣсто дѣйствія путешествій Одиссея, Діомеда, Энея, Антенора и другихъ героевъ Троянской войны, а также Геракла и Аргонавтовъ, такъ что по нимъ мы можемъ судить объ успѣхахъ географическихъ знаній за это время; все школьное преподаваніе географіи у грековъ долгое время представляло не что иное, какъ комментаріи къ Гомеровскимъ стихамъ; это мы замѣчаемъ еще у Страбона и даже впрочемъ до начала среднихъ вѣковъ. Съ этой точки зрѣнія въ мысѣ Цирце, видимомъ уже издалека и дѣйствительно не соединенномъ въ доисторическое время съ материкомъ, видѣли тотъ островъ, на которомъ Одиссей остановился у волшебницы Цирцеи, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей, по выраженію Гезіода, „господствовавшихъ надъ всѣми тирренцами на далекой чужбинѣ, въ тиши священныхъ острововъ". Отсюда мы узнаемъ, что на первыхъ пришельцевъ страна произвела впечатлѣніе группы острововъ. Героемъ области Давніи, позднѣе соединившейся съ Апуліей, былъ Діомедъ, основавшій Гиппіонъ Аргосъ или Арпи и оставившій имя „полей Діомеда" плодородной равнинѣ, расположенной къ югу отъ этого города. Въ Беневентѣ показывали клыки калидонскаго вепря, убитаго божественнымъ Мелеагромъ; по сказанію, они были привезены сюда Діомедомъ. Странствованія послѣдняго закончились лишь на „Діомедовыхъ островахъ", лежащихъ къ сѣверу отъ мыса Гаргано. Рядомъ съ островомъ, на которомъ показывали могилу Діомеда и который поэтому преимущественно назывался „Діомедея", лежалъ второй, Триметъ, вслѣдствіе чего и вся состоящая изъ пяти острововъ группа носитъ нынѣ названіе острововъ Тремити.

Въ другихъ мѣстностяхъ, тамъ, гдѣ почитали могущественную богиню, которую греки сопоставили съ Афродитой, всюду можно было встрѣтить слѣды Энея. Легенда, связанная съ его именемъ, жила по всему берегу, вплоть до Лаціума. Въ Римѣ показывали корабль, на которомъ прибылъ туда Эней послѣ бѣгства изъ Трои; по сказанію, онъ женился на Лавиніи, дочери царя лаврентовъ Латина, и основалъ Лавиній. Отсюда, разсказывало дальше преданіе, происходили цари Альба-Лонги, а выходцы изъ послѣдней основали позднѣе Римъ. Если въ одной части этихъ сказаній находили себѣ выраженіе развивавшіяся географическія знанія и этнографическія параллели съ миѳической окраской, то другая часть служила для объясненія явленій природы. Древніе мореплаватели встрѣчали большія затрудненія при проходѣ черезъ Мессинскій проливъ, гдѣ находились сильные водовороты, поэтому воображеніе ихъ помѣстило здѣсь двухъ морскихъ чудовищъ, Сциллу, пожиравшую свои жертвы цѣликомъ, и на другой сторонѣ Харибду, въ пасть которой неминуемо попадалъ всякій, успѣвшій избѣжать Сциллы; улучшенія въ кораблестроеніи и бо́льшая опытность отвели эти разсказы къ области сказокъ.

Дальнѣйшее поле миѳологическимъ росказнямъ открывало еще то обстоятельство, что Апеннинскій полуостровъ вмѣстѣ съ близъ лежащими островами былъ мѣстомъ очень живой вулканической дѣятельности. Огнедышащія горы Сициліи, Липарскихъ и Питекусскихъ острововъ (нынѣ группа Искіи, т.-е. просто „острова"), а также и берега Кампаніи особенно сильно возбуждали воображеніе. Греческіе обитатели Липарскихъ острововъ, пришедшіе изъ Родоса и Книда и образовавшіе общину, занимавшуюся морскими разбоями, не менѣе должны были остерегаться явленій природы, чѣмъ карѳагенянъ и тирренцевъ. На „Обезьяньемъ Островѣ" (Pithecussae) изверженіе огнедышащей въ то время горы Эпомео неоднократно парализовало колонизаціонныя попытки грековъ, сперва халкидянъ, потомъ сиракузянъ; еще и въ самое послѣднее время вулканическія изверженія на

Искіи стоили жизни тысячамъ людей. На берегу Кампаніи Везувій съ его богатыми лѣсами считался, правда, до 79 г. по Р. Х., когда изверженіе его повело за собой гибель трехъ цвѣтущихъ городовъ (см. таблицу ниже), потухшимъ вулканомъ. Но Кумы (Киме) и Неаполь сильно страдали отъ частыхъ землетрясеній; вся эта мѣстность полна небольшихъ вулканическихъ озеръ, сѣрныхъ источниковъ и такъ называемыхъ сольфатаръ, т.-е. мѣстъ испаренія паровъ или газовъ, такъ что съ древнихъ временъ общій видъ страны существенно измѣнился, какъ вслѣдствіе непрерывной дѣятельности Везувія, такъ и другихъ вулканическихъ силъ. Нѣкогда Кумы соединялись съ Мизенскимъ заливомъ двумя озерами, lacus Avernus и lacus Lucrinus; но съ 1538 г. по Р. Х. связь эта болѣе не существуетъ, ибо въ ночь съ 29 на 30 сентября между обоими озерами въ теченіе нѣсколькихъ часовъ выросла новая гора (Monte nuovo) вышиною въ 149 метровъ, изверженіемъ которой почти совсѣмъ засыпано было Лукринское озеро. Только Аверпское озеро сохранилось до настоящаго времени.

Древніе по своему объясняли себѣ продолжительныя вулканическія явленія: они полагали, что подъ землею, отъ Кампаніи до Этны, лежитъ скованный великанъ, изливающій свой гнѣвъ изъ жерла Этны; или же допускали еще существованіе второго великана, который давалъ себя знать до Эпомеи. Въ флегрейскихъ поляхъ на берегу Кампаніи находился по ихъ мнѣнію входъ въ преисподній міръ; замѣчательное описаніе этой мѣстности, выдающееся по точности, даетъ Виргилій въ своей Энеидѣ; впрочемъ, равнина, разстилающаяся по направленію къ сѣверу до предѣловъ Капуи, Campus Laborinus (нынѣ Терра-ди-Лаворо), уже въ древности славилась своимъ плодородіемъ. О lacus Avernus существовало сказаніе, что перелетающія черезъ него птицы оглушенныя падали въ воду. Липарскіе острова считались мѣстомъ жительства бога вѣтра — Эола, ибо изверженія изъ кратеровъ предсказывали наступленіе вѣтра, вслѣдствіе чего эти острова носили и названіе Эоловыхъ; по другимъ воззрѣніямъ здѣсь находилась кузница бога Вулкана; при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дѣятельность этихъ огнедышащихъ горъ была въ тѣ времена значительно сильнѣе, чѣмъ теперь: кратеры ихъ нынѣ уже не свѣтятся, а только дымятся. Какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена неоднократно появлялись и вновь исчезали острова; въ особенности между Сициліей и Пантелларіей море непрерывно клокочетъ и легко приводитъ въ возбужденіе вѣрующихъ, набожныхъ людей.

На Сициліи величайшее вниманіе должна была привлекать къ себѣ Этна, возвышающаяся надъ моремъ на высоту 3313 метровъ, — высочайшая гора, извѣстная эллинскому міру, представлявшая для него естественную загадку. Ее немедленно разукрасили миѳологическимъ вымысломъ; она считалась той горой, которую Зевесъ бросилъ на возмутившихся гигантовъ; сверхъ того ее считали и мастерской Вулкана или циклоповъ. Изверженія ея наводили ужасъ на населеніе; разсказывали, что уже въ глубокой древности туземные сиканы потоками лавы были изгнаны въ западную часть острова. Позднѣе она неоднократно угрожала большой опасностью Катанѣ; въ 122 г. до Р. Х. городъ этотъ былъ окончательно разрушенъ, но въ то время достигла значительнаго расцвѣта колонія Катаны по имени Айтна (т.-е. Этна). Неоднократно и послѣ этого изверженія Этны имѣли историческое значеніе. Когда въ 38 г. по Р. Х. Цезарь Октавій, воевавшій въ это время съ Секстомъ Помпеемъ, хотѣлъ перейти въ Сицилію, началось изверженіе Этны; германскіе и кельтскіе отряды въ войскѣ Октавія, никогда не видавшіе подобныхъ явленій, пришли въ большое возбужденіе, такъ какъ полагали, что дьяволъ разошелся и затопитъ ихъ лавой. Нѣсколько лѣтъ спустя среди предзнаменованій, предшествовавшихъ битвѣ при Акціумѣ, упоминается о новомъ сильномъ изверженіи Этны. Когда въ V вѣкѣ Аларихъ послѣ взятія Рима задумалъ перевести своихъ готовъ черезъ Мессин-

скій проливъ въ Сицилію, ихъ удержало новое изверженіе уже далеко издали замѣтной горы. И однако греческіе философы, начиная съ Эмпедокла, пользовавшагося въ V вѣкѣ до Р. Х. большимъ почетомъ въ Сициліи благодаря своимъ естественно - историческимъ и техническимъ знаніямъ, и поэты, начиная съ Пиндара и Эсхила, подробно занимались явленіями, происходившими на Этнѣ. Римляне пошли по слѣдамъ грековъ: Виргилій въ своей Энеидѣ подражалъ Пиндару, а другъ воспитателя Нерона, Сенеки, Луцилій Младшій, родомъ изъ Помпеи или Неаполя, избралъ даже Этну сюжетомъ для своей поэмы, въ которой онъ описываетъ эту огнедышащую гору и не безъ примѣси философскихъ положеній обсуждаетъ причины ея изверженій. Впрочемъ, уже Страбонъ подробно описываетъ три пояса, на которые еще теперь распадается растительность Этны: богатый культурный поясъ, поясъ лѣсовъ и поясъ снѣговъ. И тогда уже Этна извергала только пары и золу, а потоки лавы пролагали себѣ путь черезъ бока горы.

Объ изверженіи Везувія въ 79 г. по Р. Х. до насъ дошелъ подробный разсказъ, составленный поэтомъ Плиніемъ Младшимъ для друга его, историка Тацита. Плиній описываетъ, какъ очевидецъ, ибо онъ восемнадцатилѣтнимъ юношей былъ въ Мизенѣ свидѣтелемъ этого явленія природы, отъ котораго погибъ его дядя. Изверженіе началось землетрясеніемъ и закончилось дождемъ золы и пепла, разразившимся надъ всей этой мѣстностью до границъ Капуи и Мизены. Послѣдующія изверженія Везувія, повторявшіяся отъ времени до времени, уже довольно правильно заносились въ лѣтописи, ибо здѣсь природа, болѣе чѣмъ гдѣ либо, имѣла вліяніе на исторію.

Впрочемъ вулканическая дѣятельность проявлялась и гораздо сѣвернѣе, но въ историческое время эти проявленія вулканическихъ силъ уже не были тамъ такъ интенсивны. Въ Лаціумѣ уже заселенные склоны Альбанской горы были опустошены изверженіемъ; озера Альба-Лонга (нынѣ Альбано) и Арицiя (нынѣ Неми) представляютъ не что иное, какъ наполненные водой кратеры бывшихъ вулкановъ (см. карту при стр. 350). То-же самое можно сказать и объ озерахъ Этруріи, озерѣ Сабатинскомъ (нынѣ Браччіано), къ которому примыкаютъ lacus Alsietinus (Лаго ди Мартиньяно) и небольшой lacus Papinianus (Лаго ди Страчьякаппа), о Циминскомъ озерѣ (озеро Вико) и озерѣ Вольсинскомъ (Лаго-ди-Больсена). Каждое изъ этихъ озеръ имѣетъ свои особенности, различную глубину и дно, иногда указывающее на совмѣстное дѣйствіе нѣсколькихъ кратеровъ, напр. въ Лаго-ди-Больсена. Вода вытекаетъ изъ этихъ озеръ тоже различнымъ образомъ, то черезъ рѣку, то подземнымъ, то искусственнымъ ходомъ, какъ напр. въ Альбанскомъ озерѣ; устройство этого послѣдняго искусственнаго стока относится къ послѣднему періоду войны римлянъ съ Вейями. Изъ lacus Sabatinus вытекаетъ Аррона, древнее названіе которой намъ неизвѣстно, развѣ если допустить, что оно сохранилось въ имени римской tribus Arnensis; изъ озера Вольсинскаго вытекаетъ рѣка Марта, сохранившая свое названіе съ древнихъ временъ и подобно Арронѣ впадающая въ Тирренское море. Послѣднее озеро замѣчательно нѣкоторыми особенностями; на немъ лежатъ два острова, возвышающіеся надъ уровнемъ его на 56 и на 71 метръ, а возвышенія, окружающія озеро, мѣстами достигаютъ даже высоты 350 метр. надъ его уровнемъ. Одинъ изъ этихъ острововъ во время господства готовъ былъ укрѣпленъ и служилъ государственной тюрьмой. Циминское озеро, неправильная форма котораго обусловливается мысомъ, выступающимъ по направленію къ сѣверу и возвышающимся на 300 метровъ надъ уровнемъ озера, играетъ извѣстную роль въ миѳологіи; оно возникло, по преданію, благодаря удару Геркулесовой палицы; по другому сказанію, здѣсь нѣкогда находился городъ, поглощенный волнами. Берега этихъ озеръ, въ общемъ довольно мелкихъ, за исключеніемъ одного только Аль-

банскаго озера, имѣющаго до 170 метровъ глубины, въ древности были хорошо обработаны, а наиболѣе близкіе къ столицѣ въ эпоху императоровъ были усѣяны виллами и чрезвычайно оживлены; изъ озера Сабатинскаго, находившагося въ разстояніи всего 25 километровъ отъ столицы, и соединеннаго съ нимъ подземнымъ каналомъ lacus Alsietinus, императоръ Траянъ провелъ въ Римъ водопроводъ, носящій нынѣ въ честь папы Павла V, возстановившаго его, названіе Acqua Paolina; уже императоръ Августъ пользовался водой оттуда для морскихъ сраженій въ циркѣ. Когда къ концу эпохи императоровъ мѣстность эта опустѣла, здѣсь повсюду распространилась малярія, что повело за собой и неоднократныя переселенія жителей. То же самое имѣло мѣсто и въ окрестностяхъ обширнѣйшаго и въ то-же время наиболѣе мелкаго изъ этрусскихъ озеръ, озера Тразименскаго, три острова котораго, тѣмъ не менѣе, благодаря рыболовству и охотѣ на водяныхъ птицъ сохранили свое значеніе и по настоящее время. Одно изъ маленькихъ озеръ, озеро Vaccanae (нынѣ Ваккано) къ востоку отъ lacus Alsietinus, гдѣ императоръ Септимій Северъ и сынъ его, Антонинъ (Каракалла) построили виллу, нынѣ высохло. Часто упоминается въ глубокой древности еще lacus Vadimonis, небольшое вулканическое озеро въ области Амеріи (нынѣ озеро Бассано) и lacus Regillus (при Тускулѣ), нынѣ уже не существующее. Латинская и еще болѣе южно-этрусская области были во всѣ времена сильно подвержены вулканическимъ сотрясеніямъ; еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1895) при Леприньяно (въ области древнихъ капенцевъ) образовалось небольшое озеро. А что „каменный дождь" считался римлянами дурнымъ предзнаменованіемъ, которое можно было отвратить только неустанными молитвами—это достаточно хорошо извѣстно каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ латинскими классиками; очевидно, здѣсь дѣло шло о явленіяхъ вулканическаго характера.

Характерны для этихъ вулканическихъ областей и многочисленные горячіе источники, уже въ древности служившіе для цѣлебныхъ цѣлей. Такіе источники находились на Сициліи, на Липарскихъ островахъ, гдѣ ими пользовался историкъ Діодоръ, на Энаріи, какъ называли римляне самый большой изъ Питекусскихъ островъ (именно, Искію); затѣмъ въ Синуэссѣ, въ Кампаніи, гдѣ Нарциссъ, вольноотпущенникъ императора Клавдія, лѣчился отъ подагры; далѣе, слѣдуетъ еще упомянуть Aquae Albulae близъ Тибура и Aquae Apollinares близъ Vicus Aurebii (нынѣ Викарелло) у озера Сабатинскаго. Найденные тамъ въ 1852 году при раскопкахъ предметы даютъ намъ болѣе точныя свѣдѣнія объ этихъ минеральныхъ водахъ Аполлона. Здѣсь найдено было большое количество даровъ, посвященныхъ мѣстной нимфѣ, какъ то: куски руды, монеты, и наконецъ четыре серебряныхъ сосуда, имѣвшихъ форму верстовыхъ столбовъ, на которыхъ выгравированы были всѣ путевыя станціи между Гадесомъ и Римомъ съ обозначеніемъ разстоянія ихъ другъ отъ друга — доказательство того, что этими сѣрными ваннами пользовались всегда, съ древнѣйшихъ временъ до эпохи императоровъ, и что нуждавшіеся въ лѣченіи пріѣзжали изъ-за столбовъ Геркулеса въ Этрурію. И въ средней Этруріи, вокругъ Монте-Аміата, имя котораго страннымъ образомъ никогда не упоминается въ древности, многочисленные горячіе источники свидѣтельствуютъ о томъ, что вулканическая область простиралась и сюда. А отдѣльные отростки вулканическаго пояса достигаютъ даже до области, расположенной къ сѣверу отъ По: Берійскія горы близъ Виченцы и Евганейскія горы между Падуей и Эсте. Здѣсь, какъ свидѣтельствуютъ многочисленныя посвятительныя надписи, особенной славой пользовался Fons Aponi (нынѣ Албано); и если эта лѣчебная мѣстность въ прежнее время и отличалась большей простотой, чѣмъ роскошные курорты на Кампанскомъ побережьи, то комфортъ все же значительно увеличился въ нихъ, съ тѣхъ поръ, какъ Медіоланъ и Равенна были сдѣланы резиденціями императоровъ.

Итакъ, вулканическая сила, укрощенная человѣкомъ и находившаяся подъ его постояннымъ наблюденіемъ, дѣйствовала здѣсь благотворно; извѣстно, что италики пользованіе минеральными курортами довели до высокаго совершенства и съ распространеніемъ своего могущества ввели этотъ обычай и среди насъ, сѣверныхъ варваровъ, устроивъ курорты въ Баденѣ близъ Вѣны (Aquae Pannonicae), въ Баденъ-Баденѣ (Aquae Aureliae), въ Висбаденѣ (Aquae Mattiacae) и т. д.

Подобно богу Вулкану, и Нептунъ всегда готовъ былъ вредить человѣчеству, если оно плохо оборонялось; дѣйствительно, въ теченіе вѣковъ вода произвела не меньше опустошеній, чѣмъ огонь.

На африканскомъ берегу лучшими финикійскими гаванями были Утика и Карѳагенъ. Утика уже въ древности все болѣе и болѣе теряла свое значеніе вслѣдствіе того, что рѣка Баградъ часто измѣняла свое устье и наконецъ совершенно занесла своимъ иломъ Утическій заливъ; поэтому довольно значительные остатки стараго города стоятъ теперь въ болотѣ, находящемся на разстояніи двухъ часовъ ѣзды отъ морского берега. Значительно пострадали и карѳагенскія гавани, сильно запущенныя во время господства арабовъ; наоборотъ вполнѣ сохранился Гиппо Заритъ (нынѣ Бизерта), такъ что недавно могъ быть обращенъ французами въ военную гавань. Небольшие ручейки, служившие предметомъ неустанной заботы какъ въ карѳагенскій, такъ и въ римскій періодъ, и оказывавшие большія услуги полевому хозяйству благодаря устройству шлюзовъ, цистернъ и бассейновъ, нынѣ представляютъ пустые каналы, а большие акведуки, проводившие воду въ городъ, совершенно лишены притока воды, который, какъ показали изслѣдованія французскихъ инженеровъ, и не можетъ быть возстановленъ вслѣдствіе неразумнаго истребленія лѣсовъ. Только въ горахъ Крумиръ, на границѣ Туниса и Алжира, сохранились обширные дубовые лѣса, благодаря которымъ Баградъ впродолженіе десяти мѣсяцевъ въ году представляетъ широкую и глубокую рѣку.

Что касается береговъ Италіи, то многочисленныя гавани въ юго-восточной части Великой Греціи обмелѣли вслѣдствіе наносовъ. Удержались лишь Тарентъ и Каллиполисъ (нынѣ Галлиполи), и сверхъ того, благодаря искусственной поддержкѣ, Брундизій (нынѣ Бриндизи), служившій въ римскій періодъ мѣстомъ отправленія для переѣзда въ Диррахій на иллирійскій берегъ, а также на востокъ.

Изъ гаваней Адріатическаго моря, Анконы, Аримина, Равенны, Адріи, Альтина, Аквилеи, сохранились до настоящаго времени только первыя двѣ, изъ коихъ Анкона имѣетъ даже большое значеніе; между тѣмъ въ эпоху римскихъ императоровъ Альтинъ и Аквилея вели обширную торговлю италійскими продуктами съ Ретіей и землями по нижнему Дунаю и кромѣ того поддерживали живыя отношенія съ противоположнымъ берегомъ Далмаціи. Кромѣ названныхъ уже городовъ развились еще Тергестъ (нынѣ Тріестъ) и Пола, а города, расположенные въ лагунахъ, въ средніе вѣка всѣ подчинились Венеціи.

Западный берегъ Апеннинскаго полуострова несравненно богаче восточнаго гаванями и заливами. И здѣсь многія мѣстности, процвѣтавшія въ древности, обратились въ болота, въ которыхъ живутъ одни только буйволы, введенные въ Италіи около 600 г. по Р. Х.; нынѣ мы встрѣчаемъ ихъ близъ Пестума, близъ Остіи, на берегу Этруріи. Изъ Пестума торговая дорога шла далѣе на сѣверъ въ Салернъ (нынѣ Салерно), расположенный ближе къ Кампанской равнинѣ и снабженный хорошей гаванью; тогда какъ утесистый берегъ къ западу оттуда, гдѣ въ горномъ ущельи лежитъ Амальфи, во времена глубочайшаго униженія Италіи послѣ господства готовъ привлекалъ къ себѣ толпы бѣглецовъ. Только пять вѣковъ спустя городъ этотъ вновь потерялъ свое значеніе, частью по политическимъ причинамъ, частью потому, что гавань была испорчена постоян-

нымъ дѣйствіемъ моря и не могла болѣе удовлетворять повышеннымъ требованіямъ.

Морскимъ центромъ западной Италіи въ римскую эпоху и уже раньше служилъ Кумскій или Неаполитанскій заливъ. Недалеко отъ Кумъ и Неаполя лежали такъ называемые Путеолы, т.-е. источники, какъ называлась эта мѣстность отъ множества находившихся вблизи сѣрныхъ источниковъ. Путеолы съ теченіемъ времени выросли въ первостепенный торговый и складочный пунктъ. Съ тѣхъ поръ какъ часть ввоза для Рима и его окрестностей шла изъ Египта, корабли съ хлѣбомъ изъ Александріи приходили въ Регій, гдѣ они останавливались, прежде чѣмъ пройти Мессинскій проливъ; отсюда они отправлялись въ Путеолы, гдѣ были устроены амбары, такъ что дальше моремъ въ Остію шла уже лишь часть хлѣба; такимъ образомъ Путеолы служили какъ бы гаванью Рима въ сношеніяхъ его съ востокомъ и даже съ Испаніей. Къ западу отъ Путеолъ, тамъ, гдѣ лежащая передъ гаванью гора Мизенъ образуетъ уже далеко издали видимый мысъ, находилась станція для флота западнаго моря, Мизенъ. Къ востоку отъ Путеолъ, еще въ предѣлахъ его области, лежали знаменитыя и прославленныя Байи, гдѣ во время купальнаго сезона (мартъ, апрѣль) собиралась вся римская знать, въ томъ числѣ и императоръ съ императрицей; благодаря этому необходимо было заботиться не только объ украшеніи мѣстности, но и объ установленіи хорошихъ путей сообщенія съ Римомъ. Такъ какъ поѣздка моремъ вдоль берега Лаціума была неудобна, а иногда даже опасна, то императоръ Неронъ задумалъ, какъ передаютъ, провести каналъ черезъ Кампанію до устьевъ Тибра. Предпріятіе это было забыто послѣ его смерти; императоръ Домиціанъ выполнилъ эту мысль инымъ путемъ, приказавъ подробно изслѣдовать и урегулировать берегъ, такъ что можно было моремъ безопасно доѣхать до Террачины и уже оттуда пользоваться сухимъ путемъ. Морской берегъ близъ Путеолъ претерпѣлъ съ древнихъ временъ нѣкоторыя измѣненія, между прочимъ вслѣдствіе такъ называемаго вѣкового колебанія — явленія, состоящаго въ томъ, что береговая линія постепенно и медленно поднимается, каждыя 100 лѣтъ приблизительно на 1 метръ; явленіе это можно видѣть на большихъ колоннахъ храма Сераписа, находившагося на торговой площади Путеолъ. Нижняя часть колоннъ его находится въ настоящее время въ водѣ, а такъ какъ колонны и выше изъѣдены раковинами, то очевидно онѣ нѣкогда были залиты водой еще выше; такимъ образомъ въ настоящее время вновь происходитъ выступаніе суши.

Сухой путь изъ Рима въ Кампанію шелъ до Капуи по Via Appia, причемъ и тогда уже было замѣтно, что понтійскія поля мало-по-малу обращались въ болота. Чтобы противодѣйствовать этому явленію, римляне провели вдоль дороги широкій ровъ, въ которомъ собиралась вода и которымъ удобно можно было пользоваться для ѣзды на лодкахъ. Сама дорога, которую иностранцы считали чудомъ итальянскаго инженернаго искусства, поддерживалась въ хорошемъ состояніи всѣми правительствами, которыя дѣйствительно заботились объ интересахъ Италіи, такъ во времена Цезаря, Августа, Траяна и Нервы, и наконецъ въ правленіе Теодориха, великаго готскаго царя. Только позднѣе понтинскія болота, распространявшіяся все далѣе и далѣе вслѣдствіе незначительнаго ската небольшихъ береговыхъ рѣчекъ, наполненныхъ камнями, каковы Уфенъ и Амизенъ, стали настоящимъ бичемъ страны; тогда какъ въ глубокой древности вольскіе, а позднѣе римскіе крестьяне (принадлежавшіе къ трибѣ Oufentina) заботами и трудолюбіемъ сумѣли сохранить эту мѣстность въ культурномъ состояніи.

Таковы же были условія и въ устьяхъ Лириса и Вольтурна. Періодъ мелкаго крестьянскаго земледѣлія былъ періодомъ экономическаго расцвѣта этой мѣстности, характеръ которой позднѣе былъ измѣненъ латифундіями. Въ IV вѣкѣ по Р. Х. вдоль нижняго теченія Лириса прости-

ралась „масса Гаргильяна“, т. е. обширная область, обнимавшая всѣ древнія мелкія помѣстья, такъ что и сама рѣка получила отсюда названіе Гаргильянъ (нынѣ Гарильяно); подобно этому и Вольтурнъ назывался Казилинъ отъ города Казилина, занявшаго мало-по-малу послѣ паденія римскаго господства положеніе древней Капуи и называющагося еще и нынѣ Капуей (въ различіе отъ Capua vetere).

Значительную роль въ развитіи страны игралъ Тибръ, область котораго простиралась до самаго сердца Италіи. На нѣсколькихъ выгодно расположенныхъ холмахъ, въ равнинѣ по нижнему теченію Тибра, возникъ Римъ, завладѣвшій вскорѣ устьемъ Тибра и заложившій здѣсь укрѣпленную гавань. Но и вверхъ по теченію рѣки развились живыя сношенія, такъ какъ въ тѣ времена, при болѣе постоянномъ уровнѣ воды, и судоходствомъ можно было заниматься болѣе правильно; Тибръ былъ судоходенъ даже въ своемъ верхнемъ теченіи, въ области Перузіи, такъ что во время осады этого города въ 41 г. до Р. Х. цезаріанцы отрѣзали доступъ къ рѣкѣ, чтобы воспрепятствовать подвозу припасовъ. И рѣка Кланисъ, вытекающая изъ области этрусковъ и вливающаяся въ Тибръ, считалась въ древности судоходной. Мы узнаемъ далѣе, что съ горъ Умбріи спускались многочисленные плоты; благодаря своему положенію въ центрѣ всѣхъ этихъ водяныхъ путей сообщенія, Римъ естественно сдѣлался складочнымъ мѣстомъ для цѣлаго ряда этрусскихъ и умбрійскихъ округовъ, что не мало способствовало къ основанію и укрѣпленію его политическаго могущества. Съ другой стороны мы видимъ, что римское правительство всегда тщательно слѣдило за правильнымъ теченіемъ Тибра, и не менѣе и за городскими клоаками, отводившими въ Тибръ всѣ нечистоты; въ эпоху императоровъ для обѣихъ этихъ цѣлей была назначена особая комиссія изъ знатныхъ сенаторовъ. Изъ притоковъ Тибра на лодкахъ ѣздили и по Аніо, причемъ конечно водопады при Тибурѣ составляли естественную преграду. Но по нижнему теченію Аніо изъ Тибура и Габій въ Римъ доставлялись камни для построекъ; рѣка (нынѣ Тевероне, т. е. маленькій Тибръ) изливается въ Тибръ на седьмой милѣ отъ города, получавшаго въ эпоху императоровъ часть своей питьевой воды изъ бассейна Аніо.

Второй притокъ Тибра, Наръ (нынѣ Нере), соединяется съ Велиномъ нѣсколько выше Интерамны (нынѣ Терни); рѣка красивымъ водопадомъ низвергается съ горъ, гдѣ она соединяетъ всѣ воды сѣверной части сабинскихъ земель, и спускается въ долину. При этомъ область Реціи (нынѣ Ріети) была подвержена наводненіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда стокъ воды въ долину почему-либо замедлялся, что бывало нерѣдко, такъ какъ насыщенная известью вода образовывала известковый камень. Вслѣдствіе этого консулъ М. Курій Дентатъ, отнявшій у сабинянъ послѣ покоренія ихъ въ 290 г. до Р. Х. часть ихъ земель, предпринялъ прославившееся въ то время регулированіе водъ, такъ что жители Реціи долгое время были въ безопасности; когда въ 54 г. до Р. Х. между ними и Интерамной вновь возникъ споръ, они выбрали себѣ повѣреннымъ М. Туллія Цицерона, благодаря чему мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ обстоятельствѣ. Въ царствованіе Тиберія дѣло это было возбуждено еще разъ, когда предполагавшееся регулированіе теченія Тибра и его притоковъ повело за собой разсмотрѣніе относящихся сюда вопросовъ воднаго права. Какъ извѣстно, водораздѣльная линія между Тибромъ и Арно столь незамѣтна, что въ теченіе вѣковъ она частью сдвинулась сама (ибо въ доисторическія времена Арно втекалъ въ Тибръ), частью же была сдвинута искусственнымъ путемъ. Въ римскую эпоху, какъ мы уже замѣтили, воды долины Кьяны по преимуществу стекали черезъ Кланисъ въ Тибръ. Когда въ 15 г. по Р. Х. Тибръ послѣ сильныхъ и продолжительныхъ дождей поднялся до угрожающей высоты, въ римскомъ сенатѣ, стоявшемъ во главѣ муниципальныхъ учрежденій Италіи, была назначена особая комиссія для

изысканія средствъ къ предупрежденію этого бѣдствія; комиссія, въ которой принялъ участіе и знаменитый юристъ Атей Капитонъ, предложила отвести воды Кланиса на сѣверъ въ русло Арно, чтобы разъ навсегда прекратить наводненія. Но этому воспротивились флорентинцы, ибо такое предпріятіе могло грозить опасностью имъ самимъ; въ концѣ концовъ верхъ одержало предложеніе оставить все по старому, подъ тѣмъ предлогомъ, что природу нельзя насиловать; въ дѣйствительности же соперниковъ (дословно „сосѣдей по водѣ“) нельзя было соединить на общее дѣло. Позднѣе споръ неоднократно возобновлялся вновь, пока застаивающіяся на водораздѣльной линіи воды не превратили всю область между Кьюзи и Ареццо въ болото; только въ XVIII вѣкѣ тосканское государство предприняло регулированіе, окончательно отведя воды Кланиса въ Арно и передвинувъ въ то же время водораздѣльную линію на 48 километровъ къ югу.

Ту же самую заботливость проявило тосканское правительство въ XIX вѣкѣ и по отношенію къ опустѣвшей уже въ римскую эпоху, послѣ паденія древнихъ этрусскихъ городовъ Популоніи, Ветулоніи, Рузеллъ и Козы, прибрежной мѣстности, не достигшей уже никогда своего бывшаго расцвѣта. Небольшія береговыя рѣчки непрерывно выдвигали сушу далѣе въ море, вслѣдствіе чего гавани, служившія въ древности для сношеній съ Сардиніей и Корсикой и въ то же время и для цѣлей всемірной торговли, какъ напр. Теламонъ и Цэре, совершенно обмелѣли, а малярія согнала населеніе вглубь страны. Гавань Центумцеллъ, расширенная императоромъ Траяномъ, сохранилась до IX вѣка по Р. X., до нашествія сарациновъ, когда населеніе отъ моря бѣжало въ мѣстность, сохранившую имя Чинчелле, а „старый городъ“ (Чивитавеккія) вновь поднялся и благодаря обмелѣнію устьевъ Тибра сталъ настоящей гаванью Рима.

До насъ дошло описаніе поѣздки вдоль берега Этруріи, относящееся къ началу V вѣка, изъ котораго мы узнаемъ, къ какимъ гаванямъ приставали въ то время путешественники. Въ первый день пути они изъ Рима достигали до Центумцеллъ, во второй до гавани Геркулеса у мыса Аргентарія, въ третій до устьевъ рѣки Умбро (нынѣ Омброне), въ четвертый до гавани Популоніи, противъ которой лежитъ богатый желѣзомъ островъ Ильва (т.-е. Эльба), въ пятый до Вады въ области Волатерръ, на шестой до гавани Пизы, имѣвшей большое значеніе, какъ торговый портъ обширной и богатой области; отсюда шли оживленныя торговыя сношенія съ Корсикой. Въ 398 г. по Р. X. изъ Пизы была отправлена экспедиція въ Африку съ цѣлью подавить возстаніе Гильдона, противника могущественнаго намѣстника Стилихона. Но уже въ болѣе ранній періодъ, когда Пиза еще не принадлежала къ Италіи, она, подобно Генуѣ, часто упоминается, какъ городъ, пограничный съ Лигуріей, и мѣсто отправленія экспедицій въ южно-галльскія или сѣверо-испанскія области. Впрочемъ, характеръ этого берега тоже существенно измѣнился съ древнихъ временъ; въ древности Пиза лежала ближе къ морю, непосредственно соединяясь съ своей гаванью, тогда какъ теперь она вслѣдствіе наносовъ Арно удалена отъ его устья на 10 километровъ, благодаря чему значительнаго самостоятельнаго развитія достигла гавань Ливорно, впервые упоминаемая лишь въ IX вѣкѣ по Р. X. Кромѣ того до XII вѣка по Р. X. въ Арно близъ Пизы втекалъ Авзеръ (Авзеркулъ, изъ котораго образовалось современное названіе Серкіо), тогда какъ Арно вливался въ море тремя рукавами. Авзеръ особенно славился своей судоходностью; онъ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ долинами Апеннинъ, главнымъ образомъ съ лигурійскимъ племенемъ апуановъ, жившимъ въ нынѣшней Гарфаньяна. Благодаря этимъ сношеніямъ и своему положенію при высокихъ лигурійскихъ Апеннинскихъ проходахъ достигла значенія и Лука (нынѣ Лукка), а затѣмъ и Луна (при заливѣ Специи), владѣвшая хорошей гаванью и знаменитая мраморными каменоломнями, называемыми нынѣ Каррарскими и доставлявшими со временъ

Цезаря „Лунскій“ камень для римскихъ построекъ. Городъ этотъ лежалъ на рѣкѣ Макрѣ, составлявшей долгое время границу между Этруріей, т.-е. Италіей и Лигуріей. Вслѣдствіе того, что рѣка приносила съ собой въ долину большое количество отложеній, устье ея все болѣе и болѣе покрывалось наносной землей и распространяло кругомъ болотныя испаренія, такъ что въ исходѣ XII вѣка по Р. Х. населеніе Луны изъ санитарныхъ соображеній должно было покинуть городъ, лежащій теперь на разстояніи 3 километровъ отъ моря; изъ его развалинъ выросла съ одной стороны Сарзана, получившая вѣроятно свое имя отъ (praedia) Сергіана, а на берегу залива расцвѣла Спеція, представляющая нынѣ военную гавань Италіи на Тирренскомъ морѣ. Правда, въѣздъ между островомъ Пальмаріей и портомъ Венеры (нынѣ Портовенере) постепенно мелѣетъ, такъ что малярія, отъ которой страдаетъ весь тосканскій берегъ, даетъ себя чувствовать уже здѣсь.

Подобно берегамъ, и раздѣленіе воды и суши внутри полуострова также было подвержено нѣкоторымъ измѣненіямъ. Кромѣ приведенныхъ уже примѣровъ, въ XIX столѣтіи совершенно высохло и обращено въ пахотную землю озеро Фуцинское; между тѣмъ какъ во время императора Клавдія для предупрежденія разлива воды, черезъ горный хребетъ, отдѣляющій озеро отъ долины Лириса, былъ проведенъ отводный каналъ. Цилинское озеро и еще недавно озеро Тразименское были значительно понижены, чтобы противодѣйствовать обращенію полей въ болота. Въ другихъ мѣстахъ борьба съ болотами уже давно съ успѣхомъ доведена до конца; такъ напр, въ долинѣ къ югу отъ По, гдѣ римляне провели свою via Aemilia и заложили быстро развившіеся города Мутину, Реджіо (Регій Лепида) и Парму; между тѣмъ въ древности скудныя поселенія ютились въ этихъ мѣстностяхъ среди лѣсовъ и болотъ только въ видѣ свайныхъ построекъ. Это улучшеніе мѣстности продолжалось еще долго. Когда Равенна стала резиденціей итальянскаго правительства и благодаря этому было сдѣлано многое какъ для украшенія, такъ и для оздоровленія мѣстности, на осушенныхъ болотахъ разведены были сады, чѣмъ особенно гордился царь Теодорихъ.

На ряду съ болотами большую роль играютъ въ дошедшихъ до насъ разсказахъ и лѣса. Древніе историки, родомъ съ востока, совершенно лишеннаго лѣса, каковы напр. Діонисій Галикарнасскій и каппадокіецъ Страбонъ, считали Италію еще во времена Августа богатой лѣсной страной. Знамениты были лѣса Силы въ Бруціумѣ, лѣса въ предѣлахъ бассейновъ Тибра и Арно, въ лигурійскихъ Апеннинахъ; дубовые лѣса по берегамъ По, благодаря которымъ здѣсь развилось свиноводство, Циминскій лѣсъ въ Этруріи (къ югу отъ озера того-же имени), служившій границей географическаго горизонта древнихъ римлянъ на сѣверѣ; наконецъ, непроходимые дѣвственные лѣса Корсики. Сицилія также считалась богатымъ лѣсами островомъ; лѣса Этны дали тирану Діонисію Сиракузскому возможность создать большой флотъ. Эти богатые лѣса объясняютъ изобиліе воды въ рѣкахъ того времени и употребленіе дерева для городскихъ построекъ, благодаря чему города при осадѣ очень легко поддавались дѣйствію огня. Позднѣе начали, правда, болѣе бережно обращаться съ этимъ строительнымъ матеріаломъ; такъ, начиная съ IV вѣка по Р. Х., большіе лѣса умбрійскихъ Апеннинъ сохранялись исключительно для римскихъ деревянныхъ построекъ и населеніе той области было почти все обращено въ дровосѣковъ; благодаря чему весь округъ вокругъ бассейна Тибра получилъ названіе „Трабарія“ (отъ trabes — бревна), подъ которымъ онъ часто упоминается въ средніе вѣка. Большія деревья получались, какъ и прежде, изъ лѣсовъ Силы или Ретійскихъ Альпъ. Лѣсное богатство Лигуріи подверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что императоръ Гельвій Пертинаксъ, происходившій изъ Альбы-Помпеи (нынѣ Альба, въ Пьемонтѣ) возвысился въ началѣ какъ сынъ лѣсоторговца. Иллирійскій лѣсъ все

болѣе увеличивался въ стоимости; такъ напр., Аквилея получала оттуда матеріалъ для большихъ винныхъ бочекъ, которыя южане, привыкшіе къ глинянымъ сосудамъ, считали особенностью этого пограничнаго города; объ этихъ бочкахъ часто упоминается по поводу осады Аквилеи императоромъ Максиминомъ (Ѳракійцемъ).

Въ настоящее время Италія, какъ извѣстно, представляется бѣдной лѣсомъ страной, хотя въ лѣсахъ Силы и у источниковъ Арно еще произрастаютъ высокія деревья, годныя для постройки судовъ. Въ другихъ мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ повсюду области карстовъ, такъ въ Сициліи, въ Абруццахъ, покрытыхъ въ древности густыми лѣсами, такъ и у Кавдинскихъ горныхъ ущелій, гдѣ лѣсистая мѣстность значительно облегчила самнитянамъ побѣду надъ римлянами. Вообще съ теченіемъ времени въ условіяхъ растительнаго царства Апеннинскаго полуострова произошла повсюду, въ однихъ мѣстахъ раньше, въ другихъ позже, полная перемѣна. Чѣмъ болѣе падало земледѣліе и съ нимъ настоящее крестьянство, тѣмъ болѣе лѣса подвергались корчеванію, и экономическія стремленія направлялись къ тому, чтобы распространить повсюду культивированіе фруктовыхъ деревьевъ. Населеніе Италіи стремилось, насколько возможно, ассимилироваться съ другими націями, жившими по Средиземному морю, съ пунами и греками, на которыхъ оно смотрѣло, какъ на учителей, чтобы изъ сѣвернаго и почти варварскаго народа, какимъ оно считалось дотолѣ, обратиться въ южную и цивилизованную націю. При такихъ обстоятельствахъ различныя растенія Азіи, Греціи, сѣверной Африки одно за другимъ были перенесены въ Италію. Если греки вначалѣ получали вино съ востока, какъ-то доказываютъ во множествѣ найденные въ Сициліи черепки родосскихъ амфоръ, то вскорѣ они сами начали выдѣлывать виноградъ въ колоніяхъ, и кромѣ того разводили и масличное дерево; оба эти культурныя растенія распространились въ Африку и Италію, и вскорѣ стали служить здѣсь даже предметами вывоза. Затѣмъ изъ Арменіи и Персіи въ Италію перевезены были абрикосовое и персиковое деревья; Луцій Лукуллъ, побѣдитель Митридата, ввелъ здѣсь вишню или по крайней мѣрѣ особенно вкусный сортъ ея; каштановое дерево стало нормальной составной частью итальянскаго ландшафта на мѣсто прежнихъ буковъ, дубовъ и хвойныхъ деревьевъ. Если судить по стѣнописи въ Помпеѣ, тамъ произрастали лавры и кипарисы; въ эпоху императоровъ упоминается знаменитая роща пиній близъ Равенны. Уже поэты вѣка Августа воспѣвали плоды чернаго шелковичнаго дерева, бѣлое-же, служащее для шелководства, было введено въ Италіи не раньше конца среднихъ вѣковъ. Точно такъ-же и столь характерные для нынѣшней Италіи апельсины и лимоны были привезены въ Сицилію и Италію только въ вѣкъ арабовъ и крестовыхъ походовъ; а алоэ и опунція, равно какъ и важныя питательныя растенія, рисъ и маисъ, только послѣ открытія Америки. Эти пересаженныя въ Италію породы деревьевъ перешли затѣмъ, насколько ихъ можно было акклиматизировать, и въ сѣверныя провинціи, стремившіяся во времена римскаго господства во всемъ подражать Италіи. Такъ, вскорѣ послѣ завоеванія Британіи туда принесена была вишня, а во второй половинѣ III вѣка въ Галліи и земляхъ по Дунаю распространилось воздѣлываніе винограда; между тѣмъ какъ еще въ началѣ этого столѣтія одинъ изъ намѣстниковъ Паннонiи жаловался на то, что тамъ не произрастаютъ масличныя деревья и что мѣстный виноградъ киселъ; по его мнѣнію, жители этой провинціи только съ отчаянія становятся храбрыми солдатами.

B. **Заселеніе страны.**

Подобно тому какъ климатъ нѣсколько измѣнялся вмѣстѣ съ измѣненіями въ растительномъ царствѣ, такъ въ связи съ обоими находился

и способъ заселенія страны. Въ началѣ историческаго развитія населеніе въ выборѣ мѣста жительства отдавало предпочтеніе высокимъ мѣстностямъ, побуждаемое къ тому необходимостью большей безопасности и болѣе легкой защиты. Недостаточно укрощенные еще водяные потоки наносили большой вредъ населенію наводненіями и связанными съ ними сильными вредными испареніями. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ водились еще въ большихъ количествахъ дикіе звѣри, главнымъ образомъ волки.

Такъ, города латиновъ (за исключеніемъ приморскихъ городовъ) лежали на террасѣ у подошвы Альбанской горы, точно такъ-же города этрусковъ, каковы Популонія, Ветулонія, Фезулы, Арреціи, Перузія, Кортона, Вольсиніи, Клузій; города герниковъ, какъ Ананія, и города вольсковъ, за исключеніемъ приморскихъ, лежали также на хребтахъ горъ, откуда далеко разстилался видъ на долину; сфера вліянія была пропорціональна открывавшемуся горизонту. Далѣе, центръ поселеній самнитянъ, представлявшій сплошь однѣ деревни, лежалъ высоко въ горахъ, на мало доступныхъ высотахъ, къ которымъ и нынѣ ведутъ только вьючныя тропинки.

Любопытно, что лигуры крайне скученно жили именно въ поперечныхъ долинахъ Апеннинъ, которыя вели къ горнымъ проходамъ ихъ; здѣсь они чувствовали себя въ безопасности и въ то-же время господствовали надъ всѣми путями сообщенія. То-же самое можно сказать и о кельтскихъ племенахъ, жившихъ по обѣ стороны Альпъ, какъ напр. о салассахъ (въ долинѣ Дуріи, нынѣ Дора-Бальтея) о жителяхъ Валлисъ Пеннна (нынѣ Валлисъ) и о ретійскихъ народностяхъ. Даже въ горахъ Умбріи долина Сарсины по верхнему теченію рѣки Сапіо (нынѣ Савіо, впадающій въ Адріатическое море) достигла особенно высокаго расцвѣта, какъ благодаря особенно успѣшному здѣсь скотоводству, такъ и потому, что проходъ, ведущій отъ верхняго Арно или Тибра къ Аримину, имѣлъ большое значеніе для римскихъ войскъ, пока не были покорены кельты сосѣдней области. Поэтому сарсинцы являются въ это время самостоятельными союзниками на ряду съ прочими умбрами въ спискахъ итальянскаго союза. Точно также близъ прохода изъ Умбріи въ Пиценъ достигли большого расцвѣта Плестія и Камеринъ; изъ нихъ первая (между Фолиньо и Камерино) уже болѣе не существуетъ, Камерино-же лежитъ на горѣ, въ сторонѣ отъ теперешнихъ путей сообщенія. Умбрія, и Пиценъ, Самніумъ и области другихъ сабельскихъ народовъ были довольно густо населены; въ послѣднихъ замѣчается даже оживленная эмиграція. Мы видимъ такимъ образомъ, что въ болѣе ранней древности населеніе было распредѣлено совсѣмъ иначе, чѣмъ позднѣе и чѣмъ въ настоящее время; оно населяло страну болѣе равномѣрно, безъ большихъ скопленій, появившихся съ улучшеніемъ путей сообщенія.

Во всѣхъ этихъ направленіяхъ вскорѣ восторжествовалъ противоположный принципъ. Позднѣйшіе города основывались уже въ равнинахъ, гдѣ они могли скорѣе расширяться, и по берегамъ рѣкъ, служившихъ посредниками въ сношеніяхъ. Къ такимъ городамъ прежде всего принадлежалъ Римъ на Тибрѣ. И чѣмъ дальше распространялось съ теченіемъ времени римское господство, тѣмъ больше стали преобладать поселенія въ равнинахъ, ибо сношенія были уже безопасны, и проложенныя римлянами дороги не поднимались въ горы, но шли въ долинахъ, такъ что города, расположенные въ горахъ, вынуждены были строить цѣлыя предмѣстья, чтобы не оставаться въ сторонѣ отъ торговыхъ путей. Въ такомъ положеніи очутились Фалеріи (къ сѣверо-востоку отъ Соренто), Ананія въ области герниковъ, а также и города вольсковъ, лежавшіе въ сторонѣ отъ via Appia. Сохранились свѣдѣнія, что въ 177 г. до Р. Х. самниты и пелигны жаловались въ Римѣ на то, что 4000 изъ гражданъ переселились въ Фрегеллы, латинскую колонію на Лирисѣ, что сдѣлало для нихъ очень за-

труднительнымъ правильный наборъ союзныхъ войскъ. Въ Этруріи возвысилась Флорентія, нынѣшняя Флоренція, на счетъ Фезулъ (нынѣ Фьезоле), римскіе Вольсиніи и Арреція въ противоположность или на ряду съ древними городами того-же имени (см. приложенную карту „Римъ и древняя Италія“).

Когда римляне задались цѣлью сдѣлать доступными сѣверные проходы Апеннинъ, имъ пришлось выдержать тяжелую борьбу съ жившими здѣсь племенами. Борьба эта закончилась тѣмъ, что побѣжденные лигуры, какъ напр. апуаны, были изъ своей родины выведены въ Самніумъ; число этихъ апуановъ доходило до 47,000 человѣкъ. Жители Валлисъ Пенина были покорены Юліемъ Цезаремъ, который въ своихъ комментаріяхъ даетъ точныя статистическія свѣдѣнія какъ о нихъ, такъ и о гельветахъ, правда, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывающіяся тенденціозно преувеличенными. Салассы, требовавшіе дани отъ всѣхъ путешественниковъ, пользовавшихся проходомъ черезъ Альписъ Пенина (т.-е. Большой С. Бернаръ), были побѣждены и уничтожены въ первые годы послѣ битвы при Акціумѣ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 36,000 плѣнныхъ и между ними 8000 способныхъ сносить оружіе человѣкъ были проданы въ рабство, а на мѣстѣ, гдѣ находился римскій лагерь, была основана колонія Преторія Августа (нынѣ Аоста), заселенная отставными преторіанцами.

Когда въ 15 г. до Р. Х. къ имперіи присоединена была и область Ретійскихъ Альпъ, не менѣе 40,000 жителей переселилось изъ горъ въ равнину; эти высокія числовыя данныя кажутся тѣмъ болѣе удивительными, если сравнить ихъ съ современнымъ составомъ населенія и установленными для Италіи цифровыми данными. Италія къ югу отъ По едва насчитывала во время войны съ Ганнибаломъ три милліона свободныхъ жителей, число, которое тогда, при существованіи рабовладѣнія, имѣло, конечно, другое значеніе, чѣмъ при современномъ масштабѣ. Къ концу царствованія Августа число свободныхъ, включая сюда и область По, доходило уже до четырехъ милліоновъ; въ то-же время и число несвободныхъ увеличилось до такой степени, что простиралось до двухъ милліоновъ. Половина этого населенія приходилась на долю Рима и его окрестностей и области вдоль Неаполитанскаго залива. Въ эпоху императоровъ отношеніе измѣнилось: количество населенія и благосостояніе все болѣе и болѣе увеличивалось въ верхнеитальянскихъ областяхъ, оставаясь постояннымъ или падая въ южныхъ, гдѣ нѣкоторыя мѣстности даже совершенно опустѣли.

Римское господство повлекло за собой въ провинціяхъ тѣ-же послѣдствія, что въ Италіи. Въ Испаніи и Галліи мѣсто древнихъ высоко лежавшихъ центровъ населенія заступили новые, расположенные въ равнинѣ; такъ у арверновъ мѣсто Герговіи (на горѣ, на разстояніи почти цѣлой мили къ югу отъ Клермона) заняло Augustonemetum („святыня императоровъ“; нынѣ Клермонъ), у эдуевъ развился Августодунъ (нынѣ Отёнъ) вмѣсто Бибракта, находившагося на разстояніи 20 километровъ оттуда (названіе его сохранилось въ Монъ Беврэ). Даже въ Малой Азіи имѣло мѣсто то же самое явленіе; примѣромъ тому можетъ служить Пергамъ. Высоко расположенная царская резиденція обратилась во времена римскаго господства исключительно въ крѣпость и религіозный центръ, а въ равнинѣ внизу развился новый городъ. Послѣ паденія имперіи наступило вновь обратное движеніе. Испуганное вторженіями варваровъ, населеніе вновь удалилось изъ равнинъ на высоты, представлявшія больше безопасности. Такъ это было въ Малой Азіи, гдѣ византійскія укрѣпленія во множествѣ построены на развалинахъ древнихъ поселеній. Такъ было и въ Италіи, гдѣ на ряду съ Римомъ вновь достигли значенія Тускулъ, Алгидъ и позиціи на Альбанскихъ горахъ, служившіе ключемъ къ владычеству надъ „Кампаніей“, какъ называли латинскую равнину въ тѣ времена, когда она

АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
РИМЪ
Анкона
Эльба
Ортона
Гарганъ
Сипонтъ
Остія
Ишекузы
Гори Цирцеи
Аппіева дор.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

политически принадлежала къ Кампаніи: отсюда же и современное названіе „Campagne di Roma". На берегу Кампаніи вновь достигли значенія Кумы, въ Сициліи Лилибей, въ Сардиніи Каралисъ, въ то время, какъ карѳагеняне угрожали италійскимъ берегамъ, занимали острова и разгромили даже самый Римъ.

Такимъ образомъ къ концу древнихъ вѣковъ въ южной Италіи вновь сказался свойственный ей островной, а въ сѣверной Италіи въ то же время проявился ея континентальный характеръ. Между ними лежали Апеннины, хребетъ полуострова, получившаго отъ него свое названіе; хребетъ этотъ ни въ коемъ случаѣ не представлялъ непроходимой границы, такъ какъ многочисленные проходы съ глубокой древности вели съ одной стороны на другую, но скорѣе служилъ культурной пограничной стѣной, ибо по сю сторону климатъ гораздо умѣреннѣе, а по ту сторону чувствуется уже близость Альпъ. Во всякомъ случаѣ горная цѣпь Апенинъ имѣла рѣшающее значеніе для подраздѣленія страны на провинціи. „Apenninus mons", какъ онъ назывался въ древности, тянется сперва въ юго-восточномъ направленіи отъ Морскихъ Альпъ до источниковъ Тибра; затѣмъ съ небольшимъ поворотомъ на востокъ къ югу, гдѣ у источниковъ Вольтурна (теоретически) оканчиваются средніе Апеннины.

Въ среднихъ Апеннинахъ находится и высочайшая гора хребта (болѣе 2900 метровъ) и плоскогорье Абруццы, получившія свое названіе отъ племени претуттіевъ, жившихъ въ Пиценѣ, главнымъ городомъ которыхъ была Interamna Praetuttiorum, называвшаяся позднѣе просто Апрутіумъ, нынѣ Терамо. Западными сосѣдями претуттіевъ были сабины, южными вестины, марруцины, пелигны, марсы. Надъ этими, частью мало доступными, горными мѣстностями царитъ Гранъ-Сассо д'Италія и горы группы Майелла. Протекающій здѣсь Атерно вытекаетъ изъ земли сабинянъ къ сѣверу отъ Амитерна и, пройдя черезъ нѣкоторыя поселенія, на мѣстѣ которыхъ въ XIII вѣкѣ по Р. Х. основана была Аквила, вступаетъ въ область вестиновъ. И эта послѣдняя область должна была уступить Аквилѣ нѣкоторыя мѣстечки, населеніе которыхъ перешло въ новый центръ. Атерно протекаетъ далѣе черезъ страну пелигновъ, у главнаго города которыхъ, Корфинія, онъ дѣлаетъ поворотъ на сѣверъ, въ узкомъ ущельи прорѣзываетъ горную цѣпь и, повернувъ затѣмъ на востокъ въ страну марруциновъ (главный городъ Теате, нынѣ Кіети), втекаетъ въ Адріатическое море. Атерно многоводенъ и при устьѣ его лежала гавань Атернумъ, находившаяся въ рукахъ вестиновъ, пелигновъ и марруциновъ и имѣвшая значеніе не столько для торговли, сколько для рыболовства,—значеніе, сохранившееся и по настоящее время и благодаря которому она уже въ VII вѣкѣ по Р. Х. получила названіе Пискаріи (нынѣ Пескара).

Всѣ упомянутыя племена жили большей частью деревнями; трудолюбивые крестьяне и храбрые солдаты, они выступали въ походы то за Римъ, то противъ него; хорошо защищенные въ своей родинѣ отъ внезапныхъ нападеній самой природой, они были опасными противниками для всякаго незнакомаго съ горами войска, что они и доказали во время союзной войны. На западѣ границей этой области служило озеро Фуцинское, у котораго (на высотѣ 650 метровъ надъ уровнемъ моря) лежалъ Маррувій, главный городъ марсовъ. Отсюда шла дорога на югъ, въ долину Лириса; другіе пути вели къ долину Сангра (нынѣ Сангро), представлявшаго южную границу собственно Абруццъ, которыя онъ огибаетъ. Изъ Сульмона въ землѣ пелигновъ идетъ дорога черезъ проходъ, лежащій на высотѣ 1300 метровъ и называющійся нынѣ Piano di Cinquemiglia: этотъ проходъ велъ въ Самніумъ. Отсюда вытекаютъ и втекаютъ въ Адріатическое море къ югу отъ Сангра небольшія рѣки Триній (нынѣ Триньо), Тифернъ (нынѣ Биферно), Френто (нынѣ Форторе); на западѣ же горные потоки соединялись въ Вольтурнѣ. Мы видимъ такимъ образомъ, что страна самнитовъ

тяготѣла къ обоимъ берегамъ, что позднѣе должно было оказаться въ историческомъ развитіи полуострова.

У восточныхъ склоновъ самнитскихъ горъ Апулія образуетъ омываемую моремъ равнину, прерываемую лишь величественной горой Гарганомъ (нынѣ Монте-Гаргано, достигающій 1560 метровъ высоты надъ уровнемъ моря). Эта гора, представлявшая въ доисторическое время, когда равнина еще находилась подъ водой, островъ, въ дѣйствительности не имѣетъ связи съ Апеннинами (см. карту при стр. 350), какъ невѣрно изображали древнія карты, и въ геологическомъ отношеніи представляетъ особую единицу, какъ и невысокая плоская возвышенность Апуліи, опускающаяся къ морю Япигійскимъ мысомъ Изъ рѣкъ, прорѣзывающихъ Апулію и втекающихъ въ Адріатическое море, нѣкоторое значеніе имѣетъ Авфидъ, хотя и онъ многоводенъ лишь въ періодъ дождей. На нижнемъ теченіи его лежалъ Канузій съ гаванью Каннами, съ которыми соперничали Арпы (на разстояніи часа ѣзды отъ нынѣшней Фоджіи). Многіе изъ городовъ этой мѣстности возникли во времена господства Штауфеновъ; такъ, въ то время возвысилась Фоджія, затѣмъ Манфредонія, названная въ честь Манфреда, сына императора Фридриха II, переселившаго сюда жителей Сапунтума, лежавшаго въ болотистой мѣстности; Луцерія же, прославившаяся со времены самнитскихъ войнъ, служила въ то время мѣстомъ жительства сарацинамъ, переселившимся на материкъ. Въ эпоху Штауфеновъ южная Италія достигла значительнаго могущества, пока наконецъ послѣдній отпрыскъ ихъ, Конрадинъ, не былъ побѣжденъ союзникомъ папы, Карломъ Анжуйскимъ, въ битвѣ при Альбѣ недалеко отъ Фуцинскаго озера.

Подчинивъ себѣ въ древности всѣ общины полуострова, Римъ путемъ основанія колоній и проведенія дорогъ, которыя всѣ вели въ Римъ, съумѣлъ и привязать ихъ къ себѣ. Via Appia шла черезъ Кампанію въ Апулію, Via Valeria черезъ Тибуръ въ страну эквовъ, марсовъ и пелигновъ и оттуда къ Адріатическому морю; Via Salaria черезъ страну сабинянъ въ Пиценъ, Via Flaminia вела черезъ умбрійскіе Апеннины въ Ариминъ, Via Clodia и Cassia прорѣзывали Этрурію, Via Aurelia шла вдоль морского берега до устьевъ Арно, откуда она позднѣе была продолжена еще дальше, до соединенія съ широкой дорогой въ Испанію, которая вела черезъ Галлію. Въ то время какъ греки предпринимали морскія путешествія, римляне наоборотъ отдавали предпочтеніе сухопутнымъ дорогамъ, которыя они отмѣчали на особыхъ картахъ. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что новыя метрополіи Италіи сперва завязали сношенія съ западомъ, и лишь позднѣе съ сѣверо-востокомъ, именно потому, что западный берегъ Италіи имѣлъ естественныя преимущества. Позднѣе развились, правда, живыя сношенія съ Иллиріей, усилившіяся еще въ верхней Италіи послѣ того, какъ средоточіе власти передвинулось въ иллирійскія области, и провинціи, находившіяся подъ вліяніемъ города Рима, должны были отступить передъ тѣми, которыя признавали господство Медіолана. Въ то время на ряду съ Via Flaminia, которая вела изъ Рима въ Равенну, большого значенія достигли проходы черезъ сѣверные Апеннины. Самая западная дорога шла изъ Луны черезъ мостъ Тремоли (нынѣ Понтремоли) и мостъ Бардона въ Парму, другая дорога шла изъ Луки; нѣсколько восточнѣе шла дорога изъ Флоренціи въ Болонью; наконецъ существовала еще дорога изъ Флоренціи черезъ долину Муджелло въ Фавенцію (нынѣ Фаэнца), дорога, имѣвшая особое значеніе до тѣхъ поръ, пока Равенна была резиденціей правителей, а Флоренція главнымъ городомъ провинціи Тусціи. Но послѣ того какъ лангобарды выбрали себѣ столицей Тицинъ (Павія), резиденціей герцоговъ Тусціи стала Лука, имѣвшая болѣе удобное сообщеніе съ Тициномъ. Флоренція поднялась вновь лишь въ эпоху борьбы папъ съ императорами: такъ какъ Лука оставалась вѣрной императорамъ, то Флоренція тѣмъ тѣснѣе примкнула къ противной партіи, которая и одержала наконецъ по-

Объясненіе таблицы.

1—4. Древніе римскіе монетные бруски IV вѣка до р. Х.: 1/3 настоящей величины.

1 и 2. Чеканный мѣдный слитокъ вѣсомъ около 5 ассовъ. Лицо: Пегасъ, скачущій влѣво, подъ нимъ надпись Romanom, т. е. Romanorum (римлянъ). Оборотная сторона: орелъ, взлетающій вверхъ съ пучкомъ молній въ когтяхъ.

3 и 4. Такой же слитокъ, какъ 1 и 2. Лицо: быкъ, идущій влѣво. Оборотная сторона: быкъ, идущій вправо.

(По фотографіямъ съ брусковъ, находящихся въ берлинскомъ мюнцкабинетѣ.)

5. Капитолійская волчица съ Ромуломъ и Ремомъ.

Только сама волчица — древній оригиналъ, со статуи, какихъ много было поставлено въ республиканскомъ Римѣ въ память древней легенды объ его основаніи, напр., въ 296 г. до Р. Х. на Луперкаліи (Волчье Ущелье) на Палатинскомъ холмѣ. Изображеніе волчицы интересно въ культурно-историческомъ отношеніи, какъ несомнѣнный памятникъ древне-греческаго искусства. Близнецы — позднѣйшее добавленіе.

(По фотографіи Андерсона съ оригинала, находящагося въ Museo Capitolino въ Римѣ.)

Исторiя человѣчества, томъ IV.

Т-во Просвѣщенiе въ Спб.

Древнiе римскiе монетные бруски и капитолiйская волчица.

бѣду. По той же самой причинѣ Тицинъ долженъ былъ уступить свое мѣсто Медіолану и всѣ вообще города пытались возвратить себѣ то значеніе, которое они имѣли во времена римскаго господства и которое еще жило въ воспоминаніяхъ. Даже жители Рима разрушили укрѣпленный феодальный замокъ въ Тускулѣ и завладѣли позиціями на Альбанской горѣ, гдѣ затѣмъ возвигнута была „Rocca di Papa"; этимъ закончено было распространеніе свѣтскаго могущества христіанскаго Pontifex maximus въ смыслѣ дальнѣйшаго расширенія территоріальныхъ владѣній.

Сдѣлавъ такимъ образомъ общій обзоръ Апеннинскаго полуострова, мы убѣждаемся, что Италія никогда, ни въ ранней древности, ни позднѣе, не служила постояннымъ средоточіемъ міроваго владычества и что на самомъ полуостровѣ политическій центръ съ теченіемъ времени часто мѣнялся, что наконецъ на Апеннинскомъ полуостровѣ вообще не существовало естественной столицы. Центральное положеніе Италіи на Средиземномъ морѣ одинаково способствовало какъ господству чужеземцевъ, такъ и всемірному владычеству Италіи. Исходя изъ этой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать „римскую" исторію и разрѣшимъ вопросъ, какимъ образомъ Римъ сдѣлался главнымъ городомъ Италіи и центромъ нашего культурнаго міра.

2. Римъ и древняя Италія.

А. **Начало Рима.**

Прекрасная легенда, которою римляне украшали происхожденіе своего города, сдѣлалась достояніемъ всемірной литературы. Она уже въ древности была увѣковѣчена и въ искусствѣ. Волчица, кормящая близнецовъ, является уже на римско-кампанскихъ монетахъ IV вѣка до Р. Х. Въ 296 г. до Р. Х. правительствомъ была поставлена у подошвы Палатина въ „волчьемъ оврагѣ", lupercal, гдѣ по преданію волчица кормила близнецовъ (въ праздникъ Луперкалій, 17-го февраля, здѣсь приносили жертвы богу лѣсовъ и полей, Фавну, и Луперку, какъ „защитнику отъ волковъ"), бронзовая группа волчицы съ близнецами. Такъ называемая „Капитолійская волчица" (см. нижнюю половину приложенной таблицы" „Древнеримскія монеты и Капитолійская волчица") была отчасти реставрирована въ позднѣйшее время; впрочемъ, намъ извѣстно, что въ IX и X вѣкахъ по Р. Х. „lupa" находилась и въ Латеранскомъ дворцѣ. Позднѣе кормящая волчица, какъ символъ римскаго государства, распространилась по всему міру, надъ которымъ владычествовалъ Римъ. „День рожденія" Рима праздновался 21-го апрѣля, одновременно съ Палиліями, весеннимъ праздникомъ пастуховъ: въ этотъ день, по преданію, царь „Ромулъ" съ пастухами изъ Альба-Лонги предпринялъ основаніе города. Годомъ основанія Рима римскіе ученые считали позднѣе 753 г. до Р. Х.; поэтому въ 248 г. по Р. Х. въ царствованіе императора Филиппа Аравитянина праздновался 1000-лѣтній юбилей города Рима.

Однако сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія достигаютъ до насъ только съ V вѣка по Р. Х., съ тѣхъ поръ какъ къ спискамъ магистратовъ и календарю pontifices стали прибавлять замѣтки о важнѣйшихъ происшествіяхъ года, замѣтки, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивалось вмѣстѣ съ ростомъ города. Катастрофы, какъ напр. взятіе Рима галлами, передавались, конечно, особенно подробно. Отмѣчены также и рѣшительные моменты борьбы за государственное устройство. Болѣе же ранній періодъ покрытъ для насъ мракомъ или во всякомъ случаѣ полумракомъ, несмотря на множество разсказовъ, которые мы находимъ у римскихъ историковъ. Въ этихъ разсказахъ перемѣшаны устно-передававшіеся

описанія, сказанія, миѳы и этимологическія толкованія, въ которыхъ предстоитъ еще разобраться, чтобы розыскать въ нихъ ядро истины. Для выясненія историческаго смысла событій мы должны вернуться далеко назадъ.

Въ то время, когда финикіяне и греки боролись за господство надъ островами и берегами „Сардскаго“ моря, наибольшимъ вліяніемъ въ сѣверной и средней части Апеннинскаго полуострова пользовались этруски (см. выше). Этруски неоднократно принимали участіе въ этой борьбѣ въ качествѣ союзниковъ финикіянъ, чтобы освободиться отъ навязчивыхъ греческихъ мореплавателей въ своемъ „Тирренскомъ“ морѣ. Особенно ненавистно было приморскимъ городамъ Этруріи превосходство Сиракузъ, вслѣдствіе чего они въ 416 г. оказали содѣйствіе аѳинянамъ въ походѣ ихъ въ Сицилію, пославъ имъ на помощь нѣсколько кораблей. Это обстоятельство указываетъ, что этруски отдавали предпочтеніе болѣе далекимъ державамъ передъ близкими; такъ (за исключеніемъ карѳагенянъ) они оказали предпочтеніе коринѳянамъ и аѳинянамъ передъ сиракузянами и массалійцами, соперничавшими съ ними на берегахъ Италіи съ V вѣка. И Киме, древняя колонія халкидянъ и граевъ (итал. назв. Graeci) на берегу Кампаніи, метрополія Неаполя, силой должна была защищать свои морскіе пути отъ набѣговъ этрусскихъ каперовъ, пока наконецъ этруски не были окончательно разбиты въ большой морской битвѣ кумейцами и сиракузянами, заключившими между собой союзъ. Этруски во времена расцвѣта своего могущества (VI и V вѣкъ до Р. Х.) пользовались вліяніемъ и въ пограничныхъ съ ними областяхъ умбровъ, сабелловъ и латиновъ вплоть до предѣловъ Кампаніи.

По преданіямъ мы знаемъ, что этруски неоднократно занимали Римъ, пограничный городъ латиновъ, и что онъ будто бы и началъ возвышаться еще въ правленіе династовъ этрусскаго происхожденія; въ отдѣльныхъ подробностяхъ этрусская версія отличается отъ римской. Въ Вульци (нынѣ Вольчи) въ южной Этруріи, въ раскопкахъ котораго найдено было большое количество этрусскихъ вазъ (на рѣкѣ Фіора, въ древности Армента), на фрескахъ одной изъ гробницъ изображено было освобожденіе изъ римскаго плѣна Кайле Витнаса (по латыни: Caeles Vibenna) другомъ его Макстарной съ товарищами; въ битвѣ при этомъ палъ Кневе Тарху Румахъ, т. е. Гней Тарквиній, римлянинъ, дружина котораго, что замѣчательно, носила также этрусскія имена. Римская же традиція говоритъ, наоборотъ, о Тарквиніи Древнемъ, называя его именемъ Луція, происходящимъ отъ Лукумо, титула начальниковъ этрусскихъ городовъ. Согласно этой традиціи, онъ прибылъ въ Римъ изъ этрусскаго города Тарквиніи (близъ нынѣшняго Корнето) и тамъ достигъ власти. Но такъ какъ имя Тарквинія часто встрѣчалось и у римлянъ, то весь разсказъ повидимому обязанъ своимъ происхожденіемъ неудачной этимологической попыткѣ позднѣйшихъ историковъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что если государственное устройство Рима развилось и на туземномъ, т. е. латинскомъ основаніи, то для политическаго положенія его съ самаго начала имѣли рѣшающее значеніе отношенія къ городамъ южной Этруріи. Въ архитектурѣ, въ искусствахъ, въ религіозныхъ обрядахъ это вліяніе лишь постепенно было вытѣснено греческимъ, распространившимся по всему Средиземному морю. Правда, съ другой стороны страна „по ту сторону Тибра“ считалась чужбиной, куда жестокіе кредиторы продавали своихъ должниковъ; и греческое вліяніе, распространившееся до предѣловъ Лаціума, исходило изъ городовъ, враждебныхъ этрускамъ, каковы Киме и Сиракузы. Кромѣ того и искусство письма, распространившееся, правда, какъ въ Лаціумѣ такъ и въ Этруріи подъ греческимъ вліяніемъ, но совершенно самостоятельно, указываетъ на то, что обѣ эти области долгое время стояли въ сторонѣ другъ отъ друга. Въ такомъ неопредѣленномъ свѣтѣ является намъ Римъ въ началѣ его исторіи.

Городъ выросъ на нижнемъ теченіи Тибра, самой большой рѣки средней Италіи, судоходной въ то время и въ верхнемъ теченіи. Кромѣ того отъ берега моря шла вглубь страны, касаясь и Рима, „Via Salaria“, т. е. соляная дорога, которая вела затѣмъ въ область сабинянъ, занимавшихся скотоводствомъ. Это сабельское племя жило деревнями, такъ что Римъ вскорѣ сталъ для него „городомъ“. Однако, Римъ вскорѣ опередилъ въ своемъ развитіи и поселенія латиновъ, лежавшія на террасѣ у подошвы Альбанской горы. Тамъ, вдоль Альбанскаго озера раскинулась Альба-Лонга, мѣстомъ акрополя которой нынѣ считается замокъ Гандольфо. Альба-Лонга была главнымъ городомъ латинскаго союза, засѣданія котораго происходили при Ференимскомъ источникѣ, въ красивой долинѣ между Альбано и Марино; тамъ-же, на Альбанской горѣ, съ которой открывался видъ на весь Лаціумъ до самаго моря, совершались и жертвоприношенія союза. Кромѣ того священная роща Ариція, nemus Dianae при озерѣ Ариціи (нынѣ озеро Неми), во всѣ времена служила излюбленнымъ мѣстомъ поклоненія для паломниковъ латинскаго племени. Крайне важное значеніе имѣло то обстоятельство, что Римъ уже очень рано всталъ во главѣ этого латинскаго союза, служившаго сперва религіознымъ цѣлямъ. Альба-Лонга, оказавшая сопротивленіе, была разрушена, а знатные роды принуждены переселиться въ Римъ. Въ такой формѣ происходило въ то время соединеніе двухъ самостоятельныхъ городскихъ общинъ въ одну. Метрополія Альба-Лонга была поглощена своей колоніей, Римомъ. Въ то-же время римляне завладѣли и позиціями, господствовавшими на горной террасѣ у подошвы Альбанской горы, такъ что, начиная съ этого времени, національный праздникъ латиновъ справлялся каждую весну на Альбанской горѣ подъ руководствомъ римскихъ магистратовъ. Право на участіе въ этомъ праздникѣ имѣли 30 городовъ, символомъ которыхъ считалась свинья съ 30 поросятами. Принеся въ жертву богу своего племени, Юпитеру Latiaris, быка, участники союза раздѣляли между собой жертвенное мясо.

a) Распространеніе римскаго владычества въ сѣверномъ направленіи.

Римъ вскорѣ завладѣлъ выдающейся позиціей и внизъ по теченію рѣки, а именно устьями Тибра („Остія“), гдѣ заложена была гавань, защищенная отъ нападеній постояннымъ гарнизономъ. По ту сторону рѣки римская область граничила съ владѣніями этрусскихъ городовъ, Цэре и Вейи. Цэре лежитъ близъ нынѣшняго Черветери. Городъ этотъ въ средніе вѣка изъ санитарныхъ соображеній былъ оставленъ жителями, вблизи его вскорѣ возникъ другой городъ, Чери; впрочемъ вся эта мѣстность къ концу среднихъ вѣковъ совершенно опустѣла. Съ Цэре, имѣвшею двѣ гавани, одну для греческихъ судовъ, другую для карѳагенскихъ. Римъ уже рано завязалъ сношенія; между ними состоялось мирное соглашеніе. Съ Вейями, наоборотъ, разгорѣлась борьба, частью за соляныя равнины при устьѣ Тибра, частью за обладаніе Фиденами, расположенными на лѣвомъ берегу Тибра и представлявшими ключъ къ переходу изъ Этруріи въ Лаціумъ; крѣпость Вейи лежала близъ нынѣшней Изола Фарнезе (названной „островомъ“ вслѣдствіе своего положенія между двумя ручьями и находящейся съ XVI-го вѣка во владѣніи рода Фарнезе), Фидены близъ Вилла Спада, на разстояніи одной нѣмецкой мили отъ Рима. Римляне уничтожили сообщеніе между Вейями и Фиденами, построивъ на рѣчкѣ Кремерѣ, втекающей въ Тибръ близъ Фиденъ (нынѣ Фоссо делла Валькетта), замокъ и поставивъ тамъ гарнизонъ: разсказываютъ, что задачу эту взялъ на себя родъ Фабіевъ, потерпѣвшій однако при этомъ страшное пораженіе. Тѣмъ не менѣе война еще неоднократно возобновлялась, пока, наконецъ, Фидены не пали, послѣ чего римляне вступили въ борьбу съ самими Вейями, близость которыхъ

была неудобна Риму. Въ Римѣ населеніе быстро росло, ибо подобно Альба-Лонгѣ къ римской области присоединенъ былъ и рядъ другихъ городовъ; чтобы воспрепятствовать слишкомъ большой скученности населенія и предотвратить соціальный кризисъ, угрожавшій Риму, какъ и всѣмъ аграрнымъ государствамъ древняго міра, необходимо было приступить къ завоеванію и заселенію новыхъ земель зависимыми отъ Рима колонистами. Поэтому Невій и Энній, поэтически обработывавшіе эпизоды древне-римской исторіи и прославившіеся во время второй Пунической войны и позднѣе, въ своихъ описаніяхъ трудной и продолжительной осады Вейй провели параллель между нею и Троянской войной; ибо она имѣла рѣшающее значеніе для развитія Рима.

Дѣйствительно, съ паденіемъ Вейй могущество Рима почти удвоилось. Врядъ-ли какой-либо городъ Италіи могъ еще помѣряться съ Римомъ по величинѣ своихъ владѣній; кромѣ того союзъ латиновъ подъ руководствомъ римлянъ оказался гораздо прочнѣе и сплоченнѣе, нежели конфедерація этрусковъ, засѣданія которой происходили въ священной рощѣ Волтумны (Скрофано, т. е. „sacrum fanum“, въ области Капены). Вейи, предоставленныя самимъ себѣ, были разграблены и разрушены римлянами, населеніе частью перебито, частью продано въ рабство, область города объявлена собственностью римскаго народа. Эта область простиралась до Циминскаго лѣса къ сѣверу отъ Сутри (по ту сторону „Циминскаго озера“, нынѣ озеро Вико, вдоль котораго вела „Циминская“ дорога) и до горной группы Соракте, видимой еще съ римскихъ холмовъ; Соракте получилъ названіе Монте Сантъ-Оресте съ тѣхъ поръ, какъ въ средніе вѣка невѣрно истолковали надпись и создали, благодаря этому, новаго святого. Здѣсь римляне и ихъ союзники нѣсколько лѣтъ спустя заложили колоніи Сутрій и Непетъ (нынѣ Сутри и Непи) съ соблюденіемъ строгаго ритуала, ибо, по полету птицъ и другимъ небеснымъ знакамъ, необходимо было еще раньше установить, угодно-ли богамъ основаніе новыхъ поселеній. Такія колоніи назывались „латинскими“, ибо онѣ получали то же автономное положеніе, какъ и древне-латинскіе города, и подобно послѣднимъ находились въ зависимости отъ главной общины—Рима, въ отношеніи внѣшней политики. Такимъ образомъ за разрушеніемъ одного города, Вейй, послѣдовало основаніе двухъ новыхъ городовъ, бывшихъ какъ бы отпрысками Рима, тогда какъ прочія области составляли римскую общественную землю и были предоставлены въ пользованіе гражданамъ.

Сутрій и Непетъ служили съ тѣхъ поръ аванпостами римско-латинскаго могущества въ южной Этруріи, испытавшей такимъ образомъ большой политическій и аграрный переворотъ. Расположенныя по близости другъ отъ друга и составлявшія вмѣстѣ одно цѣлое, общины капенцевъ при подошвѣ Соракте, а затѣмъ и Фалерии (онѣ были перенесены римлянами далѣе на западъ въ равнину; между тѣмъ въ средніе же вѣка вновь достигъ значенія старый городъ подъ именемъ Civita Castellana), имѣвшія не этрусское, а скорѣе родственное латинамъ населеніе, признали превосходство Рима; наконецъ, и Вольсиній близъ нынѣшняго Орвіето (urbs vetus, ибо въ 264 г. до Р. Х. римляне основали на озерѣ Больсено второй Вольсиній, рядомъ съ которымъ существовалъ и „старый городъ“), передовой постъ этрусскаго союза двѣнадцати городовъ, принужденъ былъ отказаться отъ сопротивленія.

Вскорѣ и болѣе сѣверные города принуждены были искать помощи у римско-латинскаго государства, ибо галлы, основавшіеся въ ущербъ этрускимъ и умбрійскимъ народностямъ у береговъ По и къ югу, откуда по берегамъ Адріатики, стали уже распространять свои набѣги и по сю сторону Апеннинъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ взятія Вейй римлянами, войско сенонскихъ галловъ осадило здѣсь городъ Клузій, нынѣ Кьюзи (въ окрестностяхъ его сохранились многочисленныя этрусскія гробницы; область

Клузія простиралась на сѣверѣ до Тразименскаго озера, гдѣ она соприкасалась съ областями Кортоны и Перузіи). Клузій нѣкогда занималъ руководящее положеніе въ Этруріи и, по преданію, даже одолѣлъ въ борьбѣ Римъ въ царствованіе Порсенны. Римляне, которымъ еще не угрожала непосредственная опасность, послали однако двухъ пословъ, чтобы получить точныя свѣдѣнія о положеніи вещей. Послы эти, обходившіеся съ галлами, какъ съ варварами, по отношенію къ которымъ незачѣмъ было соблюдать правила международнаго права, вызвали катастрофу, отразившуюся на всемъ тогдашнемъ, по преимуществу эллинскомъ, мірѣ. Такъ какъ данныя древней римской хронологіи только приблизительно вѣрны, то событіе это произошло въ 387 или въ 386 г. до Р. Х.; по другимъ свѣдѣніямъ уже въ 390 г. Галлы подступили къ Риму, не встрѣчая сопротивленія, ибо вейенская область еще не была заселена; римское войско было смято и разбито при рѣчкѣ Алліи (нынѣ Фоссо ди Беттина, на разстояніи одиннадцати миль отъ Рима), а на четвертый день послѣ этого взятъ и самый городъ, послѣ того какъ жители нашли убѣжище въ сосѣднихъ городахъ, какъ напр. Цэре, и туда же спасли свои святыни. Римлянамъ удалось лишь отстоять наиболѣе высоко расположенную часть города, такъ называемый Капитолій, гдѣ находился храмъ Юпитера и крѣпость, и отразить оттуда нападеніе. Спустя семь мѣсяцевъ, галлы, среди которыхъ распространились различныя болѣзни и отечеству которыхъ кромѣ того угрожали венеты, получивъ 1000 фунтовъ золота, покинули городъ.

Хотя римляне быстро уничтожили всѣ слѣды варварскаго вторженія, вновь построили и укрѣпили городъ, тѣмъ не менѣе, „галльскій ужасъ" еще вѣками жилъ въ ихъ воспоминаніяхъ. Отъ времени до времени галлы возобновляли свои вторженія; тогда Римъ выставлялъ на поле сраженія всѣхъ способныхъ носить оружіе, не исключая жрецовъ и судебныхъ служителей, свободныхъ въ другое время отъ военной службы. Однако, эта борьба имѣла и другое, болѣе важное значеніе. Римляне научились тутъ искусству боя въ разсыпномъ строю, что надолго обезпечило за ними превосходство надъ милиціей этрусскихъ, латинскихъ и вообще италійскихъ городовъ. Кромѣ того, имѣло значеніе и то обстоятельство, что римляне умѣли маневрировать крупными массами, что они со времени осады Вейй привыкли въ случаѣ необходимости вести войну и въ зимнее время; дальнѣйшій шагъ впередъ представляло при этомъ назначеніе выступавшимъ въ походъ войскамъ жалованья, покрывавшагося изъ доходовъ общины; въ другихъ войскахъ солдаты экипировались на свой счетъ.

Начиная съ этого времени, съ IV вѣка до Р. Х., уже не этруски, но римляне являются представителями средней Италіи (см. карту при стр. 350) въ сношеніяхъ съ иностранными землями и могущественными морскими державами; не только греческіе города, какъ, напр., Массилія, но и кареагеняне заключали уже не съ этрусками, но римлянами договоры для обезпеченія торговыхъ сношеній, сильно страдавшихъ отъ морскихъ разбоевъ. Въ договоры эти включались и союзники обѣихъ сторонъ. Въ это время владычество Рима распространилось уже и въ южномъ направленіи.

б) Расширеніе римскаго могущества въ южномъ направленіи.

Область латиновъ граничила на юго-западѣ съ владѣніями вольсковъ, на сѣверо-востокѣ съ владѣніями эквовъ. Вольски жили вокругъ Суессы-Помеціи, въ понтинской равнинѣ, а также и въ горныхъ мѣстностяхъ до Лириса, а въ верхнемъ теченіи его и по ту сторону этой рѣки. Эквы, область которыхъ простиралась вверхъ по Аніо до плоскогорья при Фуцинскомъ озерѣ, безпокоили своими набѣгами мѣстность близъ Тибура; и горы Альгидъ, расположенныя къ востоку отъ Альбанской горы, часто служили мѣстомъ столкновеній между латинами и эквами. По временамъ эквы

и вольски соединялись и для совмѣстныхъ нападеній; наоборотъ, города герниковъ, съ Ананіей (нынѣ Ананьи) во главѣ, рано примкнули къ латинамъ; на пути изъ Ананіи въ Римъ, на склонѣ горы, съ которой открывается видъ на всю область герниковъ, латины основали колонію Сигнію, нынѣ Сеньи, отъ которой донынѣ сохранились остатки стѣны и воротъ. Какъ Сеньи, такъ и другіе города герниковъ расположены на высотахъ, въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, прорѣзывающей нынѣ долину. Войны этихъ народностей долгое время велись за обладаніе лишь немногими отдѣльными позиціями, отчасти же это были просто разбойническіе набѣги, которыми горцы опустошали болѣе богатую, плодородную равнину; вражду поддерживали и эмигранты, и политическіе бѣглецы, находившіе во время междоусобицъ убѣжище у врага; такъ римляне побѣжденной партіи бѣжали всегда къ вольскамъ. Но послѣ того, какъ римляне достигли значительныхъ успѣховъ въ Этруріи и затѣмъ отразили галловъ, они вскорѣ упрочили свое господство и надъ этими небольшими племенами; война съ вольсками привела къ тѣмъ же результатамъ, что и война съ Веіями: часть отнятой у побѣжденныхъ земли была обращена въ римскую общественную землю, ager publicus, и сверхъ того основаны двѣ колоніи, Сатрикъ (въ равнинѣ близъ нынѣшней Конка, гдѣ въ 1896 г. найдены стѣны колоніи Сатрикъ) и Сеція (нынѣ Седзе, у подошвы Вольскихъ горъ). Римляне заняли и Велитры (Веллетри) и Ардею, городъ рутуловъ. Наконецъ, и Суесса-Помеція, расположенная посреди области, въ которой позднѣе распространились понтинскія болота, была обращена въ латинскую колонію.

Среди одной части вольсковъ, правда, вспыхивали еще иногда возстанія; другіе, наоборотъ, вполнѣ подчинились и вскорѣ были уравнены съ римлянами въ правахъ, касающихся торговли и брака. Такъ подготовлялась ассимиляція страны вольсковъ съ Лаціумомъ, закончившаяся въ различныхъ мѣстностяхъ въ различное время. Крайне важно было и то, что и приморскіе города вольсковъ, а именно, Анцій (Порто д'Анціо, называющійся нынѣ короче Анціо), Цирцеи, Анксуръ или Таррачина (нынѣ Террачина) и группа острововъ Понтіи (нынѣ Понца) были присоединены къ римскимъ владѣніямъ. Большинство этихъ городовъ не получило автономнаго управленія, но управлялось изъ Рима, какъ „римскія" колоніи; поселившіеся здѣсь граждане обязаны были, какъ и въ Остіи, нести гарнизонную службу и потому лишь рѣдко принимали участіе въ походахъ. Вообще римляне вводили различную организацію въ различныхъ городахъ, чтобы предупредить возникновеніе общихъ интересовъ.

Той же политики придерживались римляне и по отношенію къ латинскимъ городамъ. Когда послѣдніе стали сопротивляться римскому вмѣшательству, Римъ объявилъ латинскій союзъ расторгнутымъ; каждый городъ въ отдѣльности долженъ былъ заключить новый союзъ съ Римомъ, условія котораго были поставлены столицей, причемъ нѣкоторыя мѣстности оказались даже лишенными права города. Такъ, напр., Лаврентъ (близъ нынѣшняго хутора Торъ Патерно), соперникъ Остіи, лишился своей самостоятельности. Область его была отдана Лавинію, остатки котораго находятся близъ Пратики въ римской Кампаніи; Лавиній же взялъ на себя исполненіе принятыхъ въ Лаврентѣ богослужебныхъ обрядовъ. Ибо съ богами римляне отнюдь не хотѣли бороться. Они доказали это уже при присоединеніи Альба-Лонги, гдѣ они позаботились о томъ, чтобы сосѣднія Бовиллы взяли на себя исполненіе культа альбанцевъ; то же самое имѣло мѣсто и при завоеваніи Веій, гдѣ римляне испросили у богини Юноны согласіе на переселеніе ея въ Римъ. Богиня, какъ гласила легенда, въ отвѣтъ совершенно ясно утвердительно кивнула головой. Нѣкоторые города латиновъ, какъ, напр., высоко расположенный Тускулъ, сохранили привилегированное положеніе, облегчавшее ихъ гражданамъ пріобрѣтеніе

всѣхъ правъ римскаго гражданства, за другими, какъ Тибуръ и Пренестъ, была обезпечена ихъ коммунальная самостоятельность.

в) Гражданскія войны между патриціями и плебеями.

Въ самомъ Римѣ члены древнихъ „родовъ“ (patricii) долгое время держались крайне замкнуто по отношенію къ новымъ гражданамъ („plebs“), переселеннымъ въ Римъ изъ сосѣднихъ разрушенныхъ городовъ или поселившимся тамъ добровольно. „Плебеи“ не допускались ни къ древнеримскимъ культамъ, ни въ жреческое сословіе, ни къ судебнымъ должностямъ, согласно строгому сакральному праву древнихъ, по которому каждый городъ составлялъ особое религіозное сообщество. Однако, число плебеевъ непрерывно увеличивалось, они несли военную службу, занимая въ качествѣ „трибуновъ“ и офицерскія должности, и добились земскаго права, чтобы положить предѣлъ произволу магистратовъ. Въ этихъ гражданскихъ войнахъ, разгорѣвшихся до степени настоящей революціи и едва не поведшихъ къ основанію второго Рима, „трибуны“ стали вождями и руководителями плебса, и по окончательномъ возстановленіи мира государство признало за ними неприкосновенность. Въ остальномъ, Римъ послѣ изгнанія Тарквиніевъ представлялъ свободное государство, и всякія стремленія къ тиранніи или царской коронѣ были запрещены подъ страхомъ смерти; и дѣйствительно, Спурій Кассій, три раза занимавшій высшую административную должность и заключившій союзъ съ герниками, былъ преданъ смертной казни; подобные же случаи повторялись, повидимому, еще нѣсколько разъ; такъ, римскія лѣтописи разсказываютъ о казни М. Манлія и Спурія Мелія въ примѣръ и страха ради другимъ. Съ тѣхъ поръ въ Римѣ считалось опаснымъ пользоваться слишкомъ большою популярностью. Но такъ какъ должностныя лица назначались лишь на одинъ годъ, то съ этой стороны государственному устройству не угрожало никакой опасности.

Наконецъ, плебеи выступили съ требованіемъ допущенія ихъ къ административнымъ должностямъ и въ жреческое сословіе — права, которыя патриціи, пока это было возможно, стремились удержать исключительно за собой. Довольно долгое время, какъ, напр., въ годы осады и взятія Веій, во главѣ республики стояли военные трибуны, облеченные административной властью; тутъ плебеи впервые были допущены въ эту высшую инстанцію. Но такъ какъ общее положеніе государства не благопріятствовало сохраненію патриціанскихъ привилегій, то плебеи въ 367 г. до Р. Х. получили, наконецъ, доступъ къ консульству, и лишь нѣсколько десятилѣтій спустя были допущены и въ древнія жреческія коллегіи „pontifices“ и „augures“. Нѣкоторыя жреческія мѣста изъ вниманія къ богамъ, которымъ могло быть неугодно малѣйшее уклоненіе отъ принятыхъ обычаевъ, и позднѣе остались въ исключительномъ владѣніи патриціевъ; эти должности сохранились, какъ наслѣдіе древности, вплоть до эпохи императоровъ, пока, наконецъ, не нашлось уже никого, кто былъ бы достоинъ ихъ занимать.

Въ противоположность этимъ консервативнымъ стремленіямъ старинныхъ гражданъ, греческіе культы, рано распространившіеся въ Лаціумѣ и Этруріи, вполнѣ удовлетворяли практическимъ потребностямъ массъ. Въ критическія эпохи, когда странѣ грозила чума или голодъ, плебеи-хранители пророческихъ книгъ, привезенныхъ изъ Кумъ въ Римъ, по приказу правительства искали въ этихъ книгахъ отвѣта на возникавшіе вопросы; послѣ этого слѣдовало обыкновенно введеніе какого-нибудь новаго культа, удовлетворявшаго народную набожность.

г) Государственныя должности.

Два магистрата, облеченные какъ судебной, такъ и высшей военной властью и получившіе позднѣе наименованіе consules, стояли во главѣ го-

сударства. Съ развитіемъ государства часть обязанностей, лежавшихъ на консулахъ, была изъята изъ ихъ вѣдѣнія и для исполненія ихъ учреждены новыя должности: преторы облечены были судейской властью, на цензоровъ возложена перепись, предпринимавшаяся каждыя пять лѣтъ, эдилы облечены полицейской властью, квесторамъ пред ставлено завѣдываніе финансами. Когда тяжелыя времена требовали сосредоточенія власти въ однѣхъ рукахъ, то по требованію сената одинъ изъ консуловъ назначалъ диктатора („повелителя“), который уже самъ избиралъ себѣ подчиненнаго ему товарища, предводителя всадниковъ (magister equitum). Оба они могли оставаться у власти лишь въ теченіе шести мѣсяцевъ. Всѣ эти должности представляютъ дальнѣйшее развитіе латинской городской магистратуры.

Наряду съ этими должностными лицами существовали еще сенатъ и народное собраніе, первый для обсужденія, второе для окончательнаго рѣшенія городскихъ, т.-е. въ то же время и государственныхъ дѣлъ. Въ сенатѣ докладывали магистраты. Согласно принятому порядку дѣлъ, изъ всѣхъ докладовъ на первомъ планѣ стояли касавшіеся религіозныхъ вопросовъ, которые бургомистры, вступавшіе въ должность, въ десятидневный срокъ должны были доставлять общинному совѣту. И здѣсь много вниманія удѣлялось предзнаменованіямъ и вообще народнымъ вѣрованіямъ: уродливыя рожденія, молніи, волки, появлявшіеся на Капитоліѣ, все это по опредѣленію pontifices требовало соотвѣтствующаго искупленія. Для наблюденія надъ внутренностями животныхъ, бывшаго въ обычаѣ у этрусковъ, государство назначило особыхъ haruspices, наблюденіемъ надъ полетомъ птицъ ревностно занимались сами магистраты. Въ древне-римскихъ историческихъ преданіяхъ играютъ большую роль священные капитолійскіе гуси Юноны и священныя куры, по наблюденіямъ надъ которыми во время ихъ кормленія римляне предсказывали исходъ того или другого предпріятія. Народное собраніе, собиравшееся не очень часто, рѣшало лишь важнѣйшія дѣла, болѣе обыкновенныя же текущія обсуждались исключительно въ сенатѣ. Народъ былъ доволенъ правительствомъ, когда соль была дешева и „tributum“ не были слишкомъ высоки, когда общественныя повинности не ложились тяжелымъ гнетомъ на населеніе, какъ, напр., при постройкѣ городской стѣны, когда, наконецъ, отъ времени до времени происходилъ раздѣлъ завоеванныхъ областей. Такъ римское государство распространялось все дальше и дальше.

Б. **Эпоха самнитскихъ войнъ до покоренія Италіи.**

а) Политическая исторія.

Апеннинскій полуостровъ, не имѣвшій еще одного общаго названія (наименованіе „Италія“ появилось лишь въ II вѣкѣ до Р. Х.), служилъ въ то время театромъ замѣчательныхъ народныхъ передвиженій. Племена, не стремившіяся болѣе къ расширенію своихъ владѣній, каковы этруски и умбры, были стѣснены другими племенами. Наоборотъ, народы сабельскіе, жившіе первоначально въ среднихъ горныхъ областяхъ вокругъ Гранъ-Сассо и группѣ Майеллы, высылали всякій разъ, какъ имъ грозило перенаселеніе, „священную весну“, т.-е. предназначали къ выселенію и тѣмъ самымъ какъ-бы предавали волѣ боговъ все, что рождалось въ опредѣленный промежутокъ времени изъ людей и скота. Въ то время какъ римляне боролись съ вейенцами, галлами и вольсками, сабельскіе народы заняли Кампанію, Апулію и Луканію, вступая въ соглашеніе съ туземнымъ населеніемъ и объявляя войну греческимъ городамъ. Это движеніе особенно сильно отразилось на Кумахъ и ея колоніи Неаполѣ; но и въ Великой Греціи многія менѣе густо заселенныя греческія колоніи не могли выдер-

жать натиска сабелловъ. Онѣ должны были капитулировать и принять пришельцевъ въ качествѣ совладѣтелей; а такъ какъ послѣдніе еще усиливались новыми эмигрантами, число-же грековъ скорѣе уменьшалось, то здѣсь происходило постепенно этническое измѣненіе, конца котораго еще нельзя было предвидѣть. Только такіе города, какъ Тарентъ, Кротонъ, Турій, Локры, Регій, съумѣли удержаться; Тарентъ представлялъ уже въ то время довольно значительную морскую державу. Правда, и господство сабельскихъ пришельцевъ нигдѣ не было прочно обосновано, главнымъ образомъ потому, что оно распространялось на слишкомъ далекія пространства, и нерѣдко сабеллы занимали болѣе отдаленныя позиціи, не завладѣвъ предварительно болѣе важными, близкими пунктами; въ противоположность римлянамъ, они шли впередъ безъ всякаго плана. Во всякомъ случаѣ движеніе это потрясло всю южную часть полуострова; города или народы, возставшіе противъ сабелловъ, должны были искать помощи для успѣшнаго сопротивленія. Къ такимъ городамъ принадлежали Кумы и Неаполь въ Кампаніи. Въ тѣхъ же условіяхъ былъ Теанъ, городъ сидициновъ, соперничавшій съ Капуей; Капуя, хотя и заселенная сабеллами, стремилась однако къ самостоятельному развитію.

Настоящую помощь могъ оказать только Римъ, съ тѣхъ поръ какъ его владѣнія послѣ присоединенія страны вольсковъ простирались уже до Лириса и тамъ, за областью аврунковъ, соприкасались съ Кампаніей. Впродолженіе нѣкотораго времени самниты и римляне избѣгали выступать другъ противъ друга, стараясь наоборотъ разграничить сферы своихъ интересовъ, такъ что римляне свободно могли вести войну съ латинами, вольсками, аврунками. Но наконецъ состоялся союзъ между Римомъ и Теаномъ; и еще важнѣе было то, что и Капуя принуждена была присоединиться къ Риму (въ 338 г. до Р. Х.). Въ отношеніи торговли и другихъ сношеній, равно какъ и въ отношеніи брачныхъ законовъ, Капуя была совершенно уравнена въ правахъ съ Римомъ. Въ остальномъ Капуя осталась за капуанцами: они сохранили своихъ магистратовъ и осскій языкъ остался оффиціальнымъ языкомъ, ибо въ политическомъ отношеніи Капуя лишь въ смыслѣ принятыхъ ею на себя обязанностей, но не въ смыслѣ пріобрѣтенныхъ ею правъ приравнена была къ Риму; капуанцы не имѣли права голоса въ Римѣ. Но они называли себя „римлянами“, и единство римско-кампанскаго государства проявлялось въ денежной системѣ: на своихъ монетахъ, которыя они по прежнему чеканили по фокейскому образцу, они изобразили волчицу съ близнецами. Точно также это единство сказывалось и въ военномъ дѣлѣ: кампанцы организовали свои войска по римскому образцу въ легіоны, не вводя болѣе мелкихъ подраздѣленій, такъ называемыхъ когортъ, принятыхъ въ мелкихъ государствахъ. Это опять таки усилило могущество Рима; ибо изъ упомянутыхъ уже обстоятельствъ само собой вытекаетъ, что руководящая роль въ этомъ союзѣ принадлежала Риму; это обстоятельство сверхъ того нашло себѣ выраженіе и въ нѣсколько уклоняющейся отъ обычнаго сказанія объ основаніи города версіи, по которой сынъ Энея, Ромосъ, основалъ какъ Капую, такъ и Римъ. Такимъ образомъ римское могущество распространилось и за предѣлы средней Италіи. Подобно Капуѣ еще девять городовъ Кампаніи, между ними и Кумы, получили отъ Рима „гражданство безъ права голоса“, а часть области къ сѣверу отъ Вольтурна была обращена въ римскую общественную землю (ager publicus) и на ней позднѣе были основаны двѣ колоніи, Минтурны и Синуесса (въ древней странѣ аврунковъ). Новая триба Фалерна получила свое наименованіе отъ богатыхъ виномъ фалернскихъ земель.

Однако вскорѣ соперниками римскаго могущества выступили самниты. Интересы ихъ впервые столкнулись на верховьяхъ Лириса, гдѣ въ Фрегеллахъ (на принадлежавшей нѣкогда вольскамъ землѣ) была основана

латинская колонія; сверхъ того римляне принудили отступить самнитскій гарнизонъ, готовившійся занять Неаполь. Все это послужило поводомъ къ войнѣ; ибо самниты не хотѣли отказаться ни отъ доступа къ морю, ни отъ сношеній съ областью Лириса. Римляне, перешедшіе въ наступленіе, потерпѣли жестокое пораженіе въ Кавдинскихъ ущельяхъ, ведущихъ изъ Кампаніи въ подвластную самнитамъ Апулію. Самниты окружили въ горахъ римское войско и заставили его „пройти подъ ярмомъ", что̀ считалось большимъ позоромъ; консулы и офицеры должны были поручиться за то, что римляне откажутся отъ спорныхъ позицій и въ дальнѣйшемъ будутъ соблюдать миръ.

Тѣмъ не менѣе римляне продолжали войну, длившуюся болѣе 22 лѣтъ. Если они и не могли мѣряться съ самнитами въ горахъ, то далеко превосходили ихъ въ равнинахъ. Цензоръ Аппій Клавдій провелъ въ это время дорогу изъ Рима въ Капую, названную по немъ Via Appia; сверхъ того обезпечено было сообщеніе черезъ землю гирпиновъ, а для удержанія Апуліи была основана въ 314 г. до Р. Х. колонія Луцерія (нынѣ Луцера близъ Фоджіи). Эта колонія, съ богатымъ населеніемъ и обширной областью, стала центромъ латиновъ въ равнинѣ, лежащей у подошвы Самнитскихъ горъ; экономически равнина и горы эти тѣсно связаны между собой, ибо нагорныя пастбища и луга въ равнинѣ, служа цѣлямъ скотоводства, одни лѣтомъ, другія зимой, и понынѣ взаимно дополняютъ другъ друга. Такимъ образомъ основаніе Луцеріи является большимъ событіемъ въ исторіи Италіи, ибо оно положило конецъ господству самнитовъ въ этихъ областяхъ и укрѣпило господство Рима. Нѣтъ ничего удивительнаго, что самнитско-римскія войны годами велись именно изъ-за этой позиціи. Однако римляне удержали ее за собой и въ 291 г. до Р. Х. заложили вторую колонію Венузію, нынѣ Веноза. Чтобы разъ навсегда обезпечить сношенія между этими мѣстностями и Кампаніей, въ странѣ гирпиновъ была основана еще колонія Беневентъ (въ 268 г. до Р. Х.) и въ то же время Via Appia продолжена до Іоническаго моря.

Между тѣмъ римляне уже вступили въ сношенія съ Тарентомъ, ревностно оберегавшимъ свой проливъ, и другими греческими городами, съ удовольствіемъ смотрѣвшими на то, какъ Римъ унизилъ ненавистныхъ сабелловъ, наконецъ и съ Сиракузами, далеко распространившими въ правленіе тиранновъ Діонисія и Агаѳокла свое владычество по Адріатическому морю, на берегу Кампаніи и въ Эгейскомъ морѣ; дальнѣйшему расширенію этого города препятствовали внутреннія смуты. Съ государствомъ пиратовъ, основаннымъ на Липарскихъ островахъ греческими выходцами изъ Родоса и Книда, римляне впервые пришли въ соприкосновеніе, когда они послѣ взятія Веій отправили пословъ къ Дельфійскому оракулу. Съ Массиліей Римъ давно состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Съ Родосомъ римляне въ 306 году заключили торговый договоръ; кромѣ того относительно Антіатовъ намъ извѣстно, что они въ своихъ путешествіяхъ достигали до береговъ Малой Азіи.

Побѣжденныя римлянами народности особенно сильно возставали противъ основанія въ ихъ земляхъ колоній. Этруски и умбры даже призвали на помощь смертельнаго врага — галловъ, въ каковой коалиціи приняли участіе и самниты. Это дало римлянамъ поводъ покорить этрусскіе города и непосредственно подчинить себѣ и южное побережье путемъ основанія приморскихъ колоній; только Цэре сохранила римское „гражданство безъ права голоса". Въ борьбѣ съ союзниками римляне завладѣли и проходомъ черезъ умбрійскіе Апеннины, послѣ чего они напали на галловъ въ собственныхъ ихъ поселеніяхъ на Адріатическомъ морѣ. Они отняли у нихъ часть ихъ области и основали колонію Сену Галльскую (нынѣ Синигаллія). Римляне укрѣпились и на берегу Пицена. Тарентинцы, недовольные тѣмъ, что чужіе корабли стали входить въ „ихъ море", но не

имѣя возможности собственными силами воспрепятствовать вмѣшательству Рима, призвали на помощь царя Пирра Эпирскаго, стяжавшаго себѣ въ борьбѣ между наслѣдниками Александра Великаго славу стратега. Пирръ дѣйствительно явился въ южной Италіи съ хорошо обученнымъ войскомъ и, въ качествѣ союзника — не только тарентинцевъ, но и самнитовъ, поставившихъ себѣ цѣлью разрушеніе Луцеріи и Венузіи, выступилъ противъ Рима; искусно маневрируя, онъ нѣсколько разъ одержалъ побѣду надъ римскимъ войскомъ, впервые встрѣтившимся здѣсь съ македонской фалангой и боевыми слонами востока. И тѣмъ не менѣе онъ не могъ выдержать борьбы съ тѣснымъ кругомъ основанныхъ римлянами для укрѣпленія своего господства колоній. Кромѣ того Пирръ преслѣдовалъ свою цѣль съ недостаточной послѣдовательностью; онъ откликнулся и на призывъ сиракузянъ, призвавшихъ его на помощь противъ Карѳагена, вслѣдствіе чего Карѳагенъ и Римъ совмѣстно выступили противъ него. Побѣдоносное шествіе царя въ Сициліи продолжалось недолго; вернувшись въ Италію, онъ при Беневентѣ былъ разбитъ римлянами, въ то время какъ карѳагеняне подошли къ Таренту. Пирръ ушелъ въ Грецію, имѣя въ виду завладѣть македонскимъ трономъ, однако оставилъ въ Тарентѣ гарнизонъ въ надеждѣ еще когда-нибудь вернуться въ Италію. Когда онъ вскорѣ послѣ этого былъ убитъ въ Аргосѣ, тарентинцы по необходимости примкнули къ римлянамъ.

Съ другой стороны въ самнитскихъ горахъ была основана колонія Эзернія (нынѣ Изернія), расположенная въ такомъ пунктѣ, что черезъ нее должны были неминуемо идти всѣ сношенія между долиной Вольтурна и долиной Сангра. Поэтому новая колонія вскорѣ завладѣла всей торговлей внутренней области, тѣмъ болѣе что высоко расположенныя деревни самнитовъ далеко не могли удовлетворять всѣмъ новымъ требованіямъ торговли.

Между тѣмъ римляне вооруженной силой заняли и страну эквовъ, на которую они, благодаря успѣхамъ, достигнутымъ ими въ Самніумѣ, могли напасть со стороны Лириса; на этихъ древнихъ врагахъ своего племени латины выместили теперь свою злобу. Они отняли у эквовъ цѣлыхъ двѣ трети ихъ области, которыя и послужили къ основанію двухъ необычайно сильныхъ колоній: Карсеолъ и Альбы (у Фуцентинскаго озера). Тамъ, гдѣ нынѣ дорога изъ долины Аніо поднимается на плоскогорье, между нынѣшними городами Арзоли и Карзоли, близъ Пьяно дель Карвальере, на 43-ей милѣ отъ Рима, лежалъ городской центръ области Карсеолъ. Карсеолы и Альба должны были служить аванпостами Рима здѣсь, въ сердцѣ Италіи, на границѣ между бассейнами западнаго и восточнаго морей. Via Valeria вела изъ Рима въ новую Альбу, которая была сдѣлана одной изъ значительнѣйшихъ крѣпостей Италіи: три вершины холмовъ, на одномъ изъ которыхъ, на высотѣ 1020 метровъ надъ уровнемъ моря, нынѣ лежитъ городъ Альба, были соединены грандіозной полигональной стѣной и сверхъ того укрѣплены каждая въ отдѣльности. Только одна треть области, соприкасавшаяся съ владѣніями сабиновъ, осталась за эквами или, какъ ихъ стали теперь называть, эквикулами; эта область еще нынѣ называется Чиколано и расположена по рѣкѣ Сальто, въ древности Гимелла, носящей впрочемъ въ своемъ верхнемъ теченіи, въ области Альбы, еще и нынѣ названіе Имеле.

Сабельскія племена, марсы, пелигны, марруцины и вестины, жившіе далѣе на востокѣ, не принимавшіе участія въ борьбѣ самнитовъ и вообще непосредственно не лежавшіе въ сферѣ римскаго вліянія, заключили съ Римомъ союзъ на выгодныхъ условіяхъ.

Страна сабиновъ также лишилась своей самостоятельности и потеряла нѣкоторыя области; но римскіе поселенцы вскорѣ смѣшались съ туземнымъ населеніемъ, съ которымъ они издавна поддерживали сношенія. Еще въ

III вѣкѣ до Р. Х. сабины получили всѣ права римскаго гражданства и составили отдѣльный административный и избирательный округъ, „трибу Квирина“, главный городъ Куры получилъ кромѣ того особенно привилегированное положеніе и былъ причисленъ къ знатной трибѣ Сергія. Съ этихъ поръ разсказы объ основателяхъ Рима, близнецахъ Ромулѣ и Ремѣ, преемниками которыхъ считались консулы, тѣсно сплетаются съ исторіей сабинскихъ царей, Тита Тація и Нумы Помпилія, и въ такомъ видѣ мы встрѣчаемъ ихъ у историковъ вѣка Августа. Въ Умбріи дорога, которая съ одной стороны вела черезъ Апеннины въ Пиценъ, съ другой въ Перузію въ Этруріи, находилась подъ прикрытіемъ двухъ колоній, Нарніи и Сполеція, основанныхъ Римомъ.

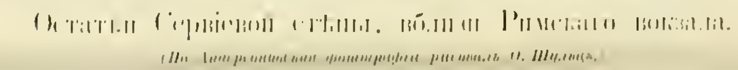
Самъ Римъ, обнесенный со времени галльской катастрофы новыми стѣнами, могъ считаться почти неприступной крѣпостью; эти стѣны назывались стѣнами царя Сервія Туллія и остатки ихъ сохранились по настоящее время (см. приложенную таблицу „Остатки стѣны царя Сервія. близъ вокзала въ Римѣ“).

б) Римъ къ концу завоеванія Италіи.

Такъ, спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ смерти Александра Великаго, основана была держава, стоявшая во главѣ конфедераціи, въ составъ которой входили почти всѣ земли Апеннинскаго полуострова. Вопросы внѣшней политики и командованіе на войнѣ составляли исключительное право Рима; количества войскъ, выставляемыхъ союзниками, и повинности отдѣльныхъ колоній были заранѣе опредѣлены. Въ случаѣ нужды союзъ могъ выставить, какъ высчитываютъ 700,000 человѣкъ пѣхоты и 70,000 конницы. Сборные пункты войскъ были разъ навсегда установлены: такъ для предпріятій противъ кельтовъ войска собирались съ одной стороны въ Арреціѣ (Ареццо) въ Этруріи, съ другой стороны въ Ариминѣ (Римини), колоніи, основанной въ 268 году на берегу Адріатики. Оба эти пункта соединялись съ Римомъ имперскими дорогами. Эти дороги, шедшія изъ Рима, имѣли централизующее вліяніе, тогда какъ существовавшіе дотолѣ пути сообщенія скорѣе содѣйствовали развитію сельскаго или городского партикуляризма.

На югъ вела Via Appia, доходившая до Брундизія, для укрѣпленія котораго въ 244 г. до Р. Х. была основана колонія. Небольшіе флоты греческихъ городовъ вмѣстѣ съ вольско-латинскими кораблями представляли зачатки морского могущества, которому, правда, предстояло еще испробовать свои силы и окрѣпнуть въ борьбѣ съ сосѣдней Сициліей, съ которой Италія поддерживала живыя сношенія.

Ядро могущества составляло римское гражданское сословіе, раздѣлявшееся на 35 округовъ, такъ называемыхъ „трибъ“, 4 городскихъ и 31 сельскихъ. Эти трибы были положены въ основаніе какъ голосованія, такъ и наборовъ войскъ и потому пріобрѣтали все больше и больше значенія. Въ самой трибѣ граждане цѣнились по своему имуществу, такъ что тѣ, которые несли большія тяготы, пользовались и преимуществами при голосованіи. Неимущіе граждане не принимали никакого участія въ дѣлахъ управленія; но тѣмъ не менѣе римляне, какъ и раньше, удачно сглаживали соціальныя неурядицы, раздѣляя вновь завоеванныя земли между нуждающимися гражданами или нѣкоторыми союзниками (латины, герники и т. д.), не забывая при этомъ и вольноотпущенныхъ; во времена войны съ Ганнибаломъ число колоній доходило уже до 70. Такъ государство прогрессивно шло впередъ, всегда готовое энергично взяться за новые нарождающіеся вопросы; число гражданъ непрерывно увеличивалось, возбуждая удивленіе чужеземцевъ. На сѣверѣ владѣнія Рима соприкасались съ владѣніями галловъ. На островахъ кареагеняне пытались добиться исключительнаго

Т-во Просвещение въ Спб.

Остатки Сервіевой стѣны, вблизи Римскаго вокзала.

(По Андерсоновой фотографіи рисовалъ О. Шульцъ.)

господства, стараясь противостоять какъ Сиракузамъ, такъ и всякому вмѣшательству со стороны Италіи; какъ выразился одинъ изъ ихъ предводителей, они не хотѣли позволить римлянамъ даже умыть руки въ морской водѣ. Покидая Сицилію, Пирръ будто-бы предсказалъ, что онъ оставляетъ островъ, предоставляя карѳагенянамъ и римлянамъ бороться за него; свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ у греческихъ сицилійскихъ историковъ (Тимей Тавроменскій).

Крайне простыя вначалѣ экономическія отношенія нѣсколько развились подъ греческимъ вліяніемъ со времени водворенія грековъ въ Кампаніи. Древнѣйшей единицей мѣновой цѣнности, какъ въ Лаціумѣ, такъ и у другихъ земледѣльческихъ народовъ, служилъ скотъ, на что указываетъ уже самое названіе „pecunia“—деньги (отъ pecu—скотъ), десять овецъ отдавали за одного быка. Кромѣ того въ обмѣнъ шли и благородные металлы, и чаще всего мѣдь. Позднѣе пришли къ мысли чеканить на мѣдныхъ пластинкахъ какой-нибудь государственный знакъ, напр. изображеніе быка. Болѣе позднія носятъ надпись: Romanom, т.-е. Romanorum; надъ этой надписью помѣщенъ Пегасъ, а на обратной сторонѣ взлетающій орелъ съ пучкомъ молній въ когтяхъ (см. верхнюю половину таблицы „Древне-римскія монеты“ при стр. 353). Отсюда развилась древнѣйшая римская монета, тяжелый асъ; на одной сторонѣ ея изображена голова Януса, на другой передняя часть корабля,—гербъ Рима. Все солидно и массивно; повидимому Римъ въ этомъ отношеніи опередилъ другихъ италиковъ. При этомъ между мѣдью и серебромъ было установлено постоянное отношеніе 1 : 250. Серебряныя монеты чеканила сперва отъ имени Рима только Капуя; но въ 269 г. до Р. Х. римляне съ своей стороны стали чеканить серебряныя монеты по принятому въ то время аттическому образцу (1 драхма = 1 denarius), причемъ мѣдная монета, какъ болѣе мелкая размѣнная, тоже осталась въ употребленіи. Такъ постепенно подготовлялось вступленіе римско-италійскаго государства въ всемірныя сношенія народовъ.

B. **Римъ на пути къ „всемірному господству“.**

a) Борьба за господство въ западной части Средиземнаго моря.

Съ того времени, какъ Римъ вступаетъ участникомъ во всемірныя сношенія народовъ, начинается борьба между первенствующей державой „Африки“ (въ томъ тѣсномъ смыслѣ, который придавали этому названію древніе), бывшей нѣкогда союзницей этрусковъ, и новой первенствующей державой Италіи, съ древнихъ временъ поддерживавшей сношенія съ греческими городами Сициліи, — борьба между Карѳагеномъ и Римомъ, имѣвшая по своимъ послѣдствіямъ рѣшающее значеніе для всего хода всемірной исторіи. Если мы представимъ себѣ современное положеніе вещей на Средиземномъ морѣ, то встрѣтимся съ тѣмъ-же соперничествомъ французовъ, укрѣпившихся въ Тунисѣ и Бизертѣ, съ одной стороны, итальянцевъ, противодѣйствующимъ имъ на Сициліи, Сардиніи и т. д., съ другой.

α) Первая Пуническая война.

Борьба началась за Сицилію. На ряду съ карѳагенскимъ государствомъ, сильнѣйшими гаванями котораго были Лилибей (близъ нынѣшней Марсалы), Дрепанъ (Трапани) и Панормъ (Палермо), и Сиракузами, владѣвшими юго-восточной частью острова, въ Мессанѣ добились господства кампанскіе наемники, устроившіе тамъ государство, въ которомъ оффиціальнымъ языкомъ считался языкъ осковъ. Эти такъ называемые мамер-

тинцы вскорѣ принуждены были призвать на помощь своихъ италійскихъ соплеменниковъ или даже самихъ римлянъ, чтобы противостоять сиракузянамъ и кароагенянамъ. Только послѣ долгихъ колебаній и послѣ того, какъ кароагеняне уже вступили въ Мессану, римляне рѣшились переплыть проливъ; хитростью, силой и переговорами они принудили кароагенскій гарнизонъ отступить (въ 264 г. до Р. Хр.). Римляне остались въ Мессанѣ противъ желанія сиракузянъ и кароагенянъ, между которыми однако не долго царило согласіе. Сиракузы перешли даже на сторону Рима, чтобы получить поддержку противъ своекорыстнаго Кароагена; совмѣстными усиліями они взяли Агригентъ, греческій городъ, вступившій однако въ союзъ съ Кароагеномъ противъ Сиракузъ. Кароагеняне удержали только западные приморскіе пункты, а именно Лилибей, который могъ получать подкрѣпленія и изъ Каралиса; римляне же возобновили попытку, сдѣланную уже пятьюдесятью годами раньше тиранномъ Агаѳокломъ Сиракузскимъ, попытку перенести войну въ Африку.

Но тотъ флотъ, который могъ-бы выступить противъ кароагенянъ, римлянамъ предстояло еще построить; да и обладая уже флотомъ, они могли помѣряться съ противниками только послѣ того, какъ сухопутная армія была посажена на корабли и благодаря примѣненію абордажныхъ мостовъ могла дѣйствовать на морѣ, какъ на сушѣ. Такъ, въ 260 г. до Р. Хр. консулу М. Дуилію удалось разбить кароагенянъ при Миле у сѣвернаго берега Сициліи и уничтожить половину ихъ флота. Подкрѣпленные этимъ въ своихъ намѣреніяхъ, консулы въ 256 г. высадили въ Африку войско, чтобы такимъ образомъ принудить Кароагенъ къ уступкамъ. Когда война тѣмъ не менѣе затянулась, сенатъ отозвалъ часть войскъ обратно въ Италію; одинъ изъ консуловъ, М. Атилій Регулъ, съ остальнымъ войскомъ расположился лагеремъ при Тунесѣ и оттуда предпринялъ блокаду Кароагена. Но кароагенянамъ удалось навербовать новое наемное войско, на помощь имъ подоспѣли нумидійскіе всадники и грекъ Ксантиппъ взялъ на себя обученіе войскъ; Регулъ потерпѣлъ полное пораженіе и лишь незначительная часть его войска вернулась въ Италію (въ 255 г. до Р. Хр.)

Война вновь перешла на Сицилію, послѣ того какъ римляне уже заняли Корсику. Въ общемъ римскіе адмиралы не стяжали себѣ славы въ этой борьбѣ. Они не могли взять Сардинію. Кромѣ того южный берегъ Сициліи, не имѣющій ни одной хорошей гавани и крайне подверженный бурнымъ южнымъ вѣтрамъ, неоднократно оказывался роковымъ для предпріятій римскаго флота. И теперь еще, впрочемъ, путешественники, отправляющіеся въ Тунисъ, по близости котораго лежалъ древній Кароагенъ, выѣзжаютъ туда не прямо изъ Сиракузъ или Агригента, но изъ Кальяри (въ древности Каралисъ) или Марсалы (въ древности Лилибей). Въ западной Сициліи кароагеняне и на сушѣ удержали за собой важнѣйшія позиціи, такъ Лилибей, Дрепанъ и гору Эриксъ, возвышающуюся надъ всей мѣстностью къ востоку отъ Дрепана и знаменитую своимъ храмомъ Венеры. И гора Иркта надъ Панормомъ (нынѣ Монте-Пеллегрино) была занята величайшимъ изъ пуническихъ полководцевъ, Гамилькаромъ Баркой, и сдѣлалась исходнымъ пунктомъ его военныхъ операцій.

Оба государства взаимно ослабляли другъ друга въ этой борьбѣ, которая продолжалась 23 года и велась то съ большей, то съ меньшей энергіей. Въ Римѣ, который представлялъ нападающую сторону, мнѣнія раздѣлились. Въ началѣ за предпріятіе на Сициліи выступилъ не столько сенатъ, сколько народное собраніе. Теперь пылъ уже успѣлъ остыть. Италійское крестьянство поняло, что оно ничего не выиграетъ и что только купечество извлечетъ пользу отъ продолженія войны, тѣмъ болѣе, что военное время какъ нельзя болѣе содѣйствовало процвѣтанію доходныхъ морскихъ разбоевъ. Великая политическая цѣль — освобожденіе береговъ

и острововъ Италіи отъ чужеземнаго господства — уже не казалась болѣе привлекательной: казалось достаточнымъ держать въ своихъ рукахъ Корсику, опираясь въ Сициліи на однѣ Сиракузы.

Рѣшительный поворотъ войнѣ дали богатые римскіе граждане, рѣшившіеся снарядить флотъ на свой счетъ и еще разъ попытаться добиться болѣе прочныхъ успѣховъ въ Сициліи. Предпріятіе ихъ удалось; при Эгатскихъ островахъ карѳагенскій флотъ, шедшій съ подкрѣпленіями и богатымъ провіантомъ въ Дрепанскую гавань, былъ разбитъ и уничтоженъ.

Но еще сильнѣе матеріальнаго вреда оказалось моральное воздѣйствіе этого пораженія. Денежныя средства карѳагенянъ были истощены точно также, какъ и у римлянъ; но въ то время какъ римляне вели войну собственными силами, карѳагеняне должны были платить своимъ наемникамъ, набраннымъ въ Ливіи, Греціи, Галліи, Лигуріи, Кампаніи и т. д. Теперь, послѣ послѣдней неудачи, нельзя было болѣе сдержать этихъ солдатъ, которыхъ уже давно кормили одними обѣщаніями. Они отказались повиноваться, сперва въ Сициліи, затѣмъ въ Сардиніи и въ Африкѣ. Карѳагенскіе генералы, и безъ того не пользовавшіеся любовью войска, за исключеніемъ одного лишь Гамилькара Барки, прибѣгли къ неудачнымъ мѣрамъ. Римъ поставилъ условіемъ мира выступленіе карѳагенскихъ войскъ изъ Сициліи; Гамилькаръ Барка, который велъ переговоры, придавалъ громадное значеніе тому, чтобы сохранить за Карѳагеномъ Каралисъ, и уступилъ поэтому римлянамъ Лилибей и Дрепанъ. Между тѣмъ наемники были перевезены въ Африку, а карѳагеняне ничего не въ состояніи были сдѣлать, чтобы удовлетворить ихъ требованіямъ; они не составили себѣ даже никакого опредѣленнаго плана, какъ сдержать эти недисциплинированныя массы. Карѳагенское правительство окончательно потеряло голову; неспособные аристократы завладѣли командованіемъ надъ войскомъ на ряду съ Гамилькаромъ Баркой; недовольный этимъ Гамилькаръ совершенно удалился отъ дѣлъ. Послѣ этого наемники возмутились и выбрали себѣ своихъ собственныхъ предводителей, одного кампанца, одного галла, одного ливійца, съ цѣлью прежде всего добиться своего жалованья. Но движеніе могло распространиться и дальше, и Карѳагену въ такомъ случаѣ угрожала судьба Мессаны, гдѣ мамертинцы перебили мужчинъ и взяли себѣ въ жены женщинъ. И Сиракузы были спасены отъ ярости наемниковъ только усиліями и энергичными мѣрами Гіерона, получившаго въ награду царскую корону.

Теперь, послѣ многолѣтней отчаянной борьбы, Карѳагенъ былъ спасенъ Гамилькаромъ Баркой, которому испуганные граждане вручили главное командованіе надъ войскомъ съ неограниченными полномочіями. Это дало толчокъ коренному преобразованію всего государственнаго устройства. Гамилькару предоставлено было завѣдываніе войскомъ и всѣ вопросы внѣшней политики. Аристократическая партія, показавшая свое безсиліе какъ на войнѣ, такъ и въ дѣлѣ съ мятежниками, была окончательно обезсилена на будущее время. Гамилькаръ же передалъ свое положеніе стратега республики сперва своему зятю, потомъ сыну.

Они имѣли въ виду повести наступательную войну съ Римомъ, который перебилъ у нихъ ихъ первенствующее положеніе на морѣ. Римляне вѣроломно воспользовались возстаніемъ наемниковъ, чтобы занять Сардинію и крайне важный для положенія Карѳагена пунктъ Каралисъ, и Карѳагенъ, занятый внутренними смутами, не могъ воспрепятствовать имъ. Гамилькаръ Барка, такъ же, какъ и другіе карѳагеняне, никогда не могъ простить римлянамъ этого поступка. Чтобы составить себѣ понятіе о значеніи Каралиса, нужно познакомиться съ торговыми договорами карѳагенянъ; изъ нихъ мы узнаемъ, насколько свободнѣе была организована внѣшняя торговля въ карѳагенской Сициліи, чѣмъ въ Африкѣ или Сардиніи, являвшейся какъ бы островомъ, принадлежащимъ къ южному материку. Здѣсь за тор-

говлей зорко слѣдили, и „Сардское“ море вообще было заперто для всѣхъ, кромѣ вошедшихъ въ договоры подданныхъ. Поэтому озлобленіе кареагенянъ, вызванное отнятіемъ Сардиніи, существеннымъ образомъ способствовало тому, что они предоставили своему главнокомандующему полную свободу въ исполненіи широко задуманныхъ имъ плановъ мести.

Такъ какъ Кареагенъ уже потерялъ свое первенствующее положеніе на морѣ, то Гамилькаръ по необходимости долженъ былъ начать борьбу на сушѣ, чтобы завоевать Кареагену обширныя области для сбыта товаровъ и создать ему новое могущественное положеніе. Онъ выступилъ съ войскомъ въ Испанію, гдѣ финикіянами были заняты лишь южный берегъ и Балеарскіе острова; отсюда онъ проникъ вглубь страны, занялъ рудные округа и основалъ сборный пунктъ, который назвалъ многозначительнымъ именемъ „Новаго Кареагена“. Административная власть находилась исключительно въ рукахъ главнокомандующаго, который самъ чеканилъ монеты и задумалъ поставить испанскихъ вождей въ личныя вѣрноподданическія отношенія къ себѣ. Торговля Африки значительно оживилась. И ничто не характеризуетъ такъ кареагенскихъ гражданъ, какъ то, что они смотрѣли на все это предпріятіе исключительно съ коммерческой точки зрѣнія, имѣя въ виду лишь пріобрѣтеніе новаго рынка сбыта вмѣсто утраченнаго стараго. Только на сѣверномъ берегу они пришли въ столкновеніе съ нѣсколькими греческими городами, стоявшими подъ покровительствомъ Массиліи, а слѣдовательно косвеннымъ образомъ и Рима. Дѣйствительно, римляне требовали, чтобы кареагеняне не переходили за Эбро, и заключили союзъ съ Сагунтомъ, лежавшимъ даже значительно южнѣе,—союзъ, признанный Гасдрубаломъ. Кромѣ того эти греческіе города принимали живое участіе въ новооткрывшейся торговлѣ съ Африкой, и стали даже чеканить свои монеты по кареагенскому образцу; уже раньше ихъ къ той-же мѣрѣ прибѣгли въ Сициліи кареагеняне, державшіеся въ другихъ мѣстахъ своей вавилонско-тирской денежной системы. Чтобы докончить начатое дѣло, кареагенскимъ полководцамъ нужно было время. Гамилькаръ закалилъ свое войско и будущихъ полководцевъ въ постоянной борьбѣ съ туземнымъ населеніемъ. Въ то время, какъ республики были слишкомъ тяжеловѣсны, чтобы быть въ состояніи твердо и послѣдовательно проводить одну и ту-же политику, здѣсь въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій съ удивительной настойчивостью велись приготовленія къ реваншу.

Римляне тѣмъ временемъ укрѣпляли границы своихъ владѣній, т. е. Италіи, въ области По и на иллирійскомъ берегу. Они нанесли чувствительный уронъ морскимъ разбойникамъ, препятствовавшимъ съ далматско-эпирскаго берега правильнымъ торговымъ сношеніямъ между приморскими городами Пицена и земли сеноновъ и греческими городами на островахъ и на материкѣ. Затѣмъ они напали на галльскія племена, живущія къ сѣверу отъ По, именно на инсубровъ, и основали двѣ колоніи, Кремону и Плаценцію, для прикрытія переходовъ черезъ эту рѣку. И расположенная за По, частью болотистая и покрытая густыми лѣсами мѣстность, также была заселена; римскіе полководцы остановились только передъ переходомъ черезъ средніе Апеннины, предпочитая идти въ Плаценцію далекимъ обходомъ черезъ умбрійскія горы на востокѣ или черезъ западный проходъ изъ Пизы. Впрочемъ, здѣсь, въ странѣ кельтовъ, все еще только возникало; область сеноновъ послѣ насильственнаго изгнанія прежнихъ обитателей была раздѣлена между римскими поселенцами, а сопротивленіе боievъ предстояло еще сломить, такъ что о новомъ столкновеніи между Римомъ и Кареагеномъ въ это время еще никто и не думалъ. Кареагеняне могли заниматься покореніемъ Иберіи, римляне борьбой съ кельтами; между ними лежала культурная область Массиліи, простиравшаяся далеко вглубь Галліи и Альпійскихъ горъ и пріобрѣтавшая со времени первой Пунической войны все большее значеніе и на морѣ.

β) Вторая Пуническая война.

Нѣкоторыя непредвидѣнныя событія послужили виною тому, что эти обстоятельства не привели къ прочному умиротворенію. Послѣ девятилѣтней славной дѣятельности Гамилькаръ Барка погибъ, во время непріятельскаго нападенія (въ 229 г. до Р. X.). Войско и находившіеся при немъ карѳагенскіе военачальники признали главнокомандующимъ зятя его, Гасдрубала; ибо сыновья Гамилькара, Ганнибалъ, Гасдрубалъ и Магонъ, которыхъ онъ взялъ съ собой въ Испанію, были еще слишкомъ молоды: старшему изъ нихъ было 19 лѣтъ. Новый полководецъ продолжалъ стремиться къ цѣли, поставленной Гамилькаромъ, но спустя восемь лѣтъ палъ отъ руки убійцы (221 г. до Р. X.).

Тогда офицеры и войско выбрали предводителемъ молодого Ганнибала; въ Карѳагенѣ раздался громкій ропотъ неудовольствія, вызванный этой семейной политикой. Это и было причиной, побудившей Ганнибала сразу начать войну, чтобы удержать за собой свое положеніе. Онъ зналъ, что разъ начнется война съ Римомъ, онъ уже не будетъ низвергнутъ. Покоривъ еще нѣсколько племенъ внутренней Испаніи, онъ подошелъ къ Сагунту и осадилъ его, не обращая никакого вниманія на вмѣшательство Рима, не произведшее никакого впечатлѣнія и въ Карѳагенѣ. Такъ рѣшена была война; римскій сенатъ совѣщался по этому поводу въ каждомъ своемъ засѣданіи, пока не получилъ извѣстія о взятіи Сагунта. Тогда рѣшено было на слѣдующій годъ открыть враждебныя дѣйствія одновременно въ Африкѣ и въ Испаніи (въ 219 г. до Р. X.).

Съ карѳагенской стороны все уже было приготовлено къ войнѣ. Въ Африку былъ посланъ изъ Испаніи сильный гарнизонъ, съ тѣмъ, чтобы сдерживать здѣсь ливійскихъ подданныхъ и союзныя племена, а также чтобы воспрепятствовать возможной высадкѣ римскихъ войскъ. Второе войско подъ предводительствомъ брата Ганнибала, Гасдрубала, должно было отстоять Испанію и сохранить ее не только для Карѳагена, но спеціально для Баркидовъ. Отсюда должны были высылаться вспомогательные отряды, въ которыхъ Ганнибалъ, конечно, нуждался. Самъ Ганнибалъ съ главной арміей долженъ былъ перейти черезъ Пиренеи, пройти Галлію и по ту сторону Альпъ соединиться съ кельтами, воевавшими еще съ Римомъ или склонными къ возстанію. Это былъ широко задуманный планъ, тщательно подготовленный, ибо съ италійскими кельтами уже были заключены нѣкоторые договоры, но недостаточно взвѣшенный въ своихъ послѣдствіяхъ, вслѣдствіе недостаточно точныхъ географическихъ свѣдѣній того времени: Ганнибалъ потерялъ на пути половину своихъ войскъ. Сверхъ того этотъ планъ слѣдуетъ считать преждевременнымъ и потому еще, что Испанія не была въ то время вполнѣ усмирена; но и въ такомъ исполненіи онъ представляетъ достойное удивленія предпріятіе. О немъ писали какъ карѳагенскіе офицеры, сопровождавшіе Ганнибала, такъ и римскіе сенаторы, участвовавшіе въ этой войнѣ, такъ Фабій Пикторъ, Цинцій Алиментъ и другіе. Двумя поколѣніями позже этотъ матеріалъ былъ прагматически обработанъ греческимъ историкомъ Полибіемъ Мегалопольскимъ, вступившимъ во время своего многолѣтняго пребыванія въ Италіи въ тѣсныя сношенія съ знатнѣйшими римскими родами, въ томъ числѣ и со Сципіонами.

Послѣ полученія извѣстія о взятіи Сагунта и прекращенія переговоровъ, Римъ рѣшилъ отправить одно консульское войско на 160 корабляхъ изъ Сициліи въ Африку, другое на 60 корабляхъ въ Испанію. Высадившись въ области Массиліи, послѣднее получило извѣстіе о проходѣ Ганнибала; когда же на развѣдки былъ высланъ конный отрядъ, между нимъ и карѳагенянами произошла схватка, не помѣшавшая однако карѳагенскому полководцу перейти Роданъ и продолжать путь далѣе къ Альпамъ. Консулъ

П. Корнелій Сципіонъ рѣшилъ тѣмъ не менѣе послѣ этого переправить часть своихъ войскъ подъ начальствомъ брата своего Кнея въ сѣверную Испанію, а самому съ остальной частью вернуться въ Пизу и оттуда уже пойти на Плаценцію, гдѣ между тѣмъ два претора вели борьбу съ кельтами.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ выступленія изъ Carthago nova Ганнибалъ поздней осенью 218 года прибылъ въ область верхнеиталійскихъ кельтовъ съ 20,000 человѣкъ пѣхоты и 6000 конницы, перейдя Альпы черезъ одинъ изъ ихъ проходовъ (Малый Санъ-Бернаръ или Монъ-Женевръ?), кстати сказать, со слонами, правда, сильно страдавшими во время этого перехода. Карѳагенскому войску пришлось вынести нѣсколько стычекъ съ кельтскими горными племенами; кромѣ того, когда оно опустилось въ долину, лигурійское племя, таврины, встрѣтило ихъ настолько враждебно, что Ганнибалъ вынужденъ былъ взять штурмомъ главный городъ этого племени, нынѣшній Туринъ. Наоборотъ, сосѣднія кельтскія племена, а именно, инсубры близъ нынѣшняго Милана, немедленно выразили готовность перейти на сторону пуновъ противъ римлянъ, съ которыми они боролись за нѣсколько лѣтъ до того. Когда же Ганнибалъ одержалъ побѣды сперва при Тичинѣ, нынѣ Тичино (Тессино, вступающій съ этого времени въ исторію), въ битвѣ съ консуломъ П. Корнеліемъ Сципіономъ, а затѣмъ къ югу отъ По при рѣчкѣ Требіи, тамъ, гдѣ горный проходъ ведетъ въ область Плаценціи, въ битвѣ съ войсками, пришедшими изъ Сициліи подъ начальствомъ второго консула Тиберія Семпронія Лонга, отпаденіе кельтскихъ племенъ стало всеобщимъ. Жившіе южнѣе, по обѣимъ сторонамъ горнаго хребта, лигуры также перешли на сторону Ганнибала, такъ что онъ безпрепятственно могъ расположиться на зимнія квартиры и собрать свѣдѣнія объ Апеннинскихъ горныхъ проходахъ, черезъ которые ему предстояло перейти въ началѣ слѣдующаго похода. Итакъ, планъ Гамилькара, заключавшійся въ томъ, чтобы перенести войну на сушѣ въ Италію, былъ осуществленъ, хотя и съ большими потерями людей и животныхъ; составленный же римлянами планъ военныхъ дѣйствій рушился, наоборотъ, въ первомъ же году; оба консула потерпѣли пораженіе, а высланныя въ Испанію войска также находились въ незавидномъ положеніи, такъ какъ пуническіе крейсеры отрѣзали имъ подвозъ припасовъ.

Въ Римѣ волненіе было велико. Предстояли выборы консуловъ. Борьба партій не прекратилась и съ окончаніемъ спора между патриціями и плебеями, которые съ тѣхъ поръ выбирали изъ своей среды одного консула. Массу все еще волновали аграрные вопросы. Въ 233 г. вождь ея К. Фламиній предложилъ и дѣйствительно провелъ раздачу галльской области къ сѣверу отъ Пицена римскимъ гражданамъ. Этотъ К. Фламиній, отнюдь не пользовавшійся симпатіями противной партіи, былъ выбранъ въ качествѣ кандидата плебеевъ; со стороны патриціевъ былъ выбранъ Кн. Сервилій.

Въ Римѣ крайне живо обсуждался вопросъ о томъ, какъ вести войну. Партія К. Фламинія была за энергичное наступленіе, противная партія стояла за медленныя и осторожныя операціи. Въ силу тогдашней римской конституціи во главѣ войска всегда стояли два полководца, подчинявшіеся каждый желаніямъ своихъ партій. Кн. Сервилію досталось командованіе надъ военными силами, стоявшими близъ Аримина, К. Фламинію надъ второй арміей, стоявшей въ Этруріи близъ Арреція. Каждая армія состояла изъ 2 легіоновъ по 5000 или, точнѣе, 5200 человѣкъ пѣхоты и 300 всадниковъ. Къ нимъ присоединились еще отряды союзниковъ, усилившіе армію Кн. Сервилія до 40,000 человѣкъ пѣхоты и 4000 всадниковъ, а армію К. Фламинія до 30,000 человѣкъ пѣхоты и 3000 всадниковъ. Эти арміи должны были отрѣзать карѳагенянамъ путь къ Риму, по какой бы дорогѣ они не пошли — Via Flaminia, или же черезъ одинъ изъ лигурско-этрусскихъ проходовъ. Такъ римляне дѣйствовали уже въ послѣднихъ

походахъ противъ кельтовъ еще въ 225 г., когда кельты вторгнулись въ Этрурію. Кромѣ того, резервная армія въ 7000 человѣкъ стояла въ Умбрійскихъ Альпахъ близъ Плестіи, подъ начальствомъ К. Центенія, не занимавшаго никакой должности, которому городской преторъ поручилъ командованіе надъ войскомъ, такъ какъ самъ не могъ покинуть городъ. Выступленію обоихъ консуловъ, по крайней мѣрѣ, К. Фламинія, предшествовали неблагопріятныя ауспиціи; консервативная партія позднѣе истолковала это обстоятельство въ свою пользу.

Приготовленія еще не были закончены, когда Ганнибалъ приступилъ уже къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Онъ не пошелъ черезъ ближайшій проходъ, но выбралъ путь значительно западнѣе, чтобы избѣжать укрѣпленій Луки и Пистойи, и, слѣдуя по болотистымъ низменностямъ Арно, достигъ Фезулъ — это былъ путь, котораго никто не считалъ бы возможнымъ, и Фламиній былъ застигнутъ врасплохъ. Изъ Фезулъ Ганнибалъ, едва давъ отдохнуть своимъ людямъ отъ тяжелаго перехода, двинулся на югъ и опустошилъ всю область въ виду непріятеля. Тѣмъ не менѣе штабъ Фламинія стоялъ за то, чтобы не открывать наступательныхъ дѣйствій, не соединившись съ Кн. Сервиліемъ.

Въ этотъ моментъ Ганнибалъ бросился между непріятельскими войсками. Онъ не напалъ на Фламинія, старавшагося прежде всего прикрыть Клузій, но двинулся къ югу отъ Кортоны вдоль Тразименскаго озера на Перузію, откуда онъ близъ Фульгиніума (нынѣ Фолиньо) могъ перейти на Via Flaminia, другую дорогу въ Римъ. Ганнибалъ предвидѣлъ, что консулъ, боявшійся дальнѣйшимъ промедленіемъ рисковать своей популярностью, послѣдуетъ за нимъ, и приготовилъ ему засаду у озера, окруженнаго съ сѣверной стороны холмами. Римское войско попалось въ ловушку; туманнымъ утромъ, окруженное и съ фронта и съ тыла, оно было совершенно разсѣяно, самъ Фламиній убитъ, а на другой день принуждена капитулировать часть передового отряда, ускользнувшая наканунѣ.

Теперь Ганнибалъ могъ свободно двинуться по дорогѣ черезъ Фульгиніумъ. Посланные имъ передовые отряды достигли Сполетія и Нарніи и нашли эти пункты готовыми къ оборонѣ; всѣ мосты были снесены. Поэтому Ганнибалъ рѣшилъ идти другой дорогой, которую открыла ему побѣда при Тразименскомъ озерѣ. Онъ разсѣялъ сперва резервную армію римлянъ на высотахъ Камеринскихъ Альпъ, при озерѣ Плестіи. Отъ значительнаго въ древности города Плестіи между Фолиньо и Камерино сохранилась нынѣ лишь одна церковь, Санта-Марія-ди-Пистія, обращенная въ военный складъ: озеро же высохло. Затѣмъ Ганнибалъ двинулся въ Пиценъ (см. карту при стр. 350). Сервилій, пославшій по полученіи вѣстей изъ Этруріи впередъ свою конницу и слѣдовавшій за ней съ пѣхотой, увидѣлъ, что пришелъ слишкомъ поздно; не произведя нападенія, онъ вновь отступилъ къ Аримину и крѣпостямъ По, а Ганнибалъ на десятый день послѣ битвы при Тразименскомъ озерѣ достигъ береговъ Адріатическаго моря, гдѣ онъ нашелъ богатые запасы продовольствія для своего войска (весною 217 г.). Въ особенности лошади, сильно страдавшія отъ трудностей похода, пользовались здѣсь тщательнѣйшимъ уходомъ, а ливійская пѣхота получила римское оружіе, показавшее свое превосходство въ предыдущихъ битвахъ. Войско воспользовалось громадной добычей. Карѳагенъ ликовалъ, и въ Испанію и въ Италію были посланы необходимыя подкрѣпленія. И восточныя государства обратили уже свое вниманіе на событія въ Италіи, ибо весь бассейнъ Средиземнаго моря не могъ не быть заинтересованъ въ исходѣ борьбы, принявшей такіе размѣры.

Въ Римѣ извѣстія о пораженіяхъ при Тразименскомъ озерѣ и при Плестіи произвели удручающее впечатлѣніе. Въ ожиданіи немедленнаго наступленія врага на столицу призваны были къ оружію и выслужившіеся уже солдаты, не обязанные болѣе нести военную службу; въ то же время

безъ соблюденія обычныхъ формальностей, такъ какъ одинъ консулъ былъ убитъ, другой находился въ отсутствіи, былъ выбранъ диктаторомъ старый вождь консервативной партіи, К. Фабій Максимъ, одержавшій 16-ю годами раньше блистательную побѣду надъ лигурами. Фабій принялъ командованіе надъ войскомъ Кн. Сервилія, усилилъ его новыми наборами и послѣдовалъ за Ганнибаломъ, который, между тѣмъ, прошелъ черезъ земли претуттіевъ, отъ которыхъ получили свое названіе „Абруццы", марруциновъ и френтановъ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, ибо здѣсь на восточномъ берегу римляне не имѣли ни одной колоніи къ югу отъ Адріи, а города, принадлежавшіе къ союзу, имѣли лишь устарѣвшія уже укрѣпленія. Ганнибалъ наложилъ контрибуцію на всѣ города, оставшіеся вѣрными Риму, въ общемъ же онъ велъ пропаганду отпаденія отъ Рима; пропаганда эта имѣла успѣхъ; между отдѣльными племенами и городами вновь пробудилось соперничество; все, что было подавлено римлянами, теперь вновь поднялось. Въ южной Италіи вновь вспыхнула вражда луканцевъ и бруттіевъ съ греческими городами, въ Апуліи борьба Канузія съ Арпами, въ Кампаніи недовольство римскимъ господствомъ; то же самое и въ Самніумѣ. Но латинскія колоніи всюду крѣпко держали сторону Рима, вслѣдствіе чего Ганнибалу пришлось сдѣлать Адріатическое побережье къ сѣверу отъ Апуліи базой своихъ военныхъ операцій.

К. Фабій Максимъ рѣшилъ вести войну осторожно, такъ какъ К. Фламиній, вождь противной партіи, за свои энергичныя наступательныя дѣйствія поплатился войскомъ и жизнью. Поэтому Фабій, пройдя изъ Лаціума до Апуліи, въ почтительномъ отдаленіи слѣдовалъ за непріятелемъ, избѣгая всякаго сраженія, въ надеждѣ утомить и истощить силы кареагенскаго полководца. Но Ганнибалъ, всегда изучавшій не только мѣстность, но и непріятельскаго полководца, съумѣлъ воспользоваться и такимъ способомъ веденія войны. Онъ напалъ на оставшихся вѣрными римлянамъ союзниковъ на глазахъ у „Кунктатора"; затѣмъ перешелъ въ долину Вольтурна, опустошивъ область Беневента; вступилъ въ Кампанію, гдѣ разграбилъ богатыя области къ сѣверу отъ Капуи; затѣмъ онъ вновь безпрепятственно прошелъ черезъ Самніумъ въ область френтановъ и собралъ тамъ большіе запасы на зиму; диктаторъ, ни разу не аттаковавшій Ганнибала за все это время, былъ совершенно дискредитированъ въ глазахъ арміи и народнаго собранія и болѣе энергичный „magister equitum", М. Минуцій, былъ облеченъ поэтому одинаковой съ диктаторомъ властью; совершенно неслыханный дотолѣ шагъ. Но когда вскорѣ послѣ этого Минуцій едва не былъ совершенно уничтоженъ Ганнибаломъ и былъ спасенъ лишь во время подоспѣвшимъ Фабіемъ, настроеніе вновь перемѣнилось въ пользу диктатора. Когда по истеченіи шести мѣсяцевъ кончился срокъ диктаторства, Кн. Сервилій вмѣстѣ съ выбраннымъ на мѣсто К. Фламинія товарищемъ вновь стали, какъ консулы, во главѣ войска. Агитація обратилась уже къ предстоявшимъ на слѣдующій годъ выборамъ консуловъ.

Изъ среды патриціевъ былъ выбранъ Л. Эмилій Павелъ, человѣкъ, командовавшій уже войскомъ въ войнахъ съ кельтами и иллирійцами; изъ плебеевъ К. Теренцій Варронъ, стоявшій во главѣ оппозиціи противъ К. Фабія Максима. Сенатъ рѣшилъ вдвое увеличить консульскія войска, т.-е. предоставить каждому консулу вмѣсто двухъ по четыре легіона, что вмѣстѣ съ войсками союзниковъ должно было составить армію въ 80,000 человѣкъ. И противъ кельтовъ были посланы войска въ область По; кромѣ того, испанская армія снабжена провіантомъ. Прошлогодніе консулы и болѣе опытные отряды были посланы въ армію, оперировавшую противъ Ганнибала. Сенатъ рѣшилъ въ этомъ году (216) довести войну до конца.

Ганнибалъ со своей арміей, насчитывавшей теперь 40,000 человѣкъ пѣхоты и 10,000 всадниковъ, всю зиму стоялъ лагеремъ близъ Геронія въ землѣ френтановъ (близъ Казакаленды, нынѣ на желѣзнодорожной вѣтви

Термоли — Беневентъ). Главную силу его составляли конница и войска, приведенныя изъ Испаніи. Кельты, участвовавшіе въ переходѣ черезъ болота Этруріи, въ битвѣ при Тразименскомъ озерѣ, въ походѣ въ южную Италію, никогда не пошли бы ни за какимъ другимъ полководцемъ, кромѣ Ганнибала, мужество котораго часто наполняло ихъ ужасомъ и успѣхамъ котораго они поклонялись. Онъ былъ душою своего войска, составленнаго изъ людей разнообразнѣйшихъ національностей: здѣсь были африканцы, иберы, лигуры, кельты, жители Балеарскихъ островомъ и эмигранты изъ греческихъ городовъ Сициліи, гдѣ одна партія держала сторону Карѳагена и вожди ея поэтому часто находились въ изгнаніи въ Карѳагенѣ. Самъ Ганнибалъ, женатый на испанкѣ и не чуждый греческаго образованія, господствовавшаго въ то время по всему бассейну Средиземнаго моря, кромѣ отца своего Гамилькара чтилъ еще, какъ идеальныхъ полководцевъ, Александра Великаго и Пирра Эпирскаго. Помощникомъ его былъ Магарбалъ, отличившійся уже при Тразименскомъ озерѣ и при Плестіи. Однако, онъ вызвалъ неудовольствіе Ганнибала, когда послѣ рѣшительной битвы въ Этруріи, преслѣдуя оставшихся въ живыхъ римлянъ, онъ принудилъ ихъ сдаться на капитуляцію. Ганнибалъ приказалъ заковать въ оковы римскихъ гражданъ, союзниковъ же отпустилъ на свободу, ибо онъ велъ войну только съ Римомъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью уничтожить римско-италійскую конфедерацію, вновь ограничить владѣнія Рима однимъ Лаціумомъ и возвратить Кампаніи и Самніуму ихъ прежнюю независимость. Таково было взаимное отношеніе государствъ лѣтъ сто до того, въ то время, когда были заключены первые торговые договоры между Римомъ и Карѳагеномъ. Теперь необходимо было вновь присоединить къ Карѳагену Сардинію и западную Сицилію и отвратить Сиракузы отъ союза съ Римомъ. Карѳагеняне думали вызвать всеобщую политическую реакцію въ пользу возстановленія старинныхъ отношеній между государствами.

Имѣя въ виду эту цѣль, Ганнибалъ въ 216 г. выступилъ въ походъ въ Апулію. Римляне сложили всѣ свои запасы на зиму въ области Канузія, близъ Каннъ, въ хорошо воздѣланной мѣстности при рѣкѣ Авфидѣ, защищенной отъ непосредственнаго нападенія карѳагенянъ колоніей Луцеріей и опиравшейся съ юга на колонію Венузію. Тѣмъ не менѣе Ганнибалу удалось взять Канны и завладѣть такимъ образомъ очень важнымъ, въ стратегическомъ отношеніи, пунктомъ. Это привело къ рѣшительной битвѣ, къ которой одинаково стремились обѣ стороны. Ганнибалу, чтобы удобно развернуть конницу, нужно было ровное поле, котораго римляне должны были бы поэтому избѣгать. Но согласно римской конституціи, консулы изо дня въ день смѣняли другъ друга въ командованіи надъ войскомъ; оба военачальника не могли поэтому прійти ни къ какому соглашенію и выборъ поля битвы былъ предоставленъ непріятелю. Ганнибалъ составилъ оба крыла своего войска изъ африканцевъ и иберовъ, кельтовъ же поставилъ въ центрѣ, гдѣ находился самъ. Онъ зналъ, что кельты выдержатъ аттаку, если имъ нельзя будетъ броситься въ бѣгство и если они будутъ имѣть его передъ собой. Затѣмъ пѣхота должна была сражаться съ тѣсно сплоченными колоннами римлянъ, конница должна была аттаковать непріятеля съ фланга и съ тыла и только затѣмъ внезапнымъ нападеніемъ довершить его пораженіе. Этотъ геніально задуманный маневръ вполнѣ удался и повелъ за собой пораженіе римлянъ, какого они не испытывали никогда, ни до, ни послѣ того. За „чернымъ“ днемъ при Алліи, гдѣ надъ римлянами одержали побѣду кельты, послѣдовалъ „черный“ день при Каннахъ, гдѣ Ганнибалъ побѣдилъ обоихъ консуловъ, изъ коихъ Эмилій Павелъ погибъ вмѣстѣ со многими другими (между ними находился и Кн. Сервилій), а Теренцій Варронъ бѣжалъ въ Венузію. Римская армія потеряла убитыми 70,000 человѣкъ, остатки же ея были разсѣяны.

Казалось, Ганнибалъ достигъ цѣли своей политики, планъ его отца былъ осуществленъ. Не только Арпы въ Апуліи, Тарентъ и другіе греческіе города южной Италіи, за исключеніемъ Регія, и большинство бруттіевъ, но и Капуя, второй городъ Италіи послѣ Рима, болѣе 100 лѣтъ состоявшій въ союзѣ съ римлянами, перешли на сторону пуновъ; Ганнибалъ объявилъ Капую первымъ городомъ полуострова. И Сиракузы нарушили договоръ съ Римомъ и примкнули къ карѳагенянамъ. Царь Филиппъ Македонскій уже подумывалъ о томъ, чтобы вступить въ переговоры съ Ганнибаломъ, такъ какъ римляне частыми вторженіями на иллирійскомъ берегу вредили интересамъ его государства. Изъ восточныхъ державъ только Египетъ сохранилъ благосклонный къ Риму нейтралитетъ, такъ какъ Александрія оспаривала у Карѳагена положеніе перваго торговаго города. Италія, сильно страдавшая отъ продолжительной войны, получала изъ Египта хлѣбъ.

Римское правительство призвало къ оружію всѣхъ способныхъ носить оружіе людей. Даже рабы были привлечены къ службѣ въ легіонахъ; за усердную службу имъ была обѣщана свобода; этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о тѣхъ патріархальныхъ отношеніяхъ, которыя существовали еще до сихъ поръ между слугами и главами дома. Такимъ образомъ Римъ въ одинъ годъ выставилъ 22—23, правда, неполныхъ, легіона, тогда какъ въ началѣ войны (217) всего было выставлено 13 легіоновъ. Помимо Италіи войска стояли еще въ Сардиніи, Сициліи и Испаніи; кромѣ того, можно было ожидать нападенія со стороны Македоніи и потому необходимо было держать гарнизонъ въ Брундизіѣ. Наконецъ, и на сѣверѣ стояли двѣ арміи, которыя должны были воспрепятствовать приходу подкрѣпленій изъ области кельтовъ и изъ Испаніи.

Между тѣмъ безъ этихъ подкрѣпленій Ганнибалъ не могъ приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ самого Рима, тогда какъ римляне уже выслали свои войска подъ начальствомъ лучшихъ предводителей въ наиболѣе важные пункты, прежде всего въ Сиракузы и Капую, отпаденіе которыхъ вызвало въ Римѣ жестокое озлобленіе. Осада обоихъ этихъ городовъ, которой римляне главнымъ образомъ занимались послѣдующіе годы, оказалась крайне тяжелой вслѣдствіе отчаяннаго сопротивленія скомпрометированныхъ элементовъ. Но она привела къ желанной цѣли, послѣ чего послѣдовали страшныя наказанія. Сиракузы были преданы разграбленію и затѣмъ обращены въ провинціальный городъ (въ 212 г. до Р. Х.); въ Капуѣ, послѣ казни всѣхъ скомпрометированныхъ, общественная земля была объявлена собственностью побѣдителя, вслѣдствіе чего плодороднѣйшая часть Кампаніи стала римскимъ государственнымъ владѣніемъ; самый городъ былъ низведенъ на степень какъ-бы приходской деревни знаменитаго храма Діаны на горѣ Тифата, куда собирались многочисленные паломники и котораго римляне не хотѣли тронуть изъ религіозныхъ соображеній. Въ такомъ положеніи область капуанцевъ оставалась отъ 211 года до эпохи Юлія Цезаря.

Ганнибалъ тщетно пытался освободить Капую: смѣлымъ походомъ, о которомъ разсказывали еще въ позднѣйшія времена, онъ подошелъ къ самымъ стѣнамъ Рима въ надеждѣ отвлечь такимъ образомъ отъ Капуи осаждавшее ее войско. Въ Римѣ распространился ужасъ; однако, непріятель не рѣшился осадить хорошо укрѣпленную столицу и отступилъ.

Освободить отъ осады Сиракузы карѳагеняне попытались при помощи своего флота. Однако оказалось, что со времени первой Пунической войны превосходство на морѣ рѣшительно принадлежало Риму; въ испанскихъ водахъ надежную опору представляла союзная съ Римомъ Массилія. Слабый карѳагенскій флотъ не рѣшился даже вступить въ морскую битву. Сношенія съ Карѳагеномъ, поддерживавшіяся со времени битвъ при Тразименскомъ озерѣ и при Каннахъ, также были отрѣзаны теперь римлянами. Такимъ образомъ Ганнибалъ не получалъ болѣе свѣдѣній о важныхъ со-

бытіяхъ, тогда какъ римляне, захватывая при своихъ морскихъ разбояхъ плѣнныхъ, своевременно узнавали отъ нихъ о планахъ противника.

Союзъ съ Филиппомъ Македонскимъ не состоялся прежде всего потому, что царь Филиппъ и его ахейскіе союзники были главнымъ образомъ заняты мелкой войной въ Греціи съ этолянами; а затѣмъ римляне и сами появились съ флотомъ въ греческихъ водахъ.

Ганнибалъ держался оборонительнаго образа дѣйствій, не вступая въ рѣшительное сраженіе; римляне отняли у него Тарентъ, но въ 208 году потеряли обоихъ консуловъ, которымъ Ганнибалъ устроилъ засаду. Онъ поджидалъ подкрѣпленій, которыя долженъ былъ привести ему изъ Испаніи братъ его Гасдрубалъ. Хотя пуны потерпѣли въ то время въ Испаніи жестокій ударъ отъ молодого П. Корнелія Сципіона, сына консула 218 года, отнявшаго у нихъ Новый Карѳагенъ и пошатнувшаго вѣрность ихъ союзниковъ, тѣмъ не менѣе Гасдрубалу удалось въ 208 году перейти черезъ Пиренеи и провести свое войско черезъ Галлію и Альпы при несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ то сдѣлалъ десятью годами раньше его братъ; это показываетъ, какое значеніе имѣлъ и впослѣдствіи походъ Ганнибала для открытія путей сообщенія съ запада на востокъ.

Зиму 208—207 года Гасдрубалъ провелъ въ области кельтовъ, съ намѣреніемъ весною выступить въ Умбрію по Via Flaminia; тамъ онъ долженъ былъ соединиться съ Ганнибаломъ. Этотъ планъ не удался, такъ какъ послы Гасдрубала были перехвачены, не достигнувъ Ганнибала, и римляне могли принять соотвѣтствующія мѣры. Одно консульское войско подъ начальствомъ М. Ливія Салинатора было поставлено для прикрытія Via Flaminia; другое подъ начальствомъ К. Клавдія Нерона стояло въ Луканіи противъ Ганнибала. Когда Клавдій изъ перехваченныхъ писемъ понялъ намѣренія карѳагенскихъ полководцевъ, онъ рѣшился на смѣлый маневръ, свидѣтельствующій о томъ, насколько усовершенствовались римскіе полководцы во время борьбы съ Ганнибаломъ. Клавдій оставилъ часть своихъ войскъ въ виду у Ганнибала, не предпринимавшаго ничего серьезнаго въ ожиданіи извѣстій. Для быстрой мобилизаціи войска римляне пользовались другими средствами, чѣмъ мы въ наше время: собравъ телѣги и посадивъ на нихъ людей, консулъ съ лучшими силами поспѣшилъ на сѣверъ, чтобы тамъ соединиться съ М. Ливіемъ и нанести рѣшительный ударъ Гасдрубалу. Къ югу отъ рѣки Метавра, при Сенѣ Галльской, сошлись оба войска. Гасдрубалъ одинъ не хотѣлъ принять сраженія; онъ попытался отступить, но былъ настигнутъ, разбитъ и убитъ. Эта битва уничтожила надежды Ганнибала на подкрѣпленія изъ сѣверной Италіи. Послѣ битвы К. Клавдій съ той-же поспѣшностью, въ шесть дней, совершилъ обратный переходъ со своими войсками на югъ. Въ лагерь Ганнибала была подброшена голова его брата.

Съ этого времени Ганнибалъ сталъ считать войну потерянной, хотя держался еще въ области Бруттіевъ. Въ концѣ концовъ онъ расположился въ Кротонѣ, недалеко отъ Лацинскаго мыса, гдѣ находилось знаменитое святилище Юноны. Здѣсь онъ воздвигъ богинѣ даръ съ надписью, въ которой указана была численность войска, съ которымъ онъ пришелъ изъ Испаніи въ Италію на борьбу со смертельнымъ врагомъ. Римомъ. „Castra Hannibalis“ сохранились какъ названіе мѣстности въ воспоминаніи позднѣйшихъ поколѣній. Окончательный исходъ войны былъ рѣшенъ на второстепенныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій. П. Корнелій Сципіонъ завязалъ въ Испаніи сношенія съ нумидійскими вождями, въ средѣ которыхъ молодой Масинисса соперничалъ съ Сифаксомъ; въ это-же время Магонъ, младшій братъ Ганнибала, покинулъ и область Гадеса, чтобы съ флотомъ пробиться къ Ганнибалу. Послѣ этого Сципіонъ былъ выбранъ на 205-й годъ въ консулы и получилъ командованіе на Сициліи, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ перенести войну въ Африку.

Дѣйствительно, въ 204 году Сципіонъ высадился въ Африкѣ; тогда немедленно-же проявилась ненадежность карѳагенскихъ союзниковъ и вліяніе соперничества нумидійскихъ вождей. Власть Карѳагена пошатнулась, какъ уже нѣкогда раньше, въ 241 году. Масиниссѣ удалось завладѣть царствомъ Сифакса; онъ оказался ревностнымъ приверженцемъ римлянъ, вслѣдствіе чего карѳагенскія войска всюду терпѣли пораженія.

При такихъ обстоятельствахъ карѳагенское правительство рѣшилось призвать на помощь изъ Италіи Ганнибала съ его войскомъ. Это было въ 202 г., спустя 16 лѣтъ послѣ того, какъ Ганнибалъ впервые вступилъ на почву Италіи. Ганнибалъ послѣдовалъ зову; такъ какъ переговоры съ Сципіономъ не привели ни къ какому результату, то оставалось только предоставить рѣшеніе оружію. При Нараггарѣ, близъ Замы (въ древности существовало два города этого имени, что сильно затрудняетъ правильное опредѣленіе мѣста), на разстояніи пяти дней пути отъ Карѳагена, сошлись оба войска. Карѳагеняне потерпѣли пораженіе, такъ какъ непріятель значительно превосходилъ ихъ численностью своей конницы и Сципіонъ хорошо маневрировалъ своимъ войскомъ; послѣ пораженія Ганнибалъ проскакалъ верхомъ 200 миль, отдѣлявшихъ его отъ морского берега; онъ убѣдился вскорѣ, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно.

Начались переговоры о мирѣ, по которому Карѳагенъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ внѣшнихъ владѣній, не только отъ острововъ, но и отъ Испаніи, отказаться также и отъ самостоятельной внѣшней политики. Онъ долженъ былъ признать Масиниссу повелителемъ Нумидіи, выдать свой флотъ и заплатить военныя издержки. Карѳагенъ превратился въ второстепенное государство, какимъ былъ Римъ 150-ю годами раньше, и долженъ былъ ограничиться областью, которою онъ владѣлъ первоначально. Союзные города, Утика, Гадруметъ, Лептида, были поставлены въ такое положеніе, что стремленія Карѳагена вновь укрѣпиться и подняться не могли найти въ нихъ поддержки.

б) Первое вмѣшательство Рима въ дѣла государствъ восточной части Средиземнаго моря.

Миръ 201 г. существенно измѣнилъ взаимоотношенія державъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Карѳагенъ, могущество котораго дотолѣ распространялось отъ Финикіи до Геркулесовыхъ столбовъ, утратилъ свое бывшее величіе; Италія-же, дотолѣ игрушка въ рукахъ чужихъ націй, стремилась теперь регулировать по своему усмотрѣнію и, конечно, въ свою пользу границы на всѣхъ противолежащихъ берегахъ, въ Африкѣ, въ Испаніи, въ Иллиріи и Греціи. Мало того. она успѣла уже стать твердой ногой и среди государствъ востока. Съ Египтомъ были завязаны дружественныя сношенія, тогда какъ съ Македоніей Римъ во время послѣдней войны находился во враждѣ; а такъ какъ Македонія вмѣстѣ съ Сиріей вели борьбу противъ захватовъ, частью осуществленныхъ, частью задуманныхъ Птоломеями въ цѣляхъ поднятія александрійской торговли, то и Сирія выступила противъ Рима. На Римъ возлагалъ надежды, кромѣ Египта, еще рядъ небольшихъ государствъ, тѣснимыхъ сосѣдними крупными державами, какъ напримѣръ Пергамъ и Родосъ. Македонія побѣждена при „Собачьихъ головахъ“ (Киноскефалы, недалеко отъ Фарсала) и иллирійскій берегъ окончательно занятъ былъ римлянами; Греція-же, источникъ и разсадникъ высшаго образованія въ Римѣ, была объявлена свободной изъ филэллинскихъ соображеній.

Нѣсколько лѣтъ спустя началась война съ царемъ Антіохомъ Сирій-

скимъ, вмѣшавшимся въ греческія дѣла. У Антіоха нашелъ пріютъ изгнанный изъ Карѳагена Ганнибалъ, который не могъ, однако, заставить высокомѣрнаго азіата слѣдовать его совѣтамъ. Македонія продолжала хранить нейтралитетъ, но Пергамъ и Родосъ побудили римлянъ, вытѣснившихъ Антіоха изъ Греціи, перенести войну въ Азію (въ 190 г. до Р. Х.). Консулъ Л. Корнелій Сципіонъ, братъ Публія, переправилъ туда войско. Близъ Магнезіи при Сипилѣ Антіохъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе, послѣ чего онъ долженъ былъ очистить всѣ области по всю сторону Тавра, представлявшаго въ то время важную географическую и этнографическую границу. Въ Иліонѣ Сципіонъ привѣтствовалъ соплеменниковъ римлянъ. Пергамъ и Родосъ получили во владѣніе обширныя области, галаты-же, игравшіе уже въ теченіе цѣлаго вѣка выдающуюся роль во всѣхъ азіатскихъ войнахъ, были въ 189 году настигнуты римлянами въ своихъ поселеніяхъ, и жестоко наказаны. Ганнибалъ, гонимый изъ одного мѣста въ другое, окончилъ жизнь самоубійствомъ въ городкѣ Либуссѣ въ Виѳиніи; 400 лѣтъ спустя, римскій императоръ пуническо-африканскаго происхожденія, Септимій Северъ, поставилъ ему тамъ памятникъ. Такъ окончилъ свое существованіе величайшій противникъ Рима, 65-ти лѣтъ отъ роду, въ 183 году до Р. Х., почти одновременно съ П. Корнеліемъ Сципіономъ.

Въ это время завершился въ Италіи великій переворотъ, вызванный войной съ Ганнибаломъ. Всѣ общины, перешедшія на сторону Ганнибала, были наказаны потерей своихъ владѣній, раздѣленныхъ затѣмъ между римскими колонистами или оставшимися вѣрными Риму союзниками. Такъ Тарентъ, Кротонъ, Туріи, Сипонтъ были обращены въ колоніи. Благодаря этому-то въ южной Италіи латинскія народности получали перевѣсъ надъ греческими. То-же самое имѣло мѣсто и на луканскомъ берегу, гдѣ устроена была колонія Пестумъ. Въ заливѣ къ сѣверу отсюда лежалъ городъ Пицетія; вслѣдствіе своего явнаго расположенія къ пунамъ онъ былъ низведенъ на степень деревни, а на его землѣ заложена колонія Салернъ, нынѣ Салерно. Вблизи Неаполя была основана колонія Путеолы, вскорѣ привлекшая къ себѣ значительную часть морской торговли.

Той-же самой политики придерживались римляне и на сѣверныхъ границахъ. Кельты и лигуры должны были поплатиться за оказанную Ганнибалу помощь. Прежде всего были укрѣплены обѣ колоніи, Плаценція и Кремона, затѣмъ очищены Апеннинскіе проходы и ведущія къ нимъ долины, при этомъ цѣлыя народности переселены были частью въ долину, частью и дальше: два племени лигуровъ попали такимъ образомъ въ мѣстность къ сѣверу отъ Беневента, гдѣ они жили еще и въ эпоху императоровъ. Области, значеніе которыхъ выяснилось во время войны съ Ганнибаломъ, были укрѣплены цѣлымъ рядомъ колоній. Такъ, на лигурійской землѣ были основаны колоніи близъ Луны (близъ нынѣшнихъ Спеціи и Каррары) и близъ Луки. Въ странѣ кельтовъ была обращена въ колонію Бононія, за нею послѣдовали Мутина и Парма, затѣмъ Аквилея въ странѣ венетовъ и, наконецъ, Эпоредія (нынѣ Иврея) у подошвы важнѣйшаго Альпійскаго прохода, ведущаго въ Галлію Трансальпійскую. Въ то-же время римляне проложили и устроили рядъ дорогъ, — изъ Арреція въ Бононію, изъ Аримина въ Плаценцію. Послѣдняя дорога была названа по своему строителю „Эмилія“; она оказала такое вліяніе на развитіе всей мѣстности, что послѣдняя также стала называться тѣмъ-же именемъ.

Такъ римско-италійское господство вновь укрѣпилось на Апеннинскомъ полуостровѣ. Уже и область По географически причислялась къ Италіи, хотя въ государственно-правовомъ отношеніи послѣдняя не простиралась за предѣлы Арно и Аримина. Подобно Сициліи и Сардиніи (съ Корсикой) и „Gallia cisalpina“ составляла провинцію, съ тою разницей, что она управлялась не преторами, а непосредственно консулами.

3. Римъ въ эпоху олигархіи и революціи.

Во главѣ государства по прежнему стоялъ римскій сенатъ, направлявшій внутреннюю и внѣшнюю политику. Онъ служилъ верховнымъ судьей въ дѣлахъ италійскихъ союзниковъ и всѣхъ государствъ, окружавшихъ бассейнъ Средиземнаго моря. Онъ одинаково долженъ былъ разрѣшать вопросы, касавшіеся собственно родины, и междоусобицы африканскихъ и азіатскихъ повелителей. Если же присоединить къ этому еще экономическія условія, получившія благодаря побѣдамъ Рима совершенно новое развитіе и требовавшія серьезнаго обсужденія, то поймемъ, какую массу важныхъ и неотложныхъ вопросовъ предстояло въ то время разрѣшить римскому правительству.

Это правительство представляло совершенную олигархію, такъ какъ магистраты были только послушными органами сената. Народное собраніе также большею частью подчинялось волѣ сената, даже въ отношеніи выбора магистратовъ; если изрѣдка и составлялась оппозиція, проводившая своего кандидата, то это считалось уже исключительнымъ событіемъ. Консулъ, поставленный оппозиціей, тоже ничего не могъ сдѣлать противъ воли сената, такъ какъ другого консула выбирала противная партія, а для каждаго правительственнаго акта необходимо было согласіе обоихъ консуловъ. Кромѣ того консульская служба продолжалась всего одинъ годъ, послѣ чего правительство освобождалось отъ неудобнаго ему человѣка, такъ какъ по новому закону вторичное избраніе на ту-же должность допускалось лишь по истеченіи продолжительнаго промежутка времени. Въ самомъ сенатѣ существовали различныя партіи, руководившіяся часто личными, не относящимися къ дѣлу, соображеніями; такъ Порцій Катонъ, тускуланецъ, достигшій въ Римѣ высшихъ должностей, всю жизнь велъ борьбу съ Сципіонами, гордившимися своими побѣдами въ Испаніи, Африкѣ и Азіи: одинъ братъ присвоилъ себѣ названіе „Африканскаго“, другой „Азіатскаго“. Поэтому-то Катонъ въ своей исторіи Италіи намѣренно не упоминаетъ именъ полководцевъ, считая достаточнымъ привести лишь имя знаменитаго боевого слона „Сирійца“.

Въ отношеніи внѣшней политики долгое время оставался спорнымъ вопросъ о томъ, ставить-ли во главѣ зависимыхъ княжествъ царей-кліентовъ („друзья и союзники римскаго народа“), а во главѣ зависимыхъ республикъ преданную римскимъ интересамъ партію (Македонія, возставшая при царѣ Персеѣ, была въ 168 году раздѣлена на четыре республики), или-же лучше передать управленіе ими непосредственно римскому сенату. Въ послѣднемъ случаѣ избирали обыкновенно комиссію изъ десяти членовъ сената и во главѣ данной области ставили ежегодно смѣнявшагося „претора“. Этотъ преторъ былъ не только судьей, но и главнокомандующимъ и пользовался, слѣдовательно, въ предѣлахъ „провинціи“ всѣми правами прежнихъ консуловъ. Такое устройство Римъ ввелъ въ Сициліи, Сардиніи, въ Испаніи по обѣ стороны Эбро, съ 146 года въ Африкѣ, и въ Македоніи; съ 133 года въ Азіи, какъ называлась провинція, образованная изъ Пергамскаго царства, и наконецъ въ 121 году до Р. Х. въ Нарбонской Галліи.

Въ отношеніи внутреннихъ учрежденій римляне всюду старались сохранять старыя основанія, ибо съ одной стороны пуническая и эллинская цивилизація стояли выше римской, съ другой кельтскихъ организацій нельзя было примирить съ италійскими. Такъ, необходимо было считаться съ дѣленіемъ на округи и кланы, существовавшимъ у кельтовъ. Такъ, съ эдуями въ Трансальпійской Галліи былъ заключенъ договоръ, въ которомъ эдуи были названы „братьями и родными“ (fratres et consanguinei) рим-

лянъ, т.-е. между ними были установлены тѣ самыя взаимныя обязательства кровавой мести и помощи, какія существовали между союзными кельтскими племенами.

Большого значенія достигъ въ Римѣ со времени Пуническихъ войнъ особый классъ гражданъ, до этого не выступавшій еще самостоятельно, именно „всадники“, названные такъ потому, что болѣе состоятельные граждане несли военную службу въ конницѣ. Они стали настоящими финансистами государства, съ тѣхъ поръ какъ послѣднее нуждалось въ большихъ средствахъ для своихъ внѣшнихъ предпріятій; такъ, первая Пуническая война была доведена до благополучнаго конца благодаря добровольнымъ пожертвованіямъ этого класса гражданъ, вторая благодаря тому, что ихъ рабами воспользовались для военныхъ цѣлей, между прочимъ и для флота. Владѣльцы этихъ рабовъ выговорили себѣ только одно право: по одержаніи побѣды они должны были быть вознаграждены за понесенныя ими потери. Дѣйствительно, „рыцарство“, вылившееся въ половинѣ II вѣка въ особое сословіе, стоявшее между сенаторскими родами и плебсомъ, съ большой энергіей старалось извлечь выгоды изъ политическихъ успѣховъ своей родины.

По древнимъ воззрѣніямъ побѣдитель былъ въ правѣ распоряжаться не только имуществомъ, но и личностью побѣжденнаго. На этомъ основывалось рабовладѣніе, придающее всѣмъ государствамъ древности особый отпечатокъ по сравненію съ современными условіями быта. Если же съ побѣжденнымъ соперникомъ и заключаютъ миръ, то всегда на такихъ условіяхъ, что побѣдитель на очень долгое время выговаривалъ себѣ значительныя выгоды. Если даже побѣжденной сторонѣ вновь удавалось оправиться, побѣдитель умѣлъ угрозами поставить на карту самое ея существованіе; если же она тѣмъ не менѣе сопротивлялась, побѣдитель пользовался этимъ предлогомъ, чтобы окончательно покончить съ ней.

Такъ поступилъ Римъ съ Карѳагеномъ, достигшимъ, послѣ утраты политическаго значенія, расцвѣта въ качествѣ торговаго государства, несмотря на конкурренцію Александріи и къ большому неудовольствію римскаго купечества. Послѣднее воспользовалось страхомъ, все еще жившимъ въ сердцахъ римлянъ со времени войны съ Ганнибаломъ, чтобы добиться разрушенія Карѳагена; дѣйствительно въ 146 г. до Р. Х. Карѳагенъ былъ разрушенъ послѣ отчаяннаго сопротивленія пуновъ. Въ томъ же году, воспользовавшись смутами, вспыхнувшими въ Греціи, римляне постановили разрушеніе Коринѳа, точно такъ же вредившаго интересамъ римскихъ капиталистовъ, какъ и Карѳагенъ. Мѣсто, на которомъ стояли эти города, было предано проклятію, чтобы воспрепятствовать возстановленію ихъ; и дѣйствительно города эти были возстановлены лишь во времена имперіи.

До этихъ эпизодовъ разрушенія Карѳагена и Коринѳа доходитъ прагматическая исторія Полибія. Полибій былъ очевидцемъ разрушенія Карѳагена, въ свитѣ своего питомца, Сципіона Эмиліана, и выступилъ затѣмъ въ Греціи, или какъ говорили теперь „Ахайѣ“, въ защиту своихъ соотечественниковъ.

Сношенія, завязанныя римскимъ и тѣсно сплоченнымъ съ нимъ въ чужихъ земляхъ „италійскимъ“ купечествомъ, вскорѣ распространились на всѣ значительнѣйшіе пункты зависимыхъ отъ Рима областей, въ Африкѣ и Нумидіи, въ Греціи и на востокѣ. Повсюду римскіе купцы составляли привилегированную компанію, политическое и экономическое превосходство которой давало себя чувствовать не только на чужбинѣ, но и на родинѣ. Если у римскихъ купцовъ происходили на чужбинѣ какія-нибудь непріятности, республика должна была предпринимать походы, даже и въ томъ случаѣ, если эти купцы были неправы. Если война шла плохо, въ Римѣ наступалъ денежный кризисъ, подобный тому, который Цицеронъ описываетъ во время войны съ Митридатомъ. Наоборотъ, если завоевывалась и

устраивалась новая провинція, италійскіе финансисты немедленно же появлялись, чтобы заниматься спекуляціями: они или давали побѣжденнымъ деньги на высокіе проценты, или же сразу брали въ аренду всѣ доходы провинціи, ибо подобно карѳагенянамъ и александрійцамъ и римское государство также предпочитало косвенное податное управленіе непосредственному. Вскорѣ „publicani“ (т. е. арендаторы государственныхъ доходовъ) стали предметомъ не только страха, но и ненависти провинціаловъ, что и проявлялось кровавымъ образомъ при всякомъ возстаніи.

Въ то время какъ купечество реализовало такимъ образомъ свое участіе въ новомъ всемірномъ господствѣ, римскій крестьянинъ, принимавшій существенное участіе въ побѣдахъ республики, получилъ въ награду полную свободу отъ податей; ибо государственный бюджетъ вполнѣ покрывался доходами съ государственныхъ имуществъ и податями, наложенными на подданныхъ въ провинціяхъ. Однако, выяснились непредвидѣнныя осложненія. Вмѣсто ожидаемаго отъ освобожденія отъ податей благоденствія крестьянъ, наступили другія бѣды. Сельско-хозяйственные интересы, сильно страдавшіе во время продолжительной войны съ Ганнибаломъ, вслѣдствіе непрерывной военной службы и опустошенія обширныхъ областей, страдали теперь отъ оказавшейся имъ не подъ силу конкурренціи съ покоренными странами, Сардиніей, Сициліей и Африкой, доставлявшими въ Италію дешевый хлѣбъ; эти земли даже обязаны были доставлять его въ видѣ натуральной повинности, ибо Римъ такимъ образомъ пользовался своей властью надъ ними; при этомъ небольшія издержки по доставкѣ хлѣба на западный берегъ Италіи почти не имѣли никакого значенія.

Вскорѣ оказалось уже невыгоднымъ заниматься хлѣбопашествомъ въ мѣстностяхъ, эксплоатировавшихъ такимъ образомъ побѣжденныхъ; нѣсколько лучше обстояло дѣло только въ союзныхъ областяхъ, далеко отъ столицы, а именно на восточномъ берегу Италіи, въ Пиценѣ и т. д. Города Лаціума начали пустѣть, Римъ же, наоборотъ, началъ переполняться; стекавшіяся сюда массы осуществили право „римскаго народа“, наслаждались, не работая, все болѣе и болѣе развивавшимися общественными играми и театромъ, дававшимъ комедіи Плавта (до 184 г.), Теренція (съ 166 года) и другихъ авторовъ низкаго происхожденія, достигшихъ большой популярности; наконецъ, стали проявлять свое вліяніе и въ комиціяхъ. При этомъ латины воспользовались дарованнымъ имъ въ древнія времена и при совершенно другихъ обстоятельствахъ правомъ свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто и правомъ голоса въ собраніяхъ гражданъ.

Если это обстоятельство, въ связи съ ограниченными, правда, правами, предоставленія которыхъ требовали и добились вольноотпущенные, съ одной стороны отразилось на составѣ народныхъ собраній, то оно съ другой стороны не осталось безъ вліянія и на устройство войска, тѣмъ болѣе, что въ Римѣ политическія права были тѣсно связаны съ военной службой. Въ основаніе стараго устройства войска, приписываемаго царю Сервію Туллію, была положена имущественная самостоятельность гражданъ. Такъ какъ каждый солдатъ самъ долженъ былъ заботиться о своемъ обмундированіи, то наиболѣе состоятельные граждане служили въ конницѣ, качество же обмундированія и вооруженія пѣхоты понижалось вплоть до пролетаріевъ, которыхъ въ случаѣ особой нужды государство должно было снабдить оружіемъ, и которые въ обыкновенное время совсѣмъ не принимались въ разсчетъ. Со времени войны съ Ганнибаломъ такое устройство не могло долѣе держаться; съ ухудшеніемъ экономическихъ условій вообще ухудшился и составъ войска. Это ясно показали войны съ Македоніей, съ Карѳагеномъ и Нуманціей (въ Испаніи, близъ нынѣшней Соріи, недалеко отъ истоковъ Дурія, нынѣ Дуэро), гдѣ римскія войска со своимъ обозомъ, съ массой конюховъ, женщинъ, маркитантовъ цѣлыми годами не могли достигнуть никакого успѣха.

Политическое и соціальное броженіе, господствовавшее въ Италіи, перешло далеко за ея предѣлы. Въ половинѣ II вѣка до Р. Х. въ Греціи начались соціалистическія движенія. Въ Сициліи, гдѣ по карѳагенскому образцу сельскимъ хозяйствомъ занимались римскіе всадники, владѣвшіе большими массами рабовъ, послѣдніе возстали и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ занимались грабежомъ по всему острову. Особенно прогрессивные экономисты совѣтовали примѣнить тотъ же способъ веденія хозяйства и къ Италіи; спекулянты, возвращавшіеся изъ провинцій въ Италію съ громадными богатствами, скупали земли и хозяйничали тамъ при помощи крайне подешевѣвшихъ несвободныхъ рабочихъ рукъ. Относящаяся сюда сельскохозяйственная литература карѳагенянъ была вся переведена на латинскій языкъ; наоборотъ, такой практически консервативный умъ, какъ Порцій Катонъ, стоялъ за сохраненіе издавна принятаго въ Италіи способа веденія хозяйства.

Руководящіе классы римской республики съ ужасомъ стали понимать, что такъ называемое всемірное господство грозило гибелью націи. Такъ Испанія раззорилась изъ-за своего всемірнаго господства, а Англія, переживая большіе внутренніе перевороты, должна прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы удержать свое положеніе. Въ Римѣ былъ поставленъ на обсужденіе вопросъ о томъ, какими способами предки предупреждали скопленіе слишкомъ большихъ земельныхъ собственностей въ однѣхъ рукахъ въ ущербъ мелкимъ землевладѣльцамъ. Въ дѣйствительности-же въ Римѣ, какъ и въ греческихъ государствахъ, не было недостатка въ законахъ, которые должны были нормировать эти отношенія. Такъ съ древнихъ временъ было установлено, что никто не имѣетъ права владѣть болѣе чѣмъ 500 іоховъ римской общественной земли, что должно было воспрепятствовать и скупкѣ земель мелкихъ крестьянъ спекулянтами.

Изъ этихъ постановленій исходила реформаторская партія, поставившая себѣ цѣлью предотвратить раззореніе крестьянскаго сословія въ Римѣ. Вспомнимъ о движеніи, возникшемъ 60 лѣтъ тому назадъ въ Англіи и направленномъ противъ повышенія пошлины на хлѣбъ. Съ тѣхъ поръ пахатная земля непрерывно превращается въ пастбища. Число сельскохозяйственныхъ рабочихъ непрерывно уменьшается, число промышленныхъ наоборотъ растетъ и пропитаніе ихъ должно покрываться предметами ввоза. Совершенно также и въ Германіи аграрные и промышленные интересы находятся въ настоящее время въ открытой между собою борьбѣ. Такъ какъ никто изъ испытанныхъ государственныхъ мужей Рима не рѣшался выступить съ возбужденіемъ этого вопроса, предвидя, какія разнообразныя затрудненія должна была повести за собой такая „реакціонная“ политика, то вмѣсто нихъ выступили два молодыхъ человѣка, принадлежавшихъ къ плебейскому дворянству, Тиберій и Гай Семпроній Гракхи, оба въ качествѣ народныхъ трибуновъ, побуждаемые къ тому повидимому между прочимъ и примѣромъ Греціи: столѣтіемъ раньше сдѣлана была попытка обновленными „Ликурговыми законами“ вновь поднять спартанское государство, — а съ тѣхъ поръ какъ Полибій сталъ совѣтникомъ Сципіона Эмиліана, греческіе учителя представляли уже не рѣдкое явленіе въ знатнѣйшихъ римскихъ семьяхъ.

Сенатъ былъ противъ возбужденія этихъ вопросовъ уже потому, что при этомъ неминуемо должны были быть затронуты уже давно укоренившіяся имущественныя права. Даже одинъ изъ народныхъ трибуновъ, Кн. Октавій, очень уважаемый Тиберіемъ Гракхомъ и состоявшій съ нимъ въ личной дружбѣ, выступилъ противъ этого. Тогда Тиберій Гракхъ рѣшился на противоконституціонный шагъ. Онъ предложилъ народу низложеніе своего товарища и дѣйствительно добился его. Затѣмъ онъ провелъ избраніе аграрной комиссіи, которой поручено было урегулированіе имущественныхъ отношеній. Когда избранными оказались Тиберій Гракхъ, тесть его Аппій Клавдій и младшій братъ Гай, это вызвало неудовольствіе оптима-

товъ уже потому, что все дѣло находилось такимъ образомъ въ рукахъ одной семьи. Чтобы сохранить за собой неприкосновенность, Тиберій Гракхъ добился вторичнаго избранія своего въ народные трибуны, что опять таки было противно конституціи и повело за собой рѣзкую демонстрацію со стороны сената, объявившаго своего политическаго противника врагомъ отечества, противъ котораго не было поэтому надобности вести правильный судебный процессъ. Такое постановленіе означало уничтоженіе конституціи, и противъ него возражалъ, хотя и безуспѣшно, хорошо знакомый съ законами консулъ К. Муцій Сцевола. Въ день выборовъ дѣло дошло до столкновенія; сенаторъ П. Корнелій Сципіонъ Назика сталъ во главѣ противной партіи, вооружившейся дубинами; Тиберій Гракхъ обратился въ бѣгство и былъ убитъ. Приверженцы его были обвинены въ государственной измѣнѣ, осуществленіе-же аграрныхъ законовъ сдѣлано невозможнымъ, такъ какъ у комиссіи отняли право разрѣшенія спорныхъ имущественныхъ вопросовъ и опять передали его консуламъ. Впрочемъ законы Тиберія Гракха остались въ силѣ и породили во всей Италіи борьбу партій, такъ какъ дѣйствіе ихъ простиралось и на территоріи союзниковъ. Тогда впервые былъ поднятъ вопросъ о томъ, не было-ли бы лучше всего признать за союзниками права римскаго гражданства, ибо только такимъ путемъ можно было провести аграрную реформу для всего полуострова.

Движеніе получило новый импульсъ, когда черезъ десять лѣтъ послѣ Тиберія въ народные трибуны былъ выбранъ младшій братъ его Гай Гракхъ (въ 123 г. до Р. Х.). Это былъ болѣе талантливый, но въ то-же время и болѣе страстный человѣкъ, поклявшійся отомстить аристократамъ за смерть старшаго брата. Въ теченіе двухъ лѣтъ, въ которыя онъ занималъ должность народнаго трибуна, онъ являлся иниціаторомъ во всѣхъ вопросахъ управленія и конституціи, выдвигая одинъ планъ за другимъ. Государственный механизмъ пришелъ въ движеніе: Г. Гракхъ вновь перестроилъ италійскія дороги, устроилъ колоніи въ Тарентѣ и Скиллаціѣ въ южной Италіи и побудилъ сенатъ взять въ свое вѣдѣніе распоряженіе консульскими провинціями, не ожидая избранія консуловъ. Далѣе Гай, съ цѣлью создать себѣ надежную опору, добился того, что „всадникамъ“ была передана аренда податей вновь организованной провинціи Азіи, что было удобно для государственной казны, выгодно для арендныхъ товариществъ капиталистовъ, но, конечно, совершенно невыносимо для подданныхъ, которыхъ финансисты эксплоатировали, какъ только могли. Вторая мѣра, съ помощью которой К. Гракхъ старался поселить раздоръ между сословіемъ сенаторовъ и всадниками, заключалась въ томъ, что онъ передалъ должности присяжныхъ въ дѣлахъ управленія, составлявшія по разъ принятому обычаю исключительное право сенаторскихъ родовъ, всадникамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что сенаторская юрисдикція въ вопросахъ провинціальнаго управленія оказалась не на высотѣ задачъ, такъ какъ представители ея легко поддавались различнымъ сословнымъ соображеніямъ. Такимъ образомъ Гай пріобрѣлъ себѣ въ капиталистахъ политическихъ друзей.

И К. Гракхъ погибъ, не доведя до конца намѣченной политической реформы. Такому государственному человѣку было очень трудно удержаться, во-первыхъ потому, что конституція воспрещала вторичное избраніе по истеченіи года службы, во-вторыхъ потому, что гражданъ, собиравшихся въ Римъ изъ отдаленныхъ округовъ для подачи голосовъ, можно было собрать разъ въ годъ, но не чаще. Наконецъ, тутъ скрещивалось слишкомъ много разнообразныхъ противоположныхъ интересовъ. Римскихъ гражданъ и италійскихъ союзниковъ нельзя было побудить къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Предоставленіе правъ гражданства союзникамъ не нашло сочувствія въ Римѣ, ибо господствующій народъ хотѣлъ сохранить за собой однимъ

свои привилегіи; вслѣдствіе этого оба эти класса населенія Италіи уже теперь начали враждебно смотрѣть другъ на друга. Идея Гая воспользоваться не только Италіей, но и ближайшими провинціями, каковы Африка и расположенная по ту сторону Альпъ часть Галліи, занятая римлянами для обезпеченія сухого пути въ Испанію, для заселенія ихъ нуждающимися римскими гражданами, также казалась вначалѣ настолько странной, что консервативная партія могла даже разсчитывать на перемѣну въ настроеніи народа. Такая перемѣна дѣйствительно наступила въ то время, какъ Гай находился въ области разрушеннаго и проклятаго Карѳагена, задержанный тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ измѣреніями и другими приготовленіями къ основанію этой колоніи. Противная партія добилась тѣмъ временемъ избранія въ консулы Л. Опимія, немедленно выступившаго противъ Гая, такъ какъ послѣдній уже не занималъ должности трибуна. Это привело въ возмущенію приверженцевъ Гракха, вслѣдствіе чего сенатъ снабдилъ консула чрезвычайными полномочіями. Приверженцы Гракха были побѣждены вооруженной силой; самъ Гай бѣжалъ и приказалъ своему слугѣ убить себя. Все движеніе стоило жизни 3000 человѣкъ (въ 121 г. до Р. X.).

Аграрная реформа продолжалась еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но она не затрогивала уже болѣе частныхъ имущественныхъ интересовъ. Африканская система латифундій сохранилась лишь въ немногихъ округахъ южной Италіи. Окрестности Рима, какъ въ Кампаніи, такъ и въ Этруріи, потеряли свои крестьянскіе центры населенія. На праздникѣ латиновъ на Альбанской горѣ при раздачѣ жертвеннаго мяса оказывалось все меньшее и меньшее количество голосовъ. Города, какъ Габіи, Лабикумъ, Бовилла были почти покинуты, Фидены обратились въ незначительную деревню, отъ Ардеи сохранилось одно только имя, другіе города исчезли безслѣдно, крестьяне были раззорены. Только виллы римскихъ вельможъ въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы, на Альбанской горѣ, въ области вольсковъ, близъ Тибура и Тускула, и на берегу моря оживляли видъ страны въ хорошее время года. Если-же государственный мужъ вынужденъ былъ на долгое время удалиться отъ кормила правленія, то онъ и все время проводилъ въ своихъ помѣстьяхъ, въ Тускулѣ или на Альбанской горѣ, или на берегу Кампаніи, куда удалился уже недовольный Сципіонъ Африканскій и гдѣ позднѣе Лукуллъ развелъ свои роскошные сады. Такъ, въ немногія десятилѣтія совершенно измѣнилась экономическая картина цѣлыхъ областей. Потомки крестьянъ Лаціума, южной Этруріи и болѣе далекихъ областей образовали столичный пролетаріатъ и, согласно закону, проведенному К. Гракхомъ, получали отъ государства хлѣбъ. На будущее время сенаторы, всадники и пролетаріи дѣлили между собой выгоды, приносимыя властью.

Послѣ смерти Гая Гракха главная власть вновь перешла въ руки сената, охранявшаго консервативные интересы противъ революціонеровъ. Римскіе анналы этого времени также носятъ консервативный характеръ. Партійную-же точку зрѣнія мы встрѣчаемъ лишь въ политическихъ рѣчахъ слѣдующаго періода. Но среди этихъ „консерваторовъ“ многое было гнило. Это лучше всего сказалось въ сферѣ провинціальнаго управленія и особенно въ интригахъ, начавшихся въ то время среди потомковъ царя Масиниссы Нумидійскаго.

Югурта, побочный потомокъ Масиниссы, обезпечившій себѣ въ войнѣ съ Нуманціей дружбу римской аристократіи, изгналъ, и затѣмъ убилъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, царскихъ сыновей Адгербала и Гіемпсала, съ цѣлью добиться единовластія. Въ Римѣ это преступленіе не встрѣтило особаго осужденія, пока, наконецъ, народные трибуны изъ партійныхъ соображеній не вывели на свѣтъ тѣхъ подкуповъ, которымъ Югурта обязанъ былъ такой снисходительностью. Скомпрометтированные уже этимъ, глав-

ные вожди правительственной партіи еще болѣе скомпрометтировали себя тѣмъ способомъ, какимъ они провели наложенное на Югурту наказаніе. Югурта, допущенный къ переговорамъ, самъ явился въ Римъ: онъ зналъ, что все было здѣсь продажно, и даже въ случаѣ необходимости самъ городъ. Когда по настояніямъ противной партіи рѣшено было наказать его силой, онъ нанесъ римскому войску пораженіе. Послѣ этого война продолжалась, направляемая подобнымъ образомъ борьбой городскихъ партій; превосходное описаніе этой борьбы мы находимъ въ монографіи Саллюстія Криспа, приверженца Юлія Цезаря.

Въ римскомъ войскѣ выдвинулся въ это время въ качествѣ второго главнокомандующаго консула К. Метелла муниципальный чиновникъ изъ Арпина, К. Марій, который, породнившись благодаря женитьбѣ съ родомъ Юліевъ, былъ избранъ теперь стараніями народной партіи въ консулы (въ 107. г. до Р. Х.). Побѣдивъ Югурту и взявъ его въ плѣнъ благодаря хитрости своего квестора, Корнелія Суллы, Марій сталъ прославленнымъ героемъ оппозиціи, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ то время знатные генералы вновь терпѣли пораженіе за пораженіемъ при отраженіи кельто-германскаго движенія народовъ, угрожавшаго Галліи и Италіи. Такъ Марій благодаря сильной агитаціи былъ вновь избранъ въ консулы и избраніе это повторялось каждый годъ, пока не были разбиты тевтоны въ Трансальпійской и кимвры и ихъ союзники въ Цизальпійской Галліи (въ 102 и 101 г.г. до Р. Х.).

За это время Марій произвелъ реорганизацію римскаго войска, которой требовали новыя соціальныя условія. Марій принялъ въ свое войско пролетаріевъ, охотно шедшихъ на военную службу ради добычи, и уничтожилъ существовавшее дотолѣ подраздѣленіе легіоновъ, основанное на различіи имущественной состоятельности. Онъ ввелъ одинаковое вооруженіе для всѣхъ легіонеровъ; каждый изъ нихъ получалъ метательное копье (pilum) и мечъ. Такъ какъ имущихъ гражданъ послѣ каждаго похода нужно было отпускать къ ихъ полямъ, то тактическое обученіе войска было нѣсколько запущено. Теперь, когда для пролетаріевъ военная служба стала профессіей, можно было удѣлять больше мѣста маневрированію и фехтовальнымъ упражненіямъ. Чтобы пріучить людей къ пролитію крови, военноплѣнныхъ, обученныхъ фехтованію, заставляли на общественныхъ играхъ выступать другъ противъ друга и вести борьбу не только для вида, но и доводить ее до кроваваго конца. Этимъ положено было начало „борьбы гладіаторовъ“, — зрѣлища, безъ котораго Римъ вскорѣ не могъ уже болѣе жить, — варварскаго удовольствія для безчеловѣчной массы господствующаго народа. Существовавшее дотолѣ устройство войска было такимъ образомъ, если не юридически, то во всякомъ случаѣ фактически отмѣнено. Въ случаѣ нужды все населеніе Италіи отъ 17 до 46 лѣтъ отъ роду могло быть, какъ и до того, призвано къ оружію. Въ обыкновенныхъ случаяхъ достаточно было вербовавшихся добровольно солдатъ.

Однако солдаты требовали не только выгодныхъ войнъ во время службы, но и обезпеченія на старость въ видѣ предоставленія имъ клочка земли съ домомъ. Они требовали каждый разъ у своего полководца, чтобы онъ добился для нихъ у правительства этого обезпеченія, которое было конечно связано съ сокращеніемъ государственныхъ имуществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и финансовыхъ средствъ государства. Съ своей стороны солдаты были готовы поддерживать полководца при голосованіи въ комиціяхъ. Они хорошо понимали, что не всѣ полководцы обладали одинаковымъ авторитетомъ; поэтому, вербуясь, они обращали большое вниманіе на личность главнокомандующаго, вслѣдствіе чего борьба партій въ Римѣ съ этого времени пріобрѣла совершенно иной характеръ.

По возвращеніи съ войны съ кимврами К. Марій благодаря агитаціи своихъ приверженцевъ былъ въ шестой разъ избранъ въ консулы. Од-

нако вскорѣ оказалось, что онъ далеко не былъ такъ искусенъ въ политической борьбѣ, какъ на полѣ битвы; на основаніи рѣшенія сената, уполномочивавшаго его на примѣненіе чрезвычайныхъ мѣръ, онъ рѣзко выступилъ противъ своихъ-же приверженцевъ и къ концу года оказался совершенно дискредитированнымъ политически. Поэтому на первый планъ вновь выступила сенатская партія, на этотъ разъ даже въ союзѣ съ всадниками, которымъ не нравились соціалистическія тенденціи вождей пролетаріевъ. Вождемъ своимъ сенатская партія выбрала соперника Марія, бывшаго квестора его въ нумидійской войнѣ, Л. Корнелія Суллу. Когда этотъ послѣдній въ 88 году былъ избранъ въ консулы, на очереди стоялъ вопросъ о томъ, кому поручено будетъ вести войну съ царемъ Митридатомъ Понтійскимъ, поднявшимъ въ то время весь востокъ противъ римскаго господства; съ ликованіемъ царь встрѣченъ былъ и въ провинціи Азіи, и по его приказу всѣ жившіе тамъ италики были перебиты. Поэтому полученіе командованія въ войнѣ съ Митридатомъ было связано съ упорядоченіемъ восточныхъ дѣлъ вообще, что̀ обѣщало какъ полководцу, такъ и его войску большія выгоды въ будущемъ, не говоря уже о значеніи, которое имѣло такое положеніе для борьбы партій въ самомъ Римѣ, гдѣ полководецъ, одержавшій побѣды въ большой войнѣ, всегда игралъ теперь первую роль. Противная партія хотѣла, чтобы командованіе получилъ Марій, и дѣйствительно провела свое намѣреніе при помощи народнаго рѣшенія; тогда Сулла выступилъ со своимъ войскомъ противъ Рима, взялъ городъ и заставилъ сенатъ предать изгнанію вождей оппозиціи. Этимъ онъ обезпечилъ за собой командованіе въ войнѣ съ Митридатомъ, но въ то-же время открылъ новую эпоху междоусобныхъ войнъ.

Въ то-же время къ борьбѣ гражданскихъ партій присоединилось новое осложненіе, вызванное разницей въ положеніи полноправныхъ гражданъ Рима и италійскихъ конфедератовъ. Италійскіе союзники съумѣли, правда, извлечь выгоды изъ того могущественнаго положенія, какое Апеннинскій полуостровъ занялъ по отношенію къ землямъ противоположныхъ береговъ и даже всего Средиземнаго моря. Но съ другой стороны, самодержавный народъ римскій предпочиталъ, насколько возможно, взваливать тяготы правленія на союзниковъ, особенно обременительную гарнизонную службу въ провинціяхъ. Ибо на римское правительство имѣли вліяніе комиціи римскихъ гражданъ, но не союзники, компетентные лишь во внутреннихъ дѣлахъ своего городского округа (союзники не имѣли одной общей организаціи). Такое отношеніе со стороны Рима считалось несправедливостью. Греки, выступившіе со своими реформаторскими планами, возбудили надежды и у союзниковъ, что̀, правда, повредило имъ во мнѣніи римскихъ гражданъ. Уже послѣ паденія Т. Гракха заговоръ союзниковъ перешелъ въ открытое сопротивленіе; во главѣ движенія стояла колонія Фрегеллы на Лирисѣ, достигшая со временъ паденія Капуи положенія перваго города той мѣстности и за исключеніемъ Рима, пожалуй перваго города всей Италіи. Возмущеніе Фрегеллъ было усмирено. Но борьба партій въ Римѣ продолжалась, и противники правительства оптиматовъ поддерживали съ недовольными союзниками сношенія, распространившіяся вскорѣ по всей Италіи: о народномъ трибунѣ 92 года, М. Ливіи Друзѣ, говорили даже, что онъ пытался управлять Италіей при посредствѣ подобныхъ кліентуръ. Заговорщики требовали права участія въ римскихъ комиціяхъ, допущенія къ должностямъ въ Римѣ, словомъ, правъ римскаго гражданина въ полномъ объемѣ. М. Ливій Друзъ внесъ всѣ эти предложенія, но противная партія, желая освободиться отъ неудобнаго ей человѣка, подослала къ нему убійцъ.

Въ этотъ моментъ вспыхнуло возстаніе италиковъ. Во главѣ его стояли сабельскія племена, нѣкогда принимавшія лишь слабое участіе въ возмущеніи самнитовъ и потому принятыя въ италійскую конфедерацію на очень выгодныхъ условіяхъ. Тутъ были марсы, получившіе свою об-

ласть почти нетронутой; главный городъ ихъ Маррувій, служившій и политическимъ центромъ племени, находился на Фуцинскомъ озерѣ (развалины Св. Бенедикта близъ Песчины). Къ этимъ-же сабельскимъ племенамъ принадлежали и пелигны, главнымъ городомъ которыхъ былъ Корфиній. Корфиній (см. приложенную карту „Италія, Цизальпійская Галлія и острова въ I вѣкѣ до Р. Х.") лежитъ вблизи незначительнаго нынѣ города Пентимы, называвшагося въ позднѣйшую римскую эпоху Бальва. Къ югу отсюда лежалъ Сульмонъ, второй городъ пелигновъ. Уже нѣсколько лѣтъ какъ этотъ пунктъ соединенъ съ Римомъ интересной горной желѣзной дорогой, которая ведетъ далѣе черезъ Пентиму и Кіети, т. е. Теате въ области марруциновъ, въ Пескару, гдѣ Атернъ изливается въ Адріатическое море. Племена этихъ областей стали во главѣ движенія, откуда и вся война получила названіе марсійской. Главнымъ-же городомъ конфедераціи „Италія" сдѣлался Корфиній. На югѣ къ нимъ немедленно примкнули самниты, на сѣверѣ область Пиценъ. Вскорѣ движеніе распространилось и на болѣе близкія къ Риму области, Кампанію и Этрурію. Римъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Уже въ первый годъ многіе римскіе магистраты пали жертвами возстанія и если бы враждовавшія въ Римѣ партіи не соединились въ это время на общее дѣло, а наоборотъ, одна партія, какъ это было нѣсколько позже, стала-бы на сторону италиковъ, то Римъ могъ погибнуть. Во всякомъ случаѣ правительственный центръ былъ бы перенесенъ въ другое мѣсто, еслибы даже конституція осталась прежняя; ибо инсургенты организовали свой сенатъ, своихъ консуловъ, своихъ преторовъ совершенно по римскому образцу и только монеты ихъ частью были снабжены оскскими надписями. Какъ уже было замѣчено, въ Римѣ нѣкоторые вожди народной партіи признали справедливость требованій италиковъ. Теперь они предложили парализовать силу движенія, предоставивъ полныя права гражданства всѣмъ племенамъ, медлившимъ еще примкнуть къ движенію въ ближайшихъ къ Риму областяхъ; сабельскія-же племена были уже такъ сильно возбуждены противъ Рима, что не хотѣли даже и слышать о какихъ-либо уступкахъ, но стремились прямо къ разрушенію „резиденціи волчицы". Даже одна изъ колоній, Венузія, примкнула къ мятежникамъ; другія, лежавшія въ возставшей области или недалеко отъ нея, каковы Альба на Фуцентинскомъ озерѣ, Эзернія и Венафръ въ Самніумѣ, силой были принуждены принять участіе въ движеніи.

Однако въ общемъ Римъ, благодаря упомянутой выше мѣрѣ, получилъ во всякомъ случаѣ свободу дѣйствій въ Кампаніи, въ Этруріи, въ Умбріи. Война была перенесена въ болѣе отдаленныя мѣстности, прежде всего въ Пиценъ, гдѣ во главѣ движенія стоялъ Аскулъ (нынѣ Асколи Пичено на рѣкѣ Тронто, въ древности Труентъ); въ руслѣ рѣки найдены многочисленныя римскія метательныя пули съ надписями, указывающими на эту войну. Послѣ упорной защиты Аскулъ былъ наконецъ взятъ Кн. Помпеемъ Страбономъ, консуломъ 89 г. и отцомъ Великаго Помпея. Корфиній послѣ этого также не могъ долѣе держаться и войну продолжали уже главнымъ образомъ одни самниты, избравшіе своимъ средоточіемъ Эзернію, нынѣ Изернію; съ 1897 г. изъ Сульмона (нынѣ Сольмона), въ землѣ пелигновъ, на югъ въ долину Сангро черезъ проходъ Пьяно ди Чинквемилья и оттуда въ долину Вандра, притока Вольтурно, въ Изернію ведетъ желѣзная дорога. Такъ какъ въ Римѣ между тѣмъ вновь началась борьба партій и народная партія потребовала дальнѣйшихъ уступокъ италикамъ — дѣло шло о большихъ или меньшихъ ограниченіяхъ ихъ правъ голоса, — то сила возстанія нѣсколько утихла; вожди его оказали народной партіи помощь противъ ея противниковъ, особенно когда Сулла, вернувшись съ войны съ Митридатомъ, вступилъ въ борьбу съ демократическимъ правленіемъ.

Л. Корнелій Сулла велъ между тѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ войну съ

ИТАЛІЯ.
ЦИЗАЛЬПИНСК. ГАЛЛІЯ
И ОСТРОВА
въ I стол. прежде Р. Х.
Масштабъ 1:4900000
Римскія мили
Километры
Римскія военныя дороги
8 В. д. отъ Гринича
10
12
14
16
18
46
44
42
РЕЦІЯ
НОРИКУМЪ
ПАННОНІЯ
ИЛЛИРИКУМЪ
ДАЛМАЦІЯ
ИСТРІЯ
ВЕНЕЦІЯ
ГАЛЛІЯ ТРАНСПАДАНСКАЯ
ГАЛЛІЯ ЦИСПАДАНСКАЯ
ЛИГУРІЯ
ЭТРУРІЯ
УМБРІЯ
ПИЦЕНУМЪ
АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Лигурійскій
Заливъ
Корсика
Медіоланумъ
Патавіумъ
Аквилея
Бононія
Равенна
Генуя
Анкона
Салоны
Римъ (Roma)
Тергесте
О-въ Ильва

Сардинія
СИЦИЛІЯ
ЛУКАНІЯ
КАМПАНІЯ
КАЛАБРІЯ
АФРИКА
КАРѲАГЕНЪ
Панормусъ
Сиракузы
Тарентинскій
Заливъ
АФРИКАНСКОЕ МОРЕ
ІОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
НИЖНЕЕ
О въ Мелита
М Меркурія

Митридатомъ Понтійскимъ, хорошо обучилъ и привязалъ къ себѣ за это время свое войско и уже по этому одному былъ сильнѣе вождей противной партіи. Эти послѣдніе были въ несогласіи между собой и, что было особенно важно, не находили въ своей средѣ, съ тѣхъ поръ какъ Марій умеръ во время своего седьмого консульства (86), а Цинна палъ жертвой мятежа во время четвертаго консульства (84), человѣка, который пользовался-бы достаточнымъ авторитетомъ. Двинувшись изъ Брундизія, Сулла, благодаря мятежу, вспыхнувшему въ выставленномъ противъ него въ Кампаніи войскѣ (въ 83 г. до Р. Х.), привлекъ его на свою сторону. Сопротивленіе конфедератовъ, еще разъ напавшихъ на самый Римъ, было также сломлено и участники его жестоко наказаны. Самніумъ и этрусское побережье никогда уже не могли оправиться отъ опустошеній, произведенныхъ солдатами Суллы; Эзернія въ Самніумѣ была разрушена, Волатерры, Арреціи, Фезулы въ Этруріи лишены своихъ областей; въ Кампаніи Нола и Помпея были заселены римскими колонистами. Вообще въ имущественныхъ отношеніяхъ произошли коренныя измѣненія повторявшіяся еще неоднократно вътеченіе послѣдующихъ сорока лѣтъ, въ особенности по поводу надѣленія землей ветерановъ.

Что-же касается дарованія правъ гражданства союзникамъ, то Сулла не отмѣнилъ состоявшихся по этому вопросу постановленій. При раздѣленіи союзниковъ на 35 гражданскихъ трибъ прибѣгли къ искусственной группировкѣ для цѣлей голосованія; такъ марсы и пелигны вошли въ одну трибу, Сергія. Мѣсто прежнихъ городскихъ властей (у сабелловъ городской голова носилъ титулъ meddix tuticus) заступили два бургомистра, соотвѣтственно римскимъ консуламъ; такъ какъ имъ принадлежала и судебная власть, то ихъ обыкновенно называли duumviri iure dicundo. Члены назывались декуріонами, а имѣвшіе право голоса на выборахъ граждане представляли плебсъ муниципія. Такимъ образомъ латинско-римскія учрежденія, распространявшіяся дотолѣ только при посредствѣ колоній, проникли теперь повсемѣстно, не исключая и греческихъ городовъ; такъ, напр., въ 1896 г. былъ открытъ статутъ Тарента. Даже на округа Цизальпійской Галліи была распространена та-же мѣра: города по сю сторону По получили полное право гражданства. Города по ту сторону рѣки должны были удовольствоваться „латинскимъ„ правомъ; они, поэтому, и въ дальнѣйшемъ должны были отступать на задній планъ передъ циспаданцами, что въ послѣдующіе годы послужило предметомъ жгучей политической борьбы.

Сулла оффиціально облекъ себя диктаторской властью, чтобы реорганизовать все государство; онъ вернулся къ тому порядку, который существовалъ до Гракховъ. Народные трибуны вновь должны были сдѣлаться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, управленіе государствомъ должно было находиться исключительно въ рукахъ сената, не подвергаясь вліянію и контролю со стороны сословія всадниковъ. Чтобы разъ навсегда предупредить возможность возстаній противъ принятаго государственнаго строя, Сулла серьезно задумалъ истребить всю противную партію. Онъ является авторомъ „проскрипцій“, истребленія лучшихъ, какъ называли этотъ способъ борьбы. Въ то время какъ Марій и Цинна выступали лишь противъ вождей оптиматовъ, Сулла совершенно неожиданно приказалъ публично вывѣсить имена сенаторовъ и всадниковъ, приговоренныхъ имъ къ смерти. Списокъ этотъ возобновлялся нѣсколько разъ, пока число убитыхъ сенаторовъ и всадниковъ не дошло до 2000; послѣ этого имѣнія ихъ были конфискованы, рабы-же получили свободу, такъ какъ въ нихъ Сулла разсчитывалъ найти опору своей системѣ.

Два года Сулла пользовался неограниченной властью. Онъ реорганизовалъ управленіе провинціями; въ Греціи и въ Азіи, гдѣ дѣло шло объ ограниченіи откупщиковъ податей, онъ принялъ соотвѣтствующія

мѣры, удовлетворившія подданныхъ; города Азіи приняли даже 84-ый г. за начало новой эры и впродолженіе полутысячелѣтія сохраняли это лѣтосчисленіе. Относительно магистратуры Сулла постановилъ, чтобы консулы и преторы исполняли сперва свою должность въ столицѣ и только затѣмъ въ качествѣ проконсуловъ и пропреторовъ получали на годъ провинцію.

Сулла надѣялся своими постановленіями на долго упрочить консервативную партію, воззрѣнія которой въ общемъ соотвѣтствовали желаніямъ народа; анналы этой эпохи также носятъ умѣренный консервативный характеръ. Самъ Сулла, вѣрный своей конституціи, по прошествіи двухъ лѣтъ сложилъ съ себя диктаторскую власть (80) и удалился въ свою виллу на берегу Кампаніи. Тамъ онъ написалъ свои мемуары. Въ противоположность другимъ подобнымъ властелинамъ, обыкновенно стремящимся обезпечить за своими сыновьями насильственную власть, Сулла отказался отъ такого стремленія; о молодомъ Суллѣ разсказываютъ, что онъ однажды получилъ въ школѣ пощечину, за то, что угрожалъ своимъ товарищамъ проскрипціей.

Несмотря на всѣ мѣры предосторожности, принятыя Суллой, политическое движеніе съ нимъ еще не закончилось. Къ Суллѣ примкнули изъ личныхъ соображеній многія личности, только до тѣхъ поръ соглашавшіяся съ реакціей въ строго олигархическомъ духѣ, пока она не затрагивала ихъ личныхъ интересовъ. Такъ думали многіе изъ значительнѣйшихъ полководцевъ, содѣйствовавшихъ Суллѣ въ италійской войнѣ и позднѣе въ предпріятіяхъ въ провинціяхъ, такъ напр. М. Лициній Крассъ, накопившій удачными спекуляціями въ эпоху проскрипцій огромныя богатства, или Кн. Помпей Великій, отецъ котораго принадлежалъ къ сословію всадниковъ. Болѣе надежными опорами олигархіи были К. Метеллъ Пій, К. Лутацій Катуллъ, братья Л. и М. Лициній Лукуллы. Жизнь и нравы этого времени хорошо обрисованы въ біографіяхъ Плутарха, вновь обработавшаго во II вѣкѣ по Р. Х. относящіеся къ этой эпохѣ матеріалы. Кромѣ того много свѣдѣній даютъ намъ рѣчи, письма и многочисленныя сочиненія М. Туллія Цицерона, одного изъ главныхъ творцовъ латинской литературы.

Прежде всего всѣ стремились уничтожить остатки народной партіи. Въ годъ смерти Суллы (78) въ средѣ этой партіи возникло броженіе даже въ самомъ Римѣ; одинъ изъ консуловъ этого года, М. Эмилій Лепидъ, открыто выступилъ за конституцію Гракховъ и въ то-же время за возстановленіе въ правахъ всѣхъ экспропріированныхъ и изгнанныхъ. Вспыхнуло возстаніе, охватившее отдѣльныя мѣстности Италіи, въ особенности Этрурію, но Лепидъ потерпѣлъ пораженіе (въ 77 г. до Р. Х.) передъ воротами столицы въ битвѣ съ Лутаціемъ Катулломъ и Помпеемъ. Все, что осталось отъ войска Лепида, бѣжало послѣ его смерти въ Испанію подъ предводительствомъ М. Перперны. Здѣсь еще со временъ господства Цинны намѣстникомъ удержался К. Серторій, съумѣвшій привлечь къ себѣ туземныхъ жителей. Противъ него были посланы К. Метеллъ и Кн. Помпей Великій, которые въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ вели здѣсь войну далеко не блестящимъ образомъ. Серторій палъ наконецъ (въ 72 г. до Р. Х.) только благодаря измѣнѣ М. Перперны.

Между тѣмъ Л. Лициній Лукуллъ, консулъ 74 г. до Р. Х., принялъ на себя командованіе во вновь вспыхнувшей войнѣ съ Митридатомъ Понтійскимъ; этого назначенія добивались лучшіе полководцы ради связаннаго съ нимъ доходнаго управленія восточными провинціями. М. Крассъ въ должности претора долженъ былъ взять на себя въ видѣ исключенія обязанности военачальника, такъ какъ въ Италіи вспыхнуло всеобщее возстаніе рабовъ и гладіаторовъ, съ которымъ не могли справиться неопытные въ военномъ дѣлѣ консулы; Крассу-же удалось счастливо подавить его. Нѣсколько толпъ, стремившихся бѣжать за Альпы, были уничтожены Помпеемъ, возвращавшимся изъ Испаніи.

Кн. Помпей Великій, всего 35-ти лѣтъ отъ роду, уже неоднократно стоялъ во главѣ войска, но еще ни разу не занималъ ни одной курульной должности. Онъ не хотѣлъ, однако, оставаться позади Красса, добивавшагося теперь консульства. Ибо Крассъ, не смотря на свои богатства, считался человѣкомъ не очень большого ума. Ихъ соревнованіе послужило поводомъ къ всевозможнымъ интригамъ.

Въ это время выдвинулся уже и Юлій Цезарь, бывшій на четыре года моложе Помпея и выдававшійся среди знатной римской молодежи своей дерзостью и размѣрами своихъ долговъ. Какъ зять Цинны, онъ держался народной партіи, чему, правда, не придавали сперва большого значенія, хотя старый Сулла и высказалъ однажды, что молодой Цезарь стоитъ нѣсколькихъ Маріевъ. Благодаря раздорамъ, господствовавшимъ среди вождей партіи Суллы, Цезарь въ 71 году впервые добился политическаго значенія. Находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Крассомъ, онъ убѣдилъ его и Помпея, что они трое, соединившись вмѣстѣ, могли бы противостоять всѣмъ соперникамъ. Онъ убѣдилъ ихъ, что они могутъ разсчитывать на голоса народной партіи для достиженія консульства, если бы было исполнено главное требованіе этой партіи, возстановленіе народныхъ трибуновъ. Чтобы привлечь на свою сторону и всадниковъ, предполагалось предоставить имъ ихъ прежнія права, а именно участіе въ административныхъ судахъ. Въ это время большую сенсацію произвелъ скандальный процессъ, который подняли сицилійцы противъ своего прежняго намѣстника, Р. Верреса, и въ которомъ истцомъ ихъ выступилъ М. Туллій Цицеронъ; Верресъ былъ осужденъ. Помпей и Крассъ, руководствовавшіеся лишь личными интересами и не имѣвшіе никакихъ принциповъ, обязались въ своихъ избирательныхъ рѣчахъ выполнить все́, чего требовалъ отъ нихъ Цезарь, и были на 70-ый годъ избраны въ консулы. Цезарь одержалъ первую политическую побѣду, подорвавъ конституцію Суллы въ существенныхъ пунктахъ и въ то-же время окончательно скомпрометтировавъ двухъ вождей противной партіи.

Изъ этой коалиціи первый извлекъ пользу Помпей. По предложенію народнаго трибуна А. Габинія онъ въ 67 году, снабженный чрезвычайными полномочіями, былъ поставленъ во главѣ флота и войска, которые должны были уничтожить все болѣе и болѣе распространявшіеся со времени паденія большей части морскихъ державъ морскіе разбои. Римское государство послѣ Пуническихъ войнъ не обращало должнаго вниманія на свой флотъ; положеніе его въ то время можно было бы сравнить съ положеніемъ сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ. На основаніи особаго постановленія главнокомандующій самъ долженъ былъ выбрать себѣ изъ среды сенаторовъ 25 „легатовъ“, которые должны были получить званіе преторовъ. Всѣ приморскіе города на разстояніе 40 миль вглубь страны были подчинены Помпею, такъ что соперники его недаромъ говорили, что въ рукахъ его находилась поистинѣ монархическая власть. Съ другой стороны, теперь было очевидно, что Сулла сдѣлалъ ошибку, отнявъ у консуловъ должность главнокомандующаго надъ войскомъ; такъ какъ для прикрытія береговъ Италіи не существовало особаго флота, то сношеніямъ съ востокомъ и съ хлѣбными областями угрожала все бо́льшая опасность, и ввозъ, предметы котораго шли на пропитаніе римскаго плебса, былъ близокъ къ полному прекращенію. Поэтому предложеніе Габинія было принято, Помпей же въ короткое время справился съ возложеннымъ на него порученіемъ. Послѣ этого онъ сталъ наиболѣе популярнымъ въ Римѣ человѣкомъ.

Помпей стремился дальше. Дѣйствительно, при помощи партіи всадниковъ ему удалось получить начальство въ войнѣ съ Митридатомъ и въ то же время ему было поручено и общее упорядоченіе дѣлъ на востокѣ. Этому способствовалъ „lex Manilia“, за который выступилъ и М. Туллій Цицеронъ, что имѣло большое значеніе, такъ какъ Цицеронъ всегда смѣло высказывалъ правду. Л. Лукуллъ имѣлъ несчастье стать во враждебныя отношенія съ

римскими всадниками, занимавшимися въ Азіи всякими грязными денежными дѣлами. Указомъ о процентахъ, которымъ разрѣшалось взимать не болѣе одного процента въ мѣсяцъ, Лукуллъ облегчилъ городамъ этой провинціи уплату возложенной на нихъ Суллой огромной контрибуціи, которую они и выплатили въ сравнительно короткое время; но благодаря этому-же указу, всадники лишились значительныхъ выгодъ и стали, конечно, агитировать противъ Лукулла. Когда при такихъ обстоятельствахъ конституція Суллы, къ приверженцамъ которой принадлежалъ Л. Лукуллъ, была низвергнута, это такъ сильно отразилось на провинціи и даже на дисциплинѣ въ арміи, что проконсулъ оказался не въ состояніи сохранить одержанныхъ уже надъ Митридатомъ побѣдъ. Въ 66 году Лукуллъ былъ отозванъ; вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ его мѣропріятія потеряли свою силу.

Принявъ командованіе надъ арміей и реорганизовавъ ее, Помпей побѣдилъ Митридата, и союзника и зятя его, Тиграна Арменскаго, распространившаго свое господство надъ Сиріей (см. выше.) Вступивъ затѣмъ въ союзъ съ парѳянами, Помпей заключилъ миръ и съ Тиграномъ, по которому послѣдній отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній. Митридатъ бѣжалъ на сѣверъ къ Черному морю и тамъ умеръ, а побѣдитель устроилъ изъ областей Понта и Виѳиніи одинъ провинціальный округъ (въ 64 г. до Р. Х.). Между тѣмъ легаты Помпея завладѣли и Сиріей, гдѣ господство Селевкидовъ окончательно распалось; со времени удаленія Тиграна здѣсь вообще отсутствовала высшая власть, пока Помпей не взялъ ее въ Антіохіи въ свои руки. Онъ управлялъ здѣсь зиму 64—63 г. до Р. Х. какъ „царь царей“, возводилъ и низлагалъ князей и надѣлялъ города привилегіями. Весною 63 года онъ отправился въ Дамаскъ, гдѣ разрѣшилъ споръ между обоими іудейскими княжескими сыновьями, Гирканомъ и Аристобуломъ, въ пользу перваго (см. томъ III). Такъ какъ Аристобулъ не хотѣлъ подчиниться рѣшенію, то Іерусалимъ и храмъ его были взяты приступомъ, а претендентъ отведенъ въ плѣнъ. Прокураторомъ Гиркана выступилъ идумеянинъ Антипатръ, который съ этого момента съумѣлъ сдѣлать себя необходимымъ всѣмъ римскимъ повелителямъ. Іудейскій историкъ Іосифъ Флавій даетъ намъ описаніе дѣятельности Помпея и его легатовъ. Они распространили римскій авторитетъ до границъ Аравіи и Египта, а бывшее царство Селевкидовъ обратили въ провинцію Сирію. На востокѣ границей съ парѳянскимъ царствомъ былъ признанъ Евфратъ; этой границы держались и всѣ послѣдующія римскія правительства и нарушена она была лишь значительно позднѣе.

Все это было дѣломъ Помпея, который во всѣхъ своихъ административныхъ мѣропріятіяхъ всегда исходилъ изъ существовавшаго уже порядка вещей. Въ Сиріи эра Селевкидовъ сохранилась въ силѣ во все время римскаго господства; а у говорящихъ на арамейскомъ языкѣ христіанъ она сохранилась и по настоящее время. Границы округовъ также были измѣнены лишь тамъ, гдѣ это вызывалось необходимостью. Галатія была раздѣлена на три княжества. Понтъ, хотя и соединенный съ Виѳиніей въ одинъ округъ, сохранилъ свой сеймъ, если можно такъ назвать сакрально-политическій союзъ городовъ этой провинціи. Нельзя не признать за Помпеемъ таланта; онъ хорошо обдумывалъ и взвѣшивалъ свои мѣропріятія и въ то-же время противодѣйствовалъ подкупности своихъ легатовъ. Скорѣе уже на него имѣли вліяніе его вольноотпущенные; такъ между прочими и писатель Ѳеофанъ Митиленскій. Помпей придавалъ большое значеніе тому, чтобы его дѣятельность стала извѣстна обществу, особенно же его послѣдній романтическій походъ противъ Митридата; наилучшія описанія этихъ эпизодовъ сохранились въ географически-историческомъ сочиненіи каппадокійца Страбона. Вообще Помпей далеко не былъ такой геніальной натурой, какъ Юлій Цезарь (см. таблицу при стр. 395, фиг. 1 и 2). Однако, когда послѣ долгой борьбы окончательной формой

правленія былъ признанъ „принципатъ“, учрежденіямъ, созданнымъ Помпеемъ неоднократно отдавалось предпочтеніе передъ таковыми же Цезаря.

Въ Римѣ господствовала еще олигархія, стремившаяся прежде всего къ тому, чтобы подготовить безславный конецъ могущественному положенію Помпея. Л. Лукуллъ со своей партіей разсчитывалъ добиться того, чтобы сенатъ объявилъ всѣ распоряженія Помпея недѣйствительными. Другія партіи оптиматовъ соглашались въ этомъ съ Лукулломъ, и ихъ неоднократно поражалъ тотъ способъ, какимъ Помпей завладѣлъ властью. Такіе люди, какъ молодой М. Порцій Катонъ, державшійся конституціи изъ принципа и пользовавшійся благодаря своей честности уваженіемъ даже со стороны своихъ политическихъ враговъ, ни въ коемъ случаѣ не были склонны прочищать дорогу принципату Помпея. Отъ Красса, съ которымъ Помпей въ годъ консульства вновь разошелся, онъ менѣе всего могъ ожидать помощи. Юлій же Цезарь именно въ это время высказалъ, что предпочелъ бы быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ. Въ 65 году онъ исполнялъ должность эдила, въ 62 г. претора, и принималъ участіе во всѣхъ политическихъ интригахъ того времени, хотя и не выступалъ еще пока на первый планъ.

Одолживая у Красса сотни тысячъ, чтобы блестящими играми привязать къ себѣ населеніе Рима, Цезарь, съ другой стороны, вступилъ въ сношенія съ анархистами, среди которыхъ находилось множество обанкрутившихся дворянъ изъ обоихъ лагерей. Они разсчитывали политическимъ переворотомъ добиться новыхъ проскрипцій. Душой этихъ стремленій явился Л. Сергій Катилина, бывшій приверженецъ Суллы, занимавшій сперва должность претора, а затѣмъ намѣстника Африки, и не добившійся консульства вслѣдствіе противодѣйствія господствовавшей въ то время партіи. Въ 63 году Катилина при баллотировкѣ былъ побѣжденъ М. Тулліемъ Цицерономъ, выдвинувшимся въ Римѣ въ качествѣ адвоката; въ товарищи ему былъ избранъ К. Антоній, личность совершенно заурядная. Выставивъ безуспѣшно свою кандидатуру и въ 62 году, Катилина, обремененный тяжелыми долгами, рѣшился силой добиться своей цѣли. При Фезулахъ въ Этруріи онъ собралъ подъ свои знамена всѣхъ изгнанниковъ, раззоренныхъ Суллой, и обѣднѣвшихъ ветерановъ.

Эти козни не оставались тайной для Рима; правительство съ помощью имущихъ классовъ приняло надлежащія мѣры, такъ что Катилина принужденъ былъ удалиться изъ города. Единомышленники же его выжидали лишь успѣшнаго хода событій въ Этруріи, чтобы открыто выступить и въ столицѣ. Но планы ихъ были открыты консулу Цицерону, съ большимъ вниманіемъ слѣдившему за дѣломъ. Заговорщики были арестованы и вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ ихъ вызвалъ въ сенатѣ сверхъ обыкновенія горячіе дебаты. Несмотря на противодѣйствіе со стороны Цезаря, Цицеронъ и Катонъ настояли на немедленной казни арестованныхъ, ибо всякое замедленіе грозило опасностью республикѣ. Катилина и его единомышленники были объявлены государственными врагами и противъ нихъ были посланы италійская милиція и войска изъ области По; при Писторіи, нынѣ Пистойя, исходный пунктъ двухъ проходовъ черезъ Аппенины въ Модену и Болонью, Катилина принужденъ былъ принять сраженіе съ легатомъ консула К. Антонія. Въ этой битвѣ онъ и палъ, сражаясь (въ 62 г. до Р. Х.).

Катилина былъ типичнымъ представителемъ тогдашняго римскаго дворянства, въ жизни котораго величайшую роль играли личное соперничество, женщины, долги и стремленіе выдвинуться на счетъ государства. Описаніе, которое даетъ намъ Саллюстій въ своемъ „Катилинѣ“, можетъ быть провѣрено и восполнено сочиненіями Цицерона, Светонія и другихъ авторовъ. Мы узнаемъ, между прочимъ, насколько выборы въ Римѣ стали предметомъ спекуляціи, причемъ организованная избирательными обще-

ствами (sodalicia) продажа голосовъ играла громадную роль; по той-же причинѣ и „игры“ получали все болѣе широкое распространеніе.

Въ политическомъ отношеніи успѣхъ Катилины, носившагося съ широкими замыслами, долженъ былъ повредить Помпею. Поэтому-то, какъ Крассъ, такъ и Цезарь относились вначалѣ къ этому движенію не безъ сочувствія; капиталистическая партія была особенно возмущена поведеніемъ Цезаря, финансовыя затрудненія котораго ей были хорошо извѣстны. Тѣмъ не менѣе ему удалось въ это время добиться избранія въ pontifex maximus, несмотря на то, что и К. Лутацій Катуллъ выставилъ свою кандидатуру (въ 63 г. до Р. Х.); это показываетъ, что Цезарь уже тогда имѣлъ громадное вліяніе на комиціи. Однако, только благодаря поручительству богатаго Красса, кредиторы допустили отъѣздъ его въ качествѣ пропретора въ Испанію по ту сторону Эбро.

Въ Римѣ многіе полагали, что Помпей по возвращеніи изъ Азіи воспользуется этими анархистскими движеніями, какъ предлогомъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть. Но Помпей, державшійся въ извѣстномъ смыслѣ строго корректно, высадившись въ Брундизіѣ, отпустилъ, согласно предписаніямъ конституціи, свои легіоны. Только послѣ этого онъ явился въ Римъ, чтобы добиться отъ сената подтвержденія своихъ распоряженій и въ то-же время награды своимъ ветеранамъ (въ 61 г. до Р. Х.). Въ сенатѣ онъ встрѣтилъ, однако, такое сильное сопротивленіе со стороны соединившихся партій его противниковъ и такую затяжку въ обсужденіи, что ему грозило полное паденіе. Изъ этого положенія онъ освободился лишь тогда, когда вернувшійся въ 60 г. изъ Испаніи Цезарь, изъ личныхъ цѣлей, направленныхъ на достиженіе консульства, вновь соединился съ Помпеемъ и Крассомъ. Цезарь обязался помогать Помпею и во что бы то ни стало провести его требованіе; партія Помпея со своей стороны должна была провести избраніе его въ консулы.

Дѣйствительно, Цезарь на 59-ый годъ былъ избранъ въ консулы. Онъ, членъ одного изъ древнѣйшихъ родовъ, явился вождемъ народной партіи, и въ качествѣ таковаго, преслѣдовалъ цѣли К. Гракха; соконсулъ-же его М. Кальпурній Бибулъ, плебей по происхожденію, былъ орудіемъ оптиматовъ; его Цезарь лишилъ всякаго вліянія. Консульство Цезаря было первымъ шагомъ къ монархіи Юліевъ, которую 100 лѣтъ спустя дѣйствительно начали датировать съ перваго консульства. Ибо, начиная съ этого времени, Цезарь до самой своей смерти, не переставая, былъ магистратомъ республики и потому стоялъ внѣ отвѣтственности. Объ этомъ вспомнили, когда въ 41 г. по Р. Х. былъ убитъ послѣдній К. Цезарь (Калигула). Со времени перваго консульства Цезаря политическая литература того времени распадается на два направленія; цезарское, во главѣ котораго стоялъ самъ Юлій Цезарь, и антицезарское, не прекратившееся и съ побѣдой династіи.

Пока Цезарь дѣлилъ еще власть надъ государствомъ съ Помпеемъ и Крассомъ. Учрежденія, введенныя Помпеемъ на востокѣ, были по предложенію Цезаря подтверждены народнымъ рѣшеніемъ и ветераны Помпея надѣлены землей. Тогда-же предназначены были къ раздѣлу и государственныя имущества въ Кампаніи, отдававшіяся со времени войны съ Ганнибаломъ въ аренду въ пользу казны. Капуя вновь расцвѣла въ видѣ цезарской колоніи. Но послѣ того какъ за Помпеемъ была вновь признана высшая власть на востокѣ, Цезарь для себя потребовалъ провинцію на западѣ, а именно Галлію, притомъ не только Галлію Цизальпинскую, съ которой было связано управленіе Иллиріей, но и Галлію Трансальпинскую, которой со времени кимвровъ и тевтоновъ непрерывно угрожали все новыя нашествія народовъ. Здѣсь предстояло богатое поле дѣятельности, которое нужно было однако обезпечить за собой на нѣсколько лѣтъ, что, правда, не согласовалось съ принципомъ годичной службы, примѣнявшимся дотолѣ въ республиканской магистратурѣ. Соединившіеся между собой тріум-

виры провели и это нововведеніе. Цезарь былъ избранъ въ проконсулы на 5 лѣтъ на тѣхъ-же условіяхъ, на которыхъ Помпей получилъ командованіе въ войнѣ съ морскими разбойниками и затѣмъ съ Митридатомъ; онъ получилъ легатовъ въ должности пропреторовъ, четыре легіона съ правомъ усиливать ихъ новыми наборами и наконецъ, неограниченныя полномочія поступать въ Галліи по собственному усмотрѣнію.

Въ Галліи Цезарь, какъ нѣкогда Баркиды въ Испаніи, впродолженіе 10 лѣтъ правилъ и урегулировалъ взаимоотношенія различныхъ племенъ; онъ принудилъ отступить переселившихся изъ своей родины въ Галлію гельветовъ, затѣмъ разбилъ свевовъ, проникшихъ подъ предводительствомъ Аріовиста за Рейнъ. На Рейнѣ Цезарь поселилъ германскія племена, стоявшія въ послѣдующихъ войнахъ на сторонѣ римлянъ. Среди кельтовъ также царили разногласія. Точно такъ-же, какъ и гельветовъ, Цезарь привлекъ на свою сторону изъ бельгійскихъ племенъ ремовъ (близъ Реймса) и лингоновъ и тѣмъ пріобрѣлъ надежную опору для операцій въ сѣверной Галліи. Такимъ образомъ, Цезарь въ послѣдующіе годы покорилъ и остальныя бельгійскія племена: легатъ его П. Крассъ, сынъ богатаго Красса, подчинилъ сперва ареморяковъ, затѣмъ аквитанцевъ. Чтобы сломить послѣднее сопротивленіе, Цезарь дважды переходилъ черезъ Рейнъ и въ Британію. Въ противоположность Помпею, предоставлявшему другимъ писать о себѣ, Цезарь лично писалъ свои отчеты о галльской войнѣ и выпустилъ ихъ отдѣльной книгой, не открывая, однако, своихъ тайныхъ намѣреній. Ибо, подавивъ широкое возстаніе, во главѣ котораго стоялъ вождь арверновъ Верцингеториксъ (въ 52 г. до Р. Х.), Цезарь такъ организовалъ Галлію, что во всякое время могъ мобилизировать силы страны и ея народностей противъ собственнаго правительства. Въ то-же время побѣдитель воспользовался громадной добычей, чтобы при помощи ея подчинить своему вліянію различные круги населенія; даже въ зависимыхъ государствахъ и въ восточныхъ провинціяхъ Цезарь завязалъ сношенія, съ цѣлью заранѣе обезпечить себѣ поддержку со всѣхъ сторонъ.

Между тѣмъ положеніе Помпея въ Римѣ стало крайне затруднительнымъ, ибо на него съ одной стороны непрерывно нападали оптиматы, съ другой крайніе „лѣвые“, члены народной партіи. Онъ могъ еще держаться только потому, что Цезарь своими побѣдами укрѣплялъ ихъ союзъ. Этотъ союзъ былъ вновь подтвержденъ въ 56 году свиданіемъ въ Лукѣ, лежавшей въ провинціи Цезаря. Намѣстничество Цезаря было продолжено еще на 5 лѣтъ, а Помпей и Крассъ должны были въ 55 году вновь занять должности консуловъ и послѣ этого получить провинціи, Помпей обѣ Испаніи, Крассъ Сирію. Такимъ образомъ, значительнѣйшія военныя силы были сосредоточены въ рукахъ этихъ трехъ человѣкъ. Помпей, по прошествіи года консульства, дѣйствительно вступилъ въ управленіе Испаніей, при помощи своихъ легатовъ, оставаясь самъ въ Римѣ, гдѣ онъ жилъ со своей женой Юліей, дочерью Цезаря.

Крассъ воспользовался своимъ намѣстничествомъ въ Сиріи, чтобы обогатиться здѣсь, какъ это сдѣлалъ Цезарь въ Галліи. Онъ напалъ на пареянъ; но въ песчаныхъ равнинахъ сѣверной Месопотаміи тяжело вооруженные легіонеры не могли справиться съ легкими войсками и особенно съ конницей пареянъ; не получая въ то-же время и продовольствія, римское войско потерпѣло при Каррахъ страшное пораженіе (въ 53 г. до Р. Х.; см. томъ III). Самъ Крассъ, пожелавшій вступить въ переговоры, былъ убитъ; вмѣстѣ съ нимъ погибъ и сынъ его П. Крассъ. Квесторъ Красса, К. Кассій, съумѣлъ отстоять прежнюю границу — Евфратъ; но пораженіе осталось пока неотмщеннымъ.

Изъ повелителей остались теперь въ живыхъ только Помпей и Цезарь; со времени смерти Юліи и женитьбы на вдовѣ П. Красса, дочери вождя оптиматовъ К. Цецилія Метелла Сципіона, Помпей становился во

все болѣе и болѣе враждебныя отношенія къ Цезарю. Семейныя связи имѣли въ Римѣ большое вліяніе, особенно на такихъ людей какъ Помпей. Партія оптиматовъ, въ глазахъ которой единственно законнымъ было старое олигархическое правленіе, стремилась низвергнуть какъ Цезаря, такъ и Помпея; но не имѣя возможности справиться съ обоими, она прежде всего намѣтила униженіе Цезаря, казавшагося ей болѣе опаснымъ, такъ какъ Цезарь вступалъ уже въ сношенія съ Катилиной и кромѣ того несомнѣнно явно нарушилъ конституцію тѣмъ, что совершенно игнорировалъ заявленія своего соконсула, Бибула. Управляя Галліей, Цезарь не переставалъ поддерживать сношенія съ партіями въ Римѣ, привлекая къ себѣ на службу худшихъ людей, чтобы поддерживать оппозицію противъ низвергнутой правительственной партіи.

Съ тѣхъ поръ какъ Помпей перешелъ на сторону оптиматовъ, послѣдніе стали признавать его власть. Когда возникли новыя затрудненія по вопросу о снабженіи Италіи иностраннымъ хлѣбомъ, Помпею было поручено упорядочить это дѣло. Въ это время вражда между нѣкоторыми предводителями партій, игравшими роль въ качествѣ народныхъ трибуновъ, каковы Клодій и Милонъ, дошла до того, что привела къ открытой борьбѣ на улицахъ города и Клодій былъ убитъ Милономъ при Бовиллахъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима; тогда-то Помпей былъ поставленъ во главѣ государства вопреки конституціи, какъ консулъ „безъ товарища" (въ 52 г. до Р. Х.), т.-е. для него было сдѣлано исключеніе. То-же самое случилось, когда проведенъ былъ законъ, по которому между занятіемъ должности консула и намѣстника провинціи установленъ былъ обязательный промежутокъ въ 5 лѣтъ. Помпей и послѣ обнародованія этого закона сохранилъ за собой свои испанскія провинціи и Цезарь ничего не могъ возразить противъ этого, хотя онъ и высказалъ черезъ своихъ приверженцевъ, что проконсулъ Галліи по своему положенію имѣетъ тѣ-же права, что Помпей. Дѣйствительно, полный разрывъ между ними былъ на нѣкоторое время отсроченъ, такъ какъ Помпей до истеченія установленнаго срока считалъ себя связаннымъ договоромъ съ Цезаремъ.

Только съ 49 года ничто уже болѣе не препятствовало отозвать Цезаря изъ Галліи, передать его намѣстничество какому-нибудь испытанному приверженцу партіи оптиматовъ и самого его предать суду за многочисленныя совершенныя имъ нарушенія конституціи. За это дѣло взялись Метеллъ Сципіонъ, М. Бибулъ и М. Порцій Катонъ; въ послѣдній моментъ къ этой партіи примкнулъ и Т. Лабіенъ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ служилъ подъ начальствомъ Цезаря въ Галліи въ качествѣ легата и которому Цезарь обязанъ былъ многими изъ своихъ успѣховъ. Попытка разсѣять войско Цезаря политическими мѣрами, какъ это было сдѣлано нѣкогда съ войскомъ Лукулла, не удалась. Цезарь стремился теперь укрѣпить за собой и на дальнѣйшее время положеніе магистрата республики; поэтому онъ потребовалъ на 48 годъ консульства и въ то-же время дозволенія добиваться его, не являясь лично. Консульство должно было слѣдовать немедленно за проконсульствомъ; этимъ путемъ Цезарь желалъ сдѣлать невозможнымъ предъявленіе ему обвиненія въ нарушеніи конституціи. Кромѣ того онъ парализовалъ дѣйствія своихъ противниковъ, поручая стоявшимъ на его сторонѣ народнымъ трибунамъ въ засѣданіяхъ сената каждый разъ налагать свое veto.

Однако, въ январѣ 49 года произошелъ, наконецъ, открытый разрывъ, противъ котораго теперь не возражалъ и Помпей. Цезарь получилъ приказаніе передать свою провинцію; преемникомъ его былъ назначенъ Л. Домицій Агенобарбъ; другія провинціи также были заняты приверженцами оптиматовъ. Чтобы сдѣлать недѣйствительнымъ протестъ народныхъ трибуновъ, былъ наконецъ объявленъ въ силѣ законъ, вступавшій въ дѣйствіе въ случаяхъ крайней опасности для государства: „Videant con-

Гн. Помпей Великій.
(Съ бюста изъ Якобсеновской коллекціи въ Копенгагенѣ, воспроизведеннаго въ соч. Th. Reinach'a „Mithridate Eupator.)

К. Юлій Цезарь
(Съ хранящейся въ національномъ музеѣ въ Неаполѣ мраморной копіи Римскаго бюста.)

Тиберій Цезарь.
(Съ античной камеи, хранящейся въ національной библіотекѣ въ Парижѣ.)

Императоръ Цезарь Августъ.
(Съ статуи Ватиканскаго музея въ Римѣ.)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Помпей и Цезарь, Августъ и Тиберій.

sules ne quid detrimenti capiat respublica". Въ случаѣ, если-бы Цезарь отказался повиноваться, съ нимъ предписано было поступить такъ, какъ нѣкогда съ Катилиной; населеніе Италіи было призвано къ оружію и въ каждый округъ посланъ консуларъ или преторскій чиновникъ, чтобы руководить оборонительными дѣйствіями. Въ то-же время легіоны, стоявшіе въ Испаніи, получили разрѣшеніе двинуться въ Галлію. Помпей былъ назначенъ главнокомандующимъ и остался такимъ образомъ во главѣ государства, а на неоднократныя предложенія Цезаря продолжать коалицію отвѣтилъ отказомъ. Цезарь съ своей стороны рѣшился не дать противникамъ времени вооружиться. Онъ стоялъ во главѣ величайшаго и испытаннаго уже въ войнахъ войска въ 11 легіоновъ, тогда какъ остальныя военныя силы республики были разсѣяны по Италіи и въ провинціяхъ. Цезарь уже двинулъ одинъ легіонъ до юго-восточной границы Цизальпинской Галліи. Когда державшіе его сторону народные трибуны, между которыми находился и М. Антоній, не имѣя возможности оставаться долѣе въ Римѣ, явились къ нему бѣглецами, Цезарь воспользовался этимъ поводомъ, чтобы перейти со своимъ войскомъ границу своей провинціи, Рубиконъ. „Жребій брошенъ", сказалъ онъ въ большомъ возбужденіи, какъ передаетъ одинъ изъ очевидцевъ; онъ и не могъ поступить иначе, будучи вынужденъ къ тому рѣшительнымъ образомъ дѣйствій противной партіи.

Цезарь засталъ своихъ противниковъ въ расплохъ, благодаря быстротѣ, съ которой онъ проникъ изъ Аримина въ Пиценъ и Этрурію, гдѣ онъ повсюду или обезоружилъ, или принудилъ вступить въ свое войско созванную милицію. Онъ завладѣлъ затѣмъ внутренними италійскими областями, заперевъ въ Корфиніѣ и принудивъ къ сдачѣ Л. Домиція Агенобарба, не трогавшагося съ мѣста вопреки приказаніямъ Помпея. Теперь само правительство уже не чувствовало себя въ безопасности въ Римѣ; сенатъ вмѣстѣ съ Помпеемъ поспѣшно удалился въ Брундизій. Цезарь, не встрѣчая сопротивленія, вступилъ въ столицу. Здѣсь онъ завладѣлъ казной, городскими запасами и всѣмъ правительственнымъ механизмомъ, не заботясь болѣе о формахъ конституціи и протестѣ народныхъ трибуновъ. Отдѣльные оставшіеся магистраты, какъ преторъ Л. Росцій, вынуждены были обнародовать новые законы, такъ напр., дарованіе правъ гражданства общинамъ Цизальпинской Галліи, въ чемъ партія оптиматовъ упорно имъ отказывала. Изъ членовъ знатныхъ родовъ къ Цезарю примкнули лишь немногіе, между ними преторъ М. Эмилій Лепидъ, сынъ консула 78 года, положившій этимъ поступкомъ основаніе своему позднѣйшему могущественному положенію. На ряду съ нимъ наиболѣе способнымъ помощникомъ Цезаря оказался М. Антоній.

Императоръ Помпей и оптиматы моремъ отправились въ Иллирію, чтобы тамъ, на востокѣ, гдѣ Помпей пользовался наибольшимъ могуществомъ, подготовить контръ-революцію противъ Цезаря. Здѣсь были предприняты грандіозныя приготовленія подъ охраной легіоновъ, послѣдовавшихъ за Помпеемъ изъ Италіи. Греки и восточные повелители поспѣшили со своими войсками и собрались въ Македоніи вокругъ Помпея, какъ вокругъ своего монарха; намѣстники провинцій были подчинены ему въ качествѣ легатовъ; все это не могло не вызвать нѣкоторой зависти въ послѣдовавшихъ за Помпеемъ сенаторахъ. Большимъ преимуществомъ въ положеніи Цезаря было то обстоятельство, что въ его лагерѣ не существовало другого авторитета, кромѣ его собственнаго. Превосходство Цезаря надъ Помпеемъ, явствующее уже изъ простого сравненія чертъ лица (см. портреты 1 и 2 на приложенной таблицѣ „Помпей и Цезарь, Августъ и Тиберій"), основывалось кромѣ того на быстротѣ его рѣшеній и энергіи выполненія. Его связи всюду оказали желанное дѣйствіе; такъ напр., въ Испаніи, гдѣ Помпей нѣкогда лишилъ власти приверженцевъ К. Серторія и поставилъ у кормила правленія ихъ противниковъ, Цезарь объявилъ

всѣ распоряженія Помпея недѣйствительными и могъ поэтому опереться на надежныхъ приверженцевъ, когда изъ Рима черезъ Галлію поспѣшилъ въ Испанію, чтобы обезоружить здѣсь легіоны Помпея. Этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе съ поразительной быстротой, благодаря удачнымъ маневрамъ при Илердѣ (нынѣ Лерида на рѣкѣ Сегре, притокъ Эбро). Массилія, ставшая на сторону правительства оптиматовъ, принуждена была послѣ продолжительной осады капитулировать; послѣ этого значительная часть области, принадлежащей этому городу, была предназначена въ награду ветеранамъ Цезаря, который не хотѣлъ, чтобы Италія и теперь, какъ нѣкогда при Суллѣ, слишкомъ сильно пострадала отъ войнъ. Вообще слѣдуетъ отдать должное уваженіе умѣренности Цезаря; противники его ожидали отъ него всего худшаго, ожидали, что онъ приведетъ въ исполненіе планы Катилины, и потому были пріятно обмануты въ своихъ ожиданіяхъ. Ближайшей цѣлью Цезарь поставилъ себѣ завоеваніе житницъ Италіи, а именно, Сардиніи, Сициліи и Африки. По отношенію къ островамъ предпріятіе это удалось; но въ Африкѣ полководецъ Цезаря К. Скрибоній Курій потерпѣлъ пораженіе и самъ поплатился жизнью вслѣдствіе ненадежности своихъ войскъ и превосходства нумидійскихъ всадниковъ, приведенныхъ царемъ Юбой. И на морѣ превосходство также оказалось на сторонѣ противной партіи; флотомъ ея командовалъ М. Бибулъ, бывшій соконсулъ Цезаря.

Тѣмъ не менѣе Цезарь въ ноябрѣ 49 года съ поразительной смѣлостью переправилъ часть своего войска изъ Италіи въ Иллирію, гдѣ онъ остановился при Диррахіѣ, пока за нимъ не послѣдовалъ М. Антоній съ остальнымъ войскомъ. Помпей, въ качествѣ главнокомандующаго противной партіи, выигралъ у Цезаря двѣ битвы. Но когда Цезарь бросился вглубь страны, въ Ѳессалію, и Помпей послѣдовалъ за нимъ, то въ битвѣ при Фарсалѣ Цезарь съ 22.000 человѣкъ испытаннаго войска одержалъ побѣду надъ войскомъ, численно превосходившимъ его вдвое (6-го іюня 48 года). Приверженцы Помпея были отброшены въ Македонію и, энергично преслѣдуемые Цезаремъ, не могли вновь собраться. Это пораженіе и рѣшило, собственно говоря, исходъ борьбы; тѣ сенаторы, которые не принадлежали къ крайней партіи, послѣ битвы при Фарсалѣ заключили съ Цезаремъ миръ.

Помпей, однако, далеко не считалъ своего дѣла проиграннымъ, ибо восточныя провинціи еще не были затронуты движеніемъ и приверженцы Цезаря оставались тамъ пока на заднемъ планѣ. Но и здѣсь бывшіе сторонники Помпея перешли къ враждебной партіи, такъ что онъ рѣшилъ отправиться въ Египетъ, гдѣ царская династія была ему многимъ обязана, такъ какъ по его иниціативѣ престолъ поддерживался римскими войсками. Однако, офицеры и евнухи, окружавшіе тринадцатилѣтняго Птоломея, считая необходимымъ руководствоваться требованіями обстоятельствъ, перешли на сторону противной партіи. Они приказали убить Помпея, еще прежде чѣмъ онъ успѣлъ высадиться въ Александріи.

Нѣсколько дней спустя прибылъ Цезарь, которому поднесли голову его противника, бывшаго однако долгое время его политическимъ союзникомъ, а потомъ и зятемъ. Египетское правительство почувствовало себя крайне оскорбленнымъ, когда Цезарь выступилъ какъ повелитель и вскорѣ нашелъ удобнымъ привлечь на свою сторону принцессу Клеопатру противъ ея брата Птоломея и министровъ. Цезарь на время попалъ въ очень опасное положеніе, изъ котораго его освободили подошедшія изъ Сиріи подкрѣпленія; при этомъ регентъ Палестины, Антипатръ, отразившій незадолго передъ тѣмъ нападеніе освобожденнаго Цезаремъ изъ заточенія Аристобула на Гиркана, заслужилъ себѣ признательность новаго властелина. Клеопатра, стремившаяся плѣнить Цезаря своею красотой, получила египетскій тронъ, свободный со смертью ея брата.

Цезарь направился затѣмъ въ Азію, гдѣ онъ побѣдилъ Фарнака, сына великаго Митридата, и привелъ въ порядокъ дѣла князей и городовъ. Затѣмъ онъ вернулся въ Италію, гдѣ въ правленіе слабаго М. Антонія уже наступили различныя неурядицы. Въ то-же время предстояло еще уничтожить остатки партіи оптиматовъ. Послѣдніе собрали въ Африкѣ большое войско подъ начальствомъ Метелла Сципіона, преемника Помпея въ званіи „императора“, и царя Юбы, а въ Испаніи въ то-же время Гней и Секстъ Помпеи подняли оружіе противъ намѣстника Цезаря и уже достигли нѣкоторыхъ успѣховъ. Цезарь разбилъ своихъ африканскихъ противниковъ въ битвѣ при Тапсѣ (въ 46 г. до Р. Х.), куда на помощь ему явился изъ Мавританіи бывшій приверженецъ Катилины П. Ситтій. Метеллъ Сципіонъ, Катонъ и Юба погибли въ этой битвѣ; нѣкоторые изъ нихъ покончили жизнь самоубійствомъ. Цезарь, озлобленный сопротивленіемъ, не далъ на этотъ разъ никому пощады; Ситтій, наоборотъ, получилъ въ награду область Цирты, какъ самостоятельное княжество. Война въ Испаніи продолжалась до 45 г. до Р. Х., когда Цезарь закончилъ ее битвой при Мундѣ (въ провинціи Бетика). Здѣсь, какъ и повсюду, побѣда Цезаря повела за собой полный переворотъ не только въ политическихъ, но и въ имущественныхъ отношеніяхъ. Все римское государство находилось въ сильнѣйшемъ возбужденіи, причемъ нельзя было предвидѣть, къ чему приведетъ борьба.

Цезарь имѣлъ свои опредѣленные планы; но онъ былъ увлеченъ ходомъ событій. Какъ диктаторъ онъ держалъ въ своихъ рукахъ верховную власть, какъ нѣкогда Сулла, съ тою только разницей, что онъ уже не выпустилъ ея изъ своихъ рукъ; онъ попеременно былъ то консуломъ, то проконсуломъ, управляя ввѣренными ему провинціями, какъ Помпей, изъ Рима, словомъ, всегда являлся представителемъ высшей власти, какую только допускало римское государственное право. На монетахъ онъ приказалъ вычеканить свою голову, украшенную лавровымъ вѣнкомъ; надпись на нихъ гласила: „Caesar imperator“. Армія послѣ достигнутыхъ побѣдъ была уменьшена до 32 легіоновъ, изъ коихъ 26 составляли гарнизоны въ провинціяхъ, а 6 полевую армію. Сенатъ не былъ уничтоженъ. Но въ противоположность Суллѣ, возстановившему его власть, Цезарь, добившійся своего положенія помимо сената, игнорировалъ его, тѣмъ болѣе, что благодаря его креатурамъ большинство въ сенатѣ всегда было обезпечено, а недовольная оппозиція вовсе не являлась на засѣданія. Цезарь рѣшалъ важнѣйшія дѣла по собственному усмотрѣнію, такъ напр. дѣла, касавшіяся государственныхъ финансовъ или раздачи намѣстничествъ, не обращая при этомъ вниманія на изданные подъ вліяніемъ Помпея законы. Однако, онъ стремился все-таки примирить между собою враждующія партіи и назначалъ намѣстниками не только людей своей, но и противной партіи, если только они успѣвали своевременно примириться съ нимъ.

Послѣ 45 года западъ, казалось, уже былъ умиротворенъ, на востокѣ однако не все еще было выяснено: пораженіе Красса еще не было отомщено, положеніе Египта по отношенію къ римскому государству еще не было урегулировано; а между тѣмъ тотъ, кто являлся повелителемъ Египта, имѣлъ въ своемъ распоряженіи силы, которыя могли еще поставить на карту вопросъ о римскомъ господствѣ на востокѣ. Не говоря уже о многомъ другомъ, одно значеніе Александріи было такъ велико, что Римъ во многихъ отношеніяхъ уступалъ ей. Весьма важенъ былъ вопросъ государственнаго устройства: востокъ уже привыкъ управляться царями и въ Египтѣ недовольство противъ Цезаря было вызвано главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ въ качествѣ римскаго консула приказалъ нести передъ собой пучки прутьевъ и топоры; однако со времени веденной Цезаремъ александрійской войны въ странѣ остались римскіе легіоны. Говорили, что Цезарь помышляетъ о томъ, чтобы облечь себя для востока

царскимъ титуломъ; что онъ выберетъ себѣ резиденціей Александрію, царица которой ему очень нравится. Все это были вещи, которымъ вѣрили даже такія близкія Цезарю лица, какъ М. Антоній. На праздникѣ Луперкалій (въ февралѣ) 44 года послѣдній подошелъ къ Цезарю и поднесъ ему корону; когда Цезарь отказался отъ нея, многіе сочли это за условленную игру.

Противъ такихъ плановъ поднялась оппозиція изъ среды народа, которому въ школахъ въ республиканско-патріотическомъ духѣ излагали исторію Юнія Брута, сказочнаго освободителя Рима отъ царской власти, и который вообще выросъ въ традиціяхъ свободнаго государства. Это настроеніе нашло себѣ выраженіе въ различныхъ прокламаціяхъ: такъ на статуѣ Брута были написаны слова: „О, еслибъ ты жилъ теперь!“ На улицахъ разбрасывались воззванія съ надписью: „Ты спишь, Брутъ?“ Всѣ эти прокламаціи имѣли въ виду тогдашняго претора М. Брута, родъ котораго хотя и не имѣлъ ничего общаго, кромѣ имени, съ родомъ освободителя отъ царскаго ига, но который былъ „философомъ“, черезъ жену свою состоялъ въ родствѣ съ Катономъ, и потому былъ воспріимчивъ къ такимъ намекамъ. Правда, онъ былъ извѣстенъ въ провинціи какъ отчаянный грабитель; но это вполнѣ согласовалось съ тогдашними понятіями о „римской добродѣтели“, опиравшейся на господство надъ несвободными людьми и жителями провинцій. Такъ образовался заговоръ противъ Цезаря, въ которомъ приняли участіе и люди, стоявшіе на короткой ногѣ съ диктаторомъ, такъ напр. Децимъ Брутъ, служившій въ Галліи подъ начальствомъ Цезаря и завоевавшій для него Массилію. Другіе перешли на сторону Цезаря послѣ битвы при Фарсалѣ и съ тѣхъ поръ отнюдь не пострадали въ своей карьерѣ, такъ напр. К. Кассій, бывшій квесторъ Красса въ Сиріи, показавшій послѣ пораженія при Каррахъ свои военныя способности. Теперь онъ подобно М. Бруту былъ преторомъ. Весь заговоръ исходилъ изъ нижнихъ класовъ, къ которымъ примкнула и знать, ибо она при такомъ монархѣ, какъ Цезарь, потеряла все свое значеніе. Что эти „освободители“ совершили полезное для отечества дѣло, подлежитъ большому сомнѣнію; при тогдашнихъ обстоятельствахъ лучше всего было-бы предоставить Цезарю полную свободу дѣйствій какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ.

Цезарь готовился выступить на востокъ и потому старался устроить на ближайшее время всѣ правительственныя дѣла, назначилъ столичныхъ магистратовъ и намѣстниковъ въ провинціи на время своего отсутствія и укрѣпилъ за собой диктаторскую власть пожизненно. Magister equitum его былъ М. Эмилій Лепидъ. Товарищемъ Цезаря по консульству былъ М. Антоній, которому вновь поручено было по выступленіи Цезаря управлять Италіей и вести текущія дѣла запада, слѣдить за основаніемъ колоній въ Галліи и Испаніи и т. д. Товарищемъ Антонія на конецъ года былъ назначенъ Долабелла, бывшій зять Цицерона. На 15-ое марта 44 года было назначено засѣданіе сената, на которомъ предстояло сдѣлать послѣднія распоряженія. Заговорщики рѣшили убить Цезаря во время этого засѣданія. Роли были распредѣлены между всѣми участниками подобно тому, какъ это сдѣлали нѣкогда приверженцы Катилины. Д. Брутъ долженъ былъ сопровождать Цезаря изъ Регіи, гдѣ онъ жилъ какъ pontifex maximus, въ Капитолій; на долю другого выпала задача задержать консула М. Антонія, котораго боялись. Сразу устранить съ дороги Антонія республиканцы-легитимисты не рѣшались, ибо они хотѣли поразить „тирана“, но не консула. Такъ совершено было это ужасное дѣло: заговорщики во время засѣданія съ кинжалами напали на Цезаря и убили его. Сенаторы, ничего не знавшіе о заговорѣ, въ смятеніи разбѣжались въ разныя стороны; и М. Антоній бѣжалъ, въ то время какъ убійцы провозглашали свободу. Рабы отнесли трупъ диктатора домой.

Затѣмъ немедленно-же наступили смуты. Заговорщики предполагали объявить недѣйствительными всѣ правительственные акты Цезаря и вернуться къ тому порядку вещей, который существовалъ до 59 года, т. е. до перваго консульства Цезаря. Но засѣданіе сената было прервано послѣ убійства, а когда на слѣдующій день убійцы попытались привлечь народъ на свою сторону, то оказалось, что лишь очень немногіе одобрили ихъ поступокъ. Кромѣ того многіе изъ самихъ заговорщиковъ добились въ правленіе Цезаря почестей и должностей и еще недавно были назначены имъ намѣстниками, такъ Д. Брутъ, М. Брутъ, К. Кассій; они слѣдовательно не могли ничего выиграть, еслибы было назначено новое распредѣленіе должностей. Далѣе, заложенныя уже колоніи, выданныя уже ветеранамъ награды и т. д. нельзя было взять обратно. Впрочемъ, право созванія сената и народнаго собранія, какъ вполнѣ правильно толковали знатоки государственнаго права, принадлежало высшему магистрату республики, консулу М. Антонію.

Въ то время какъ такъ называемые „освободители“, къ которымъ присоединился и М. Туллій Цицеронъ, вели между собой эти переговоры, друзья Цезаря успѣли оправиться отъ перваго потрясенія. Кальпурнія, вдова Цезаря, передала все оставленное диктаторомъ имущество консулу М. Антонію, послѣ чего послѣдній вошелъ въ соглашеніе съ М. Эмиліемъ Лепидомъ. Лепидъ готовился уйти въ свою провинцію, Нарбонскую Галлію; войска его стояли пока на одномъ изъ островов Тибра безъ всякаго дѣла. Антонію не желательно было присутствіе Лепида въ Римѣ, почему онъ и обѣщалъ ему освободившееся со смертью Цезаря мѣсто pontifex maximus, предметъ всеобщаго честолюбія. Такъ какъ въ этотъ моментъ еще нельзя было предвидѣть всѣхъ послѣдствій убійства Цезаря, то и эти цезаріанцы стояли за дипломатическій образъ дѣйствій. Они вступили въ сношенія съ „освободителями“. Антоній назначилъ на 17 марта засѣданіе сената, здѣсь объявлены были всеобщее примиреніе и амнистія, отпразднованныя затѣмъ пиршествами, на которыя вожди партій взаимно приглашали другъ друга: это была чистѣйшая комедія. Вскорѣ послѣ этого Антоній воспользовался торжественными похоронами Цезаря, чтобы возбудить народъ противъ убійцъ. Цезарь завѣщалъ большія суммы въ пользу народа и благодаря этому обстоятельству возбужденіе возросло до такой степени, что домамъ заговорщиковъ угрожали поджогами, сами же они были окончательно запуганы. Кромѣ того Антоній нашелъ поддержку въ ветеранахъ Цезаря и потому вскорѣ онъ сталъ уже забывать о своемъ сочувствіи республиканскимъ реформамъ, и сталъ скорѣе подумывать о томъ, чтобы идти по стопамъ Цезаря. Богаче одаренный физически, чѣмъ духовно, Антоній не имѣлъ передъ собой вполнѣ ясной цѣли и поэтому колебался и терялъ время; распутный какъ Цезарь, онъ однако не былъ въ состояніи сдерживать себя, какъ послѣдній; талантливый офицеръ, добродушный и легко увлекающійся, онъ никогда не имѣлъ денегъ въ тотъ моментъ когда онѣ были наиболѣе нужны.

Юлій Цезарь назначилъ своимъ главнымъ наслѣдникомъ внука сестры своей, К. Октавія, котораго и усыновилъ въ своемъ завѣщаніи. Октавій, юноша еще не полныхъ 19 лѣтъ, находился во время убійства Цезаря въ Аполлоніи въ Иллиріи, гдѣ онъ ревностно занимался и готовился принять участіе въ походѣ противъ парѳянъ; тамъ же находился и другъ его М. Випсаній Агриппа. Скорбная вѣсть пришла туда эстафетой отъ матери Октавія, которая, овдовѣвъ, вышла замужъ за М. Филиппа; что было дѣлать? Агриппа посовѣтовалъ стать во главѣ легіоновъ, сконцентрированныхъ въ Иллиріи для предстоявшаго похода. Октавій же рѣшилъ прежде всего отправиться въ Римъ и вступить во владѣніе наслѣдствомъ, хотя ближайшіе родственники не совѣтовали ему дѣлать этого; мы находимъ хорошее описаніе этихъ событій въ жизнеописаніи Цезаря Октавіана, напи-

санномъ придворнымъ ученымъ Николаемъ Дамаскиномъ. Прибывъ въ Римъ, Октавій представился консулу Антонію и заявилъ, что принимаетъ какъ завѣщаніе, такъ и усыновленіе; онъ потребовалъ, чтобы Антоній выдалъ ему личное имущество диктатора, такъ какъ онъ съ своей стороны хотѣлъ бы выплатить легаты. Антоній пришелъ въ сильное смущеніе; за два мѣсяца онъ успѣлъ такъ распорядиться имуществомъ Цезаря, что отъ него осталось уже лишь немного; онъ отказался дать какой-либо отчетъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что только онъ, своимъ вліяніемъ, съумѣлъ предупредить конфискацію всего наслѣдства и что кромѣ того личныя средства диктатора были перемѣшаны съ государственными. Онъ не прочь былъ объявить незаконнымъ и усыновленіе, въ силу котораго Октавій принялъ имя Цезаря. Антоній могъ бы въ то время устранить молодого человѣка, если бы онъ своей распутной жизнью не нажилъ себѣ враговъ и въ другихъ кругахъ, кромѣ тѣхъ, которые стремились къ возстановленію республики. Съ другой стороны и ветераны, поселенные въ Кампаніи, также симпатизировали наслѣднику Цезаря, носившему его имя. Поэтому на помощь Цезарю Октавіану явились люди совершенно различныхъ убѣжденій, причемъ республиканцы были увѣрены, что послѣ намѣченнаго въ ближайшее будущее низложенія Антонія имъ легко будетъ устранить и его.

М. Туллій Цицеронъ, знаменитый адвокатъ и писатель, занимая должность консула, выступилъ противникомъ Цезаря въ дѣлѣ о наказаніи приверженцевъ Катилины; поэтому когда Цезарь сдѣлался консуломъ и проконсуломъ, Цицеронъ подвергся изгнанію. Все время господства Цезаря онъ держался въ тѣни; но противъ Антонія, отчимъ котораго находился среди казненныхъ приверженцевъ Катилины, Цицеронъ вновь выступилъ въ сенатѣ. Онъ говорилъ объ Антоніѣ въ своихъ „филиппикахъ“, какъ о приверженцѣ Катилины; поэтому, между ними возникла жестокая вражда, тѣмъ болѣе, что Антоній, крайне непохожій въ этомъ отношеніи на Цезаря, не умѣлъ литературно отражать нападки Цицерона. Во всемъ остальномъ Антоній боязливо копировалъ Цезаря. Если Цезарь низложилъ могущество сената, властвуя изъ цизальпинской Галліи при помощи своихъ войскъ надъ Римомъ и Италіей, то Антоній думалъ сдѣлать тоже самое, и потому рѣшилъ отправиться въ качествѣ проконсула не въ Македонію, но въ цизальпинскую Галлію; только войска, стоявшія въ Македоніи и составлявшія нѣсколько легіоновъ, онъ хотѣлъ имѣть при себѣ и въ новой провинціи. Намѣстникомъ цизальпинской Галліи былъ въ то время Д. Брутъ, отправившійся туда вскорѣ послѣ убійства Цезаря и отнюдь не склонный уступить провинцію, гдѣ его поддерживали республиканцы. Антоній рѣшился прогнать его оттуда вооруженной силой и приказалъ македонскимъ войскамъ двинуться въ Италію. Противъ этого выступилъ Цицеронъ; въ то же время Октавіанъ, истративъ на подарки все свое личное имущество, черезъ пословъ убѣждалъ солдатъ перейти на его сторону. Антоній, не имѣя больше денегъ, тщетно пытался строгостью удержать въ войскѣ дисциплину. Такимъ образомъ Октавіанъ сталъ во главѣ войска, присягнувшаго его имени, хотя онъ не былъ магистратомъ республики; тѣмъ не менѣе сенатъ, желая создать себѣ опору противъ Антонія, одобрилъ его поступокъ и облекъ молодого человѣка властью претора со званіемъ консула. Позднѣе, когда Д. Брутъ, осажденный въ Мутинѣ, оказалъ успѣшное сопротивленіе Антонію, а Греція и восточныя провинціи также высказались за республиканцевъ, сенатъ отдалъ приказъ и намѣстникамъ западныхъ провинцій выступить противъ М. Антонія; въ перепискѣ Цицерона и его „филиппикахъ“ мы находимъ описаніе отдѣльныхъ подробностей этихъ событій.

Такъ среди непрерывныхъ вооруженій подошелъ 43 годъ, на который согласно распоряженіямъ покойнаго диктатора консулами были назначены А. Гирцій и К. Вибій Панса; на ряду съ ними въ походъ противъ Антонія

самостоятельнымъ военачальникомъ выступилъ и К. Цезарь Октавіанъ. Близъ Мутины произошло нѣсколько кровавыхъ стычекъ, въ которыхъ пали оба консула, и Октавіанъ остался одинъ во главѣ войска, но Антоній былъ разбитъ и сенатъ объявилъ его изгнаннымъ, командованье войскомъ перешло къ Д. Бруту. Антоній съ остатками своего войска отступилъ въ Нарбонскую Галлію, во главѣ которой стоялъ М. Эмилій Лепидъ. Ветераны Цезаря, имѣвшіе громадное вліяніе на войско, принудили Лепида дружественно принять Антонія, хотя онъ вслѣдствіе этого также былъ объявленъ изгнаннымъ.

Оставались еще два намѣстника на западѣ, отношеніе которыхъ къ борющимся партіямъ могло имѣть значеніе. Азиній Полліонъ, стоявшій въ южной Испаніи, и Л. Мунацій Планкъ, управлявшій завоеванной Юліемъ Цезаремъ Галліей и занятый въ то время основаніемъ колоній Лугдуна и Раурака. Побуждаемые своими войсками, оба они примкнули къ цезаріанцамъ. Д. Брутъ остался такимъ образомъ одинъ; вскорѣ и собственныя его войска перешли на сторону Октавіана, а самъ онъ бѣжалъ къ секванамъ, гдѣ и умеръ.

Между тѣмъ М. Брутъ и К. Кассій, не имѣя возможности играть роль въ Италіи, отправились на востокъ, чтобы по порученію сената закупить хлѣбъ на Критѣ и въ Киренаикѣ; затѣмъ, когда сенатъ разошелся съ М. Антоніемъ, они поспѣшили завладѣть предназначенными имъ еще диктаторомъ Цезаремъ провинціями Сиріей и Македоніей. И въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣкогда всецѣло господствовало вліяніе Помпея, все примкнуло къ „освободителямъ", которыхъ сенатъ облекъ высшею властью (imperium maius). П. Долабелла, соконсулъ Антонія, которому послѣдній далъ въ провинцію Сирію, былъ поставленъ Кассіемъ въ такое безвыходное положеніе, что окончилъ жизнь самоубійствомъ. Въ Римѣ Цицеронъ проявлялъ лихорадочную дѣятельность; казалось, цѣль была достигнута и теперь можно было попытаться низвергнуть и молодого Цезаря. Секстъ Помпей, забытый со времени битвы при Мундѣ, явился въ сицилійскихъ и сардинскихъ водахъ во главѣ флота, получавшаго все новыя и новыя подкрѣпленія благодаря бѣжавшимъ къ нему рабамъ.

Такое положеніе дѣлъ повело къ обезпеченію партіи Цезаря. Октавіанъ прекратилъ преслѣдованіе войска Антонія и даже позволилъ отступить отрѣзанному отряду, войдя въ то же время въ переговоры съ Антоніемъ и Лепидомъ. Вскорѣ онъ выступилъ на Римъ. Посланные войскомъ депутаты потребовали консульства для Октавіана, ибо со смертью Гирція и Пансы оба мѣста были свободны. Въ Римѣ не было войска и городъ былъ совершенно беззащитенъ, когда Октавіанъ подступилъ къ нему, чтобы поддержать вышеупомянутое требованіе. Такимъ образомъ онъ 19 августа 43 года сдѣлался консуломъ и вмѣстѣ съ нимъ двоюродный братъ его К. Педій; Октавіанъ добился этимъ положенія, въ которомъ онъ какъ равный могъ вести переговоры съ Антоніемъ и Лепидомъ.

Въ ноябрѣ 43 года, вскорѣ послѣ смерти Брута, въ Болоньѣ, гдѣ сошлись три вождя цезаріанской партіи, были установлены окончательныя условія соглашенія. Рѣшено было вести войну противъ убійцъ Цезаря. Антоній, Лепидъ и Октавіанъ, какъ III viri rei publicae constituendae, т. е. съ неограниченной властью, стали во главѣ государства и раздѣлили между собой важнѣйшія провинціи: Лепиду достались Нарбонская Галлія и Испанія, Антонію остальная Галлія, Октавію Африка, Сицилія и Сардинія, которыя, правда, предстояло еще завоевать. Чтобы добыть необходимыя денежныя средства, рѣшено было прибѣгнуть къ проскрипціямъ. Верховная власть была раздѣлена между тріумвирами. Послѣ побѣды солдаты должны были получить земли въ Италіи, причемъ въ тайной дополнительной статьѣ договора были уже перечислены 18 городовъ, которыми рѣшено было пожертвовать для этой цѣли. Цезаріанцы готовы были, слѣдовательно, про-

вести то, чего тщательно избѣгалъ Цезарь. Такимъ образомъ установлена была программа дѣйствій цезаріанцевъ противъ противной партіи. Мы видимъ, что въ составленіи ея участвовалъ политическій умъ: молодой Цезарь Октавіанъ, къ характернѣйшимъ качествамъ котораго принадлежали быстрота сужденій и фаталистическая вѣра въ свое право; чтобы подтвердить это право, необходимо было наказать убійцъ его пріемнаго отца, какъ государственныхъ измѣнниковъ. Цѣль эта была вполнѣ ясна только солдатамъ; Антоній, преслѣдовавшій во времена своего могущества совсѣмъ другія цѣли, теперь по необходимости долженъ былъ соглашаться съ Октавіаномъ, Лепидъ же вообще являлся лишь случайно выдвинувшимся кандидатомъ.

Тріумвиры немедленно же выступили въ походъ противъ Рима и объявили изгнанными значительнѣйшихъ вождей сенатской партіи, въ томъ числѣ и М. Цицерона. Противъ послѣдняго былъ особенно озлобленъ М. Антоній, голосъ котораго имѣлъ рѣшающее значеніе. Но и относительно Октавіана ораторъ послѣ битвы при Мутинѣ держался болѣе чѣмъ двусмысленно; и если первому Цезарю, относившемуся къ нему крайне снисходительно, не удалось привлечь его на свою сторону, то тѣмъ менѣе могли расчитывать на это тріумвиры. Впрочемъ, признавъ разъ необходимость проскрипцій, тріумвиры приступили къ нимъ съ беззастѣнчивостью, взаимно принося въ жертву другъ другу родственниковъ и друзей. Доносчикамъ были обѣщаны награды, рабамъ, измѣнившимъ своимъ господамъ, свобода; вновь выступили всѣ дурныя страсти, какъ во времена Суллы. Такъ, Цицеронъ погибъ вслѣдствіе доноса нѣкоего Попиллія Лены, котораго онъ въ свое время защищалъ противъ тяжелаго обвиненія. Многіе знатные люди были выданы собственными женами, въ нѣкоторыхъ же единичныхъ случаяхъ изгнанныхъ спасала преданность ихъ рабовъ. Въ общемъ проскрипціи подверглись 130 сенаторовъ и болѣе 2000 всадниковъ, и кромѣ того еще значительное число лицъ третьяго сословія. Но такъ какъ Антоній и теперь не умѣлъ обращаться съ деньгами, то доходовъ съ проскрипцій не хватило на вооруженія, и тріумвиры прибѣгли къ новымъ податямъ и принудительнымъ займамъ.

Затѣмъ тріумвиры выступили въ походъ, располагая военной силой въ 40 легіоновъ. Лепидъ остался дома, Октавіанъ долженъ былъ оперировать противъ Секста Помпея въ южной Италіи; однако, онъ вскорѣ пріостановилъ тамъ военныя дѣйствія и, предвидя близкое окончаніе войны съ Брутомъ и Кассіемъ, перешелъ въ Македонію къ Антонію. Война приняла такой же оборотъ, какъ борьба между Цезаремъ и Помпеемъ, разыгравшаяся шестью годами раньше. Брутъ и Кассій окончили свои приготовленія въ Азіи и Сиріи и выжали много денегъ изъ этихъ богатыхъ областей; Египетъ также долженъ былъ заплатить свою долю. Затѣмъ они стали вербовать солдатъ; за недостаткомъ офицеровъ молодые римляне, обучавшіеся въ Аѳинахъ или другихъ городахъ на востокѣ, получили важныя отвѣтственныя мѣста, такъ, напр., Валерій Мессала, сдѣлавшійся позднѣе однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ сенаторовъ, сынъ Марка Туллія Цицерона и другіе. Поэтъ Горацій Флаккъ также выступилъ на войну въ качествѣ tribunus militum. Армія выбрала дорогу, по которой нѣкогда шелъ Ксерксъ, перешла Геллеспонтъ и черезъ Ѳракію направилась въ Македонію, гдѣ между тѣмъ расположился Антоній; при немъ находился и Цезарь Октавіанъ, которому нездоровье мѣшало принять болѣе дѣятельное участіе въ дѣлѣ.

Рѣшительныя битвы произошли при Филиппи осенью 42 года. Кассій потерпѣлъ пораженіе отъ Антонія, но въ то-же время Брутъ разбилъ войско Октавіана и взялъ его лагерь. Между тѣмъ Кассій, видя приближающееся къ нему войско, которое онъ по своей близорукости ошибочно принялъ за непріятеля, окончилъ жизнь самоубійствомъ въ увѣренности, что и Брутъ

потерпѣлъ пораженіе. Двадцать дней спустя, Брутъ, не вѣрившій уже въ успѣхъ своего дѣла, далъ вторую битву и потерялъ ее. Тогда и онъ самъ покончилъ съ собой. Послѣ этого Валерій Мессала съ остатками республиканскаго войска сдался на капитуляцію. Всѣ убійцы Цезаря, которыхъ удалось схватить, были казнены. Остальные офицеры получили прощеніе, солдаты же были приняты въ войско побѣдителей; Валерій Мессала описываетъ это событіе въ своихъ мемуарахъ. Только флоту подъ начальствомъ Кн. Домиція Агенобарба, сына противника Юлія Цезаря, удалось уйти и соединиться съ Секстомъ Помпеемъ. Такимъ образомъ цезаріанцы достигли здѣсь своей цѣли.

Теперь предстояло разрѣшить двѣ задачи. Во-первыхъ, выдать обѣщанныя награды въ Италіи ветеранамъ, уволеннымъ со службы согласно договору тріумвировъ, въ количествѣ 177,000 человѣкъ; во-вторыхъ, умиротворить и вновь организовать востокъ. Первая задача считалась крайне щекотливой, такъ какъ выполненіе ея должно было привести въ возбужденіе всю Италію; вторая, наоборотъ, не представляла особенныхъ затрудненій для человѣка, знакомаго уже со страной и ея населеніемъ. Антоній, пользовавшійся въ этотъ моментъ наибольшимъ вліяніемъ, какъ побѣдитель при Филиппи, взялъ на себя послѣднюю задачу. О Лепидѣ, державшемся бездѣятельно и двусмысленно, нигдѣ и не упоминалось; тріумвиры соглашались еще представить ему положеніе регента африканскихъ земель, если-бы отношенія къ Сексту Помпею не скомпрометировали его слишкомъ сильно. Цезарь долженъ былъ получить испанскія провинціи, а Антоній Нарбонскую Галлію, Цизальпинская же Галлія соединена была съ Италіей.

Антоній выступилъ въ Азію и избралъ своей резиденціей сперва Эфесъ, затѣмъ Киликію. Повсюду онъ возводилъ и низлагалъ правителей, кліентовъ Рима, подтверждалъ за городами ихъ привилегіи или наоборотъ отнималъ ихъ, словомъ, дѣйствовалъ совершенно по своему усмотрѣнію. Всюду онъ встрѣчалъ полное повиновеніе. Онъ особенно нуждался въ деньгахъ; азіатскіе города вновь должны были заплатить такую же контрибуцію, какую съ нихъ только что взялъ Кассій; лишь очень незначительную уступку согласился сдѣлать Антоній несчастной провинціи. Династы съ готовностью отдавали тріумвиру своихъ женъ и дочерей, надѣясь добиться этимъ какихъ нибудь льготъ; Антоній оказался очень воспріимчивымъ въ этомъ отношеніи.

Онъ потребовалъ къ отвѣту и царицу Египетскую за помощь, которую она оказала „освободителямъ“. Клеопатра, собравшая о немъ точныя свѣдѣнія, явилась къ нему въ Тарсъ, изображая Афродиту, и съумѣла сейчасъ же расположить его къ себѣ. Какъ она нѣкогда послѣдовала за старымъ Цезаремъ въ Римъ, такъ Антоній послѣдовалъ теперь за нею въ Александрію. Антоній полагалъ, что онъ и въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ совершенно, какъ Цезарь; но въ то время, какъ послѣдній среди любезничанія съ кокетливой Клеопатрой никогда не забывалъ своихъ цѣлей, Антоній, наоборотъ, не видѣлъ и не слышалъ ничего, что происходило тѣмъ временемъ и что имѣло для него громадное значеніе.

Задача, которую взялъ на себя молодой Цезарь, была не только трудна сама по себѣ, но трудность ея еще увеличилась вслѣдствіе нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ. Вся Италія пришла въ сильное возбужденіе, ибо намѣченные въ тайномъ договорѣ города, земли которыхъ должны были быть розданы ветеранамъ, ни въ чемъ не провинились. Способъ, которымъ должна была быть проведена экспропріація, не былъ опредѣленъ; не было установлено, должны-ли были пострадать при этомъ лишь крупные земельные собственники, или же и средніе и мелкіе землевладѣльцы сѣверной Тусціи, области По, Самніума и земли гирпиновъ. Одинъ изъ консуловъ 41 года, Луцій Антоній, братъ тріумвира, высказался противъ этой мѣры и повелъ республиканскую политику, на томъ основаніи, что по наказаніи

убійцъ Цезаря дальнѣйшее продолженіе власти тріумвировъ было противозаконно; въ то же время онъ выступилъ защитниковъ городовъ. Одновременно съ этимъ Секстъ Помпей вошелъ въ соглашеніе съ городами южной Италіи. Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ ветераны прибѣгли къ силѣ; Виргилій, столь прославленный позднѣе поэтъ, едва не потерялъ жизнь вблизи своего родного города Мантуи; его взялъ подъ свою защиту Антоній Полліонъ, легатъ Антонія. Подобно Виргилію поплатились и другіе поэты того времени, о жизни которыхъ мы имѣемъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія; Горацій изъ Венузіи, Проперцій изъ Ассизія и отецъ Тибулла потеряли свои имущества частью или цѣликомъ. Мы можемъ себѣ представить, какая скорбь и печаль царили въ этихъ мѣстностяхъ; подробное описаніе этихъ событій мы имѣемъ въ мемуарахъ Азинія Полліона. Ветераны настаивали на томъ, чтобы сдѣланныя имъ обѣщанія были выполнены. Цезарь призналъ ихъ право на это и рѣшился несмотря на всѣ препятствія исполнить волю солдатъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ былъ бы дискретированъ въ ихъ глазахъ.

Что касается Антонія, то онъ нисколько не заботился объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ предпочиталъ свалить непопулярность его на своего товарища. Онъ чувствовалъ себя хорошо въ Египтѣ. Но въ Римѣ защитницей его интересовъ противъ его воли выступила его жена. Фульвія, одна изъ самыхъ выдающихся женщинъ этой бурной эпохи. Она любила своего мужа, за котораго вышла вдовой Клодія. Она поняла, что если Октавій, усыновленіе котораго Цезаремъ не было признано въ оппозиціонныхъ кругахъ, одинъ проведетъ дѣло обезпеченія ветерановъ, то это повредитъ Антонію въ мнѣніи солдатъ. Фульвія написала своему мужу, что его присутствіе во Италіи необходимо. Прежде же всего она хотѣла, конечно, вырвать его изъ объятій Клеопатры и вернуть въ Италію.

Такъ весь 41-й г. прошелъ въ сильномъ броженіи. Консулъ Л. Антоній, Фульвія и ея прокураторъ Маній, ветераны, владѣльцы конфискованныхъ земель, Октавіанъ агитировали за и противъ другъ друга. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до настоящей войны. Л. Антоній былъ запертъ и осажденъ въ Перузіи. При Цезарѣ находился Випсаній Агриппа, впервые проявившій здѣсь свой талантъ полководца. Антоній, несмотря на извѣстія, полученныя отъ Фульвіи, не двигался изъ Александріи и не давалъ никакихъ приказаній своимъ легатамъ, такъ что послѣдніе нерѣшительно слѣдили за осадой. Вслѣдствіе этого побѣда осталась на сторонѣ Цезаря. Послѣ пятимѣсячнаго отчаяннаго сопротивленія Перузія принуждена была сдаться на капитуляцію и понесла тяжкое наказаніе; Л. Антоній былъ отпущенъ на свободу изъ вниманія къ тріумвиру Антонію, Фульвія бѣжала въ Грецію. Многіе бѣглецы нашли убѣжище у Секста Помпея, который оперировалъ противъ Италіи, не встрѣчая сопротивленія со стороны Лепида. Въ это же время сенаторъ Т. Клавдій Неронъ принужденъ былъ бѣжать отъ Цезаря въ Кампанію, и вмѣстѣ съ нимъ, держа на рукахъ маленькаго Тиберія, бѣжала супруга его Ливія, будущая Августа: это тоже было замѣчательнымъ зрѣлищемъ этого періода разнузданныхъ страстей.

Между тѣмъ парѳяне вторгнулись въ Сирію подъ начальствомъ сына Т. Лабіена. М. Антоній получилъ это извѣстіе одновременно съ извѣстіемъ о взятіи Перузіи и о томъ, что Цезарь преслѣдуетъ его легатовъ за ихъ двусмысленное поведеніе. Ему предстояло или обратиться противъ парѳянъ, или пойти въ Италію, чтобы устроить дѣла тамъ. Онъ предпочелъ послѣднее. Въ Греціи онъ встрѣтился съ Фульвіей; оба они имѣли въ чемъ упрекнуть другъ друга. Вскорѣ послѣ того Фульвія заболѣла и умерла. Вслѣдъ затѣмъ Антоній переѣхалъ въ Италію. При немъ находился Кн. Домицій Агенобарбъ, выступившій во главѣ флота республиканцевъ, какъ самостоятельный вождь партіи. Онъ примкнулъ къ Антонію, который послѣ послѣднихъ событій представлялся республикѣ гораздо

менѣе опаснымъ, чѣмъ Цезарь Октавіанъ. Секстъ Помпей также готовъ былъ вступить въ соглашеніе съ Антоніемъ; послѣдній принялъ его предложеніе послѣ того, какъ Цезарь отказался открыть ему свои гавани, вслѣдствіе того, что при немъ находился изгнанный Домицій Агенобарбъ.

Однако, друзья обоихъ тріумвировъ поспѣшили примирить ихъ, такъ какъ Италія сильно страдала отъ блокады. Въ переговорахъ, которые велись въ Брундизіѣ, довѣреннымъ Антонія выступилъ Азиній Поллiонъ, довѣреннымъ Цезаря — К. Меценатъ; въ свитѣ послѣдняго находился Горацій Флаккъ, поэтически описавшій путешествіе въ Брундизій.

Цезарь Октавіанъ еще не былъ достаточно силенъ, чтобы рѣшиться на полный разрывъ съ Антоніемъ; съ другой стороны, война съ парѳянами требовала присутствія Антонія на востокѣ. Такъ, между обоими повелителями произошло соглашеніе (въ концѣ лѣта 40 г. до Р. Х.), которое было подтверждено женитьбой Антонія на сводной сестрѣ Октавіана, Октавіи, одной изъ наиболѣе уважаемыхъ римскихъ женщинъ той эпохи. О Клеопатрѣ при этомъ не было и рѣчи, ибо бракъ между египтянкой и римляниномъ считался въ то время столь же невозможнымъ, какъ, напр., въ наше время бракъ между наслѣдникомъ престола и дочерью Ротшильда. Египетская царица была любовницей Юлія Цезаря, почему бы ей и не стать любовницей Антонія?

Первоначально Секстъ Помпей былъ исключенъ изъ соглашенія. Но такъ какъ вслѣдствіе этого прекратился подвозъ хлѣба въ Италію и наступилъ голодъ, то родственники Секста Помпея и тріумвировъ добились заключенія новаго договора въ Мизенѣ, въ силу котораго за Секстомъ Помпеемъ было признано его самостоятельное императорское положеніе: онъ былъ признанъ повелителемъ моря и спеціально острововъ Сардиніи и Корсики, къ которымъ должна была быть присоединена Ахайя; въ то же время Секстъ Помпей былъ назначенъ авгуромъ и консуломъ (въ 39 г. до Р. Х.). Вообще мизенскій договоръ имѣлъ для даннаго момента большое значеніе. Секстъ Помпей началъ называть себя съ этого времени Магнусъ Помпей Пій, присвоивъ себѣ по прозвищу отца имя Магнусъ (Великій), какъ это было позднѣе принято въ семействѣ Цезарей; имя же „Пій“ указывало на то, что онъ поставилъ себѣ цѣлью отомстить за отца.

Изъ соглашенія съ Антоніемъ Октавіанъ извлекъ ту пользу, что ему совершенно предоставлены были галльскія и испанскія провинціи. Антоній долженъ былъ получить подкрѣпленіе противъ парѳянъ на западѣ, т.-е. ему дозволено было вербовать солдатъ въ Италіи. Въ 39 г. парѳяне вторглись въ Сирію и Переднюю Азію и повсюду выдвинули людей противной партіи, такъ, напр., въ Іерусалимѣ они оказали поддержку хасмонеянину Антигону противъ его дяди Гиркана и прокуратора послѣдняго, Ирода, сына Антипатра. За отсутствіемъ Антонія легатъ его, Вентидій Бассъ, вступилъ въ войну съ парѳянами и благополучно довелъ ее до конца; онъ отразилъ и второе вторженіе парѳянъ въ слѣдующемъ году, но навлекъ этимъ на себя неудовольствіе Антонія, такъ какъ послѣдній хотѣлъ сохранить для себя походъ противъ парѳянъ, нѣкогда намѣченный уже Цезаремъ. Потерявъ на войнѣ царевича Пакора (въ 38 г. до Р. Х.; см. т. III), парѳяне послѣ смерти Лабіена вернулись въ свое царство; послѣ этого Антоній отпустилъ на покой своего легата. Иродъ, за которымъ тріумвиры признали титулъ царя, захватилъ въ свои руки власть въ Іерусалимѣ (въ 37 г. до Р. Х.).

Антоній отправился въ Аѳины, гдѣ онъ жилъ со своей супругой Октавіей. Послѣдняя умѣла примирять мужа съ братомъ; Антоній былъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, что о немъ еще долго ходили въ Греціи различные анекдоты. Отъ брака его съ Октавіей родились двѣ дочери, старшая и младшая Антонія. Между тѣмъ приготовленія къ войнѣ съ парѳянами шли своимъ порядкомъ. Этотъ походъ (въ 36 г. до Р. Х.)

окончился, однако, полной неудачей и сопряженнымъ съ большими потерями отступленіемъ (т. III), чему, отчасти, виной послужила измѣна армянскихъ союзниковъ Антонія, отчасти и то обстоятельство, что онъ выступилъ въ походъ слишкомъ поздно. Кромѣ того, Антоній получилъ лишь незначительныя подкрѣпленія съ запада, такъ какъ война съ Секстомъ Помпеемъ требовала большихъ средствъ. Приведенный этой неудачей въ дурное расположеніе духа, Антоній поддался наущеніямъ друзей Клеопатры; потребовавъ царицу къ себѣ въ Антіохію, онъ вторично попалъ въ ея сѣти и забылъ все то политическое значеніе, которое имѣлъ его бракъ съ Октавіей. Послѣдняя сдѣлала тщетную попытку вернуть къ себѣ мужа. Антоній отправился съ Клеопатрой въ Александрію и оттуда управлялъ своимъ государствомъ, какъ мужъ египетской царицы. Это дало совсѣмъ новое направленіе всеобщей политикѣ (въ 35 г. до Р. Х.). Если уже диктаторъ Цезарь говорилъ, что монархъ можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ покушеній республиканцевъ на востокѣ, но никакъ не въ Римѣ, то Антоній и въ этомъ отношеніи послѣдовалъ его примѣру, — избрать столицей всего царства, расположеннаго по бассейну Средиземнаго моря или, по крайней мѣрѣ, восточной его половины, эллинскій городъ. На западѣ же первенствующее значеніе могъ сохранить за собой Римъ; въ IV вѣкѣ по Р. Х. вопросъ этотъ былъ вновь поднятъ, когда резиденція была перенесена въ Константинополь.

Рядомъ съ повелителями Рима и Александріи въ обладаніи властью находились еще Эмилій Лепидъ и Секстъ Помпей, вновь ставшій бичемъ Италіи, съ тѣхъ поръ какъ союзъ его съ тріумвирами былъ расторгнутъ. Кромѣ политическихъ бѣглецовъ у него находили убѣжище и тысячи бѣжавшихъ рабовъ, что глубоко потрясло экономическія условія Сициліи. Этому нужно было положить конецъ. М. Випсаній Агриппа, правая рука Цезаря во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ, организовалъ при Мизенѣ флотъ, которому Антоній и Лепидъ съ своей стороны послали подкрѣпленія. Послѣ грандіозныхъ приготовленій война была одновременно начата въ южной Италіи и на морѣ, причемъ самъ Цезарь при первой высадкѣ въ Сициліи потерпѣлъ пораженіе; рабы храбро сражались за свое дѣло, вслѣдствіе чего тріумвиры достигли полной побѣды лишь спустя два года, въ морскихъ сраженіяхъ при Миле и Навлохѣ (въ 36 г. до Р. Х.). Послѣ бѣгства Секста Помпея войска его сдались Лепиду, переправлявшемуся со своими легіонами изъ Африки въ Сицилію и задумавшему удержать ее за собой. Однако, Цезарь рѣшился явиться въ лагерь Лепида и потребовалъ отъ его солдатъ, чтобы они признали его своимъ императоромъ. И дѣйствительно, ему удалось склонить ихъ на свою сторону обѣщаніемъ тѣхъ же наградъ, которыя должны были получить его ветераны; ветераны же Помпея не получили ничего, или же были распяты на крестѣ, какъ бывшіе рабы. Цезарь объявилъ Лепида лишеннымъ власти за его двусмысленное поведеніе, но оставилъ ему жизнь, имущество и должность pontifex maximus; однако, онъ принужденъ былъ удалиться въ Цирцеи.

Для Цезаря этотъ успѣхъ имѣлъ громадное значеніе, такъ какъ онъ, какъ императоръ и повелитель на морѣ, стоялъ теперь во главѣ 45 легіоновъ. Антоній, возмущенный этимъ захватомъ власти со стороны Цезаря, существенно измѣнившимъ соотношеніе ихъ вліяній, принялъ къ себѣ Секста Помпея; но этотъ послѣдній умеръ въ слѣдующемъ году, пытаясь вызвать возстаніе въ Азіи (въ 35 г. до Р. Х.). Антоній былъ въ это время занятъ въ Арменіи, гдѣ онъ наказалъ армянскаго царя за неудачный исходъ парѳянской войны и позднѣе отвелъ его плѣнникомъ въ Александрію (въ 34 г. до Р. Х.). Затѣмъ онъ обратилъ все свое вниманіе на западъ, гдѣ уже нельзя было долѣе избѣжать рѣшительнаго столкновенія. Въ то время, какъ Антоній, оставаясь въ столицѣ Египта, стремился вновь соединить находившіяся нѣкогда во власти Птоломеевъ земли Передней

Азіи въ пользу своихъ дѣтей отъ Клеопатры, т.-е. разсчитывалъ основать свое господство на возстановленіи эллинской государственной системы, Октавіанъ, со свойственной ему политической дальнозоркостью, избралъ совсѣмъ иной путь, далеко, правда, уведшій его отъ цѣлей его пріемнаго отца, но существенно содѣйствовавшій его окончательному успѣху. Онъ сблизился съ партіей, выступившей нѣкогда во главѣ съ Помпеемъ противъ обоготворяемаго Цезаря, и выразилъ готовность удовольствоваться тѣмъ положеніемъ, которое занималъ Помпей въ сенатѣ и рядомъ съ сенатской партіей. Въ противоположность Антонію, готовившемуся соединить въ своемъ лицѣ диктатуру и царскую власть, второй Цезарь хотѣлъ пользоваться своей властью не какъ царь или диктаторъ, но какъ „princeps", какъ первый гражданинъ, какъ глава сената.

Чтобы упрочить свою популярность, Цезарь въ теченіе тѣхъ лѣтъ, которыя прошли до окончательнаго разрыва, очень много сдѣлалъ для Италіи и Рима. Онъ велъ войну въ Далмаціи и Истріи, чтобы установить выгодную для верхнеиталійскихъ областей границу. Въ Римѣ были устроены давно уже необходимые новые водопроводы; въ общемъ все было подготовлено къ тому, чтобы въ данный моментъ произвести переворотъ. Меценатъ, вліявшій черезъ своихъ друзей-поэтовъ на общественное мнѣніе въ пользу Цезаря, и Агриппа, командовавшій войскомъ и флотомъ, неустанно шли къ этой цѣли, между тѣмъ, какъ самъ Октавіанъ властно руководилъ всей политикой. Люди, какъ Азиній Поллiонъ, не желавшіе содѣйствовать Октавіану, совершенно удалились отъ дѣлъ, такъ какъ они предвидѣли, куда приведетъ Антонія его безумное увлеченіе Клеопатрой. Только республиканцы, какъ Домицій Агенобарбъ, и рѣшительные враги Цезаря остались на сторонѣ Антонія; за исключеніемъ Агенобарба они подчинились всѣ и требованію царицы, пожелавшей, чтобы ей не говорили „ты", какъ это было принято у римлянъ; всѣ они принимали участіе въ придворныхъ празднествахъ въ Александріи, справлявшихся съ восточнымъ великолѣпіемъ. Вмѣстѣ съ дѣтьми, которыхъ Клеопатра имѣла отъ Антонія, при александрійскомъ дворѣ воспитывался и сынъ ея отъ перваго Цезаря, Птоломей Цезаріонъ, который и былъ выдвинутъ противъ Октавія. Октавія же воспитывала въ Римѣ не только своихъ собственныхъ дѣтей, но и дѣтей Антонія отъ перваго брака, даже послѣ того, какъ она получила отъ него разводъ.

Въ 32 г. произошли еще нѣкоторыя событія, такъ какъ, съ одной стороны, начали волноваться приверженцы Антонія, съ другой, Октавіанъ прибѣгнулъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Онъ явился вооруженный въ сенатъ и принудилъ противниковъ къ бѣгству; какъ во время проскрипцій, такъ и теперь онъ не зналъ никакой пощады. Онъ приказалъ вскрыть хранившееся у весталокъ завѣщаніе Антонія, чтобы доказать, что послѣдній распорядился въ немъ въ пользу Клеопатры и ея дѣтей и завѣщалъ похоронить себя въ Александріи, что вызвало въ Римѣ страшное волненіе. Появились многочисленные памфлеты, въ которыхъ, съ одной стороны, осмѣивали плебейское происхожденіе Октавіана, съ другой, восточные шутовскіе пиры Антонія. Въ то время, какъ мальчишки въ Римѣ уже играли въ войну „Цезаря съ Антоніемъ", населеніе Италіи и западныхъ провинцій присягнуло на вѣрность Цезарю, какъ своему вождю, какъ это было принято при безпорядкахъ или войнѣ. Большинство сенаторовъ сопровождало Цезаря при выступленіи его на войну, оффиціально объявленную противъ царицы египетской.

Антоній, оказавшійся въ походахъ противъ пареянъ если не счастливымъ полководцемъ, то во всякомъ случаѣ дѣльнымъ солдатомъ, стоялъ за сухопутную битву, такъ какъ со времени побѣды надъ Секстомъ Помпеемъ противная партія превосходила его какъ по числу кораблей, такъ и вообще по умѣнію вести морскую войну. Но Клеопатра, владѣвшая луч-

шимъ флотомъ, настаивала на морской битвѣ, несмотря на недостатокъ въ матросахъ; между тѣмъ, сухопутное войско, какъ было дознано, неохотно шло на корабли. Римская свита Антонія не могла побороть вліянія царицы и потому тріумвира вновь покинули многіе изъ его приближенныхъ, въ томъ числѣ и Домицій Агенобарбъ.

У Цезаря Октавіана, наоборотъ, все шло какъ нельзя лучше: Агриппа былъ одинаково искусенъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, и наряду съ нимъ стояли и другіе опытные полководцы, каковы Статилій Тавръ и Валерій Мессала. Корабли ихъ были, правда, меньше кораблей Антонія, но они имѣли полный экипажъ, и легіоны существовали также не только на бумагѣ; кромѣ того, италики и другіе западные народы боролись теперь съ востокомъ, гдѣ наборъ легіоновъ былъ крайне затрудненъ и вспомогательныя войска также были менѣе опытны въ военномъ дѣлѣ. Антоній думалъ высадиться въ Италіи, чтобы, слѣдуя примѣру Суллы, привести тамъ войну къ концу. Главная квартира его находилась въ Патрахъ, а войско и флотъ собрались въ Амбракійскомъ заливѣ (осенью 32 г.). Однако, весною 31 г. къ наступательнымъ дѣйствіямъ приступилъ Агриппа, удачно совершившій нѣсколько морскихъ набѣговъ, въ то время какъ сухопутныя войска въ бездѣйствіи стояли другъ противъ друга. 2 сентября произошла большая морская битва при Акціумѣ. Антоній былъ разбитъ, ибо Клеопатра со своими кораблями посреди битвы обратилась въ бѣгство и Антоній, потерявъ голову, бросился за нею. Нѣсколько дней спустя и сухопутное войско, оставшееся безъ предводителя, сдалось на капитуляцію на тѣхъ же условіяхъ, какъ нѣкогда войско Лепида; солдаты Антонія признали Цезаря своимъ императоромъ и въ награду были сравнены въ правахъ съ его солдатами. Слѣды того, что войско Цезаря составилось изъ трехъ различныхъ частей, мы узнаемъ еще въ теченіе многихъ столѣтій въ нумераціи римскихъ легіоновъ. Такъ, существовало, напр., три легіона, носившихъ въ своемъ названіи цифру три: III Cyrenaica, III Gallica и III Augusta. Первый изъ этихъ трехъ легіоновъ происходилъ, вѣроятно, изъ войска Лепида, второй несомнѣнно изъ войска Антонія.

Война была окончена въ Египтѣ, куда бѣжали Антоній и Клеопатра. Они не могли уже оказать серьезнаго сопротивленя, ибо послѣ битвы при Акціумѣ иностранные подданные и союзники присягнули на вѣрность побѣдителю, котораго задерживало только неповиновеніе собственныхъ солдатъ. Лѣтомъ 30 года Октавіанъ изъ Сиріи двинулся въ Египетъ, а К. Корнелій Галлъ пошелъ туда-же изъ Кирены. 1-го августа 30 года Александрія была взята, послѣ того, какъ Антоній самъ лишилъ себя жизни. Клеопатра, введенная въ обманъ пререговорами, попала въ плѣнъ. Она была допущена къ Октавіану, но не нашла у него милости, такъ-же какъ и сынъ ея Цезаріонъ. Всѣ претенденты, стоявшіе на пути династическихъ интересовъ Октавіана, должны были умереть, въ томъ числѣ и старшій сынъ Антонія, Антиллъ; остальныя дѣти его остались въ живыхъ. Египетъ пересталъ быть царствомъ Птоломеевъ; но офиціально царское достоинство продолжало существовать. Совершенно также какъ и Антоній, но лишь въ другой формѣ, Октавіанъ самъ приказалъ отдавать себѣ почести какъ „фараону“ и началъ считать годы своего царствованія въ Египтѣ со смерти Клеопатры. Онъ назначилъ своимъ намѣстникомъ Корнелія Галла, принадлежавшаго къ сословію всадниковъ и составившаго себѣ имя и въ качествѣ поэта и друга поэтовъ. Корнелій Галлъ подавилъ возстаніе въ Верхнемъ Египтѣ, распространилъ римское могущество до катарактовъ Сіены и даже заключилъ договоры съ жившими къ югу оттуда племенами, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись, недавно открытая въ Сіенѣ. Нѣсколько увлекающійся Корнелій Галлъ вскорѣ возомнилъ себя преемникомъ старыхъ царей, возбудилъ благодаря этому подозрѣнія въ Римѣ и былъ отозванъ назадъ; такъ какъ Октавіанъ далъ ему почувствовать свою немилость,

Корнелій Галлъ самъ наложилъ на себя руки. Эпоха претендентовъ безвозвратно прошла.

Только люди, ни разу не измѣнившіе своихъ убѣжденій за все время этихъ событій, остались у власти и послѣ того, какъ Октавіанъ объявилъ въ Римѣ возстановленіе стараго государственнаго строя. Сенатъ даровалъ ему за это въ 27 г. до Р. Х. имя „Августа“, т. е. „Возвышеннаго“; оффиціально онъ съ этого времени сталъ называться „Императоръ Цезарь Августъ“. Въ 28 и 27 годахъ онъ совмѣстно съ М. Випсаніемъ Агриппой, своимъ другомъ въ побѣдахъ и власти, занималъ должности консуловъ. Оба они были въ то время въ возрастѣ 35—36 лѣтъ. Августъ (см. таблицу при стр. 395, фиг. 4), блондинъ съ голубыми глазами, въ физическомъ отношеніи не имѣлъ импонирующаго вида; Агриппа имѣлъ выразительную голову, напоминающую Наполеона въ его юности. Какъ побѣдитель флота, онъ носилъ корабельную корону (corona classica), между тѣмъ какъ Августу за его гуманное отношеніе послѣ битвы при Акціумѣ преподнесена была гражданская корона (corona civica) изъ дубовыхъ листьевъ: обѣ эти почести не переходили за предѣлы гражданскаго равноправія. Въ качествѣ консуловъ эти „вѣнценосцы“, которыхъ сравнивали и съ близнецами Ромуломъ и Ремомъ, вели переговоры съ исключительно господствовавшимъ дотолѣ учрежденіемъ, сенатомъ. Теперь предстояло создать чрезвычайное положеніе для Августа, соотвѣтствующее римскому духу и не нарующее требованій конституціи; примѣромъ такихъ повелителей могли-бы служить Гіеронъ въ Сиракузахъ, Атталиды въ Пергамѣ, и еще раньше Пизистратиды или даже Периклъ въ Аѳинахъ. Чѣмъ консервативнѣе, тѣмъ и прочнѣе должна была быть новая организація; такъ думалъ Августъ и согласно этому онъ и поступалъ.

4. Времена принципата.

А. **Дома Юліевъ-Клавдіевъ.**

По конституціи Августа та должность, которую Сенатъ далъ уже великому Помпею и въ которой отказалъ первому Цезарю, стала наслѣдственной. Какъ раньше сыновья Помпея, сынъ Антонія, выступали въ качествѣ наслѣдниковъ своихъ отцовъ, такъ и пріемный сынъ диктатора Цезаря предполагалъ сдѣлать диктатуру наслѣдственной для своего рода. Такое положеніе дѣла было названо „принципатомъ“, первенствомъ между фамиліями, управлявшими республикой. Съ этимъ званіемъ соединялось и главное командованіе войсками въ еще не замиренныхъ провинціяхъ: въ Сиріи, на Рейнѣ, въ сѣверной Испаніи; вскорѣ и въ Иллиріи. Эти провинціи, какъ Испанія при Помпеѣ, управлялись легатами, потому что princeps не всегда могъ оставить Римъ; но наиболѣе важныя дѣйствія постоянно поручались членамъ господствовавшей фамиліи.

Вообще, оффиціально поддерживалась фикція, что Августъ лѣтъ черезъ пять или шесть, когда все прійдетъ въ порядокъ, добровольно откажется отъ совмѣщенія всѣхъ этихъ намѣстничествъ. Въ Римѣ и Италіи должность консульская еще не давала права на первенствующее положеніе, такъ какъ власть приходилось дѣлить со вторымъ консуломъ. Поэтому Августъ, непрерывно занимая до 23 г. до Р. Х. должность консула, съ этого времени разъ навсегда присвоилъ себѣ „власть трибуна“, въ силу которой ему принадлежалъ высшій надзоръ за всѣми магистратами республики; по историческимъ-же традиціямъ съ именемъ трибуна связаны были воспоминанья о защитѣ правъ плебса, т. е. народныхъ массъ противъ знати; это имѣло конечно больное значеніе въ смыслѣ формальнаго возстановленія

стараго государственнаго устройства. На ряду съ прежнимъ лѣтосчисленіемъ по консуламъ новую эру составили теперь годы трибуната Августа. Послѣ смерти бывшаго тріумвира Лепида (въ 12 г. до Р. Х.) Августъ присвоилъ себѣ и должность pontifex maximus, состоя въ то-же время членомъ всѣхъ знатныхъ жреческихъ коллегій, въ противоположность обычаямъ республиканской эпохи, когда одно лицо могло занимать maximum двѣ жреческія должности. Какъ мы видимъ, „принцепсъ“ занималъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающее положеніе.

На ряду съ этимъ продолжалъ функціонировать и сенатъ, формально облеченный тѣми правами, которыя далъ ему Сулла; но иниціативѣ принцепса и здѣсь было отведено широкое поле дѣятельности. Не желая лично выступать съ какимъ-нибудь предложеніемъ, принцепсъ поручалъ это своимъ друзьямъ сенаторамъ; оппозиція составлялась лишь въ незначительныхъ вопросахъ. Знатнѣйшія семьи, каковы Эмиліи Лепиды, Домиціи, Агенобарбы, Антоніи и Клавдіи, Фабіи Максимы состояли въ родствѣ съ господствующимъ домомъ. Азиній Полліонъ совершенно удалился отъ дѣлъ послѣ битвы при Акціумѣ; но сынъ его Азиній Галлъ уже въ молодые годы сдѣлался консуломъ, затѣмъ проконсуломъ Азіи и женился на одной изъ дочерей Агриппы. Вѣчно колеблющійся Л. Мунацій Планкъ разыгрывалъ вѣрноподаннаго, и по его предложенію сенатъ даровалъ Октавіану титулъ „Возвышеннаго“. Республиканецъ Валерій Мессала примкнулъ къ Августу, строго придерживаясь однако согласныхъ съ конституціей формъ. Кн. Кальпурній Пизонъ, за все время междоусобныхъ войнъ втеченіе четверти вѣка стоявшій на сторонѣ республиканцевъ, сдался на убѣжденія Августа и принялъ на 23-ій годъ до Р. Х. должность консула, чтобы такимъ образомъ выразить свое согласіе съ новымъ порядкомъ вещей. Сынъ М. Туллія Цицерона добился консульства во времена битвы при Акціумѣ, чтобы имѣть случай отомстить Антонію за отца и дядю; по его предложенію имя Антонія было исключено изъ списковъ консуловъ. Позднѣе этотъ Цицеронъ, личность самъ по себѣ незначительная, получилъ должность проконсула Азіи. Въ общемъ же междоусобныя войны поглотили всѣхъ выдающихся людей; консулъ 23 года, А. Теренцій Варронъ Мурена, попытавшійся съ нѣсколькими другими лицами составить заговоръ, былъ обвиненъ, осужденъ и казненъ.

Общественное мнѣніе стояло за „принципатъ“, и именно за принципатъ дома Юліевъ. Это было весьма важно въ особенности потому, что во времена перваго Цезаря всѣ „литераты“ стояли еще на сторонѣ республики; не только Цицеронъ, Брутъ, Лабіенъ, но и поэтъ Катуллъ и историкъ Корнелій Непотъ, происходившіе оба изъ Цизальпинской Галліи, не были сторонниками Цезаря. Риторъ Титъ Ливій изъ Патавія по своимъ убѣжденіямъ также принадлежалъ къ числу „помпеянцевъ“; поэтъ Виргилій изъ Мантуи является первоначально кліентомъ Азинія Полліона. Апуліецъ Горацій сражался при Филиппи за свободу. Однако, вскорѣ послѣ битвы при Акціумѣ Титъ Ливій, принимаясь за обработку старыхъ лѣтописей, принадлежалъ уже кругу Августа, лично интересовавшагося его трудами. Виргилій и Горацій состояли въ тѣсной дружбѣ съ другомъ Августа, К. Меценатомъ изъ Арреція.

Вскорѣ и греческіе литераторы стали избирать Римъ средоточіемъ своей дѣятельности; такъ напр. Страбонъ, историкъ и географъ родомъ изъ Амасіи въ Каппадокіи, работавшій въ томъ-же направленіи, какъ Полибій и Посидоній, которые, пользуясь наиболѣе достовѣрными источниками эпохи діадоховъ, впервые обработали данныя римско-западной и греко-восточной исторіи въ одну всемірную исторію; точно также и Діодоръ, переселившійся изъ Сициліи въ Римъ. Другіе, какъ Діонисій Галикарнасскій, обработывали древнѣйшую римскую исторію въ духѣ римскихъ антикваріевъ, знаменитѣйшій изъ которыхъ, М. Теренцій Варронъ изъ

Реате сабинской, дожилъ еще до временъ принципата Августа. Риторъ Николай Дамаскинъ, жившій нѣсколько лѣтъ въ домѣ Октавіи въ качествѣ воспитателя дѣтей М. Антонія, написалъ кромѣ исторіи юныхъ лѣтъ Августа еще обширную всеобщую исторію. Поэтъ Кринагоръ Митиленскій, неоднократно являвшійся въ Римъ депутатомъ отъ своего родного города, посвятилъ Октавіи и ея роднымъ лучшія изъ своихъ стихотвореній. Изъ этого круга вышелъ и царь Юба Мавританскій. Сынъ нумидійскаго царя Юбы, боровшагося на сторонѣ оптиматовъ противъ Цезаря, онъ былъ воспитанъ въ Римѣ; здѣсь онъ женился на дочери Клеопатры отъ Антонія, также Клеопатрѣ, давшей позднѣе своему сыну громкое имя „Птоломея", какъ будто бы онъ былъ наслѣдникомъ Птоломеевъ. Юба писалъ о римскихъ древностяхъ и географіи Африки на греческомъ языкѣ; онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ явленій этой эпохи, когда Римъ сдѣлался столицей римско-эллинской культуры и удержалъ за собой это положеніе въ борьбѣ съ Антоніемъ и Клеопатрой.

Подобно Юбѣ и другіе царьки-кліенты посылали своихъ дѣтей на воспитаніе въ Римъ, гдѣ они завязывали личныя сношенія съ домомъ Августа; такъ, изъ „Іудейской археологіи" Іосифа Флавія мы узнаемъ о томъ, что въ Римѣ воспитывались сыновья и внуки царя евреевъ, Ирода. Тамъ-же находились и дѣти парѳянскаго царя, ѳракійскіе принцы и даже сыновья германскихъ вождей, попадавшіе въ Римъ заложниками; среди удовольствій столичной жизни они утрачивали свои природныя силы и дарованія и даже не возвращались къ своему народу.

Организовавъ принципатъ, Августъ болѣе сорока лѣтъ стоялъ во главѣ государства, поддерживаемый первоначально Агриппой, сдѣлавшимся въ 21 г. до Р. X. его зятемъ, позднѣе своими пасынками Тиберіемъ и Друзомъ, наконецъ и внуками, сыновьями Агриппы и Юліи, Гаемъ и Луціемъ Цезарями.

Командованіе войскомъ, управленіе пограничными провинціями и внѣшняя политика, все это сосредоточено было въ рукахъ господствующаго дома; вѣдѣнію сената подлежали лишь итальянскія дѣла и умиротворенныя уже провинціи, изъ коихъ первое мѣсто занимали Азія и Африка. Въ отношеніи финансовъ замѣчался тотъ-же дуализмъ. Право чеканки золотой и серебряной монеты принадлежало исключительно принцепсу; монеты эти носили на себѣ его изображеніе; чеканкой-же мѣдной монеты занимался сенатъ.

Наибольшую статью въ государственномъ бюджетѣ составляли расходы по войску. Распустивъ громадныя арміи эпохи тріумвирата, Августъ организовалъ постоянное войско, чтобы разъ навсегда обезпечить охрану границъ. Въ остальномъ онъ сохранилъ организацію Марія, нѣсколько измѣнилъ распоряженія Цезаря и изъ финансовыхъ соображеній уничтожилъ даже полевую армію, что имѣло однако роковыя послѣдствія. На положеніи финансовъ отражалась не только выдача жалованья дѣйствующимъ войскамъ, но и довольно высокая премія, выдавававшаяся выслужившимся солдатамъ; для этой цѣли въ Италіи былъ наложенъ пятипроцентный налогъ на наслѣдства. Кромѣ того, принцепса, какъ главнокомандующаго, окружалъ штабъ, получившій повышенное жалованье. Для охраны морскихъ границъ были устроены двѣ стоянки для флота: Мизенъ на берегу Кампаніи и Равенна на Адріатическомъ морѣ.

Большія суммы поглощали и расходы по содержанію столицы: снабженіе ея провіантомъ, поддержаніе въ хорошемъ состояніи плотинъ на Тибрѣ и клоакъ и главнымъ образомъ общественныя игры. „Народъ римскій" по прежнему хотѣлъ наслаждаться своимъ господствующимъ положеніемъ и требовалъ дарового хлѣба и игръ.

Изъ всѣхъ провинцій наибольшіе доходы приносилъ во времена Августа Египетъ. Азія, хотя и сенатская провинція, вскорѣ начала однако

приносить доходы и въ кассу принцепса благодаря нѣкоторымъ косвеннымъ налогамъ. Галлія и Испанія, требовавшія первое время послѣ присоединенія большихъ затратъ, обратились въ послѣдующее мирное время въ очень важныя въ финансовомъ отношеніи провинціи. Африка и Галлія Нарбонская, тѣсно связанныя съ Италіей, достигли вмѣстѣ съ ней пышнаго расцвѣта. Карѳагенъ, вновь возстановленный Цезаремъ, сталъ средоточіемъ широко распространившейся римско-пунической культуры.

Въ Испаніи Августъ и Агриппа закончили завоеваніе кантабрійскихъ и астурійскихъ горныхъ областей, для удержанія которыхъ пришлось еще на продолжительное время сосредоточить тамъ значительныя военныя силы. Испанія была раздѣлена на три провинціальныхъ округа, изъ коихъ южный, Бетика, находился подъ вѣдѣніемъ сената, а два другихъ, Лузитанія и такъ -называемая провинція „по сю сторону (подраз. Эбро)“, подъ вѣдѣніемъ принцепса. Главными городами были Кордуба (нынѣ Кордова), Эмерита (нынѣ Мерида) и Тарраконъ (нынѣ Таррагона); второй изъ нихъ былъ основанъ Агриппой и заселенъ выслужившимися солдатами. Въ сѣверной области названная въ честь принцепса Цезаравгуста, нынѣ Сарагосса, и понынѣ сохранила воспоминаніе объ Августѣ.

Въ завоеванной первымъ Цезаремъ Галліи или, вѣрнѣе, „трехъ Галліяхъ“, т. е. областяхъ Кельтикѣ, Бельгикѣ, Аквитаніи, по прежнему, отдѣленныхъ отъ старой провинціи (Галліи Нарбонской) въ видѣ военныхъ округовъ, средоточіемъ римскаго господства сдѣлался ново-основанный Лугдунъ, прежде всего въ религіозномъ и финансовомъ отношеніяхъ. Позднѣе Бельгика по дѣламъ управленія была соединена въ одно цѣлое съ германскими пограничными округами. Аквитанія также стремилась сохранить свои особые институты. Тѣмъ не менѣе „Concilium“ „трехъ Галлій“, ежегодно собиравшійся при сліяніи Арара (нынѣ Сона) и Родана (нынѣ Рона) для принесенія жертвъ „богу Императору и богинѣ Ромѣ“, имѣлъ большое значеніе; Лугдунъ занялъ положеніе столицы одного изъ большихъ округовъ имперіи, какъ Карѳагенъ въ Африкѣ. И здѣсь, и тамъ стояла организованная по образцу римскихъ полицейскихъ солдатъ когорта, находившаяся въ распоряженіи властей.

Изъ 25 легіоновъ, которые насчитывала имперская армія въ послѣдніе годы царствованія Августа, не менѣе восьми было сосредоточено на Рейнѣ съ цѣлью противодѣйствовать вторженіямъ какъ кельтовъ, такъ и германцевъ. Интересы занятыхъ этими войсками округовъ тѣмъ тѣснѣе сплетались съ чисто римскими, что бельгійскія племена и пограничные германцы охотно шли на службу въ вспомогательныя римскія войска; служба эта хорошо оплачивалась и солдаты, предводительствуемые своими вождями, могли сохранять свои національныя особенности, если только сами не стремились къ римскимъ титуламъ и почестямъ. Вторая по силѣ армія въ четыре легіона стояла въ Сиріи противъ парѳянъ; раздираемые внутренними смутами, парѳяне вскорѣ вступили въ переговоры о мирѣ; такимъ образомъ римляне получили обратно знамена, отнятыя парѳянами у Красса при Каррахъ. Августъ удовольствовался такимъ удовлетвореніемъ (въ 20 г. до Р. Х.), такъ какъ онъ принципіально предпочиталъ западъ востоку и охотнѣе проявлялъ свою дѣятельность тамъ, гдѣ она могла принести пользу латинской цивилизаціи. Въ Египтѣ военное устройство не измѣнилось со времени послѣднихъ Птоломеевъ. Многочисленные галаты вмѣстѣ съ греческими элементами составляли отряды войска, также считавшіеся легіонами имперской арміи. Военачальниковъ ихъ лично назначалъ принцепсъ, никогда не выбиравшій ихъ изъ сенаторовъ, но исключительно изъ сословія всадниковъ. Только въ Африкѣ во главѣ одного или двухъ легіоновъ, защищавшихъ границы противъ непокорныхъ племенъ пустыни, стоялъ проконсулъ. И въ Иллиріи военныя силы находились первоначально подъ начальствомъ намѣстника сената, пока Августъ не предложилъ свой

планъ регулированія границъ, исполненіе котораго онъ поручилъ сперва своему соправителю Агриппѣ, а по смерти его пасынку своему Тиберію Клавдію Нерону. Этотъ послѣдній былъ въ то время только „легатомъ" Августа и съ тѣхъ поръ командованіе войсками въ Иллиріи всегда было сосредоточено въ рукахъ членовъ императорскаго дома (въ 12 г. до Р. Х.).

Правительство прежде всего стремилось къ тому, чтобы создать имперіи твердыя и по возможности „естественныя" границы (см. карту далѣе) На востокѣ эту границу долженъ былъ составлять Евфратъ, на западѣ съ одной стороны океанъ, съ другой Дунай и Эльба. На Евфратѣ безъ особенныхъ трудовъ были заложены военныя укрѣпленія, но на Дунаѣ и въ Германіи римляне встрѣтили серьезныя затрудненія. Всѣ Альпійскія области за исключеніемъ Норика, съ которымъ еще во времена кимвровъ были завязаны мирныя сношенія, были взяты вооруженной силой; храбрыя племена внутренней Иллиріи также оказали серьезное сопротивленіе. Однако благодаря службѣ, которую несли въ вспомогательныхъ войскахъ туземные жители, римское вліяніе прочно укрѣпилось бы и здѣсь, еслибы вмѣстѣ съ легіонерами не пришли въ страну римскіе сборщики податей и адвокаты, которыхъ иллирійцы сравнивали съ волками. То же самое имѣло мѣсто и въ Германіи; Друзъ, второй пасынокъ Августа, побѣдоносно прошелъ всю страну до Эльбы, сухимъ путемъ изъ Могунціака (нынѣ Майнцъ) и Castra Vetera (близъ Ксантена) и моремъ до устьевъ Альбисъ (т. е. Эльбы), гдѣ римляне заняли древнѣйшія поселенія кимвровъ. Это были блестящіе подвиги римскаго оружія, не менѣе расширившія географическія познанія того времени, чѣмъ походы Кн. Помпея и Юлія Цезаря.

Послѣ безвременной кончины Друза (въ 9 г. до Р. Х.) политику его продолжалъ братъ его, Тиберій (см. таблицу при стр. 395, фиг. 3). Германскія племена охотно служили подъ римскими знаменами. Арминій, молодой вождь херусковъ, былъ принятъ въ сословіе римскихъ всадниковъ и лично командовалъ отрядами своихъ соплеменниковъ, а братъ его (прозванный Рыжій) даже по убѣжденіямъ сдѣлался настоящимъ римляниномъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, юристы позднѣе погубили то, чего добились солдаты. Въ 9 г. до Р. Х., въ намѣстничество неспособнаго П. Квинктилія Вара, вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго сталъ Арминій. Въ Тевтобургскомъ лѣсу, на крайне неудобномъ и размягченномъ еще сильными дождями полѣ, три римскіе легіона были совершенно истреблены вслѣдствіе измѣны офицеровъ германской національности и неспособности своего полководца. Положеніе „saltus Teutoburgensis" не можетъ быть опредѣлено болѣе точно; найденныя къ востоку отъ Брамше близъ Баренау золотыя монеты вѣка Августа указываютъ на то, что поле битвы находилось можетъ быть именно тамъ. Квинктилій Варъ самъ наложилъ на себя руки, а многіе изъ плѣнныхъ были изрублены мятежниками или же принесены въ жертву богамъ; только конницѣ удалось спастись. Номера легіоновъ 17, 18 и 19 навсегда исчезли изъ имперскаго войска; память ихъ, какъ говорили, была проклята.

Вслѣдствіе пораженія Квинктилія Вара Августъ принужденъ былъ перенести границу государства съ Эльбы на Рейнъ, и римляне перешли за его предѣлы съ цѣлью дальнѣйшихъ завоеваній лишь въ царствованіе императоровъ изъ дома Флавіевъ. Область по правую сторону Рейна считалась если не „свободной", то нейтральной, и туда римляне отправлялись за фуражемъ или на охоту. Въ мирное время римскіе офицера пересправляли туда своихъ людей цѣлыми толпами на охоту за дикими гусями, перья которыхъ высоко цѣнились въ Италіи. Съ своей стороны германцы приходили на границу, чтобы заниматься торговлей; они обмѣнивали естественные продукты своей родины на утварь и различныя украшенія, выдѣлываемыя на римскихъ фабрикахъ. Только гермундурамъ, жившимъ къ сѣверу отъ Дуная, дозволено было являться на величайшій рынокъ Реціи.

Augusta Vindelicorum („Augsburg"); за этимъ единственнымъ исключеніемъ всѣ торговыя сдѣлки заключались на границѣ подъ надзоромъ офицеровъ.

На среднемъ Дунаѣ важнымъ пунктомъ въ торговыхъ сношеніяхъ между Имперіей и областями, лежавшими на Балтійскомъ морѣ, считался Карнунтъ (къ югу отъ Вѣны). Высоко цѣнившійся въ то время янтарь этимъ путемъ шелъ въ Римъ. Впрочемъ, главныя римскія силы были сосредоточены во времена Августа въ южной Штиріи близъ Пэтовіо (нынѣ Петтау) въ венгерскихъ же придунайскихъ областяхъ римскіе гарнизоны были поставлены лишь въ царствованіе Траяна. Укрѣпленія на Дунаѣ находились въ Сингидунѣ (близь нынѣшняго Бѣлграда) и Виминаціи (Костолацъ въ Сербіи) и оттуда римляне держали въ повиновеніи какъ южныя, такъ и сѣверныя области; въ провинціи Далмаціи (къ которой принадлежали Герцеговина и Боснія) также еще цѣлыя десятилѣтія стоялъ гарнизонъ изъ двухъ легіоновъ, такъ какъ большое четырехлѣтнее возстаніе (отъ 5—9 г. по Р. Х.) показало, что народности этихъ странъ еще далеко не были усмирены. Чтобы достигнуть здѣсь какихъ нибудь результатовъ, римлянамъ пришлось отказаться отъ внутренней Германіи; удержаніе за собой и послѣдней потребовало бы громадныхъ денежныхъ затратъ и чрезвычайныхъ наборовъ, на что Августъ къ концу своей жизни уже не могъ рѣшиться. Достаточно уже было того, что послѣ усмиренія паннонско-далматскаго возстанія восточная часть Верхней Италіи могла наслаждаться полнымъ покоемъ, какъ сѣверъ по окончаніи ретійской войны; благодаря этому область По достигла невиданнаго дотолѣ расцвѣта. Большіе памятники побѣды, „tropaeum Alpium" на вершинѣ Приморскихъ Альпъ (близь деревни Торбія надъ Монако) и въ Тицинѣ (нынѣ Павія) свидѣтельствовали о благодарности населенія и возвѣщали всему міру славу повелителя и его дома.

И въ остальномъ правленіе Августа принесло Италіи много пользы. Города отдохнули отъ ужасовъ междоусобныхъ войнъ и проскрипцій. Августъ сдѣлалъ все что могъ, чтобы залѣчить имъ же самимъ нанесенныя раны, когда онъ послѣ битвы при Филиппи долженъ былъ выдать награды своимъ ветеранамъ. Перузія получила обратно всю свою область и сохранила право голоса въ этрусскомъ священномъ союзѣ. Дороги, какъ, напр., Via Flaminia, были приведены въ лучшее состояніе; мѣру эту радостно привѣтствовали расположенные на ней города, каковы Фанумъ и Ариминъ. О дорогахъ Италіи вообще, которыхъ нельзя было предоставить исключительно въ вѣдѣніе отдѣльныхъ муниципій вслѣдствіе ихъ взаимнаго соревнованія, заботилась особая собиравшаяся въ Римѣ центральная комиссія; она была составлена изъ уважаемыхъ сенаторовъ. Въ остальномъ отдѣльныя муниципіи пользовались не только преимуществами автономіи, но должны были нести и ея тягости. Онѣ представляли маленькія государства въ государствѣ; стоявшіе во главѣ ихъ по образцу древнеримскихъ консуловъ два магистрата, управлявшіе съ немногими помощниками подъ наблюденіемъ городской думы, ежегодно смѣнялись. Эти муниципіи не знали финансовыхъ затрудненій, пока люди, составившіе себѣ состояніе на государственной службѣ, считали за честь занимать должности въ своемъ родномъ городѣ и приплачивать недостающія деньги изъ своихъ личныхъ средствъ. Такимъ образомъ матеріальныя выгоды всемірнаго господства принесли пользу и мельчайшимъ общинамъ Апеннинскаго полуострова.

Новый монархическій порядокъ внесъ нѣкоторыя улучшенія и въ столичное управленіе. По образцу Александріи въ Римѣ была создана полицейская префектуура, чего никогда не допустили-бы республиканцы. Префекту было подчинено нѣсколько когортъ полицейскихъ солдатъ; новой инстанціи, кругъ дѣятельности которой съ теченіемъ времени сильно развился, былъ порученъ надзоръ надъ многочисленными рабами, но въ

Объясненіе къ рисункамъ, помѣщеннымъ на оборотѣ.

а. Basilica Julia (постройка ея начата въ 54 году, освящена въ 46 году, закончена Августомъ)

б. Templum Jovis Capitolini (былъ вторично освященъ въ 69 году до Р. Х.: въ 4й разъ возстановленъ при Императорѣ Домиціанѣ)

в. Templum Saturni (освященъ въ 497 году: возобновленъ въ 44 году до Р. Х.: впослѣдствіи разрушенъ и реставрированъ)

г. Arcus Tiberii (сооружена въ 16мъ году послѣ Р. Х.)

д. Templum Divi Vespasiani (сооруженъ при Домиціанѣ, возстановленъ при Септимiѣ Северѣ)

е. Tabularium (Государственный архивъ: построенъ въ 78 году до Р. Х.)

ж. Rostra (старыя построены въ 338 году до Р. Х.: новыя при Августѣ)

з. Templum Concordiae (построенъ въ 366 году: расширенъ въ 7мъ г. до Р. Х.)

i. Arcus Severi (воздвигнута въ 203 году послѣ Р. Х.)

и. Carcer (построенъ въ эпоху царей, реставрированъ въ 22 году послѣ Р. Х.)

к. Кремль съ храмомъ Junonae Monetae (построенъ въ 344 году до Р. Х.)

л. Curia (построена Юліемъ Цезаремъ)

м. Domus Tiberiana.

н. Basilica Julia (постройка ея начата въ 54 году, освящена въ 46 году, закончена Августомъ)

о. Templum Castoris (освященъ въ 484 году: возобновленъ въ 6мъ г. до Р. Х.)

п. Templum Apollinis Palatini (построенъ Августомъ)

р. Arcus Augusti (воздвигнута въ 19 году до Р. Х.)

с. Arcus Titi (наиболѣе высокій пунктъ священной дороги)

т. Templum Divi Juli (на мѣстѣ, гдѣ М. Антоній держалъ свою рѣчь 19 Марта 44 года, построенъ Августомъ; освященъ въ 29 году до Р. Х.)

у. Amphitheatrum Flavium (Колизей: постройка его начата Веспасіаномъ, закончена Титомъ)

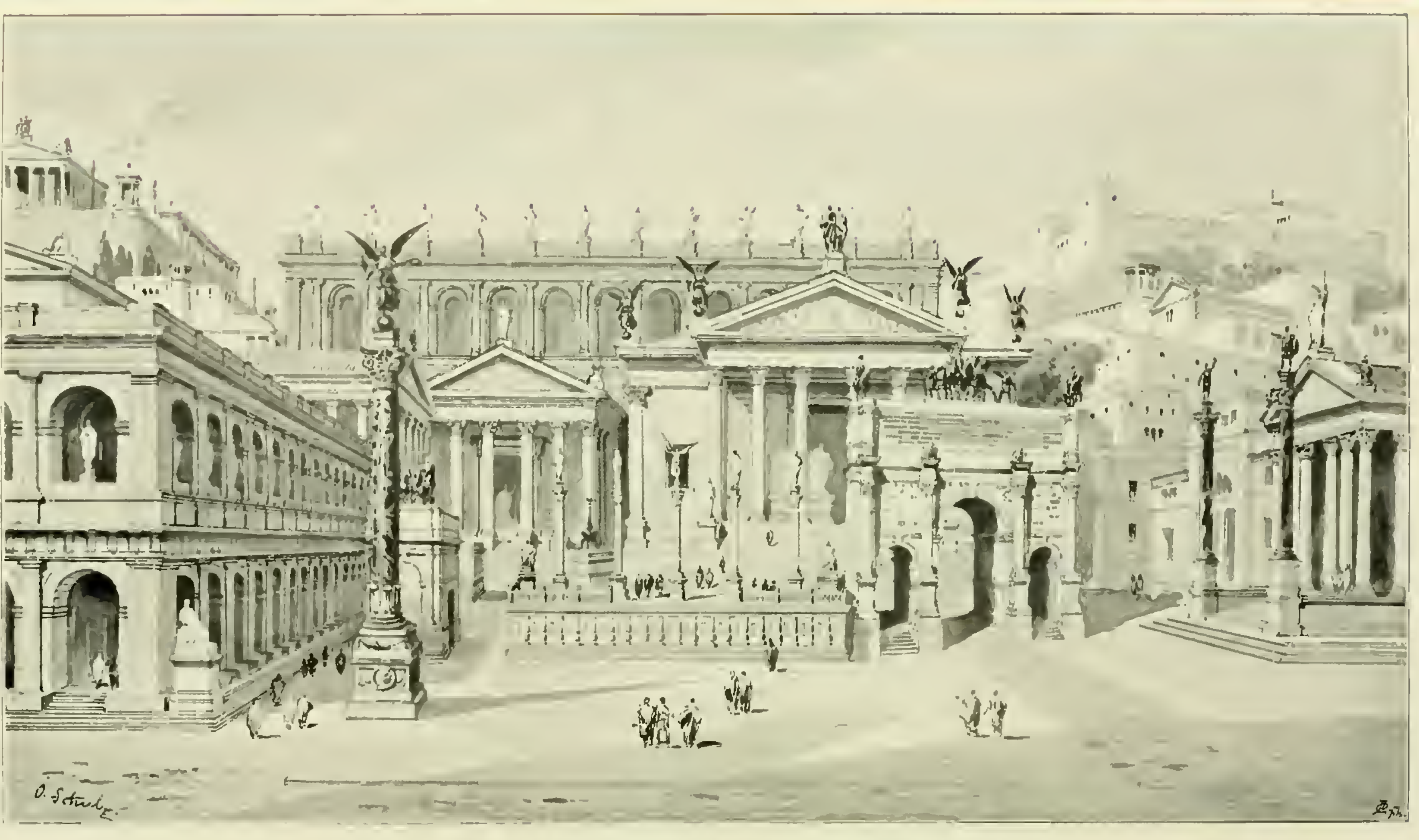
ф. Templum Veneris et Romae (двойной храмъ, построенный Адріаномъ)

х. Templum Divi Romuli (круглый храмъ)

ц. Templum Antonini et Faustinae (воздвигнутъ въ 141 году послѣ Р. Х.)

ч. Basilica Aemilia (основана въ 179 году, перестроена въ 54 году; возобновлена въ 14 году до Р. Х.).

(Буквы а—ч, соотвѣтствующія этому объяснительному тексту, находятся на вложенномъ при семъ листкѣ пропускной бумаги.)

Южная и западная стороны форума съ крыльца храма Кастора.

(По реконструкціи Ch. Hülsen'a рисовалъ O. Шульцъ.)

История человечества. II. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Сѣверная и восточная стороны форума — съ сѣвернаго угла ростры.

(По реконструкціи Ch. Hülsen'а рисунокъ О. Шульца.)

Исторія человѣчества. IV.

Сѣверная и восточная стороны форума — съ сѣвернаго угла ростры

Южная и западная стороны форума съ крыльца храма Кастора.

то-же время и защита ихъ отъ произвола господъ. Созданъ былъ и строительный уставъ, въ силу котораго на Марсовомъ полѣ выросъ новый городской кварталъ и туда мало по малу перешло все столичное движеніе. Форумъ республиканской эпохи (см. приложенную таблицу „Римскій форумъ съ юга и запада, съ сѣвера и востока“), новые форумы и Капитолій служили, главнымъ образомъ, для засѣданій суда и для общественныхъ цѣлей, Палатинъ же Августъ преобразовалъ въ свою резиденцію. Примѣру столицы послѣдовали и провинціи, даже такія, гдѣ еще не успѣли укрѣпиться италійскія муниципальныя учрежденія. Повсюду выростали портики, улицы гробницъ, форумы, театры, амфитеатры. Въ противоположность республикѣ, державшейся крайне замкнуто, теперь замѣтно было стремленіе къ возможно большему распространенію культуры и въ провинціяхъ.

По образцу александрійскихъ учрежденій была основана въ Римѣ и военная пожарная команда, составлявшаяся дотолѣ изъ городскихъ рабовъ или же предоставленная частной иниціативѣ. Во главѣ ея стоялъ особый префектъ, какъ и во главѣ комиссіи по снабженію провіантомъ столицы, для которой подвозъ хлѣба изъ Азіи и Африки составлялъ вопросъ жизни, съ тѣхъ поръ какъ окрестности Рима все болѣе и болѣе обращались исключительно въ „садъ имперіи“. Столичный „кварталъ виллъ“ простирался на сѣверѣ до озера Сабатинскаго (нынѣ озеро Браччіано), на югѣ до Неапольскаго залива, на востокѣ до земель древнихъ сабиновъ, экавовъ и вольсковъ. Все необходимое должны были доставлять покоренныя земли. Состояніе это было столь же идеально и столь же несбыточно, какъ рай, ибо величіе Италіи было создано трудами свободнаго крестьянина, котораго теперь можно было встрѣтить лишь въ отдаленнѣйшихъ областяхъ. Эпоха войнъ съ эквами и вольсками уже тогда принадлежала къ „древней исторіи“. Однако, воспоминаніе о нихъ уже не вызывало прежней горечи, римляне мирились съ существующимъ порядкомъ вещей, наслаждаясь годами мира и прославляя Августа, какъ провозвѣстника ихъ. Наибольшее облегченіе принесло освобожденіе отъ тяжелыхъ военныхъ обязанностей, такъ какъ Италія къ югу отъ По принимала лишь незначительное участіе въ рекрутскихъ наборахъ, Лаціумъ, Этрурія и Умбрія поставляли своихъ солдатъ главнымъ образомъ въ преторіанскія когорты, т. е. на службу внутри страны.

Сверхъ того, съ окончаніемъ непрерывныхъ войнъ прекратилась и дешевая продажа рабовъ, Образовался слой полусвободныхъ или даже вполнѣ свободныхъ рабочихъ и арендаторовъ, способствовавшій болѣе спокойному развитію экономическихъ условій Италіи въ послѣдующее время. И въ другихъ отношеніяхъ наступили сами собой нѣкоторыя улучшенія. Италійская земля значительно поднялась въ цѣнѣ, торговыя сношенія развились, всюду возстановленъ былъ порядокъ, сильно страдавшій во время междоусобныхъ войнъ. Богамъ стали оффиціально воздавать большія почести и въ 17 г. до Р. Х. съ невиданной дотолѣ роскошью былъ отпразднованъ большой праздникъ покаянія, festum saeculare, къ которому поэтъ Горацій Флаккъ по порученію Августа написалъ чудное посвященіе („Carmen saeculare“). Изъ старыхъ братствъ, возникшихъ по преданію еще во времена царя Ромула, Августъ особенно поднялъ братство „полевыхъ братьевъ“; онъ самъ и знатнѣйшіе сенаторы вступили членами въ это общество, а остальныя мѣста были представлены желающимъ.

При такихъ обстоятельствахъ личныя и семейныя отношенія „перваго гражданина“ получили большое значеніе, такъ какъ съ ними связана была неизмѣнность системы управленія. Въ хорошее республиканское время отдѣльныя личности отступали на задній планъ, хотя сенаторскіе роды и поддерживали воспоминаніе о своихъ великихъ предкахъ портретами и бюстами съ соотвѣтствующими надписями, поставленными въ ихъ парад-

ныхъ залахъ, какъ это намъ извѣстно, напр., о Фабіяхъ, отличившихся въ борьбѣ съ Вейями и позднѣе въ войнахъ съ самнитами. Среди прославленныхъ Фабіевъ находился даже и Фабій Кунктаторъ, избѣгавшій всякаго сраженія съ Ганнибаломъ, ибо послѣдующая битва — при Каннахъ, казалось, оправдала его поведеніе. Вслѣдъ за Фабіями выдвинулись Сципіоны, съумѣвшіе оказать свое вліяніе на историковъ второй и третьей Пунической войны; за ними послѣдовали Гракхи, затѣмъ Марій, Сулла и ихъ современники, Помпей Великій и Цезарь, предшественники и прототипы Августа.

Теперь старыя „элогіи“ фамильныхъ залъ уже не могли достаточно охарактеризовать участія отдѣльной личности въ управленіи государствомъ; участіе это сказывалось во всемъ. Весь ходъ исторіи былъ тѣсно связанъ съ индивидуальностью этихъ людей, которые вполнѣ сознавали свою силу. Сулла оставилъ по себѣ „Воспоминанія“, Цезарь обнародовалъ „Записки о Галльской войнѣ“ и „Исторію Гражданской войны“ и побудилъ участниковъ остальныхъ своихъ походовъ выпустить описаніе послѣднихъ. Примѣру его послѣдовалъ Октавіанъ, написавшій въ 36 г. до Р. Х. послѣ побѣды надъ Секстомъ Помпеемъ очеркъ своей дѣятельности. Передъ смертью Августъ составилъ записки о своихъ правительственныхъ постановленіяхъ, дошедшія и до насъ; это было „Monumentum Ancyranum“, вырубленное на стѣнахъ храма Ромы и Августа въ Анкирѣ въ Галатіи. Кромѣ субъективнаго отчета Октавіана до насъ дошла исторія этой эпохи, написанная Азиніемъ Полліономъ. Августъ обладалъ достаточнымъ тактомъ, чтобы предоставить полную свободу бывшему сподвижнику своего пріемнаго отца, а также и Валерію Мессалѣ, прославлявшему въ своемъ описаніи битвы при Филиппи Брута, какъ своего вождя.

Въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ повелителю стоялъ М. Випсаній Агриппа, побѣдитель Секста Помпея и Антонія. Происходя изъ незначительной семьи, однихъ лѣтъ съ Августомъ и другъ его юности, онъ дѣлилъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ случайности судьбы при Перузіѣ, въ борьбѣ съ Секстомъ Помпеемъ, при Акціумѣ. Въ промежуткахъ онъ былъ занятъ на Рейнѣ, гдѣ при немъ былъ основанъ городъ убіевъ, обращенный въ „colonia“ при его внучкѣ Агриппинѣ; городъ этотъ нынѣшній Кельнъ. Позднѣе мы встрѣчаемъ Агриппу вмѣстѣ съ Августомъ въ Испаніи, на-ново организованной послѣ покоренія горныхъ племенъ. Чтобы утилизировать силы этихъ народовъ, равно какъ и галловъ и германцевъ, Агриппа собралъ статистическія свѣдѣнія объ этихъ странахъ. Онъ посвятилъ свою дѣятельность и городскому управленію, занявъ въ 33 г. до Р. Х. должность эдила, и въ этомъ званіи провелъ снабженіе города Рима водой для питья. Если Римъ и нынѣ принадлежитъ къ столицамъ Европы, имѣющимъ превосходную воду для питья, то заслуга въ этомъ отношеніи въ значительной мѣрѣ принадлежитъ Агриппѣ. Одна изъ его построекъ, Пантеонъ, еще и нынѣ носитъ на фасадѣ его имя. Онъ былъ дѣятельный, энергичный и прежде всего практическій человѣкъ; въ то время когда все интеллигентное общество, не исключая и высшихъ круговъ, увлекалось поэзіей, Агриппа держался вдали отъ этого; но его географическіе и статистическіе труды послужили основаніемъ для послѣдующихъ работъ въ этомъ направленіи. Старая знать считала Агриппу выскочкой; но Августъ хорошо понималъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ своему другу.

Совсѣмъ иное было положеніе К. Мецената. Онъ былъ личный другъ и довѣренный Октавіана, пользовавшагося имъ для дипломатическихъ миссій, такъ напр. въ то время, когда послѣ паденія Перузіи и обезоруженія Л. Антонія Цезарю угрожалъ нежелательный еще тогда конфликтъ съ тріумвиромъ Антоніемъ. Меценатъ переговорами склонилъ тогда М. Антонія на бракъ съ Октавіей. Позднѣе, когда между тріумвирами наступилъ полный разладъ, К. Меценатъ въ качествѣ повѣреннаго Октавіана остался

въ Римѣ, чтобы держать столицу въ повиновеніи; онъ безжалостно разбилъ сына низложеннаго тріумвира Лепида, попытавшагося произвести возстаніе. Послѣ побѣды Меценатъ удалился отъ дѣлъ и, не стремясь къ занятію государственныхъ должностей, исключительно отдался изящнымъ искусствамъ и наслажденіямъ жизнью, прославляемый поэтами какъ ихъ покровитель, по-прежнему совѣтникъ Августа во всѣхъ интимныхъ дѣлахъ; римскій всадникъ, но потомокъ этрусскихъ лукумоновъ, онъ свысока смотрѣлъ на римскую знать. Жена его Теренція держала его подъ башмакомъ, Августъ-же игралъ роль друга дома.

Изъ членовъ императорскаго дома первое мѣсто занимала Октавія, старшая или сводная сестра Августа. Она поддержала политику брата въ критическій моментъ, когда, едва овдовѣвъ, вышла замужъ за М. Антонія и такимъ образомъ на многіе годы привязала его къ тріумвирату. Когда Антоній затѣмъ предпочелъ ей Клеопатру, она вернулась обратно въ Римъ, гдѣ пріобрѣла себѣ всеобщія симпатіи своимъ достойнымъ поведеніемъ. Она импонировала и писателямъ того времени, такъ какъ умѣла цѣнить ихъ произведенія.

На ряду съ Октавіей стояли Ливія, третья жена Августа, и Юлія, дочь его отъ второго брака съ Скрибоніей. Подобно Октавіи, и Августъ два раза вступалъ въ бракъ изъ политическихъ соображеній, первый разъ съ Клодіей, дочерью Фульвіи отъ Клодія, противника Цицерона, т. е. падчерицей М. Антонія. Этотъ бракъ, въ принципѣ рѣшенный при заключеніи тріумвирата, разошелся въ 41 г., еще не будучи фактически заключеннымъ, когда Фульвія выступила противъ Цезаря (см. выше). Такъ какъ вскорѣ послѣ этого Секстъ Помпей добился большого значенія и даже приверженцы Антонія стали заискивать у него, то Цезарь вступилъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ семействомъ сенатора Скрибонія Либона, изъ котораго происходила жена Секста Помпея, и женился на Скрибоніи. Отъ этого брака родилась Юлія. Вслѣдъ затѣмъ Скрибонія получила разводъ. Причиной развода послужило то обстоятельство, что тріумвира Цезаря успѣла очаровать жена Тиберія Клавдія Нерона, Ливія, и онъ побудилъ ея мужа дать Ливіи разводъ, чтобы самому жениться на ней. Сыновья ея, Тиберій и Друзъ, остались первоначально у отца; и только послѣ смерти послѣдняго Августъ взялъ ихъ къ себѣ въ домъ. Бракъ его съ Ливіей остался бездѣтнымъ.

Въ силу этихъ обстоятельствъ Юлія, единственное родное дитя Августа, достигла большого значенія. Ибо вмѣстѣ съ рукой дочери Августъ намѣревался дать и принципатъ, что привело его, правда, къ конфликту съ интересами государства и съ наиболѣе вліятельными лицами. Августъ выбралъ своимъ наслѣдникомъ сына Октавіи отъ перваго брака, М. Клавдія Марцелла, такъ какъ и самъ онъ наслѣдовалъ Юлію Цезарю, какъ внукъ его сестры. Въ 25 г. до Р. X., черезъ пять лѣтъ послѣ битвы при Акціумѣ, состоялась свадьба четырнадцатилѣтней Юліи съ восемнадцатилѣтнимъ Марцелломъ; въ то-же время Марцеллъ былъ представленъ сенату какъ будущій повелитель и ему стали воздавать соотвѣтствующія почести.

Противъ этой личной политики Августа высказался, однако, человѣкъ, игравшій дотолѣ на ряду съ нимъ первую роль въ государствѣ: М. Випсаній Агриппа. Онъ былъ несомнѣнно убѣжденный сторонникъ монархическаго образа правленія и признавалъ Августа подходящимъ для этого человѣкомъ; но такое смѣшеніе государственныхъ интересовъ съ личными не пришлось ему по вкусу. Въ Римѣ распространилось мнѣніе, что хотя Марцеллъ и зять Августа, но Агриппа врядъ-ли допуститъ его завладѣть властью. Агриппа уклонился отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ и удалился въ добровольное изгнаніе на Лесбосъ. Разрывъ между обоими повелителями сталъ очевиденъ. Но тутъ въ дѣло вмѣшалась судьба: спустя

три года Марцеллъ, оплакиваемый Октавіей и Августомъ, умеръ отъ какой-то болѣзни (въ концѣ 23 г. до Р. Х.). Вопросъ о престолонаслѣдіи вновь стоялъ на очереди. Теперь въ дѣло вмѣшался Меценатъ. Онъ объяснилъ Августу, что Агриппа былъ поставленъ имъ самимъ въ такое положеніе, что теперь оставалось только одно изъ двухъ: или казнить Агриппу, или взять его въ зятья. Августъ выбралъ послѣднее: на второй годъ послѣ смерти Марцелла, Агриппа, разведясь со своей первой женой, женился на Юліи (въ 21 г. до Р. Х.). Этотъ бракъ, подобно многимъ другимъ той-же эпохи, былъ продиктованъ исключительно политическими соображеніями: тесть и зять находились въ одномъ возрастѣ; Помпей былъ даже старше своего тестя Цезаря. Впрочемъ, бракъ этотъ нельзя назвать неудачнымъ. Родившіеся отъ него два сына, Гай и Луцій, были усыновлены Августомъ и назначены наслѣдниками престола. Агриппа неустанно работалъ надъ организаціей власти, главнымъ образомъ на востокѣ имперіи, и Юлія послѣдовала туда за мужемъ; въ Лесбосѣ, гдѣ она жила долгое время, ее прославляли какъ новую Афродиту. Казалось, все шло хорошо.

Такъ прошли девять лѣтъ, лучшіе годы царствованія Августа. Но въ 12 г. до Р. Х., готовясь въ походъ въ Паннонію, Агриппа внезапно заболѣлъ и послѣ того умеръ. Это сильно пошатнуло всю семейную политику. Августъ, человѣкъ вообще не крѣпкаго тѣлосложенія, хворалъ въ то время такъ сильно, что нельзя было предположить, что онъ проживетъ еще долго. Въ случаѣ его смерти, достиженіе малолѣтними дѣтьми Юліи отъ Агриппы принципата казалось сомнительнымъ. Во всякомъ случаѣ они нуждались-бы до совершеннолѣтія въ надежномъ руководителѣ. Наконецъ и 28-лѣтнюю Юлію нельзя было оставить безъ мужа: Августъ хорошо зналъ свою дочь. При такихъ обстоятельствахъ казалось лучше всего выдать Юлію за Тиберія, старшаго пасынка Августа, успѣвшаго уже проявить свои способности. Правда, Тиберій былъ женатъ на Випсаніи, дочери Агриппы отъ перваго брака, и не чувствовалъ ни малѣйшей склонности къ Юліи. Но Августъ не останавливался передъ подобными соображеніями; онъ деспотически провелъ свой планъ и настоялъ на бракѣ Юліи съ Тиберіемъ (въ 11 г. до Р. Х.)

Этотъ бракъ оказался совершенно неудачнымъ. Оба супруга вскорѣ возненавидѣли другъ друга. Юлія обладала живымъ темпераментомъ и интересовалась поэзіей: поэтъ любви, Овидій, принадлежалъ къ ея кругу. Она не знала границъ своимъ прихотямъ и легкомыслію. Говорили, что она не сохраняла вѣрность и Агриппѣ въ послѣдніе годы ихъ брака. Для серьезнаго и угрюмаго Тиберія Юлія была неподходящей женой. Итакъ супруги разошлись, не разводясь формально, чего не допускали оффиціальныя приличія. Впрочемъ, положеніе Тиберія и въ политическомъ отношеніи представляло мало привлекательнаго: онъ долженъ былъ сохранить престолъ для Гая и Луція Цезарей и вновь стушеваться по достиженіи ими совершеннолѣтія. Когда Августъ приказалъ сенату назначить 15-лѣтняго Гая консуломъ и въ будущемъ готовилъ такія-же почести и для Луція, Тиберій послѣдовалъ примѣру Агриппы: онъ уклонился отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ и удалился въ изгнаніе въ Родосъ (въ 6 г. до Р. Х.). Это не могло не отразиться на интересахъ имперіи: пришлось отложить вторженіе въ Арменію, ибо Августъ не имѣлъ болѣе достойныхъ довѣрія помощниковъ; онъ не безъ основанія говорилъ, что всѣми покинутъ. Только нѣсколько лѣтъ спустя то-же порученіе дано было Гаю Цезарю. Но при осадѣ Артагиры Гай получилъ рану, отъ которой уже больше не оправился. Въ 4 г. по Р. Х. 24-лѣтній Гай скончался; братъ его Луцій умеръ еще двумя годами раньше во время поѣздки въ Испанію, въ Массиліи.

Теперь Августу не оставалось ничего другого, какъ назначить своимъ наслѣдникомъ Тиберія, вернувшагося между тѣмъ въ Римъ; 46 лѣтъ, онъ былъ усыновленъ домомъ Юліевъ,—„въ государственныхъ видахъ“, какъ гово-

рилъ Августъ; шагъ этотъ во всякомъ случаѣ не былъ продиктованъ любовью. Въ то-же время Тиберій получилъ императорскую и трибунскую власть (27-го іюня 4 года по Р. Х.). Этимъ нарушенъ былъ основной принципъ наслѣдованія принципата, но за то приспособленъ къ своеобразнымъ особенностямъ римскаго семейнаго быта. Въ продолженіе десяти лѣтъ Тиберій оставался вѣрнымъ сподвижникомъ Августа, энергично выступая всюду, гдѣ требовалось его присутствіе, въ Иллиріи и на Рейнѣ; въ эту эпоху Тиберій заслужилъ себѣ уваженіе и симпатіи въ военныхъ кругахъ. Паннонское возстаніе онъ подавилъ скорѣе удачными административными мѣрами, чѣмъ битвами, что было не легкой задачей. Однако, бразды правленія Августъ до конца ревниво держалъ въ своихъ рукахъ.

Государственное устройство, данное Августомъ римской имперіи, хотя и основано было на компромиссѣ между олигархіей и монархіей и потому содержало въ себѣ самомъ противорѣчія, тѣмъ не менѣе просуществовало цѣлыхъ три столѣтія. Практическая политика не всегда согласуется съ доктринами и зависитъ кромѣ того отъ личностей. Первый Цезарь несомненно далъ-бы государству иное направленіе, ибо онъ низвергнулъ власть сената. Наоборотъ, Октавіанъ, въ противоположность М. Антонію, выступилъ союзникомъ старыхъ властей, сохранившихъ свое значеніе и послѣ побѣды. Характерными являются для Августа династическая черта, въ силу которой онъ считалъ себя преемникомъ диктатора и въ политическомъ отношеніи, и тотъ способъ, какимъ онъ жертвовалъ всѣмъ ради своей семейной политики (см. Родословная Юліевъ Клавдіевъ“, стр. 420); такъ, онъ уступилъ Агриппѣ, но не Тиберію, и съумѣлъ сохранить свой авторитетъ и передъ этими выдающимися личностями. При жизни своихъ родныхъ внуковъ онъ стремился къ популярности, какъ въ глазахъ сената, такъ и народа.

Но какъ отецъ семейства, Августъ не имѣлъ счастья. Фактически расторгнувъ свой бракъ съ Тиберіемъ, Юлія продолжала весело жить въ своемъ кругу, не обращая никакого вниманія на всѣ предостереженія, которыя ей дѣлалъ отецъ: она на дѣлѣ осуществила любовные рецепты Овидія, справляя настоящія оргіи. Наиболѣе выдающуюся роль среди любовниковъ Юліи игралъ Юлій Антоній, младшій сынъ тріумвира отъ Фульвіи, воспитанный Октавіей и занимавшій на ряду съ сыновьями Ливіи одно изъ первыхъ мѣстъ въ государствѣ; женатый на Марцеллѣ, дочери Октавіи и разведенной женѣ Агриппы, онъ въ 10 г. до Р. Х. былъ назначенъ консуломъ и вслѣдъ затѣмъ проконсуломъ въ Азію. Его любовная интрига съ Юліей имѣла политическую окраску: онъ думалъ показать, что принципатъ и помимо воли Августа можетъ быть перенесенъ съ Юліевъ на Антоніевъ. Когда дѣла уже нельзя было болѣе потушить, Юлій Антоній былъ казненъ за государственную измѣну и сама Юлія отвергнута Августомъ (во 2 г. до Р. Х.). Девять лѣтъ спустя и Овидій подвергся изгнанію въ безотрадный городъ Томы, главнымъ образомъ изъ-за дочери Юліи, также уличенной въ нарушеніи супружеской вѣрности.

Это былъ тяжелый ударъ для Августа, стремившагося направить на лучшій путь развратную семейную жизнь римской знати. Октавія и Меценатъ, всегда являвшіеся посредниками въ такихъ дѣлахъ, уже умерли, Ливія-же съ злорадствомъ смотрѣла на гибель Юліи и ея дѣтей, ибо это прокладывало дорогу къ власти ея родному сыну, Тиберію. Переживъ всѣхъ своихъ соперницъ, она въ послѣдніе годы царствованія Августа заняла выдающееся положеніе и въ политическомъ отношеніи. Она находилась при мужѣ, когда онъ заболѣлъ во время поѣздки въ Кампанію, въ Нолѣ. Немедленно же она отправила пословъ къ Тиберію, посланному съ какимъ-то порученіемъ въ Иллирію. Благодаря этому Тиберій успѣлъ вернуться изъ Иллиріи къ 19-го августа 14 года по Р. Х.,—день, въ который умеръ Октавіанъ.

Родословная Юліевъ-Клавдіевъ.

Имп. Цезарь **Августъ**, род. въ 63 г. до Р. Х., † въ 14 г. по Р. Х.

- 1. С [1]. Клодія.
- 2. С. Скрибонія.
  - Юлія, * въ 39 г. до Р. Х. — 1. С. М. Клавдій Марцеллъ, † въ 23 г. до Р. Х. 2. С. М. Випсаній Агриппа, † въ 12 г. до Р. Х. 3. С. Тиберій.
    - (отъ Агриппы):
      1. Гай Цезарь, * въ 20 г. до Р. Х., † въ 4 г. по Р. Х.
      2. Луцій Цезарь, * въ 17 г. до Р. Х., † въ 2 г. по Р. Х.
      3. Випсанія Юлія, † въ 28 г. по Р. Х.
      4. Випсанія Агриппина, † въ 33 г. по Р. Х., С. Германика.
      5. Агриппа Постумъ, * въ 12 г. до Р. Х., † въ 14 г. по Р. Х.
- 3. С. Ливія († въ 29 л. по Р. Х.), ранѣе С. Тиб. Клавдія Нерона.
  - 1. Тиб. Клавдій Неронъ, * въ 42 г. до Р. Х., съ 4 г. по Р. Х. **Тиберій** Цезарь, † въ 37 г. по Р. Х. 1. С. Випсанія. 2. С. Юлія.
    - Друзъ, С. Ливилла, д. Друза, † въ 23 г. по Р. Х.
      - 1. Юлія С. 1. Нерона, сына Германика. 2. К. Рубеллія Бланда.
      - 2. Тиберій (Гемеллъ), * въ 19 г. по Р. Х., † въ 37 г. по Р. Х.
      - 3. Германикъ, * въ 19 г. по Р. Х., † въ 23 г. по Р. Х.
  - 2. Неронъ Клавдій Друзъ (Германикъ), * въ 38 г. до Р. Х., † въ 9 г. до Р. Х. С. Антонія II.
    - 1. Германикъ[2], * 15 г. до Р. Х., † 19 г. по Р. Х. С. Випсанія Агриппина.
      1. Неронъ, * въ 6 г. по Р. Х., † въ 31 г. по Р. Х., С. Юлія, дочь Друза Цезаря.
      2. Друзъ, * въ 7 г. по Р. Х., † въ 33 г. по Р. Х.
      3. Тиберій
      4. Имя неизвѣстно } * между 8 и 10 г. по Р. Х.
      5. Гай, * въ 11 г. по Р. Х., рано умеръ.
      6. Гай, какъ императоръ К. Цезарь Августъ Германикъ (**Калигула**), * въ 12 г. по Р. Х., † въ 41 г.
      7. Юлія Агриппина, * въ 15 г. по Р. Х. С. 1. Домицій Агенобарбъ, 2. Императоръ Клавдій.
      8. Юлія Друзилла, * въ 16 г. по Р. Х., † въ 38 г. по Р. Х., С. М. Эмилій Лепидъ.
      9. Юлія Ливилла, * въ 18 г. по Р. Х., † до 48 г. по Р. Х.
    - 2. Ливилла, С. Друза, сына Тиб.
    - 3. Тиб. Клавдій Неронъ Германикъ, съ 41 г. по Р. Х. Тиб. **Клавдій** Цезарь Августъ Германикъ, † въ 54 г. по Р. Х.
      - 1. С. Плавтія Ургаиила. 2. С. Эгія Пэтина.
        - 1. Клавдій Друзъ, † въ 20 г. по Р. Х.
        - 2. Клавдія
      - 3. С. Валерія Мессалина, † въ 48 г. по Р. Х.
        - 1. Клавдія Октавія, † въ 62 г. по Р. Х. С. Нерона.
        - 2. Клавдій Британникъ, † въ 55 г. по Р. Х.
      - 4. Юлія Агриппина († въ 59 г. по Р. Х.), ранѣе С. Кн. Домиція Агенобарба
        - Домицій Агенобарбъ, послѣ усыновленія (въ 50 г. по Р. Х.) Неронъ Цезарь; какъ императоръ съ 54 г.: **Неронъ** Клавдій Цезарь Августъ Германикъ, † въ 68 г. по Р. Х. С. Клавдія Октавія.

---

[1] С. означаетъ супругъ или супруга. — [2] До усыновленія домомъ Юліевъ Германикъ повидимому носилъ имя Нерона Клавдія Германика; послѣ усыновленія онъ назывался Германикъ (Юлій) Цезарь.

Тиберій сдѣлался императоромъ. Ему были подчинены военныя власти столицы, начальникъ штаба и начальникъ пожарной команды. Слѣдуя примѣру консуловъ, эти офицеры, а вслѣдъ за ними и сенаторы, солдаты и народъ присягнули на вѣрность новому повелителю. Соотвѣтствующіе приказы были посланы и въ провинціи. Въ самомъ Римѣ Тиберій, пользуясь своей „трибунской властью“, созвалъ засѣданіе сената, которое не обошлось безъ непріятнаго инцидента. Тиберій, не отличавшійся вообще краснорѣчіемъ, не нашелъ сразу подходящихъ словъ, чтобы объяснить, что онъ является наслѣдникомъ своего пріемнаго отца; онъ какъ будто-бы ждалъ предложеній со стороны сената. Когда нѣкоторые ораторы попытались серьезно воспользоваться своими правами, ибо въ этомъ сословіи убѣжденія отцовъ, какъ напр. Азинія Полліона, передавались и сыновьямъ, то въ дѣло вмѣшались сторонники династіи. Вообще существовала уже партія, агитировавшая въ пользу наслѣдника престола. Въ противѣсъ Тиберію выставили претендентомъ сына М. Агриппы и Юліи, Агриппу Постума, который родился уже послѣ смерти отца и котораго Августъ послѣ всѣхъ скандаловъ съ дочерью уже не могъ предпочесть Тиберію; но Агриппа Постумъ былъ казненъ въ своемъ изгнаніи безъ опредѣленнаго приказа Тиберія. Юлія погибла въ своемъ заточеніи въ Регіѣ; подробности ея смерти намъ неизвѣстны. Такъ, Тиберій сталъ во главѣ правленія 56 лѣтъ отъ роду, т. е. имѣя позади лучшую пору жизни, но занимая уже въ теченіе десятковъ лѣтъ наиболѣе отвѣтственныя должности; происходя изъ рода Клавдіевъ, онъ былъ усыновленъ домомъ Цезарей. Съ этого времени онъ сталъ оффиціально именовать себя „Тиберій Цезарь“, „Цезарь“, или просто „Тиберій“, выпуская фамилію и прозваніе, подобно тому какъ и наши монархи именуются лишь личнымъ именемъ. При всемъ томъ Тиберій не отрекся и отъ своего происхожденія изъ дома Клавдіевъ: не одни только враги упрекали его въ высокомѣріи, свойственномъ этому роду.

Впрочемъ Августъ установилъ право престолонаслѣдія за своимъ домомъ еще болѣе крѣпко. Онъ всегда предпочиталъ Тиберію младшаго сына Ливіи, Друза, побѣдителя германцевъ, котораго городскія сплетни даже выдавали за его родного сына: Друзъ родился уже послѣ того, какъ Ливія вошла въ домъ тріумвира Октавіана. Молодой человѣкъ женился на второй Антоніи, дочери Октавіи и тріумвира Антонія, превосходной женщинѣ, которая и овдовѣвъ пользовалась уваженіемъ всей семьи и навсегда сохранила хорошія отношенія со своимъ зятемъ Тиберіемъ.

Въ 9 г. до Р. Х. Друзъ умеръ вслѣдствіе несчастнаго паденія съ лошади и оставилъ двухъ сыновей, изъ коихъ старшій, наслѣдуя почетный титулъ своего отца, какъ побѣдителя германцевъ, сталъ именоваться „Германикомъ“, младшій-же, Клавдій, считался слабоумнымъ. По приказу Августа Тиберій долженъ былъ усыновить 20-лѣтняго Германика, хотя онъ имѣлъ родного сына отъ брака съ Випсаніей, Друза, не многимъ моложе Германика, который однако теперь долженъ былъ уступить первое мѣсто своему двоюродному или, вѣрнѣе, пріемному брату. Германикъ, проявившій свои блестящія офицерскія способности еще во время паннонско-далматскаго возстанія подъ начальствомъ Тиберія, по желанію Августа, женился на внучкѣ его Агриппинѣ, дочери Юліи и Агриппы. Отъ этого брака родилось нѣсколько человѣкъ дѣтей, на радость старому повелителю, которому удалось такимъ образомъ еще при жизни увидѣть расцвѣтъ своего потомства и обезпечить за нимъ престолонаслѣдіе послѣ смерти Тиберія. Въ годъ смерти Августа Германикъ командовалъ стоявшими на Рейнской границѣ восемью легіонами, т. е. сильнѣйшей арміей государства. Получивъ скорбную вѣсть, онъ немедленно привелъ войско къ присягѣ на вѣрность новому повелителю; воля Августа была одинаково священна, какъ для Тиберія, такъ и для Германика.

Однако легіонеры задумали воспользоваться перемѣной повелителя

чтобы улучшить свое положеніе; иллирійская и рейнская армія одновременно возмутились. Солдаты жаловались на непомѣрно долгую двадцатилѣтнюю службу, на тяжелыя работы, которыя имъ приходилось исполнять въ мирное время при устройствѣ провинцій, на тяжелыя тѣлесныя наказанія, которымъ они безпрестанно подвергались со стороны унтеръ-офицеровъ, наконецъ, на частыя упражненія и ученія. Прослуживъ уже свои 20 лѣтъ и получивъ такимъ образомъ право на премію, они, по ихъ словамъ, еще годами должны были ждать вознагражденія, или-же получали землю въ гористыхъ или даже болотистыхъ мѣстностяхъ, которыя необходимо было еще предварительно приспособить къ жилью. Гвардія-же служила всего 16 лѣтъ, пользовалась жизнью въ столицѣ и другихъ городахъ Италіи и получала кромѣ того повышенное жалованье. Все движеніе могло принять опасный оборотъ, ибо легіоны на Рейнѣ, казалось, готовы были провозгласить Германика своимъ императоромъ. Но Германикъ энергично отказался отъ этой чести. По удаленіи изъ лагеря Агриппины и ея дѣтей настроеніе солдатъ измѣнилось; въ Иллиріи, куда Тиберій послалъ своего сына Друза, лунное затменіе дало лучшій оборотъ всему дѣлу: пришлось, правда, въ данный моментъ согласиться на требованія солдатъ, но удалось захватить зачинщиковъ и возстановить дисциплину. Тутъ въ первый разъ принципатъ помѣрялся со своимъ орудіемъ, имперскимъ войскомъ. Съ теченіемъ времени правительство мало по малу вновь взяло назадъ всѣ сдѣланныя уступки, такъ какъ финансовое положеніе имперіи не допускало уменьшенія срока службы и повышенія жалованья, и кромѣ того, по мнѣнію опытнѣйшихъ офицеровъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ Тиберій, дисциплину нельзя было поддерживать безъ розогъ, упражненій, лагерныхъ и полевыхъ работъ.

Руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что солдатамъ необходимо напомнить объ ихъ настоящемъ назначеніи путемъ новой удачной войны, Германикъ, не испросивъ дозволенія въ Римѣ, на собственный страхъ повелъ войска черезъ Рейнъ. Онъ повторилъ эти походы и въ слѣдующіе годы, намѣреваясь пойти по слѣдамъ своего отца Друза и отомстить за пораженіе Квинктилія Вара. Онъ дошелъ до Везера и Эльбы, ввелъ свои корабли въ Сѣверное море, сражался съ Арминіемъ и достигъ и Тевтобургскаго лѣса. Здѣсь онъ похоронилъ останки павшихъ римлянъ. Однако постоянныя опасности и потери въ людяхъ, которыя терпѣло войско, побудили Тиберія положить предѣлъ предпріимчивости наслѣдника престола. Германикъ былъ отозванъ въ самыхъ почетныхъ выраженіяхъ, отпраздновалъ въ Римѣ блестящій тріумфъ и одновременно съ Тиберіемъ былъ назначенъ консуломъ (въ 18 г. по Р. Х.). Должность галльско-германскаго главнокомандующаго была уничтожена; внутреннія области были поставлены подъ вѣдомство гражданскихъ губернаторовъ, а рейнскіе легіоны раздѣлены на два корпуса: одинъ для верхней Германіи съ главной квартирой въ Могунціакѣ (нынѣ Майнцъ), другой для нижней Германіи съ главной квартирой въ Castra Vetera (близъ Ксантена).

Германикъ былъ посланъ на востокъ, гдѣ оставалось еще привести въ порядокъ нѣкоторыя дѣла, которыя однако спокойно можно было предоставить провинціальнымъ намѣстникамъ. Германикъ такъ и отнесся къ данному ему порученію: онъ рѣшилъ по пути осмотрѣть поле битвы въ Акціумѣ, достопримѣчательности Аѳинъ, наконецъ и египетскія пирамиды. Въ Сиріи императорскій намѣстникъ Кн. Кальпурній Пизонъ даже отказался повиноваться принцу. Пизонъ былъ сынъ консула Пизона 23-го года и самъ занималъ должность консула вмѣстѣ съ Тиберіемъ въ 7 г. до Р. Х.; онъ былъ женатъ на Планцинѣ, дочери или внучкѣ Л. Мунація Планка. Между Германикомъ и Пизономъ произошло нѣсколько непріятныхъ столкновеній и, наконецъ, ихъ подчиненные съ оружіемъ въ рукахъ выступили другъ противъ друга. Въ силу своей проконсульской власти Германикъ отрѣшилъ

Пизона отъ должности; вскорѣ послѣ этого онъ внезапно заболѣлъ въ Антіохіи и, умирая, приписалъ свою болѣзнь дѣйствію яда. Онъ передалъ эти подозрѣнія женѣ своей Агриппинѣ, которая въ своемъ горѣ обвинила и императора въ участіи въ преступленіи. Тиберій поручилъ разслѣдованіе дѣла сенату. Обвиненіе въ отравленіи было найдено неосновательнымъ, но Пизонъ осужденъ за неповиновеніе, послѣ чего онъ самъ наложилъ на себя руки. Случай этотъ скомпрометтировалъ и правительство, игравшее во всякомъ случаѣ двусмысленную роль. Говорили о тайныхъ указаніяхъ, полученныхъ Пизономъ, старымъ другомъ Тиберія, которыя онъ будто-бы превысилъ; во всякомъ случаѣ императоръ имѣлъ якобы намѣреніе смирить надменнаго принца. Жена Пизона, Планцина, желая спасти мужа, обратилась за помощью къ Ливіи; она разсчитывала на всѣмъ извѣстную ненависть Ливіи къ Юліи и ея потомству. Но противная партія ревностно искала какихъ-нибудь доказательствъ; поэтому Пизону дали погибнуть Этотъ случай вызвалъ большое возбужденіе современниковъ, ибо Германикъ пользовался большой популярностью (въ 19 г. по Р. Х.).

Наслѣдникомъ престола былъ назначенъ теперь родной сынъ императора, Друзъ. Но значительнѣйшую роль при дворѣ игралъ Сеянъ, римскій всадникъ изъ Вольсинія, котораго Тиберій поставилъ во главѣ гвардіи. Гвардія состояла изъ девяти когортъ, разбросанныхъ во времена Августа въ различныхъ мѣстахъ Италіи; Сеянъ сосредоточилъ ихъ всѣ въ Римѣ. Укрѣпленный станъ гвардіи, устроенный передъ Виминальскими воротами, сталъ съ этого времени служить цитаделью столицы.

Управленіе императорскими провинціями находилось въ хорошихъ рукахъ, ибо Тиберій привлекъ сюда дѣльныхъ людей изъ знати, а намѣстниковъ, успѣвшихъ уже оправдать возложенное на нихъ довѣріе, оставилъ на ихъ мѣстахъ. При этомъ оказалось, что лучшими императорами являются не принцы крови, а люди, успѣвшіе присмотрѣться къ правленію въ менѣе высокомъ положеніи. Провинціи были благодарны новому повелителю за то, что онъ продолжалъ мирное правленіе Августа. Его восхваляли за то, что онъ точно держался установленныхъ государственныхъ формъ. Каждая провинція и даже отдѣльныя племена имѣли свои статуты или привилегіи. Такъ въ „трехъ Галліяхъ“ 60, а позднѣе 64 „civitates“ управлялись сами: они одни принимали участіе въ „concilium“ въ Лугдунѣ. Имъ были подчинены въ управленіи остальныя „civitates“.

Въ Египтѣ и Іудеѣ евреи пользовались особыми правами, обезпечивавшими за ними свободу исповѣданія; сверхъ того выплачиваніе извѣстныхъ податей освобождало ихъ отъ военной службы. Въ Египтѣ приходилось считаться и съ суевѣріемъ, ибо убійство, напр., священной кошки могло глубоко оскорбить чувство туземнаго населенія. Тиберій отдалъ приказъ намѣстникамъ поддерживать строгій порядокъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ.

Вслѣдствіе всего этого торговыя сношенія достигли неслыханнаго дотолѣ расцвѣта; въ государственную казну стекались такія суммы денегъ, которыя показались-бы неслыханными даже при Августѣ. Въ непредвидѣнныхъ несчастныхъ случаяхъ, какъ напр. послѣ землетрясенія, разрушившаго въ провинціи Азіи до двѣнадцати городовъ, императоръ не скупился на деньги; повсюду была оказана своевременная помощь. Только въ послѣдніе годы его царствованія стали раздаваться жалобы на то, что бережливость перешла въ скупость и безсмысленное накопленіе богатствъ. О состояніи провинцій во времена Тиберія мы находимъ важныя указанія у современниковъ его, Страбона и Филона. Сознавая всѣ выгоды лучшаго управленія, провинціи держались чрезвычайно лояльно по отношенію къ императорамъ.

Во внѣшней политикѣ все было спокойно. Римляне укрѣпляли завоеванныя позиціи на Рейнѣ, на Дунаѣ и на Евфратѣ, не стремясь къ

дальнѣйшему расширенію границъ (см. карту далѣе) со времени отозванія Германика изъ Германіи. Въ Африкѣ пришлось подавить возстаніе пограничныхъ племенъ. Остальныя событія касались лишь Рима и Италіи; они интересовали первоначально лишь небольшіе круги, но вскорѣ затронули и общую государственную политику.

Взаимныя отношенія членовъ царствующаго дома далеко не были идеальны. Съ другой стороны Друзъ, наслѣдникъ престола, не ладилъ съ Сеяномъ; онъ даже такъ далеко зашелъ въ своемъ раздраженіи, что далъ ему однажды пощечину, чего префектъ никогда не могъ забыть. Сеянъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ императора, принципіально поддерживавшаго дѣльныхъ сановниковъ. Сеянъ со своей демонической натурой былъ посвященъ и въ семейныя тайны династіи, ибо ему удалось соблазнить Ливиллу, жену наслѣдника престола, и побудить ее дать Друзу ядъ. Смерть наслѣдника не вызвала особеннаго подозрѣнія, такъ какъ легкомысленный образъ жизни принца сильно способствовалъ разстройству его здоровья (въ 23 г. по Р. X.). Ближайшими претендентами на престолъ являлись теперь сыновья Германика и Агриппины, которые и были представлены сенату какъ наслѣдники престола. Старшій изъ нихъ назывался Неронъ, второй Друзъ; первый былъ зять Ливиллы. Отъ Ливиллы Сеянъ всегда немедленно узнавалъ о всѣхъ планахъ принцевъ.

Уже братъ Тиберія, отъ котораго происходили эти молодые люди, носился съ мечтами, которыя въ XIX вѣкѣ были-бы названы „либеральными“. Онъ высказался за то, чтобы принудить Августа серьезно возстановить старое государственное устройство: по его программѣ сенатъ и комиціи по прежнему должны были управлять римскимъ государствомъ, а всѣ монархическія установленія слѣдовало уничтожить. Каждый проконсулъ долженъ былъ пользоваться правомъ чеканить монеты со своимъ изображеніемъ, что Августъ дозволялъ еще во времена Гая и Луція Цезарей, но позднѣе запретилъ. Впрочемъ, Катонъ, кончившій жизнь самоубійствомъ при Утикѣ, М. Туллій Цицеронъ, М. Брутъ и К. Кассій почитались даже въ семьѣ Августа, какъ герои и мученики за свои убѣжденія. Клавдій, сынъ Друза и братъ Германика, посвятившій себя серьезному изученію исторіи подъ руководствомъ Тита Ливія, выпустилъ описаніе гражданскихъ войнъ, встрѣтившее сильныя возраженія со стороны его матери Антоніи и бабушки Ливіи. Германика также считали сторонникомъ этихъ убѣжденій; дѣйствительно, онъ мало заботился о монархическомъ порядкѣ вещей и дѣйствовалъ скорѣе какъ проконсулъ, не подлежащій никакому контролю. Правда, съ этимъ какъ-то странно сочеталось то обстоятельство, что Агриппина гордилась своимъ прямымъ происхожденіемъ отъ Августа передъ Тиберіемъ, происходившимъ изъ рода Клавдіевъ и лишь усыновленнымъ Августомъ. Противъ Тиберія образовалась довольно сильная опозиція и въ сенатѣ; говорили, что онъ только благодаря проискамъ Ливіи получилъ принципатъ, который слѣдовало-бы отдать болѣе достойнымъ людямъ (называли даже имена). Намекали и на то, что преждевременная смерть Гая и Луція Цезарей не была вполнѣ естественной.

Тиберій, съ своей стороны, послѣдовательно проводилъ государственное устройство Августа, не соблюдая лишь формальностей, которыхъ Августъ придерживался изъ извѣстныхъ соображеній. Эти формальности касались напримѣръ передачи провинцій въ однѣ руки на опредѣленный срокъ, а не пожизненно: Августъ возобновлялъ свои полномочія каждыя пять или десять лѣтъ, хотя въ сущности ему въ нихъ и нельзя было отказать. Тиберій-же принялъ принципатъ безъ всякихъ ограниченій на сроки, предоставляя себѣ лишь право въ будущемъ отказаться отъ него. Далѣе Августъ сохранилъ комиціи, хотя онѣ уже въ теченіе вѣка не были представителями народа; комиціи избирали на должности кандидатовъ, намѣченныхъ правительствомъ, т.-е. принцепсомъ и сенатомъ. Тиберій, наоборотъ,

уничтожилъ комиціи, какъ совершенно ненужныя учрежденія, и постановилъ, чтобы чиновниковъ, кругъ компетенціи которыхъ и безъ того все болѣе и болѣе ограничивался вслѣдствіе продолжающагося развитія принципата, назначалъ сенатъ; какъ членъ послѣдняго, онъ такимъ образомъ также могъ имѣть вліяніе на эти выборы.

Несмотря на то, что планъ государственнаго устройства Августа и окончательное осуществленіе его Тиберіемъ вытекали изъ данныхъ условій и находили въ нихъ свое оправданіе, въ дѣло вмѣшалась оппозиція. Возстановленіе комицій принадлежало къ намѣченнымъ оппозиціей цѣлямъ. Къ этому присоединялась еще республиканская пропаганда и династическая оппозиція въ лицѣ Агриппины и ея сыновей. Тиберій остался непреклоненъ и неоднократно предостерегалъ Агриппину, смотрѣвшую на него какъ на убійцу своего мужа, дѣлавшую видъ, что неувѣрена даже въ личной безопасности; но всѣ предостереженія были напрасны. На ряду съ Агриппиной и преданнымъ ей кругомъ людей, выдающуюся роль играла и Ливія, которую Августъ удочерилъ своимъ завѣщаніемъ. Она имѣла свою партію среди старыхъ сенаторовъ, и эта партія вела свою политику. Далѣе, Ливилла хотѣла выйти замужъ за Сеяна; несмотря на отказъ императора, связь ихъ продолжалась. Сеянъ отъ имени императора энергично выступилъ противъ партіи Агриппины; за то она проектировала возстаніе въ провинціяхъ, не имѣя однако силъ побѣдить могущественнаго префекта.

Тиберія такъ утомили всѣ эти интриги, что онъ рѣшилъ удалиться отъ нихъ. Домъ его опустѣлъ, самъ онъ со времени развода съ Випсаніей былъ такъ озлобленъ, что предавался на Родосѣ развратной жизни; и въ старые годы онъ не могъ отстать отъ этихъ привычекъ: городскія сплетни передавали ужасныя вещи. Тиберій на старости лѣтъ имѣлъ далеко не привлекательный видъ. Нѣкогда стройная фигура (см. таблицу при стр. 395, фиг. 3) сгорбилась, лицо было обезображено сыпью; поэтому при дворѣ было отмѣнено цѣлованіе, игравшее въ римскомъ этикетѣ большую роль. Къ этому присоединялись плохія семейныя отношенія; особенно сильно не ладили между собой три вдовы, хотя Ливія и придерживалась строго внѣшнихъ приличій. Въ 26 г. по Р. Х. Тиберій уѣхалъ въ Кампанію и не вернулся уже болѣе въ Римъ. Онъ отправился на островъ Капри въ Неаполитанскомъ заливѣ, пріобрѣтенный Августомъ; этотъ островъ Тиберій избралъ своей резиденціей, ибо здѣсь онъ могъ избѣгать всякихъ сношеній, которыя ему были непріятны. Многочисленныя депутаціи, пріѣзжавшія ко двору, обыкновенно вовсе не допускались къ императору, ибо Тиберій считалъ, что, принимая одну сторону, онъ былъ-бы обязанъ принять и другую, и тогда пріемамъ нельзя было предвидѣть конца. Онъ довольствовался обществомъ нѣсколькихъ друзей изъ сословія сенаторовъ и всадниковъ и охотно принималъ у себя ученыхъ. Кромѣ того при немъ находился астрологъ, ибо Тиберій, въ общемъ по натурѣ не религіозный, придавалъ значеніе такимъ вещамъ. Префектъ гвардіи, замѣщавшій въ Римѣ императора, пріѣзжалъ по временамъ съ дѣлами, а отрядъ гвардіи стоялъ на Капри, исполняя и курьерскую службу.

Въ 29 году умерла 86-лѣтняя мать императора, Ливія. Теперь уже ничто не могло предотвратить катастрофы въ семьѣ Германика, подготовлявшейся уже давно. Агриппина и сыновья ея, Неронъ и Друзъ, были обвинены въ государственной измѣнѣ и арестованы, Неронъ казненъ, Агриппина сослана въ изгнаніе, Друзъ посаженъ въ темницу. Все это было дѣломъ Сеяна, стремившагося занять первое мѣсто въ государствѣ.

Тиберію было въ это время уже больше 70 лѣтъ; возникалъ вопросъ, кто будетъ царствовать послѣ его смерти. Ближайшими претендентами являлись два мальчика, Гай, младшій сынъ Германика, и Тиберій, сынъ прежняго наслѣдника престола Друза и Ливиллы. Если бы власть перешла къ Гаю и вмѣстѣ съ нимъ къ партіи Агриппины, Сеянъ погибъ бы.

Онъ рѣшилъ обезпечить свое положеніе. Сеянъ понималъ силу противной партіи, заключавшуюся въ томъ, что она имѣла популярную программу. Онъ готовъ былъ также признать эту программу, чтобы достигнуть своей цѣли. Долгое отсутствіе Тиберія, слухи, доходившіе въ Римъ объ его жизни на Капри, благопріятствовали предпріятію. Гвардія была предана своему префекту. Онъ имѣлъ партію въ сенатѣ, значительнѣйшіе намѣстники и нѣкоторые цари-кліенты стояли на его сторонѣ, такъ какъ онъ уже цѣлые годы былъ „вицеимператоромъ“. Но и Тиберій по прежнему довѣрялъ ему. Въ 31 году Сеянъ вслѣдствіе особенной милости императора былъ назначенъ вмѣстѣ съ Тиберіемъ консуломъ; если бы ему удалось достигнуть и трибунской власти, онъ былъ-бы фактически наслѣдникомъ. Тогда уже не трудно было-бы устранить Тиберія и остальныхъ членовъ династіи.

Только въ послѣдній моментъ Тиберій получилъ предостереженіе отъ своей невѣстки Антоніи, которая послала на Капри довѣренное лицо съ разоблаченіями. Теперь только Тиберій понялъ угрожавшую ему опасность. Съ большой осторожностью приступилъ онъ къ мѣрамъ противодѣйствія. Нельзя было терять времени, но съ другой стороны нельзя было и дѣйствовать открыто. Были сдѣланы приготовленія, чтобы въ случаѣ нужды сѣсть на корабли и бѣжать къ стоявшимъ на Рейнѣ легіонамъ. Въ самомъ Римѣ дѣло было поручено Невію Макрону, посвятившему въ тайну и начальника пожарной команды, Грецина Лакона, такъ какъ гвардіи нельзя было довѣрять. Въ то-же время императоръ отправилъ письмо въ сенатъ; письмо это было обставлено нѣкоторой торжественностью, такъ что Сеянъ думалъ, что оно приноситъ ему трибунскую власть. Предсѣдательствующій консулъ прочелъ письмо въ сенатѣ; послѣ различныхъ оговорокъ оно заключало въ концѣ приказъ арестовать и предать суду Сеяна. Между тѣмъ Макронъ отправился въ лагерь преторіанцевъ, чтобы передать имъ волю императора и принять на себя командованіе. Лаконъ съ пожарной стражей окружилъ залу засѣданія сената; сверхъ того былъ данъ приказъ въ случаѣ нужды выпустить противъ Сеяна содержавшагося въ Палатинскомъ дворцѣ принца Друза. Но Сеянъ былъ такъ пораженъ, что и не подумалъ о сопротивленіи. Казнь его была совершена въ тотъ же день. Преторіанцы были недовольны тѣмъ, что пожарной стражѣ было оказано больше довѣрія, чѣмъ имъ. Волненія, вызванныя паденіемъ Сеяна и арестомъ его приверженцевъ, продолжались нѣсколько дней (въ октябрѣ 31 г. по Р. Х.).

Такъ Тиберій остался во главѣ правленія; но измѣна Сеяна произвела на него сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ вполнѣ полагался на Сеяна, ибо послѣдній спасъ ему жизнь передъ его переселеніемъ на Капри. Сеянъ занималъ высшее положеніе въ государствѣ. Знатнѣйшіе дома Рима роднились съ нимъ; самъ онъ даже принадлежалъ къ царствующему дому, ибо незадолго передъ тѣмъ обручился съ дочерью Ливиллы. И тѣмъ не менѣе онъ не могъ дождаться смерти стараго Тиберія. Далѣе, процессъ родныхъ и приверженцевъ Сеяна обнаружилъ ужаснѣйшія преступленія, напр. причину смерти наслѣдника престола Друза и т. п. Всѣ эти событія способны были привести человѣка въ ярость. И Тиберій дѣйствительно былъ приведенъ въ бѣшенство.

Два года продолжались процессы и казни, пока наконецъ въ 33 г. императоръ не отдалъ приказъ покончить со всѣмъ этимъ; онъ не желалъ ничего болѣе знать. Тиберій по прежнему крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ бразды правленія, съ тою только разницей, что теперь вольноотпущенники пріобрѣтали все больше и больше вліянія; но вокругъ него становилось все болѣе и болѣе пусто. Два старшіе сына Германика были убиты; младшій, Гай, привезенный на Капри, не внушалъ Тиберію особеннаго довѣрія: онъ имѣлъ, по его мнѣнію, всѣ дурныя каче-

ства Суллы и ни одного хорошаго; нельзя было пожелать себѣ лучшаго слугу и болѣе плохого господина. Только черезъ два года послѣ паденія Сеяна Тиберій назначилъ Гая квесторомъ. Императоръ предпочиталъ ему Тиберія Геммела, своего родного внука; но съ тѣхъ поръ какъ стали извѣсты отношенія Ливиллы къ Сеяну, нельзя было положиться, что онъ не былъ сыномъ послѣдняго. Поэтому императоръ въ своемъ завѣщаніи назначилъ обоихъ принцевъ равными наслѣдниками своего личнаго имущества, не разрѣшая вопроса о принципатѣ.

Префектомъ гвардіи былъ назначенъ Невій Серторій Макронъ, съ женой котораго Гай „на всякій случай" поддерживалъ любовную связь. Въ качествѣ товарища принца при дворѣ находился одинъ изъ членовъ іудейскаго царскаго дома, Юлій Агриппа, внукъ Ирода Великаго, сынъ казненнаго въ 7 г. до Р. Х. Аристобула, дружившій уже съ наслѣдникомъ престола Друзомъ; его воспоминанія даютъ намъ свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни Тиберія.

Времена эти тяжелымъ гнетомъ ложились на высшіе слои общества въ Римѣ. Уже прежде лица, виновныя въ оскорбленіи величества, подвергались преслѣдованіямъ, такъ какъ подобныя преступленія заключали въ себѣ оскорбленіе священной трибунской власти; литература, главнымъ образомъ историческая, также была подвержена цензурѣ съ этой точки зрѣнія. Противъ правительства нельзя было ничего писать. Историкъ Кремуцій Кордъ, республиканецъ по убѣжденіямъ, подвергся осужденію. Наоборотъ Веллей Патеркулъ изъ Капуи, служившій въ своей юности офицеромъ въ Германіи и въ Далмаціи подъ командой Тиберія, выпустилъ римскую исторію, исполненную унизительной лести по отношенію къ Цезарямъ вообще и къ Тиберію и всемогущему въ то время Сеяну въ особенности. Другое сочиненіе, собраніе очерковъ изъ римской исторіи, Валерія Максима, выпущенное уже послѣ паденія Сеяна, заканчивается проклятіемъ памяти Сеяна, заслуживающаго наказаній и въ подземномъ мірѣ. Такъ писали въ то время, ибо только такъ дозволено было думать и писать; быстро распространившееся сословіе доносчиковъ грозило опасностью всякой самостоятельной личности.

Несмотря на предстоявшую перемѣну императора, никто не смѣлъ говорить о ней. Юлій Агриппа, позволившій себѣ обсуждать этотъ вопросъ съ Гаемъ Цезаремъ, былъ немедленно арестованъ по доносу какого-то мстительнаго кучера; его выпустили на свободу лишь послѣ смерти императора. Характерно, что по полученіи перваго извѣстія о смерти Тиберія никто не осмѣливался открыто выражать своихъ чувствъ: извѣстіе могло оказаться преждевременнымъ; только по подтвержденіи его все вздохнуло свободнѣе. Тиберій становился все слабѣе, но съ большимъ упрямствомъ держался на ногахъ и не хотѣлъ и слышать о врачѣ. Онъ былъ крайне возбужденъ, узнавъ изъ присланныхъ ему протоколовъ, что сенатъ оспаривалъ доказательную силу его собственнаго свидѣтельскаго показанія по поводу какого-то процесса; дѣйствительно послѣ его смерти „acta" его не были утверждены присягой. Тиберій переѣхалъ изъ Капри въ Кампанію, чтобы привести сенатъ къ послушанію. Но здѣсь, въ Мизенѣ, въ бывшей виллѣ Лукулла, также уже принадлежавшей императору, съ нимъ случился обморокъ. О послѣднихъ минутахъ его жизни ходили различные разсказы. Разсказывали, будто придворные уже присягали Гаю, когда умирающій вновь поднялся на своемъ ложѣ; тогда Макронъ бросилъ на него подушки и задушилъ его (16-го марта 37 года по Р. Х.). Такъ умеръ Тиберій, четвертый послѣ Помпея, Цезаря и Августа основатель римской императорской власти, не любимый, въ извѣстныхъ кругахъ даже ненавидимый, но во всякомъ случаѣ выдающійся человѣкъ. Имперія и принципатъ не погибли во время послѣдующихъ плохихъ правленій только благодаря тѣмъ прочнымъ основамъ, которыя были положены этими четырьмя первыми императорами.

Гай, руководимый Макрономъ, переѣхалъ въ Римъ, гдѣ его встрѣтили съ ликованіемъ, какъ сына Германика; сенатъ немедленно-же призналъ его права на принципатъ. Послѣ этого Гай усыновилъ Тиб. Гемелла и подчинилъ его такимъ образомъ своей отцовской власти. Далѣе онъ немедленно удовлетворилъ старое требованіе возстановленія комицій, устранилъ различныя ограниченія сената, освободилъ литературу отъ цензуры и вообще во многомъ вернулся къ правленію Августа. Военные круги съ сочувствіемъ встрѣтили новаго регента, такъ какъ молодые офицеры могли надѣяться теперь на болѣе быстрое повышеніе: Тиберій, руководясь мотивами сбереженія, оставлялъ на службѣ старыхъ начальниковъ. Члены семейства молодого „принцепса" также получили свою долю участія во всеобщей радости: стоявшій всегда въ тѣни дядя Клавдій былъ назначенъ консуломъ, бабушка Антонія получила титулъ Августы, сестры принцепса получили императорскія привилегіи; кости матери Агриппины и казненныхъ братьевъ были торжественно привезены въ Римъ и преданы землѣ.

Однако вскорѣ Гай оказался не только неспособнымъ, но и злымъ человѣкомъ; рѣшительный поворотъ къ худшему наступилъ послѣ болѣзни, сильно разстроившей его здоровье на восьмомъ мѣсяцѣ его правленія. Отъ императора не ускользнуло, что многіе возлагали надежды на Тиберія Гемелла и что послѣдній стоялъ на пути къ его самодержавію. Тиберій Гемеллъ получилъ приказъ наложить на себя руки; никто другой не смѣлъ къ нему прикоснуться, ибо особа изъ рода Юліевъ должна была быть неприкосновенной. Макронъ, пытавшійся побудить свою креатуру, Гая, къ серьезной дѣятельности, былъ лишенъ званія префекта гвардіи и посланъ вице-царемъ въ Египетъ: это былъ предлогъ, чтобы удалить его изъ Рима и затѣмъ казнить. Его жена, бывшая любовница Гая, раздѣлила его судьбу. Тесть Гая, всѣми уважаемый сенаторъ М. Юлій Силанъ, пытавшійся образумить своего зятя, былъ „отправленъ на тотъ свѣтъ въ догонку за дочерью", какъ выражался Гай. Такъ продолжалось и дальше. Всѣ проявившіе свои способности во времена Тиберія государственные люди были отозваны со своихъ мѣстъ намѣстниковъ, такъ что и провинціи вскорѣ почувствовали бурныя послѣдствія перемѣны системы. Мы узнаемъ подробности объ этихъ событіяхъ изъ сочиненій александрійскаго еврея Филона; онъ находился среди членовъ посольства, которое искало у императора защиты противъ нападеній александрійской черни.

Новый регентъ считалъ себя выше всѣхъ прочихъ смертныхъ. Онъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ Августа и Антонія, оставляя безъ вниманія свое происхожденіе отъ Агриппины. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на солнце, вокругъ котораго какъ планеты должны были двигаться цари-кліенты. За это они получали отъ него различныя выраженія милости; такъ напр. Иродъ Агриппа, получившій княжество въ Іудеѣ, точно также и князья Ѳракіи, Арменіи и Коммагены; наконецъ и Птоломей, царь Мавританіи, получившій исключительное право чеканить золотую монету. Правда, тотъ-же самый Птоломей былъ арестованъ и казненъ за то, что явился въ Римъ съ блестящей свитой, какъ императоръ.

Вскорѣ Гай внесъ смятеніе и въ военное дѣло. Чтобы стяжать военные лавры, онъ отправился въ Галлію и на Рейнъ, гдѣ начались волненія среди каттовъ. Достигнувъ здѣсь кажущагося успѣха, онъ пошелъ на сѣверный берегъ Галліи, чтобы оттуда переправиться въ Германію. Но и здѣсь онъ не достигъ ничего: императоръ приказалъ войскамъ собирать на берегу раковины, какъ дань отъ моря. Онъ совершенно разсорился съ командующими генералами и многочисленными отставками нажилъ себѣ враговъ и среди нижнихъ чиновъ. Кромѣ того наступилъ недостатокъ въ деньгахъ, такъ какъ Гай въ поразительно короткое время растратилъ всѣ государственныя богатства, скопленныя Тиберіемъ; заключать-же займы (въ храмахъ и т. д.) было крайне затруднительно. Было конечно чрезвы-

чайно легко осчастливить многихъ; но теперь приходилось покрывать дефицитъ налогами и непосильными поборами, конфискаціями и казнями.

Въ наиболѣе близкихъ императору кругахъ распространилось убѣжденіе, что онъ не нормаленъ и что онъ долженъ быть устраненъ ради интересовъ государства и царствующаго дѣла. Мужъ Друзиллы, сестры Гая, М. Эмилій Лепидъ, и намѣстникъ верхней Германіи, Кн. Лентулъ Гетульскій взялись за это дѣло, но заговоръ ихъ былъ открытъ и они смертью поплатились за свою попытку (въ 39 г. по Р. Х.). Однако когда Гай сталъ грубо обращаться и съ офицерами гвардіи, нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и старый трибунъ Кассій Херея, и консуларъ Л. Анній Виниціанъ, составили заговоръ, которому не противились и вліятельныя лица дворца. Гай былъ убитъ въ театрѣ за кулисами дежурнымъ въ тотъ день Кассіемъ Хереей. Вслѣдъ затѣмъ были убиты и его жена Цезонія и ея ребенокъ 24-го января 41 г. по Р. Х.

Въ нижнихъ слояхъ столичнаго населенія, называвшаго Гая ласкательнымъ именемъ Калигулы, т.-е. сапожокъ, даннымъ ему нѣкогда рейнскими солдатами, императоръ пользовался даже извѣстной популярностью. Въ противоположность своему предшественнику, онъ раздавалъ деньги, устраивалъ игры и интересовался всякаго рода спортомъ, чувствуя себя напримѣръ въ цирковыхъ конюшняхъ совершенно какъ дома. Развратная жизнь сильно разстроила его здоровье. Такъ окончился съ этимъ мальчишкой родъ Юліевъ, которому Римъ былъ обязанъ многими выдающимися людьми. Германскіе тѣлохранители Гая остались ему вѣрны и послѣ его смерти, напали на собравшійся народъ и при этомъ ранили и убили многихъ сенаторовъ.

Теперь на очереди стоялъ вопросъ о будущемъ. Впервые принцепсомъ не было сдѣлано никакихъ распоряженій относительно наслѣдованія принципата. Со времени паденія Макрона сила префекта гвардіи была ослаблена, а преслѣдованія Тиберія и Гая лишили династію всѣхъ мужскихъ наслѣдниковъ. На Клавдія никто не смотрѣлъ серьезно. Въ царствованіе Тиберія онъ не занималъ никакой должности; при Гаѣ онъ, даже занимая неоднократно должность консула, не пользовался никакимъ вліяніемъ. Виниціанъ и Кассій Херея мечтали о возстановленіи господства сената, такъ какъ „принципатъ“ согласно государственному устройству былъ только чрезвычайнымъ временнымъ учрежденіемъ. Съ другой стороны нѣкоторые сенаторы сами надѣялись занять первое мѣсто; наоборотъ другіе, среди которыхъ находился и позднѣйшій императоръ Гальба, сразу отклонили такую мысль. Было созвано засѣданіе, къ которому сенаторы поспѣшили изъ своихъ помѣстій въ городъ; здѣсь консулы по примѣру старыхъ лѣтъ, взяли власть въ свои руки, между тѣмъ какъ и полицейская стража, бывшая подъ начальствомъ префекта въ сенаторскомъ званіи, поставила себя въ распоряженіе сената. Такимъ образомъ была провозглашена „свобода“.

Но солдаты гвардіи руководствовались другими соображеніями; за отмѣной принципата должна была послѣдовать и отмѣна гвардіи. Нѣкоторые изъ нихъ схватили во дворцѣ Клавдія, съ испугу спрятавшагося за занавѣсями, и перевезли его въ лагерь преторіанцевъ. Здѣсь-же собрались и приверженцы династіи, среди которыхъ находился и жившій какъ разъ въ то время въ Римѣ іудейскій царь Агриппа, игравшій уже извѣстную роль и при Гаѣ. Агриппа выступилъ теперь посредникомъ, ободрилъ испуганнаго Клавдія, укрѣпилъ преторіанцевъ въ ихъ намѣреніи и вступилъ въ переговоры съ сенаторами; Іосифъ Флавій помѣстилъ воспоминанія Агриппы въ 19-ой книгѣ своей „Іудейской археологіи“; описаніе-же этихъ событій, составленное Тацитомъ, не дошло до насъ. Переговоры закончились тѣмъ, что солдаты провозгласили Клавдія императоромъ и большинство сената присягнуло ему на вѣрность. Немедленно вслѣдъ затѣмъ Кассій Херея былъ арестованъ и казненъ. Бунтъ въ пользу господства сената, подго-

товленный другомъ Виниціана, намѣстникомъ Далмаціи, Камилломъ Скрибоніаномъ, разбился черезъ нѣсколько дней о сопротивленіе легіоновъ. Военное сословіе повсюду сохранило вѣрность принципату: монархія успѣла уже пустить глубокіе корни и жизнеспособность ея не зависѣла болѣе отъ личности императора.

Клавдій, сынъ старшаго Друза, родился въ Лугдунѣ, въ то время когда отецъ его былъ намѣстникомъ Галліи (въ 10 г, до Р. Х.), и находился теперь въ возрастѣ 50 лѣтъ. Неразвитый въ юности, онъ выросъ среди придворной челяди, съ намѣреніемъ устраняемый отъ всякаго участія въ публичныхъ выходахъ, чтобы не позорить династіи. Позднѣе Клавдій началъ прилежно учиться и пріобрѣлъ нѣкоторыя знанія, которыми онъ пользовался, правда, часто некстати. Его длинныя рѣчи, нерѣдко начинавшіяся съ обзора эпохи царей, вызывали страхъ или насмѣшки. Далѣе, Клавдій упрямо пытался ввести въ латинскій алфавитъ дигамму и дифтонгъ ai, такъ что въ его царствованіи писали напр. Caisar вмѣсто Caesar, Lafinium вмѣсто Lavinium и т. д. Какъ знатокъ, этрусской исторіи и древностей, онъ преобразовалъ сословіе haruspices. Впрочемъ, онъ питалъ самыя благія намѣренія, порицалъ своего дядю Тиберія за его упорное нежеланіе жить въ столицѣ, бранилъ Гая, прилежно посѣщалъ судъ и уважалъ сенатъ,

Дѣлами руководили теперь дворцовые вольноотпущенники. Среди нихъ успѣли выдвинуться своими талантами: Каллистъ, поддерживавшій въ ходу правительственный механизмъ, насколько это было возможно, еще при Гаѣ, Паллантъ, управлявшій финансами, и Нарциссъ, направлявшій внутреннюю и внѣшнюю политику. Благодаря этимъ людямъ царствованіе Клавдія ознаменовалось нѣкоторыми полезными нововведеніями. При устьѣ Тибра была заложена новая гавань, portus Claudius, облегчившая подвозъ съѣстныхъ припасовъ, водопроводная сѣть была расширена проведенной изъ верхняго Аніо aqua Claudia, арки которой еще и нынѣ служатъ украшеніемъ римской Кампаніи. Чтобы предупредить образованіе болотъ въ области Фуцинскаго озера, былъ проведенъ каналъ, отводившій лишнюю воду въ Лирисъ; когда въ 1874 году князь Торлонья, владѣлецъ Фуцинскаго озера, отвелъ изъ него всю воду, то легко было осмотрѣть эти работы вѣка Клавдія. Такъ какъ Гай своимъ походомъ къ морскому берегу подвергъ опасности власть Рима на сѣверѣ, то теперь было приступлено къ занятію Британіи, хотя это предпріятіе требовало значительныхъ издержекъ и увеличенія числа войскъ. Во главѣ экспедиціи сталъ Нарциссъ. Удачный исходъ ея побудилъ и Клавдія отправиться въ Британію, чтобы лично принять привѣтствія императору. По этому случаю онъ назвалъ своего сына Британникомъ. Самъ онъ отпраздновалъ грандіозный тріумфъ, воздавъ должное и отличившимся генераламъ, среди которыхъ находился будущій императоръ Веспасіанъ, занявшій островъ Виктисъ (нынѣ Уайтъ) и покорившій два племени.

Въ военномъ дѣлѣ также введены были нѣкоторыя улучшенія. Число округовъ, въ которыхъ набирались рекруты для легіоновъ, было увеличено путемъ дарованія латинскаго или гражданскаго права жителямъ альпійскихъ странъ. Домицій Корбулонъ, командовавшій въ южной Германіи, предпринялъ походъ къ Сѣверному морю противъ хавковъ; въ этомъ походѣ въ качествѣ офицера штаба принялъ участіе и извѣстный писатель Плиній Старшій. Однако правительство положило предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ Корбулона, приказавъ ему охранять Рейнскую границу и не идти дальше. Императоръ, особенно высоко ставившій Галлію, какъ свою родину, внесъ въ сенатъ проектъ о допущеніи галльскихъ римскихъ гражданъ къ столичнымъ магистратурамъ; проектъ былъ принятъ, но съ ограниченіемъ, въ силу котораго на эти должности допускались только лица изъ дружественнаго племени эдуевъ. Королевство Мавританія, гдѣ

послѣ казни Птоломея (стр. 428) начались волненія, было присоединено къ римской имперіи и поставлено подъ вѣдѣніе римскихъ чиновниковъ. какъ Египетъ послѣ смерти Клеопатры.

Если правленіе Клавдія благодаря государственнымъ способностямъ нѣкоторыхъ вольноотпущенниковъ, работавшихъ въ традиціяхъ царствующаго дома, и принесло съ собой многое, достойное похвалы, то на ряду съ этимъ ярко выступала и личная неспособность регента. Сознавая свои недостатки, Клавдій былъ такъ боязливъ, что у него не трудно было добиться смертнаго приговора любому сенатору или всаднику, чѣмъ нерѣдко злоупотребляли.

Къ этому присоединялись еще запутанныя семейныя отношенія. Клавдій былъ женатъ нѣсколько разъ: когда онъ вступилъ на престолъ, женой его была Мессалина, происходившая изъ знатной фамиліи и родившая ему Британника и Октавію, но затѣмъ пошедшая по пути, возбуждавшему отвращеніе даже въ далеко не цѣломудренномъ обществѣ того времени. Она была подвержена андроманіи. При этомъ было крайне опасно противиться ея желаніямъ: она побудила своего мужа отдать приказъ пантомиму Мнестеру, чтобы онъ повиновался императрицѣ, причемъ Клавдій, правда, не зналъ, въ чемъ было дѣло. Наконецъ она завязала интригу съ знатнымъ молодымъ человѣкомъ, К. Силіемъ, и формально отпраздновала свою свадьбу съ нимъ. Силій хотѣлъ вѣроятно такимъ образомъ выступить претендентомъ; ибо изъ другихъ соображеній врядъ-ли кто женился-бы на Мессалинѣ. Мнѣнія среди вольноотпущенниковъ раздѣлились. При дворѣ ничто уже болѣе не возбуждало удивленія, такъ что и послѣднее событіе могло пройти безнаказаннымъ. Однако Нарциссъ стоялъ за то, чтобы предупредить и спасти Клавдія. Мнѣніе его одержало верхъ. Въ Остіи, гдѣ находился въ то время императоръ, Нарциссъ принялъ на себя командованіе гвардіей и немедленно-же перевезъ Клавдія въ Римъ, въ лагерь преторіанцевъ. Преторіанцы встрѣтили его съ ликованіемъ и дѣло было выиграно. К. Силій былъ убитъ, а Мессалина арестована. Правда, если бы ей удалось еще увидѣться съ Клавдіемъ, то нельзя было поручиться за то, что ей не удастся вновь примириться съ нимъ и уничтожить своихъ противниковъ. Только хитростью удалось Нарциссу выманить у Клавдія смертный приговоръ. Послѣ этого Мессалину въ садахъ Саллюстія (на нынѣшнемъ Монте-Пинчіо) принудили покончить съ собой (въ 48 г. по Р. Х.).

Нарциссъ имѣлъ въ сенатѣ свою партію, по предложенію которой онъ получилъ знаки квесторскаго достоинства. Это возбудило ревность въ остальныхъ вольноотпущенникахъ. Ревность эта проявилась въ томъ, что Клавдію, имѣвшему намѣреніе вновь вступить въ бракъ (онъ чувствовалъ себя очень бодрымъ и считалъ, что и въ шестьдесятъ лѣтъ можно еще жениться), наперерывъ стали предлагать различныхъ женъ. Изъ нихъ побѣду одержала наконецъ поддерживаемая Паллантомъ племянница Клавдія, Агриппина, дочь Германика отъ первой Агриппины, бывшая замужемъ за Кн. Домиціемъ Агенобарбомъ, отъ котораго она имѣла сына. Она была безнравственна, какъ большинство высокопоставленныхъ женщинъ той эпохи, и еще больше того властолюбива. Она хотѣла быть императрицей. Повѣнчавшись съ Клавдіемъ, она немедленно присвоила себѣ титулъ Августы, къ которому Мессалина никогда не стремилась. Нарциссъ былъ отодвинутъ на задній планъ, наоборотъ Паллантъ, поддерживавшій съ ней связь, получилъ повышеніе.

Однако важнѣе всего было то, что Агриппина добилась назначенія въ префекты гвардіи Секста Афранія Бурра, опытнаго офицера и чиновника. Въ то-же время изгнанный по наущеніямъ Мессалины литератъ Л. Анней Сенека былъ назначенъ воспитателемъ молодого Агенобарба, котораго Агриппина хотѣла видѣть наслѣдникомъ престола вмѣсто Британника. Дѣйствительно Агенобарбъ былъ усыновленъ Клавдіемъ и обручился

съ его дочерью Октавіей. Напрасно Нарциссъ вступался за права Британника. Клавдій колебался, но Агриппина умѣла поставить на своемъ.

Смерть настигла Клавдія въ то время, какъ Нарциссъ лечился отъ подагры въ одномъ изъ курортовъ Кампаніи, такъ что въ публикѣ ходили слухи о томъ, будто онъ былъ отравленъ грибами. Бурръ представилъ преторіанцамъ въ качествѣ наслѣдника престола сына Агриппины, носившаго со времени усыновленія имя Нерона; послушные своему префекту, преторіанцы привѣтствовали его, какъ императора. Еслибы имъ представили Британника, они бы провозгласили императоромъ его. Но Британникъ, уже раньше съ намѣреніемъ лишенный всѣхъ своихъ друзей, послѣ смерти отца совсѣмъ не смѣлъ выходить изъ дому. Нарциссъ находился въ отсутствіи, Бурръ стоялъ на сторонѣ Агриппины, Сенека старался расположить въ ея пользу сенатъ. Въ концѣ концовъ никто не былъ особенно взволнованъ тѣмъ, что умеръ глупецъ Клавдій, какъ назвалъ его Сенека въ зломъ пасквилѣ „Apokolokyntosis“ (т. е. „Возведеніе въ санъ тыквы“, вмѣсто „Apotheosis“ т. е. возведенія въ божескій санъ). Ради приличія въ сенатъ былъ внесенъ проектъ почитать его какъ бога, — честь, выпадавшая дотолѣ только на долю Цезаря и Августа: это предложеніе было принято единогласно. Сенатъ не могъ проявить большей лояльности.

Вмѣсто стараго, поддававшагося разнообразнымъ вліяніямъ, Клавдія, во главѣ государства стоялъ теперь Неронъ, семнадцатилѣтній юноша. Невольно возникалъ вопросъ о томъ, кто будетъ его руководителемъ. Помимо описаній Тацита, относящихся къ этой эпохѣ, мы имѣемъ еще сочиненія современника Нерона, Іосифа Флавія, представленнаго въ 63 году ко двору. Онъ даетъ намъ важныя указанія какъ въ своей автобіографіи, такъ и въ „Іудейской археологіи.“ Придворныя сплетни интересовали главнымъ образомъ столичные круги населенія; въ провинцію достигали лишь слухи о наиболѣе крупныхъ скандалахъ. Правленіе вольноотпущенниковъ при Клавдіѣ вызывало неудовольствіе какъ въ сенаторскихъ, такъ и въ военныхъ кругахъ, привѣтствовавшихъ однажды Нарцисса восклицаніемъ „Jo Saturnalia!“, заключавшимъ ясный намекъ на его происхожденіе вольноотпущенника. По сравненію съ нимъ правительство, во главѣ котораго стояли Бурръ и Сенека, представляло уже шагъ впередъ. На ряду съ ними старалась, правда, добиться вліянія и мать императора, не выказавшая однако политическихъ дарованій. Молодой Неронъ также былъ неспособенъ и охотнѣе предавался своимъ низкимъ наклонностямъ. Онъ влюбился въ вольноотпущенницу Актею и даже хотѣлъ на ней жениться; но этому воспротивилась его мать. Министры воспользовались этимъ конфликтомъ, чтобы сломить вліяніе Агриппины. На угрозу Агриппины вступиться за права Британника, Неронъ отвѣтилъ тѣмъ, что на придворномъ обѣдѣ преподнесъ Британнику ядъ (въ 55 г. до Р. Х.). Такія вещи даже не производили особеннаго впечатлѣнія. Уже родоначальникъ римлянъ Ромулъ убилъ своего брата Рема. Вообще римляне скорѣе боялись смутъ, чѣмъ убійства въ царствующемъ домѣ.

Дѣла управленія при Буррѣ и Сенекѣ шли своимъ порядкомъ, такъ что позднѣе императоръ Траянъ высказывалъ мнѣніе, что имперія никогда не управлялась такъ хорошо, какъ въ первыя пять лѣтъ царствованія Нерона. Вѣдѣнію Бурра подлежали военныя дѣла и внѣшняя политика; намѣстникъ Британіи, Светоній Паулинъ, подавилъ вспыхнувшее тамъ возстаніе, а на востокѣ Домицій Корбулонъ осторожно оперировалъ противъ пареянъ. Въ сенатѣ отъ имени правительства выступалъ Сенека: Неронъ читалъ рѣчи, написанныя Сенекой. Неронъ былъ первый изъ императоровъ, не владѣвшій даромъ слова, такъ что онъ въ этомъ отношеніи стоялъ даже ниже Гая. Вмѣсто того онъ занимался различными искусствами, не имѣвшими ничего общаго съ его положеніемъ. Онъ правилъ лошадьми, пѣлъ и компонировалъ, занимался ваяніемъ; по ночамъ

онъ, переодѣтый, бродилъ по улицамъ столицы и безчинствовалъ, подвергаясь подчасъ и побоямъ; все это не имѣло особеннаго значенія, пока молодой человѣкъ не вмѣшивался въ дѣла управленія. Успѣхомъ можно было считать уже то, что удалось устранить властолюбивую Августу и вмѣстѣ съ нею ея фаворита Палланта.

Между матерью и сыномъ вновь наступилъ разладъ, когда Неронъ вступилъ въ связь съ кокетливой Поппеей Сабиной, женой своего друга Сальвія Оттона. Поппея, происходившая изъ знатной семьи, хотѣла сдѣлаться императрицей. Агриппина возразила на это, что Неронъ получилъ престолъ вмѣстѣ съ рукой Октавіи; таково-же было и всеобщее мнѣніе. Неронъ возненавидѣлъ мать и обвинилъ ее въ покушеніи на его жизнь. Онъ воспользовался ея пребываніемъ въ Мизенѣ, на берегу Кампаніи, чтобы попытаться погубить ее, преднамѣренно устроивъ кораблекрушеніе. Попытка не удалась и Неронъ приказалъ экипажу флота убить Агриппину (въ мартѣ 59 года по Р. Х.). Министры одобрили этотъ поступокъ, а сенатъ поздравилъ императора съ избавленіемъ отъ опасности; этого не ожидалъ даже Неронъ, на время испугавшійся было общественнаго мнѣнія. Изъ вниманія къ общественному мнѣнію онъ только въ 62 году далъ разводъ Октавіи, мотивируя его ея безплодіемъ, и отпраздновалъ свадьбу съ новой „Августой“, Поппеей Сабиной. Въ публикѣ тѣмъ не менѣе стали ходить слухи о томъ, что Октавія была невинной жертвой всѣхъ этихъ интригъ; вслѣдствіе этого она была убита въ своемъ заточеніи.

Въ томъ-же 62 году наступила и полная перемѣна государственной системы, такъ какъ со смертью Бурра пошатнулось и положеніе Сенеки. Новый префектъ гвардіи, Офоній Тигеллинъ, охотно принималъ участіе во всѣхъ подлостяхъ Нерона. Съ этого времени начинается самодержавіе Нерона.

Въ 64 году въ Римѣ вспыхнулъ пожаръ, свирѣпствовавшій шесть дней и уничтожившій цѣлые кварталы столицы. Неронъ ревностно заботился объ устройствѣ разрушенныхъ частей города; онъ велѣлъ провести болѣе широкія и прямыя улицы, а для себя построилъ „Золотой дворецъ“ съ такими обширными садами, что римляне, высмѣивая его, говорили, что онъ застроитъ все пространство до Вей, если и не самыя Веи. Ходившія по городу сплетни даже обвиняли Нерона въ томъ, что онъ съ умысломъ приказалъ подложить огонь, чтобы съ одной стороны представить себѣ во-очію разрушеніе Трои, съ другой имѣть возможность выполнить свои архитектурные планы. Когда слухи эти дошли до императора, онъ счелъ за лучшее свалить обвиненіе въ поджогѣ на христіанъ, что повело за собой многочисленныя жестокія казни.

Христіане слыли еврейской сектой, евреи-же незначительнымъ народомъ, которымъ можно было жертвовать для высшихъ интересовъ. Такъ думалъ уже Тиберій, защищавшій впрочемъ евреевъ въ провинціяхъ, такъ напр. въ Александріи, гдѣ возстаніе евреевъ вспыхнуло уже при Гаѣ и продолжалось затѣмъ довольно долго. Въ самой Іудеѣ замѣтно было броженіе, народъ ожидалъ Мессію, который освободилъ-бы его отъ чужеземнаго господства. Къ этому присоединился еще разладъ между оффиціальными представителями жреческаго сословія и народными проповѣдниками; Христосъ былъ осужденъ на смерть туземными и римскими властями. Однако волненія продолжались. Бывшій послѣдователь ортодоксальнаго еврейскаго ученія, Савлъ изъ Тирса, имѣвшій права римскаго гражданства, принялъ христіанство и назывался потомъ Павломъ. Онъ распространилъ новое вѣроученіе въ Сиріи, Передней Азіи, Македоніи, Греціи, гдѣ повсюду существовали большія еврейскія общины, распространялъ его и среди не евреевъ, пока наконецъ не былъ арестованъ за нарушеніе общественнаго спокойствія и перевезенъ въ Римъ. И здѣсь, въ темницѣ, онъ продолжалъ свою дѣятельность. Такимъ образомъ новое религіозное движеніе уже съ самаго начала перенесено было въ столицу имперіи.

Никѣмъ болѣе не сдерживаемый, Неронъ предался своимъ наклонностямъ и страстямъ. Считая себя выдающимся пѣвцомъ и поэтомъ, онъ сталъ выступать сперва въ небольшомъ обществѣ, потомъ и въ публичныхъ собраніяхъ. Онъ основалъ по греческому образцу Нероновы игры, посвященныя искусствамъ, тогда какъ до того столичное населеніе интересовалось преимущественно борьбой гладіаторовъ и травлей звѣрей. Императоръ принудилъ своихъ приближенныхъ принять участіе въ новомъ предпріятіи и воспользовался преторіанцами, какъ клакерами. Въ 66 и 67 году Неронъ съ большой свитой предпринялъ артистическое путешествіе въ Грецію, чтобы выступить на греческихъ національныхъ играхъ. Встрѣченный тамъ шумнымъ одобреніемъ, императоръ выпустилъ эдиктъ, дававшій грекамъ свободу и освобожденіе отъ податей; римскій намѣстникъ, жившій дотолѣ въ Коринѳѣ, былъ отозванъ. Эдиктъ, написанный въ высокомъ стилѣ самимъ Нерономъ, былъ обнародованъ по всей Греціи.

Положеніе государства теперь было не лучше, чѣмъ при Гаѣ. Императоръ, безмѣрно гордившійся своимъ высокимъ божественнымъ происхожденіемъ, предоставлялъ дѣла своимъ камердинерамъ, а самъ какъ артистъ разъѣзжалъ по всему свѣту. Это не могло такъ продолжаться. Неронъ тратилъ громадныя суммы. Опустѣвшія кассы повели за собой увеличеніе числа процессовъ по оскорбленію величества, причемъ въ доносчикахъ не было недостатка. Когда и эти доходы оказались недостаточными, Неронъ прибѣгнулъ къ средству уменьшенія цѣнности монеты, что вызвало неудовольствіе въ военныхъ и чиновныхъ кругахъ. Всеобщее озлобленіе вызвало въ 65 году заговоръ въ Римѣ, къ которому примкнули наиболѣе уважаемые офицеры и сенаторы, въ томъ числѣ Сенека и поэтъ Луканъ; во главѣ заговора стоялъ канцлеръ К. Кальпурній Пизонъ. Заговоръ былъ открытъ вслѣдствіе неосторожности его участниковъ и императоръ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы сразу освободиться отъ своего бывшаго учителя и двухъ соперниковъ поэтовъ. Вождь оппозиціи стоиковъ, Тразея Петъ, также былъ казненъ. Не имѣя дѣтей и отъ Поппеи Сабины, Неронъ, какъ единственный представитель династіи, былъ твердо убѣжденъ, что съ нимъ ничего не можетъ случиться. Домицій Корбулонъ, намѣстникъ Сиріи, доведя до благополучнаго конца споръ съ царствомъ пареянъ, возбудилъ подозрѣніе въ Неронѣ и по его приказу принужденъ былъ лишить себя жизни. Наоборотъ, Веспасіанъ, присутствовавшій при артистическихъ представленіяхъ императора, былъ назначенъ главнокомандующимъ для подавленія возстанія евреевъ, возмутившихся въ 66 году и разбившихъ сирійское войско.

Но въ мартѣ 68 года вспыхнуло возстаніе въ Галліи; во главѣ его всталъ намѣстникъ лугдунской провинціи, К. Юлій Виндексъ, принадлежавшій къ провинціальной знати и призвавшій теперь своихъ соотечественниковъ къ оружію. Этотъ мятежъ имѣлъ цѣлью не столько освобожденіе Галліи отъ римскаго господства, сколько освобожденіе Рима отъ тиранна. Неронъ, возвратившійся въ 67 году въ Римъ, не обращалъ особеннаго вниманія на возстаніе въ Галліи, ибо римское господство опиралось въ тѣхъ мѣстностяхъ на рейнскіе легіоны, вѣрные императору уже изъ ненависти къ галламъ. Начальникъ верхнегерманскихъ войскъ, Вергиній Руфъ, происходившій изъ малоизвѣстной семьи сѣверной Италіи, повелъ свои войска въ мятежную область. Въ то время какъ онъ велъ переговоры съ Виндексомъ, легіоны и вспомогательныя войска вступили въ битву съ галльскимъ ополченіемъ; какъ и слѣдовало ожидать, послѣднее было разбито. Виндексъ самъ наложилъ на себя руки, а Неронъ радовался уже тому, что можно будетъ вновь приступить къ конфискаціямъ.

Однако радость его оказалась преждевременной. Подобно Вергинію Руфу, и Сульпицій Гальба, намѣстникъ Испаніи, вступилъ въ переговоры съ Виндексомъ; эти выдающіеся офицеры не оказали того энергичнаго сопротив-

ленія революціи, какого ожидалъ отъ нихъ Неронъ. Онъ немедленно послалъ приказъ въ Испанію смѣнить намѣстника. Вслѣдствіе этого Гальба вмѣстѣ съ прочими офицерами высказался противъ Нерона за „сенатъ и народъ римскій", не рѣшая предварительно вопроса о томъ, будетъ-ли сохраненъ принципатъ и кто явится его представителемъ. Рѣшеніе было предоставлено сенату, какъ высшей инстанціи. Вергиній Руфъ присоединился къ тому-же мнѣнію, хотя солдаты хотѣли провозгласить его императоромъ. Гальба имѣлъ передъ нимъ и преимущество знатнаго происхожденія, что еще принималось въ разсчетъ въ началѣ переворота. Въ самомъ Римѣ преторіанцы уже начали колебаться; они перестали выставлять стражу въ Палатинскій дворецъ; префектъ ихъ Тигеллинъ согласился на паденіе Нерона. Всѣми покинутый, Неронъ бѣжалъ въ помѣстье одного изъ своихъ вольноотпущенниковъ, лежавшее на четвертой милѣ отъ Рима между Via Salaria и дорогой въ Номентъ. Сенатъ немедленно объявилъ его внѣ закона. Посланные за нимъ сыщики нашли Нерона мертвымъ: онъ приказалъ вольноотпущеннику Эпафродиту убить себя (9-го іюня 68 года). Актея похоронила его въ склепѣ Доминіевъ, къ роду которыхъ онъ принадлежалъ до усыновленія его Клавдіемъ. Съ нимъ угасъ послѣдній потомокъ Юліевъ, Клавдіевъ и Доминіевъ. Достойно замѣчанія, что съ именемъ Нерона сплелась легенда о томъ, будто онъ не умеръ и еще вернется; гробница его еще спустя цѣлые годы украшалась вѣнками и цвѣтами: это можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ тому, что правители такого пошиба добиваются популярности въ извѣстныхъ кругахъ, если только злодѣйства ихъ затрогиваютъ лишь высшіе слои населенія.

Б. Гальба, Оттонъ, Вителлій.

Какъ и послѣ смерти Гая, въ Римѣ воцарилась на короткое время республика; сенатъ низложилъ неспособнаго принцепса, консулы роздали пароль и послали депеши подъ своей печатью въ провинціи. Намѣстники изъявили готовность повиноваться сенату и измѣнили свои титулы: командующій легіонами въ Африкѣ, исполнявшій со временъ Гая на ряду съ проконсуломъ должность легата императора, теперь сталъ именоваться легатомъ римскаго народа.

Но тѣ самыя причины, которыя повели къ возстановленію принципата послѣ смерти Гая, восторжествовали и теперь. Военное сословіе нуждалось въ императорѣ; возвращеніе къ старымъ республиканскимъ порядкамъ должно было нанести смертельный ударъ интересамъ государства. Исходя изъ этого убѣжденія, гвардія, побуждаемая однимъ изъ своихъ префектовъ, Нимфидіемъ Сабиномъ, стремившимся обезпечить свое положеніе въ будущемъ, провозгласила императоромъ знатнѣйшаго изъ намѣстниковъ, возставшихъ противъ Нерона, Сервія Сульпиція Гальбу. Послѣ этого сенату оставалось лишь согласиться съ гвардіей. Это въ свою очередь повело за собой признаніе новаго императора и въ провинціяхъ. При такихъ обстоятельствахъ Гальба, сопровождаемый своимъ вольноотпущенникомъ Ицеломъ и командующимъ легіонами Т. Виніемъ, въѣхалъ въ Римъ. Въ Галліи онъ вознаградилъ приверженцевъ Виндекса, что вызвало неудовольствіе среди германскихъ легіоновъ. При приближеніи его къ Риму, навстрѣчу ему вышли флотскіе солдаты, изъ которыхъ Неронъ, готовясь оказать сопротивленіе своимъ врагамъ, составилъ легіонъ, и потребовали, чтобы Гальба призналъ ихъ новую организацію, такъ какъ легіонеры во всѣхъ отношеніяхъ были поставлены лучше морскихъ войскъ. Галба отказалъ, а въ отвѣтъ на болѣе настойчивыя требованія приказалъ своимъ войскамъ врѣзаться въ ихъ ряды. Въ самомъ Римѣ вызвало неудовольствіе то обстоятельство, что Гальба помиловалъ людей, сильно ском-

прометтировавшихъ себя при Неронѣ, въ томъ числѣ и Тигеллина, настаивая съ другой стороны на томъ, чтобы актеры и имъ подобныя личности, которымъ Неронъ дарилъ громадныя деньги, выплатили ихъ обратно, чего большинство конечно уже не могло сдѣлать. Ицелъ и Т. Виній пользовались властью въ качествѣ фаворитовъ императора, такъ какъ Гальба, 72-лѣтній старикъ, уже не имѣлъ необходимой энергіи. Онъ принадлежалъ къ богатымъ, но уступчивымъ сенаторамъ, которыхъ Неронъ охотнѣе всего посылалъ въ важнѣйшія провинціи, такъ какъ ихъ нечего было бояться.

На ряду съ вышеупомянутыми фаворитами извѣстную роль игралъ и Сильвій Оттонъ. Желая сохранить для себя одного жену его Поппею Сабину, Неронъ назначилъ его намѣстникомъ въ Лузитанію. Оттонъ сталъ на сторону Гальбы и, надѣясь, что бездѣтный старикъ усыновитъ его и назначитъ наслѣдникомъ престола, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Римъ; тамъ онъ возобновилъ свои старыя связи, главнымъ образомъ среди гвардіи, которой онъ былъ хорошо знакомъ со временъ своей дружбы съ Нерономъ. Круги, успѣвшіе извлечь выгоду изъ управленія Нерона, стояли за Оттона. Но Гальба предпочелъ ему Л. Кальпурнія Пизона Лициніана, знатнаго, серьезнаго юношу, котораго и назначилъ наслѣдникомъ престола въ началѣ 69 года.

Между тѣмъ германскіе легіоны отказались повиноваться и къ новому году провозгласили императоромъ намѣстника нижней Германіи, А. Вителлія.

Оттонъ, озлобленный неудачей, вызвалъ мятежъ среди преторіанцевъ: 15-го января они убили Гальбу и Пизона. Послѣ этого Оттонъ былъ провозглашенъ императоромъ и признанъ сенатомъ. Весь Orbis Romanus пришелъ въ сильное возбужденіе.

Въ Германіи легіоны готовились къ походу на Римъ; Оттонъ призвалъ иллирійскія войска на защиту Верхней Италіи. Войска, мобилизованныя еще Нерономъ, также приняли участіе въ дѣлѣ. На востокѣ пришлось пріостановить борьбу съ евреями, чтобы обождать рѣшенія дѣлъ въ Италіи; Іерусалимъ былъ осажденъ Веспасіаномъ съ отрядами сирійскаго, египетскаго и дунайскаго войскъ. Веспасіанъ послалъ своего сына Тита присягнуть на вѣрность Гальбѣ; при данныхъ обстоятельствахъ не оставалось ничего иного, какъ выжидать конца борьбы между Оттономъ и Вителліемъ.

Весною германскія войска двинулись въ Италію подъ предводительствомъ двухъ легатовъ, Цецины Алліена и Фабія Валента, изъ коихъ первый направился черезъ землю гельветовъ и Большой С. Бернардъ, второй-же пошелъ черезъ Галлію, чтобы проникнуть въ Италію черезъ западные проходы. Организовавъ въ Лугдунѣ свой дворъ, Вителлій послѣдовалъ за ними. Самъ онъ не принималъ большого участія въ дѣлѣ; дѣло рѣшали легаты, настроенные противъ Гальбы, какъ друга Виндекса, и еще болѣе солдаты, побѣдившіе Виндекса и не желавшіе допустить тріумфа его сторонника. Иллирійскіе легіоны, соперничавшіе съ германскими, стояли за Оттона. Италія не хотѣла и слышать о „нѣмецкомъ императорѣ“, новомъ Германикѣ, какъ называлъ себя Вителлій; избраніе императора было дѣломъ двора и римскаго сената. Дѣло шло не о государственной формальности, но о господствѣ Италіи надъ провинціями. При приближеніи Вителлія и его генераловъ населеніе было возмущено тѣмъ, что они, какъ варвары, носили штаны; суровый климатъ Германіи побудилъ римлянъ перенять этотъ обычай, въ Италіи-же они по прежнему носили тогу, военные-же ходили съ обнаженными колѣнами. Многочисленными мемуарами этого года, ознаменовавшагося царствованіемъ трехъ или четырехъ императоровъ, воспользовался Плутархъ изъ Херонеи для своихъ біографій Гальбы и Оттона; онъ былъ принятъ въ Римѣ въ лучшее общество.

Тацитъ пользовался для своей Исторіи тѣми-же источниками. Для послѣдующей эпохи наибольшее значеніе имѣютъ біографіи императоровъ Светонія.

Германскія войска встрѣтили первое сопротивленіе на линіи По, вновь достигшей своего стратегическаго значенія. Оба войска Вителлія должны были соединиться въ области Тицина; тамъ сходились дороги изъ Галліи и Германіи. Кремона и Плаценція также вновь достигли значенія, ибо изъ этой области можно было держать въ рукахъ переходы черезъ По. Главное вниманіе было обращено на дорогу, которая вела изъ Мантуи черезъ Бедріакъ въ Кремону, ибо тамъ должно было произойти соединеніе войска Оттона, усиленнаго гладіаторами и флотскимъ экипажемъ, съ иллирійскими легіонами, которые должны были подойти изъ Аквилеи; вителліанцы стремились воспрепятствовать этому соединенію. Подъ Плаценціей произошла первая схватка между Цециной, подоспѣвшимъ раньше Фабія Валента (въ апрѣлѣ 69 года), и оттоніанцами. Цецина принужденъ былъ отступить къ Кремонѣ, но безпрепятственно соединился съ Валентомъ. Оттоніанцы перешли черезъ По и потерпѣли пораженіе въ битвѣ при Бедріакѣ (между Кремоной и Мантуей). Однако эта битва отнюдь не рѣшала исхода борьбы, ибо Оттонъ поджидалъ еще прибытія иллирійскихъ войскъ. Но въ лагерѣ оттоніанцевъ не было согласія: Оттонъ самъ не имѣлъ военныхъ способностей, а лучшіе генералы, принимавшіе участіе въ этомъ походѣ, какъ напр. Светоній Паулинъ, не относились къ дѣлу съ достаточнымъ рвеніемъ. Раздраженный Оттонъ потерялъ вѣру въ успѣхъ своего дѣла, видя, что и многіе солдаты отказываются сражаться; онъ покончилъ съ собой на другой день послѣ битвы, въ Брикселлѣ (нынѣ Бресчелло), гдѣ онъ выжидалъ исхода борьбы (15-го апрѣля).

Послѣ этого сенатъ призналъ императоромъ Вителлія. Вителлій отослалъ потерпѣвшіе пораженіе легіоны въ ихъ старыя квартиры, причемъ дѣло не обошлось безъ возмущеній. Затѣмъ побѣдоносное войско, въ которомъ дисциплина также сильно ослабѣла, выступило въ Римъ. Вителлій удовлетворилъ всѣ требованія солдатъ, отчасти предъявленныя ими непосредственно послѣ смерти Августа, уволилъ преторіанцевъ и составилъ изъ ядра германской арміи новую, еще усиленную гвардію, предоставивъ остальнымъ солдатамъ широко пользоваться тѣми наслажденіями, которыя могли дать Италія и ея столица. Вителлій не былъ подходящимъ человѣкомъ для того, чтобы создать изъ его хаоса что-нибудь цѣлое. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода, въ молодости былъ товарищемъ Гая, пользовался симпатіями при дворѣ Нерона и въ цирковыхъ конюшняхъ, но не имѣя ни энергіи, ни интереса къ дѣламъ, служилъ теперь игрушкой въ рукахъ войска и его вождей, во мнѣніи которыхъ онъ падалъ все ниже и ниже. Вскорѣ и другія страны съ неодобреніемъ стали смотрѣть на событія въ Италіи. Иллирійскія войска, пришедшія слишкомъ поздно, озлобленныя вернулись на свои квартиры, а офицеры стали замышлять заговоры.

На востокѣ намѣстникъ Сиріи, К. Лициній Муціанъ, и намѣстникъ Египта, Тиб. Юлій Александръ, вступивъ въ тѣсныя сношенія съ Флавіемъ Веспасіаномъ, главнокомандующимъ осаждавшаго Іерусалимъ войска, отказались повиноваться Вителлію, но не хотѣли также допустить и господства рейнскихъ солдатъ. Бездѣтный Муціанъ указалъ на Веспасіана и его сына Тита. Поэтому Тиб. Юлій Александръ, принадлежавшій самъ въ качествѣ praefectus Aegypti лишь къ сословію всадниковъ и поэтому не имѣвшій никакихъ правъ на первенствующее положеніе, 1-го іюля 69 года провозгласилъ императоромъ Веспасіана. Отношеніе же Египта къ данному вопросу имѣло рѣшающее значеніе, потому что Египетъ снабжалъ почти всю Италію и столицу хлѣбомъ; кромѣ того, изъ Египта можно было вліять и на Африку. Было рѣшено, что Веспасіанъ отправится въ Александрію,

сынъ его Титъ останется въ Іерусалимѣ, а Тиб. Юлій Александръ получитъ должность начальника генеральнаго штаба. Муціанъ же долженъ былъ выступить изъ Сиріи, черезъ Азію и Ѳракію пройти къ дунайскимъ провинціямъ и, соединившись съ стоявшими тамъ легіонами, двинуться на Италію, если только непріятель не перенесетъ войну въ Диррахій.

Между тѣмъ офицеры дунайскихъ войскъ, получивъ первыя извѣстія изъ Александріи, перешли на сторону Веспасіана. Смѣстивъ назначенныхъ еще Нерономъ, по большей части неспособныхъ намѣстниковъ, они двинулись изъ Пэтовіо въ Верхнюю Италію, съ однимъ изъ командующихъ легіонами, Антоніемъ Примомъ, во главѣ. За ними послѣдовали войска изъ Далмаціи и Мизіи. Не встрѣчая сопротивленія, они дошли до Вероны и взяли ее, чтобы отрѣзать возможность подкрѣпленій изъ Германіи и Реціи. Важно было то, что и Равенна перешла на сторону веспасіанцевъ, ибо экипажъ Равеннскаго флота вербовался изъ Далмаціи и Панноніи. Вителліанцы, думавшіе первоначально удержать за собой боевую линію Эча, отступили назадъ къ По; но командовавшій здѣсь Цецина, потерявъ всякое довѣріе къ Вителлію, вступилъ въ соглашеніе съ веспасіанцами. Однако солдаты не послѣдовали его примѣру: германцы не хотѣли сдаться на капитуляцію иллирійцамъ и взяли въ плѣнъ измѣнившаго генерала. Кровопролитная битва между Бедріакомъ и Кремоной, продолжавшаяся съ безпримѣрнымъ озлобленіемъ цѣлую ночь, окончилась побѣдой иллирійцевъ. Веспасіанцы взяли Кремону, разграбили и сожгли ее. Фабій Валентъ, подошедшій изъ Рима съ остальнымъ войскомъ, попытался изъ Этруріи проникнуть въ Галлію, чтобы возмутить стоявшіе на Рейнѣ легіоны, но былъ взятъ въ плѣнъ въ Массиліи и позднѣе убитъ. Была уже зима, когда Антоній Примъ совершилъ безумно смѣлый переходъ по Via Flaminia черезъ покрытые глубокимъ снѣгомъ Апеннины; вителліанцы, стоявшіе въ Умбріи, сдались ему. Вителлій самъ согласенъ былъ отказаться отъ престола и вступилъ въ переговоры съ префектомъ Рима, Флавіемъ Сабиномъ, братомъ Веспасіана. Но солдаты были противъ этого, осадили Капитолій, зажгли его и убили префекта (19-го декабря 69 года). Только на слѣдующій день веспасіанцы, встрѣтившіе сопротивленіе въ предмѣстьяхъ, съ Мильвіева моста ворвались въ городъ, штурмомъ взяли лагерь преторіанцевъ и убили при этомъ позорно спрятавшагося Вителлія.

B. **Флавіи.**

Послѣ того какъ сенатъ призналъ Веспасіана императоромъ, второй сынъ его, Домиціанъ, дотолѣ остававшійся въ тѣни, сталъ также принимать участіе въ дѣлахъ, доказывая въ то-же время различными безнаказанно проходившими ему безчинствами свою принадлежность къ царскому дому. Прибывъ въ Римъ, Муціанъ немедленно устранилъ Антонія Прима и его приверженцевъ, ибо среди нихъ находились люди не безпорочнаго прошлаго, годные для революціи, но не для благоустроеннаго правительства. Прежде всего необходимо было позаботиться о снабженіи столицы провіантомъ, ибо имѣвшихся запасовъ могло хватить только на десять дней. За этимъ послѣдовало нѣсколько новыхъ назначеній, казней, самоубійствъ; новый порядокъ вещей окончательно воцарился. Вернувшись весною 70 года изъ Египта въ Римъ, Веспасіанъ былъ встрѣченъ всеобщимъ ликованіемъ: населеніе съ восторгомъ привѣтствовало окончаніе междоусобной войны. Оставивъ безъ дальнѣйшаго вниманія событія революціоннаго года, Веспасіанъ принялъ въ свои руки управленіе въ той самой формѣ, какъ принимали его Юліи и Клавдіи. Въ противоположность Вителлію, именовавшему себя „Императоромъ“ и „постояннымъ консуломъ“, Веспасіанъ присоединилъ къ своему имени имя первой династіи и сталъ титуловаться „Императоръ Цезарь Веспасіанъ Августъ“, назвавъ и обоихъ своихъ сыно-

вей „Цезарями“. Такимъ образомъ принципатъ, переживший после падения Юлиевъ и Клавдиевъ серьезный кризисъ, сталъ съ этого времени окончательно признанной формой правления.

Т. Флавий Веспасіанъ, рожденный въ Реатѣ въ землѣ сабиновъ, вступилъ на престолъ уже въ возрастѣ 60 лѣтъ; онъ обладалъ не геніальнымъ, но въ высшей степени практическимъ умомъ. Веспасіанъ происходилъ изъ не особенно богатой чиновничьей семьи и успѣлъ обезпечить свою карьеру при Гаѣ и при Клавдіѣ, отличившись въ качествѣ командующаго легіономъ при завоеваніи Британіи. Какъ вѣрный подданный, онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ всѣхъ недостатковъ императоровъ, и потому добился повышенія и при Неронѣ. Отецъ Веспасіана былъ банкиромъ; сынъ наслѣдовалъ отъ него способности къ финансовымъ операціямъ, сослужившія ему хорошую службу. Становясь во главѣ правленія, Веспасіанъ принялъ въ свои руки государство, обремененное громаднымъ дефицитомъ, который необходимо было покрыть новыми, часто непопулярными налогами. Налогъ взимался даже съ общественныхъ абортовъ; въ отвѣтъ на недовольное замѣчаніе Тита по этому поводу, отецъ далъ ему понюхать золотую монету со словами: „Non olet“. По прошествіи десяти лѣтъ финансы были приведены въ нормальное положеніе.

Точно также необходимо было кореннымъ образомъ преобразовать все военное дѣло. Пораженіе германскихъ легіоновъ въ Италіи имѣло еще эпилогъ. Отряды этихъ легіоновъ, оставшіеся въ Германіи, и германскія вспомогательныя войска, составленныя изъ батавовъ, были сильно раздражены послѣдними событіями; готовое уже вспыхнуть пламя еще болѣе раздували посланцы различныхъ партій. Между вспомогательными войсками и легіонами начался разладъ; вспомогательныя войска нашли поддержку въ родственныхъ имъ народностяхъ. Здѣсь проявилось все зло, которое должно было проистекать изъ того, что эти національныя войска отбывали службу въ мѣстностяхъ, близкихъ къ ихъ родинѣ, тѣмъ болѣе, что провинція Бельгика и прилежащія къ ней части Германіи были заселены крайне воинственными племенами и сила рейнскаго войска въ значительной мѣрѣ основывалась на этихъ вспомогательныхъ войскахъ. Въ противоположность легіонамъ вспомогательныя войска высказались за Веспасіана еще до окончанія борьбы. Послѣ побѣды веспасіанцевъ Юлій Цивилисъ, во главѣ батавовъ и каннинефатовъ, поддерживаемый еще нѣкоторыми подкрѣпленіями, пришедшими съ праваго берега Рейна, продолжалъ войну съ легіонами; въ то-же время возстаніе распространилось и среди тревировъ и лингоновъ и другихъ племенъ Бельгики, во главѣ которыхъ стали тревиры Юлій Туторъ и Юлій Классикъ и лингонъ Юлій Сабинъ. Они мечтали о независимомъ галльскомъ царствѣ, т. е. шли гораздо дальше, чѣмъ двумя годами раньше Юлій Виндексъ: вожди ихъ и теперь были германцы и бельгики съ правами римскаго гражданства, какъ нѣкогда Арминій Освободитель. Послѣ пораженія вителліанцевъ въ Италіи легіоны не могли долѣе сопротивляться, тѣмъ болѣе, что и высшіе офицеры, за исключеніемъ одного лишь легата 22-го легіона, К. Диллія Вокулы, окончательно потеряли голову. Войска возмутились и убили своихъ офицеровъ, сперва намѣстника Гордеонія Флакка, затѣмъ и Вокулу. Послѣ этого Цивилисъ завладѣлъ всѣми пограничными лагерями Южной Германіи: Castra Vetera, Новезіемъ, Бонной.

Но этимъ возстаніе достигло своего кульминаціоннаго пункта. Прибывъ въ Римъ, Веспасіанъ немедленно послалъ въ Германію энергичнаго Петилія Цереала, отличившагося уже раньше въ Британіи. Цереалъ выступилъ въ походъ во главѣ четырехъ или пяти легіоновъ, среди которыхъ находились и остатки вителліанскихъ войскъ; въ то-же время созваны были подкрѣпленія изъ Испаніи, Британіи и Реціи. Занявъ Майнцъ, Цереалъ изъ Верхней Германіи, гдѣ удержался еще лагерь въ Виндониссѣ

(Виндишъ въ Ааргау), напалъ на мятежниковъ. Среди мятежниковъ немедленно-же проявились послѣдствія неестественнаго соединенія галловъ, германцевъ и римскихъ солдатъ. Послѣдніе повсюду вернулись къ повиновенію; послѣ этого тревиры потерпѣли пораженіе при Бингенѣ и главный городъ ихъ былъ взятъ. Цивилисъ со всѣми своими военными силами сдѣлалъ, правда, нападеніе на римскую армію въ Трирѣ; но Цереалъ исправилъ свою ошибку блестящимъ мужествомъ и побѣдой открылъ себѣ дорогу въ землю батавовъ. Побѣжденнымъ дано было снисхожденіе: только галльскіе предводители мятежниковъ были казнены, Цивилисъ-же, отказывавшійся отъ всякихъ мыслей о галльскомъ царствѣ, получилъ помилованіе. Осенью 70-го года все движеніе улеглось.

Веспасіанъ распустилъ мятежные легіоны и составилъ вмѣсто нихъ новые. Кромѣ того онъ ввелъ нѣкоторыя измѣненія и въ гарнизонахъ. Въ отношеніи къ вспомогательнымъ войскамъ былъ введенъ новый принципъ; никогда не пользоваться ими вблизи отъ ихъ родины, держать отдѣльные отряды вдали другъ отъ друга и ставить во главѣ ихъ не туземныхъ, но римскихъ офицеровъ. Большинство германскихъ вспомогательныхъ войскъ было отведено въ Британію, гдѣ они были отдѣлены отъ своихъ соплеменниковъ моремъ, пока позднѣйшія добровольныя переселенія изъ родины не повели къ германизаціи этого острова.

Въ то-же время сынъ Веспасіана Титъ закончилъ войну съ евреями, обложивъ въ апрѣлѣ 70 года Іерусалимъ. Городъ былъ обнесенъ тремя стѣнами; послѣ взятія первой и второй стѣны старый городъ и храмовая гора еще успѣшно сопротивлялись несмотря на возраставшій голодъ. 29-го августа палъ храмъ, преданный при этомъ огню; 26-го сентября былъ взятъ и верхній городъ. Завоеватели срыли до основанія всѣ укрѣпленія за исключеніемъ трехъ башенъ, которыя должны были свидѣтельствовать о трудностяхъ осады. Городъ, бывшій уже въ теченіе тысячи лѣтъ однимъ изъ средоточій древней культуры, былъ разрушенъ, какъ нѣкогда Карѳагенъ и Коринѳъ; евреи, лишенные своего этническаго и религіознаго центра, были разсѣяны по всему свѣту, что позднѣе часто вызывало сожалѣнія. Вѣрные своей религіи, евреи, тѣмъ не менѣе, должны были отнынѣ платить Юпитеру Капитолійскому дань, которую они отдавали раньше Іерусалимскому храму. Сотни тысячъ плѣнныхъ были проданы въ рабство, многіе распяты солдатами на крестѣ. Въ провинціи Іудеѣ былъ поставленъ гарнизонъ и устроено нѣсколько военныхъ колоній, въ томъ числѣ Эммаусъ. Онѣ должны были облегчить задачу окончательнаго присоединенія страны и довершить смѣшеніе народовъ. Въ сирійскихъ легіонахъ солдаты внѣ службы говорили много по сирійски, но служебнымъ языкомъ и здѣсь считался латинскій. Главнымъ городомъ провинціи осталась основанная Иродомъ Цезарея. Титъ вмѣстѣ съ отцомъ отпраздновалъ въ Римѣ тріумфъ; на тріумфальныхъ воротахъ его были изображены сцены изъ войны, тамъ-же находились изображенія священныхъ сосудовъ храма; а высѣченная внизу надпись гласила, что евреи были усмирены и Іерусалимъ разрушенъ. Императоры съ пренебреженьемъ отказались присоединить къ своимъ именамъ наименованіе „Іудейскій", принявъ въ награду за побѣду императорскія привѣтствія.

Веспасіанъ ввелъ и другія преобразованія на востокѣ, такъ напр. въ Каппадокіи онъ поставилъ легіонъ, въ виду того, что Кавказъ и Арменія часто требовали римскаго вмѣшательства. На нижнемъ Дунаѣ пришлось отразить нападеніе даковъ и усилить гарнизонъ. Наоборотъ изъ Далмаціи, провинціи уже вполнѣ умиротворенной, легіоны были отозваны, а въ Панноніи устроены два новые лагеря, въ Карнунтѣ (внизъ по Дунаю близъ Петронеля) и въ Виндобонѣ (нынѣ Вѣна). Въ дунайскихъ провинціяхъ и Далмаціи города получили широкое развитіе. Испанскимъ общинамъ Веспасіанъ даровалъ латинское право, создавъ такимъ образомъ новые пути

История человечества II

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Остатки дома банкира Л. Цецилія Юкундуса въ Помпеѣ: видъ на таблинъ изъ атрія.

Остатки дома банкира Л. Цецилія Юкунда въ Помпеѣ.

Только для немногихъ домовъ Помпеи можно съ увѣренностью назвать имена владѣльцевъ. Домъ, изображенный на нашей таблицѣ, отрытый въ 1875 году, — единственный, для котораго извѣстно имя, портретный бюстъ и профессія хозяина; даже свѣдѣнія о дѣлахъ и состояніи этого банкира, L. Caecilius Jucundus, дошли до насъ въ нѣсколькихъ сотняхъ обуглившихся деревянныхъ табличекъ, внутри покрытыхъ воскомъ и исписанныхъ; эта находка сохраняется въ залѣ папирусовъ Неаполитанскаго музея. Въ atrium (передняя), съ котораго открывается изображенный видъ, стѣнныя украшенія очень пострадали; полъ состоитъ изъ черной мозаики съ пестрыми мраморными кусочками, а impluvium (прудъ для дождевой воды), занимающій лѣвую часть передняго плана, окаймленъ широкимъ орнаментомъ изъ бѣлой и черной мозаики. Бронзовый бюстъ хозяина дома при раскопкѣ найденъ сброшеннымъ съ пьедестала и нынѣ находится въ Неаполитанскомъ музеѣ, съ пьедесталомъ, который стоялъ, соотвѣтственно помѣщенному справа на нашемъ рисункѣ, слѣва у входа въ tablinum. Бюстъ изображаетъ полнаго, упитаннаго человѣка лѣтъ пятидесяти, съ довольнымъ выраженіемъ лица, съ скошеннымъ ртомъ и бородавкой на лѣвой щекѣ. На пьедесталѣ надпись: „Genio L. nostri Felix l.“ (Генію нашего Люція вольноотпущенникъ Феликсъ). Высокій „tablinum“ (рабочая комната хозяина), въ 1875 году блестѣлъ красками, особенно киноварью. Старинная живопись въ изящномъ греческомъ стилѣ была, можетъ быть, нѣсколько роскошна, но своеобразно красива. На большомъ среднемъ полѣ лѣвой стѣны, имѣвшемъ еще двѣ картины съ боковъ и одну сверху, была изображена Ифигенія въ Тавридѣ, собирающаяся принести въ жертву обоихъ чужестранцевъ (перенесена въ Неаполитанскій музей). Поэтому домъ иногда называютъ „домомъ съ картиной Ифигеніи“. На заднемъ планѣ слѣва открывается видъ на перистиль (дворъ), доступный черезъ узкій корридоръ и окруженный съ двухъ сторонъ портикомъ на 7 колоннахъ, имѣвшимъ кровлю; справа виденъ viridarium (садъ): между свободно стоявшими его колоннами были позже устроены три жилыхъ комнаты и спальная. Правый край картины занимаетъ triclinium (столовая), лѣвый — exedra (пріемная, гостиная).

(По Emil Presuhn, Pompeji. Die neuesten Ausgrabungen von 1874—1881.)

Черезъ два года (81) Титу наслѣдовалъ его братъ Домиціанъ, державшійся дотолѣ вдали отъ дѣлъ; онъ только неоднократно занималъ должность консула и состоялъ членомъ всѣхъ жреческихъ коллегій. Домиціанъ не былъ симпатичной личностью. Интригуя раньше противъ Тита, онъ теперь всячески старался дать почувствовать свое превосходство сенаторамъ, 17 разъ исполнялъ должность консула и въ качествѣ постояннаго „censor'a" присвоилъ себѣ право по произволу увеличивать число членовъ сената. Императоры, послѣдовавшіе за Домиціаномъ, отбросили титулъ цензора; но они сохранили за собой право назначенія членовъ сената, что существенно способствовало развитію принципата въ монархію. Въ остальномъ Домиціанъ старался подражать Тиберію. Вольноотпущенникъ Нерона, Эпафродитъ, долгое время пользовался вліяніемъ при его дворѣ, пока Домиціанъ не вспомнилъ, что Эпафродитъ способствовалъ самоубійству Нерона: это повело за собой его паденіе и казнь. Вообще императоръ стремился править безъ фаворитовъ, опираясь лишь на армію и народъ. Онъ требовалъ, чтобы его называли „Господиномъ" и „Богомъ": это скорѣе соотвѣтствовало восточному пониманію отношеній властелина къ подданнымъ, чѣмъ римскимъ понятіямъ о „первомъ гражданинѣ". Слѣдуя примѣру Юлія Цезаря и Августа, императоръ назвалъ „Домиціаномъ" мѣсяцъ октябрь, въ который онъ родился. Недовѣріе императора ко всѣмъ представителямъ сенаторскаго сословія повлекло за собой учрежденіе строгаго контроля въ дѣлахъ управленія провинціями. Существенная польза, которую принесло это распоряженіе населенію, не позволяетъ поставить правленіе Домиціана на одну ступень съ правленіемъ Гая или Нерона. Возстаніе, подготовленное намѣстникомъ Верхней Германіи, Л. Антоніемъ Сатурниномъ, въ Могунціакѣ съ помощью зависимыхъ племенъ, жившихъ по ту сторону Рейна, было подавлено вооруженной силой (въ 88 или 89 г. по Р. Х.); тутъ отличился испанскій легатъ Ульпій Траянъ, будущій императоръ. Въ Британіи завоеванія также значительно подвинулись впередъ за время семилѣтняго намѣстничества (отъ 78—85 г. по Р. Х.) К. Юлія Агриколы, и въ то-же время укрѣплено было и внутреннее спокойствіе, неоднократно прерывавшееся раньше возстаніями. Римляне расширили такимъ образомъ свой географическій горизонтъ до Каледоніи, Гиберніи, до крайней Тулы (т.-е. до Шетландскихъ островов).

При Домиціанѣ-же римляне вели борьбу и съ каттами и сарматами, причемъ послѣдніе даже совершенно истребили одинъ римскій легіонъ. Наконецъ вспыхнула война съ даками, поглотившая всѣ силы имперіи. Укрѣпившись въ нынѣшней Трансильваніи, даки распространяли свое могущество все далѣе и далѣе, съ одной стороны до береговъ Чернаго моря, съ другой до средняго и нижняго Дуная. Намѣстникъ Мизіи былъ убитъ въ сраженіи, и провинціи грозила такая опасность, что Домиціанъ лично отправился туда съ префектомъ гвардіи, Корнеліемъ Фускомъ. Римляне вели войну наступательно, но неудачно; послѣ смерти Корнелія Фуска, Домиціанъ въ 89 г. по Р. Х. заключилъ миръ съ царемъ даковъ Декебаломъ, обязавшись давать ежегодно денежный подарокъ и сдѣлавъ еще нѣкоторыя уступки; оппозиція говорила, что этотъ миръ былъ купленъ. Самъ Домиціанъ не могъ удовлетворительно разрѣшить представлявшуюся здѣсь задачу, но не хотѣлъ и передавать ее никому другому, опасаясь новаго мятежа. Неудовольствіе между императоромъ, съ одной стороны, сенаторами и представителями военнаго сословія, съ другой, росло. Къ этому присоединились и семейныя неурядицы: императоръ не ладилъ со своей женой Домиціей Лонгиной, дочерью Домиція Корбулона, съ тѣхъ поръ какъ онъ приказалъ заколоть ея любовника, актера Париса. Императоръ приказалъ казнить и своего двоюроднаго брата Флавія Клемента и его жену Флавію Домициллу за то, что они перешли въ христіанство; Домиціанъ строго держался старой религіи. Вскорѣ послѣ этого, 18-го сентября 96 года, Домиціанъ былъ

убитъ своими приближенными въ возрастѣ 45 лѣтъ. До этой эпохи доходятъ біографіи императоровъ, составленныя при Адріанѣ секретаремъ его Светоніемъ Транквилломъ; лучшимъ источникомъ послѣдующей эпохи является исторія императоровъ Кассія Діона,.

Г. Нерва и его преемники.

Несмотря на то, что Домиціанъ назначилъ наслѣдниками престола сыновей Флавія Клемента, эти династическія притязанія были оставлены безъ вниманія, и императоромъ провозглашенъ былъ престарѣлый консуларъ М. Кокцей Нерва: это былъ крайне неудачный выборъ, продиктованный принцессами и лакеями. Если и до сихъ поръ сенатъ составлялъ рѣзкую оппозицію Домиціану, то теперь наступила полная реакція противъ его правленія, память его была оффиціально осуждена и постановленія его признаны недѣйствительными. Вскорѣ оказалось, что Нерва, выпустившій при Неронѣ удачныя любовныя стихотворенія, но не отличившійся ни какъ офицеръ, ни какъ чиновникъ, совершенно не соотвѣтствовалъ своему новому положенію, особенно въ военномъ отношеніи. Когда избалованные Домиціаномъ преторіанцы потребовали выдачи убійцъ императора, Нерва не съумѣлъ ихъ защитить. Кромѣ того, Германія и борьба съ даками требовали опытнаго военачальника. Отношенія къ пареянамъ и вообще дѣла на востокѣ также не были удовлетворительны; промедленіе со стороны римлянъ могло повести за собой возникновеніе одного общаго союза между всѣми этими противниками.

Таковы были причины, побудившія бездѣтнаго Нерву усыновить М. Ульпія Траяна, намѣстника Верхней Германіи (въ 97 г. по Р. Х.). Въ противоположность царившему дотолѣ принципу, въ силу котораго династическіе интересы стояли выше интересовъ государства, отнынѣ каждый царствующій императоръ долженъ былъ избирать себѣ наслѣдникомъ наиболѣе подходящаго къ тому человѣка. Послѣднія событія ясно показали, что одного сената недостаточно, что необходимъ настоящій императоръ.

Траяну, уроженцу Италики въ Испаніи, было въ то время 44 года; отецъ его, одинъ изъ командующихъ легіонами въ іудейской войнѣ, получилъ позднѣе должность консула и управлялъ провинціей Сиріей. Новый наслѣдникъ престола былъ душой и тѣломъ военный и преслѣдовалъ въ Германіи политику императоровъ Флавіевъ, вновь подчинивъ вліянію Рима области по правую сторону Рейна, какъ напр. такъ называемые agri decumates съ главнымъ городомъ Сумелоценной (близъ Роттенбурга въ Вюртембергѣ). Намъ неизвѣстно, откуда происходитъ названіе „decumates“: возможно, что это выраженіе землемѣровъ; переводъ „десятинная земля“ лишенъ всякаго фактическаго основанія. Представленный своимъ соотечественникомъ консуларомъ Лициніемъ Сурой, Траянъ былъ усыновленъ Нервой. Вѣсть объ этомъ застала его въ Кельнѣ. Онъ немедленно-же принялъ въ ряды своего войска мятежныхъ преторіанцевъ, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ ихъ вождей, которыхъ онъ подвергнулъ строгому наказанію. На Дунаѣ онъ побѣдоносно боролся со свевами. Вслѣдствіе этого Нерва и Траянъ присвоили себѣ наименованіе Германиковъ. Въ то-же время продолжалось стягиваніе войскъ внизъ по Дунаю, начатое еще Домиціаномъ. Послѣ смерти Нервы, послѣдовавшей 27-го января 98 года, во главѣ государства сталъ Траянъ. Его правленіе съ радостью привѣтствовали всѣ чувствовавшіе надъ собою гнетъ правленія Домиціана, главнымъ образомъ Корнелій Тацитъ, консулъ 98 года, и Плиній младшій, консулъ 100 г. по Р. Х.

Въ это время въ Италіи началась эпоха реформъ. Господствующую страну все болѣе и болѣе заселяли капиталисты; помимо сенаторовъ, рас-

полагавшихъ большими земельными собственностями въ различныхъ частяхъ Италіи, чиновники и офицеры, служившіе въ провинціяхъ, возвращались теперь на родину съ набитыми карманами. Другіе составили себѣ состояніе торговлей и спекуляціями. Эти люди играли теперь на родинѣ видную роль, такъ какъ затрачивали деньги на общественныя учрежденія, бани, библіотеки, игры, приносившія пользу низшимъ слоямъ населенія. Все это было очень хорошо, но при такихъ условіяхъ не могли развиться здоровыя экономическія условія. Домиціанъ полицейскими мѣрами старался поддержать хлѣбопашество въ тѣхъ мѣстностяхъ Италіи, гдѣ оно еще сохранилось; населеніе предпочитало воздѣлываніе винограда, тѣмъ болѣе, что италійское вино, съ которымъ въ то время не конкурировали еще ни бургонское, ни токайское, представляло хорошій предметъ вывоза.

Но страна страдала подъ гнетомъ другихъ золъ; соціальныя условія въ общемъ вполнѣ соотвѣтствовали образу жизни безпечнаго населенія. Безбрачіе, ограниченіе числа дѣтей и различные, повсемѣстно распространенные, пороки, описаніе коихъ мы находимъ у сатириковъ той эпохи, Петронія, Марціала, Ювенала, такъ глубоко вкоренились въ широкихъ кругахъ населенія, что увеличивающееся благосостояніе повело за собой не увеличеніе, а наоборотъ уменьшеніе количества народонаселенія. Необходимо было сдѣлать попытку помочь по крайней мѣрѣ тѣмъ слоямъ населенія, которые еще не были такъ испорчены. Траянъ продолжалъ начатое еще Нервой дѣло учрежденія продовольственныхъ кассъ. Изъ этихъ кассъ мальчики и дѣвочки до окончанія своего образованія получали ежегодныя стипендіи (alimenta). Стипендіи были обезпечены землями; до насъ дошло нѣсколько замѣтокъ, касающихся этого вопроса и имѣющихъ форму земельныхъ книгъ, одна изъ области Беневента, другая изъ области Велеи (въ Лигуріи). Послѣдующіе императоры развили и организовали еще далѣе это полезное учрежденіе, помощью котораго они надѣялись сохранить за Италіей ея господствующее положеніе.

Пробывъ 99-ый и 100-ый годъ въ Римѣ, Траянъ въ 101 году выступилъ на войну съ даками. Позиціи Аквинкъ (близъ Альтофена) и Акуминкъ (близъ Шланкемена) были уже заняты, изъ Британіи и съ Рейна подоспѣли подкрѣпленія; вообще все предпріятіе было подготовлено крайне осторожно и велось съ большой энергіей. Траянъ, сопровождаемый praefectus praetorio Клавдіемъ Ливіаномъ и штабомъ опытныхъ военачальниковъ, лично принялъ командованіе надъ войскомъ. Рѣшено было не только освободить Мизію, но напасть на даковъ въ ихъ собственной странѣ, золотыя богатства которой и безъ того привлекали римлянъ. Первый походъ окончился покореніемъ Декебала, оттѣсненнаго отъ Дуная и отъ моря въ котловину Трансильваніи. Въ этихъ предѣлахъ онъ долженъ былъ стать кліентомъ Рима (въ 102 г. по Р. X.) Но вскорѣ Траянъ убѣдился, что Декебалъ не исполнялъ поставленныхъ условій и что необходимо было предпринять второй походъ. Римляне прежде всего обезпечили себѣ переходъ черезъ Дунай постройкой моста Траяна (близъ Турнсеверина), такъ какъ въ предыдущій походъ рѣка оказалась серьезнымъ противникомъ. Траянъ во второй разъ съ различныхъ сторонъ окружилъ столицу даковъ Сармизегетузу въ Гацэгерской долинѣ (нынѣ Гредиште у славо-романскихъ валаховъ, Варгели — у мадьяровъ). Даки защищались въ лѣсахъ и горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ они спрятали свои богатства; такъ напр. при Мунсельскомъ Гредиште, у исхода долины къ югу отъ Брооса, представляющем ъи понынѣ мѣсто нахожденія греческихъ и римскихъ монетъ и спрятанныхъ здѣсь въ то время сокровищъ. Видя свое дѣло потеряннымъ, Декебалъ самъ наложилъ на себя руки. Одна часть даковъ подчинилась, другая была истреблена или изгнана; на ихъ мѣсто были переселены римскіе поселенцы изъ другихъ провинцій. Римляне устроили Сармизегетузу въ видѣ „колоніи Ульпіи“, заняли округъ съ золотыми промыслами

и для охраны его поставили легіонъ въ Апулѣ (въ 107 г. по Р. X.); нынѣ на мѣстѣ Апула при входѣ въ трансильванскій золотой округъ стоитъ Карлсбургъ, названный такъ въ честь императора Карла VI (мадьяры называютъ его Gyula-Fejervar, а валахи „Бѣлградъ"). Честь римскаго оружія была возстановлена и гнетъ, который налагало могущество даковъ на греческіе города на Понтѣ, былъ устраненъ. Въ Ольвіи и Томахъ господствовало ликованіе. У сѣверныхъ отроговъ Гемуса былъ основанъ Никополь, что отразилось конечно и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Достигнутые результаты были увѣковѣчены на монетахъ и памятникахъ, какъ въ Римѣ, такъ и на берегахъ Дуная и на Понтѣ. Павшимъ воинамъ были возданы почести, затѣмъ отпразднованъ тріумфъ и игры: въ Добруджѣ близъ Адамклисси недалеко отъ Томъ возникъ „Tropaeum Traiani"; недавно открытъ и памятникъ павшимъ солдатамъ. Правда, обращеніе Дакіи въ провинцію повлекло за собой съ другой стороны новое обремененіе финансовъ и увеличеніе численности войскъ.

Въ то-же самое время (въ 106 г. по Р. X.) намѣстникъ Сиріи, А. Корнелій Пальма, завладѣлъ областью Бостры и Петры. Эта область была обращена въ римскую провинцію „Аравію" и получила гарнизонъ; через нее вела имперская дорога къ Черному морю. Императоръ же изъ Дакіи отправился въ Римъ. Здѣсь онъ оставался послѣдующіе годы и заложилъ „Forum Traiani", посреди котораго возвышалась Траянова колонна съ барельефами, изображавшими сцены изъ дакійской войны. Траянъ съ усердіемъ посвятилъ себя дѣламъ управленія и прежде всего позаботился о поднятіи италійской торговли; такъ, онъ расширилъ гавань Анконы, что имѣло большое значеніе для сношеній съ противоположнымъ берегомъ Далмаціи и съ востокомъ. Далѣе, онъ построилъ Via Traiana изъ Беневента въ Брундизій; эта дорога, болѣе короткая чѣмъ Via Appia, привлекла къ участію въ всемірной торговлѣ новыя земли. Благодарное населеніе почтило императора тріумфальными воротами, сохранившимися и понынѣ въ Анконѣ и Беневентѣ.

При всемъ этомъ Траянъ не упускалъ изъ виду и того, что происходило въ провинціяхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его переписка съ Плиніемъ Младшимъ, занимавшимъ отъ 111—113 года должность намѣстника Виѳиніи. Особый интересъ императора къ Виѳиніи проистекалъ изъ того, что Плинію была дана чрезвычайная миссія; однако мы видимъ, что императоръ старался быть au courant и мельчайшихъ событій. Въ то-же самое время или даже нѣсколько раньше П. Корнелій Тацитъ, составивъ себѣ имя какъ ораторъ, адвокатъ и историкъ, получилъ должность проконсула провинціи Азіи. Закончивъ свою „Исторію", начинавшуюся съ Гальбы и доведенную до смерти Домиціана, Тацитъ принялся за обработку исторіи отъ смерти Августа до гибели Нерона, въ то время какъ Траянъ былъ занятъ своимъ восточнымъ походомъ.

Въ 114 году вспыхнула война съ парѳянами: уже прежній парѳянскій царь Пакоръ вступилъ въ сношенія съ даками. Хозрой же непосредственно вмѣшался въ сферу римскихъ интересовъ, посадивъ на армянскій престолъ самовольно избраннаго имъ царя. Въ Арменіи парѳянское вліяніе всегда боролось съ римскимъ; поэтому Траянъ рѣшился разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ. Поддерживаемый народами Кавказа и сирійскими кліентами-царями, онъ завоевалъ Арменію и обратилъ ее въ провинцію. Выставивъ претендента на парѳянскій престолъ, Траянъ ушелъ на зимнія квартиры въ Антіохію. Слѣдующей весной онъ перешелъ черезъ Тигръ, взялъ области Адіабену и Вавилонію и города Селевкію и Ктезифонъ, затѣмъ прошелъ черезъ область Мезены и достигъ Персидскаго залива. Онъ устроилъ двѣ новыя провинціи, Месопотамію и (по ту сторону Тигра) Ассирію, и, какъ самъ онъ говорилъ, пошелъ бы по примѣру Александра Великаго въ Индію, если-бы былъ моложе. Но вскорѣ наступила

реакція. Въ завоеванныхъ областяхъ вспыхнуло возстаніе и Траяну пришлось вернуться, чтобы удержать за собой сдѣланныя пріобрѣтенія. Осада хорошо укрѣпленнаго города Гатры окончилась неудачей; Хозрой вновь завладѣлъ Пароіей. Кромѣ того евреи, побуждаемые своими соплеменниками, хорошо поставленными въ пароянскомъ царствѣ, возстали во всѣхъ восточныхъ провинціяхъ и среди нихъ вновь ожили надежды на близкое пришествіе Мессіи: въ Киренѣ былъ даже провозглашенъ какой-то „царь". Императоръ Траянъ, измученный всѣми трудностями похода, слишкомъ утомительнаго для шестидесятилѣтняго старца. заболѣлъ и вернулся въ Антіохію уже въ очень плохомъ состояніи; рѣшившись тѣмъ не менѣе отправиться въ Римъ, онъ по дорогѣ умеръ въ Селинунтѣ, въ Киликіи, 8-го августа 117 года по Р. X.

Жизнь Траяна закончилась такимъ образомъ серьезной неудачей. Онъ напрягъ до послѣдней степени силы имперіи и однако не достигъ полезной цѣли. Имперія стремилась въ это время захватить въ свои руки торговлю съ Индіей. Уже Августъ пытался сдѣлать нападеніе на Аравію (см. томъ III); съ этой же цѣлью была и теперь предпринята экспедиція къ Персидскому заливу. Но въ цѣломъ попытка не удалась, такъ какъ внутренняя Аравія была хорошо защищена своими пустынями, и провинція „Аравія" такъ же мало соотвѣтствовала своему громкому имени, какъ и провинціи „Азія" и „Африка". Собственно Аравія съ ея караванными путями осталась особымъ замкнутымъ міромъ до появленія ислама. Римляне должны были удовольствоваться тѣмъ, что способствовали открытію морского пути между Египтомъ и Индіей и, съ другой стороны, стали въ такія отношенія къ пароянскому царству, которыя благопріятствовали транзитной торговлѣ съ Индіей и землей серовъ, т. е. Китаемъ. Удерживать за собой при такихъ обстоятельствахъ Ассирію и Месопотамію и даже Аравію не имѣло бы смысла ни съ военной, ни съ финансовой точки зрѣнія,

Такъ думалъ преемникъ Траяна, П. Элій Адріанъ. Двоюродный братъ Траяна, родомъ также изъ Италики въ Испаніи, онъ выросъ въ его домѣ; женившись на внучкѣ сестры Траяна, Марціаны, онъ сталъ въ еще болѣе близкія отношенія къ императорской семьѣ. Адріанъ участвовалъ во всѣхъ походахъ Траяна, на Дунаѣ и на Евфратѣ, занимая уже въ то время выдающееся положеніе; послѣ второй дакійской войны онъ былъ назначенъ намѣстникомъ нижней Панноніи. Въ моментъ смерти Траяна Адріанъ стоялъ во главѣ сирійской арміи. Его біографіей начинаются жизнеописанія отдѣльныхъ императоровъ въ „Scriptores historiae Augustae".

Въ семьѣ одного изъ позднѣйшихъ намѣстниковъ Киликіи сохранился разсказъ о томъ, будто Плотина, жена Траяна, послѣ смерти императора составила подложный документъ объ усыновленіи Адріана Траяномъ. Дѣйствительно, ни для кого не могло быть тайной, что Адріанъ далеко не былъ согласенъ съ многосторонней политикой Траяна. Наоборотъ, генералы, смотрѣвшіе на всю политику, какъ и самъ Траянъ, только съ точки зрѣнія солдатъ, стояли за продолженіе ея; такъ напр. Лузій Квіэтъ, намѣстникъ Іудеи, незадолго передъ тѣмъ подавившій возстаніе евреевъ на ихъ родинѣ; такъ и Корнелій Пальма, завоеватель Аравіи, и многіе другіе. Поэтому Адріанъ, державшійся совсѣмъ иной политики, встрѣтилъ съ этой стороны сильное сопротивленіе. Дѣйствительно, Адріанъ прежде всего окончилъ войну съ пароянами, признавъ Хозроя царемъ и отказавшись отъ всѣхъ сдѣланныхъ завоеваній, за исключеніемъ Аравіи; въ Арменіи онъ согласился поставить во главѣ правленія родственника пароянскаго царствующаго дома. Въ то-же время преданный полководецъ Адріана, Марцій Турбонъ, подавилъ возстаніе евреевъ въ Египтѣ и Киренѣ. Тотъже самый Марцій Турбонъ былъ посланъ въ Мавританію, а затѣмъ въ Паннонію и Дакію. Адріанъ отказался-бы и отъ этой послѣдней провинціи, еслибы туда не было уже переселено столько римскихъ колонистовъ. По-

этому Адріанъ ограничился тѣмъ, что уменьшилъ гарнизонъ, отправившись для этого лично изъ Антіохіи въ Мизію и Дакію. Марція Турбона онъ призвалъ на должность praefectus praetorio въ Римъ, гдѣ незадолго до его пріѣзда составился заговоръ. Лузій Квіэтъ, Корнелій Пальма и Авидій Нигринъ, котораго при Траянѣ прочили въ наслѣдники престола, поплатились жизнью за участіе въ заговорѣ: новый повелитель сразу освободился отъ своихъ соперниковъ и завистниковъ.

Адріанъ энергично принялся за дѣла. Онъ съ такимъ успѣхомъ привелъ въ порядокъ разстроенные воинственной политикой Траяна финансы, что могъ даже подарить населенію большую сумму недоимокъ, какъ въ самой Италіи, такъ, правда, въ менѣе значительной степени, и въ провинціяхъ, чѣмъ заслужилъ большую благодарность. Далѣе онъ сдѣлалъ важный шагъ къ установленію письменнаго права: по его порученію юристъ Сальвій Юліанъ записалъ всѣ основныя положенія, по которымъ судили преторы. Но съ особеннымъ рвеніемъ Адріанъ посвятилъ себя организаціи войска и гражданскаго управленія. Онъ лично осмотрѣлъ всѣ провинціи и всѣ корпусы арміи. Чиновничье сословіе позднѣйшей эпохи представляетъ его твореніе: вмѣсто императорскихъ вольноотпущенниковъ онъ исключительно предоставлялъ должности среднему сословію, „римскимъ всадникамъ.“ Въ арміи онъ преобразовалъ тактику, принявъ въ соображеніе образъ боя враждебныхъ племенъ; въ вспомогательныхъ войскахъ онъ съумѣлъ извлечь пользу изъ ихъ національныхъ особенностей. Изучивъ военную службу какъ въ мирное, такъ и въ военное время, Адріанъ пользовался большимъ уваженіемъ въ арміи; онъ хорошо зналъ даже имена многихъ солдатъ.

Въ умственномъ отношеніи Адріана слѣдуетъ считать наиболѣе выдающимся императоромъ за періодъ времени между Августомъ и Діоклетіаномъ. Повсюду мы находимъ оставленные имъ слѣды. Въ Британіи онъ построилъ пограничную стѣну противъ каледонцевъ. Въ Африкѣ, въ лагерѣ Самбэзиса сохранились его приказы по арміи, высѣченные въ память его пребыванія тамъ на камнѣ: онъ лично былъ даже въ Мавританіи. Въ Іудеѣ онъ основалъ на мѣстѣ разрушеннаго Іерусалима колонію Элію Капитолійскую. Евреи подъ предводительствомъ рабби Элеазара и Баркохбы, „сына звѣзды“, затративъ громадныя денежныя суммы, предприняли возстаніе, которое удалось подавить лишь послѣ двухлѣтней кровопролитной борьбы (132—134), послѣ того какъ подоспѣли подкрѣпленія изъ Мизіи и другихъ областей. И послѣ побѣды въ Іудеѣ остался удвоенный гарнизонъ; провинція получила названіе Сиріи Палестины, такъ какъ самое имя „Іудея“ должно было быть стерто съ лица земли. Адріанъ очень много сдѣлалъ для Греціи, литературу которой онъ съ юности такъ высоко цѣнилъ, что даже заслужилъ прозвище „Graeculus“. Дѣйствительно, онъ первый изъ императоровъ носилъ по примѣру грековъ бороду; всѣ его предшественники, слѣдуя римскимъ обычаямъ, не отпускали себѣ бороды. Еще до вступленія на престолъ, Адріанъ занималъ въ Аѳинахъ должность архонта; поэтому онъ украсилъ городъ постройками и даровалъ ему различные привилегіи и доходы. Авторъ путешествій и изслѣдователь древности Павзаній въсвоемъ „Путешествіи по Греціи“ перечисляетъ все, что сдѣлалъ Адріанъ для Пелопоннеса. Въ окрестностяхъ Рима близъ Тибура Адріанъ построилъ виллусъ громадными комнатами и обширными садами, изображавшими наиболѣе интересныя области, которыя императоръ встрѣчалъ во время своихъ путешествій. Вилла эта вѣроятно стоила громадныхъ денегъ.

Подобно Траяну и Адріанъ былъ бездѣтенъ; императрица Сабина не хотѣла имѣть дѣтей, потому что не ладила съ мужемъ, о чемъ она очень откровенно разсказывала своимъ приближеннымъ. Это привело однажды къ кризису, отъ котораго пострадалъ и секретарь императора Светоній Транквиллъ, авторъ біографій императоровъ. Любимцемъ Адріана былъ

красивый мальчикъ Антиной; императоръ всюду возилъ его съ собой, пока Антиной не умеръ загадочной смертью во время пребыванія Адріана въ Египтѣ. Восточные народы поклонялись этому мальчику какъ богу, а греческіе художники увѣковѣчили его память въ идеальномъ образѣ юноши съ задумчиво-сентиментальнымъ выраженіемъ лица, принадлежащемъ къ характернымъ явленіямъ той эпохи. Чтобы увѣковѣчить память своего любимца, Адріанъ основалъ городъ Антинополь. Всегда окруженный въ своихъ путешествіяхъ многочисленными архитекторами и зодчими, онъ легко могъ предпринять это основаніе. Въ цѣломъ Адріанъ былъ натурой властолюбивой, вѣчно дѣятельной, но въ то-же время эгоистичной и своевольной; онъ имѣлъ своеобразный вкусъ и въ произведеніяхъ литературы, предпочиталъ старыхъ латинскихъ авторовъ, какъ Эннія и Катона, новымъ; и въ этомъ отношеніи онъ оказалъ серьезное вліяніе на современниковъ.

Преемникомъ своимъ Адріанъ назначилъ Л. Цейонія Коммода; усыновленный въ 136 году Адріаномъ, Коммодъ получилъ имя Л. Элія Цезаря и немедленно-же былъ посланъ въ Паннонію, чтобы принять тамъ командованіе надъ четырьмя легіонами; въ то-же время онъ былъ вторично назначенъ консуломъ. Намъ извѣстно, что съ поздравленіями къ нему въ Паннонію прибыли депутаціи даже изъ Азіи. Но онъ умеръ еще раньше Адріана, 1-го января 138 года, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Римъ. Послѣ этого Адріанъ усыновилъ Т. Аврелія Антонина, женатаго на сестрѣ Элія Цезаря; не имѣя сыновей, Антонинъ для обезпеченія престолонаслѣдія долженъ былъ усыновить М. Аннія Вера (будущаго императора Марка Аврелія) и сына Элія Цезаря, Л. Вера. Ближайшіе родственники Адріана такъ рѣзко высказали свое неудовольствіе по этому поводу, что Адріанъ принужденъ былъ казнить своего зятя, 90-лѣтняго консулара Л. Юлія Урса Сервіана, и его 18-лѣтняго внука. Адріанъ умеръ отъ водянки 10-го іюля 138 года, въ Байяхъ, прославленномъ курортѣ Кампаніи. Антонинъ торжественно сжегъ трупъ императора въ бывшей виллѣ Цицерона въ Путеолахъ, но съ трудомъ добился у сената оказанія обычныхъ почестей. Послѣ этого прахъ божественнаго Адріана былъ похороненъ въ великолѣпномъ мавзолеѣ, построенномъ имъ по ту сторону Тибра и носящемъ нынѣ названіе „Замокъ Св. Ангела“.

Тогда какъ Адріанъ избѣгалъ войны изъ политическихъ соображеній, непрерывно занимая однако солдатъ и генераловъ какимъ-нибудь дѣломъ и придавая большое значеніе точнымъ отчетамъ, преемникъ его, Т. Элій Адріанъ Антонинъ „Пій“, сохранялъ миръ изъ равнодушія и лѣни. Семья его происходила изъ Немавза въ Провансѣ, но уже два поколѣнія ея занимали должности сенаторовъ и владѣли большими помѣстьями въ Италіи. Самъ Антонинъ въ 120 году занималъ должность консула, а позднѣе находился въ числѣ четырехъ консуларовъ, которымъ Адріанъ поручилъ надзоръ за италійскими муниципіями и право суда въ нихъ. Назначенный проконсуломъ въ Азію, Антонинъ по окончаніи срока своего проконсульства вернулся въ Италію. Будучи императоромъ, онъ въ теченіе своего 23-лѣтняго правленія тоже почти не выѣзжалъ изъ Италіи, хотя на Дунаѣ и на востокѣ подготовлялись событія, разыгравшіяся уже при его преемникахъ. Онъ предоставлялъ своимъ намѣстникамъ рѣшать пограничные споры. Въ Британіи къ югу отъ пограничной стѣны Адріана была построена вторая стѣна, названная въ честь Антонина. На границѣ Верхней Германіи и Реціи была построена подобная-же пограничная стѣна или „limes“. Война съ неосѣдлыми маврами, вспыхнувшая въ Африкѣ по всей границѣ, потребовала большого передвиженія войскъ. Помимо подкрѣпленій изъ Испаніи, пришедшихъ въ Тингитану, войска изъ Германіи, Панноніи и даже Сиріи были посланы въ Цезарензисъ, пока наконецъ многолѣтняя борьба не закончилась обезпеченнымъ миромъ въ 150 г. по Р. X. (см. приложенную карту „Римская имперія въ половинѣ II вѣка по Р. X.“).

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ
въ серединѣ 2 столѣтія п. р. Хр.
Разработалъ Карлъ Вольфъ.
Масштабъ 1:20000000
Римск. мили
Олимпійск. стадіи
Километры
Атлантическій океанъ
Каледонія
Иверния
Британія
Лондиній
Эборакъ
Нѣмецкое море
Британское море
Кимврскій Херсонесъ
Скандія
Свевское
Германія
Маркоманны
Квады
Лугдунская Галлія
Аквитанія
Бурдигала
Нарбонская Галлія
Нарбонна
Массилія
Галльскій заливъ
Лугдунъ
Реція
Норикъ
Паннонія
Далмація
Салоны
Аквилея
Медіоланъ
Бононія
Равенна
Италія
Римъ
Адріатическое море
Тирренское море
Корсика
Сардинія
Сицилія
Сиракузы
Испанія
Галлэція
Астурія
Тарраконская Испанія
Тарраконъ
Лузитанія
Бетика
Кордуба
Гадесъ
Новый Карѳагенъ
Иберійское море
Балеарскія о-ва
Майорка
Минорка
Балеарское море
Средиземное море
Мавританія Тингитана
Мавританія Цезаріензисъ
Цезарея
Нумидія
Карѳагенъ
Африка
Малый Сиртъ
Большой Сиртъ
Сиракузы
Ливійская

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Это мирное время, продолжавшееся, какъ свидѣтельствуютъ архитектурные памятники (см. таблицу при стр. 459, фиг. 2), 50 лѣтъ, было періодомъ муниципальнаго расцвѣта и прогрессирующей романизаціи для внутреннихъ провинцій, проконсульской Африки, Галліи Нарбонской и южной Испаніи. Императоръ между тѣмъ оставался въ своихъ помѣстьяхъ, изъ которыхъ онъ наибольшее предпочтеніе отдавалъ Лорію, расположенному на 12-ой милѣ по Via Aurelia (нынѣ эта мѣстность совершенно опустѣла), и наслаждался радостями сельскаго хозяина, такъ что доброжелательные критики сравнивали его по мудрости со старымъ царемъ сабиновъ, Нумой Помпиліемъ, отчасти и потому, что онъ съ чрезвычайной точностью держался всѣхъ обрядовъ римской государственной религіи. Но, какъ видно изъ писемъ африканскаго ритора и воспитателя принцевъ, Корнелія Фронтона, при дворѣ его на ряду съ бережливостью царила и порядочная скука. Умственное движеніе этой эпохи уже не находилось, какъ во времена Юлія Цезаря и Августа и даже Траяна и Адріана, во власти политическихъ круговъ; наоборотъ, оно держалось вдали отъ нихъ, какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Александріи, гдѣ оно проявлялось наиболѣе сильно.

Болѣзнь, вызванная неумѣреннымъ употребленіемъ испорченнаго сыра, свела Пія въ могилу (161), и во главѣ правленія стали его пріемные сыновья, М. Аврелій „Антонинъ“ и Л. Веръ, признанный равноправнымъ со-августомъ. Это былъ первый примѣръ совмѣстнаго управленія. М. Аврелій вступилъ на престолъ въ возрастѣ 40 лѣтъ; это былъ серьезный человѣкъ, стремившійся добросовѣстно исполнять свои обязанности повелителя и посвящавшій часы досуга философскимъ размышленіямъ, изъ которыхъ составилась его книга „Къ себѣ самому“, написанная на греческомъ языкѣ. Л. Веръ относился ко всему несравненно легче. Вина М. Аврелія передъ государствомъ заключается именно въ томъ, что онъ допустилъ къ участію въ управленіи сперва своего неспособнаго пріемнаго брата, а потомъ еще болѣе неспособнаго сына; такое отношеніе къ нимъ стояло въ связи съ его стоическимъ міровоззрѣніемъ. Во внутренней политикѣ онъ держался путей, намѣченныхъ Адріаномъ. Что касается внѣшней политики, то въ царствованіе М. Аврелія вспыхнула война, послужившая началомъ новой эры для Италіи и большой части имперіи.

На востокѣ римлянамъ пришлось вести войну съ парѳянами, воспользовавшимися своимъ господствующимъ положеніемъ въ Арменіи, чтобы вторгнуться и въ Сирію. Въ 162 году Л. Веръ, посланный на востокъ, сталъ стягивать туда войска; войска съ Нижняго Рейна и Дуная получили приказъ двинуться къ Евфрату, а италійскій флотъ долженъ былъ транспортировать войска въ Селевкію Піэрію, гавань Антіохіи. Въ этой войнѣ наиболѣе отличились полководцы Вера, самъ-же онъ предпочиталъ оставаться въ Антіохіи. Они завоевали Арменію и пограничныя области Месопотаміи, затѣмъ перешли Тигръ, взяли Селевкію и Ктезифонъ, свободные греческіе города парѳянскаго царства, и захватили громадную добычу. Имъ удалось захватить область Озроэну (съ главнымъ городомъ Эдессой) и упрочить превосходство Рима въ Арменіи. Спустя четыре года война окончилась; оба императора отпраздновали въ Римѣ блестящій тріумфъ (166).

Въ это время вспыхнуло возстаніе на Дунаѣ, откуда всѣ войска были отозваны на восточную войну. Народы, жившіе по всему теченію рѣки, безъ сомнѣнія, уступая какому-то натиску, пришли въ движеніе, вторглись въ римскія провинціи и стали угрожать и самой Италіи. Они осадили Аквилею и заняли Опитергій (нынѣ Одерцо). Генералы, отличившіеся въ войнѣ съ парѳянами, немедленно были посланы туда съ порученіемъ набрать новое войско и вновь возстановить сѣверную границу. Въ первый разъ послѣ долгаго промежутка времени наборъ рекрутъ былъ произведенъ въ самой Италіи; Италія выставила два легіона, получившіе въ честь обоихъ императоровъ наименованіе Конкордія, а позднѣе названные „Италій-

скими". Верхняя Италія и прилежащая къ ней альпійская область были поставлены на нѣкоторое время подъ вѣдѣніе одного начальника, что имѣло большое значеніе для послѣдующихъ организацій.

Возвращавшіяся съ востока войска принесли съ собой чуму, поглотившую тысячи жертвъ и отразившуюся еще и на слѣдующемъ поколѣніи. Вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, вызваннаго дороговизной транспорта войскъ, въ ряды войска стали зачислять всѣхъ способныхъ носить оружіе, независимо отъ ихъ происхожденія; особый императорскій приказъ какъ бы давалъ всѣмъ вступавшимъ въ легіоны необходимое для этого званіе, между тѣмъ какъ раньше въ легіонеры зачислялись лишь римскіе граждане или лица, имѣвшія латинское право. Мѣра эта напоминаетъ средство, къ которому 270-ю годами раньше прибѣгнулъ Марій. Въ результатѣ оказалось, что дунайскія войска состояли почти исключительно изъ варваровъ, а такъ какъ они обнимали больше трети всей имперской арміи, то политическій центръ тяжести на будущее время перемѣстился въ иллирійскія области. Изъ 30, а позднѣе 33 легіоновъ, 12 стояли въ дунайскихъ областяхъ, 9, а позднѣе 11, въ восточныхъ провинціяхъ, 4 на Рейнѣ и т. д.

Оба императора находились при арміи. Послѣ смерти Л. Вера, послѣдовавшей въ 169 году въ Альтинѣ (близъ Венеціи), Маркъ одинъ сталъ во главѣ войска; главная квартира его попеременно находилась то въ Виндобонѣ, то въ Карнунтѣ, то въ Бригетіо, а зимой и въ болѣе отдаленномъ Сирміѣ. Непріятель очистилъ Альпы и римляне вновь завладѣли пограничной линіей Дуная; театръ военныхъ дѣйствій простирался уже отъ Castra Regina (Регенсбургъ) до нынѣшней Трансильваніи. Римская армія понесла значительныя потери, утративъ и многихъ офицеровъ. Въ битвѣ съ германцами и язигами палъ намѣстникъ Дакіи и верхней Мизіи, Клавдій Фронтонъ, защищавшій Сармизегетузу уже послѣ потери всего золотопромышленнаго округа; въ центрѣ, сражавшемся главнымъ образомъ противъ маркомановъ и квадовъ, былъ убитъ praefectus praetorio, Макриній Виндексъ. Продолжительныя жары довели войско до полнаго изнеможенія, но богъ дождя еще во время смилостивился; на барельефахъ колонны побѣды, стоящей въ Римѣ на „Piazza Colonna", среди прочихъ подробностей войны изображенъ и этотъ чудесный спасительный дождь. Въ 172 году римляне наконецъ подчинили своему господству германскія народности, а въ 175 и сарматскія, къ которымъ принадлежали язиги. Послѣ этого императоръ поселилъ цѣлыя народности въ опустошенныхъ пограничныхъ провинціяхъ. Эта мѣра, неоднократно примѣнявшаяся въ послѣдующіе годы въ Дакіи и Панноніи, оказалась очень удачной, такъ какъ римское правительство умѣло извлечь пользу изъ раздоровъ отдѣльныхъ племенъ. Императоръ попробовалъ было остановить уменьшеніе населенія въ Италіи путемъ поселенія въ ней, напр. близъ Равенны, варваровъ, какъ крестьянъ, привязанныхъ къ землѣ; но попытка эта разбилась о неповиновеніе этихъ варваровъ. Необходимо было или истребить ихъ, или удалить изъ Италіи; здѣсь ясно проявилась разница между старой культурной страной и лишь поверхностно романизированными пограничными областями.

Впрочемъ, большая германская и сарматская война уже показала, что по крайней мѣрѣ для Верхней Италіи времена спокойствія прошли. Необходимо было укрѣпить главные города Верхней Италіи, Аквилею, Верону, Медіоланъ; Равенну защищали окружавшія ее лагуны. На Балканскомъ полуостровѣ также были приняты мѣры къ оборонѣ; такъ, Салона въ Далмаціи и Филиппополь въ Ѳракіи были въ то время обнесены стѣнами въ защиту отъ племени костобоковъ, распространившихъ свои набѣги съ сѣвера Дакіи до самой Греціи.

Императоръ поспѣшилъ закончить войну на Дунаѣ, ибо намѣстникъ Сиріи, Авидій Кассій, получивъ ложное извѣстіе о смерти Марка Аврелія,

провозгласилъ себя императоромъ на востокѣ; повидимому, тутъ играли роль личныя несогласія, ибо не всѣ были довольны императоромъ, занимавшимся философіей на зимнихъ квартирахъ въ Панноніи. Маркъ лично выступилъ въ походъ противъ Авидія Кассія и послѣдній вскорѣ былъ покинутъ и убитъ своими же приверженцами (175).

Маркъ вернулся въ Римъ и назначилъ себѣ соправителемъ своего сына Коммода. Въ 178 году онъ вмѣстѣ съ нимъ вновь отправился на Дунай, ибо тамъ опять начались волненія. Императоръ думалъ приступить теперь къ занятію задунайскихъ областей, тогда какъ раньше онъ довольствовался нейтральной пограничной полосой. Но не успѣвъ еще привести въ исполненіе этого плана, Маркъ заболѣлъ въ Виндобонѣ и умеръ 17-го марта 180 года.

Во главѣ государства сталъ Коммодъ. Не имѣя желанія оставаться въ холодной варварской странѣ, гдѣ люди по описанію придворнаго врача Галена, имѣли лица, „какъ изъ досокъ", онъ удовольствовался формальнымъ подчиненіемъ и еще въ 180 году вернулся въ Римъ. Молодой человѣкъ любилъ физическія упражненія и приказалъ оффиціально воздавать себѣ почести, какъ римскому Геркулесу; въ цѣломъ онъ былъ лѣнивъ и развратенъ и во многомъ напоминалъ Нерона. Правленіе находилось первоначально въ рукахъ префектовъ гвардіи, Таррутенія Патерна и Переннися. Первый изъ нихъ, очень дѣльный офицеръ, палъ въ 183 году жертвой интригъ Перенниса; но и этотъ въ свою очередь погибъ два года спустя во время мятежа. Съ этого времени дѣлами сталъ управлять Клеандръ, фригійскій рабъ, отпущенный на волю Маркомъ Авреліемъ; Коммодъ возвысилъ его на должность перваго царедворца и предоставилъ ему вмѣстѣ съ двумя другими командованіе гвардіей. Однако, когда Риму три года спустя грозилъ голодъ, Клеандръ былъ выданъ народу (189). Руководящее вліяніе пріобрѣли египтянинъ Эклектъ и любовница императора Марція, перешедшіе во владѣніе Коммода вмѣстѣ съ конфискованнымъ имуществомъ одного его родственника, Уммидія Квадрата, и крѣпко державшіеся другъ друга.

Безумная расточительность императора вскорѣ повела за собой значительный дефицитъ, но это не помѣшало императору по прежнему предаваться своимъ страстямъ. Онъ сталъ публично выступать какъ гладіаторъ, причемъ конечно принимались соотвѣтствующія мѣры предосторожности; не менѣе 735 разъ Коммодъ добивался награды побѣдителя. Родственники императоратора и высокопоставленные чиновники вѣчно жили подъ страхомъ того, что императоръ устранитъ ихъ ядомъ или мечемъ, побуждаемый къ тому или недовѣріемъ, или тѣмъ, что недовольство правительствомъ проявлялось все рѣзче и рѣзче. Тѣмъ не менѣе Коммодъ процарствовалъ почти 13 лѣтъ. Любимой резиденціей его была обширная вилла, лежавшая къ югу отъ Рима на Via Appia; если не тамъ, то его можно было встрѣтить только въ обществѣ гладіаторовъ. Коммодъ намѣревался даже 1-го января 193 года явиться въ сенатъ для принятія сана консула въ одеждѣ гладіатора. Но онъ палъ жертвой заговора, составленнаго Марціей, Эклектомъ и префектомъ гвардіи К. Эмиліемъ Летомъ, которымъ грозила личная опасность. Въ ночь на 1-ое января 193 года Коммодъ былъ удушенъ подкупленнымъ атлетомъ.

Д. **Императоры, возведенные на престолъ сенатомъ и арміей.**

На слѣдующее утро префектъ города и въ то-же время товарищъ Коммода по консульству, П. Гельвій Пертинаксъ, былъ провозглашенъ императоромъ. Пертинаксъ, сынъ лѣсоторговца, родомъ изъ Альбы-Помпеи въ Лигуріи, такъ отличился въ войнахъ Марка Аврелія, что былъ назначенъ сперва консуломъ, а затѣмъ намѣстникомъ Мизіи, Дакіи, Сиріи, Британіи.

Въ цѣломъ онъ, какъ скромный пожилой человѣкъ, смотрѣлъ на свое новое положеніе, какъ на положеніе высшаго сановника имперіи и повѣреннаго сената: такъ, онъ отклонилъ почести, которыя римляне хотѣли воздать его женѣ; онъ не смѣшивалъ своего личнаго имущества съ императорскими имѣніями. Въ провинціяхъ, правда, населеніе праздновало не только его вступленіе на престолъ, но отдало обычныя почести и женѣ его, и сыну. Пертинаксъ стремился прекратить злоупотребленія и устранить финансовыя затрудненія и въ то-же время пытался возстановить дисциплину въ войскахъ города Рима. Этимъ онъ вызвалъ неудовольствіе среди преторіанцевъ, которымъ Коммодъ, наоборотъ, покровительствовалъ. Префектъ ихъ, Эмилій Летъ, также былъ недоволенъ отношеніемъ къ нему Пертинакса. Вслѣдствіе этого Пертинаксъ послѣ 87-дневнаго правленія былъ убитъ возмутившимися солдатами (28-го марта 193 года).

Наглость преторіанцевъ дошла наконецъ до того, что они прямо стали продавать принципатъ съ публичнаго торга. Консуларъ М. Дидій Северъ Юліанъ, предложившій каждому изъ преторіанцевъ по 6200 драхмъ, болѣе, нежели префектъ города, Сульпиціанъ, одержалъ побѣду. Юліанъ, родомъ изъ Медіолана, подобно Пертинаксу, послѣдовательно прошелъ по всѣмъ ступенямъ должностной лѣстницы: онъ былъ легатомъ въ Могунціакѣ, императорскимъ намѣстникомъ въ Бельгикѣ, Далмаціи и Нижней Германіи, наконецъ, проконсуломъ въ Африкѣ. Теперь преторіанцы сдѣлали его императоромъ. До насъ дошло превосходное описаніе этихъ событій, составленное сенаторомъ Кассіемъ Діономъ, и сверхъ того сочиненіе Геродіана, носящее болѣе риторическую окраску. Діонъ и Геродіанъ оба писали на греческомъ языкѣ.

Однако обѣ партіи ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Со смертью послѣдняго отпрыска усыновленной Нервой семьи, Пертинаксъ былъ признанъ императоромъ въ провинціяхъ, потому что его знали какъ дѣльнаго офицера и чиновника. Вѣсть о позорныхъ событіяхъ въ столицѣ вызвала всеобщее негодованіе въ большихъ провинціальныхъ арміяхъ. Теперь повторилось то-же самое, какъ нѣкогда послѣ смерти Нерона. Солдаты поняли, что держатъ власть въ своихъ рукахъ; но каждая изъ большихъ армій провозгласила императоромъ своего главнокомандующаго: такъ, въ Британіи былъ провозглашенъ Д. Клодій Альбинъ, въ Панноніи Л. Септимій Северъ, въ Сиріи Песценній Нигеръ. Изъ всѣхъ этихъ трехъ императоровъ только послѣдній былъ родомъ изъ Италіи, а именно изъ Аквина. Два другіе были африканцы: родиной Септимія Севера была Лептида, родиной Альбина Гадруметъ. Всѣ они выдвинулись на военной и гражданской службѣ и получили наконецъ въ управленіе важнѣйшія провинціи. Наиболѣе знатнымъ изъ нихъ былъ Альбинъ, но это не имѣло рѣшающаго значенія. Септимій Северъ командовалъ самой сильной арміей; кромѣ того онъ находился ближе другихъ къ Италіи и немедленно двинулся на Римъ.

Преторіанцы хотѣли выступить на защиту своего императора; но изнѣженные продолжительнымъ бездѣйствіемъ, они оказались совершенно непригодными въ военномъ отношеніи. Они выступили въ походъ съ громаднымъ обозомъ, которому и предоставили исполнять всѣ лагерныя работы; такимъ образомъ опытные въ военномъ дѣлѣ иллирійскіе легіоны Севера не встрѣтили серьезнаго сопротивленія. Вмѣшательство сената также не привело ни къ чему, ибо посланный для переговоровъ консулъ Веспроній Кандидъ былъ ненавистенъ солдатамъ, знавшимъ его еще со времени его намѣстничества въ Дакіи. Сенатъ объявилъ Септимія Севера изгнаннымъ, но и это постановленіе не произвело никакого впечатлѣнія. Легіоны взяли Римъ, и Дидій Юліанъ былъ убитъ послѣ двухмѣсячнаго правленія.

Ставъ такимъ образомъ во главѣ государства, Септимій Северъ вступилъ въ соглашеніе съ Клодіемъ Альбиномъ, признавъ за нимъ титулъ цезаря и предоставивъ ему въ самостоятельное управленіе западныя про-

винціи. Это послужило важнымъ прецедентомъ на будущее время. Септимій Северъ счелъ необходимымъ прежде всего вступить въ борьбу съ Песценніемъ Нигеромъ. Византія подверглась трехлѣтней осадѣ, продолжавшейся и послѣ того, какъ войско Нигера потерпѣло пораженіе въ Малой Азіи, а самъ претендентъ, бѣжавшій къ пареянамъ, былъ убитъ (196). Наконецъ, Византія была взята и разрушена, о чемъ впослѣдствіи неоднократно приходилось жалѣть, такъ какъ варвары не преминули воспользоваться разрушеніемъ Византіи, чтобы избрать незащищенный болѣе проливъ мѣстомъ своихъ вторженій. Борьбу съ пареянами Северъ долженъ былъ прекратить, такъ какъ присутствіе его на западѣ становилось все болѣе и болѣе необходимымъ.

Клодій Альбинъ пользовался среди сенаторовъ бо́льшими симпатіями, чѣмъ Северъ, беззастѣнчиво шедшій къ своей цѣли; онъ энергично подавилъ составившійся противъ него заговоръ. Выступая дотолѣ лишь мстителемъ за Пертинакса, Северъ сталъ теперь оффиціально называть себя себя сыномъ Марка Аврелія и братомъ Коммода. Сыну своему Бассіану, котораго онъ возвелъ въ санъ цезаря, онъ далъ имя М. Аврелія Антонина, считая свое правленіе какъ-бы продолженіемъ царствованія Коммода, низвергнутаго при соучастіи сената. Оставивъ для прикрытія Италіи нѣсколько отрядовъ, Септимій Северъ съ иллирійскими отрядами и мизійскими легіонами выступилъ черезъ Норикъ и Рецію въ Галлію, гдѣ стояли созванныя Альбиномъ войска: британскіе легіоны, испанскій гарнизонъ и галльское ополченіе; рейнская армія осталась на сторонѣ Севера. При Лугдунѣ произошла рѣшительная битва, окончившаяся пораженіемъ Альбина (197). Послѣ этого столица Галліи была разграблена, провинціи подчинены, и приверженцы Альбина всюду перебиты.

Северъ былъ обязанъ своимъ вступленіемъ на престолъ и своей побѣдой иллирійскимъ легіонамъ, пользовавшимся превосходствомъ со временъ Марка Аврелія. Это были варвары, хорошо сознававшіе разницу своего положенія съ населеніемъ культурныхъ земель Италіи, Галліей Нарбонской, Норикомъ и Испаніей, дотолѣ игравшими первенствующую роль въ имперіи и поставлявшими гвардію. Какъ уже нѣкогда при Вителліѣ, гвардія теперь вновь была распущена и на мѣсто ея составлена новая, преимущественно изъ иллирійскихъ легіоновъ; на ряду съ гвардіей все большее значеніе пріобрѣтали и императорскіе всадники (equites singulares), выбиравшіеся изъ конныхъ вспомогательныхъ войскъ. Но этого еще не было достаточно: въ Италіи, недалеко отъ Рима, въ Альбанѣ, былъ поставленъ гарнизонъ, тамъ гдѣ нѣкогда стояла Альба-Лонга, а позднѣе римскіе вельможи и наконецъ императоры имѣли свои альбанскія виллы. Къ Италіи стали относиться, какъ къ завоеванной провинціи. Тутъ ясно проявилось превосходство иллирійскихъ областей.

Л. Септимій Северъ проявилъ какъ правитель громадную энергію. Побѣдивъ пареянъ во второй войнѣ, онъ вновь обратилъ Месопотамію въ провинцію; затѣмъ онъ пошелъ въ Британію, гдѣ то и дѣло вспыхивали возстанія среди народностей, жившихъ къ сѣверу отъ пограничныхъ стѣнъ. Во всѣхъ провинціяхъ Северъ преобразовалъ управленіе. При этомъ онъ повсюду уменьшалъ отдѣльные округи, такъ напр. въ Сиріи и Британіи, гдѣ, какъ показали послѣдніе мятежи, командовавшіе генералы дотолѣ сосредоточивали въ своихъ рукахъ слишкомъ большую власть. По той-же причинѣ онъ замѣстилъ многихъ намѣстниковъ сенаторскаго званія лицами изъ сословія всадниковъ; послѣдующіе императоры слѣдовали уже въ этомъ отношеніи его примѣру.

Большимъ вліяніемъ пользовались африканскіе соотечественники Севера. Самъ онъ считалъ себя римляниномъ космополитомъ, но въ то-же время и соотечественникомъ Ганнибала, которому поставилъ нѣсколько памятниковъ. Разсказываютъ, что сестра императора говорила обыкновенно

пуническимъ языкомъ и даже не владѣла латынью, вслѣдствіе чего Северъ отправилъ ее назадъ на родину. Братъ императора, Септимій Гета, управлялъ одно время провинціей Дакіей; одинъ изъ его преемниковъ, Мевій Суръ, повидимому, тоже былъ родственникомъ императора. Могущественный префектъ гвардіи, П. Фульвій Плавціанъ, породнился съ наслѣдникомъ престола, выдавъ за него свою дочь; однако позднѣе зять-же способствовалъ его паденію. На ряду съ африканцами при дворѣ стали выдвигаться и сирійцы, ибо вторая жена Севера, Юлія Домна, была сиріянка, родомъ изъ Эмесы, и имѣла на мужа большое вліяніе.

Септимій Северъ умеръ въ 211 году въ Эборакѣ (Іоркъ) въ Британіи и оставилъ имперію двумъ своимъ сыновьямъ, Аврелію Антонину, прозванному по введенному имъ въ моду галльскому одѣянію Каракаллой, и П. Септимію Гетѣ, которыхъ онъ еще при жизни возвелъ въ санъ августовъ. Оба брата ненавидѣли другъ друга; по прошествіи одиннадцати мѣсяцевъ, Каракалла приказалъ убить Гету. Онъ съумѣлъ усмирить вызванныя этимъ поступкомъ смуты, своевременно роздавъ войскамъ богатые подарки. Префектъ преторіанцевъ, юристъ Папиніанъ, былъ казненъ за то, что отказался оправдать братоубійство. Въ остальномъ Каракалла слѣдовалъ совѣту своего отца, потворствуя солдатамъ, хотя онъ при этомъ погубилъ и дисциплину въ войскѣ. Онъ не былъ ни государственнымъ человѣкомъ, ни искуснымъ полководцемъ, какъ показалъ походъ, предпринятый имъ на защиту Реціи противъ новаго германскаго союза алемановъ (въ 213 г. по Р. Х.). Ему пришлось вести войну и на нижне-дунайской границѣ, наконецъ и съ пареянами. Война эта сильно затянулась, такъ какъ ни императоръ, ни войско не выказали никакихъ военныхъ способностей. Это привело къ тому, что 8-го апрѣля 217 года Каракалла былъ убитъ по дорогѣ между Эдессой и Каррами по наущенію praefectus praetorio M. Опеллія Макрина. Послѣ этого и мачиха его, Юлія Домна, сопровождавшая его до Антіохіи, сама наложила на себя руки.

Правленіе Каракаллы ознаменовалось однимъ нововведеніемъ, имѣвшимъ громадное значеніе для внутренняго развитія страны. Отдѣльныя городскія общины, составлявшія имперію, пользовались дотолѣ различными правами: однѣ изъ нихъ имѣли римское, другія латинское, третьи перегринальное право, причемъ эти права имѣли еще различныя ступени. Такъ напр. испанцы и галлы могли скорѣе добиться сана сенатора, чѣмъ африканцы, азіаты или паннонцы; первый сенаторъ египтянинъ явился лишь при Каракаллѣ. „Законъ Антонина“, вновь урегулировавшій эти отношенія, имѣлъ цѣлью дать всѣмъ общинамъ имперіи одни и тѣ-же права. Принимая во вниманіе и политико-экономическія соображенія, Каракалла даровалъ всѣмъ общинамъ права римскаго гражданства. Но на проведеніе этой мѣры потребовались десятки лѣтъ. И послѣ этого еще масса египетскаго сельскаго населенія не получила всѣхъ правъ; только горожане, говорившіе уже по гречески, приняли въ Египтѣ права римскаго гражданства. Точно также европейскіе и азіатскіе греки, знать которыхъ уже со II вѣка принадлежала къ „римскимъ гражданамъ“, гордились тѣмъ, что могли отнынѣ называться ромейцами.

Преемникъ Каракаллы, M. Опеллій Макринъ, родомъ изъ Цезареи въ Мавританіи, выдвинулся благодаря своимъ юридическимъ способностямъ и при Каракаллѣ былъ назначенъ однимъ изъ префектовъ гвардіи. Онъ довелъ до конца борьбу съ пареянами, прерванную на время убійствомъ Каракаллы. Не имѣя даже сенаторскаго званія, принадлежа лишь къ сословію всадниковъ, онъ тѣмъ не менѣе, какъ высшій сановникъ имперіи, скорѣе соотвѣтствовалъ своему положенію, чѣмъ послѣдній членъ династіи. Однако, династическій духъ уже успѣлъ укрѣпиться, и сирійскіе легіоны прежде всего стремились избавиться отъ строгой дисциплины. У сестры Юліи Домны, Мезы, удалившейся въ Эмесу, было двѣ дочери, Соэмиса и

Мамея. 14-лѣтній сынъ Соэмисы отъ знатнаго сановника, Варія Марцелла, былъ жрецомъ бога солнца Элагабала; его-то стоявшіе по близости легіоны и провозгласили императоромъ. Послѣ этого Макринъ потерпѣлъ пораженіе при Антіохіи и, спасаясь бѣгствомъ, былъ убитъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Діадуменіаномъ (218).

Новый императоръ, именовавшій себя М. Авреліемъ Антониномъ, сыномъ Каракаллы и внукомъ Севера, привезъ съ собою въ Римъ сирійскій культъ солнца и всевозможныя развратныя привычки; дѣлами занималась его бабушка, возведенная въ санъ августы; сынъ Мамеи и Гессія Марціана былъ назначенъ соправителемъ и наслѣдникомъ престола подъ именемъ М. Аврелія Александра. „Геліогабалъ“, какъ называли императора римляне, слишкомъ далеко заходившій въ своихъ безчинствахъ, вскорѣ былъ устраненъ (222).

Молодой Александръ, находившійся въ то время въ возрастѣ 13½ лѣтъ, сталъ управлять государствомъ подъ руководствомъ своей бабушки и матери и при участіи государственнаго совѣта, составленнаго изъ сенаторовъ. Въ 229 году историкъ Кассій Діонъ совмѣстно съ императоромъ вторично занималъ должность консула; удалившись отъ дѣлъ, онъ написалъ въ Капуѣ римскую исторію, доходящую до Александра. Это была эпоха знаменитыхъ юристовъ, Ульпіана, Павла и Модестина, имѣвшихъ рѣшающее вліяніе на законодательство и управленіе. Они сосредоточивали въ своихъ рукахъ большія префектуры въ Римѣ и въ то-же время непрерывно обогащали кодексъ гражданскаго права своими постановленіями и рѣшеніями. При этомъ они настолько принимали въ соображеніе своеобразныя условія провинцій, въ которыхъ уже успѣло распространиться греческое право, что этотъ кодексъ получилъ сильную космополитическую окраску.

Стоявшія во главѣ государства женщины, вполнѣ удовлетворительно справлявшіяся со своей задачей въ мирное время и привлекавшія ко двору наиболѣе выдающіеся умы той эпохи, не могли однако удовлетворять требованіямъ, которыя должна была привести съ собой война. Александру Северу, какъ называлъ себя императоръ, пришлось охранять интересы государства на границѣ Евфрата, гдѣ на мѣстѣ парѳянскаго царства возникло новоперсидское, болѣе сильное и уничтожившее бывшее превосходство Рима въ этихъ областяхъ (см. томъ III). Еще до окончанія борьбы здѣсь, императоръ принужденъ былъ поспѣшить на Рейнъ, гдѣ германскія племена все сильнѣе и сильнѣе надвигались на пограничную линію. Но и на Рейнѣ онъ не проявилъ достаточной энергіи; тогда одинъ изъ военачальниковъ, К. Юлій Веръ Максиминъ, возмутилъ войско, и Александръ Северъ былъ убитъ вмѣстѣ со своей матерью въ главной квартирѣ въ Могунціакѣ (235).

Съ его смертью окончательно палъ существовавшій дотолѣ порядокъ управленія. Отсюда начинается тяжелая смертельная борьба, безъ династіи; долгіе годы въ Римѣ не было ни одного императора, который процарствовалъ-бы болѣе двухъ лѣтъ или умеръ естественной смертью.

Максиминъ, по происхожденію ѳракіецъ, началъ свою службу простымъ солдатомъ; не занимая никогда ни одной изъ высшихъ государственныхъ должностей, онъ теперь сразу былъ поднятъ на постъ императора. Дѣльный солдатъ, онъ счастливо закончилъ войну на Рейнѣ и затѣмъ поспѣшилъ на Дунай, гдѣ провинціи Дакіи угрожала серьезная опасность. Великое переселеніе народовъ, начавшееся при Маркѣ Авреліѣ, на время пріостановилось, когда готы достигли Чернаго моря и водворились на сѣверномъ его берегу. Но прибрежныя области Чернаго моря находились подъ вѣдѣніемъ намѣстниковъ нижней Мизіи и Дакіи. Дакія поддерживала правильныя сношенія съ эмпоріями Чернаго моря, каковы Ольвія и Тирасъ, имѣвшими приблизительно то-же значеніе, какъ нынѣ Одесса. Взявъ эти города, готы стали тѣснить Дакію съ востока, а другія

племена, какъ напр. асдингскіе вандалы, поселились на сѣверѣ провинціи. Максиминъ одержалъ нѣсколько побѣдъ и присвоилъ себѣ вслѣдствіе этого титулъ Dacicus. Но занятый дѣлами, онъ не имѣлъ времени отправиться въ Римъ и остался на зиму (какъ нѣкогда Маркъ Аврелій) въ Паннопіи, города которой Сирмій и Сискія (нынѣ Сиссекъ) достигли въ то время большого значенія; Сирмій нынѣ носитъ названіе Митровица отъ церкви Св. Димитрія, возникнувшей въ позднѣйшій римскій періодъ, а вся область называется Сирмія.

Однако сенатъ высказался противъ Максимина, что вполнѣ понятно съ точки зрѣнія государственной конституціи. Наоборотъ престарѣлый проконсулъ Африки, М. Антоній Гордіанъ, провозглашенный императоромъ въ своей провинціи, былъ признанъ и сенатомъ. Несмотря на это, и онъ, и сынъ и соправитель его, Гордіанъ II, погибли въ сраженіи съ стоявшими въ Нумидіи легіонами (238), державшими сторону Максимина. Это былъ открытый разрывъ между сенатомъ и арміей. Сенатъ назначилъ регентами 20 сенаторовъ и объявилъ Италію въ положеніи охраны. Въ Верхней Италіи наибольшаго значенія достигли въ это время Медіоланъ и Аквилея, такъ какъ тамъ происходилъ наборъ войскъ и были устроены оружейныя фабрики; Аквилея-же готовилась отразить вступленіе Максимина въ Италію. Въ Равеннѣ собрались резервныя войска, флотъ-же поддерживалъ сношенія между всѣми арміями. Максиминъ двинулся изъ Эмоны и осадилъ Аквилею. Трудность осады и недостатокъ провіанта поколебали терпѣніе солдатъ; второй пароянскій легіонъ боялся кромѣ того за оставленныхъ въ Альбанѣ женъ и дѣтей. Въ концѣ концовъ, императоръ и сынъ его, возведенный въ санъ соправителя, были убиты (238). До этого событія доходитъ исторія Гордіана. Для послѣдующей эпохи до Діоклетіана единственнымъ источникомъ являются „Scriptores historiae Augustae“, сборникъ біографій императоровъ, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ чисто риторическія произведенія. Вслѣдствіе этого надписи, монеты, египетскіе папирусы пріобрѣтаютъ особенно высокую цѣнность для историка этого періода.

Между тѣмъ сенатъ назначилъ изъ своей среды двухъ императоровъ, М. Клодія Пупіена Максима и Д. Целія Кальвина Бальбина; по требованію войска въ соправители имъ былъ назначенъ внукъ старшаго и племянникъ младшаго Гордіана, Гордіанъ III. Оба императора, провозглашенные сенатомъ, не пользовались симпатіями среди солдатъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ нумидійскій легіонъ въ наказаніе за смерть Гордіановъ былъ распущенъ и составлявшія его войска были посланы въ Рецію. Непосредственно передъ началомъ войны съ карпами и готами съ одной стороны и персами съ другой, Пупіенъ и Бальбинъ послѣ трехмѣсячнаго правленія были убиты въ Римѣ солдатами. За 14-лѣтняго Гордіана сталъ управлять К. Фурій Тимеситей, praefectus praetorio, на дочери котораго императоръ женился въ 241 году. Въ слѣдующемъ году готы и карпы были изгнаны изъ Дакіи. Послѣ этого началась война съ персами, принявшая счастливый оборотъ для римлянъ. Но въ 243 году префектъ Тимеситей умеръ.

Новый praefectus praetorio, аравіецъ М. Юлій Филиппъ, не ладилъ съ молодымъ императоромъ. Гордіанъ подумывалъ уже о томъ, какъ избавиться отъ Филиппа, но префектъ предупредилъ его, приказавъ убить императора (244). Послѣ этого Филиппъ заключилъ миръ съ персами и отправился въ Римъ. Сенатъ призналъ его. Сынъ его былъ сдѣланъ соправителемъ. Въ его царствованіе въ 248 году былъ торжественно отпразднованъ тысячелѣтній юбилей города Рима.

Однако остальныя войска не были довольны такимъ положеніемъ вещей. При возобновленіи войны съ готами войска въ Мизіи провозгласили императоромъ своего полководца, Траяна Деція. Децій двинулся на Италію, разбилъ и убилъ императора Филиппа Аравитянина при Веронѣ, а затѣмъ сына его въ Римѣ (249). Назначивъ своихъ обоихъ сыновей соправителями,

Децій поспѣшилъ закончить войну съ готами, вторгнувшимися уже въ Балканскія земли. Онъ принудилъ ихъ сперва отступить, но самъ палъ въ битвѣ съ ними при Абриттѣ въ Мизіи къ югу отъ Адамклисси вмѣстѣ со старшимъ изъ своихъ сыновей (251). Послѣ этого намѣстникъ Мизіи, К. Вибій Требоніанъ Галлъ, родомъ изъ Перузія, провозгласилъ себя императоромъ, а младшій Децій остался соправителемъ, но вскорѣ умеръ отъ чумы.

Война съ готами продолжалась. Намѣстникъ Мизіи, М. Эмилій Эмиліанъ, одержавшій надъ ними побѣду въ одномъ сраженіи, былъ провозглашенъ императоромъ; въ борьбѣ съ нимъ погибли въ Италіи Галлъ и сынъ его Волузіанъ (253). Но уже спустя три мѣсяца въ Реціи, гдѣ въ то время стояла сильная армія, былъ провозглашенъ императоромъ другъ Деція, консуларъ П. Лициній Валеріанъ; въ этомъ провозглашеніи существенное участіе принимали нумидійскіе солдаты, легіонъ которыхъ былъ уничтоженъ 16-ю годами раньше. Теперь этотъ легіонъ былъ возстановленъ. Валеріанъ назначилъ своимъ соправителемъ сына своего Галліена, сыновья котораго въ свою очередь были возведены въ санъ цезарей и соправителей. Однако онъ ни въ чемъ не имѣлъ удачи. Пограничные народы со всѣхъ сторонъ стали тѣснить провинціи: на Рейнѣ, на Дунаѣ, въ Африкѣ, на востокѣ. Въ Германіи они прорвали пограничную стѣну, Дакія была занята готами и ихъ союзниками, Сирія и даже Каппадокія персами. Галліенъ выступилъ въ Галлію на защиту Рейнской границы, а Валеріанъ взялъ на себя веденіе войны съ персами. Онъ потерпѣлъ пораженіе и умеръ въ плѣну у персовъ (260).

Извѣстіе объ этомъ вызвало большое смятеніе и на западѣ. Повсюду начались вторженія варваровъ и мятежи, къ которымъ присоединилась еще чума, наиболѣе сильно свирѣпствовавшая въ Италіи и Африкѣ. Въ то время какъ Галліенъ боролся на Дунаѣ съ различными претендентами, Галлія отложилась отъ имперіи, чтобы вмѣстѣ съ Испаніей и Британіей составить самостоятельную имперію. Въ Даніи и на Черномъ морѣ господствовали готы, предпринимавшіе изъ Тавріи морскіе набѣги на противоположный берегъ Каппадокіи или черезъ беззащитный со времени разрушенія Византіи Геллеспонтъ на Грецію и Малую Азію. На востокѣ царь Пальмиры Оденатъ распространилъ свое господство до Передней Азіи и Египта; Оденатъ признавалъ впрочемъ Галліена и, въ свою очередь, получилъ отъ него почетное званіе „dux orientis“ (см. томъ III). Галліенъ, не глупый, но слабохарактерный человѣкъ, рѣшилъ наконецъ оставаться въ Верхней Италіи; отсюда онъ отразилъ нападеніе алемановъ, а въ остальномъ предоставилъ Италію естественному ходу событій. Алеманы дошли до Равенны, франки разграбили Тарраконъ, персы взяли Антіохію. Имперіи грозило полное распаденіе. Въ это время Галліенъ сдѣлалъ важное по своимъ послѣдствіямъ постановленіе, въ силу котораго сенаторы и даже всадники не могли болѣе занимать мѣстъ военачальниковъ; мѣсто ихъ заступили офицеры, начавшіе службу простыми солдатами, и они то пріобрѣли существенное вліяніе на послѣдующее развитіе имперіи.

Одинъ изъ лучшихъ полководцевъ Галліена, Авреолъ, возмутившійся противъ императора, былъ осажденъ въ Миланѣ; во время осады среди офицеровъ составился заговоръ съ цѣлью устранить императора и возвести на престолъ М. Аврелія Клавдія. Послѣ того какъ Галліенъ и Авреолъ были убиты, новый императоръ былъ признанъ всей имперіей за исключеніемъ Галліи и Британіи (268). Дѣло возрожденія имперіи взяли въ свои руки преимущественно иллирійскіе генералы, опираясь главнымъ образомъ на силы иллирійскихъ провинцій и Верхней Италіи, области вліянія которой простирались черезъ Рэтію и Норику до Дуная, Средняя и Южная Италія составляли вмѣстѣ съ Африкой одну культур-

ную и экономическую область. На западѣ Галлія, Испанія и Британія заняли совсѣмъ обособленное положеніе подъ властью собственныхъ императоровъ, востокъ же все болѣе и болѣе отчуждался отъ имперіи. Прежде всего Клавдій при Гардскомъ озерѣ разбилъ алеманновъ, вторгнувшихся изъ Реціи въ Верхнюю Италію, правда, уже послѣ того, какъ они успѣли нанести чувствительный вредъ населенію своими разбойничьими набѣгами; еще и нынѣ въ южномъ Тиролѣ находятъ горшки съ монетами той эпохи, зарытые въ землю отъ алеманновъ; очевидно, населеніе и позднѣе не имѣло возможности вернуть себѣ свое зарытое имущество. Мѣстность при Гардскомъ озерѣ достигла въ то время большого значенія, такъ какъ непріятель охотно обходилъ укрѣпленную Верону, направляясь болѣе на западъ въ область Бриксіи. Клавдій успѣшно боролся и съ готами, проникшими на Балканскій полуостровъ до Ѳессалоники. Императоръ двинулся на нихъ съ запада и готы принуждены были отступить; послѣ этого Клавдій разбилъ ихъ при Наиссѣ (нынѣ Нишъ) и взялъ много плѣнныхъ, которыхъ онъ или принялъ въ свое войско или обратилъ въ колонистовъ. Вскорѣ послѣ этого Клавдій, „побѣдитель готовъ“, умеръ отъ чумы въ Сирміѣ, и императоромъ былъ провозглашенъ его братъ Квинтиллъ, признанный и сенатомъ (270).

Однако, вскорѣ Квинтиллъ уступилъ свое мѣсто избраннику арміи, Л. Домицію Авреліану. Авреліану прежде всего пришлось отразить новое нападеніе алеманновъ. Эти частыя нападенія, казалось, угрожали даже самому Риму, хотя Апеннины, подобно Балканамъ, и представляли надежную природную защиту. Авреліанъ обнесъ Римъ громадной крѣпостной стѣной. Затѣмъ императоръ приступилъ къ усмиренію готовъ. Онъ предоставилъ имъ занятую Траяномъ Дакію, гдѣ они жили уже около 20 лѣтъ. Точно такъ же онъ не нападалъ болѣе и на алеманновъ въ „agri decumates“ и прилежащихъ къ нимъ частяхъ Реціи: онъ думалъ достигнуть такимъ образомъ мирнаго соглашенія между ними и сосѣдними землями. Мѣра эта привела бы къ желаннымъ результатамъ, если-бы германцы не располагали всегда свободными войсками, предпринимавшими разбойничьи набѣги на Верхнюю Италію или Галлію подъ предводительствомъ ими-же самими избранныхъ военачальниковъ. Такъ, въ половинѣ III вѣка алеманцы разрушили Авентикъ; съ этого времени они смотрѣли на области, расположенныя къ востоку оттуда, какъ на колоніальную землю, которую они и стали заселять по способу „священной весны“ италиковъ (стр. 360).

Переселивъ римское населеніе изъ задунайскихъ областей въ „новую Дакію“, устроенную къ югу отъ Дуная, и заключивъ условія съ готами и вандалами касательно пограничной торговли, Авреліанъ направился на востокъ. Необходимо было возстановить единство имперіи. Царствомъ Пальмиры (см. томъ III) управляли Зеновія (по пальмирски Bathzebinah) вдова Одената, и ея сынъ Вабаллатъ (Аѳинодоръ), принявшіе въ отвѣтъ на военныя приготовленія Авреліана титулъ августовъ. Авреліанъ поручилъ будущему императору Пробу напасть на Египетъ; самъ-же онъ завладѣлъ Передней Азіей, одержалъ побѣду при Эмесѣ и двинулся на Пальмиру. Спасаясь бѣгствомъ, Зеновія попала въ плѣнъ, но римляне казнили только ея совѣтника философа Лонгина, ее-же самое перевезли въ Италію; сдѣланная Пальмирой попытка вновь подняться (272 и 273 г. по Р. Х.) привела къ разрушенію ея. Городъ никогда уже не могъ оправиться отъ этой катастрофы, хотя византійцы заложили тамъ замокъ; такъ, въ оазисѣ сохранились развалины чудесныхъ построекъ, снабженныя многочисленными надписями, написанными частью на семитическомъ діалектѣ пальмирянъ, частью на греческомъ языкѣ.

Послѣ покоренія Египта оставалось подчинить еще только галльское царство, гдѣ императоры часто смѣняли другъ друга; они избрали себѣ резиденціей Augusta Trevirorum (Триръ), обратившуюся въ это время въ

Объясненіе сооруженій, изображенныхъ на оборотѣ.

1. **Тріумфальная арка Константина Великаго въ Римѣ.** Посвятительная надпись на памятникѣ гласитъ: Imp[eratori] Caes[ari] Fl[avio] Constantino Maximo || P[io] F[elici] Augusto S[enatus] P[opulus] Q[ue] R[omanus] || Quod instinctu divinitatis, mentis || magnitudine cum exercitu suo || tam de tyranno quam de omni eius || factione uno tempore iustis || rempublicam ultus est armis || arcum triumphis insignem dicavit. (Тріумфальную арку эту посвящаетъ римскій сенатъ и народъ величайшему, благочестивому, счастливому, благородному императору Флавію Константину, за то, что онъ по побужденію божества и величію духа своего отомстилъ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ силою праведнаго оружія за отечество тирану [Максенцію] и всей его партіи.)

2. **Понъ-дю-Гардъ** — старинный римскій водопроводъ, ведшій выше Ремулена чрезъ рѣку Гардъ (Южная Франція) и направлявшій воды источника Эръ въ большой бассейнъ (наумахію) города Нима (кельто-римскій: Nemausus). Высота трехъ расположенныхъ другъ надъ другомъ арокъ равняется 49 метрамъ, длина — 269 метрамъ.

3. **Порта Нигра** въ Трирѣ (построена вѣроятно въ позднѣйшую эпоху императоровъ, приблизительно во второй половинѣ 3го столѣтія по Р. Х.); служила прежде въ качествѣ бастіона; длиною 36 метровъ, шириною 21 метра, высотою 23 метра. Обращенная въ XI[мъ] столѣтіи въ церковь, она въ настоящее время освобождена отъ всѣхъ средневѣковыхъ пристроекъ, за исключеніемъ арки съ лѣвой стороны.

4. **Колоссеумъ** (Амфитеатръ Флавія; теперь Колизей) въ Римѣ; постройка его начата Веспасіаномъ, закончена Титомъ въ 80 году послѣ Р. Х. Длина его составляетъ 185 метровъ, ширина 156 метровъ, высота 48½ метровъ; въ первоначальномъ своемъ объемѣ, уменьшившемся въ настоящее время вслѣдствіи частичной сломки, онъ представлялъ собой эллипсисъ въ 524 метра, и могъ вмѣщать въ себѣ 50—85,000 зрителей. При императорахъ онъ служилъ мѣстомъ для сраженій гладіаторовъ, морскихъ битвъ и борьбы съ дикими животными; въ средніе вѣка — укрѣпленнымъ замкомъ рода Франджипани; съ эпохи возрожденія онъ превратился въ каменоломню для новыхъ построекъ. Только папа Бенедиктъ XIV сохранилъ уцѣлѣвшіе остатки; Пій VII возстановилъ восточную, Левъ XII западную сторону, а Пій IX лѣстницы.

(1[я] и 4[я] по стѣнописи Seemann'a, при этомъ 1[я] по новому рисунку О. Шульце, 2[я] и 3[я] по фотографіямъ.)

1

3

Римскія строенія

2

Т-во «Просвѣщеніе» въ Спб.

мператорской эпохи.

одинъ изъ главныхъ городовъ имперіи (см. приложенную таблицу „Римскія постройки изъ эпохи императоровъ“, фиг. 3). Но могущество ихъ было сильно поколеблено, съ одной стороны неповиновеніемъ генераловъ и арміи, съ другой возстаніемъ галльскихъ крестьянъ, образовавшихъ настоящіе союзы и находившихъ поддержку и въ варварахъ. Свобода германскихъ крестьянъ пришлась по душѣ и романскимъ колонистамъ, платившимъ громадныя подати, такъ какъ городская знать, въ рукахъ которой находилось распредѣленіе податей, взваливала сколько возможно на нижніе слои населенія. Галльскій императоръ К. Эзувій Тетрикъ (268—273), сознавая шаткость своего положенія, вступилъ въ переговоры съ Авреліаномъ; Авреліанъ явился въ Галлію и захватилъ власть въ свои руки (274). Тетрикъ послѣдовалъ за Авреліаномъ въ Италію, гдѣ онъ провелъ остатокъ своей жизни, получивъ санъ сенатора и почетное положеніе.

Авреліанъ отпраздновалъ въ Римѣ блестящій тріумфъ; онъ воспользовался своимъ пребываніемъ тамъ, чтобы уничтожить давно вкоренившіяся злоупотребленія при чеканкѣ монеты, и не остановился и передъ пролитіемъ крови, чтобы сломить сопротивленіе рабочихъ; чеканку монеты Авреліанъ частью перенесъ въ провинціи. Склонный къ тому, чтобы разрѣшать и внутреннія затрудненія мечемъ, Авреліанъ, съ другой стороны, приказывалъ величать себя, по восточному обычаю, „Господиномъ и Богомъ“; введеніе придворнаго этикета восточныхъ деспотическихъ государствъ также ведетъ свое начало отъ него. Далѣе Авреліанъ построилъ въ Римѣ большой храмъ богу солнца, игравшему въ то время значительную роль въ устремленіи установить извѣстный монотеизмъ въ старой вѣрѣ въ боговъ: еще Діоклетіанъ имѣлъ привычку клясться „великимъ богомъ Солнцемъ“, Широко распространенное почитаніе бога Митры было также не что иное, какъ видоизмѣненіе культа солнца. Всѣ подобные культы находили себѣ все болѣе широкое распространеніе во всѣхъ частяхъ имперіи, благодаря усиливавшимся сношеніямъ между западомъ и востокомъ; распространителями являлись солдаты, купцы, слуги чиновниковъ и сами чиновники. Организація религіозныхъ обществъ дѣлала тѣмъ большіе успѣхи, что оффиціальная религія довольствовалась исполненіемъ старинныхъ литургическихъ обрядовъ, не удовлетворявшихъ ни ума, ни сердца. Въ имперіи, не раздираемой борьбой политическихъ партій, массы стали такъ живо интересоваться религіозными вопросами, что правительство увидѣло себя вынужденнымъ также высказать свое мнѣніе.

Оно даровало свободу обсужденія этихъ вопросовъ, но продолжало крѣпко держаться римской государственной религіи и культа императора. Именно противъ этого и возмутились христіане; почитаніе каменныхъ идоловъ также не могло быть имъ по вкусу. Средоточіемъ научнаго обсужденія этихъ вопросовъ служила Александрія, гдѣ уже издавна греки, египтяне и евреи совмѣстно пытались найти какую-нибудь объединяющую формулу для выраженія своихъ религіозныхъ воззрѣній. Тамъ произошелъ рѣшительный поворотъ уже въ концѣ II вѣка по Р. Х. Это была эпоха Климента Александрійскаго и Оригена, имѣвшаго связи и при императорскомъ дворѣ. Александръ Северъ и окружавшія его женщины легко поддавались этому вліянію, такъ какъ они относились скорѣе враждебно къ римскому духу; то-же самое можетъ быть сказано и о Филиппѣ Аравитянинѣ. Большой успѣхъ имѣла христіанская пропаганда въ Африкѣ, гдѣ наиболѣе дѣятельными представителями ея были Тертулліанъ и Кипріанъ, епископъ карѳагенскій. Во всѣхъ провинціяхъ имперіи и среди различныхъ классовъ населенія были уже христіане, говоритъ Тертулліанъ (см. выше, стр. 183). По временамъ наступала, правда, реакція, такъ напр. при Максиминѣ Ѳракійцѣ, вступившемъ и въ этомъ отношеніи на другой путь. Съ другой стороны настоящіе римляне, какъ Декій и Валеріанъ, преслѣдовали христіанское ученіе потому, что оно было противно государственной рели-

гіи. Общественное мнѣніе въ своемъ отношеніи къ императору начинало уже руководствоваться тѣмъ, относился ли онъ благосклонно или враждебно къ христіанамъ. Христіане пріобрѣтали все большее число приверженцевъ среди массъ, благодаря своей таинственной вѣрѣ въ безсмертіе души, своей дѣятельной любви къ ближнему и другимъ причинамъ, столь-же мало поддающимся раціоналистическому объясненію, какъ доктрины жрецовъ, авгуровъ и гаруспиковъ. Религіозныя развитія слѣдуютъ своимъ собственнымъ законамъ, отъ которыхъ людей нельзя оторвать силой. Впрочемъ, не было недостатка и во внѣшнихъ обстоятельствахъ, благопріятствовавшихъ, распространенію новаго вѣроученія. Съ тѣхъ поръ какъ культъ бога Солнца былъ оффиціально введенъ въ Римѣ, христіане поспѣшили выставить своего Бога „истиннымъ Солнцемъ“; 25-го декабря они праздновали рожденіе „Господа“ и въ этомъ смыслѣ могли считать и „Воскресеніе“ всеобщимъ праздникомъ.

Въ 275 году Авреліанъ, готовясь выступить въ походъ противъ персовъ, палъ въ Византіи жертвой заговора, составленнаго его писаремъ. Ему наслѣдовалъ назначенный сенатомъ М. Клавдій Тацитъ изъ Интерамны въ Умбріи, потомокъ историка Корнелія Тацита. Тацитъ выступилъ въ походъ противъ готовъ, занимавшихся грабежами въ областяхъ Понта. Онъ разбилъ непріятеля, но вскорѣ послѣ этого былъ убитъ въ Каппадокіи нѣсколькими недовольными офицерами (276). Послѣ этого императоромъ былъ провозглашенъ его братъ, praefectus praetorio, М. Анній Флоріанъ.

Однако, сирійскіе легіоны провозгласили императоромъ иллирійца М. Аврелія Проба, выдвинувшагося при Авреліанѣ. Флоріанъ не могъ соперничать съ Пробомъ; собственные солдаты отказались отъ него и убили его въ Тарсѣ. Пробъ казнилъ убійцъ Авреліана и Тацита и возстановилъ въ войскѣ дисциплину. Послѣ этого онъ изгналъ алеманновъ и франковъ изъ Галліи, побѣдилъ бургундовъ и варваровъ въ Реціи и поселилъ тысячи варваровъ въ пограничныхъ областяхъ. Усмиривъ и готовъ, онъ заслужилъ себѣ почетный титулъ „Возстановителя Иллиріи“. Пробъ отправился затѣмъ въ Малую Азію, гдѣ онъ отдѣлилъ исаврійцевъ отъ культурныхъ областей, поселивъ на границѣ между ними ветерановъ; онъ принялъ нѣкоторыя мѣры и противъ персовъ. Вернувшись, Пробъ остался въ дунайскихъ областяхъ. Чтобы не оставлять солдатъ безъ дѣла, онъ пользовался ими для уничтоженія болотъ или для культивированія винограда, чѣмъ заслужилъ себѣ ненависть во всей арміи.

Произведя нѣсколько мятежей на востокѣ и западѣ имперіи, и не достигнувъ однако желанной цѣли, солдаты въ Реціи провозгласили императоромъ М. Аврелія Кара; вскорѣ послѣ этого Пробъ былъ убитъ въ Сирміѣ (282). По примѣру прежнихъ лѣтъ Каръ возвелъ своихъ сыновей. Карина и Нумеріана, въ санъ цезарей; первому изъ нихъ онъ поручилъ защиту Галліи, а самъ съ Нумеріаномъ двинулся черезъ Паннонію на персовъ. Онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ и вновь упрочилъ за римлянами обладаніе часто и упорно оспаривавшимися у нихъ провинціями Арменіей и Месопотаміей; но на обратномъ пути императоръ Каръ былъ убитъ молніей.

Наступили смуты. Префектъ Египта Целеринъ отклонилъ отъ себя императорскія почести, послѣ чего солдаты провозгласили августомъ больного глазами Нумеріана, который однако уже мѣсяцъ спустя былъ убитъ своимъ тестемъ, префектомъ гвардіи Апромъ.

5. Отъ Діоклетіана до Юстиніана.

А. Діоклетіанъ и его соправители.

Каринъ, принявшій также титулъ августа, защищалъ въ Италіи свои интересы противъ новаго претендента. Однако 17-го ноября 284 года

восточная армія провозгласила императоромъ не Апра, но одного изъ офицеровъ гвардіи, выдвинувшагося еще при Авреліанѣ, К. Валерія Діоклетіана. Не производя никакихъ разслѣдованій, Діоклетіанъ лично закололъ Апра. При рѣкѣ Маргѣ въ Мизіи, недалеко отъ мѣста впаденія Моравы въ Дунай, тамъ гдѣ лежалъ городокъ Маргъ, Каринъ, подоспѣвшій изъ Галліи, сошелся съ войскомъ Діоклетіана, выигралъ даже битву, но затѣмъ былъ убитъ собственными офицерами, недовольными его отношеніемъ къ нимъ (285). Послѣ этого Діоклетіанъ вошелъ въ соглашеніе съ вождями противной партіи, которые и признали его императоромъ: это было неслыханное для того времени событіе.

Вступая на престолъ, Діоклетіанъ находился въ лучшей порѣ жизни. Онъ былъ низкаго происхожденія, родомъ изъ Далмаціи, но рано попалъ въ новую императорскую гвардію „protectores“,—разсадникъ генераловъ и государственныхъ мужей того времени. Гвардія сопровождала императора во всѣхъ его путешествіяхъ по имперіи, настолько громадной, что обозрѣвать ее изъ одного центральнаго пункта становилось все труднѣе и труднѣе. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Діоклетіанъ рѣшилъ вообще раздѣлить управленіе имперіей. Онъ назначилъ соправителемъ своего сподвижника М. Аврелія Валерія Максиміана, возведя его сперва въ санъ цезаря (285), а затѣмъ въ санъ августа (287). Въ 293 году онъ назначилъ еще двухъ цезарей на помощь себѣ и своему соправителю.

Имперія распалась такимъ образомъ на четыре части, надъ которыми Діоклетіанъ сохранилъ лишь высшую власть; его авторитетъ былъ такъ великъ, замѣчаетъ одинъ изъ современниковъ, что остальные правители смотрѣли на него какъ на отца или бога. Максиміану предстояло прежде всего подавить движеніе крестьянъ въ Галліи и обезпечить границы. Діоклетіанъ занялся борьбой съ персами и сарацинами, чтобы наконецъ возстановить спокойствіе и на востокѣ. На короткіе промежутки отдыха между войнами онъ избралъ себѣ резиденціей Никомедію въ Виѳиніи; Максиміанъ же со своимъ дворомъ жилъ то въ Аквилеѣ, то въ Миланѣ, пока окончательно не водворился въ этомъ послѣднемъ. Резиденція цезаря К. Галерія Валерія Максиміана, назначеннаго Діоклетіаномъ въ помощники себѣ, находилась въ Сирміѣ, откуда онъ управлялъ дунайскими и балканскими областями; резиденціей второго цезаря, М. Флавія Валерія Констанція (Хлора), служили Augusta Trevirorum (Триръ) или Эборакъ (Іоркъ), смотря по тому, требовалось-ли его присутствіе скорѣе на Рейнѣ или въ Британіи, еще долго находившейся подъ властью собственныхъ претендентовъ, сперва Каравзія, затѣмъ Аллекта. Всѣ резиденціи, въ томъ числѣ и Римъ, были украшены превосходными постройками (см. таблицу при стр. 459); и въ этомъ отношеніи началась новая эра.

Всѣ четыре императора были родомъ изъ важнѣйшей въ то время области имперіи, — иллирійскихъ провинцій, — и всѣ они успѣли выдвинуться на военной службѣ. Констанцій, единственный изъ нихъ, происходившій изъ болѣе знатной семьи, управлялъ при Карѣ провинціей Далмаціей; Галерій слылъ мужественнымъ, почти неустрашимымъ полководцемъ. Оба августа приняли божественные титулы, Діоклетіанъ титулъ „Jovius“, Максиміанъ „Herculius“, откуда получили свое наименованіе и два легіона, вновь составленные на нижнемъ Дунаѣ; цезари же соединились съ августами семейными узами: Констанцій женился на падчерицѣ Максиміана, Ѳеодорѣ, а Галерій на дочери Діоклетіана, Валеріи. Между императорами и цезарями вообще существовали постоянныя сношенія, такъ сынъ Констанція, Константинъ, былъ воспитанъ при дворѣ Діоклетіана. Августы и цезари должны были въ случаѣ нужды оказывать другъ другу взаимную помощь; такъ, Максиміанъ дѣйствительно явился на помощь Констанцію въ борьбѣ его съ Аллектомъ въ 296 году. Только послѣ этого онъ направился въ Африку, чтобы усмирить непокорныя пограничныя племена. Діоклетіанъ

боролся между тѣмъ въ Египтѣ съ узурпаторомъ Ахиллеемъ, или, какъ онъ самъ называлъ себя на вычеканенныхъ имъ монетахъ, Л. Домиціемъ Доміціаномъ. Упорное сопротивленіе его было сломлено цѣною крови многихъ солдатъ. Послѣ этого Діоклетіанъ занялся внутреннимъ устройствомъ Египта, уничтожилъ его обособленное положеніе въ имперіи и построилъ укрѣпленія на южной границѣ противъ блемміевъ, такъ что здѣсь долгое время царило спокойствіе. Изъ Египта Діоклетіанъ пошелъ на персовъ, вторгнувшихся въ Арменію и Месопотамію. Цезарь Галерій, назначенный главнокомандующимъ, потерялъ первую битву, за что и былъ подвергнутъ Діоклетіаномъ униженію въ присутствіи всѣхъ солдатъ; но вслѣдъ затѣмъ онъ одержалъ рѣшительную побѣду. Римлянамъ удалось не только увеличить Арменію, но и установить границей Тигръ вмѣстѣ съ нѣкоторыми лежащими по ту сторону рѣки областями (см. карту при стр. 448). Этой побѣдой римляне не только отомстили за пораженіе Валеріана (стр. 457), но достигли и прочныхъ результатовъ. Въ то время какъ Галерій часто оставался въ Никомедіи, Діоклетіанъ изъ Сирмія руководилъ своими большими постройками въ Римѣ, Салонѣ и т. д.

Вообще Діоклетіанъ выказалъ блестящія организаторскія способности. Его подраздѣленіе имперіи основывалось на опытѣ, добытомъ во времена упадка имперіи. Въ послѣднія десятилѣтія императоры пріѣзжали въ Римъ лишь на короткое время, такъ что римская гвардія сохранила еще значеніе, исключительно какъ городской гарнизонъ. О вліяніи сената на веденіе дѣлъ также не могло быть рѣчи съ тѣхъ поръ, какъ императоры стали выходить изъ нижнихъ рядовъ войска. Наоборотъ Верхняя Италія, подверженная частымъ вторженіямъ варваровъ, пріобрѣла и большее значеніе въ военномъ отношеніи; изъ Милана легко было быстро достигнуть Рейна и Дуная. Римъ оставался такимъ образомъ номинальной столицей названной по немъ имперіи, а сенатъ дряхлой и непригодной болѣе кастой. Области, управленіе которыми сосредоточивалось въ городѣ Римѣ (urbs), отличались отъ тѣхъ, которыя находились подъ вѣдѣніемъ миланскихъ властей; первыя назывались „городскими“, вторыя „италійскими“; отсюда и имя Италія получило новый политическій смыслъ. Реція на сѣверѣ и Африка съ островами на югѣ были соединены въ одинъ округъ съ „Италіей“ и „городскими“ (урбикарными) областями, центральное управленіе которымъ сосредоточивалось въ Медіоланѣ. Со второй половины III вѣка господствовавшая дотолѣ страна была совершенно уравнена съ провинціями и въ отношеніи податей. Діоклетіанъ устроилъ слѣдующіе округа: 1) Raetia, 2) Venetia Histria, 3) Aemilia Liguria, 4) Alpes Cottiae, 5) Flaminia Picenum, 6) Tuscia Umbria, 7) Campania Samnium, 8) Apulia Calabria, 9) Lucania Bruttii, 10) Corsica, 11) Sardinia, 12) Sicilia. Сто лѣтъ спустя существовало уже 16, а позднѣе 17 округовъ или provinciae (см. приложенную карту „Италія въ IV и V вѣкахъ по Р. Х.“).

Управленіе финансами имперіи пріобрѣло особенно важное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ наиболѣе культурныя области стали поставлять наименьшее число рекрутъ, предпочитая дѣлать денежные взносы. Это повело къ тому, что правительство перешло изъ этихъ областей въ иллирійскія провинціи, откуда выходили лучшіе солдаты, охранители границъ имперіи. Оказалось, что военное устройство Августа не могло уже удовлетворять новымъ требованіямъ съ тѣхъ поръ, какъ варвары стали вторгаться въ имперію одновременно съ различныхъ сторонъ. Необходимо было организовать полевую армію, которая въ случаѣ нужды могла бы получить подкрѣпленіе отъ пограничныхъ войскъ. Кромѣ того эти пограничные солдаты, изъ которыхъ большинство было женато и владѣло землей, не могли успѣшно бороться съ серьезными противниками. Организація-же полевой арміи должна была стоить громадныхъ денегъ. Сверхъ того существовали еще вспомогательныя войска, набранныя изъ пограничныхъ варварскихъ

ИТАЛІЯ въ IV и V СТОЛ. послѣ Р. Х.
Изображеніе политическаго дѣленія и церковной организаціи.
Масштабъ 1:3000000
0 20 40 60 80 100 120 140
Километры.
ЕПИСКОПСТВА въ СРЕДНЕЙ ИТАЛІИ.
Масштабъ 1:3000000
Километры
Средневѣковыя названія въ скобкахъ
Медіоланъ
Аквилея
Равенна
Генуя
Анкона
Римъ
Капуя
Корсика
Адріатическое
XIII
VIII
VII
III
IX
II
VI
IV
V

Названія установленныхъ Діоклетіаномъ и уменьшенныхъ последующими дѣленіями провинцій.

I Кампанія	IX Альпы Коттійскіе
II Тусція и Умбрія	X Самній
III Эмилія	XI Апулія и Калабрія
IV Валерія	XII Луканія и Бруттій
V Фламинія и Picenum annonarium	XIII Реція
VI Picenum suburbicarium	XIV Сицилія
VII Лигурія	XV Сардинія
VIII Венеція и Истрія	XVI Корсика

Границы архіепископствъ (Римъ, Равенна, Медіоланъ, Аквилея) обведены красной чертой

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

племенъ, нерѣдко составлявшія отборнѣйшія части войска и также состоявшія на жалованьи: такъ, на сѣверѣ бриты изъ областей, расположенныхъ къ сѣверу отъ пограничной стѣны, и многіе германцы, въ Африкѣ мавры, въ Сиріи сарацины. Діоклетіанъ вчетверо увеличилъ составъ арміи.

Соотвѣтственно этому онъ повысилъ и подати, которыя отнынѣ и на западѣ имперіи стали взиматься съ тѣмъ-же финансовымъ искусствомъ, какъ дотолѣ лишь въ Египтѣ. Продолжая реформы Авреліана, Діоклетіанъ установилъ прочную монетную систему, приказавъ вычеканить нормальный золотой, „solidus“. Характернымъ для экономическихъ принциповъ Діоклетіана является выпущенный имъ въ 301 году эдиктъ о таксахъ; это была попытка прекратить ростовщичество и установить какъ maximum цѣнъ на жизненные припасы, такъ и величину заработной платы. Діоклетіанъ предпринялъ и другія соціальныя реформы, введя напр. принципъ наслѣдственности въ отдѣльныя корпораціи и подчинивъ ихъ отношенія, какъ другъ къ другу такъ и ко всему государству, твердымъ, насильственно проведеннымъ правиламъ. Вся податная система была основана на этомъ подраздѣленіи населенія на сенаторовъ, членовъ магистрата, ремесленниковъ, поселянъ (coloni), горнорабочихъ и т. д.; „священный фискъ“ сталъ съ этого времени средоточіемъ государственной жизни.

Въ организаціи правительственныхъ учрежденій Діоклетіанъ ввелъ бюрократическую систему. Императорамъ были подчинены praefecti praetorio, а имъ vicarii, стоявшіе во главѣ такъ называемыхъ „діэцезъ“ (двѣнадцать во всей имперіи); викаріямъ въ свою очередь были подчинены намѣстники, подраздѣлявшіеся на нѣсколько классовъ. Однако намѣстнику принадлежало лишь право юрисдикціи, военное-же управленіе находилось въ рукахъ особаго начальника („dux“); такимъ образомъ теперь было введено раздѣленіе военной и гражданской власти, въ противоположность прежнимъ временамъ, когда обѣ онѣ были сосредоточены въ одномъ лицѣ. Число провинціальныхъ округовъ, крайне размельченныхъ, доходило при Діоклетіанѣ до 101: оно еще увеличилось вслѣдствіе неоднократныхъ измѣненій, не имѣвшихъ впрочемъ большого значенія. Въ цѣломъ организація Діоклетіана сохранилась также долго, какъ и организація Августа.

Діоклетіанъ потерпѣлъ первую неудачу въ разрѣшеніи религіозныхъ вопросовъ, въ которыхъ онъ выступилъ противникомъ христіанъ. 23-го февраля 303 года онъ обнародовалъ эдиктъ, воспрещавшій всякое христіанское богослуженіе. Христіане были удалены изъ войска и отрѣшены отъ всѣхъ должностей, церкви ихъ разрушены, церковныя имущества конфискованы. Организація ихъ, во главѣ съ епископами, успѣла настолько подвинуться впередъ, что уже шла параллельно съ государственной организаціей. Римъ, Лугдунъ, Медіоланъ, Аквилея, Равенна, Верона, Бриксія, Карѳагенъ, Сирмій, Александрія, Антіохія, Эфесъ, Никомедія имѣли своихъ епископовъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ, какъ личнымъ, такъ и при посредствѣ своихъ сочиненій. Существовала уже довольно большая христіанская литература: повѣствованія о жизни Христа, объ апостолахъ, главнымъ образомъ о Павлѣ, о мученичествѣ знаменитѣйшихъ представителей христіанства, затѣмъ полемическія сочиненія противъ евреевъ и язычниковъ, наконецъ, догматическія возраженія лжеучителямъ и т. п. Повсюду велась дѣятельная пропаганда, успѣхъ которой обусловливался мѣстными условіями. Въ общемъ горожане оказывались болѣе воспріимчивыми къ новымъ идеямъ, чѣмъ крестьяне, вполнѣ довольствовавшіеся старыми религіозными представленіями. Діоклетіанъ первоначально преслѣдовалъ только секту манихеевъ, дѣятельность которыхъ въ восточныхъ провинціяхъ, казалось, могла принести существенную пользу персамъ. Только послѣ 18 лѣтъ правленія организація христіанъ, распространившаяся между тѣмъ по всей имперіи, и раздоры между ними, отражавшіеся и на государствѣ, побудили его выступить противъ нихъ. Онъ встрѣтилъ пассивное, но непреоборимое сопротивленіе.

Изъ соправителей Діоклетіана только Максиміанъ и Галерій энергично взялись за проведеніе эдикта, Констанцій, наоборотъ, воздерживался отъ гоненій. Многіе епископы были осуждены на смерть или присуждены „къ рудникамъ“. Но христіанство выдержало гоненія и вышло изъ нихъ еще болѣе просвѣтленнымъ. До насъ дошло сочиненіе „De mortibus persecutorum“, приписываемое иногда Лактанцію. Авторъ этого сочиненія, христіанинъ, смотритъ на всѣ несчастія, постигавшія враговъ христіанства, какъ на наказаніе Божіе. Паннонская легенда о христіанахъ каменотесахъ въ области Сирмія рисуетъ Діоклетіана въ лучшемъ свѣтѣ: здѣсь, вблизи отъ его родины, къ императору относились повидимому лучше.

Діоклетіанъ былъ очень разстроенъ этой неудачей, и кромѣ того здоровье его сильно пострадало отъ тяжелой болѣзни, перенесенной имъ незадолго передъ тѣмъ. Онъ, впрочемъ, съ самаго начала думалъ ввести въ свою систему государственнаго управленія тотъ принципъ, чтобы оба августа по истеченіи опредѣленнаго промежутка времени отказались отъ престола и мѣсто ихъ заступили цезари. Каждый августъ долженъ былъ избрать себѣ затѣмъ въ помощники новаго цезаря. Дѣйствительно, послѣ двадцати лѣтъ правленія Діоклетіанъ привелъ въ исполненіе эту мысль, стоявшую повидимому въ связи съ извѣстными суевѣрными воззрѣніями его. 1-го мая 305 года онъ въ Никомедіи отказался отъ престола и принудилъ къ тому-же Максиміана, хотя послѣдній царствовалъ однимъ годомъ меньше. Оба они вернулись къ частной жизни, какъ „seniores Augusti“; Діоклетіанъ удалился на свою родину Салону, Максиміанъ въ южную Италію. Галерій заступилъ мѣсто Діоклетіана; онъ-же назначилъ двухъ новыхъ цезарей: Флавія Валерія Севера для Италіи съ прилежащими къ ней землями и Африки, и Галерія Валерія Максимина Даю (или Дазу) на востокъ; оба цезаря были низкаго происхожденія. Констанцій получилъ санъ августа, но не принималъ никакого участія ни въ назначеніяхъ, ни въ новомъ подраздѣленіи имперіи.

Б. **Константинъ и его домъ.**

Система Діоклетіана могла бы существовать только при томъ условіи, еслибы главный изъ четырехъ императоровъ всегда пользовался авторитетомъ въ глазахъ другихъ: слишкомъ искусственная, она вскорѣ пала изъ-за личнаго честолюбія правителей. Послѣ смерти августа Констанція, послѣдовавшей въ Эборакѣ, въ іюлѣ 306 года, войско провозгласило императоромъ его молодого, но энергичнаго и дѣльнаго сына (отъ наложницы) Константина, на котораго еще за годъ передъ тѣмъ никто не обращалъ вниманія. Галерій, недовольный этимъ, призналъ однако Константина цезаремъ, а Севера назначилъ вторымъ августомъ. Древняя столица, давно уже недовольная своимъ политическимъ безсиліемъ, вскорѣ послѣдовала данному примѣру, и преторіанцы провозгласили императоромъ сына Максиміана Геркулія, Максенція. Галерій поручилъ Северу подавить возстаніе. Но между тѣмъ въ дѣло вмѣшался и старый Максиміанъ, а съ нимъ войска не хотѣли сражаться; Северъ бѣжалъ въ Равенну и тамъ сдался. Позднѣе Максенцій принудилъ его лишить себя жизни и провозгласилъ себя августомъ. Галерій лично пошелъ на Италію, но также не достигъ никакихъ результатовъ. Максиміанъ, не ладившій съ сыномъ, отправился въ Галлію. Здѣсь Константинъ женился на его дочери Фавстѣ и былъ возведенъ старымъ императоромъ въ санъ августа (307). Повсюду наступили смуты. Чтобы положить имъ конецъ, всѣ императоры, въ томъ числѣ и Діоклетіанъ, собрались на свиданіе въ Карнунтъ, главную квартиру паннонскаго войска. Но напрасно Максиміанъ и Галерій пытались уговорить Діоклетіана вновь принять участіе въ управленіи. Наоборотъ, Діоклетіанъ побудилъ Максиміана, всегда подчинявшагося ему, послѣдовать его примѣру и вновь удалиться отъ дѣлъ.

На мѣсто убитаго Севера Галерій назначилъ августомъ своего стараго сподвижника Валерія Лициніана Лицинія. Передавъ Лицинію управленіе иллирійскими провинціями (307). Максиминъ Дая присвоилъ себѣ титулъ августа. Въ слѣдующемъ году Галерій призналъ за нимъ этотъ титулъ, приказавъ именовать Максимина и Константина сыновьями августовъ. Между тѣмъ старый Максиміанъ сдѣлалъ въ Арлѣ попытку привлечь на свою сторону солдатъ. Попытка не удалась. Быстро подоспѣвшій Константинъ окружилъ Максиміана въ Массиліи и принудилъ его покончить съ собою (310). Вскорѣ послѣ этого заболѣлъ и Галерій и умеръ отъ страшныхъ мученій въ Сардикѣ на 19-омъ году своего правленія (въ началѣ 311 года). Послѣ этого августы Константинъ, Лициній и Максиминъ вошли между собой въ соглашеніе, причемъ Максиминъ уже тогда далъ почувствовать свое старшинство надъ другими.

Максенцій, господство котораго простиралось отъ Африки до Реціи, успѣлъ возстановить противъ себя населеніе своей распутной жизнью и различными притѣсненіями; но онъ имѣлъ надежную опору въ своемъ praefectusrpraetorio. Константинъ, располагавшій не большимъ, но хорошо обученнымъ войскомъ, двинулся на Италію, отбросилъ войско Максенція къ Турину и послѣ второй битвы окружилъ Верону, чтобы отрѣзать подкрѣпленія изъ Альпійскихъ проходовъ. Взявъ Верону, Константинъ пошелъ на Римъ. На Мильвіевомъ мосту онъ встрѣтился съ войскомъ Максенція; войско было разсѣяно, а самъ Максенцій утонулъ въ Тибрѣ (28-го октября 312 года; см. таблицу при стр. 459, фиг. 1). Войско преторіанцевъ было окончательно распущено и въ Римѣ остались лишь подчиненныя городскому префекту когорты.

Послѣ этого Константинъ и Лициній съѣхались на свиданіе въ Миланѣ; Лициній женился на сестрѣ Константина. Между Лициніемъ и Максиминомъ, наоборотъ, произошелъ открытый разрывъ; Максиминъ, переправившійся въ Европу и приступившій къ наступательнымъ дѣйствіямъ, былъ разбитъ Лициніемъ при Гераклеѣ на Пропонтидѣ (1-го мая 313 года) и принужденъ бѣжать въ Азію. Тамъ онъ окончилъ свою жизнь. Послѣ этого Лициній устранилъ со своего пути все, что могло быть ему опаснымъ, не щадя даже и женщинъ; онъ истребилъ все потомство Галерія, Максимина и Севера, въ томъ числѣ и Валерію, вдову Галерія, и мать ея Приску, жену Діоклетіана; Валерія и Приска предварительно искали убѣжища у Максимина Даи, но были посажены имъ въ темницу за то, что Валерія не хотѣла стать его женой. Всѣ эти событія жестоко омрачили послѣдніе годы жизни Діоклетіана въ Салонѣ.

Однако согласіе между Лициніемъ и Константиномъ также продолжалось недолго. Уже въ 314 году начались недоразумѣнія, какъ Бассіанъ, женатый на второй сестрѣ Константина, былъ возведенъ въ санъ цезаря. Бассіанъ долженъ былъ получить въ свое управленіе округъ, лежавшій между владѣніями Константина и Лицинія, чтобы такимъ образомъ поддерживать между ними равновѣсіе. Но замѣтивъ, что Бассіанъ скорѣе склоняется на сторону Лицинія, Константинъ устранилъ его. Это послужило поводомъ къ войнѣ. Константинъ, значительно превосходившій своихъ противниковъ въ военномъ искусствѣ, разбилъ Лицинія при Цибалахъ въ Паннонiи на берегу Савы; вторая битва близъ Филиппополя осталась нерѣшенной. Лициній, назначившій цезаремъ начальника ѳракійскихъ областей, Валента, отступилъ къ Берэѣ (при Стара-Загрѣ въ Болгаріи) съ намѣреніемъ напасть съ тыла на Константина, двинувшагося на Византію. Однако вскорѣ обѣ стороны, истощенныя уже борьбой, рѣшили вступить въ переговоры, и Лициній уступилъ Константину Иллирію съ Сардикой и Ѳессалоникой. Благодаря этому за Константиномъ было обезпечено превосходство въ военномъ отношеніи, такъ какъ внутреннія иллирійскія области поставляли наилучшихъ солдатъ; оба императора вновь организовали по-

граничную стражу на нижнемъ Дунаѣ. Валентъ былъ казненъ, и императоры рѣшили на будущее время назначать цезарями только своихъ сыновей, и то лишь съ правомъ на престолъ, а не какъ соправителей. Это означало побѣду династической идеи надъ постановленіями Діоклетіана и представляло для Константина ту выгоду, что его сынъ Криспъ былъ назначенъ старшимъ изъ цезарей.

Во всѣхъ этихъ интригахъ извѣстную роль игралъ и религіозный вопросъ. Константинъ съ самаго начала высказался за христіанъ, но въ то-же время допускалъ и существованіе старыхъ культовъ, въ томъ числѣ и культъ императора. Незадолго до смерти Галерій прекратилъ преслѣдованія христіанъ, а эдиктомъ 30-го апрѣля 311 года имъ было дозволено свободное исповѣдываніе ихъ религіи. 13-го іюня 313 года Константинъ и Лициній обнародовали второй эдиктъ, дававшій христіанамъ одинаковыя права съ приверженцами старой религіи; въ то-же время имъ было возвращено конфискованное церковное имущество. Побѣда надъ враждебными христіанству императорами Максенціемъ и Максиминомъ Дая привела къ распространенію этого эдикта по всей имперіи. Но съ тѣхъ поръ какъ отношенія между Константиномъ и Лициніемъ испортились, Лициній отвернулся отъ христіанъ, сталъ вводить различныя ограниченія и удалилъ христіанъ изъ своей свиты; Константинъ-же по прежнему держался противоположной политики.

Считая себя старшимъ императоромъ, Константинъ вмѣшался и въ дѣла провинцій, подвѣдомственныхъ Лицинію, такъ напр. по поводу набѣга, предпринятаго готами вглубь Ѳракіи. Это привело къ разрыву между обоими императорами въ 323 году. Снова войска сошлись близъ Адріанополя; Лициній былъ разбитъ (3-го іюля) и осажденъ въ Византіи, а Цезарь Криспъ въ то-же время одержалъ побѣду надъ его флотомъ при Каллиполисѣ (нынѣ Галлиполи) въ Дарданеллахъ. Это повело за собой отпаденіе Египта, а вскорѣ и Византіи. Наконецъ Лициній и его новый соправитель Мартиніанъ были окончательно разбиты при Хризополѣ, нынѣшнемъ Скутари (18-го сентября). Эти событія подготовили основаніе будущей столицы имперіи. Въ то время какъ Константинъ дотолѣ считалъ еще „своимъ Римомъ“ Сардику, нынѣ Софія въ Болгаріи, а другіе императоры отдавали предпочтеніе Никомедіи, теперь какъ бы „по вдохновенію свыше“ сразу выяснилось все значеніе Босфора для обладанія двумя частями свѣта и въ то-же время для отраженія сѣверныхъ варваровъ. Лициній, бѣжавшій въ Никомедію, сдался побѣдителю; жена его Констанція умолила Константина пощадить ему жизнь; однако въ слѣдующемъ году онъ былъ убитъ въ Ѳессалоникѣ, гдѣ пытался вызвать волненія (325).

Константинъ былъ теперь единственнымъ августомъ. Сочиненіе, называемое обыкновенно по первому издателю, Валезію, „Валезіевымъ анонимомъ“, или еще „Origo Konstantini imperatoris“ (Происхожденіе императора Константина) рисуетъ намъ его послѣдовательное возвышеніе. Константинъ далъ полное развитіе государственному устройству Діоклетіана. Послѣ перенесенія столицы на грековосточную почву, придворный церемоніалъ настолько измѣнился, что императоръ сталъ почти недоступенъ и представлялся подданнымъ какимъ-то высшимъ существомъ. Константинъ сохранилъ раздѣленіе имперіи на четыре части, поставивъ во главѣ гражданскаго управленія каждой изъ нихъ по praefectus praetorio. Въ финансовомъ отношеніи онъ закончилъ реформу возвратомъ къ полноцѣннымъ деньгамъ. Въ военномъ устройствѣ онъ ввелъ нѣкоторыя измѣненія, такъ, создалъ новую должность главнокомандующаго конницы и пѣхоты, уменьшилъ пограничные гарнизоны и, наоборотъ, увеличилъ полевую армію; онъ оказывалъ особое покровительство германскимъ войскамъ и вождямъ, такъ какъ они наиболѣе отличились въ его войнахъ.

Что касается вопросовъ религіи, то Константина слѣдуетъ считать

однимъ изъ основателей новой церкви, заступившей мѣсто старой вѣры въ боговъ, такъ какъ онъ съумѣлъ добиться вліянія на іерархію. Онъ взялъ на себя иниціативу въ дѣлѣ разрѣшенія догматическихъ споровъ; такъ, онъ лично предсѣдательствовалъ на собраніи епископовъ (concilium) въ Никеѣ (352). При этомъ совѣтникомъ его былъ епископъ Никомедіи, Евсевій; противъ Евсевія съ перемѣннымъ успѣхомъ выступалъ Аѳанасій, епископъ Александрійскій. Другой Евсевій, епископъ Цезареи въ Палестинѣ, написалъ кромѣ исторіи христіанской церкви и исторію Константина; этимъ онъ положилъ начало новой исторіографіи, исполненной церковныхъ тенденцій. Семейство Константина также примкнуло къ этому направленію. Мать его Елена, нѣкогда наложница Констанція Хлора, покинутая имъ ради женитьбы на дочери Максиміана, пользовалась большимъ почетомъ. Она была ревностной христіанкой. Учителемъ старшаго сына Константина отъ наложницы, Криспа, былъ ученый филологъ Лактанцій, страстный приверженецъ христіанства. Младшіе сыновья Константина принимали даже личное участіе въ теологическихъ спорахъ того времени.

Константинъ отступилъ отъ правительственной системы Діоклетіана во-первыхъ въ томъ, что сохранилъ единство имперіи даже по отношенію къ цезарямъ, во-вторыхъ и въ томъ, что по прошествіи 20 лѣтъ господства онъ въ 326 году не сложилъ съ себя власти, что породило раздоры между нимъ и цезаремъ Криспомъ, окончившіеся казнью послѣдняго въ Полѣ въ Истріи. Вскорѣ послѣ того императоръ приказалъ удушить въ банѣ и императрицу Фавсту и точно также безъ всякихъ причинъ приказалъ убить и одиннадцатилѣтняго сына Лицинія. Съ этого времени при дворѣ стали выдвигаться сводные братья Константина, сыновья Ѳеодоры, и ихъ потомство, державшіеся дотолѣ въ тѣни; успѣхъ ихъ слѣдуетъ объяснить можетъ быть тѣмъ, что ни одинъ изъ сыновей Константина, возведенныхъ по очереди въ санъ цезарей, не выказывалъ особенныхъ способностей и они, кромѣ того, не ладили между собой. Въ 335 году императоръ рѣшилъ раздѣлить власть; старшій сынъ, Константинъ (II) получилъ западъ, второй, Констанцій, азіатскія провинціи и Египетъ, третій, Константъ, Италію, Иллирію и Африку. Въ то-же время Константинъ предоставилъ сыну своего брата, Далмацію, способному военачальнику, возведенному въ санъ цезаря, Ѳракію, съ которой было связано командованіе войсками на нижнемъ Дунаѣ противъ готовъ; второй племянникъ и въ то-же время зять Константина, Аннибаліанъ, былъ назначенъ царемъ Арменіи и прилежащей къ ней области Понта; столица его находилась въ каппадокійской Цезареѣ (Кесарія).

Странно, что при всѣхъ этихъ событіяхъ ни разу не упоминается опредѣленно имя Константинополь. Этотъ городъ, раскинувшійся на значительно большее пространство, чѣмъ древняя Византія, былъ заложенъ въ 326 году и освященъ 11-го мая 330 года. Организуя „новый Римъ“ по образцу стараго и даруя ему различныя привилегіи, Константинъ такимъ образомъ подготовилъ раздѣленіе имперіи на восточную и западную половины. Но исторія оправдала проницательность Константина въ выборѣ столицы; въ теченіе полуторы тысячи лѣтъ „его Римъ“ играетъ выдающуюся роль въ историческихъ событіяхъ. Ѳракія и Византія немедленно заняли совсѣмъ иное положеніе. Пропонтида и Босфоръ оживились кораблями, тѣмъ болѣе, что снабженіе „города Константина“ провіантомъ шло изъ Египта по образцу римскаго хлѣбоснабженія.

Константинъ умеръ въ Никомедіи 22-го мая 337 года, среди приготовленій къ походу противъ персовъ; онъ царствовалъ 31 годъ, т.-е. дольше любого изъ императоровъ послѣ Августа, что имѣло большое значеніе для укорененія новыхъ условій жизни.

Послѣ смерти Константина сынъ его Констанцій поспѣшилъ изъ Месо-

потаміи въ Константинополь, чтобы распорядиться торжествами при похоронахъ и исполнить завѣщаніе; братья его не поспѣли своевременно въ Константинополь. О Далмаціѣ намъ ничего неизвѣстно,—по всей вѣроятности планъ былъ подготовленъ уже заранѣе. Солдаты потребовали удаленія praefectus praetorio Аблавія; затѣмъ убили Оптата, зятя Константина. Наконецъ и братья Константина и не менѣе семи племянниковъ его, въ числѣ которыхъ находились и Далмацій и Аннибаліанъ, пали жертвой взаимной ревности и идеи законнаго престолонаслѣдія, такъ что, не считая двухъ малолѣтнихъ племянниковъ, въ живыхъ остались только сыновья императора. Всѣ они приняли титулъ августовъ (въ сентябрѣ 337 года) и власть оффиціально была раздѣлена между тремя братьями.

Однако вскорѣ между Константиномъ II и Констаптомъ разгорѣлась война, такъ какъ первый изъ нихъ не извлекъ никакой пользы изъ убійства двоюродныхъ братьевъ. Константинъ II двинулся на Италію, но былъ разбитъ и убитъ при Аквилеѣ войскомъ Константа; послѣ этого Константъ завладѣлъ западомъ, сохранивъ однако принципъ раздѣленія власти въ управленіи (340). Съ Констанціемъ, боровшимся между тѣмъ съ персами, Константъ разошелся изъ-за догматическаго спора, волновавшаго въ то время весь христіанскій міръ: раціоналистъ Арій утверждалъ, что Христосъ былъ человѣкомъ, Аѳанасій александрійскій, наоборотъ, считалъ его Богомъ. Констанцій былъ послѣдователь Арія, Константъ — Аѳанасія, и только его заступничество помѣшало полной побѣдѣ аріанства.

Своей распутной жизнью и грубостью Константъ между тѣмъ настолько возстановилъ противъ себя населеніе, что вспыхнула революція; одинъ изъ военачальниковъ, Магненцій, полуварварскаго происхожденія, подготовилъ это возстаніе, войдя въ соглашеніе съ однимъ изъ высшихъ придворныхъ сановниковъ; Константъ бѣжалъ, но былъ убитъ (350). Весь западъ достался Магненцію; въ Римѣ императоромъ былъ назначенъ дальній родственникъ Константинова дома, а въ Сирміѣ солдаты провозгласили императоромъ стараго полководца Ветраніона. Между тѣмъ Констанцій, заключивъ миръ съ персами, вступилъ въ борьбу за свои права на престолъ. Прежде всего онъ побудилъ Ветраніона добровольно отказаться отъ престола. Послѣ этого въ той самой мѣстности, гдѣ нѣкогда встрѣтились войска Константина и Лицинія, между Дравой и Савой, при Мурсѣ (нынѣ Эссекъ) произошла большая битва, какъ говорили, величайшая битва того столѣтія, въ которой саксы и франки, боровшіеся на сторонѣ галльскаго императора, не хотѣли отступить передъ войсками Констанція. Однако измѣна одного изъ полководцевъ, считавшаго себя обязаннымъ дому Константина, рѣшила битву противъ Магненція (осенью 351 года). Магненцій отступилъ въ Италію, но слѣдующей весной Констанцій напалъ на него и тамъ съ моря и съ суши. Несмотря на то, что войска Констанція потерпѣли пораженіе при Тицинѣ, Магненцій принужденъ былъ отступить въ Галлію черезъ Коттскія Альпы; тамъ Констанцій возбудилъ противъ него алеманновъ. Видя такимъ образомъ полное распаденіе своего могущества, Магненцій самъ наложилъ на себя руки (353).

Констанцій, добившійся наконецъ единогласія и жестоко преслѣдовавшій побѣжденную партію, былъ человѣкъ узкихъ взглядовъ, исполненный теологическихъ и легитимистическихъ воззрѣній; онъ скорѣе заботился о великолѣпіи двора, при которомъ расплодились евнухи и доносчики, чѣмъ о благѣ государства; среди чиновниковъ и офицеровъ также царила страшная испорченность. Не имѣя дѣтей, императоръ принужденъ былъ назначить наслѣдниками престола двухъ оставшихся въ живыхъ двоюродныхъ братьевъ, Галла и Юліана, дотолѣ жившихъ въ крайнемъ уединеніи близъ Цезареи въ Каппадокіи. Галлъ получилъ санъ цезаря и былъ отправленъ въ Антіохію; описаніемъ судьбы Галла начинается сохранившаяся часть исторіи Аммiана Марцеллина. Юліанъ, посвятившій себя серьезному изу-

ченію наукъ, остался въ Константинополѣ, а позднѣе занимался въ Никомедіи и въ Аѳинахъ. Между тѣмъ императоръ жилъ со своимъ дворомъ въ Миланѣ и по прежнему велъ свою церковную политику противъ Аѳанасія. Онъ созывалъ соборы и подвергалъ ссылкѣ противорѣчившихъ ему епископовъ; когда ссылкѣ подвергся и епископъ римскій Либерій, въ Римѣ разгорѣлась сильная борьба партій. Уже въ 354 г. Галлъ навлекъ на себя неудовольствіе Констанція, былъ отозванъ и казненъ. Въ Галліи со времени послѣдняго возмущенія все еще продолжались волненія, вторженія алеманновъ и франковъ еще усилились, на востокѣ вновь началась война съ персами; императоръ рѣшилъ взять на себя командованіе въ этой войнѣ, а въ Галлію отправилъ Юліана, возведеннаго въ санъ цезаря (355). Юліанъ, 24-лѣтній юноша, выросшій среди книгъ и занятій философіей, выказалъ однако и таланты полководца. Онъ разбилъ алеманновъ при Страсбургѣ и нанесъ нѣсколько пораженій и франкамъ. Въ цѣломъ римское правительство не имѣло ничего противъ того, чтобы варвары селились въ пограничныхъ областяхъ, опустошенныхъ постоянными разбойничьими набѣгами; такъ въ Эльзасѣ поселились алеманны, на нижнемъ Рейнѣ салійскіе франки.

Между тѣмъ война съ персами шла такъ неудачно, что Констанцій потребовалъ подкрѣпленій изъ Галліи. Однако галльскія войска отказались повиноваться этому приказу, такъ какъ не хотѣли разставаться съ привычными гарнизонами, женами и дѣтьми. Они возмутились зимою 360 года, въ то время какъ Юліанъ находился въ Парижѣ, небольшомъ городѣ съ островомъ посрединѣ, какъ пишетъ онъ самъ; здѣсь солдаты по германскому обычаю подняли его на щитъ и провозгласили августомъ. Юліанъ вступилъ въ переговоры съ Констанціемъ, требуя, чтобы послѣдній призналъ за нимъ этотъ санъ; получивъ отказъ, Юліанъ началъ войну и двинулся черезъ Рецію въ Иллирію Однако, еще прежде чѣмъ успѣли встрѣтиться западное и восточное войска, пришло извѣстіе о смерти Констанція, послѣдовавшей въ Киликіи. Юліанъ былъ признанъ императоромъ (361). Онъ немедленно-же приступилъ къ реформамъ, главнымъ образомъ въ отношеніи податей, и дѣйствительно значительно уменьшилъ гнетъ, лежавшій на населеніи.

Кромѣ того, Юліанъ живо интересовался вопросами религіи. Какъ философъ, онъ поклонялся старымъ богамъ и пытался возстановить ихъ прежнее значеніе; на это даютъ указанія его сочиненія, свидѣтельствующія объ остроуміи ихъ автора. Мы имѣемъ точныя свѣдѣнія о личности Юліана и его стремленіяхъ, благодаря его близкой дружбѣ съ историкомъ Амміаномъ Марцеллиномъ и риторомъ Ливаніемъ Антіохійскимъ. Впрочемъ онъ не лишалъ и христіанъ свободы вѣроисповѣданія; такъ онъ возвратилъ изъ ссылки изгнанныхъ Констанціемъ епископовъ. Но онъ отнялъ у христіанъ нѣкоторыя привилегіи, дарованныя имъ Константиномъ и его сыновьями, такъ напр. освобожденіе духовенства отъ податей; кромѣ того онъ приказалъ имъ вернуть имущества, отнятыя у языческихъ храмовъ. Далѣе, онъ воспретилъ христіанамъ выступать въ качествѣ учителей свободныхъ искусствъ, риторовъ и т. д. Попытка Юліана подавить христіанство продолжалась всего два года, такъ что трудно сказать, какихъ успѣховъ удалось-бы ему достигнуть при болѣе продолжительномъ царствованіи. Въ цѣломъ эта борьба показала, что старая религія имѣла еще готовыхъ на жертвы приверженцевъ только въ извѣстныхъ кругахъ, такъ среди сенаторовъ въ Римѣ, среди учителей риторики въ Александріи, въ Антіохіи, въ Аѳинахъ, наконецъ въ Олимпіи, гдѣ сохранились еще національныя игры, въ Сіенѣ, гдѣ святилище Изиды приносило большіе доходы и другихъ мѣстахъ.

Въ 362 году Юліанъ отправился въ Антіохію, чтобы вновь начать войну съ персами. Въ слѣдующемъ году онъ побѣдоносно перешелъ че-

резъ Тигръ и перевелъ на Тигръ свой флотъ для поддержанія сношеній и доставки провіанта. Но дальнѣйшій ходъ событій принудилъ войско отступить, причемъ императоръ былъ смертельно раненъ въ одномъ сраженіи. Юліанъ, послѣдній отпрыскъ дома Константина, скончался (26 іюня 363 года) бесѣдуя о безсмертіи души.

В. Отъ Іовіана до раздѣленія имперіи.

Среди возникшаго замѣшательства офицеры и чиновники, находившіеся въ главной квартирѣ, провозгласили императоромъ начальника тѣлохранителей, Іовіана. Іовіанъ согласился на позорную капитуляцію персамъ: онъ долженъ былъ выдать всѣ области по ту сторону Тигра, занятыя со временъ Діоклетіана, и важную крѣпость Нисибиду въ Месопотаміи. Іовіанъ умеръ по пути въ Константинополь, и офицеры съ соблюденіемъ тѣхъ-же формальностей провозгласили въ Никеѣ императоромъ паннонца Валентиніана, успѣвшаго выдвинуться во время послѣднихъ царствованій. Валентиніанъ назначилъ своимъ соправителемъ брата своего Валента и предоставилъ ему востокъ, самъ-же взялъ на себя задачу успокоенія запада, прерванную смертью Юліана. Превосходный правитель, Валентіанъ обезпечилъ рейнскую и дунайскую границы цѣлымъ рядомъ укрѣпленій; но уже въ 375 году онъ умеръ отъ припадка гнѣва, вызваннаго вторженіемъ квадовъ на Дунаѣ.

Ему наслѣдовалъ юный сынъ его Граціанъ, назначившій соправителемъ своего четырехлѣтняго брата, Валентиніана II. Въ религіозныхъ вопросахъ Граціанъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ Аѳанасія; онъ лишилъ послѣдователей старой религіи государственной поддержки и вообще выступилъ ихъ противникомъ. Валентъ, наоборотъ, былъ аріаниномъ; подъ его вліяніемъ аріанизмъ распространился и среди германскихъ племенъ, главнымъ образомъ среди готовъ. Готы поддерживали живыя сношенія съ Константинополемъ и считали себя лично обязанными императорскому дому. Они оказали поддержку претенденту Прокопію, родственнику Юліана, противъ Валента; и послѣ смерти Прокопія война продолжалась еще два года (367—369). Валентъ возстановилъ границу на нижнемъ Дунаѣ, главнымъ образомъ у дунайской дельты. Въ нынѣшней Трансильваніи и къ востоку оттуда жили племена готовъ, занимавшіяся скотоводствомъ, а рядомъ и между ними остатки прежняго населенія. Они поддерживали живыя сношенія съ берегомъ Дуная, главнымъ образомъ вдоль по Альтѣ. Князья готовъ правильно получали отъ императора подарки, предметы украшенія, золотыя медали и золотыя пряжки.

Въ это время произошло событіе, сразу нарушившее равновѣсіе, вѣками державшееся на границѣ Дуная. Гунны, народъ старо-тюркскаго племени, напали на остготовъ и подчинили ихъ. Ударъ передался и на западъ, и готы не могли считать себя болѣе въ безопасности въ Трансильваніи: гунны подошли уже къ восточнымъ проходамъ. Въ качествѣ союзниковъ имперіи, вестготы просили дозволенія поселиться въ областяхъ, расположенныхъ къ югу отъ Дуная, но встрѣтивъ затрудненія со стороны римскихъ военачальниковъ, перешли Дунай съ вооруженной силой. Императоръ Валентъ, подоспѣвшій съ востока, потерпѣлъ при Адріанополѣ пораженіе, стоившее ему жизни (378). До этого событія доходитъ исторія Амміана Марцеллина. Короткія біографіи императоровъ Секста Аврелія Виктора и Эвтропія также доходятъ лишь до эпохи императора Валента.

Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ слабый императоръ Граціанъ принужденъ былъ назначить соправителемъ испанца Ѳеодосія, а вскорѣ выдалъ за него и свою сестру, хотя отецъ Ѳеодосія, прославленный полководецъ, былъ казненъ лишь за два года передъ тѣмъ. Въ то время какъ Ѳеодосій умиротворилъ готовъ и даже отвелъ имъ опустошенныя земли

въ предѣлахъ имперіи, надѣясь такой мѣрой поднять благосостояніе этихъ областей, императоръ Граціанъ палъ въ Галліи отъ руки узурпатора Максима, провозглашеннаго императоромъ въ Британіи (383). Ѳеодосій и Валентиніанъ II признали Максима, избравшаго себѣ резиденціей Триръ, августомъ для Галліи, Испаніи и Британіи. Въ догматическихъ спорахъ Максимъ строго держался православія и преслѣдовалъ даже смертной казнью послѣдователей распространившейся изъ Испаніи секты прискилліанистовъ. Ѳеодосій также былъ послѣдователь Аѳанасія и держался слѣдовательно обратнаго императору Валенту направленія. Валентиніанъ II, опираясь на германскія вспомогательныя войска, сдѣлалъ, наоборотъ, свою резиденцію Медіоланъ средоточіемъ аріанства; но противъ этого возстало туземное населеніе со своимъ знаменитымъ епископомъ Амвросіемъ во главѣ. Эти раздоры побудили Максима вторгнуться въ Италію. Валентинъ бѣжалъ къ Ѳеодосію, потребовавшему возстановленія его въ правахъ. Отказъ Максима послужилъ поводомъ къ войнѣ. Ѳеодосій одержалъ побѣды при Сисціи, Пэтовіо и Эмонѣ, причемъ особенно отличились его готскія войска (388). Власть Валентиніана была возстановлена; но онъ вскорѣ сталъ во враждебныя отношенія съ начальникомъ галльскихъ войскъ Франкомъ Арбогастомъ. Арбогастъ убилъ Валентиніана (392) и провозгласилъ императоромъ знатнаго римлянина Евгенія, окружившаго себя приверженцами язычества. Однако Ѳеодосій отказался признать Евгенія императоромъ и одержалъ надъ нимъ побѣду въ кровавой битвѣ при рѣкѣ Фригидѣ (нынѣ Виппахъ), къ востоку отъ Аквилеи. Евгеній палъ въ этой битвѣ, Арбогастъ самъ лишилъ себя жизни (394).

Г. **Западная римская имперія.**

Ѳеодосій соединилъ теперь подъ своей властью всю имперію, но онъ же вновь раздѣлилъ власть между своими сыновьями, Аркадіемъ и Гоноріемъ; первый долженъ былъ управлять востокомъ, второй западомъ (395). Съ этого времени исторія востока окончательно отдѣляется отъ исторіи запада. Главнымъ источникомъ для послѣдующихъ событій могутъ служить сочиненія Зосима, жившаго въ V вѣкѣ; затѣмъ поэмы придворнаго поэта Клавдіана, наконецъ замѣтки въ календаряхъ столицъ, Рима, Константинополя, Равенны, носящія характеръ хроникъ. Несмотря на это раздѣленіе власти, единство имперіи должно было остаться неприкосновеннымъ; правда, въ вопросѣ, какъ сохранить единство, мнѣнія раздѣлились немедленно-же послѣ смерти Ѳеодосія, послѣдовавшей въ Миланѣ въ 395 году. Могущественный дотолѣ главнокомандующій арміи, Стилихонъ, потомокъ паннонскихъ вандаловъ, думалъ сохранить единство въ командованіи арміей и въ управленіи Имперіей, т. е. западными частями Балканскаго полуострова до южной оконечности Греціи, какъ изъ политическихъ, такъ и изъ военныхъ цѣлей. Армія со времени низложенія Евгенія все еще находилась на западѣ, и Стилихонъ немедленно провозгласилъ себя опекуномъ малолѣтняго императора Гонорія; но онъ стремился захватить въ свои руки и опекунство надъ императоромъ Аркадіемъ, царедворцы котораго наперекоръ ему склонили на свою сторону предводителя готовъ, Алариха.

Поселивъ вестготовъ на Балканскомъ полуостровѣ, Ѳеодосій принялъ ихъ и въ римское войско, сохранивъ, правда, за ними ихъ самобытную организацію и національныхъ вождей. Наиболѣе выдающимся изъ этихъ вождей оказался Аларихъ. Между Аларихомъ и Стилихономъ нерѣдко разгоралась борьба, распространившаяся даже до Пелопоннеса; распрю поддерживали еще интриги константинопольскаго двора, которому Стилихонъ принужденъ былъ предоставить въ распоряженіе восточныя войска. Наконецъ императоръ взялъ подъ свою защиту Алариха и назначилъ его

главнокомандующимъ войскъ въ Илиріи (397). Въ это-же время въ Африкѣ поднялся противъ Стилихона намѣстникъ Гильдонъ, побуждаемый Византіей; возстаніе его было подавлено вооруженной силой. Между западной и восточной имперіей произошелъ такой глубокій разрывъ, что назначеннаго на востокѣ консула даже перестали оффиціально именовать на западѣ; лѣтосчисленіе стали вести лишь по одному консулу. Сверхъ того въ это-же время вновь начались волненія среди дунайскихъ народностей.

Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ того какъ Стилихонъ укрѣпилъ границу Реціи, Аларихъ предпринялъ походъ на Италію. Онъ прошелъ всю Верхнюю Италію, такъ что Гоноpій принужденъ былъ бѣжать изъ Милана въ приморскую крѣпость Равенну. Послѣ этого Стилихонъ разбилъ Алариха въ битвѣ при Полленціи и удачными маневрами изгналъ его изъ Италіи (402). Въ 405 году большія толпы готовъ язычниковъ, смѣшанныхъ съ другими народностями, проникли подъ предводительствомъ Радагайса въ Италію и даже перешли черезъ Апеннины; но этимъ они сами подготовили себѣ гибель, такъ какъ Стилихонъ повелъ на нихъ съ береговъ По свои войска, подкрѣпленныя гуннами и готами христіанами. Войско Радагайса было разбито и истреблено при Фезулахъ (405).

Между тѣмъ отозваніе войскъ изъ Реціи и Рейнской границы дало возможности большимъ толпамъ различныхъ народностей, вандаловъ, алановъ, свевовъ, перейти черезъ Рейнъ и проникнуть въ Галлію и даже въ Италію. Стилихонъ не могъ воспрепятствовать этому движенію, такъ какъ общіе интересы имперіи удерживали его въ Италіи. Въ 408 году императоръ Аркадій умеръ въ Константинополѣ, оставивъ малолѣтняго сына, Ѳеодосія II. Стилихонъ задумалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы присоединить къ западной имперіи всю Иллирію и такимъ образомъ закрыть „проходъ народовъ“ на нижнемъ Дунаѣ. Онъ вошелъ вслѣдствіе этого въ соглашеніе съ Аларихомъ, который искалъ лучшихъ поселеній для своихъ готовъ, но въ остальномъ предоставилъ себя въ распоряженіе имперіи. Это дало случай царедворцамъ возбудить въ Гоноріѣ подозрѣнія въ томъ, что Стилихонъ замышляетъ что-то противъ династіи. Гоноpій былъ совершенно слабоуменъ; зять Стилихона, онъ однако былъ преисполненъ одной идеей легитимизма. Въ это время на западѣ появился новый претендентъ, Константинъ, признанный сперва въ Британіи, а затѣмъ и въ провинціяхъ Галліи и Испаніи, которыя италійское правительство предоставило ихъ собственной судьбѣ. Гоноpій не препятствовалъ гибели Стилихона. Римское войско разбило преданныя Стилихону варварскія войска, и самъ Стилихонъ былъ казненъ въ Равеннѣ (408). Въ Римѣ той же участи подверглась его жена Серена и сынъ Эвхерій, пытавшійся бѣжать.

Дворъ отказался отъ условій, заключенныхъ Стилихономъ съ Аларихомъ, и въ защиту отъ варваровъ и узурпаторовъ вступилъ въ союзъ съ константинопольскимъ дворомъ, которому были оффиціально уступлены Иллирія съ Сирміемъ. Въ то-же время для спасенія имперіи были обнародованы эдикты противъ аріанства и язычества и приказъ противъ ношенія штановъ вмѣсто тоги. Между тѣмъ Аларихъ, не встрѣчая сопротивленія, перешелъ границу Италіи. Къ нему примкнули всѣ оставшіяся еще варварскія войска и тысячи рабовъ варварскаго происхожденія. Всѣ политическіе противники покинули дворъ, бѣжавшій за лагуны Равенны и объявившій недѣйствительнымъ все, что бы ни произошло. Аларихъ подступилъ къ Риму, откупившемуся отъ грабежа громадной суммой денегъ; желая обезпечить свое положеніе и по отношенію къ римскимъ подданнымъ, Аларихъ потребовалъ отъ Гонорія, чтобы имперія признала его командующимъ генераломъ (magister utriusque militiae). Онъ думалъ поселить своихъ вестготовъ въ Венеціи, Норикѣ и Далмаціи, но удовольствовался бы и обѣими провинціями Норики. Безуспѣшность переговоровъ побудила Алариха вторично подступить къ Риму, гдѣ въ то время правили Галла Пла-

цидія, сводная сестра Гонорія, и сенатъ. Послѣ короткой осады Аларихъ измѣной взялъ Римъ (24-го августа 410 года). Это вызвало страшное волненіе во всемъ римскомъ мірѣ; знаменитѣйшіе историки этой эпохи, Августинъ, Орозій, Сальвіанъ, Рутилій Намаціанъ, съ ужасомъ упоминаютъ объ этомъ событіи или-же смотрятъ на него согласно широко распространенному въ то время теологическому взгляду, какъ на наказаніе Божіе. Сальвіанъ изъ Массиліи особенно напираетъ на то, что готы причинили въ Римѣ мало вреда и что они уважали церкви, хотя сами были аріане.

Аларихъ провозгласилъ императоромъ городского префекта Рима, Аттала; но не достигнувъ этимъ никакой цѣли, онъ вновь низложилъ его. Сознавая безполезность осады Равенны, въ достаточной мѣрѣ снабженной провіантомъ и солдатами, онъ задумалъ овладѣть житницами „урбикарной“ Италіи, Сициліей и Африкой, вслѣдъ за которыми должна была-бы сдаться и сама Италія. По пути туда Аларихъ внезапно скончался въ Южной Италіи и былъ похороненъ готами въ руслѣ рѣки Бузенто близъ Консенціи (нынѣ Козенца).

Зять и преемникъ Алариха, Атаульфъ, вступилъ въ переговоры съ Гоноріемъ; дворъ наконецъ согласился на уступки. Атаульфъ, признанный главнокомандующимъ имперіи, двинулся со своимъ войскомъ въ Галлію, гдѣ незадолго передъ тѣмъ намѣстникъ Констанцій въ Арелатѣ одержалъ побѣду надъ узурпаторомъ Константиномъ (411). Атаульфъ и Констанцій стали соперниками. Галла Плацидія, сводная сестра Гонорія, которую готы со времени взятія Рима возили съ собой какъ заложницу, вышла замужъ за Атаульфа; но уже въ 414 году Атаульфъ погибъ въ Барцино (нынѣ Барселона) жертвой кровавой мести. Три года спустя Плацидія противъ своей воли вышла замужъ за Констанція, котораго Гонорій назначилъ соправителемъ. Констанцій былъ иллиріецъ и другъ Стилихона, за котораго и отомстилъ царедворцамъ. Однако и онъ умеръ въ 421 году. Послѣ этого Гонорій, недовольный Плацидіей, принудилъ ее уѣхать въ Константинополь; но и онъ умеръ уже въ 423 году. Тогда восточный дворъ, взявшійся за охрану династическихъ интересовъ, послалъ Плацидію вмѣстѣ съ сыномъ ея отъ Констанція, Плацидомъ Валентиніаномъ III, возведеннымъ въ санъ цезаря и августа, въ Равенну, гдѣ между тѣмъ престоломъ завладѣлъ одинъ изъ высшихъ придворныхъ сановниковъ. Законное престолонаслѣдіе было возстановлено (425); Августа Плацидія была назначена регентшей за своего семилѣтняго сына.

Несмотря на то, что въ вырождающихся династіяхъ женщины большей частью стоятъ выше мужчинъ, при Равеннскомъ дворѣ началась теперь усиленная борьба партій. За преобладающее вліяніе при дворѣ боролись наряду съ другими Бонифацій, намѣстникъ Африки, оказавшій серьезную поддержку династической политикѣ послѣ смерти Гонорія, и Аэцій, противникъ этой политики, перешедшій однако впослѣдствіи также на сторону Плацидіи. Аэцій, родомъ изъ дунайскихъ областей, поддерживалъ сношенія съ гуннами и готами, которыхъ умѣлъ искусно противоставлять другъ другу. Вновь завладѣвъ Реціей и Норикомъ, онъ отнялъ у гунновъ Паннонію и изгналъ готовъ изъ Далмаціи. Между тѣмъ Бонифацій, считая свое положеніе крайне шаткимъ вслѣдствіе постоянныхъ придворныхъ интригъ, призвалъ на помощь варваровъ изъ южной Испаніи (429).

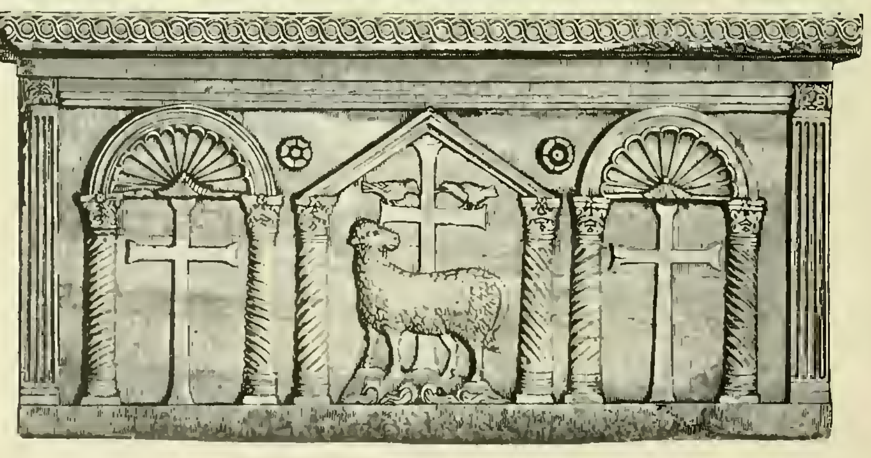
Вандалы и аланы пришли подъ предводительствомъ своего царя Гейзериха и, разъ утвердившись въ Африкѣ, вскорѣ совершенно завладѣли этой провинціей, раздираемой религіозной борьбой. Бонифацій, вновь примирившійся между тѣмъ со дворомъ, не могъ уже изгнать ихъ обратно. Гейзерихъ взялъ Карѳагенъ (439) и основалъ тамъ государство, занимавшееся преимущественно морскими разбоями и державшее въ постоянномъ страхѣ берега Италіи. Вскорѣ Гейзерихъ завладѣлъ и Сардиніей и западной Сициліей. Онъ роздалъ африканскія латифундіи вождямъ вандаловъ

и алановъ, покровительствовалъ сектантамъ, привлекъ на свою сторону мелкихъ землевладѣльцевъ, и вошелъ въ сношенія съ племенами мавровъ. Такимъ образомъ возникло государство, просуществовавшее цѣлое столѣтіе (см. выше, стр. 235 — 238). Для Италіи, утратившей какъ свои житницы, такъ и безопасность морскихъ границъ, это былъ тяжелый ударъ. Въ Испаніи и Лузитаніи поселились между тѣмъ вестготы и свевы, въ Галліи вестготы, бургунды и франки, и Равеннское царство принуждено было ограничиться одной Италіей съ прилежащими къ ней землями.

Борьба между Аэціемъ и Бонифаціемъ закончилась битвой, въ которой Бонифацій одержалъ побѣду, но былъ смертельно раненъ Аэціемъ. Аэцій бѣжалъ къ гуннамъ (432); съ ихъ помощью онъ добился вліянія при дворѣ, которое и удерживалъ за собой втеченіе двадцати лѣтъ. Аэцій умѣлъ пользоваться раздорами между варварами, чтобы вновь распространить свое вліяніе даже въ утраченныхъ провинціяхъ, какъ напр. въ Галліи. Только отъ Британіи пришлось окончательно отказаться. Бѣжавшіе бриты перешли на континентъ и поселились въ области Арелорикѣ („Бретани"), а въ Британіи на защиту бритовъ появились англы и саксы, вскорѣ обратившіеся въ ихъ повелителей.

Между тѣмъ среди гунновъ появился энергичный вождь Аттила, подчинившій себѣ и многочисленныя германскія племена. Онъ водворился въ равнинахъ между Тиссой и Дунаемъ. Отсюда онъ пошелъ войной на восточныя римскія провинціи, поддерживая въ то же время дружественныя отношенія съ Аэціемъ. Но миръ былъ нарушенъ, когда распутная Гонорія, сестра императора, предложила Аттилѣ свою руку, т. е. рѣшилась на государственную измѣну, лишь бы выйти на свободу изъ своего заточенія. Аэцій составилъ противъ Аттилы могущественный союзъ, къ которому примкнули и вестготы, и франки. Въ области мавріаковъ (близъ Труа) произошла большая битва; Аттила потерялъ ее (451) и отступилъ изъ Галліи. Въ слѣдующемъ году онъ опустошилъ Верхнюю Италію, взялъ и разрушилъ Аквилею, но вновь отступилъ, когда восточная имперія рѣшилась выступить на помощь западной. Вскорѣ послѣ этого, въ 453 году, Аттила внезапно умеръ. Царство его немедленно распалось: подчинявшіяся ему одному племена, съ готами и гепидами во главѣ, изгнали гунновъ изъ Панноніи. Не находя достаточно продовольствія на берегахъ Дуная, молодежь и даже цѣлыя племена уходили на поиски новой службы или съ цѣлью основанія новыхъ царствъ, такъ что послѣдовавшія за смертью Аттилы десятилѣтія ознаменовались постоянными волненіями и многократнымъ измѣненіемъ во взаимномъ расположеніи племенъ и народовъ.

Въ восточной имперіи отъ 408 — 450 года царствовалъ Ѳеодосій II, правда только по имени, такъ какъ въ продолженіе всего своего правленія онъ не вышелъ изъ подъ опеки. Большимъ вліяніемъ при дворѣ пользовалась сестра императора Пульхерія. Имперія все тѣснѣе сплочивалась вокругъ своей столицы, Константинополя, защищенной со всѣхъ сторонъ стѣнами и моремъ. Кромѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ министерскихъ кризисовъ, избавившихъ восточную имперію отъ той безпрерывной смѣны императоровъ, подъ гнетомъ которой изнемогала западная имперія, большую роль играли церковныя дѣла. При византійскомъ дворѣ царила крайняя набожность; послѣдніе слѣды язычества были уничтожены и даже многія географическія имена были переименованы въ честь „Искупителя" и святыхъ. Въ Арменіи византійскій императоръ выступилъ защитникомъ христіанъ противъ персовъ (см. томъ III); христіанская литература достигла въ то время значительнаго расцвѣта; наоборотъ у Аттилы, опустошившаго сѣверныя Балканскія земли, Ѳеодосій купилъ миръ золотомъ и титулами. Иллирійская префектура перенесена была въ то время изъ Сирміи въ Ѳессалонику. Ѳеодосій II поручилъ собрать всѣ постановленія прежнихъ императоровъ въ одинъ кодексъ, который былъ признанъ и западной римской

Исторія человѣчества IV. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Мавзолей Плацидіи Галлы (SS. Nazario e Celso) въ Равеннѣ.

(По фотографіямъ Luigi Ricci въ Равеннѣ.)

Наверху: внутренній видъ. Въ серединѣ, за алтаремъ изъ алебастра, саркофагъ Плацидіи Галлы, слѣва саркофагъ Константина III, второго мужа императрицы. Внизу: кенотафъ (безъ крышки) императора Гонорія, брата Плацидіи Галлы.

имперіей, и даже римлянами въ германскихъ государствахъ. Послѣ смерти Өеодосія „Малаго“, Пульхерія отдала свою руку вмѣстѣ съ престоломъ опытному полководцу, иллирійцу Маркіану.

Въ томъ же году (450) скончалась въ Равеннѣ Плацидія; ея саркофагъ и нынѣ стоитъ въ той самой капеллѣ, въ которой покоятся ея мужъ Констанцій и братъ Гонорій (см. приложенную таблицу „Мавзолей Плацидіи Галлы въ Равеннѣ“). Сынъ ея Валентиніанъ III, поддаваясь наущеніямъ завистливаго евнуха Гераклія, разсорился съ Аэціемъ и лично убилъ его во дворцѣ (454); но годъ спустя онъ самъ палъ отъ руки двухъ друзей Аэція въ своемъ дворцѣ близъ Рима (въ мартѣ 455 года). Въ числѣ заговорщиковъ находился и римскій сенаторъ Петроній Максимъ, жену котораго Валентиніанъ опозорилъ. Петроній, желая захватить въ свои руки власть, женился на вдовѣ Валентиніана, Евдокіи, а сына своего женилъ на дочери Валентиніана. Тогда Евдокія, какъ разсказываютъ, призвала царя вандаловъ Гейзериха, который дѣйствительно появился у устьевъ Тибра и взялъ Римъ. Сенаторы обратились въ бѣгство, Петроній Максимъ былъ убитъ, императорскій дворецъ подвергся разграбленію. Опустошивъ еще берега Кампаніи, Гейзерихъ побѣдителемъ вернулся въ Карѳагенъ, увозя съ собой Евдокію и ея дочь. Такъ окончилась династія Өеодосія въ западной имперіи, тогда какъ для Италіи на нѣсколько десятилѣтій остается рѣшительнымъ моментомъ борьба съ вандалами,

Наиболѣе сильнымъ человѣкомъ оказался въ это время предводитель италійскихъ федеративныхъ войскъ, Рицимеръ, разбившій вандаловъ въ корсиканскихъ водахъ. Рицимеръ, германскаго происхожденія и аріанинъ, по воззрѣніямъ того времени не могъ поэтому быть самъ императоромъ; но занимая въ 459 году должность консула, онъ затѣмъ сталъ править имперіей въ качествѣ „patricius“ и „magister utriusque militiae“, какъ нѣкогда Стилихонъ и Аэцій, возводя и низлагая императоровъ. Въ 456 году онъ принудилъ императора Авита, сподвижника Аэція, галло-романскаго происхожденія, провозглашеннаго вестготами въ Арелатѣ (нынѣ Арль), отказаться отъ престола; онъ убилъ и преемника его Майоріана, послѣ того, какъ предпринятый этимъ императоромъ походъ противъ вандаловъ окончился неудачей (461). Послѣ этого нѣсколько лѣтъ номинально царствовалъ Либій Северъ (461—465). За нимъ послѣ нѣкотораго перерыва послѣдовалъ Анѳимій (467), зять Маркіана. При Анѳимiѣ западная и восточная имперія вновь соединились на совмѣстный походъ противъ вандаловъ, но не достигли никакихъ результатовъ. Анѳимій задумалъ воспользоваться отсутствіемъ Рицимера, переѣхавшаго въ Медіоланъ, чтобы освободиться отъ его вліянія, но былъ осажденъ и убитъ (472). Вскорѣ затѣмъ умеръ отъ чумы и Рицимеръ, а полгода спустя и возведенный имъ на престолъ Олибрій, женатый на дочери императора, Плацидіи.

Во главѣ Далмаціи и оставшихся за римлянами частей Галліи стояли въ это время туземные вожди духовнаго или свѣтскаго сословія. Въ Далмаціи господствовалъ Марцеллинъ, другъ Аэція; какъ союзникъ императоровъ, онъ на собственный страхъ предпринялъ походъ противъ вандаловъ, но погибъ въ Сициліи. Въ Галліи выдвинулся среди франковъ храбрый военачальникъ Эгидій, а за нимъ и сынъ его Сіагрій, сохранившій независимость до 486 года. Среди арверновъ власть сохранилась за домомъ императора Авита, даже послѣ того какъ тамъ распространили свое владычество вестготы. Сидоній Аполлинарій, нѣкогда зять Авита, позднѣе епископъ въ городѣ арверновъ, рисуетъ намъ переходъ отъ открытаго сопротивленія къ полному подчиненію „варварамъ“, гордившимся передъ „романами“ своимъ именемъ „barbarus“, считавшимся въ то время почетнымъ; отсюда произошло и слово „браво“.

Въ Италіи съ 472 года наступила полная анархія. Бургундецъ Гундобальдъ, племянникъ Рицимера, призванный на царскій тронъ въ Галлію.

отказался отъ роли „patricius“; изъ Галліи онъ позднѣе предпринялъ походъ на Италію. Провозглашенный въ Равеннѣ Гундобальдомъ, императоръ Гликерій предпочелъ занять должность епископа салонскаго, когда въ Римъ явился и былъ признанъ императоромъ далматинецъ Юлій Непотъ, племянникъ Марцеллина, пользовавшійся покровительствомъ византійскаго двора. Съ Непотомъ вступилъ въ борьбу паннонецъ Орестъ, бывшій секретарь Аттилы; Непотъ бѣжалъ на родину, гдѣ до самой смерти (480) продолжалъ носить титулъ императора, а Орестъ назначилъ августомъ своего малолѣтняго сына Ромула (475). Но противъ Ореста возмутились германскія войска, поддерживавшія Равеннскій дворъ со времени распаденія царства Аттилы. Они стремились уравнять свое положеніе въ Италіи съ положеніемъ германскихъ племенъ въ западныхъ провинціяхъ, т. е. требовали земель для поселеній. Въ отвѣтъ на отказъ со стороны Ореста, они провозгласили царемъ Одоакра, вождя изъ племени туркилинговъ, выдвинувшагося уже при Рицимерѣ: Орестъ потерпѣлъ пораженіе при Тицинѣ, братъ его Павелъ при Равеннѣ, и оба они были убиты. Одоакръ сжалился лишь надъ малолѣтнимъ Ромуломъ „Августуломъ“, назначилъ ему пенсію и дворецъ въ Лукулланѣ близъ Неаполя для жительства. Императорскій тронъ остался незанятымъ и Одоакръ управлялъ Италіей, какъ нѣкогда Стилихонъ, Аэцій, Рицимеръ, Орестъ, но уже совершенно самостоятельно; нѣсколько лѣтъ спустя императоръ восточной римской имперіи оффиціально призналъ за нимъ это положеніе (479). Мы имѣемъ довольно точныя свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ благодаря сохранившейся городской хроникѣ Равенны; нѣкоторыя указанія даютъ и монеты и титулатуры.

Послѣ этого западъ въ своемъ развитіи еще болѣе удалился отъ востока. Въ Византіи послѣдовательная цѣпь императоровъ туземнаго, т. е. иллирійскаго, ѳракійскаго и малоазіатскаго происхожденія не прерывалась, поддерживаемая браками съ царствующимъ домомъ, и получала еще особую санкцію благодаря коронованію патріархомъ. Царствовали: Маркіанъ, иллиріецъ, 450—459; Левъ, ѳракіецъ, до 474; Зенонъ, исавряninъ, до 491; Анастасій, иллиріецъ, до 518; Юстинъ ѳракіецъ, до 527; и наконецъ племянникъ послѣдняго, Юстиніанъ, до 565. Непокорныхъ генераловъ и министровъ постигала неизмѣнно та же участь, какъ нѣкогда Стилихона. На западѣ, наоборотъ, восторжествовалъ обратный принципъ. По требованію Одоакра сенатъ римскій объявилъ, что имперія не нуждается болѣе въ императорѣ и вполнѣ можетъ довольствоваться правителемъ, положеніе котораго санкціонировано восточнымъ дворомъ. Болѣе 13 лѣтъ управлялъ такимъ образомъ Одоакръ Италіей и прилежащими къ ней землями, добившись соглашенія и съ Гейзерихомъ относительно Сициліи.

Д. **Остготы и лангобарды.**

Занявъ послѣ смерти Юлія Непота Далмацію (481) и выступивъ въ Норикѣ противъ ругійцевъ (487), Одоакръ тѣмъ самымъ положилъ начало борьбѣ съ Византіей съ одной стороны и съ жившими въ Мизіи остготами, какъ союзниками ругійцевъ, съ другой. Побуждаемый императоромъ Зенономъ, вождь готовъ и „patricius“ Теодерихъ двинулся на Италію, чтобы низвергнуть владычество Одоакра и самому занять его мѣсто. Онъ разбилъ Одоакра при Изонцо и при Веронѣ, взялъ Миланъ и избралъ своимъ сборнымъ пунктомъ важный въ стратегическомъ отношеніи Тицинъ. Затѣмъ онъ еще разъ разбилъ Одоакра и его союзниковъ при Аддѣ и послѣ трехлѣтней осады взялъ и главный городъ Равенну, гдѣ несмотря на заключенный договоръ вскорѣ убилъ Одоакра и оставшихся еще въ живыхъ воиновъ (493). Такъ Теодерихъ добился власти и всталъ во главѣ имперіи подобно Одоакру, скорѣе какъ царь готовъ и ругійцевъ, чѣмъ назначенный Восточ-

нымъ императоромъ правитель имперіи; переговоры съ Византіей по этому поводу велъ сенатъ римскій, по прежнему пользовавшійся уваженіемъ. Теодерихъ царствовалъ 33 года; для Италіи это былъ періодъ мира и благосостоянія. Готы получили земли въ сѣверныхъ округахъ, въ остальномъ-же Теодерихъ сохранилъ прежнихъ римскихъ сановниковъ и всѣ муниципальныя учрежденія. Онъ такъ-же много сдѣлалъ и для улучшенія экономическихъ условій страны; такъ при немъ были осушены Помптинскія болота и значительно поднято хлѣбопашество. Сицилія, какъ житница Рима, была избавлена отъ готскихъ поселенцевъ. Изъ Далмаціи Верхняя Италія получала овецъ, быковъ и хлѣбъ,

После смерти Теодериха (526) въ дѣла Италіи вмѣшался византійскій дворъ, стремившійся при императорѣ Юстиніанѣ подчинить своему непосредственному господству какъ Африку, такъ и Италію. Успѣху этого предпріятія въ значительной мѣрѣ способствовали раздоры между готами и вандалами. Въ 540 году Велизарій, незадолго передъ тѣмъ занявшій Карѳагенъ, взялъ и Равенну и подалъ готамъ надежду на то, что онъ захватитъ въ свои руки вообще всю власть на западѣ и не тронетъ ихъ поселеній. Когда-же недовольный этимъ византійскій дворъ отозвалъ Велизарія, не возвративъ, правда, Равенны, часть готовъ продолжала борьбу, сконцентрировавъ свои силы вокругъ Вероны и Тицина, значеніе коихъ было отмѣчено уже ихъ великимъ царемъ: они готовы были удовольствоваться транспаданской областью. Юстиніанъ однако не согласился на ихъ требованія, и готы подъ предводительствомъ царя Бадвилы (Тотилы) вторично завоевали почти всю Италію за исключеніемъ неприступной Равенны. Только когда противъ нихъ былъ посланъ Нарсесъ съ новонабранными войсками изъ гепидовъ, геруловъ и лангобардовъ, готы потерпѣли пораженіе въ битвахъ при Тадинѣ въ Умбріи (552) и при „Молочной Горѣ“ (mons Lactarius) въ Кампаніи (553); франко-алеманскія подкрѣпленія, подоспѣвшія слишкомъ поздно, прошли по Италіи подъ предводительствомъ Левтарія и Бутулина, грабя все, что встрѣчали на своемъ пути (554).

Однако византійская политика обязана была своей побѣдой не собственнымъ своимъ силамъ. Поэтому вскорѣ послѣ смерти Юстиніана (565) всѣ достигнутые результаты были вновь потеряны, тѣмъ болѣе, что дворъ отступилъ отъ своей прежней политики, направленной на поддержаніе равновѣсія между отдѣльными племенами. Лангобарды при помощи аваровъ уничтожили гепидовъ, а затѣмъ выступили изъ Паннонін и Норика и двинулись на Италію. Здѣсь незадолго передъ тѣмъ Нарсесъ подавилъ возстаніе непокорныхъ геруловъ; но вскорѣ у него начались разногласія съ собственнымъ дворомъ (568). Поэтому лангобарды встрѣтили лишь незначительное сопротивленіе. Имъ удалось взять Верону, а послѣ трехлѣтней осады и Тицинъ, откуда Теодерихъ въ свое время блокировалъ главный городъ Равенну. Дворецъ Теодериха сдѣлался резиденціей лангобардскихъ царей.

Равенна и Римъ и дорога между обоими этими городами, Via Flaminia, находились, наоборотъ, въ рукахъ византійцевъ; но вслѣдствіе завоеванія лангобардами Сполето приходилось дѣлать объѣздъ черезъ Игувій (нынѣ Губбіо) и Перузію. За византійцами остались и Неаполь, и приморскіе города на восточномъ берегу Южной Италіи; Беневентъ и земли внутри полуострова достались лангобардамъ. Сицилія и Бруттій составили одну провинцію; отсюда произошло и позднѣйшее названіе „обѣ Сициліи“. Африка съ Сардиніей повиновались византійцамъ, пока въ VII вѣкѣ тамъ не водворились сарацины; послѣ этого берега Италіи и Сициліи вновь стали подвергаться нападеніямъ непріятельскихъ каперовъ. Раздираемая внутренними смутами, Италія, нѣкогда господствовавшая страна, стала игрушкой въ рукахъ сосѣдей. Она имѣла теперь три столицы: исключительно церковную митрополію Римъ, резиденцію византійскаго экзарха Равенну и ре-

зиденцію лангобардскихъ царей Тицинъ. Въ эту эпоху лагуны Венеціи, берегъ Лигуріи и небольшіе острова Этрусскаго и Кампанскаго морей, служившіе дотолѣ мѣстомъ ссылки, заселились бѣглецами; а изъ вѣрнаго убѣжища Амальфіи (Амальфи) выросъ значительный торговый городъ.

Е. Италія въ V и VI вѣкѣ.

Наоборотъ, всѣ города, достигшіе высокаго расцвѣта въ эпоху всемірнаго господства Италіи, теперь опустѣли и представляли лишь груду развалинъ. Во время войнъ съ готами Римъ былъ взятъ и разграбленъ пять разъ. Вилла Адріана была разрушена; статуи императоровъ съ его мавзолея въ Римѣ были сброшены на головы готамъ во время одной изъ осадъ. Готы разрушили грандіозные акведуки, и вытекавшая вода сильно способствовала распространенію болотъ въ Кампаніи. Всѣ извѣстныя помѣстья императоровъ и сенаторовъ въ римской „Кампаніи", въ землѣ сабиновъ, близъ Тускула, въ южной Этруріи и у Неаполитанскаго и Мизенскаго заливовъ были опустошены. Въ то же время эти мѣстности служили убѣжищемъ окрестному населенію, и такимъ образомъ возникали новые города, такъ напр. Фраската (нынѣ Фраскати) на мѣстѣ императорскаго дворца подъ Тускуломъ. Въ самомъ Римѣ чудесныя постройки эпохи императоровъ были обращены въ укрѣпленія, такъ какъ для защиты Авреліановой городской стѣны потребовалось-бы огромное войско. Такъ, мавзолей Адріана былъ обращенъ въ средніе вѣка въ цитадель Рима, а Колизеемъ и другими зданіями завладѣли знатные роды.

Подобно римской „Кампаніи", въ началѣ V вѣка опустѣла и цвѣтущая нѣкогда Этрурія; мы находимъ указанія на это у Рутилія Намаціана, предпринявшаго поѣздку вдоль берега Этруріи послѣ взятія Аларихомъ Рима. Паденію Этруріи значительно способствовала система латифундій, сохранившаяся и въ періодъ готовъ. Теодагатъ, царь готовъ, былъ до вступленія на престолъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ Тускіи и заслужилъ себѣ всеобщую ненависть населенія тѣмъ, что притѣснялъ своихъ сосѣдей. Достойно упоминанія то обстоятельство, что многіе старые города, какъ напр. Вольцы. Тарквиніи, все болѣе и болѣе пустѣли, въ другихъ наоборотъ населеніе росло; города, значительные въ древности, пали, а вмѣсто нихъ выросли новые, такъ напр. Каструмъ Витербумъ (нынѣ Витербо). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наоборотъ вновь достигали большаго значенія древніе города, какъ лучше защищенные, напр. жители Фалерій, города, развившагося въ эпоху римскаго господства въ долинѣ, вновь вернулись въ старый укрѣпленный замокъ на горѣ; отсюда и происходитъ имя „Castellum" (нынѣ Чивита-Кастеллана). Значительная часть населенія римскаго Вольсинія, гдѣ воздухъ былъ испорченъ болотистыми испареніями изъ озера, перешла въ древній этрусскій городъ Урбивентъ (нынѣ Орвіето), расположенный высоко въ горахъ и потому хорошо защищенный уже самою природой. На одномъ изъ островковъ озера Вольсиній (нынѣ Лаго-да-Больсена) готы заложили укрѣпленный замокъ, въ которомъ хранилась часть царской казны; въ этомъ замкѣ умерла Амаласунта, дочь великаго Теодериха, въ плѣну у своего двоюроднаго брата и соправителя, Теодагата.

Другія области средней Италіи сохранили свое цвѣтущее состояніе до эпохи готско-византійскихъ войнъ, такъ какъ, если не считать разрушенія Аквилеи, то походы Алариха, Радагайса и Аттилы нанесли лишь временный вредъ, а борьба Одоакра съ Теодерихомъ отразилась лишь на Верхней Италіи. Читая епископальные списки Италіи этой эпохи, невольно удивляешься тому количеству городовъ, теперь давно забытыхъ, которое существовало еще въ 500 г. по Р. Х., напр. въ Умбріи (см. небольшую карту „Резиденціи епископовъ въ Италіи", стр. 462). Плестія, при которой Ганнибалъ въ

217 г. до Р. Х., т. е. семью вѣками раньше, разбилъ римское войско и овладѣлъ переходомъ изъ Умбріи въ Пиценъ (см. выше, стр. 371), имѣла въ то время епископа, равно какъ и Тагина, Остра, Веттона, Форумъ, Фламинія и т. д. Вообще „урбикарная“ часть Апеннинскаго полуострова настолько-же изобиловала епископствами, какъ напр. провинція Африка. Не только каждый городъ, нѣкоторыя латифундіи, какъ напр. fundus Carminianus (нынѣ Карминьяно) въ Южной Италіи, имѣли своихъ епископовъ. Эта организація начинала все болѣе и болѣе распространяться со второй половины IV вѣка.

По близости отъ Рима епископскими резиденціями были какъ Остія, такъ и Портъ, гавань, заложенная на правомъ рукавѣ Тибра императоромъ Клавдіемъ и расширенная Траяномъ; далѣе Лорій, гдѣ изъ виллы Антонина Пія выросъ цѣлый городъ, называвшійся еще иначе „Silva candida“, наконецъ и Габіи, Альбанъ, Лабикъ, Номентъ. Отсюда мы видимъ, что эти города, лежавшіе въ ближайшихъ окрестностяхъ Рима, имѣли и муниципальное значеніе; епископы ихъ были непосредственно подчинены римскому „папѣ“ (отъ греческаго pappas, латинскаго papa, т. е. отецъ; первоначально почетный титулъ каждаго епископа), подобно тому какъ епископы провинціальнаго округа „Syria prima“ были подчинены антіохійскому патріарху. Въ цѣломъ іерархія имѣла столько-же послѣдовательныхъ ступеней, какъ и свѣтскія власти; высшіе сановники имперіи нерѣдко мѣняли свои свѣтскія должности на соотвѣтствующія духовныя. На этомъ основывалась теорія Августина, ученаго епископа Гиппона, провозгласившаго преходящимъ римское государство, но никакъ не церковь, развивавшуюся наоборотъ все въ новыя формы.

Въ аннонарной Италіи митрополитами были епископы миланскій, аквилейскій и наконецъ и равеннскій, съ тѣхъ поръ какъ Равенна стала резиденціей и столицей. Епископъ римскій считался первымъ прелатомъ Италіи, запада, даже всей церкви, хотя права его нерѣдко оспаривались. Такъ было на востокѣ, на западѣ, даже въ самой Италіи. Епископы равеннскіе умѣли извлекать пользу изъ своихъ отношеній къ императорамъ и регентамъ. По временамъ всѣ епископы Италіи съѣзжались на церковные соборы въ Римъ, такъ напр. неоднократно въ теченіе 499—502 годовъ, когда выборы папы приводили къ несогласіямъ. Мы находимъ указанія на это въ біографіяхъ папъ римскаго „liber pontificalis“, заступающихъ мѣсто біографій императоровъ; подобныя-же краткія замѣтки существовали и въ церквахъ Равенны, Милана и другихъ.

Церковные споры крайне характерны для этой эпохи. Триста лѣтъ продолжалась борьба между аріанами и послѣдователями Аѳанасія; для рѣшенія ея неоднократно созывались соборы въ Италіи, въ Миланѣ (355), въ Ариминѣ (359), въ Аквилеѣ (381). Однако въ цѣломъ руководящее вліяніе въ догматическихъ христіанскихъ спорахъ принадлежало теологамъ восточной половины имперіи, главнымъ образомъ александрійскимъ; на ряду съ ними большое значеніе имѣли и епископы императорскихъ резиденцій, Никомедіи, Антіохіи, Византіи. Когда на Халкедонскомъ соборѣ (451) соединеннымъ усиліямъ Древняго и Новаго Рима удалось сломить авторитетъ александрійскаго „папы“, это было уже крупнымъ событіемъ (см. выше, стр. 201). Съ этого времени Новый Римъ, тѣсно примкнувъ къ церковной политикѣ правительства, пошелъ своимъ особымъ путемъ, старый-же Римъ далеко не подчинялся всѣмъ догматическимъ требованіямъ, исходившимъ съ востока, съ тѣхъ поръ какъ во главѣ Италіи стояли аріане, каковы Рицимеръ, Одоакръ, Теодерихъ. Притомъ церковныя интриги оказывали существенное вліяніе и на всеобщую политику. Только послѣ того какъ восточная и западная церкви вновь соединились послѣ 35-лѣтняго раздѣленія (484—519), императоръ Юстиніанъ счелъ возможнымъ вмѣшаться и въ дѣла запада. Впрочемъ церковные споры иногда возбуждали раздоры и между отдѣль-

ными частями Италіи; такъ, въ половинѣ VI вѣка (553) Верхняя Италія отдѣлилась отъ римской церкви, ибо глава послѣдней недостаточно энергично боролся съ оппортунистской догматикой императора. Прошли цѣлыя десятилѣтія, прежде чѣмъ состоялось соглашеніе съ церковью Аквилеи и подчиненными ей епископами Венеціи, Норика, второй Ретіи и Истріи; это была эпоха, когда въ Италіи водворились лангобарды.

На ряду съ борьбой христіанскихъ партій, несогласія съ еврейскими общинами, существовавшими какъ въ большихъ городахъ, Римѣ, Миланѣ, Неаполѣ, Равеннѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ небольшихъ, каковы Венузія или приморскіе города Этруріи, также часто приводили къ столкновеніямъ. Готское правительство обращало больше вниманія на порядокъ и спокойствіе въ этомъ отношеніи, чѣмъ византійское, и серьезнѣе слѣдило за исполнительностью мѣстныхъ властей. Евреи съумѣли извлечь выгоды изъ экономическаго упадка Италіи и вызвали тѣмъ всеобщую ненависть: у Рутилія Намаціана мы встрѣчаемъ выраженія раскаянія по поводу того, что послѣ разрушенія Іерусалимскаго храма евреи были разсѣяны по всему свѣту.

Большое значеніе для дальнѣйшаго развитія не только въ экономическомъ отношеніи имѣло то обстоятельство, что церкви съ теченіемъ времени сосредоточили подъ своей властью большія земельныя собственности, частью подаренныя, частью пріобрѣтенныя. Такъ, римская церковь имѣла земли въ провинціи Коттскихъ Альпъ, обширный лѣсъ у источниковъ Тибра, далѣе обширныя области въ Тускіи, въ Сабинѣ, въ Кампаніи („Campagna"), въ Южной Италіи и въ Сициліи. Церкви миланская, аквилейская и равеннская также владѣли большими землями, частью въ окрестностяхъ, частью и дальше. Всѣ эти земли были тщательно зарегистрованы и обработывались крѣпостными („coloni") или-же отдавались въ аренду.

Въ VI вѣкѣ монастыри, распространившіеся и на западѣ по примѣру востока, стали принимать бóльшіе размѣры и преслѣдовать новыя цѣли. Чѣмъ ниже падалъ „свѣтъ", тѣмъ охотнѣе удалялись въ одиночество лучшіе умы, чтобы жить исключительно „Царству Божіему", которое не знало другой эры, кромѣ Рождества Христова; это лѣтосчисленіе было, впрочемъ, впервые введено монахомъ Діонисіемъ Малымъ, составившимъ въ Римѣ въ 525 г. по Р. Х. пасхальныя таблицы. Бенедиктъ, родомъ изъ Нурсіи въ землѣ сабинянъ, происходившій изъ знатной семьи, былъ первоначально настоятелемъ монастыря въ Сублаквеѣ (Субіако), въ области Аніо, гдѣ нѣкогда находилась вилла Нерона. Но вскорѣ онъ основалъ монастырь на горѣ надъ муниципіей Казинумъ, на которой нѣкогда стоялъ древній городъ осковъ того-же имени, а позднѣе находилось святилище Аполлона: „Монте Касино" (529 г. по Р. Х.); муниципія Казинумъ позднѣе получила наименованіе Санъ Джермано, отъ имени святого находившейся тамъ церкви. Примѣру Бенедикта послѣдовалъ Кассіодоръ, бывшій секретарь царя Теодериха и praefectus praetorio его преемниковъ, родомъ изъ Сквиллація (нынѣ Сквиллаче) въ Бруттіѣ. Послѣ паденія господства готовъ, возвеличенныхъ имъ въ его сочиненіяхъ, частью дошедшихъ до насъ въ цитатахъ „Исторіи готовъ" Іордана, Кассіодоръ удалился въ монастырь Виварій, основанный имъ на его родинѣ, на собственной землѣ.

Уже Бенедиктъ вмѣнялъ въ обязанность монахамъ, подчинявшимся его уставу, занятія литературой; Кассіодоръ-же побудилъ монаховъ составлять сборники, послужившіе руководствомъ для научныхъ стремленій послѣдующихъ вѣковъ. Такимъ образомъ въ вѣрной сохранности было наслѣдіе классической древности, даже послѣ того, какъ въ неурядицахъ бурной эпохи угасли сенаторскія фамиліи Рима, собиравшія при Одоакрѣ и Теодерихѣ древнія рукописи; къ концу своего царствованія Теодерихъ обвинилъ въ государственной измѣнѣ и казнилъ философа Боэтія и его тестя Симмаха; родственники ихъ совершенно обнищали, когда черезъ два деся-

тилѣтія Бадвила (Тотила) вновь завоевалъ Римъ. Однако авторитетъ Цицерона, котораго Амвросій, Іеронимъ и Августинъ чтили какъ отца церкви, незыблемо сохранился для потомства. Многія поэтическія произведенія, напр. Виргилія, даже получили христіанское толкованіе.

Вслѣдствіе недостаточнаго развитія письменности у варваровъ, сохранилось латинское литературное вліяніе и латинскій языкъ, какъ средство для международныхъ сношеній. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ имперіи, гдѣ захватили господство варварскія племена, они съ теченіемъ времени приняли даже языкъ побѣжденныхъ; какъ вестготы въ Испаніи, такъ лангобарды въ Италіи. Только въ менѣе цивилизованныхъ романскихъ областяхъ, гдѣ притомъ сохранилась связь съ германской отчизной, какъ въ Рейнскихъ областяхъ и въ Альпахъ, тамъ удалось германскимъ племенамъ ассимилировать романское населеніе.

Въ то время какъ вопросъ о языкѣ считался второстепеннымъ, тѣ преобразованія, къ которымъ шла исторія Италіи и вообще Западной Европы, основывались въ существенныхъ чертахъ на принципахъ германскаго народнаго права, которымъ съ теченіемъ времени подчинились и подданные господствовавшихъ племенъ. Только черезъ пятьсотъ лѣтъ послѣ вторженія лангобардовъ, когда потомки ихъ давно уже были итальянцами по языку, начало понемногу распространяться изъ Равенны черезъ Болонью по остальной Италіи римское государственное право въ той формѣ, какъ его кодифицировалъ императоръ Юстиніанъ.

Если и было прервано спокойное теченіе историческаго развитія, то все же повсюду сохранились связующія звенья, которыя и послужили исходными точками для дальнѣйшаго направленія исторіи Италіи въ позднѣйшіе вѣка (см. томъ VI).

VIII. Пиренейскій полуостровъ.

Д-ра **Генриха Шурца.**

1. Устройство поверхности Пиренейскаго полуострова и вліяніе его на населеніе.

Въ то время какъ Апеннинскій полуостровъ получилъ свое названіе отъ горнаго хребта, тянущагося по всему его протяженію съ сѣвера на югъ, сосѣдній съ нимъ Пиренейскій названъ такъ не по горамъ, изрѣзывающимъ его поверхность; мощная цѣпь горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, отдѣляющая Пиренейскій полуостровъ отъ остальной Европы, дала свое имя этой юго-западной оконечности европейскаго материка. Это, конечно, только случайность, но она имѣетъ свой смыслъ и значеніе. Пиренеи не могутъ, правда, помѣряться съ Альпами ни по высотѣ отдѣльныхъ вершинъ, ни по ширинѣ всей цѣпи; и однако Альпы не такъ рѣзко отдѣляютъ низменность Верхней Италіи отъ граничащихъ съ нею земель, какъ Пиренеи Испанію отъ сосѣдней Франціи: Пиренеи лучшая и наиболѣе рѣзкая естественная граница во всей Европѣ. Существуетъ еще другая причина, въ силу которой Пиренейскій полуостровъ болѣе изолированъ, чѣмъ Италія: только одна, меньшая половина его береговой линіи обращена къ оживленному Средиземному морю, другая-же, бо́льшая, омывается водами Атлантическаго океана, по бушующимъ волнамъ котораго испанскіе корабли лишь сравнительно поздно пробили себѣ путь въ страну чудесъ—Америку. Такимъ образомъ многія особенности Испаніи обусловливаются ея положеніемъ на крайнемъ концѣ европейскаго цивилизованнаго міра: страна отрѣзана отъ другихъ, и населяющіе ее народы живутъ совершенно обособленно, вполнѣ довольствуясь другъ другомъ, въ то время какъ другіе обитатели Европы уже давно сблизились между собой, благодаря взаимному обмѣну культуръ, и поставили себѣ впереди одинаковыя стремленія и цѣли. Только по временамъ потоку народовъ удавалось прорвать на сѣверѣ неприступную цѣпь Пиренеевъ и внести струю новой жизни въ неподвижную замкнутость страны и ея обитателей.

Но не однимъ только географическимъ положеніемъ страны обусловливается ея замкнутость по отношенію ко всему остальному міру; и характеръ ея береговъ, и общее строеніе ея не располагаютъ къ сближенію: неуклюжая и массивная, почти квадратной формы, возвышается она надъ моремъ, берега ея мало извилисты и не изобилуютъ бухтами; рѣки лѣтомъ почти высыхаютъ, а зимою обращаются въ бурные потоки, и поэтому также мало способствуютъ развитію сношеній между берегами и внутренними областями; большинство изъ нихъ, кромѣ того, течетъ въ Атлантическій океанъ. На всей странѣ лежитъ отпечатокъ африканской неподвижности и неприступности.

Сходство съ Африкой идетъ и дальше. Подобно мощному южному континенту, и Испанія въ общихъ чертахъ представляетъ плоскогорье, окруженное горами и мѣстами отдѣленное отъ моря плодородными полосами земли, и недаромъ это плоскогорье, расположенное такъ близко отъ горячихъ песковъ Сахары, составляетъ въ то-же время часть болѣе холодной Европы: лѣтомъ дождь рѣдко освѣжаетъ алчную землю, рѣки высыхаютъ и палящій зной охватываетъ всю страну, зимою-же надъ плоскогорьемъ вѣютъ сѣверные ледяные вѣтры, а на вершинахъ горъ блеститъ снѣгъ. Правда, тамъ, гдѣ мѣстность спускается къ морю и вытекающіе изъ горъ

потоки достаточно орошаютъ землю, тамъ произростаютъ и роскошныя тропическія растенія, такъ напр. въ благословенныхъ „садахъ Валенсіи“ или въ счастливой Андалузіи. Наиболѣе подходя по своему климату и строенію къ сѣверной Африкѣ, Испанія повидимому и всего охотнѣе завязываетъ сношенія съ этой страной; только узкій проливъ (см. приложенную карту „Испанія и Португалія“) раздѣляетъ столбы Геркулеса, и плодородныя земли Андалузіи сулятъ богатую награду всякому, кто осмѣлится перейти эту границу. И дѣйствительно, привлекательность этой страны оказала свое вліяніе: были времена, когда Испанія, казалось, совершенно отдѣлилась отъ Европы, соединившись съ населеніемъ сѣверной Африки на борьбу съ арійской расой и христіанствомъ, и замѣчательно, что именно въ эту эпоху она имѣла наибольшее значеніе для культуры человѣчества.

Внутреннимъ областямъ Пиренейскаго полуострова также присуща своеобразная черта неподвижности. Горныя цѣпи, прорѣзывающія плоскогорье и раздѣляющія его на нѣсколько прославленныхъ въ исторіи оборонительныхъ позицій, не образуютъ привѣтливыхъ горныхъ мѣстностей съ зелеными лугами, тѣнистыми лѣсами и красивыми долинами; онѣ круто поднимаются вверхъ, образуя ущелья и пропасти, и если вершины ихъ и были нѣкогда покрыты лѣсомъ, то онъ давно исчезъ отъ вѣкового хищническаго истребленія. Всѣ эти горные хребты полны воспоминаній дикаго и кроваваго прошлаго, въ ущельяхъ ихъ разыгрались важнѣйшія событія испанской исторіи. Вражда съ властителями равнинъ и плодородныхъ земель и невозможность бороться съ ними въ открытомъ полѣ побуждала недовольныхъ уходить въ эти горы, гдѣ они становились во главѣ разбойничьихъ шаекъ или выступали вождями партій, борцами за христіанство или исламъ, врагами французскихъ пришельцевъ или карлистами, смотря по времени и обстоятельствамъ. Вспоминая эту школу упрямой независимости, эту своеобразную свободу и безопасное убѣжище, которыя давала страна своимъ неизбалованнымъ сынамъ, мы можемъ объяснить себѣ нѣкоторыя непонятныя на первый взглядъ стороны въ характерѣ испанскаго народа; національный характеръ, окрѣпшій подъ вліяніемъ природныхъ условій страны, проявилъ себя во всей своей силѣ и въ борьбѣ съ величайшимъ завоевателемъ новѣйшаго времени.

Упрямство и своеволіе свойственны однако не только характеру отдѣльныхъ личностей, они присущи и цѣлымъ народностямъ полуострова: не къ единству, наоборотъ, къ возможно большему раздробленію стремятся эти народности, и только своеобразное развитіе страны со временъ среднихъ вѣковъ образовало изъ Испаніи одну объединенную монархію; въ сущности-же единство ея представляетъ чисто внѣшнее явленіе. Португальцы непримиримо стоятъ въ сторонѣ и ревниво оберегаютъ полную независимость своей государственности, каталонцы остаются вѣрными своему языку и смотрятъ на настоящаго испанца, какъ на ненавистнаго чужеземца, баски въ жестокой продолжительной борьбѣ оказали упорное сопротивленіе полному присоединенію своей области и уничтоженію своихъ старыхъ привилегій. Только доведя до конца великую борьбу съ маврами и колонизовавъ новозавоеванныя земли, Старая Кастилія тѣмъ самымъ обезпечила за собой и своимъ языкомъ господствующее положеніе и сообщила всей испанской культурѣ отпечатокъ своего характера. Представленію о настоящемъ испанцѣ, скрытномъ, крайне чувствительномъ въ вопросахъ чести и безгранично преданномъ своему государю, которое составилось у иностранцевъ, въ дѣйствительности отвѣчаетъ лишь кастилецъ, загорѣлый отъ солнца и закаленный суровыми зимними вѣтрами житель плоскогорья, характеромъ своимъ очень мало напоминающій легкомысленныхъ валенсійцевъ или неуклюжихъ прямодушныхъ галисійцевъ. Кастильцы, наиболѣе суровые, но далеко не наименѣе благородные изъ всего населенія Испаніи, одержали побѣду надъ остальными народностями и создали современную Испанію.

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ
АТЛАНТИЧЕСКІЙ
ОКЕАНЪ
МАДРИДЪ
ЛИСАБОНЪ
СЕВИЛЬЯ
МАЛАГА
Порто
Тразъ озъ Монтесъ
Гибралтарскій прол.
МАРОККО

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб

Если многія стороны испанскаго характера являются такимъ образомъ результатомъ своеобразныхъ условій страны, то наличность ихъ какъ у древнѣйшихъ, такъ и у новѣйшихъ обитателей Испаніи не можетъ служить доказательствомъ ихъ тѣснаго кровнаго родства: природа страны съ теченіемъ времени должна была оказать свое вліяніе и на чужеземныхъ пришельцевъ. Однако сходство это чрезвычайно велико. Испанцы въ описаніяхъ Страбона въ существенныхъ чертахъ своихъ напоминаютъ современнаго испанца; и дѣйствительно мы должны признать, что корень населенія, несмотря на многократныя смѣшенія съ другими расами, и понынѣ остался тотъ-же самый.

2. Доисторическій періодъ.

Древнѣйшій періодъ заселенія Испаніи.

а) Иберы.

Если мы видимъ въ Испаніи страну, уже въ глубокой древности заселенную сравнительно однороднымъ и родственнымъ по языку населеніемъ, иберами, то это явленіе представляетъ не что иное, какъ результатъ продолжительнаго обособленнаго развитія, но ни въ коемъ случаѣ не даетъ намъ картины первоначальнаго состоянія страны. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе доисторическаго періода Испаніи находится еще въ такомъ положеніи, что не можетъ дать опредѣленнаго отвѣта и на наиболѣе настоятельные вопросы. Прежде всего мы должны допустить, что, какъ въ сѣверной Африкѣ, южной Европѣ и западной Азіи, такъ и на Пиренейскомъ полуостровѣ жили представители короткоголовой, темноволосой и свѣтлокожей расы, которой дано имя арменоидовъ, или — съ точки зрѣнія языка — аларodіевъ. Народъ же, именовавшій себя позднѣе иберами, произошелъ по всей вѣроятности отъ смѣшенія этого древняго населенія съ длинноголовой и бѣлокурой Кро-Маньонской расой, пришедшей съ сѣвера и жившей какъ во Франціи, такъ и въ сѣверной Африкѣ; уже по этому одному можно было бы допустить существованіе этой расы и въ расположенной между этими землями Испаніи, еслибы оно, сверхъ того, не подтверждалось и нѣкоторыми остатками культуры (см. стр. 218). Большой процентъ бѣлокурыхъ, встрѣчающихся, вопреки общепринятому мнѣнію, въ Испаніи и Португаліи, обусловливается, можетъ быть, именно этимъ древнѣйшимъ переселеніемъ въ Испанію сѣверныхъ народовъ, за которымъ позднѣе послѣдовали еще два другихъ переселенія. Возможно, что новая раса навязала древнимъ обитателямъ страны свой языкъ, и сказанія иберовъ, повѣствующія о переселеніи ихъ предковъ изъ Галліи, указываютъ именно на вторженіе бѣлокураго населенія. Родственнымъ иберамъ народомъ считаются и сиканы (см. стр. 316) и сикулы въ южной Италіи, населяющіе, такимъ образомъ, также сосѣднія съ сѣверной Африкой области.

б) Кельты.

Второе переселеніе съ сѣвера, переселеніе кельтовъ, относится къ самому началу историческаго періода, вслѣдствіе чего намъ очень мало извѣстны какъ предшествовавшія ему событія, такъ и отдѣльныя подробности его; мы можемъ лишь отмѣтить конечные результаты этого движенія. Нельзя даже точно установить, совпадаетъ ли по времени походъ кельтовъ въ Испанію съ первыми переселеніями ихъ въ Верхнюю Италію и южную Германію, повлекшими за собой впослѣдствіи переселеніе отдѣльныхъ небольшихъ отрядовъ даже въ Малую Азію и Грецію; во всякомъ случаѣ, это весьма вѣроятно. Кельты принесли въ уединенную страну, располо-

женную къ югу отъ Пиренеевъ, новую культуру, ибо они являются представителями болѣе развитаго желѣзнаго вѣка, послѣдовавшаго за бронзовымъ. До ихъ переселенія хлѣбопашество стояло на очень низкой ступени развитія; несмѣшавшіеся съ кельтами иберы еще надолго сохранили свое первобытное состояніе, питались козьимъ молокомъ и мясомъ, съѣдобными желудями и скуднымъ хлѣбомъ. Сами кельты, какъ и большинство народовъ-завоевателей, смотрѣли, правда, на хлѣбопашество, какъ на недостойное свободнаго человѣка занятіе, но они принуждали побѣжденныхъ правильно воздѣлывать земли и взимали съ нихъ часть получавшихся ими сельскохозяйственныхъ плодовъ.

Потокъ кельтовъ наводнилъ лишь одну часть полуострова. Племя, получившее позднѣе названіе кельтиковъ, поселилось въ области средней Гвадіаны, средоточіемъ которой нынѣ служитъ Бадахосъ; артебры заняли сѣверо-западный берегъ и не смѣшивались съ туземнымъ населеніемъ. Въ нынѣшней же Старой Кастиліи образовался смѣшанный народъ, позднѣе названный кельтиберами, подчинившій себѣ сосѣднія племена иберовъ, болѣе цивилизованныя и менѣе воинственныя, чѣмъ горцы. О господствѣ кельтовъ надъ всѣмъ Пиренейскимъ полуостровомъ не можетъ быть и рѣчи; даже между самими кельтскими племенами не существовало полнаго единенія. Настоящіе горцы, каковы лузитане на западѣ, астурійцы, кантабрійцы и васконы на сѣверѣ, вполнѣ сохранили свою независимость.

Вторженіе кельтовъ не затронуло и южной Испаніи, подъ благодатнымъ небомъ которой уже рано развилась извѣстная культура; на берегахъ ея вскорѣ появились другіе, болѣе желанные, пришельцы, финикіяне, предпріимчивость которыхъ нашла здѣсь широкое поле дѣятельности. Еще до появленія финикіянъ обитатели страны изготовляли иногда блестящія украшенія изъ благородныхъ металловъ, которыми такъ изобиловала ихъ страна, но они не обращали особеннаго вниманія на эти богатства и не тратили много труда на добываніе ихъ; только теперь, когда въ обмѣнъ на эти украшенія имъ стали предлагать продукты чужихъ культуръ, они обратили все свое вниманіе на открытыя богатства своей родины. Впрочемъ, финикіяне врядъ-ли были первыми торговцами и морскими разбойниками, посѣщавшими берега западнаго бассейна Средиземнаго моря. Уже тотъ фактъ, что въ южную Италію проникли племена иберійскаго происхожденія, указываетъ на существованіе морскихъ сношеній между Италіей и Испаніей. Точно также и этрусская торговля должна была затрогивать Испанію. О значительной роли, которую играли разбойничьи корабли въ водахъ Средиземнаго моря еще въ доисторическій періодъ, свидѣтельствуютъ Nurhag, своеобразныя укрѣпленныя башни, встрѣчающіяся наиболѣе часто на берегахъ Сардиніи и повидимому служившія убѣжищемъ населенію отъ грозившихъ ему опасностей. Единственная страна, населеніе которой уже въ то время сохранило свѣдѣнія о историческихъ событіяхъ, страна Нила, Египетъ, часто видала на своихъ берегахъ разбойничьи шайки. Но до насъ не дошло никакихъ дальнѣйшихъ подробностей этихъ событій.

3. Начало испанской исторіи.

A. Финикіяне и греки.

Западный бассейнъ Средиземнаго моря привлекъ къ себѣ вниманіе финикіянъ сравнительно поздно, главнымъ образомъ тогда, когда съ расцвѣтомъ греческихъ морскихъ державъ торговля финикіянъ на востокѣ стала все больше и больше падать. Металлургическія богатства Испаніи обѣщали финикіянамъ богатую добычу, а проникнувъ оттуда и за столбы Геркулеса, они проложили себѣ путь и къ британскимъ залежамъ олова и

на родину янтаря. Такъ, поселенія на берегахъ Испаніи стали исходной точкой отправленія для новыхъ, смѣлыхъ и далекихъ путешествій, и во вновь возникшіе города, достигшіе пышнаго расцвѣта, стали стекаться богатства близкихъ и отдаленныхъ странъ. Финикійскіе колонисты съ большой предусмотрительностью откупили у турдетанъ, жившихъ по нижнему теченію Бетиса, два небольшихъ прибрежныхъ острова и основали здѣсь, на защищенномъ со всѣхъ сторонъ пунктѣ, царицу всѣхъ своихъ испанскихъ поселеній, городъ Гадиръ, нынѣшній Кадиксъ. Исторія дальнѣйшихъ тысячелѣтій показала, насколько вѣренъ былъ разсчетъ опытныхъ комерсантовъ въ выборѣ мѣста для своего поселенія; подобно Кадиксу и основанная вскорѣ вслѣдъ за нимъ Малака и понынѣ сохранила свое финикійское имя и все свое значеніе для торговыхъ и иныхъ сношеній.

Вслѣдъ за финикіянами на берегахъ Испаніи появились и греки; они являлись первоначально лишь на время, но вскорѣ политическія событія на родинѣ побудили цѣлыя колоніи къ переселенію на Иберійскій полуостровъ. Греки селились только на восточномъ берегу; здѣсь лежали Сагунтъ, основанный закинѳянами въ союзѣ съ италійскими выходцами изъ Арден, и Эмпоріи и Рода, основанные одновременно съ Массиліей фокейцами и находившіе опору въ этомъ могущественномъ городѣ у устьевъ Роны. Ни финикіяне, ни греки не стремились распространить свое вліяніе и внутрь страны; горнымъ дѣломъ занимались также туземныя племена, во владѣніи которыхъ позднѣйшіе завоеватели нашли большіе запасы благородныхъ металловъ.

Съ расширеніемъ могущества Карѳагена, подъ его власть подпали и всѣ испанскія владѣнія финикіянъ. Гадиръ, вовлеченный въ войну съ турдетанами изъ-за своихъ владѣній на материкѣ, призвалъ на помощь Карѳагенъ, но принужденъ былъ затѣмъ подчиниться освободителю, торговая система котораго, впрочемъ, въ то время еще совпадала съ старо-финикійской; Испанія долгое время оставалась для карѳагенянъ сокровищницей благородныхъ металловъ, которые они получали отъ туземцевъ въ обмѣнъ на предметы роскоши съ большой выгодой для себя, и служила въ то-же время мѣстомъ вербовки наемниковъ, необходимыхъ для непрерывныхъ войнъ. Только потерявъ въ борьбѣ съ Римомъ Сицилію, карѳагеняне рѣшили возмѣстить свои денежныя и земельныя утраты болѣе энергичной эксплоатаціей богатаго Иберійскаго полуострова. Карѳагенскихъ торговцевъ съ ихъ ограниченнымъ кругозоромъ привлекали въ Испанію лишь золото и серебро ея рудниковъ, военная же партія разсчитывала главнымъ образомъ на усиленіе войска иберійскими вспомогательными войсками; но геніальнѣйшій карѳагенскій полководецъ того времени, Гамилькаръ Барка, понялъ, что изъ Испаніи можно было создать угрожающую фланговую позицію по отношенію къ враждебному римскому государству (см. стр. 230) и что именно отсюда можно было нанести римской республикѣ смертельный ударъ. Этотъ человѣкъ былъ какъ бы созданъ для того, чтобы привести въ исполненіе эти планы.

Высадившись въ 237 г. до Р. Х. въ Гадирѣ, Гамилькаръ Барка тѣмъ самымъ положилъ конецъ мирной жизни полуострова. Съ этого момента, Испанія была вовлечена въ борьбу средиземныхъ культуръ и заранѣе предназначена въ добычу будущему побѣдителю. О какомъ-либо единствѣ испанскихъ племенъ не можетъ быть и рѣчи ни въ то время, ни позднѣе; общая опасность вызывала временные союзы, отдѣльныя племена боролись до окончательнаго истребленія, но никогда ихъ не воодушевляла великая національная идея. Правда, въ защитѣ горъ и искусственныхъ, обнесенныхъ стѣнами горныхъ крѣпостей, уже въ древней Испаніи встрѣчающихся въ такомъ поразительно большомъ количествѣ, жители полуострова проявили замѣчательное упорство. Жители андалузской равнины были уже въ то время наиболѣе цивилизованные, но и наиболѣе изнѣженные изъ всего

населенія, главную-же силу страны составляли племена плоскогорья. Гамилькаръ Барка первый испробовалъ всѣ трудности испанской горной войны; послѣ девяти лѣтъ неустанной борьбы, упрочивъ могущество Карѳагена въ сѣверной Африкѣ и Испаніи, онъ палъ подъ мечами иберійскаго племени контестановъ.

Преемникъ его, Гасдрубалъ, придерживался другой политики, основанной на извѣстной чертѣ характера испанскаго народа, сохранившейся и понынѣ: извѣстно, что нигдѣ нельзя достичь столь малаго суровостью и упорствомъ и столь многаго великодушіемъ и лаской, какъ въ Испаніи. Относясь къ обитателямъ страны не какъ къ подданнымъ, но какъ къ союзникамъ, выказывая имъ полное довѣріе и пользуясь всѣми орудіями цивилизаціи для смягченія варваровъ, Гасдрубалъ мирнымъ путемъ упрочилъ карѳагенское вліяніе, не выпуская, однако, изъ своихъ рукъ всѣхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія этого вліянія силой. Сверхъ того, ему удалось завладѣть многочисленными серебряными рудниками; для охраны важнѣйшихъ изъ нихъ онъ основалъ укрѣпленный городъ, Новый Карѳагенъ, нынѣ Картагена, обезпечивавшій въ то же время и возможность быстрыхъ сношеній съ родиной, Карѳагеномъ (см. стр. 368). Основаніе города было тѣмъ болѣе своевременно, что Римъ начиналъ сознавать угрожавшую ему опасность и взялъ подъ свою защиту греческіе города на восточномъ берегу Испаніи, стараясь пріобрѣсти наблюдательный постъ на испанской почвѣ.

Ганнибалъ, ставшій въ 221 году, послѣ убійства Гасдрубала, во главѣ карѳагенскихъ владѣній въ Испаніи, во всѣхъ своихъ поступкахъ руководился однимъ главнымъ соображеніемъ — неизбѣжной войной съ Римомъ. Онъ отказался отъ мирной политики Гасдрубала, такъ какъ только война могла создать надежное войско, и въ безпрерывной борьбѣ покорилъ большую часть полуострова, хотя горы и теперь неоднократно представляли непреодолимыя трудности. Женившись на иберской принцессѣ, Ганнибалъ сталъ владѣльцемъ богатыхъ серебряныхъ рудниковъ; фактъ, достаточно ясно указывающій на то, что большая часть рудниковъ находилась въ то время еще во власти туземцевъ и тщательно обрабатывалась ими, на ряду съ карѳагенскими государственными рудниками въ Илипѣ, Сизанонѣ и Новомъ Карѳагенѣ. Считая свое дѣло уже достаточно подготовленнымъ, Ганнибалъ взятіемъ Сагунта, находившагося подъ покровительствомъ Рима, положилъ начало величайшей войнѣ, которую римляне вели за свое міровое господство (см. стр. 369). Римъ вскорѣ понялъ то важное значеніе, которое имѣла Испанія для исхода борьбы. Въ то время какъ Ганнибалъ выступилъ въ Италію и дошелъ до самыхъ воротъ Рима, на Иберійскомъ полуостровѣ велась ожесточенная борьба, окончившаяся наконецъ въ пользу римлянъ. Имъ удалось завладѣть восточнымъ побережьемъ и создать себѣ изъ кельтиберовъ цѣнныхъ союзниковъ. Однако, могущество Карѳагена окончательно пало лишь тогда, когда послѣ пораженія и смерти обоихъ командовавшихъ въ Испаніи полководцевъ въ 212 году командованіе перешло къ молодому П. Корнелію Сципіону, взявшему въ 210 году Новый Карѳагенъ и пріобрѣвшему всеобщія симпатіи гуманнымъ обращеніемъ съ туземными племенами.

Б. **Римляне.**

Римляне вскорѣ убѣдились, что съ исчезновеніемъ карѳагенскаго вліянія передъ ними выросъ новый опасный врагъ. Непрерывныя войны и стремленія могущественныхъ чужеземцевъ обезпечить себѣ дружбу и помощь кореннаго населенія вывели эти туземныя племена изъ ихъ состоянія покоя, внушили имъ новыя мысли и исполнили гордымъ чувствомъ самосознанія. Уже возстаніе илергетовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Эбро, вспыхнувшее

вслѣдъ за полученіемъ ложнаго извѣстія о смерти Сципіона, показало, что обитатели Испаніи отнюдь не были склонны промѣнять карѳагенское господство на римское; казалось, въ иберахъ проснулось національное чувство, хотя дѣло и не дошло до всеобщаго возмущенія. Между тѣмъ богатая Испанія стала привлекать къ себѣ изъ Рима взоры алчныхъ до денегъ искателей доходныхъ мѣстъ и испорченные господствующіе классы Рима непрерывно пополняли ряды ненасытныхъ коршуновъ, собиравшихся вокругъ заманчивой добычи. Слѣдствіемъ этого были возстанія доведенныхъ до отчаянія племенъ. Съ особенной славой боролись противъ римскаго господства лузитане подъ предводительствомъ Виріата (148—140), и лишь предательская измѣна освободила наконецъ римлянъ отъ страшнаго противника; въ это же время палъ послѣ геройской борьбы и городъ кельтиберовъ, Нуманція, подъ стѣнами котораго погибло громадное количество римскихъ воиновъ (см. стр. 380).

И однако, романизація страны, часто заглушаемая громомъ оружія, тѣмъ не менѣе дѣлала непрерывные успѣхи, прежде всего конечно въ областяхъ, затронутыхъ уже культурой и потому болѣе доступныхъ высшей цивилизаціи, т. е. по южному и восточному побережью, но въ то-же время и внутри страны. Единственное прочное завоеваніе путемъ культуры должно было принести миръ и Испаніи. Замѣчательно, что послѣдняя большая война, которую вели народы Испаніи съ Римомъ, закончилась полной побѣдой римской культуры; эта война, собственно говоря, была направлена даже не противъ римлянъ вообще, но исключительно противъ господствовавшихъ въ Римѣ испорченныхъ партій. Серторій, человѣкъ древнеримскаго склада характера, громадной энергіи и благороднаго образа мыслей, бѣжалъ въ Испанію отъ преслѣдованій Суллы и рѣшился здѣсь возродить старыя времена республики съ помощью неиспорченнаго иберійскаго населенія, положить конецъ борьбѣ партій и спасти Римъ отъ невыносимой испорченности. Эта попытка не была бы вовсе возможна, еслибы римская культура не успѣла уже пустить корни въ Испаніи. Самая борьба, закончившаяся въ 71 году убійствомъ Серторія (см. стр. 388), въ сущности только способствовала дальнѣйшимъ успѣхамъ романизаціи.

Послѣ смерти Серторія Испанія могла считаться умиротворенной римской провинціей; исключеніе составляли гористыя области сѣвера, не вполнѣ покоренныя и при Августѣ. И позднѣе въ сѣверной Испаніи стояли еще три легіона, чтобы держать ее въ повиновеніи, между тѣмъ какъ во всей остальной Испаніи врядъ ли была необходимость оставлять даже гарнизоны. Такимъ образомъ латинскій языкъ сдѣлался господствующимъ по всему полуострову за исключеніемъ небольшой, занятой васконами, полосы земли на крайнемъ сѣверѣ, въ крайнемъ углу Бискайскаго залива, гдѣ и нынѣ господствуетъ иберійскій языкъ. Новозавоеванная область была раздѣлена на три большія провинціи: Бетику къ юго-востоку отъ Гвадіаны, обнимавшую въ общихъ чертахъ нынѣшнюю Андалузію, далѣе Лузитанію или западный берегъ между Дуэро и Гвадіаной, и Тарраконію, обнимавшую большую часть полуострова. Бетика управлялась отъ имени сената преторомъ въ званіи проконсула, имѣвшимъ свою резиденцію въ Кордубѣ; Лузитанія и Тарраконія обратились послѣ паденія республики въ императорскія провинціи (см. выше стр. 412).

Римское управленіе отличалось и въ Испаніи своими умно разсчитанными, но прежде всего полезными въ экономическомъ отношеніи мѣрами, направленными къ уничтоженію старыхъ племенныхъ союзовъ и замѣнѣ національныхъ различій другими группировками, устанавливавшимися въ Римѣ. И въ Испаніи были введены высшіе римскіе суды, и на ихъ долю выпала важная задача въ уничтоженіи единства населенія; ни одна изъ большихъ народностей не была подвѣдомственна какому-либо одному изъ

этихъ трибуналовъ, наоборотъ, члены одного и того-же народа должны были обращаться за рѣшеніемъ своихъ тяжбъ въ различные города, такъ напр. кельтиберамъ приходилось судиться частью въ Новомъ Карѳагенѣ, частью въ Цезареѣ Августѣ. Кромѣ того, эти суды находились исключительно въ римскихъ колоніяхъ. Они служили послѣдней инстанціей для рѣшенія наиболѣе важныхъ дѣлъ. Менѣе же важные процессы рѣшались мѣстными народными судьями; ибо римляне строго держались и другого великаго принципа: не разрушать безпощадно старыхъ учрежденій и щадить самобытность побѣжденныхъ.

Если тѣмъ не менѣе мы видимъ передъ собой постепенное разложеніе и искорененіе національныхъ особенностей, то это произошло подъ вліяніемъ колоній римскихъ гражданъ, возникшихъ во всѣхъ частяхъ полуострова: ихъ высокая культура пробудила въ туземномъ населеніи желаніе походить на римлянъ, а къ тому-же и привилегіи ихъ поощряли соревнованіе. Уже въ началѣ императорской эпохи 30 такихъ колоній находилось въ Тарраконіи, 8 въ Бетикѣ и столько-же въ Лузитаніи. На ряду съ ними процвѣтали и древнія испанскія муниципіи съ собственными правами, соперничавшія съ римскими колоніями и вскорѣ достигшія одинаковаго съ ними расцвѣта, и уже во времена Адріана уравненныя съ ними въ правахъ. Въ ту эпоху, когда писалъ Плиній старшій, число городовъ на Пиренейскомъ полуостровѣ доходило до 339. Къ этому числу надо прибавить еще нѣсколько городовъ, не считавшихся собственностью римской имперіи, такъ какъ жители ихъ еще со временъ завоеванія Испаніи сохранили за собой право именоваться союзниками Рима; къ нимъ принадлежала Малака. Даже императоры признавали особое положеніе этихъ городовъ и въѣзжали въ нихъ безъ обычныхъ по церемоніалу ликторовъ.

Послѣ того какъ всѣ эти разумныя мѣры обратили испанскіе города въ центры римской культуры, Риму нечего было уже больше опасаться и сельскаго населенія, старые племенные союзы котораго стали все болѣе распадаться. Если въ кантабрійскихъ и васконскихъ горахъ и жили еще дикіе, суровые, свободолюбивые народцы, предпочитавшіе желуди и молоко своихъ козъ всѣмъ наслажденіямъ утонченной римской культуры, то въ другихъ частяхъ страны туземное населеніе пріучилось тщательно обрабатывать землю и трудами своихъ рукъ старалось добиться своей доли участія во всѣхъ пріобрѣтеніяхъ культуры. Общій кругозоръ населенія безконечно расширился. Вскорѣ лучшимъ представителямъ иберійской расы и достиженіе императорской короны перестало казаться недостижимымъ (см. стр. 443—446).

4. Развитіе испанской народности.

A. Римская культура.

Видя, какъ поддается вліянію культуры молодой, полный силъ, испанскій народъ, мы невольно спрашиваемъ себя, отвѣтилъ-ли этотъ народъ собственной самостоятельной работой на данный ему призывъ, развились ли во всей самобытной силѣ всѣ преимущества и недостатки иберійской расы и оказали-ли они какое-либо рѣшающее вліяніе на дальнѣйшее развитіе Средиземной культуры. Если отвѣтъ на всѣ эти вопросы не такъ благопріятенъ, какъ можно было-бы надѣяться, если и другіе вновь покоренные народы, каковы кельты Галліи и Британіи, не сдѣлали для прогресса культуры всего того, чего можно было-бы отъ нихъ ожидать, судя по позднѣйшимъ проявленіямъ ихъ умственной жизни, то это имѣетъ одну общую причину и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть вмѣнено въ особую вину тому или другому народу.

Періодъ, въ который испанцы стали знакомиться съ греко-римской цивилизаціей, т. е. два столѣтія, обнимающія конецъ республики и начало монархіи, былъ періодомъ высшаго расцвѣта, котораго однако духъ и понятія древняго міра не могли уже поднять на еще бо̀льшую высоту. Эта культура неизбѣжно должна была или остановиться въ своемъ развитіи, или пойти назадъ. Поэтому-то вновь покоренные народы не могли принять дѣятельнаго участія въ работѣ надъ незастроеннымъ еще зданіемъ, но принуждены были ограничиться слѣпымъ, безплоднымъ, ученическимъ подражаніемъ готовымъ классическимъ образцамъ.

Это всего яснѣе сказалось въ поэзіи, къ которой иберійская раса имѣла большія способности. Послѣ паденія Серторія многочисленные представители образовавшейся въ Кордубѣ школы поэтовъ отправились въ столицу міра въ свитѣ одного римскаго вельможи, чтобы показать, какъ широко распространилось уже римское образованіе въ Испаніи; но тонкій цѣнитель литературы, Цицеронъ, нашелъ ихъ стихи высокопарными и лишенными вкуса, и вѣроятно онъ былъ правъ. И позднѣе испанская поэзія страдала подъ гнетомъ классическихъ образцовъ, которые она старалась превзойти пустымъ паѳосомъ и высокопарными сравненіями. Изъ этого положенія оставался только одинъ выходъ, выходъ по пути остроумнаго отрицанія, и замѣчательно, что именно въ этой области наиболѣе славится Марціалъ, сынъ Иберійскаго полуострова, какъ и позднѣе, въ исходѣ среднихъ вѣковъ, Сервантесъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ выказалъ себя настоящимъ испанцемъ и въ томъ смыслѣ, что послѣ многихъ со славою прожитыхъ въ Римѣ лѣтъ онъ подъ конецъ жизни вернулся въ родной городокъ Бильбилисъ и съ похвалой отзывался о многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, занимавшихся поэзіей въ его время.

Въ экономическомъ отношеніи присоединеніе Испаніи къ римской имперіи принесло ей первоначально безусловную пользу; хлѣбопашество и скотоводство значительно поднялись, повсюду были проложены превосходные дороги и мосты, построены водопроводы, улучшены гавани. Но злосчастная хозяйственная политика императорской эпохи, обратившая прежде всего Италію въ малозаселенную пустыню, мало по малу оказывалась роковой и для Испаніи. И на Иберійскомъ полуостровѣ образовались громадныя латифундіи, владѣльцы которыхъ вели въ городахъ роскошную и безполезную жизнь, въ то время какъ тысячи рабовъ обработывали землю тамъ, гдѣ нѣкогда свободные люди трудами своихъ рукъ добывали себѣ пропитаніе. Лишенные разнообразными способами своихъ наслѣдственныхъ земель, сельскіе жители создали городской пролетаріатъ. Въ концѣ концовъ всѣ нѣкогда столь гордыя муниципіи стали походить на Римъ въ миніатюрѣ: онѣ были такъ-же испорчены, и населеніе ихъ, не желая знать никакого труда, въ то-же время предавалось всѣмъ, какіе только мыслимы были, порокамъ. Народъ утратилъ свою свѣжесть и самобытность, воинственный духъ и интересъ къ культурной работѣ. Тѣ немногіе, которые чувствовали еще въ себѣ силы, выражали свое сопротивленіе подобно полуподчинившимся горцамъ сѣвера, примыкая къ шайкамъ бандитовъ, число которыхъ безпрерывно росло и представляло крайне опасное соціальное явленіе. Иммиграція евреевъ, особенно усилившаяся во времена Домиціана и принявшая наконецъ такіе размѣры, что уже въ эпоху готовъ евреи составляли важный и опасный элементъ населенія, также въ цѣломъ не послужила на пользу странѣ, такъ какъ склонные къ торговлѣ семиты лишь въ слабой степени усилили продуктивныя силы страны.

Б. Христіанство.

Укрѣпившись на полуостровѣ, христіанство конечно могло-бы положить конецъ увеличивавшейся пустотѣ духовной жизни и создать начала

новаго развитія; но оно не могло и не хотѣло внести новую жизнь въ культуру древняго міра, къ которой относилось равнодушно или даже враждебно, и точно такъ-же, безъ той внѣшней помощи, которую оказали позднѣе смуты, вызванныя переселеніемъ народовъ, не въ состояніи было разрушить застывшихъ формъ существованія. Мѣсто языческой діалектики и поэзіи заступили теологическіе споры, столь-же безплодные, но вызывавшіе еще больше озлобленія, поглощавшіе и безполезно тратившіе всѣ духовныя силы народа, въ то время какъ на него надвигались уже варвары. Но христіанство выполнило другую великую задачу: на мѣсто разрушающейся римской имперіи съ ея политическимъ единствомъ оно создало новую духовную связь между народами Европы и дало имъ возможность принять наслѣдіе древней культуры и самостоятельно развить и разработать его дальше.

Христіанскія миссіи распространились въ Испаніи сравнительно поздно. Новообразовавшіяся христіанскія общины долгое время оставались въ тѣни; онѣ безпрепятственно занимались своей внутренней организаціей и жили въ мирѣ другъ съ другомъ, въ то время, какъ въ другихъ областяхъ римской имперіи уже начались теологическіе споры. Первыя преслѣдованія относятся къ 288 году и особенно замѣчательны тѣмъ, что испанскіе христіане, низложивъ нѣсколькихъ епископовъ отступниковъ и выбравъ на ихъ мѣсто новыхъ, обратились за подтвержденіемъ принятыхъ ими мѣръ къ карѳагенскимъ епископамъ, не исполняя постановленій римскаго первосвященника, уже тогда начавшаго выражать притязанія на главенство надъ всей церковью. Въ 297 году въ Испаніи погибли первые ея христіанскіе мученики, епископъ Фруктуозій Тарраконскій и два священника, а въ 341 году гоненія, предпринятыя Галеріемъ Максиміаномъ, значительно увеличили число мучениковъ. Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Испаніи преслѣдованія способствовали лишь болѣе широкому распространенію христіанства. Когда при Константинѣ новое вѣроученіе побѣдило, въ Испаніи существовало уже 19 епископовъ, представители которыхъ вскорѣ собрались на торжественный соборъ въ Иллиберисъ, недалеко отъ нынѣшней Гранады, чтобы установить организацію испанской церкви. Рѣшенія этого собора показываютъ, насколько строги были еще въ то время понятія о чистотѣ церкви и нравственности ея членовъ. Въ позднѣйшихъ сборахъ между аріанами и послѣдователями Аѳанасія испанцы со своимъ епископомъ Озіемъ твердо стояли на сторонѣ ученія Аѳанасія.

Однако и въ Испаніи не замедлили обнаружиться нѣкоторыя ненормальности. Показавъ, правда, исходъ для ума и души изъ невыносимаго состоянія, но не измѣнивъ соціальныхъ условій, церковь способствовала ненормальному развитію монашества. Только въ монастыряхъ можно было встрѣтить дѣйствительно осуществленіе того равноправія, котораго требовало первоначальное христіанство, и только тамъ отреченіе отъ соціальнаго порядка считалось даже заслугой. Такимъ образомъ епископамъ вскорѣ пришлось принять строгія мѣры противъ чрезмѣрнаго развитія монастырей.

Точно также и фанатизмъ иберійской расы, достигшій впослѣдствіи такого страшнаго развитія, сказался уже очень рано. Независимо отъ ортодоксальной, строго придерживавшейся догмъ, господствующей церкви, въ Испаніи образовались общины мистиковъ: такіе вѣрующіе христіане подъ всевозможными именами повсюду отдѣляются отъ массы, исповѣдующей христіанство только въ силу случайнаго рожденія въ той, а не иной религіи, и ищутъ спасенія по своему. Одно изъ лучшихъ качествъ подобнаго рода сектантовъ составляетъ ихъ безвредность, и испанскія общины гностиковъ, во главѣ которыхъ въ началѣ V вѣка стоялъ Присциллліанъ, не составляли исключенія изъ этого правила. И тѣмъ не

менѣе, нѣкоторые правовѣрные епископы не остановились ни передъ чѣмъ, чтобы истребить этихъ безвредныхъ и нравственно чистыхъ диссидентовъ; они возбудили подозрѣнія противъ нихъ въ императорахъ и въ римскомъ епископѣ и добились наконецъ отъ провозглашеннаго императоромъ испанца Максима казни вождей сектантовъ, прежде всего Присцилліана: они добивались даже введенія настоящаго инквизиціоннаго суда, чему съ трудомъ только удалось воспрепятствовать.

Общины гностиковъ возникли не потому только, что члены ихъ не могли довольствоваться застывшими формами ортодоксіи, онѣ въ то-же время выражали протестъ и противъ господствовавшей испорченности и безнравственности, которыя являлись результатомъ несчастныхъ соціальныхъ условій и которыхъ церковь не могла побороть. Гностики также не знали накакихъ другихъ средствъ противъ этого зла, кромѣ пассивнаго отреченія и уединенія, и они не могли вдохнуть новую силу въ разрушавшуюся общинную жизнь. Поэтому сѣверные варвары, перейдя Пиренеи, нашли страну въ состояніи тупой покорности и унынія; никто, казалось, не считалъ возможнымъ вступать въ борьбу за старыя, безсильныя и пережившія себя учрежденія; имущіе классы стремились еще разъ насладиться всѣми удовольствіями жизни въ дикихъ оргіяхъ, а народная масса индифферентно относилась къ собственной судьбѣ. Такъ безславно закончился римскій періодъ испанской исторіи.

B. Вторженіе германцевъ.

а) Эпоха переселеній и завоеваній.

Географическое положеніе Пиренейскаго полуострова долгое время спасало его отъ вторженій германскихъ кочующихъ племенъ. Дѣйствительно, пока сѣверные проходы охранялись небольшимъ войскомъ, полуостровъ былъ почти неприступенъ. Когда въ 407 году британскіе легіоны противопоставили Гонорію другого императора въ лицѣ Константина (см. стр. 472), нѣсколько знатныхъ испанцевъ составили изъ рабовъ и рабочихъ своихъ помѣстій вооруженное войско, которое съ успѣхомъ защищало Пиренейскіе проходы, пока наконецъ въ слѣдующемъ году и Испанія не признала узурпатора. Это послѣднее усиліе испанцевъ оказалось для нихъ роковымъ: сынъ Константина, Константъ, лишилъ ихъ права охранять и защищать проходы, и поручилъ эту задачу отряду ненадежныхъ, набранныхъ изъ различныхъ народностей наемниковъ, гоноріанцевъ. Вожди кочевавшихъ въ это время въ южной Галліи вандаловъ, свевовъ и алановъ легко добились соглашенія съ этими своеобразными охранителями. Уже въ 409 году страшные варвары наводнили несчастную страну, населеніе которой почти безъ сопротивленія покорилось своей судьбѣ.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого вторженія оказалось чрезвычайное уменьшеніе количества народонаселенія. Количество убитыхъ не могло быть очень велико, такъ какъ испанцы не оказали серьезнаго сопротивленія, но опустошеніе страны повлекло за собой страшный голодъ и среди обезсиленнаго населенія начали свирѣпствовать заразныя болѣзни. Когда постигшія страну бѣдствія стали отражаться и на завоевателяхъ, они волей неволей должны были возстановить извѣстный порядокъ, чтобы по крайней мѣрѣ дать возможность населенію обработывать землю. Они по жребію раздѣлили между собой полуостровъ: свевы и часть вандаловъ получили сѣверо-западную часть, остальные вандалы Бетику, т. е. югъ, аланы Лузитанію и южную Тарраконію, остальная часть Тарраконіи досталась римскому намѣстнику Испаніи, Геронтію, оказавшему содѣйствіе вторженію германцевъ изъ ненависти къ Константину. Сѣверные горцы повидимому и тогда сохранили свою независимость. Вскорѣ послѣ этого Геронтій

былъ убитъ въ борьбѣ съ галлами, и аланы завладѣли предназначенной ему областью.

Между тѣмъ тѣснимый вестготами римскій императорскій дворъ, ища спасенія, поручилъ готамъ завоеваніе Галліи и Испаніи въ надеждѣ, что варвары взаимно уничтожатъ другъ друга или, по крайней мѣрѣ, будутъ держать другъ друга въ страхѣ. Въ 414 году въ нынѣшней Каталоніи (Готаланія) появились первыя орды готовъ подъ предводительствомъ Атаульфа. Въ слѣдующемъ году они подъ предводительствомъ Валліи прошли весь полуостровъ, и только случайныя обстоятельства помѣшали имъ перенести войну въ Африку. Они оттѣснили на сѣверо-западъ укрѣпившіяся уже въ Испаніи германскія племена, въ провинціяхъ вновь водворились римскіе намѣстники, а сами готы получили обѣщанныя имъ императоромъ земли въ Аквитаніи и Каталоніи. Замѣчательно, что когда ненавистные варвары отступили къ горамъ Галисіи, къ нимъ примкнуло большое количество туземнаго населенія, предпочитавшаго дѣлить опасности и свободу съ дикими сынами сѣвера, чѣмъ вновь вернуться подъ иго римской военной бюрократіи. Ничто, можетъ быть, не указываетъ такъ ясно, насколько близка была къ разрушенію міровая монархія римлянъ.

Германцы, занимавшіеся въ Галисіи за отсутствіемъ другой дѣятельности междоусобными войнами, вскорѣ вновь выступили изъ своего убѣжища. Римскій намѣстникъ Кастинъ, покинутый въ рѣшительный моментъ своими германскими вспомогательными войсками, былъ на голову разбитъ вандалами въ Бетикѣ (422): побѣдителямъ досталась богатѣйшая провинція Испаніи, получившая вѣроятно въ то время имя Андалузіи (Вандалиція). Вскорѣ послѣ этого вандальскій флотъ напалъ на Балеарскіе острова, куда испанцы главнымъ образомъ спасали свои богатства, и завладѣлъ всѣми тщательно спрятанными тамъ сокровищами. Испанскіе города проявили еще нѣкоторую любовь къ свободѣ: Картагена и Севилья попытались сбросить владычество варваровъ, но жестоко поплатились за свою попытку; Картагена была разрушена, Севилья подверглась разграбленію. Когда вандалы затѣмъ переправились въ Африку, Андалузія вновь досталась римлянамъ. Но уже нѣсколько лѣтъ спустя на мѣсто вандаловъ явились свевы, и за римскими намѣстниками осталась лишь тарраконская провинція. Послѣднюю побѣду одержали вестготы, и король ихъ Теодерихъ II окончательно завладѣлъ Испаніей. Свевы, ограниченные въ своихъ владѣніяхъ одной частью Галисіи, должны были подчиниться готамъ и продолжали жить въ ущельяхъ своихъ горъ, какъ туземные сѣверные горцы, наполовину сохранивъ свою независимость, всегда готовые къ возстаніямъ. Вестготскаго короля Эвриха (466—484) римскій дворъ призналъ законнымъ обладателемъ Испаніи и южной Галліи.

б) Господство вестготовъ.

Періодъ вестготскаго господства самъ собой распадается на двѣ неравныя половины; раздѣляющимъ моментомъ является переходъ Реккареда отъ аріанизма къ правовѣрной церкви. Большинство германскихъ кочующихъ племенъ приняло христіанство по ученію Арія и твердо держалось его, наоборотъ, покоренные народы римской имперіи и главнымъ образомъ испанцы высказывали фанатическую приверженность ортодоксальному ученію. Можно съ увѣренностью сказать, что аріанизмъ былъ причиной гибели вандаловъ въ Африкѣ (см. стр. 237). Въ періодъ римскаго господства національныя различія мало по малу стерлись, и бѣлокурыхъ варваровъ, вскорѣ поддавшихся вліянію культуры побѣжденныхъ, презирали не за ихъ происхожденіе. Но мѣсто національной розни заступили религіозныя разногласія: каждая сторона тѣмъ упорнѣе держалась своихъ догмъ, чѣмъ ничтожнѣе были въ сущности пункты разногласія. Готы вскорѣ поняли,

что только тѣсное единеніе съ туземнымъ населеніемъ можетъ обезпечить за ними ихъ царство; не взирая на общепринятые обычаи, остготъ Тевдесъ, опекунъ короля Амалариха, женился около 560 года на знатной испанкѣ и составилъ отрядъ тѣлохранителей изъ испанцевъ. Вообще готы дѣлали неоднократныя попытки къ сближенію.

Тѣмъ сильнѣе должны были чувствовать наиболѣе дальновидные изъ готовъ все зло, проистекавшее изъ религіозной розни съ туземнымъ населеніемъ, утрачивавшей, правда, по временамъ свой рѣзкій характеръ, но затѣмъ вновь вспыхивавшей подъ вліяніемъ узкаго фанатизма готскихъ князей; такъ король Агила (549—554) предпринялъ настоящее преслѣдованіе православныхъ. И въ отношеніи внѣшней политики аріанизмъ приносилъ готамъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Такъ, у нихъ возникли серьезныя несогласія съ франками, ибо готы стремились обратить въ аріанство вышедшихъ замужъ за ихъ князей франкскихъ принцессъ. Императоръ Юстиніанъ, побѣдитель еретиковъ вандаловъ, дѣлалъ серьезныя приготовленія къ тому, чтобы въ союзѣ съ правовѣрнымъ народомъ Испаніи вновь завладѣть утраченной провинціей. Дѣйствительно, въ 552 году ему удалось занять нѣсколько городовъ юговосточнаго побережья. Съ этого времени войны съ византійцами становятся одной изъ неизмѣнныхъ обязанностей готскихъ князей; даже храбрый Леовигильдъ, повсюду упрочившій могущество готовъ, не могъ принудить византійцевъ вполнѣ очистить Испанію.

Но уже въ царствованіе Леовигильда (569—586), еще ревностнаго аріанина, наступилъ поворотъ въ обратную сторону. Старшій сынъ короля, Герменегильдъ, позднѣе причисленный къ лику святыхъ, уступая настояніямъ своей жены, франкской принцессы Ингунды, перешелъ на сторону ученія Аѳанасія; уже одного этого факта было достаточно, чтобы вызвать возстаніе среди жителей нѣсколькихъ городовъ Андалузіи, гдѣ въ то время находился сынъ короля; мятежники рѣшили провозгласить Герменегильда королемъ. Возстаніе было подавлено, и такъ-же неудачно окончилось и второе возстаніе, несмотря на поддержку со стороны византійцевъ и свевовъ; Герменегильдъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ по приказу короля.

Между тѣмъ неудавшееся возстаніе послужило лишь прологомъ къ перемѣнѣ религіи, которой настойчиво требовали политическія соображенія. Преемникъ Леовигильда, Реккаредъ (586—600) принялъ на восьмомъ мѣсяцѣ своего правленія исповѣданіе Аѳанасія, и примѣру его безъ особеннаго сопротивленія послѣдовалъ и весь народъ (587). Аріанскія сочиненія были собраны и преданы сожженію по приказу короля. Этимъ окончились и несогласія между побѣжденными и побѣдителями; особенно для духовенства, ревниво оберегавшаго римскую культуру и наиболѣе сильно раздувавшаго ненависть къ варварамъ, наступили времена господства, и послѣ всѣхъ преслѣдованій и лишеній оно приготовилось теперь насладиться въ блескѣ восторжествовавшей церкви. Вскорѣ гордые готскіе князья стали боязливо считаться съ мнѣніемъ прелатовъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ, или-же вели съ учеными епископами глубокомысленную переписку о спорныхъ пунктахъ христіанскаго ученія.

Соціальное положеніе испанскаго народа ни въ коемъ случаѣ не ухудшилось въ правленіе готскихъ князей. Правда, побѣдители взяли себѣ двѣ трети всей земли. Но обработывавшіе для нихъ эту землю туземные жители несравненно лучше чувствовали себя подъ надзоромъ своихъ грубыхъ, но въ сущности честныхъ и добродушныхъ господъ, чѣмъ подъ властью испорченныхъ римскихъ землевладѣльцевъ. Одна треть земли осталась во власти испанцевъ, которые владѣли теперь ею какъ вполнѣ свободные люди и мало по малу были уравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ готами. Помѣстья, все въ большемъ количествѣ сосредоточивавшіяся въ рукахъ духовенства со времени прекращенія церковныхъ раздо-

ровъ, также приносили пользу туземному населенію. Готы только въ исключительныхъ случаяхъ взимали слишкомъ высокія подати, въ общемъ-же короли довольствовались оброкомъ, который платило свободное населеніе, и доходами съ коронныхъ имѣній.

Съ улучшеніемъ соціальнаго положенія поднялся и нравственный уровень опустившагося уже испанскаго населенія; большое вліяніе на испанцевъ имѣлъ и примѣръ готовъ, обладавшихъ въ первое время даже по свидѣтельству своихъ враговъ всѣми добродѣтелями германскаго народнаго характера, вѣрностью, честностью и нравственной чистотой; разница между готами и римской испорченностью явствуетъ уже изъ того, что въ устахъ готовъ слово „римлянинъ“, которымъ они называли всѣхъ туземныхъ испанцевъ, означало въ то-же время лгунъ и обманщикъ. Простое чувство справедливости готовъ нашло себѣ выраженіе и въ уложеніи, которое подъ названіемъ Lex Visigotorum было дано готамъ и испанцамъ въ царствованія Хиндасвинта (641—649) и Реккесвинта (649—672); въ основу его были положены, правда, начала римскаго права, но оно было далеко отъ всякихъ опасныхъ тонкостей и хитроумной казуистики.

Господству готовъ противилась лишь небольшая часть испанскаго населенія, главнымъ образомъ сѣверные горцы, не вполнѣ покоренные и во времена римскаго господства, и теперь по временамъ предпринимавшіе набѣги изъ своихъ астурійскихъ и васконскихъ горъ. Готамъ такъ и не удалось вполнѣ подчинить ихъ, хотя христіанство стало мало по малу распространяться между ними. Этимъ горнымъ племенамъ предстояло еще выполнить великую историческую миссію въ борьбѣ христіанства съ исламомъ (см. ниже).

Г. Евреи въ Испаніи.

Если туземное населеніе Испаніи мало по малу примирилось съ новымъ водворившимся порядкомъ вещей, то другой народъ — евреи — упорно не желалъ сливаться съ побѣдителями и по прежнему оставался нежелательнымъ постороннимъ тѣломъ въ организмѣ готско-испанскаго народа. Мы уже упоминали о томъ, что въ эпоху Домиціана изгнанные изъ Италіи евреи стали массами стекаться въ Испанію и удачными денежными операціями съумѣли и здѣсь скопить въ своихъ рукахъ значительныя богатства; они готовы были продолжать свое, мало способствующее улучшенію соціальныхъ условій, ремесло и при новомъ господствѣ. Готы аріане, которыхъ испанскіе христіане встрѣтили враждебно, какъ еретиковъ, вначалѣ отнеслись повидимому довольно сочувственно къ евреямъ, находившимся въ одинаковомъ съ ними положеніи, и многіе готскіе князья не гнушались въ случаѣ нужды обращаться за деньгами къ евреямъ ростовщикамъ; вообще короли аріане не ставили никакихъ преградъ всей сомнительной дѣятельности избраннаго народа и довольствовались взиманіемъ особой еврейской подати, составлявшей важную статью королевскихъ доходовъ.

Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ еврейство, представлявшее дотолѣ только денежную силу, пріобрѣло теперь и политическое значеніе. Злѣйшіе ростовщики не могли переходить извѣстныхъ границъ, пока евреи имѣли только возможность копить наличныя деньги; но какъ только они получили дозволеніе покупать земли и обращать свободныхъ людей въ рабовъ, сфера дѣятельности безплоднаго и разрушающаго еврейскаго капитализма безгранично разрослась. Особенно позорна была торговля рабами и оскопленными дѣтьми, которую еврейскіе капиталисты безнаказанно вели съ владѣніями арабовъ. При королѣ Эгизѣ (687—701) разразилась наконецъ катастрофа. Король сдѣлалъ попытку обратить въ христіанство еврейскихъ капиталистовъ, обѣщавъ имъ въ награду дворянское достоинство и полное освобожденіе отъ пошлинъ; непокорившіеся этому приказу подвергались изгнанію:

однако вскорѣ оказалось, что и новообращенные евреи, и переселившіеся въ Мавританію совмѣстно составили планъ возстанія, которое при громадныхъ денежныхъ средствахъ и многочисленности евреевъ могло принять угрожающіе размѣры; тогда король принялъ противъ нихъ жестокія мѣры. Не подлежитъ сомнѣнію, что вскорѣ послѣ этого евреи играли роковую роль въ завоевываніи Испаніи арабами.

5. Эпоха ислама.

А. Начало ислама въ Испаніи.

Вопросъ о томъ, какъ развились-бы извѣстные страна и народъ, еслибы налетѣвшая извнѣ буря не придала совсѣмъ иного направленія всѣмъ ихъ стремленіямъ, является, быть можетъ, празднымъ; однако мы можемъ допустить, что Испанія въ этомъ случаѣ, какъ и вся Западная Европа, развилась-бы въ настоящее феодальное государство. Уже начались неизбѣжные раздоры между дворянствомъ и высшей властью. Въ то время какъ дворянство стремилось ограничить старое, свободное избраніе короля народомъ въ смыслѣ увеличенія вліянія высшихъ сословій, въ то время какъ духовенство пріобрѣтало вмѣстѣ съ тѣмъ все бóльшую и бóльшую свѣтскую власть, наиболѣе энергичные изъ королей стремились сдѣлать королевскую власть наслѣдственной. Подъ пагубнымъ вліяніемъ романскихъ частей населенія понизился и нравственный уровень готовъ. Такимъ образомъ впереди предстоялъ длинный рядъ войнъ и раздоровъ, которые во всѣхъ государствахъ велись самыми неразборчивыми средствами: во Франціи эта борьба закончилась побѣдой абсолютной монархіи, въ Германіи и Италіи она привела къ полному раздробленію и разложенію. По всей вѣроятности и въ этомъ случаѣ на долю Испаніи выпала-бы великая задача въ дѣлѣ обновленія европейской культуры. Но судьба предназначила ей совсѣмъ другую, выдающуюся, хотя и временную роль въ исторіи культуры человѣчества. Когда приверженцы ислама завоевали большую часть Испаніи, не истребивъ однако стараго населенія, римская и восточная культуры слились здѣсь въ одно чарующее цѣлое какъ разъ въ то время, когда въ остальной Европѣ царили грубые нравы эпохи рыцарства и междоусобныхъ войнъ.

Царство готовъ изнемогало подъ гнетомъ внутреннихъ раздоровъ, когда арабы впервые обратили свои жадные взоры на благословенную Андалузію, обѣщавшую совсѣмъ иную добычу, чѣмъ суровыя горы Мавританіи. Арабскій полководецъ Муса-бенъ-Нозейръ предпринялъ въ 697 году покореніе мавританской области и послѣ многолѣтней борьбы довелъ его въ общихъ чертахъ до конца. Но важнѣе всего было то, что ему удалось воодушевить на борьбу за исламъ и стянуть подъ свои знамена часть берберскаго населенія Мавританіи. Этимъ онъ создалъ себѣ опору, имѣвшую громадное значеніе для всѣхъ главнѣйшихъ предпріятій; на нее испанскій исламъ опирался еще въ теченіе столѣтій: безъ поддержки Мавританіи положеніе ислама въ Испаніи было бы совсѣмъ иное. Короли готовъ, владѣвшіе нѣсколькими приморскими городами на африканской сторонѣ пролива, повидимому, не поняли угрожавшей имъ опасности, хотя Муса послалъ къ Танжеру сильное войско подъ предводительствомъ своего полководца Тарика и отнялъ у готовъ этотъ городъ; можно даже съ увѣренностью утверждать, что нѣкоторые готскіе вельможи первые возбудили въ Мусѣ мысль переправиться въ Испанію. Тѣмъ не менѣе готы могли бы воспрепятствовать высадкѣ арабовъ, еслибы они оставили свои внутренніе раздоры; городъ Сеута, послѣдній остатокъ византійскихъ владѣній въ Африкѣ, отразилъ всѣ приступы Мусы и арабскій флотъ былъ разбитъ готами подъ предводительствомъ Теодомира (709).

Къ сожалѣнію, надвигавшаяся гроза застала царство готовъ въ крайне печальномъ состояніи. Царствовавшій съ 701 года Витиза совершенно не былъ на высотѣ своей задачи и въ своемъ стремленіи положить предѣлъ угрожающему развитію феодализма, какъ жестокій и въ то же время слабохарактерный человѣкъ, перешелъ всякія границы. Между прочимъ, онъ приказалъ ослѣпить герцога Теодефреда кордовскаго и пріобрѣлъ этимъ поступкомъ непримиримаго врага въ лицѣ сына Теодефреда, Родериха, бѣжавшаго, повидимому, къ сѣвернымъ горцамъ. Родериху удалось найти приверженцевъ среди готовъ и испанцевъ и низвергнуть Витизу (710). Но вредъ, нанесенный всѣми этими раздорами готамъ, былъ уже непоправимъ. Низложеніе Витизы повлекло за собой паденіе цѣлаго ряда поддерживавшихъ его могущественныхъ семействъ; многіе честолюбцы смотрѣли на Родерика, какъ на узурпатора, считая себя болѣе достойными занять престолъ. Въ слѣпомъ гнѣвѣ они обратились за первой представившейся имъ помощью. Послы низвергнутой партіи, среди которыхъ находился и братъ Витизы, Оппасъ, архіепископъ севильскій, отправились въ лагерь Мусы и предложили ему вступить въ борьбу съ Родерихомъ. Въ арабскихъ хроникахъ мы встрѣчаемъ романтическія подробности этихъ событій: народное воображеніе охотно украшало паденіе могущественныхъ вельможъ сказочнымъ ореоломъ; въ дѣйствительности-же феодализмъ со своимъ безпощаднымъ стремленіемъ къ междоусобной враждѣ и ненасытной жаждой власти, еще такъ долго процвѣтавшій въ остальной Европѣ, въ Испаніи очень быстро вызвалъ роковую развязку.

Первоначально Муса въ видѣ опыта послалъ въ Испанію лишь небольшой отрядъ подъ предводительствомъ Тарика. Тарикъ нашелъ показанія готскихъ заговорщиковъ вполнѣ основательными: страна была богата и лишь слабо защищена. По его возвращеніи Муса выставилъ войско въ 12 000 человѣкъ, усиленное затѣмъ до 17 000, опять таки подъ предводительствомъ Тарика, не принимая личнаго участія въ походѣ; очевидно, онъ хотѣлъ, чтобы Тарикъ укрѣпился въ Андалузіи, разсчитывая, затѣмъ, двинуться вслѣдъ за нимъ съ своими главными силами и лично рѣшить исходъ борьбы. Вслѣдствіе этого и большинство арабовъ осталось въ Африкѣ, а войско Тарика было составлено, главнымъ образомъ, изъ берберовъ. Высадившись въ 711 году у скалы, носящей съ того времени названіе скалы Тарика (Гибралтаръ), Тарикъ встрѣтилъ лишь слабое сопротивленіе, такъ какъ король Родерихъ не принялъ почти никакихъ мѣръ къ оборонѣ; съ помощью своихъ союзниковъ готовъ Тарикъ безпрепятственно опустошилъ южную Андалузію. Тогда только собралось ополченіе готовъ и ихъ испанскихъ подданныхъ. Войско Родериха численностью значительно превосходило войско Тарика; панцырная готская конница, быть можетъ, и одержала бы побѣду въ кровавой битвѣ при Хересъ-де-ла-Фронтера, еслибы измѣна приверженцевъ Витизы не внесла замѣшательства въ ея ряды. Такъ одна большая битва (19—26 іюля 711 г.) рѣшила судьбу государства. Разбитые на голову, готы обратились въ бѣгство; король ихъ исчезъ во всеобщемъ смятеніи и пропалъ безъ вѣсти. Однако, побѣдители арабы отнюдь не думали возвратить корону партіи Витизы, они завладѣли Испаніей для халифа. Муса, съ завистью узнавшій о блестящемъ подвигѣ Тарика, также переправился въ Испанію и закончилъ покореніе страны.

Исторія ислама въ Испаніи, не являющая на первый взглядъ и слѣдовъ какой-либо послѣдовательности, будучи разсматриваема съ болѣе широкой точки зрѣнія, легко можетъ быть, однако, разложена на нѣсколько эпохъ, смѣняющихъ другъ друга съ извѣстной естественной послѣдовательностью. Когда попытки арабовъ проникнуть послѣ завоеванія Испаніи и дальше на сѣверъ, во Францію, окончились неудачей, Испанія вошла въ магометанскій міръ составной его частью, правда, наиболѣе отдаленной

и по своему положенію и строенію скорѣе всего предназначенной къ самостоятельности. Дѣйствительно, страна рано отдѣляется отъ всего магометанскаго государства и образуетъ особый халифатъ, хотя и подражая еще во многомъ царству халифовъ: періодъ расцвѣта этого испанскаго халифата составляетъ второй періодъ исторіи ислама въ Испаніи. Вскорѣ, однако, и здѣсь развивается присущій народамъ-завоевателямъ феодализмъ, отдѣльныя области испанскаго государства достигаютъ все большей самостоятельности и отъ прежняго могущества халифата остается лишь слабая тѣнь; на сѣверѣ усиливаются христіанскія державы, грозящія полнымъ уничтоженіемъ безсильнымъ, мелкимъ магометанскимъ государствамъ. Въ это время съ особенной силой проявляется связь между южной Испаніей и Африкой, поддерживаемая исламомъ: марокскіе повелители дважды спасаютъ южную Испанію отъ гибели и въ то-же время побуждаютъ ея князей къ нѣкоторому, хотя и внѣшнему только, единенію. Послѣ того, какъ и эта помощь въ концѣ концовъ оказалась безсильной, въ гористой мѣстности Гранады еще вѣками съ замѣчательнымъ упорствомъ держалось магометанское государство, пока, наконецъ, и оно не пало подъ напоромъ соединенныхъ христіанскихъ государствъ. Послѣдній наиболѣе грустный періодъ начинается съ паденія Гранады; онъ обнимаетъ тщетныя попытки христіанъ обратить мавровъ въ свою вѣру, отчаянныя возстанія морисковъ, и заканчивается полнымъ изгнаніемъ мавровъ изъ Испаніи.

Параллельно съ этимъ внѣшнимъ развитіемъ идетъ и внутреннее развитіе страны. Изъ первоначальной смѣси народовъ образуется народъ мавровъ, представляющій собой почти этнографическую единицу, хотя къ нему съ теченіемъ его исторической жизни постоянно примѣшивались новые чуждые элементы. Развитіе мавровъ заслуживаетъ величайшаго вниманія, такъ какъ намъ крайне рѣдко представляется возможность прослѣдить въ такихъ подробностяхъ образованіе новаго народа. Прежде всего мы видимъ, что духовная идея, въ данномъ случаѣ исламъ, можетъ служить объединяющимъ началомъ, пока смѣшеніе отдѣльныхъ группъ не устранитъ мало-по-малу физическихъ различій и разницы въ языкѣ. Въ заключеніе арабскій языкъ довершилъ здѣсь единеніе.

Корень населенія по прежнему составляли туземные испанцы, въ свою очередь, сами являвшіеся смѣшаннымъ народомъ, составленнымъ изъ иберовъ, кельтовъ и римлянъ; многіе готы также не только остались въ Испаніи, но, перейдя въ магометанство, сохранили даже часть своихъ владѣній и бывшаго вліянія; такъ, феодальные владѣтели Мурсіи происходили изъ стараго готскаго рода, а при распаденіи халифата въ Арагоніи возникло самостоятельное магометанское государство съ главнымъ городомъ Сарагоссой, князья котораго также принадлежали къ знатному готскому роду. Въ другихъ мѣстахъ арабы просто заняли мѣсто готскихъ землевладѣльцевъ, не тронувъ туземнаго сельскаго населенія, исправно платившаго подати. Въ городахъ также по большей части сохранилось старое испанское населеніе.

Новую знать Испаніи составили арабы, настоящіе носители магометанскаго ученія и связанной съ нимъ завоевательной политики; однако, они ни въ коемъ случаѣ не представляли согласной единой массы борцовъ за вѣру. Какъ бы далеко не простирались ихъ блестящіе походы, они приносили съ собой и на новую родину свою племенную вражду и взаимную семейную ненависть, и почти съ большей охотой поднимали оружіе на своихъ же братьевъ, которымъ мстили за старыя преступленія или новыя оскорбленія, чѣмъ на враговъ своей вѣры. Такъ, между чистокровными бедуинами аравійскаго плоскогорья, являющимися чаще всего подъ именемъ группы каиситовъ или магадитовъ, и іеменитами или кельбитами, обнимавшими хлѣбопашцевъ и горожанъ, существовала глубокая племенная ненависть. И въ Испаніи разыгрались нѣкоторые эпизоды этой кровавой

борьбы, такъ, напр., знаменитая битва при Секундѣ (741), въ которой кельбиты потерпѣли пораженіе. Эта борьба послужила главной причиной тому, что преобладавшій вначалѣ арабскій элементъ мало-по-малу отступилъ на второй планъ, несомнѣнно, въ ущербъ испанско-магометанской культурѣ.

Если ряды арабскаго населенія, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе рѣдѣли, то какъ разъ обратное мы можемъ сказать о другой расѣ, берберахъ, собственно завоевавшихъ Испанію своей грубой силой и поселившихся въ новой области рядомъ съ арабами. Испанскій исламъ неоднократно былъ обязанъ этому народу своимъ спасеніемъ, и всякій разъ за такою помощью слѣдовало значительное переселеніе берберовъ. Они не принесли никакой пользы высшей культурѣ; наоборотъ, усиливающееся вліяніе ограниченныхъ фанатиковъ берберовъ нанесло непоправимый вредъ духовной жизни страны.

Связь съ Африкой, выразившаяся уже въ сильной примѣси берберской крови, повела за собой и переселеніе значительнаго числа настоящихъ негровъ, пришедшихъ въ страну въ качествѣ рабовъ или тѣлохранителей князей и мало по малу смѣшавшихся съ образовавшимся новымъ народомъ. Негры составляютъ, правда, необходимую составную часть той пестрой и блестящей картины, которую представляетъ Испанія въ эпоху мавровъ; но и они имѣли далеко не благотворное вліяніе на цивилизацію народа.

Мавры жили главнымъ образомъ въ южной Испаніи, одной изъ тѣхъ странъ, щедрая природа которыхъ разслабляюще дѣйствуетъ и на самыя сильныя переселяющіяся въ нихъ племена. Уже въ карѳагенскій и римскій періоды жители Андалузіи слыли наименѣе воинственнымъ изъ всего населенія полуострова; въ эпоху ислама они еще болѣе утвердили за собой эту нелестную репутацію. Князья Андалузіи, не надѣясь на силы собственнаго народа, составляли свои войска изъ чужихъ наемниковъ; такъ, уже турдетане прибѣгли нѣкогда къ помощи кельтиберскихъ воиновъ. Эти наемники, родомъ изъ различныхъ мѣстностей, составляли еще новый элементъ въ смѣшеніи народовъ. Въ эпоху халифата мы встрѣчаемъ уже при дворѣ халифовъ многочисленныхъ „славянъ". Если этимъ именемъ называли впослѣдствіи всѣ вообще войска, набранныя на сѣверѣ Европы, то первоначально дѣло шло очевидно о тѣхъ славянскихъ военноплѣнныхъ, которые были массами взяты при завоеваніи и колонизаціи восточной Германіи и затѣмъ, благодаря посредству евреевъ, были проданы на югъ; нѣмецкіе источники этого періода опредѣленно указываютъ на эту еврейскую торговлю людьми. Многіе изъ этихъ сѣверныхъ наемниковъ остались въ мавританской Испаніи и смѣшались съ прочимъ населеніемъ.

Наконецъ, важную составную часть населенія представляли и евреи, о дѣятельности которыхъ мы упоминали уже выше (стр. 498 и сл.) хотя они почти и не смѣшались съ маврами магометанами. Толпами стекались они въ Испанію изъ Марокко въ свитѣ арабовъ; евреи, пережившіе предшествовавшія преслѣдованія, съ радостью привѣтствовали завоевателей. Они дѣйствительно имѣли основаніе радоваться: періодъ господства мавровъ въ Испаніи былъ и періодомъ расцвѣта еврейства въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ.

Въ первую эпоху господства ислама различныя народности, почти не смѣшиваясь, жили рядомъ другъ съ другомъ. Переправившись въ Испанію со своими главными арабскими силами вслѣдъ за берберскимъ войскомъ Тарика, Муса быстро докончилъ завоеваніе страны. Въ общемъ побѣдители относились къ побѣжденнымъ очень мягко, къ чему ихъ принуждало не столько присутствіе готскихъ перебѣжчиковъ въ ихъ войскѣ, сколько приказы халифовъ. Муса и Тарикъ, превысившіе данныя имъ полномочія, вскорѣ были отозваны. Послѣдующіе намѣстники, избравшіе

себѣ резиденціей Кордову, довольно часто смѣняли другъ друга. Большинство изъ нихъ дѣлало попытки покорить и готскія владѣнія по ту сторону Пиренеевъ, жители которыхъ обратились за помощью къ франкамъ; мало по малу арабскимъ вождямъ дѣйствительно удалось укрѣпиться въ Септиманіи; но главныя стремленія намѣстниковъ были направлены на то, чтобы упрочить господство халифовъ въ Испаніи и раздать завоеванныя земли одержавшимъ побѣду войскамъ.

Арабы, принимавшіе наименьшее участіе въ борьбѣ, съумѣли однако взять себѣ львиную долю добычи, прежде всего богатую Андалузію, которую они раздѣлили между собой и въ которой поселились крупными землевладѣльцами; лишь немногіе изъ нихъ поселились въ городахъ, гдѣ по прежнему остались христіанскіе и магометанскіе испанцы и евреи. Берберамъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть войны, достались наименѣе плодородныя земли, внутреннее плоскогорье и сѣверныя пограничныя области, изъ которыхъ они вскорѣ частью вновь принуждены были отступить, и наконецъ суровыя горы юга. Среди арабовъ царствовалъ первое время миръ, такъ какъ въ войскѣ Мусы служили большей частью іемениты и „Защитники“ — старые сподвижники Магомета, впавшіе въ немилость при дворѣ халифа (см. томъ III) и нашедшіе себѣ пріютъ въ Испаніи. Но положеніе измѣнилось, когда на Пиренейскій полуостровъ хлынула новая волна арабскихъ переселенцевъ.

Страшное возстаніе берберскаго населенія Африки (см. томъ III) побудило въ 741 году халифа Хишама отправить противъ мятежниковъ арабскія войска подъ предводительствомъ полководца Колтума; войска состояли изъ каизитскихъ арабовъ изъ Сиріи, племенная ненависть которыхъ къ іеменитамъ и „Защитникамъ“ уже не разъ вела къ серьезнымъ столкновеніямъ и еще сильнѣе разгорѣлась послѣ кровопролитной „битвы на лугу“. Съ глубокимъ недовѣріемъ встрѣтили африканскіе арабы, также по большей части іемениты, вспомогательное войско; многіе города закрыли передъ нимъ свои ворота, и только съ крайней неохотой примкнули къ нему отряды осѣдлыхъ арабовъ. Колтумъ сдѣлалъ нападеніе на войско берберовъ, но былъ разбитъ и убитъ.

Племянникъ его Балджъ бѣжалъ съ 7000 сирійскихъ всадниковъ въ Сеуту, въ надеждѣ спастись оттуда въ Испанію. Но онъ не принялъ въ разсчетъ племенной ненависти испанскихъ арабовъ; Абдъ-аль-Маликъ, въ то время намѣстникъ Испаніи, фанатически преданный „Защитникъ“, хладнокровно смотрѣлъ на то, какъ осажденные берберами сирійцы терпѣли всѣ муки голода. Въ это время неожиданное обстоятельство принесло осажденнымъ желанное освобожденіе. Извѣстіе о возмущеніи африканскихъ берберовъ распространилось и въ Испаніи и вызвало глухое броженіе среди недовольныхъ своимъ положеніемъ испанскихъ берберовъ, съ которыми арабы обращались съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ; фанатики сектанты съ своей стороны поддерживали это броженіе. Наконецъ вспыхнуло открытое возстаніе, охватившее весь сѣверъ Испаніи за исключеніемъ области Сарагоссы, гдѣ арабы численностью превосходили прочее населеніе; Толедо былъ осажденъ и сильныя войска направлялись уже на югъ съ явнымъ намѣреніемъ изгнать арабовъ изъ Андалузіи и соединиться съ африканскими мятежниками. Въ такомъ ужасномъ положеніи Абдъ-аль-Маликъ рѣшился призвать на помощь Балджа и его сирійцевъ. Умиравшее съ голоду войско, съ котораго предварительно было взято обѣщаніе послѣ побѣды вновь удалиться изъ Испаніи, было перевезено черезъ Гибралтарскій проливъ, получило одежду и пропитаніе; дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ сраженій берберы были окончательно покорены. Но тутъ начались неизбѣжные раздоры между самими арабами. Возгорѣлся споръ о возвращеніи Балджа въ Африку; но Балджъ захватилъ самого Абдъ-аль-Малика и приказалъ его казнить; послѣ этого

испанскіе арабы взялись за оружіе и обезпечили себѣ поддержку со стороны берберовъ. Однако Балджъ умеръ отъ ранъ послѣ первой побѣдоносной битвы (742); борьба продолжалась, пока, наконецъ, новоприбывшій намѣстникъ не возстановилъ мира. Новые пришельцы получили земли въ Мурсіи, Гранадѣ, Малагѣ, Севильѣ и Хаенѣ.

Однако, старая ненависть между сирійцами и іеменитами еще неоднократно прорывалась вновь; они вели кровопролитныя войны, и долгое время этой враждой обусловливалась вся внутренняя политика магометанской Испаніи. Только постепенно стерлась подъ вліяніемъ новой обстановки ненависть партій, утратившая мало по малу свой смыслъ; а смѣшеніе народовъ закончило дѣло примиренія. Такъ, первый періодъ исторіи магометанской Испаніи, насколько онъ касается арабовъ, представляетъ не что иное, какъ продолженіе жизни бедуиновъ съ ихъ племенной враждой и необузданностью. Это состояніе сохранилось и тогда, когда на востокѣ халифатъ принялъ уже болѣе твердыя монархическія формы. Эта болѣе крѣпкая организація должна была быть перенесена и на Испанію: къ этому несомнѣнно привели бы со временемъ и внѣшнія обстоятельства; но рядъ случайныхъ событій способствовалъ тому, что въ Испаніи особый халифатъ образовали изгнанные Абассидами Омейяды.

Б. **Эпоха халифата.**

а) Внѣшняя исторія.

Въ половинѣ VIII вѣка связь Испаніи съ магометанскимъ міромъ была уже сильно ослаблена. Соперничавшія между собой племена поднимали на щитъ намѣстниковъ, причемъ случалось, что племена кельбитскія поддерживали иногда каизита, и наоборотъ; берберы то заключали союзы съ арабскими племенами, то вели собственную политику подъ руководствомъ какого-либо „святого“, не достигая, впрочемъ, никогда продолжительныхъ успѣховъ. Въ 750 году наибольшей властью во всей Испаніи пользовался каизитъ Зумейль, создавшій себѣ послѣ пораженія кельбитовъ въ битвѣ при Секундѣ послушное орудіе въ лицѣ намѣстника Юсуфа (Юсофъ), но въ то-же время навлекшій па себя жестокимъ обращеніемъ съ побѣжденными непримиримую ненависть всѣхъ кельбитскихъ племенъ.

Между тѣмъ въ Багдадѣ Аббассиды низвергли и почти истребили весь домъ Омейядовъ; спаслись лишь немногіе члены этого рода, среди которыхъ находился и молодой и честолюбивый Абдеррахманъ. Послѣ многихъ приключеній Абдеррахманъ нашелъ убѣжище въ Африкѣ, но, стремясь всюду распространить свое вліяніе, онъ вскрѣ возбудилъ противъ себя подозрѣнія и принужденъ былъ бѣжать съ мѣста на мѣсто, пока наконецъ не обратилъ своихъ взоровъ на Испанію. Его должна была привлекать политическая разрозненность страны, готовой, казалось, распасться на отдѣльныя феодальныя государства. Довольно значительное число арабскихъ родовъ на полуостровѣ пользовалось особымъ покровительствомъ со стороны дома Омейядовъ: отъ нихъ безусловно можно было ожидать хорошаго пріема и помощи; кельбитскія-же племена съ радостью привѣтствовали бы всякаго претендента, выступившаго противъ ненавистныхъ побѣдителей, Зумейля и Юсуфа, даже если бы онъ, какъ Абдеррахманъ, принадлежалъ къ группѣ каизитовъ. Абдеррахману удалось вступить въ сношенія съ кліентами Омейядовъ, и въ сентябрѣ 755 года онъ высадился на испанскомъ берегу. Первыя дѣйствія Юсуфа противъ него были неудачны; завязавшіеся переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ. Въ лагерѣ Юсуфа собралось большинство каизитскихъ племенъ, кельбиты-же перешли на сторону Абдеррахмана; вспомогательныя войска берберовъ раздѣлились между обѣими партіями. Уже въ слѣ-

дующемъ году Абдеррахманъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ своими противниками и занялъ Кордову; послѣ этого Юсуфъ и Зумейль добровольно подчинились и признали этого князя изъ дома Омейядовъ эмиромъ Испаніи.

Абдеррахманъ обратилъ всю безпощадную энергію своего честолюбиваго характера на то, чтобы создать изъ Испаніи самостоятельное объединенное государство. Неразборчивый въ средствахъ, необыкновенный баловень счастья, хитрый и рѣшительный, онъ добился своей цѣли; однако онъ съумѣлъ удерживаться только благодаря тому обстоятельству, что всегда готовыя къ возстанію арабскія племена никогда не умѣли соединиться для одного общаго дѣла. Не имѣя въ самой странѣ какой-либо опредѣленной собственной партіи, онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ тому средству, которымъ всегда пользовалась высшая власть въ борьбѣ съ могуществомъ феодаловъ: онъ создалъ себѣ постоянное войско, безусловно слѣпую преданность котораго онъ купилъ аккуратной уплатой жалованья. Славяне и африканскіе берберы составляли ядро этихъ войскъ, численность которыхъ дошла до 40,000 человѣкъ. Съ ихъ помощью Абдеррахману удалось воспрепятствовать попыткѣ аббасидскихъ халифовъ вновь завладѣть Испаніей и подавить многочисленныя возстанія арабовъ и берберовъ: наемникамъ пришлось даже защищать его отъ его-же родныхъ, которыхъ онъ въ рѣдкую у него минуту великодушія привлекъ къ своему двору и которые теперь отплатили ему за это заговорами. Неудачу-же Карла Великаго въ его предпріятіи завоевать сѣверо-восточную Испанію съ помощью арабскихъ мятежниковъ, слѣдуетъ скорѣе приписать цѣлому ряду неблагопріятныхъ стеченій обстоятельствъ, чѣмъ вмѣшательству халифа.

Эпоха халифата представляетъ наиболѣе блестящій періодъ испанско-магометанской исторіи, какъ въ экономическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Однако чтобы понять, какъ развитіе, такъ и постепенное паденіе этой культуры, необходимо сперва обратить вниманіе на немагометанскую часть Испаніи, которая мало по малу вновь начала подниматься и властители которой вскорѣ выступили страшными противниками халифата. Вначалѣ казалось, что волна ислама залила не только Испанію, но что и южная Франція должна будетъ поддаться натиску арабовъ; и только послѣ блестящей побѣды Карла Мартелла при Пуатье въ 732 году волны ислама отхлынули назадъ къ Пиренеямъ. Но и въ самой Испаніи никогда не могло быть и рѣчи о полномъ покореніи сѣверныхъ горцевъ, которые только на время подчинялись и римлянамъ, и готамъ, и даже частью сохранили свой старый иберійскій языкъ. Врядъ-ли и сами арабы придавали много значенія этимъ неплодороднымъ высотамъ, жители которыхъ, правда, безпокоили сосѣднія земли своими вторженіями, но не рѣшались на болѣе далекія и значительныя предпріятія; для надзора за ними были лишь поставлены особыя пограничныя войска.

Положеніе стало болѣе опаснымъ, когда въ сѣверныхъ горахъ стали собираться наиболѣе способныя къ сопротивленію части готскаго народа и съ вооруженной силой потребовали назадъ принадлежавшія имъ нѣкогда земли. Вскорѣ послѣ завоеванія жители Астуріи подъ предводительствомъ Пелайо (Пелагій) сбросили съ себя иго притѣснителей (см. ниже). Когда затѣмъ берберы, жившіе главнымъ образомъ на сѣверѣ Испаніи, обезсиленные неудачнымъ возстаніемъ противъ арабовъ и распространившимся въ ихъ областяхъ голодомъ, стали переселяться на югъ, возстаніе охватило и христіанскихъ жителей Галисіи; все населеніе сѣвернаго берега Испаніи провозгласило королемъ Альфонсо, герцога Кантабріи, также сбросившей съ себя иго побѣдителей. Альфонсо рѣшительно перешелъ къ наступленію, отнялъ у берберовъ Леонъ и Старую Кастилію и

проникъ по западному берегу до Коимбры, а внутри страны до Толедо, хотя и не былъ въ состояніи удержать за собой всѣ сдѣланныя имъ завоеванія. Такъ, въ короткое время образовалось сильное христіанское государство, представлявшее въ сущности не что иное, какъ продолженіе вестготскаго государства. Испанскій халифатъ принужденъ былъ впредь считаться съ этимъ противникомъ.

Такъ какъ халифы были самодержавными правителями, то внѣшняя исторія магометанской Испаніи въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій связана съ личностями государей или тѣхъ, которые вмѣсто нихъ держали въ своихъ рукахъ бразды правленія. Абдеррахману I наслѣдовалъ сынъ его, Хишамъ I, немедленно-же вступившій въ борьбу съ своими родными братьями, пытавшимися основать самостоятельныя государства на сѣверѣ; послѣ кровопролитной борьбы ему удалось подчинить ихъ обоихъ. Хишамъ счастливо боролся и съ сѣверными христіанами, но въ общемъ заботился скорѣе о сохраненіи мира и благосостояніи своихъ подданныхъ. Послѣ его смерти, въ 796 году, на престолъ вступилъ сынъ его Хакамъ; противъ него немедленно-же выступили оба брата Хишама, уже внесшіе разъ смуты и раздоры въ государство. Въ то-же время франки стали безпокоить сѣверовосточныя границы государства. Хакамъ вскорѣ справился со своими родственниками; но борьба его съ франками была менѣе удачна: христіане завладѣли Барселоной и тѣмъ положили начало каталонскому государству. Войска Хакама непрерывно боролись и съ королями Леона; а флотъ, имѣвшій вообще мало значенія въ эпоху халифовъ, предпринималъ набѣги на Балеарскіе острова и Сардинію. Возстаніе ренегатовъ (см. ниже, стр. 508) въ Кордовѣ было подавлено съ ужасающей жестокостью, часть жителей принуждена была удалиться изъ Испаніи и послѣ долгихъ, исполненныхъ приключеній, странствованій, поселилась на Критѣ и въ Фецѣ.

Еще большимъ блескомъ отличалось царствованіе сына Хакама, Абдеррахмана II, смотрѣвшаго на роскошную придворную жизнь багдадскихъ халифовъ, какъ на недостижимый идеалъ. Въ его время возникли постройки, представлявшія чудо строительнаго искусства, поэзія и музыка процвѣтали при дворѣ слабаго халифа, одареннаго артистическими наклонностями, но военное дѣло находилось въ полномъ небреженіи. Рѣзкую противоположность Абдеррахману представлялъ преемникъ его, Мухаммедъ, холодный и скупой ханжа, вызвавшій своими неудачными распоряженіями возстаніе среди христіанъ Толедо и юговосточныхъ горъ. Страшное возстаніе христіанъ въ области Гранады поглотило всѣ силы государства; ни Мухаммедъ, ни преемникъ его Монзиръ (886—888) не съумѣли подавить это возстаніе. Съ постепеннымъ паденіемъ центральной власти вновь началъ развиваться феодализмъ въ лицѣ арабской, берберской и испанской знати. Слѣдующему халифу Абдаллаху (888—912) пришлось вести борьбу съ обоими этими врагами, но исходъ ея былъ крайне неудовлетворителенъ. Крупные землевладѣльцы держали себя за стѣнами своихъ замковъ, какъ независимые князья, а христіане и ренегаты подъ предводительствомъ своего вождя Омара Ибнъ-Хафсуна подошли къ самымъ стѣнамъ Кордовы; попытки халифа къ примиренію остались безуспѣшны. Въ отчаяніи Абдаллахъ рѣшился наконецъ напасть на угрожавшее его столицѣ войско христіанъ и противъ ожиданія одержалъ блестящую побѣду (890). Это спасло его въ данный моментъ; но уже въ 902 году стремленія къ независимости въ средѣ аристократіи и волненія испанскихъ подданныхъ вновь поставили его въ критическое положеніе. Только когда Абдаллаху удалось склонить на свою сторону своихъ опаснѣйшихъ противниковъ, — арабовъ, населявшихъ область Севильи, могущество халифата вновь усилилось.

Внукъ и преемникъ Абдаллаха, Абдеррахманъ III, вновь укрѣпилъ пошатнувшійся уже было тронъ. Въ 917 году умеръ опасный мятежникъ

Омаръ Ибнъ-Хафсунъ, и возстаніе христіанъ мало по малу улеглось. Абдеррахманъ III счастливо велъ войну и съ сѣверными христіанскими государствами. Наконецъ, въ Африкѣ халифу удалось воспользоваться междоусобной войной и завладѣть нѣсколькими приморскими городами; кромѣ того часть Марокко встала подъ его защиту. Послѣ 27 лѣтъ правленія, исполненнаго неустанныхъ войнъ, Абдеррахманъ имѣлъ право сказать себѣ, что халифатъ вновь достигъ своего прежняго блеска. Границы были расширены и упрочены, феодальная знать унижена и удалена отъ всѣхъ вліятельныхъ мѣстъ. Но руководствуясь своимъ нерасположеніемъ къ крайне требовательной арабской знати, Абдеррахманъ сталъ отдавать важнѣйшія должности вольноотпущенникамъ и чужеземцамъ, главнымъ образомъ, „славянамъ", пришедшимъ въ Испанію въ качествѣ военноплѣнныхъ или искателей приключеній и насчитывавшимъ въ своихъ рядахъ членовъ всѣхъ христіанскихъ государствъ Европы. Абдеррахмана окружало около 6000 „славянъ". Отдавая явное предпочтеніе этимъ „славянамъ", презираемымъ настоящими арабами, халифъ вызвалъ величайшее неудовольствіе среди своихъ вельможъ, имѣвшее для него неоднократно роковыя послѣдствія; онъ потерялъ нѣсколько битвъ изъ-за нерадиваго отношенія туземнаго ополченія. Однако Абдеррахману, безспорно величайшему изъ всѣхъ представителей династіи Омейядовъ, съ поразительнымъ успѣхомъ удалось побороть всѣ превратности, перенести всѣ удары и, несмотря на постоянныя войны, во всѣхъ отношеніяхъ поднять культуру страны. Онъ располагалъ войскомъ, котораго дотолѣ еще не видѣла магометанская Испанія и могущественнѣйшіе повелители запада и востока заискивали его дружбы.

б) Культура эпохи Омейядовъ.

Здѣсь мы должны на минуту остановиться и обратить наше вниманіе на роскошный расцвѣтъ культуры въ эпоху Омейядовъ. На какихъ экономическихъ основаніяхъ покоилась эта культура? откуда она вытекала? Какое значеніе имѣла она для остального человѣчества?

Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и въ Испаніи побѣда арабовъ повела за собой экономическій прогрессъ, явившійся, можетъ быть, скорѣе слѣдствіемъ различныхъ случайныхъ обстоятельствъ, чѣмъ результатомъ обдуманныхъ принциповъ. Арабы прежде всего стремились сдѣлаться крупными земельными собственниками. Поэтому они во многихъ мѣстахъ сохранили феодальныя условія вестготскаго государства, имѣя въ виду просто заступить мѣсто готскихъ землевладѣльцевъ. Готы, своевременно принявшіе исламъ, въ общемъ сохранили за собой свои помѣстья; но число такихъ ренегатовъ было очень незначительно. Но и число арабовъ не было настолько велико, чтобы возможенъ былъ полный расцвѣтъ феодализма. Такъ какъ часть осѣдлаго несвободнаго населенія кромѣ того перешла въ исламъ, то само собой образовалось свободное крестьянское сословіе и крупныя земли были раздѣлены между новообращенными; даже оставшіеся вѣрными своей религіи христіане получили при данныхъ условіяхъ извѣстныя выгоды. Въ то-же время Испанія, благодаря завоеванію ея арабами, вошла составной частью въ магометанскій культурный міръ и получила, какъ лучшій даръ востока, искусства хлѣбопашества и орошенія, обратившія уже неплодородныя области сѣверной Африки и Сиріи въ зеленѣющіе луга и поля, и теперь достигшія высшихъ возможныхъ результатовъ въ равнинахъ Андалузіи. Восточныя растенія, дотолѣ неизвѣстныя въ Испаніи, были перевезены на Пиренейскій полуостровъ. Въ городахъ, гдѣ христіане еще долгое время оставались въ большинствѣ, изъ остатковъ римской культуры быстро развилась блестящая промышленность; продукты Андалузіи вскорѣ распространились не только по родной странѣ.

но появились и на рынкахъ Африки, Ирака и Персіи. Во всемъ чувствовалось, что Испанія вновь стала составной частью міроваго государства, и энергичная работа всего колоссальнаго механизма вносила новую жизнь и въ застоявшееся теченіе Иберійской земли.

Въ то время, какъ въ другихъ земляхъ Европы феодализмъ пріобрѣталъ все больше и больше значенія, въ Испаніи онъ наоборотъ все больше падалъ; въ странѣ распространилось всеобщее благосостояніе. Свободные крестьяне увеличивали свои владѣнія въ ущербъ арабской знати, обѣднѣвшей вслѣдствіе непрерывныхъ междоусобныхъ войнъ. Въ городахъ росло богатство и самосознаніе гражданъ. Въ Севильѣ, гдѣ удержалось первоначальное населеніе, частью принявшее магометанство, частью сохранившее вѣрность христіанству, это самосознаніе въ IX вѣкѣ проявилось въ такой угрожающей формѣ, что блестящій торговый городъ постигло страшное наказаніе (889) и онъ вновь перешелъ въ руки арабскихъ знатныхъ родовъ. Но и многочисленные обитатели резиденціи Кордовы часто проявляли духъ упрямой независимости. Когда въ позднѣйшую эпоху халифовъ равновѣсіе было нарушено увеличивавшимся богатствомъ отдѣльныхъ лицъ и высокомѣріемъ военщины, соціальный вопросъ сталъ на очередь съ угрожающей силой.

Какъ показываетъ примѣръ жителей Севильи, туземные романизованные испанцы первоначально не были ни вытѣснены изъ Испаніи, ни угнетены; по временамъ они даже съ оружіемъ въ рукахъ успѣшно отстаивали свою самостоятельность противъ арабовъ, какъ это доказываетъ напримѣръ борьба горнаго населенія Гранады съ арабской феодальной знатью и могуществомъ халифовъ. Только мало по малу ренегаты слились съ новообразовавшейся народностью мавровъ, а вѣрные своей религіи христіане были уничтожены или изгнаны. Въ сѣверныхъ-же городахъ, главнымъ образомъ въ Толедо, христіанство удержалось даже до обратнаго завоеванія. Благодаря такому совмѣстному мирному существованію побѣдителей и побѣжденныхъ, остатки римской культуры, пережившіе эпоху германцевъ, сливаясь съ магометанской цивилизаціей, создали изъ испанскихъ городовъ такіе центры высшаго образованія, которые легко могли выдержать сравненіе съ блестящими средоточіями арабской культуры на востокѣ. Испанцы внесли въ мавританскую культуру не только сокровища прошлаго, они сообщили ей и частицу западной цивилизаціи и внесли струю свѣжей, живительной крови.

Въ главныхъ чертахъ народъ мавровъ былъ и остался, правда, частью магометанскаго культурнаго міра, даже послѣ того, какъ жестокая вражда между халифатомъ Омейядовъ и Аббасидовъ разрушила политическое единство. Общность языка и нравовъ соединяла между собой отдаленнѣйшія области, въ которыхъ господствовала новая вѣра. По слѣдамъ торговыхъ каравановъ и паломниковъ ученые и поэты отправлялись отъ границъ азіатскаго плоскогорья или изъ отдаленнѣйшихъ областей Аравіи и Персіи къ дворамъ халифовъ въ Багдадѣ и Кордовѣ. Испанскіе философы и богословы нерѣдко отправлялись въ Египетъ, чтобы закончить тамъ свои научныя занятія, и получали послѣднюю, окончательную отдѣлку своего образованія въ знаменитыхъ школахъ Самарканда и Бухары.

Сама Кордова была университетскимъ городомъ съ массой прекрасныхъ учителей, аудиторію которыхъ составляли избранные ученики многочисленныхъ народныхъ школъ и слава которыхъ привлекала многочисленныхъ любознательныхъ слушателей даже изъ Африки и Азіи. Тысячи учащихся наполняли залы мечетей, въ которыхъ учили любимѣйшіе изъ профессоровъ. Какъ и нынѣ въ Европѣ, число студентовъ, изучавшихъ богословіе и юриспруденцію съ цѣлью получить доступъ къ высшей чиновничьей карьерѣ, значительно превышало число остальныхъ; но были

и такіе, которые стремились къ знанію ради самого знанія и затѣмъ оставались въ качествѣ учителей при высшихъ школахъ.

Князья и вельможи Испаніи почти всѣ относились къ наукѣ съ пониманіемъ и поощряли занятія ею; даже среди народа почти повсемѣстно распространена была грамотность. Однимъ изъ наиболѣе высокихъ и великодушныхъ покровителей ученыхъ былъ халифъ Хакамъ; по окончаніи всѣхъ войнъ и заключеніи выгоднаго мира съ своими христіанскими сосѣдями онъ посвятилъ себя исключительно своей столицѣ Кордовѣ и сдѣлалъ ее блестящимъ средоточіемъ магометанской духовной жизни. Съ настоящей страстью коллекціонера занимался онъ увеличеніемъ своей библіотеки; во всѣхъ важнѣйшихъ магометанскихъ городахъ жили его агенты, имѣвшіе порученіе скупать книги по всякимъ цѣнамъ или по крайней мѣрѣ отдавать ихъ въ переписку, пока наконецъ число томовъ не дошло до колоссальной для рукописной библіотеки цифры 400.000. Всѣ эти сочиненія халифъ лично просмотрѣлъ и занесъ въ каталоги. Занимаясь книгами, онъ не забывалъ и ихъ авторовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ масса ученыхъ, привлеченныхъ къ Кордовскому двору щедростью халифа; а о заботахъ его о народномъ образованіи свидѣтельствуетъ основаніе 27 новыхъ народныхъ школъ въ столицѣ.

Этотъ духовный расцвѣтъ не былъ созданъ искусственно по волѣ халифа, онъ свободно и естественно вытекалъ изъ здоровыхъ экономическихъ условій страны. Дѣйствительно, житель сѣверной Европы, перенесенный изъ глухихъ улицъ своихъ городовъ или несчастныхъ мазанокъ деревень, ютившихся вокругъ замковъ грубой и невѣжественной знати, въ этотъ блестящій жизнерадостный міръ, долженъ былъ почувствовать себя, какъ въ сказкѣ! Но что должно было поразить его сильнѣе всего, что несомнѣнно должно было покрыть краской стыда его щеки, если только въ груди его было живо чувство истинной христіанской любви, это былъ тотъ духъ благородной терпимости и духовной свободы, которымъ вѣяло отъ счастливыхъ полей Андалузіи; онъ долженъ былъ-бы сознаться, что послѣдователи религіи любви могли-бы поучиться отъ приверженцевъ ненавистнаго Магомета той великодушной терпимости къ чужимъ мнѣніямъ, которую старался имъ внушить словомъ и дѣломъ Основатель ихъ ученія. Въ этомъ и заключается очарованіе, побуждающее насъ и нынѣ съ сожалѣніемъ и скорбью вспоминать о тѣхъ быстро пролетѣвшихъ временахъ, когда Кордова и Толедо были центрами священнаго огня цивилизаціи въ Европѣ, очарованіе, которымъ еще и нынѣ вѣетъ отъ залъ Севильскаго Альказара или башенъ Гранадской Альгамбры (см. таблицу при стр. 510). Въ этихъ мѣстахъ человѣчество вновь свободно вздохнуло послѣ долгаго тяжелаго гнета, здѣсь струя чистаго воздуха по временамъ изгоняла удушливый фанатизмъ и уныніе; это тотъ самый духъ, которымъ проникнутъ древній классическій міръ, и воспоминаніе о которомъ народы Европы и нынѣ хранятъ на тернистомъ пути своего развитія, какъ высшую драгоцѣнность, и свято передаютъ ее отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Но сказочно прекрасная картина культурной жизни Андалузіи осталась-бы неполной, еслибы мы не упомянули о поэзіи, достигшей здѣсь подъ вліяніемъ западной творческой фантазіи еще болѣе блестящаго расцвѣта, чѣмъ на берегахъ Евфрата и Тигра (см. томъ III.) Величайшая слава арабскаго народа заключалась, можетъ быть, въ томъ, что онъ распространилъ по всѣмъ частямъ свѣта любовь къ поэзіи и принесъ въ своемъ языкѣ средство, а въ своихъ старыхъ поэтахъ образцы искусства. Правда, арабское вліяніе было долгое время даже слишкомъ сильно. Поэзія жизни пустынь уже пережила свой классическій періодъ, когда приверженцы ислама стали распространять ее и среди побѣжденныхъ; новымъ послѣдователямъ ея оставалось лишь подражать ей и различнымъ образомъ видоизмѣнять простые мотивы жизни пустынь. Это повело къ стран-

нымъ несообразностямъ; поэты, жившіе въ плодородныхъ областяхъ Ирака или на берегахъ Гвадалквивира, воспѣвали жизнь въ палаткахъ, описывали опасности путешествій караванами или вновь воскрешали въ своихъ пѣсняхъ мотивы давно забытой племенной вражды. Кромѣ того, въ завоеванныхъ областяхъ арабскій языкъ вскорѣ сталъ принимать діалектическую окраску; чистая форма арабскаго языка сохранилась лишь у бедуиновъ или же въ старинныхъ пѣсняхъ. Только постепенно освободились отъ этихъ оковъ отдѣльные магометанскіе народы, прежде всего персы (см. томъ III). Если поэты Испаніи никогда не достигли той полной независимости, какъ поэты Персіи, то нужно принять во вниманіе, что мавры были смѣшаннымъ народомъ и не имѣли ни старыхъ традицій, ни миѳовъ. Они не могли создать такого эпоса, какъ героическая поэма Фирдуси (томъ III); и если они накопецъ проявили большую самостоятельность въ лирикѣ, то въ этомъ сказались мѣстное вліяніе и примѣсь римско-иберійской крови. Кромѣ того періодъ расцвѣта мавровъ былъ крайне коротокъ. Стѣсненные съ сѣвера надвигавшимися христіанами, испорченные вліяніемъ стекавшихся на Пиренейскій полуостровъ ордъ грубыхъ африканцевъ, остановленные въ своемъ экономическомъ развитіи войнами и междоусобными раздорами, мавры Испаніи вскорѣ должны были отучиться отъ поэтическихъ мечтаній, порожденныхъ благодатной природой и примѣромъ ихъ предковъ арабовъ.

Мы имѣемъ всѣ основанія пожалѣть объ этой перемѣнѣ, такъ какъ мавры были рожденными посредниками между востокомъ и западомъ; и какъ ни вѣрны остались они принципамъ духовной жизни арабовъ, многія симпатичныя черты указываютъ однако на вліяніе запада. Прежде всего магометане испанцы, какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и въ поэзіи, ставили женщину несравненно выше, чѣмъ единовѣрцы ихъ въ Африкѣ и Азіи; къ пѣснямъ ихъ рѣже примѣшиваются отзвуки тѣхъ противоестественныхъ страстей, возвеличеніе которыхъ такъ странно и такъ отталкивающе дѣйствуетъ на насъ при чтеніи образцовъ восточной поэзіи. Культъ женщины у андалузянъ и увлеченіе ихъ рыцарствомъ напоминаетъ культъ позднѣйшихъ трубадуровъ и миннезенгеровъ и рыцарство среднихъ вѣковъ въ Европѣ. Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что восточное вліяніе, оживившее эту глухую застоявшуюся жизнь среднихъ вѣковъ, только отчасти распространилось при помощи крестовыхъ походовъ, въ значительной-же степени проникло въ сѣверныя земли черезъ Испанію и южную Италію. Не случайно расцвѣли въ южной Франціи первые и наиболѣе душистые цвѣты поэзіи и не случайно вели здѣсь борьбу съ Римомъ мученики свободной мысли, альбигойцы.

Но не одной только поэзіей занимались андалузяне, глубокій умъ которыхъ нерѣдко вызывалъ удивленіе въ ихъ единовѣрцахъ; и философія находила убѣжище отъ преслѣдованій при дворахъ халифовъ, ихъ намѣстниковъ и феодаловъ, рано понявшихъ, что въ интересахъ человѣчества необходимо выслушивать и наиболѣе смѣлыя мнѣнія, ибо иначе, преслѣдуемыя и подавленныя, они разростаются въ страшную и опасную силу. Если богословы и выступали противъ скептиковъ, требовавшихъ математическихъ доказательствъ въ вопросахъ религіи, если они и пытались заклеймить этихъ невѣрныхъ, какъ развратниковъ и сластолюбцевъ, мавританская Испанія однако не воздвигала имъ костровъ.

Въ общемъ культура мавровъ была и осталась частью магометанской культуры со всѣми ея преимуществами и недостатками. Такъ и строительное искусство, чарующіе остатки котораго въ южной Испаніи (см. приложенную таблицу „Альгамбра въ Гранадѣ до ея возстановленія") еще и нынѣ скорѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе, чѣмъ блестящія церкви христіанъ побѣдителей, представляетъ лишь вѣтвь господствующей во всемъ магометанскомъ мірѣ архитектуры, никогда не мѣнявшей своихъ основныхъ чертъ.

 Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Альгамбра у Гранады до ея возстановленія. Видъ изъ Генералифа.

(По гравюрѣ Dandet съ рисунка Dutailly въ соч. Alex. de Labordes „Voyage pittoresque et historique de l'Espagne", Paris 1812. Рисовалъ О. Шульцъ.)

Простыя снаружи, изящныя и легкія внутри, съ безчисленнымъ множествомъ украшеній, замѣняющихъ недостатокъ грандіозности, зданія Альгамбры во всемъ напоминаютъ дворцы египетскихъ или месопотамскихъ царей того времени. Какъ-бы олицетвореніемъ національнаго могущества мавровъ, выросшаго на развалинахъ могущества другихъ, болѣе древнихъ расъ, можетъ служить большая мечеть Кордовы съ ея лѣсомъ колоннъ, которыя всѣ были заимствованы изъ античныхъ зданій, и ея пестрой восточной орнаментовкой, большей частью погребенной теперь подъ слоемъ штукатурки, которой набожные христіане покрыли эту языческую святыню. Мавританская культура Испаніи достигла наивысшаго развитія въ періодъ Абдеррахмана III и его непосредственныхъ преемниковъ. Но нѣкоторыя вѣтви дерева цивилизаціи достигли полнаго расцвѣта лишь позднѣе; и даже стѣсненные подъ конецъ въ горахъ Гранады, мавры прилежаніемъ и культурой съумѣли проявить свое внутреннее превосходство надъ христіанами побѣдителями.

в) Распаденіе испанскаго халифата.

Въ то время какъ Абдеррахману въ общемъ удалось пріостановить развитіе христіанскихъ государствъ на сѣверѣ и обезпечить границы, надежды на завоеваніе Африки, вызванныя возстаніемъ Абу-Язирда противъ Фатимидовъ, были наоборотъ очень кратковременны; уже въ 947 году мятежникъ, признававшій по крайней мѣрѣ духовное главенство кордовскаго халифа, былъ низложенъ и убитъ. Даже въ періодъ наивысшаго своего расцвѣта Испанія не могла подчинить себѣ Марокко; позднѣе она обязана была даже своимъ существованіемъ содѣйствію африканскихъ единовѣрцевъ. Въ царствованіе миролюбиваго преемника Абдеррахмана III, покровителя ученыхъ Хакама II (Хакемъ II), усилились нападенія со стороны христіанскихъ государствъ; но непрерывные раздоры въ средѣ непріятелей и прекрасное войско, оставленное его предшественниками, давали Хакаму такое превосходство надъ врагомъ, что въ 970 году кастильцы согласились наконецъ на миръ, и халифъ спокойно отдался занятію науками и поднятію культуры страны.

Однако, блестящая культура магометанской Испаніи, вызвавшая къ жизни большое число блестящихъ городовъ и даровавшая силу и самостоятельность отдѣльнымъ провинціямъ, имѣла роковыя послѣдствія для самодержавія династіи Омейядовъ: мало по малу подготовлялось распаденіе ихъ царства на отдѣльныя мелкія государства. Если благосостояніе и цивилизація страны скорѣе могли выиграть, чѣмъ проиграть отъ такого распаденія, то можно было, однако, предвидѣть, что военное могущество магометанской Испаніи будетъ такимъ образомъ значительно ослаблено. Тотчасъ послѣ смерти Хакама II (976) обнаружились первые признаки начинавшагося разложенія, такъ какъ преемникъ Хакама, Хишамъ II, едва достигъ возраста одиннадцати лѣтъ, и между различными вліятельными лицами возгорѣлся споръ о регентствѣ (976).

Къ счастію для государства наиболѣе способный изъ всѣхъ этихъ соискателей, министръ Ибнъ-али-Амиръ или Аль-Мансуръ (Альмансоръ), какъ онъ называлъ себя позднѣе, силой и хитростью завладѣлъ властью и удержалъ ее за собою до конца жизни. Хишамъ, воспитанный въ соотвѣтствующемъ духѣ своей матерью Авророй, рожденной наваррянкой, во всемъ подчинявшейся Аль-Мансуру, навсегда остался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ регента. Эпоха Аль-Мансура была несомнѣнно наиболѣе блестящимъ періодомъ царства Омейядовъ. Никогда со временъ завоеванія Испаніи магометане не сражались съ такимъ успѣхомъ съ христіанами, никогда войска андалузянъ не проникали такъ далеко въ области ихъ смертельныхъ враговъ. Въ 981 году была взята Замора, въ 985 Барселона, въ 987 Леонъ; наконецъ въ 994—997 Аль-Мансуръ проникъ въ суровую

Галисію и взялъ и разрушилъ національное святилище христіанской Испаніи, Сантьяго-де-Компостела.

Такіе успѣхи стали возможны лишь послѣ того, какъ Аль-Мансуръ въ собственныхъ интересахъ существенно преобразовалъ андалузское войско и окончательно уничтожилъ остатки старой арабской племенной организаціи. Прежніе полки, составлявшіеся изъ членовъ одного и того-же племени, окончательно упразднены и съ этихъ поръ всѣ рекруты были совершенно произвольно распредѣляемы по различнымъ полкамъ. Но ядро войска, на которое опирался Аль-Мансуръ, состояло частью изъ марокскихъ берберовъ, частью изъ христіанскихъ наемниковъ изъ сѣверной Испаніи, отнюдь не брезговавшихъ войной съ своими-же соотечественниками. Христіанскія государства и безъ того находились въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ и при случаѣ не отказывались и отъ помощи мавровъ! Послѣ пораженія и смерти опаснѣйшаго соперника Аль-Мансура, опытнаго полководца и начальника сѣверныхъ пограничныхъ войскъ, Галиба, регентъ твердо могъ разсчитывать на вѣрность своего войска и успѣшно отразилъ всѣ попытки низвергнуть его господство. Но въ концѣ концовъ система наемныхъ войскъ не могла, конечно, оказаться полезной мавританскому царству. Тѣсное сближеніе Аль-Мансура съ ортодоксальными богословами въ цѣляхъ поддержанія своего шаткаго положенія также не могло имѣть благотворнаго вліянія на развитіе науки и особенно философіи. И однако въ общемъ правленіе Аль-Мансура несомнѣнно принесло странѣ гораздо больше пользы, чѣмъ вреда. Возможно, что благодаря его практическому уму благосостояніе страны достигло только въ его правленіе своего кульминаціоннаго пункта; ему Испанія прежде всего обязана сѣтью прекрасныхъ дорогъ: правленіе великихъ полководцевъ всегда вообще благотворно отзывается на государствѣ именно въ этомъ отношеніи. Магометанская Испанія безусловно имѣла основанія поздравить себя съ тѣмъ, что въ лицѣ Аль-Мансура во главѣ ея съ беззастѣнчивой смѣлостью стала геніальная личность. Но счастье не постоянно. Еще быстрѣе династіи Омейядовъ пало послѣ смерти Аль-Мансура (1002) основанное имъ могущество мажордомовъ.

Уже къ концу правленія Аль-Мансура во всѣхъ слояхъ народа стало замѣтно броженіе и недовольство. Это не было возрожденіе старыхъ притязаній и требованій; племенные раздоры были забыты, арабская знать обѣднѣла и потеряла свое вліяніе, различныя составныя части народа болѣе или менѣе слились другъ съ другомъ. Мѣсто исчезнувшей розни заступили новыя соціальныя бѣдствія, возникающія повсюду, гдѣ цвѣтущая культура и выгодная торговля ведутъ къ скопленію большихъ богатствъ въ рукахъ немногихъ, между тѣмъ какъ масса населенія обречена на тяжелый трудъ и скудные заработки на фабрикахъ и большихъ заводахъ. Въ Кордовѣ соціальный вопросъ принялъ опасный характеръ, но причина кризиса не была правильно понята. Какъ всегда, причины глухого недовольства искали въ опредѣленныхъ личностяхъ, прежде всего въ самомъ Аль-Мансурѣ и его вѣрныхъ приверженцахъ, начальникахъ берберскихъ и христіанскихъ наемниковъ. Послѣ смерти Аль-Мансура въ Кордовѣ вспыхнуло возстаніе: населеніе столицы требовало, чтобы Хишамъ II правилъ самостоятельно; только съ трудомъ удалось сыну Аль-Мансура, Мозафферу (Абдъ-аль-Маликъ Мозафферъ) подавить выстаніе. Но послѣ смерти Мозаффера въ 1008 году общее недовольство вспыхнуло съ новой силой; братъ и преемникъ его подвергся изгнанію и былъ наконецъ убитъ.

Вскорѣ оказалось, что устраненіе мажордомовъ не принесло никакихъ положительныхъ результатовъ. Между тѣмъ какъ въ провинціяхъ и городахъ губернаторы и начальники войскъ достигали все большей независимости, въ Кордовѣ халифы или регенты смѣняли другъ друга, фактически-же власть находилась въ рукахъ то берберскихъ, то славянскихъ наемниковъ, до тѣхъ поръ, пока капиталисты и патриціи столицы не при-

сваивали себѣ вновь первенствующаго значенія, или пока самъ народъ не захватывалъ по временамъ управленіе государствомъ въ свои руки. Несчастный Хишамъ II исчезъ безслѣдно и дальнѣйшая судьба его такъ и осталась невыясненной; впослѣдствіи появилось множество Лже-Хишамовъ, выдававшихъ себя за воскресшаго халифа и способствовавшихъ еще большему увеличенію смутъ. Въ неоднократно опустошавшейся Кордовѣ восторжествовала наконецъ аристократическая партія. Она положила конецъ существованію халифата, и могущественное еще недавно царство окончательно распалось на извѣстное число феодальныхъ государствъ и городовъ-республикъ (1031). Послѣдній халифъ изъ дома Омейядовъ, Хишамъ III, умеръ нѣсколько лѣтъ спустя въ Леридѣ, всѣми забытый и покинутый.

Интересы большихъ городовъ, главнымъ образомъ Кордовы и Севильи, уже давно не совпадали съ интересами остальной страны. Громадные фабричные и торговые центры должны были со временемъ неизбѣжно отдѣлиться отъ провинцій, благосостояніе которыхъ основывалось на сельскомъ хозяйствѣ и кустарной промышленности; слишкомъ тѣсно сливши свои интересы съ интересами населенія Кордовы, все развитіе которой несомнѣнно должно было привести къ республикѣ, Омейяды тѣмъ самымъ, быть можетъ, ускорили свою гибель. Покинутые безпокойнымъ населеніемъ столицы, они не нашли болѣе поддержки въ странѣ.

Государство досталось предводителямъ наемниковъ; только въ немногихъ мѣстахъ остатки арабской знати вновь основали самостоятельныя княжества. На югѣ власть сосредоточивалась въ рукахъ берберовъ, вѣрныхъ сыновъ своей суровой мавританской родины; это были невѣжественные и сильные воины, внушавшіе глубокую ненависть болѣе цивилизованнымъ арабамъ и далеко уступавшіе имъ въ хитрости. Средоточіемъ могущества берберовъ была Малага; родъ Хаммудитовъ, который велъ свое происхожденіе отъ зятя Магомета, Али, объявилъ свои притязанія на престолъ халифовъ, но не добился, правда, признанія своихъ требованій. Позднѣе во главѣ партіи берберовъ сталъ Бадисъ, властитель Гранады, подчинившій въ 1055 году и Малагу. Бадисъ, человѣкъ крайне грубый, со страстнымъ темпераментомъ и ограниченнымъ умомъ, представляетъ чистѣйшій типъ вождя сѣвероафриканскихъ наемниковъ; своей удачей онъ во многомъ обязанъ былъ своему визирю, еврею Самуилу, человѣку безпримѣрной хитрости, съ помощью котораго онъ мало по малу завладѣлъ областью, приблизительно обнимавшей владѣнія позднѣйшаго королевства Гранады.

На сѣверѣ магометанской Испаніи, именно въ Толедо и въ Бадахосѣ, берберы также основали самостоятельныя княжества: здѣсь они жили уже съ давнихъ поръ и вполнѣ подчинились арабскому вліянію. Предводители славянскихъ войскъ укрѣпились на востокѣ; въ ихъ рукахъ находились Альмерія, Денія, Валенсія, послѣдняя, правда, лишь короткое время, такъ какъ тамъ престоломъ вскорѣ завладѣлъ одинъ изъ Америдовъ, потомокъ великаго Аль-Мансура. Въ области Сарагоссы, гдѣ арабы издавна пользовались большимъ вліяніемъ, власть находилась въ рукахъ знатнаго арабскаго рода Бени-Гудовъ.

На юго-западѣ севильскій кади Мухаммедъ, управлявшій отъ имени одного изъ Лже-Хишамовъ II, сталъ во главѣ арабской партіи и добился того, что Севилья затмила Кордову, и даже въ областяхъ, занимаемыхъ берберами, арабское населеніе перешло на его сторону. Послѣ смерти Мухаммеда сынъ его, высокообразованный, но совершенно неразборчивый въ выборѣ средствъ, Мутазидъ съумѣлъ настолько эксплоатировать выгоды своего положенія и такъ расширить границы государства Севильи, что даже Бадису приходилось считаться съ опаснымъ противникомъ и онъ однажды составилъ планъ уничтожить всѣхъ гранадскихъ арабовъ, какъ естественныхъ единомышленниковъ своего врага. Рѣзкая разница между

грубымъ невѣжествомъ берберскаго выскочки и духовнымъ расцвѣтомъ севильскаго царства проявилась съ особенной силой, когда послѣ смерти Мутазида (1069) во главѣ государства всталъ поэтически одаренный, жизнерадостный и энергичный Мутамидъ. Духовнымъ центромъ магометанской Испаніи несомнѣнно была въ то время Севилья. И въ отношеніи внѣшней политики городъ Мутамида одержалъ побѣду надъ падавшей соперницей, старой резиденціей халифовъ, Кордовой. Сдѣлавъ уже раньше нападеніе на Кордову, Мутамидъ въ 1078 году окончательно завладѣлъ городомъ и положилъ конецъ владычеству патриціевъ. Ему удалось на время занять и Мурсію. Гранады, распавшейся послѣ смерти Бадиса (1073) на двѣ части, Гранаду и Малагу, Мутамиду нечего было бояться.

Однако все это блестящее государственное зданіе покоилось на крайне шаткихъ основаніяхъ: оно жило въ сущности только по милости христіанскихъ князей Кастиліи, дѣлавшихъ уже попытки къ разрушенію магометанскаго владычества. Почти всѣ магометанскіе князья полуострова, съ повелителемъ Севильи во главѣ, стали подъ защиту Кастиліи, платили дань и считали себя счастливыми, когда имъ хитростью и денежными жертвами удалось отразить угрожавшую опасность. Однако почва подъ ихъ ногами начинала все болѣе и болѣе колебаться. Альфонсъ VI Кастильскій, присвоившій себѣ громкій титулъ императора, вознамѣрился положить конецъ магометанскимъ мелкимъ государствамъ. Съ безпомощнымъ отчаяніемъ смотрѣли магометанскіе князья на надвигавшуюся грозу. Уже королевство Толедо сдалось безъ особаго сопротивленія въ руки христіанскаго повелителя (1084), уже Валенсія находилась въ крайней опасности, уже подъ стѣнами Сарагоссы стояло кастильское войско; часть мавританскаго населенія Испаніи уже серьезно подумывала объ отступленіи въ Африку, считая спасеніе невозможнымъ. Но еще разъ имъ удалось отвратить гибель, правда, дорогой цѣной.

B. **Сѣверъ и западъ.**

Если мы до сихъ поръ съ особеннымъ интересомъ преслѣдовали развитіе мавританской духовной и государственной жизни до рѣшительнаго поворотнаго момента, и наблюдали за образованіемъ новаго народа, то теперь мы должны обратить наше вниманіе на сѣверъ, гдѣ въ суровыхъ горахъ и плоскогорьяхъ полуострова, то палимыхъ зноемъ, то обвѣваемыхъ ледянымъ дыханіемъ сѣверныхъ вѣтровъ, приверженцы христіанства собрались на борьбу съ чужой расой и чужой вѣрой. На сѣверномъ берегу Испаніи и у подошвы Пиренеевъ образовался цѣлый рядъ государствъ, взаимныя отношенія которыхъ были подвержены частымъ измѣненіямъ. Уже въ сравнительно ранній періодъ обозначились различія, обусловленныя характеромъ той или иной области и народности и не вполнѣ стершіяся до половины нашего тысячелѣтія, а отчасти даже до настоящаго времени.

a) Астурія.

Главныя силы готской знати собрались въ средней части сѣвернаго побережья, въ Астуріи. Пелайо, извѣстный и арабскимъ историкамъ, поднялъ здѣсь знамя національнаго сопротивленія и изгналъ арабскаго намѣстника изъ Гихона. Овіедо сдѣлался столицей (въ 800 году Альфонсъ II) новаго государства, къ которому вскорѣ примкнула и Кантабрія, также освобожденная готской знатью. Вызванное внутренними раздорами и голодомъ возвращеніе берберскихъ поселенцевъ изъ сѣверной Испаніи дало поводъ королю Альфонсу I (751—764) проникнуть на югъ въ долину Кастиліи, занять всю область у подошвы горъ до Дуэро и обратить остальную часть Старой Кастиліи въ опустошенную окраину, изъ которой хри-

стіанское населеніе было переселено на сѣверъ, а магометанское изгнано на югъ. Преемникъ Альфонса Фруэла (умеръ въ 768 г.) завоевалъ и Галисію, никогда не подчинявшуюся вполнѣ арабамъ.

Новое царство могло служить типомъ настоящаго феодальнаго государства со всѣми его хорошими и дурными сторонами; оно было раздѣлено на графства, повелители которыхъ съ одинаковой готовностью выступали въ походъ противъ сарациновъ, враждовали между собой или принимали участіе въ возстаніяхъ противъ своего-же короля. Къ этому присоединилась и національная рознь; баски въ восточной провинціи Алавѣ не выказывали никакихъ склонностей къ повиновенію, а упрямые жители Галисіи, въ долины которой въ эпоху готовъ бѣжали послѣдніе остатки свевовъ, проявляли свое свободолюбіе постоянными волненіями. Когда область новаго государства значительно расширилась на югъ и равнины Кастиліи и Леона постепенно покрылись поселеніями, центръ государства естественно долженъ былъ передвинуться туда. Короли этого сѣвероиспанскаго христіанскаго государства, быть можетъ, слишкомъ поздно приняли во вниманіе это естественное развитіе: когда въ 955 году Ордоніо II перенесъ наконецъ свою резиденцію въ Леонъ, въ Кастиліи существовало уже много значительныхъ графствъ, стоявшихъ только въ очень слабой связи съ вновь возникшимъ королевствомъ Леонъ. Уже Альфонсъ III (Великій, 866—910), много сдѣлавшій для укрѣпленія государства и обезпечившій южную границу укрѣпленіемъ линіи Дуэро, долженъ былъ-бы покинуть невыгодно расположенный Овіедо; принужденный кромѣ того раздѣлить царство между своими сыновьями, этотъ въ общемъ превосходный правитель увеличилъ и безъ того развивавшіеся раздоры, давшіе маврамъ возможность закончить свою внутреннюю борьбу и завязать при Абдеррахманѣ III и Аль-Мансурѣ самостоятельныя политическія сношенія съ сосѣдними государствами.

Съ отвращеніемъ и ужасомъ смотрѣли высокообразованные жители андалузскихъ городовъ на приближавшуюся съ сѣвера опасность, на это гремѣвшее оружіемъ царство, населеніе котораго, казалось, было создано только для борьбы и междоусобій и которому такъ-же чуждо было пониманіе красотъ природы, какъ и всякая высшая цивилизація. Они хорошо сознавали, что это былъ непримиримый и непобѣдимый врагъ. Если-бы даже пали всѣ различія между народами, оставалось одно неразрушимое препятствіе, — религія. Вопросъ о томъ, кому будетъ принадлежать Испанія, послѣдователямъ-ли Магомета или борцамъ за христіанство, долженъ былъ все-таки рѣшиться мечемъ. Съ теченіемъ времени рознь становилась все сильнѣе. Въ первые вѣка суровое и храброе рыцарство вносило, правда, свои подати на сооруженіе церквей и соборовъ, воздвигавшихся христіанскими повелителями; но при случаѣ оно шло и на службу къ маврамъ или-же, переходя на сторону невѣрныхъ, не прочь было напоминать своимъ родовымъ князьямъ объ обязанностяхъ ихъ по отношенію къ феодальному дворянству. Съ своей стороны, мелкіе арабскіе князья выступали по временамъ противъ могущественнаго халифата въ союзѣ съ леонскими королями или кастильскими графами. Позднѣе фанатизмъ съ обѣихъ сторонъ сталъ рѣзче, ненависть глубже; тѣсное сближеніе съ Римомъ сдѣлало изъ кастильцевъ избранныхъ борцовъ за вѣру, позднѣе препятствовавшихъ и распространенію здѣсь реформаціи. Испанскіе-же мавры въ несчастіи проявили стойкость и фанатизмъ мучениковъ.

б) Образованіе государствъ въ Пиренеяхъ.

Государство, обнимавшее Галисію, Астурію, Леонъ и Кастилію, и то распадавшееся на отдѣльныя провинціи, то вновь соединявшееся въ одно цѣлое, представляло главную силу христіанства въ сѣверной Испаніи; наименѣе затрогиваемое внѣшними вліяніями, стѣсненное между водами Би-

скайскаго залива съ одной стороны и смертельными врагами съ другой, оно въ то-же время было наиболѣе испанскимъ, такъ сказать, и наиболѣе самостоятельнымъ изъ всѣхъ, и уже по этому одному призвано было стать во главѣ всѣхъ христіанскихъ государствъ. Но оно не было единственнымъ: на ряду съ нимъ существовали государства, возникшія въ долинахъ и у подошвы Пиренеевъ. Горная цѣпь Пиренеевъ не помѣшала арабамъ проникнуть въ южную Францію, гдѣ они заявили притязанія на владѣнія вестготовъ, но не могли устоять въ борьбѣ съ свѣжими силами франковъ. Они недолго удержались и въ сѣверной части горъ: надежнѣйшее убѣжище ихъ, Нарбонна, была взята въ 759 году франками. Вскорѣ, однако, выяснилось, что и долины Пиренеевъ никогда не были вполнѣ подчинены арабамъ. Тѣ самыя иберійскія племена, на которыхъ уже римляне и готы напрасно испробовали силу своего оружія и своей культуры, баски Наварры и Бискайи, и теперь подчинились лишь внѣшнимъ образомъ; далѣе на востокѣ, тамъ и сямъ держалось готское дворянство, поддерживавшее сношенія съ своими соплеменниками въ южной Франціи. Эти скудные зачатки новыхъ государствъ быстро развились, когда Карлъ Великій предпринялъ свой походъ черезъ Пиренеи, образовалъ изъ областей арабскихъ намѣстниковъ и князей „Испанскую марку“ и организовалъ изъ небольшихъ христіанскихъ государствъ графства. Благодаря этому основанныя въ то время и достигшія позднѣе значительнаго расцвѣта королевства Арагонія и Каталонія стояли въ тѣсной связи съ южной Франціей и среднеевропейской культурой, связи, сохранившейся и понынѣ въ языкѣ и нравахъ и рѣзко отдѣляющей сѣверовосточную Испанію отъ Кастиліи и прилежащихъ къ ней земель.

Однако баски не подчинились и этому вліянію. Они не съ тѣмъ оказывали сопротивленіе арабамъ, чтобы подчиниться теперь франкскимъ графамъ, и поэтому безъ угрызеній совѣсти вступали иногда ради разнообразія въ союзъ съ магометанскими намѣстниками и нападали на франковъ въ горныхъ ущельяхъ. Полумиеическая гибель Роланда и его войска и болѣе достовѣрное извѣстіе объ истребленіи отряда франкскихъ войскъ въ Ронсевальской долинѣ, относящееся къ 824 году, достаточно ясно свидѣтельствовали объ ихъ отношеніи къ франкамъ. Въ концѣ IX вѣка баски побѣдоносно проникли до Эбро и основали королевство Наварру. Вначалѣ казалось, что это новое государство приметъ дѣятельное участіе въ раздѣлѣ распадавшагося магометанскаго царства: въ X вѣкѣ Наваррѣ принадлежали значительныя земли по ту сторону Эбро. Но баски и здѣсь оправдали свою самобытную черту, позднѣе проявившуюся и въ карлистскихъ войнахъ (см таблицу далѣе): почти непобѣдимые въ своихъ горахъ, они не имѣютъ стремленія къ распространенію и неохотно переходятъ привычныя границы своихъ владѣній. Въ 1054 году Наварра въ борьбѣ съ Кастиліей потеряла всѣ свои внѣшнія владѣнія и сохранила съ тѣхъ поръ лишь свою первоначальную область.

Совершенно иначе развилось королевство Арагонія. Въ эпоху возникновенія государства Наварры графство Арагонъ занимало лишь горную долину рѣки Арагонъ, лежавшей между Сіерра-де-ла-Пенна и цѣпью Пиренеевъ. Эта суровая и неплодородная область, составлявшая часть Испанской марки, долгое время управлялась графами готскаго племени, а затѣмъ присоединена была къ Наваррѣ. Въ началѣ XI вѣка, при Санчо Великомъ, Наварра, казалось, должна была образовать ядро могущественнаго государства, къ которому путемъ брака присоединена была и Кастилія; но въ 1035 году, послѣ смерти Санчо, государство его вновь распалось. При сынѣ Санчо, Рамиро I, и Арагонія добилась самостоятельности. Рамиро владѣлъ крошечнымъ государствомъ; стѣсненный на западѣ Наваррой, на востокѣ небольшимъ государствомъ Собрарбой, доставшимся одному изъ его братьевъ, онъ имѣлъ передъ собой въ долинѣ Эбро и въ приле-

жащихъ горныхъ областяхъ могущественныя арабскія государства, средоточіемъ которыхъ служила богатая Сарагосса. Попытка Рамиро овладѣть Наваррой окончилась неудачей. Но послѣ смерти его брата Гонзало къ нему перешла власть надъ Собрарбой, обнимавшей южныя долины среднихъ Пиренеевъ. Теперь онъ могъ смѣлѣе выступить и противъ арабовъ, царство которыхъ послѣ смерти Аль-Мансура неудержимо шло къ распаденію.

Непрерывныя войны создали превосходныя пограничныя войска: на сторонѣ арабовъ Рабитовъ, на сторонѣ арагонцевъ Альмугаваровъ, внушавшихъ страхъ однимъ своимъ появленіемъ. И дѣйствительно, борьба Арагоніи съ исламомъ, соотвѣтственно незначительнымъ силамъ небольшого государства, долгое время не носила характера настоящей завоевательной войны, но представляла лишь рядъ пограничныхъ столкновеній, ограничивавшихся удачными разбойничьими набѣгами или взятіемъ какого-нибудь замка или городка. Только въ 1096 году была завоевана Гуэска, и вмѣстѣ съ этимъ столица государства передвинулась изъ горныхъ ущельевъ Пиренеевъ въ холмистую мѣстность, спускающуюся къ Эбро. Наконецъ въ 1118 году съ завоеваніемъ Сарагоссы и долины Эбро, королевство Арагонія получило свою естественную столицу и упрочило основы своего существованія.

Совершенно независимо отъ Арагоніи развилось между тѣмъ графство Барселона, ядро каталонскаго государства. Вліяніе франковъ было наиболѣе сильно и больше всего сохранилось въ сѣверовосточномъ углу Испаніи; эта область въ своей культурѣ и политикѣ особенно упорно сохраняла связь съ сосѣднимъ могущественнымъ государствомъ и превосходно умѣла пользоваться выгодами, вытекавшими изъ этого союза. Графство Барселона, составлявшее также часть Испанской марки, было основано непосредственно послѣ ея завоеванія и съ тѣхъ поръ успѣшно отражало всѣ нападенія съ юга, хотя сама Барселона и переходила неоднократно въ руки мавровъ. Въ 865 году Испанская марка, состоявшая въ то время уже почти изъ одного только графства Барселоны, отдѣлилась отъ Септиманіи, и этимъ сдѣланъ былъ первый шагъ къ полной независимости. За нимъ послѣдовали и дальнѣйшія преобразованія: съ согласія франкскаго короля одинъ изъ родовъ, повидимому готскаго племени, получилъ наслѣдственную власть надъ Барселоной. По феодальнымъ обычаямъ отъ этого государства то отдѣлялись отдѣльныя графства, каковы Ургель и Герона, то всѣ владѣнія вновь сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ. Портовый городъ Барселона, достигшая блестящаго расцвѣта благодаря своему выгодному географическому положенію, всегда составляла важный центръ каталонскаго государства, и это обстоятельство сообщило ей особый характеръ, извѣстную свободу жизни и нравовъ, напоминающую нравы Прованса или Италіи. Провансъ долгое время былъ даже соединенъ съ графствомъ Барселоной и въ политическомъ отношеніи.

в) Португалія.

Значительно позднѣе другихъ возникло государство, которое одно на всемъ полуостровѣ не подпало подъ иго Кастиліи, но сохранило самостоятельное существованіе и собственный литературный языкъ; это было нынѣшнее королевство Португалія. Если всѣ государства полуострова, расширяя свои южныя границы, пріобрѣтали новыя области, если Леонъ можетъ считаться дѣтищемъ Астуріи, Новая Кастилія — Старой Кастиліи, Валенсія — Арагоніи, то родиной Португаліи безусловно слѣдуетъ считать Галисію, суровую гористую мѣстность въ сѣверозападномъ углу полуострова. Дѣйствительно, въ ту эпоху, когда Португалія начала развиваться въ самостоятельное государство, сынъ короля Фердинанда Кастильскаго, Гарсія, соединялъ въ своихъ рукахъ власть надъ Галисіей и Португаліей (1065).

Но уже тогда возстаніе португальскихъ графовъ противъ Гарсіи ясно указало на начало серьезнаго разлада въ странѣ.

Важное значеніе имѣли здѣсь географическія условія. Первоначальная Португалія, ведущая свое имя отъ гавани Порто Калле, нынѣ Опорто, обнимала область между нижнимъ Дуэро и Миніо, вскорѣ однако значительно расширившую свои предѣлы на югъ и уже въ 1064 году обнимавшую и городъ Коимбру. Занимая западное побережье Иберійскаго полуострова, Португалія, благодаря этому крайнему положенію и устьямъ рѣкъ, наиболѣе доступна сношеніямъ съ внѣшнимъ міромъ, и въ этомъ отношеніи ее превосходятъ лишь государства Каталонія и Валенсія, расположенныя по Средиземному морю. Центральныя, основныя области Португаліи представляютъ одну изъ красивѣйшихъ частей полуострова, веселую, гористую и холмистую мѣстность, которая должна была создать своеобразное населеніе, не похожее ни на кастильцевъ, ни на грубыхъ галисійцевъ. Еще и нынѣ португальцы питаютъ живую ненависть къ смертельнымъ врагамъ своимъ, кастильцамъ, а ограниченныхъ галисійцевъ, заработывающихъ свой хлѣбъ въ Португаліи въ качествѣ носильщиковъ и поденщиковъ, избираютъ мишенью своихъ насмѣшекъ.

Такимъ образомъ географическія условія являются отчасти причиной тому, что Галисія, представляющая по своей природѣ составную часть сѣвернаго берега, не удержала за собой Португаліи. Съ другой стороны стремленіе Кастиліи во что бы то ни стало удержать за собой Галисію въ значительной степени объясняется основаніемъ въ Галисіи испанскаго національнаго святилища, знаменитаго во всей Европѣ мѣста стеченія паломниковъ, Сантьяго-де-Компостела, богатства котораго въ случаѣ нужды могли служить и важнымъ финансовымъ источникомъ. Держава, считавшая своей главной задачей борьбу съ исламомъ и стремившаяся подчинить своему скипетру весь полуостровъ, не могла выпустить изъ своихъ рукъ защиту мощей святого Іакова, покровителя всѣхъ настоящихъ испанцевъ. Такимъ образомъ первымъ шагомъ самостоятельной португальской политики явилась борьба съ Галисіей, отдѣленной впрочемъ лишь на короткое время отъ кастильско-леонскаго государства. Независимости молодое государство достигло лишь тогда, когда Кастилія при Альфонсѣ VI рѣшила нанести послѣдній ударъ мелкимъ магометанскимъ государствамъ, и натискъ африканскихъ спасителей ислама, альморавидовъ, глубоко потрясъ кастильскую державу (см. ниже, стр. 520).

г) Соединеніе Леона съ Кастиліей.

Отдѣльныя части сѣвероиспанскаго государства, главнымъ образомъ Леонъ и Кастилія, нерѣдко приходили къ кровавымъ столкновеніямъ между собой, прежде чѣмъ всѣ силы страны соединились на общую борьбу съ врагами христіанства на югѣ. Вмѣшательство сосѣднихъ государствъ Наварры и Арагоніи въ эти домашніе раздоры ни въ коемъ случаѣ не способствовало ихъ улаженію. Абдеррахманъ III и Аль-Мансуръ съумѣли воспользоваться этой разрозненностью христіанской Испаніи, и блестящими походами вновь возстановили въ прежнемъ блескѣ пошатнувшееся уже было положеніе царства халифовъ, отчасти съ помощью христіанскихъ-же войскъ, не гнушавшихся службой въ рядахъ своихъ смертельныхъ враговъ. Королевство Леонъ, казалось, готово было совершенно распасться; Кастилія была почти самостоятельна. Когда-же въ 1028 году Санчо Великій Наваррскій въ силу наслѣдственнаго права присвоилъ себѣ Кастилію, послѣ того какъ Арагонія и Собрарба уже раньше присягнули ему на вѣрность, центръ христіанскаго могущества, казалось, совершенно передвинулся на востокъ. Но тріумфъ маленькой Наварры былъ лишь кажущимся. Незадолго предъ смертью, Санчо вновь раздѣлилъ едва успѣвшее соединиться царство, причемъ второй его

сынъ, Фернандо, получилъ Кастилію. Достаточно было незначительнаго повода, чтобы вовлечь Фернандо въ войну съ королемъ Леона, Бермудо III. Здѣсь окончательно выяснился перевѣсъ Кастиліи надъ Леономъ, Бермудо палъ въ битвѣ, и наслѣдствомъ его завладѣлъ, какъ побѣдитель и близкій родственникъ, Фердинандъ. Мѣсто стараго готскаго царствующаго дома, ведшаго свое происхожденіе отъ Реккареда, заступилъ знатный франкскій родъ изъ бывшей Испанской марки.

Соединеніе Кастиліи и Леона въ рукахъ одного кастильскаго князя, хотя и переживавшее еще нѣкоторые кризисы, имѣло рѣшающее вліяніе на судьбы Испаніи. Вскорѣ послѣ этого Наварра потеряла всѣ свои завоеванія къ югу отъ Эбро въ борьбѣ съ новымъ развивавшимся государствомъ и заперла себѣ такимъ образомъ путь къ дальнѣйшему расширенію своихъ владѣній. Сарацинскіе князья Толедо и Сарагоссы поспѣшили умилостивить опаснаго сосѣда уплатой дани. Послѣ смерти Фердинанда царству его, правда, вновь грозило распаденіе; но междоусобная война закончилась полной побѣдой Альфонса VI (1073). Теперь можно было наконецъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, чтобы приступить къ новымъ завоеваніямъ въ магометанской Испаніи.

Большая часть окраины уже давно была заселена христіанскими поселенцами. Съ хребтовъ Гвадарамы передъ кастильской пограничной стражей разстилался видъ на долину Тахо, и разбойничьи шайки особенно охотно грабили область Толедо; такимъ образомъ представлялся случай перенести границу съ Тахо до Гвадіаны. Толедо не могъ и думать о сопротивленіи, когда Альфонсъ вмѣшался въ внутренніе раздоры маленькаго государства и наконецъ ясно выразилъ свое намѣреніе завладѣть городомъ и его областью. Въ 1085 городъ открылъ побѣдителю свои ворота. Часть жителей эмигрировала на югъ, другая осталась на родинѣ на выгодныхъ условіяхъ и въ значительной мѣрѣ способствовала тому, что именно въ Толедо и понынѣ сохранились остатки старой мавританской промышленности. Впрочемъ въ Толедо и въ эпоху ислама существовала христіанская община. На смѣлую прогрессивную политику Альфонса указываетъ уже тотъ фактъ, что онъ немедленно перенесъ свою резиденцію въ Толедо, очевидно разсчитывая, что городъ этотъ не долго останется пограничнымъ. Въ это-же время и португальское государство приняло болѣе твердыя формы: графъ Генрихъ Бургундскій, пріѣхавшій въ Испанію добровольцемъ и женившійся на дочери Альфонса, предпринялъ побѣдоносный походъ по западному берегу и получилъ въ награду область между Миньо и Тахо, какъ вассальное графство (1094). Въ это-же время былъ завоеванъ и Лиссабонъ, но его не удалось удержать.

Г. **Востокъ.**

На восточномъ берегу Испаніи могущество арабовъ также сильно пошатнулось въ эти годы, хотя Альфонсъ лично и не принималъ участія въ борьбѣ; необузданная сила испанскаго феодальнаго рыцарства развернулась здѣсь со всѣми своими преимуществами и слабостями подъ предводительствомъ человѣка, ставшаго любимцемъ народныхъ сказаній и типомъ испанскаго героя. Исторія можетъ дать лишь скудныя свѣдѣнія о жизни Родриго Діаса, Сида или Кампеадора де Виваръ. Изгнанный изъ Кастиліи за свой безпокойный и легко воспламеняющійся характеръ, онъ во главѣ отряда рыцарей бросился въ восточную часть полуострова, гдѣ выступалъ то союзникомъ, то врагомъ сарациновъ, поступая на службу то къ той, то къ другой партіи. Онъ достигъ наибольшей славы въ ту эпоху, когда появленіе альморавидовъ изъ Марокко нагнало ужасъ на всѣхъ мелкихъ арабскихъ князей; выступивъ ихъ союзникомъ, Сидъ завладѣлъ

наконецъ Валенсіей (1094). Онъ удержалъ ее за собой до самой своей смерти, но затѣмъ она вновь перешла въ руки магометанъ.

Походъ Сида на Валенсію по времени приблизительно совпадаетъ съ первымъ крестовымъ походомъ. Воинственный религіозный духъ, одушевлявшій въ то время всѣ феодальныя государства Европы, не обошелъ и Испанію. Но испанцамъ незачѣмъ было искать враговъ христіанства въ Іерусалимѣ; категорическій приказъ папы вызвалъ испанскихъ борцовъ на войну съ невѣрными въ собственной странѣ. Вновь упали преграды между Испаніей и остальной Европой: какъ показываетъ примѣръ Генриха Бургундскаго, изъ Франціи черезъ Пиренеи стекались многочисленные рыцари съ тѣмъ, чтобы здѣсь по близости привести въ исполненіе данные ими обѣты принять участіе въ крестовыхъ походахъ. Португальцы были обязаны многими рѣшительными успѣхами помощи нѣмецкихъ и нидерландскихъ крестоносцевъ, останавливавшихся по пути въ Іерусалимъ въ португальскихъ гаваняхъ. Однако надежды на дальнѣйшія завоеванія, вызванныя паденіемъ Толедо, оказались пока тщетными; въ минуту крайней опасности испанскіе магометане обратились за помощью въ Африку, и эта помощь сильною рукой остановила прогрессъ христіанства, но въ то-же время положила конецъ и существованію большинства мелкихъ магометанскихъ государствъ.

Д. Альморавиды.

Эта помощь явилась въ лицѣ Юсуфа (Юсефа и Юсофа), князя альморавидовъ (морабитовъ) въ Марокко. Въ религіозно-воинственной сектѣ альморавидовъ, вышедшихъ изъ суровыхъ кочующихъ племенъ западной Мавританіи, вновь воплотилась фанатическая жажда подвиговъ первыхъ дней ислама; въ ихъ лицѣ сила номадовъ вновь восторжествовала надъ миролюбивыми стремленіями хлѣбопашцевъ и ремесленниковъ. Въ первой половинѣ XI вѣка началось движеніе, повлекшее за собой паденіе Зеиритовъ, въ то время повелителей Мавританіи, и вырвавшее даже область Карѳагена изъ рукъ Фатимидовъ (см. стр. 242). Столицей новаго государства сдѣлался Марокко. Когда затѣмъ въ лицѣ Юсуфа во главѣ государства сталъ хитрый и рѣшительный человѣкъ, и для Испаніи насталъ часъ развязки: съ сѣвера на цвѣтущую Андалузію надвигались войска Альфонса Кастильскаго, на югѣ, по ту сторону пролива, стояли войска Юсуфа, опасные спасители, готовые по первому знаку переправиться въ Испанію. Князья Андалузіи рѣшились наконецъ обратиться за помощью къ марокканцамъ. Юсуфъ только этого и ждалъ. Въ 1086 году онъ высадился въ Испаніи съ громаднымъ войскомъ и, подкрѣпленный ополченіемъ андалузянъ, двинулся къ Эстремадурѣ, тѣснимой кастильцами. При Салакѣ, недалеко отъ Бадахоса, произошла битва, въ которой вооруженная латами кастильская конница должна была уступить тяжеловооруженной пѣхотѣ и негритянской гвардіи Юсуфа. Альфонсъ, правда, быстро оправился отъ удара и уже въ слѣдующемъ году приготовился отразить всякое нападеніе на Толедо; но онъ уже не могъ думать о завоеваніи Андалузіи: кастильскій левъ, угрожающе поднявшій свою лапу противъ приверженцевъ ислама, на долго утратилъ свою прежнюю силу.

Тѣмъ удобнѣе было Юсуфу приняться за осуществленіе своихъ плановъ въ Андалузіи. Онъ и не думалъ вновь очистить съ трудомъ завоеванную область, которая, какъ въ силу своего богатства, такъ и въ силу безнадежной разрозненности, несомнѣнно должна была стать жертвой всякаго смѣлаго завоевателя. Юсуфъ имѣлъ друзей и въ Андалузіи. Ортодоксальные теологи, давно съ ужасомъ смотрѣвшіе на артистическую, облагороженную, полную наслажденій и веселья жизнь, царившую при дворахъ повелителей Андалузіи, радушно встрѣтили вождя фанатическихъ

и невѣжественныхъ альморавидовъ. Они употребили все свое не малое вліяніе на то, чтобы расположить населеніе въ пользу африканца и окончательно погубить и безъ того пошатнувшееся положеніе туземныхъ князей; съ большой готовностью освободили они Юсуфа и отъ данной имъ передъ переправой клятвы не дѣлать въ Испаніи завоеваній. Абдаллахъ Гранадскій первый долженъ былъ уступить мѣсто намѣстнику Юсуфа. Съ большей славой защищался Мутамидъ Севильскій; послѣ паденія Кордовы онъ надѣялся еще держаться при помощи христіанскихъ наемныхъ войскъ, но былъ окончательно побѣжденъ въ 1091 году и провелъ остатокъ жизни въ суровомъ заточеніи. Послѣ этого пала Альмерія, а вслѣдъ за нею и Мурсія; мелкіе магометанскіе князья Валенсіи оказали съ помощью Сида отчаянное сопротивленіе, но въ концѣ концовъ также должны были сдаться. На западѣ войска альморавидовъ завладѣли Бадахосомъ. Только эмиръ Сарагоссы сохранилъ свою независимость благодаря мудрой политикѣ и выгодному положенію своего маленькаго царства; при помощи войскъ альморавидовъ онъ отразилъ три нападенія арагонцевъ, а затѣмъ съумѣлъ освободиться и отъ неудобныхъ гостей. Только Гуэска отошла въ то время къ Арагоніи (1096).

Такъ спасена была магометанская Испанія и вновь возстановлено было политическое единство, правда, дорогою цѣной. Мирной идиллической жизни мелкихъ государствъ былъ положенъ конецъ; во всѣхъ большихъ городахъ стояли отнынѣ альморавидскіе гарнизоны, и союзъ сабли съ кораномъ повсюду заглушалъ свободную умственную жизнь. Поэты и философы, еще недавно служившіе лучшимъ украшеніемъ блестящихъ дворовъ, теперь бродили какъ нищіе, или-же подвергались еще худшей участи. О прежней религіозной терпимости не было и помину. Замѣчательно, что въ то самое время, какъ на сѣверѣ папы и крестоносцы своимъ примѣромъ пробудили и обострили христіанскій фанатизмъ, въ Андалузіи начались преслѣдованія христіанъ и евреевъ и часть оставшихся еще тамъ христіанъ „мосарабовъ" принуждена была эмигрировать въ Кастилію.

Масса андалузскаго населенія, мало интересовавшаяся стѣсненіемъ духовной свободы и притѣсненіемъ невѣрныхъ, сочувственно относилась къ господству альморавидовъ до тѣхъ поръ, пока во главѣ правленія стояли энергичные князья. Вновь возстановлены были порядокъ въ дѣлахъ внутренняго управленія и безопасность внѣшнихъ границъ; гнетъ налоговъ значительно уменьшился. При плодородіи страны и прирожденномъ трудолюбіи населенія, этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ было достаточно, чтобы поднять общее благосостояніе. Но такое счастливое состояніе не могло долго продолжаться. Варвары пустыни, овладѣвшіе богатой и роскошной страной, стали вырождаться съ ужасающей быстротой. Отказавшись отъ неудачной попытки пріобрѣсти хотя бы нѣкоторую долю высшей цивилизаціи, они тѣмъ охотнѣе предались той распутной и полной наслажденій жизни, которая всегда составляла слабую сторону населенія Андалузіи и вела его къ гибели. Вскорѣ обычныя подати не могли уже удовлетворить потребностей многочисленныхъ альморавидскихъ чиновниковъ, жившихъ въ городахъ Испаніи съ роскошью тирановъ. Въ то время какъ военныя доблести марокканъ падали съ ужасающей быстротой, въ то время какъ вновь начались вторженія христіанъ и на большихъ дорогахъ безнаказанно грабили разбойники, въ то время какъ торговля и промышленность окончательно пали, потребности этихъ ненавистныхъ варварскихъ расточителей наоборотъ все росли.

При жизни Юсуфа государство наслаждалось еще покоемъ; и сынъ его Али, вступившій на престолъ послѣ смерти отца (1106), казалось, былъ его достойнымъ преемникомъ. Когда Али въ 1108 году разбилъ при Уклесѣ молодого сына Альфонса VI, Санчо, на его военныя доблести были

возложены большія ожиданія: магометане надѣялись уже вновь завладѣть Толедо. Однако съ побѣдой при Уклесѣ могущество альморавидовъ достигло своего кульминаціоннаго пункта. Исламу нанесенъ былъ страшный ударъ, когда въ 1118 году князья Сарагоссы, не имѣя возможности соединиться съ вспомогательными войсками альморавидовъ для совмѣстной обороны, принуждены были сдать свой городъ Арагоніи: такъ окончательно была потеряна самая сѣверная позиція арабовъ, державшая въ постоянномъ страхѣ Арагонію и Каталонію. Въ общемъ борьба съ христіанами, занятыми въ то время, къ счастью для андалузянъ, внутренними раздорами, все болѣе и болѣе превращалась въ пограничную войну, гибельную для обѣихъ сторонъ и не дававшую никакихъ прочныхъ результатовъ. Въ 1125 году Альфонсъ Арагонскій въ отвѣтъ на вторженія альморавидовъ предпринялъ грандіозный походъ и при помощи очень многочисленныхъ еще въ Гранадѣ мосарабскихъ христіанъ проникъ до Гранады и даже почти до Малаги: это былъ блестящій рыцарскій подвигъ, не имѣвшій однако никакого дальнѣйшаго значенія.

E. Альмогады.

Плачевное состояніе альморавидскаго господства должно было наконецъ побудить андалузянъ свергнуть ненавистное иго африканскихъ варваровъ. Они уже были готовы изгнать альморавидовъ, хотя-бы съ попомощью христіанскихъ государей и замѣнить такимъ образомъ одно рабство другимъ, когда начавшееся разложеніе африканскаго царства альморавидовъ обратило ихъ взоры въ другую сторону. Реформаціонная секта альмогадовъ, основатель которой Абдаллахъ выдавалъ себя за Магди, несмотря на всѣ преслѣдованія и случайныя неудачи стала развиваться въ страшную, политическую силу, направленную главнымъ образомъ противъ альморавидовъ. Въ 1145 году повелитель альморавидовъ, Ташфинъ, погибъ въ борьбѣ съ преемникомъ Магди, Абдъ-аль-Муменомъ. Уже годомъ раньше въ восточной Андалузіи вспыхнуло возстаніе; за нимъ послѣдовали возстанія и въ другихъ провинціяхъ. Въ магометанской Испаніи вновь наступилъ періодъ смутъ. Новыя государства возникали и падали; города и провинціи боролись другъ съ другомъ. Среди всѣхъ этихъ смутъ альморавиды, потерявшіе съ городомъ Марокко свое послѣднее владѣніе въ Африкѣ, держались еще въ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ городахъ и замкахъ; съ помощью христіанскихъ войскъ они даже вновь завладѣли Кордовой (1147). Наконецъ въ Испаніи высадилось войско альмогадовъ; оно однако не имѣло того быстраго успѣха, какого можно было-бы ожидать. Христіанскіе князья не преминули конечно воспользоваться случаемъ, чтобы напасть на обезсиленную внутренними раздорами страну. Повелитель Кастиліи во главѣ сильнаго войска прошелъ Андалузію и Гранаду и съ помощью флота, выставленнаго генуэзцами, пизанцами и каталонцами, взялъ городъ Альмерію, надежнѣйшее убѣжище магометанскихъ морскихъ разбойниковъ, давно навлекавшее на себя негодованіе всѣхъ христіанскихъ державъ Средиземнаго моря (1147). Почти одновременно съ этимъ король Альфонсъ Португальскій взялъ Лиссабонъ; графъ Барселонскій завладѣлъ Тортосой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устьемъ Эбро.

Мало по малу счастье окончательно перешло на сторону альмогадовъ. Они завладѣли Кордовой и отняли у христіанъ Альмерію. Наконецъ взята была и Гранада, послѣднее убѣжище альморавидовъ въ Андалузіи; остатки нѣкогда столь могущественнаго народа бѣжали на Балеарскіе острова (1157). Распаденіе тѣсно сплотившейся на время христіанской Испаніи и возникшія отсюда смуты дали возможность альмогадамъ окончательно укрѣпить свое могущество. Въ общемъ господство ихъ не отличалось той суровостью, какъ господство альморавидовъ; бѣлое знамя альмогадовъ собрало вокругъ

себя лучшія части сѣверо-африканской смѣси народовъ, возставшія противъ тиранніи суровыхъ и грубыхъ жителей степей, и повергло въ прахъ черное знамя альморавидовъ. Къ счастію для философіи и науки, между ортодоксальными теологами и альмогадскими сектантами лежала непроходимая пропасть. Однако и при альмогадахъ въ Испаніи преобладали берберы, мало поддававшіеся вліянію культуры; въ этомъ смыслѣ нельзя считать благопріятнымъ для испанцевъ-магометанъ то обстоятельство, что въ страну вновь проникъ сильный потокъ этой расы. Исходъ сраженій альмогадовъ рѣшала вооруженная длинными копьями берберская пѣхота, подкрѣпленная арабскими рыцарями, христіанскими наемниками и негритянской гвардіей. Подъ защитой этого войска вновь поднялось благосостояніе Андалузіи. Намѣстники провинцій, большей частью родственники повелителя альмогадовъ, Абдъ-аль-Мумена, во всякомъ случаѣ стояли выше испорченныхъ альморавидскихъ военачальниковъ. Поэты и ученые вновь нашли себѣ щедрыхъ покровителей; особенное вниманіе удѣлялось архитектурѣ, отъ чего, правда, больше выиграли африканскіе города, чѣмъ андалузскіе.

Послѣ смерти Абдъ-аль-Мумена (1163) сынъ его Юсуфъ (Юсофъ) подчинилъ Валенсію и Мурсію, гдѣ съ помощью христіанъ удержалась магометанская династія. Война съ христіанскими государствами продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ. Только при преемникѣ Юсуфа, Аль-Мансурѣ, вновь произошло одно изъ тѣхъ могучихъ столкновеній, которыя по временамъ прерывали печальный перечень осадъ и опустошеній. Кастильцы, которые въ то время не могли разсчитывать на поддержку своихъ единовѣрцевъ, возстановили противъ себя князя альмогадовъ опустошительнымъ набѣгомъ на Андалузію; Аль-Мансуръ переправился черезъ проливъ во главѣ громаднаго войска и въ 1195 году въ кровопролитной битвѣ при Аларкосѣ разбилъ кастильское ополченіе, напрасно поджидавшее подкрѣпленій изъ Наварры и Леона. Однако въ слѣдующемъ году Аль-Мансуръ тщетно пытался вновь завоевать Толедо. Даже блестящіе успѣхи магометанъ могли лишь отдалить моментъ приближающейся гибели, не давая рѣшительнаго поворота дѣлу; смуты, вновь вспыхнувшія въ христіанской Испаніи, также не принесли никакой пользы альмогадамъ. Когда наконецъ преемникъ Аль-Мансура, Мухаммедъ, собралъ всѣ силы магометанъ на рѣшительную борьбу, христіанскіе князья также соединились на общее дѣло. Битва при Навасъ-де-Толоса (стр. 527) нанесла окончательный ударъ счастью и могуществу альмогадовъ.

Когда Альфонсъ XI Кастильскій послѣ битвы при Салакѣ, тяжело раненый, покидалъ поле битвы, въ головѣ его носились, можетъ быть, уже новые планы; врядъ-ли онъ могъ предвидѣть, что всякому поступательному движенію на югъ суждено было прекратиться на цѣлое столѣтіе и что для царства его наступалъ новый періодъ внутреннихъ смутъ. Смерть единственнаго сына при Уклесѣ (стр. 521) побудила его оставить царство дочери Урракѣ, за исключеніемъ одной лишь Галисіи, которая предназначена была сыну Урраки отъ ея перваго брака съ графомъ Раймундомъ Бургундскимъ, позднѣе Альфонсу VII. Вначалѣ казалось, правда, что именно эти затрудненія приведутъ къ единенію испанскихъ земель: энергичный король Арагоніи, Альфонсъ I получилъ руку Урраки Кастильской. Но если Альфонсъ I думалъ воспользоваться всѣми силами сѣверной Испаніи для своихъ цѣлей, то онъ не принялъ въ разсчетъ неукротимой гордости кастильцевъ и характера Урраки, вѣрной дочери своей родины. Едва Альфонсъ VI успѣлъ сойти въ могилу (1109), какъ уже Кастилія подняла оружіе противъ Арагоніи. Послѣдовавшія затѣмъ смуты наиболѣе повредили Кастиліи: безразсудное поведеніе Урраки уничтожило всякую дисциплину въ странѣ, а повелитель Арагоніи умѣлъ пользоваться спокойными моментами, чтобы расширить границы своей родной земли и даже завоевалъ Сарагоссу (1118). Со смертью Урраки въ 1116 году вновь

прекратилась связь между Арагоніей и Кастиліей; Альфонсъ VII сталъ во главѣ своего разстроеннаго государства. Среди непрерывныхъ войнъ съ сарацинами вновь усилилось могущество кастильско-леонскаго государства, Арагонія-же послѣ смерти Альфонса I (1134) опять распалась на свои первоначальныя составныя части, Арагонъ и Наварру, и утратила свое первенствующее положеніе. Въ это-же время значительно поднялось графство Барселона, соединенное съ Провансомъ.

Въ 1135 году на сеймѣ, созванномъ въ Леонѣ, Альфонсъ VII съ согласія прочихъ князей, присутствовавшихъ на сеймѣ лично или-же пославшихъ своихъ представителей, провозгласилъ тебя императоромъ Испаніи, Впрочемъ уже Фердинандъ I и Альфонсъ VI изъявили притязанія на императорскій титулъ, имѣвшій, конечно, въ Испаніи другое значеніе, чѣмъ въ Италіи и Германіи. Вспыхнувшія вслѣдъ за коронованіемъ смуты ясно показали Альфонсу VII, что князья иначе понимали свое отношеніе къ императору, чѣмъ онъ самъ.

На защиту своей самостоятельности первой выступила Португалія; она нашла поддержку въ Наваррѣ, горное населеніе которой вновь потвердило установившуюся уже за нимъ репутацію непобѣдимаго народа. Въ 1139 году графъ Альфонсъ Португальскій принялъ титулъ короля. Отнявъ въ 1147 году съ помощью нѣмецкихъ и нидерландскихъ крестоносцевъ у сарациновъ Лиссабонъ, онъ сдѣлалъ его столицей своего государства.

Между тѣмъ на востокѣ произошло чрезвычайно важное событіе: отказавшись отъ престола, Рамиро II Арагонскій оставилъ страну своей двухлѣтней дочери Петронеллѣ, обрученной съ согласія Альфонса VII съ графомъ Раймундомъ Беренгаріемъ IV Каталонскимъ; графъ немедленно же занялъ мѣсто Рамиро, удалившагося въ монастырь. Такъ окончательно были соединены государства Каталонія или Барселона и Арагонія. Это событіе имѣло по своимъ послѣдствіямъ чрезвычайно важное значеніе для всей Испаніи. Соединенная съ чисто испанскимъ государствомъ Арагоніей, могущественная морская держава Каталонія, важнѣйшіе интересы которой были сосредоточены на Средиземномъ морѣ, получила значительныя внутреннія земли, но въ то-же время и интересы ея отнынѣ были тѣсно связаны съ интересами всѣхъ христіанскихъ государствъ Испаніи. А такъ какъ все развитіе Испаніи несомнѣнно указывало на то, что она со временемъ обратится въ одно объединенное государство, то Каталонія въ будущемъ должна была составить провинцію Испаніи, а не Франціи, и всѣ завоеванія каталонской морской державы должны были достаться въ наслѣдство Кастиліи. Въ своей позднѣйшей міровой политикѣ Испанія опиралась главнымъ образомъ на каталонско-арагонскія владѣнія въ западномъ бассейнѣ Средиземнаго моря, къ завоеванію которыхъ каталонцы приступили вскорѣ послѣ соединенія Каталоніи съ Арагоніей, такъ какъ прежнія попытки завладѣть Балеарскими островами окончились неудачей. Въ XIII и XIV вѣкахъ вліяніе обоихъ соединенныхъ государствъ распространилось еще дальше; въ концѣ концовъ арагонцамъ удалось водрузить свое знамя на всѣхъ большихъ островахъ западнаго бассейна Средиземнаго моря, не исключая и Сициліи, и даже часть Греціи одно время признавала главенство Арагона. Въ то-же время континентальные интересы соединеннаго государства требовали расширенія границъ на югѣ; необходимо было обезпечить за собой часть мавританскихъ земель; и дѣйствительно, въ 1238 году арагонцы захватили Валенсію. Но побѣда въ этой борьбѣ осталась на сторонѣ Кастиліи, занявшей въ 1243 году Мурсію и положившей такимъ образомъ предѣлъ дальнѣйшимъ завоеваніямъ Арагоніи.

На ряду съ этими политическими стремленіями испанскихъ государствъ шли и важныя внутреннія преобразованія, благодаря которымъ XI и XII столѣтія имѣли чрезвычайно важное значеніе для будущности страны.

История человѣчества. II. — Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Главнѣйшіе рыцарскіе ордена Испаніи и Португаліи.

(Изъ Christian Friedrich Schwan, Abbildungen derjenigen Ritterorden, welche eine eigene Ordenskleidung haben: Mannheim 1791.)

Главнѣйшіе рыцарскіе ордена Испаніи и Португаліи.

Рыцарь Св. Бенедикта Ависскаго въ Португаліи.

1147 „Новое рыцарство“.
1162 Духовный рыцарскій орденъ. Первый магистръ Петръ, принцъ и перъ Франціи.
Уставъ Св. Бенедикта, цистерціанскій.
1166 „Рыцари Эворы.“
1187 „Рыцари Ависа.“
1213 Пожалованіе португальскихъ владѣній испанскаго ордена Калатравы, которому за то принадлежитъ право суда.
1214 Подтвержденіе ордена папой Иннокентіемъ III.
1385 Отдѣленіе отъ ордена Калатравы.
1550 Соединеніе сана великаго магистра съ Португальской короной.
1789 Орденъ за военныя заслуги, 3 класса.

Рыцарь ордена Калатравы въ Испаніи.

1158 Пожалованіе города Калатравы королемъ Санчо III. Кастильскимъ аббату цистерціевъ домъ-Раймунду изъ аббатства Б. М. въ Фитеро въ Наваррѣ. Учрежденіе ордена. Уставъ цистерціанскій.
1163 Первый великій магистръ донъ Гарсіасъ Отдѣленіе рыцарей отъ монаховъ Фитеро.
1164 Подтвержденіе ордена папой Александромъ III.
1197 Взятіе Калатравы маврами. „Орденъ Сальватерры.“
1212 Обратное завоеваніе Калатравы.
1498 Управленіе орденомъ переходитъ къ Фердинанду Католику.
1523 Санъ великаго магистра соединяется съ Испанской короной.
1872 Уничтоженіе ордена.
1874 Возстановленіе. 1 классъ.

Рыцарь Сантьяго съ мечемъ въ Испаніи.

Время учрежденія ордена неизвѣстно; существовалъ уже 1030.

1170 Соединеніе 13 дворянъ съ канониками св. Элигія при Компостелѣ.
1175 Подверждеіе папою Александромъ III. Уставъ св. Августина.
1290 Португальская вѣтвь ордена (здѣсь 1789 и 1862 новые статуты. Нынѣ орденъ за заслуги по наукѣ и искусству, 5 классовъ).
1493 Испанскій орденъ поступаетъ подъ управленіе испанскихъ королей.
1522 Соединеніе сана великаго магистра съ Испанской короной. Карлъ I, замѣняетъ совѣтъ 13-ти королевскимъ орденскимъ совѣтомъ.
1524, 1525, 1542 Папскія подтвержденія для Испаніи.
1633 Усиленіе требованій благородства происхожденія (Испанія); 3 класса.

Рыцарь ордена Монтезской Богоматери въ Испаніи.

1316 Учрежденіе ордена Іаковомъ II Арагонскимъ и одареніе его Валенсійскими владѣніями уничтоженнаго ордена темпліеровъ. Подсудность ордену Калатравы. Уставъ Св. Бенедикта.
1572 Подверждение папою Павломъ III.
1587 Смерть послѣдняго великаго магистра, дона Петра Людовика Гальсеранъ да Борга. Управленіе переходитъ къ Испанской коронѣ.
1872 Уничтоженіе ордена.
1874. Возстановленіе; придворный орденъ съ духовнымъ оттѣнкомъ, 1 классъ.

Соотвѣтственно своему естественному положенію, государства Испаніи, особенно Леонъ и Кастилія, дотолѣ вели крайне замкнутое существованіе. Ведя непрерывныя войны, они собственными силами очистили часть бывшаго царства готовъ отъ своихъ смертельныхъ враговъ. Сохранившіеся въ этотъ грубый періодъ остатки культуры возникли главнымъ образомъ въ ту счастливую эпоху готскаго государства, когда исповѣданіе Аѳанасія соединило подъ своимъ знаменемъ римскіе и германскіе элементы. Государство и церковь были построены на этомъ старомъ основаніи; сохранившаяся въ неизмѣненномъ видѣ готская литургія и толедская письменность служили внѣшними знаками обособленнаго положенія испанскаго народа, настолько соотвѣтствовавшаго его характеру, что нечего было и думать о добровольномъ ознакомленіи его съ прочей западно-европейской цивилизаціей; сближенію-же съ мавританской культурой препятствовала религіозная рознь.

Существовала однако сила, которая не могла допустить такого отдѣленія христіанскихъ государствъ отъ общей церковной іерархіи, сила, уже въ теченіе вѣковъ стремившаяся утвердить превосходство церковной власти надъ государственной и возродить древнюю римскую имперію въ новыхъ формахъ. Сила эта была папство, начинавшее понимать, что изъ испанскихъ крестоносцевъ можно было создать надежнѣйшую опору римскаго престола. Въ періодъ крестовыхъ походовъ римская курія вполнѣ сознала свою силу; она повела теперь міровую политику и не въ ея интересахъ было умалять значеніе Испаніи. Прежде всего необходимо было тѣсно связать испанскую церковь, носившую чисто національный характеръ, съ римской, а для этого нужно было устранить готскую литургію и пополнить ряды испанскаго духовенства чуждыми ему элементами. Надежнѣйшими помощниками куріи въ этой борьбѣ за преобладающее церковное вліяніе оказались французскіе бенедиктинскіе монахи, во множествѣ переселявшіеся въ концѣ XI вѣка и избравшіе своимъ средоточіемъ монастырь Сагагунъ (между Леономъ и Паленсіей), пользовавшійся чрезвычайными привилегіями. Изъ Сагагунскаго монастыря вышелъ и архіепископъ Бернгардъ Толедскій (1086), въ фанатическомъ отношеніи котораго къ магометанамъ его округа проявились первые слѣды того духа нетерпимости, который по существу былъ чуждъ грубымъ, но честнымъ испанцамъ того времени, и былъ привитъ этому благородному и великодушному народу только римскимъ вліяніемъ, а позднѣе нашелъ себѣ полное выраженіе во всѣхъ ужасахъ инквизиціи. Однако, сами того не желая, французскіе монахи стали въ то-же время и провозвѣстниками европейской культуры. Если со времени ихъ переселенія Испанія стала охотнѣе поддаваться внѣшнимъ вліяніямъ, то этотъ успѣхъ въ значительной мѣрѣ слѣдуетъ приписать ихъ дѣятельности.

Въ то-же время и крестовые походы способствовали сближенію между рыцарствомъ Испаніи и сосѣднихъ странъ. Укрѣпившіеся въ Арагоніи тампліеры съ блестящимъ успѣхомъ повели пограничную войну съ сарацинами; по ихъ образцу возникли въ Кастиліи въ XII вѣкѣ рыцарскіе ордена Сантьяго, Алькантары и Калатравы, въ Португаліи орденъ Ависа (см. приложенную таблицу „Главнѣйшіе рыцарскіе ордена Испаніи и Португаліи“). Эти ордена оказались превосходнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ исламомъ; но смѣшеніемъ политическихъ и религіозныхъ идей они способствовали образованію того воинственнаго фанатизма, который былъ вначалѣ силой Испаніи, но въ концѣ концовъ оказалъ роковое вліяніе на ея судьбы.

Рыцарство и духовенство въ союзѣ съ князьями или въ борьбѣ съ ними направляли въ то время судьбы страны. Но мало по малу въ городахъ, возникшихъ отчасти подъ охраной укрѣпленныхъ замковъ, отчасти еще въ римскій періодъ, на ряду съ этими элементами начали нарождаться

и первые зародыши гражданскаго общества. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, главнымъ образомъ въ Толедо, никогда не угасалъ доблестный древній гражданскій духъ; геройская борьба жителей Толедо за независимость своего городскаго управленія въ эпоху мавровъ напоминаетъ подвиги большихъ итальянскихъ муниципій въ средніе вѣка. Города Кастиліи и Леона только мало по малу пріобрѣли вліяніе и значеніе, отчасти съ помощью князей, смотрѣвшихъ на города, какъ на желательный противовѣсъ строптивой феодальной знати. Городскія положенія, фуэросы, древнѣйшій изъ которыхъ, дарованный городу Леону, относится къ 1020 году, укрѣпляли молодыя общины и вызывали въ нихъ извѣстное самосознаніе; непрерывныя войны, къ которымъ города обязаны были выставлять ополченія, будили военныя силы гражданъ. Въ 1132 году граждане Саламанки предприняли набѣгъ въ область Бадахоса, окончившійся, правда, полной неудачей, но свидѣтельствующій тѣмъ не менѣе о самоувѣренности этого леонскаго города. Мало по малу городамъ удалось добиться представительства на сеймахъ, кортесахъ; однако мы не можемъ точно установить, къ какому времени относится это событіе. Вліяніе городовъ особенно усилилось, когда послѣ завоеванія Андалузіи новымъ гражданамъ, поселеннымъ въ ея городахъ, были дарованы особыя привилегіи. Такъ возникъ еще цѣлый рядъ муниципій, достигшихъ вскорѣ значительнаго расцвѣта и богатства.

Быстрое низложеніе господства альмогадовъ въ Андалузіи, пощадившее королевство Гранаду, какъ послѣдній остатокъ мавританскихъ государствъ, является значительнѣйшимъ событіемъ XIII вѣка въ Испаніи. Вновь собравъ всѣ свои силы и обезпечивъ себѣ помощь со стороны остальныхъ государствъ полуострова, Кастилія такимъ образомъ разъ навсегда стала во главѣ иберійскихъ государствъ; но она достигла этой цѣли путемъ долгой и упорной борьбы. Императоръ Альфонсъ VII Кастильскій выступалъ то сторонникомъ мелкихъ магометанскихъ государствъ, то союзникомъ стѣсненныхъ до крайности альморавидовъ, всегда имѣя въ виду одну цѣль — ослабленіе магометанской Испаніи и затѣмъ окончательное ея порабощеніе. Вмѣшательство альмогадовъ въ судьбы Андалузіи совершенно разстроило его высокіе замыслы: послѣдній походъ 1157 года окончился неудачей, а при отступленіи императоръ умеръ въ Мурадальскомъ ущельѣ. Къ несчастью для христіанской Испаніи Альфонсъ раздѣлилъ свое царство между обоими своими сыновьями, изъ коихъ одинъ, Санчо III, получилъ Кастилію, другому-же, Фердинанду II, достался Леонъ съ прилежащими къ нему землями. Результатомъ такого дѣленія явился цѣлый рядъ войнъ между христіанскими государствами, которыми воспользовалась Португалія для окончательнаго укрѣпленія своей независимости (см. ниже).

Санчо III, приготовлявшійся уже принять титулъ императора, съумѣлъ бы быть можетъ удержать за Кастиліей ея первенствующее положеніе, если-бы ранняя смерть его (1170) не возвела на престолъ его трехлѣтняго сына Альфонса VIII (или IX; по кастильскому счисленію Альфонсъ III) и тѣмъ не положила начало періоду сильнѣйшихъ смутъ. Знатнѣйшіе дворянскіе роды Кастиліи, Кастро и Лара, стремились захватить въ свои руки опеку надъ мальчикомъ. Въ поискахъ за союзниками они вовлекли въ эту борьбу остальныхъ христіанскихъ князей и даже сарациновъ; страшное могущество, сосредоточенное въ рукахъ феодальной знати, впервые проявилось здѣсь во всей своей ужасающей силѣ. Государство, охраняемое отъ нападеній альмогадовъ скорѣе усиліями рыцарскихъ орденовъ, чѣмъ собственными силами, стало оправляться отъ пережитыхъ потрясеній лишь послѣ того, какъ молодой король самъ энергично взялъ въ свои руки бразды правленія. Однако раздоры между христіанскими государствами не прекратились и тогда; а многократное вмѣшательство папы съ его цер-

ковными отлученіями отнюдь не способствовало объединенію всѣхъ христіанскихъ государствъ на общую борьбу съ опасностью, грозившей имъ со стороны альмогадовъ.

Альфонсъ „Благородный“ Кастильскій энергично взялся за веденіе войны съ альмогадами, насколько это позволяла ему борьба съ сосѣдними христіанскими государствами; но кастильское войско потерпѣло пораженіе въ битвѣ при Аларкосѣ (1195; см. выше, стр. 523), а въ слѣдующемъ году войска альмогадовъ появились подъ стѣнами Толедо. Наконецъ въ виду надвигавшейся опасности въ христіанскихъ государствахъ пробудилось сознаніе необходимости большаго единства. Римская курія, проявлявшая дотолѣ свою силу главнымъ образомъ запрещеніемъ браковъ, взяла наконецъ на себя тяжелую задачу подвинуть христіанскія государства на совмѣстную борьбу съ альмогадами. Въ особенности казалось почти невозможнымъ образумить государства Кастилію и Леонъ, въ слѣпой ненависти буквально сцѣпившіяся другъ съ другомъ. О томъ, чего можно было вообще ожидать отъ христіанскихъ князей, свидѣтельствуетъ лучше всего замыселъ Санчо VII Наварскаго завладѣть сѣверной Испаніей съ помощью альмогадовъ и въ качествѣ ихъ вассала; среди возникшихъ вслѣдъ за этимъ смутъ Санчо потерялъ однако свои баскскія провинціи, перешедшія къ Кастиліи.

Едва положивъ основаніе лучшимъ отношеніямъ къ остальнымъ князьямъ, Альфонсъ Благородный, очевидно съ согласія и одобренія папы Иннокентія III, рѣшился на крайне опасную игру, обѣщавшую однако въ случаѣ счастливаго исхода блестящіе результаты: многократными опустошительными набѣгами на Андалузію онъ такъ вооружилъ противъ себя повелителя альмогадовъ Мухаммеда, что послѣдній объявилъ священную войну противъ христіанъ и переправилъ въ Испанію изъ сѣверной Африки громадное войско. Теперь должно было выясниться, правильны-ли были разсчеты Альфонса: если-бы ему удалось на время соединить въ своихъ рукахъ всѣ силы Испаніи, онъ могъ разсчитывать на побѣду, и королевство Кастилія должно было въ этомъ случаѣ получить въ награду Андалузію. Если-бы попытка наоборотъ не удалась, Альфонсъ потерялъ-бы по крайней мѣрѣ южную часть своего государства, а первенствующее положеніе среди христіанскихъ государствъ окончательно перешло-бы къ Арагоніи. На этотъ разъ счастье осталось на сторонѣ Альфонса. Духовенству, получавшему указанія изъ Рима, удалось воодушевить населеніе Испаніи на борьбу съ исламомъ, и этому настроенію вскорѣ не смѣлъ противиться ни одинъ изъ князей; въ Испанію стали стекаться крестоносцы даже изъ Франціи. При Навасъ-де-Толоса, недалеко отъ верхняго Гвадалквивира, соединенное христіанское войско встрѣтилось съ войсками альмогадовъ и нанесло имъ тяжелое пораженіе (1212).

6. Гегемонія Кастиліи.

А. Великая держава Кастилія.

Такъ рѣшилась судьба Андалузіи, хотя полное завоеваніе этой обширной области потребовало еще десятки лѣтъ, и въ Гранадѣ удержались послѣдніе остатки господства мавровъ. Послѣ смерти Альфонса Благороднаго (1214) въ Кастиліи начались споры о престолонаслѣдіи. За смертью всѣхъ прямыхъ потомковъ Альфонса, престолъ перешелъ наконецъ къ Фердинанду „Святому“, сыну короля леонскаго, вновь соединившему послѣ смерти отца королевства Кастилію и Леонъ (1230). Этимъ заканчивается печальный періодъ борьбы между обоими государствами; Кастилія обращается въ великую державу.

Теперь наконецъ можно было воспользоваться плодами побѣды при Навасъ-де-Толоса. Альмогады уже не могли оправиться отъ своего пораженія: возстанія андалузянъ и споры о престолонаслѣдіи все болѣе и болѣе ослабляли ихъ могущество. Поэтому нечего было и думать о серьезномъ сопротивленіи кастильскому оружію: въ 1236 году Фердинандъ завладѣлъ и старой резиденціей халифовъ, Кордовой, несмотря на то, что вождь андалузскихъ мавровъ, Мутаваккель, потомокъ сарагосскихъ Бени-Гудовъ (см. выше, стр. 513), направилъ всѣ свои силы на выручку этого города. Послѣ смерти Мутаваккеля мавры выбрали своимъ вождемъ Мухаммеда-бенъ-Альхамара, происходившаго изъ знатнаго андалузскаго рода: Мухаммедъ укрѣпился въ Гранадѣ и основалъ тамъ государство, которому суждено было просуществовать больше двухъ вѣковъ. Признавъ себя вассаломъ Фердинанда и даже заключивъ съ нимъ союзъ для завоеванія Севильи, Мухаммедъ избавилъ свое только что возникавшее государство отъ грозившей ему гибели. Въ 1243 году ленную зависимость отъ Фердинанда признала и Мурсія, ненадолго однако сохранившая за собой это полусамостоятельное положеніе. Наибольшее сопротивленіе оказала Севилья, завоеванная лишь въ 1248 году; такъ какъ уже десятью годами раньше Валенсія отошла къ Арагоніи (стр. 524), а Альгарвіей завладѣли португальцы, то во власти магометанъ, еще полвѣка до того представлявшихъ грозную силу, теперь остались лишь небольшое, но замѣчательно жизнеспособное государство Гранада, Мурсія и незначительное государство Ніебла.

Большая часть мавровъ, а именно жители Севильи и другихъ городовъ, выселились изъ Андалузіи, сельское-же населеніе по большей части осталось на своихъ старыхъ мѣстахъ. Однако и въ городахъ вскорѣ образовалось новое населеніе; уже въ 1263 году андалузскіе города по желанію императора Альфонса составили союзъ противъ Гранады, такъ называемую „германдаду“; гранадскій князь пытался въ то время вновь достичь полной независимости съ помощью марокккскихъ вспомогательныхъ войскъ и при поддержкѣ Мурсіи и Ніеблы. Возстаніе мавровъ окончилось неудачей; хитрый князь Гранады, своевременно вступивъ въ переговоры съ Кастиліей, съумѣлъ однако возстановить прежнія ленныя отношенія, а Мурсія и Ніебла были окончательно присоединены къ Кастиліи. Такое взаимное расположеніе государствъ на Пиренейскомъ полуостровѣ сохранилось въ теченіе двухъ столѣтій.

Вначалѣ, правда, казалось, что побѣдоносное шествіе кастильскихъ князей не остановится у Гибралтарскаго пролива: Альфонсъ X, наслѣдовавшій въ 1252 году своему отцу Фердинанду, неоднократно готовился къ вторженію въ Марокко. Но запутанное финансовое положеніе Кастиліи, — результатъ завоевательныхъ войнъ, — которое Альфонсъ напрасно пытался улучшить ухудшеніемъ денежной монеты, помѣшало обширному предпріятію; наконецъ фантастическій замыселъ Альфонса добиться признанія своихъ наслѣдственныхъ правъ на герцогство Швабію и получить римско-нѣмецкую императорскую корону, окончательно направилъ кастильскую политику на совсѣмъ иной путь. Альфонсъ не добился настоящихъ успѣховъ; а между тѣмъ въ 1282 году, незадолго до его смерти (1284), король Педро III Арагонскій воспользовался возстаніемъ сицилійцевъ противъ Карла Анжуйскаго и завладѣлъ этимъ богатымъ островомъ (см. ниже, стр. 531). Завоеваніемъ Балеарскихъ острововъ арагонцы уже въ 1229 году сдѣлали первый шагъ къ дальнѣйшимъ завоеваніемъ въ Италіи.

Но и независимо отъ стремленій Альфонса завладѣть нѣмецкой короной, дальнѣйшія завоеванія были теперь невозможны; приближалось время рѣшительной борьбы между царской властью и феодализмомъ, которую неминуемо должно было принести съ собой все развитіе средневѣковыхъ государствъ. Можно было предвидѣть, что борьба эта не закончится въ нѣсколько лѣтъ; уже попытка Альфонса X положить первое основаніе

внутреннему единству своего государства однимъ, общимъ для всѣхъ, уложеніемъ встрѣтила такое рѣшительное сопротивленіе, что отъ нея пришлось отказаться. Наконецъ одна часть знати подъ предводительствомъ Лара (см. стр. 526) и въ союзѣ съ повелителемъ Гранады открыто возстала противъ короля.

Къ счастью Альфонсъ нашелъ поддержку въ лицѣ короля Хаиме Арагонскаго. Хаиме хорошо зналъ дворянство; конфликтъ, только теперь разгоравшійся въ Кастиліи, отчасти уже былъ пережитъ Арагоніей. Стремясь обезпечить престолъ за своимъ потомствомъ и сломить вліяніе знати при выборахъ короля, Петръ II Арагонскій (1196—1213) призналъ себя вассаломъ папы Иннокентія III и этимъ отчаяннымъ средствомъ дѣйствительно достигъ своей цѣли (1204). Конечно, онъ этимъ не усмирилъ арагонской знати. Выраженіемъ мнѣній короля Хаиме о знати могутъ служить его слова къ Альфонсу X: „Относитесь съ особеннымъ вниманіемъ къ двумъ сословіямъ въ государствѣ: къ духовенству и къ жителямъ городовъ и мѣстечекъ; Богъ любитъ ихъ болѣе, нежели рыцарей, склонныхъ болѣе другихъ къ возстаніямъ противъ своихъ-же князей“. Наконецъ и сынъ Альфонса Санчо поднялъ знамя возстанія, и король, умирая, оставилъ свое государство въ крайне запутанномъ положеніи.

Санчо IV (1284—1295) сдѣлалъ неудачную попытку возвысить одну семью Гаро въ ущербъ другимъ знатнымъ родамъ, но алчность и неблагодарность его фаворитовъ вскорѣ поставили его въ крайне затруднительное положеніе. Бѣдствія, казалось, должны были еще увеличиться, когда послѣ смерти Санчо на престолъ вступилъ его несовершеннолѣтній сынъ Фердинандъ IV и регентство перешло въ руки его матери Маріи-де-Молина. Однако Марія-де-Молина вѣрнѣе оцѣнила свое положеніе, чѣмъ Санчо: она искала себѣ опоры не въ ненадежной феодальной знати, но въ кастильскихъ городахъ. Союзы городовъ (германдады), изъ коихъ первый, между городами Андалузіи, былъ учрежденъ еще Альфонсомъ X, возникли теперь во всѣхъ провинціяхъ; съ ихъ помощью Марія-де-Молина добилась признанія королевскаго достоинства за своимъ сыномъ, а послѣ его смерти (1312) и за своимъ внукомъ, Альфонсомъ XI. Наступившіе послѣ смерти Маріи-де-Молина (1321) раздоры и бѣдствія ясно обнаружили, что только вліяніе этой замѣчательной женщины удерживало развитіе полной анархіи. Только когда Альфонсъ XI въ 1325 году, четырнадцати лѣтъ отъ роду, энергично взялъ въ руки бразды правленія, безнадежное положеніе государства стало улучшаться. Соединенныя силы Кастиліи выступили на встрѣчу громадному марокскому войску, переправившемуся въ 1340 году черезъ Гибралтарскій проливъ, и разбили его на голову при Саладо. Вслѣдъ затѣмъ Альфонсъ послѣ продолжительной осады взялъ и Альхесирасъ. Попытка отнять у Гранады Гибралтаръ оказалась напротивъ того неудачной, и во время осады этого города король умеръ отъ чумы (1350).

Въ лицѣ сына Альфонса XI, Педро I, на кастильскій престолъ вступилъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые по волѣ судьбы являлись своеобразными борцами за королевскую власть въ различныхъ странахъ. Педро, вскорѣ заслужившій прозвище „Жестокаго“, не принадлежалъ къ числу людей, преслѣдующихъ свою цѣль смѣло и открыто; хитростью и даже измѣной добивался онъ усиленія королевской власти не только по отношенію къ дворянству, но и по отношенію къ городамъ, самосознаніе которыхъ поднялось въ правленіе Маріи-де-Молина. Если Педро не достигъ своей цѣли, какъ столѣтіе спустя родственный ему по духу Людовикъ XI Французскій, то причина этого лежитъ главнымъ образомъ въ томъ, что Педро не былъ человѣкомъ съ цѣльнымъ характеромъ; всѣ его хитрые планы разрушались необузданными вспышками его гнѣва и чувственности. Это имѣло для него тѣмъ болѣе гибельныя послѣдствія, что во главѣ оппозиціи сталъ не кто иной, какъ сводный братъ его, Генрихъ Трастамара, человѣкъ, проявившій въ своей

бурной жизни громадную выдержку и обладавшій и такими свойствами характера, которыя заслужили ему искреннюю привязанность его приверженцевъ. Несчастный бракъ Педро съ Бланкой Бурбонской, его связь съ донной Маріей Падилья, дѣтей которой онъ даже усыновилъ, наконецъ его коварное и беззаконное отношеніе ко всѣмъ лицамъ, возбуждавшимъ по чему-либо его недовѣріе, мало по малу отвратили отъ него всѣ слои народа, начинавшаго уже забывать благопріятныя послѣдствія абсолютнаго монархическаго правленія. Послѣ многократныхъ неудачъ Генрихъ Трастамара одержалъ наконецъ побѣду надъ своимъ братомъ подъ Монтіэлемъ, 14-го марта 1369 года, и измѣннически убилъ его во время переговоровъ собственной рукой (23-го марта 1369 г.).

Для удержанія за собой престола побѣдитель, подъ именемъ Генриха II (1369—79), долженъ былъ отмѣнить многія постановленія Педро, имѣвшія цѣлью усиленіе королевской власти, и щедрой рукой раздавалъ своимъ приверженцамъ коронныя земли; преемникъ его Іоаннъ I (1379—90) только съ трудомъ устранилъ опасныя послѣдствія этой мѣры, потребовавъ возвращенія пожалованныхъ на время государственныхъ имуществъ. Слѣдующій король Генрихъ III (1390—1406) оставался вѣренъ этой-же политикѣ, и королевская власть мало по малу настолько укрѣпилась, что смерть Генриха (1406), которому долженъ былъ наслѣдовать двухлѣтній сынъ его Іоаннъ II, не вызвала неизбѣжныхъ дотолѣ въ такихъ случаяхъ смутъ и борьбы. Къ сожалѣнію въ слабое правленіе Іоанна (1406—1454) развитіе королевской власти пріостановилось. При Генрихѣ IV (1454—1474), вполнѣ подчинявшемся своимъ фаворитамъ и получившемъ характерное прозвище „Безсильный“, королевская власть, казалось, вновь должна была утратить всѣ привилегіи, пріобрѣтенныя ею въ борьбѣ съ феодализмомъ. Въ 1465 г. вспыхнула открытая междоусобная война; когда въ 1468 году умеръ молодой инфантъ Альфонсъ, выставленный претендентомъ противъ Генриха, взоры всѣхъ недовольныхъ обратились на предполагавшуюся наслѣдницу престола, Изабеллу, сестру короля. Громадное значеніе для будущности Испаніи имѣло то обстоятельство, что въ 1469 году Изабелла противъ воли своего брата отдала свою руку наслѣднику арагонскаго престола Фердинанду и тѣмъ сдѣлала первый шагъ къ соединенію обоихъ могущественнѣйшихъ государствъ Пиренейскаго полуострова. Послѣ смерти Генриха, послѣдовавшей 11-го декабря 1474 года, соединеніе это стало уже вопросомъ близкаго будущаго.

Б. Арагонія.

Развитіе Арагоніи въ XIII, XIV и XV вѣкахъ представляетъ въ общемъ болѣе отрадную картину, чѣмъ исторія Кастиліи; государи Арагоніи могли съ большей послѣдовательностью держаться дальновидной политики, которой благопріятствовало и счастливое положеніе ихъ государства. Во всѣхъ большихъ предпріятіяхъ короли опирались преимущественно на каталонскую часть страны, между тѣмъ какъ во внутренней Арагоніи поведеніе дворянства и городовъ вполнѣ напоминало кастильскихъ вельможъ. Мы уже упоминали о томъ (стр. 529), что Петръ II, признавъ себя вассаломъ папы, положилъ конецъ вмѣшательству городовъ въ вопросы престолонаслѣдія; эта ленная зависимость не помѣшала ему однако выступить врагомъ куріи и ея сторонниковъ въ борьбѣ ея противъ вальденсовъ, въ которой онъ и умеръ (1213). Преемникъ его Хаиме I довершилъ въ свое продолжительное царствованіе покореніе Валенсіи, туземное населеніе которой по большей части осталось на родинѣ и по прежнему продолжало обработывать богатую равнину Валенсіи, въ качествѣ крѣпостныхъ каталонской знати, принимавшей главное участіе въ завоеваніи. Такъ, уже тогда положено было начало дружескому отношенію высшей знати къ тру-

долюбивымъ маврамъ, имѣвшее значеніе и позднѣе; первая попытка окончательно изгнать магометанъ привела къ неудачѣ вслѣдствіе энергичнаго вмѣшательства феодальныхъ князей Валенсіи.

При преемникѣ Хаиме, Педро III (1276—1285), большіе размѣры приняла и большихъ успѣховъ достигла внѣшняя колоніальная политика Арагоніи, такъ какъ на самомъ Пиренейскомъ полуостровѣ ей уже нечего было больше пріобрѣтать. Сицилійцы, низвергнувшіе кровавой Сицилійской вечерней 1282 года иго Карла Анжуйскаго, ставленника римской куріи, предложили свою корону Педро III, какъ зятю короля Манфреда, и, когда онъ дѣйствительно высадился въ Сициліи съ громаднымъ войскомъ, населеніе привѣтствовало его съ ликованіемъ, какъ спасителя и освободителя. Успѣшное сопротивленіе, оказанное Педро III и его смѣлымъ полководцемъ, морякомъ Руджеро Лорія, значительно превосходившему ихъ по численности непріятелю, на сторонѣ котораго находились папа и король французскій, достаточно ясно свидѣтельствуетъ о могуществѣ Каталоніи, и на этотъ разъ вынесшей на себѣ одной всѣ тяжести войны.

Какъ мы уже сказали, Арагонія, по прежнему развивавшаяся какъ настоящее континентальное государство, принимала мало участія во всѣхъ этихъ войнахъ; но именно это внутреннее развитіе, направленное очевидно на то, чтобы ослабить дурныя стороны феодализма соединеніемъ всѣхъ миролюбивыхъ элементовъ безъ опасной помощи абсолютной монархіи, заслуживаетъ величайшаго вниманія, хотя оно часто шло въ разрѣзъ съ внѣшнею политикой королей. Во главѣ движенія и здѣсь стали города; представители ихъ составляли хунты, посвящавшія свою дѣятельность главнымъ образомъ установленію общественной безопасности и ежегодно посылавшія своихъ депутатовъ въ Сарагоссу. Во главѣ этого учрежденія, давшаго блестящіе результаты, стоялъ верховный судья Арагоніи, почти самодержавной власти котораго иногда долженъ былъ подчиняться и король. Въ сущности это государство, устроенное по республиканскому образцу, почти не нуждалось въ верховномъ главѣ; Педро III пришлось испытать, какъ мало значенія имѣлъ здѣсь король: когда онъ въ 1283 году, въ виду грандіозныхъ военныхъ приготовленій со стороны Франціи, обратился за помощью къ арагонскимъ кортесамъ, онъ вмѣсто денегъ и войскъ получилъ въ отвѣтъ лишь жалобы, угрозы и просьбы новыхъ привилегій („Сарагосская всеобщая привилегія").

Но и развитіе Каталоніи въ могущественную морскую державу шло своимъ путемъ, иногда не только безъ помощи, но даже и противъ воли королей. Когда Хаиме II отказался отъ Сициліи съ цѣлью добиться наконецъ прочнаго мира съ Франціей и папой, братъ его Фридрихъ съ помощью арагонцевъ и сицилійцевъ удержалъ за собою островъ, хотя Хаиме оказалъ даже поддержку войсками и кораблями его врагамъ. Вмѣсто Сициліи Хаиме получилъ отъ папы Сардинію и Корсику въ ленную зависимость. Несмотря на то, что Фридрихъ все еще держался въ Сициліи, Хаиме въ 1322 году овладѣлъ Сардиніею и Корсикой. Въ сущности борьба въ этомъ случаѣ шла между Барселоной, выставившей большую часть войскъ, и могущественнымъ торговымъ городомъ Пизой, утратившимъ въ этой борьбѣ свои владѣнія на Сардиніи. Однако вскорѣ мѣсто торговой метрополіи при устьѣ Арно заступила ея старая соперница Генуя и съ удвоенной энергіей вступила въ борьбу съ Каталоніей за преобладающее положеніе въ западномъ бассейнѣ Средиземнаго моря и обладаніе Сардиніей, обезпечивавшее это положеніе; каталонцы съ трудомъ удержали за собой Сардинію, и война, ознаменовавшаяся большими потерями, закончилась наконецъ ненадежнымъ миромъ.

И до этого момента развитіе Арагоніи шло параллельно съ развитіемъ Кастиліи. Между тѣмъ какъ каталонцы въ полномъ единеніи съ королевской властью вели дальновидную торговую политику, въ Арагоніи проис-

ходила та самая борьба между феодализмомъ и абсолютизмомъ, которая опустошала и Кастилію, хотя болѣе нормальное развитіе Арагоніи проявилось въ томъ, что здѣсь дворянство и города взаимно поддерживали другъ друга въ борьбѣ съ королями. Въ то самое время, какъ Педро Жестокій Кастильскій велъ борьбу съ феодализмомъ, повелитель Арагоніи, Педро IV, съ своей стороны принужденъ былъ вступить въ борьбу съ арагонцами, къ которымъ примкнули и валенсійцы, между тѣмъ какъ Каталонія не принимала никакого участія въ смутахъ. Во главѣ оппозиціи, образовавшейся противъ короля, стоялъ, какъ и въ Кастиліи, инфантъ королевскаго дома. Педро IV побѣдилъ арагонскихъ и валенсійскихъ бароновъ въ битвѣ при Эпилѣ и, разумно воспользовавшись плодами этой побѣды, значительно усилилъ королевскую власть и въ Арагоніи (1348). Однако уже при преемникахъ Педро выяснилось, что страна еще не стояла на пути спокойнаго и мирнаго развитія; непрерывныя войны за обладаніе Сардиніей и вновь соединенной съ Арагоніей Сициліей еще неоднократно давали феодальной знати случай противиться королевской власти. Едва арагонцы успѣли вновь укрѣпить свое владычество на Сардиніи, какъ со смертью короля Мартина (1410) окончился старый родъ барселонскихъ графовъ и вопросъ о престолонаслѣдіи вызвалъ новыя смуты. Къ счастью сословные представители рѣшили вскорѣ возвести на престолъ инфанта Фердинанда Кастильскаго, внука Педро IV.

Во время своего правленія (1412—1416) Фердинандъ I также всѣми силами стремился къ усиленію королевской власти. Преемникъ его Альфонсъ V (1416—1458) напротивъ того удѣлялъ наибольшее вниманіе внѣшней политикѣ и послѣ 22-лѣтней борьбы завладѣлъ королевствомъ Неаполь. Защита завоеванныхъ земель и постоянные конфликты съ Генуей требовали отъ короля неусыпной военной дѣятельности. Тѣсная связь съ Италіей не могла не оказать благотворнаго вліянія и на испанскія земли: тотъ самый духъ, которымъ проникнута эпоха Возрожденія въ Италіи, распространился и на берегахъ Иберіи и нашелъ себѣ новыхъ поборниковъ при дворѣ короля и среди богатаго населенія Барселоны; уже при королѣ Мартинѣ грубая феодальная знать нерѣдко жаловалась на „изнѣженность“ двора.

Замѣчательно, что могущественная Барселона, настоящая носительница внѣшней политики страны, граждане которой держали въ своихъ рукахъ почти всю каталонскую морскую торговлю, въ теченіе многихъ вѣковъ не вступала ни въ какія пререканія съ королевской властью; это свидѣтельствуетъ не только о мудрой политикѣ князей, но указываетъ и на то, что потомки древнихъ барселонскихъ графовъ ясно сознавали, что интересы ихъ не шли въ разрѣзъ съ интересами Барселоны. При преемникѣ Альфонса V, Іоаннѣ II (1458—1479), Барселона впервые стала во враждебныя отношенія къ королевской власти; внѣшнимъ поводомъ къ этому послужилъ рядъ печальныхъ событій въ королевской семьѣ. Съ прекращеніемъ стараго царскаго рода небольшое королевство Наварра перешло къ Карлосу, старшему сыну Іоанна отъ перваго брака и вѣроятному наслѣднику арагонскаго престола. Однако вторая жена Іоанна, Іоанна Энрикесъ, задумала обезпечить престолъ Арагоніи и Наварры за своимъ роднымъ сыномъ Фердинандомъ и для достиженія этой цѣли не останавливалась ни передъ какими преступленіями. Придворныя интриги привели къ междоусобной войнѣ; въ 1461 году Карлосъ внезапно умеръ, по всей вѣроятности отъ яда, и та-же участь вскорѣ постигла и его сестеръ, на которыхъ перешли его права. Барселона продолжала борьбу съ отчаянной энергіей, призвала на помощь нѣсколькихъ чужеземныхъ князей и только въ 1472 году вновь приведена была къ повиновенію. Трудно сказать, не обратилась-ли бы Барселона со временемъ въ самостоятельное независимое государство; но соединеніе Арагоніи съ Кастиліей, первое основаніе которому положила королева Іоанна, женивъ своего сына Фердинанда на Изабеллѣ Кастильской,

неминуемо должно было повлечь за собой поворотъ въ испанской политикѣ, неблагопріятный для стремленій Барселоны.

В. Наварра.

Попытка Іоанны соединить Наварру съ Арагоніей окончилась неудачей. Мы можемъ въ короткихъ словахъ отмѣтить исторію этого маленькаго Пиренейскаго государства въ XV вѣкѣ, такъ какъ о выдающейся внѣшней политикѣ не можетъ быть и рѣчи, внутреннее же развитіе страны шло до извѣстной степени параллельно съ развитіемъ прочей Испаніи. Завоеванія кастильцевъ на югѣ отрѣзали Наваррѣ путь къ дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ; честолюбіе наваррскихъ князей должно было удовлетворяться мелкими пограничными спорами или-же надеждами на браки. Съ прекращеніемъ королевскаго дома Шампань, Наварра долгое время (1285—1328) оставалась соединенной съ Франціей, но при вступленіи на французскій престолъ дома Валуа вновь добилась самостоятельности.

Замѣчательную параллель Педро Жестокому Кастильскому, или вѣрнѣе, карикатуру на этого лишеннаго совѣсти самодержца, представлялъ Карлъ II Злой (1349—1387), преемнику котораго, Карлу Благородному, не мало пришлось потрудиться надъ устраненіемъ всѣхъ причиненныхъ его предшественникомъ золъ. Карлу Благородному наслѣдовала въ 1441 году его дочь Бланка, бывшая замужемъ за Іоанномъ Арагонскимъ, сынъ которой погибъ двадцать лѣтъ спустя во время споровъ за арагонскій престолъ; мать Бланки, ставшая тогда во главѣ государства, оставила его своему внуку, отъ котораго оно наконецъ перешло къ графу перигорскому Іоанну д'Альбре. Но тутъ въ дѣла Наварры энергично вмѣшался повелитель Кастиліи и Арагоніи, Фердинандъ Католикъ, и присоединилъ Верхнюю Наварру къ своему государству (1512). Расположенная къ сѣверу отъ Пиренеевъ Нижняя Наварра осталась во владѣніи Іоанна д'Альбре. Послѣ того какъ и графство Руссильонъ перешло изъ рукъ арагонскихъ королей во власть Франціи, повсюду была установлена лучшая, естественная граница Испаніи (см. карту при стр. 486); возникавшая великая держава начала мало по малу уничтожать феодальную разрозненость отдѣльныхъ частей страны.

Г. Соединеніе Арагоніи съ Кастиліей.

Соединеніе Арагоніи съ Кастиліей, первое основаніе которому было положено въ 1469 бракомъ Фердинанда съ Изабеллой, осуществилось не безъ нѣкоторыхъ затрудненій: полное сліяніе обоихъ государствъ было скорѣе въ интересахъ Фердинанда, чѣмъ арагонскаго или кастильскаго народа. Изабелла, вѣрная дочь Кастиліи, умѣла сохранить по отношенію къ своему мужу всѣ права, связанныя съ ея положеніемъ, и находила въ этомъ энергичную поддержку со стороны своихъ подданныхъ, ревниво слѣдившихъ за всякимъ превышеніемъ власти со стороны Фердинанда. Но мало по малу между супругами установились хорошія отношенія, такъ какъ бракъ ихъ былъ заключенъ по дѣйствительной склонности. А благодаря этому обстоятельству и объединеніе всѣхъ земель, въ которыхъ распространенъ былъ испанскій языкъ, на этотъ разъ оказалось прочнымъ.

7. Паденіе послѣдняго мавританскаго государства.

Существованіе королевства Гранады обусловливалось со времени завоеванія кастильцами Андалузіи только государственной разрозненностью Испаніи. Пока многочисленныя христіанскія государства полуострова взаимно ослабляли другъ друга непрерывными междоусобными войнами,

въ горахъ Андалузіи могло существовать и небольшое магометанское государство, слывшее опаснымъ противникомъ и желаннымъ союзникомъ. Выгодное географическое положеніе послѣдняго мавританскаго государства благопріятствовало вѣрно разсчитанной и успѣшной политикѣ его повелителей. Въ самомъ сердцѣ государства, подъ склонами покрытыхъ вѣчными снѣгами вершинъ Сіерры-Невады, простирается цвѣтущая гранадская вега, окруженная крутыми горными хребтами, орошаемая горными ручьями и потоками. На границѣ ея, окруженный холмами, на которыхъ построены дворцы Альгамбра и Генералифа (см. таблицу при стр. 510), возвышается самый городъ Гранада, видавшій подъ своими стѣнами не одно непріятельское войско. Изъ южныхъ гаваней Гранады открывается видъ на берега Марокко, воинственные жители котораго охотно переправлялись черезъ проливъ въ качествѣ союзниковъ гранадскихъ князей, а по временамъ не прочь были завоевать и само небольшое испанское королевство: въ такихъ случаяхъ гранадскіе князья покупали помощь христіанскихъ государствъ уплатой дани и при ихъ содѣйствіи освобождались отъ неудобныхъ африканскихъ единовѣрцевъ. Крѣпости Гибралтаръ, Альхесирасъ и Тарифа неоднократно служили мѣстомъ борьбы кастильцевъ, гранадцевъ и сѣверныхъ африканцевъ, но въ общемъ королевство Гранада, область котораго приблизительно соотвѣтствуетъ нынѣшней испанской провинціи того-же имени, до самаго конца сохранило свои естественныя границы (см. карту при стр. 486). Гранада не была впрочемъ тѣсно сплоченнымъ государствомъ. И здѣсь, какъ и въ христіанской Испаніи, господствовали феодальныя стремленія и намѣстники отдѣльныхъ округовъ часто пользовались почти полной независимостью; особенно Малага, отдѣленная отъ гранадской веги крутыми горами, и Гадисъ, къ востоку отъ столицы, первое время успѣшно сопротивлялись гранадскимъ эмирамъ.

Однако сохраненію независимости Гранады въ теченіе многихъ вѣковъ способствовало не только ея выгодное географическое положеніе; изъ всѣхъ государствъ полуострова Гранада имѣла и наиболѣе густое населеніе и высшую культуру. По мѣрѣ проникновенія христіанскихъ завоевателей на югъ, лучшія силы мавританскаго народа стали стекаться въ горную крѣпость на юго-востокѣ полуострова, представлявшую уже единственное убѣжище ихъ вѣры и цивилизаціи. Лучшіе представители всѣхъ наукъ, всѣхъ искусствъ и ремеслъ, процвѣтавшихъ въ различныхъ городахъ Андалузіи, Валенсіи и Сарагоссы, стекались въ Гранаду и подняли культуру и благосостояніе столицы и всего государства на такую высоту, какой они никогда не знали раньше, въ ту эпоху, когда мавры въ избыткѣ имѣли и свободу, и просторъ. Андалузскіе хлѣбопашцы, также массами стекавшіеся въ Гранаду, примѣнили весь свой опытъ и все свое искусство, чтобы извлечь изъ земли все возможное. Благодаря ихъ трудолюбію перенаселенная область не нуждалась въ иностранномъ хлѣбѣ. Въ блестящей столицѣ, насчитывавшей въ свою лучшую пору до полумилліона жителей, скоплялись громадныя богатства; соотвѣтственно этому и доходы короля были очень велики. Поэтому цвѣтущая Гранада съ ея громаднымъ населеніемъ являлась опаснымъ противникомъ христіанскихъ государствъ. Большое количество людей на небольшомъ пространствѣ давало возможность князьямъ Гранады быстро мобилизировать значительныя военныя силы. Полная казна позволяла снабжать эти войска прекраснымъ вооруженіемъ или-же, когда это казалось болѣе выгоднымъ, покупать у христіанскихъ князей, всегда нуждавшихся въ средствахъ, миръ уплатой громадныхъ денегъ. Особенно въ Кастиліи недовольные и мятежники часто обращались къ эмиру гранадскому, охотно дававшему деньги и войска для поддержанія смутъ въ непріятельскомъ государствѣ; а оставшіеся въ христіанскихъ областяхъ мавры конечно смотрѣли на послѣдняго магометанскаго князя, какъ на своего естественнаго покровителя. Повелитель-же Гранады съ

своей стороны могъ разсчитывать на возможность въ минуту опасности вызвать возстаніе среди мавровъ въ тылу у непріятеля и такимъ путемъ принудить его къ отступленію.

Династія Нафридовъ, овладѣвшая Гранадой въ лицѣ Мухаммеда I послѣ паденія господства альмогадовъ, сохранила за собой престолъ до окончательнаго паденія государства. За все время своего долгаго правленія (1232—1272) Мухаммедъ съ успѣхомъ охранялъ свое небольшое государство отъ непосредственно грозившихъ ему опасностей. Благодаря разрозненности христіанской Испаніи, преемники Мухаммеда не только легко сохранили свою независимость, но часто выступали и союзниками боровшихся партій и государствъ, тщательно заботясь въ то-же время о культурѣ своей страны. Впрочемъ, какъ мы уже упоминали, и въ самой Гранадѣ происходили смуты и борьба за престолонаслѣдіе; такъ въ началѣ XIV вѣка власть находилась въ рукахъ полководца Осмина. Особенныя заслуги въ отношеніи поднятія культуры страны принадлежатъ Юсуфу I (1333—1354); въ теченіе XIV вѣка Гранада вообще достигла своего высшаго расцвѣта и блеска. Казалось, что осужденные на гибель мавры въ послѣдній разъ стремились проявить всѣ жившія въ нихъ благородныя силы, съ тѣмъ, чтобы еще разъ показать всему міру, какая высокая задача выпала на ихъ долю въ исторіи человѣчества. Однако о сліяніи магометанской и христіанской культуръ не можетъ быть и рѣчи даже въ это последнее время. Такъ, безслѣдно закатилась на западѣ благородная звѣзда восточнаго духовнаго міра, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда на востокѣ уже занималась заря Возрожденія. Правда, наслѣдіе магометанской культуры Испаніи разсѣялось по многимъ рукамъ, и тамъ и сямъ еще и теперь разбросаны остатки старыхъ богатствъ; однако не нашлось никого, кто съумѣлъ-бы сохранить и пріумножить все оставленное наслѣдіе.

Къ концу XIV вѣка начинается постепенное паденіе Гранады съ ея политической высоты; скудость свѣдѣній не позволяетъ намъ установить, начался-ли одновременно съ этимъ и упадокъ экономическаго благосостоянія страны. Прологомъ къ окончательной гибели послужили волненія въ правленіе Абу-Насра, для устраненія которыхъ король сталъ подавлять могущество Бени-Серраговъ (Абенсеррагн), знатнѣйшаго рода феодальной знати. Описаніе этихъ событій перешло въ народныя сказанія, что несомнѣнно доказываетъ, что они произвели глубокое впечатлѣніе на народъ, видѣвшій въ нихъ главную причину послѣдовавшаго вскорѣ затѣмъ окончательнаго паденія Гранады. Королю впрочемъ не удалось истребить Бени-Серраговъ, выступившихъ вождями партій и при послѣдующихъ спорахъ за престолонаслѣдіе.

При Абуль-Гассанѣ (1462—1482) раздоры въ королевской семьѣ еще ухудшили положеніе государства, въ то время какъ повелители соединившихся христіанскихъ государствъ уже дѣлали приготовленія къ рѣшительной борьбѣ съ остатками мусульманъ. Въ началѣ 1482 года христіанскому отряду удалось взять важную крѣпость Альгаму, лежавшую на южной границѣ гранадской веги и представлявшую ключъ къ этой житницѣ всего государства. Въ то время какъ король гранадскій дѣлалъ отчаянную попытку вернуть крѣпость, въ столицѣ вспыхнула дворцовая революція и на престолъ былъ возведенъ одинъ изъ сыновей Абуль-Гассана, принцъ Абу-Абдаллахъ (Боабдиль). Въ вспыхнувшую затѣмъ междоусобную войну ловко вмѣшался Фердинандъ I. Онъ достигъ по крайней мѣрѣ того, что сопротивленіе гранадцевъ, хотя и очень рѣзкое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ общемъ лишено было объединяющаго его плана, и христіанское оружіе дѣлало непрерывные успѣхи. Смуты продолжались и послѣ смерти Абуль-Гассана, пока наконецъ въ 1487 году вся западная половина государства, включая и Малагу, не перешла въ руки испанцевъ. Наконецъ христіане завладѣли всѣмъ государствомъ за исключеніемъ Гранады, гдѣ

Абу-Абдаллахъ готовился къ послѣднему отчаянному сопротивленію. Только въ началѣ 1492 года пала Гранада, а съ нею и послѣдніе остатки могущества мусульманъ въ Испаніи; большинство осталось на старой родинѣ съ тѣмъ, чтобы позднѣе осушить чашу страданій до дна (см. стр. 544 и далѣе).

8. Роль Испаніи какъ объединенной монархіи.

A. Начало міровой политики.

Покореніе Гранады положило лишь начало широко задуманной внутренней политикѣ королевской четы, умѣвшей пользоваться всѣми выгодами своего положенія для установленія единства Испаніи и абсолютной монархіи. Сліяніе Кастиліи съ Арагоніей значительно усилило королевскую власть, между тѣмъ какъ враждебныя этой власти партіи, главнымъ образомъ феодальная знать, не могли прійти ни къ какому единенію.

Переворотъ былъ наиболѣе замѣтенъ въ Кастиліи, ставшей отнынѣ главной провинціей Испаніи. Въ борьбѣ съ феодализмомъ королева Изабелла нашла двухъ усердныхъ помощниковъ, сословіе гражданъ и церковь. Опираясь на фанатизмъ, поддерживавшійся непрерывными войнами съ маврами, церковь добилась наконецъ первенствующаго положенія въ государствѣ и слилась почти въ одно нераздѣльное цѣлое съ королевской властью, что впослѣдствіи имѣло крайне пагубныя послѣдствія для всего испанскаго народа.

Первоначально, правда, города служили необходимыми помощниками въ борьбѣ съ дворянствомъ, не знавшимъ никакихъ предѣловъ своему своеволію со временъ слабаго короля Генриха IV; интересы гражданъ были на этотъ разъ тѣсно связаны съ интересами короля. По старинному испанскому обычаю кастильскіе города образовали одинъ большой союзъ, „святую германдаду", выставившую 2000 человѣкъ полицейскихъ солдатъ и милиціи, въ короткое время очистившихъ страну отъ разбойниковъ и преступниковъ и нагнавшихъ такой ужасъ на хищную знать, что даже многіе гранды примкнули къ этому святому братству. Правительство воспользовалось этимъ успѣхомъ, чтобы создать общее для всей страны уложеніе, уничтожавшее многочисленные „фуэросы". Однако стремившаяся къ абсолютизму королева не могла допустить продолжительнаго существованія германдады: въ 1498 году союзъ этотъ былъ уничтоженъ, хотя часть городскихъ полицейскихъ отрядовъ сохранила свое вооруженіе.

Опаснымъ орудіемъ въ рукахъ феодальной знати могли сдѣлаться со временемъ три духовные рыцарскіе ордена, Сантьяго, Алькантары и Калатравы, громадныя богатства которыхъ давали значительную силу ихъ членамъ, принадлежавшимъ по большей части къ феодальной знати. Соединивъ санъ гросмейстера этихъ орденовъ съ званіемъ короля кастильскаго (см. объясненіе къ таблицѣ при стр. 525), королева отняла у знати и это оружіе. Такъ какъ право посвященія въ рыцари принадлежало такимъ образомъ исключительно королю, то рыцарство обратилось въ толпу льстивыхъ царедворцевъ. Но не только этимъ косвеннымъ путемъ, на которомъ она собрала первые плоды своего союза съ церковью, королевская власть пріобрѣла большія земельныя имущества; она чувствовала за собою достаточно силы, чтобы предпринять пересмотръ всѣхъ имущественныхъ правъ дворянства и потребовать обратно розданныя раньше коронныя земли. Титулы и званія, щедро раздававшіеся вмѣсто отнятыхъ земель, побуждали вельможъ покидать свои уединенные замки и вступать въ военную или придворную службу, гдѣ эти титулы имѣли хоть какую-нибудь цѣну.

Если Изабелла и ея преемники во всѣхъ своихъ стремленіяхъ и начинаніяхъ искали поддержки со стороны духовенства и покупали его содѣйствіе цѣною дорогихъ привилегій, если они наконецъ сдѣлали Испанію средоточіемъ всѣхъ церковно-реакціонныхъ тенденцій, то причина этого только отчасти лежала въ характерѣ и личныхъ склонностяхъ этихъ представителей высшей власти. Для сохраненія единства Испаніи и ея народовъ, установленнаго тяжелымъ трудомъ и уже неоднократно разрушавшагося несмотря на всѣ попытки къ единенію, для уравненія многочисленныхъ враждебныхъ другъ другу частей населенія и окончательнаго исключенія непримиримыхъ, необходимо было создать какую-либо духовную связь между всѣми испанцами, и всѣми возможными средствами нужно было заботиться о сохраненіи этой связи. Единственнымъ-же связующимъ началомъ сама собой являлась правовѣрная церковь.

Съ трудомъ укрѣплявшійся монархическій абсолютизмъ не могъ конечно допустить, чтобы реформація, пустивъ корни въ народѣ, внесла рознь и въ церковномъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что въ Испаніи уже существовали крайне опасные ферменты разложенія въ лицѣ многочисленныхъ евреевъ и мавровъ: въ союзѣ съ религіозными новшествами враждебныя королевской власти силы могли-бы пріобрѣсть новую, неотразимую жизненную силу, и Пиренейскому полуострову грозила-бы тогда такая же эпоха смутъ и разложенія, какою была эпоха Тридцатилѣтней войны для Германіи. Только при сохраненіи въ народѣ непоколебимой вѣры во всѣ установленныя церковныя догмы, при сохраненіи единства вѣры можно было ожидать, что испанскій народъ дѣйствительно сольется въ одну нераздѣльную единицу и вытѣснитъ изъ Иберіи всѣхъ враговъ христіанства, которые въ то-же время являлись чуждыми ему и по расѣ; тогда королевская власть съ помощью испанскаго народа дѣйствительно могла бы поднять Испанію на степень міровой державы и могла бы осуществить тѣ великіе замыслы, которые уже носились въ головѣ Фердинанда I. Что означали по сравненію съ этими соображеніями требованія свѣта и духовной свободы, раздавшіяся и въ Испаніи, когда подъ вліяніемъ гуманистическихъ идей сталъ мало по малу разсѣиваться густой туманъ невѣжества, такъ долго разстилавшійся надъ полуостровомъ? Нигдѣ инквизиція, оружіе папъ въ борьбѣ съ врагами, не встрѣтила такого радушнаго пріема, какъ у государей Испаніи: ибо вмѣстѣ съ ней они боролись въ то-же время и за собственное вліяніе, и за чистоту испанской расы. Напрасно арагонцы, эти феодальные республиканцы, противились введенію инквизиціоннаго суда: союзъ церкви и королевской власти былъ на этотъ разъ неразрушимъ. Томасъ Торквемада, назначенный въ 1483 году великимъ инквизиторомъ Кастиліи, далъ болѣе прочныя формы духовнымъ судамъ и предалъ сожженію тысячи людей; однако кульминаціоннаго пункта своей злосчастной дѣятельности инквизиція достигла лишь позднѣе.

Не подлежитъ однако сомнѣнію, что холодный и разсчетливый Фердинандъ только потому поощрялъ инквизицію, что она благопріятствовала его политикѣ. Политика эта имѣла громадное и подъ конецъ роковое значеніе для судьбы Испаніи: поднявъ государство на небывалую высоту, она затѣмъ сразу повергла его въ состояніе крайняго безсилія и бѣдности.

На всемъ пути своего развитія испанскій народъ всегда имѣлъ передъ собой **одну** цѣль, которой онъ теперь блестяще достигъ: изгнаніе ислама и его послѣдователей изъ предѣловъ Испаніи. Въ то время какъ другіе народы Европы уже посвящали свои силы новымъ духовнымъ и экономическимъ задачамъ, Испанія не могла и не желала имѣть никакихъ новыхъ идеаловъ, пока хотя бы на одной изъ иберійскихъ крѣпостей развѣвалось еще мавританское знамя. Населеніе полуострова созрѣло для своей задачи въ вѣковомъ спорѣ. Ведя непрерывную физическую и духовную борьбу, преобразовавъ всю страну въ одинъ полевой лагерь, оно

воспитало въ себѣ неудержимое стремленіе къ борьбѣ за вѣру, неразрушимая сила котораго находила себѣ исходъ въ дикихъ междоусобныхъ раздорахъ, какъ только перемиріе на время пріостанавливало войну съ смертельнымъ врагомъ.

Теперь этотъ врагъ былъ окончательно уничтоженъ; въ блестящемъ вооруженіи, угрожающе поднявъ закаленную въ борьбѣ руку, стояли испанцы на берегу пролива, отдѣляющаго Африку отъ Европы. Въ жизни этого народа насталъ рѣшительный моментъ. Если-бы онъ рѣшился отнынѣ закончить эпоху борьбы и обратить всѣ собранныя силы и жажду подвиговъ на пользу собственной странѣ, далеко отставшей отъ другихъ, принять участіе во всѣхъ духовныхъ движеніяхъ, волновавшихъ Европу, онъ съ увѣренностью могъ-бы разсчитывать на здоровую будущность. Но какой мелочной казалась эта цѣль въ сравненіи съ прежнимъ идеаломъ испанскаго народа! Народъ отнюдь не былъ склоненъ сложить съ себя блестящее вооруженіе и вступить въ соревнованіе съ остальнымъ міромъ на почвѣ торговли и ремеслъ, а князья съ своей стороны также не могли добровольно отказаться отъ грандіозныхъ плановъ, открывавшихся въ то время одинъ за другимъ. Съ трудомъ подавленный феодализмъ отомстилъ за свое пораженіе, сообщивъ отпечатокъ феодальнаго духа политикѣ своего народа. Въ то время какъ другія націи Европы вступали въ эпоху гражданской работы, изобрѣтенія пороха и пушекъ, Испанія, какъ послѣдній странствующій рыцарь, отправилась на поиски за приключеніями, начавшимися очень удачно, но закончившимися такъ-же печально, какъ и похожденія безсмертнаго Донъ-Кихота.

Оставаясь вѣрной своимъ прежнимъ задачамъ, Испанія должна была бы преслѣдовать врага и по ту сторону пролива и обратить въ христіанство и сѣверную Африку. Попытки такого рода дѣйствительно были сдѣланы; изъ нихъ слѣдуетъ назвать прежде всего взятіе города Орана въ 1509 году и походы Карла V на Тунисъ и Алжиръ (см. таблицу при стр. 242). Но сѣверная Африка представляла такъ мало привлекательнаго что вскорѣ иныя, болѣе легкія и болѣе заманчивыя задачи отвлекли Испанію отъ строго обдуманной африканской политики. И однако положеніе Испаніи было-бы совсѣмъ иное, еслибы ей удалось навсегда присоединить къ своимъ владѣніямъ Гибралтарскій проливъ и удержать за собой господство надъ входомъ въ Средиземное море.

Два другіе идеала влекли повелителей Испаніи на путь міровой политики. Прежде всего приданое, которое принесла соединенному государству Арагонія и которое заключалось въ правахъ па Сицилію и Неаполь; уже одни эти права могли обезпечить за Испаніей положеніе великой державы, еслибы только удалось добиться ихъ признанія. Въ этомъ направленіи политика Фердинанда достигла одного изъ наиболѣе блестящихъ своихъ успѣховъ. Благодаря военному генію „gran capitan“ Гонзальво Кордовскаго, Фердинанду удалось сломить французское вліяніе и въ 1503 году окончательно присоединить къ испанской монархіи королевство обѣихъ Сицилій. Послѣ смерти Фердинанда притязанія эти значительно разрослись вслѣдствіе тѣсной связи испанскаго королевскаго дома съ имперіей Габсбурговъ.

Если присоединеніе Неаполя было такимъ образомъ дѣломъ Арагоніи, то судьбѣ угодно было, чтобы и Изабелла Кастильская сдѣлала неизмѣримо важный по своимъ послѣдствіямъ шагъ къ осуществленію испанской міровой политики въ полномъ смыслѣ этого слова. Вскорѣ послѣ паденія Гранады, въ бытность королевской четы въ Альгамбрѣ, къ трону Изабеллы подошелъ однажды человѣкъ, повергнувшійся передъ королевой въ прахъ и просившій кораблей и людей, чтобы черезъ Атлантическій океанъ отыскать путь въ далекую Индію: это былъ Христофоръ Колумбъ (см. томъ I). Бронзовая статуя, нынѣ воздвигнутая на берегахъ Хениля,

увѣковѣчила этотъ эпизодъ. Давъ Колумбу возможность осуществить его великіе замыслы, Изабелла открыла своему государству новыя, обширныя области и положила начало всемірному могуществу Испаніи. Это было личное дѣло королевы.

Фердинандъ, всѣ стремленія котораго были направлены на Средиземное море, равнодушно относился къ предпріятію, которое должно было ему казаться несбыточнымъ и туманнымъ по сравненію съ собственными его планами въ Европѣ; отношеніе его къ Колумбу послѣ смерти Изабеллы (см. томъ I) показываетъ, что, несмотря на всѣ успѣхи Колумба, онъ по прежнему относился къ нему съ недовѣріемъ. Трезвый умъ Фердинанда, можетъ быть, вѣрнѣе оцѣнилъ истинное значеніе открытія и завоеванія Америки, чѣмъ большинство его современниковъ, ослѣпленныхъ сіяніемъ золота новой земли. Не безъ огорченія слѣдилъ Фердинандъ за тѣмъ, какъ толпы переселенцевъ направлялись въ Новый Свѣтъ, въ то время какъ для обезпеченія за Испаніей положенія великой державы необходимо было собрать всѣ силы народа, въ то время какъ на самомъ Пиренейскомъ полуостровѣ въ виду эмиграціи значительной части мавровъ еще оставалось достаточно мѣста для новыхъ поселеній и необходимо было всѣми силами хоть сколько-нибудь поддержать культуру бывшихъ магометанскихъ областей. Стекавшіяся изъ Америки богатства не могли замѣнить утраченной народной силы. Эти богатства привлекали за океанъ все новыя толпы переселенцевъ. Остававшіеся въ Европѣ разгорячились мечтами о внезапномъ обогащеніи и въ этихъ мечтахъ теряли всякую охоту къ тяжелому и однообразному труду: какъ лѣнивый кутила живетъ фантастической надеждой на богатое наслѣдство, такъ и испанскій народъ мало по малу далъ изсякнуть всѣмъ истиннымъ источникамъ своего благосостоянія и, приведенный въ состояніе безсилія и бѣдности, долженъ былъ отказаться отъ своего первенствующаго положенія въ Европѣ. Это произошло, конечно, не сразу, и нужна была вся несчастная политика Филиппа II, чтобы довести Испанію до такихъ печальныхъ результатовъ; однако уже при Фердинандѣ можно было замѣтить первые признаки надвигавшагося бѣдствія. Правда, завоеваніе Америки имѣло и свою хорошую сторону для Испаніи: безпокойные элементы, которыми страна кишѣла со времени своихъ феодальныхъ войнъ, нашли себѣ отдаленное поле дѣятельности и не угрожали болѣе сильно укрѣпившейся королевской власти, вступившей въ союзъ съ церковью.

Б. **Открытія португальцевъ.**

Рѣшеніе Изабеллы поддержать планы Колумба имѣло еще свою особую причину: въ то время какъ Кастилія исключительно предавалась своей внутренней политикѣ, небольшая Португалія съ поразительной энергіей отыскала себѣ новое поле дѣятельности и вскорѣ обратила на себя вниманіе всего міра блестящими открытіями на африканскомъ берегу; Васко да Гама предпринялъ свое знаменитое путешествіе и открылъ морской путь въ Индію. Эти успѣхи возбудили въ Кастиліи зависть и желаніе въ свою очередь сдѣлать что-либо подобное; данному примѣру позднѣе послѣдовали и Англія и Нидерланды. Въ этомъ смыслѣ Португалія положила первое начало стремленіямъ Европы расширить свои владѣнія и въ другихъ частяхъ свѣта; она явилась проводникомъ Европы въ ея колоніальныхъ стремленіяхъ; какъ она достигла этого, покажетъ намъ короткій очеркъ ея развитія, вступившаго на совершенно самостоятельный путь послѣ окончательнаго отдѣленія Португаліи отъ Леона (см. выше, стр. 517 и 524).

И Португаліи не чужды были обычныя междоусобныя войны и споры за престолонаслѣдіе съ феодальной знатью и духовенствомъ; но ко всѣмъ

этимъ внутреннимъ раздорамъ неизмѣнно примѣшивался немолчный шумъ моря, какъ призывъ къ далекимъ путешествіямъ, пробуждавшій въ сердцахъ прибрежныхъ жителей мужество и отвагу. Море составляетъ не только естественную границу Португаліи, оно въ то-же время служитъ ей и лучшей опорой; изъ него она черпаетъ свое право на самостоятельное существованіе и силу для защиты своей самобытности въ борьбѣ съ сосѣднимъ государствомъ. На тѣсную связь небольшого западнаго иберійскаго государства съ моремъ указываетъ и граница его съ Испаніей, тянущаяся почти на всемъ своемъ протяженіи въ одинаковомъ разстояніи отъ морского берега (см. карту при стр. 586). Область Португаліи, ея языкъ и народность простираются внутри материка лишь до той черты, до которой простирается дыханіе моря.

Между тѣмъ какъ на югѣ Испаніи королевство Гранада еще въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ отстаивало свою самостоятельность, Португалія подчинила остатки доставшихся ей мавританскихъ земель уже вскорѣ послѣ битвы при Навасъ-де-Толоса, положившей конецъ существованію царства альмогадовъ; въ 1250 году границы португальскаго государства были уже тѣ-же, что и нынѣ. Такъ, въ то время, какъ Кастилія изнемогала еще подъ бременемъ внутреннихъ междоусобій и войнъ съ маврами, Португалія находилась уже въ томъ періодѣ, который наступилъ для Кастиліи только послѣ паденія Гранады: воинственный народъ, жаждавшій новыхъ военныхъ подвиговъ, отправился въ далекія путешествія, чтобы отыскать себѣ новое поле дѣятельности для дальнѣйшихъ предпріятій. Португалія обратилась въ морскую державу съ 1180 года, когда она одержала первую блестящую морскую побѣду надъ маврами; уже при Санчо II (1223—1245) она имѣла королевскій военный флотъ. Богатая рыбная ловля на португальскомъ берегу, преимущественно ловля китовъ, воспитала изъ португальцевъ опытныхъ моряковъ. Въ строительномъ матеріалѣ для кораблей также не было недостатка благодаря мудрой заботливости короля Диниса (Діонисія; 1279—1325), съ поразительной для того времени предусмотрительностью укрѣпившаго прибрежныя дюны лѣсонасажденіями и положившаго основаніе обширнымъ хвойнымъ лѣсамъ, и нынѣ отличающимъ высоты и прибрежныя равнины Португаліи отъ голыхъ полей Испаніи, Вообще къ счастью для Португаліи во главѣ ея въ рѣшительный періодъ по окончаніи войнъ съ маврами стоялъ цѣлый рядъ энергичныхъ правителей, не поддавшихся, какъ позднѣе короли испанскіе, искушенію рискованной внѣшней политики, но направлявшихъ всѣ силы государства на экономическое поднятіе страны.

Правда, условія жизни въ Португаліи гораздо яснѣе и настоятельнѣе указывали на настоящіе источники благосостоянія, чѣмъ въ Испаніи. Португалія рано завязала торговыя сношенія съ сѣверными государствами Европы, представлявшими прекрасный рынокъ для сбыта ея продуктовъ, рыбы, вина, воска и масла, и въ обмѣнъ на нихъ получала продукты этихъ странъ, главнымъ образомъ льняные и шерстяные товары. Въ XIV вѣкѣ португальскіе торговые корабли встрѣтились въ Гибралтарскомъ проливѣ съ судами генуэзцевъ. Вскорѣ послѣ этого предпріимчивые купцы Генуи и Пизы выслали свои корабли къ устьямъ Тахо; португальцы вѣрно оцѣнили всѣ выгоды завязанныхъ отнынѣ торговыхъ сношеній съ Средиземнымъ моремъ. Короли не замедлили принять на свою службу генуэзцевъ въ качествѣ начальниковъ флота и учителей искусства мореплаванія; королевская-же военная эскадра, постоянно крейсировавшая у береговъ, скорѣе служила торговымъ цѣлямъ, охраняя безопасность торговыхъ сношеній, чѣмъ военнымъ. Португальцы во всѣхъ отношеніяхъ рано проявили пониманіе и интересъ къ экономическимъ вопросамъ. Въ 1370 году возникло первое — по всей вѣроятности старѣйшее изъ всѣхъ — взаимное страхованіе судовладѣльцами ихъ судовъ; различныя извращенія

берегового права, процвѣтавшія въ другихъ странахъ почти до послѣдняго времени, были устранены въ Португаліи уже сравнительно рано. Благодаря плодородію почвы и стараніямъ правителей, на ряду съ ремеслами и торговлей продолжало процвѣтать и сельское хозяйство.

Итакъ Португалія представляла счастливую страну, населенную многочисленнымъ, состоятельнымъ и въ то-же время воинственнымъ народомъ, успѣшно отражавшимъ всѣ нападенія сосѣдей — кастильцевъ. Не достигая никакихъ результатовъ оружіемъ, кастильскіе короли нерѣдко обращались съ просьбами о займахъ къ своимъ португальскимъ родственникамъ, казна которыхъ никогда не истощалась благодаря цвѣтущей торговлѣ страны. Только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда князья Португаліи отступали отъ своей обычной политики и стремились распространить свое вліяніе на Пиренейскомъ полуостровѣ, какъ напр. Фернандо I (Фердинандъ Красивый; 1367—1383), выступившій претендентомъ на кастильскій престолъ, и Португалію постигали тѣ самыя бѣдствія, подъ гнетомъ которыхъ изнемогали феодальныя государства плоскогорья; осада Лиссабона кастильцами (1372) сильно потрясла благосостояніе страны, хотя португальцы въ концѣ концовъ и одержали побѣду.

Десять лѣтъ спустя родился человѣкъ, которому суждено было указать новые пути развитія своему народу: это былъ принцъ Генрихъ, заслужившій позднѣе почетное прозвище „Мореплавателя", сынъ Іоанна (Хоаньо) I Португальскаго.

Въ 1415 году португальцы предприняли экспедицію противъ Сеуты съ цѣлью дать возможность подроставшимъ королевскимъ принцамъ проявить и свои рыцарскія способности въ это мирное время; благодаря своему выгодному положенію, Сеута достигла въ то время высокаго расцвѣта и изъ нея-же марокканцы предпринимали всѣ свои набѣги на Пиренейскій полуостровъ. Весьма вѣроятно, что къ этому романтическому предпріятію примѣшивалось и желаніе обезпечить свободу торговыхъ сношеній черезъ Гибралтарскій проливъ и уничтожить наконецъ обременительныя пошлины, которыя взимались въ Сеутѣ со всѣхъ проѣзжавшихъ кораблей. Предпріятіе, на которое были затрачены громадныя средства, вполнѣ удалось. Когда-же марокканцы съ своей стороны сдѣлали попытку вернуть себѣ городъ, португальскому рыцарству представился удобный случай проявить свою отвагу и мужество.

Однако, несмотря на весь шумъ и громъ орудій, темный и загадочный взглядъ африканскаго сфинкса, сулившій, казалось, неслыханныя чудеса, произвелъ глубокое впечатлѣніе и на одного изъ португальскихъ рыцарей, а именно принца Генриха. Съ того дня, какъ принцъ вступилъ на почву Африки, въ немъ созрѣло твердое рѣшеніе открыть во что бы то ни стало тайну этого сфинкса и высылать съ этой цѣлью все новые и новые корабли на югъ въ тѣ сказочныя страны, о которыхъ существовали лишь неточныя свѣдѣнія изъ древнихъ временъ и богатства которыхъ неминуемо должны были достаться тому, кто первый появился-бы на ихъ берегахъ. Первое судно, снаряженное инфантомъ, вышло въ 1420 году изъ гавани Лагоса. Занесенные бурей, португальцы открыли далеко въ океанѣ островокъ Порто Санто; отсюда они въ томъ-же году достигли и Мадеры. Открытіе этого острова, на которомъ вскорѣ стали культивировать виноградъ и сахарный тростникъ и лѣса котораго представляли прекрасный корабельный строительный матеріалъ, повело и къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. На Канарскихъ островахъ, открытыхъ португальцами въ 1335 году, успѣли между тѣмъ водвориться другіе пришельцы: теперь предстояло спуститься на югъ вдоль африканскаго берега и объѣхать прежде всего мысъ Боядоръ, угрожавшій мореплавателямъ всѣми возможными, дѣйствительными и мнимыми, опасностями. Предпріятіе удалось лишь спустя двѣнадцать лѣтъ (1434). Споры о регентствѣ, возникшіе затѣмъ послѣ смерти брата Генриха,

Дуарте (Эдуардъ; умеръ въ 1438 году), также долгое время мѣшали принцу энергично приняться за осуществленіе своихъ замысловъ. Однако еще при жизни Генриха португальскіе мореплаватели достигли устьевъ Гамбіи и завязали тамъ живыя торговыя сношенія, которыя однако зачастую вырождались въ грабежи и разбои къ большому неудовольствію принца.

Смерть Генриха въ 1460 году на время парализовала отважный духъ португальскихъ мореплавателей. Только при Іоаннѣ II (1481—1495) замѣчается новый подъемъ отваги и мужества. Уже въ 1486 году португальцы достигли мыса Доброй Надежды; затѣмъ Васко да Гама обогнулъ южную оконечность Африки и 20-го мая 1498 года бросилъ якорь въ гавани Калькутты на берегу Передней Индіи. Португальцы открыли себѣ такимъ образомъ громадную область для дальнѣйшихъ предпріятій, еще значительно расширившуюся съ открытіемъ Бразиліи въ 1500 году (томъ I). Непосредственными результатами этихъ открытій оказались необыкновенно быстрый подъемъ торговли и чрезвычайное накопленіе богатствъ.

Однако, съ теченіемъ времени эти колоссальныя владѣнія привели къ роковымъ послѣдствіямъ. Весь народъ, настолько немногочисленный, что его врядъ-ли хватило бы на заселеніе новыхъ владѣній, былъ охваченъ однимъ желаніемъ — возможно быстро накопить громадныя богатства безъ затраты всякаго труда. Новыя колоніи кишѣли искателями приключеній, а цвѣтущія поля Португаліи все болѣе и болѣе пустѣли. Изгнаніе мавританскаго населенія, относящееся къ эпохѣ Эммануэля Счастливаго или Великаго (1495—1521), завершило уже начинавшееся разложеніе экономической жизни страны. Послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ введеніе инквизиціи въ Португаліи положило конецъ и духовной свободѣ народа. Такимъ образомъ богатая Португалія утратила свое могущество еще быстрѣе, нежели превосходившая ее по величинѣ и болѣе способная къ сопротивленію Испанія, и для обоихъ государствъ одновременно наступилъ періодъ плачевнаго упадка.

B. **Испанская міровая политика.**

Карлъ I (V).

Среди великихъ задачъ, которыя поставила себѣ Испанія послѣ низложенія Гранады, колонизація Америки далеко не занимала перваго мѣста; стремленія Фердинанда Католика были направлены главнымъ образомъ на то, чтобы поднять Испанію на степень первенствующей державы Европы, и на богатства Америки онъ смотрѣлъ лишь какъ на средство къ достиженію этой цѣли. Бракъ предполагавшейся наслѣдницы престола Іоанны, дочери Фердинанда и Изабеллы, съ Филиппомъ Красивымъ Австрійскимъ положилъ начало габсбургско-испанской всемірной монархіи, которой, казалось, должно было принадлежать будущее; послѣ смерти Филиппа старшій сынъ его Карлъ долженъ былъ сосредоточить въ своихъ рукахъ власть надъ монархіей, которая раскинулась по всему земному шару и могуществу которой не могла противостоять ни одна держава.

Однако послѣ смерти Изабеллы Кастильской единство Кастиліи и Арагоніи, купленное цѣной тяжелыхъ усилій, казалось, вновь готово было распасться; но Филиппъ Красивый немногимъ пережилъ свою тещу, а Іоанна, одержимая душевной болѣзнью, была неспособна къ царствованію и благодаря этому обстоятельству Фердинандъ до конца своихъ дней (1516) оставался регентомъ Кастиліи. Большая заслуга въ дѣлѣ спокойнаго и нормальнаго въ экономическомъ отношеніи развитія Испаніи принадлежитъ кардиналу Хименесу, съумѣвшему и послѣ смерти Фердинанда на короткое время сохранить миръ въ странѣ; Хименесъ былъ типичнѣйшимъ представителемъ испанской политики, стремившейся въ союзѣ съ церковью къ абсолютизму.

Едва-ли кто-нибудь изъ государей, вступая на престолъ, имѣлъ передъ собой такую массу неразрѣшенныхъ насущнѣйшихъ и настоятельнѣйшихъ вопросовъ, какъ Карлъ I Испанскій, позднѣе императоръ германскій Карлъ V. Народы Европы были охвачены колоссальнымъ движеніемъ. Идеи эпохи Возрожденія и гуманизма, проникнувъ изъ Италіи на сѣверъ къ германскимъ народамъ, подготовили здѣсь почву къ образованію національной культуры, принявшейся теперь съ своей стороны за разработку истинъ христіанскаго ученія. Подъ натискомъ новыхъ движеній пали въ то-же время и стѣснительныя преграды, дотолѣ раздѣлявшія народы Европы. Великія событія происходили передъ глазами всего цивилизованнаго европейскаго міра; подобно ударамъ землетрясенія, и пульсированіе духовной жизни передавалось въ отдаленнѣйшіе уголки земного шара. Къ несчастію Карлъ V соединялъ подъ своимъ скипетромъ два народа, цѣли которыхъ были діаметрально противоположны другъ другу: непрерывныя войны съ маврами воспитали изъ испанцевъ фанатическихъ борцовъ за вѣру, вступившихъ въ тѣсный союзъ съ папствомъ, Германія, наоборотъ, стремилась къ церковной и духовной свободѣ. Врядъ-ли можно было найти тутъ какіе-нибудь элементы къ примиренію; государь долженъ былъ опереться или на одно, или на другое изъ своихъ государствъ. Не удивительно, что выборъ его палъ на Испанію; честолюбивый государь легко могъ создать себѣ послушное орудіе изъ воинственныхъ испанцевъ, привыкшихъ уже къ абсолютной монархіи; наоборотъ, Германія, разрозненная на множество мелкихъ государствъ, уже не поддавалась такъ легко духовному вліянію. Такъ рѣшилась судьба обоихъ государствъ: Испанія неразрывно связала себя съ римской церковью и, выступивъ противъ реформаціи, купила короткій періодъ господства и величія цѣною долгаго духовнаго рабства; Германія спасла свободу мысли цѣною многихъ жертвъ, но въ продолженіе вѣковъ страдала отъ тяжкихъ ранъ и никогда не могла вполнѣ освободиться отъ римскаго вліянія.

Правда, въ началѣ царствованія Карла I на очереди стояли другіе вопросы. Ко времени смерти Фердинанда I абсолютизмъ еще не успѣлъ пустить вполнѣ надежные корни въ Испаніи; ему предстояло еще вести счеты съ промышленными классами населенія.

Города, съ большой готовностью оказавшіе свое содѣйствіе въ дѣлѣ униженія дворянства, отнюдь не были склонны принести свои собственныя права въ жертву Молоху самодержавія; а неосторожность молодого короля, который привезъ въ Испанію своихъ нидерландскихъ друзей и роздалъ имъ высшія должности, давала необходимый поводъ къ сопротивленію. Въ дѣйствительности дѣло шло совсѣмъ не о городскихъ привилегіяхъ, изъ которыхъ многія уже давно отжили свое время; рѣшался несравненно болѣе важный вопросъ, вопросъ о томъ, восторжествуетъ-ли отнынѣ внѣшняя міровая политика, которую могла провести только абсолютная монархія, или-же здоровая внутренняя политика, направляемая совмѣстными усиліями правительства и промышленныхъ классовъ главнымъ образомъ на экономическое развитіе страны.

На сеймѣ, созванномъ въ 1518 году въ Вальядолидѣ, энергично и рѣшительно выступили только представители городовъ, дворянство-же, хорошо помнившее еще всѣ униженія, черезъ которыя ему пришлось пройти въ предшествовавшія царствованія, держалось крайне сдержанно. Какъ въ Кастиліи, такъ и въ Арагоніи и въ Каталоніи, Карлу пришлось выслушать много горькихъ истинъ, прежде чѣмъ населеніе присягнуло ему на вѣрность и согласилось на обычныя денежныя требованія. Когда-же Карлъ, провозглашенный между тѣмъ германскимъ императоромъ, передъ отъѣздомъ въ Германію еще крайне безтактно пытался раздобыть необходимыя средства, въ Испаніи начались волненія, перешедшія послѣ отъѣзда императора въ опасное возстаніе комунеровъ (кастильскіе города). Во главѣ

движенія стояла древняя столица Толедо; съ неменьшимъ мужествомъ выступили на защиту своей свободы и жители Сеговіи. Во главѣ возстанія сталъ наконецъ Хуанъ Падилья и ему удалось изгнать изъ Вальядолида назначенныхъ тамъ Карломъ регентовъ и привлечь на сторону союза большинство кастильскихъ городовъ. Многія требованія, выставленныя городами, свидѣтельствуютъ не только объ экономическомъ значеніи возстанія, но указываютъ и на то, что граждане являлись представителями болѣе гуманнаго міровоззрѣнія; такъ, они требовали напр., чтобы дворянское сословіе несло тѣ-же налоги, что и граждане; далѣе, они выставили требованіе, чтобы на туземныхъ жителей Америки не смотрѣли, какъ на рабовъ, и не посылали ихъ на каторжныя работы въ рудники. Чтобы придать своимъ дѣйствіямъ характеръ законности, города выступили противъ императора отъ имени его матери, Іоанны Безумной.

Къ сожалѣнію, среди возставшихъ не было достаточнаго согласія. Дворянство держалось въ сторонѣ отъ движенія или же поддерживало королевскую власть, которая была ему въ сущности болѣе симпатична, нежели гражданское сословіе. Благодаря этому, регенты успѣли выиграть время и выслали на встрѣчу народному ополченію небольшое, но хорошо обученное и дисциплинированное войско. 2 -го апрѣля 1521 года въ битвѣ при Вильяларѣ граждане потерпѣли полное пораженіе и наиболѣе выдающіеся вожди ихъ были взяты въ плѣнъ; вскорѣ послѣ этого сопротивленіе было окончательно сломлено, вожди поплатились за свою отвагу жизнью, а города потерей всѣхъ привиллегій. Испанія стала послушнымъ орудіемъ въ рукахъ абсолютной монархической власти; для нея наступилъ блестящій періодъ могущественной міровой политики.

Движеніе среди низшихъ слоевъ народа и ремесленныхъ цеховъ въ Валенсіи, носившее скорѣе соціалистическій характеръ и не имѣвшее ничего общаго съ возстаніемъ кастильскихъ городовъ, также было подавлено въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Цехи воспользовались всеобщимъ народнымъ вооруженіемъ, введеннымъ въ видѣ защиты противъ угрожавшаго нападенія алжирскихъ морскихъ разбойниковъ, чтобы составить военныя братства (Germanias), и обратили свое оружіе противъ могущественной феодальной знати, съ своей стороны получившей подкрѣпленіе отъ оставшихся въ странѣ мавровъ, морисковъ. Правительство воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, чтобы принять жестокія мѣры: подавивъ съ одной стороны возстаніе военныхъ братствъ, оно въ то же время сломило и зарождавшееся самосознаніе гражданъ. Вмѣшательство морисковъ въ смуты дало удобный поводъ ввести различныя ограниченія и по отношенію къ этому промышленному классу населенія и частью принудить его къ эмиграціи, во вредъ странѣ и преимущественно крупнымъ земельнымъ собственникамъ дворянамъ. Христіанство силой было навязано теперь всему населенію. Инквизиція глазами аргуса слѣдила за новообращенными.

Старые сеймы испанскихъ государствъ, кортесы, не соотвѣтствовали конечно новой абсолютной формѣ правленія. Кастильскіе кортесы въ послѣдній разъ собрались въ полномъ составѣ въ Толедо въ 1538 году; здѣсь дворянство въ послѣдній разъ съ успѣхомъ выступило противъ намѣченныхъ правительствомъ податныхъ реформъ. Начиная съ этого времени правительство, налагая новыя подати, созывало уже только отдѣльныя сословія, въ особенности же прокураторовъ городовъ; тутъ уже не могло быть и рѣчи объ энергичномъ сопротивленіи чрезмѣрному росту государственнаго расходнаго бюджета, начавшемуся еще при Карлѣ V.

Мечты Карла создать міровую монархію разбились о сопротивленіе Франціи и о религіозное движеніе въ Германіи, несмотря на всѣ громадныя жертвы деньгами и людьми, которыя принесла Испанія. Первое время страна могла еще отвѣчать возложеннымъ на нее чрезмѣрнымъ требованіямъ. Несмотря на появлявшіеся уже тамъ и сямъ признаки начинавша-

гося разложенія, испанская промышленность все еще шла впередъ благодаря оставшимся въ странѣ маврамъ. И въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ существовало только старое христіанское населеніе, Изабелла съумѣла ввести новыя ремесла и всѣми возможными, часто, правда, искусственными, мѣрами поддерживала ихъ успѣшный ростъ. При Карлѣ V вывозъ изъ Испаніи еще непрерывно увеличивался. и надежнѣйшія основанія національнаго благосостоянія, хлѣбопашество и скотоводство, также находились еще въ блестящемъ состояніи.

И въ этомъ отношеніи области, заселенныя морисками, каковы Валенсія, Мурсія и Гранада, находились въ наиболѣе блестящемъ положеніи, между тѣмъ какъ въ старыхъ христіанскихъ областяхъ непрерывныя войны и страсть къ приключеніямъ уже успѣли значительно сократить численность крестьянскаго сословія. Въ мавританскихъ провинціяхъ дворянство, владѣвшее большею частью земли, было сильно заинтересовано успѣхами хлѣбопашества. Во внутреннихъ областяхъ, расположенныхъ на плоскогорьѣ, развитіе шло путемъ, который сталъ гибельнымъ для земледѣльческаго населенія и въ другихъ странахъ, такъ напримѣръ въ Англіи; крупные земельные собственники стали по преимуществу заниматься овцеводствомъ, приносившимъ громадные доходы благодаря извѣстному высокому качеству испанской шерсти; низкія цѣны на хлѣбъ пошатнули экономическое благосостояніе крестьянства, и крупные землевладѣльцы мало по малу совершенно вытѣснили его изъ страны. Тамъ, гдѣ нѣкогда тысячи людей обрабатывали свои поля, теперь раскинулись безконечныя пастбища, на которыхъ паслись милліоны овецъ, охраняемыхъ немногими пастухами. Съ уходомъ крестьянъ и опустѣніемъ деревень должно было пасть и искусственное орошеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезала и возможность вновь поднять страну на тотъ уровень благосостоянія, которымъ она дотолѣ пользовалась. Такимъ образомъ, благосостояніе Испаніи въ значительной степени зависѣло отъ ея мавританскаго населенія; но народные инстинкты, направленные на сохраненіе чистоты расы, въ союзѣ съ церковнымъ фанатизмомъ побудили королевскую власть и дворянство собственной рукой засыпать настоящіе источники богатства страны. Въ царствованіе Карла V правительство еще не успѣло принять всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя впослѣдствіи привели Испанію къ гибели, отчасти-же пагубное вліяніе ихъ умѣрялось цѣлымъ рядомъ благопріятныхъ обстоятельствъ; только при преемникѣ Карла, Филиппѣ II, Испанія поднялась въ своемъ могуществѣ на головокружительную высоту, съ которой она однако съ такой-же точно быстротой вскорѣ и упала.

Карлъ V въ послѣдніе годы жизни самъ долженъ былъ отказаться отъ своей мечты создать міровую монархію. Онъ, быть можетъ, и вѣрилъ въ возможность осуществленія своего идеала въ то время, когда рѣшительная битвапри Павіи отдала въ его руки его великаго противника Франциска I (1525). Однако эта битва не сломила сопротивленія Франціи, раздѣлявшей нѣмецкія и испанскія владѣнія Карла; а попытка императора создать духовную связь между подчинявшимися его скипетру народами черезъ эту границу окончилась неудачей. Какъ государь Испаніи, тѣсно связанный съ церковью, онъ не могъ поощрять протестантскаго движенія въ Германіи и въ то-же время не имѣлъ достаточно силы, чтобы окончательно подавить его.

9. Паденіе.

A. Вѣкъ Филиппа II.

a) Испанія.

Слѣдствіемъ было распаденіе Габсбургско-Испанской монархіи: нѣмецкіе князья, изъ вполнѣ естественнаго недовѣрія, не рѣшились выбрать

Филиппа, будущаго короля Испаніи, Германскимъ императоромъ, и вручили императорскую корону брату Карла Фердинанду, которому достались по наслѣдству нѣмецкія владѣнія Габсбурговъ. Сынъ-же Карла кромѣ Испаніи наслѣдовалъ итальянскія и нидерландскія владѣнія, а также и американскія колоніи. Помимо всего этого онъ, благодаря браку своему съ Маріей Англійской, получилъ право и на англійскій престолъ. Такъ какъ Карлъ V въ 1555 г. рѣшился отказаться отъ части своей монархіи въ пользу своего сына, а годомъ позднѣе и окончательно отрекся отъ престола, то Филиппъ II раньше, чѣмъ этого можно было ожидать, оказался обладателемъ своихъ все еще крайне раскинувшихся владѣній.

Если въ Карлѣ V не былъ ясно выраженъ ни германскій, ни романскій типъ, и онъ являлся наоборотъ смѣшеніемъ обоихъ, то въ Филиппѣ II наоборотъ испанскія черты взяли перевѣсъ надъ всякими другими элементами; къ этому времени въ самой Испаніи кастильскій элементъ одержалъ уже всецѣло верхъ надъ всѣми другими представителями иберійской расы. Всѣ тѣ качества, которыя кастильцы пріобрѣли въ суровой школѣ скудной и непривѣтливой природы отъ постоянной борьбы съ внѣшними и внутренними врагами, мы находимъ воплощенными въ характерѣ Филиппа II — его упорство, его неукротимая гордость, его сухая замкнутость и прежде всего его церковный фанатизмъ являются характерными чертами кастильскаго народнаго типа. Въ лицѣ Филиппа II на престолъ вступилъ злой геній Испаніи. Въ слѣпомъ высокомѣріи онъ не желалъ понять требованій и духа времени. Карлъ V боролся по крайней мѣрѣ съ осязаемыми противниками. Филиппъ-же принялъ на себя безнадежную борьбу съ неосязаемымъ и именно потому непоборимымъ противникомъ — съ духовнымъ и религіознымъ движеніемъ столѣтія. Объ упорное сопротивленіе небольшой горсти германской народности, которая въ Нидерландахъ находилась еще подъ скипетромъ Филиппа II, сломилась сила этого на первый взглядъ могущественнѣйшаго въ мірѣ властителя; объ утесы Англіи разбился его непобѣдимый флотъ. Единственной жертвой гигантской борьбы оказалась Испанія, которая своею кровью и золотомъ до полнѣйшаго изнеможенія вела борьбу противъ духовной свободы.

Что паденіе Испаніи было такъ глубоко и окончательно, это было исключительно дѣломъ рукъ самого Филиппа. Карлъ V, какъ-бы широка ни была его политика, все же имѣлъ представленіе о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ покоилась его власть, и увеличивая тяжесть налоговъ, онъ въ то же время старался поднять платежеспособность населенія; налоговая же система Филиппа II была не чѣмъ инымъ, какъ высасываніемъ соковъ, предпринятымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; при этой системѣ расходовались не проценты только, но и самый капиталъ, и сокровища Новаго Свѣта не могли уже удовлетворять все растущимъ потребностямъ. Такъ какъ Испанія позже всѣхъ покончила съ самымъ зловреднымъ остаткомъ феодализма — съ свободой дворянства отъ налоговъ, то колоссальная тяжесть этихъ налоговъ и падала здѣсь со всею силою именно на производительные классы населенія — на крестьянъ и на занимающихся промышленностью горожанъ. Если же еще принять во вниманіе, что нравственность этихъ классовъ и безъ того, подъ вліяніемъ погони за наживой въ Америкѣ, была въ значительной степени расшатана, и что пренебреженіе къ честному тяжелому труду, вообще соотвѣтствовавшее феодалистическому духу страны, должно было ослабить стремленіе къ полезной, продуктивной дѣятельности, то мы поймемъ, какъ губительны должны были оказаться послѣдствія финансовой политики Филиппа II. Съ головокружительной быстротой промышленность, торговля и земледѣліе шли къ полному упадку.

Однако, пока паденіе это не наступило, Филиппъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи силы, съ которыми въ то время не могла помѣряться ни одна держава. Кромѣ Испаніи въ подчиненіи у него находились Нидерланды,

королевство Неаполитанское, подъ извѣстнымъ вліяніемъ была Англія, на королевѣ которой онъ былъ женатъ; кромѣ американскихъ владѣній была присоединена и часть Остъ-Индскихъ острововъ. Первыя предпріятія молодого короля увѣнчались успѣхомъ. Проніи судьбы угодно было, чтобы самый набожный изъ всѣхъ государей эпохи прежде всего имѣлъ столкновеніе съ папой и вынужденъ былъ направить свои войска противъ Рима, чтобы образумить ставшаго на сторону французовъ Павла IV. Такъ какъ въ дѣло вмѣшались французы, то вспыхнула война и съ ними, закончившаяся послѣ побѣды испанцевъ и нидерландцевъ подъ предводительствомъ Эгмонта при Гравелингенѣ (13 іюля 1558) удовлетворительнымъ для обѣихъ сторонъ миромъ въ Като-Камбрези (1559).

Миролюбивое настроеніе Филиппа въ этотъ моментъ имѣло въ основаніи своемъ причину болѣе глубокую, нежели недостатокъ денежныхъ средствъ, что, конечно, также не могло не оказать вліянія. Соединяясь въ мирномъ договорѣ съ французскимъ королемъ на борьбу съ еретичествомъ и стремясь заключеніемъ родственныхъ связей укрѣпить этотъ союзъ, Филиппъ показалъ, что онъ нашелъ наконецъ великую руководящую идею своей политики. Борьба съ протестантизмомъ всецѣло заняла съ этого момента его узкую и холодную душу и лишила его способности понять то несчастіе, которое онъ тѣмъ самымъ навлекъ на себя и на своихъ близкихъ. Съ этого момента мы видимъ его лихорадочно дѣятельнымъ вездѣ, гдѣ только дѣло шло о борьбѣ съ ересью: въ Англіи, гдѣ онъ со смертью своей жены Маріи „Кровавой“ лишился вліянія, онъ содѣйствовалъ строгой католичкѣ Маріи Стюартъ въ ея борьбѣ противъ протестантской королевы Елизаветы, послѣ того какъ она отклонила его хитро разсчитанное брачное предложеніе; во Франціи онъ старался раздуть ненависть католиковъ противъ гугенотовъ и далъ первый толчокъ къ ужасамъ Варѳоломеевской ночи; повсюду агенты и шпіоны Филиппа должны были наблюдать за протестантизмомъ и препятствовать его распространенію.

Но самую жестокую борьбу съ приверженцами новаго ученія Филиппъ велъ въ своей собственной странѣ, гдѣ протестантизмъ началъ пускать корни какъ разъ въ средѣ самыхъ знатнѣйшихъ, самыхъ лучшихъ элементовъ народа. Орудіемъ въ этой борьбѣ явилась въ рукахъ Филиппа инквизиція, которая сначала обращена была противъ возвращавшихся къ своей прежней вѣрѣ мавровъ и евреевъ, а теперь нашла жертву, болѣе достойную ея преслѣдованій. Большое число самыхъ выдающихся людей Испаніи — между ними высокія духовныя лица и чиновники, которые пользовались благосклонностью Карла V, погибли на кострѣ или въ казематахъ инквизиціи. Все это не могло, конечно, не отразиться вредно на умственныхъ и нравственныхъ качествахъ испанскаго народа. Въ тотъ именно моментъ, когда во всей Европѣ клалось начало занятіямъ наукою и стало развиваться свободное стремленіе къ познанію истины, въ Испаніи великое умственное движеніе было задержано и отравлено.

Но то, что удалось Филиппу въ Испаніи, то самое закончилось полнѣйшей неудачей въ Нидерландахъ. Конечно, только иронія судьбы могла соединить эти провинціи съ Испаніей, которой они составляли полнѣйшую безусловную противоположность. Придворно-феодальный духъ испанцевъ не могъ ужиться съ свободомыслящимъ, купечески-республиканскимъ характеромъ фламандцевъ и голландцевъ; они могли еще какъ-нибудь примириться съ жизнерадостнымъ Карломъ V, но питали непреодолимое отвращеніе къ мрачному и холодному Филиппу. Возможно, что рокового столкновенія можно было-бы избѣжать, если-бы протестантизмъ, пришедшій изъ Германіи, не распространился съ такой поразительной быстротой въ Нидерландахъ и не побудилъ Филиппа къ самымъ рѣзкимъ мѣрамъ. Съ назначеніемъ въ 1567 г. въ Нидерланды сухого непреклоннаго фанатика герцога Альбы здѣсь вспыхнуло возстаніе, которое только много десяти-

лѣтій спустя послѣ смерти Филиппа (1648) закончилось полнымъ отложеніемъ сѣверныхъ провинцій, и какъ неизлечимая рана страшно ослабило государственный организмъ Испаніи. Напрасно король отозвалъ ненавистнаго Альбу послѣ шестилѣтней кровавой работы, напрасно онъ пытался заговорить теперь болѣе мягкимъ языкомъ: несчастная система гнета и притѣсненія принесла свои горькіе плоды.

Ослабивъ такимъ образомъ внѣшнюю силу Испаніи, Филиппъ въ то же самое время, преслѣдованіемъ морисковъ Гранады разрушилъ внутреннее благосостояніе страны. Испанскому народу, казалось, не суждено было успокоиться, прежде чѣмъ не были изгнаны послѣдніе остатки чуждыхъ ему элементовъ. И то обстоятельство, что мавры такъ долго держались еще въ различныхъ провинціяхъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пережили даже правленіе Филиппа, объясняется отнюдь не благосклоннымъ отношеніемъ къ нимъ высшей власти, духовенства или народа; оно объясняется тѣмъ, что высшая знать значительнѣйшую часть своихъ доходовъ извлекала изъ заселенныхъ маврами и обрабатывавшихся ими земель. И въ Гранадѣ дворянство дѣлало все отъ него зависящее, чтобы предотвратить роковой исходъ. Но распоряженія короля, нарушившія беззастѣнчиво всѣ данныя маврамъ обѣщанія и доведшія ихъ до отчаяннаго положенія, какъ въ соціальномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, вызвали, наконецъ, возстаніе, которое при всей храбрости мавровъ, могло, конечно, повести только къ ихъ уничтоженію. Борьба, начавшаяся въ 1568 г., окончилась только въ 1570, когда предводительство испанскими войсками передано было побочному сыну Карла V, принцу Жуану Австрійскому. Окончательное уничтоженіе невѣрныхъ съ обычнымъ рвеніемъ и успѣхомъ взяла на себя инквизиція.

Донъ Жуанъ Австрійскій — самая блестящая героическая фигура эпохи Филиппа II; въ немъ воплотилась та, присущая испанскому характеру, храбрость, которая у самого Филиппа совершенно отсутствовала. Но возможно въ то-же время, что вся ничтожность и вся неудачливость испанской политики нигдѣ не сказались такъ ярко, какъ въ судьбѣ этого столь щедро одареннаго отъ природы принца. О тѣхъ печальныхъ лаврахъ, которые онъ добылъ себѣ въ борьбѣ съ маврами, мы только что упоминали, самое-же крупное дѣло его жизни — морская побѣда при Лепанто надъ турецкимъ флотомъ (7 октября 1571 года) — осталось совершенно безрезультатнымъ. Когда-же онъ наконецъ въ 1576 г. назначенъ былъ намѣстникомъ въ Нидерланды, онъ растратилъ всѣ свои лучшія силы въ безцѣльной, безплодной борьбѣ противъ населенія протестантскихъ сѣверныхъ провинцій.

Крушеніе всей политики Филиппа II выразилось внѣшнимъ образомъ въ уничтоженіи Армады. Еще разъ фанатикъ, сидѣвшій на испанскомъ престолѣ, хотѣлъ попытаться однимъ страшнымъ ударомъ сокрушить протестантскую Англію, лишить Нидерланды ихъ надежнѣйшей опоры и такимъ образомъ уничтожить протестантизмъ по крайней мѣрѣ въ западной Европѣ. На казнь Маріи Стюартъ (1587), которая означала окончательный разрывъ Англіи съ католической церковью и была вмѣстѣ съ тѣмъ неслыханнымъ вызовомъ Испаніи, Филиппъ рѣшился отвѣтить страшнымъ, и, какъ онъ надѣялся, неотразимымъ ударомъ. Въ дѣйствительности-же предпріятіе это закончилось уничтоженіемъ морской силы Испаніи. Гигантскій флотъ „Армады“ погибъ отъ бурь и нападенія англійскихъ и голландскихъ судовъ. Вмѣстѣ съ этимъ флотомъ на днѣ моря погибли (1588) безчисленные милліоны, которые были высосаны у несчастной Испаніи. Филиппъ-же, средства котораго были совершенно истощены, вынужденъ былъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни ограничиться оборонительнымъ положеніемъ.

б) Португалія.

Но не одной Испаніи пришлось пожать плоды ложной политики Филиппа: въ несчастный часъ судьба привела и послѣднее независимое госу-

дарство Пиренейскаго полуострова, Португалію, подъ власть разрушителя испанскаго могущества. Было бы конечно ошибочно и несправедливо дѣлать Филиппа отвѣтственнымъ также и за весь тотъ экономическій упадокъ, который лишь вслѣдствіе ложно направленной колоніальной политики португальцевъ наступилъ много раньше его вмѣшательства. Ни въ Испаніи, ни въ Португаліи не была понята та великая истина, что колоніи въ томъ только случаѣ оказываются благодѣтельными для метрополіи, если онѣ возбуждающимъ образомъ дѣйствуютъ на ея производительность, если колоніальныя сокровища обмѣниваются на продукты отечественнаго производства; и наоборотъ только гибель могутъ принести колоніи, если извлеченный изъ нихъ тяжкими поборами золотой дождь вызоветъ въ метрополіи одну только безумную расточительность. Къ несчастію обстоятельства складывались для Португаліи такъ неблагопріятно, что врядъ ли правительство, даже и болѣе разумное, въ состояніи было бы задержать внутреннее разложеніе этого съ внѣшней стороны столь блестящаго государственнаго организма. При желаніи удержать за собой необозримыя колоніи приходилось набирать въ этой маленькой странѣ совершенно несоразмѣрное, громадное количество солдатъ и моряковъ: въ результатѣ былъ неизбѣженъ недостатокъ рабочихъ рукъ, какъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, такъ и въ земледѣліи, и вслѣдствіе этого общее паденіе культуры въ странѣ. Всѣ тѣ предметы роскоши, которыхъ требовало растущее богатство большихъ городовъ, приходилось выписывать изъ промышленныхъ центровъ того времени. Лучше другихъ съумѣли умные нидерландскіе купцы и фабриканты, тотъ самый золотый потокъ, который произвелъ такое разлагающее дѣйствіе въ Португаліи и Испаніи, превратить въ благотворный для ихъ промышленной дѣятельности дождь.

Старая ненависть къ маврамъ, побудившая испанцевъ къ цѣлому ряду предпріятій на сѣверо-африканскомъ берегу, не давала покоя и португальцамъ. Непрестанно велась мелкая борьба на мавританскомъ побережьѣ, гдѣ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ былъ завоеванъ и отнятъ португальцами, пока грандіозные успѣхи въ Индіи не отвратили ихъ вниманія отъ Африки. Въ правленіе короля Іоанна III (1521—1557) и во время регентства королевы Катарины, правившей за своего несовершеннолѣтняго внука Себастіана, африканская политика отступила совершенно на задній планъ. Тѣмъ временемъ однако и Португалія оказалась зараженной тѣмъ духомъ деспотической нетерпимости, который въ Испаніи достигъ такой ужасной силы. Инквизиція и іезуиты стали и здѣсь твердой ногой. Судьбѣ было угодно, чтобы рядомъ съ Филиппомъ — испанскимъ представителемъ фанатическаго холода — здѣсь въ Португаліи, въ лицѣ Себастіана, на престолѣ былъ горячій, романтически-фанатически настроенный борецъ за вѣру, которому еще скорѣе, нежели въ Испаніи Филиппу, удалось погубить страну или по крайней мѣрѣ ея политическое существованіе. Очутившись всецѣло въ рукахъ у своихъ іезуитовъ-совѣтниковъ, Себастіанъ окончательно потерялъ подъ ногами почву. Въ 1577 г. король, который изъ ханжества обрекъ себя на безбрачіе, предпринялъ религіозную войну противъ Марокко, причемъ уже во время приготовленій къ походу выяснился ужасающій недостатокъ въ средствахъ и людяхъ. Все совершенно безплавно организованное предпріятіе окончилось весьма плачевно: недалеко отъ Танжера при Альказарѣ, войско Себастіана было разбито маврами; самъ король исчезъ безслѣдно въ свалкѣ (4 августа 1578 г.).

Послѣдній мужской отпрыскъ португальскаго королевскаго дома, престарѣлый кардиналъ-инфантъ Энрике, принялъ бразды правленія. Филиппъ II, который имѣлъ возможность предъявить извѣстныя права на португальскій престолъ, съумѣлъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами и когда Энрике въ 1580 г. умеръ, испанское войско перешло границу и Португалія должна была волей неволей признать власть испанца,

который хитростью, подкупами и силой съумѣлъ упрочить свое положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и колоссальныя колоніальныя владѣнія Португаліи перешли къ Испаніи, могущество которой достигло въ этотъ моментъ своего высшаго предѣла: съ тѣмъ, правда, чтобы уже очень скоро рухнуть и увлечь за собой въ пропасть и португальскій народъ.

Б. **Послѣдніе Габсбурги.**

а) Филиппъ III и Филиппъ IV.

Пока правилъ Филиппъ II, широкій размахъ его хотя и неудачной внѣшней политики до извѣстной степени скрывалъ паденіе Испаніи; подъ управленіемъ же его слабыхъ преемниковъ катастрофа назрѣвала неудержимо. Такъ какъ первенецъ Филиппа Карлъ, который погибъ въ конфликтѣ съ холодною, властною натурою своего отца, и судьбу котораго традиція окружила романтическимъ ореоломъ, умеръ уже въ 1568 году, то на престолъ вступилъ воспитанный въ ограниченномъ невѣжествѣ, совершенно неспособный Филиппъ III. Вмѣсто него въ продолженіе 20 лѣтъ управлялъ его давнишній гофмаршалъ, а теперь первый министръ, Францискъ Гомецъ-де-Сандоваль-Рохасъ, герцогъ Лерма. Регентство Лермы имѣло за себя по крайней мѣрѣ то обстоятельство, что воинственная внѣшняя политика уступила мѣсто осторожной, и принимая во вниманіе печальное положеніе государства, вполнѣ законной сдержанности, но зато испорченность внутренняго управленія достигла крайнихъ предѣловъ. Злосчастная система податей, практиковавшаяся Филиппомъ II и по крайней мѣрѣ служившая ему для поддержанія испанской мощи (срв. выше, стр. 546), нисколько не была улучшена; доходы же съ нея текли теперь въ карманы любимцевъ короля или духовенства. Все, что осталось еще отъ старой индустріи, было совершенно уничтожено изгнаніемъ мавровъ въ 1609—1611 г. Сперва изъ Валенціи, затѣмъ изъ Андалузіи, Арагоніи и изъ другихъ провинцій потянулись толпы несчастныхъ къ берегу, чтобы переправиться въ Африку. Съ ихъ удаленіемъ плодородная страна стала пустыней, такъ какъ они одни занимались съ терпѣливымъ рвеніемъ ея обработкой. Мавры были болѣе, чѣмъ изгнаны: они были уничтожены. Слившійся изъ различныхъ частей въ теченіе столѣтій въ одно цѣлое народъ сталъ по своей своеобразности чуждъ грубымъ сѣверо-африканцамъ; онъ принадлежалъ уже Европѣ и, потерявъ родную почву, вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ и смыслъ своего существованія. Въ нѣкоторыхъ городахъ Марокко, какъ въ Фецѣ и Тетуанѣ, основались, правда, большія маврскія колоніи, но сотни тысячъ изъ тѣхъ, которые бѣжали изъ Испаніи, не нашли себѣ мѣста для новой жизни и погибли, будучи гонимы изъ одной страны въ другую. Итакъ Испанія стала какъ въ религіозномъ, такъ и въ этнографическомъ смыслѣ снова единымъ сплоченнымъ государствомъ, но за достиженіе этой цѣли, къ которой она со времени завоеванія ея арабами стремилась съ такимъ неутомимымъ рвеніемъ, она заплатила страшно дорогой цѣной. Очень скоро поразительно быстрое паденіе государственныхъ доходовъ показало испанскимъ властителямъ, что изгнаніемъ мавровъ они опять уничтожили одно изъ основаній испанскаго могущества. Уже при Филиппѣ II мы видимъ зачатки государственнаго банкротства, съ этого-же времени нужда въ деньгахъ стала неизлѣчимымъ зломъ, которому правительство тщетно пыталось помочь излюбленными домашними средствами плохого государственнаго хозяйничанья, — ухудшеніемъ монеты, задержкой уплаты чиновникамъ жалованья и конфискаціей имуществъ.

Паденіе Лермы въ 1618 г. и послѣдовавшая 3 года спустя смерть Филиппа III не измѣнили положенія дѣла. Наоборотъ, правленіе Филиппа IV (1621—65) еще ухудшило его тѣмъ, что была сдѣлана попытка рядомъ военныхъ

предпріятій вновь возстановить міровую политику Филиппа II; результатомъ было еще большее фіаско, еще болѣе основательное разрушеніе всего государственнаго организма. Душою славолюбивой политики Филиппа IV былъ графъ Оливаресъ. Въ поводахъ-же къ такимъ военнымъ предпріятіямъ недостатка къ сожалѣнію не было.

Какъ разъ въ моментъ вступленія на престолъ Филиппа IV истекъ срокъ перемирія съ Нидерландами: незадолго до того въ Германіи вспыхнула религіозная война, въ которую Испанія весьма охотно дала себя втянуть. Кромѣ того спорные вопросы о владѣніяхъ Испаніи въ верхней Италіи повели къ войнѣ между нею и Франціею, тянувшейся много десятилѣтіи и стоившей Испаніи значительной части ея внѣшнихъ владѣній.

Для французовъ-же было весьма кстати, что на самомъ Пиренейскомъ полуостровѣ вновь проявился старый партикуляризмъ, на этотъ разъ въ Каталоніи, которая и безъ того граничила съ Франціею. Каталонцы до этого времени съ большимъ упорствомъ отстаивали свои привилегіи, и даже Филиппъ II обращался съ ними съ осторожною снисходительностью; попытка графа Оливареса сломить ихъ сопротивленіе противъ возрастающихъ налоговъ и рекрутскихъ наборовъ по кастильскому способу вызвала въ 1640 г. открытое возстаніе, которое не могло быть подавлено въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ. Въ концѣ концовъ кастильцамъ удалось отстоять свои привилегіи. Благодаря этому благопріятному обстоятельству Каталонія впослѣдствіи и была той единственной частью Испаніи, гдѣ сохранились еще въ нѣкоторой степени промышленность и торговля. Такъ какъ Пиренейскій миръ въ 1659 г. доставилъ французамъ графство Руссильонъ, то, послѣ того какъ всѣ французскія предпріятія противъ испанской Наварры окончились неудачами, Пиренейская граница была повсюду возстановлена.

б) Отдѣленіе Португаліи отъ Испаніи.

Въ то время какъ на востокѣ свирѣпствовало возстаніе въ Каталоніи, западный край полуострова — присоединенная Филиппомъ II Португалія — окончательно отдѣлился отъ Испаніи. Іоаннъ Браганцскій, родъ котораго уже при смерти короля Генриха заявилъ свои притязанія, всталъ во главѣ національнаго движенія, которое встрѣтило воодушевленное сочувствіе (1640). Испанія же со своими все слабѣющими силами не въ состояніи была нанести рѣшительнаго удара своему возставшему васаллу. Сраженіе при Вилла-Висозѣ 17-го іюня 1665 г. дало побѣду португальскому оружію. Три года спустя Испанія по миру въ Лиссабонѣ вынуждена была согласиться на признаніе независимости сосѣдней страны.

в) Послѣдній духовный подъемъ.

До Филиппа IV печальная вѣсть о Вилла-Висозѣ дошла раньше, чѣмъ онъ покончилъ счеты съ жизнью, принесшей такъ мало счастья его народу. Испанія какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи была теперь окончательно повержена въ прахъ. Не подвергаясь опустошенію со стороны непріятельскихъ войскъ, страна тѣмъ не менѣе была разорена больше, чѣмъ даже несчастная Германія къ концу тридцатилѣтней войны за духовную свободу; Германія послѣ этой борьбы воспрянула съ новой силой, заплативъ дорогой цѣной за свои священнѣйшія сокровища, Испанія же, которая ради высшаго политическаго могущества продала себя мрачнымъ силамъ нетерпимости, еще и до сихъ поръ страдаетъ отъ неизлеченныхъ ранъ: духъ и тѣло неразлучимы даже и въ народномъ организмѣ. И при всемъ томъ, параллельно политическому паденію происходилъ духовный подъемъ, который сулилъ блестящія надежды и сохранялъ свою силу и тогда, когда и политическое могущество страны и экономическое ея про-

цвѣтаніе были окончательно разрушены. Но этотъ подъемъ былъ, по необходимости, одностороннимъ. Тамъ, гдѣ духъ испанскáго народа еще могъ проявиться: въ романсѣ, въ драмѣ, въ религіозной живописи, тамъ онъ показалъ свою оригинальность и силу удивительнымъ образомъ. Мечтательный идеализмъ, смѣшанный съ самымъ здоровымъ реализмомъ, являются отличительными чертами испанскаго искусства, и вдвойнѣ достойно сожалѣнія, что духовный гнетъ и экономическая нужда помѣшали свободному развитію богато одареннаго народа. Если въ испанской драмѣ параллельно съ выраженіями возвышеннаго, часто доходящаго до смѣшного, понятія о чести, является и грубый комизмъ; если мы колеблемся, чему отдать предпочтеніе: Мадоннамъ ли Мурильо, или его реальнымъ нищимъ-мальчикамъ, то мы видимъ здѣсь ту-же двойственность испанскаго искусства, какую мы находимъ въ комическомъ, героическомъ романѣ Сервантеса — противопоставленіе преувеличеннаго идеализма и трезвой пошлости. Искусство-же есть, конечно, только отраженіе народной души. То обстоятельство, что ни испанская королевская власть, ни испанская церковь не съумѣли использовать силъ этой души, что они превратили идеализмъ въ взвинченную напряженность и неподвижный фанатизмъ, а реальной дѣятельной силѣ дали зачахнуть — это было проклятіемъ Испаніи на многія столѣтія.

г) Карлъ II.

Въ правленіе послѣдняго изъ Габсбурговъ, Карла II отъ 1665—1700. исторія Испаніи свелась, такъ сказать, къ нулю. Дворцовыя интриги и несчастныя внѣшнія войны поглощали и послѣ совершеннолѣтія Карла (1675) все вниманіе правительства, въ то время какъ сама Испанія впадала въ полное варварство. Для страны было счастьемъ, что браки Карла были бездѣтны и что Людовикъ XIV французскій возымѣлъ намѣреніе приковать Испанію къ своему дому. Французамъ и на этотъ разъ суждено было пріобщить къ европейской культурѣ отжившій, застывшій въ устарѣлыхъ понятіяхъ испанскій народъ, проложить дорогу болѣе здравымъ умственнымъ и экономическимъ воззрѣніямъ и спасти Испанію отъ окончательнаго паденія. Нельзя отказать Бурбонамъ въ томъ, что столѣтіе ихъ господства въ этомъ смыслѣ принесло странѣ пользу и подготовило почву для либеральнаго во всѣхъ отношеніяхъ міровоззрѣнія.

Слѣдить за всѣми политическими интригами, которыя обезпечили французской партіи побѣду, не представляетъ интереса. И война за Испанское наслѣдство, закончившаяся тѣмъ, что одна изъ Бурбонскихъ линій вступила на престолъ, болѣе близкая-же связь съ Франціей стала невозможной, также относится скорѣе къ общей исторіи Европы (срв. VII-й т.). Такимъ образомъ трупъ Испанской міровой державы окончательно разложился и Испанія оказалась предоставленной своимъ собственнымъ силамъ, испытавъ еще сначала всѣ ужасы войны. Съ помощью каталонцевъ и португальцевъ соединившіяся противъ Франціи силы пытались покорить Испанію. Дважды Габсбургскій претендентъ—позднѣе германскій императоръ Карлъ VI—являлся во главѣ побѣдоноснаго войска въ Мадридѣ. Но кастильцы, примкнувшіе къ французскому кандидату Филиппу V, и на этотъ разъ показали, что рѣшеніе вопроса зависѣло отъ нихъ. Наибольшую-же пользу изъ описываемыхъ событій извлекли англичане: воспользовавшись случаемъ, они овладѣли Гибралтаромъ.

B. **Вѣкъ Бурбоновъ.**

а) Отъ Филиппа V до Карла III.

Господство Бурбоновъ оказалось-бы для Испаніи еще болѣе благодѣтельнымъ, если-бы короли всецѣло отдались задачѣ поднять отставшую въ духовномъ и экономическомъ отношеніяхъ страну; въ дѣйствительности-же

стремленіе вести широкую политику проявлялось—какъ несчастное наслѣдіе Габсбурговъ—отчасти и у Бурбоновъ. Войны, въ которыя эта политика вовлекла Испанію, препятствовали полному экономическому оздоровленію страны; мало того, такъ какъ возникшіе еще въ прежнее время государственные долги скорѣе росли, чѣмъ уменьшались, то войны эти въ правленіе Фердинанда VI еще разъ привели къ формальному государственному банкротству. Впрочемъ, самъ болѣзненный Фердинандъ VI (1746—1759) былъ самый миролюбивый изъ всѣхъ бурбонскихъ государей и уже поэтому одному онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ своей страны.

Духъ вѣка не остался безъ вліянія и на Испанію: и здѣсь просвѣщенный абсолютизмъ былъ идеаломъ королей, въ особенности когда по смерти бездѣтнаго Фердинанда на престолъ вступилъ правившій въ Неаполѣ Карлъ III. И дѣйствительно, въ Испаніи, гдѣ инквизиція и уничтоженіе всѣхъ свободныхъ образовательныхъ учрежденій совершенно связали народную душу, просвѣщеніе могло исходить только отъ правительства; поэтому-то династическое родство съ Франціей и Италіей и было крайне важно для дальнѣйшаго развитія страны. Народъ еще очень долгое время не поддерживалъ королей и либеральныхъ государственныхъ дѣятелей въ ихъ начинаніяхъ: совершенно невиннаго свойства нововведенія, какъ напримѣръ устройство мостовыхъ и уличнаго освѣщенія въ Мадридѣ, вызвали тамъ довольно серьезное возстаніе. И теперь всѣ ретроградные и отсталые элементы находили себѣ опору въ духовенствѣ. Поэтому то абсолютизмъ, покончивъ съ дворянствомъ, уничтоживъ старыя народныя права, долженъ былъ предпринять послѣднюю, рѣшительную борьбу съ Римомъ, если только онъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе подготовить и въ Испаніи, какъ и въ остальной Европѣ, почву для созданія здѣсь современнаго государства. При Карлѣ III, министръ котораго графъ Аранда энергично боролся за просвѣщеніе и. покровительствуя масонамъ, тѣмъ самымъ старался распространить либеральныя идеи среди образованныхъ слоевъ населенія, загорѣлась открытая борьба: могущество инквизиціи было по возможности ограничено и орденъ іезуитовъ 1 апрѣля 1767 г. изгнанъ изъ Испаніи. Еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ Аранда, проводилъ въ Испаніи современныя идеи его преемникъ Флоридабланка. Онъ привлекъ въ Испанію колонистовъ изъ другихъ странъ, главнымъ образомъ нѣмцевъ, чтобы поднять земледѣліе, проводить новыя дороги и умѣло заботиться о подъемѣ промышленности. Американскія колоніи при разумномъ съ ними обращеніи могли-бы стать источникомъ силы испанскаго могущества, но вѣчная финансовая нужда заставляла правительство крѣпко держаться устарѣлой уже системы управленія (ср. т. I). Войны, которыя особенно энергично велъ Карлъ III, не коснулись непосредственно Испаніи, но задержали однако весьма чувствительнымъ образомъ ея экономическое оздоровленіе; предпринятая-же въ 1779 г. попытка отнять съ помощью французовъ у англичанъ, Гибралтаръ окончилась полной неудачей.

б) Португалія.

Въ борьбѣ съ іезуитами маленькая Португалія на этотъ разъ далеко опередила свою сосѣдку. Мало того, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ любопытнымъ, невиданнымъ явленіемъ; государство наиболѣе вѣрующаго Пиренейскаго полуострова стало во главѣ движенія, которое заставило поборниковъ могущества римской церкви на долгое время исчезнуть съ исторической арены. Причина была отчасти личнаго свойства. Энергичный донъ Себастьянъ Іосифъ Карвальго, маркизъ Помбаль, который со времени вступленія на престолъ короля Іосифа (Жозефа Эммануеля; 1750) управлялъ государствомъ, проникся во Франціи идеями новаго времени и долженъ былъ, если онъ желалъ утвердить свое положеніе, покончить съ іезуитами.

Но врядъ-ли ему удалось бы одержать побѣду, если бы позорное іезуитское хозяйничанье въ царствованіе предшественника Іосифа — Іоанна V не раздражило народа, и если бы орденъ самъ не создалъ себѣ безчисленныхъ враговъ своимъ вмѣшательствомъ во всѣ дѣла. Орденъ іезуитовъ встрѣтилъ въ Помбалѣ, который на этотъ разъ безъ зазрѣнія совѣсти использовалъ противъ поборниковъ реакціи всѣ ужасы средневѣковой юстиціи и съумѣлъ противъ козней бороться кознями же, такого противника, который причинилъ ему неизмѣримый вредъ и лишилъ его главнѣйшаго источника дохода уничтоженіемъ іезуитскаго государства въ Парагваѣ (см. т. I); предложивъ, при помощи массами распространявшихся брошюръ, свое столкновеніе съ іезуитами на судъ всей Европы, Помбаль тѣмъ самымъ далъ первый толчокъ къ уничтоженію іезуитскаго ордена. Помбаль выступилъ реформаторомъ и на другихъ поприщахъ. Хотя въ пониманіи экономическихъ вопросовъ онъ не стоялъ выше другихъ государственныхъ дѣятелей своего времени, тѣмъ не менѣе онъ въ просвѣтительномъ направленіи заботился объ улучшеніи школьнаго дѣла и положилъ этимъ основаніе къ дальнѣйшему прогрессу. Въ то-же время улучшилось состояніе финансовъ и арміи. Въ общемъ Помбаль принадлежитъ къ числу тѣхъ народныхъ благодѣтелей, которые стремятся проводить реформы давленіемъ сверху внизъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать обратнымъ путемъ и могутъ поэтому проводить свои взгляды только съ помощью желѣзной строгости и произвола. По смерти Іосифа, въ 1777 г., за которой очень скоро послѣдовало паденіе Помбаля, наступила, какъ этого, впрочемъ, и можно было ожидать, реакція, уничтожившая значительную часть, достигнутыхъ имъ результатовъ.

в) Карлъ IV.

Въ то время, какъ Испанія медленно и какъ бы колеблясь слѣдовала духу времени, въ сосѣдней Европѣ либеральное міровоззрѣніе Франціи, которымъ просвѣщенный деспотизмъ воспользовался какъ оружіемъ въ борьбѣ противъ дворянства и церкви, обратилось теперь съ всесокрушающей силой противъ этого же деспотизма. Непосредственнаго зараженія народнаго организма французской революціей въ Испаніи, гдѣ въ 1778 г. Карлу III наслѣдовалъ его слабый и ограниченный сынъ Карлъ IV, пока нечего было опасаться. Но во всякомъ случаѣ новый государь, уже какъ близкій родственникъ королевскаго дома, долженъ былъ занять опредѣленное положеніе по отношенію къ поучительнымъ событіямъ во Франціи. Жалкая слабость, которую при этомъ проявлялъ король, неминуемо должна была, казалось, повлечь за собой погибель, въ то время какъ съ другой стороны престижъ его подрывался позорными интригами, господствовавшими при испанскомъ дворѣ.

Дѣйствительнымъ повелителемъ страны былъ донъ Мануель Годой, любимецъ и любовникъ королевы, во всѣхъ отношеніяхъ ничтожный и пустой человѣкъ, извѣстный подъ именемъ „князя мира“ (principe de la paz), которое ему было дано по заключеніи базельскаго мира съ Франціею въ 1795 г. Для подростающаго льва Наполеона Бонапарта этотъ тщеславный и бездарный человѣкъ былъ желанной игрушкой, Испанія же только орудіемъ противъ Англіи и ея союзницы Португаліи. Наполеонъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы при удобномъ случаѣ свергнуть испанскую династію съ престола совершенно и втянуть страну въ сферу французскихъ интересовъ. При жалкомъ испанскомъ правительствѣ, которое не могло быть выведено изъ себя никакими униженіями, не такъ-то легко было найти предлогъ къ вмѣшательству, пока наконецъ, столкновенія въ средѣ самаго королевскаго дома не подали желаннаго повода. Направленное противъ Годоя народное возстаніе въ Мадридѣ побудило Карла IV отказаться отъ престола въ пользу своего сына Фердинанда; но французское войско

подъ начальствомъ Мюрата вступило уже въ Испанію. Не признавая перемѣны, происшедшей на престолѣ, и ловко воспользовавшись взаимнымъ недовѣріемъ членовъ королевскаго дома, Наполеонъ съумѣлъ наконецъ, осуществить свой давно лелѣянный планъ. Испанская королевская династія безъ какихъ-либо попытокъ сопротивленія отреклась отъ престола и Наполеонъ назначилъ своего брата Іосифа испанскимъ королемъ.

г) Испанская война за независимость.

Испанская династія могла безславно пасть, но испанскій народъ не былъ склоненъ подчиниться. Старая иберійская любовь къ независимости, фанатическое отвращеніе ко всему чужому вспыхнули съ дикою силою. На этотъ разъ Испаніи послужило на пользу то обстоятельство, что вліяніе мягкаго, просвѣтительнаго XVIII столѣтія оставило въ душѣ народа весьма слабые слѣды, и что въ немъ живы были еще ограниченность и воодушевленіе среднихъ вѣковъ.

Испанія все еще не была сплоченнымъ единымъ государствомъ въ современномъ смыслѣ этого понятія, государствомъ, организмъ котораго остается спокойнымъ и тогда, когда рука врага захватила въ свою власть центръ машины: отдѣльныя области сохранили еще свою самобытность; и какъ трудно было имъ сплотиться на какое-нибудь общее дѣло, точно также трудно было поразить всѣхъ ихъ одновременно однимъ ударомъ. Даже нищета и разореніе страны, полное отсутствіе всякихъ потребностей у ея защитниковъ оказались на этотъ разъ полезными испанскому дѣлу: Наполеонъ имѣлъ въ данномъ случаѣ дѣло съ противникомъ, противъ котораго его обычные способы борьбы оказывались недѣйствительными, и со страной, безплодныя пространства которой угрожали французскому войску бóльшими опасностями, чѣмъ на скорую руку собранныя банды мятежниковъ. Уже 2-го мая 1808 г., когда велись еще переговоры Наполеона съ Фердинандомъ VII, произошелъ кровавый взрывъ народнаго возстанія въ Мадридѣ противъ вторгнувшихся французскихъ войскъ, которое и было подавлено съ варварскою жестокостью Мюратомъ. Это „Dos de Mayo“ осталось въ памяти испанцевъ навсегда. Никто не умѣетъ такъ ненавидѣть, какъ испанецъ: теперь его ненависть нашла себѣ цѣль. Въ короткое время вся страна стояла съ оружіемъ въ рукахъ противъ французовъ. Король Іосифъ могъ въ наилучшемъ случаѣ разсчитывать на симпатію немногихъ либераловъ и свободомыслящихъ, да и то потому лишь, что духовенство безусловно стало на сторону или даже во главѣ народнаго движенія. Во всякомъ случаѣ не безъ значенія было то обстоятельство, что либералы явились при Іосифѣ лояльной партіей и прониклись французскими идеями. Эти „жозефиносъ“ составили ядро позднѣйшей конституціонной партіи.

Въ общемъ необученныя толпы повстанцевъ не могли устоять въ борьбѣ съ французскимъ войскомъ; но къ несчастью французовъ андалузскому ополченію подъ командой Кастаноса удалось окружить въ Сіерра-Моренѣ армію подъ командой графа Дюпонъ де Летанъ и заставить капитулировать (23 іюля 1808 года). Воспоминаніе объ этомъ дѣлѣ поддерживало сопротивленіе возставшихъ даже и тогда, когда Наполеонъ самъ наводнилъ Испанію своими войсками, и дѣло возстанія, казалось, было уже проиграно. Партизанская война, которая свирѣпствовала послѣ этого по всей странѣ, была ведена съ фанатическимъ озлобленіемъ и дикою жестокостью и составляетъ темную страницу въ исторіи человѣчества; и при всемъ томъ оставшаяся при средневѣковыхъ воззрѣніяхъ Испанія дала судьбѣ Европы своимъ неукротимымъ сопротивленіемъ рѣшительный поворотъ и нанесла опьяненному побѣдами милитаризму первый тяжелый ударъ. Уже ужасная жестокость, съ какою велась война, сама по себѣ даетъ понять, что испанскій народъ въ отчаянной борьбѣ не преслѣдовалъ ясно намѣченной

цѣли; фанатизмъ и слѣпое самообожаніе непрестанно стремились завлечь въ свои сѣти этотъ взрывъ народнаго воодушевленія и направить государственный корабль на прежній роковой путь, который нѣкогда избралъ Филиппъ II на погибель Испаніи. То обстоятельство, что либеральные элементы сгруппировались вокругъ французскаго короля, внесло въ позднѣйшее развитіе испанской государственной жизни зерно ненависти, которой суждено было повлечь за собою горькіе и кровавые плоды.

За первыми побѣдами испанскаго возстанія послѣдовали пораженія, лишь только на полѣ битвы появился лично Наполеонъ со свѣжими войсками. Комитетъ повстанцевъ, который взялъ на себя веденіе возстанія, бѣжалъ на югъ: сперва въ Севилью, затѣмъ въ Кадиксъ. Король Іосифъ вступилъ 22 января 1809 года во второй разъ въ Мадридъ; 21-го февраля пала послѣ геройской защиты Сарагосса. Было ясно, что сама страна своими собственными силами не въ состояніи бороться, хотя бы партизанская война продолжалась еще много лѣтъ. Поэтому то событіемъ громадной важности было рѣшеніе Англіи избрать Пиренейскій полуостровъ театромъ борьбы съ Наполеономъ и поддерживать всѣми силами испанское возстаніе. Уже 30 августа 1808 г. англійскія войска подъ начальствомъ Дальримпля принудили французовъ, съ генераломъ Жюно во главѣ, къ очищенію Португаліи (капитуляція при Цинтрѣ): въ январѣ 1809 г. былъ заключенъ союзъ съ главными руководителями возстанія. Въ Уольслеѣ, впослѣдствіи герцогѣ Веллингтонѣ, англійскія войска имѣли геніальнаго полководца, съ которымъ не могъ сравниться ни одинъ изъ французскихъ маршаловъ.

Въ то время, какъ часть либераловъ высшихъ круговъ общества соединилась съ королемъ Іосифомъ, личность котораго, казалось, служила ручательствомъ проведенію соотвѣтствовавшихъ духу времени реформъ, среди руководителей возстанія также произошелъ расколъ. Наперекоръ ретрограднымъ элементамъ представители просвѣтительнаго направленія добились того, что созваніе „кортесовъ“, какъ конституціоннаго собранія, было рѣшено въ принципѣ, хотя въ виду тревожнаго времени не было приведено въ исполненіе. Только 24 сентября 1810 г. кортесы собрались въ осажденномъ французами Кадиксѣ.

Либералы, составлявшіе большинство, выработали проектъ либеральной конституціи, которая и была принята въ январѣ 1812 г., а 18 марта ей была принесена присяга; эта конституція была лозунгомъ либеральной партіи, когда ей впослѣдствіи пришлось бороться съ одержавшими—вслѣдствіе естественной реакціи—верхъ элементами, враждебными прогрессивнымъ идеямъ. Въ дѣйствительности же ультра-либеральная конституція никоимъ образомъ не соотвѣтствовала истиннымъ желаніямъ испанскаго народа, который съ фанатичекимъ одушевленіемъ боролся за свои старые идеалы, не понималъ пріобрѣтеній французской революціи, и, мало того, — былъ даже склоненъ отождествлять либераловъ и французовъ и бороться противъ нихъ, какъ противъ общаго врага.

Рѣшительный моментъ въ испанской войнѣ наступилъ, когда Веллингтонъ въ своей крѣпкой позиціи при Торресъ Ведрасъ недалеко отъ Лиссабона отразилъ всѣ нападенія маршала Массены и заставилъ его отступить (зимою съ 1810 на 1811 г.). 12 августа 1812 г. Мадридъ попалъ въ руки Веллингтона, которому походъ Наполеона въ Россію косвеннымъ образомъ оказалъ неоцѣнимую услугу. Въ слѣдующемъ году пораженіе французовъ при Витторіи (21 іюня 1813) завершило борьбу въ пользу Испаніи. Наполеонъ, который сражался въ Германіи за свое господство, принужденъ былъ ограничиться обороною и самъ подвергся въ южной Франціи нападенію. Послѣ низверженія Наполеона англичане очистили Пиренейскій полуостровъ, заставивъ Испанію выгодными торговыми договорами заплатить имъ за оказанную помощь. Фердинандъ III, всѣми признанный теперь ко-

роль Испаніи, прибылъ въ свою страну. Здѣсь въ Мадридѣ его ожидали кортесы и прежде всего истребовали отъ него присяги конституціи 1812 г.

д) Борьба между абсолютною королевскою властью и либерализмомъ.

Для Испаніи опять наступилъ, казалось, поворотный пунктъ въ ея развитіи. Если-бы королевская власть въ этотъ моментъ прямо и открыто стала на сторону свободомыслящихъ элементовъ, къ которымъ принадлежали лучшіе люди страны, но которые пока своими собственными силами не могли удержаться въ борьбѣ съ фанатизированной массой и духовенствомъ; если-бы король при этомъ взялъ крѣпко въ руки бразды правленія, съумѣлъ-бы воспрепятствовать развитію фразерства и подкупности — этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ либерализма тамъ, гдѣ онъ выступаетъ безъ какого-либо противовѣса — тогда духовные результаты, забытые истекшимъ столѣтіемъ, могли-бы быть спасены, слабыя сѣмена здороваго развитія страны могли-бы быть охраняемы, пока Испанія оказалась-бы въ состояніи принять участіе въ общей культурной работѣ Европы. — Но требовать этого отъ Фердинанда VII было невозможно. -- И помимо его мелочной натуры онъ не могъ не поддаться завлекавшей его въ свои объятія и радостно привѣтствовавшей его — не ставя ему никакихъ условій — реакціонной партіи, которая и вообще во всей Европѣ послѣ паденія Наполеона высоко подняла свою голову.

Не стоило никакого труда представить ему приверженцами французовъ и врагами вѣры тѣхъ либераловъ, радикальная конституція которыхъ (1812 г.), хотя и созданная по знаменитому образцу, для Испаніи была въ дѣйствительности далеко несвоевременной. Если и въ Германіи реакція, наступившая послѣ освободительныхъ войнъ, представляетъ печальное зрѣлище, то несравненно хуже обстоитъ дѣло въ Испаніи; здѣсь, послѣ того какъ либерализмъ былъ уничтоженъ королемъ, клерикальная нетерпимость и жестокость праздновали дикую оргію мести; очень тонкій, поверхностный слой образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, выдѣлившійся изъ необразованной и грубой массы, долженъ былъ исчезнуть безслѣдно.

Но если бы даже возстановлена была инквизиція, если бы возродилось во всей его силѣ государство Филиппа II: уничтожить новыхъ воззрѣній, соотвѣтствовавшихъ духу времени, они не были бы въ состояніи. Абсолютизмъ и духовенство съ одной, либерализмъ и просвѣщеніе съ другой стороны, вступаютъ въ борьбу, которая заполняетъ собою все XIX столѣтіе, и принесла странѣ бездну несчастія. Постепенно и народъ сталъ принимать участіе въ великомъ расколѣ. Сознавая совершенно правильно, что для благосостоянія его пока гораздо важнѣе возможность спокойнаго развитія, чѣмъ правленіе по либеральному рецепту, который именно для смягченія экономической нужды знаетъ мало дѣйствительныхъ средствъ, народъ вначалѣ относился совершенно равнодушно къ вопросамъ конституціонализма. Но доведенные до крайности либералы сдѣлали все, чтобы ознакомить народъ съ ихъ идеями и въ результатѣ политически совершенно неразвитыя массы были втянуты въ водоворотъ политической жизни. Тогда-то карьеризмъ и подкупъ нашли себѣ благодарную почву для развитія и въ средѣ либеральной партіи; къ несчастію страны либерализмъ почти совершенно утратилъ свое лучшее и благороднѣйшее качество — безкорыстную чистоту. Если вначалѣ къ числу противниковъ реакціи принадлежали самые выдающіеся люди, то постепенно въ рядахъ ихъ стали пріобрѣтать преобладающее значеніе политическіе дѣятели улицы и карьеристы.

Въ то время, какъ въ самой Испаніи одержалъ верхъ абсолютизмъ, она потеряла большую часть своихъ американскихъ колоній. Вѣчная фи-

нансовая нужда Испаніи не давала возможности и наиболѣе разумнымъ государственнымъ людямъ XVIII стол. измѣнить устарѣлую административную систему, которая неизбѣжно должна была вызвать возстаніе колоній, быстро развивавшихся несмотря на этотъ гнетъ. Искры, перелетавшія съ театра дѣйствія сѣверо-американскаго возстанія и изъ пылающаго кратера французской революціи, зажгли пожаръ и въ Южной Америкѣ. Безъ поддержки съ родины испанскія власти оказались не въ состояніи удержаться здѣсь; когда же позже помощь эта пришла, онѣ оказались уже не въ состояніи добиться какихъ-нибудь существенныхъ результатовъ. Такъ Испанія въ теченіе первой четверти XIX-го вѣка потеряла всѣ свои владѣнія на Американскомъ материкѣ (т. I).

Тѣмъ временемъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Испаніи, въ которыхъ надзоръ зложелательнаго, но мало энергичнаго правительства былъ недостаточенъ, либеральные элементы снова получили вліяніе. За нѣсколькими небольшими военными возмущеніями, вызванными, собственно говоря, тѣмъ, что войска были крайне недовольны непопулярной колоніальной войной, вспыхнуло въ различныхъ провинціяхъ настоящее возстаніе, которое имѣло своимъ результатомъ полную побѣду либерализма и вождя его Ріего (1820); король долженъ былъ сдаться и принесъ 9 марта присягу конституціи 1812 года.

За побѣдой либеральной идеи въ Испаніи слѣдовала непосредственно такая-же побѣда въ Португаліи. Здѣсь королевская семья бѣжала отъ Наполеона (27 ноября 1807 г.) въ Бразилію и не торопилась возвращеніемъ на родину, такъ какъ въ виду сильнаго волненія, охватившаго американскія колоніи, Бразилію можно было удержать лишь въ томъ случаѣ, если самъ король оставался въ странѣ. Въ Португаліи-же правленіе находилось если не по имени, то фактически въ рукахъ англійскаго генерала Бересфорда. Главнымъ образомъ противъ него направлено было вспыхнувшее 24 августа 1820 года въ Опорто возстаніе либераловъ. Тогда-то король Іоаннъ VI оказался всетаки вынужденъ отправиться лѣтомъ 1821 г. въ Испанію, оставивъ въ Бразиліи регентомъ сына своего Педро.

Несчастіемъ Испаніи было то, что настроеніе народа никогда не могло слиться въ одно гармоничное цѣлое съ настроеніемъ другихъ народовъ Европы. Прибѣжище реакціи въ реформаціонную эпоху, Испанія теперь, когда во всей Европѣ реакція побѣдоносно подняла голову, готова была, броситься въ объятія радикализма. Либеральная партія распалась на умѣренныхъ (Moderados) и радикаловъ (Exaltados); послѣдніе, одержавъ вскорѣ верхъ, своими чрезмѣрными требованіями сами вырыли могилу либерализму. Европейскія державы, при ихъ тогдашней политикѣ, не могли примириться съ подобнымъ положеніемъ дѣлъ въ Испаніи, къ которому король относился, конечно, съ такою-же ненавистью, какъ и остальные государи реакціонной Европы. И на этотъ разъ исполнить порученіе Европы взялась Франція, успѣвшая тѣмъ временемъ стать ультра-роялистической. Въ апрѣлѣ 1823 г. сильная французская армія подъ предводительствомъ герцога Ангулемскаго перешла границу и, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія, заняла 24 мая Мадридъ. Тутъ-то стало ясно, что если въ Испаніи разбилась непоколебимая казалось, сила Наполеона, то она разбилась о сопротивленіе именно реакціонныхъ старо-испанцевъ, ибо теперь, когда они соединились съ французами, страна оказалась совершенно открытой вторгнувшемуся въ нее войску. Либеральное большинство кортесовъ бѣжало, уводя съ собою короля, сначала въ Севилью, а затѣмъ въ Кадиксъ; но послѣ трехмѣсячной осады палъ и этотъ послѣдній оплотъ. Король получилъ свободу, и всѣ силы застоя и реакціи, въ союзѣ съ абсолютизмомъ, праздновали оргіи жестокой мести. Французы, остававшіеся въ странѣ еще въ теченіе двухъ лѣтъ для защиты короля, вынуждены были ограничиться ролью свидѣтелей тѣмъ ужасамъ, которые творились.

Къ счастью для страны долговременный союзъ между абсолютной королевской властью и ея своекорыстными помощниками—фанатическимъ духовенствомъ со всей его свитой, былъ все же невозможенъ. По странной ироніи судьбы самъ Фердинандъ VII не могъ обойтись безъ смертельно ненавидимыхъ имъ либераловъ, которые служили ему противовѣсомъ противъ чрезмѣрныхъ домогательствъ клерикальной партіи. Но реакціонерамъ была, казалось, обезпечена будущность, такъ какъ предполагаемый наслѣдникъ престола донъ Карлосъ, братъ бездѣтнаго Фердинанда, былъ имъ безусловно преданъ. Бракъ короля (10-го декабря 1829) съ неаполитанской принцессой Маріей Христиной и послѣдовавшее затѣмъ (10 октября 1830 г.) рожденіе у него дочери Изабеллы разрушили, однако, всѣ ихъ ожиданія, ибо по старо-кастильскому праву, которое было извлечено изъ мрака забвенія и вновь подтверждено (29-го марта), дочь эта являлась законной наслѣдницей престола. Это обстоятельство еще болѣе усилило расколъ. Въ то время, какъ партія духовенства объединилась вокругъ дона Карлоса, Марія Христина, а вмѣстѣ съ нею и находившійся всецѣло подъ ея вліяніемъ Фердинандъ, должны были искать защиты у либераловъ. Во время смертельной, казалось, болѣзни короля (въ октябрѣ 1832 г.) реакціонеры заставили его подписать указъ о назначеніи дона Карлоса наслѣдникомъ; но король выздоровѣлъ, обманъ открылся и это окончательно рѣшило побѣду королевы, а вмѣстѣ съ нею и либераловъ. Марія-Христина была назначена регентшей и взяла по смерти короля (29-го сентября 1833 г.) бразды правленія крѣпко въ свои руки. Донъ Карлосъ, побуждаемый къ этому реакціонной партіей, поднялъ знамя возстанія, которое въ теченіе долгихъ лѣтъ истощало лучшія силы страны. Для дона Карлоса было и счастьемъ и несчастьемъ, что его первыми и самыми вѣрными приверженцами были пиренейскіе баски (см. рис. къ стр. 562). Какъ уже неоднократно и до этого, такъ и теперь эти храбрые горцы, защищавшіе не столько духовенство, сколько свои старыя права противъ посягательствъ стремившихся все нивеллировать либераловъ, были почти непобѣдимы въ своихъ горныхъ крѣпостяхъ, но не были въ состояніи увлечь за собою остальную Испанію. Самъ-же донъ Карлосъ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что въ Европѣ послѣ іюльской революціи повѣяло другимъ духомъ. Въ то время какъ „христиносъ“—такъ называли себя либералы по имени регентши—часто получали помощь извнѣ, карлисты были почти всецѣло предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. Несмотря на такихъ вождей, какъ Зумала-Каррегуи въ Наваррѣ, Кабрера въ горахъ между Валенсіей и Кастиліей, ихъ побѣда казалась сомнительной.

Если же сравнивать внутреннюю и нравственную силу обѣихъ партій, то возможно, что на сторонѣ претендента стояло больше честныхъ, убѣжденныхъ въ правотѣ своего дѣла элементовъ, чѣмъ на сторонѣ регентши, съ сомнительной нравственностью которой вполнѣ гармонировали стремленія либеральныхъ карьеристовъ, стекавшихся въ Мадридъ. Но карлисты боролись не съ лицами, а съ идеей, сила которой росла тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе противъ нея боролись; объ эту несокрушимую скалу разбились ихъ стремленія. 15-го сентября 1839 г. кровавая борьба закончилась бѣгствомъ претендента черезъ испанскую границу.

Въ Португаліи абсолютизмъ еще раньше окончилъ свое существованіе. Здѣсь, благодаря временному переселенію королевской семьи въ Бразилію, отдѣленіе этой колоніи отъ метрополіи произошло мирнымъ путемъ; послѣ провозглашенія независимости Бразиліи и объявленія ея имперіей (сентябрь, октябрь 1822 г.; см. т. I) былъ заключенъ договоръ, согласно которому въ Португаліи и Бразиліи должны были царствовать двѣ линіи королевскаго дома, но объединеніе обоихъ государствъ подъ одной властью было навсегда воспрещено. Послѣ того, какъ король Іоаннъ умеръ (10 марта

1826 г.), сынъ его Педро I избралъ для себя бразильскій тронъ (2-го мая), своей же дочери донна Маріи II да Глорія передалъ Португалію. Но противъ нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ либераловъ, на которыхъ она опиралась, возсталъ братъ Педро, донъ Мигуэль, который съ помощью абсолютистовъ и реакціонеровъ овладѣлъ Португаліей и установилъ здѣсь жестокое правленіе. Только 15-го мая 1834 г. дону Педро, который въ 1831 г. отказался отъ бразильскаго престола въ пользу сына своего Педро II, удалось побѣдой при Томарѣ возвратить Португалію своей дочери; союзъ между Франціей, Англіей, Испаніей и Португаліей предоставилъ ему силы, необходимыя для окончательнаго устраненія дона Мигуэля. Такимъ образомъ въ Португаліи раньше, чѣмъ въ Испаніи, конституціонная партія оказалась опять у власти; и здѣсь, какъ въ Испаніи, либерализмъ побѣдой своей обязанъ былъ до извѣстной степени іюльской революціи, которая во Франціи удалила со сцены реакціонные элементы.

Въ основаніи возстанія карлистовъ въ Испаніи, какъ-бы ни тяжела была для страны по своимъ послѣдствіямъ побѣда претендента, все-же лежала здравая мысль, которая и привлекала карлистскому дѣлу самыхъ выдающихся и благородныхъ его приверженцевъ, а именно: ясное сознаніе, что между всѣми странами западной Европы Испанія меньше всѣхъ созрѣла для воспринятія либеральныхъ идей, что она болѣе какой-либо другой страны нуждалась въ самостоятельномъ естественномъ развитіи. Несчастіемъ карлизма было то, что онъ не могъ дать образованнымъ слоямъ народа ничего взамѣнъ молодого, хотя и подгнившаго уже либерализма, что вмѣсто нѣкотораго измѣненія въ поступательномъ движеніи впередъ, онъ требовалъ движенія назадъ. Но лишь только онъ рухнулъ, открылось поприще для тѣхъ недостойныхъ интригъ различныхъ честолюбцевъ, которымъ ничто такъ не благопріятствуетъ, какъ ложный призрачный конституціонализмъ, превращающій понятія народныхъ правъ и свободы въ лозунгъ карьеристовъ. Несмотря на это, экономическая жизнь Испаніи развивалась прогрессирующимъ образомъ. Въ этомъ отношеніи испанцамъ оказалъ услугу присущій имъ духъ сепаратизма; провинціи съ тѣмъ бо́льшимъ успѣхомъ сохраняли свою самостоятельность, что центральная администрація совершенно разлагалась, и самоуправленіе общинъ принесло свои плоды. Благопріятныя послѣдствія господства либеральной партіи, и прежде всего конфискація богатѣйшихъ церковныхъ земель, повліяли на подъемъ экономическаго положенія страны, дурныя-же, сопровождающія господство этой партіи, стороны, — главнымъ образомъ разложеніе чиновничества и арміи — именно благодаря самоуправленію не могли окончательно разрушить здоровой основы народной жизни. Къ тому-же, чтобы прогрессированіе шло по возможности „медленно", было приложено много стараній.

Марія Христина только короткое время пользовалась плодами своей побѣды. Истинный побѣдитель въ карлистской войнѣ, донъ Бальдомеро Эспартеро, герцогъ Витторія, захватилъ съ помощью либераловъ бразды правленія и заставилъ королеву вдову покинуть 12 октября 1840 г. страну. Когда два года спустя (въ іюлѣ 1843 г.) „умѣренные" подъ предводительствомъ Дона-Рамона Маріи Нарваеса свергли его, то власть не была возвращена Маріи Христинѣ, и тринадцатилѣтняя королева Изабелла была объявлена совершеннолѣтнею. Вмѣсто ограниченнаго, рано испорченнаго ребенка правили въ дѣйствительности три честолюбивыхъ генерала: Нарваесъ, Донъ Жуанъ Примъ, графъ Реусъ, и Франциско Серрано- и -Домингесъ. То обстоятельство, что Изабелла 10 октября 1846 г. получила мужа въ лицѣ Франца Ассизскаго, своего двоюроднаго брата, не измѣнило положенія дѣла, такъ какъ молодой человѣкъ и физически и нравственно представлялъ собою ничтожество, и паденіе французскаго короля уничтожило всѣ планы, которые онъ возлагалъ на этотъ бракъ; точно также и новая революція 1848 г. не оказала особенно сильнаго вліянія на Испанію, которая

шла своимъ собственнымъ путемъ. Только въ 1855 году прогрессистамъ подъ предводительствомъ генерала Леопольда О'Доннелля удалось свергнуть умѣренное правительство, но лишь на короткое время.

Между тѣмъ въ либеральномъ концертѣ начали примѣшиваться новые серьезные тоны: обнищавшій въ своей массѣ и стѣсненный народъ началъ толковать либеральныя фразы по своему и носиться съ мыслью о „соціальномъ переворотѣ,"—игра, которая въ классической странѣ революцій скоро стала серьезной: въ 1857 г. въ Андалузіи вспыхнули первые соціалистическіе безпорядки. За нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ волненій, но въ этой сепаратистически разбитой странѣ они имѣли вездѣ только мѣстное значеніе. Оживленіе въ испанской политикѣ должно было, казалось, наступить въ 1859 г.; постоянныя незначительныя столкновенія съ Марокко, на берегу котораго Испанія владѣла нѣкоторыми укрѣпленными мѣстами, выросли въ открытую войну. Однако вскорѣ выяснилось, что и на этотъ разъ Испанія не въ состояніи была овладѣть входомъ въ Средиземное море, хотя бы посредствомъ завоеванія сѣвернаго Марокко. Мавры хотя и понесли два чувствительныхъ пораженія, однако, испанское войско не пошло дальше Тетуана. Миръ, который сохранилъ почти вездѣ statu quo, завершилъ это дорого стоющее предпріятіе.

Во внутренней политикѣ происходила полная интригъ борьба, въ результатѣ которой власть попеременно переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія, отъ прогрессистовъ къ умѣреннымъ — „Moderados", къ которымъ все болѣе и болѣе присоединялись реакціонеры. Но Изабелла, бросившись окончательно въ объятія „умѣренныхъ", вступивъ такимъ образомъ окончательно на путь реакціи и закрывъ дорогу всѣмъ честолюбивымъ прогрессистамъ, сама навлекла на себя погибель. Въ сентябрѣ 1868 г. адмиралъ Топете-и-Карбалло въ Кадиксѣ поднялъ знамя возстанія, и уже черезъ 14 дней Изабелла изъ Франціи заявила свой первый протестъ противъ случившагося. Объ устраненіи королевской власти вожди возстанія не думали. Однако, министру президенту Приму лишь съ трудомъ удалось найти между князьями Европы такого, который бы имѣлъ охоту принять на себя управленіе государствомъ. Португальскій король, которому представилась возможность объединить подъ португальскимъ скипетромъ Пиренейскій полуостровъ, отклонилъ съ благодарностью предложеніе, въ полномъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ своего народа, который ничего общаго ни въ какихъ отношеніяхъ не желалъ имѣть съ Испаніей. Кандидатура принца Гогенцоллернскаго, которая вызвала франко-прусскую войну, не повела къ цѣли. Хотя и удалось наконецъ побудить второго сына итальянскаго короля Фердинанда Амадея принять испанскую корону (4 декабря 1870 г.), но уже 11 февраля 1873 г. новый властитель сложилъ съ себя свой полный терніевъ санъ. Ничего другого послѣ этого не оставалось, какъ провозгласить республику.

Испанскій республиканизмъ представляетъ своеобразное явленіе. Какъ настоящій продуктъ иберійской почвы, онъ имѣетъ ярко выраженный федералистическій характеръ, и въ настоящее время онъ свои силы черпаетъ изъ идеала превратить отдѣльныя провинціи въ республики, которыя только слабою связью должны быть соединены въ одно государство. И на этотъ разъ предполагалось создать федеративную республику, пока же приходилось удовольствоваться тѣмъ, что существовавшему уже государственному и административному организму была придана республиканская форма,

Новое свободное государство было однако въ крайне тяжеломъ положеніи: реакціонныя силы, раздраженныя до крайнихъ предѣловъ поборами радикализма, сплотились вокругъ наслѣдника карлистскихъ притязаній, молодого донъ-Карлоса, который призвалъ къ оружію провинціи басковъ. Опять батальоны горцевъ съ ихъ классическими круглыми шапочками

(см. таблицу „Нападеніе басковъ-карлистовъ“) всѣ собрались вокругъ реакціоннаго знамени. Но и на этотъ разъ оказалось, что вся ихъ сила была въ оборонѣ; еще менѣе, чѣмъ въ первую Карлистскую войну, они могли думать о рѣшительномъ нападеніи на столицу. На югѣ же мечтатели соціальной революціи, возбужденные примѣромъ парижской коммуны, полагали, что ихъ время наступило, и овладѣли многими городами, прежде всего военною гаванью Картагеной, изъ которой ихъ не такъ легко было изгнать. Войско, которое находилось въ распоряженіи республики, было совершенно деморализовано безпрестанными „пронунціаменто“ и частью должно было быть создано заново.

Но къ счастью ни коммунизмъ, ни карлизмъ, благодаря неумѣлымъ руководителямъ не были въ состояніи привлечь себѣ много сторонниковъ, и чувство, что по крайней мѣрѣ высшая власть въ государствѣ должна быть ограждена отъ вліяній со стороны честолюбивыхъ искателей, крѣпло все болѣе и болѣе. Призвать вновь изгнанную Изабеллу не было правда, ни у кого охоты, зато съ тѣмъ большею надеждою взоры устремлены были на сына королевы, молодого Альфонса. Не нужно было особыхъ усилій, чтобы (29/30 декабря 1874 г.) устранить республику и возвести на престолъ (14 января 1875) Альфонса XII; многимъ могло казаться, что этимъ вводится лишь новый, краткій актъ политическаго фарса; но эти пессимисты ошиблись. Даже преждевременная смерть Альфонса XII (25 ноября 1885) не могла поколебать положенія монархіи; королева-вдова Марія Христина осталась — безъ всякаго почти сопротивленія съ чьей-либо стороны — регентшей, сперва именемъ своей дочери Мерседесъ, а затѣмъ именемъ своего, только 17 мая 1886 родившагося сына, Альфонса XIII.

Это спокойствіе, котораго не могли потрясти даже возстанія остатковъ колоніальныхъ владѣній Испаніи, есть внѣшнее доказательство медленнаго, но неоспоримаго экономическаго оздоровленія страны, которая все болѣе и болѣе начинаетъ развивать и эксплоатировать свои природныя богатства; хотя иниціатива въ этомъ направленіи исходитъ часто отъ иностранцевъ, которые получаютъ поэтому и значительную долю выгоды, тѣмъ не менѣе благотворныя для страны слѣдствія несомнѣнны. Что въ то же самое время именно въ Испаніи соціальный вопросъ принимаетъ грозныя формы и что именно здѣсь развился особенно сильно анархизмъ — самый вредный плодъ соціальнаго вопроса — объясняется отчасти общимъ и теперь еще господствующимъ невѣжествомъ, отчасти это есть наслѣдіе предыдущаго печальнаго развитія страны. Но процессъ оздоровленія ея несомнѣненъ.

e) Выходъ Испаніи изъ числа колоніальныхъ государствъ.

Событія 1898 года: война съ Соединенными Штатами и потеря всѣхъ большихъ колоній, показали, однако, что несмотря на всѣ сдѣланные страной успѣхи, сила ея сопротивленія еще очень слаба и что она далеко не можетъ быть относима къ числу тѣхъ державъ, которыя имѣютъ твердую опору въ здоровой экономической основѣ и великихъ пріобрѣтеніяхъ новаго времени. Признаки надвигавшейся катастрофы были замѣтны уже давно: когда Испанія въ началѣ XIX столѣтія потеряла американскія колоніи, она сохранила за собой острова Кубу и Пуэрто-Рико, отчасти, быть можетъ, именно потому, что въ 1812 году на Кубѣ вспыхнуло возстаніе негровъ, рабовъ, противъ которыхъ сплотилось тѣснѣе бѣлое населеніе острова. Приблизительно до половины столѣтія только негры выказывали стремленіе къ отпаденію. Но постепенно и креольскій элементъ, свободное развитіе котораго было стѣснено господствомъ испанцевъ, началъ волноваться; причемъ и тогда Соединенные Штаты отчасти тайно, отчасти даже и открыто оказывали поддержку этимъ волненіямъ. Уже раньше Англія „изъ чувства гуманности“ стремилась овладѣть островомъ и поэтому съ подозрительной

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Нападеніе басковъ-карлистовъ; эпизодъ изъ возстанія 1872—76 гг.

(Съ картины R. Balaca.)

благосклонностью относилась къ возстаніямъ негровъ. Теперь-же всѣ, имѣвшія здѣсь мѣсто, вспышки возстанія, изъ которыхъ первая относится къ 1849 году, находили себѣ поддержку въ Америкѣ; мало того, американское правительство съ похвальною откровенностью заявило о своемъ намѣреніи овладѣть Кубою при первой встрѣтившейся возможности, но вспыхнувшая въ Соединенныхъ Штатахъ междоусобная война (т. I) спасла на этотъ разъ Испанію. Побѣда, одержанная противниками рабства въ этой войнѣ (т. I), охладила на нѣкоторое время симпатіи между американцами и Кубою, и большое возстаніе 1868—1878 годовъ, въ которомъ креолы и негры соединились на борьбу съ испанцами, не повлекло за собою вмѣшательства Америки. Но постепенно американскіе спекулянты начали опять проявлять большой интересъ къ судьбамъ богатаго острова. Испанія-же не могла рѣшиться великодушными уступками удовлетворить требованій креоловъ. Послѣдовавшее въ 1880 г. уничтоженіе рабства повело къ экономическимъ кризисамъ, не сдѣлавъ при этомъ освобожденныхъ друзьями Испаніи. Такъ началось наконецъ въ 1895—96 гг. систематически поддерживавшееся Соединенными Штатами возстаніе, въ борьбѣ съ которымъ Испанія, напрягшая всѣ свои силы, истекла кровью.

Одновременно (1896) свирѣпствовало возстаніе и на Филиппинахъ, гдѣ невозможное хозяйничанье испанцевъ безъ всякаго даже вліянія извнѣ способно было побудить къ открытому сопротивленію тагаловъ, наиболѣе образованную и многочисленную часть населенія.

Несмотря на всѣ признаки приближающейся грозной гибели, испанское равнодушіе проявилось во всей своей силѣ: флотъ, отъ котораго только и можно было ожидать спасенія, оказался въ такомъ состояніи, что значительная часть лучшихъ судовъ не могла даже пойти въ дѣло. Случай, а по мнѣнію американцевъ преступленіе, а именно послѣдовавшій 15 февраля 1898 г. взрывъ сѣверо-американскаго броненосца „Мэнъ" въ Гаванскомъ портѣ, послужилъ поводомъ къ открытію 21 апрѣля 1898 г. непріятельскихъ дѣйствій. Въ весьма подозрительномъ предвидѣніи грядущаго, американцы сосредоточили по близости отъ Филиппинскихъ острововъ сильный флотъ подъ начальствомъ адмирала Девея; этотъ флотъ уничтожилъ 1-го мая небольшую испанскую эскадру Монтохо при Кавите и съ помощью повстанцевъ принудилъ къ сдачѣ Манилью. Послѣ уничтоженія 3-го іюля при Сантъ-Яго небольшого, съ величайшими усиліями снаряженнаго подъ предводительствомъ Серверы испанскаго флота, господство испанцевъ рушилось и на Кубѣ, гдѣ въ теченіе долгаго времени испанскіе генералы Мартинесъ Кампосъ, Вейлеръ, а затѣмъ маршалъ Бланко, то мягкими, то наоборотъ жестокими мѣрами пытались привести къ повиновенію населеніе. Изъ нѣкогда громадныхъ колоніальныхъ владѣній у Испаніи остались теперь только нѣсколько небольшихъ колоній на западно-африканскомъ берегу; остатокъ ея владѣній въ Тихомъ океанѣ, Каролинскіе и Маріанскіе острова были уступлены Германіи (19 іюня 1899 года) за 17 милліоновъ марокъ.

Въ дѣйствительности же провозглашенная 10 декабря 1898 г. Парижскимъ миромъ потеря колоній является для Испаніи счастіемъ, ибо она не съумѣла извлечь изъ нихъ никакой пользы: то, что она потеряла, было ареной для тѣхъ никуда негодныхъ искателей мѣстъ, которые въ Мадридскихъ кафе занимались вопросами широкой политики и поджидали благопріятнаго для нихъ переворота. Быть можетъ, число этихъ безполезныхъ паразитовъ уменьшится; быть можетъ, стремленіе къ серьезной работѣ сдѣлается теперь всеобщимъ. То обстоятельство, что несмотря на всѣ несчастія, обрушившіяся на страну, правленіе женщины и ребенка не подвергалось въ теченіе этого времени никакимъ серьезнымъ нападеніямъ, лучше всего доказываетъ, что въ странѣ живетъ и развивается здоровый духъ.

Указатель.

Опечатки.

Стр. 5,	строка 12	снизу,	напечатано	оскеры, слѣдуетъ оски.
„ 92,	„ 4	„	и стр. 93, строка 8 сверху напечатано	Аминты, слѣд. Аминта.
„ 131,	„ 5	сверху,	напечатано	Средиземнаго моря, слѣдуеть Чернаго моря.
„ 138,	„ 16	снизу		30,000, слѣдуетъ 10,000.
„ 226,	„ 15	сверху	напечатано	48, слѣдуетъ 480.
„ 388,	„ 27	„	„	Лиценій, слѣдуетъ Лициній.
„ 523,	„ 20	„	„	Альфонсъ XI, слѣдуетъ Альфонсъ VI.

	Р.	К.
Исторія земли, проф. ***М. Неймайра.*** Полн. пер. со 2-го, переработ. и дополн. проф. *Улигомъ* изданія, съ обширн. дополн. по геолог. Россіи и библіогр. указат. по русск. литературѣ. подъ общ. ред. заслуж. проф. *А. А. Иностранцева.* Съ 1129 рис., 4 карт. въ краск., 22 хромолитогр. и 12 рѣз. на дер. картин.		
Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.*		
Рекомендовано *Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при Собственной* ***Его Императорскаго Величества*** *Канцеляріи по учрежденіямъ* ***Императрицы Маріи,*** *для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства, какъ одно изъ капитальнѣйшихъ и строго научныхъ сочиненій по отдѣлу естествознанія.*		
30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 р. 80 к. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл.	15	—
Жизнь растеній, проф. ***А. Кернера фонъ-Марилаунъ.*** Пер. съ дополн. и библіографич. указат. со 2-го совершенно вновь переработ. и дополн. изданія прив.-доц. А. Генкеля и В. Траншеля, подъ ред. заслуж. проф. *И. П. Бородина.* Съ 2100 рис., 1 карт. въ краск., 24 рѣз. на дер. картин. и 40 хромолитогр.		
Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ библіотекъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается естествознаніе, и*		
Одобрено *для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.*		
30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 р. 80 к. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл.	15	—
Народовѣдѣніе, проф. ***Фридр. Ратцеля.*** Полн. пер. съ оч. обширными оригин. дополнен. со 2-го соверш. переработ. изданія проф. *Д. А. Коропчевскаго.* Съ 1103 рис., 6 карт. въ краск., 30 хромолитогр. и 26 черн. картин.		
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія *признано вполнѣ цѣлесообразнымъ* ***допустить*** *это сочиненіе въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.*		
36 выпусковъ по 35 коп. — Въ 2 роскошн. полушагрен. перепл.	15	—
Происхожденіе животнаго міра, проф. ***В. Гааке.*** Полн. пер. д-ра М. Е. Ліона, подъ ред. д-ра зоол. проф. *Ю. Н. Вагнера.* Съ 469 рис., 1 карт. въ краск., 9 рѣз. на дер. картин. и 11 хромолитогр.		
Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній Министерства, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, гдѣ преподается естествовѣдѣніе.*		
15 вып. по 50 коп. — За все изданіе 6 руб. — Въ роскошн. полукожан. перепл.	7	—
Человѣкъ, проф. ***І. Ранке.*** Полн. пер. со 2-го нѣм. изд. д-ра М. Е. Ліона и д-ра мед. Берлинск. университета А. Л. Синявскаго, подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* Съ 1398 рис., 6 карт. въ краск. и 35 хромолитогр.		
30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 руб. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл.	14	20
Жизнь животныхъ Брэма. Полн. пер. со 2-го нѣм. изд. подъ ред. проф. ***А. С. Догеля*** и ***П. Ф. Лесгафта.*** Съ 1179 рис., 30-ю хромолитогр., 50 черн. картин. и 1 карт. въ краск.		
Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для выдачи въ награду ученикамъ старшихъ классовъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.*		
60 выпусковъ по 35 коп. — Въ 3 роскошн. полушагрен. перепл. по	8	—

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

Новыя сочиненія по всемірной географіи.

	Р.	К.
Земля и жизнь. *Сравнительное землевѣдѣніе.* Проф. ***Ф. Ратцеля.*** Полный перев. подъ редакц. ординарн. проф. Императорск. Казанск. универс. ***П. И. Кротова.*** Съ 400 рис. въ текстѣ, 20 картами въ краскахъ и 40 таблицами (хромолит. и черн. картин.).		
30 выпусковъ по 50 коп. — Въ двухъ роскошн. полукожан. перепл.	17	—
Африка. Проф. ***В. Сиверса*** и ***Ф. Гана.*** Полн. перев. съ совершенно переработан. 2-го изданія *Д. А. Коропчевскаго.* 200 художеств. иллюстр. въ текстѣ, 11 картъ въ краск. и 21 хромолитогр., геліограв. и черн. картины.		
15 выпусковъ по 50 коп. — Въ роскошн. полукожан. перепл.	8	50

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитѣйшихъ иностранныхъ и русскихъ писателей.

	Р.	К.
Пушкинъ, А. С. *Полное собраніе сочиненій.* Съ 30 художествен. приложеніями. Ред. ***П. О. Морозова.***		
8 томовъ въ изящн. коленк. перепл.	9	—
Лермонтовъ, М. Ю. *Полное собраніе сочиненій.* Съ 15 художественн. приложеніями. Ред. ***А. И. Введенскаго.***		
4 тома по 75 коп., въ изящн. коленкор. перепл.	5	—
Помяловскій, Н. Г. *Полное собраніе сочиненій.* Съ портретомъ и біографіею автора, составленною ***Н. А. Благовѣщенскимъ.*** *Девятое изданіе.*		
Большой томъ 2 руб. 75 коп., въ изящн. коленкор. перепл.	3	75
Гейне, Генрихъ. *Полное собраніе сочиненій.* Съ худож. прилож. Ред. проф. ***П. И. Вейнберга.***		
8 томовъ по 1 руб. 75 коп., въ изящ. коленкор. пер.	20	—

Новыя популярно-научныя сочиненія.

	Р.	К.
Исторія искусства *всѣхъ временъ и народовъ.* Проф. ***К. Вёрмана.*** Пер. подъ ред. старш. хранит. Императорск. Эрмитажа *А. И. Сомова.* Съ 1500 худож. иллюстр. въ текстѣ, 80 геліогр. и рѣз. на дер. черн. картин. и 50 хромолитогр.		
60 выпусковъ по 40 коп. или 3 больш. тома въ роскошн. полукож. перепл. по	9	—
Красота формъ въ природѣ. Проф. ***Э. Геккеля.*** Полн. пер. подъ редакц. проф. Спб. университ. *А. С. Догеля.* 50 больш. табл. съ описательн. текст.		
10 выпусковъ по 1 руб. — Въ изящной коробкѣ	12	—
Исторія человѣчества *(Всемірная исторія).* Составлена извѣстнѣйшими профессорами-спеціалистами подъ общ. ред. ***Г. Гельмольта.*** Полн. пер. съ значит. дополн. для Россіи избранн. русскихъ ученыхъ. Съ 220 отдѣльн. приложен., изъ нихъ 50 хромолитогр., 40 картъ въ краск. и 130 черн. картинъ.		
80 выпусковъ по 50 коп. или 8 томовъ въ роскошн. перепл. по	6	—
Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Проф. ***К. Э. Бока.*** *Настольная книга и руководитель семьи.* Съ многими рисунками и 2 хромолитограф. приложеніями.		
2 тома по 2 руб., въ изящн. коленкор. перепл.	6	—

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Новый способъ лѣченія, ***Настольная книга для здоровыхъ и больныхъ.*** Сочин. *М. Платена.* Полн. перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Съ прибл. 600 рис. въ текстѣ, 33 хромолитогр., портрет. автора и 10 разборн. анатомическ. моделями въ краскахъ.		
3 тома въ роскошн. перепл. по 5 руб.	15	—

Серія сочиненій „Промышленность и техника".

	Р.	К.
Исторія и современная техника строительнаго искусства. Полн. пер. подъ ред. и съ значит. дополн. по русск. зодчеству съ 9-го нѣм. изд. проф. Института Гражданск. Инж. ***В. В. Эвальда.*** Съ 900 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. приложен. (хромолитогр. и черн. картин.).		
Допущено *Ученымъ Комитетомъ* ***Министерства Народнаго Просвѣщенія*** *въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукожан. перепл. . . .	6	—
Силы природы и ихъ примѣненія. Полн. пер. съ IX нѣм. изданія проф. Технологич. Института Николая I ***Н. А. Гезехуса.*** Съ 950 рис. и 3 прилож.		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукож. перепл.	6	—
Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. Полн. пер. подъ ред. и съ значительн. дополн. съ IX нѣм. изд. проф. Электротехн. Института Александра III ***В. В. Скобельцына.*** Съ 900 рис. и 12 прилож.		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукож. перепл.	6	—
Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Полн. пер. съ IX-го нѣм. изд. подъ ред. и съ дополн. проф. Спб. Лѣсного Института ***В. Я. Добровлянскаго.*** Съ 600 рис. и 9 прилож. (цвѣтн. и черн. картин.).		
10 выпусковъ . . . . по	—	50
Горное дѣло и металлургія. Полн. пер. съ IX нѣм. изд. съ измѣнен. и обширн. дополн., подъ ред. проф. Спб. Горн. Института ***И. В. Мушкетова*** и ***В. И. Баумана.*** Съ 600 рис. и 12 приложен. (цвѣтн. и черн. картин.).		
10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукожан. перепл. . . .	6	—
Технологія металловъ. Полн. пер. съ 9-го нѣм. изд. съ значит. дополн. и подъ ред. проф. Спб. Горн. Института Екатерины II ***А. Н. Митинскаго.*** Съ 1600 рис. и 6 прилож. (черн. картин.).		
10 выпусковъ . . . . по	--	50
Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ. Полн. пер. съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. проф. Института Гражданскихъ Инж. ***В. В. Эвальда.*** Съ 1000 рис. и 3 прилож. (хромолитогр. и черн. картин.).		
10 выпусковъ . . . . по	--	50

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

Популярно-научные альбомы картинъ по географіи и естествознанію.

	Р.	К.
Альбомъ картинъ по географіи Европы. Поясннт. текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. съ дополн. преподават. географіи *А. П. Нечаева,* съ предисклов. *Д. А. Коропчевскаго.* 75 стр. текста и 233 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ. ***Одобренъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.* ***Одобренъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учебныхъ заведеній.* ***Одобренъ*** *Учебнымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ, какъ полезное пособіе при изученіи географіи въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Министерства Финансовъ.* ***Одобренъ*** *Учебнымъ Комитетомъ при Собственной **Его Императорскаго Величества** Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшаго возраста Маріинскихъ училищъ Вѣдомства учрежденій **Императрицы Маріи.*** Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ. Описательный текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Полн. пер. преподават. учительск Института въ Спб. *А. П. Нечаева,* съ предислов. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 85 стр. текста и 314 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ. ***Одобренъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.* ***Одобренъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учебныхъ заведеній.* ***Одобренъ*** *Учебнымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ, какъ полезное пособіе при изученіи географіи въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Министерства Финансовъ.* ***Одобренъ*** *Учебнымъ Комитетомъ при Собственной **Его Императорскаго Величества** Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшаго возраста Маріинскихъ училищъ Вѣдомства учрежденій **Императрицы Маріи.*** Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. съ нѣм. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ предислов. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 84 стр. текста съ 258 отдѣльн. рѣз. на дер. черн. рис. ***Рекомендованъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя читальни.* ***Одобренъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній.* Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Альбомъ картинъ по зоологіи птицъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. съ нѣм. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ предислов. проф. ***Ю. Н. Вагнера.*** 76 стр. текста и 238 отдѣльн. рѣз. на дер. черн. рис. на 134 табл. ***Рекомендованъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя читальни.* Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи рыбъ. Описат. текстъ профес. д-ра ***В. Маршалля.*** Полн. пер. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 76 стр. текста и 208 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. ***Рекомендованъ*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.* ***Допущенъ*** *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.* Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи низшихъ животныхъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона.* Ок. 70 стр. текста и 292 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по географіи растеній. Съ описат. текст. д-ра ***М. Кронфельда.*** Полный пер. прив. доц. Спб. университета *А. Г. Генкеля.* Ок. 80 стр. текста и 216 отдѣльн. рѣз. на дер. и вытравл. на мѣди худож. рис. по фотогр. на 116 стр. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ" Брэма. *Отдѣлъ зоологіи.* Картины расположены на 55 таблицахъ въ систематическомъ порядкѣ. Большой альбомъ in folio въ папкѣ	1	75

На складѣ Товарищества находятся:

Новое Искусство (Ars Nova). ***Выдающіяся художественныя произведенія 1901 г.*** Вступит. статья *Н. И. Кравченко.* 45 геліогравюръ in folio на слоновой бумагѣ. *Цѣна* 1 экз. въ роскош. перепл. *60 руб.*

Жизнь бабочекъ, проф. ***Штандфусса.*** Пер. и дополн. подъ ред. *Н. Я. Шевырева.* Съ 200 рисунковъ. *Цѣна 2 р. 50 к.*
Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ тѣхъ средне-учебныхъ заведеній, гдѣ преподается естествовѣдѣніе, а равно и учительскихъ институтовъ и семинарій.*

Хрестоматія для устн. и письм. сочинен. съ приложен. 15 картинъ. Составили преподаватели ***В. П. Куницкій*** и ***А. Л. Погодинъ.*** *Цѣна 60 коп.*

Русская лира, ***Сборникъ произведеній русской художеств. лирики.*** *Цѣна 1 р. 50 к.*
Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Стихотворенія и проза. ***Ивана Рукавишникова.*** ***Книга первая.*** *Второе изданіе.* Иллюстрировано. *Цѣна 2 руб.*

Стихотворенія. ***Ивана Рукавишникова.*** ***Книга вторая.*** Иллюстрировано. *Цѣна 1 руб. 80 коп.*

Всѣ рисунки, карты и хромолитографіи нашихъ изданій исполнены лучшими художниками и изготовлены по нашему заказу, въ Лейпцигѣ, Библіографическимъ Институтомъ и фирмой Отто Шпамеръ.

Допускается самая широкая разсрочка платежа; условія разсрочки высылаются по требованію безплатно.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 августа 1902 г.

Типогр. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., 7 рота, соб. д. № 20.